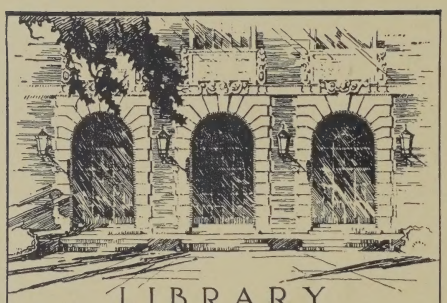
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКІЙ СБОРНИКЪ

13-й ВЫПУСКЪ

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

С.-Петербургъ
1889



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

281.9
P892
v.13

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКІЙ СБОРНИКЪ

Томъ V

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ

ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА

С.-Петербургъ

Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.

1889

Отъ Спб. Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Февраль 1889 г.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

281.9
Р892
К13

ВЕТХОЗАВѢТНЫЙ ХРАМЪ

ВЪ

ІЕРУСАЛИМѢ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Профессора Кіевской духовной Академіи

А. А. Олесницкаго

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ III

ВЫСОКОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ ДУХОВНОЙ НАУКИ

вѣрноподданнически посвящаетъ

авторъ.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Когда, въ 1886 году, я занимался археологическими разысканіями въ Іерусалимѣ на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма, рядомъ съ мѣстомъ моихъ разысканій, прямо противъ фронта Соломонова храма, созидался новый храмъ Августѣйшаго Дома Вашего Императорскаго Величества, и я имѣлъ утѣшеніе, взирая на него, переноситься мыслію отъ развалинъ ветхозавѣтнаго міра къ судьбамъ Новаго Завѣта и новозавѣтнаго Избранника Божія—православнаго Русскаго народа и къ нынѣшнему положенію Церкви Божіей на землѣ. Меня, въ моихъ тогдашнихъ занятіяхъ, вдохновляло сознаніе, что въ богохранимое царствованіе Вашего Величества, когда вопросы Вѣры и Церкви стали живыми вопросами всего Русскаго народа, когда область священнаго прошедшаго все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, и мой трудъ по археологіи древнѣйшаго храма истинному Богу, пока еще первый трудъ по данному предмету въ Русской литературѣ, не будетъ безполезнымъ и излишнимъ.

Это же сознаніе и теперь, при выходѣ въ свѣтъ моего труда о ветхозавѣтномъ храмѣ, побуждаетъ меня къ дерзновенію испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества *разрѣшеніе посвятить его Вашему священному Имени.*

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Акимъ Олесницкій.

Профессоръ Кіевской духовной Академіи.

ВЕТХОЗАВѢТНЫЙ ХРАМЪ

ВЪ

ІЕРУСАЛИМѢ

Неоднократно отъ законоучителей русскихъ гимназій и преподавателей библейской исторіи въ семинаріяхъ намъ приходилось слышать разные вопросы и недоумѣнія касательно ветхозавѣтнаго храма. Одни изъ нихъ просили прямо указать такой атласъ ветхозавѣтнаго храма, которымъ можно было бы пользоваться при преподаваніи священной исторіи. Другіе, имѣвшіе у себя подъ руками нѣсколько иностранныхъ сочиненій о храмѣ съ несходными его изображеніями, просили разъясненія такихъ несогласій и совѣта въ выборѣ между ними. Третьи, сокрушаясь о томъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ спеціальнаго сочиненія о ветхозавѣтномъ храмѣ, выражали желаніе взяться за переводъ на русскій языкъ какого-либо „вполнѣ пригоднаго сочиненія“ и просили рекомендовать таковое. Всѣ вообще упрекали русскихъ спеціалистовъ въ наукѣ библейскихъ древностей за то, что они не озаботились доселѣ издать изслѣдованіе о ветхозавѣтномъ храмѣ съ надлежащимъ атласомъ, между тѣмъ какъ, по ихъ мнѣнію, существованіе такого атласа могло бы удвоить интересъ къ изученію священной исторіи въ глазахъ ихъ слушателей.

Не легко отвѣчать на подобные вопросы. Безспорно, вопросъ о ветхозавѣтномъ храмѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Каждый разъ, какъ мы переносимся мыслію въ область священнаго прошедшаго, такая или иная

картина этого храма неизбѣжно выростаетъ въ нашемъ представленіи. Чѣмъ вѣрнѣе эта картина, тѣмъ мы ближе къ священной исторіи, а чѣмъ произвольнѣе, тѣмъ мы дальше отъ нея. Правда и то, что у насъ, на русскомъ языкѣ, нѣтъ спеціальнаго сочиненія о ветхозавѣтномъ храмѣ не только оригинальнаго, но и переводнаго, между тѣмъ какъ въ западныхъ литературахъ такихъ сочиненій очень много. Но здѣсь нужно поставить еще такой вопросъ: имѣютъ ли на западѣ, гдѣ существуетъ много спеціальныхъ сочиненій о ветхозавѣтномъ храмѣ, правильное представленіе о немъ? На сколько мы знаемъ, и тамъ преподаватели библейской исторіи испытываютъ тѣ же затрудненія, о которыхъ говорятъ и наши законоучители, и при изложеніи науки избѣгаютъ обращаться къ атласамъ храма, потому что и тамъ, среди многихъ сочиненій, нѣтъ такого сочиненія, которому можно было бы вполнѣ довѣриться, а давать въ руки учащимся атласъ съ гипотетическими рисунками тамъ не считаютъ удобнымъ. Дѣло въ томъ, что всѣ такъ называемыя реставраціи ветхозавѣтнаго храма суть не археологическіе снимки, а свободныя картины художниковъ, основывающіяся главнымъ образомъ на ихъ свободномъ воображеніи. Въ сущности всѣ эти реставраціи, появляющіяся въ руководствахъ по священной исторіи и археологіи, имѣютъ такое же научное значеніе, какъ изображеніе ветхозавѣтнаго храма на одной картинѣ Рафаэля, находящейся въ Миланѣ, гдѣ онъ представленъ небольшою капеллою въ стилѣ возрожденія. Вмѣсто стиля возрожденія, новѣйшіе художники-реставраторы прибѣгаютъ къ финикійскому, египетскому, ассирійскому, греко-римскому и даже индійскому стилямъ. Но для всѣхъ этихъ стилей не больше основаній, какъ и для стиля Рафаэля. Ветхозавѣтный храмъ имѣлъ свой не-

зависимый стиль, который исчезъ вмѣстѣ съ нимъ. Правда, сохранились описанія его; но, сдѣланныя исключительно съ назидательною цѣлію, они имѣютъ видъ такихъ общихъ штриховъ и схемъ, въ которомъ нельзя разглядѣть полной и живой картины храма. Тѣнь, окружающая весь ветхій завѣтъ, едва ли не болѣе всего сгустилась надъ его разрушеннымъ храмомъ...

Предлагаемымъ сочиненіемъ мы имѣемъ въ виду подробно отвѣтить на тѣ разнообразные вопросы о храмѣ ветхаго завѣта, какіе намъ разновременно приходилось слышать, и хотя отчасти восполнить недостатокъ въ русской литературѣ спеціальныхъ сочиненій по данному предмету. Изъ него читатель узнаетъ, какіе взгляды существовали и существуютъ по археологіи ветхозавѣтнаго святилища, какое они имѣютъ относительное значеніе и что можно утверждать о немъ съ полною увѣренностію. Въ виду того, что въ сочиненіи о храмѣ читатели ожидаютъ найти рисунки храма, мы прилагаемъ къ своему изслѣдованію пользующіяся наибольшею извѣстностію реставраціи и модели храма съ критическими разъясненіями ихъ значенія. Если, при недостаткѣ данныхъ по археологіи храма, трудно сказать чѣмъ онъ былъ, то легко сказать чѣмъ онъ не былъ.

Въ вопросѣ о ветхозавѣтномъ храмѣ важное значеніе имѣетъ точное знакомство съ мѣстностію, которую онъ занималъ, и съ сохранившеюся донынѣ частію его развалинъ. Въ предлагаемомъ сочиненіи читатель найдетъ свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ на площади храма съ совершенно новыми объясненіями ихъ значенія. Хотя почти всѣ главные остатки храма открыты прежде насъ англійскимъ археологическимъ обществомъ Palestine Exploration Fund, но вопросъ о значеніи ихъ далеко

еще не рѣшенъ и представляетъ широкое поле для новыхъ независимыхъ изслѣдованій.

Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать здѣсь свою глубокую благодарность Православному Палестинскому Обществу за его содѣйствіе нашему второму посѣщенію Іерусалима, лѣтомъ 1886 года, для разъясненія на мѣстѣ многихъ вопросовъ по топографіи древняго храма и за принятый имъ на себя трудъ изданія предлагаемаго сочиненія. Передавая свое сочиненіе въ его распоряженіе, мы тѣмъ самымъ хотѣли выразить, что дальнѣйшаго движенія въ вопросѣ о храмѣ іерусалимскомъ, какъ и во всей вообще палестинской археологіи, мы ожидаемъ, болѣе всего, отъ его просвѣщенной дѣятельности.

Не можемъ окончить этихъ предварительныхъ словъ, не засвидѣтельствовавъ также глубокой благодарности Ст. Ив. Пономареву, который принялъ на себя и исполнилъ кропотливый трудъ составленія указателя къ настоящей книгѣ, чѣмъ значительно облегчилась возможность пользоваться ею и В. Н. Хитрово, который не оставлялъ насъ обязательнымъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ и дорогихъ изслѣдованій по данному предмету, изъ своей палестинской библіотеки.

Акимъ Олесницкій.

Кіевъ,
9 сентября 1888 года.

ВВЕДЕНІЕ.

היכל היכל !
למה אתה מבהלינו ?
(Т. іерус. Іом. VI, 43).

Такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ былъ только одинъ храмъ истинному Богу, въ извѣстномъ смыслѣ служившій единственнымъ храмомъ всего человѣчества, то отсюда понятенъ тотъ интересъ, который всегда возбуждало его изученіе. Не только богословы въ своихъ комментаріяхъ на книги Св. Писанія и церковныхъ археологіяхъ, но и свѣтскіе писатели въ исторіяхъ искусства и архитектуры съ большимъ вниманіемъ останавливались и останавливаются на его изученіи. Такимъ образомъ литература о храмѣ іерусалимскомъ возрасла до огромныхъ размѣровъ, и уже сама по себѣ заслуживаетъ вниманія.

Въ общемъ характерѣ и направленіи литературы, относящейся къ ветхозавѣтному храму, можно различать три періода, значительно различающіеся одинъ отъ другого. Первый періодъ, продолжающійся отъ возникновенія науки о библейскихъ древностяхъ до половины прошлаго столѣтія, есть періодъ смѣшанныхъ и общихъ представленій о храмѣ. Здѣсь имѣлось въ виду дать одно идеальное представленіе ветхозавѣтнаго храма на основаніи всѣхъ источниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, причемъ не предполагалось возможнымъ, что второй іерусалимскій храмъ чѣмъ-либо отличался отъ перваго, что изображеніе храма у Іосифа Флавія или въ мишнѣ можетъ не имѣть отношенія къ храму Соломона или что пророкъ Іезекіиль могъ изображать не дѣйствительно существо-

вавшій, а таинственно-пророческій образъ храма. Въ сочиненіяхъ второго періода обнаруживаются стремленія къ раздѣльному представленію какъ перваго, такъ и второго іерусалимскаго храма. Главнымъ образомъ здѣсь стараются разобраться въ описаніяхъ Іосифа Флавія и талмуда и разгадать, какія изъ указанныхъ тамъ чертъ имѣли отношеніе къ первому храму. Если въ предшествовавшемъ періодѣ составленныя описанія ветхозавѣтнаго храма имѣли больше отношенія къ храму Иродову, чѣмъ Соломонову, то теперь вниманіе изслѣдователей сосредоточивается на храмѣ Соломона. „Храмъ Соломона, говоритъ Бэръ, есть высшее проявленіе той идеи, какую должно было выражать ветхозавѣтное святилище. Скинія еще не могла быть ея полнымъ выраженіемъ, какъ святилище подвижное. Съ другой стороны, храмъ Ирода, какъ онъ ни былъ богатъ и великолѣпенъ, и какъ онъ ни важенъ въ отношеніи къ евангельской исторіи, по своимъ произвольнымъ прибавленіямъ и измѣненіямъ, былъ только неточною копіею храма Соломонова“. Тогда какъ въ первомъ періодѣ, для разъясненія подробностей не только Иродова, но и Соломонова храма, обращались за аналогіями къ греко-римской архитектурѣ и давали преувеличенное представленіе внѣшняго величія храма, второй періодъ начинается преуменьшенными представленіями Соломонова храма и замѣною греко-римскихъ аналогій египетскими и финикійскими. Впрочемъ, въ лучшихъ сочиненіяхъ этого періода храмъ Соломона изображается независимо отъ всякихъ аналогій, на основаніи однихъ библейскихъ свидѣтельствъ. Наконецъ сочиненія третьяго періода, открывшагося въ новѣйшее время, характеризуются еще болѣе сильнымъ стремленіемъ къ раздробленію общаго вопроса о ветхозавѣтномъ храмѣ на его составныя

части. Здѣсь пишутъ не о храмѣ Соломона или храмѣ Ирода, а о храмѣ по книгамъ Царствъ, о храмѣ по Іезекіилю, о храмѣ по Іосифу, о храмѣ по талмуду, о храмѣ на основаніи новѣйшихъ открытій и т. д.

Раввинская литература по вопросу о ветхозавѣтномъ храмѣ начинается мишною, трактатъ которой Middoth весь посвященъ описанію храма, впрочемъ, болѣе только внѣшнему или пространственному, какъ это видно уже изъ названія трактата Middoth (измѣренія). Разныя преданія о храмѣ можно встрѣчать и въ другихъ отдѣлахъ талмуда (своей гемары трактатъ мишны Middoth не имѣетъ). Такъ какъ талмудическія преданія о храмѣ не всегда согласны съ библейскимъ текстомъ и нерѣдко сами себѣ противорѣчатъ, то уже извѣстный еврейскій археологъ XII вѣка, Мойсей Маймонидъ, составилъ выборъ болѣе достовѣрныхъ преданій о храмѣ, заключающійся въ шестой части его большого сочиненія Jad chazaka. Другіе комментаріи трактата Middoth можно читать въ изданіи мишны Суренгузія (V, 311 — 382). Изъ отдѣльныхъ еврейскихъ сочиненій о храмѣ заслуживаютъ упоминанія сочиненія двухъ Леоновъ. Первый Леонъ, іудейскій врачъ въ Мантуа, Абраамъ Арье, Porta-Leone, даетъ описаніе іерусалимскаго храма въ своемъ сочиненіи Schilte ha-gibborim, помѣщенномъ въ Thesaurus Уголино (IX). Описаніе обнаруживаетъ въ авторѣ значительную начитанность въ своихъ источникахъ, а съ другой стороны—большую неумѣренность въ изображеніи отдѣльныхъ подробностей; напримѣръ, гдѣ въ текстѣ говорится о простыхъ валахъ, у него является артиллерія (Уголино, IX, 394). Другой Леонъ, Іуда Іаковъ, раввинъ изъ Амстердама, составилъ еще болѣе извѣстное описаніе храма (1642), произведшее большое впечатлѣніе, сколько можно судить по многимъ

изданіямъ его на языкахъ еврейскомъ, испанскомъ и латинскомъ (Jacobi Jehudae Leonis de templo Hierosolymitano, tam priori, quam posteriori, libri IV et caet., ex Ebraeo Latine recensiti a Iohanne Sauberto 1665 [1]. Собранныя въ этихъ сочиненіяхъ еврейскія преданія о храмѣ могли бы имѣть отношеніе только къ храму Ирода, тѣмъ не менѣе всѣ они переносятся и на храмъ Соломона. Независимо отъ того, въ указанныхъ сочиненіяхъ много легендарнаго и неяснаго. Они имѣютъ значеніе только какъ матеріалъ, изъ котораго развилась гораздо болѣе обширная и важная христіанская литература о ветхозавѣтномъ храмѣ.

Христіанская литература о храмѣ іерусалимскомъ начинается съ XVI вѣка. Раньше этого времени, въ періодъ отеческій, встрѣчаются только историческія и символическія описанія храма, но не археологическія. Первыя сочиненія этого рода держатся почти исключительно на іудейскомъ преданіи. Таково явившееся въ 1572 году сочиненіе бенедиктинца Арія Монтана de sacris fabricis, въ которомъ, на основаніи мишны и раввинскихъ комментаріевъ, съ достаточною подробностію объясняется устройство скиніи и обоихъ храмовъ. Это сочиненіе, первое изъ всѣхъ, имѣетъ виды храма. Скоро за тѣмъ испанскій іезуитъ Францискъ Рибера къ своему комментарію на апокалипсисъ (1593) присоединилъ такого же характера сочиненіе: quinque libri de Templo. Первое, заслуживающее серьезнаго вниманія, христіанское сочиненіе о храмѣ издано въ Римѣ на субсидію испанскаго короля Филиппа II, между 1596 и 1608 годами, подъ заглавіемъ: Pradi et Villalpandi in Esechielem Explanationes et apparatus Urbis et Templi Hiero-

[1] Это сочиненіе лежитъ въ основаніи описаній храма Унруга въ его изслѣдованіи; Das alte Jerusalem und seine Bauwerke, 1861,

solymitani Commentarius, въ трехъ томахъ in folio. Собственно храмъ описывается во второмъ томѣ Вилляльпандомъ. Выходя изъ того положенія, что пророкъ Іезекіиль въ своемъ видѣніи описываетъ точный видъ Соломонова храма и что, съ другой стороны, храмъ Соломоновъ былъ тѣмъ образцомъ, по которому учились архитектурному искусству греки и римляне, Вилляльпандъ считаетъ необходимымъ для представленія о храмѣ Соломона подвергнуть точнѣйшему толкованію книгу пророка Іезекіиля и сочиненіе Витрувія de architectura. По его мнѣнію, строители Соломонова храма выполнили всѣ требованія отъ памятниковъ архитектуры, предписанныя Витрувіемъ, и потому храмъ Соломона былъ дорическій, но не первоначальнаго дорическаго стиля, а римскаго дорическаго съ коринѳскими пилястрами. Какое значеніе имѣло въ свое время сочиненіе Вилляльпанда о храмѣ, можно видѣть изъ тѣхъ восторженныхъ отзывовъ, какіе даютъ о немъ не только католики-богословы, но и протестанты. „Многіе просвѣщенные люди писали о храмѣ, говоритъ протестантъ Штурмъ, но пальма первенства все-таки принадлежитъ Вилляльпанду. За нимъ всегда останется честь открытія пути въ этомъ вопросѣ“ (Sciagraphia Templi Hierosolymitani). Еще съ большимъ энтузіазмомъ выражается Капеллъ въ нарочитомъ сочиненіи: Explanatio paraphrastica Villalpandi. „Нельзя достаточно восхвалить всю разнообразную эрудицію Вилляльпанда, его спеціальныя познанія, его логику.... Его храмъ—безупречное совершенство“. „Сочиненіе Вилляльпанда о храмѣ, говоритъ Кальметъ (Dictionnaire. Temple), есть самое законченное произведеніе, какое только мы имѣемъ“. Наконецъ Пайллу (Monographie du Temple de Salomon) дополняетъ это общее восхваленіе, называя Вилляльпанда „исполнен-

нымъ пророческаго духа, нарочито призваннымъ свыше для открытія тайны Соломонова храма".

Но уже эти самые почитатели Вилляльпанда, по ближайшемъ разсмотрѣніи его плана, находили, что, будучи совершеннымъ самъ въ себѣ, онъ тѣмъ не менѣе во многомъ уклоняется отъ библейскаго описанія и даже отъ описанія Іезекіиля. По словамъ Капелла, „Вилляльпандъ дѣлаетъ насиліе тексту пророка Іезекіиля, раздѣляетъ то, что должно быть соединено, и соединяетъ то, что должно быть представляемо раздѣльно, перемѣщаетъ нижнее вверхъ и верхнее внизъ, правое налѣво и лѣвое направо, и тѣмъ не менѣе у него выходитъ удивительно красивое зданіе храма". „Много есть изслѣдователей, которые въ описаніи Вилляльпанда видятъ преувеличенное представленіе о храмѣ Соломона, говоритъ Кальметъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ, исполненный великихъ архитектурныхъ идей грековъ и римлянъ и предрасположенный въ пользу Соломонова храма, ничего не находитъ лишнимъ, что только можетъ клониться къ украшенію храма; онъ вноситъ много такихъ украшеній, которыя не указаны въ текстѣ, но которыя, по законамъ архитектуры, должны были имѣть мѣсто и которыя потому предполагаются извѣстными Соломону". Даже Пайллу, послѣдній почитатель Вилляльпанда, старается только извинить его въ томъ, что онъ изобразилъ древній памятникъ на основаніи руководства Витрувія.... Въ сущности трудъ Вилляльпанда важенъ болѣе для исторіи экзегетики, чѣмъ для археологіи храма. Трудный текстъ пророка Іезекіиля у него освѣщается при помощи широкаго синтаксиса и толкованій филологическихъ и при помощи сопоставленія древнихъ переводовъ, причемъ обыкновенно оказывается предпочтеніе Вульгатѣ.

Тѣмъ не менѣе обширный фоліантъ Вилляльпанда о ветхозавѣтномъ храмѣ, стоившій автору 25 лѣтъ труда, снабженный многими и хорошо исполненными рисунками, сдѣлался исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ сочиненій о храмѣ авторовъ-Вилляльпандистовъ, изъ которыхъ одни представляли сокращеніе обширнаго и дорогого сочиненія Вилляльпанда, каково, напримѣръ сочиненіе о храмѣ Людовика Капелла, включенное въ apparatus biblicus Вальтона при лондонской полиглоттѣ, а другія давали попытки новыхъ разработокъ вопроса въ томъ же, указанномъ Вилляльпандомъ, направленіи. особенно нужно отмѣтить здѣсь сочиненія Лями, Лундія, и Лигтфоота. Изданное въ Парижѣ сочиненіе пресвитера Бернарда Лями De tabernaculo foederis, de sancta civitate Jerusalem et de Templo ejus. Libri septem. 1720, по словамъ автора, стоившее ему 30 лѣтъ труда, соперничаетъ съ сочиненіемъ Вилляльпанда по объему и, повидимому, старается исправить его ошибки. Если Вилляльпандъ, изображая свой храмъ, не могъ отрѣшиться отъ окружавшихъ его памятниковъ Рима, то на храмѣ Лями отразился стиль парижскихъ памятниковъ, не то собора Ѳомы Аквинскаго, не то Версаля. Но вообще его изображенія храма имѣютъ тотъ же характеръ, что и изображенія Вилляльпанда. Свидѣтельства пророка Іезекіиля, Іосифа Флавія и талмуда о храмѣ остаются у Лями непримиренными. Второе, заслуживающее упоминанія здѣсь, описаніе ветхозавѣтнаго храма представлено во второмъ томѣ древностей Іоанна Лундія: Die alten judischen Heiligthümer (1722). Лундій съ большимъ стараніемъ воспользовался трудами своихъ предшественниковъ по вопросу о храмѣ. Но и въ немъ обнаруживается понятное для своего времени некритическое отношеніе къ источникамъ и широкое пользованіе

Іосифомъ Флавіемъ и раввинами, вслѣдствіе чего и здѣсь встрѣчается противорѣчіе библейскимъ свидѣтельствамъ. Чертежъ храма Лундія представленъ совершенно въ духѣ Вилляльпанда и, по выраженію Кейля, болѣе приличенъ какому-либо позднѣйшему палаццо, чѣмъ одному изъ древнѣйшихъ храмовъ въ мірѣ. Третье, заслуживающее упоминанія, описаніе храма сдѣлано Лигтфоотомъ (Descriptio templi Hierosolymitani, 1686); оно помѣщено въ первомъ томѣ его Opera omnia изданія Лейсдена. Лигтфоотъ собственно занимается только храмомъ Ирода и разбираетъ относящіяся сюда свидѣтельства талмуда и Маймонида. Реставрацій храма къ сочиненію не приложено, за исключеніемъ одного плана площади храма. — Вообще всѣ изслѣдователи этого періода заботятся только о томъ, чтобы представить ветхозавѣтный храмъ превосходящимъ всѣ храмы другихъ народовъ по своему внѣшнему виду и даже по своимъ размѣрамъ, забывая, что величіе этого храма было не во внѣшнемъ его видѣ.

Начиная со второй половины прошлаго столѣтія, смѣшанныя описанія храма Соломона и Ирода, на основаніи Іосифа Флавія и раввиновъ, и въ греко-римскомъ стилѣ, прекращаются и, вмѣсто нихъ, являются болѣе точныя описанія, составляемыя главнымъ образомъ на основаніи историческихъ книгъ ветхаго завѣта. Но, какъ вообще крайности часто соприкасаются, такъ и въ данномъ случаѣ взглядъ на храмъ вдругъ измѣнился въ противоположный: доселѣ первое въ мірѣ архитектурное произведеніе теперь вдругъ было объявлено едва ли не самымъ послѣднимъ между храмами древнихъ народовъ по своей внѣшней отдѣлкѣ. „Я не знаю другого храма, столь незначительнаго по своимъ размѣрамъ, какъ храмъ Соломоновъ“, писалъ Вольтеръ. „Когда я еще

учился, говоритъ I. Д. Михаэлисъ, храмъ Соломона имѣли обыкновеніе представлять превосходящимъ все по своей красотѣ и великолѣпію, но теперь объ этомъ нужно говорить иначе". Вслѣдъ затѣмъ Михаэлисъ доказываетъ, что данная 1 Цар. 6, 2 мѣра Соломонова храма не достигаетъ мѣры даже того частнаго дома, въ которомъ онъ самъ живетъ. „Храмъ Соломона, прибавляетъ Янъ, если сравнить съ позднѣйшими архитектурными памятниками, былъ постройкою ohne Geschmack". Если предшествовавшіе изслѣдователи, въ видахъ возвышенія Соломонова храма, переносили на него особенности греко-римской архитектуры, какъ наиболѣе совершенной, то писатели, выступившіе со второй половины прошедшаго вѣка, ясно понимаютъ невозможность этой аналогіи и замѣняютъ ее другою. Равнымъ образомъ теперь только начинаютъ строго различать между храмомъ Ирода и храмомъ Соломона.

Но въ собственномъ смыслѣ научныя сочиненія второго періода археологіи храма являются только съ началомъ нынѣшняго вѣка. Первый спеціальный трудъ этого рода представляетъ монографія Гирта Der Tempel Salomon's, читанная авторомъ въ Берлинской академіи наукъ въ 1804 году. Какъ архитекторъ и профессоръ архитектуры, Гиртъ могъ бы дать ясное представленіе о храмѣ Соломона, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и знатокомъ Св. Писанія, но таковымъ Гиртъ не былъ. Обращаясь вмѣсто основнаго текста къ переводамъ библіи, и притомъ не только древнимъ и авторитетнымъ, но и второстепеннымъ, безусловно довѣряя всему, что говоритъ о храмѣ Іосифъ Флавій, Гиртъ возбуждаетъ недовѣріе къ своему храму. Приложенныя къ сочиненію изображенія храма, хотя и существенно отличны отъ предшествующихъ, но все еще не свободны отъ вліянія

греческихъ архитектурныхъ образцовъ. Это неожиданное обстоятельство (Гиртъ ясно заявилъ, что, по его мнѣнію, не въ греческомъ, а въ египетскомъ искусствѣ нужно искать образцовъ храма Соломонова, стр. 43—44) можно объяснить только вліяніемъ на описаніе Гирта сочиненій Іосифа, который самъ даетъ Соломонову храму греческій стиль. Главною же заслугою Гирта нужно считать то, что имъ было вызвано появленіе дальнѣйшихъ сочиненій о храмѣ, именно Мейера (Der Tempel Salomon's, 1830), весьма серьезно разоблачающаго невѣрности въ сочиненіи Гирта (хотя по мѣстамъ эти невѣрности замѣняются его собственными ошибками), и Штиглица (Geschichte der Baukunst, 1837, § 71—82), дающаго важное мѣсто Соломонову храму въ общей исторіи искусства. Замѣчательно при этомъ, что не только Штиглицъ, но и Мейеръ и Гиртъ, высказывая совершенно противоположные взгляды на храмъ, одинаково основываются на образцахъ египетскихъ храмовъ, подобно тому, какъ предшествовавшіе изслѣдователи любили опираться на аналогіяхъ изъ греческой и римской архитектуры при самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на храмъ. То же направленіе встрѣчаемъ у Коппа (der Tempel Salomon's, 1839), Шнаазе (Geschichte der bildenden Künste, I, 242—286), Тенія (das vorexilische Jerusalem und dessen Tempel, 1849), Соси (Histoire de l'art judaique, 1858) и графа Вогюэ (Le Temple de Jérusalem, 1864). Послѣднее сочиненіе долго считалось послѣднимъ словомъ науки[1]. Дѣйствительно оно

[1] На основаніи сочиненія Вогюэ составлено много популярныхъ брошюръ и статей о храмѣ, напримѣръ: Religios. Alterthümer der Bibel von Haneberg; Le Temple de Jérusalem par Laurent de saint-Aignan въ Annales de philosophie chrétienne, 1875, Juin et Decembre; Le Temple de Jérusalem par Herrman (rabbin), 1882; Der Tempel zu Jerusalem zu Christi Zeit aus Vogelschau mit Erläuterg, 1877; Изображенія изъ Святыхъ Евангелій князя Г. Г. Гагарина, табл. 15 и друг.

обращаетъ на себя вниманіе высокимъ талантомъ автора, его свѣдѣніями въ исторіи искусства и его самостоятельными разслѣдованіями мѣста, принадлежавшаго ветхозавѣтному храму. Приложенные имъ къ сочиненію снимки древнихъ остатковъ на площади древняго храма до настоящаго времени незамѣнимы. Тѣмъ не менѣе графъ Вогюэ примыкаетъ къ отжившей уже школѣ по своему стремленію видѣть въ храмѣ Соломона египетскій храмъ. Съ его взглядами намъ придется часто встрѣчаться. Въ сторонѣ отъ указаннаго ряда сочиненій стоятъ монографіи о храмѣ Соломоновомъ Кейля (Der Tempel Salomo's, 1839,) и Бэра (Der Salomonische Tempel, 1848), разъясняющія спорные вопросы о храмѣ экзегетическимъ путемъ, но отказывающіяся дать понятіе о стилѣ храма и не имѣющія никакихъ плановъ и видовъ храма. Сочиненіе Бэра занимается, впрочемъ, не столько археологіею храма, сколько его символическимъ значеніемъ, и есть продолженіе замѣчательнаго его изслѣдованія о символикѣ скиніи Мойсея (Symbolik des Mosaischen Cultus, Band I, 1837, 2-е изд. 1874).

Но всѣ указанныя попытки изобразить ветхозавѣтный храмъ были преждевременны. Брались строить храмъ безъ матеріала, безъ предварительной разработки и оцѣнки тѣхъ источниковъ, которые могутъ дать понятіе о храмѣ. Восполнить эту предварительную работу, опущенную изъ виду предшествовавшими двумя періодами исторіи науки, взяли на себя изслѣдователи самаго послѣдняго времени. Вслѣдствіе сего вопросъ о ветхозавѣтномъ храмѣ въ послѣдніе годы разбился на многіе отдѣльные вопросы. Прежде всего появился цѣлый рядъ спеціальныхъ сочиненій о храмѣ пророка Іезекіиля, независимо отъ того, стоялъ ли онъ въ какомъ либо отношеніи къ храму Соломона или нѣтъ. Такъ, Перро и Шипіе въ

своемъ классическомъ сочиненіи Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, 1887, представляютъ описанія и изящно сдѣланныя реставраціи храма Іезекіиля [1], рѣшительно ничѣмъ непохожія на изображенія храма Вилляльпанда и его послѣдователей, хотя эти послѣднія также основывались, между прочимъ, на описаніи пророка Іезекіиля. Впрочемъ, и самое изслѣдованіе Вилляльпанда о храмѣ Іезекіиля вновь заявило свои права на существованіе среди новѣйшей литературы о храмѣ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду огромную монографію о храмѣ Пайллу (Monographie du Temple de Salomon par R. P. Pailloux S. J. Paris, 1885), представляющую собою не что иное, какъ воспроизведеніе идей и рисунковъ Вилляльпанда, быть ученикомъ и послѣдователемъ котораго авторъ считаетъ себѣ за честь. Чтобы избѣжать тѣхъ упрековъ, которые взводятся на Вилляльпанда за перенесеніе имъ на храмъ Іезекіиля римскаго дорическаго стиля, Пайллу въ своемъ изданіи рисунковъ Вилляльпанда отбрасываетъ всю скульптурную работу, обдѣлку карнизовъ и фризовъ, и колоннамъ храма, числомъ 1,453, даетъ вовсе неотдѣланныя слѣпыя капители, представляя тотъ же храмъ Вилляльпанда, но сдѣланнымъ пока только вчернѣ. Вообще сочиненіе Пайллу имѣетъ значеніе уже потому, что оно можетъ замѣнить ставшее библіографическою рѣдкостью сочиненіе Вилляльпанда. Изъ другихъ спеціальныхъ сочиненій о храмѣ Іезекіиля нужно указать сочиненіе Кина (Theologische Studien und Kritiken, 1882, Heft IV) [2], Шменда (der Prophet Jezechiel, 1880) и особенно Томаса Фридериха (Tempel und Palast Sa-

[1] По мнѣнію Перро (стр. 241), „планъ храма пророка Іезекіиля, не будучи планомъ историческаго іерусалимскаго храма, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ есть единственный чисто еврейскій планъ храма". — [2] Новаго сочиненія о храмѣ Іезекіиля: The Temple of Ezekiel's Prophecy by H. Sulley, 1888, мы еще не имѣли въ рукахъ.

lomo's, 1887). Далѣе подвергаются такому же независимому разсмотрѣнію описанія іерусалимскаго храма у Іосифа Флавія и исключительно на ихъ основаніи возстановляется планъ и видъ храма. Сюда принадлежатъ сочиненія Шписса (Der Tempel zu Jerusalem nach Josephus, 1881; Das Jerusalem des Josephus, 1881), Заттлера (Geschichte der Stadt Jerusalem und ihrer Gebäude nach Josephus, 1884) и друг. Являются попытки возстановить образъ храма на основаніи одного талмудическаго преданія. Здѣсь нужно упомянуть, прежде всего, планъ храма мишны въ сочиненіи Барклея The Talmud, 1878, и планъ площади храма, составленный Блохомъ (Entwurf eines Grundrisses vom Herodianischen Tempel nach talmudischen Quellen, 1885). Далѣе сюда принадлежатъ: статьи Шика Middoth or the Measurements of the Temple (Quarterly Statement, 1886, Octobre); The Herodian Temple, according to the treatise Middoth and Josephus (Quarterly Statement, 1886, Avril); сочиненіе Гильдесгеймера Die Beschreibung des Herodianichen Tempel, 1883; сочиненіе Кольбе Archäologische Beschreibung Jerusalems, 1883, съ рисунками храма и его принадлежностей на основаніи талмуда, и друг. Явилось даже особенное сочиненіе, посвященное арабскимъ и еврейскимъ новѣйшимъ легендамъ, касающимся іерусалимскаго храма: The Temple of Jerusalem by Adler, 1887 (съ прибавленіями Варрена). Наиболѣе же характеристичнымъ явленіемъ послѣднихъ годовъ въ области археологіи ветхозавѣтнаго храма служитъ приплывшее къ намъ изъ-за океана въ 1886 году сочиненіе американскаго профессора Пэна: Salomon's Temple and Capitol, ark of the Flood and Tabernacle or the Holy Houses of the Hebrew, chaldee, syriac, samaritan, septuagint, coptik and itala scriptures, Josephus, Talmud

and Rabbis by Timothy Otis Paine, LL. D. 1886. Намъ придется въ своемъ изслѣдованіи много разъ обращаться къ сочиненію Пэна; теперь же достаточно будетъ замѣтить, что въ этомъ сочиненіи рельефно очерчиваются разности въ описаніи какъ скиніи, такъ и храма по различнымъ источникамъ, и описаніе каждаго источника наглядно выражается въ отдѣльномъ рисункѣ. Такимъ образомъ встрѣчаемъ у Пэна отдѣльные виды скиніи по основному тексту, по LXX, по Іосифу, по раввину Раши, по Сиппурену. Равнымъ образомъ и въ описаніи храма Пэнъ различаетъ храмъ книгъ Царствъ, храмъ пророка Іезекіиля, храмъ книги Паралипоменонъ, храмъ переводовъ, храмъ талмуда. Для характеристики этого сочиненія нужно замѣтить, что написаніе его длилось 33 года, слѣдовательно наполнило собою всю жизнь автора. Этому нѣтъ основанія не вѣрить, такъ какъ и Вилляльпандъ, и Лями, и Пайллу писали свои сочиненія о храмѣ ветхозавѣтномъ почти въ такіе же сроки.

Между тѣмъ какъ одни изъ современныхъ изслѣдователей заняты изученіемъ отдѣльныхъ письменныхъ источниковъ по археологіи ветхозавѣтнаго храма, другіе изслѣдователи взяли на себя трудъ такого же независимаго изученія мѣстности храма и сохранившихся на ней древнихъ развалинъ, могущихъ имѣть отношеніе къ ветхозавѣтному времени. Хотя и упомянутые уже изслѣдователи, Соси (Voyage dans les terres bibliques, 1856), Вогюэ (Temple de Jérusalem, 1864) и друг., оставили описанія площади ветхозавѣтнаго храма, но главнаго вниманія заслуживаютъ здѣсь разслѣдованія и раскопки англійскаго археологическаго общества Palestine Exploration Fund, создавшія новую эпоху въ археологіи храма и Іерусалима. Кромѣ статей о храмѣ,

помѣщенныхъ въ изданіи Общества Quarterly Statement, о новыхъ открытіяхъ на площади іерусалимскаго храма можно читать въ спеціальныхъ сочиненіяхъ Чарльза Вильсона: Ordnance survey of Jerusalem, 1865. Maps and Notes, и Чарльза Варрена: The Recovery of Jerusalem [1], 1871 и Plans, elevations, sections et caet. schowing the results of the Palestine exploration fund, 1884. Заслуживаютъ также упоминанія: независимое отъ изданій упомянутаго англійскаго Общества сочиненіе Фергюссона The Temples of the Jews, 1878, касающееся храма въ его ближайшемъ отношеніи къ новымъ открытіямъ на площади храма, сочиненіе архитектора и археолога Піеротти Jerusalem explored (1863 и 2-е изд. 1884), разныя мелкія статьи по отдѣльнымъ находкамъ Клермонъ-Ганно, К. Шика и другихъ археологовъ, помѣщенныя въ изданіяхъ Zeitschrift des deutschen Palestina Vereins, Revue archéologique и проч. Самое наглядное представленіе о всѣхъ открытіяхъ, совершенныхъ на площади ветхозавѣтнаго храма, даетъ модель Конрада Шика, безъ сомнѣнія извѣстная всѣмъ любителямъ библейской древности, бывшимъ въ Іерусалимѣ. Мы будемъ говорить о ней подробно [2]. Что касается плановъ площади іерусалимскаго храма, или нынѣшней площади харамъ еш-ше-

[1] Опубликованныя здѣсь открытія Варрена разъясняются во многихъ англійскихъ изданіяхъ, напр.: Our Work in Palestine by the Committee of the Palestine Exploration Fund, 1873; Recent Discoveries on the Temple Hill by J. King. 1885 и друг. Сюда же нужно отнести и новое сочиненіе Конрада Шика: Beit el Makdas oder der alte Tempelplatz zu Jerusalem, wie er jetz ist, 1887. Jerusalem. — [2] Тому же К. Шику принадлежитъ и модель скиніи Мойсея, хранящаяся нынѣ въ библіотекѣ англійскаго миссіонерскаго общества въ Іерусалимѣ. Съ какою точностію и вниманіемъ К. Шикъ дѣлалъ эти свои модели, можно судить изъ того, что, по его собственному признанію, разныя соображенія по отдѣлкѣ модели храма наполнили собою досуги цѣлыхъ 30 лѣтъ его жизни. Тоже признаніе, какое дѣлаютъ Вилляльпандъ, Лями, Пайллу, Пэнъ и другіе.

рифъ, то первый надлежащій планъ былъ сдѣланъ въ 1833 году Катервудомъ, затѣмъ въ 1838 Робинсономъ. Планъ Робинсона принятъ Шульцемъ и Вильямсомъ, а планъ Катервуда принятъ Вогюэ. Лучшій планъ харама составленъ Вильсономъ (1865).

Такимъ образомъ вопросъ о ветхозавѣтномъ храмѣ въ послѣднее время раздробился на многіе частные вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію отдѣльныхъ изслѣдователей. Это, безъ сомнѣнія, способствовало къ разъясненію отдѣльныхъ деталей въ образѣ ветхозавѣтнаго храма. Но, съ другой стороны, такое раздробленіе вопроса препятствовало правильному представленію общаго вида храма. Само собою разумѣется, что Вильсонъ, Варренъ и Кондеръ, блестящіе офицеры англійской службы, счастливые въ проведеніи подземныхъ минъ и раскопокъ, не могли быть такъ же счастливы въ возстановленіи той части храма, отъ которой не осталось развалинъ и представленіе о которой можетъ дать только Св. Писаніе и преданіе. Съ другой стороны, кабинетные изслѣдователи текстовъ не всегда находятся въ благопріятномъ положеніи для знакомства съ мѣстностію храма и сохранившимися древними развалинами. Такимъ образомъ классическое изслѣдованіе Пэна ни однимъ словомъ не упоминаетъ даже объ открытіяхъ на площади храма и въ своихъ планахъ не соображается съ размѣрами сохранившейся площади харама. Другой названный изслѣдователь, Пайллу, даже положительно устраняетъ всякое значеніе новѣйшихъ разысканій и раскопокъ въ области харама для вопроса о ветхозавѣтномъ храмѣ. Много пререканій встрѣчается и между изслѣдователями, руководящимися одними письменными источниками. Такимъ образомъ тотъ же изслѣдователь Пайллу,

воздвигающій свой храмъ на основаніи пророка Іезекіиля, не придаетъ никакого значенія свидѣтельствамъ Іосифа Флавія, котораго онъ называетъ романистомъ, а не историкомъ, и свидѣтельствамъ талмудическаго преданія. Наоборотъ изслѣдователи, основывающіеся на Іосифѣ, если не положительно отвергаютъ, то игнорируютъ другіе источники и т. д. Вообще въ послѣднихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ ветхозавѣтному храму, ясно представляются только отдѣльныя точки зрѣнія на храмъ древнихъ источниковъ, а не общій и цѣльный видъ храма. Изображая одно и то же святилище, замѣчаетъ Пайллу, изслѣдователи ведутъ дѣло такъ, что нигдѣ и ни въ чемъ, на всей линіи храма и его дворовъ, не встрѣчаются между собою [1].

Но, какъ само собою разумѣется, наука не можетъ долго останавливаться на такихъ раздробленныхъ представленіяхъ ветхозавѣтнаго храма, и должна направить всѣ свои усилія на то, чтобы эти раздробленныя и очищенныя новѣйшею критикою описанія отдѣльныхъ источниковъ вновь объединить въ одинъ цѣльный образъ храма. Такую именно задачу имѣетъ предлагаемое сочиненіе. Такъ какъ описанія отдѣльныхъ источниковъ во многихъ пунктахъ оказываются не вполнѣ согласными между собою, то дальнѣйшею задачею нашею будетъ распознать между выставляемыми въ источникахъ разнообразными чертами храма такія черты, которыя принадлежали ему дѣйствительно, и такія, которыя указываются въ источникахъ только предположительно и по недоразу-

[1] Нужно прибавить, что существуютъ еще монографіи о храмѣ совершенно исключительныя, написанныя въ доказательство исключительныхъ общихъ положеній, напр., сочиненіе Вольфа Der Tempel von Jerusalem und Seine Maasse, 1887, доказывающее, что ветхозавѣтный храмъ въ своемъ планѣ изображалъ шестиугольную звѣзду или древнюю монограмму Христа.

мѣнію. Въ этихъ видахъ намъ необходимо установить въ самомъ началѣ относительное значеніе всѣхъ нашихъ источниковъ. Конечно, самое важное значеніе для реставраціи храма могли бы имѣть остатки самаго этого храма, если бы они сохранились до нашего времени. Но, къ сожалѣнію, то, что осталось отъ ветхозавѣтнаго храма и что открыто доселѣ на мѣстѣ его, не можетъ дать понятія о храмѣ. Эскизы Варрена и Кондера, сдѣланные на основаніи однихъ остатковъ храма, весьма недостаточны и неполны. Главное значеніе для насъ всегда будутъ имѣть письменные источники. „Если бы Парѳенонъ или храмъ Юпитера Олимпійскаго были разрушены въ такой мѣрѣ, какъ храмъ ветхозавѣтный, говоритъ Перро (Histoire de l'art, t. IV, 475), никому и въ голову не пришло бы браться за реставрацію этихъ памятниковъ на основаніи одного текста Павзанія. Ни этотъ писатель, ни Страбонъ, ни Плиній не передаютъ такихъ подробныхъ свидѣтельствъ о своихъ національныхъ храмахъ, какія передаютъ древнееврейскіе писатели о храмѣ Соломона". Первое мѣсто между письменными источниками занимаютъ историческія книги Ветхаго Завѣта. Ошибочно многіе древніе и новѣйшіе изслѣдователи исходнымъ пунктомъ описанія ветхозавѣтнаго храма дѣлали изображенія храма пророкомъ Іезекіилемъ. Хотя пророкъ Іезекіиль дѣйствительно зналъ храмъ Соломоновъ, но въ томъ описаніи храма, какое находится въ его концѣ, онъ изобразилъ не историческую, но идеально-пророческую картину, вслѣдствіе чего и черты историческаго Соломонова храма онъ возвелъ въ высшій идеальный видъ закономѣрности, величія и красоты. Уже по самому свойству мѣстнаго грунта горы Моріа нельзя было въ дѣйствительности осуществить всего плана храма Іезе-

кіиля, подобно тому, какъ нельзя было осуществить и его идеальнаго плана распредѣленія колѣнъ израилевыхъ на пространствѣ обѣтованной землѣ. Лучшимъ доказательствомъ такого идеальнаго значенія плана храма Іезекіиля можетъ служить его неуловимость и невозможность переведенія его на чертежъ. Ни одна изъ существующихъ реставрацій храма Іезекіиля не можетъ быть названа удачною. Трудно даже повѣрить, что реставраціи Вилляльпанда-Пайллу, Пэна, Перро и Шипіе, неимѣющія никакого сходства между собою, изображаютъ одинъ и тотъ же храмъ Іезекіиля [1]. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты храма Іезекіиля, совпадающія съ чертами храма библейскихъ историческихъ книгъ или укладывающіяся между ними, могутъ быть принимаемы въ образъ Соломонова храма для заполненія пробѣловъ описанія историческихъ книгъ. Послѣ книгъ священнаго Писанія главными источниками для насъ должны служить сочиненія Іосифа Флавія и талмудическая литература. Хотя Іосифъ Флавій, какъ священникъ Иродова храма, могъ имѣть ясное представленіе о всѣхъ частяхъ храма, но, пиша для своихъ друзей-римлянъ и разсчитывая на то, что внѣшнее величіе и богатство храма можетъ возвысить народъ въ глазахъ иностранцевъ, Іосифъ позволяетъ себѣ въ рисуемую имъ картину храма вносить нѣкоторыя прибавленія завѣдомо для него самого неправильныя. Болѣе свободны отъ преувеличеній талмудическіе писатели, но ихъ описанія храма представляютъ не столько снятыя съ натуры живыя картины храма, сколько воспоминанія о храмѣ уже разрушенномъ и толкованія библейскихъ описаній храма и притомъ не только историческихъ,

[1] Блаженный Іеронимъ (на Іезек. 40, 5—13) называетъ прямо *безразсудными* такія отношенія къ храму пророка Іезекіиля.

но и находящихся въ пророческомъ видѣніи Іезекіиля. Такимъ образомъ изъ всѣхъ главныхъ источниковъ по археологіи храма Ветхаго Завѣта мы можемъ вполнѣ довѣряться только библейскимъ историческимъ книгамъ; здѣсь каждое выраженіе о храмѣ имѣетъ безусловное значеніе. Составивъ на основаніи этого источника общее понятіе о храмѣ, мы будемъ стараться разгадать, какія черты, въ дополненіе его, могутъ быть заимствованы изъ другихъ источниковъ, какъ имѣющія вполнѣ историческое значеніе. Впрочемъ, въ такомъ относительномъ значеніи располагаются источники только въ археологіи Соломонова храма. По отношенію же къ послѣднему ветхозавѣтному храму, неимѣющему для себя такихъ ясныхъ библейскихъ свидѣтельствъ какъ храмъ Соломоновъ, необходимо довольствоваться исключительно Іосифомъ Флавіемъ и талмудомъ; что передается согласно тѣмъ и другимъ, то необходимо считать несомнѣннымъ; напротивъ, въ случаяхъ разногласія этихъ источниковъ остается только путемъ критики отдѣлить истинное отъ ложнаго и сочиненнаго.

Можно ли недостающее въ источникахъ восполнять аналогіями другихъ древнихъ храмовъ? Мы уже видѣли отчасти, сколько вреда принесли изученію нашего вопроса увлеченія аналогіями. Вмѣсто израильскаго храма, съ явнымъ насиліемъ свидѣтельствамъ указанныхъ источниковъ, изслѣдователи изображали на горѣ Моріа храмы египетскій, финикійскій, ассирійскій, греческій. Уже то обстоятельство, что такіе разнообразные стили могли предполагаться въ одномъ и томъ же храмѣ Соломона, показываетъ, что въ дѣйствительности онъ не имѣлъ ничего общаго съ ними. Какъ богослуженіе израильское совершенно выдѣлялось изъ всѣхъ языческихъ культовъ, такъ и святилище, приспособленное къ этому

богослуженію, должно было носить на себѣ свою особенную печать, неизвѣстную языческой храмовой архитектурѣ. Существуетъ, однакожъ, одна законная аналогія, безъ которой дѣйствительно не можетъ быть правильно поставленъ вопросъ о храмѣ іерусалимскомъ. Разумѣемъ аналогію скиніи Мойсеевой, подвижного израильскаго храма, предшествовавшаго храму іерусалимскому. Между тѣмъ эту аналогію пишущіе о храмѣ іерусалимскомъ обыкновенно игнорируютъ, вводимые въ заблужденіе новою критикою Пятикнижія, по которой законы книги Исходъ о скиніи Мойсея не только не предшествовали храму Соломона, но именно слѣдовали за нимъ, такъ что описаніе скиніи сдѣлано примѣнительно къ образу храма, а не наоборотъ (Графъ, Вельгаузенъ). Потерявъ, такимъ образомъ, законную модель, указанную библейскимъ текстомъ для Соломонова храма въ образѣ скиніи, археологія храма уже вынуждена была искать стороннихъ образцовъ въ храмовой архитектурѣ языческихъ народовъ. Это повело къ искаженнымъ реставраціямъ храма и всѣхъ его принадлежностей. Въ противоположность этой старой школѣ, мы считаемъ безусловно необходимымъ для яснаго представленія іерусалимскаго храма предварительное всестороннее изученіе скиніи Мойсеевой и всѣхъ ея принадлежностей, непосредственно наслѣдованныхъ храмомъ [1].

Такимъ образомъ предлагаемое сочиненіе о ветхозавѣтномъ храмѣ раздѣляется на слѣдующія главы:

[1] Вотъ важнѣйшія новыя сочиненія о скиніи: Bähr, Symbolik des Mosaischen Cultus 1874. Friederich, Symbolik des Mosaischen Stiftshütte, 1841. Neumann, Stiftshütte, 1861. Riggenbach, Die Mosaischen Stiftshütte. 1867. Mugde. W. The Tabernacle of Moses, practically considered, 1842, Whitfield, The Tabernacle priesthood and offerings of Israel. 1884 и друг. Много оригинальнаго о скиніи высказано еще Пэномъ въ указанномъ выше сочиненіи.

1. О скиніи Мойсея, какъ основномъ ветхозавѣтномъ святилищѣ, послужившемъ моделью іерусалимскаго храма.

2. О первомъ іерусалимскомъ храмѣ, построенномъ царемъ Соломономъ.

3. О второмъ іерусалимскомъ храмѣ и въ особенности объ Иродовой реставраціи второго храма.

4. О сохранившихся донынѣ остаткахъ ветхозавѣтнаго храма и новѣйшихъ открытіяхъ на его площади.

Послѣднюю главу можно было бы соединить съ описаніемъ храма, но такъ какъ здѣсь встрѣчается много спорныхъ вопросовъ, требующихъ рѣшенія и препятствующихъ цѣльному представленію образа храма, то мы считаемъ болѣе полезнымъ о сохранившейся площади храма и его развалинахъ говорить въ особой заключительной главѣ.

СКИНІЯ МОЙСЕЯ.

Описаніе скиніи въ книгѣ Исходъ сдѣлано два раза: одинъ разъ, въ видѣ законодательнаго предписанія о ея сооруженіи, въ глл. 25—27, и другой разъ, въ видѣ разсказа о состоявшемся уже исполненіи предписанія о скиніи, въ глл. 36—38. То и другое описаніе, законодательное и исполнительное, совершенно сходны между собою, за исключеніемъ того, что первое, по выраженію Бэра, движется отъ центра къ периферіямъ, начинается ковчегомъ завѣта и другими священными сосудами и отсюда уже переходитъ къ стѣнамъ, завѣсамъ и покровамъ скиніи; напротивъ, второе описаніе прежде занимается периферіями или остовомъ скиніи, а потомъ уже обращается къ содержавшимся въ ней священнымъ сосудамъ. Въ видахъ наибольшей ясности, мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ которомъ происходило исполненіе законовъ о скиніи на дѣлѣ. Только описаніе внѣшней ограды, занимающее въ томъ и другомъ разсказѣ послѣднее мѣсто, намъ кажется болѣе удобнымъ помѣстить въ началѣ, какъ это сдѣлалъ уже Іосифъ Флавій въ своемъ описаніи скиніи (Antiqu. III, 6. 2).

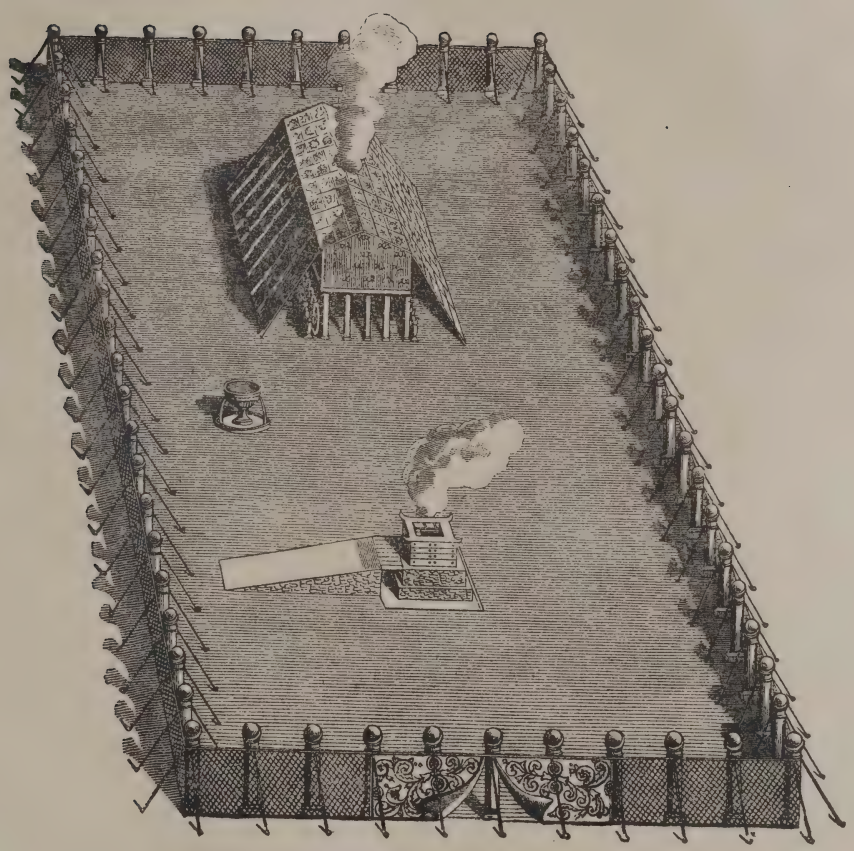
Ограда, окружавшая дворъ скиніи, въ законодательномъ описаніи (Исх. 27, 9–19) проэктирована такъ: „на южной (продольной) сторонѣ завѣса ограды изъ крученаго виссона должна имѣть 100 локтей длины; столбовъ здѣсь нужно поставить 20 и пьедесталовъ 20 мѣдныхъ;

крючки же и связи при столбахъ должны быть серебряные. Также и на сѣверной (продольной) сторонѣ завѣса 100 локтей длины; столбовъ здѣсь 20 и пьедесталовъ 20 мѣдныхъ; крючки столбовъ и связи серебряные. Ширина двора: на западной сторонѣ завѣса 50 локтей; столбовъ здѣсь 10 и пьедесталовъ 10. И на восточной сторонѣ ширина двора 50 локтей, съ слѣдующимъ подраздѣленіемъ: 15 локтей должно быть въ завѣсахъ по ту и другую сторону входа, при трехъ столбахъ и трехъ пьедесталахъ на каждой сторонѣ. Для воротъ же двора (среди восточной стороны) особенная завѣса, 20 локтей, сдѣланная изъ голубой, пурпуровой и червленной ткани и крученаго виссона съ узорами, при четырехъ столбахъ и четырехъ пьедесталахъ. Всѣ столбы двора обложены серебромъ; крючки ихъ серебряные, а пьедесталы ихъ мѣдные. Длина ограды двора 100 локтей, ширина 50 локтей и высота 5 локтей". Это описаніе ограды согласно повторяется и въ другомъ мѣстѣ, Исх. 38, 9—20.

Чтобы помочь читателю оріентироваться въ этомъ общемъ описаніи, прилагаемъ здѣсь одну изъ наиболѣе извѣстныхъ реставрацій скиніи по предположенію Лями. Дальнѣйшее наше изслѣдованіе покажетъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть приняты подробности этой реставраціи.

Изъ приведеннаго описанія видно, что четырехугольное пространство двора скиніи было обведено оградою, состоявшею изъ завѣсъ, прикрѣпленныхъ къ столбамъ. Тѣ и другія требуютъ особеннаго разсмотрѣнія.

Въ вопросѣ о столбахъ первое затрудненіе касается ихъ количества. Хотя и ясно указано для каждой изъ двухъ продольныхъ сторонъ по 20 столбовъ, а для каждой изъ двухъ поперечныхъ сторонъ по 10 столбовъ, что, повидимому, ясно даетъ общій итогъ 60 столбовъ,



Скинія Моисея по Лямп.

Хромо-Литогр. Н. ИНДУТНАГО, Сергіевская ул. № 18.

но этотъ общій итогъ въ книгѣ Исходъ не выводится. Между тѣмъ въ приложеніи этого общаго числа столбовъ къ данной въ текстѣ длинѣ и ширинѣ ограды возникаютъ нѣкоторыя практическія недоумѣнія, безъ разрѣшенія которыхъ не можетъ быть возстановленъ планъ двора скиніи. Дѣло въ томъ, что на 300-локтевомъ протяженіи ограды скиніи (100-локтевомъ на двухъ продольныхъ сторонахъ и 50-локтевомъ на двухъ поперечныхъ сторонахъ) столбы должны быть представляемы симметрически расположенными, слѣдовательно въ одинаковомъ пяти-локтевомъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ какъ число 20, указанное для столбовъ продольныхъ сторонъ, только въ помноженіи на 5 даетъ требуемыхъ 100 локтей длины ограды, и число 10, указанное для столбовъ поперечныхъ сторонъ, только въ помноженіи на 5 даетъ требуемыхъ 50 локтей ширины ограды скиніи. Такимъ образомъ разстояніе между столбами равнялось высотѣ столбовъ. Къ этому нужно прибавить, что такъ какъ столбы не могли представлять математическихъ линій, а имѣли извѣстную, не указанную въ текстѣ, ширину или толщину, конечно, соотвѣтствовавшую ихъ пяти-локтевой высотѣ, то пятилоктевое разстояніе нужно считать не между столбами, а между предполагаемыми ихъ внутренними стержнями или осями, потому что въ противномъ случаѣ получилось бы не прямо 100 локтей длины двора и 50 локтей его ширины, но съ прибавленіемъ къ этимъ числамъ того излишка, какому равнялась широта столбовъ взятыхъ вмѣстѣ. Другими словами: дѣйствительная толщина столбовъ не должна браться въ разсчетъ при раздѣленіи общей длины и ширины ограды на пятилоктевые промежутки; можетъ быть потому именно она и не указана въ текстѣ. Происходящее отсюда затрудненіе

библейскій текстъ устраняетъ тѣмъ, что подвергаетъ измѣренію протяженіе сторонъ не по столбамъ, а по завѣсамъ. Опредѣливъ сначала общее протяженіе завѣсъ въ 100 локтей для продольныхъ и 50 локтей для поперечныхъ сторонъ и затѣмъ предписавъ размѣстить на этихъ пространствахъ по 20 и 10 столбовъ, текстъ имѣлъ въ виду не самые столбы, а тѣ, отмѣченные особыми кольцами, пункты завѣсы, при которыхъ должны были стоять столбы, — пункты, такъ-сказать, равняющіеся математическимъ точкамъ.

Но здѣсь изслѣдователи выставляютъ на видъ такой вопросъ: какъ разставить 20 столбовъ на сто-локтевой линіи и 10 столбовъ на 50-локтевой линіи, чтобы разстояніе между ними или, точнѣе, между соотвѣтствующими имъ кольцами завѣсы равнялось пяти локтямъ? Взявъ отдѣльно каждую продольную сторону ограды скиніи и разбивъ ее на 20 промежуточныхъ пяти-локтевыхъ пространствъ, мы должны поставить на планѣ не 20 столбовъ, но 21, потому что, поставивъ первый столбъ на пятомъ локтѣ завѣсы, второй — на десятомъ, третій — на пятнадцатомъ и т. д., двадцатый — на сотомъ локтѣ, мы должны будемъ возвратиться назадъ и поставить еще одинъ столбъ на своемъ исходномъ пунктѣ или первомъ локтѣ завѣсы; оставить же завѣсу неприкрѣпленною къ столбу здѣсь, на углу встрѣчающихся сторонъ, совершенно невозможно. То же нужно сказать и о каждой другой сторонѣ, разсматриваемой отдѣльно. Каждая изъ нихъ, въ раздѣленіи столбами на пяти-локтевые промежутки, требуетъ одного лишняго столба сверхъ указанныхъ въ текстѣ, т. е. не 20 и 10, а 21 и 11. Такимъ образомъ всѣхъ столбовъ въ оградѣ скиніи получится не 60, а 64. Само собою разумѣется, что это счетъ чисто фиктивный; съ нимъ нельзя согласиться,

потому что онъ противорѣчитъ тексту, который ясно, въ двухъ своихъ описаніяхъ, число столбовъ ограды полагаетъ 20 + 20 + 10 + 10, а не 21 + 21 + 11 + 11, и при этомъ не полагаетъ особаго счета для раздѣляемыхъ столбами или ихъ кольцами промежуточныхъ пространствъ. Кромѣ того, при такомъ счетѣ на каждомъ углу ограды получалось бы по два самостоятельныхъ столба: одинъ отъ продольной стороны, другой отъ прилегающей поперечной, каковой излишекъ угловыхъ столбовъ не имѣлъ бы никакого практическаго основанія.

Напротивъ, другой способъ распредѣленія столбовъ ограды скиніи основывается не на увеличеніи данной въ текстѣ цифры столбовъ, а на ея сокращеніи. Предполагаютъ, что, при счетѣ столбовъ первой продольной линіи, ея первый столбъ былъ указанъ на одномъ углу, а послѣдній — на другомъ, всѣ же остальные — по срединѣ. При счетѣ слѣдующей поперечной стороны, столбы также считались отъ угла до угла; но такъ какъ въ одномъ углу уже былъ готовый столбъ, то и его засчитали въ рядъ поперечной линіи, слѣдовательно новыхъ столбовъ прибавили не 10, а 9, и т. д. Такимъ образомъ, когда мы читаемъ въ библейскомъ текстѣ, что столбовъ было 20 + 20 + 10 + 10, мы не должны забывать, что въ каждой изъ этихъ суммъ числится одинъ такой столбъ, который входитъ и въ слѣдующую сумму, и что въ дѣйствительности каждой изъ этихъ суммъ не доставало по одному столбу, т. е. что всѣхъ столбовъ было не 60, а 60 — 4 = 56. Такъ считали столбы ограды скиніи древніе археологи, а за ними Бэръ (въ первомъ изданіи своей Символики Моисеева культа), Винеръ, Кнобель, Ганебергъ. Другими основаніями въ пользу такого сокращеннаго счета столбовъ для Бэра и Кнобеля слу-

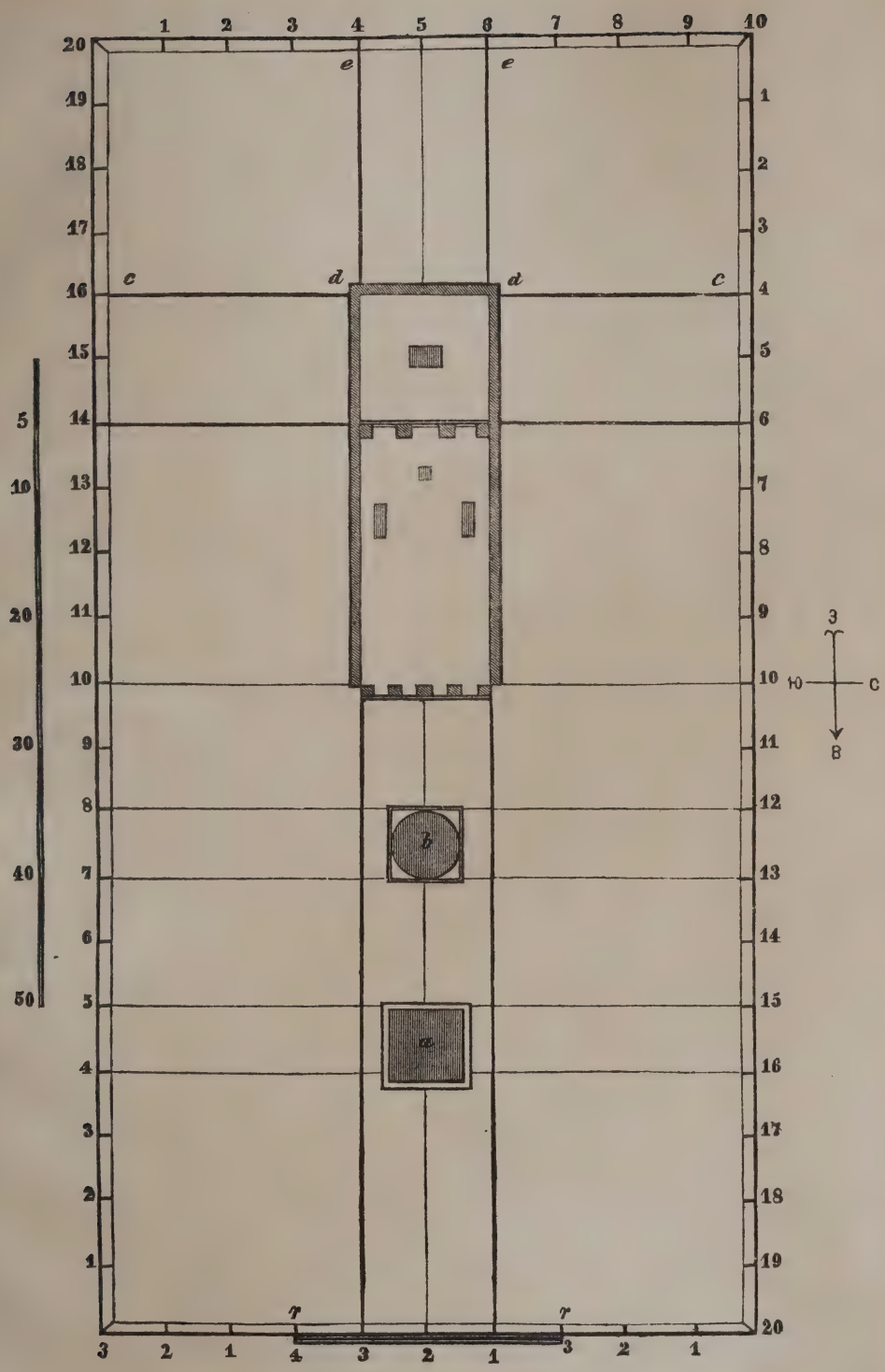
жилъ еще счетъ столбовъ ограды скиніи у Филона (de vita Mos. 667) и свидѣтельство Винкельмана (Werke, 1. 291, 332, 429), что древніе обыкновенно считали за два столба каждый угловой столбъ, какъ принадлежащій двумъ сторонамъ.

Но сокращать такимъ образомъ число 60 столбовъ ограды скиніи такъ же невозможно, какъ и увеличивать его. По переведеніи на планъ указаннаго сейчасъ сокращеннаго счета 56 столбовъ, мы найдемъ, что, вмѣстѣ съ этимъ, сокращается и число промежуточныхъ пространствъ между столбами для продольныхъ сторонъ съ 20 на 19, а для поперечныхъ—съ 10 на 9. Вслѣдствіе этого, или данная въ текстѣ длина ограды сократится на 5 локтей, или раздѣленное на 19 частей полотно сто-локтевой завѣсы будетъ представлять некруглую и весьма неудобную единицу дѣленія — $5^5/_{19}$ локтей разстоянія отъ одного кольца къ другому. На входной восточной сторонѣ, при такомъ счетѣ, представлялись бы разныя единицы дѣленія: боковыя части по ту и другую сторону входа, имѣя 3 столба на 15 локтяхъ длины, раздѣлялись бы на два промежуточныхъ пространства по $7^1/_2$ локтей каждое; напротивъ, завѣса самаго входа 20 локтей своими 4-мя столбами раздѣлялась бы на три промежуточныхъ пространства, каждое въ $6^3/_4$ локтей. Но допустить такую несимметричность въ разстановкѣ столбовъ и такую смѣсь неполныхъ единицъ дѣленія, при симметричности всѣхъ другихъ частей скиніи и при полной округленности всѣхъ другихъ чиселъ, данныхъ въ описаніи скиніи, едва ли возможно. Что же касается другихъ основаній въ пользу сокращеннаго счета столбовъ ограды скиніи, приводимыхъ Кнобелемъ и особенно Бэромъ, то выставляемое ими свидѣтельство Винкельмана ошибочно возводитъ въ об-

щее правило частныя мнѣнія о двойственномъ значеніи угловыхъ столбовъ зданія. Свидѣтельство же Филона о числѣ столбовъ ограды неправильно прочитано Бэромъ и Кнобелемъ. „Столбы двора скиніи—говоритъ Филонъ—дѣлились такъ, что 40 изъ нихъ стояли по продольнымъ сторонамъ, между тѣмъ какъ поперечныя стороны имѣли по 8 столбовъ“. Прочитавъ это мѣсто независимо отъ контекста, Бэръ, а за нимъ и Кнобель, были увѣрены, что всѣхъ столбовъ Филонъ знаетъ $40+8+8=56$. Но указанные изслѣдователи упустили изъ виду, что та же самая тирада начинается у Филона указаніемъ на 60 столбовъ ограды: σύμπαντας ἑξήκοντα. Если же, вслѣдъ затѣмъ, Филонъ помѣщаетъ на двухъ продольныхъ сторонахъ 40 столбовъ, а на каждой поперечной по 8, т. е. считаетъ всего 56 столбовъ, то онъ исключаетъ изъ общаго счета рядовыхъ столбовъ угловые столбы, подобно тому, какъ и библейскій текстъ въ описаніи стѣнъ самой скиніи такіе столбы выдѣляетъ изъ общаго счета. Прибавивъ же 4 угловыхъ столба къ числу рядовыхъ столбовъ, указываемыхъ Филономъ въ поперечныхъ сторонахъ (и библейскій текстъ въ описаніи состава скиніи угловые столбы относитъ къ поперечной линіи), получимъ здѣсь по 10 столбовъ, слѣдовательно всего 60 столбовъ, а не 56. Впрочемъ, и самъ Бэръ, во второмъ изданіи своей Символики Моисеева культа, сознается въ ошибочности своего сокращеннаго счета столбовъ и соглашается, что ихъ было 60. Вообще, по справедливому замѣчанію Фридериха, къ такому ошибочному счету столбовъ могли приходить только такіе изслѣдователи, которые рѣшали вопросъ по однимъ общимъ соображеніямъ, не прибѣгая къ плану.

Для правильнаго рѣшенія данной археологической за-

дачи, нужно имѣть въ виду, что *а)* стороны ограды не должны разсматриваться въ ихъ отдѣльности, потому что онѣ даны одна для другой; *б)* что такъ какъ всѣхъ угловъ только 4, то, безъ смѣшенія сторонъ, нельзя отдѣлять въ счетѣ по два угловыхъ столба для каждой стороны. Правильное рѣшеніе задачи будетъ состоять въ слѣдующемъ. Законодатель скиніи, указывая строителямъ порядокъ распредѣленія столбовъ, за каждою данною стороною считаетъ только одинъ угловой столбъ, и именно послѣдній въ счетѣ. Если напр. законодатель началъ указаніе порядка и числа столбовъ съ южной стороны, идущей съ востока на западъ, то свой первый столбъ онъ указалъ поставить по прохожденіи первой пятилоктевой стадіи, подобно тому, говоритъ Нейманъ, какъ первый милевой столбъ ставятъ не на начальномъ, а на конечномъ пунктѣ первой мили; второй столбъ показано было поставить послѣ втораго пятилоктеваго промежутка и т. д., такъ что 20-й столбъ падалъ на крайній пунктъ сотаго локтя или на самый уголъ югозападный. Чтоже касается юговосточнаго угла или исходнаго пункта въ раскладкѣ столбовъ, то онъ оставался пока открытымъ. Затѣмъ, такимъ же порядкомъ, отъ югозападнаго угла повели установку столбовъ поперечной западной стороны, причемъ первый столбъ, ей собственно принадлежащій, поставленъ послѣ пятаго локтя, а послѣдній или десятый послѣ пятидесятаго локтя или на самомъ углу сѣверозападномъ. Отъ сѣверозападнаго угла поведенъ, далѣе, счетъ и установка столбовъ третьей стороны, сѣверной (продольной), первый столбъ которой поставленъ на пятомъ локтѣ, а послѣдній на сотомъ или же на углу сѣверовосточномъ. Отсюда, и именно съ пятаго локтя отъ угла, начата установка столбовъ восточной, входной стороны, послѣдній (деся-



Нумерація столбовъ ограды скиніи, по Нейману.

Фото-литографія Н. Нидутнаго. Сергіевская № 16.

тый) столбъ которой палъ на остававшійся доселѣ незанятымъ юговосточный уголъ или на исходный пунктъ общаго счета, подобно тому, какъ при раскладкѣ милевыхъ столбовъ, исходный пунктъ заполняется только тогда, когда измѣритель пути, описавъ извѣстный кругъ, возвратится къ своему началу. Такимъ образомъ въ библейскомъ описаніи исходный пунктъ каждой стороны не имѣетъ своего угловаго столба, но такъ какъ его мѣсто всегда бываетъ занято послѣднимъ столбомъ предшествующаго ряда, то отсюда не происходитъ никакого пробѣла и никакого препятствія въ расположеніи окружавшей ограду завѣсы. При такомъ только счетѣ столбовъ будетъ строго выдержана указанная въ текстѣ длина и ширина ограды, общее число 60 столбовъ и такое же число промежуточныхъ пятилоктевыхъ пространствъ между ними. Нѣкоторые изслѣдователи (Риггенбахъ, Целлеръ въ Bibel-Lexicon), исходя изъ того, что аналогія милевыхъ камней сюда не вполнѣ подходитъ „такъ какъ, когда дѣло идетъ не только объ измѣреніи, но и объ огражденіи стѣною, исходятъ не отъ голаго поля, а отъ даннаго уже столба“, указанный порядокъ размѣщенія столбовъ ставятъ въ обратномъ видѣ, считая за каждымъ изъ четырехъ рядовъ столбовъ не послѣдній угловой столбъ, а первый. По такому счету на конечномъ пунктѣ каждаго ряда столбъ бываетъ излишенъ, потому что на этомъ самомъ пунктѣ помѣщается первый столбъ каждаго слѣдующаго ряда. Но очевидно и при такомъ представленіи сущность приведеннаго объясненія порядка столбовъ не измѣняется. Съ этимъ объясненіемъ согласны большая часть новѣйшихъ изслѣдователей, даже такихъ, которые прежде стояли за сокращенный счетъ столбовъ (Бэръ во второмъ изданіи Символики). Возраженіемъ противъ представленнаго счета можетъ

быть только то, что линіи столбовъ описываются въ библейскомъ текстѣ, и притомъ въ томъ и другомъ описаніи, не въ порядкѣ прямого обхожденія вокругъ ограды, а черезъ стѣну, сперва южная линія, потомъ противоположная ей сѣверная, затѣмъ западная и наконецъ восточная. Такой порядокъ описанія какъ будто доказываетъ, что столбы каждой стороны должны считаться самостоятельно, безъ всякаго отношенія къ другимъ, и что, слѣдовательно, общая сумма столбовъ должна быть или увеличена до 64 или уменьшена до 56. Но не нужно забывать, что въ данномъ случаѣ библейскому описанію болѣе подходилъ отвлеченный способъ изложенія, свойственный предписанію закона и соединявшій стороны ограды по ихъ однородности (сперва двѣ продольныя стороны, потомъ двѣ поперечныя). При выполненіи же указаннаго плана этотъ порядокъ не могъ быть удержанъ; по проведеніи одной продольной линіи столбовъ и завѣсъ, нельзя было переходить къ противоположной продольной линіи, прежде чѣмъ была измѣрена и обведена завѣсою поперечная линія.

Приведеннымъ объясненіемъ совершенно устраняются не только двойные счеты угловыхъ столбовъ, но и многіе еще другіе существовавшіе счеты, напр. счетъ встрѣчающійся у Лундія и воспроизведенный Кнобелемъ, по которому на восточной сторонѣ два крайніе столба пространства, назначеннаго для входа, были соединены въ одно съ ближайшими столбами боковыхъ пространствъ, образуя такимъ соединеніемъ родъ дверныхъ косяковъ, вслѣдствіе чего счетъ столбовъ долженъ былъ сократиться на два; счетъ Реланда, принятый Евальдомъ, по которому всѣхъ столбовъ было 59; первоначальный счетъ Кейля, по которому въ угловыхъ столбахъ различались двѣ половины, и одна изъ половинъ отно-

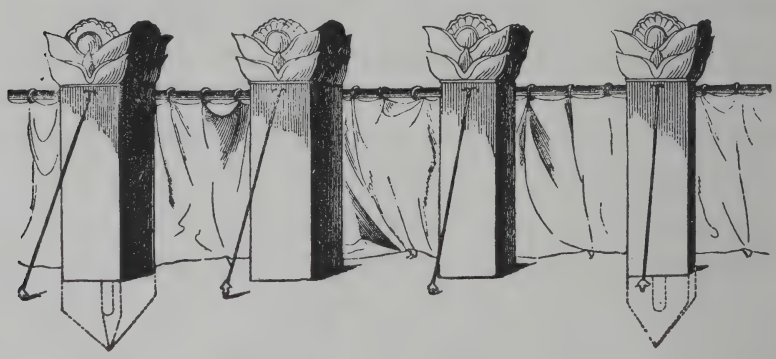
силась къ одному ряду, а другая—къ другому (объясненіе доктринальное и непримѣнимое къ практикѣ); счетъ Камфаузена, который принимая каждый угловой столбъ за два столба, вмѣстѣ съ тѣмъ продольнымъ сторонамъ даетъ по 21 столбу, а поперечнымъ по 11. Еще одинъ новый способъ расположенія столбовъ ограды скиніи находимъ въ сочиненіи Пэна (Salomon's Temple, 101). Столбы продольныхъ сторонъ разставлены здѣсь по давнему способу сокращеннаго числа столбовъ, по которому въ число 20 входятъ оба угловые столба и, слѣдовательно, промежуточныхъ между столбами пространствъ здѣсь предполагается только 19. Напротивъ на поперечныхъ сторонахъ ограды Пэнъ считаетъ 12 столбовъ, 10 срединныхъ и два угловыхъ, съ 11 промежуточными между ними пространствами. Такимъ образомъ, промежуточныя между столбами пространства на продольныхъ сторонахъ показаны у Пэна больше пяти локтей, а на поперечныхъ меньше. Но если мы допустимъ подобный произволъ въ опредѣленіи разстояній между столбами, то вмѣстѣ съ этимъ должны будемъ принять разомъ много различныхъ объясненій.

Опредѣливъ такимъ образомъ количество столбовъ, обратимся къ ихъ частнѣйшему виду. Библейскій источникъ различаетъ въ составѣ столбовъ собственно столбъ или стволъ, пьедесталъ и капитель (послѣдняя составная часть упоминается впрочемъ только во второмъ описаніи, Исх. 38, 17). Пьедесталы были изъ мѣди, капители были обложены серебромъ, а матеріалъ стволовъ не указанъ, конечно потому, что здѣсь легко можно подразумѣвать тотъ же матеріалъ, который указанъ для самой скиніи, именно дерево sittim, по переводу LXX ξύλα ἄσηπτα. Всѣ почти толкователи и переводчики единогласно подъ деревомъ sittim разумѣютъ *акацію*, но

не нашу выродившуюся акацію, а такъ называемую acacia vera, mimosa nilotica или spina aegyptiaca; нынѣшніе арабы называютъ ее древнимъ египетскимъ словомъ: зантъ. Это было наиболѣе извѣстное строевое и корабельное дерево древнихъ (Herod. 2, 19. Plin. 13, 19), отличавшееся весьма толстымъ и длиннымъ стволомъ, изъ котораго получались брусья ровные и гладкіе 12 и болѣе локтей длины (Theophr. plant. 4, 3. Іеронимъ на Іоиля 3, 18), относительною легкостію при очень твердой древесинѣ (Іеронимъ на Исаію 41, 19) и мало подвергавшееся порчѣ (Plin. Hist. nat. 13, 19). Независимо отъ указанныхъ свойствъ, выборъ этого именно дерева для столбовъ скиніи былъ обусловленъ необходимостію, потому что въ каменистой Аравіи это было единственное почти строевое дерево, и во всякомъ случаѣ наиболѣе часто встрѣчавшееся, какъ объ этомъ можно судить изъ того, что одинъ изъ еврейскихъ становъ въ пустынѣ прямо названъ „акаціями“ (Нав. 2, 1), а выраженіе „долина акацій“ впослѣдствіи (Іоил. 4, 17) употреблялось какъ идеальное имя пустыни (Нейманъ). Но если несомнѣнно, что стволы столбовъ были изъ дерева акаціи, то къ этому нужно прибавить, что они имѣли металлическую обкладку, въ соотвѣтствіе своимъ мѣднымъ пьедесталамъ и капителямъ, по дереву обложеннымъ серебромъ. По всей вѣроятности, сюда именно относится выраженіе Іосифа Флавія, что столбы двора были мѣдные, хотя, съ другой стороны, на стволы столбовъ могъ распространяться и тотъ металлъ, который въ библейскомъ текстѣ указанъ для капителей (серебро),—чему опять можно находить подтвержденіе у Іосифа Флавія, который четыре столба входной части ограды называетъ серебряными. Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ тѣмъ, что деревянные столбы двора не имѣли никакой

металлической обкладки. (Риггенбахъ). Это было бы не изящно и разрушало бы аналогію столбовъ двора съ столбами самой скиніи, заботливо обложенными металлическими обкладками.—Гораздо труднѣе сдѣлать какое либо предположеніе о *формѣ* составныхъ частей въ столбахъ ограды скиніи. Чаще думаютъ (Бэръ, Лейреръ, Нейманъ, Пэнъ), что столбы были четырехугольны на томъ основаніи, что вообще форма четырехугольника чаще встрѣчается въ описаніи скиніи. Но, съ другой стороны, въ виду того, что они называются amudim, т. е. колонны, и что имъ, какъ настоящимъ колоннамъ, даются не только пьедесталы, но и капители, мы болѣе расположены согласиться съ Евальдомъ, что они были круглы. Толщина столбовъ или ихъ діаметръ не указанъ. Если Фридерихъ опредѣляетъ ее въ поллоктя, противопоставляя ее локтевой толщинѣ досокъ самой скиніи, то это — одна догадка, не имѣющая твердаго основанія. Что же касается высоты столбовъ, то ихъ стволъ несомнѣнно равнялся высотѣ завѣсы, или полотняной ограды, окружавшей дворъ и прикрѣплявшейся къ тѣмъ же столбамъ, т. е. пяти локтямъ. Капители же столбовъ должны были возвышаться надъ завѣсою, потому что въ противномъ случаѣ онѣ были бы излишни. На реставраціяхъ скиніи Витція, Лундія, Лями, Фридериха, Неймана капители на значительную высоту возвышаются надъ полотномъ ограды, хотя другіе археологи (особенно Бэръ) не одобряютъ этого, считая непозволительнымъ выступленіе какой либо части ограды изъ данной общей высоты пяти локтей. Еще болѣе трудно сдѣлать какое либо предположеніе о формѣ капителей въ устройствѣ скиніи, между тѣмъ именно въ формѣ капители обыкновенно выражается архитектурный характеръ и вкусъ строителей. Можетъ быть именно для

того, чтобы не ставить скинію въ рядъ обыкновенныхъ архитектурныхъ памятниковъ, законодатель умолчалъ о формѣ ея капители. Впрочемъ мы не думаемъ порицать догадки Неймана, что капитель Мойсея имѣла форму цвѣточной чаши; такая форма можетъ найти аналогію въ капителяхъ Соломонова храма, въ устройствѣ свѣ-



тильника скиніи и проч. Въ вышеприведенной (стр. 2) реставраціи скиніи Лями капителямъ дана форма шаровъ, на основаніи этимологическаго значенія слова капитель, по еврейски rosch (голова). Но совершенно къ области легендъ принадлежитъ объясненіе Аппіона (Ios. Fl. contra Appion. 2, 2), что колонны двора скиніи, въ подражаніе обелискамъ египетскаго Иліопольскаго храма, представляли видъ солнечныхъ часовъ: падавшая отъ ихъ капителей тѣнь якобы обозначалась на особенной бывшей внизу полусферѣ, имѣвшей форму челнока. Такому объясненію можно только удивляться, вслѣдъ за Іосифомъ Флавіемъ. Наконецъ о формѣ пьедесталовъ Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что они были снизу шпицеобразны и сравниваетъ ихъ съ σαυρωτῆρες, желѣзными чехлами, которые греки надѣвали на копья, втыкая ихъ въ землю. Впрочемъ, какъ увидимъ дальше, въ разсмо-

трѣніи пьедесталовъ самой скиніи, ихъ лучше представлять не шпицеобразными, а плитовидными. Во всякомъ случаѣ пьедесталы должны быть расположены такъ, чтобы ими не нарушалась указанная въ законѣ пятилоктевая высота полотняной ограды. Если они не вкапывались въ землю, а выдавались изъ нея, то развѣ на столько, на сколько были глубоки тѣ углубленія, которыя обыкновенно дѣлаются въ верхней части пьедестала и въ которыя вставляются колонны. Напрасно Пэнъ считаетъ возможнымъ, что пьедесталы прибавляли къ высотѣ ограды $^1/_6$ локтя. По объясненію Бэра, пьедесталы не должны были также расширяться больше надлежащаго и выступать изъ линіи ограды двора, такъ какъ ни одна часть скиніи не должна была переступать указанныхъ для нея общихъ границъ длины и ширины. По этой же причинѣ, говоритъ Бэръ, описанные столбы должны были стоять не съ наружной, а съ внутренней стороны завѣсы ограды; въ противномъ случаѣ, такъ какъ крайними границами двора скиніи служила именно линія полотна ограды, столбамъ, державшимъ полотно ограды, пришлось бы стоять уже не во дворѣ, слѣдовательно не принадлежать къ составу скиніи (см. рис. къ стр. 2). Впрочемъ другіе изслѣдователи (Евальдъ, Камфаузенъ) считаютъ болѣе правильнымъ помѣщать столбы съ наружной стороны полотна ограды.—Для утвержденія приготовленныхъ такимъ образомъ столбовъ библейскій текстъ назначаетъ серебряные крючки и связи (chaschakim). Подъ связями нужно разумѣть здѣсь серебряные пруты, проходившіе отъ столба къ столбу или отъ капители къ капители и, слѣдовательно, обходившіе кругомъ всей линіи ограды и служившіе для привѣшиванія на нихъ завѣсы при помощи колецъ; они держали также столбы въ прямомъ направленіи и препят-

ствовали ихъ паденію въ плоскости завѣсы, между тѣмъ какъ паденіе столбовъ въ другомъ направленіи или выпаденіе ихъ изъ линіи ограды предотвращалось при помощи цѣпей, которыя спускались отъ капителей и утверждались въ землѣ, какъ говоритъ Іосифъ Флавій, мѣдными гвоздями цѣлаго локтя длины [1]. Объ этихъ цѣпяхъ и гвоздяхъ необходимо сказать, что они выступали изъ линіи ограды и, какъ второстепенныя принадлежности скиніи, могли стоять внѣ указанной границы ея длины и ширины.

На разставленныхъ такимъ образомъ столбахъ, соединенныхъ прутами, со всѣхъ сторонъ двора висѣла завѣса, образовавшая полотняную стѣну и имѣвшая 5 локтей высоты, т. е. значительно превосходившая высоту человѣческаго роста. Такъ какъ, по спеціальнымъ разслѣдованіямъ Тенія (Theolog. Stud. und Krit. 1846, стр. 73,297), нормальная длина еврейскаго локтя была 0,4839 метра, т. е. почти $1^1/_2$ фута, то 5 локтей высоты будутъ равняться почти 8 футамъ, между тѣмъ какъ человѣческій ростъ не достигаетъ и 4 еврейскихъ локтей или 6 футовъ. Само собою разумѣется, что, при такой широтѣ и при 300-локтевой длинѣ, завѣса ограды не могла быть одною цѣльною полосою, но представляла соединеніе отдѣльныхъ частей, какъ и покровы самой скиніи. Для того, чтобы эта легкая полотняная ограда могла сопротивляться вѣтрамъ, она должна была имѣть особенную прочность и, кромѣ того, образовать видъ неподвижной стѣны, т. е. быть прикрѣпленною не только вверху къ столбамъ и прутамъ, но и внизу, отчасти къ пьедесталамъ тѣхъ же столбовъ, отчасти къ тѣмъ мѣднымъ гвоздямъ длиною цѣлаго локтя, которые Іосифъ Флавій

[1] Въ книгѣ Судей 4, 21, 5, 26, упоминается молотокъ, которымъ вбивались въ землю подобные гвозди.

предполагаетъ вбитыми въ землю при столбахъ, но которые могли быть и въ пространствѣ между столбами. Только та часть завѣсы, которая закрывала входъ во дворъ скиніи, 20 локтей длины, имѣвшая особенное названіе masach (остальная завѣса ограды kelah), не была, конечно, прикрѣплена внизу и могла свободно приподниматься болѣе или менѣе, смотря по надобности, и притомъ, конечно, самымъ простымъ способомъ, а не при помощи какого нибудь механизма, какъ нѣкоторые представляли. Другое отличіе неподвижной или непроходной завѣсы или стѣны и подвижной, закрывавшей входъ и замѣнявшей ворота двора, состояло въ ихъ цвѣтахъ и матеріалѣ. Въ разсмотрѣніе указанныхъ здѣсь цвѣтовъ и матеріала завѣсъ мы должны войти подробнѣе, такъ какъ они указываются не только здѣсь, въ оградѣ двора, но и въ самой скиніи и храмѣ іерусалимскомъ, и имѣютъ особенное символическое значеніе.

Матеріалъ и цвѣтъ неподвижной завѣсы библейскій текстъ обозначаетъ выраженіемъ שש משזר. Слово שֵׁשׁ, у египтянъ senti, очевидно сродное съ שש, бѣлый мраморъ и שׁוֹשָׁן бѣлая лилія, прежде всего указываетъ ткань бѣлаго цвѣта. На этотъ цвѣтъ указываетъ и арамейское выраженіе בֻּצ, замѣнившее слово שֵׁשׁ и потомъ перешедшее въ греческое *виссонъ*. Послѣднимъ выраженіемъ пользуются всѣ древніе и новые переводчики для передачи еврейскаго слова שֵׁשׁ. Но о родѣ ткани этого имени въ настоящее время спорятъ. По однимъ это была ткань льняная, по другимъ хлопчатобумажная. Полное и опредѣленное рѣшеніе этого вопроса едва ли возможно, такъ какъ оно затруднено греческими и римскими писателями, не различавшими строго между льномъ и хлопчатою бумагою, и хотя называвшими тонкія льняныя пряжи виссономъ, но въ

то же время и хлопчатую бумагу именовавшими λίνον (Plin. Hist. natur. 19, 1 и друг.). Тѣ изслѣдователи, которые подъ виссономъ, שֵׁשׁ, разумѣютъ хлопчатую бумагу, ссылаются на слѣдующія основанія: *а*) на то, что хлопчатая бумага была извѣстна въ Египтѣ очень рано и встрѣчается на муміяхъ; *б*) на то, что слово виссонъ якобы по самому своему значенію отсылаетъ къ хлопчатобумажному кустарнику, растущему въ Египтѣ и Индіи, и что хлопчатая бумага, какъ матеріалъ привозный у евреевъ, должна была предпочитаться льну, какъ впослѣдствіи она предпочиталась у грековъ и римлянъ; *в*) на то, что бѣлыя нити виссона, какъ сейчасъ увидимъ, ткались вмѣстѣ съ крашенными нитями, слѣдовательно какъ матеріалъ однородный съ ними, между тѣмъ въ глубокой древности красилась только хлопчатая бумага, а не ленъ. Правда красилась еще шерсть животныхъ, но о ней здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ соединеніе нитей, добытыхъ изъ животнаго и растительнаго царства, строго запрещалось закономъ Мойсея (Лев. 19, 19. Втор. 22, 11). Чтобы въ крашенныхъ нитяхъ скиніи видѣть шерсть, нужно и виссонъ признать шерстяною тканью, чего никто не можетъ допустить [1]. Наконецъ указываютъ на то, что для обозначенія льна у евреевъ есть другое слово פשתים, [2] а для обозначенія хлопчатой бумаги въ еврейскомъ лексиконѣ не будетъ соотвѣтствующаго слова, если не признать таковымъ שֵׁשׁ. Но, съ другой стороны,

[1] Іосифъ Флавій (Antiqu. IV, 8, 11) ошибочно подъ крашенными нитями святилища разумѣлъ шерстяныя. Вслѣдъ за нимъ въ ту же ошибку впали Кейль (впрочемъ только въ первомъ изданіи своей библ. археологіи), Пэнъ (97) и друг. — [2] Впрочемъ по арабски פֵּשֶׁת значитъ не ленъ, а хлопокъ древесный. И переводчики библіи колеблются между тѣмъ и другимъ значеніемъ. Напр. Русская библія Лондонскаго изданія переводитъ слово פֵּשֶׁת то въ значеніи *бумажный* (Іезек. 44, 17–18), то *льняной* (Лев. 13, 47 и др.).

есть нѣкоторое основаніе въ пользу того, что какъ греческимъ словомъ виссонъ, такъ и еврейскимъ שֵׁשׁ, кромѣ хлопчатой бумаги, назывались и тонкія льняныя нити, тѣмъ болѣе, что соединеніе льна и хлопчатой бумаги, какъ равно растительныхъ продуктовъ, не было запрещено закономъ Мойсея. По крайней мѣрѣ слово שש замѣняется еще словомъ בד (ср. Исх. 39, 28 и 28, 42), а это послѣднее слово LXX переводятъ чрезъ λίνον. И еврейское преданіе подъ словомъ שש разумѣетъ именно ленъ, а не хлопчатобумажную ткань. На этомъ основаніи и нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, какъ, напримѣръ, Бэръ въ первомъ изданіи своей символики [1], Нейманъ и друг. стоятъ на томъ, что въ святилищѣ Мойсея господствовали именно льняныя ткани. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что שש, виссонъ, былъ тканью льняною или бумажною, а можетъ быть и льняно-бумажною, но не шерстяною и не шелковою, какъ думалъ Лютеръ, и во всякомъ случаѣ бѣлою, а не желтою, какъ думалъ Павзаній (Eliac. 1) и Фоссъ, одѣвающій евангельскаго богача Лук. 16, 19 въ огненно желтый виссонъ (Virgilus Landban, 313).—Частнѣе въ описаніи завѣсъ Мойсеева святилища виссонъ называется еще крученымъ, משזר. Этимъ терминомъ указывается особенная обработка льна и хлопчатой бумаги, состоявшая въ томъ, что, для сообщенія крѣпости и красоты ткани, сначала пряли очень тонкія нити и потомъ скручивали ихъ въ болѣе и болѣе толстыя. Какъ далеко доходило это искусство у древнихъ, можно судить изъ свидѣтельства Геродота (III, 47), что на островѣ Родосѣ, въ храмѣ Минервы, находился

[1] Во второмъ изданіи своей Символики Мойсеева культа (стр. 289 и дал.) Бэръ уже соглашается, что ветхозавѣтный священный виссонъ былъ не ленъ, а хлопчатая бумага.

*

принадлежавшій царю Амазису льняной панцырь, каждая нить котораго была скручена изъ 360 льняныхъ паутинокъ.

Если такимъ образомъ неподвижная часть дворовыхъ завѣсъ скиніи была бѣлая, то подвижная завѣса, закрывавшая входъ, состояла изъ соединенія четырехъ цвѣтовъ, встрѣчающихся также и на завѣсахъ самой скиніи и на священническихъ облаченіяхъ и перечисляемыхъ библейскимъ текстомъ всегда въ такомъ порядкѣ: 1) תכלת, 2) ארגמן, 3) תלעת שני, 4) שש משזר. Спрашивается, какое значеніе имѣютъ эти термины и какими именно цвѣтами характеризовалось ветхозавѣтное святилище?

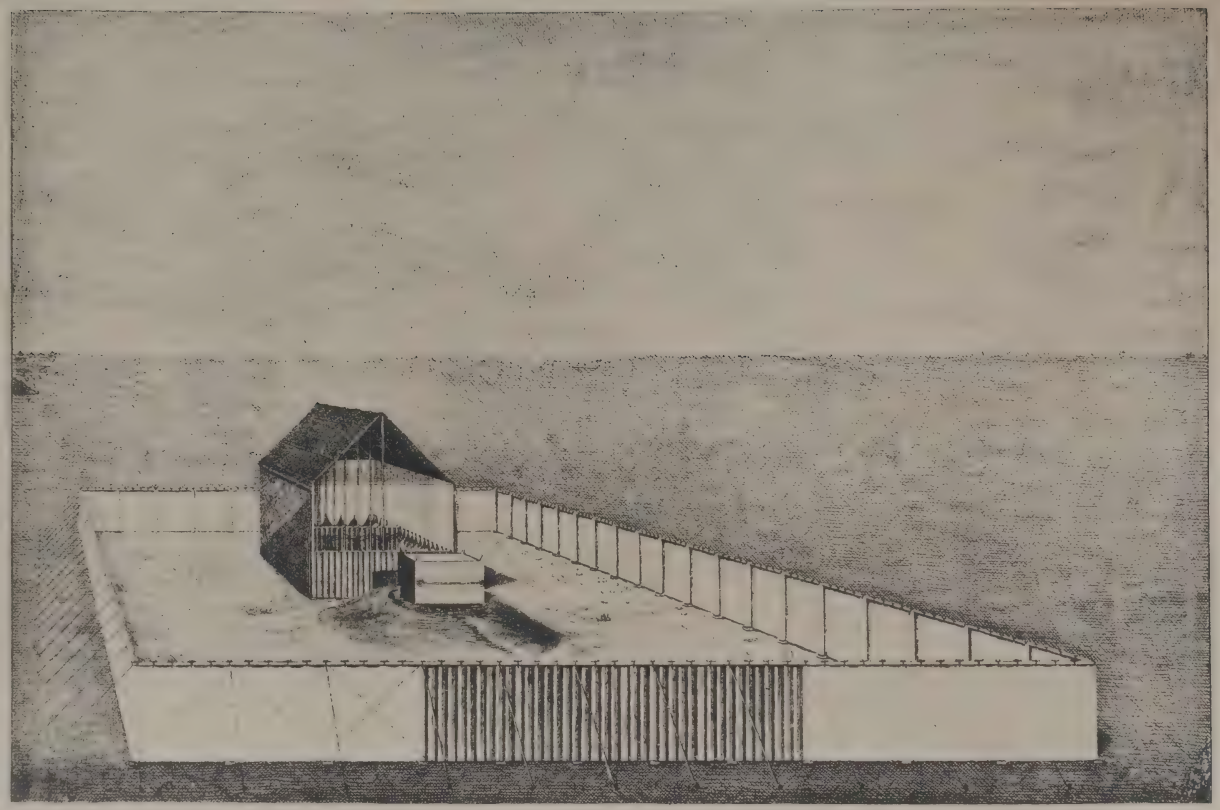
Первый терминъ thecheleth у LXX толковниковъ, Филона, Іосифа Флавія и отцовъ Церкви считается соотвѣтствующимъ греческому ὑάκινθος, гіацинтовый. Но что нужно разумѣть подъ гіацинтовымъ цвѣтомъ? Въ объясненіе этого цвѣта древніе толкователи, іудейскіе и христіанскіе, называютъ его цвѣтомъ неба и моря,— сравненіе первый разъ указанное Филономъ. Но привыкшая къ точнымъ названіямъ нынѣшняя археологическая наука не довольствуется этимъ фигуральнымъ объясненіемъ Филона и спрашиваетъ далѣе: какой же именно цвѣтъ древніе называли по преимуществу цвѣтомъ неба и моря? По мнѣнію однихъ изслѣдователей (Бэръ, Кейль, Пэнъ), здѣсь нужно разумѣть цвѣтъ южнаго неба, т. е. темно-голубой, такъ какъ уже Филонъ въ объясненіе гіацинтоваго цвѣта замѣтилъ, что онъ впадаетъ въ черный, ὁ δε ὑάκινθος ἀέρι ὁμοιῶται · φύσει γὰρ μέλας ὗτος (de Vit. Mos. 3, 667). Напротивъ, по мнѣнію другихъ, подъ гіацинтомъ нужно разумѣть не темно-голубой цвѣтъ, а красно-голубой или фіолетовый, а еврейское слово thecheleth нужно переводить: фіоле-

товый пурпуръ (Гартманъ, Гезеніусъ, Винеръ, Фюрстъ). Въ основаніе послѣдняго объясненія полагаютъ, во-первыхъ, самое названіе гіацинтъ, которое имѣетъ связь съ сагою о крови молодаго лакедемонянина Гіацинта, превращеннаго Аполлономъ въ цвѣтокъ этого имени и потому якобы указываетъ кровавый оттѣнокъ въ небесномъ цвѣтѣ или фіолетовый цвѣтъ, каковой цвѣтъ восточное небо имѣетъ утромъ и вечеромъ. Во вторыхъ, указываютъ на то, что въ кучахъ остатковъ древней фабрикаціи пурпура, открытыхъ на Тирскомъ берегу, преобладаетъ, если даже не исключительно встрѣчается, улитка murex trunculus, и донынѣ еще извѣстная въ средиземномъ морѣ; но изъ этой улитки получается именно фіолетовая краска, а не голубая. Но всѣ эти основанія недѣйствительны. Легенда о происхожденіи гіацинта сюда не относится, а краска murex trunculus имѣетъ фіолетовый (не столько впрочемъ фіолетовый, сколько свѣтло-голубой) цвѣтъ только въ свѣжемъ ея видѣ; при продолжительномъ же дѣйствіи на нее интенсивнаго свѣта она переходитъ въ темно-голубые оттѣнки. Главное же, какъ справедливо замѣтилъ Бэръ, никогда еще никто не называлъ фіолетоваго цвѣта по преимуществу цвѣтомъ неба, но всегда таковымъ называли голубой цвѣтъ, каковымъ и долженъ считаться гіацинтовый цвѣтъ древнихъ. Да и на древнихъ памятникахъ фіолетоваго цвѣта не встрѣчается, а голубой встрѣчается часто. И еврейское преданіе до настоящаго времени подъ терминомъ thecheleth разумѣетъ голубой цвѣтъ, и именно такимъ цвѣтомъ опредѣляетъ предписанную закономъ характеристическую особенность одежды еврея, кисть съ нитью thecheleth (Числ. 15, 38. Втор. 22, 12). По талмуду (Menach. 43, 2) цвѣтъ thecheleth подобенъ морю, эѳиру и сапфиру, и временемъ

утренней молитвы назначается тотъ моментъ разсвѣта, когда уже можно бываетъ отличить зеленый цвѣтъ отъ цвѣта thecheleth (Berach. 9, 2). Очевидно подъ thecheleth здѣсь разумѣется голубой цвѣтъ, потому что только голубой и зеленый цвѣта требуютъ полнаго дневнаго свѣта, чтобы быть различимыми. Что же касается другихъ еще существовавшихъ объясненій и переводовъ thecheleth чрезъ желтая краска (Абенъ-Ездра, Лютеръ), зеленая краска (Ярхи), черная краска (нѣкто Іафетъ у Абенъ-Ездры), то это ошибки людей, не привыкшихъ къ строгому опредѣленію цвѣтовъ.

Остальные два термина, argaman и tholaath schani, не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Подъ первымъ LXX, Филонъ и Іосифъ Флавій разумѣютъ темнокрасную краску, πορφύρα, въ которой древность видѣла высшій видъ пурпура. Что же касается tholaath schani, то первымъ словомъ указывается на матеріалъ краски, а вторымъ на ея приготовленіе. Матеріалъ краски tholaath (червь) былъ coccus ilicis классификаціи Линнея, живущій въ большомъ количествѣ на листьяхъ ilex aculeata и покрывающій ихъ собою, какъ красною шерстью. Изъ этихъ насѣкомыхъ добывается краска, носящая нынѣ арабско-персидское названіе: кармезинъ. Но кармезинъ древнихъ употреблялся не самостоятельно, но въ соединеніи съ другою пурпурною краскою, откуда и вышла вторая составная часть ея названія, schani, двойная или двукратная. Отъ предшествующей краски она отличалась присутствіемъ въ ней желтоватаго оттѣнка, т. е. это была ярко-красная краска. Филонъ сравниваетъ ее съ огнемъ и кровью. Наконецъ четвертымъ изъ цвѣтовъ входной завѣсы двора скиніи указанъ schesch, т. е. уже извѣстный намъ бѣлый цвѣтъ виссона.

Теперь вопросъ: какъ были расположены разсмотрѣн-



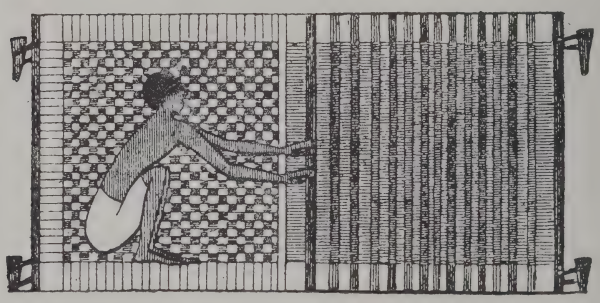
СКИНІЯ ПО ПЭНУ.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

ные цвѣтà на завѣсѣ скиніи, образовали ли они ткань полосатую изъ параллельныхъ, не встрѣчающихся между собою, полосъ, какъ это принимаетъ Пэнъ (на прилагаемомъ рисункѣ), или клѣтчатую изъ разноцвѣтныхъ полосъ, продольныхъ и поперечныхъ, встрѣчающихся подъ прямыми углами, какъ это предполагаетъ Фридерихъ и др., или раздѣланную букетами цвѣтовъ, какъ на планѣ Лями, или еще какую либо иную?

Говоря объ отдѣлкѣ завѣсы, закрывавшей входъ во дворъ скиніи, библейскій текстъ употребляетъ техническое выраженіе, конечно, вполнѣ понятное въ свое время, но не ясное для насъ: работа rokem, רקם. Изъ этого термина нынѣ для насъ ясно только то, что ткань была пестрая, имѣла разноцвѣтный видъ. Въ переводѣ LXX, въ Исх. 27, 16, данный терминъ переводится: ποικιλίᾳ τῇ ῥαφιδεντῇ, въ слав. *пестреніемъ швеннымъ* и 38, 23 (37, 21) τὰ ῥαφιδεντά. Въ Вульгатѣ терминъ rokem переводится: opus plumarii. Извѣстно, что перьями, plumae, назывались дощечки въ военныхъ латахъ, располагавшіяся какъ перья птицъ или чешуя рыбъ. Отсюда plumaria назывались украшенія на одеждахъ, подобныя перьямъ, дощечкамъ и цвѣтамъ, вытканнымъ или вышитымъ иглою. Въ средневѣковыхъ памятникахъ часто встрѣчается выраженіе: plumaria или operis plumati въ описаніи отдѣлки церквей, особенно олтарной части. Талмудъ и раввины, въ объясненіе термина rokem, говорятъ, что подъ нимъ разумѣются украшенія, нашиваемыя иглою по тканному полю и притомъ имѣющія одно лицо, т. е. одинаковыя съ лица и изнанки, въ противоположность другому библейскому термину choscheb, חשב, относящемуся къ внутреннему покрову самой скиніи и обозначающему работу на станкѣ двуличную, т. е. различную съ той и другой стороны (Талм. Іома 42, 2. Майм.

de vas. sanct. cap. 6). Такимъ образомъ подъ rokem разумѣется такая отдѣлка ткани, въ которой бѣлое поле виссона было раздѣлано голубыми, пурпуровыми и ярко-красными нитями, въ видѣ латъ или квадратовъ. Отсюда эта священная ткань называлась у толкователей vestis scutulata — одежда изъ щитовъ или vestis tesselata—одежда изъ четырехугольниковъ. Вотъ египетская работа, болѣе всего подходящая къ работѣ, названной у Моисея rokem. Менѣе вѣроятно объясненіе Пэна



(Salom. Temple, 79), что работою rokem названа полосатая ткань и что голубыя, пурпуровыя и кармезинныя нити образовали полосы, отвѣсно проходившія въ завѣсѣ сверху до низу (см. рис. къ стр. 23). Еще менѣе вѣроятно объясненіе Раши, что вся полотняная ограда скиніи была такъ жидка, что напоминала рыболовную сѣть. Съ этимъ нельзя согласиться потому уже, что еврейское слово, обозначающее эту полотняную ограду, послѣ эпохи скиніи, стало обозначать также парусъ, къ которому, конечно, не идетъ сѣтчатая работа невода.

И такъ, тогда какъ вся неподвижная часть полотняной ограды скиніи блестѣла исключительно бѣлымъ цвѣтомъ виссона, та часть завѣсы, которая была на входѣ или иначе подвижная и раздвигавшаяся часть рѣзко отдѣлялась отъ нея какъ разнообразіемъ цвѣтовъ,

такъ и ихъ бросающимся въ глаза шахматнымъ расположеніемъ. Поэтому входную завѣсу называютъ еще пестрою, разноцвѣтною и радужною. По переводу LXX, завѣса входа во дворъ отличается отъ остальной неподвижной части ограды еще своею необыкновенною высотою. Она имѣетъ не 5 локтей высоты, какъ остальная ограда, а 20 локтей, боковыя же части восточной стороны 15 локтей (Исх. 27, 14–18). Если это не ошибка (возможно, что здѣсь обращена въ высоту мѣра широты), то входная завѣса, квадратъ 20 локтей длины и высоты, представляла величественную картину, особенно когда вѣтеръ пустыни колебалъ ея свободно развѣвавшіяся длинныя полосы. Такимъ образомъ отличить входную сторону скиніи отъ остальныхъ можно было безошибочно на самыхъ далекихъ разстояніяхъ.

Само собою понятно, что описанная ограда могла защищать дворъ скиніи только отъ случайнаго оскверненія со стороны тѣхъ, кто уважалъ ея священное значеніе. Для огражденія же святилища отъ другихъ насильственныхъ оскверненій служили стражи изъ левитовъ и весь народъ, станъ котораго располагался всегда въ правильномъ порядкѣ вокругъ скиніи.

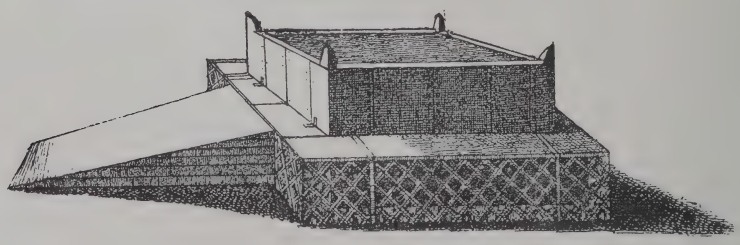
Главною принадлежностію двора скиніи и самымъ священнымъ его пунктомъ, послѣ самой скиніи, былъ такъ называемый *жертвенникъ всесожженій*, מזבח העלה, какъ онъ называется въ описаніи совершенія скиніи (Исх. 38, 1) или просто *жертвенникъ*, какъ онъ называется въ законодательномъ описаніи (27, 1). Если представить весь дворъ скиніи раздѣленнымъ поперечною линіею на два равныхъ 50-локтевыхъ квадрата,

то жертвенникъ всесожженія будетъ стоять въ самомъ центрѣ перваго или восточнаго квадрата. Общее предписаніе о жертвенникѣ, на которомъ должны были приноситься жертвы, въ законѣ Моисея выражено такъ: „жертвенникъ земляной (изъ земли) сдѣлай Мнѣ и закалай на немъ овецъ твоихъ и воловъ твоихъ....; если ты будешь дѣлать Мнѣ жертвенникъ каменный, то не употребляй для этого тесаныхъ камней (gazith), потому что разъ ты наложишь орудіе свое на него, ты уже осквернишь его“. (Исх. 20,24–25. ср. 1 Макк. 4,47). Но такъ какъ обыкновенная куча земли и камней не могла быть удобна для жертвенныхъ операцій, а главное не всегда могла сохранять строго опредѣленную мѣру, подъ которую требовалось подвести скинію и всѣ ея принадлежности, то законодательство о скиніи предписывало для требуемой земляной насыпи жертвенника сдѣлать особенный деревянный срубъ (изъ дерева акаціи) строго опредѣленной мѣры, 5 локтей длины и ширины при 3 локтяхъ высоты, не имѣвшій ни дна, ни верхней покрышки, пустой внутри, какъ говоритъ текстъ, состоявшій изъ четырехъ боковыхъ стѣнокъ, при установкѣ жертвенника каждый разъ наполнявшихся до краевъ землею. Какъ для противодѣйствія пылавшему постоянно на жертвенникѣ огню, такъ и для сообщенія прочности и вида стѣнкамъ жертвенника, онѣ были обложены со всѣхъ сторонъ мѣдью. По четыремъ угламъ жертвенника изъ его стѣнъ выступали мѣдные завитки, не то что обыкновенные угловые канты, какъ нѣкоторые полагаютъ на основаніи Зах. 9,15, но особенныя составныя части жертвенника, имѣвшія форму роговъ вола, какъ главнаго жертвеннаго животнаго, и потому называвшіяся рогами жертвенника, karnoth hamizbeach, κερατοειδεις γωνίαι, какъ ихъ называетъ Іосифъ (Bell. jud.

V. 5. 6). Если въ другомъ мѣстѣ (Antiqu. III, 6, 8) Іосифъ Флавій называетъ ихъ στεφάνοι, вѣнцы, то въ этомъ случаѣ онъ, конечно, имѣетъ въ виду не столько ихъ форму, сколько значеніе. Въ раввинскомъ преданіи роги жертвенника получили неправильную форму перпендикулярныхъ столбиковъ. Многіе изслѣдователи, вслѣдъ за Вилляльпандомъ, даютъ еще рогамъ формы пирамидокъ и обелисковъ. На новѣйшихъ реставраціяхъ Тенія, Фридериха, рогамъ дается видъ выступовъ, снаружи отвѣсныхъ, а извнутри закругленныхъ или луковидныхъ, на подобіе выступовъ, встрѣчающихся въ храмахъ Египта. Но всѣ эти объясненія имѣютъ мало вѣроятности и не оправдываютъ названія: роги. — Роги жертвенника не были только прибиты къ угламъ, какъ внѣшнее украшеніе, но, выражая собою особенную идею жертвенника, составляли съ нимъ одно цѣлое, были сдѣланы изъ того же дерева и обложены не особенными мѣдными листами, но тою же обкладкою, которою были покрыты стѣнки, образуя съ ними одно цѣлое; подобнымъ образомъ и при устроеніи другихъ священныхъ сосудовъ требовалась всегда ихъ однолитность и цѣльность. Роги жертвенника имѣли особенное значеніе не только матеріальное, поколику они могли служить для утвержденія при ихъ помощи большихъ частей жертвъ при сожженіи ихъ, но еще болѣе духовное, поколику съ рогами жертвенника связанъ обрядъ жертвоприношенія, состоявшій въ окропленіи роговъ жертвенною кровью. Убійца, спасавшійся отъ кровемстителя, считался подъ защитою святилища, когда онъ успѣвалъ достигнуть святилища и взяться рукою за рогъ жертвенника (Исх. 21,14). Вообще роги жертвенника имѣли такое важное значеніе, что иногда по ихъ имени обозначается весь жертвенникъ (Псал. 118, 27). Отломить

роги жертвенника значило уничтожить жертвенникъ. (Юдиѳ. 9, 8. Ам. 3, 14) [1].

Затрудненіе въ описаніи жертвенника всесожженій представляетъ только одинъ пунктъ Исх. 27, 4—5 (38, 4): „и сдѣлай къ жертвеннику рѣшетку на подобіе сѣтки мѣдной... и положи ее подъ karkob жертвенника снизу, такъ чтобы сѣтка доходила до половины жертвенника“. Такъ какъ слово karkob, кромѣ даннаго мѣста, больше нигдѣ не встрѣчается, и есть очевидно техническій терминъ, то спрашивается, въ чемъ состоитъ его значеніе, и въ какомъ отношеніи обозначаемый имъ предметъ стоитъ ко всему жертвеннику? Въ западныхъ археологіяхъ новѣйшаго времени утвердилось представленіе, первый разъ придуманное Мейеромъ



(Bibeldeutungen, 201), что подъ karkob нужно разумѣть скамью, обходившую кругомъ жертвенника, по срединѣ его, и соединенную непосредственно, съ одной стороны, съ ящикомъ жертвенника, а съ другой съ мѣдною рѣшеткою, которая спускалась внизъ отъ скамьи, т. е. отъ половины жертвенника. По скамьѣ можно было свободно обходить вокругъ жертвенника, и ею пользовались свя-

[1] Отъ евреевъ обычай устройства роговъ на жертвенникѣ, а вѣроятно и соединенное съ ними значеніе, перешли и къ другимъ сосѣднимъ народамъ. (См. Perrot, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, 392—393).

щенники при совершеніи жертвенныхъ операцій. Что же касается рѣшетки подъ скамьею, то ея назначеніемъ было якобы прикрывать собою жертвенную кровь, изливавшуюся при священнодѣйствіяхъ у основанія жертвенника и не допускать закалаемое жертвенное животное до неосторожнаго прикосновенія къ жертвеннику. Кромѣ Мейера, это объясненіе безусловно принимаютъ Бэръ, Винеръ, Кейль, Герлахъ, Нейманъ, Риггенбахъ и др. Не смотря однакожъ на это, данное объясненіе намъ представляется неудовлетворительнымъ вообще и не согласнымъ съ законами о жертвѣ: *а*) Какъ ни ставить эту скамью, она во всякомъ случаѣ будетъ имѣть видъ ступени, приводившей къ верхней части жертвенника. Между тѣмъ въ томъ же законѣ Мойсея есть нарочитая статья, недопускающая употребленія ступеней и лѣстницъ при жертвенникѣ: „не восходи по ступенямъ на жертвенникъ Мой, чтобы при этомъ не обнажилась нагота твоя“ (Исх. 20, 26) [1]. *б*) Хотя названные толкователи не указываютъ ясно какую широту, по ихъ мнѣнію, имѣла скамья (satis latum, говоритъ Розенмиллеръ), но во всякомъ случаѣ она должна была быть значительною, если по ней могли ходить священники. Такимъ образомъ, по этому объясненію, нижняя часть жертвенника была гораздо шире верхней. Не говоря уже о томъ, что чрезъ это совершенно портился бы видъ жертвенника, какъ справедливо замѣтилъ Кнобель, такимъ прибавленіемъ прямо нарушалась бы данная въ законѣ мѣра жертвенника 5 локтей длины и ширины. При этомъ несправедливо было бы думать, что данная мѣра относится только къ землѣ, наполнявшей внутрен-

[1] Только уже въ неподвижномъ іерусалимскомъ святилищѣ разрѣшено употребленіе ступеней вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ ступеней при жертвенникѣ.

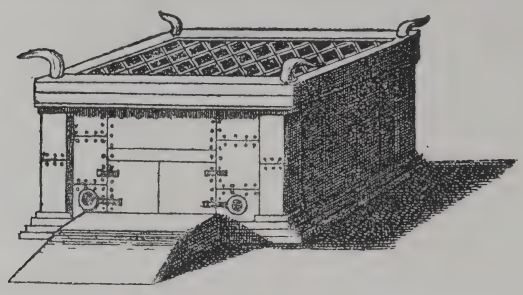
ность жертвенника, потому что законъ подвергаетъ измѣренію именно деревянную и металлическую часть жертвенника. *в*) Составленныя Мейеромъ скамья и рѣшетка совершенно заслоняли бы собою основаніе жертвенника, между тѣмъ какъ оно необходимо должно было быть открытымъ, потому что, по закону о жертвенномъ обрядѣ, на него возливалась жертвенная кровь; самый обрядъ пролитія крови, по точному смыслу закона, не могъ бы совершаться при существованіи Мейеровой скамьи и рѣшетки. Единственнымъ основаніемъ въ пользу такой скамьи кругомъ жертвенника могло бы служить только то, что безъ нея было бы затруднительно и даже невозможно исполненіе жертвоприношеній на жертвенникѣ при данной его высотѣ 3 локтей=4½ футовъ и длинѣ и ширинѣ 5 локтей = 7½ футовъ. Такъ какъ такимъ образомъ высота жертвенника доходила бы почти до шеи священнослужителя, то онъ даже не могъ бы достать рукою до средины верхней площади жертвенника. Но, какъ объясняетъ іудейское преданіе, основывающееся на устройствѣ жертвенника въ іерусалимскомъ храмѣ, указанное неудобство устранялось тѣмъ, что при жертвенникѣ была сдѣлана съ наружной стороны земляная насыпь, возводившая на такую высоту, съ которой удобно было совершать жертвенныя операціи. Эта насыпь тѣмъ болѣе была здѣсь возможна, что внутреннимъ ядромъ жертвенника была точно такая же насыпь, и что къ данной мѣрѣ металлическаго жертвенника она ничего не прибавляла. Правда въ описаніи порядка снятія съ мѣста скиніи или ея установки по прибытіи на новые станы не упоминается о сооруженіи или снятіи какого либо насыпного холма во дворѣ святилища при жертвенникѣ; но подобнаго упоминанія нѣтъ и о той насыпи изъ камней и земли, которая наполняла внутренность жертвен-

ника [1], между тѣмъ она безъ сомнѣнія существовала. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пятокнижія, напр. Лев. 9, 22, безъ натяжки можно видѣть указаніе на совершавшееся при жертвенникѣ восхожденіе и нисхожденіе по склону (не по лѣстницѣ или ступени). Если такой насыпной всходъ существовалъ, какъ это кажется необходимо признать, то онъ былъ на восточной сторонѣ жертвенника, гдѣ предстоялъ священнодѣйствующій при богослуженіи и гдѣ назначаетъ восхожденіе къ жертвеннику пророкъ Іезекіиль (43, 17). Хотя восточная сторона жертвенника между прочимъ была назначена для ссыпанія нагоравшаго на жертвенникѣ пепла (Лев. 1,16), но это не могло препятствовать пользованію бывшимъ здѣсь всходомъ, потому что пепелъ оставался здѣсь недолго и уносился на другое назначенное для него мѣсто. Между тѣмъ тѣ изслѣдователи, которые, кромѣ насыпи, предполагаютъ еще скамью при жертвенникѣ, не могутъ согласиться между собою въ опредѣленіи мѣста насыпи и всхода. По однимъ онъ былъ на южной сторонѣ, по другимъ—на сѣверной. Нужно замѣтить, что Іосифъ Флавій (Bell. VI, 6. V, 14) приписываетъ жертвеннику втораго іерусалимскаго храма всходъ на южной сторонѣ; но, какъ увидимъ, этотъ жертвенникъ имѣлъ особенное болѣе сложное устройство.

Возвратимся однакожъ къ вопросу о той части жертвенника, которую книга Исходъ называетъ рѣшеткою и karkob. Долгое время изслѣдователи, основываясь на LXX, Іосифѣ Флавіи (Antiqu. III, 6, 8), разумѣли здѣсь рѣшетку на верхней площадкѣ жертвенника или рѣшетчатый очагъ, и этой рѣшеткѣ давали здѣсь различныя

[1] Впрочемъ отсутствіе подобнаго свидѣтельства въ Пятокнижіи вознаграждается позднѣйшимъ свидѣтельствомъ 1 Макк. 4,46, гдѣ говорится, что камни жертвенника, по миновании въ нихъ надобности, не просто бросались, но слагались на видномъ мѣстѣ въ видѣ памятника.

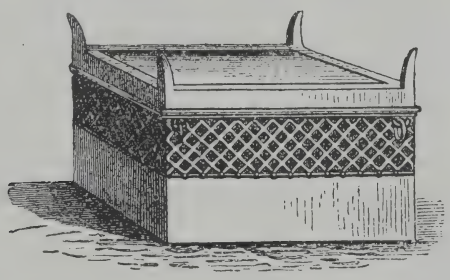
положенія, помѣщая ее то между роговъ жертвенника,



какъ въ приведенномъ здѣсь рисункѣ Витсія, то съ большимъ или меньшимъ углубленіемъ въ ящикъ жертвенника. Послѣднимъ представителемъ этого стариннаго объясненія явился Пэнъ (Salomon's Temple 99), по которому описываемая въ текстѣ рѣшетка при жертвенникѣ (не karkob) была очагомъ, но лежала въ ящикѣ, на глубинѣ $1^1/_2$ локтя отъ верхняго края жертвенника, гдѣ съ наружной стороны жертвенника были привинчены укрѣплявшія ее кольца (см. рис. къ стр. 23). Такое положеніе очага въ глубинѣ ящика, по мнѣнію Пэна, указано Числ. 4, 13–14, гдѣ говорится, что пепелъ находился *внутри* жертвенника. „Изъ этого же свидѣтельства видно, что когда жертвенникъ снимался съ мѣста, при передвиженіи израильскаго стана, онъ обращался въ ящикъ для вещей и сосудовъ; для этого бывшая по срединѣ рѣшетка очага перевинчивалась внизъ на дно деревяннаго сруба". Но и съ этимъ объясненіемъ, несмотря на его поддержку Пэномъ, нельзя согласиться. Какой нибудь искусственный очагъ на жертвенникѣ былъ бы лишнимъ, потому что дѣйствительнымъ мѣстомъ сожженія жертвъ должна была служить земля. Кромѣ того, при непрерывномъ огнѣ на жертвенникѣ, поколику мѣдный очагъ соединялся съ стѣнками, страдали бы деревянныя части жертвенника.

Гораздо болѣе вѣроятности имѣетъ третье объясненіе, по которому karkob соотвѣтствуетъ тому, что въ золотыхъ сосудахъ, стоявшихъ внутри скиніи, названо

zer (вѣнецъ, бахрома) и что здѣсь, при низшемъ качествѣ металла, имѣло нѣсколько болѣе крупную форму и потому другое названіе. Это былъ карнизъ (Кнобель) или простая полоса (Евальдъ), проходившая по верхнему краю стѣнокъ жертвенника, сообщавшая имъ большую крѣпость и вмѣстѣ служившая характеристическимъ украшеніемъ жертвенника, приближавшимъ его къ другимъ священнымъ сосудамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была особенная связь между рогами жертвенника, соединявшая ихъ въ одно цѣлое. Непосредственно подъ этою полосою или карнизомъ, но по наружной сторонѣ жертвенника и въ верхней его половинѣ, проходила сѣтчатая мѣдная рѣшетка, покрывавшая верхнюю половину стѣнокъ жертвенника. Здѣсь только это украшеніе было вполнѣ умѣстно по смыслу законовъ о жертвенникѣ. Вотъ наиболѣе правильный видъ Мойсеева жертвенника всесожженій.



Есть еще много другихъ преданій о жертвенникѣ всесожженій Мойсея. Таково, напр., сказаніе, раздѣляемое многими древними археологами, что дѣйствительная высота жертвенника была 10 локтей, т. е. равнялась высотѣ жертвенника Соломонова, и что если книга Исходъ говоритъ о трехъ локтяхъ высоты, то она разумѣетъ только высоту особенной еще земляной насыпи, на которой устанавливали самый ящикъ жертвенника. Но десяти-локтевая высота жертвенника Мойсея нарушала

бы его отношенія къ скиніи, имѣвшей не болѣе 10 локтей высоты, и слишкомъ затрудняла бы ношеніе его въ пустынѣ. Точно также безосновательно преданіе о существованіи особой подставы подъ жертвенникъ, на которую яко бы насыпалась земля, такъ какъ въ такой подставѣ не было никакой необходимости и такъ какъ она противорѣчила бы самой идеѣ жертвенника и затрудняла бы обрядъ кровоизліянія у основанія жертвенника. Неосновательно и замѣчаніе Іосифа Флавія, что жертвенникъ былъ позлащенъ (золото, по предписанію Моисея, могло быть только въ самой скиніи, а не во дворѣ ея), а также раввинское преданіе, что вмѣсто роговъ жертвенникъ имѣлъ 4 башни по угламъ. Отбросивъ эти преданія, мы не найдемъ въ описаніи жертвенника книги Исходъ ничего такого, что могло бы свидѣтельствовать, какъ думаютъ нѣкоторые критики, о позднѣйшемъ происхожденіи этого описанія, яко бы составленномъ по образцу жертвенника іерусалимскаго храма. (Graf. Die geschichtl. Bücher des alten Testam. 62).

Къ второстепеннымъ сосудамъ, считавшимся при жертвенникѣ всесожженій, принадлежали слѣдующіе сосуды, въ одинаковомъ порядкѣ перечисляемые въ обѣихъ реляціяхъ книги Исходъ: 1. Котлы (siroth) какъ для собиранія пепла, такъ и для того жертвеннаго мяса, которое должно было вариться. 2. Лопатки (jaim), которыми очищали и выравнивали земляную поверхность жертвенника, а также наружную насыпь всхода. 3. Чаши (mizrakoth), въ которыя сцѣживалась кровь закалаемыхъ животныхъ для обряда кропленія. 4. Вилки (mizgaloth), которыми располагались въ порядкѣ жертвенныя части при сожженіи. 5. Угольницы (machthoth). Какъ второстепенныя, всѣ эти принадлежности жертвенника не описаны подробно въ законѣ. Указано только

общее правило, что всѣ онѣ были изъ мѣди. Отсюда и весь жертвенникъ всесожженія носитъ названіе мѣднаго жертвенника. Еще иначе его называютъ внѣшнимъ, т. е. стоявшимъ во дворѣ, а не въ самой скиніи.

Наконецъ библейскій источникъ указываетъ способъ перенесенія жертвенника при перестановкѣ лагеря. Изъ того же дерева sittim были сдѣланы шесты, обложенные мѣдью, влагавшіеся, при поднятіи жертвенника, въ особенныя 4 кольца, придѣланныя на четырехъ углахъ жертвенника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась рѣшетка, т. е. къ срединѣ жертвенника. Такимъ образомъ жертвенникъ, поднятый на плечи, цѣлою своею половиною возвышался надъ группою носителей и, слѣдовательно, далеко былъ видѣнъ съ своимъ пурпурнымъ покровомъ (argaman), нарочито выбраннымъ для этого сосуда по виду огня, пылавшаго на жертвенникѣ, между тѣмъ какъ другіе священные сосуды, вмѣсто пурпурнаго, имѣли голубые покровы. Въ случаѣ ненастья, жертвенникъ, подобно другимъ сосудамъ, закрывался въ походѣ еще особеннымъ кожанымъ покровомъ, тахашъ (Числ. 4, 13—14). При снятіи съ мѣста скиніи и стана, жертвенникъ всесожженій, послѣдній, снимался и окутывался покровомъ для похода, напротивъ, при установкѣ лагеря на новомъ мѣстѣ, онъ первый открывался.

Соотвѣтственно той высокой степени внѣшней чистоты, которой требовалъ законъ отъ народа вообще, а въ особенности отъ ближайшихъ служителей святилища, во дворѣ скиніи стоялъ особенный сосудъ для омовеній, и притомъ въ равной близости къ жертвеннику всесожженій и ко входу самаго святилища (между тѣмъ и другимъ, говоритъ библейскій текстъ), чтобы священники предъ вступленіемъ въ скинію и предъ прикосновеніемъ къ жертвеннику каждый разъ предвари-

тельно омывали руки и ноги (ноги потому, что на святомъ мѣстѣ, даже во дворѣ, ходили безъ обуви). Впрочемъ въ библейскомъ текстѣ сосудъ для омовеній описанъ менѣе всѣхъ другихъ сосудовъ. Изъ двухъ упоминаній о немъ, первое, въ законодательномъ описаніи, Исх. 30, 17–21, говоритъ только, что онъ былъ сдѣланъ изъ мѣди и состоялъ изъ двухъ частей: верхней или собственно водохранилища или бассейна (неуказаннаго объема), имѣвшаго, какъ полагаетъ преданіе, круглую форму, хотя его названіе kijor (כיור) можетъ равно относиться и къ четырехугольному сосуду (ср. 2 Пар. 6, 13), и нижней части, называвшейся подставою, ken (כן). Хотя подставою здѣсь могла служить простая мѣдная плита или ножка [1], но іудейское преданіе даетъ ей особый видъ, предполагая въ ней не второстепенную часть сосуда, какою могла быть простая подстава, но часть столь же важную, какъ и верхній бассейнъ. Если верхняя часть была водохранилищемъ, то нижняя была именно тѣмъ умывальникомъ, въ которомъ совершались требуемыя закономъ омовенія, и, подобно подставамъ Соломона, должна быть представляема въ четырехугольной формѣ. Сообщеніе между верхнимъ водохранилищемъ и нижнею частію, по іудейскому преданію, совершалось при помощи особенныхъ крановъ, двухъ или даже четырехъ, такъ что одновременно имъ могли пользоваться нѣсколько лицъ. Основаніемъ такого преданія послужило собственно то соображеніе, что омыться одною и тою же водою можно только разъ и что, слѣдовательно, омывать руки или ноги въ самомъ бассейнѣ было невозможно, и гораздо удобнѣе было пользоваться струею

[1] Нѣкоторые (Гартманъ, Hebräerin... III, 174) подъ терминомъ כן разумѣли не подставу, а наоборотъ покрышку сосуда, но это противно значенію термина и всѣмъ древнимъ переводамъ.

воды изъ крана. Вотъ рисунки Мойсеева умывальника, сдѣланные на основаніи іудейскаго преданія Лундіемъ

и Витсіемъ. Впрочемъ принять такое объясненіе мы затрудняемся. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. Числ. 5, 17, видно, что для омовеній воду черпали изъ верхняго бассейна глиняными сосудами. Неосновательно также въ разныхъ новѣйшихъ археологіяхъ возстановляютъ типъ Мойсеева умывальника на основаніи аналогичныхъ сосудовъ, открытыхъ въ Ниневіи. При совершенномъ отсутствіи данныхъ, ни въ одномъ изъ открытыхъ Ниневійскихъ умывальниковъ нельзя видѣть сходства съ умывальникомъ Мойсея.

Другая реляція книги Исходъ 38, 8 о мѣдномъ умывальникѣ Мойсея дѣлаетъ весьма важное прибавочное замѣчаніе, что онъ былъ сдѣланъ изъ *зеркалъ* (במראות) *многихъ женщинъ* (הצבאת, собственно *толпы женщинъ* или *женскихъ сборищъ*), *которыя толпились* (צבאו) *у воротъ скиніи собранія*. По примѣру LXX толковниковъ, Филонъ, Іосифъ Флавій, Іонаѳанъ и все іудейское преданіе разумѣютъ здѣсь именно женскія зеркала. „Во время Мойсея, говоритъ Спенсеръ въ объясненіе этого мѣста, знатныя еврейскія женщины, привыкшія, по египетскому ритуалу, ходить въ храмъ Изиды съ зерка-

ломъ въ лѣвой рукѣ и цитрою въ правой, продолжали носить зеркала, какъ нѣкоторую священную принадлежность, являясь къ скиніи Мойсея. Чтобы положить конецъ этому обычаю, Мойсей собралъ египетскія зеркала и сдѣлалъ изъ нихъ умывальникъ". (De legibus hebr. ritualibus, IV, 1,1092). Но что значитъ выраженіе: *сдѣланъ изъ зеркалъ* (במראות)? То ли, что зеркала, дѣлавшіяся въ древнее время изъ какого либо полированнаго металла, между прочимъ изъ мѣди, были совершенно переплавлены, подобно тому, какъ были переплавлены женскія серьги въ золотаго тельца (Лундій, Кейль, Генгстенбергъ), или то, что зеркала только между другимъ матеріаломъ вошли въ составъ новаго сосуда, и вошли, не теряя своего вида, какъ внѣшнее украшеніе были припаяны къ умывальнику? Послѣднее пониманіе находимъ уже у Филона, который говоритъ, что священники, умывая руки въ умывальникѣ, смотрѣлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ бывшее тутъ же зеркало, припоминая, не кроется ли чего либо дурнаго въ ихъ сердцѣ. „Нельзя предположить, говоритъ Нейманъ, чтобы зеркала были совершенно переплавлены для умывальника, потому что для этого въ распоряженіи строителей было много другой свободной мѣди. Зеркала понадобились уже тогда, когда умывальникъ, собственно говоря, былъ уже готовъ. Незначительныя по своей величинѣ, но многочисленныя по количеству и разнообразныя по формѣ (болѣе всего однакожъ продолговатыя и круглыя), они могли служить прекраснымъ украшеніемъ умывальника и, какъ показываетъ выраженіе במראות (въ зеркалахъ), окружали умывальникъ со всѣхъ сторонъ, прежде всего на томъ пунктѣ, гдѣ бассейнъ прикасался къ подставѣ, такъ какъ тамъ удобнѣе всего было въ нихъ смотрѣться; но и верхній бассейнъ, если зеркалъ было много, могъ

быть обведенъ такими или другими линіями зеркалъ"... Нужно сказать, что чего нибудь совершенно невѣроятнаго нѣтъ въ этомъ объясненіи: при умывальникѣ естественно было дать мѣсто и зеркалу.

Но есть еще другое объясненіе Исх. 38, 8, по которому здѣсь указываются не зеркала, а другого рода изображенія. Въ русскомъ переводѣ книги Исходъ данное мѣсто переводится такъ: „и сдѣлалъ умывальникъ и подножіе его изъ мѣди *съ изящными изображеніями, украшавшими* входъ скиніи собранія". Въ этомъ переводѣ מראות понято не въ смыслѣ ראי (Іов. 37, 18), а въ болѣе употребительномъ и общемъ своемъ значеніи (образъ, изображеніе), а צבא понято какъ равносильное צבי, красота, изящество. Такимъ образомъ вмѣсто древняго перевода: *изъ зеркалъ бодрствующихъ женщинъ*... получилось въ русскомъ переводѣ: *съ изящными изображеніями.* Какого рода были эти изображенія, видно изъ слѣдующихъ словъ русскаго перевода: *украшающими входъ скиніи собранія.* Вѣроятно здѣсь предполагается, что умывальникъ былъ украшенъ не зеркалами, а изображеніями херувимовъ или воловъ, фигурировавшихъ позже на умывальникахъ Соломона. Расположенность къ такому объясненію даннаго мѣста можно встрѣчать уже у древнихъ толкователей. Такъ напр. на реставраціяхъ Витція Мойсеевъ умывальникъ имѣетъ 4 крана, въ видѣ четырехъ головъ херувимовъ Іезекіиля. Такимъ образомъ, представленный русскій переводъ. хотя и отступаетъ отъ перевода LXX и іудейскаго преданія, не противорѣчитъ духу законодательства о скиніи и оправдывается устройствомъ Соломоновыхъ сосудовъ для омовеній. Но совершенно другое нужно сказать о переводѣ даннаго мѣста у Кнобеля: „и сдѣлалъ умывальникъ... съ портретами женщинъ (женъ левитовъ),

приходившихъ сюда для очищенія сосуда". И самъ Кнобель сознается, что этотъ переводъ противорѣчитъ обычаямъ ветхозавѣтнаго святилища. Нельзя представить ничего болѣе дикаго, какъ женскіе портреты на священномъ ветхозавѣтномъ сосудѣ, когда всякія изображенія земныхъ существъ были запрещены закономъ Мойсея, и когда доступъ къ мѣсту умывальника былъ запрещенъ женщинамъ. То же нужно сказать и о переводѣ Ригма: „съ зеркалами для пользованія служившихъ въ скиніи женщинъ". Женщины не несли такихъ службъ при скиніи, для которыхъ нужно было бы имъ здѣсь умываться и одѣваться предъ зеркаломъ.

Объ обращеніи съ умывальникомъ при снятіи съ мѣста лагеря и скиніи въ еврейскомъ текстѣ ничего не говорится. Но LXX и самаританское пятокнижіе въ Числ. 4, 14 имѣютъ такую прибавку: „и пусть возьмутъ пурпуровую одежду и покроютъ умывальникъ и подножіе его". Такимъ образомъ умывальникъ имѣлъ такую же обвертку при перенесеніи его какъ и жертвенникъ всесожженія, и этимъ самымъ сосуды двора отличены отъ сосудовъ скиніи, имѣвшихъ голубыя обвертки. Еврейскій текстъ ничего не говоритъ и о способѣ ношенія умывальника при передвиженіи стана, о существованіи колецъ для вдѣванія шестовъ при ручномъ ношеніи; но упомянутая прибавка LXX и самаританскаго пятокнижія поясняетъ, что умывальникъ носили на носилкахъ.

Кромѣ жертвенника всесожженій и умывальника, никакихъ другихъ сосудовъ, бывшихъ во дворахъ іерусалимскаго храма, во дворѣ скиніи не было.

Оставляя теперь дворъ Мойсеевой скиніи собранія, чтобы перейти къ самой скиніи, еще разъ обратимъ вниманіе на его вмѣстимость. „Сто локтей длины при 50 ширины двора, вычисляетъ Риггенбахъ, даютъ 5,000

квадр. локтей или же, считая въ локтѣ полныхъ $1^1/_2$ фута, 11,250 квадр. футовъ. Выключивъ отсюда для жертвенника, умывальника и самой скиніи 800 квадр. локтей или 1,800 квадр. футовъ, получимъ свободнаго пространства во дворѣ 4,200 квадр. локтей или 9,450 квадр. футовъ. Полагая minimum на человѣка 2 квадр. фута, мы могли бы помѣстить во дворѣ только 4 и 5 тысячъ человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, если бы все свободное пространство двора было доступно народу". Но такъ какъ народъ не могъ приближаться къ самой скиніи и доходилъ только до восточнаго всхода на жертвенникъ, и только тотъ изъ народа, кто приносилъ за себя жертву, могъ переступить отведенную для народа черту и войти въ часть священническаго двора, то указанное свободное пространство должно сократиться больше чѣмъ на половину, почти на двѣ трети. Такая маловмѣстительность двора въ сравненіи съ численностію народа объясняется тѣмъ, что дворъ скиніи соотвѣтствовалъ только двору священниковъ и такъ называемому двору представителей народа въ іерусалимскомъ храмѣ. Что же касается большаго внѣшняго двора іерусалимскаго храма, то таковаго при скиніи не было, или лучше сказать такимъ общенароднымъ дворомъ скиніи былъ весь окружавшій скинію израильскій лагерь, располагавшійся вокругъ святилища въ симметрическомъ порядкѣ такъ, что со всякаго пункта лагеря можно было видѣть скинію и наблюдать главные моменты богослуженія. Потому-то все мѣсто израильскаго стана называлось чистымъ и святымъ.

Зданіе самой скиніи состояло изъ трехъ деревянныхъ стѣнъ, южной, западной и сѣверной, сложенныхъ изъ брусьевъ (безъ восточной стѣны, которая вся была занята входомъ) и изъ покрововъ, замѣнявшихъ крышу и окутывавшихъ стѣны. Такимъ образомъ это была вмѣстѣ палатка или скинія, אהל, и домъ, בית или храмъ, היכל. Подобно тому какъ въ описаніи ограды двора мы исходили изъ расположенія столбовъ и потомъ уже занимались связанными съ ними завѣсами, и теперь намъ представляется болѣе удобнымъ начинать съ деревянной части скиніи, составлявшей ея фундаментъ и остовъ, не въ томъ впрочемъ смыслѣ, чтобы деревянная часть скиніи была главною, а простирающіеся на ней покровы имѣли второстепенное значеніе. Напротивъ и здѣсь, какъ и при сооруженіи ограды, главное нормирующее значеніе принадлежало покровамъ; деревянная же часть, не смотря на ея значительную массивность, терялась подъ покровами, вмѣстѣ съ чѣмъ и видъ дома во святилищѣ совершенно заслонялся видомъ скиніи [1].

Описаніе деревянной части скиніи дано какъ въ законодательномъ отдѣлѣ (Исх. 26, 15—30), такъ и въ историческомъ (Исх. 36, 21—34) и состоитъ въ слѣдующемъ. Для всѣхъ трехъ стѣнъ святилища было назначено 48 брусьевъ изъ того-же единственнаго строеваго дерева скиніи sittim, но уже обложеннаго золотомъ, по 20 брусьевъ

[1] Библейскій текстъ, на основаніи большей важности покрововъ скиніи, прежде описываетъ ихъ, а потомъ уже деревянную часть скиніи. Слѣдуя такому порядку текста, и нѣкоторыя руководства начинаютъ изученіе скиніи съ покрововъ. Но какъ трудно выдержать такой порядокъ въ наукѣ, можно видѣть изъ того, что въ такомъ случаѣ о покровахъ говорятъ два раза, разъ прежде деревянной части, а второй разъ послѣ, въ видѣ дополнительныхъ свѣдѣній, понятныхъ только послѣ яснаго представленія деревянной части. На этомъ основаніи другіе (Евальдъ) въ библейскомъ порядкѣ находили даже позднѣйшую случайную перестановку предметовъ.

на двѣ продольныхъ стороны, сѣверную и южную, и 6 брусьевъ на западную поперечную или заднюю сторону, къ которой присоединялись еще два особенныхъ угловыхъ бруса. Каждый брусъ имѣлъ 10 локтей длины и 1½ ширины и оканчивался внизу двумя деревянными и также обложенными золотомъ ручками ידות или, по нынѣшнему архитектурному выраженію, двумя заостренными шипами, соединенными охватывавшею ихъ общею связью. Каждому шипу соотвѣтствовала особая подстава съ отверстіями, сдѣланными по мѣркѣ шипа, въ которыя отверстія онъ и вставлялся какъ въ свое основаніе. Подставы скиніи отличались отъ подставъ двора тѣмъ, что были не мѣдныя, а серебряныя и имѣли каждая талантъ вѣсу,—чего о подставахъ двора не сказано. Если для установки каждаго отдѣльнаго бруса служили шипы и подставы, то для общаго скрѣпленія всѣхъ брусьевъ въ сплошныя стѣны служили поперечные шесты или засовы изъ обложенной золотомъ акаціи, числомъ пять; одинъ шестъ проходилъ сквозь отверстія, пробуравленныя въ самыхъ брусьяхъ, а остальные четыре по наружной сторонѣ стѣнъ, вдѣваясь въ золотыя кольца, расположенныя четырьмя рядами. Когда всѣ брусья были поставлены возможно тѣсно одинъ при другомъ на своихъ подставахъ и когда связующіе ихъ шесты были вдѣты и завинчены, образовывались твердыя стѣны, по выраженію Іосифа Флавія, легко могущія выдерживать силу пустынныхъ вѣтровъ. Что же касается восточной стороны, то здѣсь, вмѣсто брусьевъ, стояли раздѣльно 5 колоннъ, обложенныхъ золотомъ и имѣвшихъ не по двѣ подставы каждая, а по одной, и притомъ мѣдной, подобно столбамъ двора.

Въ этомъ описаніи, составленномъ на основаніи би-

блейской буквы, и конечно достаточно ясномъ для строителей скиніи, для насъ въ настоящее время есть нѣкоторые пункты неясные, возбуждающіе споры и требующіе болѣе спеціальнаго объясненія.

1. При данной въ текстѣ высотѣ и ширинѣ досокъ или брусьевъ скиніи не указана ихъ толщина, между тѣмъ такое или иное представленіе ихъ толщины и, слѣдовательно, толщины стѣнъ святилища имѣетъ не маловажное значеніе въ виду того, что скинія была подвижнымъ святилищемъ и ея стѣны неоднократно были соединяемы и разъединяемы. По этому вопросу первый высказался Іосифъ Флавій, предположившій толщину досокъ скиніи въ четыре пальца. На основаніи этого свидѣтельства, многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Винеръ, Янъ, Кнобель, Лейреръ, Кейль, П. Шольцъ, О. Вольфъ, Пэнъ) стараются представить брусья по возможности болѣе тонкими, простыми досками, а не брусьями [1], главнымъ образомъ изъ опасенія возраженія, что толстыхъ брусьевъ нельзя было найти въ пустынѣ и что они затрудняли бы передвиженіе скиніи съ мѣста на мѣсто. Но рѣшеніе всякаго вопроса требуетъ прежде всего прямой и правильной постановки, не съуживаемой предвидимыми откуда бы то ни было возраженіями. Толщина брусьевъ скиніи, какъ не данная въ библейскомъ текстѣ величина, можетъ быть выведена изъ другихъ опредѣленно извѣстныхъ величинъ. Такъ какъ каждая доска, входившая въ составъ стѣны, имѣла, при 10 локтяхъ высоты, $1^1/_2$ локтя ширины, то 20 такихъ рядомъ поставленныхъ досокъ давали длину скиніи равную 20, помноженному на $1^1/_2$, т. е. 30 локтямъ. Задняя же поперечная стѣна, имѣвшая 8 брусьевъ или

[1] По мнѣнію Пэна доски стѣнъ скиніи имѣли $^1/_6$ локтя толщины, каковую толщину, по его мнѣнію, имѣли и стѣнки ковчега завѣта.

досокъ такой же широты, давала ширину скиніи равную 8, помноженному на $1^1/_2$, т. е. 12 локтямъ. Но тогда какъ найденная 30-локтевая длина скиніи была ея внутреннею длиною, раздѣлявшеюся между святымъ (20 локтей) и святымъ святыхъ (10 локтей), найденная сейчасъ 12-локтевая ширина скиніи не могла быть ея внутреннею шириною. По единогласному свидѣтельству Филона, Іосифа Флавія и всего іудейскаго преданія, а также по аналогіи размѣровъ Соломонова храма, внутреннюю широту скиніи нужно полагать не въ 12 локтей, какъ это находитъ нужнымъ принимать Пэнъ, а только въ 10 локтей; только въ такомъ случаѣ святое святыхъ Мойсея, подобно святому святыхъ іерусалимскаго храма, будетъ полнымъ кубомъ (Кааба) 10 локтей длины, ширины и высоты. И такъ найденные 12 локтей были наружною шириною скиніи, и, слѣдовательно, между наружною и внутреннею шириною скиніи была разность цѣлыхъ двухъ локтей. Куда она могла уходить? Единственное, что здѣсь можно представить, это только то, что продольныя стѣны, упираясь въ края задней или поперечной стороны, отнимали отъ ея внѣшней 12-локтевой мѣры по одному локтю съ той и другой стороны [1]. Но это было возможно только въ томъ случаѣ, если сами онѣ имѣли толщину одного локтя. Но толщина стѣны есть толщина ея досокъ, и толщина продольныхъ стѣнъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общая толщина всѣхъ стѣнъ и досокъ. Такимъ образомъ, на основаніи извѣстной намъ длины и ширины стѣнъ скиніи, мы узнаемъ ихъ толщину

[1] Что двѣ продольныя стѣны упирались въ заднюю поперечную, а не наоборотъ, это видно изъ того, что продольныя стѣны не представляютъ разности между внѣшнимъ и внутреннимъ своимъ измѣреніемъ, между тѣмъ, не опираясь въ заднюю стѣну своею толщиною, онѣ сами охватывали бы своими краями толщину задней стороны, и, слѣдовательно, въ своей внутренней мѣрѣ были-бы короче, чѣмъ въ наружной.

и, слѣдовательно, толщину ихъ досокъ въ одинъ локоть. Такая значительная толщина досокъ или брусьевъ скиніи подтверждается тѣмъ, что въ библ. текстѣ онѣ называются не לוח (доска), а קרש (твердыя компактныя массы), что къ нимъ прилагается предикатъ *стоящія* (26, 15), имѣющій мѣсто только при толстыхъ столбахъ, а не доскахъ, и что къ каждой изъ нихъ, конечно въ соотвѣтствіе ихъ массивности, назначается по два пьедестала или двѣ подставы, тогда какъ даже колонны стоявшія во входѣ скиніи и столбы ограды двора имѣли только по одной подставѣ. Далѣе, о такой значительной толщинѣ брусьевъ свидѣтельствуютъ LXX толковниковъ, у которыхъ брусья скиніи называются στύλοι, каковымъ словомъ переводится у нихъ и еврейское עמוד колонна (Исх. 13, 21; 19, 9; Іов. 26, 11; Наум. 1, 5). Іосифъ Флавій, хотя, какъ мы сказали, опредѣляетъ толщину брусьевъ только въ 4 пальца, но вмѣстѣ съ тѣмъ, входя въ противорѣчіе самъ съ собою, называетъ ихъ четырехсторонними (выраженіе не приложимое къ тонкой доскѣ) и κίονες, каковымъ словомъ онъ обозначаетъ и массивныя колонны Іахинъ и Боазъ. Такъ же называетъ брусья скиніи и Филонъ. Дальнѣйшее іудейское преданіе назначаетъ для толщины досокъ скиніи одинъ локоть, т. е. ту же величину, которую мы нашли путемъ сравненія внутренней и внѣшней ширины святилища (Раши, Ярхи, на Исх. 26, 17). На основаніи этихъ свидѣтельствъ уже старинный христіанскій археологъ Лундій и затѣмъ большая часть новѣйшихъ изслѣдователей по археологіи ветхозавѣтныхъ святилищъ (Бэръ, Герлахъ, Евальдъ, Камфаузенъ, Фрисъ, Нейманъ, Риггенбахъ, Дистель, Ригмъ) считаютъ рѣшеннымъ вопросъ о локтевой толщинѣ брусьевъ. Что же касается возраженія, что такого рода строительный матеріалъ

цѣлаго локтя толщины не могъ быть добытъ евреями въ пустынѣ (Кнобель, Кейль, Шольцъ), то оно направлено не противъ одной только предположенной нами толщины брусьевъ, не указанной въ текстѣ, но и противъ ясно указанной ихъ широты $1^1/_2$ локтя, потому что если древесный стволъ синайской акаціи могъ дать брусья $1^1/_2$ локтя ширины, то при такой ширинѣ легко могла получиться и локтевая толщина. Такимъ образомъ данное возраженіе относится къ числу общихъ возраженій противъ достовѣрности библейскаго извѣстій о скиніи, которыхъ возраженій здѣсь мы можемъ и не касаться. Впрочемъ не столько касательно толщины брусьевъ, сколько касательно ихъ широты, нужно замѣтить, что она могла быть составная, слагаясь изъ двухъ брусьевъ, сбитыхъ въ одинъ и обложенныхъ цѣльною золотою обкладкою и потому казавшихся единичными. Нѣкоторый намекъ на такой составъ брусьевъ можно видѣть въ томъ, что внизу изъ каждаго бруса выступали два конца (τα μέρη, LXX, Исх. 26, 19). Откуда и почему здѣсь два конца вмѣсто одного? Естественнѣе всего предположить, что это были два колкообразно заостренные конца двухъ древесныхъ стволовъ вошедшихъ въ составъ каждаго бруса [1]. Правда, Іосифъ Фл. подъ этими концами или, какъ они называются въ евр. текстѣ, руками брусьевъ (jadoth) разумѣетъ не нижнее окончаніе брусьевъ, а особеннаго рода крючки, στρόφιγγες, подобные дверным петлямъ и придѣланные къ тѣмъ сторонамъ брусьевъ, которыми они соприкасались съ другими сосѣдними брусьями, и слѣдовательно служившіе къ взаимному скрѣпленію брусьевъ между собою. (ср. также

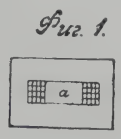
[1] Нельзя предполагать при этомъ постепеннаго съуженія брусьевъ къ низу; напротивъ сверху и донизу, до мѣста выступленія шиповъ они имѣли одинаковую ширину и толщину.

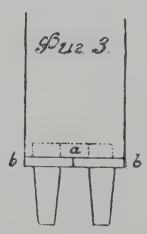
Вульгату и переводъ Лютера 26, 17). Но это объясненіе въ настоящее время всѣми оставлено какъ противорѣчащее основному библейскому тексту.

2. Если деревянные брусья опредѣляются въ текстѣ по ихъ мѣрамъ, длинѣ и ширинѣ, то ихъ металлическія (серебряныя) подставы опредѣляются только по вѣсу, а ихъ величина и форма не указываются. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи (Винеръ, Бэръ, Нейманъ и др.) даютъ имъ форму опрокинутой пирамиды или конуса „глубоко входившаго въ землю и представлявшаго незыблемое основаніе для стоявшихъ на нихъ брусьевъ, т. е. такую форму, какую Іосифъ Флавій давалъ подставамъ столбовъ двора. Но, во-первыхъ, Іосифъ Флавій, имѣлъ ли онъ право давать такой видъ подставамъ двора или не имѣлъ (это трудно рѣшить, не имѣя для этого основанія въ библейскомъ текстѣ), не распространяетъ такого представленія на подставы брусьевъ самой скиніи и даже совершенно умалчиваетъ о нихъ, такъ что, по его описанію, доски скиніи нужно было бы представлять стоящими непосредственно на землѣ; даже шипы брусьевъ, имѣвшіе отношеніе къ подставамъ, у Іосифа Флавія получили совершенно другое назначеніе. Во-вторыхъ, если библейскій текстъ ничѣмъ не обозначилъ вида подставъ въ оградѣ двора, то здѣсь онъ изображаетъ ихъ по крайней мѣрѣ по вѣсу, каждая подстава имѣла вѣсу одинъ киккаръ или талантъ = 96 фунтовъ [1]. Поэтому въ вопросѣ о подставахъ необходимо сообразоваться съ тѣмъ, какой длины или глубины подставу можно было сдѣлать изъ даннаго вѣсу матеріала при той широтѣ, какую она должна была имѣть, соотвѣтственно стоявшему на ней брусу. Если упиравшаяся въ землю поверхность бруса представляла $1^1/_2$ локтя ширины на

[1] Раши ошибочно каждой подставѣ даетъ вѣсу 1410 фунтовъ = 15 талантовъ.

1 локоть толщины, то половина этой поверхности, соотвѣтствовавшая одной подставѣ (каждый брусъ стоялъ на двухъ подставахъ), давала $^3/_4$ локтя ширины на одинъ локоть толщины или $1^1/_8$ фута на $1^1/_2$ фута. Отнявъ отъ этой поверхности ту часть, которая должна была соотвѣтствовать пробитому въ подставѣ отверстію, принимавшему шипы, мы можемъ предполагать, согласно съ вычисленіемъ Риггенбаха, верхнюю поверхность подставы равною одному квадратному футу. Такого размѣра компактная серебряная масса, чтобы ей не превышать вѣса еврейскаго таланта, по вычисленію того же Риггенбаха, имѣла толщины много если $^1/_7$ фута, меньше трехъ пальцевъ [1]. Такимъ образомъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо „массивныхъ конусовидныхъ подставахъ, глубоко входившихъ въ землю". Это были скорѣе небольшія подножія, соотвѣтствовавшія базисамъ колоннъ и вѣроятно не совсѣмъ вкапывавшіяся въ землю, а лежавшія на виду какъ украшенія святилища, что можно заключать и на основаніи ихъ дорогого матеріала. Изъ всего этого слѣдуетъ, что каждый отдѣльный брусъ, поставленный на своемъ основаніи, не имѣлъ еще полной устойчивости, пока онъ не былъ связанъ въ одно цѣлое съ другими брусьями.—Въ прилагаемомъ изображеніи фиг. 1 представляетъ подставу (буква а выемка для шипа), фиг. 2—видъ шиповъ по Нейману, фиг. 3—видъ шиповъ по Риггенбаху.



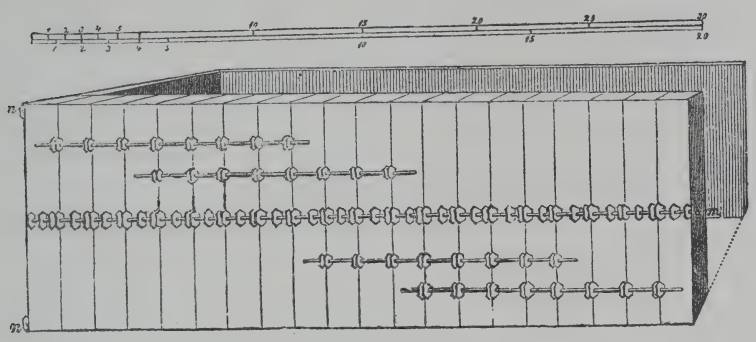


[1] Къ этому вычисленію подходитъ и вычисленіе Пэна. Хотя онъ дастъ

3. О поперечныхъ шестахъ или засовахъ, соединявшихъ ряды брусьевъ въ стѣны, библейскій текстъ говоритъ: „и сдѣлай засовы, בריחים, изъ дерева sittim по пяти для брусьевъ каждой стороны, и засовъ срединный долженъ проходить сквозь толщу בתוך брусьевъ отъ конца въ конецъ. И кольца сдѣлай золотыя влагалищами для засововъ, и засовы обложи золотомъ“ (Исх. 26, 26—29). Изъ этого краткаго описанія археологія скиніи сдѣлала слѣдующіе вопросы касательно поперечныхъ шестовъ въ стѣнахъ скиніи: *а*) Сколько ихъ было? Хотя библ. текстъ самымъ опредѣленнымъ образомъ указываетъ по 5 засововъ на каждой сторонѣ, но позднѣйшее іудейское преданіе это число сократило. „Всѣхъ засововъ, говоритъ Ярхи, было 3, средній, верхній и нижній; но такъ какъ верхній и нижній состояли изъ двухъ отдѣльныхъ половинныхъ засововъ, каждый изъ которыхъ обнималъ только половину стѣны, то посему всѣхъ скрѣпляющихъ засововъ считали пять“. Такой счетъ поперечныхъ шестовъ или засововъ, раздѣляемый и многими новѣйшими толкователями (Бэръ, Кейль, Кнобель, Нейманъ, Ригмъ, Пэнъ), имѣетъ только то основаніе, что о среднемъ шестѣ библейскій текстъ говоритъ съ удареніемъ, называя его проходящимъ „отъ конца въ конецъ“. Такъ какъ такого указанія не сдѣлано о другихъ шестахъ, то отсюда вывели заключеніе, что остальные шесты не проходили изъ конца въ конецъ или имѣли укороченную форму, были полушестами, располагавшимися попарно, такъ что каждые два изъ нихъ обнимали всю стѣну или равнялись цѣлому сред-

подставамъ толщины 4 пальца или $^1/_6$ евр. локтя, но при этомъ длину и ширину подставъ онъ полагаетъ только въ $^1/_2$ локтя.

нему шесту [1]. Вотъ одинъ изъ такихъ проектовъ расположенія шестовъ, придуманный Нейманомъ.



Но такое объясненіе противно и тексту, который не знаетъ различія поперечныхъ скрѣпляющихъ шестовъ по ихъ величинѣ, и самому существу дѣла, такъ какъ каждая половина стѣны скиніи не представляла чего нибудь отдѣльнаго и самостоятельнаго, чтобы ее нужно было укрѣплять независимо отъ другой половины. Между тѣмъ при такомъ представленіи шестовъ много теряетъ общее укрѣпленіе стѣнъ: отчисливъ четыре шеста для частнаго укрѣпленія брусьевъ въ отдѣльныхъ половинахъ стѣны, мы будемъ имѣть только одинъ шестъ для общаго укрѣпленія стѣнъ. Этого особенно нельзя упускать изъ виду потому, что разсматриваемые засовы или скрѣпляющіе шесты были единственнымъ укрѣпленіемъ стѣнъ. Что же касается другихъ какихъ либо связей между брусьями въ видѣ скобъ, соединяющихъ каждую пару рядомъ стоящихъ брусьевъ, къ которымъ многіе

[1] Соглашаясь съ такимъ представленіемъ шестовъ, Пэнъ, съ своей стороны, прибавляетъ, что половинные шесты не могли быть вполнѣ одинаковы по длинѣ: изъ той и другой пары шестовъ одинъ шестъ долженъ былъ имѣть $15^1/_2$ локтей, а другой $14^1/_2$ локтей, для того, чтобы они не встрѣчались между собою на линіи раздѣленія досокъ въ стѣнѣ скиніи.

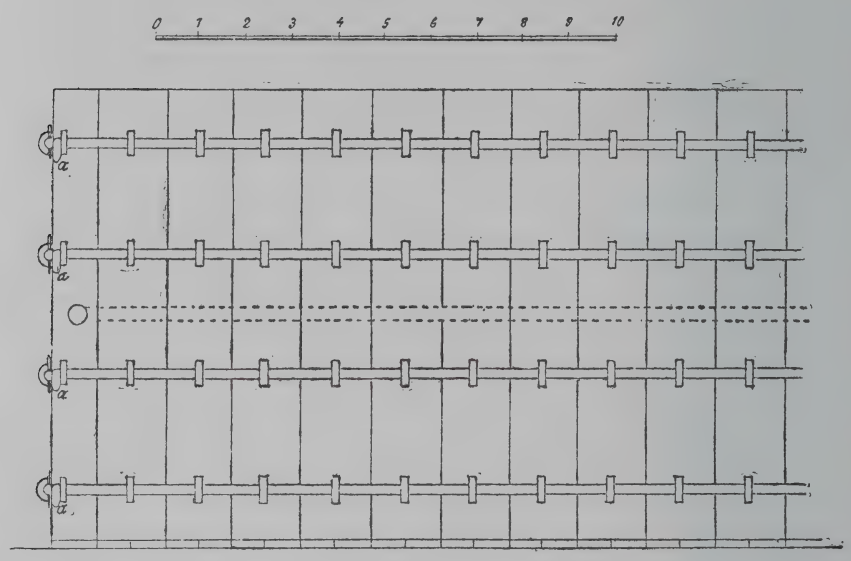
*

толкователи прибѣгаютъ взамѣнъ ослабленной имп связи стѣнъ шестами, то для нихъ нѣтъ никакого основанія въ библ. текстѣ. *б*) Какой видъ имѣли засовы или скрѣпляющіе шесты? Такъ какъ о нихъ прямо сказано, что они продѣвались въ кольца [1], то конечно они должны быть представляемы круглыми, хотя нѣкоторые изслѣдователи (Бэръ), въ общемъ своемъ стремленіи изгнать кругъ изъ святилища Мойсеева, считаютъ ихъ четырехугольными подобно брусьямъ стѣнъ. Толщина засововъ не указана; но, чтобы они могли соотвѣтствовать своему назначенію, они должны были имѣть по меньшей мѣрѣ толщину человѣческой руки. Что же касается ихъ длины, то, какъ мы уже сказали, всѣ они равнялись длинѣ той стѣны, для которой предназначались. Были ли они цѣльными или нѣтъ, не сказано. Хотя 30 локтей не такая длина, чтобы для нея нельзя было найти цѣльнаго шеста (египетскія надписи упоминаютъ о столоктевыхъ кедровыхъ шестахъ), но можно согласиться и съ тѣмъ объясненіемъ, что они были сбиты изъ отдѣльныхъ шестовъ [2]; во всякомъ случаѣ, послѣ того какъ они были сбиты и обложены цѣльною золотою обкладкою, они имѣли видъ цѣльныхъ шестовъ 30 локтей (10 шестовъ) и 12 локтей (5 шестовъ). *в*) Гдѣ именно проходили описанные шесты? Евальдъ полагалъ, что шесты проходили по внутренней сторонѣ стѣнъ, потому что „снаружи, подъ покровами скиніи, никакихъ украшеній не было бы видно“. Но описанные шесты были не украшеніемъ, а необходимостію. Если Евальдъ подъ украшеніемъ разумѣетъ

[1] У Раши ошибочно вмѣсто колецъ для вдѣванія шестовъ показаны скобы въ видѣ подковы U. — [2] По Іосифу Флавію (Antiqu. III, 6, 3) большіе шесты въ стѣнахъ скиніи были образованы изъ отдѣльныхъ кусковъ, имѣвшихъ каждый по пяти локтей длины. Но число 5 образовалось здѣсь у Іосифа по недоразумѣнію изъ общаго числа 5 шестовъ.

то, что они были обложены золотомъ, то золотомъ была обложена и наружная сторона стѣнъ скиніи. Между тѣмъ скрѣпляющіе шесты, проведенные внутри скиніи, не только не могли быть украшеніемъ, но, какъ справедливо замѣтилъ Кейль, портили бы видъ святаго, а особенно святаго святыхъ. Мало того, они и не удовлетворяли бы своему назначенію и даже не могли быть утверждены на своихъ мѣстахъ, особенно шесты задней западной стороны. По мнѣнію другихъ (Кейль, Кнобель, Бэръ, Нейманъ) всѣ шесты проходили по наружной сторонѣ стѣнъ скиніи, средній по срединѣ, въ разстояніи 5 локтей снизу и сверху, а остальные пропорціонально по ту и другую сторону средняго шеста. Но и въ этомъ объясненіи средній шестъ не отличается отъ другихъ по своему мѣсту, между тѣмъ какъ библейскій текстъ назначаетъ ему особенное мѣсто прибавочнымъ замѣчаніемъ: בתוך הקרשים. Что этими словами не указывается только средняя линія наружной стороны стѣнъ, можно видѣть уже изъ того, что при переводѣ въ такомъ смыслѣ у насъ получилась бы тавтологія: *шестъ средній по срединѣ стѣны* (послѣднія слова были бы лишними). Гораздо вѣроятнѣе давнее объясненіе приведенныхъ словъ: *сквозь толщу брусьевъ,* сквозь отверстія пробуравленныя въ самыхъ брусьяхъ. Это было бы самое прочное, а при данной толщинѣ брусьевъ самое естественное ихъ соединеніе. По этому объясненію средній шестъ, скрывавшійся въ толщѣ стѣны, вовсе не былъ виденъ; по наружной же сторонѣ проходили только 4 шеста. Такъ, совершенно вѣрно, поняли положеніе средняго шеста Раши, а за нимъ Лигтфотъ и Лундій. Послѣдній впрочемъ ошибочно называетъ продѣтымъ сквозь брусья не пятый изъ шестовъ, а шестой, между тѣмъ какъ библейскій текстъ назначаетъ

ихъ только пять. Вотъ правильное показаніе расположенія шестовъ по Риггенбаху:



Разумѣется, это объясненіе опровергается тѣми изслѣдователями, которые въ составѣ стѣнъ скиніи видятъ не брусья локтевой толщины, а тонкія доски, такъ какъ послѣднія могли совершенно ослабиться пробуравленными въ нихъ сквозными отверстіями. Но какимъ образомъ Бэръ, соглашающійся признать локтевую толщину въ брусьяхъ скиніи, могъ думать, что пробитыя въ нихъ отверстія уничтожали бы ихъ крѣпость, непонятно. „Спросите плотниковъ, отвѣчаетъ ему по этому случаю Риггенбахъ, они вамъ скажутъ, что такія отверстія, какія требовалось пробуравить для шестовъ, не имѣли вліянія на крѣпость брусьевъ“. 4) Наружные засовы или шесты продѣвались въ золотыя кольца. Такъ какъ наружныхъ засововъ было 4, то и кольца были привинчены къ брусьямъ 4-мя правильными рядами; сколько можно судить по широтѣ брусьевъ, каждый

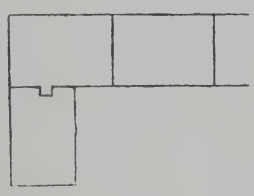
изъ нихъ имѣлъ по одному или по два кольца въ каждомъ ряду. По предположенію Риггенбаха, продѣваніе засововъ непремѣнно должно было начинаться съ угловъ, т. е. въ направленіи отъ задней стѣны ко входу, такъ что бывшее здѣсь на углу кольцо каждаго ряда называлось первымъ кольцомъ (Исх. 26, 24). Но для крѣпости стѣны совершенно безразлично, откуда бы ни начиналось продѣваніе засововъ въ кольца. Существенно необходимо здѣсь только то, чтобы вдѣтые въ кольца засовы на передней сторонѣ скиніи были какъ нибудь привинчены, при помощи какихъ нибудь наконечниковъ, а на заднихъ углахъ соединены съ соотвѣтствующими засовами поперечной западной стороны, хотя бы такъ, какъ представлялъ Іосифъ Фл., что конецъ одного засова вдѣвался въ ухо другого встрѣчнаго, τῷ θήλει τῆ ἄῤῥενος συνελθόντος. Только въ такомъ случаѣ засовы удовлетворяли бы своему назначенію и были бы не только соединеніемъ отдѣльно взятой каждой стороны, но и высшимъ соединеніемъ всѣхъ стѣнъ въ одно цѣлое. Но, съ другой стороны, нельзя не признать излишнею заботливость Евальда и Камфаузена, которые полагаютъ отличіе средняго засова отъ другихъ въ томъ, что онъ былъ сдѣланъ разомъ по мѣркѣ всѣхъ трехъ стѣнъ скиніи, представляя собою одно неразложимое цѣлое, одну огромную раму 30 локтей длины и 10 ширины; кольца соотвѣтствовавшія этой рамѣ были открыты, такъ что она не вдѣвалась, а только накладывалась на нихъ. Но въ библейскомъ текстѣ нѣтъ никакого намека на такой искусственный видъ средняго шеста. Онъ противорѣчилъ бы самому названію засова, בריח, и не удовлетворялъ бы своему назначенію, потому что открытыя кольца не могли сообщить ему никакой связующей крѣпости. Мы не говоримъ уже о томъ,

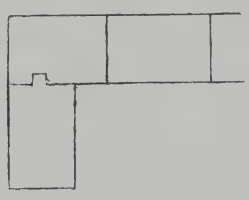
какую трудность представляло бы ношеніе въ походахъ такой чудовищной рамы.

4. Но главная трудность въ описаніи деревянной части скиніи касается представленія ея угольныхъ брусьевъ. Изъ восьми брусьевъ задней или поперечной стороны шесть имѣли такой же видъ, какъ и всѣ брусья продольныхъ стѣнъ, но остальные два, занимавшіе угловыя мѣста стѣнъ и причисленные къ поперечной сторонѣ, въ библейскомъ описаніи выдвигаются изъ ряда другихъ и описываются такъ: *„и два бруса сдѣлай для угловъ скиніи на двухъ сторонахъ, чтобы они были близнецы* (thoamim) *снизу* (millematha) *и цѣлыми* (thammim) *сверху* (al roscho), *къ кольцу одному“*. Это— одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ всей библіи, настоящій crux interpretum, какъ выражались старинные толкователи. Главнымъ образомъ трудность его заключается въ неясности собранныхъ здѣсь техническихъ выраженій: thoamim и при немъ thammim, millematha и при немъ al roscho, а также: *къ одному кольцу*. Въ какомъ отношеніи стоятъ между собою эти термины и какой видъ имѣли опредѣляемые ими угловые брусья? Прежде всего намъ необходимо здѣсь перебрать существующія объясненія даннаго мѣста.

а) Самое простое объясненіе представляетъ Бэръ. По его мнѣнію термины thoamim и thammim неправильно различаются какъ два различныхъ слова и должны переводиться одинаково чрезъ gedoppelt. Угловые брусья названы двойными сверху и двойными снизу не потому, чтобы они имѣли какой нибудь удвоенный видъ или форму отличную отъ другихъ брусьевъ (напротивъ они ничѣмъ отъ всѣхъ другихъ не отличались), а только потому, что они, по своему угловому положенію, принадлежали двумъ сторонамъ и, тогда какъ

другіе брусья были видны снаружи только одною стороною, угловые были открыты съ двухъ сторонъ. Что же касается термина: „къ одному кольцу“ или „при одномъ кольцѣ“, то, по мнѣнію Бэра, подъ кольцомъ здѣсь разумѣется не одно изъ тѣхъ колецъ, въ которыя, какъ мы видѣли, вдѣвались опоясывавшіе скинію засовы или шесты, а совершенно особенные крючки или скобы, приковывавшіе угловой брусъ къ другому сосѣднему брусу.





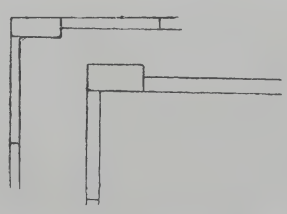
Нужно сказать, что такое пониманіе кольца угловаго бруса встрѣчается и у древнихъ переводчиковъ. Такъ LXX вмѣсто: „къ одному кольцу“ перевели: ἐις συμβολὴν μίαν, въ славянскомъ: *въ составъ единъ;* Вульгата: compago; Лютеръ: Klammer. Тѣмъ не менѣе приведенное объясненіе Бэра не можетъ считаться правильнымъ. Оно противорѣчитъ и еврейскому тексту, поколику смѣшиваетъ раздѣленные въ немъ термины thoamim и thammim и понимаетъ слово кольцо, tabaath, въ несвойственномъ ему значеніи, и переводу LXX, который хотя дѣйствительно соединяетъ термины thoamim и thammim, но совершенно въ другомъ смыслѣ. Кромѣ того, объясненіе Бэра само въ себѣ не имѣетъ опредѣленнаго смысла, потому что странно называть доску двойною потому только, что она видна съ двухъ сторонъ. Тѣмъ болѣе непонятно, почему въ такомъ случаѣ законодатель могъ выразиться: „двойная снизу и двойная сверху“.

б) Подобно Бэру, не полагаетъ различія между угловыми брусьями скиніи и всѣми остальными Риггенбахъ, авторъ одной изъ лучшихъ монографій о скиніи, хотя и различаетъ еврейскіе термины thoamim и thammim. Сущность его объясненія состоитъ въ слѣдующемъ. Угловые брусья должны быть близнецы, т. е. должны стоять какъ близнецы при ближайшихъ къ нимъ брусьяхъ продольныхъ стѣнъ, въ одной плоскости и въ правильномъ ряду съ внѣшнею линіею ближайшихъ брусьевъ. Конечно, то же самое нужно сказать и о всѣхъ брусьяхъ каждой стѣны; взявши наудачу изъ средины стѣны какихъ угодно два бруса, мы непремѣнно должны представлять ихъ стоящими въ тѣсной взаимной связи, подобно близнецамъ, и въ одномъ правильномъ ряду. Но если при другихъ брусьяхъ это само подразумѣвалось, то при угловыхъ брусьяхъ, нерѣдко выступающихъ въ архитектурныхъ планахъ въ видѣ выступовъ, это не могло само собою подразумѣваться, и потому такое положеніе ихъ указано нарочитымъ терминомъ thoamim. Если при этомъ прибавлено, что они должны стоять въ отношеніи близнецовъ *снизу,* то это не значитъ, что сверху это положеніе измѣнялось; выраженіе *снизу* (начиная съ самой нижней части) само собою предполагаетъ и сверху. Будучи близнецами, брусья должны быть цѣлы, thammim, т. е. неурѣзаны, не сокращены до самой вершины, *до головы.* Послѣднее выраженіе не есть противопоставленіе термину millematha, снизу, но употреблено независимо, и притомъ не въ смыслѣ вершины по отвѣсному направленію, а въ смыслѣ вершины или края по горизонтальному направленію, т. е. угла стѣны (Псал. 118, 22).—Противъ этого объясненія нужно замѣтить слѣдующее: *α*) угловые брусья называются въ текстѣ thoamim, близнецы, сами по себѣ, а

не въ отношеніи къ сосѣднимъ брусьямъ, и притомъ въ особенномъ смыслѣ, неприложимомъ ко всѣмъ остальнымъ брусьямъ; β) уголъ бруса, если бы могъ назваться *головою,* rosch, то только въ томъ случаѣ, если бы брусъ лежалъ горизонтально, а не стоялъ стоймя; γ) выраженія: *близнецы* и *неурѣзанные* не стоятъ между собою ни въ какомъ отношеніи противоположности, чтобы они вызывались одно другимъ. Мало того, выраженіе *неурѣзанные* здѣсь было бы совершенно лишнимъ; и при отсутствіи его никто не пришелъ бы къ мысли объ урѣзанныхъ углахъ, потому что вообще такіе углы не были употребительны. Риггенбахъ заставляетъ книгу Исходъ говорить противъ нѣкоторыхъ толкователей, которые дѣйствительно представляли угловые брусья скиніи урѣзанными.

Большая часть изслѣдователей полагаетъ дѣйствительное различіе угловыхъ брусьевъ отъ всѣхъ остальныхъ, хотя представляетъ это различіе неодинаково.

в) По мнѣнію Яна (Bibl. Arch. III, 232) угловые брусья скиніи были сдѣланы по другой мѣркѣ, именно имѣли двойную толщину, и въ этомъ именно смыслѣ они назывались близнецами, хотя по широтѣ они не только не превосходили остальныхъ брусьевъ, но даже были вдвое у́же: тогда какъ другія доски въ стѣнахъ скиніи имѣли $1^1/_2$ локтя ширины, угловыя только $^3/_4$ локтя. Что касается толщины, то, по принятому у Яна началу измѣренія, она была для остальныхъ досокъ только $^1/_4$ локтя; угловыя же доски имѣли двойную толщину, т. е. $^1/_2$ локтя. — Нужно замѣтить, что данное здѣсь у Яна отношеніе толщины угловыхъ досокъ къ толщинѣ всѣхъ остальныхъ заимствовано у Іосифа Флавія, который толщину угловыхъ досокъ полагаетъ въ

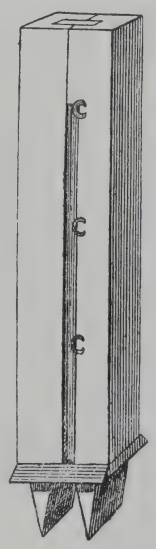


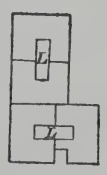
½ локтя, а остальныхъ въ 4 пальца. Тѣмъ не менѣе объясненіе Яна не можетъ быть принято. Хотя онъ даетъ угловымъ доскамъ двойную толщину, но такъ какъ это утолщеніе сдѣлано на счетъ ихъ широты, то въ сущности угловые брусья имѣютъ равную съ прочими, а не удвоенную величину, и въ этомъ отношеніи названіе двойныхъ или близнецовъ къ нимъ не приложимо. Но если бы даже удвоенная толщина угловыхъ брусьевъ и не уменьшала ихъ широты, то и въ такомъ случаѣ объясненіе Яна не могло бы быть принято уже потому, что для двойнаго утолщенія угловъ нѣтъ мѣста въ планѣ скиніи. Вопросъ въ томъ, куда выдавалась удвоенная толщина брусьевъ, внутрь или наружу? Если наружу, то это мѣшало бы проведенію скрѣпляющихъ засововъ или шестовъ; если внутрь, то это портило бы видъ святаго святыхъ и разрушало бы его кубическія формы. Мы не говоримъ уже о томъ, что Янъ неправильно представляетъ толщину стѣнъ скиніи по Іосифу Флавію.

г) По мнѣнію Камфаузена (Stud. und Krit. 1858, 97) угловые брусья были цѣльны снизу и цѣльны въ направленіи вверхъ до линіи перваго кольца или верхняго засова; выше же перваго кольца брусья были уже не цѣльны, но вкось срѣзаны на углахъ, для того, чтобы острота угловъ не портила тонкой ткани лежавшаго вверху покрова.—Несостоятельность этого объясненія доказать не трудно. Не говоря уже о незаконности смѣшенія терминовъ thoamim и thammim, Камфаузенъ совершенно произвольно различаетъ на угловыхъ столбахъ цѣльныя и срѣзанныя части и безъ всякаго основанія терминъ rosch (голова) относитъ къ первому кольцу. Нисколько не оправдываетъ Камфаузена и его заботливость о неповрежденности лежавшаго на стѣнахъ скиніи тонкаго покрова. Мы увидимъ дальше, что тотъ

драгоцѣнный покровъ, который имѣется въ виду у Камфаузена, свѣшивался внутрь скиніи, слѣдовательно вовсе и не могъ касаться ея наружныхъ угловъ.

д) По мнѣнію Ригма (Handwörterbuch des bibl. Alterth. II, 1556) описаніе брусьевъ, данное Исх. 26, 23, касается не угловыхъ только, но всѣхъ вообще брусьевъ скиніи. Всѣ они, въ томъ числѣ и угловые, были близнецы, thoamim, т. е. состояли изъ двухъ стволовъ акаціи и всѣ также были thammim, цѣлыми, поколику были крѣпко сплочены и обложены золотою обкладкою, дѣлавшею незамѣтнымъ ихъ двухчастный составъ. Но чтобы отличить чѣмъ либо угловые брусья отъ всѣхъ остальныхъ, на западной сторонѣ ихъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединялись двѣ половины брусьевъ, начиная отъ верхняго кольца или верхняго поперечнаго шеста и донизу, была сдѣлана выемка въ 1/4 локтя ширины и глубины, предотвращавшая возможность смѣшенія брусьевъ при перенесеніи скиніи и вмѣстѣ указывавшая снаружи ту линію въ западной поперечной стѣнѣ, гдѣ оканчивалось 10 локтей внутренней широты святилища и гдѣ уже начиналась толщина продольныхъ стѣнъ. Такая наружная мѣтка имѣетъ аналогію въ томъ, что и на наружныхъ покровахъ скиніи были отмѣчены пункты дѣленія святилища на святое и святое святыхъ. Что же касается верхней части угловыхъ брусьевъ, то она была не срѣзанною, какъ думалъ Камфаузенъ, а цѣльною, и даже безъ той выемки, которая была ниже, потому что отъ присутствія здѣсь такой выемки портилась бы драгоцѣнная ткань священнаго покрова скиніи. Вотъ цѣльный видъ Ригмова бруса





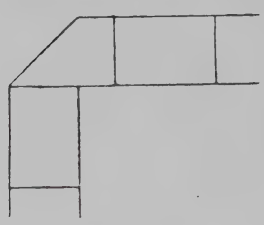
съ его разрѣзомъ. LL шипы брусьевъ, H наружная характеристичная выемка.

Конечно, въ этомъ объясненіи есть нѣчто тонкое, выдвигающее его изъ всѣхъ предшествующихъ объясненій, но и оно не выдерживаетъ строгой критики. Мѣсто 26, 23—24 по ясному смыслу текста относится только къ угловымъ брусьямъ, а не ко всѣмъ вообще. Поэтому, если и справедливо, что всѣ брусья скиніи состояли изъ двухъ частей, то это можно выводить уже изъ другихъ основаній, напр. изъ общаго представленія о значительной величинѣ брусьевъ и изъ ихъ двухъ нижнихъ концовъ. Такъ какъ и угловые брусья по тексту имѣли такую же значительную величину и такихъ же два конца и двѣ подставы подъ собою, то и они могли быть двухчастны. Но выраженіе thoamim сюда не относится и имѣетъ другой смыслъ, тѣмъ болѣе, что внутренняя двухчастность брусьевъ подъ ихъ золотою обкладкою дѣлалась совершенно незамѣтною. Да и для полноты смысла въ выраженіи *двойной* необходимо предположить, что это была исключительная особенность нѣкоторыхъ брусьевъ, а не общее ихъ свойство. Далѣе, при терминѣ thoamim (двойной) въ текстѣ стоитъ другой отличительный терминъ угловыхъ брусьевъ thammim (цѣльный). Въ объясненіи Ригма этотъ терминъ, какъ разъ вопреки тексту, приложимъ ко всѣмъ брусьямъ, кромѣ угловыхъ, потерявшихъ цѣльность, вслѣдствіе сдѣланной въ нихъ довольно глубокой выемки. О существованіи такой выемки текстъ не говоритъ ничего. Приводимое у Ригма практическое основаніе, что на угловыхъ брусьяхъ необходима была мѣтка, отличавшая ихъ отъ всѣхъ другихъ, имѣетъ свое значеніе; можетъ быть и всѣ брусья имѣли свои знаки или свою нумерацію, но текстъ этого не говоритъ, и

во всякомъ случаѣ говоритъ противъ того знака, который дѣлаетъ Ригмъ, какъ знака отнимающаго у брусьевъ ихъ цѣльность и ничего не прибавляющаго къ другому свойству угловыхъ брусьевъ, выражаемому терминомъ thoamim, близнецы. Сдѣланная Ригмомъ выемка угловыхъ брусьевъ, какъ видно изъ представленнаго имъ на планѣ разрѣза (буква Н) раздѣляетъ брусья на двѣ неравныя части, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи дѣлаетъ неприложимымъ къ нимъ понятіе близнецовъ.

е) Изъ такого же представленія о двойномъ составѣ всѣхъ вообще брусьевъ назначенныхъ для скиніи, еще прежде Ригма, выходилъ Фриссъ (Stud. und Krit. 97). Угловые брусья, говоритъ онъ, не только не имѣли исключительной особенности удвоенія предполагаемой понятіемъ thoamim, такъ какъ эта особенность была присуща всѣмъ вообще брусьямъ, а наоборотъ имѣли нѣкоторую особенность сокращенія. Они были двойными, подобно всѣмъ брусьямъ, только millematha, снизу. Отъ пониманія послѣдняго термина съ связи съ терминомъ rosch, голова, зависитъ все дальнѣйшее представленіе угловыхъ брусьевъ. Терминъ millematha значитъ здѣсь не *отъ земли,* а отъ того пункта, на которомъ строитель остановился, поставивъ шесть брусьевъ поперечной стороны и обратившись затѣмъ къ постройкѣ угловъ. Мы знаемъ, что въ такомъ видѣ, безъ угловыхъ брусьевъ, поперечная стѣна занимала 9 локтей, слѣдовательно до линіи продольныхъ стѣнъ не достигала съ той и другой стороны на $^1/_2$ локтя, а до внѣшняго угла на полтора локтя. Этотъ внѣшній уголъ и обозначенъ въ текстѣ терминомъ rosch, голова. И такъ, каждый угловой брусъ, начиная отъ своего базиса, т. е. отъ края шестаго бруса въ поперечной сторонѣ, долженъ быть двойнымъ, по-

добно всѣмъ вообще брусьямъ, до встрѣчи съ линіею продольной стѣны. Когда такимъ образомъ незаполненный полулокоть былъ заполненъ двойною стѣною, остальную часть угловаго бруса, незакрывавшую уже непосредственно внутреннее пространство святилища, а уходившую въ толщину продольной стѣны, можно было урѣзать такъ, чтобы планъ угла представлялъ не одинъ прямой уголъ, а два тупыхъ угла.—Такимъ образомъ у



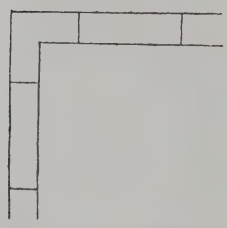
Фрисса мы встрѣчаемъ третій способъ урѣзыванія угловаго бруса послѣ Камфаузенова способа урѣзыванія одного только верхняго края угла и послѣ способа Ригмова урѣзыванія выемки среди бруса. Но здѣсь та особенность, что Фриссъ считаетъ нужнымъ урѣзывать брусъ не въ силу термина thoamim, какъ Ригмъ, чтобы дать ему видъ двойного, а въ силу термина thammim, чтобы дать ему видъ цѣльнаго. И такъ цѣльный и усѣченный—одно и то же!! И другіе термины весьма свободно объясняются у Фрисса. Ничѣмъ не оправдывается то, что голова означаетъ уголъ бруса, особенно такой уголъ, котораго уже нѣтъ и который уже срѣзанъ, и что millematha означаетъ край стѣны безъ угловыхъ брусьевъ.

Всѣ названные доселѣ изслѣдователи, согласно съ библ. текстомъ, считали угловые брусья принадлежностію одной только задней или поперечной стороны, владѣвшей обоими углами и не допускавшей сюда протяженія продольныхъ рядовъ, а терминъ thoamim (близнецы или двойные) понимали то объ открытомъ снаружи угловомъ положеніи брусьевъ, то объ отношеніяхъ угловыхъ брусьевъ къ другимъ рядомъ стоящимъ, то о нѣкоторыхъ другихъ наружныхъ признакахъ угловыхъ

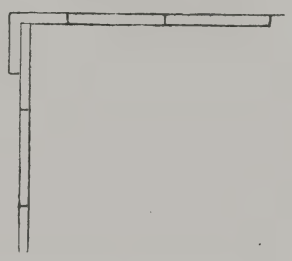
брусьевъ. Но была еще другая партія изслѣдователей, понимавшая терминъ thoamim въ смыслѣ принадлежности угловыхъ брусьевъ двумъ сторонамъ, поперечной и продольной, не по угловому только положенію брусьевъ, а по ихъ дѣйствительному протяженію въ ту и другую сторону. Иначе сказать: здѣсь возникаетъ вопросъ объ образованіи *внутреннихъ* угловъ святилища, которыхъ, при трехъ стѣнахъ, могло быть только два, и которые, какъ видно изъ общаго плана скиніи, должны были быть прямыми. Какъ образовывались эти углы? Всѣ выше названные изслѣдователи предполагали, что внутренніе углы составлялись соединеніемъ брусьевъ продольной и поперечной стороны: когда послѣдній крайній брусъ продольной стороны приставлялся къ угловому столбу поперечной стороны, тогда самъ собою выходилъ внутренній прямой уголъ. Напротивъ, другіе изслѣдователи предполагаютъ, что образованіе внутреннихъ угловъ было предметомъ особенной заботливости строителя скиніи, и что, для образованія ихъ, сообщался угловымъ столбамъ особенный видъ прямолинейно вогнутыхъ досокъ или брусьевъ, и одна такая угловая доска, поставленная на мѣстѣ, сама по себѣ дѣлала не только внѣшній, но и внутренній уголъ и указывала линіи для установки всѣхъ другихъ досокъ, находившихся, такъ сказать, въ ея подчиненіи. И такъ thoamim означаетъ доски о двухъ бокахъ или двухъ ребрахъ, образующихъ прямой уголъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и это мнѣніе, въ свою очередь, привело къ частнѣйшимъ раздѣленіямъ между изслѣдователями.

ж) Уже Лями въ этомъ смыслѣ понималъ угловыя доски скинія, но при этомъ ихъ ребра представлялъ неодинаковыми: ребро выходившее въ рядъ поперечной стороны имѣло у него $1/2$ локтя, а ребро продольной

стороны 6 пальцевъ (De tabernaculo, 351). Въ новѣйшее время это объясненіе повторилъ Поль Шольцъ (Die heilig. Alterth. des Volkes Israel 1, 150). Но другіе изслѣдователи, основываясь на значеніи слова thoamim, считаютъ необходимымъ признавать угловые брусья *равнобедренными*. Болѣе всѣхъ развилъ это объясненіе Мейеръ (Bibeldeutungen, 263), полагающій внутреннюю широту того и другого ребра угловой доски въ $^1/_2$ локтя, а наружную въ 1 локоть (толщина стѣнъ предполагается въ $^1/_2$ локтя). Но это объясненіе Мейера, такъ же какъ предшествующія объясненія Лями и Шольца, имѣетъ противъ себя то сильное возраженіе, что, при позволительномъ расширеніи поперечной стороны, оно не позволительно удлинняетъ продольныя стороны святилища на $^1/_2$ локтя, между тѣмъ какъ законная длина скиніи уже дана, независимо отъ угловыхъ досокъ, количествомъ 20 досокъ каждаго продольнаго ряда, помноженнымъ на $1^1/_2$ локтя ихъ широты. Напрасно Мейеръ думаетъ ослабить это возраженіе замѣчаніемъ, что полулоктевой излишекъ длины скиніи на планѣ поглощался толщиною колоннъ стоявшихъ внутри скиніи и раздѣлявшихъ святое и святое святыхъ. По ясному смыслу текста, при раздѣленіи святаго и святаго святыхъ, толщина колоннъ не бралась въ расчетъ, и границею раздѣленія между ними служила только линія висѣвшей на колоннахъ завѣсы. Кромѣ того, вогнутые угловые брусья, сдѣланные по рисунку Мейера и Шольца, должны считаться равно принадлежащими продольной и поперечной сторонѣ или совсѣмъ не считаться въ ряду брусьевъ той и другой стороны. Между тѣмъ библейскій текстъ са-

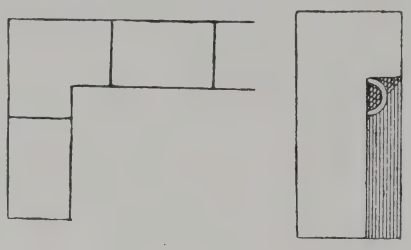


мымъ опредѣленнымъ образомъ причисляетъ угловыя доски къ одной только задней сторонѣ. Чтобы примирить съ текстомъ Мейерово представленіе вогнутой угловой доски, Кнобель считаетъ возможнымъ, что изъ двухъ равнобедренныхъ ея сторонъ только сторона, обращенная къ поперечному ряду досокъ, занимала опредѣленное мѣсто и считалась въ ряду досокъ. Что же касается ребра обращеннаго къ продольному ряду, то оно не считалось въ ряду досокъ, но въ видѣ наружной скрѣпляющей скобы ложилось поверхъ прилегающей рядовой доски продольной стороны, какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ. Но такимъ предположеніемъ устраняетъ ли Кнобель возраженіе неисключительной принадлежности Мейеровыхъ угловыхъ досокъ одной задней или поперечной сторонѣ? Такъ или иначе и у Кнобеля угловая доска принадлежитъ и продольной сторонѣ. Между тѣмъ своею необыкновенною постановкою вогнутыхъ угловыхъ досокъ Кнобель сглаживаетъ то отличительное ихъ свойство, которое дѣлало ихъ у Мейера thoamim, такъ какъ ихъ внутренній уголъ въ представленіи Кнобеля дѣлается незамѣтнымъ, наполняясь проникающими сюда рядовыми досками продольной стороны. Далѣе, Кнобель затрудняетъ пониманіе состава скиніи тѣмъ, что дѣлаетъ невозможнымъ проведеніе засововъ или прямыхъ скрѣпляющихъ стѣны шестовъ, вслѣдствіе выдающихся изъ линіи стѣнъ накладныхъ реберъ. Немаловажное значеніе имѣетъ и то, что Кнобель, вмѣстѣ съ Мейеромъ и Шольцемъ, для образованія своихъ вогнутыхъ угловыхъ досокъ считаютъ себя вынужденными



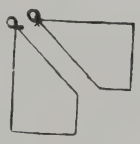
значительно сокращать вычисленную нами толщину всѣхъ вообще досокъ скиніи.

з) Еще болѣе противорѣчитъ библейскому тексту оригинальная конструкція угловыхъ брусьевъ, созданная Евальдомъ (Alterthümer des Volkes Israel, 424). Прежде всего, по его представленію, на углахъ стояли не какіе нибудь особенные угловые брусья, но крайніе изъ 20 брусьевъ, назначенныхъ для продольныхъ сторонъ. Если Мейеръ, дѣлая угловыми брусьями крайніе брусья поперечной стороны, въ то же время причислялъ ихъ и къ продольному ряду, то Евальдъ наоборотъ угловые брусья беретъ изъ ряда продольныхъ стѣнъ, хотя распространяетъ ихъ и на поперечную. По своему виду угловой брусъ Евальда имѣетъ широты и толщины $1^1/_2$ локтя. Но такъ какъ такая толщина угловаго бруса, при локтевой толщинѣ другихъ брусьевъ, нарушала бы правильность линіи стѣны и некрасиво выдавалась бы внутри святилища, то эта излишняя часть толщины бруса была вырѣзана въ уровень съ остальной плоскостью стѣнъ, при чемъ, вслѣдствіе угловаго положенія брусьевъ, сама собою образовывалась въ нихъ прямоугольная вогнутость, напоминавшая двуреберныя доски Мейера. Впрочемъ, по Евальду, такой вырѣзъ былъ сдѣланъ только снизу, millematha, до перваго кольца или верхняго засова, подобно наружной выемкѣ Ригма; верхняя же часть угловаго бруса сохраняла всю свою толщину и представляла видъ головы (rosch) бруса, $1^1/_2$ локтя въ квадратѣ, имѣвшей, между прочимъ, назначеніемъ давать болѣе удобную плоскость для лежавшихъ сверху покрововъ скиніи. Вотъ что значитъ по Евальду библейское выраженіе: „они были thoamim, двойными, снизу и цѣлыми, thammim, на своей вершинѣ“. Представленное Евальдово объясненіе угловыхъ брусьевъ,



взятыхъ изъ ряда 20 брусьевъ продольныхъ стѣнъ, прямо противорѣчитъ тексту, который угловые брусья считаетъ собственностію задней поперечной стороны. Далѣе, подобно тому какъ Мейеръ и Шольцъ своею конструкціею угловаго бруса удлинняли продольныя стѣны святилища, Евальдъ, доводящій продольные ряды брусьевъ до наружныхъ угловъ скиніи и, слѣдовательно, длину 30 локтей дѣлающій внѣшнею длиною святилища, при локтевой толщинѣ стѣнъ, укорачиваетъ на цѣлый локоть внутреннюю длину скиніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Евальдъ произвольно сокращаетъ число брусьевъ составлявшихъ стѣны скиніи и число ихъ подставъ.

и) Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объясненіе угловыхъ брусьевъ скиніи Неймана, имѣющее связь съ объясненіемъ Евальда. Угловой брусъ Неймана имѣетъ сходство съ брусомъ Евальда, за исключеніемъ того, что Евальдовъ брусъ былъ цѣльнымъ, а Нейманов состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ брусьевъ, принадлежащихъ одинъ продольной, другой поперечной сторонѣ и занимающихъ одинаковое угловое положеніе. Но такъ какъ два бруса, равные рядовымъ брусамъ, не могли быть разомъ поставлены на одномъ и томъ же углу, то оба они были наискось урѣзаны такъ, что, имѣя снаружи $1^1/_2$ локтя широты, внутри имѣли только $^1/_2$ локтя. Изъ соединенія двухъ такихъ усѣченныхъ брусьевъ получался одинъ угловой брусъ съ прямыми углами, наружнымъ и внутреннимъ. Мѣсто Исх. 26, 24 у Неймана объясняется далѣе такъ: усѣченные брусья были

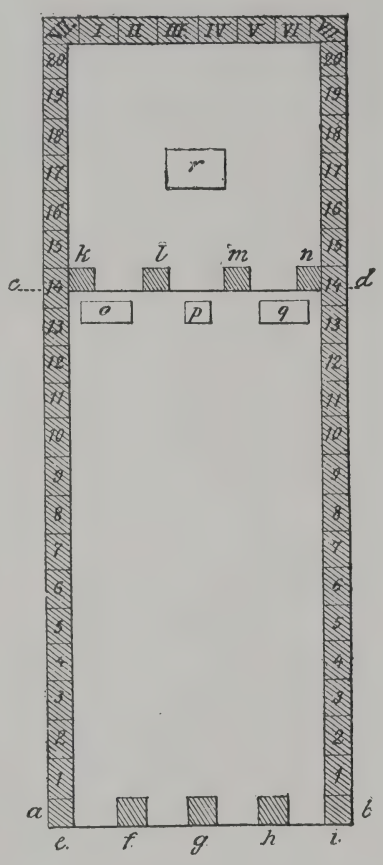


прилажены одинъ къ другому и образовали изъ себя пару, thoamim; поколику при этомъ они были связаны въ одно цѣлое, они назывались также thammim. Что же касается „перваго кольца“, то подъ нимъ Нейманъ разумѣетъ металлическую связь, соединявшую обѣ половины угловаго бруса и бывшую яко-бы вверху стѣны, на внѣшнемъ углу.—Очевидно, Нейманъ не исправляетъ недостатковъ Евальда. И его угловой брусъ только половиною принадлежитъ поперечной стѣнѣ, между тѣмъ какъ по тексту наружные углы скиніи принадлежатъ всецѣло поперечной стѣнѣ. Далѣе, при такомъ значительномъ урѣзываніи угловыхъ брусьевъ, не было бы мѣста для ихъ подставъ, которыя, въ количествѣ двухъ, должны были стоять подъ всѣми брусьями безъ исключенія, слѣдовательно и подъ четырьмя урѣзанными. Такъ какъ урѣзанные брусья имѣли каждый только $^2/_3$ поверхности цѣлаго бруса, а оба вмѣстѣ равнялись $1^1/_3$ бруса, то подъ ними могло быть мѣсто только для $2^2/_3$, а не для 4 серебряныхъ подставъ. Наконецъ Нейманъ, подобно Евальду, непозволительно отнимаетъ у скиніи цѣлый локоть ея внутренней длины.—Вообще же касательно вогнутаго вида угловыхъ брусьевъ нужно замѣтить, что онъ не вытекаетъ съ какою нибудь внутреннею необходимостію изъ термина thoamim—своего единственнаго основанія. Образъ расходящихся въ разныя стороны реберъ доски едва ли подходитъ подъ то, что можно назвать близнецами въ искусствѣ.

И такъ археологическая задача, данная въ Исх. 26, 23–24, до настоящаго времени не нашла для себя удовлетворительнаго рѣшенія. По нашему личному мнѣнію, за рѣшеніе этой задачи нужно браться нѣсколько иначе, чѣмъ брались всѣ упомянутые сейчасъ изслѣдователи. Конечно, ключъ къ рѣшенію задачи заключается

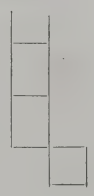
въ терминѣ thoamim, но объяснять его нужно не о свойствахъ отдѣльно взятаго угловаго бруса и не объ отношеніяхъ угловаго бруса къ сосѣднимъ ему рядовымъ брусьямъ, а исключительно только о взаимныхъ между собою отношеніяхъ именно этихъ двухъ угловыхъ брусьевъ. Это прямо слѣдуетъ уже изъ основного текста: „два бруса сдѣлай для угловъ скиніи на двухъ концахъ, чтобы они (между собою, въ взаимныхъ отношеніяхъ) были близнецы". Но когда двѣ вещи вмѣстѣ называются близнецами, то что это можетъ означать, если не то, что онѣ равны одна другой, сходны одна съ другою? Такой естественный смыслъ даютъ этому мѣсту уже LXX, не только переводящіе thoamim чрезъ ἴσοι, равные, одинаковые, но и три раза повторяющіе этотъ терминъ въ отношеніи къ двумъ угловымъ столбамъ (Исх. 26, 24 по LXX). Но такъ какъ угловые брусья стояли не рядомъ, а на двухъ противоположныхъ пунктахъ, выдающихся по своему значенію, то быть близнецами или сходными между собою для нихъ значитъ быть въ отношеніяхъ выдающейся параллельности. И такъ thoamim значитъ *параллельные*. Въ чемъ состояла эта параллельность или выдающаяся особенность, одинаково повторявшаяся въ томъ и другомъ угловомъ брусѣ, библейскій текстъ не указываетъ, за исключеніемъ выраженія millematha, *отъ основанія;* т. е. отношенія между угловыми брусьями, требуемыя ихъ параллельностію, должны начинаться уже съ ихъ основаній или пьедесталовъ. Такъ какъ углы у древнихъ евреевъ имѣли особенное священное значеніе и потому отдѣлывались съ особенною тщательностію и искусствомъ, какъ это можно видѣть уже въ отдѣлкѣ угловъ жертвенника, то и въ данномъ случаѣ угловые брусья имѣли какіе либо, свойственные угламъ, орнаменты, расположенные

въ томъ же порядкѣ параллельности. Вотъ и весь смыслъ даннаго мѣста по чтенію LXX. Если же имѣть въ виду еврейскій текстъ даннаго мѣста, то представленное объясненіе нужно дополнить въ смыслѣ другого термина thammim, не существующаго въ переводѣ LXX. Если терминъ thoamim, параллельные, указывалъ на взаимное отношеніе одного угловаго бруса къ другому угловому и на ихъ существованіе одного для другого, какъ бы независимо отъ всѣхъ остальныхъ частей скиніи, то терминъ thammim ставитъ ихъ въ ряды другихъ частей и указываетъ на ихъ положеніе въ общей цѣпи деревянныхъ элементовъ скиніи, какъ единицъ въ сущности равныхъ всѣмъ другимъ, служащихъ той же общей цѣли, замкнутыхъ въ одно общее единеніе или планъ (LXX: εἰς συμβολήν μίαν). Понимая такимъ образомъ терминъ thammim въ смыслѣ *самостоятельный,* имѣющій полное значеніе, другому связанному съ нимъ термину al roscho мы даемъ то значеніе, какое слово rosch имѣетъ Числ. 1, 2, счетъ, исчисленіе, итогъ. Такимъ образомъ весь 24-й стихъ будетъ имѣть такой смыслъ: угловые брусья должны выражать собою извѣстную строителямъ художественную архитектурную параллельность, какъ это требуется обычаемъ объ устройствѣ угловъ, начиная съ самаго своего основанія и далѣе; но, вмѣстѣ съ такимъ своимъ значеніемъ, они не должны терять что либо изъ того, что свойственно другимъ брусьямъ; напротивъ, они должны имѣть такое же полное значеніе въ *счетѣ* брусьевъ и, подобно всѣмъ остальнымъ брусьямъ, подчиняться общей системѣ укрѣпленія скиніи, внося свои отдѣльныя кольца въ общіе ряды колецъ и засововъ.—Вотъ общій планъ расположенія 20 брусьевъ на двухъ продольныхъ сторонахъ и 6 брусьевъ на поперечной, съ двумя угловыми брусьями (VII, VIII), составленный Фридерихомъ.



5. На входной фронтовой сторонѣ скиніи, обращенной къ востоку для того, какъ говоритъ Іосифъ Флавій, чтобы солнце свои первые лучи приносило въ даръ святилищу, стѣны не было; но, для утвержденія завѣсы, замѣнявшей дверь, здѣсь стояли пять колоннъ, עמוד (не простыхъ брусьевъ). (См. планъ, буквы e, f, g, h, i.). Объ объемѣ этихъ колоннъ ничего не сказано прямо, но такъ какъ этимъ колоннамъ дается только по одному базису, между тѣмъ какъ брусья, стоявшіе въ стѣнахъ, имѣли по два базиса, то отсюда можно заключать, что колонны имѣли приблизительно половинную величину брусьевъ, вѣроятно были не больше полулоктя въ діаметрѣ. Если бы входныя колонны имѣли полный локоть широты, какъ думаетъ Нейманъ, то онѣ поглощали бы пять локтей отъ широты святилища, а можетъ быть и больше, если ихъ пьедесталы имѣли обыкновенную расширенную форму; въ такомъ случаѣ проходы между колоннами, числомъ 4, были бы очень узки[1]. Помѣщались ли колонны входа въ чертѣ отдѣленной

[1] Тѣмъ болѣе, что по Нейману въ ряду пяти входныхъ колоннъ двѣ крайнія стояли не въ толщинѣ стѣны, какъ показано на предшеств. рисункѣ Фридериха, а только въ соприкосновеніи угловъ, такимъ образомъ;



для святилища мѣры 30 локтей или же внѣ этой черты, подлежитъ спору. Тѣ изслѣдователи, которые неправильными представленіями угловыхъ брусьевъ сокращаютъ законную длину святилища на западной поперечной сторонѣ, расчитываютъ вознаградить это сокращеніе толщиною колоннъ приставленныхъ къ восточной сторонѣ скиніи. Но, подобно тому какъ толщина деревянныхъ стѣнъ не берется въ расчетъ при опредѣленіи 30 локтей длины и 10 локтей ширины скиніи, и восточныя входныя колонны, занимавшія мѣсто стѣны, ничего не прибавляютъ къ длинѣ скиніи, гдѣ бы онѣ ни были поставлены. Натурально однако предположить, что своимъ помѣщеніемъ онѣ соотвѣтствовали западной поперечной сторонѣ, т. е. стояли внѣ линіи продольныхъ стѣнъ, и, слѣдовательно, внѣ внутренняго пространства святилища. Этимъ только отчасти объясняется то, что онѣ имѣли мѣдные пьедесталы, между тѣмъ какъ всѣ брусья стѣнъ имѣли пьедесталы серебряные. Очевидно этимъ указаніемъ дается знать, что колонны, стоявшія на входѣ скиніи, должны быть цѣнимы рядомъ съ столбами наружной ограды двора, также имѣвшими мѣдные пьедесталы. О какихъ нибудь взаимныхъ связяхъ между колоннами текстъ не говоритъ, но, по аналогіи внѣшней ограды, можно думать, что по вершинамъ колоннъ былъ проведенъ прутъ, замѣнявшій архитравъ колоннъ и служившій для утвержденія завѣсы входа. Изъ того, что въ исторіи построенія скиніи (Исх. 36, 38) говорится объ обкладкѣ золотомъ перекладинъ и капителей входа скиніи, безъ упоминанія о стволахъ колоннъ, нѣкоторые (Кнобель) заключаютъ, что стволы колоннъ не имѣли металлической обкладки. Но это противорѣчитъ тому, что всѣ остальныя деревянныя части скиніи имѣли золотую

обкладку, а равно и положительному свидѣтельству законодательнаго описанія скиніи (Исх. 26, 37), гдѣ говорится объ обкладкѣ золотомъ не капителей только, но вообще колоннъ входа. Напротивъ, Нейманъ, на основаніи послѣдняго свидѣтельства, вывелъ обратное заключеніе, что не стволы, а именно капители не имѣли обкладки или даже что капителей вовсе не было, подобно тому какъ въ стѣнахъ не было карнизовъ.—Наконецъ послѣднюю часть деревяннаго состава скиніи представляли 4 деревянныя, обложенныя золотомъ, колонны, стоявшія внутри скиніи, на чертѣ раздѣленія святаго и святаго святыхъ, на серебряныхъ базисахъ [1]; три пролета между ними образовали, завѣшенный завѣсою, тройной входъ святаго святыхъ. (См. планъ на стр. 73, буквы: *k*, *l*, *m*, *n*).

Оставляя здѣсь описаніе деревяннаго состава скиніи, мы должны прибавить, что онъ былъ только второстепенною частію скиніи. Описанныя стѣны и колонны были только носителями тѣхъ завѣсъ и покрововъ, которые давали святилищу видъ и имя шатра или скиніи.

Всѣхъ покрововъ скиніи библейскій текстъ указываетъ четыре.

Первый изъ покрововъ, составлявшихъ скинію, иначе называемый нижнимъ или внутреннимъ, по своему положенію сравнительно съ другими, тонкимъ и разноцвѣтнымъ, по своему матеріалу, имѣлъ сходство съ разноцвѣтною завѣсою двора скиніи, бывшею на входѣ, но превосходилъ ее болѣе художественною отдѣлкою, на-

[1] По объясненію Климента александрійскаго (Strom. v.) эти четыре колонны соотвѣтствовали четыремъ буквамъ священной тетраграммы Jaov.

званною въ основномъ текстѣ, работою choscheb, חשב, LXX: ἔργον ὑφαντὸν, Вульгата: variatum opere plumario, opus polymitum. По іудейскому преданію, особенностію этой работы было то, что она давала ткани два лица или два различные вида съ лица и изнанки. Лицевая сторона покрова, въ отличіе отъ завѣсъ двора, имѣла изображенія херувимовъ, вышитыя золотыми нитями по трехцвѣтному полю. Подобно тому какъ стѣны слагались изъ отдѣльныхъ брусьевъ, и покровъ скиніи состоялъ изъ отдѣльныхъ полосъ, числомъ 10, имѣвшихъ каждая 28 локтей длины и 4 локтя ширины. Эти отдѣльныя узкія полосы были сначала сшиты вмѣстѣ по 5, по замѣчанію Іосифа Флавія, такъ искусно, что казались цѣльными двумя полосами [1]. Поэтому нельзя не признать неосновательнымъ предположеніе Неймана, что швы на соединеніи полосъ были раздѣланы золотомъ, чтобы быть болѣе замѣтными, — каковые швы часто встрѣчаются на ассирійскихъ одеждахъ и коврахъ. Образовавшіяся такимъ образомъ двѣ большія полосы, имѣвшія каждая ту же длину 28 локтей и ширину 20 локтей, уже не сшивались, но соединялись при помощи 100 голубыхъ петлей, симметрически расположенныхъ по 50 въ той и другой полосѣ и прихваченныхъ 50-ю золотыми крючками, вѣроятно имѣвшими форму буквы S. По соединеніи такимъ способомъ обѣихъ половинъ образовывался одинъ цѣльный покровъ той же длины 28 локтей и ширины 40 локтей. Хотя, на мѣстѣ соединенія обѣихъ половинъ петлями и крючками, могъ быть нѣкоторый промежутокъ, повидимому увеличивавшій ширину покрова, но онъ покрывался тѣмъ,

[1] Мы видѣли уже, что Іосифъ Флавій употребляетъ то же выраженіе о соединеніи брусьевъ въ стѣны. Оно было, по его словамъ, до того правильно и плотно, что стѣны казались цѣльными.

что всѣ другія полосы, тѣсно сшитыя вмѣстѣ, теряли нѣчто отъ своей широты. Болѣе широкій, чѣмъ длинный, покровъ распростирался на брусья стѣнъ святилища такъ, что его 40-локтевая ширина приходилась по 30-локтевой длинѣ скиніи, а его 28-локтевая длина по 10-локтевой широтѣ скиніи. Изъ того, что, по свидѣтельству Исх. 26, зз, завѣса, раздѣлявшая святое и святое святыхъ, висѣла какъ разъ подъ крючками, соединявшими голубыя петли обѣихъ половинъ покрова, очевидно слѣдуетъ, что одна половина покрова своею 20-локтевою шириною покрывала какъ разъ длину перваго отдѣленія святилища, такъ называемаго святаго [1], между тѣмъ какъ вторая половина первыми десятью локтями своей широты покрывала длину святаго святыхъ, а другими десятью локтями широты свѣшивалась внизъ по 10-локтевой высотѣ западной стѣны скиніи. Точно также и излишекъ 28-локтевой длины покрова, оставшійся послѣ покрытія 10 локтей ширины святилища, именно 9 локтей съ той и другой стороны ($\frac{28-10}{2}=9$), свѣшивался по стѣнамъ продольнымъ, сѣверной и южной. Но здѣсь является вопросъ, не имѣющій прямаго рѣшенія въ библейскомъ текстѣ, но тѣмъ не менѣе очень важный для археологіи скиніи: свѣшивались ли не помѣщавшіеся на потолкѣ излишки драгоцѣннаго покрова ($\frac{28-10}{2}=9$ локтей на каждой продольной сторонѣ и $40-30=10$ локтей на западной сторонѣ скиніи) внутрь святилища,

[1] Мнѣніе Неймана, что первая половинная часть покрова покрывала всю длину святаго не 20-ю локтями, а только 19-ю, такъ какъ она легко растягивалась, и что остававшійся лишній локоть былъ подобранъ буфами, въ видѣ орнамента надъ входомъ святаго святыхъ,—совершенно неумѣстно. Если текстъ соразмѣрилъ длину святаго съ широтою половинной части покрова, то это значитъ, что никакія отступленія здѣсь не допускались. Да и ткань покрова была слишкомъ нѣжна, чтобы ее можно было растянуть въ цѣлый лишній локоть.

образуя собою драпировку стѣнъ, или перебрасывались чрезъ деревянныя стѣны и свѣшивались по ихъ наружной сторонѣ, образуя собою шатерное наружное покрытіе стѣнъ? Изслѣдователи раздѣлились по этому вопросу на два лагеря: авторъ Сиппурену, Бонфреръ, Фатеръ, Баумгартенъ, Бэръ, Кейль, Филипсонъ, Мункъ, П. Шольцъ, Нейманъ, Герлахъ, Курцъ стоятъ за первое рѣшеніе вопроса; напротивъ: Раши, Лундій, Евальдъ, Умбрейтъ, Фридерихъ, Кнобель, Камфаузенъ, Лейреръ, Риггенбахъ, Дистель, Ригмъ стоятъ за послѣднее рѣшеніе. На этомъ вопросѣ и намъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ все святилище Мойсея принимаетъ различный видъ отъ такого или иного его рѣшенія.

Вотъ основанія, приводимыя защитниками внутренняго расположенія драгоцѣннаго покрова:

1. Нижній покровъ скиніи, самъ по себѣ взятый, называется въ библейскомъ текстѣ mischkan, משכן, т. е. жилище, обиталище, домъ. Но такимъ названіемъ можетъ указываться только нѣчто полное, закругленное въ форму человѣческаго жилища, чѣмъ могъ быть покровъ скиніи только въ томъ случаѣ, если онъ свѣшивался внутрь святилища по всѣмъ сторонамъ. Напротивъ, если бы покровъ раздѣлялся между внутреннею и внѣшнею стороною, образуя потолокъ внутри святилища и затѣмъ перебрасываясь на наружную сторону стѣнъ, то онъ терялъ бы впечатлѣніе цѣльности и вмѣстѣ право на названіе mischkan. Особенное значеніе это названіе получаетъ отъ того, что второй верхній покровъ, о которомъ будемъ говорить далѣе, и который несомнѣнно уже покрывалъ святилище съ внѣшней стороны и внутри вовсе не былъ виденъ, въ отличіе отъ разсматриваемаго нами покрова, называется въ текстѣ אהל, шатеръ, палатка. Такъ долженъ былъ называться и нижній покровъ, если бы онъ

свѣшивался на наружную сторону святилища, потому что и онъ давалъ бы тогда святилищу видъ шатра. Если же онъ названъ не шатромъ, а домомъ, то, конечно, по совершенной противоположности своего внутренняго расположенія. Тогда какъ о расположеніи втораго покрова по наружной сторонѣ скиніи въ текстѣ употребляется выраженіе פרש, распростирать, какъ распростирается шатерное полотно, о нижнемъ покровѣ говорится הָקֵם, утвердить, установить (не по виду шатра).

2. Весь разсматриваемый покровъ, при 40 локтяхъ ширины и 28 длины, давалъ поверхность 1,120 квадр. локтей. При наружномъ расположеніи его, отъ него было бы видно только 300 квадр. локтей на потолкѣ; остальные же 820 локтей были бы вовсе не видны не только внутри скиніи, такъ какъ они были бы за стѣною, но и снаружи, гдѣ эту часть покрова закрывалъ бы второй верхній покровъ. Но трудно предположить, чтобы такая драгоцѣнная матерія, украшенная притомъ изображеніями херувимовъ, была сдѣлана для того, чтобы быть сокрытою. Если согласиться съ авторомъ комментарія Сиппурену, что изображенія херувимовъ были разшиты не по всему полю покрова, а только на концахъ каждой изъ десяти полосъ, входившихъ въ составъ покрова, тогда нужно даже допустить, что херувимовъ вовсе не было бы видно на покровѣ, переброшенномъ на наружную сторону скиніи. Напротивъ, если бы покровъ драпировался по внутреннимъ стѣнамъ, херувимы являлись бы стоящими вдоль нижней половины стѣнъ одною правильною линіею.

3. Разсматриваемый покровъ имѣетъ сходство только съ тою завѣсою, которая раздѣляла святое и святое святыхъ. Слѣдовательно, подобно ей, и онъ долженъ былъ распростираться внутри скиніи. При наружномъ

расположенiи покрова нужно было бы предполагать въ немъ сходство съ наружною входною завѣсою скинiи, чего однакожъ не было.

4. По своей тонкости и виду разсматриваемый покровъ не могъ служить простымъ шатернымъ полотномъ, не могъ быть прикрѣпленъ къ землѣ колками, веревками и проч.

5. Извѣстно, что въ храмѣ Соломоновомъ, на всѣхъ внутреннихъ стѣнахъ его, были изображенiя херувимовъ; точно также и въ таинственномъ храмѣ Iезекiиля (41, 18—20) херувимы фигурируютъ на всѣхъ стѣнахъ. Но такъ какъ храмъ Соломоновъ несомнѣнно построенъ по образцу скинiи, то его стѣнныя изображенiя херувимовъ могли быть только подражанiемъ Мойсеевой завѣсѣ съ херувимами; но для этого необходимо, чтобы Мойсеева завѣса была вся внутри скинiи. Дѣлать же рѣзныя изображенiя херувимовъ на деревянныхъ стѣнахъ скинiи, какъ видно изъ библейскаго описанiя, Мойсей не предполагалъ.

6. Наконецъ Филонъ (de Vita Mos. 666) считаетъ разсматриваемый покровъ внутреннимъ украшенiемъ скинiи. Описавъ видъ этого покрова точно такъ, какъ онъ описанъ въ библейскомъ текстѣ, Филонъ поясняетъ, что покровъ 28 локтями своей длины покрывалъ 10 локтей потолка и затѣмъ на каждую продольную стѣну спускался девятью локтями. Это могло быть только въ томъ случаѣ, если онъ свѣшивался внутрь скинiи; въ противномъ случаѣ нѣкоторая часть его уходила бы еще на толщину стѣнъ, тѣмъ болѣе, что Филонъ признаетъ стѣнные брусья очень толстыми (κίονες). Равнымъ образомъ и Iосифъ Флавiй (Antiqu. III, 6, 4) свидѣтельствуетъ, что разсматриваемымъ покровомъ были покрыты продольныя стѣны скинiи, не достигая до земли на одинъ локоть. И для этого необходимо, чтобы покровъ спу-

скался внизъ внутри скиніи, потому что, переброшенный на наружную сторону, онъ казался бы гораздо короче.

Напротивъ, въ защиту наружнаго расположенія драгоцѣннаго покрова, приводятъ слѣдующія основанія:

1. По описанію Исх. 26, 13 второй покровъ скиніи, сдѣланный изъ козьей шерсти, покрывалъ собою mischkan такъ, что на одной и другой сторонѣ оставался еще остатокъ одного локтя. Въ такомъ отношеніи второй покровъ находился бы къ первому или нижнему только въ томъ случаѣ, если бы оба они равно распростирались по внѣшней сторонѣ святилища.—Это положеніе на первый взглядъ доказательно. Но дѣло въ томъ, что слово mischkan употребляется не только въ отношеніи къ нижнему покрову, но и къ деревяннымъ стѣнамъ скиніи и есть даже одно изъ общихъ именъ всего святилища. Только въ началѣ, при описаніи деталей, mischkan имѣетъ узкій смыслъ и прилагается къ одному нижнему покрову; въ дальнѣйшемъ же описаніи его значеніе постепенно расширяется и наконецъ означаетъ цѣлое скиніи. Что и въ Исх. 26, 12–13 подъ mischkan нужно разумѣть скинію съ ея деревянными стѣнами, видно изъ употребленнаго здѣсь выраженія: *задняя сторона mischkan*, приложимаго вполнѣ не къ покрову, а къ корпусу зданія скиніи. Впрочемъ о значеніи этого мѣста мы будемъ еще говорить въ спеціальномъ разсмотрѣніи второго покрова.

2. Когда четырехугольный покровъ, напримѣръ скатерть на столѣ, свѣшивается внизъ, то при этомъ на углахъ образуются удлиненные концы. Въ разсматриваемомъ покровѣ скиніи, если бы онъ свѣшивался внутрь, такіе концы достигали бы до 13 локтей въ діагонали, т. е. тремя локтями лежали бы уже на землѣ. И вообще расположеніе покрова во внутреннихъ углахъ

святилища не могло быть гладкимъ, и слѣдовательно портило бы его видъ.—Это возраженіе будетъ сильнѣе, если поставимъ его vice versa. И переброшенный чрезъ стѣны, покровъ давалъ бы на углахъ концы 9 локтей длины на 8 ширины съ діагональю 12 локтей, слѣдовательно лежалъ бы на землѣ, если не тремя, то двумя локтями. Но тогда какъ внутри святилища прикосновеніе къ землѣ не приносило бы никакого вреда покрову, съ наружной стороны, въ такомъ случаѣ, валяясь на землѣ, покровъ портился бы, особенно вслѣдствіе воспріимчивости своихъ радужныхъ цвѣтовъ къ внѣшнимъ приражеиіямъ. Повергать же на землю херувимовъ, расшитыхъ по покрову, было бы даже непозволительно. Это сознаютъ и защитники наружнаго расположенія драгоцѣннаго покрова, и придумываютъ разные способы и формы, которыми угловые концы покрова могли быть подобраны: по Риггенбаху и Ригму, они были пришпилены къ задней стѣнѣ въ формѣ треугольника. Но такимъ же образомъ можно было подобрать концы покрова и внутри скиніи.

3. Наконецъ указываютъ на то, что, свѣшиваясь внутрь, покровъ требовалъ бы цѣлой системы не упоминаемыхъ въ библейскомъ источникѣ крючковъ и петлей, на которыхъ онъ долженъ былъ висѣть какъ завѣса. Напротивъ, для наружнаго расположенія покрова, ничего этого не требовалось, и вообще наружное расположеніе покрова такъ натурально, что если бы текстъ имѣлъ въ виду отступленіе отъ него, онъ далъ бы знать объ этомъ прямымъ указаніемъ.—Натуральнымъ для всякой вещи нужно считать только такое положеніе, для котораго она предназначена. Но такъ какъ драгоцѣнный покровъ и фигурировавшіе на немъ образы херувимовъ предназначены были не для двора, а для внутренняго

украшенія святилища, то и самое натуральное положеніе для покрова было драпироваться внутри скиніи. Что же касается крючковъ или другихъ укрѣпленій, безъ которыхъ покровъ дѣйствительно не могъ обходиться, спускаясь внутрь, то о нихъ, какъ весьма легко подразумѣваемыхъ, не упоминается и въ другихъ случаяхъ, напр., при входныхъ завѣсахъ, гдѣ они не менѣе были необходимы. — И такъ, изъ двухъ указанныхъ мнѣній о положеніи нижняго драгоцѣннаго покрова нужно отдать предпочтеніе первому мнѣнію, по которому онъ, образуя потолокъ скиніи, спускался по ея внутреннимъ стѣнамъ, сѣверной, южной и западной.

Съ совершенно новымъ мнѣніемъ о положеніи нижняго покрова выступилъ неоднократно уже нами упомянутый, американскій профессоръ Пэнъ (Solomon's Temple, 78—83). По его взгляду, разсматриваемый покровъ не былъ не только наружнымъ, но и внутреннимъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно это представляютъ; онъ не былъ на потолкѣ и верхней части стѣнъ, но драпировался въ видѣ панели на нижней половинѣ стѣнъ, внутри скиніи. Основаніемъ такого взгляда Пэна послужило то, что въ библейскомъ текстѣ о взаимномъ отношеніи между собою отдѣльныхъ десяти полосъ этого покрова, при ихъ соединеніи въ двѣ большія половины покрова, употреблено выраженіе: אשה אל אחותה, буквально: *женщина къ своей сестрѣ* (т. е. одна къ другой или другъ къ другу), выраженіе не употребляющееся о второмъ покровѣ и удерживаемое съ буквальной точностію, какъ отличительная особенность соединенія даннаго покрова у LXX а также въ халдейскомъ, сирскомъ, самаританскомъ и коптскомъ переводахъ. Такимъ образомъ, приведенное выраженіе показываетъ, что полосы драгоцѣннаго покрова съ херувимами соединялись

необыкновеннымъ образомъ, не такъ, какъ были соединены полосы второго покрова, т. е. не своими длинными продольными сторонами. Если же не такъ, то онѣ могли быть сшиты только поперечными узкими своими сторонами, потому что другихъ еще соединенiй полосъ нельзя и представить. И такъ всѣ пять полосъ половинной части покрова, имѣвшiя каждая 28 локтей длины, сшитыя указаннымъ способомъ, давали одну полосу широты 4 локтей и длины 170 или даже 173 локтей (три локтя прибавлялись еще отъ связей между полосами). На этой длинной полосѣ были изображенiя херувимовъ, распростертыя крылья которыхъ, какъ видно изъ описанiя херувимовъ Соломонова храма, должны были касаться одно другого. И упомянутое библейское выраженiе *сестра къ сестрѣ* или *братъ къ брату,* т. е. другъ къ другу, относится непосредственно къ херувимамъ, изображенiя которыхъ, въ числѣ 7, были расположены одинаково на каждой изъ соединенныхъ здѣсь пяти полосъ; каждый херувимъ съ распростертыми крыльями занималъ на полосѣ квадратъ 4 локтей, слѣдовательно 7 херувимовъ занимали всѣ 28 локтей длины каждой отдѣльной полосы. Приставить херувимовъ однихъ къ другимъ (братъ къ брату) значитъ помѣстить ихъ на одной линiи, такъ чтобы лицо одного херувима смотрѣло на лицо другого (Исх. 25, 20), а не на разныхъ линiяхъ высоты, какъ это было бы при другомъ соединенiи полосъ. Еврейскiй предлогъ אל означаетъ прямолинейное движенiе къ чему; если бы потребовалось ряды херувимовъ поставить одни *на* другихъ, былъ бы употребленъ предлогъ על. Такимъ образомъ то, что называютъ нижнимъ покровомъ скинiи, были двѣ полосы 4-хъ локтей ширины и 170 локтей длины съ 35 херувимами каждая. Если въ текстѣ говорится далѣе о крючкахъ и петляхъ, соединявшихъ эти двѣ полосы

въ одно, то подъ крючками разумѣются золотые гвозди, вбитые въ деревянную стѣну скиніи, на высотѣ 4-хъ локтей отъ пола, числомъ 50; на нихъ надѣвались голубыя петли описанныхъ полосъ, равномѣрно пришитыя къ длинѣ полосъ на протяженіи 170 локтей. Такъ какъ разстояніе между 50 гвоздями, вбитыми въ стѣну, было несравненно меньше разстоянія между петлями завѣсы (на столько меньше, на сколько 70 меньше 170), то полосы, повѣшенныя на гвозди, образовали складки или буфы, опускаясь внизъ въ срединѣ между каждыми двумя гвоздями. Если, наконецъ, въ текстѣ говорится, что двѣ полосы покрова соединялись въ одинъ мишканъ, то это означаетъ только то, что обѣ 170-локтевыя полосы навѣшивались одна на другую одинаковымъ образомъ, на одни и тѣ же золотые гвозди, вбитые въ стѣну.

Не трудно доказать шаткость этого новаго объясненія. Кромѣ одного выраженія: *женщина къ сестрѣ*, во всемъ остальномъ описаніе нижняго покрова совершенно сходно съ описаніемъ второго покрова скиніи изъ козьей шерсти; и тамъ и здѣсь количество петлей и крючковъ показано совершенно одинаковое; слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать въ нижнемъ покровѣ другое соединеніе полосъ, другую связь крючками и петлями, чѣмъ какую самъ Пэнъ признаетъ во второмъ покровѣ. Если бы крючки, соединявшіе двѣ половины перваго покрова, были вбиты въ стѣну, то это слишкомъ важная особенность, чтобы писатель оставилъ ее не отмѣченною опредѣленнымъ образомъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что повѣсить двѣ половины покрова на одни и тѣ же гвозди не значитъ соединить ихъ и образовать одинъ покровъ. Что касается выраженія: אשה אל אחותה, *женщина къ сестрѣ* (другъ къ другу),

то это слишкомъ обыкновенный гебраизмъ, чтобы ему можно было придавать такое необыкновенное значеніе, и относится вовсе не къ херувимамъ (муж. рода), а къ полосамъ покрова, независимо отъ бывшихъ на нихъ изображеній. Въ описаніи второго покрова изъ козьей шерсти это выраженіе не встрѣчается, потому что второй покровъ, въ отличіе отъ перваго, состоялъ изъ двухъ неравныхъ половинъ, стоявшихъ между собою не въ такомъ отношеніи сходства, какъ сестра къ сестрѣ. Наконецъ, придуманный Пэномъ способъ расположенія разсматриваемаго покрова уродуетъ внутренность скиніи. (См. рис. на стр. 23).

Если отличительною особенностію нижняго покрова было то, что онъ образовалъ собою мишканъ или внутреннее обиталище, обнимавшее внутреннее пространство святилища, то второй изъ покрововъ скиніи, слѣдовавшій за нижнимъ, изображается ясно какъ наружное покрытіе святилища, сообщавшее ему именно видъ скиніи; и самъ по себѣ взятый, второй покровъ характеризуется названіемъ ohel, *шатеръ* (Исх. 40, 19). Вотъ что предписывалъ законъ объ этомъ покровѣ: „сдѣлай покрывала изъ козьей шерсти въ видѣ шатра, ohel, надъ внутреннимъ обиталищемъ (мишканъ). Всѣхъ покрывалъ 11, каждое длиною 30 локтей и шириною 4 локтя. Изъ всѣхъ 11 покрывалъ сдѣлай два покрова; для одного соедини 5 отдѣльныхъ покрывалъ, а для другого 6 покрывалъ. Излишнее шестое покрывало расположи двойными складками на передней сторонѣ скиніи. Сдѣлай 50 петлей на краю одного соединеннаго покрова и, 50 петлей на краю другого соединеннаго покрова и, при помощи 50 мѣдныхъ крючковъ, соедини ихъ вмѣстѣ для того, чтобы покровъ, имѣющій сообщить святилищу видъ

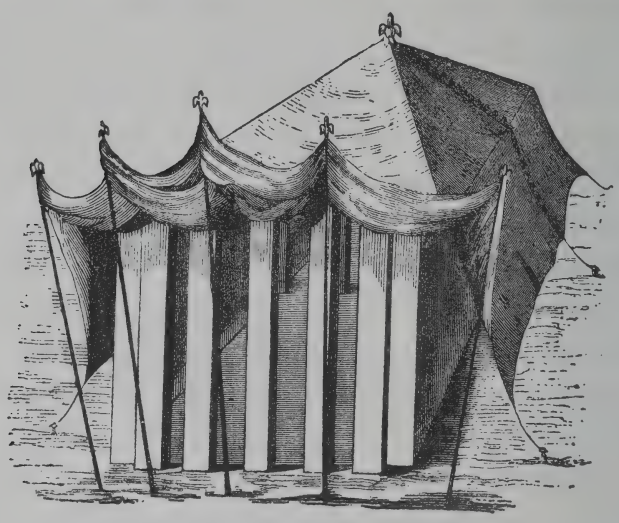
шатра, былъ однимъ цѣлымъ". Что касается свѣшивающагося излишка шатерныхъ покрывалъ, то о немъ предписано, что на задней сторонѣ святилища онъ долженъ свѣшиваться „половиною покрывала оставшагося". На продольныхъ же стѣнахъ съ той и другой стороны онъ долженъ былъ свѣшиваться по бокамъ святилища *равномѣрно*, закрывая его собою (Исх. 26, 7—13). Во второмъ исполнительномъ описаніи о свѣшивающихся съ потолка частяхъ покрова не упоминается (Исх. 36, 14—19). Войдемъ въ подробности этого описанія.

Описаніе второго покрова дѣлается аналогично описанію перваго съ тѣми необходимыми отклоненіями, какія вызывались особеннымъ назначеніемъ этого покрова—сообщать святилищу видъ шатра, и его наружнымъ расположеніемъ, требовавшимъ увеличеннаго объема. Число отдѣльныхъ покрывалъ или полосъ, изъ которыхъ состоитъ второй покровъ, отличается отъ числа полосъ перваго покрова: тамъ было 10 (5+5), а здѣсь 11 (5+6). Длина отдѣльныхъ полосъ и, слѣдовательно, всего покрова двумя локтями превышаетъ длину перваго или нижняго покрова: тамъ было 28, а здѣсь 30 локтей. Широта остается таже для отдѣльныхъ полосъ (4 локтя), но для всего покрова, вслѣдствіе прибавки лишней полосы, увеличивается на 4 локтя (44 локтя). Такъ какъ законодательное описаніе скиніи вообще исходитъ отъ святаго святыхъ, то и здѣсь прежде указанная половина, имѣвшая въ своемъ составѣ 5 полосъ, распростиралась на святомъ святыхъ, а послѣ указанная шестиполосная на святомъ. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ первомъ покровѣ, отдѣльныя полосы своею длиною ложились поперегъ скиніи. И здѣсь, какъ въ первомъ покровѣ, кольца и петли, соединявшія двѣ половины покрова, падали на тотъ же пунктъ раздѣленія святаго и святаго

святыхъ. Правда, нѣкоторые изслѣдователи (Евальдъ, Шольцъ, Ригмъ) отодвигаютъ линію колецъ второго покрова на 2 локтя далѣе на западъ отъ черты раздѣленія святаго и святаго святыхъ для того, чтобы заставить покровъ свѣшиваться съ потолка лишними двумя локтями,—что имѣетъ значеніе въ вопросѣ о положеніи нижняго покрова. Но въ такомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію Бэра, кольца и петли теряли бы свое единственное назначеніе — служить наружными показателями внутренняго раздѣленія скиніи, имѣвшаго чрезвычайно важное значеніе. Народъ, не проникавшій внутрь скиніи, только по наружному ея виду могъ составить себѣ понятіе о ея внутреннемъ устройствѣ, особенно же о размѣрахъ того неприступнаго отдѣленія скиніи, которое было мѣстомъ преимущественнаго присутствія Божія среди своего народа. Между тѣмъ передвиженіе линіи колецъ необходимо приводило къ ложнымъ представленіямъ о внутреннемъ видѣ скиніи. Кромѣ того, на всякомъ другомъ мѣстѣ, внѣ раздѣльной черты святаго и святаго святыхъ, такая искусственная линія колецъ и цвѣтныхъ петлей была бы неумѣстною и излишнею и конечно замѣнялась бы такимъ же простымъ швомъ, какимъ были сшиты всѣ другія полосы. Не нужно забывать при этомъ, что завѣса, служившая входомъ во святое святыхъ, прямо называется *завѣсою, что подъ кольцами*. Если, такимъ образомъ, линія колецъ въ покровѣ должна была падать на самую черту раздѣленія святаго и святаго святыхъ, то половина покрова, приходившаяся на переднее отдѣленіе скиніи или святое и состоявшая изъ 6 полосъ въ 24 локтя ширины, не могла вся помѣщаться на потолкѣ скиніи, имѣвшемъ здѣсь 20 локтей длины, но свѣшивалась четырьмя локтями или одною полосою на лицо или фронтъ скиніи.

Въ библейскомъ текстѣ объ этой излишней свѣшивавшейся полосѣ употреблено не вполнѣ ясное выраженіе וכפלת, *ты долженъ усугубить*, взять вдвое (26, 9). На основаніи этого выраженія, буквально понятаго, многіе толкователи представляли эту шестую полосу отвороченною или сшитою вдвое, т. е. вмѣсто 4-хъ локтей имѣвшею только 2 локтя широты (Риггенбахъ) или же сдѣланною на подкладкѣ (Нейманъ). Но такимъ толкованіемъ только затемняется смыслъ текста. Почему нужно было здѣсь прибавлять лишнюю полосу, брать ее вдвое или укрѣплять подкладкою, когда ничего подобнаго не указано сдѣлать на другихъ концахъ? Умѣстно ли было заботиться о простомъ укрѣпленіи края покрова только здѣсь на фронтѣ скиніи? Мы думаемъ, что выраженіе וכפלת употреблено здѣсь не въ смыслѣ простого удвоенія, а въ смыслѣ болѣе художественнаго удвоенія полосы въ видѣ складокъ. Нарочитая прибавка текста, что это должно быть сдѣлано на *челѣ* скиніи, показываетъ, что дѣло идетъ здѣсь объ образованіи особеннаго фронта или фронтисписа, который мы встрѣтимъ далѣе въ іерусалимскомъ храмѣ и который не былъ неумѣстнымъ при устройствѣ палатокъ высшаго достоинства. Въ этомъ пониманіи особенно убѣждаетъ насъ Іосифъ Флавій, по объясненію котораго свѣшивавшаяся на чело скиніи шестая полоса покрова образовала то, что въ греческихъ постройкахъ называлось ἀέτωμα, т. е. выступъ, образуемый нижнимъ краемъ крыши на фасадныхъ сторонахъ, въ видѣ треугольнаго карниза съ рельефными изображеніями на внутренней своей площади, составлявшей чело или фронтонъ храма, ὑφασμέναι δ' ἔκ τριχῶν... κατὰ θύρας ἀετώματι παραπλησιον καὶ πασταδι παρεῖχον. (Antiqu. III, 6, 4). Впрочемъ Нейманъ не вѣрно понялъ Іосифа Флавія, представляя его ἀετωμα или свѣшивавшуюся надъ

входомъ скиніи полосу въ видѣ такого искусственнаго балдахина.



Еще труднѣе опредѣлить, какъ свѣшивался разсматриваемый покровъ съ другихъ сторонъ скиніи. На продольныхъ сторонахъ, аналогично расположенію перваго покрова, онъ долженъ былъ свѣшиваться на наружныя стороны стѣнъ количествомъ $\frac{30-10-2}{2}=9$ локтей. Между тѣмъ въ библейскомъ текстѣ (26,13) свѣшивавшаяся съ потолка часть покрова обозначена такъ: „локоть съ одной стороны и локоть съ другой стороны долженъ быть отдѣленъ въ этомъ излишкѣ отъ длины полосъ, образующихъ шатерный покровъ скиніи“. Всѣ изслѣдователи въ выраженіи: *локоть съ одной стороны и локоть съ другой,* האמה מזה והאמה מזה, видятъ точное указаніе на *одинъ* локоть излишка части покрова, свѣшивавшійся на продольныя стороны. Но изъ контекста рѣчи не слѣдуетъ, чтобы свѣшивавшаяся часть покрова въ какомъ либо отношеніи давала мѣру одного локтя. Тѣ изслѣдователи, которые и нижній драгоцѣнный покровъ перебрасывали на наружныя стороны стѣнъ скиніи, подъ

мѣрою одного локтя разумѣли отношенія края верхняго покрова къ краю нижняго. Если бы первый нижній покровъ былъ спущенъ по наружной сторонѣ святилища и за нимъ такимъ же способомъ верхній, то послѣдній опустился бы ниже перваго именно на одинъ локоть съ той и другой продольной стороны. Но взаимныхъ отношеній между собою верхняго и нижняго покрова здѣсь нельзя разумѣть потому уже, что, какъ мы считаемъ доказаннымъ, нижній покровъ спускался внутрь скиніи, вслѣдствіе чего верхній покровъ могъ закрывать его собою только на потолкѣ, а не на свѣшивающихся концахъ. Кромѣ того, такъ какъ выше не было указано прямо на сколько локтей спускался нижній покровъ, то и теперь было бы лишнимъ показывать, на сколько ниже его свѣшивался верхній покровъ. По нашему толкованію, подъ „*излишкомъ* (עדף), *раскидывавшимся* (סרוח) *на бокахъ святилища* (צדי משכן)“, нужно разумѣть не одинъ локоть, но всю ту часть покрова, которая не помѣщалась на потолкѣ и спускалась внизъ по наружнымъ продольнымъ стѣнамъ [1]. Если о такомъ „раскидывавшемся излишкѣ“ не говорится въ описаніи перваго нижняго покрова, то это опять доказываетъ только его внутреннее расположеніе, вслѣдствіе котораго спускавшіеся внизъ края покрова сами собою располагались такъ просто и естественно, что всякія дальнѣйшія предписанія касательно ихъ распространенія были не нужны. Но этого нельзя сказать о наружномъ расположеніи покрова, чуждомъ неприкосновенности

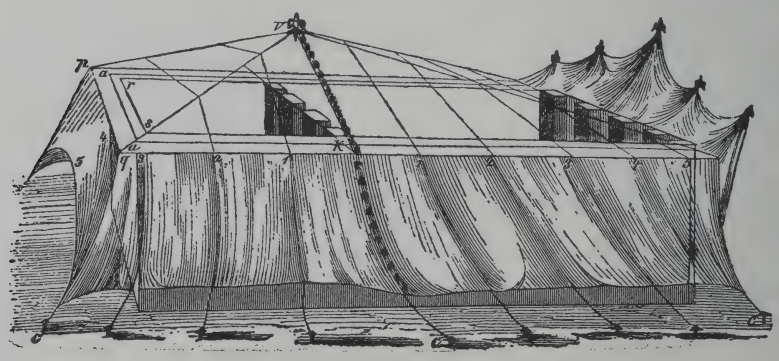
[1] До какой степени тому одному локтю длины, которымъ верхній покровъ на своихъ двухъ концахъ превосходилъ нижній, будучи на него наложенъ, не соотвѣтствуетъ выраженіе סרוח, указывающее широкое и свободное распространеніе (оно употребляется о развѣсистой виноградной лозѣ, о человѣкѣ развалившемся на ложѣ, о развѣвающихся концахъ головного покрывала Іезек. 23,15), думаемъ ясно для всякаго.

всего скрывающагося внутри святилища, открытомъ вѣтрамъ и непогодамъ и потому требовавшемъ болѣе точныхъ указаній о своемъ утвержденіи. Самое выраженіе: *локоть съ одной стороны и локоть съ другой* вовсе не указываетъ одного или единственнаго локтя, и имѣетъ, по нашему мнѣнію, такой смыслъ: „какой локоть будетъ свѣшиваться съ одной стороны, такой же локоть долженъ свѣшиваться и на другой сторонѣ“; иначе: „каждому данному локтю одной стороны долженъ соотвѣтствовать такой же локоть съ другой стороны“; или еще иначе: „сколько локтей будетъ свѣшиваться съ одной стороны, столько же ихъ должно быть съ другой стороны“; словомъ, расположеніе концовъ покрова должно быть равномѣрное и симметрическое. Почему именно законодатель употребилъ здѣсь такое общее выраженіе вмѣсто прямого указанія количества свѣшивавшихся локтей отъ длины покрова, это можно объяснить изъ назначенія покрова. Какъ мы уже говорили, верхній покровъ, прямо называющійся ohel, шатеръ, долженъ былъ по преимуществу сообщать святилищу видъ скиніи. Для этого необходимо было прежде всего, чтобы онъ распростирался вверху не въ видѣ плоской крыши восточныхъ домовъ, какъ распростирался нижній покровъ и какъ распростираетъ его Раши, но въ видѣ хотя нѣсколько приподнятой крыши палатокъ. Нѣкоторые изслѣдователи (Лями, Нейманъ) давали ему даже шпицеобразную форму; но съ этимъ нельзя согласиться, потому что шпицъ могъ быть умѣстенъ только на круглой или квадратной палаткѣ, но не на удлиненной. Гораздо вѣроятнѣе, что это была слегка приподнятая двухскатная крыша. Во всякомъ случаѣ свѣшиваться внизъ могла здѣсь не вся та часть покрова, которая, по точному расчету, могла бы оставаться при горизонтальномъ рас-

пространеніи покрова на потолкѣ [1]. Далѣе, чтобы сообщить святилищу видъ скиніи, верхній покровъ на сѣверной, южной и западной сторонахъ долженъ былъ спускаться внизъ не отвѣсно по стѣнамъ, а по косой линіи, какъ распростирается шатерное полотно, съ постепеннымъ удаленіемъ отъ отвѣсной линіи деревянныхъ стѣнъ, вслѣдствіе чего между покровомъ и стѣнами образовывался здѣсь свободный проходъ или родъ галлереи, въ которой могли храниться богослужебныя принадлежности и отдыхать очередные стражи святилища (1 Сам. 3, 3) [2]. Такимъ образомъ здѣсь не могло быть рѣчи о точномъ соотношеніи мѣры свѣшивавшагося покрова съ мѣрою стѣны, а тѣмъ болѣе съ предполагаемою нѣкоторыми мѣрою нижняго покрова. Библейскій текстъ въ данномъ случаѣ заботится только о томъ, чтобы свѣшивавшіяся части на обѣихъ продольныхъ сторонахъ святилища были равны между собою и

[1] Впрочемъ на восточную входную сторону скиніи разсматриваемый покровъ свѣшивался четырьмя локтями, которые, какъ мы видѣли, могли какъ разъ оставаться на челѣ скиніи при горизонтальномъ расположеніи покрова. И такъ видъ двухскатной крыши покровъ давалъ скиніи только на продольныхъ сторонахъ и на поперечной западной. На восточной сторонѣ возвышавшійся надъ стѣнами срединный хребетъ крыши доходилъ до конца безъ пониженія, горизонтальною линіею, и разсматриваемый покровъ спускался здѣсь одною своею полосою, имѣвшею 4 локтя и сложенною въ видѣ фронтона. Такая спускавшаяся полоса нужна была здѣсь для того, чтобы закрывать не входъ въ скинію или верхнюю часть пространства между входными колоннами, а пустое пространство между колоннами и хребтомъ крыши скиніи. Здѣсь ближе объясняется для насъ выраженіе וכפלת, *расположить складками.* Спущенная здѣсь съ хребта крыши полоса покрова по срединѣ могла спускаться свободнѣе, можетъ быть даже безъ складокъ, но по краямъ, вслѣдствіе понижавшейся въ ту и другую сторону линіи крыши, ее необходимо было какъ нибудь подобрать или сложить складками, чтобы не дѣлать лишнихъ, выходящихъ изъ линіи, концовъ. [2] Впослѣдствіи эта безыскусственная галлерея вокругъ скиніи послужила образцомъ для такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ вокругъ Соломонова храма. По Нейману на задней западной сторонѣ широта галлереи могла быть два локтя, а на продольныхъ сторонахъ по одному локтю.

не нарушали общихъ законовъ симметріи. Наконецъ, подъ выраженіемъ текста, точнѣе опредѣляющимъ ту часть покрова, которая спускалась на заднюю, противоположную входу, сторону скиніи: *половина покрова остающаяся должна распростираться съ задней стороны* (26, 12), можно разумѣть, очевидно, не половину всего покрова ohel и не половину отдѣльной четырехлоктевой полосы, [1] но половину половинной части покрова, такъ какъ лежавшая на святомъ святыхъ часть, бывшая половиною всего покрова, въ свою очередь помѣщалась на потолкѣ приблизительно одною своею половиною, а другою половиною свѣшивалась внизъ, и притомъ опять въ формѣ широко раздавшихся концовъ (מרח), по образцу полотна палатокъ. Замѣчательно, что такъ понимаетъ Исх. 26, 12 и Риггенбахъ, между тѣмъ какъ слѣдующій стихъ, аналогично описывающій въ этомъ же смыслѣ свѣшивавшіяся части продольныхъ сторонъ, этотъ изслѣдователь, вслѣдъ за другими и въ противорѣчіе себѣ самому, понимаетъ объ отношеніи верхняго покрова, ohel, къ нижнему mischkan. Вотъ изображеніе укрѣп-



[1] Объясненіе Евальда, Ригма и друг., что здѣсь разумѣется половинная широта одной полосы покрова, т. е. два локтя, — на каковую мѣру верхній покровъ яко-бы свѣшивался ниже перваго покрова, совершенно противорѣчитъ библейскому тексту и всему, что мы уже знаемъ о расположеніи покрововъ.

леній второго покрова по Нейману. За исключеніемъ фантастическаго балдахина на восточной сторонѣ, его можно назвать правильнымъ.

Отличаясь отъ нижняго покрова скиніи своимъ расположеніемъ, разсматриваемый верхній покровъ отличался отъ него и своимъ матеріаломъ. Чтобы довершить сходство святилища съ палаткою, верхній покровъ его Мойсей сдѣлалъ изъ обыкновеннаго матеріала восточныхъ палатокъ—козьей шерсти. Козья шерсть на востокѣ и понынѣ выдѣлывается не только въ видѣ грубаго сукна, но и въ видѣ болѣе тонкихъ тканей. Такъ какъ на случай непогоды скинія имѣла еще другіе покровы, то разсматриваемый второй покровъ, конечно, представлялъ высшій сортъ шатернаго сукна, не тотъ, изъ котораго были сдѣланы всѣ частные шатры еврейскаго стана и изъ котораго и нынѣ дѣлаютъ свои шатры бедуины. Какого цвѣта былъ покровъ, не сказано. По однимъ изслѣдователямъ (Дистель) чернаго цвѣта, такъ какъ шатры бедуиновъ обыкновенно бываютъ черные, и такъ какъ въ такомъ случаѣ верхній и нижній покровъ давали бы ту противоположность, о которой говорится Пѣсн. 1, 5. По другимъ (Ригмъ), второй покровъ имѣлъ полосы чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, соотвѣтственно радужнымъ полосамъ нижняго покрова. По третьему объясненію (Бэръ, Нейманъ), разсматриваемый покровъ имѣлъ бѣлый цвѣтъ и стоялъ въ такомъ отношеніи къ нижнему покрову, въ какомъ общая ограда скиніи по своему цвѣту стояла къ входной завѣсѣ. По поводу этихъ догадокъ мы можемъ замѣтить, что хотя дѣйствительно у нынѣшнихъ бедуиновъ чаще встрѣчаются черные шатры, но не исключительно. Но если бы даже обыкновенные шатры и были черными или полосатыми изъ чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, то въ

священномъ шатрѣ, по смыслу закона Мойсея, черный цвѣтъ, ни самъ по себѣ, ни въ соединеніи съ бѣлымъ, не имѣлъ мѣста. Единственно возможнымъ цвѣтомъ разсматриваемаго покрова и, слѣдовательно, наружнымъ цвѣтомъ скиніи Мойсея былъ бѣлый цвѣтъ. Въ такомъ случаѣ матеріаломъ второго покрова была такъ называемая ангорская шерсть или шерсть и нынѣ извѣстныхъ въ Палестинѣ и Аравіи серебристо-бѣлыхъ ангорскихъ козъ. Само собою разумѣется, что украшеній изъ херувимовъ, отличавшихъ нижній покровъ, здѣсь не было [1].—И такъ созерцаемое издали святилище Мойсея выдѣлялось изъ ряда черныхъ шатровъ народа тѣмъ же бѣлымъ цвѣтомъ, какой имѣла и полотняная ограда двора. Но тогда какъ изъ бѣлаго полотна ограды слабо выдѣлялись возвышавшіяся надъ оградою серебряныя капители столбовъ двора, изъ-подъ бѣлаго покрова самой скиніи ярко выдѣлялась золотая панель стѣнъ, локтя на два внизу не закрытыхъ.

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ совершенно оригинальнымъ мнѣніемъ Пэна (83—86) и считаемъ невозможнымъ обойти его, какъ послѣднюю новость въ наукѣ. Подобно тому какъ первый драгоцѣнный покровъ съ херувимами, называемый имъ собственно tabernacle, Пэнъ развѣсилъ на четырехъ нижнихъ локтяхъ внутреннихъ стѣнъ скиніи, въ видѣ *двойной панели* или двухъ половинъ, наложенныхъ одна на другую, второй покровъ скиніи, называемый имъ tent, онъ кладетъ вверху, въ видѣ *двойной* крыши святилища. Двойной тентъ нуженъ былъ здѣсь потому, что его ткань была

[1] Второстепенныя принадлежности покрова, служившія для его укрѣпленія какъ шатра, такъ-то: колки, бечевы и проч. (см. рис. на стр. 94), не упоминаются въ текстѣ, какъ подразумѣвающіяся сами собою.

очень жидка, подобно египетскимъ тканямъ того времени, и, лежа одиночною полосою, не защищала бы скиніи отъ дождей. Соединеніе отдѣльныхъ полосъ даннаго покрова, говоритъ Пенъ, было сдѣлано уже не узкими поперечными концами, какъ въ первомъ покровѣ, а широкими продольными сторонами, какъ это принимаютъ всѣ толкователи; но полосъ для соединенія брали сначала 10 и, соединяя ихъ по 5, образовали двѣ одинаковыхъ большихъ пятиполосныхъ половины. Обѣ эти половины накладывались на крышу, одна на другую, и притомъ такъ, что длина полосъ приходилась не по ширинѣ скиніи, какъ это обыкновенно предполагаютъ, а по ея длинѣ; такимъ образомъ 30 локтей длины покрова какъ разъ покрывали 30 локтей длины скиніи. Но, съ другой стороны, покровъ распространялся на скиніи не въ видѣ плоскаго потолка, но съ поднятіемъ въ срединѣ, въ видѣ крыши, хребетъ которой возвышался надъ деревянными стѣнами на $6^1/_2$ локтей. При такой высотѣ хребта, на двухскатную крышу скиніи требовалось 18 локтей ширины покрова. Слѣдовательно отъ всей широты той и другой половины покрова свѣшивалось съ крыши на стѣны по одному локтю, локоть съ одной стороны и локоть съ другой, какъ это говорится Исх. 26, 13. Но всѣхъ полосъ было не 5+5=10, а 5+6=11. Что касается шестой полосы, которая, по тексту, была пришита къ одной изъ пятиполосныхъ половинъ, то она была пришита уже не продольною стороною, а узкимъ или поперечнымъ 4-локтевымъ концомъ такъ, какъ были сшиты между собою всѣ пять полосъ нижняго драгоцѣннаго покрова. Такимъ образомъ изъ всего куска сшитыхъ полосъ шестая полоса выдавалась въ видѣ ленты 4-хъ локтей ширины и 30 локтей длины. Когда покровъ ложился на крышу скиніи, тогда шестая

полоса, называемая въ текстѣ „излишкомъ полосъ“, обращалась на закрытіе задняго западнаго отверстія, образовывавшагося между брусьями стѣны и хребтомъ крыши ($6^1/_2$ локтей высоты). Въ текстѣ говорится, что шестая полоса лежала אל מול лица скиніи, т. е. *противъ лица* или противъ фронта, слѣдовательно, на западной сторонѣ, а не на восточной (Исх. 26, 9, 12). Объ этой именно полосѣ говорится, что она была взята вдвое (ст. 9); она же распростиралась въ видѣ половинной полосы (ст. 12). Половиною полосы она называется потому, что дѣйствительно была сложена вдвое, но не по своей широтѣ, какъ обыкновенно думаютъ, а по своей длинѣ, такъ что, сложенная вдвое, она стала вдвое короче, а не вдвое уже; такъ какъ вся длина полосы была 30 локтей, то, сложенная вдвое, она имѣла 15 локтей. Назначеніемъ шестой полосы было образовать видъ крыши на западной сторонѣ скиніи, и закрыть то отверстіе, которое образовалось здѣсь вслѣдствіе поднятія хребта крыши на $6^1/_2$ локтей надъ стѣною. Впрочемъ не все это отверстіе закрывалось; въ верхней части было оставлено нарочитое отверстіе въ видѣ окна во святомъ святыхъ.

Весь тентъ, лежавшій на крышѣ, укрѣплялся на ней при помощи 50 крючковъ, вбитыхъ въ стѣны на одинъ локоть ниже верхней линіи стѣнъ, по одному крючку въ каждой изъ 48 досокъ скиніи съ прибавленіемъ двухъ лишнихъ крючковъ на углахъ. Соотвѣтственно 50 крючкамъ въ стѣнахъ, тентъ имѣлъ 100 петлей, по 50 въ той и другой половинѣ тента. Если въ текстѣ говорится о соединеніи двухъ половинъ покрова при помощи крючковъ, то это нужно понимать о наложеніи ихъ одной на другую и объ утвержденіи ихъ на однихъ и тѣхъ же крючкахъ. Обѣ половины составляли одно,

потому что исполняли одно назначеніе. Необходимость такого отношенія покрова къ крючкамъ, заключаетъ Пэнъ, доказывается тѣмъ, что иначе будетъ необъяснимо, почему этотъ покровъ, будучи больше перваго или нижняго покрова, имѣлъ также 50 крючковъ.

Противъ этого новаго американскаго толкованія нужно замѣтить слѣдующее:

1. Терминъ Ohel не значитъ только тентъ или крыша, а палатка вообще и противоположность его понятію мишканъ не въ томъ только, что второй покровъ былъ совнѣ и что онъ былъ видимъ. Разсматриваемый покровъ самъ по себѣ долженъ былъ давать скиніи видъ шатра. Между тѣмъ, распростираясь на крышѣ указаннымъ образомъ и не закрывая стѣнъ, онъ давалъ бы святилищу видъ дома, а не скиніи.

2. Образовать изъ двухъ половинъ покрова одинъ шатеръ, по прямому и естественному смыслу, менѣе всего можетъ значить: *положить двѣ половины одна на другую.* Выраженіе: „соедини половины, чтобы онѣ образовали одно“ опредѣляетъ не отношеніе покрова къ деревяннымъ стѣнамъ и не расположеніе ихъ такое или иное на стѣнахъ, а только высшую взаимную ихъ связь между собою, и притомъ въ томъ же направленіи, которое указано въ соединеніи отдѣльныхъ полосъ, образующихъ покровъ. Если отдѣльныя полосы и Пэнъ соединяетъ здѣсь, сшивая ихъ одну съ другою продольными сторонами, то изъ образовавшихся такимъ образомъ двухъ большихъ половинъ образовать одно значитъ соединить ихъ между собою подобнымъ же образомъ, продольная сторона къ продольной.

3. Шестая полоса присоединена Пэномъ къ пятиполосной половинѣ покрова весьма остроумно и весьма неправильно. Прежде всего немыслимо, чтобы выра-

женія: *къ передней лицевой сторонѣ* (אל מול ст. 9, ср. Лев. 8, 9, Числ. 8, 2) и *на задней сторонѣ* (ст. 12) означали одно и то же и чтобы въ обоихъ этихъ случаяхъ говорилось объ одной и той же полосѣ покрова. Затѣмъ расположеніе шестой полосы весьма ненатурально и оставляетъ вопіющую прорѣху въ видѣ отверстія или окна во святомъ святыхъ. Это совершенно противно всему, что намъ извѣстно о ветхозавѣтномъ святилищѣ. Требованіе удвоенія дано въ библейскомъ текстѣ только въ отношеніи къ одной шестой полосѣ, слѣдовательно, оно представляло собою нѣчто нигдѣ болѣе не повторявшееся и не можетъ имѣть связи съ произвольно устроеннымъ у Пэна двойнымъ тентомъ на крышѣ.

4. Пятьдесятъ крючковъ указаны въ текстѣ независимо отъ брусьевъ стѣны и указаны не для того, чтобы при ихъ помощи укрѣпить тентъ на крышѣ, а для того, чтобы обозначить отношеніе между собою обѣихъ половинъ покрова, именно способъ ихъ сцѣпленія воедино. Слѣдовательно, единственно возможнымъ представленіемъ здѣсь будетъ то, что крючки вдѣвались въ соотвѣтствующія петли той и другой половины и замѣняли собою предшествующее сшиваніе полосъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что вновь образовавшійся цѣльный покровъ былъ распростертъ всею своею вновь образовавшеюся цѣлостію и не былъ опять сокращенъ на половину сворачиваніемъ его вдвое.

5. Наконецъ замѣчаніе Пэна, что независимое отъ деревянной стѣны скиніи соединеніе двухъ половинъ второго покрова въ одно цѣлое не требовало бы 50 крючковъ, и что уже количество этихъ крючковъ показываетъ ихъ отношеніе къ брусьямъ скиніи, ничего не доказываетъ. Пятьдесятъ крючковъ указаны здѣсь, какъ круглое число, въ соотвѣтствіе 50 крючкамъ перваго

покрова. Хотя второй покровъ былъ на два локтя длиннѣе, но за то по матеріалу онъ былъ грубѣе и потому уже могъ имѣть нѣсколько менѣе частыя петли, выдерживая ту же единицу счета. Напротивъ, у Пэна 50 крючковъ соотвѣтствуютъ числу брусьевъ скиніи, которыхъ однакожъ было не 50, а 48. Для восполненія недостающихъ двухъ брусьевъ, какъ носителей крючковъ, Пэнъ прибавляетъ еще два угла. Какъ будто углы существовали независимо отъ тѣхъ же брусьевъ!..— Такимъ образомъ разсмотрѣнное мнѣніе Пэна не колеблетъ вышеуказаннаго нами пониманія расположенія второго покрова скиніи.

Послѣ указаннаго распространенія втораго покрова. святилище съ наружной стороны было уже вполнѣ готово. Но, такъ какъ, въ такомъ своемъ праздничномъ видѣ, оно могло бы страдать отъ зимнихъ дождей и частыхъ въ аравійской пустынѣ ураганов, то заботливый законодатель назначаетъ для него еще два покрова, уже не имѣвшихъ священнаго значенія необходимыхъ составныхъ частей скиніи, и названныхъ даже не покровами, а только покрышками, брезентами, מכסה, для скиніи (Исх. 26, 14, 36, 19). Какъ совершенно безъискусственные, они и не описываются подробно. Указанъ только ихъ матеріалъ. Одинъ изъ нихъ былъ сафьянный „изъ крашеныхъ бараньихъ кожъ“, а другой, самый верхній, изъ какого-то особеннаго матеріала, названнаго тахашъ, תחש. Древніе переводчики: LXX, Акилла, Симмахъ, Θеодотіонъ, Іеронимъ, переводятъ тахашъ въ значеніи цвѣта, именно гіацинтоваго или голубого (слав. синяго). Но талмудъ (Schabbath, 28, 2) понимаетъ тахашъ въ значеніи животнаго, „нынѣ не извѣстнаго, но существовавшаго во дни Мойсея“. Ближайшимъ опредѣленіемъ этого животнаго талмудъ по-

лагаетъ то, что оно „имѣло одинъ рогъ, цвѣтомъ напоминало куницу и принадлежало къ чистымъ животнымъ“. Но этого описанія недостаточно, чтобы найти данное животное въ нынѣшней классификаціи животнаго царства. Основываясь исключительно на созвучіи слова тахашъ съ греческимъ ταχὺς, многіе видятъ здѣсь антилопу. Другіе рекомендуютъ созвучное нѣмецкое слово Dachs.—Такъ какъ разсматриваемые брезенты назначались для защиты святилища отъ непогодъ, то они должны были закрывать его со всѣхъ сторонъ сверху донизу и, слѣдовательно, имѣть гораздо большіе размѣры, чѣмъ предшествующіе покровы.

Нѣкоторые изслѣдователи полагали однакожъ, что третій и четвертый покровы служили постоянными покровами скиніи, подобно двумъ первымъ. Особенный смыслъ такому толкованію даетъ Пэнъ (86—87), по которому третій и четвертый покровы имѣютъ даже непосредственную связь со вторымъ. Такъ какъ въ текстѣ говорится, что третій и четвертый покровъ назначались для Ohel, каковымъ именемъ называется второй покровъ или тентъ святилища, то это значитъ, что они продолжали его дѣло, т. е. покрывали тѣ части святилища, которыя не были покрыты вторымъ покровомъ, т. е. деревянныя стѣны во всю ихъ высоту, за исключеніемъ одного локтя вверху, занятаго тентомъ. Какъ второй покровъ былъ двойнымъ, состоялъ изъ двухъ наложенныхъ одна на другую половинъ тента, такъ и то продолженіе его, какое представляли третій и четвертый покровы, было двойное, состоявшее впрочемъ уже не изъ двухъ половинъ покрова, а изъ двухъ различныхъ покрововъ, что въ сущности одно и то же. Третій и четвертый покровы висѣли на стѣнахъ скиніи снаружи одинъ на другомъ, и именно не четвертый на

третьемъ, а, наоборотъ, третій на четвертомъ: сперва привѣшенъ былъ къ стѣнѣ покровъ изъ кожи тахашъ (барсука), а потомъ, на немъ же, сверху покровъ изъ крашеныхъ бараньихъ кожъ. Такимъ образомъ, по наружному цвѣту, скинія на крышѣ была черная, а стѣны имѣла красныя и напоминала собою разноцвѣтные деревенскіе котеджи въ Соединенныхъ Штатахъ. Замѣчательно, прибавляетъ Пэнъ, что въ отношеніи къ третьему и четвертому покрову не упоминаются крючки и петли. Они здѣсь были не нужны, такъ какъ третій и четвертый покровы висѣли на тѣхъ же 50 мѣдныхъ крючкахъ, которые держали и лежавшій вверху тентъ, а вмѣсто петлей, какъ кожаные, имѣли дыри.—Это Пэново объясненіе третьяго и четвертаго покрововъ скиніи такъ же несостоятельно, какъ и его объясненіе перваго и второго покрова. По тексту (26, 14, 36, 19) третій и четвертый покровы отличаются тѣмъ, что они служатъ для скиніи Мойсея уже готовой, слѣдовательно, не представляютъ сами какой либо части скиніи. Чтобы образовать соотвѣтствіе первому и второму покрову, сложеннымъ у него вдвое, Пэнъ распростираетъ одинъ на другомъ третій и четвертый покровы, не обращая вниманія на то, что это—совершенно различные покровы по своему матеріалу и что различные покровы не могутъ разсматриваться какъ половины одного и того же покрова. Далѣе, Пэнъ весьма неудачно выбралъ мѣсто для нихъ на стѣнахъ. Если бы необходимо было между покровами скиніи раздѣлять покровы, предназначавшіеся исключительно для стѣнъ и исключительно для потолка, тогда тентомъ скиніи мы сдѣлали бы не второй покровъ, признанный самимъ Пэномъ слабымъ покровомъ, а непромокаемые покровы третій и четвертый. Наконецъ цвѣтъ скиніи черный и красный выбранъ спеціально

по американскому вкусу. Чтобы образовать эту пестроту, Пэнъ произвольно изъ третьяго покрова дѣлаетъ четвертый, а изъ четвертаго третій.

На входной восточной сторонѣ святилища Синайскаго, какъ мы знаемъ, деревянной стѣны не было. Ее не закрывали и описанные нами покровы скиніи первый и второй, такъ какъ первый покровъ вовсе не свѣшивался на восточную сторону, а второй покровъ свѣшивался небольшою частію вверху съ приподнятаго надъ стѣнами хребта крыши. Для загражденія восточной стороны и для образованія входа во святилище здѣсь была распростерта особенная радужная завѣса, не отличавшаяся по матеріалу отъ входной радужной завѣсы двора и, вѣроятно, имѣвшая какія нибудь приспособленія въ видѣ особенныхъ петлей и крючковъ для того, чтобы во время богослуженія она оставалась приподнятою. Въ этомъ смыслѣ мы принимаемъ свидѣтельство Іосифа Флавія, что завѣса простиралась сверху только до половины стѣнъ скиніи, а вовсе не въ томъ, чтобы она нарочито была сдѣлана по мѣркѣ половинной высоты стѣнъ, какъ это принято на рисункѣ скиніи по Лями (стр. 2). Завѣса имѣла длины и ширины полныхъ 10 локтей и висѣла на описанныхъ выше 5 колоннахъ, не закрывая ихъ собою, но распростираясь за ними и отмѣчая собою черту внутренняго 30-локтеваго протяженія святилища. Такимъ образомъ, входныя колонны скиніи Мойсея, служа для утвержденія входной завѣсы и въ то же время выдѣляясь изъ внутренняго пространства святилища, служили прототипами тѣхъ монументальныхъ и имѣвшихъ независимое значеніе колоннъ, которыя встрѣтятся намъ дальше предъ фронтомъ Соломонова храма. По свидѣтельству Іосифа Флавія. впереди входной разноцвѣтной завѣсы святилища Мойсея,

φάρσος, висѣла, въ видѣ чехла, еще другая завѣса, болѣе простая, но такой же величины, соотвѣтствовавшая второму покрову скиніи въ его отношеніи къ первому. Подобно тому, какъ второй покровъ свѣшивался по наружной сторонѣ стѣнъ, и вторая входная завѣса свѣшивалась по наружной сторонѣ входныхъ колоннъ, представляя восполненіе внутренней завѣсѣ. Нужно думать, что и по виду своему наружная завѣса была сходна съ наружнымъ покровомъ скиніи (вторымъ). Въ самой скиніи, на разстояніи 20 локтей отъ входа, висѣла новая входная завѣса, описанная въ текстѣ въ непосредственной связи съ первою два раза (Исх. 26, 31 и 36, 35), отличавшаяся отъ первой завѣсы, но имѣвшая совершенное сходство съ такъ называемымъ нижнимъ покровомъ (одно изъ важныхъ доказательствъ внутренняго расположенія нижняго покрова!), поддерживаемая стоявшими здѣсь 4-мя колоннами. Такимъ образомъ внутренность скиніи раздѣлялась на двѣ части: переднюю часть 20 локтей длины, 10 локтей ширины и высоты, называвшуюся קדש, *святость* или *святое*, и западную или внутреннюю часть 10 локтей въ кубѣ (Кааба), называвшуюся קדש קדשים, *святость святостей* или *святое святыхъ*. Іосифъ Флавій еще раздѣляетъ скинію Мойсея на три части, по 10 локтей длины каждая, которыя онъ называетъ небомъ, землею и моремъ (Antiquit. III, 6, 4). Но это дѣленіе совершенно абстрактное и символическое. Кромѣ описаннаго входа, другихъ отверстій для свѣта въ скиніи не было, такъ что въ обыкновенное время, когда была спущена входная завѣса, въ скинію не проникалъ дневной свѣтъ. Его замѣнялъ здѣсь неугасимо горѣвшій свѣтильникъ. Во святомъ же святыхъ царствовалъ постоянный священный мракъ. Внутренній видъ скиніи былъ видъ драгоцѣннаго покрова, распростирав-

шагося здѣсь на потолкѣ и стѣнахъ, съ золотыми изображеніями херувимовъ, расшитыми по трехцвѣтному полю. Только въ нижней части стѣнъ, въ видѣ золотой панели одного локтя широты, виднѣлись стѣнные брусья.

Пэнъ, продолжая стоять на своихъ началахъ, совершенно въ другомъ видѣ представляетъ и входныя завѣсы святаго и святаго святыхъ (Solomon's Temple 93). Развѣсивъ первый изъ покрововъ скиніи вдоль внутреннихъ стѣнъ, въ видѣ панели 4-хъ локтей широты, на которой панели выступалъ одинъ только рядъ херувимовъ, Пэнъ пришелъ затѣмъ къ мысли, что и на входной завѣсѣ святаго святыхъ, имѣвшей такія же изображенія херувимовъ, эти изображенія были расположены точно также однимъ правильнымъ рядомъ. Слѣдовательно, входная завѣса святаго святыхъ была сходна съ первымъ или нижнимъ покровомъ скиніи и въ томъ, что имѣла такую же высоту четырехъ локтей отъ пола. Такимъ образомъ предъ святымъ святыхъ была не завѣса, закрывавшая отъ народа неприступное мѣсто присутствія Божія, а только невысокая ширма, надъ которою оставался совершенно открытый видъ на святое святыхъ 12 локтей высоты [1]. Въ довершеніе однообразія въ расположеніи завѣсъ и покрововъ скиніи, Пэнъ и входную завѣсу перваго восточнаго отдѣленія или святаго представляетъ такою же ширмою четырехъ локтей, державшеюся на пяти колоннахъ такой же высоты. Любопытная логическая противоположность объ-

[1] Пэнъ думаетъ, что такимъ представленіемъ расположенія завѣсы святаго святыхъ онъ хорошо объяснилъ выраженіе текста: *завѣса, что подъ крючками.* По объясненію Пэна, это значитъ, что входная ширма святаго святыхъ была привѣшена къ парѣ тѣхъ, вбитыхъ въ стѣну, золотыхъ крючковъ, на которыхъ висѣлъ и покровъ съ херувимами. Но въ такомъ случаѣ скорѣе покровъ висѣлъ подъ крючками, чѣмъ завѣса святаго святыхъ.

ясненію Іосифа Флавія, который входной завѣсѣ давалъ такіе же размѣры, но помѣщалъ ее не внизу, въ видѣ ширмы, а въ верхней части открытой восточной стороны святилища! Такимъ образомъ въ реставраціи Пэна внутренность синайскаго святилища совершенно обнажилась. Если древніе евреи имѣли половину той дальнозоркости, какою отличаются нынѣшніе обитатели синайскаго полуострова, то съ любого возвышеннаго пункта въ станѣ, на востокъ и западъ отъ скиніи, они могли видѣть всю внутренность скиніи, съ востока сквозь всю незадѣланную досками входную сторону скиніи надъ ширмами, и съ запада сквозь треугольное отверстіе $2^1/_2$ квадр. ярдовъ величины, образованное Пэномъ надъ такъ называемою шестою полосою. Такое обнаженіе святилища стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ преданіемъ, съ характеромъ и духомъ ветхозавѣтнаго богослуженія. Что значила послѣ этого недоступность святаго святыхъ для священниковъ, нарушать которую позволялось только однажды въ годъ одному первосвященнику? Нечего и говорить, что, при такой открытости святилища, оно сильно страдало отъ дождей, тѣмъ болѣе, что Пэнъ неблагоразумно израсходовалъ тѣ покровы, которые были предназначены законодателемъ для покрытія скиніи на случай непогоды (третій и четвертый покровъ), на другія надобности, такъ что теперь у него нѣтъ подъ руками брезента для прикрытія почти совершенно открытой восточной стороны и западнаго окна. При постоянномъ сквозномъ вѣтрѣ въ скиніи Пэна, въ ней не могъ горѣть свѣтильникъ и огонь жертвенника кажденій. Наконецъ внутренній видъ скиніи у Пэна портится отъ ничѣмъ не прикрытыхъ приспособленій для крыши, въ видѣ кольевъ $16^1/_2$ локтей длины, поперечныхъ жердей и проч. (см. рис. къ стр. 23).

Дальше мы узнаемъ, что все это своеобразное представленіе скиніи Мойсея имѣетъ связь съ не менѣе своеобразнымъ видомъ внутренности іерусалимскаго храма у Пэна [1].

То и другое отдѣленіе святилища, святое и святое святыхъ не были пусты, но имѣли особенныя принадлежности и сосуды, въ которыхъ, какъ въ священныхъ центрахъ, сосредоточивалось значеніе и святость мѣста.

Въ первомъ отдѣленіи скиніи или святомъ стояли: 1. столъ для хлѣбовъ предложенія, 2. свѣтильникъ и 3. жертвенникъ кажденій. Въ такомъ порядкѣ эти священные сосуды описываются во второй исполнительной реляціи. Законодательное же описаніе помѣщаетъ ихъ раздѣльно: сперва, въ 25-й главѣ, непосредственно за ковчегомъ завѣта, описаны столъ для хлѣбовъ предложенія и свѣтильникъ. Что же касается жертвенника кажденій, то его описаніе помѣщено отдѣльно, въ 30-й главѣ, между законами, неимѣющими отношенія къ устроенію скиніи. Этимъ обстоятельствомъ пользуется отрицательная критика, какъ доказательствомъ позднѣйшаго яко бы происхожденія жертвенника кажденій. „Самымъ древнимъ изъ сосудовъ святаго, говоритъ Евальдъ (Alterthümer des Volkes Jsrael, 171), нужно считать столъ для хлѣбовъ предложеній; напротивъ жертвенникъ кажденій былъ самый поздній сосудъ; первый разъ онъ появился только по занятіи земли обѣтованной. Такъ какъ этотъ жертвенникъ предназначался собственно для священнической жертвы въ ея отличіи отъ обыкновенной (?), то онъ могъ явиться только тогда, когда раз-

[1] Еще одинъ своеобразный видъ скиніи представилъ Фергюссонъ (The Temples of the Jews). Его рисунокъ съ разъясненіемъ приведенъ въ Священной Лѣтописи Г. Властова, т. 2, стр. 166 и далѣе.

вилась священническая власть дома Ааронова". Противъ этого предположенія, въ настоящемъ случаѣ, намъ достаточно замѣтить, что всѣ сосуды скиніи находятся въ такой тѣсной связи между собою и со всею системою жертвеннаго ветхозавѣтнаго богослуженія, что, съ устраненіемъ какого либо одного изъ нихъ, перестанутъ быть понятными назначеніе святилища и его богослуженіе. Если же въ законодательномъ описаніи жертвенникъ кажденій не упомянутъ въ ряду другихъ сосудовъ святаго, то причина этого скрывается частію можетъ быть въ исторіи переписокъ законодательства Мойсея, а частію также въ особенномъ значеніи самаго жертвенника кажденій, выдѣлявшагося изъ ряда другихъ сосудовъ святаго и приближавшагося по своему значенію къ сосудамъ святаго святыхъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ сосудѣ употребляются такія выраженія, какія о другихъ сосудахъ святаго необычны: онъ является какъ бы предваряющимъ собою ковчегъ завѣта и стоитъ уже на переходѣ отъ святаго къ святому святыхъ, *предъ лицемъ ковчега завѣта, предъ лицемъ завѣсы святаго святыхъ* и принадлежитъ уже давиру (Исх. 30, 6, 40, 5, 1 Цар. 6, 22). Мало того, апостолъ Павелъ (Евр. 9, 4) представляетъ этотъ сосудъ, названный имъ χρυσῶν θυμιατήριον, золотая кадильница, стоящимъ непосредственно во святомъ святыхъ. Отсюда нѣкоторые древніе толкователи Оригенъ (Hom. 9 in Ex.), Августинъ (Quaest. in Ex. 133, 136) и новые изслѣдователи Соси и де-Вогюэ вывели ошибочное заключеніе, что жертвенникъ кажденій былъ постоянною принадлежностію второго отдѣленія скиніи или святаго святыхъ. Дѣло въ томъ, что въ приведенномъ мѣстѣ апостолъ Павелъ изображаетъ не постоянный видъ святилища, а только картину скиніи въ день Очищенія, когда первосвященникъ, взявъ съ жертвен-

ника кажденій очагъ или кадильницу съ курившимися угольями, вносилъ ее во святое святыхъ, по особенному обряду, назначенному для дня Очищенія. Тогда жертвенникъ кажденій, хотя остававшійся во святомъ, но, какъ уже не исполнявшій въ этотъ моментъ своей функціи кажденія, переставалъ существовать для святаго и существовалъ для святаго святыхъ. Та же причина, по которой апостолъ Павелъ исключилъ жертвенникъ кажденій изъ числа сосудовъ святаго (Евр. 9, 2), именно подвижность жертвенника и возможность перенесенія его изъ одного отдѣленія скиніи въ другое, могла подать поводъ выдѣленію жертвенника кажденій изъ ряда другихъ сосудовъ святаго и въ самомъ законодательствѣ Мойсея.

Изъ указаннаго особеннаго значенія жертвенника кажденій объясняется и его отношеніе къ другимъ сосудамъ святаго. О положеніи другихъ сосудовъ, стола предложеній и свѣтильника, законодатель выражается, что они стояли *внѣ* завѣсы святаго святыхъ (Исх. 26, 35), одинъ противъ другого, и притомъ столъ при сѣверной стѣнѣ скиніи, а свѣтильникъ при южной. Такъ какъ, рядомъ съ этимъ выраженіемъ о другихъ сосудахъ, о жертвенникѣ кажденій говорится, что онъ стоялъ не внѣ (хотя это выраженіе и о немъ могло быть употреблено), но предъ лицемъ святаго святыхъ и ковчега завѣта, то, по прямому смыслу текста, это можетъ значить: а) что столъ и свѣтильникъ стояли дальше отъ завѣсы святаго святыхъ, а жертвенникъ ближе, и б) что жертвенникъ кажденій стоялъ по срединѣ широты скиніи, а столъ и свѣтильникъ по сторонамъ, одинъ направо, другой налѣво отъ жертвенника. Впрочемъ о расположеніи сосудовъ святаго были высказаны еще и другія мнѣнія. Іосифъ Флавій, а за нимъ Фридерихъ (см. рис. на стр. 73) ставятъ всѣ три сосуда рядомъ

на одной линіи; можетъ быть такой порядокъ Іосифъ видѣлъ когда нибудь въ храмѣ Ирода. Но, не говоря уже о несоотвѣтствіи такого порядка съ текстомъ книги Исходъ, рядомъ поставленные эти сосуды затрудняли бы движеніе въ скиніи, при ея малыхъ размѣрахъ, и доступъ къ завѣсѣ святаго святыхъ. Еще болѣе противно тексту основывающееся на языческомъ представленіи объясненіе Филона, что къ лицу Божію ближе всѣхъ сосудовъ святаго долженъ былъ стоять столъ съ хлѣбами. Наконецъ, раввинское объясненіе (Ярхи, Кимхи, Абарбанелъ, а за ними Лундій), что жертвенникъ кажденій не только не былъ въ особенной близости къ святому святыхъ, но и наоборотъ отстоялъ отъ него дальше всѣхъ сосудовъ святаго, сдѣлано въ прямомъ противорѣчіи тексту, только для соблюденія аналогіи съ положеніемъ внѣшняго жертвенника всесожженій при другомъ сосудѣ двора, и въ экономическихъ соображеніяхъ, для сокращенія пути священникамъ отъ внѣшняго жертвенника къ внутреннему, при обрядѣ кропленія жертвенною кровью.

Приступая къ описанію сосудовъ святаго, мы должны еще замѣтить, что, кромѣ обыкновенныхъ источниковъ по археологіи скиніи, изслѣдователь можетъ пользоваться здѣсь сохранившимися до настоящаго времени изображеніями этихъ сосудовъ на такъ называемой тріумфальной аркѣ Тита или сдѣланными съ нея снимками. Тріумфальная арка Тита воздвигнута римскимъ сенатомъ въ память побѣдъ Тита надъ іудеями, въ Римѣ, на площади Campo Baccino, недалеко отъ Колизея. На ней въ рельефѣ представлены фигуры римлянъ-побѣдителей, увѣнчанныхъ лавровыми вѣнками и несущихъ на носилкахъ забранные ими въ іерусалимскомъ святилищѣ трофеи: столъ хлѣбовъ предложенія, сѣмисвѣщный свѣтиль-

никъ и серебряныя священническія трубы (ср. Ios. Fl. Bell. VII, 5, 5). Хотя эти сосуды были взяты изъ второго іерусалимскаго храма и вѣроятно были сдѣланы Иродомъ, тѣмъ не менѣе они, безъ сомнѣнія, сохранили общій типъ сосудовъ Мойсея, точно такъ же, какъ и храмъ іерусалимскій никогда не отступалъ отъ общаго плана скиніи Мойсея. Нѣкоторые изслѣдователи, незнакомые близко съ древнееврейскою исторіею (Les plus beaux monuments de Rome ancienne dessinés par Barbault, 1761), столъ хлѣбовъ предложенія на аркѣ считали ковчегомъ завѣта, а трубы—скрижалями завѣта. Но ковчегъ завѣта не могъ быть въ числѣ римскихъ трофеевъ, потому что его вовсе не было во второмъ іерусалимскомъ храмѣ какъ и скрижалей завѣта.

О *столѣ предложеній* ветхозавѣтнаго святилища мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія. Простое названіе этого сосуда שלחן показываетъ, что въ общемъ онъ имѣлъ сходство съ обыкновенною домашнею принадлежностію этого имени, со столомъ въ собственномъ смыслѣ. Чѣмъ отличался священный столъ отъ обыкновеннаго стола древнихъ евреевъ, состоявшаго изъ простой деревянной доски на четырехъ ножкахъ, это ясно указано въ самомъ библейскомъ текстѣ. Матеріаломъ стола было уже извѣстное намъ единственное въ составѣ скиніи дерево sittim, обложенное *чистымъ* золотомъ, почему и столъ предложеній называется иногда столомъ чистымъ (Лев. 24, 6; въ переводѣ LXX выраженіе *чистое золото* объяснено въ томъ смыслѣ, что столъ былъ сдѣланъ только изъ золота). По библейскому описанію столъ имѣлъ 2 локтя длины, 1 локоть ширины и $1^1/_2$ локтя высоты. Къ этому измѣренію вполнѣ подходитъ и столъ на аркѣ Тита. Хотя его дѣйствительная величина на аркѣ менѣе указанной: 1 футъ 8 дюйм. внѣшней или полной вы-

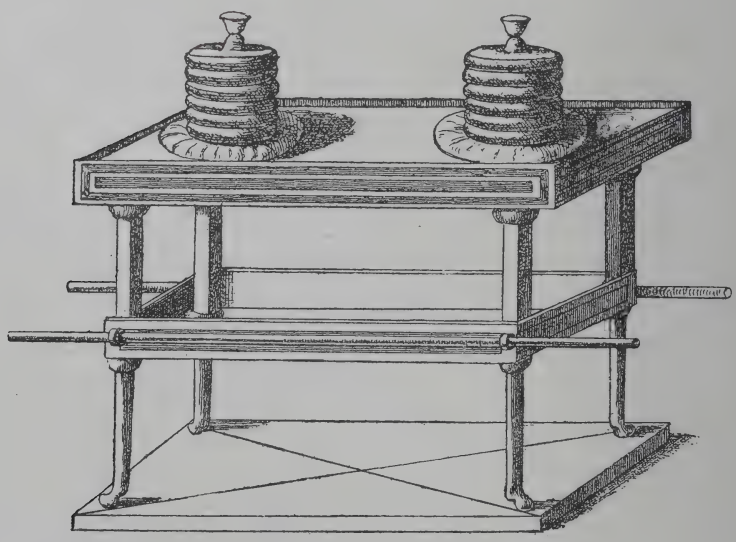
ТРОФЕИ ИЗЪ ІЕРУСАЛИМСКАГО ХРАМА

НА АРКѢ ТИТА ВЪ РИМѢ.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

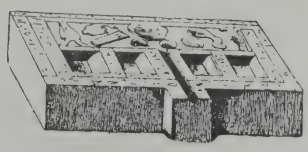
соты, 1 ф. 9 д. внѣшней широты, при 1 ф. 2 д. внутренней высоты или высоты ножекъ и 1 ф. 6 д. внутренней широты; но, какъ видно изъ изображеній фигурирующихъ здѣсь воиновъ, рельефъ арки Тита представляетъ только двѣ трети натуральной высоты стола. Прибавивъ къ внѣшней высотѣ стола еще одну треть, получимъ $1^1/_2$ еврейскихъ локтя. Далѣе отличіе стола предложеній, по библейскому тексту, состояло въ томъ, что кругомъ его былъ сдѣланъ золотой вѣнецъ, זר. Какъ видно изъ изображенія стола на аркѣ, подъ вѣнцомъ здѣсь разумѣется массивная золотая планочка 6 дюймовъ широты, ограждавшая со всѣхъ сторонъ верхнюю поверхность стола и дѣлавшая столь значительною разность внутренней высоты (до верхней доски) стола и внѣшней или общей высоты. Впрочемъ, такъ какъ такую гладкую обкладку трудно было бы назвать вѣнцомъ, то можно думать, что въ столѣ Мойсеевомъ она имѣла видъ στρεπτὸν κυμάτιον, какъ объясняютъ LXX, т. е. была волнистообразна или вырѣзана въ видѣ тонкихъ желобковъ или выемокъ, такъ какъ словомъ κυμάτιον обозначалась волнисто вырѣзанная доска дорическаго карниза. Другой техническій терминъ, кромѣ вѣнца, употребленный въ текстѣ о столѣ предложеній, есть מסגרת, замокъ, связь, замычка. Трудно было бы догадаться, какого рода разумѣется здѣсь замыкающее скрѣпленіе стола, то ли, какое у насъ дѣлается, въ видѣ соединяющихъ ножки болѣе или менѣе широкихъ стѣнокъ, непосредственно подъ доскою, или какое либо другое скрѣпленіе, если бы намъ не помогали здѣсь рисунокъ на аркѣ и переводъ даннаго слова въ текстѣ LXX. Рисунокъ на аркѣ показываетъ, что замкомъ стола былъ золотой прутъ, соединявшій всѣ четыре ножки стола въ одно цѣлое по самой срединѣ ихъ высоты, а пере-

водъ даннаго слова у LXX чрезъ στεφάνη показываетъ, что этотъ прутъ опять не былъ гладкимъ, но вѣроятно представлялъ подражаніе вѣнку изъ живыхъ цвѣтовъ. Широту этого замыкающаго прута библейскій текстъ опредѣляетъ въ ладонь (4 пальца), съ замѣчаніемъ, что и здѣсь было еще украшеніе, подобное верхнему золотому вѣнцу или тому, что LXX назвали στρεπτὸν κυμάτιον. Какъ сосудъ подвижнаго святилища, столъ предложеній имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ сосудамъ, готовыя приспособленія для ношенія его въ походахъ, ясно указанныя въ текстѣ: четыре золотыхъ кольца, придѣланныхъ на четырехъ углахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ замыкающій прутъ соединялъ ножки, и потомъ деревянные, обложенные золотомъ, шесты, вдѣвавшіеся въ кольца, числомъ два.



Іосифъ Флавій (Antiqu. III, 6, 3) въ своемъ описаніи стола предложеній отмѣчаетъ еще одну особенность его, не имѣющую никакого основанія въ библейскомъ текстѣ, что ножки стола были вверху четырехугольны, а внизу

круглы, и что, поэтому, столъ предложеній имѣлъ сходство съ дорическими скамьями, ножки которыхъ имѣли *видъ ноги животнаго* [1]. Нѣчто подобное представляютъ и ножки стола на аркѣ Тита. На этомъ основаніи нѣкоторые новые изслѣдователи (Нейманъ и другіе) не только столу предложеній, но и всѣмъ сосудамъ скиніи даютъ „живыя ноги", т. е видъ ногъ животнаго. Но, если Іосифъ Флавій не ошибается, то его описаніе представляетъ только особенность данную столу предложеній въ храмѣ Ирода. Что же касается законодательства Мойсея, то, по его смыслу, такія ножки сосудовъ были бы противузаконны, такъ какъ ими выражалось бы запрещенное закономъ соединеніе элементовъ неодушевленной и одушевленной природы. Еще болѣе неосновательно многіе новые изслѣдователи, напр. Вогюэ (Le Temple de Jérusalem, 33), ветхозавѣтный столъ предложеній смѣшиваютъ съ египетскими жертвенными столами. Египетскіе столы это—большіе четырехугольные камни, болѣе или менѣе чисто отдѣланные и доходящіе до одного метра длины; на ихъ верхней поверхности представлены въ рельефѣ цвѣты, плоды, куски мяса и другія приношенія египетскихъ жертвъ. Другіе столы имѣютъ на верхней поверхности тарелочки для приношеній, числомъ до 20. Чтобы яснѣе видѣть, до какой степени египетскіе каменные столы предложеній не похожи на золотой столъ Мойсея, сейчасъ нами описанный, прилагаемъ здѣсь изображеніе одного изъ еги-



[1] На ассирійскихъ барельефахъ часто встрѣчаются поддѣлки подъ ногу животнаго. См. на прим. столъ Сеннахирима, найденный въ Корсабадѣ. (Histoire critique des origines des ordres grecs, par Chipiez, 1876, 160—161).

*

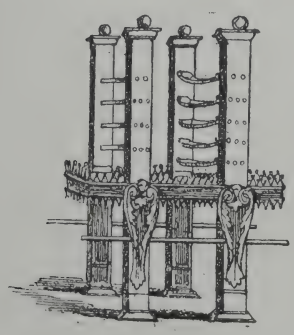
петскихъ столовъ (Maspero. Archéologie égyptienne p. 105).

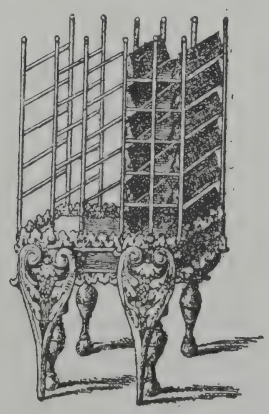
Къ столу предложеній Мойсеевой скиніи библейскій текстъ присоединяетъ цѣлую систему другихъ второстепенныхъ сосудовъ, имѣвшихъ ближайшую связь съ его назначеніемъ, и, какъ всѣ сосуды, стоявшіе внутри святилища, сдѣланныхъ изъ чистаго золота. На первомъ мѣстѣ между этими сосудами, какъ въ законодательномъ, такъ и въ исполнительномъ описаніи, поставлены קערות, собственно блюда или, какъ объясняетъ талмудическое преданіе, тѣ формы, въ которыхъ приготовлялись и приносились въ святилище хлѣбы. На второмъ мѣстѣ въ томъ и другомъ описаніи поставлены כפות, по талмудическому объясненію, ѳиміамники или чаши, въ которыхъ стоялъ на столѣ ѳиміамъ при хлѣбахъ. Остальные два вида сосудовъ назначались для вина, какъ видно изъ прибавочнаго къ нимъ выраженія: *которыми возливали.* Именно קשות, LXX σπονδεῖα, были большія винныя кружки и מנקיות, малыя кружки или неглубокіе бокалы. Нейманъ рекомендуетъ такое изображеніе тѣхъ и дру-

гихъ. Впрочемъ въ исполнительномъ описаніи послѣдніе два вида сосудовъ перечисляются въ обратномъ порядкѣ, откуда, повидимому, слѣдуетъ, что значительной разности по величинѣ между ними не было. Можетъ быть въ одномъ изъ этихъ сосудовъ нужно видѣть солонку, такъ какъ, по

LXX Лев. 24, 7, Филону, Оригену, Θеодориту, на столѣ предложеній, кромѣ хлѣбовъ, вина и ладона, была еще соль.

Напротивъ, въ талмудическомъ преданіи послѣднія два названія сосудовъ стола получили совершенно другое значеніе золотыхъ трубочекъ и прутовъ, изъ которыхъ на поверхности стола предложеній якобы складывались клѣтки и полки для 12 хлѣбовъ предложеній. Вотъ что говорится объ этомъ въ мишнѣ (Menachoth. XI, 4—6): „столъ предложеній имѣлъ 10 ладоней длины и 5 ширины; такую же длину и ширину имѣлъ и каждый отдѣльный хлѣбъ предложенія, такъ что, такимъ образомъ, уже одинъ изъ 12 хлѣбовъ могъ бы занять весь столъ. Но эти хлѣбы, имѣвшіе видъ пластовъ, располагались такъ, что ихъ длина приходилась по ширинѣ стола; такимъ образомъ на столѣ въ одномъ ряду можно было положить два хлѣба. Для остальныхъ же 10 хлѣбовъ было сдѣлано слѣдующее приспособленіе: четыре золотыхъ шеста, по высотѣ значительно превосходившіе высоту стола, были воткнуты въ землю по ту и другую его сторону, въ непосредственной близости къ столу; въ верхней части шестовъ, надъ столомъ, были придѣланы перекладины, образовавшія видъ пяти полокъ, на которыхъ и лежали остальные 10 хлѣбовъ“. Вотъ двѣ реставраціи талмудическаго стола предложеній Скакхуса





и Лундія. Основаніемъ такого сооруженія для талмудическаго преданія послужило, главнымъ образомъ, желаніе видѣть въ хлѣбахъ предложенія форму традиціонныхъ пасхальныхъ опрѣсноковъ, тонкихъ и широко раскатанныхъ. При томъ же количествѣ муки, которое законъ (Лев. 24, 5) указываетъ для каждаго хлѣба предложенія, $\frac{2}{10}$ эфы=6 фунтовъ, такой раскатанный опрѣснокъ могъ дѣйствительно занять одинъ всю поверхность стола. Другіе талмудическіе учители (рабби Меиръ, ученикъ Акибы по той же мишнѣ), въ виду такой величины хлѣбовъ, даже увеличивали размѣры самаго стола предложеній. Между тѣмъ, какъ очевидно само собою, правильное понятіе о хлѣбахъ предложенія, наоборотъ, должно само исходить изъ размѣровъ стола, какъ данной въ текстѣ и потому неизмѣнной величины. Поэтому никакъ нельзя допустить, чтобы каждый изъ 12 хлѣбовъ занималъ всю поверхность стола. Если количество муки оказывается значительнымъ, то, вмѣсто растяженія хлѣбовъ въ длину и ширину, гораздо правильнѣе будетъ увеличить ихъ высоту. Впрочемъ, такъ какъ іудейское преданіе упорно стоитъ на томъ, что хлѣбы предложенія лежали не одинъ *при* другомъ, а одинъ *на* другомъ, двумя кучами, какъ это представляетъ и Іосифъ Флавій, то съ этимъ положеніемъ соглашаются и многіе новѣйшіе изслѣдователи (Деличь), но съ исключеніемъ какихъ либо полокъ или клѣтокъ, какъ не имѣющихъ никакого основанія ни въ еврейскомъ оригиналѣ кн. Исходъ, ни въ древнѣйшихъ переводахъ. И на столѣ Титовой арки есть подобіе двухъ возвышающихся цилиндровъ, въ которыхъ видятъ двѣ кучи хлѣбовъ предложенія. Тѣмъ не менѣе, по нашему взгляду, изъ статьи закона Мойсеева вытекаетъ другое представленіе. По Лев. 24, 6, хлѣбы предложенія должны

быть положены двумя рядами, מערכות שתים, LXX: δύο θέματα, по славянски: *на два положенія*. Но терминъ מערכת употребляется именно о рядахъ, расположенныхъ горизонтально, а неотвѣсно, напр. Исх. 39, 37 онъ обозначаетъ рядъ лампадъ свѣтильника, I Сам. 17, 8 рядъ воиновъ.

Когда скинія снималась съ мѣста, то, по Числ. 4, 7, столъ предложеній закрывался голубою одеждою или скатертью, на которую ставили весь принадлежавшій ему священный сервизъ, вмѣстѣ съ хлѣбами предложеній, и затѣмъ уже все покрывалось ярко-краснымъ кармезиннымъ покровомъ и кожанымъ тахашъ. И здѣсь опять нѣтъ никакого указанія на обращеніе съ приборомъ полокъ или клѣтокъ для хлѣбовъ. Лейсденъ (Philol. Hebr. Diss. 38) полагалъ, что упоминаемая Числ. 4, 7 голубая скатерть была не походнымъ только покровомъ, но постояннымъ украшеніемъ стола предложеній, какъ трапезы, и Нейманъ соглашается, что отсюда выходилъ бы очень красивый видъ стола, когда онъ былъ уставленъ всѣми своими принадлежностями. Но если это допустить, тогда, согласно описанію Числ. 4, мы должны будемъ признать постояннымъ украшеніемъ такой же голубой покровъ и на зажженномъ свѣтильникѣ и покровъ на жертвенникѣ всесожженій, что невозможно.

Второю принадлежностію перваго отдѣленія скиніи или святаго былъ *свѣтильникъ*, менора, מנורה. Само по себѣ взятое, это названіе не вызываетъ въ представленіи опредѣленной формы сосуда, потому что въ домашней жизни древнихъ народовъ свѣтильники имѣли разнородныя формы: были свѣтильники висячіе, стоячіе самыхъ различныхъ объемовъ и видовъ. Первое отличіе священнаго свѣтильника отъ всякихъ другихъ свѣтильниковъ, а также и отъ всѣхъ другихъ сосудовъ самой скиніи, состояло въ томъ, что онъ весь былъ сдѣланъ

изъ золота (не изъ дерева sittim обложеннаго золотомъ), а потому и назывался золотымъ свѣтильникомъ. Работу же свѣтильника библейскій текстъ обозначаетъ выраженіемъ מקשה *чеканка:* свѣтильникъ не былъ отдѣлываемъ рѣзцомъ или молотомъ, какъ думалъ Соси (Histoire de l'art judaique, 32), но былъ весь, во всей цѣлости и со всѣми подробностями, вылитъ изъ таланта золота (25, 36). Для того, чтобы предлагаемое его описаніе было болѣе понятнымъ, предпосылаемъ ему его изображеніе, сохранившееся на аркѣ Тита.

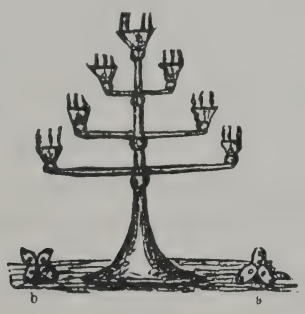
Видъ свѣтильника въ библейскомъ текстѣ представляется такъ. Нижнюю часть его представляла ירך, нога или основаніе. Этимъ основаніемъ, если вѣрить изображенію на аркѣ Тита, была широкая многогранная плита, по іудейскому же преданію—треножникъ (Маймонидъ). На томъ основаніи, что ירך значитъ также бедро или ногу животнаго, нѣкоторые (Нейманъ) допускали, что ножка свѣтильника на самомъ дѣлѣ имѣла форму ноги животнаго. Но это невозможно потому уже, что, такъ какъ верхняя часть свѣтильника была подражаніемъ вѣтвямъ дерева, то дерево, стоящее на ногѣ животнаго, было бы непозволительнымъ по закону Мойсея соединеніемъ растительнаго и животнаго элементовъ. Гораздо болѣе цѣлесообразно понимать здѣсь ירך въ смыслѣ нижней части дерева, изъ которой выходятъ корни. Тогда всѣ части свѣтильника будутъ обозначаться терминами изъ формы дерева, и священный свѣтильникъ обратится въ синайскій кустъ, горящій, но не сгорающій. Изъ основанія или ножки выступалъ стволъ свѣтильника, въ видѣ прямой линіи не указанной въ текстѣ высоты, а изъ него выходили дугообразно шесть побочныхъ вѣтвей пàрами, три съ одной стороны и три съ другой, всѣ въ одной плоскости, вѣерообразно, а не вокругъ ствола, какъ въ

СЕМИСВѢЧНИКЪ.

на аркѣ Тита въ Римѣ.

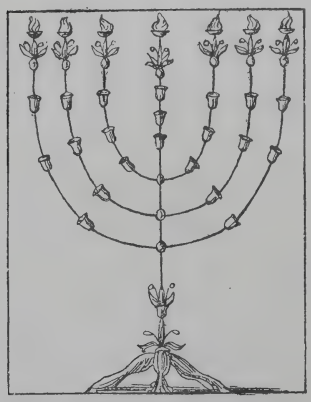
Фото-литографія И. Ивлутина Сергіевская ул. №10

нынѣшнихъ канделябрахъ, и до одной общей высоты, равной высотѣ главнаго ствола. Мнѣніе Евальда, что средній стволъ былъ выше боковыхъ, какъ обозначавшій собою субботу среди шести дней будничныхъ, не имѣетъ основанія ни въ текстѣ, ни въ древнихъ изображеніяхъ. Какъ видно изъ изображенія на аркѣ, всѣ семь вѣтвей свѣтильника были круглы и имѣли одинаковую толщину, хотя іудейское преданіе (Кимхи, Абенъ-Ездра) полагаетъ, что боковыя вѣтви были болѣе тонки, чѣмъ срединная вѣтвь, и стояли къ ней въ отношеніи мелкихъ членовъ къ главной части корпуса (ср. Jos. Fl. Bell. VII, 5, 5). Но по величинѣ вѣтви свѣтильника были неодинаковы: каждая верхняя пара, по своему высшему положенію, была короче нижней. Новый, но совершенно произвольный видъ свѣтильнику Мойсея даетъ Пэнъ (стр. 75) на основаніи изображенія свѣтильника найденнаго между гіероглифами, съ тремя горизонтальными перекладинами вмѣсто вѣтвей.



Вѣтви семисвѣчнаго свѣтильника были украшены розетками и другими орнаментами, взятыми изъ того же растительнаго царства, обозначаемыми въ текстѣ тремя терминами: цвѣточныя чашечки, גביעים, бутоны, כפתרים и цвѣтки, פרחים. Впрочемъ второй терминъ переводятъ еще иначе: раввины: яблоко или шаръ (Маймонидъ), Іосифъ Флавій — гранатовое яблоко, LXX: σφαιρωτῆρες

(терминъ, обозначавшій округлость на древней ременной обуви), Вульгата: sphaerulae. Третій терминъ LXX, Іосифъ и раввины переводятъ: лиліи. Въ талмудѣ объ этихъ украшеніяхъ свѣтильника говорится: „первыя были подобны тѣмъ крошечнымъ чашкамъ для питья, которыя употребляются жителями Александріи; вторыя были подобны критскимъ яблокамъ, и третьи были подобны завиткамъ Соломоновой колонны“ (Menachoth, 28, 2). Новѣйшіе изслѣдователи, Мейеръ, Прейсверкъ, Теній, Кнобель, Бэръ, Риггенбахъ, согласились между собою, что подъ чашечками, бутонами и цвѣтками разумѣются не три различныя украшенія, а одно — цвѣточный бутонъ, подраздѣляющійся на чашечку и цвѣточные листки. Такихъ бутоновъ на главной вѣтви было 4, а на боковыхъ по 3, всего 22. Такимъ образомъ дѣлались бы излишними вычисленія Іосифа Флавія и другихъ толкователей, насчитывавшихъ въ свѣтильникѣ 60 и 70 отдѣльныхъ украшеній. Но какъ ни желательно это объясненіе по вводимому имъ упрощенію текста, оно не можетъ быть принято, потому что библейскій текстъ не могъ различать три украшенія въ томъ, что составляло одно цѣлое. Кромѣ того, о бутонахъ замѣчено, что они были миндалевидные; но миндальный бутонъ не имѣетъ ничего похожаго на шаръ или яблоко. Такимъ образомъ необходимо, согласно съ древними объясненіями, украшенія свѣтильника снова разлагать на три отдѣльныхъ вида: чашечки, бутоны и цвѣтки. Вотъ опытъ расположенія украшеній свѣтильника по Реланду.



О размѣрахъ свѣтильника, его высотѣ и широтѣ биб-

лейскій текстъ ничего не говоритъ прямо. Всѣ существовавшія по этому поводу предположенія главнымъ образомъ основывались на указанномъ въ законѣ его вѣсѣ въ талантъ золота = 96 фунтовъ золота. Такъ какъ немногіе имѣютъ ясное понятіе о томъ, какую массу будетъ представлять это количество золота, то американецъ Пэнъ обязательно объясняетъ своимъ читателямъ, что по массивности талантъ золота равняется 38 фунт. желѣза, такъ какъ золото въ $2^1/_2$ раза тяжелѣе желѣза. Слѣдовательно, вообще говоря, Мойсеевъ свѣтильникъ имѣлъ такую величину, какую можетъ имѣть сдѣланный по этой модели свѣтильникъ изъ 38 фунтовъ желѣза. Но въ такомъ сложномъ сосудѣ трудно сдѣлать правдоподобное заключеніе отъ вѣса къ его размѣрамъ. По іудейскому преданію (Маймонидъ, Jad chazaka VIII, 3) высота свѣтильника была 18 ладоней или три локтя; отсюда уже выводятся дальнѣйшія заключенія о разстояніи между боковыми вѣтвями и ихъ украшеніями. Противъ этого традиціоннаго представленія о размѣрахъ свѣтильника изъ новыхъ изслѣдователей особенно возстаетъ Бэръ, не находя для такой значительной величины свѣтильника аналогіи въ другихъ сосудахъ. По его мнѣнію, высота свѣтильника равнялась высотѣ стола предложеній $1^1/_2$ локтя; такая же была и его широта или разстояніе отъ одной крайней вѣтви до другой. При этомъ главный стволъ, по Бэру, дѣлился на три равныя части, каждая въ $^1/_2$ локтя высоты: отъ пола до первой пары боковыхъ вѣтвей, отъ первой пары до третьей и отъ третьей до вершины; разстояніе между вѣтвями на ихъ верхушкахъ было $^1/_4$ локтя. Кажется, слѣдуетъ согласиться съ проэктируемымъ Бэромъ сокращеніемъ размѣровъ свѣтильника, не потому впрочемъ, чтобы этого требовало его положеніе между другими сосудами (напро-

тивъ чѣмъ выше былъ свѣтильникъ, тѣмъ лучше онъ могъ освѣщать окружающее и въ томъ числѣ другіе сосуды святаго), а скорѣе потому, что таланта золота было бы недостаточно для той высоты свѣтильника, какую указываетъ Маймонидъ.

На приготовленномъ такимъ образомъ канделябрѣ стояли лампады по одной на каждой изъ его семи вѣтвей. О формѣ лампадъ библейскій текстъ ничего не говоритъ. Древніе толкователи называли ихъ глазообразными, на основаніи Зах. 3, 9, 4, 2, гдѣ семь лампадъ свѣтильника ставятся въ соотношеніе съ таинственнымъ камнемъ о семи очахъ, и на основаніи выраженія: *око* есть свѣтильникъ (тѣла), Λύχνος, Матѳ. 6, 22; Лук. 11, 34 (въ переводѣ LXX лампады свѣтильника Мойсея называются Λύχνοι). Въ позднѣйшемъ еврейскомъ преданіи (Ярхи) лампады свѣтильника являются ложкообразными. Новѣйшіе изслѣдователи, на основаніи находимыхъ въ раскопкахъ Палестинской почвы экземпляровъ древнихъ лампъ, считаютъ лампады Мойсея ладьеобразными съ носками (Шольцъ) или продолговато-круглыми съ двумя отверстіями для фитиля и вливанія масла (Бэръ, Кейль). Такою формою лампадъ хорошо объясняется мѣсто Исх. 25, 37 и особенно Числ. 8, 2—3, гдѣ показывается, что лампады не просто ставились на своихъ мѣстахъ, какъ можетъ быть поставлена нынѣшняя наша стаканообразная лампада, но при этомъ поворачивались (носкомъ) въ извѣстную сторону, ту, которая была фронтомъ или лицомъ свѣтильника. Если такимъ образомъ могъ быть вопросъ о томъ, какъ поставить лампады на свѣтильникѣ, то само собою разумѣется, что онѣ не представляли нераздѣльнаго цѣлаго съ свѣтильникомъ, — чѣмъ затруднялось бы очищеніе лампадъ и ихъ наполненіе масломъ, — и напрасно поэтому въ талмудѣ (Menach.

88) заводится споръ о томъ, представлять ли лампады сдѣланными независимо отъ свѣтильника и однимъ общимъ литьемъ съ нимъ. Поэтому не имѣютъ основанія въ древности библейской и дальнѣйшія сказанія, что каждая изъ семи лампадъ, занимая всегда одно мѣсто, называлась особеннымъ именемъ, то по именамъ семи дней недѣли, то семи планетъ, то семи ангеловъ предстоящихъ престолу Божію.

По закону Исх. 27, 20; Лев. 24, 2, масло для этихъ лампадъ должно быть оливковое, чистое. Нужно замѣтить, что для полученія лучшаго лампаднаго масла древніе брали не вполнѣ созрѣвшія оливковыя ягоды; масло отъ нихъ горитъ наиболѣе чистымъ свѣтомъ и безъ запаха. По занятіи евреями обѣтованной земли лампадное масло для скиніи, а потомъ и для храма іерусалимскаго, получалось изъ Ѳекои, города, лежавшаго въ 10 римскихъ миляхъ на югъ отъ Іерусалима, такъ какъ лучшаго масла въ Палестинѣ не было [1] (Мишна, Menach. 8, 3). Въ каждой лампадѣ ежедневно сгорало 1/2 лога, около стакана небольшой величины (по раввинамъ: вмѣстимость трехъ куриныхъ яицъ) [2]. Горѣли же лампады не только ночью, но и днемъ, какъ это подтверждается и положительнымъ закономъ о всегдашнемъ горѣніи свѣтильника (Исх. 27, 20, 30, 8; Лев. 24, 3—4, 8—9), объ утреннемъ приведеніи въ порядокъ лампадъ (Исх. 30, 7), а также тѣмъ обстоятельствомъ, что, при отсутствіи оконъ, во святилищѣ нельзя было обходиться безъ огня даже и днемъ. Впрочемъ, изъ позднѣйшей практики вто-

[1] Гретцъ (Geschichte IV, 476) переноситъ Ѳекою въ Галилею, на основаніи такого ея плодородія. Но и въ Іудеѣ были пункты весьма плодородные. Ѳекоя же іудейская лежала близъ того мѣста, гдѣ цвѣли знаменитые сады Соломона. [2] Всѣ лампады семисвѣщнаго свѣтильника вмѣстѣ вмѣщали, по вычисленію Пэна, 1 3/8 галлона масла.

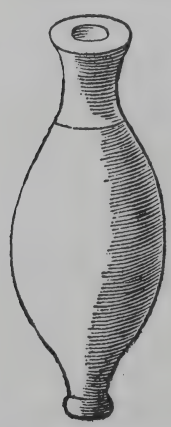
рого храма сохранились другія извѣстія о горѣніи свѣтильника. Филонъ говоритъ, что какъ ночью всѣ семь лампадъ горѣли, такъ днемъ всѣ онѣ тушились. У Іосифа Флавія (Antiqu. III, 8, 3) это извѣстіе исправляется такъ: днемъ изъ семи ночныхъ лампадъ оставляли горѣть три, а четыре гасили. Мишна же предполагаетъ возможнымъ, что днемъ могла горѣть и одна только лампада. Въ Tamid 6, 1 говорится, что священникъ, входившій утромъ во храмъ для очищенія свѣтильника, очищалъ лампады, но не зажигалъ ихъ снова, кромѣ одной, которая и оставалась горѣть до вечера и отъ которой вечеромъ зажигались всѣ лампады. Преданіе прибавляетъ, что хотя случалось, что ночью одна другая лампада потухала сама собою, но этого никогда не случалось съ среднею главною лампадою; но за 40 лѣтъ до разрушенія Іерусалима она безъ всякой причины потухла (Lightfoot, Hor. hebr. ad Math. 26, 3. Іерус. талм. Joma 43, 3). Въ этомъ смыслѣ полнаго освѣщенія свѣтильника ночью и неполнаго освѣщенія днемъ нужно понимать и выраженіе 2 Пар. 13, 11, гдѣ говорится о вечернемъ возженіи золотыхъ лампадъ, какъ будто не горѣвшихъ днемъ. Что же касается мѣста 1 Сам. 3, 3, то его выраженіемъ: „свѣтильникъ Божій еще не потухъ въ святилищѣ, при ковчегѣ завѣта“ обозначается именно ночное время или время полнаго освѣщенія скиніи, которое днемъ могло сократиться.

Съ вопросомъ объ освѣщеніи скиніи тѣсно связанъ вопросъ о положеніи какъ самаго свѣтильника, такъ и его семи лампадъ. Мы говорили уже, что свѣтильникъ стоялъ не по срединѣ скиніи, а при южной продольной ея сторонѣ. Но, при данной формѣ свѣтильника, его свѣтъ будетъ распространяться неодинаково, смотря потому, куда будетъ обращена его широкая сторона. По

свидѣтельству Іосифа Флавія, широта свѣтильника не приходилась по широтѣ скиніи; свѣтильникъ стоялъ λοξῶς, косо, показывая своимъ положеніемъ „путь солнца и планетъ, вращающихся съ востока на западъ“. Такимъ образомъ для наблюдающаго со входа скиніи всѣ семь лампадъ свѣтильника сливались въ одну точку. Чтобы видѣть ихъ раздѣльно, нужно было стать среди скиніи, оборотясь на югъ лицомъ. То же подтверждаетъ и іудейское преданіе. По мишнѣ (Menachoth. 4, 7), только одинъ ковчегъ завѣта своею длинною стороною стоялъ въ направленіи съ сѣвера на югъ; всѣ же другіе сосуды стояли съ востока на западъ, такъ что ко входу святилища была обращена ихъ узкая сторона, и чтобы видѣть ихъ главную сторону или, по древнему выраженію, ихъ *лицо*, нужно было смотрѣть съ средины святаго. Впрочемъ, это имѣетъ отношеніе собственно къ столу и свѣтильнику, потому что третій сосудъ, стоявшій во святомъ, жертвенникъ кажденій, былъ квадратный, и слѣдовательно со всѣхъ сторонъ представлялся одинаковымъ или имѣлъ свое лицо. Такимъ образомъ, лицо свѣтильника, стоявшаго при южной сторонѣ, было обращено прямо къ стоявшему въ такомъ же положеніи при сѣверной стѣнѣ столу предложеній и освѣщало главнымъ образомъ предложеніе хлѣбовъ или священную трапезу. Такая связь свѣтильника со столомъ предложеній подтверждается еще тѣмъ, что въ храмѣ Соломоновомъ, гдѣ число столовъ предложеній возрасло до 10, и свѣтильниковъ было уже 10, и притомъ тѣ и другіе стояли уже въ непосредственной близости, 5 столовъ и 5 свѣтильниковъ направо и 5 столовъ и 5 свѣтильниковъ налѣво. Впрочемъ позднѣйшее іудейское преданіе заслоняетъ такое отношеніе свѣтильника къ столу предложеній тѣмъ, что раздѣляетъ лам-

пады на восточныя и западныя, то есть на обращенныя на востокъ и западъ своими носками или горѣвшими фитилями. По этому объясненію, боковыя шесть лампадъ имѣли для себя центромъ среднюю лампаду, къ которой онѣ и были обращены. Но такое объясненіе не имѣетъ смысла или имѣетъ противный закону Мойсея космическій смыслъ, по которому средняя лампада изображала солнце, какъ центральный пунктъ обращенія планетъ. Что же касается самой средней лампады, то, по тому же преданію, она была обращена своимъ свѣтомъ на западъ, слѣдовательно къ святому святыхъ. Но обращеніе къ святому святыхъ для средней лампады было бы натурально только въ томъ случаѣ, если бы весь свѣтильникъ не стоялъ косо, но своимъ лицомъ былъ обращенъ къ святому святыхъ,—чего однакожъ не было. Кромѣ того, направлять какимъ либо образомъ освѣщеніе на святое святыхъ было бы противно назначенію послѣдняго и не соотвѣтствовало царствовавшему за завѣсою священному мраку.

Второстепенныя принадлежности при свѣтильникѣ, по мнѣнію Маймонида (Jad chazaka VIII, 3) не считавшіяся въ указанномъ для свѣтильника талантѣ вѣса,



были: מלקחים, щипцы или клещи (Ис. 6, 6 по LXX), которыми снимался нагаръ съ фитилей, и מחתות, гасильный сосудъ съ водою, куда бросали снимавшійся нагаръ. Если, при этомъ, не упоминается сосудъ для масла, то это показываетъ, что масло не стояло тутъ же, но приносилось каждый день изъ хранилища. Вотъ наиболѣе обыкновенный въ древности видъ кружки для храненія масла. Іудейское преданіе прибавляетъ еще особенную свѣтильню, которою прино-

сился сюда огонь съ внѣшняго жертвенника всесожженій. Всякій другой огонь былъ огнемъ чуждымъ, и вносить его во святилище не позволялось. — Носильныя кольца и шесты при свѣтильникахъ не показаны. Вѣроятно, его носили въ походахъ на носилкахъ.

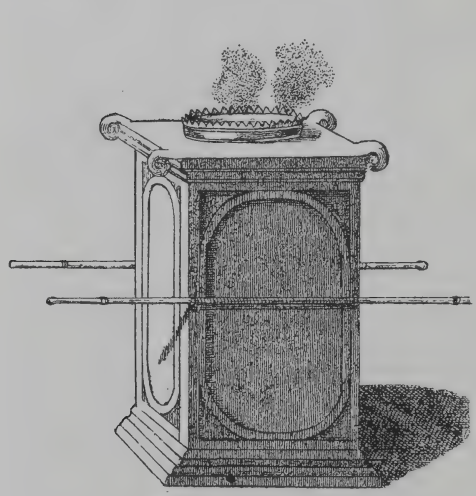
Мы уже говорили, что семисвѣщный свѣтильникъ былъ взятъ въ числѣ трофеевъ изъ Іерусалима римлянами, какъ обращавшій на себя вниманіе по своей цѣнности и изяществу, и поставленъ въ римскомъ храмѣ мира (Jos. Fl., Bell. VII. 5. 5), гдѣ во время Адріана его видѣлъ рабби Еліезеръ-бенъ-Іозуа, вмѣстѣ съ золотою первосвященническою діадемою и завѣсою святаго святыхъ (вавил. Schabbath, 53. Ioma 57). Отъ V вѣка мы имѣемъ разсказъ Анастасія (Hist. Eccl. 43), что золотой свѣтильникъ изъ Рима былъ перенесенъ въ Африку, въ 450 году, предводителемъ вандаловъ Гензерихомъ, въ сокровищницахъ котораго онъ и оставался въ продолженіи 70 лѣтъ. Въ 520 году полководецъ императора Юстиніана Велисарій, по покореніи вандаловъ, привезъ его въ числѣ военной добычи въ Царьградъ, откуда онъ былъ отправленъ Юстиніаномъ въ Іерусалимъ, въ даръ одному христіанскому храму. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Если, такимъ образомъ, оригиналъ ветхозавѣтнаго свѣтильника утраченъ, то не можетъ ли его мѣсто замѣнить приведенное нами выше изображеніе свѣтильника на аркѣ Тита, давшее свое имя самой аркѣ: arcus septem lucernarum? Нѣкоторое сомнѣніе въ точности изображенія можетъ возбуждать то обстоятельство, что свѣтильникъ арки на своихъ боковыхъ вѣтвяхъ представляетъ неравное распредѣленіе украшеній и на своемъ постаментѣ имѣетъ изображенія орловъ, драконовъ и другихъ миѳологическихъ существъ, не мыслимыхъ на свѣтильникѣ Мойсея.

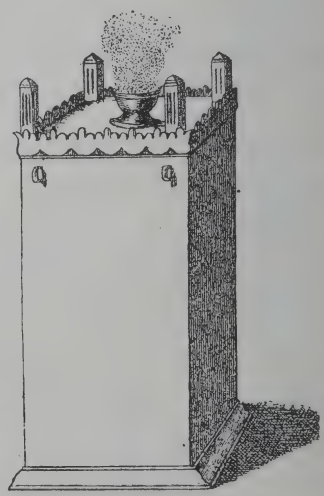
Въ этихъ послѣднихъ украшеніяхъ нельзя не узнать передѣлки Мойсеева свѣтильника царемъ Иродомъ, который, украсивъ самый фронтъ храма изображеніемъ римскаго орла, легко могъ помѣстить подобныя символическія изображенія римлянъ на храмовыхъ сосудахъ, замѣнивъ ими древнія изображенія херувимовъ. По крайней мѣрѣ съ этимъ легче согласиться, чѣмъ съ другимъ объясненіемъ, что украшенія пьедестала свѣтильника арки были простою фантазіею римскаго скульптора, lusus sculptoris, не имѣвшею ничего соотвѣтствующаго въ оригиналѣ (Реландъ). Что же касается замѣчаемой на рельефѣ нѣкоторой неравномѣрности въ порядкѣ орнаментовъ, то это—не дѣйствительная неравномѣрность, а только случайное поврежденіе рельефа отъ времени или варварской руки. Такимъ образомъ серьезныхъ сомнѣній въ вѣрности изображенія свѣтильника по крайней мѣрѣ тому экземпляру, который былъ похищенъ римлянами, не существуетъ. Около того времени, когда римляне увѣковѣчивали на аркѣ образъ ветхозавѣтнаго свѣтильника, онъ начинаетъ появляться и на памятникахъ іудейскаго происхожденія какъ офиціальный символъ націи. Такъ его встрѣчаемъ на

одной древне-еврейской монетѣ (Madden, Coins of the Jews, 102), на фризахъ и колоннахъ древнихъ палестинскихъ синагогъ (Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins. 1886. стр. 322), над ревнееврейскихъ гробницахъ и лампахъ и т. д. (Revue des études juives 1886 стр. 219). Нужно замѣтить, что такія изображенія не были со стороны еврейскихъ художниковъ какимъ нибудь нарушеніемъ закона, какъ это однакожъ считаетъ проф. Гуте (Zeitschrift des deutsch. Pal. Ver. 1885. IV, 333), основываясь на томъ, что въ талмудѣ есть запрещенія употреблять семисвѣщный свѣтильникъ. Эти запрещенія касаются только употребленія подражаній семисвѣщному свѣтильнику въ домашнемъ обиходѣ (Beraitha Menachoth, 28, 2; ср. Rosch haschana 24, 1; Aboda Zara 43, 1). — Отъ евреевъ, не безъ вліянія изображенія арки Тита, семисвѣщный свѣтильникъ вошелъ въ христіанскую церковь, уже не какъ только символъ, чѣмъ онъ былъ для евреевъ разсѣянія, а какъ сосудъ церковнаго употребленія. Такъ, въ соборѣ Эссенскомъ есть бронзовый семисвѣщный свѣтильникъ, принадлежащій второму вѣку христіанской эры (Weerth. Kunstdenk. des christl. Mittelalters an d. Rhein, 1. стр. 36. рис. XXVIII). Въ Прагѣ былъ подобный свѣтильникъ, нынѣ не существующій, но уже пользовавшійся извѣстностію въ 1158 году. Онъ былъ взятъ въ Миланъ въ числѣ военной добычи, и еще въ 1395 году считался подлиннымъ Соломоновымъ свѣтильникомъ (Otte, Handb. der christl. Kunstarch. 1. 166. Revue archéol. sér. XII. 359). Свѣтильникъ церкви св. Дѣвы Маріи въ Кольбергѣ, съ надписью 1327 года, есть подражаніе свѣтильнику арки Тита (Kugler, Kleine Schriften, 1, 784) и т. д.

Третью и послѣднюю принадлежность перваго отдѣ-

ленія святилища, послѣ стола предложеній и свѣтильника, представлялъ сосудъ *для кажденій*. Общее его имя было *жертвенникъ*, מזבח. Хотя дѣйствительнаго закланія жертвъ здѣсь не происходило, но въ одномъ случаѣ, при принесеніи жертвы за грѣхъ, жертвенная кровь, пролитая во дворѣ святилища, вносилась въ самое святилище и возливалась на рога стоявшаго здѣсь второго жертвенника. Въ отличіе отъ перваго или жертвенника всесожженій, второй жертвенникъ называется внутреннимъ, золотымъ (Jos. Fl., Antiqu. IX, 10, 4), въ особенности же жертвенникомъ кажденія, מזבח הקטרת (Исх. 30, 1, 37, 25) или ѳиміамникомъ, θυμιατήριον (Евр. 9, 4. Филонъ, de vita Mos. III, 518). Мы видѣли, что онъ стоялъ въ непосредственной близости къ завѣсѣ святаго святыхъ, по срединѣ широты святилища, слѣдовательно на прямой линіи съ внѣшнимъ жертвенникомъ. Кромѣ этихъ двухъ сосудовъ, другіе сосуды не называются жертвенниками. Приводимъ здѣсь два наиболѣе извѣстныя изображенія жертвенника кажденій по Лундію и Скакхусу.





По библейскому описанію жертвенникъ кажденій имѣлъ 2 локтя высоты и 1 локоть длины и ширины (Исх. 30, 1—10; 37, 25—29), т. е. представлялъ другія пропорціи въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ остальные описанные нами сосуды, былъ болѣе высокимъ чѣмъ длиннымъ, и въ этомъ отношеніи напоминалъ собою наши церковные налои. Подобно внѣшнему жертвеннику, онъ стоялъ не на ножкахъ, а на стѣнкахъ, доходившихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ до земли и сдѣланныхъ изъ того же дерева акаціи. И здѣсь, какъ въ жертвенникѣ всесожженій, по четыремъ верхнимъ угламъ выступали изъ стѣнокъ роги жертвенника, вѣроятно такой же формы, но меньшихъ размѣровъ [1]. То, что въ описаніи внѣшняго жертвенника библейскій текстъ называетъ карковомъ, простымъ архитравомъ или карнизомъ, существовало и здѣсь, но по болѣе художественной работѣ названо другимъ именемъ זר, вѣнецъ, LXX: στρεπτὴν στεφάνην, витой вѣнецъ. Далѣе, тогда какъ очагомъ жертвенника всесожженій была земляная насыпь, здѣсь мы видимъ особенный, художественный очагъ, названный въ текстѣ, по своему положенію на верху жертвенника, его крышею, גג. Многіе новые изслѣдователи, основываясь на томъ, что слово גג сопоставляется здѣсь съ словомъ קירות, стѣны, видятъ въ немъ указаніе на простую верхнюю столовую доску, получившую здѣсь техническое названіе крыши, потому что она, по образцу плоскихъ восточныхъ крышъ, была обведена рѣшеткою или брустверомъ. Но верхняя столовая доска, если бы она была здѣсь, лежала бы не на стѣнкахъ, а на ножкахъ, какъ въ столѣ предложеній, и во всякомъ случаѣ была бы на-

[1] Приведенные рисунки жертвенника имѣютъ неправильные роги, Лундіевъ—въ видѣ башенъ по талмудическому преданію и Скакхусовъ—въ видѣ обыкновенныхъ карнизныхъ завитковъ.

звана иначе и даже всему сосуду дала бы другое названіе: это былъ бы столъ кажденія, а не жертвенникъ кажденія. Самой отличительной принадлежности жертвенника—роговъ, поколику они должны были выступать непосредственно изъ боковыхъ стѣнъ, не могло бы быть при существованіи сплошной столовой доски покрывающей стѣны. Поэтому мы совершенно согласны съ переводомъ слова גג въ текстѣ LXX: ἐσχάρα, Вульгата: craticula, славянскій: огнище, ивидимъ здѣсь указаніе на особенный видъ очага, на которомъ пылали на жертвенникѣ горящіе уголья и курились благовонія. Такимъ образомъ верхняя часть жертвенника кажденій представляла видъ угольницы, ѳиміамника или кадильницы. Такъ какъ въ другихъ мѣстахъ (Исх. 27, 4, 36, 16) LXX толковниковъ тѣмъ же словомъ ἐσχάρα замѣняютъ еврейское מכבר *сѣтка,* то отсюда можно заключать, что LXX предполагали сѣтчатую работу того, что они назвали ἐσχάρα. Но такъ какъ кадильница или очагъ не могла быть сѣтчатою снизу, потому что тогда изъ нея могли выпадать горящіе уголья, то она была сѣтчатою сверху и, слѣдовательно, подобно нашей церковной кадильницѣ, состояла изъ двухъ частей: собственно угольницы и сѣтчатой покрышки. Такая сѣтчатая покрышка здѣсь была необходима для защиты отъ вѣтра, который, при поднятіи входной завѣсы во время богослуженія, могъ врываться во святое и сносить горящіе уголья прямо на завѣсу святаго святыхъ. Такимъ образомъ нынѣшняя церковная кадильница сдѣлана по образцу ἐσχάρα ветхозавѣтнаго жертвенника кажденій, только съ сокращеніемъ ея размѣровъ и съ прибавленіемъ цѣпочекъ для ручнаго ношенія. На вопросъ: составляла ли ἐσχάρα нетдѣлимую часть жертвенника? необходимо отвѣчать отрицательно, въ виду свидѣтель-

ства апостола Павла (Евр. 9, 2–4) о перенесеніи *золотой кадильницы* во святое святыхъ въ день Очищенія. Хотя этимъ именемъ могъ назваться и весь жертвенникъ кажденій, но очевидно о перенесеніи всего сосуда здѣсь не могло быть рѣчи, такъ какъ его нельзя было и поставить на ковчегѣ завѣта, а переносилась во святое святыхъ и ставилась на ковчегѣ только ἐσχάρα; слѣдовательно она могла быть отдѣлена отъ жертвенника, какъ лампады отъ свѣтильника. Тѣмъ не менѣе она была вполнѣ приспособлена къ стѣнкамъ жертвенника, устанавливаясь на его верхней части и можетъ быть нацѣпляясь на рога, такъ что отсутствія верхней доски на немъ не было замѣтно [1]. Но что, по снятіи ἐσχάρα, жертвенникъ представлялъ не цѣльный столъ или налой, а однѣ стѣнки безъ покрышки, это ясно видно изъ того, что въ такомъ видѣ, въ праздникъ дня Очищенія, онъ даже не считается вовсе между сосудами святаго (Евр. 9, 2). Нѣкоторые (Скакхусъ), признавая необходимымъ особенный очагъ на жертвенникѣ кажденій, видѣли указаніе на него въ другомъ терминѣ זר (вѣнецъ). Но если бы даже въ этомъ объясненіи не было прямого противорѣчія древнимъ переводамъ, то и въ такомъ случаѣ его нельзя было бы принять, потому что этотъ терминъ упоминается и въ описаніи стола предложеній и ковчега завѣта, гдѣ очагамъ небыло мѣста. Во всякомъ случаѣ безъ очага жертвенникъ кажденій не могъ существовать; назвать очагъ значило назвать весь жертвенникъ (Сирах. 50, 9). Если нѣкоторые толкователи, какъ мы знаемъ, искали особеннаго искусственнаго очага и въ жертвенникѣ всесожженій, то причиною этого

[1] На рисункахъ стр. 132 ошибочно сперва дается жертвеннику верхняя простая доска, а потомъ на ней, въ видѣ отдѣльнаго сосуда, ставится кадильница.

обстоятельства было, съ одной стороны, сходство того и другого жертвенника, а съ другой—несомнѣнное существованіе такого очага на внутреннемъ жертвенникѣ. За то о какихъ нибудь другихъ второстепенныхъ побочныхъ сосудахъ при жертвенникѣ кажденій библейскій текстъ не упоминаетъ. Такъ какъ весь жертвенникъ былъ занятъ очагомъ, то никакимъ другимъ сосудамъ на немъ и не было мѣста. Странно, что этого обстоятельства не замѣчаютъ тѣ, которые, переводя גג въ значеніи простой верхней доски, превращаютъ жертвенникъ въ обыкновенный налой безъ очага. Какъ будто эта главная часть сосуда могла быть не указанною въ текстѣ, а только подразумѣваемою, какъ подразумѣвались щипцы для подобранія выпадавшихъ случайно угольевъ или ящикъ для храненія кадильныхъ благовоній!

Какъ сосудъ подвижнаго святилища, жертвенникъ кажденій имѣлъ обыкновенныя приспособленія для ношенія. Съ двухъ боковъ, на двухъ противоположныхъ сторонахъ, по іудейскому преданію на сѣверной и южной, непосредственно подъ верхнимъ карнизомъ или вѣнцомъ (см. рис. на стр. 132), были привинчены по два золотыхъ кольца, въ которыя вдѣвались два деревянныхъ шеста, обложенныхъ чистымъ золотомъ, какъ и весь жертвенникъ кажденій. Шесты вынимались и прятались, какъ и въ другихъ сосудахъ (за исключеніемъ ковчега завѣта), когда жертвенникъ стоялъ на мѣстѣ, и опять вдѣвались въ кольца, когда жертвенникъ, окутанный голубымъ покровомъ, а въ случаѣ ненастья еще покровомъ кожанымъ, тахашъ, поднимался въ народный походъ (Числ. 4, 11). Какъ видно изъ указаннаго сейчасъ мѣста кн. Числ., гдѣ, при снаряженіи въ путь скиніи, рядомъ ставятся оба жертвенника, внутренній и внѣ-

шній, они были носимы рядомъ въ непосредственной близости, вопреки соображенію Неймана, что они не могли быть носимы въ близкомъ сосѣдствѣ между собою, какъ „изображавшіе разныя сферы жизни“. Неосновательно также предположеніе Кнобеля, что жертвенникъ кажденій носился только на двухъ кольцахъ, изъ которыхъ одно назначалось для одного шеста, а другое для другого. Этого было бы недостаточно для удержанія жертвенника въ равновѣсіи.

Подобно тому какъ при описаніи свѣтильника законъ указываетъ и свойство масла, доставлявшагося въ святилище, къ описанію жертвенника кажденій присовокупляется предписаніе о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ должны были составляться употреблявшіяся во святилищѣ благовонныя куренія. Именно Исх. 30, 34—36 онѣ перечисляются въ такомъ порядкѣ: 1. נטף, LXX: στακτή, славянски: ста́кти. Нѣкоторые считали этотъ составъ высушеннымъ клеемъ мѵрроваго дерева. Но мѵрра имѣетъ въ ветхомъ завѣтѣ другое названіе и іудейское преданіе прибавляетъ ее къ составу благовоній независимо отъ ста́кти. Лучше разумѣть подъ ста́кти storax-gummi, смолу изъ дерева storax (styrax officinalis Линнея), растущаго въ Аравіи и Палестинѣ, особенно въ Галилеѣ, достигающаго отъ 12 до 20 футовъ высоты, съ многочисленными тонкими вѣтвями и снѣжно-бѣлыми цвѣтами. Изъ ствола этого дерева чрезъ надрѣзъ, а то и безъ надрѣза, выступаетъ клейкая, прозрачная, блѣдная или сѣроватая, благовонная смола, употреблявшаяся у древнихъ и какъ лекарственное средство. 2. שחלת, LXX: ὄνυξ, славянски: онихъ, твердый съ весьма пріятнымъ запахомъ наростъ, встрѣчающійся на нѣкоторыхъ видахъ раковинъ Индійскаго океана и

Краснаго моря. Впрочемъ многіе раввины (Раши, Кимхи, за исключеніемъ Маймонида) видѣли въ ониксѣ растительную субстанцію, не считая возможнымъ, чтобы для священнаго кажденія заимствовали матеріалъ изъ нечистаго животнаго. Но, не говоря уже о томъ, что скорлупу раковины трудно признать нечистою, мы знаемъ, что изъ подобныхъ улитокъ добывались краски для священныхъ покрововъ и одеждъ. И Іосифъ Флавій (Bell. V. 5, 5) удостовѣряетъ, что матеріалъ для кажденія во святилищѣ добывался не только съ земли, но и съ моря. 3. חלבנה, LXX: χαλβάνη, славяски: халванъ, по классификаціи Линнея ferula erubescens, произрастающая особенно въ Персіи. Чрезъ надрѣзы на корѣ этого кустарника выступаетъ зернистая, твердая, сначала бѣлая, потомъ желтоватая съ бѣлыми пятнами, смола остраго горькаго вкуса. Сама по себѣ смола эта не употреблялась какъ благовонное вещество, но присоединялась къ другимъ, какъ имѣвшая свойство усиливать и долго сохранять ихъ запахъ. По опредѣленію Маймонида (Kleihamikdasch, 2, 4), это—бальзамическій сокъ одного дерева, растущаго въ лѣсахъ Греціи, напоминающій медъ, но чернаго цвѣта. 4. לבנה זכה, LXX: λίβανος λιβανωθὸς, славянски: ливанъ чистый, бѣлаго цвѣта смолка, которую евреи привозили изъ юго-восточной Аравіи (Ис. 60, 6. Іерем. 6, 20). Арабскій ботаникъ Абулфадли говоритъ, что смола этого имени добывалась изъ кустарника, растущаго въ Іемени на горахъ, двухъ локтей высоты, по листьямъ и плодамъ напоминавшаго мурру. Впрочемъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, ливанъ произрасталъ и произрастаетъ въ большомъ количествѣ и въ Индіи. Ливанъ часто употреблялся въ ветхозавѣтномъ святилищѣ и самостоятельно, присоединяясь обыкновенно къ такъ называемой мучной жертвѣ (Лев. 2, 1 и друг.).

Мы видѣли его лежащимъ между хлѣбами и на столѣ предложеній (Лев. 24, 7).

Но такъ какъ въ законѣ Исх. 30, 34, послѣ указанія четырехъ названныхъ составныхъ частей благовоннаго порошка, употреблено еще дополнительное выраженіе סמים, т. е. *и другихъ благовоній,* то іудейское преданіе прибавляетъ сюда еще 8 другихъ составныхъ частей кадильнаго порошка (Krithoth 6, 1, 2). Вотъ они: 1. мурра, מר, смолка, получавшаяся изъ кустарника этого имени чрезъ нарочитые надрѣзы и горѣвшая яркимъ пламенемъ (Sabb. 26), 2. кассія, 3. нардъ, 4. шафранъ, 5. kostus, санскритски: kuschtha, по Плинію radix odore eximio, 6. благовонная кора, קלופה, 7. kinnamon, корица, 8. ароматическій тростникъ. Что талмудическое преданіе непроизвольно разнообразитъ, такимъ образомъ, составъ ветхозавѣтнаго кажденія, можно видѣть изъ пророческихъ книгъ, которыя неоднократно упоминаютъ такія эссенціи для кажденія, которыхъ законъ Мойсея не указываетъ прямо; напр., Ис. 43, 24; Іер. 6, 20, также Сирах. 24, 15 упоминаются κιννάμωμον, ἀσπάλαθος ἀρωμάτων, σμύρνα ἐκλεκτή. И Іосифъ Флавій свидѣтельствуетъ, что въ святилищѣ сжигались κιννάμωμον, κασσία и другіе ароматы (Bell. VI. 8, 3), всего 13 видовъ (Bell. V. 5, 5). По всей вѣроятности, это осложненіе кадильной эссенціи сдѣлано уже позже, во времена іерусалимскаго храма, а кажденіе скиніи совершалось только изъ четырехъ составовъ, указанныхъ Мойсеемъ.

Касательно приготовленія этого благовоннаго состава законъ Мойсея постановлялъ, что онъ долженъ быть сдѣланъ „чистымъ и святымъ“, то-есть представлять указанный матеріалъ только въ лучшихъ сортахъ, ничего сторонняго не принимать и быть приготовленнымъ на святомъ мѣстѣ, во дворѣ святилища. Впослѣд-

ствіи, при храмѣ Ирода, была спеціальная камера, предназначенная для приготовленія кадильнаго порошка, и самое это приготовленіе въ то время было привиллегіею одной священнической фамиліи Абтинасъ, доведшей его до высокой степени совершенства. Секретомъ этой фамиліи было составлять порошокъ такъ, чтобы дымъ отъ него поднимался прямымъ столбомъ, пальмообразно, и, отражаясь отъ потолка, разстилался во святилищѣ правильными клубами, — чего не умѣли сдѣлать даже александрійскіе художники (Joma, 53, Ker. 6). Въ частности, приготовленіе кадильнаго порошка состояло въ томъ, что первыя четыре составныя части, указанныя Мойсеемъ прямо, брались каждая въ количествѣ 70 минъ по вѣсу; затѣмъ мурры, кассіи, нарда, шафрана брали по 16 минъ; костуса 12 минъ; пахучей коры 3 мина и киннамону 9 минъ; всего 368 минъ по числу дней года, такъ какъ каждый день сожигалась мина (полмины вечеромъ и полмины утромъ), а въ день Очищенія 3 мины. Далѣе каждая составная часть была сама по себѣ истолчена въ мелкій порошокъ, причемъ ониксъ предварительно былъ еще вымачиваемъ въ щелокѣ, отчего его черный цвѣтъ измѣнялся въ красный. По смѣшеніи этихъ истолченныхъ уже составныхъ частей, къ нимъ прибавляли 21 кабъ вина, настоявшагося на каперсахъ, нѣсколько соли и корень особенной травы, называемой въ талмудѣ дымовозносителемъ, מעלה עשן, дымъ которой способствовалъ вертикальному поднятію благовоннаго облака. По увѣренію преданія, кажденіе въ святилищѣ давало весьма сильный запахъ и было обоняемо на далекое пространство отъ святилища. По гиперболическому выраженію талмуда, его запахъ можно было чувствовать на всемъ пространствѣ отъ іерусалимскаго храма до Іери-

хона (60 верстъ). О самомъ обрядѣ сожженія благовоній, утренняго и вечерняго, мишна (Tamid, 5—6) говоритъ, что оно совершалось двумя священниками, изъ которыхъ одинъ приносилъ кадильный порошокъ въ сосудѣ по опредѣленному вѣсу $\frac{1}{2}$ мины, а другой угли съ жертвенника всесожженій. Угли пересыпались въ большой очагъ жертвенника кажденій и затѣмъ на нихъ осторожно ссыпался порошокъ. Уже съ древняго времени ежедневное возженіе ѳиміама совершалось по жребію (1 Сам. 2, 28; 2 Пар. 26, 18; Лук. 1, 9). Преданіе прибавляетъ, что священникъ, совершившій недавно кажденіе, не допускался къ слѣдующимъ жребіямъ.

Внутреннее сокровенное отдѣленіе скиніи, черту котораго только однажды въ годъ переступалъ одинъ первосвященникъ, и то среди облаковъ кадильнаго дыма, по указанію библейскаго текста, вмѣщало въ себѣ только одинъ двухчастный сосудъ: ковчегъ съ скрижалями завѣта и на немъ каппоретъ или очистилище съ херувимами.

Какъ важнѣйшій сосудъ святилища, ковчегъ завѣта описанъ какъ въ законодательномъ (Исх. 25, 10—22), такъ и въ исполнительномъ описаніи (37, 1—9) съ подробностію, какая была необходима для того, чтобы идея ковчега была понята строителями и выполнена надлежащимъ образомъ. Къ сожалѣнію, преданіе, которое облегчило для насъ пониманіе другихъ священныхъ сосудовъ, мало занимается ковчегомъ завѣта, такъ какъ во время второго іерусалимскаго храма, когда устанавливалось преданіе, его уже не было, а въ болѣе древнее время онъ не былъ доступенъ наблюденію и изученію, и его видъ не сохранился въ народной памяти. Какъ видно изъ его названія (אָרוֹן, по произношенію Іосифа Флавія, Еронъ, ἡ ἐρών, LXX κιβωτός), ковчегъ завѣта имѣлъ видъ сокровищницы или урны для храненія драгоцѣнныхъ

или священныхъ вещей. Это видно и изъ данной въ текстѣ его мѣры, $2^1/_2$ локтя длины, $1^1/_2$ локтя ширины и высоты, мѣры, дѣлавшей его сосудомъ болѣе длиннымъ, чѣмъ широкимъ и высокимъ, т. е. ящикообразнымъ, а также изъ различенія въ немъ внутренней и наружной стороны (מבית ומחוץ) и изъ дѣйствительнаго храненія въ немъ скрижалей завѣта. У Іосифа Флавія библейская мѣра ковчега измѣняется въ 5 ладоней длины и 3 ладони высоты и широты. Непонятно, чѣмъ могло быть вызвано такое значительное уменьшеніе размѣровъ ковчега, если не предположить, что Іосифъ Флавій встрѣчался съ тѣмъ возраженіемъ, которое часто выставлялось впослѣдствіи противъ ковчега и которое въ настоящее время уже больше не повторяется, что ковчегъ завѣта имѣлъ форму древняго саркофага, такъ какъ словомъ ארון обозначается также гробъ патріарха Іакова (Быт. 50, 26). Если это такъ, то осторожность Іосифа въ данномъ случаѣ была излишнею, потому что и по даннымъ въ библейскомъ текстѣ измѣреніямъ ковчегъ завѣта нисколько не подходитъ подъ форму древняго саркофага; для этого онъ слишкомъ коротокъ и слишкомъ высокъ. — Матеріаломъ ковчега завѣта послужило то же дерево sittim или акація, такъ какъ недостатокъ другого годнаго дерева въ пустынѣ Синайской не допускалъ здѣсь такого разнообразія, какое въ употребленіи дерева было допущено въ храмѣ Соломоновомъ и какое въ скиніи было указано въ употребленіи металловъ и тканей. Дерево скиніи могло не разнообразиться и потому еще, что его нигдѣ не было видно, такъ какъ всѣ деревянныя части, даже самыя незначительныя, имѣли металлическія обкладки. По свидѣтельству указанныхъ мѣстъ книги Исходъ, а также Евр. 9, 4, деревянныя доски ковчега завѣта были обло-

жены листовымъ золотомъ внутри и снаружи. Іудейское преданіе (Ioma, 72) прибавляетъ, что такъ какъ обкладки ковчега, внутренняя и наружная, и его деревянный ящикъ, разсматриваемые отдѣльно, должны были имѣть свою цѣльность, то ковчегъ завѣта Мойсеевъ состоялъ изъ вставленныхъ одинъ въ другой трехъ ковчеговъ, наружнаго золотого, средняго деревяннаго и внутренняго золотого. При этомъ данная въ текстѣ высота $1^1/_2$ локтя или 9 ладоней, по преданію, относится къ среднему деревянному ящику ковчега, внутренній же ящикъ имѣлъ высоты 8 ладоней, а наружный 10. Вмѣстѣ съ тѣмъ, золотую обкладку ковчега талмудическое преданіе признаетъ очень толстою (по Ioma—2 пальца), съ чѣмъ согласенъ и Филонъ (de vita Mos. III. 517). Новѣйшіе изслѣдователи (Нейманъ и др.), занятые не столько матеріаломъ ковчега завѣта, сколько его предполагаемою отдѣлкою, считаютъ невозможнымъ, чтобы ковчегъ завѣта имѣлъ совершенно гладкія стѣнки, и придумываютъ для него разныя украшенія, въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ. Но библейскій текстъ для ящика ковчега указываетъ только одно украшеніе, общее ему со столомъ предложеній и жертвенникомъ всесожженій, именно זר вѣнецъ, LXX: κυμάτια χρυσὰ στρεπτά, въ славянскомъ: *вѣнецъ златъ витый окрестъ.* Мы видѣли, что подъ этимъ терминомъ разумѣется особенной формы выступъ или карнизъ по верхній линіи стѣнокъ. Неправильно Бэръ этому украшенію назначаетъ мѣсто по срединѣ стѣнокъ ковчега. Уже употребленный въ текстѣ оборотъ עליו, *на немъ* (сверху) не согласенъ съ такимъ объясненіемъ. По талмудическому преданію (Ioma 72), вѣнцомъ въ описаніи ковчега называется верхняя часть наружнаго золотого ковчега, которою онъ превышалъ средній, меньшій, деревянный ковчегъ. Хотя это преданіе не можетъ быть

принято, потому что, коль скоро сказано, что ковчегъ былъ обложенъ золотомъ *со всѣхъ сторонъ*, то это значитъ, что наружная и внутренняя облицовка соединялись въ верхней части стѣнокъ, такъ что какое либо отношеніе золота къ деревянной части здѣсь не могло быть замѣтно; тѣмъ не менѣе приведенное преданіе наводитъ на ту вѣрную мысль, что подъ вѣнцомъ здѣсь разумѣется особеннымъ образомъ обдѣланная, но независимая отъ наружной обкладки ковчега, планочка, возвышавшаяся съ наружной стороны повыше стѣнокъ, имѣвшая назначеніемъ удерживать на мѣстѣ лежавшую на ковчегѣ покрышку, которая въ противномъ случаѣ легко могла соскользнуть съ ящика при его перенесеніи. Многіе новѣйшіе толкователи, вслѣдъ за Абенъ-Ездрою и Абарбанеломъ, придаютъ ковчегу завѣта еще *ножки*, переводя въ этомъ значеніи еврейскій терминъ פעמות (сдѣлай 4 кольца при 4-хъ peamoth, 25, 12) и представляя ихъ въ различномъ видѣ: Кейль—выступающія ножки, Риггенбахъ—ножки какъ у комода, Нейманъ—ножки въ видѣ нижней части ноги животнаго. Противъ этихъ объясненій мы должны сказать, что *а.* ножки, какія бы то ни было, не необходимы въ ящикѣ; *б.* ни одинъ изъ древнихъ переводовъ въ словѣ פעמות не видѣлъ ножекъ. LXX: τὰ τέσσαρα κλίτη, славянски: *четыре страны его*, также халдейскій, Вульгата и друг.; *в.* въ случаѣ указанія на ножки словосочиненіе указаннаго предложенія (сдѣлай 4 кольца для 4-хъ ножекъ) было бы другое съ предлогомъ ל, а не על, какъ это можно видѣть изъ описанія ножекъ стола предложеній (Исх. 25, 26). Основываясь на этомъ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ, независимо отъ четырехъ ножекъ, говорится о четырехъ углахъ, הפאות, мы думаемъ, что именно это слово древніе переводчики читали въ описаніи ковчега 25, 12, такъ

какъ פעמות не употребляется въ отношеніи къ сосуду и не имѣетъ того значенія, какое на его мѣстѣ въ стихѣ полагаютъ древніе переводы. Устранивъ, такимъ образомъ, указаніе на ножки ковчега завѣта, мы тѣмъ самымъ устраняемъ необходимость носильные шесты и кольца, которыми, по образцу другихъ сосудовъ, былъ снабженъ ковчегъ завѣта, помѣщать въ нижней его части,—что было бы несообразно и потому еще, что въ такомъ случаѣ ковчегъ завѣта, поднятый на плечи, слишкомъ выдавался бы надъ группою носителей, особенно фигурами херувимовъ. Такъ какъ въ текстѣ упоминаніе о носильныхъ кольцахъ поставлено непосредственно за упоминаніемъ о вѣнцѣ, то это значитъ, что кольца были на четырехъ углахъ подъ вѣнцомъ, т. е. въ верхней части ковчега. Ошибочно предположеніе Неймана, что самое значеніе ковчега требовало, чтобы онъ высоко возвышался при ношеніи, былъ выше другихъ сосудовъ и чтобы, слѣдовательно, носильныя кольца имѣлъ внизу. Не правильнѣе ли будетъ, наоборотъ, въ виду недоступности ковчега завѣта для народнаго созерцанія, представлять, что его фигуру скрывали отъ непосвященныхъ и при перенесеніяхъ скиніи съ мѣста на мѣсто, и что, слѣдовательно, ковчегъ носили ниже, а не выше другихъ сосудовъ. Гораздо труднѣе другой вопросъ: съ которыхъ сторонъ ковчега были его носильныя кольца и шесты? были ли они привинчены къ двумъ продольнымъ сторонамъ, какъ показано на рисункѣ стр. 172, или къ двумъ поперечнымъ? Этотъ вопросъ, не имѣющій особеннаго значенія въ отношеніи къ другимъ сосудамъ, въ данномъ случаѣ получаетъ особенную важность отъ того, что шесты ковчега не вынимались изъ колецъ

при поставленіи ковчега на мѣсто, но были постоянною его принадлежностію для того, какъ говоритъ Абарбанелъ, чтобы устранить необходимость непосредственныхъ прикосновеній къ ковчегу, которыя наказывались смертію [1]. Такъ какъ натуральное положеніе для ковчега было стоять обращеннымъ ко входу не узкою поперечною стороною, а продольною (гемара Menachoth 11, 98) и, съ другой стороны, такъ какъ о положеніи ковчега въ храмѣ Соломоновомъ замѣчено (1 Цар. 8, 8), что шесты ковчега своими концами достигали до самой завѣсы святаго святыхъ, то многіе изслѣдователи, Лундій, Дейлингъ, Мейеръ, Теній, Кейль, Нейманъ, представляютъ носильные шесты продѣтыми въ кольца на узкихъ поперечныхъ сторонахъ ковчега. О положеніи ковчега въ храмѣ Соломона мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же намъ достаточно замѣтить, что уже выраженіе текста о кольцахъ, прибитыхъ *по два на одномъ боку*, צלע, и *два на другомъ* въ такомъ неквадратномъ сосудѣ какъ ковчегъ, по справедливому замѣчанію Винера, можетъ указывать только болѣе значительныя стороны, слѣдовательно продольныя, а не поперечныя; подобнымъ образомъ Исх. 26, 20 словомъ צלע обозначается только продольная сторона скиніи (ср. ст. 22). Такое пониманіе библейскаго текста находимъ и у Іосифа Флавія (Antiqu. III,

[1] Мы думаемъ впрочемъ, что это не главная причина. Какъ видно изъ Числ. 4, 6, при окутываніи ковчега, при его перенесеніяхъ, шесты ковчега все таки вынимались изъ колецъ и затѣмъ снова вдѣвались. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ намъ представляется то, что шесты должны были составлять постоянную принадлежность всѣхъ сосудовъ скиніи, какъ подвижного святилища. Если же они не оставлялись на мѣстѣ при установкѣ другихъ сосудовъ, то только потому, что ихъ присутствіе затрудняло бы движеніе во святомъ, чего нельзя сказать о шестахъ ковчега завѣта, стоявшаго въ недоступномъ святомъ святыхъ. Такимъ образомъ исключеніе представляетъ здѣсь не ковчегъ завѣта, а всѣ остальные сосуды скиніи.

6, 5). Кромѣ того, при утвержденіи носильныхъ шестовъ на поперечныхъ сторонахъ ковчега, слѣдовательно при ненатуральномъ ношеніи ковчега длинною стороною впередъ, встрѣчалось бы препятствіе въ перенесеніи ковчега между столбами входа во святое и святое святыхъ, промежутки между которыми столбами, во всякомъ случаѣ, были меньше длины ковчега. Напрасно Нейманъ думаетъ устранить это возраженіе замѣчаніемъ, что ковчегъ завѣта могъ быть поставленъ на мѣстѣ прежде, чѣмъ были установлены столбы входовъ. Библейскій текстъ говоритъ о внесеніи ковчега во святое святыхъ уже послѣ того, какъ завѣса на столбахъ была распростерта и послѣ утвержденія всей деревянной части скиніи, брусьевъ и входныхъ столбовъ (Исх. 26, 33, 40, 18). Такимъ образомъ необходимо согласиться съ Іосифомъ Флавіемъ, затѣмъ съ Винеромъ, Лейреромъ, Риггенбахомъ, П. Шольцемъ, Пэномъ, что носильные шесты ковчега были придѣланы къ продольнымъ сторонамъ. Они были обращены съ сѣвера на югъ, когда ковчегъ стоялъ на мѣстѣ. — Наконецъ, ковчегъ завѣта стоялъ въ самомъ центрѣ святаго святыхъ, а не подъ стѣною (западною), какъ показано на планѣ Гирта (Der Tempel Solomon's, Taf. 1) [1].

[1] Нейманъ, кромѣ разныхъ другихъ, неуказанныхъ въ текстѣ, украшеній ковчега, помѣщаетъ на его продольныхъ сторонахъ двѣ надписи, взятыя изъ словъ молитвы Мойсея при поднятіи съ мѣста ковчега и при его установкѣ на новомъ мѣстѣ: *возстань Іегова, и да расточатся враги Твои и да бѣжатъ ненавидящіи Тебя;* на оборотной сторонѣ: *возвратись Іегова къ тьмамъ тысячъ Израиля* (Числ. 10, 35 - 36). Но приведенныя слова не выражаютъ общей идеи ковчега завѣта. Если бы могла быть какая нибудь надпись на ковчегѣ завѣта, то только та, которая, по Исх. 28, 36, была вырѣзана на кидарѣ первосвященника: קדש ליהוה. Но ни библейскій текстъ, незабывшій упомянуть надпись на священной одеждѣ, ни преданіе ничего не говорятъ о возможности какой нибудь надписи на ковчегѣ. Да и для чего нужна была надпись на такомъ сосудѣ, котораго никто никогда не долженъ былъ видѣть?

*

Въ ковчегѣ завѣта хранились основанія завѣта Іеговы съ еврейскимъ народомъ или полученныя Мойсеемъ на Синаѣ каменныя скрижали завѣта съ десятью заповѣдями, עשרת הדברים, выраженными въ 172 словахъ, начертанныхъ на обѣихъ сторонахъ той и другой скрижали (Исх. 32, 15). Такъ какъ скрижали завѣта должны были помѣщаться въ самомъ ковчегѣ, то ихъ не вѣрно нѣкоторые представляли такими массивными досками, которыхъ не въ силахъ былъ и поднять обыкновенный человѣкъ; самое названіе ихъ לוח указываетъ тонкія доски; по преданію каждая доска имѣла 6 ладоней длины и 3 ширины (Schekalim, VI, 2, гемара). При совершенномъ отсутствіи данныхъ, невозможно представить планъ внутренности ковчега и положенія въ немъ скрижалей. Лежали ли онѣ одна на другой, какъ предполагается въ талмудѣ, или одна возлѣ другой, стояли ли онѣ прислоненныя къ стѣнкамъ ковчега или даже, какъ нѣкоторые думали, при помощи особеннаго еще снаряда, это такіе вопросы, которые напрасно и возбуждались въ археологіи скиніи. Гораздо больше значенія имѣетъ вопросъ о раздѣленіи 10 заповѣдей на двѣ скрижали, долго служившій предметомъ споровъ. То раздѣленіе и счетъ 10 заповѣдей, которому мы научены въ дѣтствѣ, есть раздѣленіе подтверждаемое новымъ завѣтомъ, Іосифомъ Флавіемъ, Климентомъ александрійскимъ, Оригеномъ, Григоріемъ Назіанзомъ, вообще есть раздѣленіе заповѣдей православной церкви. Отъ этого раздѣленія заповѣдей въ первый разъ уклонился бл. Августинъ, соединившій нашу первую заповѣдь, направленную противъ многобожія, и вторую—противъ идолослуженія въ одну первую заповѣдь. Кромѣ этой первой заповѣди, по счету бл. Августина, къ первой скрижали принадлежали заповѣдь о непроизношеніи имени Божія всуе и

заповѣдь о субботѣ, всего три заповѣди. Ко второй скрижали Августинъ причисляетъ всѣ остальныя 7 заповѣдей. Но такъ какъ, вслѣдствіе соединенія воедино двухъ первыхъ заповѣдей, въ счетѣ Августина одной заповѣди недоставало до 10, то онъ раздѣлилъ на двѣ нашу послѣднюю заповѣдь (девятая: *не пожелай дома ближняго твоего;* десятая: *не пожелай жены...*). Это раздѣленіе заповѣдей по Августину въ XV и XVI вѣкахъ принято подъ защиту западной церкви. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей его защищаютъ Курцъ, Деличъ, П. Шольцъ и Клифотъ. Что всего замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ, такъ это то, что это позднѣйшее раздѣленіе перешло въ еврейскую масоретскую библію, по крайней мѣрѣ въ большую часть ея рукописей и изданій. Нужно замѣтить, что еврейскій текстъ 10 заповѣдей, находящійся въ 20-й главѣ кн. Исходъ и 5-й главѣ Второз., отдѣляетъ каждую заповѣдь десятословія въ особенную парашу, обозначаемую особымъ знакомъ ס (parascha sethuma). Между тѣмъ, по этимъ парашнымъ знакамъ, первая заповѣдь, начинающаяся вторымъ стихомъ 20-й главы Исхода, кончается шестымъ стихомъ, т. е. соединяетъ двѣ нашихъ заповѣди. Наоборотъ, 9-я и 10-я параши раздѣляютъ нашу десятую заповѣдь на двѣ самостоятельныя части. Совершенно тотъ же порядокъ 10 парашъ десятословія повторяется и въ кн. Втор. Далѣе, нужно знать, что текстъ десятословія въ еврейской масоретской библіи имѣетъ двойную систему акцентовъ или знаковъ препинанія, основывающуюся на различномъ дѣленіи стиховъ. Одна изъ этихъ системъ изъ нашей первой и второй заповѣди дѣлаетъ пять стиховъ (2—6), а другая, напротивъ, всѣ эти пять стиховъ соединяетъ въ одинъ стихъ, очевидно показывая объемъ первой заповѣди по католическому дѣленію. Что

эта послѣдняя система есть позднѣйшая, это видно изъ того уже, что она даетъ здѣсь безпримѣрно большой стихъ изъ 7 строкъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что раздѣленіе 10 заповѣдей масоретской библіи есть дѣло католическаго вліянія. Извѣстно, что, начиная съ XIV вѣка, католичество оказывало вліяніе на изданія еврейской библіи; самое раздѣленіе свящ. книгъ на главы и стихи перешло къ евреямъ отъ христіанъ. Въ собственно же еврейскомъ преданіи нѣтъ ничего подтверждающаго католическое дѣленіе десятословія, хотя въ немъ и вообще нѣтъ ничего по этому поводу твердаго. За то разныхъ поэтическихъ изображеній ковчега завѣта въ іудейскомъ преданіи встрѣчается много. По сказанію талмудистовъ, слова десятословія были написаны бѣлыми, огненнаго вида буквами на черномъ камнѣ скрижалей такимъ образомъ, что на каждой сторонѣ было или 5 (по однимъ) или 10 заповѣдей (по другимъ), такъ что на обѣихъ скрижаляхъ было написано все десятословіе въ двухъ или даже въ четырехъ экземплярахъ. Другіе талмудисты, на основаніи отрывочно взятаго выраженія Втор, 10, 2: *„скрижали, которыя ты разбилъ, положи ихъ въ ковчегъ“*..., предполагали, что въ ковчегѣ было 4 скрижали, 2 цѣлыхъ и 2 разбитыхъ, и, слѣдовательно, всего 8 экземпляровъ десятословія, что написаны были заповѣди не только въ ширину, но и въ длину, образуя среди доски пустой четырехугольникъ и т. п. (гем. іер. Schekalim, VI, 2).—Ко всему этому нужно присовокупить, что каменныя доски были выбраны для десятословія потому, что такимъ именно образомъ въ древности обнародывались верховные законы [1].

[1] Извѣстны римскіе законы десяти таблицъ. У арабовъ была даже пословица: *„его слово какъ вырѣзанное на камнѣ“*, т. е. неизмѣнно и авторитетно какъ законъ (Meidan. Proverb. arabic. edit. Schult. 45).

По свидѣтельству апостола Павла (Евр. 9, 4) *въ* (ἐν) ковчегѣ, кромѣ десятословія, хранилась еще золотая стопа съ манною и жезлъ Ааронов прозябшій. Хотя въ Исх. 40, 20 не говорится, чтобы въ ковчегъ было положено еще что либо, кромѣ десятословія, потому что по крайней мѣрѣ прозябшій жезлъ Ааронов явился уже по устроеніи скиніи; но свидѣтельство ап. Павла находитъ для себя подтвержденіе въ Исх. 16, 32—34, гдѣ говорится, что наполненный манною сосудъ былъ дѣйствительно поставленъ Аарономъ предъ Іеговою, *предъ лицомъ* скрижалей завѣта и что онъ вмѣщалъ въ себѣ хомеръ манны, т. е. порцію дневнаго пропитанія человѣка,—а также въ Числ. 17, 25, гдѣ о жезлѣ Ааронов употреблено тоже выраженіе, что и онъ былъ положенъ *предъ лицомъ* скрижалей завѣта. Но быть *предъ лицомъ* десятословія, т. е. въ непосредственной близости къ нему, значило быть внутри ковчега. Впрочемъ, въ періодъ іерусалимскаго храма, стопы съ манною и прозябшаго жезла Ааронова уже не было въ ковчегѣ, такъ какъ въ 1 Цар. 8, 9; 2 Пар. 5, 10 прямо говорится, что въ ковчегѣ этого времени ничего не было, *кромѣ* скрижалей завѣта. Но уже изъ этого нарочитаго прибавочнаго замѣчанія *(ничего, кромѣ)* слѣдуетъ заключить, что прежде хранилось въ ковчегѣ еще нѣчто другое. Въ реставраціи ковчега завѣта Лундія для жезла Ааронова и стопы съ манною устрояются два отдѣльныхъ боковыхъ сосуда при ковчегѣ завѣта. Но на дѣйствительное существованіе такихъ боковыхъ ковчеговъ при ковчегѣ завѣта нѣтъ указанія.

Говоря о видѣ ковчега завѣта, мы не упоминали доселѣ о его верхней части или покрышкѣ. Хотя ковчегъ покрывался покрышкою, но это была не часть только

ковчега завѣта, но особенный самостоятельный священный сосудъ.

Вотъ основанія, по которымъ въ лежавшей на ковчегѣ золотой доскѣ нужно признавать особенный священный сосудъ: 1. Ея названіе כפרת, по переводамъ LXX, апостола Павла (Евр. 9 5; Римл, 3, 25), Филона: ἱλαστήριον, Вульгаты: propitiatorium, славянскому: очистилище. Но для покрышки, какъ только покрышки, это было бы необыкновенное названіе. Положимъ, что такое названіе дано въ отношеніи къ совершавшемуся здѣсь обряду въ день Очищенія; но если бы при этомъ не имѣлось въ виду выдѣлить верхнюю доску, какъ особенный сосудъ, тогда очистилищемъ или мѣстомъ очищенія былъ бы названъ весь ковчегъ, а не крышка ковчега. 2. Лежавшая на ковчегѣ доска описывается въ библейскомъ текстѣ независимо отъ ковчега: для ней указывается особенный матеріалъ — чистое золото, между тѣмъ какъ ковчегъ былъ сдѣланъ изъ дерева обложеннаго золотомъ, — указывается своя мѣра, хотя и равная длинѣ и ширинѣ ковчега, но здѣсь нарочито повторенная, — что было бы излишнимъ, если бы доска была простымъ покрытіемъ ковчега,—указываются свои особенныя принадлежности въ видѣ стоявшихъ на ней двухъ херувимовъ и своя особенная цѣль и значеніе (Лев. 16, 2). 3) При перенесеніи священныхъ сосудовъ доска на ковчегѣ выдѣляется какъ особенная часть святилища (Исх. 31, 7) и притомъ настолько важная, что по ея имени все святое святыхъ называется домомъ или отдѣленіемъ каппоретъ (очистилища) 1 Пар. 28, 11. Мидраши и талмудъ все зданіе святилища раздѣляютъ на три части: святое, святое святыхъ и каппоретъ (ср. Men. 27 съ отношеніемъ къ Лев. 16, 2. Sifra cap. 1). Противъ этого объясненія особенно возражалъ Нейманъ,

ссылаясь на то, что названіе *очистилище* собственно къ крышкѣ ковчега прямого отношенія не имѣетъ, потому что всѣ извѣстныя въ ветхомъ завѣтѣ очищенія совершались безъ всякой связи съ крышкою ковчега завѣта, за исключеніемъ единственнаго очищенія десятаго дня седьмого мѣсяца. Но нужно помнить, что дѣйствительно единственный обрядъ очищенія, связанный съ покрышкою ковчега, имѣлъ такое значеніе, что покрывалъ собою всѣ другія очищенія, и что, кромѣ этого отношенія въ день очищенія, другихъ отношеній къ каппоретъ вообще не было. Вообще въ библейскомъ текстѣ каппоретъ такъ ясно отличенъ отъ ковчега, хранившаго скрижали завѣта, что здѣсь скорѣе можно опасаться противоположныхъ возраженій, что каппоретъ ни въ какомъ случаѣ не замѣнялъ покрышки ковчега, но что на ковчегѣ была положена прежде другая простая доска, какъ его покрышка, и на ней уже каппоретъ (См. Лундія, 39, изъ новѣйшихъ Евальда).

Мѣрою каппоретъ въ библейскомъ текстѣ указано: $2^1/_2$ локтя длины и $1^1/_2$ локтя ширины. Толщина его при этомъ не указана. Раввинское преданіе опредѣляетъ ее въ 4 пальца, что, какъ замѣтилъ уже Лундій, было бы слишкомъ много. При такой толщинѣ, говоритъ Бэръ, доска каппоретъ, сама по себѣ взятая, имѣла бы больше вѣсу, чѣмъ все золото, назначенное для сосудовъ святилища—29 талантовъ (Исх. 38, 24). Гораздо вѣроятнѣе, по мнѣнію Бэра, толщина каппоретъ равнялась половинной толщинѣ пальца. На томъ основаніи, что въ Псал. 99, 5 каппоретъ поэтически названъ *подножіемъ* ногъ Божіихъ, Евальдъ выводитъ заключеніе, что это была не простая доска, а скамья на ножкахъ, и притомъ такой высоты и такъ поставленная, что ковчегъ завѣта, имѣвшій свою особенную покрышку, могъ подъ нею сво-

бодно открываться и закрываться. Но названіе *подножіе*, по справедливому замѣчанію Бэра, вовсе не предполагаетъ предмета съ ножками, а скорѣе наоборотъ, особенно въ восточномъ словоупотребленіи. Вообще для опредѣленія вида каппоретъ приведенное мѣсто псалма не имѣетъ никакого значенія. Все, что мы знаемъ о каппоретъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Исх. 25, 17—22: „И сдѣлай двухъ херувимовъ чеканной работы, одного на одной сторонѣ каппоретъ, другого на другой сторонѣ каппоретъ, такъ, чтобы херувимы, распростирая свои крылья, осѣняли крыльями своими каппоретъ, и чтобы лицами они были обращены одинъ къ другому, въ то же время склоняя ихъ къ каппоретъ. И поставь этотъ каппоретъ на ковчегъ сверху. Я буду являться тебѣ тамъ и буду говорить тебѣ съ каппоретъ, съ мѣста между двухъ херувимовъ“. Въ этомъ описаніи ближайшаго археологическаго освѣщенія требуютъ упомянутыя здѣсь фигуры херувимовъ, которыя уже встрѣчались намъ на внутреннемъ покровѣ и завѣсѣ скиніи и разъясненіе которыхъ мы нарочито оставляли до настоящаго мѣста.

Что именно изображали херувимы въ ветхозавѣтномъ святилищѣ и въ какомъ видѣ они были представляемы?

О значеніи херувимовъ въ ветхомъ завѣтѣ нынѣшняя западная наука даетъ три различныхъ отвѣта: 1. Такъ называемая *миѳическая* гипотеза, развитая Теніемъ, Фюрстомъ, Деличемъ, Ригмомъ, предполагаетъ, что представленіе о херувимахъ было заимствовано древними евреями изъ общей области древней миѳологіи. Особенно часто, основываясь на созвучіи словъ *херувимъ* и *грифъ*, γρύψ, γρύπος, смѣшивали херувимовъ съ сказочными существами этого имени, стерегущими золото гдѣ-то на сѣверѣ

Европы (Герод. 3, 102, 116). „Какъ грифы, такъ и херувимы, говоритъ Деличъ (zu Genes. 196), исполняютъ двѣ обязанности: стерегутъ сокровища и носятъ божество на своихъ крыльяхъ“. Ригмъ, много занимавшійся вопросомъ о херувимахъ и написавшій по этому вопросу три отдѣльныя статьи (De natura et notione symbolica cheruborum 1866; статью въ Theol. Studien und Krit. 1874, и статью въ своемъ библейскомъ Лексиконѣ), на основаніи сопоставленія херувимовъ съ грифами, приходитъ къ тому заключенію, что въ представленіи древнихъ евреевъ образы херувимовъ служили ширмами, за которыми скрывался Богъ, чтобы быть недоступнымъ и невидимымъ человѣку при своемъ явленіи въ міръ.—Но главное этимологическое основаніе этой гипотезы не твердо. Слова *херувимъ*, כרוב, и *грифъ* вовсе не представляютъ такого полнаго созвучія, чтобы на немъ необходимо было остановить вниманіе. Но если бы даже было здѣсь болѣе опредѣленное созвучіе, то и въ такомъ случаѣ ему нельзя было бы придавать значенія, въ виду новыхъ открытій, разъяснившихъ всю несостоятельность отождествленія херувимовъ и грифовъ. Дѣло въ томъ, что, по изслѣдованію Ленормана (Choix de textes cunéiformes inétits, 1873), на одномъ ассирійскомъ амулетѣ найдена идеограмма полубога Сиду, читавшаяся *kerubu*. Такимъ образомъ найдено ассирійское слово не созвучное только съ еврейскимъ херувимъ, но и совершенно съ нимъ тождественное. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что вѣрованіе въ херувимовъ, гораздо раньше вѣры въ грифовъ, переходило отъ евреевъ къ другимъ азіатскимъ народамъ, съ удержаніемъ точнаго произношенія еврейскаго слова, хотя на почвѣ ассирійскаго пантеизма представленіе херувимовъ и уклонилось отъ библейскаго. Если же теперь наука

знаетъ ясную параллель въ языческомъ мірѣ тому, что евреи называли херувимъ, то обращеніе къ грифамъ должно быть оставлено навсегда, какъ неоправданная и ложная гипотеза. Съ другой стороны, въ свойствахъ грифовъ и библейскихъ херувимовъ нѣтъ ничего общаго. Ошибочно Деличъ и Ригмъ представляютъ древнееврейскихъ херувимовъ охранителями Божества отъ враждебныхъ Ему силъ или ширмами, закрывающими Его отъ твари. Это совершенно противно и ветхозавѣтному ученію о Богѣ, не нуждающемся въ какихъ либо стороннихъ для себя огражденіяхъ, и ученію о самихъ херувимахъ. Херувимы скиніи и храма не суть стражи дома Божія, потому уже, что они не стоятъ у входа святилища, какъ египетскіе сфинксы, но и сами сокрыты въ недоступной человѣку внутренности храма. И въ видѣніи Іезекіиля и Іоанна Богослова вовсе не указывается, чтобы миссіею херувимовъ было охраненіе престола Божія отъ какой либо враждебной силы. Между тѣмъ такою враждебною силою были бы сами херувимы, если бы они имѣли что нибудь общее съ грифами—хищными и злыми существами, созданіями злаго Аримана.

2. По другой такъ называемой *символической* гипотезѣ, херувимы скиніи изображали не легендарныя существа, но и не дѣйствительно существующихъ гдѣ либо индивидуумовъ. Это были символы всего живаго тварнаго бытія, соединеннаго вмѣстѣ, т. е. животныхъ, птицъ и человѣка, такъ какъ у пророка Іезекіиля херувимы называются не какимъ либо опредѣленнымъ именемъ, а только חיות, ζῶα, animantia, т. е. вообще все живое. Такъ понимаютъ херувимовъ ветхаго завѣта Бэръ, Генгетенбергъ, Нейманъ и друг.—Такое объясненіе херувимовъ стоитъ въ связи съ космическимъ

объясненіемъ всего ветхозавѣтнаго культа, получившимъ начало отъ Филона, и, не менѣе миѳологическаго, противно всему библейскому ученію, поколику и оно вноситъ во святилище Мойсея то, что могло имѣть мѣсто только во святилищахъ натуръ-религій востока. Равноправное присутствіе во святомъ святыхъ, вмѣстѣ съ человѣкомъ, представителей другихъ земныхъ существъ противорѣчитъ библейскому ученію, что только человѣкъ есть членъ царства Божія. Да и человѣкъ въ состояніи своего паденія былъ лишенъ доступа во святое святыхъ, какъ мѣсто присутствія Божія. Правда, фигуры животныхъ встрѣчаются на сосудахъ Соломонова храма, но исключительно только въ декоративныхъ интересахъ вмѣстѣ съ цвѣтами, и съ самымъ опредѣленнымъ отличіемъ отъ херувимовъ. Напрасно здѣсь указываютъ на то, что и въ изображеніи Апокалипсиса предъ престоломъ Божіимъ стоятъ существа, подобныя земнымъ животнымъ. Подъ видимостію земныхъ животныхъ въ Апокалипсисѣ, какъ и въ видѣніи Іезекіиля, изображены существа другого міра. Это видно изъ того. что они поютъ хвалебную пѣснь Богу, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать животнымъ. Хотя въ Псалм. 148 и вся неразумная тварь призывается къ прославленію Бога, но между тѣмъ прославленіемъ Бога, какое приносятъ Ему неразумныя твари самимъ своимъ существованіемъ, и между пѣніемъ: *святъ, святъ, святъ,* нѣтъ ничего общаго.

3. Третье объясненіе херувимовъ ветхозавѣтнаго святилища называется *реальнымъ,* поколику оно представляетъ ихъ образами живыхъ, дѣйствительныхъ индивидуумовъ, но не земнаго, а небеснаго міра. Такое объясненіе встрѣчаемъ у отцовъ Церкви и многихъ новѣйшихъ изслѣдователей, Гофмана, Куртца, Клифота,

Ганеберга, Кейля и друг., причемъ присутствіе ихъ во святилищѣ объясняется различно. Такъ какъ, по библейскому ученію, не только низшія земныя существа, но и самъ человѣкъ не могутъ вынести лицезрѣнія Божія, то и во святомъ святыхъ, на мѣстѣ непосредственнаго присутствія Божія, поставлены образы духовныхъ и чистыхъ небесныхъ существъ. Своимъ присутствіемъ предъ лицемъ Божіимъ, на мѣстѣ, къ которому человѣкъ не имѣлъ доступа, они показывали человѣку чего онъ лишился своимъ грѣхопаденіемъ, и въ какой области свѣта онъ могъ обитать, оставаясь вѣрнымъ божественной заповѣди. Въ этомъ смыслѣ херувимы скиніи могли имѣть отношеніе къ первобытному райскому состоянію человѣка, но не въ томъ смыслѣ, чтобы они были образами самого человѣка до его паденія, какъ это объясняютъ нѣкоторые раввины, считающіе двухъ херувимовъ святаго святыхъ образами Адама и Евы до ихъ паденія и какъ это принимаетъ Куртцъ (Geschichte des alten Bundes, 1, 64). Возраженіемъ противъ реальнаго объясненія образа херувимовъ представляютъ въ особенности то, что въ библейскихъ описаніяхъ они отличаются отъ ангеловъ—другихъ небесныхъ существъ, напримѣръ, представляются крылатыми, чего якобы не предполагается въ описаніи ангеловъ. [1] Но понятіе ангелъ, посланникъ, не показываетъ, что существа, носящія такое имя, суть единственные небожители и что, слѣдовательно, все не носящее этого имени должно быть низведено въ рядъ земныхъ существъ и понятій. Разность же въ описаніи херувимовъ и ангеловъ, точно такъ же какъ херувимовъ и серафимовъ, по отеческому объясненію, указываетъ собою разность ихъ служенія

[1] Невѣрное положеніе. Въ Апок. 8, 13, 14, 6 и ангелы изображаются летающими, подобно херувимамъ и серафимамъ, слѣдовательно крылатыми.

и положенія въ небесной іерархіи.—Такимъ образомъ вопросъ о значеніи херувимовъ скиніи и храма нужно считать рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что они изображали приближенныхъ къ Богу существъ духовнаго міра.

Еще болѣе разногласія между новѣйшими изслѣдователями встрѣчаемъ по вопросу о томъ внѣшнемъ видѣ, подъ которымъ изображались херувимы въ древнееврейской пластикѣ. Даже изслѣдователи, согласные между собою о значеніи образа херувимовъ, не могутъ согласиться въ способѣ изображенія этого образа въ скиніи. Нерѣдко одни и тѣ же изслѣдователи двоятся между такимъ и другимъ изображеніемъ. Такъ Кейль, одинъ изъ наиболѣе положительныхъ археологовъ, въ послѣднемъ своемъ изданіи библейской археологіи иначе представляетъ ветхозавѣтныхъ херувимовъ, чѣмъ онъ представлялъ ихъ въ другихъ сочиненіяхъ (Der Tempel Salomo's, 107). Все это заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на данномъ вопросѣ.

Такъ какъ въ описаніи скиніи образъ херувимовъ представляется извѣстнымъ и не описывается подробно, то, для болѣе яснаго представленія о немъ, необходимо соединить здѣсь всѣ другія мѣста ветхаго и новаго завѣта, такъ или иначе касающіяся образа херувимовъ. Въ 1 Цар. 6, 23—29 о херувимахъ Соломонова храма говорится слѣдующее: „и сдѣлалъ Соломонъ въ давирѣ двухъ херувимовъ изъ масличнаго дерева 10 локтей высоты. Одно крыло херувима было 5 локтей и другое крыло 5 локтей; 10 локтей было отъ одного конца крыльевъ его до другого конца крыльевъ его. Десяти локтей былъ одинъ и другой херувимъ; одинаковой мѣры и одинакового вида были оба херувима. Крылья херувимовъ были распростерты и касались крыло одного—одной стѣны и крыло другого—другой стѣны;

другія же крылья ихъ сходились крыло съ крыломъ среди храма. И на всѣхъ стѣнахъ храма кругомъ Соломонъ сдѣлалъ рѣзныя изображенія херувимовъ, львовъ, тельцовъ и пальмовыхъ деревьевъ и распустившихся цвѣтовъ". Особенно подробныя изображенія херувимовъ встрѣчаемъ въ книгѣ пророка Іезекіиля (гл. I). „Я видѣлъ, говоритъ пророкъ, среди облака образъ четырехъ chajoth (ниже, ст. 10, пророкъ называетъ ихъ и херувимами), имѣвшихъ такой видъ: фигура была у нихъ человѣческая, но четыре лица было у каждаго, и четыре крыла у каждаго изъ нихъ; ноги у нихъ были несгибающіяся, а подошвы ногъ ихъ какъ копыто ноги тельца; онѣ блистали блескомъ полированной стали. Подъ крыльями ихъ были руки человѣческія съ четырехъ сторонъ ихъ; равнымъ образомъ и лица ихъ и крылья ихъ были со всѣхъ четырехъ сторонъ. Они не оборачивались при хожденіи, но однакожъ каждое шло всегда лицомъ впередъ. Лица ихъ переднія были подобны лицу человѣческому; лица ихъ на правой сторонѣ были подобны лицу льва; лица ихъ на лѣвой сторонѣ были подобны лицу вола; лица ихъ на задней сторонѣ были подобны лицу орла. Крылья ихъ были распростерты вверху по два, приноравляясь одно къ другому, а другими двумя крыльями они покрывали тѣла свои". Въ другомъ мѣстѣ (41, 19) пророкъ Іезекіиль, описывая свой таинственный храмъ, представляетъ херувимовъ съ двумя лицами, человѣческимъ и львинымъ, изображенными по всѣмъ стѣнамъ храма между пальмами, такъ что каждый херувимъ однимъ своимъ лицомъ смотрѣлъ на одну пальму, а другимъ на другую. Въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова (4, 6, 9) повторяется описаніе херувимовъ Іезекіиля: „кругомъ престола четыре ζῶα, полныя очей: одно подобное льву, другое по-

добное тельцу, третье лицомъ подобное человѣку и четвертое подобное орлу летящему. Апостолъ Павелъ (Евр. 9, 5) по величественному виду херувимовъ на ковчегѣ завѣта называетъ ихъ херувимами славы, χερουβὶμ δόξης. Изъ другихъ небиблейскихъ свидѣтельствъ о херувимахъ прежде всего заслуживаетъ вниманія свидѣтельство Іосифа Флавія. Въ описаніи скиніи Мойсея этотъ іудейскій историкъ называетъ херувимовъ ζῶα πετεινά, имѣвшими такой видъ, какого никто никогда не видѣлъ (Antiqu. III, 6, 5). Въ другомъ мѣстѣ (Antiqu. VIII, 3, 3) по вопросу о херувимахъ Іосифъ говоритъ: „что изображали херувимы—этого никто объяснить не могъ“ [1]. Замѣчательно при этомъ, что Іосифъ Флавій затрудняется дать слову херувимъ опредѣленное грамматическое сочиненіе: иногда онъ пишетъ τὰς χερουβεῖς, иногда τοὺς χερουβεῖς. Далѣе бл. Іеронимъ, переводя въ Исх. 26, 1 слово херувимъ чрезъ *украшеніе,* varium atque depictum factum, замѣчаетъ, что въ еврейскомъ написаніи слова херувимъ нужно различать scriptio defectiva, когда слово это имѣетъ значеніе только особенной работы на холстѣ узорами и scriptio plena, когда это слово означаетъ animalia magis, quam opera (ad Marcell. См. Лями de Tabernaculo 358). Наконецъ въ раввинскомъ преданіи херувимъ представляется въ видѣ несовершеннолѣтняго отрока съ крыльями. Въ Succ. 5 на вопросъ: *что такое* כרוב? рабби Абагу отвѣчаетъ: *„подобіе юноши“,* потому что въ Вавилонѣ юношу называютъ רביא. На другой вопросъ: „если изображеніе херувима было подобно человѣку, то зачѣмъ въ библейскомъ текстѣ (Іезек. 10, 14) различаются выраженія: *лицо херувима* и *лицо*

[1] Въ виду того, что Іосифъ Флавій положительно и неоднократно отказывался объяснить какъ древніе евреи изображали херувимовъ, мы не придаемъ значенія еще одному его мѣсту Antiqu. VIII, 3, 6, гдѣ еврейское слово херувимъ переведено чрезъ ἀετός, *орелъ.*

человѣка?“ въ талмудѣ дается такой отвѣтъ: „подъ лицомъ человѣка нужно разумѣть лицо взрослаго человѣка, а подъ лицомъ херувима—отроческое“ (Chagig. 13, 2).

Такъ какъ изъ приведенныхъ древнихъ свидѣтельствъ наиболѣе полнымъ представляется свидѣтельство Іезекіиля, то многіе изслѣдователи обращались непосредственно къ нему для разъясненія вида Мойсеевыхъ и Соломоновыхъ херувимовъ, основываясь на томъ еще соображеніи, что пророкъ Іезекіиль, какъ сынъ священника, и притомъ слѣдовавшій строго закону Мойсея, не могъ не знать преданія о херувимахъ Мойсея и не могъ отступать отъ него въ описаніи своихъ херувимовъ [1]. Но такъ какъ въ описаніи Іезекіиля композиція херувимовъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ, человѣка, льва, вола и орла, то всѣ эти элементы считались необходимыми для представленія херувима и переносились на тѣ статуи херувимовъ, которыя были въ святилищѣ. Это можно видѣть уже въ приведенныхъ свидѣтельствахъ Іосифа Флавія и Іеронима. Впрочемъ подъ выраженіемъ Іезекіиля: *четыре лица* одни изъ древнихъ толкователей разумѣли не въ собственномъ смыслѣ 4 лица, а только 4 вида или вообще 4 составныхъ элемента и располагали ихъ такимъ образомъ: собственно лицо или голову представляли человѣческою, шею—львиною, крылья—орлиными и ноги—ногами вола. Въ такомъ видѣ представляли херувимовъ скиніи Мойсея Прадъ, Вилляльпандъ, Спенсеръ, Гроцій (неосновательно ссылающійся при этомъ на халдейскій переводъ) и даже

[1] Ганебергъ (Relig. Alt. der Bibel) замѣчаетъ: „Пророкъ Іезекіиль въ 23, 14, описывая нѣкоторыхъ важныхъ мужей, произведшихъ обаятельное впечатлѣніе на іудеевъ, говоритъ, что это были *образы написанные красками на стѣнѣ* какого то языческаго храма. Точно также когда Іезекіиль описываетъ херувимовъ, то и впереди этого описанія нужно подразумѣвать такое же замѣчаніе, потому что образы херувимовъ Іезекіиля могли быть списаны только съ образовъ бывшихъ въ святилищѣ“.

Кейль (Der Tempel Sal. 106). Напротивъ другіе толкователи, понимая подъ выраженіемъ *четыре лица* въ собственномъ смыслѣ лица, давали и херувимамъ скиніи четыре лица (фонъ-Тиль въ Thesaurus Ugolini, VIII, 12). Такое же представленіе можно встрѣчать и у нѣкоторыхъ нынѣшнихъ изслѣдователей, напр. у Шульца (alttest. Theol. 1869. 1, 342).

Но такое представленіе образа херувимовъ скиніи несовмѣстимо съ строгимъ методическимъ толкованіемъ описанія Іезекіиля. Прежде всего, образы херувимовъ пророка Іезекіиля видѣны имъ въ особенномъ таинственномъ видѣніи, и потому не могутъ быть предметомъ археологическаго разсмотрѣнія. Какъ видѣнная Іезекіилемъ при херувимахъ колесница не имѣетъ сходства съ ковчегомъ завѣта, какъ вся обстановка таинственнаго видѣнія первой главы Іезекіиля ничѣмъ не напоминаетъ обстановки скиніи и храма, такъ и фигурирующіе здѣсь образы херувимовъ не могутъ имѣть непосредственнаго отношенія къ изображеніямъ херувимовъ святилища, тѣмъ болѣе, что они носятъ здѣсь другое имя chajoth, въ Апокалипсисѣ ζῶα, существа (таинственныя),—каковое имя никогда не употребляется о херувимахъ скиніи и храма. Правда, и пророкъ Іезекіиль, опредѣливъ сначала для своихъ таинственныхъ существъ названіе chajoth, называетъ ихъ еще и херувимами, но только въ послѣдней части видѣнія, и притомъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: *и я узналъ, что это херувимы* (10, 20). Послѣднее замѣчаніе было бы непонятно, если бы въ своемъ видѣніи пророкъ описывалъ только хорошо извѣстные ему и его читателямъ образы херувимовъ святилища. Самая подробность описанія херувимовъ Іезекіиля была бы тогда непонятна, Такимъ образомъ мы не можемъ согласиться съ тѣмъ.

что неясное описаніе херувимовъ Мойсея можетъ быть восполнено изъ книги Іезекіиля. Но положимъ даже, что это было бы позволительнымъ. И въ такомъ случаѣ невозможно простое перенесеніе всего сложнаго образа херувимовъ Іезекіиля на каппоретъ святаго святыхъ. Если херувимы Іезекіиля имѣли композицію изъ четырехъ элементовъ, — каковые элементы выражались особенно въ видѣ ихъ лицъ, которыхъ было четыре, — то херувимы скиніи имѣли только *одно* лицо. Это ясно видно изъ того, что, по описанію Мойсея, лица херувимовъ, стоявшихъ на каппоретѣ, *были обращены одно къ другому*. Нельзя было выразиться такимъ образомъ о сложныхъ лицахъ херувимовъ Іезекіиля. Это одно лицо у херувимовъ скиніи необходимо представлять лицомъ человѣкоподобнымъ, такъ какъ и въ описаніи Іезекіиля главнымъ переднимъ лицомъ каждаго изъ chajoth является лицо человѣка. Такимъ образомъ остальныя три лица въ образѣ херувимовъ Іезекіиля, львиное, тельчее и орлиное, представляютъ уже чисто пророческія additamenta къ образу херувимовъ святилища, имѣющія тѣсную связь съ особенною функціею херувимовъ при таинственной колесницѣ. Видъ четырехъ лицъ, обращенныхъ къ четыремъ странамъ свѣта, у херувимовъ Іезекіиля мотивированъ тѣмъ, что таинственная колесница должна была имѣть свой фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и херувимы должны были летать во всѣ стороны, не оборачиваясь при перемѣнѣ направленія, и, слѣдовательно, лицами смотрѣть одновременно во всѣ четыре стороны.

Что касается остальнаго вида херувимовъ, то и у пророка Іезекіиля (1, 5) онъ прямо названъ человѣческимъ. Такой видъ херувимовъ Іезекіиля необходимъ и для того, чтобы можно было представить ихъ ходящими и летающими во всѣ стороны безъ поворотовъ корпуса

при перемѣнѣ направленія,—каковое движеніе не соединимо съ представленіемъ горизонтальнаго корпуса льва, вола или орла. Тѣ изслѣдователи, которые четырехсоставной видъ распространяли на всю фигуру херувима, указывали на то, что, по описанію Іезекіиля, и въ корпусѣ херувимовъ указаны элементы, отвѣчающіе четыремъ лицамъ, именно руки, отвѣчающія лицу человѣка, крылья, отвѣчающія лицу орла, и ноги тельца, отвѣчающія лицу вола (Бэръ въ изд. Лянге кн. Царствъ 46). Но, во первыхъ, четвертому лицу льва не указано ничего соотвѣтствующаго въ корпусѣ. Во вторыхъ, то, что кажется дополненіемъ тремъ другимъ лицамъ, можетъ имѣть другое, независимое отъ лицъ, объясненіе. Руки человѣка указаны не столько въ соотвѣтствіе одному изъ лицъ, сколько потому, что общій видъ херувима былъ видъ человѣческой фигуры (Іезек. 1, 5). Крылья даны херувимамъ не столько въ соотвѣтствіе лицу орла, сколько потому, что въ библейскомъ словоупотребленіи они представляютъ общій независимый символъ легкости и быстроты. Извѣстно, что въ Псалм. 104, 3 крылья поэтически приписываются вѣтру, а въ кн. Притчей (23, 5) богатству, какъ легко могущему оставлять одно мѣсто и переноситься на другое. Наконецъ особенность въ формѣ ногъ херувимовъ Іезекіиля отмѣчена не для того, чтобы образовать соотвѣтствіе лицу вола, а въ виду той же необыкновенной функціи херувимовъ Іезекіиля, ихъ способности двигаться во всѣ стороны, не поворачивая корпуса, при чемъ человѣческая ступня была бы неудобна и замѣнена въ описаніи круглою ногою, имѣющею со всѣхъ сторонъ одинаковый видъ, подобною (только *подобною*) ногѣ *тельца* (тельца, а не вола, какъ бы требовалось для полнаго соотвѣтствія лицу вола). Къ этому нужно прибавить, что въ другихъ текстахъ,

кромѣ еврейскаго, нѣтъ упоминанія о ногахъ тельца. Въ халдейскомъ переводѣ: *ноги ихъ закругленныя* (עגול вм. עגל). Если же такимъ образомъ даже херувимы видѣнія Іезекіиля имѣли корпусъ человѣческій, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о херувимахъ фигурировавшихъ на ковчегѣ завѣта. При ихъ одномъ человѣкоподобномъ лицѣ тѣмъ болѣе не было мѣста нечеловѣческимъ элементамъ въ представленіи корпуса. Одно только исключеніе изъ человѣческаго образа представляютъ ихъ крылья, но это — не крылья орла, а тѣ крылья, которыя символически приписываются всему ангельскому міру. Отступленіе же отъ формы человѣческой ноги, вызванное особеннымъ положеніемъ херувимовъ Іезекіиля при таинственной колесницѣ, не могло имѣть мѣста у херувимовъ скиніи. Поэтому мы считаемъ произвольнымъ и противнымъ здравой экзегетикѣ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые 4 лица пророческаго образа херувимовъ распространяютъ на весь корпусъ херувимовъ и въ такомъ видѣ вносятъ херувимовъ въ скинію и храмъ іерусалимскій. Еще болѣе грѣшитъ противъ логики текста книги Исходъ и книги Іезекіиля мнѣніе Лигтфоота (1, 652) и Ганеберга (Rel. Anterth. 188), которые изъ четырехъ элементовъ херувимовъ Іезекіиля для скиніи Мойсея выбираютъ два, именно элементъ льва и тельца, и херувима, стоявшаго на ковчегѣ завѣта съ правой стороны, изображаютъ съ корпусомъ льва, а херувима съ лѣвой стороны — съ корпусомъ тельца.

Другимъ основаніемъ для представленія херувимовъ святаго святыхъ въ образѣ животныхъ служило для толкователей библейское выраженіе о Богѣ *сѣдящемъ на херувимѣхъ*, יושב הכרובים, выраженіе якобы необходимо предполагающее въ образѣ херувимовъ не прямой человѣческій станъ, а горизонтальный корпусъ животнаго,

а также выраженіе 1 Пар. 28, 18, гдѣ херувимы святаго святыхъ названы колесницею Божіею. Но херувимы называются колесницею или престоломъ Божіимъ въ томъ же духовномъ смыслѣ, въ которомъ называется такъ и благочестивая душа человѣка. Такъ какъ мы не имѣемъ яснаго представленія о томъ, что безтѣлесно и объ отношеніи горняго міра къ Богу, то и выраженіе *сѣдяй на херувимѣхъ*, принятое въ Откровеніи для выраженія отношеній къ Богу этихъ небесныхъ силъ, для насъ не можетъ быть вполнѣ понятнымъ. Искать же, въ виду этого выраженія, вещественнаго мѣста для сѣдалища Божія на самомъ изображеніи херувимовъ такъ же неумѣстно, какъ неумѣстно было бы искать формы колесницы въ томъ легкомъ облакѣ, на которомъ Богъ представляется возсѣдающимъ по Ис. 19, 1. Впрочемъ выраженіе *сѣдяй на херувимѣхъ* можетъ имѣть и нѣкоторое вещественное объясненіе въ отношеніи къ херувимамъ святаго святыхъ, такъ какъ символъ непосредственнаго присутствія Божія здѣсь — кадильное облако, наполнявшее въ день Очищенія святое святыхъ, такъ сказать возсѣдало или покоилось на широко распростертыхъ крыльяхъ херувимовъ.

Наконецъ для разъясненія образа херувимовъ въ древнееврейской пластикѣ прибѣгаютъ къ египетскимъ изображеніямъ, а также ассиро-вавилонскимъ барельефамъ, представляющимъ таинственныя смѣшенія животныхъ элементовъ въ отдѣльныхъ фигурахъ. Со времени Спенсера (Leg. hebr. ritual. 3, 5, 214, 247) многіе считали херувимовъ скиніи Мойсея египетскими изображеніями. Особенно настойчиво доказывалъ это Генгстенбергъ (Mos. und Eg. 158), по которому первообразомъ херувима послужилъ египетскій ἀνδρόσφιγξ съ тѣломъ льва и головою человѣческою, иногда козьею. Но такой видъ

херувимовъ не можетъ быть принятъ по тому уже, что херувимы не имѣли ничего общаго съ тѣмъ значеніемъ, какое соединялось съ сфинксами [1], загадками человѣческой исторіи, по выраженію Бунзена. Самое мѣсто сфинксовъ не во храмахъ, а во дворахъ, въ видѣ аллей, несомнѣнно указываетъ на такія особенности ихъ вида, какихъ не могли имѣть херувимы, скрывавшіеся внутри святилища. Особенно же здѣсь нужно указать на то, что сфинксы не имѣютъ крыльевъ, составлявшихъ необходимый отличительный признакъ въ образѣ херувимовъ. Правда, на порталахъ египетскихъ храмовъ встрѣчаются крылатыя фигуры, но и это или настоящія хищныя птицы или же крылатыя человѣческія фигуры съ головою неизвѣстнаго евреямъ копчика, и во всякомъ случаѣ не имѣютъ отношенія къ сфинксамъ. Въ послѣднее время, въ виду значительныхъ открытій на берегахъ Ефрата и Тигра, за разъясненіемъ образа херувимовъ чаще стали обращаться къ древней ассирійской пластикѣ. Прототипами херувимовъ многіе указываютъ здѣсь изображенія вола съ человѣческою головою, особенно же колѣнопреклоненнаго вола подъ деревомъ, найденнаго на одномъ ассирійскомъ барельефѣ и крылатаго льва съ человѣческою головою, описанныхъ Лейярдомъ (Nineveh, 1, 70, 126). Нейманъ, на основаніи этихъ ассирійскихъ памятниковъ, представляетъ херувимовъ скиніи Мойсея на каппоретъ въ видѣ колѣнопреклоненныхъ воловъ, съ лицомъ человѣка, гривою льва и крыльями орла. Что же касается изображеній херувимовъ на покровѣ и завѣсѣ скиніи, говоритъ Нейманъ, то такъ какъ, по библей-

[1] Впрочемъ Филонъ, имѣвшій болѣе правильное понятіе о египетскихъ сфинксахъ, чѣмъ о Мойсеевыхъ херувимахъ, смѣшиваетъ значеніе сфинксовъ и херувимовъ, какъ образовъ тайной мудрости, а слово херувимъ производитъ изъ כ *какъ*, רוב *много* и בין *смыслъ*. Не даромъ Филона подозрѣвали въ недостаточномъ знаніи еврейскаго языка!...

скому описанію, фигуры ихъ были разшиты цвѣтами голубымъ, пурпурнымъ, краснымъ и виссоннымъ, то этимъ уже устанавливается связь херувимовъ съ грифами, потому что, по Эліану (Hist. an. IV. 26), грифы также изображались съ красною головою, бѣлыми крыльями и голубою шеею [1]. Но и здѣсь намъ приходится повторить, что сходство изображенія не можетъ быть допущено при отсутствіи сходства значенія, такъ какъ крылатые ассирійскіе львы и волы были вовсе не тѣмъ, чѣмъ могли быть херувимы. Равенсгавъ (Journal of the Royal asiat. Soc. Vol. XVI, 1) признаетъ ихъ простыми астрономическими сигнатурами. Но если бы въ самомъ дѣлѣ было доказано, что изображенія херувимовъ имѣли нѣчто общее съ таинственными изображеніями Египта и Ниневіи [2], то это вовсе не значило бы, что Откровеніе воспользовалось языческимъ образомъ, потому что прежде чѣмъ предположить заимствованіе евреями у ассиріянъ, нужно было бы подумать о гораздо болѣе вѣроятномъ заимствованіи ассиріянами у евреевъ. Такъ какъ преданія о раѣ были извѣстны всему древнему востоку, то можно ли удивляться общеизвѣстности фигурировавшаго въ этомъ преданіи образа херувимовъ? Но затмившееся религіозное понятіе языческаго міра извратило и первобытное представленіе херувимовъ и въ ихъ образы внесло чуждые элементы. Нейманъ, допустившій родство ассирійскихъ крылатыхъ львовъ и воловъ съ херувимами, соглашается однакожъ, что эти

[1] Мы видѣли уже, что фигуры херувимовъ на покровѣ скиніи были разшиты *золотыми* нитями, а различіе остальныхъ цвѣтовъ относится только къ покрову, а не къ фигурамъ херувимовъ.—[2] Не совсѣмъ ясенъ смыслъ іудейскаго преданія, передаваемаго блаж. Іеронимомъ (Толков. на Іезек. 25, 8—11), что Аммонитяне и Моавитяне, нѣкогда проникшіе въ іерусалимское святилище и увидѣвшіе херувимовъ, находили въ нихъ сходство съ изображеніями другихъ народовъ и по этому поводу говорили: «домъ Іудинъ то же что и другіе народы»!

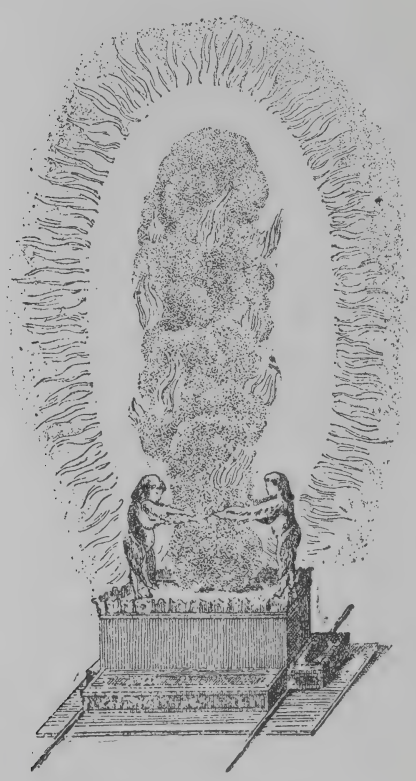
образы слишкомъ грубы, чтобы ихъ непосредственно переносить въ скинію Мойсея, и предлагаетъ предварительно идеализировать грубыя черты ихъ лицъ. Но достаточно ли идеализировать одно лицо? Самыя возвышенныя черты лица будутъ казаться грубыми на дышащемъ чувственностію корпусѣ ассирійскихъ сфинксовъ. И зачѣмъ въ такомъ случаѣ нуженъ корпусъ животнаго, когда самая идеальная и благородная фигура есть фигура человѣческая? Если же Нейманъ идеализированіе ассирійскихъ сфинксовъ доводитъ до того, что даетъ имъ черты взятыя съ лика Іисуса Христа, какъ наиболѣе идеальныя и одухотворенныя, то это— ничѣмъ неоправдываемое и грубое кощунство.

И такъ подъ херувимами, поставленными Мойсеемъ на каппоретъ, нужно разумѣть золотыя статуи, имѣвшія видъ окрыленныхъ человѣческихъ фигуръ, но изображавшія существа высшаго духовнаго міра. Раввинское преданіе даетъ имъ высоту 10 ладоней, т. е. 2 фут. $7^1/_2$ дюйм., представляя ихъ въ образѣ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Но въ виду того, что херувимы Соломона имѣли цѣлыхъ 10 локтей высоты, и херувимы Мойсея должны быть представляемы массивнѣе, по крайней мѣрѣ въ ростъ взрослаго человѣка. Такъ какъ внутри статуи были пустыя, то данная высота херувимовъ немного увеличивала тяжесть ковчега. О положеніи херувимовъ библейскій текстъ даетъ понять, что они стояли на самомъ каппоретъ, на одномъ и другомъ его концѣ (разумѣются концы продольнаго, а не поперечнаго измѣренія). Поэтому нельзя принять рисунка ковчега завѣта Лями, на которомъ херувимы стоятъ не на ковчегѣ, а на землѣ, съ той и другой стороны ковчега. Уже по причинѣ незначительной величины каппоретъ и на основаніи выраженія о мѣстѣ Бого-

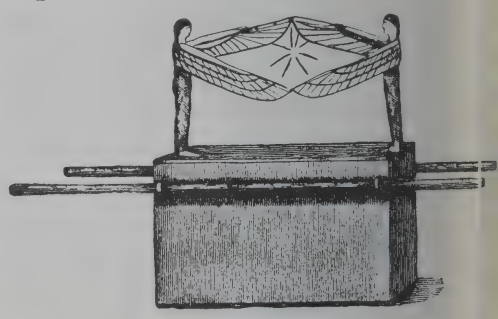
явленія *среди херувимовъ*, ихъ нужно представлять не поверженными ницъ или въ полулежачемъ положеніи, какъ представляютъ Нейманъ и Евальдъ, не колѣнопреклоненными, какъ П. Шольцъ, не сидящими въ египетской позѣ, какъ графъ де-Вогюэ, а стоящими, какъ это ясно указано о положеніи херувимовъ Соломоновыхъ. Только лица ихъ были наклонены долу, если не въ молитвенной позѣ, то въ позѣ смиренія предъ всемогуществомъ Божіимъ; по библейскому выраженію, лица ихъ были обращены къ каппоретъ [1]. Наклоненныя къ каппоретъ лица херувимовъ въ то же время были обращены *одно къ другому*, а вмѣстѣ съ лицами, конечно, и весь корпусъ одного херувима былъ обращенъ переднею стороною къ передней сторонѣ другого херувима. Слѣдовательно, одинъ херувимъ былъ обращенъ къ югу, а другой къ сѣверу. Нельзя согласиться съ положеніемъ херувимовъ въ реставраціи Риггенбаха, равно обращенныхъ переднею стороною корпуса къ востоку, ко входу святаго святыхъ, причемъ только головы ихъ поворочены къ срединѣ каппоретъ, одна на сѣверъ, другая на югъ. При этомъ объясненіи, очевидно, расчитывается на то, чтобы входящій во святое святыхъ прямо предъ собою видѣлъ фигуры херувимовъ. Но, при такомъ положеніи херувимовъ, теряло бы значеніе опредѣленіе мѣста Богоявленія *между двухъ херувимовъ*.—Присутствіе херувимовъ на каппоретъ не только выдѣляло каппоретъ—мѣсто Богоявленія какъ особенный сосудъ, отличный отъ ковчега завѣта, но и давало знать, что не покрышка или каппоретъ существуетъ для ковчега завѣта, а, наоборотъ, ковчегъ завѣта—для каппоретъ.

Такимъ образомъ священнѣйшій двухчастный сосудъ

[1] Положеніе Ригма о *не* наклоненныхъ главахъ херувимовъ святаго святыхъ опровергнуты Камфаузеномъ.



святаго святыхъ Мойсея представлялъ очень простой видъ: золотой ящикъ съ скрижалями завѣта и на немъ массивная золотая доска или твердь Богоявленія съ двумя статуями предстоящихъ лицу Божію херувимовъ. Прилагаемъ при семъ два изображенія ковчега, одно изъ древнихъ опытовъ изобра-



женія Лундія, другое, самое новое изъ извѣстныхъ намъ изображеній, Пэново. Изъ предшествующихъ нашихъ описаній очевидно, что можетъ и что не можетъ быть принято въ этихъ изображеніяхъ. Если бы не египетскій пошибъ фигуръ херувимовъ въ рисункѣ Пэна, то его можно было бы считать удовлетворительнымъ. Та же самая завѣса съ херувимами, которая закрывала входъ святаго святыхъ, служила первою обверткою ковчега при передвиженіи скиніи; затѣмъ ковчегъ покрывался кожанымъ покровомъ тахашъ и еще третьимъ голубымъ покровомъ, сообщавшимъ священному сосуду, по выраженію Неймана, печать вечерняго свѣта.

Чтобы окончить изученіе ковчега завѣта Мойсеева, необходимо обратить вниманіе на его отношеніе къ

предполагаемымъ аналогичнымъ сосудамъ другихъ древнихъ культовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ковчеги были извѣстны и у другихъ народовъ, поколику каждый народъ имѣлъ такія или иныя священныя вещи, для храненія которыхъ требовались особенные ящики. Но, во первыхъ, что хранилось въ языческихъ ковчегахъ и въ ковчегѣ Мойсея? Всѣ языческіе ковчеги стояли въ тѣсной связи съ боготвореніемъ природы и хранили въ себѣ такіе или иные символы земной производительности. Египетскіе ковчеги, кромѣ того, имѣютъ еще связь съ миѳомъ о смерти Озириса и представляютъ собою урны для его праха. Такимъ образомъ, по отношенію къ своему содержимому, ковчегъ завѣта Мойсеевъ такъ же противоположенъ языческимъ ковчегамъ, какъ монотеистически—этическій характеръ Мойсеевой религіи противоположенъ характеру натур-религій языческихъ. „Но всетаки, возражаетъ Кнобель, есть между ними и сходство, потому что какъ Мойсей, такъ и египетскіе жрецы хранятъ въ своихъ ковчегахъ секретныя священныя вещи“. Нѣтъ, и въ этомъ отношеніи большая разница: тогда какъ языческія секретныя вещи на-глухо запирались и запечатывались въ ящикахъ, оставаясь извѣстными только немногимъ посвященнымъ лицамъ, священныя скрижали десятословія, хранившіяся въ ковчегѣ Мойсея, не только не были тайною для народа, но и обязательно должны были быть изучены всѣми отъ слова до слова. Мойсеевъ ковчегъ даже не имѣетъ своей покрышки; его прикрываетъ собою уже другой сосудъ—каппоретъ или подножіе ногъ Божіихъ. Точно также и по внѣшней формѣ нѣтъ никакого сходства между ковчегами языческими и Мойсеевымъ. Здѣсь для насъ достаточно указать на тѣ египетскіе ковчеги, въ которыхъ защитники египетскаго происхожденія Мой-

сеева культа видѣли прототипъ ковчега завѣта, именно изображенія ковчеговъ, сохранившіяся между развалинами храмовъ въ Филахъ и Карнакѣ. Изображенія представляютъ священное судно, украшенное бараньею головою на рулѣ и носу. Посреди судна возвышается нѣчто, принимаемое египтологами за ковчегъ, но по виду похожее больше на жертвенникъ, сколько можно судить по его значительной высотѣ и незначительной ширинѣ и длинѣ. На передней стѣнкѣ этого ковчега или жертвенника видятся обыкновенныя стѣнныя египетскія фигуры крылатыхъ существъ съ корпусомъ человѣка и головою копчика, увѣнчанною шаромъ, представляющимъ дискъ солнца. Онѣ распростерли крылья и охраняютъ двѣ маленькія лодки, нагруженныя истуканами и изображенныя одна надъ другой. Разными символическими фигурами наполнено и все судно. Судно несутъ на шестахъ египетскіе жрецы четырьмя рядами, каждый рядъ въ 10 человѣкъ [1]. Спрашивается, что дѣлаетъ это изображеніе прототипомъ Мойсеева ковчега? Главный предметъ фигурирующій здѣсь—судно большое и малое не имѣетъ никакого отношенія къ святилищу Мойсея. Ковчегъ на суднѣ, если это дѣйствительно ковчегъ, а не столъ или жертвенникъ, по размѣрамъ противоположенъ ковчегу Мойсея: онъ очень высокъ и узокъ, а не продолговатъ и длиненъ какъ Мойсеевъ. Чего либо похожаго на вторую составную часть ковчега или каппоретъ съ херувимами здѣсь вовсе нѣтъ и

[1] Сохранился египетскій памятникъ, посвященный воспоминанію объ этомъ перенесеніи судна съ ковчегомъ изъ Ѳивъ въ Бахтанъ, въ Азію, куда онъ былъ посланъ для заклинанія царской дочери (См. Rougé, Etude sur une stèle égyptienne appartenant à la bibliotheque imperiale). Неужели Бахтанъ можетъ означать здѣсь обѣтованную землю, а заклинаніе царской дочери занятіе обѣтованной земли?!! Это было бы самое фантастическое предположеніе.

вершина ковчега обведена обыкновеннымъ карнизомъ египетскаго образца. Крылатыя фигуры хотя и есть, но онѣ не на ковчегѣ, и притомъ имѣютъ такой видъ и такіе аттрибуты, какіе могутъ быть приписаны только земнымъ служителямъ солнца, а не духовнымъ служителямъ Бога Израилева. Такимъ образомъ предполагаемое сходство египетскаго ковчега и Мойсеева, по замѣчанію Бэра, можетъ быть усматриваемо развѣ въ однихъ носильныхъ шестахъ, общихъ тому и другому. Но слѣдуетъ ли придавать серьезное значеніе такимъ третьестепеннымъ чертамъ, если бы онѣ и обнаруживали какое либо сходство?

Если частныя зданія строются для того только, чтобы защищать отъ вліянія стихій человѣка и его имущество, то религіозные памятники въ самомъ своемъ внѣшнемъ видѣ выражаютъ особенныя религіозныя идеи. Какую же мысль выразилъ ветхозавѣтный законодатель въ дорогомъ и сложномъ устройствѣ скиніи свидѣнія?

Самое общее библейское опредѣленіе скиніи, по отношенію къ ея назначенію, выражается въ ея названіи *домъ Божій* или *жилище Божіе*. „Вы должны построить Мнѣ святилище, чтобы жить Мнѣ среди васъ“, говорилъ самъ Богъ Мойсею (Исх. 25, 8). Такое же назначеніе ветхозавѣтнаго святилища указываетъ и строитель іерусалимскаго храма: „я построилъ храмъ въ жилище Тебѣ“, говоритъ царь Соломонъ въ молитвѣ Іеговѣ (1 Цар. 8, 10 и дал.). Но понятіе преимущественнаго пребыванія Божія на опредѣленномъ мѣстѣ есть понятіе откровенія, поколику оно восприни-

мается человѣкомъ подъ условіемъ пространственныхъ отношеній. Оттого въ Св. Писаніи выраженія *домъ Іеговы* и *откровеніе Іеговы* употребляются какъ тождественныя. Такъ, патріархъ Іаковъ (Быт. 28, 12—19) называетъ домомъ Божіимъ мѣсто бывшаго ему откровенія, неимѣвшее признаковъ дома въ собственномъ смыслѣ. Скинія Мойсея была домъ Божій Синайскій или изображеніе Синайскаго Богооткровенія народу. Иначе сказать, скинія была образомъ самой горы Синая, снятымъ въ моментъ Богоявленія (Исх. 19, 24). Недоступность святаго святыхъ есть недоступность вершины горы Синая для народа во время Богооткровенія; на нее восходитъ только одинъ Мойсей, какъ во святое святыхъ имѣлъ право входить только одинъ первосвященникъ. Старѣйшины и священники восходятъ далѣе чѣмъ народъ, за черту отведенную для народа, но не на вершину горы, а на склоны ея. Отсюда и первое отдѣленіе скиніи или святое, изображающее склонъ горы Синая, доступно только священникамъ. У подошвы Синая, въ опредѣленно указанной ему чертѣ, предстоитъ народъ въ моментъ Богоявленія, исполнивъ предварительное тѣлесное очищеніе, безъ котораго и здѣсь онъ не долженъ былъ присутствовать. Это мѣсто присутствія народа или подошва горы Синая явилось образомъ двора, окружавшаго скинію. Какъ гора Синай дымилась молніеносными облаками въ моментъ законодательства, такъ и Богооткровеніе, совершавшееся во святомъ святыхъ съ ковчега завѣта, происходило среди облаковъ кадильнаго дыма; даже звукъ синайскаго грома слышался и здѣсь въ звенящихъ колокольчикахъ на одеждѣ первосвященника. Если Богъ явился Мойсею на Синаѣ съ скрижалями завѣта, то тѣ же самыя скрижали лежали и во святомъ святыхъ, на самомъ мѣстѣ Богоявленій скиніи.

Такимъ образомъ скинія была домомъ Божіимъ, созданнымъ по образу нерукотворнаго дома Божія на горѣ Синайской, предстояла всегда предъ народомъ, какъ гора завѣта, Богоявленія и Богооткровенія. Къ этой священной горѣ израильтяне должны были относиться такъ, какъ они относились къ аравійскому Синаю, т. е. въ состояніи чистоты и съ мыслію о божественномъ величіи, которое дѣлаетъ недоступнымъ для ветхозавѣтнаго человѣка мѣсто Божіе. За то и Богъ, заключившій завѣтъ съ народомъ при Синаѣ, обѣщалъ присутствовать среди народа и на томъ подобіи Синая, какое израильтяне создали при горѣ Синаѣ, и имѣли среди себя во всемъ своемъ дальнѣйшемъ странствованіи и которое они внесли въ обѣтованную землю. Впослѣдствіи, когда скинія была замѣнена храмомъ, этотъ храмъ, въ свою очередь построенный по плану скиніи, стоитъ на вершинѣ горы и даже прямо называется у пророковъ горою Божіею, какъ и гора Синай.

Какъ на аравійскомъ Синаѣ были точно опредѣлены границы для стоянія народа, представителей народа и самого Мойсея, такъ и трехчастное устройство скиніи опредѣлено въ законодательствѣ Мойсея самыми точными измѣреніями. Повидимому излишняя точность этихъ измѣреній, распространяющаяся на всѣ принадлежности скиніи, вызвана была заботливостію законодателя противопоставить скинію завѣта всѣмъ языческимъ святилищамъ, имѣвшимъ свои особенныя символическія отношенія линій. Такъ, напр., Платонъ упоминаетъ египетскій символическій треугольникъ, три стороны котораго представляютъ отношенія чиселъ 3, 4 и 5. Другой священный треугольникъ египтянъ имѣлъ высоту равную $\frac{5}{8}$ базиса (см. Viollet le Duc, Entretiens sur l'architecture, IX). Въ древней Халдеѣ

также были извѣстны особенныя символическія геометрическія фигуры (H. Sayce, Babylonian augury by means of geometrical figures, въ Trans. of Biblic. Archaeol. IV. 1876, p. 302—314). Весьма легко могло случиться, что строившіе скинію израильтяне, не имѣя въ рукахъ точнаго ея плана, воспроизвели бы въ той или другой ея части, сознательно или безсознательно, тѣ или другія спеціально языческія измѣренія. Такую мысль находимъ уже въ словахъ Апокалипсиса (11, 1—2): „возстань и измѣри храмъ Божій и алтарь, а двора внѣ храма не измѣряй, потому что онъ данъ язычникамъ". Такимъ образомъ храмъ истиннаго Бога и священныя мѣста язычниковъ суть величины несоизмѣримыя, имѣютъ разныя пропорціи линій, съ неодинаковымъ символическимъ значеніемъ. Въ частности, особенностію египетскихъ пантеистическихъ святилищъ было то, что они не были подчинены одному высшему закону единства, но, по мѣрѣ расширенія представленій о божествѣ, постепенно расширялись и сами чрезъ неподлежащія обыкновеннымъ архитектурнымъ законамъ повторенія своихъ символическихъ пропорцій. „Египетскій храмъ, говоритъ Мюллеръ (Archeol. d. Kunst, 257), представляетъ собою нѣчто, могущее расширяться до безконечности". „Особенность храмовъ Египта, прибавляетъ Куглеръ (Исторія искусства, 1, 37), состоитъ въ томъ, что, при соединеніи въ одно цѣлое различныхъ частей зданія, они не управляются закономъ органической смычки, такъ что сооруженіе здѣсь всегда способно къ дальнѣйшему расширенію, подобно тому какъ расширялись пирамиды; оттого въ египетскихъ храмахъ часто встрѣчается многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же пилоновъ, портиковъ, дворовъ и присоединеніе новыхъ построекъ къ основному корпусу". Въ проти-

воположность этимъ языческимъ храмамъ, святилище Мойсея является вполнѣ законченнымъ и закономѣрнымъ цѣлымъ. Такимъ образомъ твердыя начала вѣры израильскаго народа во единаго живого Бога нашли для себя выраженіе въ опредѣленно измѣренномъ видѣ святилища, между тѣмъ какъ шаткія вѣрованія язычниковъ въ боговъ безличныхъ приводили къ расплывчивымъ и неопредѣленнымъ очертаніямъ самыхъ храмовъ.

Такъ какъ три отдѣленія святилища: дворъ, святое и святое святыхъ, постепенно возводящія на Синай — мѣсто откровенія Божія, имѣли постепенно возвышающуюся важность и значеніе, то, соотвѣтственно этому, и ихъ обстановка получила постепенно возвышающееся величіе. Тогда какъ во дворѣ для колоннъ и сосудовъ назначалась только мѣдь, а серебро было видно только на капителяхъ колоннъ, золота же совсѣмъ не было, во святомъ вездѣ блистало золото и серебро, а во святомъ святыхъ, т. е. на блестѣвшей молніеноснымъ свѣтомъ вершинѣ Синая (Исх. 24, 17), только одно золото. Такая же восходящая постепенность открывается и въ распредѣленіи тканей: тогда какъ завѣсы двора состоятъ изъ простого бѣлаго виссона, покровъ и завѣсы святаго и особенно святаго святыхъ имѣютъ радужные цвѣта съ расшитыми на нихъ золотыми изображеніями херувимовъ, такъ какъ и мѣсто Синайскаго Богоявленія называется сапфироподобнымъ (Исх. 24, 10; ср. Іезек. 1, 26; 10, 1). Такая же восходящая постепенность соблюдается и въ отношеніяхъ мѣры. Дворъ представляетъ прямоугольникъ, длина котораго вдвое больше широты, но, будучи непокрытымъ, онъ вовсе не имѣетъ измѣреній высоты. Святое имѣетъ одинаковую широту и высоту, а длину равную двойной широтѣ. Наконецъ святое святыхъ имѣетъ самую совершенную архитектурную форму куба

10 локтей длины, широты и высоты. Такимъ образомъ представлены открытое мѣсто у подошвы Синая, указанное народу, и закрытая облаками самая гора Синай. Чтобы образовать соотвѣтствіе облачному покрову горы, скиніи данъ легкій тканый потолокъ, хотя гораздо удобнѣе было бы дать ей, при ея толстыхъ деревянныхъ стѣнахъ, и деревянный потолокъ. И вообще видъ и имя шатра или скиніи даны святилищу Синайскому вовсе не потому, чтобы это было необходимо подвижному святилищу (этому противорѣчитъ существованіе деревянныхъ массивныхъ стѣнъ), а только потому, что видъ скиніи болѣе приближалъ его къ виду горы Синая, чѣмъ видъ деревяннаго или каменнаго зданія. Въ измѣреніяхъ скиніи особенно обращаетъ на себя вниманіе частое употребленіе числа 10, какъ числа круглаго, обладающаго особенною полностью въ системѣ чиселъ [1]. Наиболѣе ясно это число выступаетъ въ измѣреніяхъ святаго святыхъ, имѣвшаго 10 локтей длины, ширины и высоты. Святое имѣетъ 10 локтей высоты и широты и 2×10 длины. Дворъ имѣетъ 10×10 длины и 10×5 ширины. Далѣе то же число встрѣчаемъ въ 10 полосахъ нижняго покрова скиніи, въ 2 × 10 брусьяхъ продольныхъ стѣнъ скиніи, въ 3 × 10 локтяхъ длины второго покрова, въ 5 × 10 крючкахъ покрововъ, въ 6 × 10 колоннахъ двора, въ 10 × 10 петляхъ покрововъ. Ближайшимъ основаніемъ такого преимущественнаго значенія числа 10, покрывающаго собою всѣ измѣренія скиніи, послужили 10 заповѣдей скрижалей завѣта, какъ основа всего обширнаго синайскаго закона, находившіяся тутъ же въ скиніи, въ самомъ ковчегѣ завѣта [2].

[1] Въ древнееврейскомъ языкѣ весьма созвучны слова עשר *десять* и עשר богатство, *слава*. Можетъ быть первоначально между ними не было никакого различія. [2] Десять, говоритъ бл. Іеронимъ (на Іезек. 41, 1), есть

Но если, такимъ образомъ, скинія Мойсея во все время своего существованія, а, слѣдовательно, и храмъ іерусалимскій, построенный по ея образу, не переставали переносить вниманіе израильскаго народа въ его священное прошедшее, ко времени Синайскаго законодательства, положившаго основаніе его государственной и религіозной жизни; то, съ другой стороны, имѣющимъ очи видѣти ветхозавѣтное святилище предуказывало священное будущее, время еще болѣе полнаго и совершеннаго Богооткровенія въ лицѣ Того, въ Комъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно (Колос. 2, 9), Кто Самъ Себя назвалъ храмомъ, разрушеннымъ человѣческимъ невѣріемъ и треми деньми воздвигнутымъ (Іоанн. 2, 18—21), Кто, по изображенію апостола Павла (Евр. 9, 11), открылъ Собою большую и совершеннѣйшую скинію нерукотворенную, другого устройства и новаго завѣта, Кто своею крестною смертію разодралъ непроницаемую и недоступную завѣсу святилища, разсѣялъ облако окружавшее ветхозавѣтный Синай и открылъ новый и живой путь въ нерукотворное святилище, его же обновилъ есть намъ завѣсою, сирѣчь плотію своею (Евр. 10, 20). Если съ одной стороны скинія была образомъ Синая, то съ другой стороны она была также образомъ Голгоѳы.

Но представленное нами наше личное пониманіе ветхозавѣтнаго святилища встрѣчается со многими другими пониманіями его значенія, древними и новыми, даже съ цѣлыми системами символики скиніи и храма. Считаемъ необходимымъ подвергнуть разсмотрѣнію здѣсь по крайней мѣрѣ болѣе замѣчательныя изъ нихъ.

Одно изъ наиболѣе древнихъ символическихъ объ-

священное и совершенное число; оттого именно въ десятый день седьмаго мѣсяца бываетъ постъ и очищеніе, въ десятый день мѣсяца нисана выбирается пасхальный агнецъ и проч.

ясненій скиніи есть *космическое* объясненіе Филона и Іосифа Флавія. Филонъ видѣлъ въ скиніи образъ всего видимаго и невидимаго міра. Сокрытыя части святилища это — νοητά, а открытый дворъ это — αἰσθήτα. Четыре ткани и четыре цвѣта символизуютъ четыре стихіи: землю, воздухъ, воду и огонь. Два херувима на ковчегѣ означаютъ двѣ основныхъ божественныхъ силы: творящую и управляющую. Жертвенникъ кажденій—символъ земли и воды; онъ стоитъ посрединѣ между свѣтильникомъ и столомъ предложеній, потому что земля и вода занимаютъ средину космоса. Семисвѣщный свѣтильникъ символизуетъ небо и его 7 планетъ: средняя лампада его это—солнце; три лампады на одной сторонѣ это—Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ; три лампады на другой сторонѣ это — Меркурій, Венера и Луна. Свѣтильникъ стоитъ на южной сторонѣ скиніи, потому что планеты движутся на югѣ и удалены отъ сѣвера. Такъ какъ небо неизмѣримо, то и свѣтильнику не указано мѣры въ библейскомъ текстѣ. Столъ хлѣбовъ означаетъ средства человѣческаго питанія; онъ стоитъ на сѣверной сторонѣ, потому что сѣверный вѣтеръ благопріятствуетъ растительности, и притомъ рядомъ съ свѣтильникомъ — символомъ неба и жертвенникомъ кажденій — символомъ земли, потому что всѣ средства человѣческаго пропитанія исходятъ отъ неба, дающаго дождь, и отъ земли, оплодотворяющей сѣмя помощію дождей. Двѣнадцать хлѣбовъ это—двѣнадцать мѣсяцевъ и знаковъ зодіака.— Такого же характера и объясненіе Іосифа Флавія. Скинія есть образъ универсуума. Доступное ея отдѣленіе или святое символизуетъ землю и море, а недоступное отдѣленіе святаго святыхъ—небо; 12 хлѣбовъ—12 мѣсяцевъ года; семисвѣщный свѣтильникъ — 7 планетъ; 4 цвѣта—4 стихіи: виссонъ это — земля, на которой онъ

и произрастаетъ; пурпуръ—вода, изъ которой онъ и добывается; голубая ткань—воздухъ, красная—огонь. Два херувима скиніи это—двѣ полусферы, а ихъ 12 крыльевъ [1] — быстрый полетъ времени чрезъ зодіакальные знаки. — Космическое объясненіе скиніи встрѣчается и у нѣкоторыхъ христіанскихъ учителей, особенно у Климента александрійскаго (Филоново) и бл. Іеронима (Іосифово), а также у многихъ раввиновъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей объясненіе Іосифа Флавія принялъ и развилъ Гарресъ (Mythengeschichte der asiat. Welt, II, 525).

Противъ этого древняго космическаго объясненія скиніи нужно замѣтить слѣдующее. Невозможно допустить, чтобы святилище выражало собою такія общія міровыя отношенія, не имѣющія прямого отношенія къ человѣческой жизни, какъ движенія планетъ, и такіе отдаленные и бездушные предметы, какъ звѣзды и море. Какое было дѣло израильскому народу до моря, до 7 планетъ, для обозначенія которыхъ въ израильскомъ языкѣ не было даже необходимаго слова и понятіе о которыхъ имѣли развѣ только одни астрологи? Законъ Мойсея, при такомъ представленіи скиніи, становился бы въ рѣшительное противорѣчіе себѣ самому, выставляя между священными вещами такіе символы, которые могли приводить непосредственно къ культу служенія звѣздъ. Но извѣстно, что въ ветхозавѣтномъ ученіи ничто не устраняется такъ рѣшительно, какъ служеніе небеснымъ свѣтиламъ и связаннымъ съ ними символамъ и аттрибутамъ. Что же касается 7 лампадъ свѣтильника и 12 хлѣбовъ предложенія, то ими обозначались не планеты и знаки зодіака, а 12 колѣнъ Израиля и 7 дней недѣли (см. Ѳеодорита вопр. 60 на Исходъ.).

[1] Въ библейскомъ текстѣ не говорится, чтобы херувимы на ковчегѣ завѣта имѣли каждый по 6 крыльевъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что въ Филоно-Іосифовомъ объясненіи есть много положительныхъ абсурдовъ, напр., представленіе двухъ полусферъ подъ образомъ двухъ херувимовъ, земли подъ образомъ виссона, воды подъ образомъ пурпура и такъ далѣе.

Древнее космическое объясненіе скиніи видоизмѣнилъ въ новѣйшее время К. Бэръ, много занимавшійся вопросомъ о символическомъ значеніи ветхозавѣтныхъ святилищъ (Symbolik des Mosaischen Cultus, 1837, 1872. Der Salomonische Tempel, 1848). По его мнѣнію, скинія Мойсея есть образъ неба и земли или всего міра, но не по его реальнымъ и физическимъ состояніямъ и явленіямъ, а по его идеальной сторонѣ, поколику онъ вообще и въ частяхъ есть мѣсто Богооткровенія или жилище Божіе. Такое понятіе святилища дано уже въ его названіи: *скинія свидѣнія,* такъ какъ первымъ терминомъ (скинія) обозначенъ міръ, а вторымъ—откровеніе. Но главнымъ образомъ такое значеніе скиніи открывается изъ данныхъ въ ея описаніи отношеній числа и мѣры. Если скинія имѣетъ форму четырехугольника и главное нормирующее ея видъ число есть именно 4; то это есть *число и форма міра,* поколику міръ древніе евреи представляли подъ видомъ четырехугольника о четырехъ сторонахъ и четырехъ углахъ. И такъ своимъ обращеніемъ къ четыремъ странамъ свѣта скинія становится въ отношеніе къ строенію міра. Такъ какъ міръ состоитъ изъ неба и земли, то и скинія, какъ образъ міра, дѣлится на двѣ части: собственно скинію или небо и дворъ или землю. Если вмѣстѣ съ тѣмъ святилище Мойсея раздѣляется еще на три части: дворъ, святое и святое святыхъ, то этимъ опредѣляется скинія, какъ мѣсто прогрессивныхъ божественныхъ откровеній, потому что число 3 есть *сигнатура самаго*

божественнаго существа и бытія. Въ самой скиніи, какъ образѣ неба, кромѣ числа 3, опредѣляющаго Божество, и числа 4, опредѣляющаго міръ, господствуетъ еще число 10, характеризующее скинію, какъ мѣсто совершенства и полноты откровенія. Въ количествѣ 48 брусьевъ деревянной части скиніи сокрыто даны числа 12 и 4 (такъ какъ 12 умноженное на 4 даетъ 48), и именно 12 какъ *сигнатура народа завѣта* (12 колѣнъ) и 4 какъ *сигнатура міра* или среды откровенія. Въ составѣ четырехъ покрововъ скиніи даны отношенія чиселъ 10, 3 и 4, характеризующихъ скинію, какъ мѣсто совершеннѣйшихъ божественныхъ откровеній. Нижній покровъ состоитъ изъ 10 полосъ, каждая 4-хъ локтей ширины и 28 локтей длины. Неясное значеніе числа 28 объясняется здѣсь тѣмъ, что въ немъ сокрыто даны другія символическія числа 4 и 7, такъ какъ 28 есть тоже 4 умноженное на 7. Числомъ 7 изображена здѣсь скинія какъ святѣйшее мѣсто, такъ какъ 7 есть *сигнатура святости.* Далѣе, тогда какъ святое святыхъ имѣетъ во входѣ 4 колонны, святое имѣетъ 5 такихъ колоннъ, такъ какъ 5 есть *сигнатура неполнаго половиннаго совершенства.* По этой же причинѣ во дворѣ скиніи, кромѣ числа 10, является нормирующее число 5 (высота ограды 5 локтей, широта двора 5×10 локтей). Что же касается числа 56 столбовъ двора [1], то въ немъ сокрыто даны числа 4 какъ образъ міра и 7 какъ образъ святости, поколику число 4, взятое два раза и затѣмъ умноженное на 7, даетъ 56. Самая сокрытость нормирующихъ чиселъ даетъ знать, что дворъ не есть мѣсто полнаго откровенія святости, какимъ была скинія. Далѣе Бэръ усматриваетъ особенное символическое значеніе

[1] Впрочемъ во второмъ изданіи своей: Символики Мойсеева культа, Бэръ считаетъ не 56, а 60 столбовъ въ оградѣ двора скиніи.

въ матеріалѣ и цвѣтахъ скиніи. Употребительные въ скиніи металлы, золото, серебро и мѣдь, опредѣляютъ скинію какъ мѣсто свѣта, дерево sittim (по LXX негніющее) какъ мѣсто жизни, а льняныя, тонкія и легкія ткани какъ мѣсто эѳирное, нисшедшее съ неба и принадлежащее небу. Символами свѣта служатъ и цвѣта скиніи. Самое число 4-хъ выбранныхъ для скиніи цвѣтовъ *символизуетъ существо Божіе и Его имя,* а характеръ этихъ цвѣтовъ обозначаетъ особенность откровеній Бога Израилю. Гіацинтовый цвѣтъ имѣетъ отношеніе къ имени Божію Іегова, пурпурный цвѣтъ—къ имени Елогимъ, коккусъ—къ имени Chaj (живой), виссонъ—къ имени Кадошъ (святой). Гіацинтъ есть символъ Бога, поколику Онъ нисшелъ съ неба для заключенія завѣта съ Израилемъ; слѣдовательно это есть также цвѣтъ или *символъ закона* ветхозавѣтнаго. Пурпуръ есть символъ царскаго достоинства Іеговы; коккусъ—символъ Бога живаго и источника жизни; виссонъ—символъ Святаго Израилева. Херувимы скиніи, имѣвшіе сложный видъ херувимовъ Іезекіиля, и изображавшіе собою высшіе виды тварнаго земнаго бытія, изображали собою также совершеннѣйшія откровенія божественной жизни. И такъ скинія Мойсея отличалась отъ языческихъ святилищъ тѣмъ, что, тогда какъ послѣднія изображали міръ въ его видимости, она изображала невидимое и божественное въ мірѣ. Вторымъ отличіемъ скиніи Мойсея былъ ея строгій этическій характеръ, чуждый всѣмъ языческимъ храмамъ. Недостатокъ этого прозрѣнія въ то, что дѣлало израильское святилище совершенно особеннымъ, отличнымъ отъ всѣхъ языческихъ святилищъ, портило въ сущности глубокія и вѣрныя символическія объясненія Филона и Іосифа Флавія.

Противъ этого объясненія Бэра прежде всего нужно

повторить то, что мы сказали противъ Филона и Іосифа Флавія. Скинія не могла выражать такихъ общихъ и почти недоступныхъ народному сознанію отношеній, какъ строеніе недосягаемыхъ концовъ земли и вещественнаго неба. Тѣ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ небо называется жилищемъ Божіимъ, какъ то Втор. 26, 15; Пс. 68, 6; 1 Цар. 8, 30–39 и др., какъ доказалъ уже Генгстенбергъ (Beitr. III, 636), менѣе всего могутъ подтверждать мысль Бэра объ объединеніи неба и земли въ устройствѣ скиніи, потому что, говоря о небѣ, какъ жилищѣ Божіемъ, Св. Писаніе всегда указываетъ при этомъ безконечную возвышенность Бога надъ міромъ и землей, а говоря о землѣ или скиніи, какъ мѣстѣ Богоявленій, Св. Писаніе имѣетъ въ виду напротивъ божественное снисхожденіе къ человѣку. Мало того, въ своемъ собственномъ кругѣ идей Бэръ держится нетвердо, что особенно бросается въ глаза при той видимой законченности и сосредоточенности, какою отличаются его сочиненія. Раздѣляя скинію на двѣ части, онъ видитъ въ ней образъ неба и земли, а раздѣляя ее на три части, онъ видитъ уже не дальнѣйшее развитіе того же образа, но нѣчто совершенно другое и противоположное. Особенно же много произвола въ Бэровой символикѣ чиселъ. Указанная имъ символика чиселъ 3, 4 и 5 не выдерживаетъ критики. Положимъ, что число 3 фигурируетъ въ 3 частяхъ святилища, въ 3×10 локтяхъ длины скиніи, въ количествѣ сосудовъ святаго, а число 4 въ количествѣ покрововъ скиніи и цвѣтовъ и въ четырехугольной формѣ святилища. Но утверждать отсюда, что 3 и 4 суть сигнатурныя числа въ описаніи скиніи, что 3 части скиніи суть образъ Бога, а 4 стороны скиніи—образъ міра, Св. Писаніе не даетъ никакихъ основаній, особенно если Бэръ при

этомъ устраняетъ мысль о троичности Лицъ въ Богѣ, по его мнѣнію, неизвѣстную Мойсею. Три части скиніи не могли изображать существа Божія уже потому, что это были не три равныя отдѣленія святилища, но постепенно понижающіяся въ своемъ значеніи. Что же касается дѣйствительной причины, вызвавшей появленіе именно этихъ чиселъ въ описаніи скиніи, то ее нужно искать ближе. Число 3 легко могло выйти изъ представленія отношеній между народомъ (дворъ), священниками (святое) и Богомъ (святое святыхъ), а 4 изъ неизбѣжной въ архитектурѣ четырехугольной формѣ для всякаго строенія. Число 5 хотя дѣйствительно чаще встрѣчается въ измѣреніяхъ двора, но вовсе не исключительно (5 колоннъ во входѣ скиніи, 5 поперечныхъ шестовъ скиніи). Поэтому нельзя согласиться съ Бэромъ, что это число имѣетъ значеніе низшей или передней ступени совершенства. Если 5 колоннъ входа скиніи указывали еще неполное совершенство мѣста (не странно ли было бы встрѣтить гдѣ бы то ни было вывѣску, гласящую, что данное мѣсто не имѣетъ полнаго совершенства?); то почему во входѣ святаго святыхъ—совершеннѣйшаго мѣста откровенія встрѣчаемъ не 10 колоннъ, а только 4? Съ другой стороны, почему во дворѣ, не совершенномъ еще мѣстѣ откровенія, встрѣчаемъ не только 5, но и 10 и даже 10 помноженное на 10=100 локтей длины, цифру, до которой впослѣдствіи старались довести размѣры іерусалимскаго храма, а во святомъ святыхъ встрѣчаемъ не только 10, но и 5 (5 полосъ нижняго покрова на потолкѣ и западной стѣнѣ)? Что же касается мѣры высоты ограды двора, то въ дѣйствительности она выведена не столько символическимъ путемъ, сколько тѣмъ простымъ соображеніемъ, что доводить ограду двора до высоты самой

скиніи (10 локтей) было бы излишнимъ и что гораздо цѣлесообразнѣе сократить эту высоту на половину. Подобнымъ же образомъ широта двора взята какъ половинная мѣра его длины. Тамъ, гдѣ Бэръ не находитъ чиселъ нужныхъ для его символики, онъ позволяетъ себѣ создавать ихъ путемъ разложенія другихъ данныхъ чиселъ. Если вмѣсто числа 4, какъ сигнатуры міра, Бэръ встрѣчаетъ 8; то въ такомъ случаѣ онъ ограничивается указаніемъ на то, что 8 есть то же число 4 взятое два раза. При этомъ Бэръ иногда прямо противорѣчитъ тому образованію чиселъ, какое указано въ библейскомъ текстѣ. Напримѣръ, по библейскому описанію число 48 брусьевъ скиніи образовалось изъ 20+20+6+2. Между тѣмъ по толкованію Бэра 48 образовалось изъ символической цифры 12 помноженной на другую символическую цифру 4. Но, при такомъ отношеніи къ библейскимъ цифрамъ, легко можно выдвинуть и всякую другую цифру, начиная отъ единицы. Символика должна основываться на томъ, что видно для глаза и дано положительно, а не на томъ, что только можетъ вытекать изъ данной въ текстѣ мѣры съ одною математическою необходимостію. Число столбовъ двора Бэръ даже нарочито сократилъ до 56, чтобы дать мѣсто въ его образованіи числу 4.—Какъ мы уже говорили, съ вѣроятностію можно придавать значеніе въ описаніи скиніи только числу 10, которое не могло не напоминать лежавшаго въ основаніи скиніи десятословія. На основаніи всей вообще ветхозавѣтной исторіи можно было бы придавать особенное значеніе числамъ 7, 12 и 40; но въ описаніи скиніи число 7 дано только разъ въ описаніи свѣтильника, а 12 и 40 вовсе не встрѣчаются въ чистомъ видѣ.

То же нужно сказать и объ остальной части сим-

волики Бэра. Никто не станетъ спорить, что цвѣта могутъ имѣть символическое значеніе, что пурпуръ символизуетъ царское величіе, красный цвѣтъ—жизнь, бѣлый цвѣтъ—чистоту и святость. Но чтобы гіацинтовый цвѣтъ имѣлъ особенное отношеніе къ имени Іегова, пурпурный къ имени Елогимъ, это ничѣмъ не можетъ быть доказано. Къ мысли о сопоставленіи 4 цвѣтовъ скиніи съ 4 именами Божіими[1] Бэръ пришелъ на основаніи аналогичныхъ явленій языческихъ культовъ. Дѣйствительно, извѣстныя символическія сочетанія цвѣтовъ по группамъ въ связи съ именами боговъ встрѣчаются въ языческой символикѣ. Напримѣръ были извѣстны: символическая группа трехъ цвѣтовъ: краснаго (Брамы), бѣлаго (Вишны) и чернаго (Шивы); группа четырехъ цвѣтовъ, соотвѣтствовавшихъ четыремъ стихіямъ или временамъ года: краснаго, бѣлаго, желтаго и чернаго; группа семи цвѣтовъ, соотвѣтствовавшихъ семи планетамъ: золотистаго (солнце), серебристаго (луна), краснаго (Марсъ), голубаго (Меркурій), желтаго (Юпитеръ), бѣлаго (Венера) и чернаго (Сатурнъ). Но, какъ само собою очевидно, подобныя сочетанія цвѣтовъ, въ связи съ именами божествъ, мыслимы только при многобожіи. Такимъ образомъ Бэръ своими символическими объясненіями ставитъ святилище Мойсея въ связь съ другими языческими святилищами не менѣе, чѣмъ это было сдѣлано Филономъ и Іосифомъ. Онъ даже прямо и подтверждаетъ подробности своей символики языческими аналогіями; и вообще все разсматриваемое его сочиненіе своимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ изслѣдованіе Крейцера о символикѣ языческой, Symbolik der alten Völker.

[1] Количество четырехъ именъ взято Бэромъ совершенно произвольно. Въ числѣ ихъ произвольно поставлено chaj, живой, неупотребляющееся въ значеніи имени Божія, а исключены Шаддай, Адонай.

По мѣстамъ у Бэра обнаруживается положительный языческій пантеизмъ, напр. въ его формулѣ: 4 = міръ = бытіе Божіе. Въ непрямомъ смыслѣ можно назвать пантеистическою всю символику Бэра, поколику принимаемую имъ знаменательность и святость чиселъ, цвѣтовъ и проч. онъ выводитъ изъ нихъ самихъ, а не изъ исторически даннаго въ библейскомъ текстѣ ихъ значенія.

Дальнѣйшее развитіе того же древняго Филоно-Іосифова объясненія скиніи, видоизмѣненнаго Бэромъ, представили Генгстенбергъ и Кейль, находящіе въ скиніи образъ того же космоса, но не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а въ смыслѣ теократическаго космоса. Скинія Мойсея это—сконцентрированный Ханаанъ или обѣтованная земля, населенная израильскимъ народомъ и управляемая Богомъ. Богъ живетъ во святомъ святыхъ; святое же и дворъ символизуютъ жилища народа. Если въ дѣйствительности народъ не имѣлъ права входить всею массою во святое, то только по его маловмѣстительности; но правомъ народа въ этомъ случаѣ пользовались священники, входившіе во святое въ качествѣ его представителей. Кромѣ того, скинія символизовала еще космосъ въ обширномъ смыслѣ, представляя въ себѣ образъ всѣхъ концовъ земли, которые всѣ должны были войти въ Царство Божіе.

Но и это объясненіе, какъ оно ни очищено отъ политеистической и пантеистической подкладки, не можетъ быть названо согласнымъ съ библейскимъ ученіемъ. Скинія, какъ мѣсто откровеній Божіихъ, не можетъ быть образомъ всей теократіи, потому что она имѣла болѣе спеціальное назначеніе служить краеугольнымъ камнемъ теократіи или ея центромъ. Скинія есть только домъ Божій, а не домъ Бога и народа. Нигдѣ въ ветхомъ завѣтѣ скинія не называется въ какомъ либо смыслѣ

жилищемъ народа. Если народу отведено мѣсто при святилищѣ, то это не постоянное жилище или домъ, а только дворъ, חצר, LXX αὐλή, проходное мѣсто, какое мѣсто имѣли здѣсь и язычники, и какое при чертогѣ царя могъ имѣть рабъ, явившійся для засвидѣтельствованія своей покорности. Да и во дворъ народъ допускался только изъ милости, но могъ быть и недопущенъ. „Зачѣмъ вы топчете дворы Мои? кто требуетъ этого отъ васъ“? говоритъ у пророка Исаіи Богъ, живущій во святилищѣ толпившемуся во дворѣ народу. Совершенно ошибочно мнѣніе Генгстенберга, что народъ имѣлъ прочное мѣсто не только во дворѣ, но и въ самой скиніи, въ первомъ ея отдѣленіи, и если въ дѣйствительности туда не входилъ, то только по невмѣстительности святаго, и что мѣсто его тамъ занимали священники, какъ его представители. Если бы это было справедливо, то что мѣшало расширить скинію, а особенно храмъ, чтобы дать возможность присутствовать здѣсь не однимъ только священникамъ? Съ другой стороны, по смыслу этого объясненія, не только святое, но и святое святыхъ de jure было бы доступно народу, потому что и туда входилъ первосвященникъ—представитель народа. Такимъ образомъ разрушается всякое понятіе о ветхозавѣтномъ святилищѣ. Но дѣло въ томъ, что ветхозавѣтные священники не были представители или выбранные отъ народа депутаты, а только служители Бога, Имъ Самимъ выбранные, и только какъ служители они имѣли доступъ къ чертогу царя и Бога. Но присутствіе служителей во дворцѣ царя само собою предполагается, и этимъ нисколько не измѣняется характеръ скиніи, какъ дома Іеговы. Невѣрно и то объясненіе Кейля, что скинія изображала космосъ, поколику она имѣла обнять міръ. Такое назначеніе имѣетъ только христіанская

церковь. Ветхозавѣтная же скинія скорѣе замыкалась отъ язычниковъ, чѣмъ открывала имъ свои входы.

Независимо отъ указанныхъ символическихъ объясненій скиніи, уже съ глубокой древности, идетъ еще особенное объясненіе, такъ называемое антропологическое, представляющее скинію образомъ отдѣльнаго индивидуума-человѣка. Уже Филонъ антропологическое объясненіе присоединялъ къ космологическому, а Оригенъ къ типическому. Это объясненіе встрѣчаемъ далѣе въ Зогарѣ, гдѣ, напр., пять поперечныхъ шестовъ скиніи сопоставляются съ пятью пальцами и отсюда выводится мистическое объясненіе благословенія. Подобными сравненіями скиніи съ организмомъ человѣка занимался и Арій Монтанъ, сочиненіе котораго de sacris fabricis (1572) снабжено рисунками не только скиніи и храма, но и Ноева ковчега въ формѣ гроба; измѣренія этого ковчега-гроба даютъ у него точное соотвѣтствіе съ мѣрою человѣческаго тѣла. Но построеніе Ноева ковчега, по Арію, было приготовленіемъ къ построенію скиніи. Вилляльпандъ дѣлаетъ еще шагъ далѣе, устанавливая связь между пропорціями ветхозавѣтнаго святилища и пропорціями человѣческаго тѣла (Explanationes in Ezechielem, 1664, II, 471)[1]. Извѣстно, что антропологическое объясненіе было принято и Лютеромъ, по мысли котораго въ планѣ скиніи показанъ человѣкъ-христіанинъ; его духъ есть святое святыхъ, жилище Божіе безъ свѣта, потому что христіанинъ вѣруетъ въ то, чего онъ не видитъ; его душа есть святое съ семисвѣщнымъ свѣтильникомъ, символизую-

[1] Эта мысль имѣла особенное значеніе въ символикѣ франмасоновъ (Krause, die drei Kunsturkunden der Freimauerbrüderschaft, 1819, 1, 143).

щимъ познаніе чувственныхъ вещей; его тѣло есть дворъ скиніи — часть открытая и доступная. Это Лютерово объясненіе въ новѣйшее время развилъ съ величайшею подробностію въ цѣлую систему антропологической скиніи Фридерихъ (Symbolik der Mosaïschen Stiftshütte, 1841), противопоставляя его указанной уже символикѣ Бэра. Сущность символики Фридериха состоитъ въ слѣдующемъ. Внѣшняя сторона скиніи есть изображеніе внѣшняго вида человѣческой фигуры, его головы, туловища и членовъ, а внутренняя сторона скиніи есть изображеніе духовной стороны человѣка; дворъ есть тѣло, святое—душа, а святое святыхъ—духъ. Четыре столба входа во дворъ обозначаютъ четыре главныхъ орудія человѣческаго тѣла — руки и и ноги, а общее число столбовъ двора (60) съ ихъ завѣсами обозначаютъ 60 костей человѣческаго организма съ покрывающею ихъ плотію. Мѣдныя подножія столбовъ указываютъ на сродство тѣла съ землею, а серебряныя капители—на присутствіе при тѣлесной природѣ еще другой духовной природы. Цвѣтà на завѣсахъ двора суть цвѣтà человѣческаго тѣла и кожи. Число 5, опредѣляющее разстояніе между столбами и ихъ высоту, символизуетъ 5 внѣшнихъ чувствъ. Жертвенникъ съ огнемъ и рядомъ умывальникъ съ водою указываютъ двоякость человѣческой природы въ ея раздѣленіи на два пола. Далѣе въ самой скиніи деревянный составъ стѣнъ дополняетъ изображеніе костей головы и туловища: 20 брусьевъ на той и другой продольной сторонѣ скиніи означаютъ 20 ребръ каждой стороны тѣла. Входя внутрь святилища, прежде всего встрѣчаемъ 5 колоннъ при входѣ скиніи. Это—пять главныхъ органовъ души, соотвѣтствующихъ пяти внѣшнимъ чувствамъ. Далѣе, золотой свѣтильникъ, конструкція котораго представляла

видъ человѣческаго глаза, символизовалъ способность разумѣнія. Жертвенникъ кадильный, построенный по образу органа обонянія, символизовалъ силу воли. Столъ предложеній, составлявшій подражаніе органу вкуса, символизовалъ способность чувствованій. Завѣса святаго святыхъ — тѣлесный покровъ на лицѣ человѣка, какъ зеркало души. Колонны входа святаго святыхъ— шейные позвонки. Наконецъ, ковчегъ завѣта, моделью котораго послужило внутреннее устройство человѣческой головы, такъ называемой клинообразной кости и мозга, служитъ образомъ духа, и именно добрыхъ стремленій человѣка. — Всѣ эти свои положенія Фридерихъ основываетъ на учебникахъ анатоміи и остеологіи и связываетъ съ опроверженіемъ космологическаго объясненія скиніи.

Едва ли требуется полное опроверженіе этой символики. Она имѣетъ только историческое значеніе, какъ памятникъ крайне искусственнаго настроенія мысли, способнаго образовать изъ неразложимаго простаго назиданія цѣлую догматическую систему. Мысль Оригена и Лютера, что святое святыхъ есть образъ духа, святое—души, а дворъ—тѣла, безъ сомнѣнія, имѣла полную назидательную силу; но превратить эту мысль въ цѣлую систему положеній, какъ сдѣлалъ Фридерихъ, значило отнять у нея назидательный характеръ и обнаружить ея научный абсурдъ. Не даромъ различаютъ между символомъ и положительнымъ ученіемъ; тогда какъ послѣднее, при подробномъ развитіи, можетъ только уясняться для сознанія, символъ напротивъ можетъ только ослабляться подобнымъ распространеніемъ и анализомъ. „Подобнымъ образомъ, говоритъ Риггенбахъ, знатоки музыки утверждаютъ, что въ музыкальныхъ піесахъ выражаются такія или другія мысли; но они будутъ протестовать, если

мы попробуемъ каждую отдѣльную ноту переводить въ логическое понятіе".

Тѣмъ не менѣе, не смотря на недостатки существующихъ символическихъ объясненій скиніи, было бы крайне ненаучно утверждать, что никакого особеннаго символическаго значенія скинія не имѣла и изображала собою только то, что изображаетъ всякій бедуинскій шалашъ, какъ это утверждаетъ Де-Ветте-Редигеръ (269). По мнѣнію этого изслѣдователя скинія построена совершенно такъ, какъ строились восточные шатры богатыхъ шейховъ, особенно у туркменъ и калмыковъ, а сосуды скиніи совершенно такъ, какъ домашняя утварь шейховъ. Если въ скиніи былъ особенный сосудъ для воскуренія благовоній, то подобный сосудъ былъ и въ каждомъ шалашѣ, какъ средство для отогнанія насѣкомыхъ. Если употреблялись именно бѣлыя завѣсы, то потому только, что ихъ легче было выстирать, и т. д. Самое раздѣленіе скиніи на святое и святое святыхъ есть обыкновенное раздѣленіе шатра на мужескую и женскую половину. — Но 1. Если въ настоящее время никто не станетъ строить церкви въ видѣ простой деревенской хижины или наоборотъ строить частный домъ въ видѣ церкви, то это естественное чувство необходимости полагать различіе между домомъ человѣческимъ и домомъ Бога было не менѣе сильно въ періодъ Мойсея, какъ это видно изъ того, что, по закону того же Мойсея, предстоящіе во храмѣ священники получаютъ рѣшительное отличіе отъ частныхъ лицъ въ формѣ и цвѣтахъ особенной священнической одежды. 2. Въ дѣйствительности доселѣ не найдено типа азіатскихъ палатокъ подобныхъ скиніи Мойсея. Обыкновенно арабскія палатки не имѣютъ деревянныхъ стѣнъ и никогда не достигаютъ той высоты, какую имѣла ветхозавѣтная

скинія. Раздѣленіе внутренней части палатокъ на мужескія и женскія отдѣленія у арабовъ дѣйствительно существуетъ; но его можно было бы выставлять на видъ развѣ въ томъ случаѣ, если бы скинія Мойсея предназначалась для хананейскаго культа Астарты и ея мистерій. Если же намъ положительно извѣстно, что не только внутреннее отдѣленіе или святое святыхъ, но и святое были совершенно недоступны народу, особенно женщинамъ, то какой смыслъ можетъ имѣть здѣсь аналогія мужескаго и женскаго отдѣленія въ восточныхъ шалашахъ (Ср. Paine, Temple, 115)?

Точно также неосновательно и предположеніе Шипіе (Histoire critique des origines des ordres Grecs par Chipiez, 1878, p. 19—23), что „скинія Мойсея была обыкновенный домъ богатыхъ египтянъ того времени, и что библейскимъ описаніемъ скиніи можно восполнять недостающія свѣдѣнія объ архитектурѣ древняго Египта“.—Шипіе не хочетъ обратить вниманія даже на то, что скинія Мойсея была именно скинія, подвижное святилище, а не домъ въ полномъ смыслѣ слова.

Дѣйствительно ли существовала скинія Мойсея? Какъ ни страненъ этотъ вопросъ послѣ того подробнаго описанія скиніи, какое мы сдѣлали, тѣмъ не менѣе мы не можемъ его обойти, такъ какъ онъ давно уже поставленъ и получилъ широкое развитіе въ западной библейской наукѣ. Почти всѣ подробности описанія скиніи, равно какъ и ея общій планъ сдѣлались предметомъ возраженій и сомнѣній. Новая критика, по выраженію одного современнаго апологета, обратилась въ того печальнаго мужа съ мѣднымъ лицомъ, который, по изображенію пророка, нѣкогда ходилъ по святому мѣсту,

съ вервію въ рукѣ, измѣрялъ и изучалъ его, но не для того, чтобы утвердить его существованіе, но чтобы сдѣлать его не бывшимъ.

Прежде всего, есть ли что либо невѣроятное въ самой идеѣ скиніи, какъ священнаго шатра или походнаго святилища? Подвижныя святилища существуютъ въ настоящее время и безспорно были извѣстны и въ глубокой древности. Въ самыхъ священныхъ книгахъ упоминается культъ высотъ, которому служили въ домахъ высотъ, т. е. въ скиніяхъ, какъ это видно изъ того, что они называются *ткаными* (2 Цар. 23, 7; Іезек. 16, 16) и даже прямо кущами и шалашами, succoth (2 Цар. 17, 30; 23, 7). Пророкъ Амосъ (5, 26) упрекаетъ евреевъ за то, что уже во время странствованія въ пустынѣ они носили съ собою, кромѣ скиніи Мойсея, еще какую то другую скинію для языческаго богослуженія. Если эти еврейскія языческія скиніи могли быть только подражаніемъ скиніи Мойсея,—чѣмъ однимъ доказывается уже несомнѣнная подлинность послѣдней,—то есть еще другія свидѣтельства о существованіи другихъ независимыхъ подвижныхъ святилищъ у финикіянъ, карѳагенянъ, римлянъ (см. Риггенбахъ, стр. 40). Далѣе подвижныя святилища были извѣстны отдаленнымъ азіатскимъ народамъ, монголамъ, китайцамъ и т. д. Вообще идея подвижнаго святилища такъ же естественна и общеизвѣстна, какъ и идея святилища неподвижнаго или храма. Задача же Мойсеева законодательства о скиніи имѣетъ цѣлію только выдѣлить скинію Іеговы изъ ряда подобныхъ святилищъ языческаго міра. И дѣйствительно, изъ него мы узнаемъ, что скинія Мойсея существенными чертами отличалась отъ языческихъ богослужебныхъ скиній, частію слишкомъ уже простыхъ и грубыхъ, каковы были скиніи ханаанскія, финикійскія и

карѳагенскія, частію безвкусно пестрыхъ и увѣшанныхъ побрякушками, каковы были скиніи монгольскія и китайскія. Другой скиніи, подобной скиніи Мойсея, въ такой благородной простотѣ соединявшей величіе храма съ подвижностію шатра, нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ.

Положительныя свидѣтельства дѣйствительнаго существованія скиніи со времени Мойсея находимъ въ исторіи скиніи, насколько можно прослѣдить эту исторію въ священныхъ книгахъ. Сооруженная въ первый день второго года по выходѣ евреевъ изъ Египта, скинія Мойсея была торжественно освящена и, такъ сказать, передана народомъ Іеговѣ, сдѣлавшему ее съ того времени мѣстомъ своего пребыванія среди народа. Въ книгѣ Числъ (4) подробно описывается способъ передвиженія скиніи въ походахъ и указывается способъ обращенія съ каждою отдѣльною вещію при передвиженіи. По вступленіи евреевъ въ обѣтованную землю, скинія Мойсея была поставлена въ Силомѣ и оставалась тамъ какъ законное мѣсто богослуженія до времени Илія. Позже встрѣчаемъ скинію въ Новѣ (1 Цар. 21, 2; 22, 18), въ Гаваонѣ (2 Пар. 1, 3–5), гдѣ хранился подлинный мѣдный жертвенникъ Мойсея, и на Сіонѣ (2 Сам. 6, 12; 2 Пар. 1, 4). Нѣкоторое время скинія, подобно второму іерусалимскому храму, существовала безъ ковчега завѣта, взятаго въ плѣнъ филистимлянами и потомъ по возвращеніи находившагося въ городкѣ Каріаѳъ-Іаримѣ, въ домѣ Авинадава. Замѣчательно, что Давидъ переноситъ ковчегъ изъ дома Авинадава на Сіонъ не въ домъ, а опять таки въ скинію, которую онъ устраиваетъ для него въ городѣ, какъ законное мѣсто его пребыванія. И въ 2 Сам. 7, 6. 1 Пар. 17, 5 прямо говорится, что со времени выхода евреевъ изъ Египта

до Давида мѣстопребываніемъ Божіимъ среди народа была именно скинія. Вся эта исторія скиніи или совершенно непонятна или имѣетъ непосредственную связь съ изображеніемъ скиніи въ книгѣ Исходъ.

Но если не подлежитъ сомнѣнію появленіе скиніи при Мойсеѣ въ пустынѣ Синайской, то можетъ быть еще вопросъ: имѣла ли она такой богатый и величественный видъ въ самомъ началѣ или же въ началѣ она была проще и только постепенно перешла въ тотъ ея видъ, какой описанъ нами выше? Новое направленіе западной критики Пятокнижія склоняется къ тому, что дѣйствительная скинія Мойсея имѣла совершенно другой видъ. Что же касается той скиніи, которая описана въ книгѣ Исходъ, то такою скинія Мойсея стала только впослѣдствіи, по занятіи евреями обѣтованной земли (Евальдъ, Кнобель) или даже никогда небыла. Описаніе же книги Исходъ сдѣлано людьми, не видѣвшими дѣйствительной скиніи Мойсея, во время царей или даже послѣ вавилонскаго плѣна, и притомъ сдѣлано примѣнительно къ устройству іерусалимскаго храма (Графъ, Вельгаузенъ). — Но точность описанія скиніи книги Исходъ, какъ законодательнаго, такъ и исполнительнаго, распространяющаяся на такія подробности, какъ связующіе крючки и петли, заставляетъ предполагать, что авторъ книги созерцалъ не воображаемую скинію, но дѣйствительную, предположенную къ постройкѣ и немедленно построенную; все изображеніе скиніи у Мойсея дышетъ гармоніею дѣйствительнаго реальнаго предмета. Такое впечатлѣніе, выносимое изъ описанія книги Исходъ, подтверждается дальнѣйшими повѣствованіями. Такъ, мы знаемъ, что, въ періодъ странствованія евреевъ въ пустынѣ, въ скиніи дѣлались разныя починки и возобновленія, но именно въ томъ духѣ

и направленіи, какой указанъ законодательствомъ о скиніи. Напр. Числ. 16, 38 (17, 1–3) говорится, что мѣдныя кадильницы сообщниковъ Кораха были употреблены на мѣдную обкладку жертвенника всесожженій (см. Paine, Salomon's Temple, 100. Fig. 138). Неясно ли отсюда, что жертвенникъ всесожженій никогда не мыслился иначе, чѣмъ какъ онъ указанъ въ законѣ книги Исходъ, т. е. какъ мѣдный жертвенникъ? Въ Исх. 38, 25–28, 30, 11–16 указывается, что серебро изъ общей подати въ $^1/_2$ сикля съ человѣка, при исчисленіи способныхъ носить оружіе, употреблено на подножія къ брусьямъ и колоннамъ скиніи. Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что и законъ о скиніи назначаетъ для ея пьедесталовъ именно серебро. Такъ какъ упомянутое исчисленіе народа по Числ. 1, 1, 18, 46. 2, 32 случилось нѣсколько позже устройства скиніи (спустя одинъ мѣсяцъ), то здѣсь, вѣроятно, идетъ дѣло о возстановленіи по какому то случаю утраченныхъ нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ пьедесталовъ, и это возстановленіе дѣлается на основаніи закона о скиніи. Но если даже, въ виду краткости времени, протекшаго отъ освященія скиніи, здѣсь необходимо разумѣть первое устройство пьедесталовъ для стѣнъ скиніи, почему либо не приготовленныхъ въ началѣ, какъ нѣкоторые думаютъ; то и въ такомъ случаѣ изъ даннаго свидѣтельства ясно, что недодѣланныя до освященія скиніи нѣкоторыя части ея были скоро затѣмъ восполнены, и именно по точному смыслу извѣстнаго тогда уже закона о скиніи. Кромѣ народной подати, на возобновленіе и содержаніе драгоцѣнной утвари скиніи, въ періодъ странствованія евреевъ, употреблялась и военная добыча. Такъ по Числ. 31, 52, изъ отнятой у мадіанитянъ добычи 16, 750 сиклей золота были взяты Мойсеемъ и Аарономъ въ скинію,

„въ воспоминаніе о сынахъ Израиля предъ Іеговою“, т. е. на соотвѣтственныя украшенія и потребности святилища. Такимъ образомъ неосновательно предполагаютъ, что евреи, во время своего странствованія, не располагали такимъ количествомъ золота и серебра, какое требовалось для устройства и дальнѣйшаго поддержанія скиніи. Напротивъ, по занятіи земли ханаанской, по крайней мѣрѣ во время Судей, евреямъ труднѣе было бы устроить скинію, указанную въ законѣ, чѣмъ во время пребыванія ихъ при Синаѣ. Періодъ Судей въ израильской исторіи представляетъ время культурнаго одичанія; простого кузнеца тогда трудно было найти въ народѣ, такъ что для починки своихъ земледѣльческихъ орудій евреи должны были ходить къ филистимлянамъ (1 Сам. 13, 19), а Соломонъ для постройки храма и дворца выписывалъ мастеровъ изъ Тира. Съ другой стороны, предположить постепенность въ развитіи образа скиніи, указаннаго въ законѣ, и завершеніе этого образа предполагать уже во время по занятіи евреями обѣтованной земли невозможно потому, что ея устройство приспособлено къ кочевой жизни народа. Съ утвержденіемъ же въ Палестинѣ евреи напротивъ должны были уже отступать отъ указаннаго въ законѣ образа скиніи и постепенно переходить къ образу храма. Напримѣръ, полотняная ограда скиніи, указанная въ законѣ, съ утвержденіемъ скиніи на опредѣленномъ мѣстѣ, должна была замѣниться болѣе прочною оградою, входныя завѣсы—воротами. По преданію мишны (Sebachim, XIV, 6, Майм. Iad Chazaka VIII, I) и деревянныя стѣны скиніи, при установкѣ ея въ Силомѣ, были замѣнены каменными; только верхніе покровы еще придавали святилищу видъ палатки. И въ библейскомъ повѣствованіи Силоамская скинія называется уже не шатромъ, ohel, а

домомъ, baith (Суд. 18, 21; 1 Цар. 1, 3, 24). Когда, послѣ возвращенія изъ плѣна ковчега завѣта, онъ былъ поставленъ въ Каріаѳъ-Іаримѣ, скинія не переносится къ нему, какъ бы слѣдовало ожидать, конечно потому, что это уже не было передвижное святилище. И Давидъ строитъ на Сіонѣ свою скинію, а не переноситъ сюда готовую скинію изъ Силома. Пророкъ Іеремія, предсказывая разрушеніе іерусалимскому храму, припоминаетъ Силомскую скинію. „Подите на мѣсто Мое въ Силомѣ и посмотрите, что Я сдѣлалъ съ нимъ“ (7, 12). Это указаніе на развалины скиніи Силомской можетъ относиться только къ каменной постройкѣ, потому что тотъ матеріалъ скиніи, который указанъ въ законѣ книги Исх., не могъ оставаться въ видѣ развалинъ разрушенной скиніи до временъ Іереміи, а тѣмъ болѣе до временъ бл. Іеронима, если вѣрить свидѣтельству этого послѣдняго, что онъ видѣлъ развалины Силомскаго святилища (Epit. Paulae, а также Comment. ad Sophon.). Такимъ образомъ не только нельзя согласиться съ тѣмъ, что скинія уже по занятіи Ханаана первый разъ явилась въ томъ видѣ, какой представляетъ законодательство о скиніи, но, напротивъ, необходимо допустить, что образъ скиніи, указанный закономъ, съ занятіемъ Ханаана значительно поблѣднѣлъ въ народной памяти и преобразился подъ новыми условіями осѣдлой жизни. Тѣмъ болѣе немыслимо, чтобы законодательство о скиніи въ книгѣ Исходъ явилось первый разъ уже при существованіи іерусалимскаго храма или даже послѣ вавилонскаго плѣна при второмъ храмѣ. Мы еще не прочь согласиться съ возможностію такого случая, что какой либо позднѣйшій дѣятель, желая провести въ народъ свои законы, могъ бы выпустить ихъ подъ именемъ древняго законодателя, если это имя пользовалось осо-

беннымъ авторитетомъ въ народѣ, — хотя новые критики, отнимая у Мойсея его законодательство, тѣмъ самымъ отнимаютъ у него и всякую авторитетность. Но мы не понимаемъ такихъ условій, при которыхъ позднѣйшему дѣятелю и писателю понадобилось бы заднимъ числомъ и подъ чужимъ древнимъ именемъ писать такіе законы, которые не должны были приводиться въ исполненіе, изображать въ статьяхъ закона мелкія подробности постройки такой скиніи, которой никто никогда не долженъ былъ видѣть, и до которой тогда, при существованіи храма, никому не было дѣла.

Гораздо болѣе серіозное возраженіе противъ скиніи Мойсея выводятъ изъ способа передвиженія скиніи и особенно ея деревянныхъ брусьевъ, которымъ мы вынуждены были дать весьма значительную толщину. Нужно припомнить, что ношеніе скиніи было раздѣлено между сыновьями Кааѳы, Гирсона и Мерари. Первые носили священные сосуды, вторые—завѣсы и покровы и третьи—деревянныя и металлическія части скиніи и двора. При этомъ Гирсониты имѣли въ своемъ распоряженіи 2 повозки, каждая для пары воловъ, а Мерариты — 4 повозки (Числ. 3, 25, 31, 36; 7, 7-8). Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи указанныя передвижныя средства стоятъ къ дѣйствительной тяжести скиніи? Касательно клади Гирсонитовъ вопросъ рѣшается легко. Объемъ завѣсъ двора, включая и входную завѣсу, доходилъ до 1500 квадр. локтей. Нижній драгоцѣнный покровъ скиніи имѣлъ 1120 квадр. локтей. Покровъ изъ козьей шерсти имѣлъ 1320 квадр. локтей. Такую же приблизительно или немного большую величину имѣли и два верхніе покрова скиніи. Чему они могли равняться по вѣсу? Для опредѣленія тяжести

квадратнаго локтя каждаго покрова скиніи, Риггенбахъ дѣлалъ опытъ взвѣшиванія выбранныхъ имъ моделей, соотвѣтствовавшихъ дѣйствительнымъ покровамъ скиніи, причемъ моделью нижняго покрова былъ выбранъ холстъ, моделью второго покрова — бархатъ, моделью третьяго покрова—сафьянъ и моделью четвертаго покрова—кожа морской коровы. По взвѣшеніи и расчисленіи результатовъ по указанному объему завѣсъ и покрововъ, у Риггенбаха получились слѣдующіе результаты. Вѣсъ завѣсъ двора равнялся 49 фунтамъ 7 лотамъ. Вѣсъ нижняго драгоцѣннаго покрова равнялся 91 ф. 13 л. Вѣсъ покрова изъ козьей шерсти=168 ф. 24 л. Сафьянный покровъ=260 ф. 5 л. Покровъ тахашъ=365 ф. 20 лотамъ. Такимъ образомъ вся кладь Гирсонитовъ доходила до 10 центнеровъ (31 пудъ). Это такая кладь, для которой достаточно и одной повозки и пары воловъ. Если же Гирсонитамъ дается двѣ повозки, то конечно въ виду не столько вѣса, сколько объема клади. Во всякомъ случаѣ переправа Гирсонитовъ съ завѣсами и покровами совершалась безъ всякаго затрудненія. Но этого, повидимому, нельзя сказать о передвиженіяхъ Мераритовъ, возившихъ деревянныя и металлическія части скиніи, кромѣ сосудовъ, на четырехъ повозкахъ и восьми волахъ. Положимъ, что древнее дерево sittim или акація было легкое дерево. Во всякомъ случаѣ каждый изъ 48 брусьевъ скиніи, при 10 еврейскихъ локтяхъ (15 фут.) длины, $1^1/_2$ локтя ширины и 1 локт. толщины, представлялъ 15 куб. локтей. По вычисленію Камфаузена (Stud. und Krit. 1859, 117), вѣсъ каждаго такого бруса превосходилъ 12 центнеровъ ($37^1/_2$ пуд.). Колонны входовъ скиніи были вдвое легче, а колонны двора, при ихъ половинной высотѣ, въ 4 или 8 разъ легче. И такъ 48 брусьевъ скиніи давали въ совокуп-

ности 576 центнеровъ вѣсу, т. е. 1768 пудовъ; входныя колонны — 54 центнера или 165 пудовъ; столбы двора—350 пудовъ. Получается всего 2283 пуда одного деревяннаго состава скиніи, не считая металлическихъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, подставъ подъ брусьями и колоннами. Это такая кладь, для которой потребуется не 4 повозки, но minimum 24. Какъ же могли справляться съ нею Мерариты, получившіе, по Числ. 7, 7, всего 4 повозки?—Но въ книгѣ Числ. (гл. 7) говорится о шести повозкахъ, случайно подаренныхъ начальниками колѣнъ. Какъ случайный подарокъ, онѣ не могутъ стоять въ строгомъ соотношеніи съ тяжестію скиніи, и ихъ распредѣленіе показываетъ только вообще, что Гирсониты и Мерариты не обязаны были носить указанныя имъ части скиніи на плечахъ, какъ носили Кааѳиты сосуды скиніи. Безъ сомнѣнія, въ распоряженіи Мераритовъ были и другія повозки, кромѣ указанныхъ Числ. 7. Безъ этого предположенія нельзя обойтись и въ томъ случаѣ, если подъ брусьями скиніи разумѣть самыя тонкія доски. И тогда кладь Мераритовъ будетъ слишкомъ велика для четырехъ возовъ. Къ этому нужно прибавить, что пугающая нынѣшнихъ изслѣдователей тяжесть скиніи не могла быть страшна для вышедшихъ изъ Египта евреевъ. Вчерашніе строители пирамидъ, евреи скорѣе затруднялись бы обращаться съ тонкими гнущимися досками, чѣмъ съ аршинной ширины и толщины брусьями.

Что касается другихъ экзегетическихъ возраженій противъ скиніи Мойсея, выводимыхъ изъ анализа плана и порядка законовъ о скиніи и изъ отношеній между собою законодательнаго и исполнительнаго описанія, основного текста съ его переводами и самаритянскимъ

Пятокнижіемъ и проч. [1], то ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ нашу задачу. Достаточно сказать, что, при всей своей многочисленности, они не могли поколебать достовѣрности разсмотрѣннаго нами библейскаго описанія Мойсеевой скиніи—этого перваго ветхозавѣтнаго святилища, послужившаго образцомъ Іерусалимскому храму.

[1] Всѣ такія возраженія собраны въ сочиненіи: Der Biblische Bericht über die Stiftshütte von Julius Popper. 1862.

ХРАМЪ СОЛОМОНА.

Хотя іерусалимскій первый храмъ былъ построенъ Соломономъ, но приготовленія къ его постройкѣ были начаты еще въ предшествующее царствованіе. Они состояли въ пріобрѣтеніи царемъ Давидомъ мѣста для храма, въ обширныхъ заготовленіяхъ строительнаго матеріала и денежныхъ средствъ, въ составленіи плана храма.

Іерусалимъ того времени былъ гораздо меньше нынѣшняго. Изъ нынѣшнихъ четырехъ его холмовъ только одинъ, именно гора Сіонъ, былъ заселенъ, и, по занятіи города Давидомъ, окруженъ стѣною (2 Сам. 5, 7, 9; 1 Пар. 11, 4 – 8). Къ горѣ Сіону, съ восточной его стороны, примыкала уединенная и довольно высокая гора, названная 2 Пар. 3, 1 Моріа, занятая полемъ одного изъ мѣстныхъ жителей, іевусея Орны. Среди поля, на верхнемъ хребтѣ горы, было устроено гумно, т. е. выровненная горизонтальная поверхность скалы, на которой, ногами воловъ, молотили ячмень и пшеницу. Давидъ купилъ эту гору у Орны за 50 сиклей серебра, какъ говоритъ 2 Сам. 24, 24; по другому же свидѣтельству, 1 Пар. 21, 25, за 600 сиклей золотомъ (10,500 руб.). Какъ видно изъ этой разности опредѣленія стоимости мѣста, гора Моріа была куплена Давидомъ не вся одновременно; первоначально была куплена незначительная часть горы за 50 сиклей серебра, а потомъ и другіе прилегающіе къ ней участки, всего

на сумму 600 сиклей золота. По пріобрѣтеніи мѣста, Давидъ немедленно освятилъ его созданіемъ жертвенника и, слѣдовательно, изъялъ изъ прежняго употребленія. По всей вѣроятности непосредственно за тѣмъ, гора была занята подъ складъ строительнаго матеріала, и потому уже не могла служить полемъ какъ прежде. А затѣмъ пріобрѣтенное Давидомъ мѣсто стало исключительнымъ мѣстомъ ветхозавѣтнаго храма, который и оставался на ней во все время своего десяти-вѣковаго существованія отъ Соломона до Тита. По преданію, это было то самое мѣсто, на которомъ Авраамъ принесъ въ жертву своего сына.

О заготовленномъ Давидомъ матеріалѣ для предстоявшаго построенія храма говорится, что онъ состоялъ въ золотѣ, серебрѣ [1], драгоцѣнныхъ камняхъ, мѣди, желѣзѣ, кедровыхъ балкахъ и въ массахъ свезеннаго мрамора и камня (1 Пар. 22, 2—5, 14—16; 29, 4—9). Нѣкоторые изслѣдователи (Винеръ) сомнѣваются въ достовѣрности перечисляемаго въ библейскомъ текстѣ количества этихъ матеріаловъ, особенно же въ достовѣрности цифръ 100,000 талантовъ золота и 1.000,000 талантовъ серебра. Считая талантъ золота равнымъ 30,000 металл. рублей, а талантъ серебра—2,500 металл. рублей, въ ста тысячахъ талантовъ золота будемъ имѣть три милліарда металл. рублей, а въ милліонѣ талантовъ серебра — два съ половиною милліарда рублей. Возможно ли, говорятъ, и необходимо ли было собирать такую массу золота и серебра для постройки одного храма? На первый вопросъ библейскій текстъ отвѣчаетъ указаніемъ самыхъ источниковъ, изъ которыхъ

[1] Впрочемъ объ употребленіи серебра въ отдѣлкѣ храма Соломона не упоминается, хотя его необходимо допустить уже на основаніи большаго употребленія серебра въ скиніи.

была взята указанная сумма золота, серебра и проч. Прежде всего самъ Давидъ отъ себя лично пожертвовалъ на постройку храма, кромѣ купленнаго имъ мѣста, еще 3,000 талантовъ золота и 7,000 талантовъ серебра (1 Пар. 29, 4). Затѣмъ разные начальники народа внесли 5,000 талантовъ золота, 10,000 талантовъ серебра, 18,000 мѣди и 100,000 желѣза (1 Пар. 29, 6—7). Главнымъ же образомъ указанная сумма образовалась изъ дани, собранной Давидомъ съ покоренныхъ имъ народовъ и посвященной Іеговѣ (2 Сам. 8). Что эта дань состояла изъ большого количества золота и серебра, видно не только изъ указаннаго библейскаго мѣста, но и изъ свидѣтельствъ Геродота (3, 95, 106, 116; 9, 80) о необыкновенномъ скопленіи благородныхъ металловъ у древнихъ восточныхъ народовъ. Къ этому нужно прибавить, что указанная общая сумма золота и серебра не есть точный итогъ собранныхъ богатствъ, а только приблизительная круглая величина, такъ какъ, по свидѣтельству 1 Пар. 22, 16, собраннаго золота и серебра нельзя было точно сосчитать по его множеству и такъ какъ большею частію то и другое состояло не въ ходячихъ монетныхъ слиткахъ, а въ разныхъ сосудахъ и вещахъ между другими металлами и деревомъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія считать указанныя въ источникахъ цифры преувеличенными; съ одинаковымъ правомъ можно сказать, что въ нихъ не только не преувеличено, а напротивъ преуменьшено дѣйствительное количество золота и серебра. Что же касается вопроса: могли ли быть издержаны такія суммы на постройку одного, и притомъ по своимъ размѣрамъ сравнительно небольшого храма, то отвѣтомъ на него будетъ служить все дальнѣйшее наше изслѣдованіе. Здѣсь замѣтимъ только, что храмъ іерусалимскій былъ единственнымъ для всего

*

израильскаго царства и, слѣдовательно, требовалъ всевозможнаго великолѣпія.

Наконецъ царю Давиду принадлежитъ самая идея храма или планъ храма въ общемъ и частяхъ, переданный имъ Соломону въ торжественномъ завѣщаніи и съ настоятельнымъ требованіемъ выполнить его. Нѣкоторые (между ними Пэнъ) полагали, что подъ планомъ, переданнымъ Соломону Давидомъ, нужно разумѣть только тотъ планъ, который указанъ для святилища въ книгѣ Исходъ. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что скинія Мойсея должна была послужить основною моделью и іерусалимскаго храма. Тѣмъ не менѣе въ планѣ Давида упоминается такъ много новыхъ подробностей, несуществовавшихъ въ скиніи (1 Пар. 28, 11–19), что его безошибочно можно назвать новымъ, вторымъ планомъ ветхозавѣтнаго святилища. Многіе другіе изслѣдователи (между ними Перро) полагали, что планъ іерусалимскаго храма не былъ ни Давидовъ, ни Соломоновъ, ни вообще израильскій, но финикійскій или египетскій, такъ какъ изъ Финикіи, а по преданію и изъ Египта, были вызваны художники и строители храма. Но не говоря уже о томъ, что иноземнымъ людямъ, кто бы они ни были, ни Давидъ, ни Соломонъ не могли предоставить составленіе плана для святилища Богу Израилеву, и что планъ іерусалимскаго храма имѣлъ непосредственную связь съ планомъ святилища Мойсея, библейскій текстъ прямо говоритъ, что, при составленіи своего плана, Давидъ руководствовался только тѣмъ, что было у него самого на душѣ и что внушилъ ему Іегова (1 Парал. 28, 12, 19). Иноземные художники при построеніи іерусалимскаго храма имѣли такое же второстепенное значеніе исполнителей готоваго плана, какое имѣли Веселіилъ и Аголіавъ

при построеніи скиніи Мойсея (Исх. 37, 30 и дал.). Имя одного изъ нихъ Хирама (по Цар.) или Хурамъ-Авіи (по чтенію Парал.) упоминается въ текстѣ, но уже послѣ того какъ храмъ былъ построенъ; какъ хорошо знакомый съ литейнымъ искусствомъ, онъ былъ призванъ для изготовленія однихъ только мѣдныхъ сосудовъ и колоннъ (1 Цар. 7, 14). Имя же главнаго архитектора, строившаго іерусалимскій храмъ, въ библейскихъ источникахъ не показано. Вездѣ дается знать, что своимъ величіемъ и красотою храмъ былъ обязанъ всесторонней мудрости царя Соломона, руководствовавшагося планомъ Давида.

Не смотря на множество заготовленнаго Давидомъ матеріала для храма, его оказалось недостаточно для начала работъ, особенно мало было свезеннаго Давидомъ дерева и строевыхъ камней [1]. Поэтому Соломонъ приступая къ постройкѣ, вошелъ въ сношеніе съ тирскимъ царемъ Хирамомъ и заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Хирамъ обязывался: *а*) снабжать; Соломона кедровымъ и кипарисовымъ деревомъ и тесаными готовыми камнями съ Ливана; *б*) вырубку строеваго лѣса и обдѣлку камней предоставить людямъ, присланнымъ отъ Соломона, но для руководства ихъ поставить надъ ними еще своихъ финикійскихъ работниковъ, какъ болѣе опытныхъ въ дѣлѣ; *в*) деревянные брусья доставлять съ Ливана (вѣроятно съ мѣстности Триполи, славившейся лучшими кедрами), моремъ, на плотахъ до Іоппіи (Яффы), ближайшей къ Іерусалиму пристани. Съ своей стороны Соломонъ обязывался доставлять въ Тиръ пшеницу, вино и масло (1 Цар. 5

[1] Винеръ (R. W. 11, 569) думаетъ, что кн. Парал. неправильно приписываетъ Давиду заготовленіе матеріала и плана храма, потому что тогда Соломону не было бы надобности дѣлать новыя приготовленія. Но объ этомъ говорится и въ кн. 1 Цар. гл. 8.

2 Пар. 2; Jos. Fl., Antiqu. III V, 2, 6). По свидѣтельству Парал. и Іосифа Флавія этотъ контрактъ былъ заключенъ формально на бумагѣ, и его копіи, ἀντίγραφα, хранились какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ Тирѣ. Есть еще одно свидѣтельство Евполема (Евсевій, praep. evang. X, 30—34), по которому подобный договоръ Соломонъ заключилъ и съ египетскимъ царемъ Οὐάφρηι. — Количество рабочихъ, упоминаемыхъ въ договорѣ, библейскій текстъ кн. Цар. опредѣляетъ такъ. Изъ ханаанитянъ, жившихъ между евреями, было назначено 70,000 носильщиковъ, 80,000 каменотесовъ и 3,600 надзирателей (по Пар. 3, 300); изъ израильтянъ назначено 30,000 работниковъ, ходившихъ на Ливанъ перемѣнными чредами въ числѣ 10,000 ежемѣсячно. О числѣ финикійскихъ рабочихъ библейскій текстъ не говоритъ, но Евполемъ (у Евсевія) полагаетъ ихъ 80,000; столько же и египетскихъ. Если такимъ образомъ однѣ работы по отдѣлкѣ дерева и камня производились далеко отъ Іерусалима на Ливанѣ, то другія работы литейныя были исполняемы въ іорданской долинѣ, на мѣстѣ между Сокгоѳомъ и Цортаномъ, т. е. въ ближайшемъ къ Іерусалиму мѣстѣ, на которомъ можно было найти необходимую для литейныхъ работъ кирпичную землю и песокъ (2 Пар. 4, 17). Такимъ образомъ на мѣстѣ строенія храма, по библейскому выраженію, не было слышно ни молота, ни топора, ни другого желѣзнаго орудія.

Прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ самаго храма, требовалось еще приготовить для него сообразное съ планомъ мѣсто. Въ настоящее время гора Моріа представляетъ ровную, защищенную стѣнами, четырехугольную площадь около 1,500 англ. футовъ длины и 1,000 фут. ширины, обращенную къ четыремъ странамъ свѣта почти въ правильномъ направленіи магнитной стрѣлки

на востокъ и западъ своими продольными сторонами и на сѣверъ и югъ поперечными. Но такой видъ данъ горѣ Моріа строителями храма. Въ первоначальномъ же своемъ видѣ хребетъ Моріа, какъ и другія окрестныя горы, былъ очень обрывистъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, на немъ едва могли найти мѣсто для корпуса храма и для жертвенника всесожженій; для дворовъ же, которые должны были со всѣхъ сторонъ окружать храмъ, мѣста вовсе не было. Кромѣ того, по своему направленію хребетъ горы храма первоначально шелъ по діагонали нынѣшней площади этой горы, т. е. не прямо съ сѣвера на югъ, а съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Между тѣмъ храмъ и его дворы должны были оріентироваться, подобно скиніи, въ правильномъ отношеніи къ четыремъ главнымъ странамъ свѣта. Такимъ образомъ при отдѣлкѣ горы Моріа требовалось: *а*) расширить ея верхнюю площадь до размѣровъ необходимыхъ по плану храма, *б*) измѣнить или выровнять направленіе кряжа такъ, чтобы приготовленная для храма площадь была по возможности правильно обращена къ четыремъ странамъ свѣта. По свидѣтельству Іосифа Флавія (Bell. V, 5, 1) то и другое было достигнуто разомъ мудрымъ проэктомъ Соломона—построить на восточной сторонѣ горы, начиная отъ ея подошвы, среди проходящей здѣсь Кедрской долины, большую и твердую каменную стѣну не въ направленіи горнаго кряжа, а въ томъ направленіи, какое должна была имѣть восточная стѣна двора храма, т. е. въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, и промежутокъ между стѣною и склономъ горы (большій въ сѣверной части и меньшій въ южной) засыпать землею. По исполненіи этого плана, гора Моріа не только была расширена въ направленіи на востокъ, не только получила съ этой стороны прочную

защиту, въ видѣ высокой стѣны, необходимую здѣсь потому, что своею восточною стороною гора храма выходила въ пустыню, но и получала исходную линію для правильной оріентаціи своей площади. Безъ всякаго сомнѣнія, вмѣстѣ съ восточною главнѣйшею стѣною, площадь храма должна была получить соотвѣтственное огражденіе въ видѣ каменной стѣны и со всѣхъ другихъ сторонъ [1].

Слѣдить шагъ за шагомъ порядокъ постройки Соломонова храма ни священное Писаніе, ни преданіе не даютъ данныхъ. Поэтому археологія храма должна исходить изъ той его картины, какую онъ, по описанію источниковъ, представлялъ въ своемъ законченномъ и цѣльномъ видѣ. Затѣмъ, такъ какъ въ библейскомъ описаніи храма встрѣчается много экзегетическихъ и археологическихъ трудностей, то мы должны будемъ подвергнуть ихъ всестороннему разсмотрѣнію. Главнымъ образомъ эти трудности происходятъ отъ неясности для насъ библейскихъ архитектоническихъ терминовъ, а также отъ того, что описаніе храма библія представляетъ, подобно описанію скиніи, въ двухъ параллельныхъ разсказахъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ. Но тогда какъ два параллельные разсказа о скиніи принадлежатъ одному и тому же автору и передаются въ буквальномъ согласіи, одинъ какъ законъ о скиніи, другой какъ исполненіе этого закона, между извѣстіями о храмѣ Соломоновомъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ есть нѣкоторыя разности, происходящія отъ различныхъ намѣреній различныхъ авторовъ и отъ неодинаковой

[1] Насколько вообще древніе придавали значеніе тщательной отдѣлкѣ площади дворовъ окружавшихъ храмъ, можно видѣть изъ того, что сидоняне однажды строителю двора храма (חצר) поднесли въ награду золотую корону вѣсомъ въ 20 дариковъ (см. финикійская надпись Пирея, строки 2 и 3-я).

подробности описанія отдѣльныхъ частей храма въ томъ и другомъ разсказѣ. Мы говорили уже, что нѣкоторые археологи присоединяли сюда еще третье библейское описаніе храма пророка Іезекіиля, какъ составленное якобы по воспоминанію о храмѣ Соломоновомъ. Хотя такое привлеченіе пророческаго видѣнія къ числу источниковъ археологіи храма нельзя назвать основательнымъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя подробности описанія Іезекіиля, видимо накладывающіяся на историческія описанія, могутъ быть принимаемы въ общую картину храма, для восполненія пробѣловъ историческихъ книгъ. Послѣ библейскихъ источниковъ археологія храма, какъ мы уже знаемъ, должна пользоваться описаніемъ Іосифа Флавія, но и оно разбито на нѣсколько параллельныхъ разсказовъ, не совсѣмъ сходныхъ между собою (Antiqu. VIII, 3, 9; XV, 2, 3; Bell. V, 5, 1). То же нужно сказать и о талмудическихъ преданіяхъ о храмѣ Соломоновомъ. Вслѣдствіе всего этого не всѣ пункты въ образѣ Соломонова храма могутъ быть представлены съ одинаковою желательною ясностію.

Въ общемъ храмъ Соломоновъ [1] былъ построенъ по плану данному для скиніи, только въ большихъ размѣрахъ и съ тѣми приспособленіями, какія были необходимы въ богатомъ неподвижномъ святилищѣ. Пророкъ Исаія (33, 20) называетъ іерусалимскій храмъ Соломона также скиніею, ohel, но только такою скиніею, которая не можетъ быть сдвинута съ своего мѣста, столбы ко-

[1] Кромѣ библейскихъ названій храма היכל чертогъ и בית домъ Іеговы или домъ по преимуществу, въ іудейскомъ преданіи сохранились слѣдующія названія іерусалимскаго храма: beth habechira, домъ избранный, beth haolamim, домъ вѣчный, hamaon, жилище κατ' εξοχήν. (Cherit. I, 7 Ket. 3).

торой не могутъ быть сняты съ своихъ пьедесталовъ, подобно столбамъ скиніи Мойсея и которой веревки не могутъ порваться, подобно веревкамъ Мойсеевой скиніи. И въ книгѣ Премудрости (9, 8) Соломонъ говоритъ о себѣ, что онъ построилъ храмъ на святой горѣ по подобію первоначальной скиніи. Такое отношеніе храма къ скиніи необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно понять его устройство. Такъ какъ скинію окружалъ прежде всего въ правильномъ порядкѣ расположенный лагерь всего народа, то, для соотвѣтствія этому народному лагерю, кругомъ внутренняго отдѣленія Соломонова храма была устроена большая площадь, называвшаяся отдѣленіемъ для народа или большимъ дворомъ. То, что въ скиніи было собственно дворомъ, окруженнымъ полотняною оградою, здѣсь представляло уже второй внутренній дворъ или дворъ священниковъ, по размѣрамъ вдвое превосходившій дворъ скиніи. Хотя дворы храма имѣли ворота со всѣхъ четырехъ сторонъ (воротъ не было только въ западной стѣнѣ внутренняго двора), но, для образованія соотвѣтствія тому, что скинія имѣла входъ съ восточной стороны, и здѣсь главныя ворота были устроены на востокѣ, въ той большой стѣнѣ, которую, какъ мы видѣли, Соломонъ построилъ прежде всего для укрѣпленія горы, не смотря на то, что восточная сторона двора была обращена не къ городу, а въ противоположную сторону, къ кедрскому потоку и пустынѣ [1]. На оси этихъ внѣшнихъ восточныхъ воротъ были затѣмъ другія внутреннія ворота, приводившія изъ большого двора во дворъ священниковъ, и еще далѣе жертвенникъ всесожженій, стоявшій

[1] Какимъ образомъ послѣ этого можно утверждать, что не храмъ построенъ по образцу скиніи, а, наоборотъ, описаніе скиніи сдѣлано съ вида храма? Если бы Соломонъ не имѣлъ обязательнаго для себя плана скиніи, то онъ оборотилъ бы къ городу Іерусалиму не черный дворъ храма, а его лицо,

на томъ же мѣстѣ, какое было назначено ему въ скиніи, но увеличенный въ размѣрахъ. Соотвѣтственно умывальнику скиніи, при жертвенникѣ храма стояла цѣлая система сосудовъ омовенія: десять художественно сдѣланныхъ омывальниковъ на подставахъ и большой бассейнъ для воды, по величинѣ называвшійся моремъ подобно тому, какъ римляне такіе большіе сосуды для воды называли lacus. На той же общей оси воротъ, дворовъ и жертвенника стоялъ наконецъ корпусъ самаго храма, подобно скиніи обращенный входною стороною къ востоку. Тому, что Іосифъ Флавій называлъ въ скиніи ἀέτωμα, частію покрова нависшею на челѣ скиніи въ видѣ фронтона, въ храмѣ соотвѣтствовалъ притворъ, представлявшій, подобно нашимъ церковнымъ притворамъ, видъ корридора 20 локтей длины (по широтѣ корпуса храма) и 10 локтей глубины. Соотвѣтственно входнымъ колоннамъ скиніи, и здѣсь предъ притворомъ стояли двѣ большія монументальныя мѣдныя колонны, носившія особенныя имена: Іахинъ и Боазъ. Внутренняя величина храма была частію удвоенною, частію утроенною величиною скиніи: 60 (30×2) локтей длины, 20 (10×2) ширины и 30 (10×3) высоты. Первое отдѣленіе, святое или большая зала храма (2 Пар. 3, 5), имѣло 40 локтей длины, 30 локтей высоты и 20 локтей широты, а второе отдѣленіе, святое святыхъ или зала святаго святыхъ (2 Пар. 3, 10) или еще иначе Давиръ (1 Цар. 8, 6), представляло совершенный кубъ 20 локтей длины, ширины и высоты, вдвое большій Давира скиніи. Раздѣленіемъ между святымъ и святымъ святыхъ служила каменная стѣна съ дверью изъ масличнаго дерева. Во святомъ святыхъ стоялъ тотъ же Мойсеевъ ковчегъ завѣта съ каппоретъ, поставленный подъ осѣненіе двухъ новыхъ колоссальныхъ херувимовъ 10 локтей высоты, распро-

стиравшихъ свои крылья такъ, что концы внѣшнихъ крыльевъ касались стѣнъ, а внутреннія крылья склонялись надъ ковчегомъ. Во святомъ стояли тѣ же сосуды скиніи только въ большемъ количествѣ: 10 свѣтильниковъ, 10 столовъ для хлѣбовъ предложеній и жертвенникъ кажденій. Стѣны храма были изъ массивнаго тесанаго камня, но онѣ напоминали и стѣны скиніи тѣмъ, что были покрыты вездѣ деревянною обкладкою, а потомъ еще обложены листовымъ золотомъ. Золотомъ были покрыты не только всѣ стѣны, но и двери и потолокъ и даже кипарисовый полъ храма. Такимъ образомъ храмъ Соломона могъ назваться золотымъ храмомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ какъ въ скиніи на ея стѣнахъ были видны фигуры херувимовъ, расшитыхъ по извѣстному намъ покрову скиніи, который драпировался по ея внутреннимъ стѣнамъ; то и на стѣнахъ Соломонова храма были изображенія тѣхъ же херувимовъ съ прибавочными орнаментами изъ растительнаго царства. Наконецъ, соотвѣтственно тому, что съ наружной стороны скинія была окружена навѣсомъ вслѣдствіе особеннаго расположенія спускавшагося здѣсь верхняго покрова скиніи, и храмъ Соломоновъ былъ окруженъ непосредственно къ нему примыкавшею линіею такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ храма. Такимъ образомъ храмъ, говоря словами пророка Исаіи, былъ дѣйствительно неподвижною скиніею Мойсея.

Но всѣ поставленныя здѣсь положенія, опредѣляющія общій видъ и планъ храма Соломонова, требуютъ дальнѣйшихъ археологическихъ разъясненій. Ихъ удобно можно расположить по слѣдующимъ тремъ категоріямъ: 1. Вопросы, касающіеся внѣшняго вида храма Соломонова; 2. Вопросы, касающіеся внутренняго вида храма, его принадлежностей и сосудовъ, и 3. Вопросы, касаю-

щіеся дворовъ храма. Отвѣты на эти вопросы по необходимости должны быть очень сложными, такъ какъ археологія Соломонова храма обременена разнородными гипотезами, которыхъ мы не можемъ обойти безъ надлежащаго разсмотрѣнія.

Въ вопросѣ о внѣшнемъ видѣ Соломонова храма наиболѣе занимала изслѣдователей его *высота*. Въ кн. 1 Цар. 6, 2 ясно говорится, что высота того храма, который былъ построенъ Іеговѣ Соломономъ, была 30 локтей, подобно высотѣ Ноева ковчега, какъ замѣчаетъ Пэнъ [1]. Но ниже, въ ст. 20-мъ, при описаніи святаго святыхъ, для его высоты назначается только 20 локтей. Въ параллельномъ же описаніи кн. Парал. и пророка Іезекіиля о высотѣ храма не упоминается. Спрашивается, какъ объяснить это двойное показаніе высоты? Существуютъ слѣдующія попытки его объясненія:

1. Предполагали, что 30 локтей высоты относятся только къ первому большему отдѣленію храма или святому, а 20 локтей—исключительно только къ святому святыхъ, и что это послѣднее какъ внутри, такъ и снаружи было на 10 локтей ниже святаго и потому имѣло свою особенную крышу, независимую отъ крыши святаго. Такое объясненіе думали обосновать главнымъ образомъ на аналогіи египетскихъ храмовъ, въ которыхъ adyton бываетъ ниже чѣмъ cella (первая зала), особенно же храмовъ Карнакскаго, Лукзорскаго и Дендерскаго (Штиглицъ, Гринейзенъ, Винеръ, Вогюэ). — Но, во первыхъ, эти египетскіе храмы несовременны Соломону:

[1] Ватиканскій кодексъ 1 Цар. 6, 2 имѣетъ ошибочное показаніе высоты храма 25 локтей, πέντε καὶ εἴκοσι, а длины 40 локтей, τεσσαράκοντα πηχῶν. Впрочемъ послѣднее измѣреніе тотъ же текстъ кн. Парал. исправляетъ на 60 локтей.

первые два считаются болѣе древними, а послѣдній гораздо болѣе позднимъ. Далѣе, аналогія египетскихъ храмовъ, вообще неумѣстная при изученіи спеціальнаго вида іерусалимскаго святилища, въ данномъ случаѣ не умѣстна и не имѣетъ научнаго значенія еще потому, что египетскій adyton и по своей идеѣ представлялъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ святое святыхъ іерусалимскаго храма, и по своему виду не долженъ былъ представлять одного цѣлаго съ переднею частію храма, но былъ независимымъ сооруженіемъ, отдѣленнымъ отъ первой залы камерами и переходами (см. Moriette Haute Egypte, 152 и др.). Съ другой стороны, такое объясненіе прямо противорѣчитъ библейскому тексту, который назначилъ 30 локтей высоты не одной части храма, а всему корпусу, т. е. святому и святому святыхъ вмѣстѣ, какъ это ясно видно изъ того, что онъ сопоставляетъ эту мѣру съ мѣрою длины храма 60 локтей; но эта послѣдняя была длина не одного святаго, но святаго и святаго святыхъ вмѣстѣ. Что же касается 20 локтей высоты, то она указывается какъ особенная внутренняя мѣра въ спеціальномъ описаніи святаго святыхъ. Какъ отъ общей длины храма было отдѣлено для святаго святыхъ 20 локтей, такъ и отъ общей высоты корпуса 30 локтей какимъ-то образомъ для святаго святыхъ могло быть отдѣлено 20 локтей. Наконецъ, указанное наружное различіе высоты святаго и святаго святыхъ, опираясь на сомнительной аналогіи египетскихъ храмовъ, опускаетъ изъ виду аналогію скиніи, храма Іезекіиля и храма Ирода, не представлявшихъ наружнаго отличія въ высотѣ святаго и святаго святыхъ, и не согласуется съ идеею святаго святыхъ, какъ высочайшаго пункта въ святилищѣ: если весь храмъ былъ горою Божіею, то святое святыхъ

было вершиною этой горы, а не ея склономъ или пониженіемъ [1].

2. По другому объясненію святое и святое святыхъ имѣли одинаковую наружную высоту, но различались по внутренней высотѣ: тогда какъ святое имѣло 30 локтей высоты, святое святыхъ имѣло только 20, потому что десять локтей верхняго пространства надъ святымъ святыхъ было отдѣлено особеннымъ потолкомъ и образовало верхнюю горницу надъ святымъ святыхъ, entresol, якобы ту самую, о которой говорится 2 Пар. 3, 9. По однимъ объясненіямъ, эта верхняя горница оставалась открытою къ сторонѣ святаго и, при совершенно закрытомъ отдѣленіи святаго святыхъ, давала этому послѣднему такой видъ, какой могъ бы имѣть олтарь православнаго христіанскаго храма, если бы иконостасу дать высоту двухъ третей высоты храма и сверху накрыть его плоскимъ потолкомъ (Шнаазе, Евальдъ, Бетхеръ, Унругъ). Напротивъ, по другимъ объясненіямъ, верхнее пространство надъ святымъ святыхъ закрывалось и со стороны святаго верхнимъ продолженіемъ той же перегородки, которая внизу закрывала святое святыхъ, и образовало собою совершенно особенную уединенную камеру, не имѣвшую отношенія ни къ святому, ни къ святому святыхъ (Гиртъ, Кейль, Фергюссонъ, Перро). — Это объясненіе намъ представляется такъ же невѣроятнымъ, какъ и предшествующее. Прежде всего и здѣсь нарушаются отношенія храма къ скиніи, такъ какъ въ скиніи святое и святое святыхъ

[1] Ошибочно въ 1 Цар. 6, 16 видѣли указаніе на то, что перегородка, отдѣлявшая святое отъ святаго святыхъ, имѣла высоты 20 локтей. Этотъ переводъ, сдѣланный первый разъ Лютеромъ, неправиленъ. Двадцатью локтями въ данномъ мѣстѣ указывается разстояніе перегородки отъ задней западной стѣны храма, а не ея высота; о послѣдней замѣчено только, что она была отъ пола до потолка.

имѣли одинаковую высоту не только внѣшнюю, но и внутреннюю. Между тѣмъ для такого нарушенія отношеній нельзя представить никакого серіознаго основанія, и образуемое названными изслѣдователями особенное отдѣленіе святилища, въ видѣ верхняго этажа надъ святымъ святыхъ, остается безъ всякаго назначенія. Указывали для этого отдѣленія назначеніе служить священнымъ архивомъ, въ которомъ якобы хранились священные сосуды скиніи Мойсея. Но важнѣйшія принадлежности скиніи, какъ ковчегъ завѣта, были не въ архивѣ, а въ самомъ храмѣ; другія, изъятыя изъ употребленія, принадлежности скиніи гораздо удобнѣе могли храниться въ боковыхъ пристройкахъ, какъ увидимъ, окружавшихъ храмъ со всѣхъ сторонъ и не имѣвшихъ другого назначенія, кромѣ того-же назначенія хранить принадлежности святилища, почему либо изъятыя изъ употребленія. Въ особенности же противъ такого толкованія говоритъ то, что о какомъ-нибудь третьемъ отдѣленіи храма, кромѣ святаго и святаго святыхъ, библейскій текстъ ничего не говоритъ, между тѣмъ положительнаго упоминанія объ этомъ отдѣленіи необходимо было бы ожидать не только потому, что это было бы отдѣленіе новое, неизвѣстное въ скиніи, но и потому, что въ указанномъ видѣ оно строилось бы въ ущербъ размѣрамъ и значенію святаго святыхъ. Нельзя согласиться, что на эту камеру надъ святымъ святыхъ указывается 2 Пар. 3, 9: *„верхнія горницы Соломонъ обложилъ золотомъ“*. Это не выходитъ изъ контекста рѣчи. И было бы странно цѣлую новую часть зданія опредѣлять однимъ словомъ такого общаго значенія. Между тѣмъ, далѣе, чтобы сдѣлать указанное отдѣленіе надъ святымъ святыхъ, нужно было, какъ само собою разумѣется, на высотѣ 20 локтей отъ пола образовать

особенный потолокъ на балкахъ, вбитыхъ въ стѣну. Но, спрашивается, какъ это можно было сдѣлать, если по библейскому свидѣтельству, съ которымъ мы встрѣтимся дальше, стѣну храма, даже съ наружной стороны, нельзя было портить, вбивая въ нее балки для потолковъ прилегавшихъ къ храму наружныхъ построекъ? А если представимъ, что верхняя горница надъ святымъ святыхъ требовала и особеннаго хода къ ней, о которомъ однакожъ нигдѣ не упоминается и которому рѣшительно нельзя указать мѣста на планѣ храма, то представленное объясненіе потеряетъ для насъ послѣднюю тѣнь вѣроятности.—Что касается того мнѣнія, что верхнее отдѣленіе надъ святымъ святыхъ не было отдѣльною замкнутою камерою, и къ сторонѣ святаго не имѣло никакой стѣны, то, кромѣ уже сказаннаго, мы имѣемъ противъ него еще два замѣчанія: *а*) Этимъ нарушалась бы правильная мѣра перваго отдѣленія храма, къ которому въ такомъ случаѣ нужно было бы причислять и пустое пространство надъ святымъ святыхъ. Въ такомъ случаѣ первое отдѣленіе храма, покрывая собою святое святыхъ, какъ бы поглощало его и господствовало надъ нимъ. *б*) Зіяющею пустотою надъ святымъ святыхъ чрезвычайно портился бы видъ храма. Пусть читатель представитъ себѣ, какой видъ имѣла бы наша православная церковь, если бы ея олтарь покрыть особеннымъ самостоятельнымъ потолкомъ внутри церкви [1].

3. По третьему объясненію (Мейеръ, Мерцъ, Мункъ, Курцъ и Фридрихъ) святое и святое святыхъ имѣли одинаковую внутреннюю высоту, т. е. 20 локтей, какъ это сказано 1 Цар. 6, 20. Если же выше, въ ст. 2

[1] Такъ какъ, такимъ образомъ, оказывается совершенно невѣроятнымъ предположеніе неполной стѣны на чертѣ раздѣленія святаго и святаго святыхъ, то и наши неполные низкіе церковные иконостасы теряютъ библейское основаніе.

дается всему храму высота 30 локтей, то это значитъ, что не только надъ святымъ святыхъ, но и надъ первымъ отдѣленіемъ храма, возвышался второй этажъ 10 локтей высоты (по Мейеру и Фридриху 5 локтей на основаніи 1 Цар. 6, 10 и 2 Пар. 3, 9), образовавшій тѣ верхнія горницы, о которыхъ говорится 2 Пар. 3, 9.—Это объясненіе, въ сущности не новое (оно встрѣчается уже у древнихъ раввиновъ, Лундій, 323), можетъ быть и лучше предшествующаго, такъ какъ оно выдерживаетъ отношеніе мѣры храма къ мѣрѣ скиніи, но и оно не можетъ быть принято. Возможно ли предположить второй этажъ на храмѣ, занимавшій цѣлую треть высоты всего храма (только у Фридриха и Мейера 1/6 часть), не имѣя для этого положительнаго указанія въ текстѣ? И назначенія для такого верхняго этажа,—поколику доступъ къ нему изъ почтенія къ святилищу не могъ быть дозволенъ,—нельзя придумать. Одинъ изъ наиболѣе сильныхъ защитниковъ этого мнѣнія, Курцъ, полагалъ, что весь верхній этажъ храма былъ построенъ для священныхъ сосудовъ скиніи Мойсеевой, которые и были здѣсь разставлены точно въ такомъ порядкѣ, въ какомъ стояли новые Соломоновы сосуды въ нижнемъ этажѣ святилища. Такимъ образомъ по плану Курца храмъ имѣетъ два отдѣльныхъ святилища, и, судя по всему, главнѣйшимъ изъ нихъ нужно считать верхнее, а не нижнее святилища. Мейеръ въ своемъ предположеніи второго этажа въ зданіи храма основывается на 1 Цар. 6, 10, гдѣ говорится о нѣкоторой надстройкѣ (יצוע) пяти локтей высоты. Но нужно внимательно прочесть первые стихи шестой главы, чтобы убѣдиться, что подъ пристройками въ 10-мъ стихѣ разумѣются боковыя трехъярусныя пристройки вокругъ храма, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, и что

5 локтей, на которыхъ основывается Мейеръ, обозначаютъ не высоту второго этажа на самомъ храмѣ, но высоту каждаго изъ трехъ ярусовъ боковыхъ пристроекъ храма. Наконецъ всѣ вообще представители этого объясненія ссылаются на то, что храмъ Иродовъ, построенный по образцу Соломонова храма, несомнѣнно имѣлъ верхній этажъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ іудейское преданіе. Ниже мы увидимъ, откуда вышелъ и какое имѣлъ значеніе второй этажъ Иродова храма. Здѣсь достаточно замѣтить, что если дѣйствительно былъ второй этажъ въ храмѣ Ирода (хотя это не всѣми признается), то онъ былъ замысломъ суетнаго славолюбія этого царя и позднѣйшихъ іудеевъ, мечтавшихъ возвратить іерусалимскому храму все то величіе, какое онъ имѣлъ при Соломонѣ, но не имѣвшихъ для этого дѣйствительныхъ средствъ. Поднятіемъ высоты храма чрезъ надстройку второго этажа думали прикрыть внутреннюю бѣдность второго храма въ сравненіи его съ первымъ.

4. Завязавшійся такимъ образомъ спорный узелъ по вопросу о высотѣ храма думалъ разсѣчь Бэръ предположеніемъ случайной ошибки переписчика въ показаніи книги 1 Цар. (6, 2) о 30 локтяхъ высоты храма. Вмѣсто 30, по его мнѣнію, и здѣсь, какъ и ниже въ ст. 20-мъ, нужно читать 20 локтей. „Не случайно, говоритъ Бэръ, о высотѣ храма умалчиваютъ и кн. Парал. и книга пророка Іезекіиля (41, 2). Такое умолчаніе было бы совершенно ненатурально при предположеніи высоты 30-локтевой, не совпадающей съ мѣрою широты. Но оно было натурально, если высота храма предполагалась 20 локтей, потому что тогда писатели легко могли подразумѣвать ее въ данной при этомъ такой же мѣрѣ широты. Если бы мы имѣли одну только книгу Паралип. безъ книгъ Царствъ, тогда не возбуждалось

бы никакихъ сомнѣній въ 20-локтевой высотѣ храма, тѣмъ болѣе, что такой именно высоты требуетъ аналогія скиніи. И въ храмѣ Зоровавеля не было различія между его высотою и широтою (Ездр. 6, 3). Даже въ книгѣ 1 Царствъ (гл. 6), если игнорировать второй стихъ, можно найти свидѣтельство о 20 локтяхъ высоты храма. Здѣсь мы читаемъ, что Соломонъ отдѣлилъ отъ общей 60-локтевой длины на западной сторонѣ 20 локтей для святаго святыхъ, такъ что для святаго осталось 40 локтей. И затѣмъ, въ ст. 20-мъ, говорится: *и такъ святое святыхъ имѣло 20 локтей длины, ширины и высоты.* Откуда вдругъ высота 20 локтей во святомъ святыхъ? Не сказано, чтобы Соломонъ, отдѣляя часть отъ длины храма для святаго святыхъ, отдѣлялъ что либо и отъ общей высоты и широты храма или сокращалъ ее, а между тѣмъ это необходимо было бы сказать, если бы общая высота и широта храма были не тѣ, которыя указаны для святаго святыхъ. Если же не было разности между высотою святаго святыхъ и святаго, то высоту всего храма нужно полагать именно, по мѣрѣ высоты святаго святыхъ, 20 локтей, а не обратнымъ переведеніемъ высоты, выведенной откуда бы то ни было для святаго, на святое святыхъ, потому что кубическое измѣреніе святаго святыхъ въ ст. 20-мъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній и споровъ. И такъ 30 локтей для высоты храма въ 1 Цар. 6, 2 показаны по ошибкѣ вмѣсто 20 локтей".—Это объясненіе, конечно, не лишено извѣстнаго значенія, поколику оно направлено противъ вышеуказанныхъ толкованій и устанавливаетъ необходимость одной общей высоты святаго и святаго святыхъ. Но и къ нему нельзя спѣшить довѣріемъ, такъ какъ оно произвольно измѣняетъ цифру, ясно указанную въ текстѣ, не только еврейскомъ, но и

LXX и другихъ древнихъ переводовъ, и основывается на томъ, что вовсе не указано, на умолчаніи текста. На этомъ основаніи можно было бы оправдать и Іосифа Флавія, которому казалось, что высота Соломонова храма подразумѣвалась въ библейскомъ текстѣ равною длинѣ, т. е. 60 локтямъ.

Послѣ уже сдѣланныхъ и разсмотрѣнныхъ нами попытокъ объясненія высоты Соломонова храма, для насъ осталась логическая возможность только одной еще попытки. Если, по свидѣтельству 1 Цар. гл. 6, храмъ имѣлъ высоту 30 локтей, а святое святыхъ только 20, и если при этомъ нельзя предположить верхняго этажа надъ святымъ святыхъ, то почему нельзя предположить здѣсь особеннаго нижняго этажа 10 локтей высоты, на которомъ могло возвышаться святое святыхъ и такимъ образомъ достигать общей высоты храма. Въ этомъ случаѣ святое святыхъ имѣло бы такой видъ, какой въ нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ храмахъ имѣетъ олтарь, значительно возвышающійся надъ остальною частію храма, напримѣръ олтарь въ храмѣ Виѳанскаго монастыря. Хотя и о нижнемъ этажѣ храма Соломонова не упоминается въ библейскомъ текстѣ, такъ же какъ и о верхнемъ, но въ данномъ случаѣ это неупоминаніе можетъ объясняться тѣмъ, что нижній этажъ святаго святыхъ представляла не отдѣльная камера, а глухой или подвальный этажъ или даже голая скала или вершина горы, соотвѣтственнымъ образомъ отдѣланная, чтобы служить основаніемъ ковчегу завѣта и напоминать гору Синайскаго законодательства и, какъ видно изъ сравненія ст. 2 и ст. 20 (1 Цар. гл. 6), имѣвшая около 10 локтей высоты. Такимъ образомъ постройка особеннаго основанія для святаго святыхъ принадлежала къ общимъ первоначальнымъ работамъ по отдѣлкѣ

горы для принятія храма, о которыхъ работахъ библейскій текстъ вообще умалчиваетъ и свѣдѣнія о которыхъ заимствуются только у Іосифа Флавія. Этотъ историкъ въ высотѣ Соломонова храма различаетъ основаніе, состоявшее изъ огромной величины камней и имѣвшее 60 локтей высоты и самый храмъ также 60 локтей высоты (Antiqu. VIII, 3, 2). Хотя, какъ увидимъ дальше, эти цифры не могутъ быть приняты, какъ противорѣчащія библейскимъ цифрамъ, но общей мысли Іосифа Флавія о выдающемся основаніи или глухомъ нижнемъ этажѣ подъ храмомъ мы не имѣемъ права отвергать Если же несомнѣнно существовала большая подстройка подъ зданіемъ храма, то, въ виду обнаруженной въ библейскомъ текстѣ разности внутренней высоты святаго и святаго святыхъ, весьма натурально допустить, что нижній глухой этажъ или цоколь храма въ отдѣленіи святаго святыхъ былъ сдѣланъ на 10 локтей выше, такъ что съ святаго во святое святыхъ восходили по ступенямъ, какъ восходятъ въ олтарь церкви Виѳанскаго монастыря. Другими основаніями въ пользу высказаннаго нами предположенія могутъ служить: *а*) Постепенность возвышенія грунта на горѣ Моріа и переходы по ступенямъ по мѣрѣ приближенія къ центру храма. Такъ, съ долины Кедрской восходили по ступенямъ на первую платформу горы или дворъ внѣшній, со двора внѣшняго во дворъ внутренній, съ внутренняго двора на паперть храма. Естественно прибавить, что и въ послѣдній наиболѣе священный пунктъ также восходили по ступенямъ, и что уровень пола святаго святыхъ былъ выше предшествующей части храма. *б*) Употребленное 2 Пар. 3, 9, въ описаніи святаго святыхъ, названіе alijoth, עליות, по LXX τὸ ὑπερῶον (единственное число), *возвышенная камера* или верхняя горница, отно-

сящееся несомнѣнно къ святому святыхъ, ясно свидѣтельствуетъ о возвышенномъ положеніи святаго святыхъ сравнительно съ первою частію храма. Хотя въ еврейскомъ текстѣ здѣсь стоитъ множественное число alijoth, но это такъ называемое множественное dignitatis, употребляющееся для обозначенія почтенія къ лицу или предмету; при переводѣ, его необходимо замѣнить единственнымъ числомъ, какъ это и дѣлаютъ LXX. Поэтому совершенно ошибочно подъ этимъ выраженіемъ кн. Парал. обыкновенно разумѣютъ камеры боковыхъ трехъярусныхъ пристроекъ, бывшихъ кругомъ храма. Боковыя пристройки состояли не изъ верхнихъ только камеръ, но и изъ нижнихъ, въ нижнемъ этажѣ и потому уже ихъ нельзя было назвать alijoth. И золотой обкладки боковыя пристройки не могли имѣть. Кромѣ того, книга Парал. вовсе и не касается въ своемъ описаніи боковыхъ пристроекъ при храмѣ, какъ второстепенныхъ. Наконецъ, прямой контекстъ ст. 8—9 и присутствіе опредѣленнаго члена при alijoth не позволяютъ подъ послѣднимъ терминомъ разумѣть что либо другое, кромѣ камеры святаго святыхъ, измѣреніе которой непосредственно предъ тѣмъ приведено. *в*) По іудейскому преданію во святомъ святыхъ храма возвышалась натуральная часть скалы, мѣсто жертвоприношенія Авраама, на которой въ первомъ храмѣ стоялъ ковчегъ завѣта, а во второмъ ничего не стояло, и подъ которою была еще натуральная пещера (Маймон. Beth habechira гл. 4. Кимхи на 2 Пар. 35). Такъ какъ о первомъ отдѣленіи храма ничего подобнаго не говорится, то это значитъ, что святое святыхъ стояло на выдающемся возвышеніи, приспособленномъ какъ основаніе для этой части храма, и было горнимъ мѣстомъ святилища.—И такъ святое святыхъ не только не было

подобіемъ adython египетскихъ храмовъ, лежавшаго ниже или глубже первыхъ отдѣленій храма, но представляло прямую противоположность имъ своимъ возвышеннымъ положеніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ, сама собою рѣшается задача 30 и 20 локтей высоты въ храмѣ. Первая цифра опредѣляетъ высоту святаго, а вторая— святаго святыхъ. Въ той и другой высотѣ разумѣется высота внутренняя отъ пола до потолка, независимо отъ высоты основанія или цоколя, на которомъ стояло то и другое отдѣленіе святилища.

Но 30 локтей есть во всякомъ случаѣ внутренняя высота. Чтобы имѣть понятіе о внѣшней высотѣ корпуса храма, нужно прибавить еще высоту основанія или цоколя и, съ другой стороны, высоту крыши. О высотѣ основанія храма библейскій текстъ не даетъ никакого сообщенія. Остается предположить, что она равнялась высотѣ основанія Иродова храма, которая на передней восточной сторонѣ храма, независимо отъ цоколя святая святыхъ, была 6 локтей. Труднѣе опредѣлить высоту крыши храма, такъ какъ самый видъ ея у изслѣдователей представляется различно. Древніе археологи (Лундій, 281, 324; Реландъ Antiqu. 65) представляли ее приподнятою къ срединѣ, двухскатною и шпицеобразною, на томъ основаніи, что такія крыши у грековъ и римлянъ употреблялись для храмовъ и дворцовъ и что такую повидимому крышу Іосифъ Флавій даетъ храму Ирода (Bell. V, 5, 6). Мало того, крышѣ Соломонова храма придавали взятые съ Иродова храма золотые шесты, имѣвшіе якобы назначеніемъ пугать птицъ, садившихся на крышѣ. У Евсевія (Praep. evang. 1, 9) приводится еще сказаніе о двухъ мѣдныхъ сѣтяхъ, распростиравшихся надъ храмомъ и сгонявшихъ птицъ производимымъ ими шумомъ. По поводу этихъ сказаній справедливо замѣчаетъ Кейль,

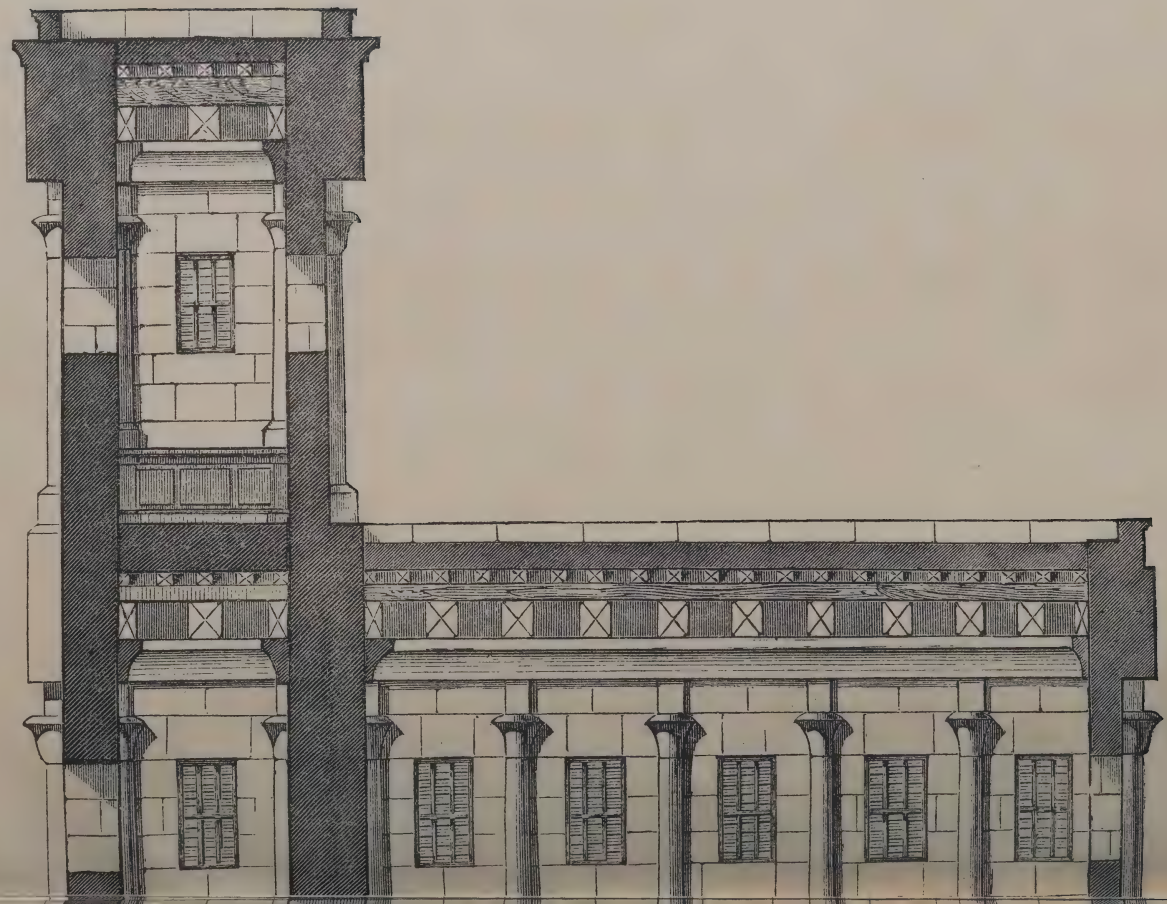
что древніе израильтяне не въ такомъ отношеніи стояли къ царству пернатыхъ, чтобы считать оскверненіемъ ихъ присутствіе на крышѣ храма. Какъ бы нарочно противъ такого представленія псалмопѣвецъ говоритъ именно о безпрепятственномъ пребываніи птицъ вблизи святилища: „птица находитъ себѣ жилье и ласточка гнѣздо себѣ у олтарей Твоихъ, Іегова воинствъ“ (Псал. 84, 4). Прор. Осія (8, 1) представляетъ орла, отдыхающаго на домѣ Божіемъ. И самая форма двухскатной крыши не можетъ быть принята для храма Соломонова. Св. Писаніе, упоминая о крышѣ, всегда разумѣетъ плоскую крышу съ брустверомъ со стороны улицы, согласно требованію закона (Втор. 22, 8); по талмудическому преданію, брустверъ кругомъ крыши обыкновенно имѣлъ высоты 4 локтя (Майм. Hilc. Schechenim, III, 6). По своему матеріалу крыша Соломонова храма, какъ свидѣтельствуетъ 1 Цар. 6, 9, состояла изъ досокъ и кедровыхъ балокъ, уложенныхъ нѣсколькими *параллельными рядами* (סדר=שדרות) [1]. Но само собою понятно, что этого было недостаточно. По восточному обычаю на кедровыхъ доскахъ былъ вѣроятно слой сухихъ пальмовыхъ вѣтвей и толстый пластъ укатанной земли, съ известковымъ цементомъ (см. L'art antique de la Perse par Dieulafoy. 1884. P. 1. p. 33) и затѣмъ обладка изъ мраморныхъ плитъ. Такимъ образомъ крыша храма прибавляла къ его внутренней высотѣ не менѣе 6 локтей; если перила или брустверъ на крышѣ имѣли 4 локтя высоты, то въ балкахъ, земляной и каменной настилкѣ, нужно полагать не менѣе

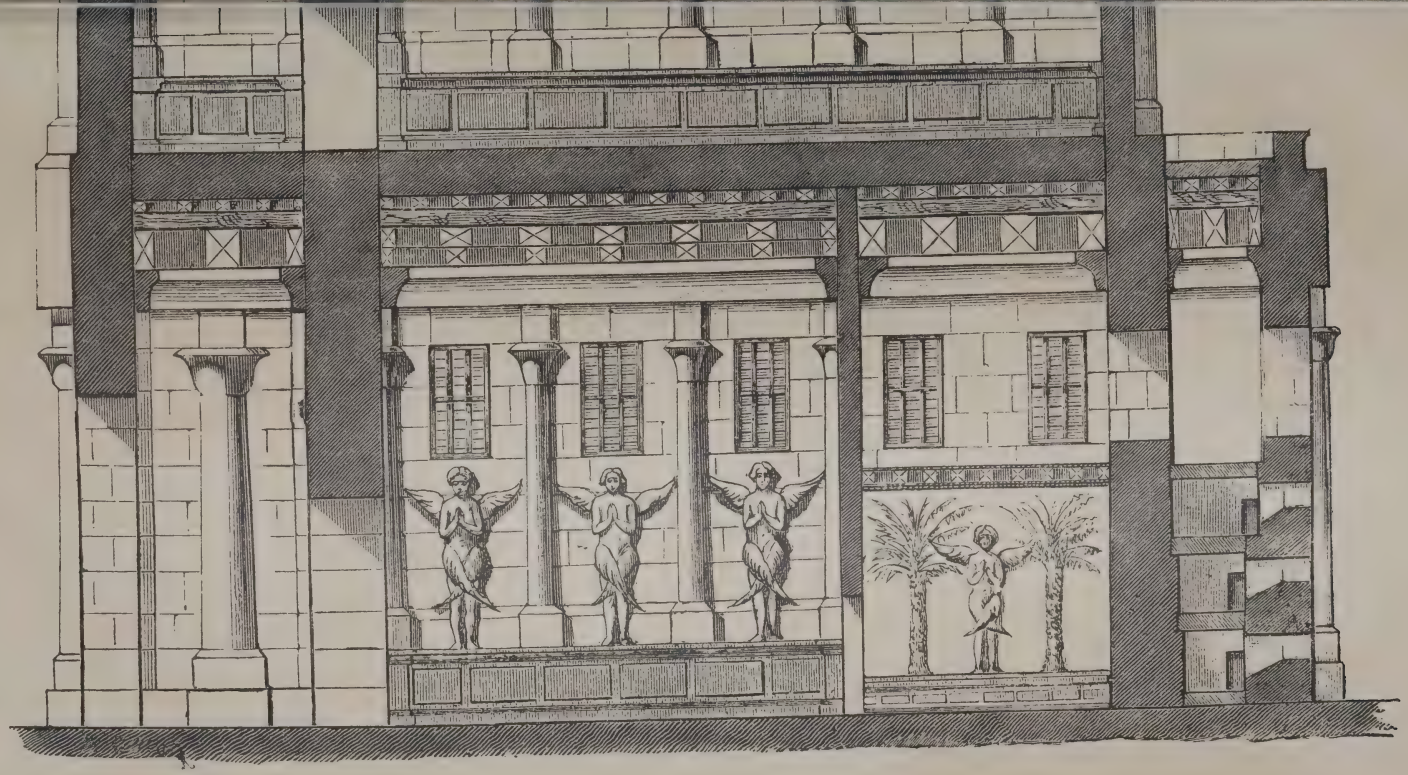
[1] Требуемая здѣсь длина балокъ 22—23 локтей не представляетъ ничего необыкновеннаго. И нынѣшніе ливанскіе кедры имѣютъ до 30 и даже до 40 метровъ высоты. Самый толстый нынѣшній кедръ, не вдалекѣ отъ маронитской капеллы, имѣетъ въ окружности 13 метровъ; другіе имѣютъ 10—12 метровъ.

двухъ локтей. Слѣдовательно, высота храма, съ его видимымъ основаніемъ и крышею, была 42 локтя.

Но дѣйствительно-ли это есть вся высота Соломонова храма? Въ книгѣ Цар. къ этой высотѣ ничего больше не прибавляется. Но въ кн. 2 Пар. 3, 4 дѣлается весьма значительная прибавка въ видѣ башни, возвышавшейся надъ притворомъ храма и имѣвшей высоты 120 локтей. Такая башня притвора должна была превосходить высоту храма въ 4 раза [1], такъ какъ стѣны храма въ собственномъ смыслѣ должны были равняться внутренней высотѣ храма, т. е. 30 локтямъ. Этимъ свидѣтельствомъ чрезвычайно затрудняется представленіе Соломонова храма. Почти всѣ новые изслѣдователи, опираясь на 30-локтевой высотѣ стѣнъ корпуса, считаютъ и экзегетически и архитектонически совершенно невозможною высоту притвора въ 120 локтей (см. Paine, 150 и дал.). Вся исторія архитектуры не знаетъ примѣра такого отношенія башни къ высотѣ остальной части зданія. „Правда, — говоритъ Кейль, — въ Страсбургскомъ аббатствѣ и въ Фрейбургскомъ соборѣ высота башни къ высотѣ церкви съ крышею относится какъ $3^1/_4$ къ 1, а въ Руанскомъ соборѣ высота башни и корпуса церкви стоятъ между собою въ отношеніи 4 къ 1; но не нужно забывать, что въ высотѣ этихъ башенъ считаются и вѣнчающіе ихъ очень высокіе шпицы и кресты, между тѣмъ какъ, при опредѣленіи высоты башни Соломонова храма, мы не имѣемъ права представлять ее шпицеобразною, но должны давать ей, какъ и храму, плоскую крышу“. Наиболѣе

[1] Хотя выше мы опредѣлили внѣшнюю высоту храма въ 42 локтя, но мы прибавляли сюда основаніе, которое, очевидно, не имѣется въ виду при опредѣленіи высоты притвора въ 120 локтей и перила на крышѣ, въ дѣйствительности ничего не прибавлявшія къ высотѣ корпуса.





Разрѣзъ храма Соломона по Виллальпанду-Пайлу.

простымъ разрѣшеніемъ указаннаго затрудненія было мнѣніе, раздѣляемое особенно археологами-спеціалистами по исторіи архитектуры (Штиглицъ, Вогюэ, Соси, Геренъ), что указанная въ кн. Пар. 120-локтевая высота есть сумма высоты двухъ башенъ притвора и что дѣйствительная высота притвора равнялась только половинѣ этой суммы, т. е. 60 локтямъ, что представляетъ удвоенную только высоту остальной части корпуса храма. Но, не говоря уже о томъ, что раздѣленіе высоты притвора на двѣ башни не имѣетъ никакого основанія въ библейскомъ текстѣ, который знаетъ только одинъ цѣльный притворъ, называть высотою притвора не дѣйствительную видимую его высоту, а высоту фиктивную, составленную изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ высотъ, значило бы намѣренно преувеличивать размѣры храма или же скрывать ихъ отъ читателей, чего ни въ какомъ случаѣ не могло быть въ намѣреніи автора кн. Парал. Другіе изслѣдователи, понимая въ буквальномъ смыслѣ 120 локтей высоты притвора, произвольно увеличивали для нея высоту всего корпуса храма, воздвигая на немъ верхніе этажи уже не 5 или 10 локтей, какъ Фридрихъ, Мейеръ и Курцъ, а 30, 40, 50 и 60 локтей. Такъ Вилляльпандъ-Пайллу, вмѣсто 30 локтей, указанныхъ въ текстѣ, даетъ корпусу храма 90 локтей высоты [1]. Къ этому нужно прибавить, что показаніе такой высоты башни надъ входомъ Соломонова храма давало

[1] Такъ какъ реставрація Вилляльпанда была господствующею долгое время послѣ своего появленія и нынѣ вновь рекомендуется Пайллу, какъ самая достовѣрная, то мы прилагаемъ при семъ ея видъ въ разрѣзѣ. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, ни башни, ни верхняго этажа въ дѣйствительности не было и храмъ состоялъ изъ одного нижняго этажа. Кромѣ того, то отдѣленіе, которое въ нижнемъ этажѣ показано здѣсь надъ святымъ святыхъ, съ двумя окнами, должно быть перенесено внизъ, подъ святое святыхъ, какъ его основаніе.

поводъ къ сопоставленію ея съ пилонами египетскихъ храмовъ и къ пониманію всего храма въ смыслѣ египетскаго стиля. Въ виду всего сказаннаго, мы считаемъ необходимымъ согласиться съ тѣмъ, что въ чтеніе 2 Пар. 3, 4 по нынѣшнему еврейскому тексту: *высота притвора сто и двадцать*... вкралась ошибка переписчика, впрочемъ, весьма древняя, такъ какъ ею вводится въ заблужденіе уже Іосифъ Флавій, самыми различными способами подгоняющій свои описанія храма подъ высоту 120 локтей. Что дѣйствительно въ данное чтеніе масоретскаго текста вкралась ошибка числа, видно изъ древнихъ переводовъ книгъ Парал., LXX толковниковъ (алекс. код.), сирскаго и арабскаго, по которымъ высота притвора была не 120 локтей, а только 20. По всему вѣроятію, это и есть дѣйствительная высота притвора храма Соломонова (Гиртъ, Мейеръ, Шнаазе, Бэръ, Шольцъ, Фридрихъ). Такимъ образомъ притворъ храма не только не возвышался надъ корпусомъ храма въ видѣ 120-локтевой башни, но на цѣлую треть былъ ниже храма и, какъ увидимъ дальше, равнялся высотѣ такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ вокругъ храма.—Что же касается чтенія даннаго мѣста кн. Пар. въ еврейской масоретской библіи, то вкравшаяся сюда описка переписчика ясно даетъ себя замѣтить при совокупномъ прочтеніи 3-го и 4-го стиховъ (3-й главы 2 Пар.): „длина дома Божія *локтей* шестьдесятъ и ширина *локтей* двадцать; притворъ же, который предъ домомъ, длина его *локтей* двадцать и высота *сто* двадцать“. Въ этомъ чтеніи обращаетъ на себя вниманіе то, что существительное *локтей*, стоящее предъ каждымъ числительнымъ, не стоитъ въ послѣднемъ случаѣ при опредѣленіи высоты притвора, и его мѣсто занято словомъ *сто*. Является вопросъ: не пред-

стояла ли возможность древнимъ переписчикамъ смѣшать слово *локоть* съ словомъ *сто* и по ошибкѣ написать послѣднее вмѣсто перваго? Въ области еврейскаго текста такая ошибка вполнѣ возможна и понятна, такъ какъ слова מאה *локоть* и אמה *сто* состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же согласныхъ буквъ, только поставленныхъ въ другой порядокъ. Подобнаго рода ошибки принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ въ древнееврейскихъ рукописяхъ. Контекстъ же приведеннаго мѣста и дѣйствительное существованіе такихъ древнихъ текстовъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ слова *сто*, но есть слово *локоть*, наглядно удостовѣряютъ, что предполагаемая здѣсь описка дѣйствительно имѣла мѣсто. Нельзя не припомнить здѣсь, что подобное ошибочное возвышеніе высоты святилища со стороны копіистовъ священныхъ книгъ встрѣчается еще въ книгѣ Исход. 27, 16–18 по тексту LXX, гдѣ входной завѣсѣ двора скиніи, намѣренно или ненамѣренно, дана высота, въ четыре раза превосходящая дѣйствительную высоту, *20 локтей* вмѣсто *5 локтей*. Ниже, въ разсужденіи о реставраціи храма Иродомъ, мы еще посмотримъ, не была ли ошибка еврейскаго чтенія 2 Пар. 3, 4 (*сто* вмѣсто *локоть*) намѣренною ошибкою или намѣреннымъ измѣненіемъ текста, и для кого она могла быть нужна?—Во всякомъ случаѣ для насъ несомнѣнно, что высота собственно стѣнъ храма нигдѣ не была выше 30 локтей, а вся высота его съ платформою, на которой онъ стоялъ, и съ крышею не превосходила 42 локтей.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ измѣреніямъ храма, его *длинѣ* и *ширинѣ*. Такъ какъ о внутренней длинѣ храма 60 локтей и ширинѣ 20 локтей не существуетъ никакихъ сомнѣній, то, для представленія внѣшней длины и ширины храма, мы должны прежде всего прибавить

къ этимъ измѣреніямъ толщину стѣнъ храма. Положительныхъ свидѣтельствъ въ библейскихъ историческихъ книгахъ нѣтъ объ этомъ вопросѣ, но онъ рѣшается довольно точно на основаніи свидѣтельствъ о матеріалѣ, изъ котораго были выведены стѣны, и нѣкоторыхъ особенностей ихъ кладки.

Въ нѣкоторыхъ исторіяхъ искусства (Штиглица, Шнаазе, Гринейзена) было высказано мнѣніе, что стѣны храма Соломонова были деревянныя, и только стѣны боковыхъ пристроекъ, окружавшихъ храмъ, были изъ камня. По крайней мѣрѣ, говоритъ Шнаазе, верхняя часть стѣнъ корпуса храма была деревянная. Основаніемъ такого мнѣнія послужило неправильное пониманіе библейскаго свидѣтельства (1 Цар. 6, 15), что внутренняя сторона стѣнъ храма была изъ кедровъ отъ пола до потолка и что камня внутри храма вовсе не было видно. Затѣмъ защитники деревяннаго іерусалимскаго храма указывали на то, что и скинія имѣла деревянныя стѣны, что, по библейскому описанію, косяки дверей святаго и святаго святыхъ были изъ дерева, между тѣмъ какъ въ каменномъ зданіи и косяки были бы каменные, и что къ построенію храма были призваны финикіяне, которые были извѣстны главнымъ образомъ своими деревянными работами и даже колонны во дворцѣ царя Соломона дѣлали изъ дерева (1 Цар. 7, 2) и которые, по Іосифу Флавію (Contr. Appion. 1, 18) и Плинію (Hist. XVI, 79), въ самой Финикіи строили храмы изъ ливанскаго дерева.—Всѣ эти аргументы въ данномъ случаѣ ни къ чему не приводятъ. Изъ упомянутыхъ сейчасъ свидѣтельствъ Іосифа Флавія (собственно Менандра) и Плинія видно совсѣмъ противоположное, что, и по обычаю финикійскихъ построекъ, храмы имѣли однѣ только крыши деревянныя, слѣдовательно стѣны

имѣли не изъ дерева, а изъ камня. Если въ описаніи дворца Соломонова говорится о деревянныхъ столбахъ, то здѣсь же прибавлено, что этотъ дворецъ отъ основанія и до своей плоской крыши былъ изъ камня (1 Цар. 7, 9–11). Но можно ли допустить, чтобы, воздвигая каменный дворецъ для себя, Соломонъ строилъ святилище изъ менѣе прочнаго матеріала? Напрасно здѣсь ссылаются на образецъ скиніи, стѣны которой были изъ дерева. Скинія имѣла деревянныя стѣны тогда еще, когда народъ не зналъ другого жилища, кромѣ шерстянаго покрова шатра. Соломонъ же строилъ не скинію, а היכל, чертогъ, храмъ. Но извѣстно, что храмы, особенно такіе монументальные храмы, какимъ долженъ былъ служить храмъ іерусалимскій, никогда не строились, какъ и нынѣ не строются, изъ дерева. Главная же ошибка названныхъ изслѣдователей состоитъ въ неправильномъ толкованіи 1 Цар. 6, 15, гдѣ говорится о кедровой внутренней стѣнѣ храма. Изъ кедра была только внутренняя обкладка стѣны. Но обкладка кедромъ не значитъ, что и вся стѣна была изъ кедра. Напротивъ, выраженіе: *обложилъ* (צפה) *деревомъ стѣну* показываетъ именно, что стѣна была не деревянною, а каменною, какъ объ этомъ и говорится ясно въ библейскомъ текстѣ нѣсколько выше (ст. 7): *и строился домъ* הבית *изъ камней цѣльныхъ, привозныхъ* (т. е. обдѣлывавшихся въ каменоломняхъ и доставлявшихся къ храму въ готовомъ видѣ), такъ что при построеніи дома не было слышно ни молота, ни другого желѣзнаго орудія“. Выраженіемъ *домъ,* ha-baith, въ описаніи храма всегда называется только корпусъ самаго святилища въ отличіе отъ окружавшихъ его второстепенныхъ пристроекъ. По смыслу библейскаго описанія онъ долженъ былъ имѣть и свою крѣпость, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ и опирался еще на окружавшія его боковыя постройки. А потому вовсе нельзя сказать, что такъ какъ къ стѣнѣ храма прислонялись другія постройки, то ей достаточно было быть и деревянною.—Иначе представляетъ составъ стѣнъ іерусалимскаго храма новое сочиненіе Пэна (стр. 7 и дал.). Основываясь на свидѣтельствѣ талмуда, что стѣны іерусалимскаго храма строились изъ дерева и камня вмѣстѣ, такимъ образомъ, что между каждыми двумя рядами камней лежалъ слой деревянныхъ брусьевъ, Пэнъ въ своей реставраціи старается перемѣшать дерево съкамнемъ, и, рядомъ съ массивными каменными колоннами, пилястры при стѣнахъ дѣлаетъ деревянныя. Храмъ Соломона, по его выраженію, представлялъ собою сложныя деревянныя рамы, наполненныя камнемъ. Другими основаніями для предположенія такой кладки стѣнъ, служили для Пэна: 1 Цар. 6, 10 по LXX, гдѣ говорится, что храмъ имѣлъ какія-то деревянныя связи, соединявшія составъ его стѣнъ; Ездр. 5, 8, гдѣ говорится, что, при постройкѣ храма Зоровавеля, въ каменныя стѣны его вкладывали дерево, и сказаніе о Каабѣ, построенной при Магометѣ изъ рядовъ досокъ между камнями (Encyclop. britannica, Vol. XV, 672, № 2). Едва ли нужно доказывать непрочность и даже невозможность такой постройки. Талмудисты доказывали, что такая кладка стѣнъ предохраняла храмъ отъ землетрясеній, которыя въ Іерусалимѣ бывали очень часто въ древнее время. Но не нужно быть архитекторомъ, чтобы понять легендарный характеръ этого сообщенія. Во всякомъ случаѣ въ библейскомъ описаніи ничего подобнаго нѣтъ. Приведенныя Пэномъ мѣста кн. Цар. и Ездр. говорятъ не о смѣси дерева и камня въ массивѣ стѣны, при ея кладкѣ, а только о томъ, что готовая каменная стѣна

была обложена деревомъ. „Куда же дѣвалась наконецъ масса дерева, доставленнаго въ Іерусалимъ Хирамомъ, если храмъ былъ весь изъ камня?“ спрашиваютъ вышеназванные изслѣдователи. „Вѣдь для деревянныхъ работъ въ храмѣ было назначено столько же рабочихъ, сколько и для каменныхъ“, прибавляетъ Пэнъ. „Да и какъ могли сжечь храмъ халдеи, если онъ былъ каменный?“ По плану храма строеваго дерева требовалось очень много уже на самыя тѣ стѣны, о которыхъ мы говоримъ, потому что, построенныя изъ камня, стѣны вездѣ внутри храма были обложены деревомъ, такъ что камня вовсе не было видно. Много дерева требовалось для крыши, пола, для боковыхъ пристроекъ храма и проч. Снаружи стѣны храма не были обложены деревомъ, и здѣсь, по словамъ Іосифа Флавія, можно было наблюдать ихъ удивительную кладку: камни были выглажены какъ стекло и такъ плотно сложены, что не сразу можно было замѣтить линію ихъ соединеній. Переплета изъ дерева и камня Іосифъ не знаетъ [1].

Такъ какъ, такимъ образомъ, стѣны Соломонова храма были построены не изъ дерева, какъ думали названные изслѣдователи, и не изъ кирпича, какъ это приходило на мысль нѣкоторымъ представителямъ іудейскаго преданія, а изъ камней, и притомъ весьма большихъ камней, имѣвшихъ 8 и 10 локтей длины (1 Цар. 5, 31, 7, 10), то этимъ самымъ уже опредѣляется весьма значительная толщина стѣнъ. Предполагая, что широта камней равнялась приблизительно только половинѣ ихъ

[1] Нельзя согласиться съ Маймонидомъ, что, кромѣ камней и дерева, матеріаломъ храма служилъ еще кирпичъ. Источники не упоминаютъ о немъ. И въ древнемъ Египтѣ кирпичъ употреблялся только для построекъ гражданскихъ и военныхъ, но не религіозныхъ.

длины, мы должны давать Соломоновымъ камнямъ, а слѣдовательно и стѣнѣ храма, 5 локтей широты или толщины. Но есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ въ своей нижней части, она была еще толще. Дѣло въ томъ, что, по описанію 1 Цар. 6, 6, наружная сторона стѣны храма не представляла одной отвѣсной линіи, но въ своемъ возвышеніи вдавалась внутрь на три локтя, образуя въ нижней своей части три уступа, каждый изъ которыхъ имѣлъ локоть широты или глубины. Но такъ какъ и верхняя сокращенная часть стѣнъ, при данномъ для стѣны матеріалѣ, должна была имѣть соотвѣтственно немалую толщину, то нижняя половина стѣнъ была еще толще на три локтя [1]. Такимъ образомъ мы приходимъ къ той мѣрѣ толщины стѣнъ, которую указываетъ пророкъ Іезекіиль (41, 5), именно къ 6 локтямъ.—Прибавивъ найденную толщину стѣнъ къ внутренней длинѣ и ширинѣ храма, 60 и 20 локтей, получимъ наружную длину храма 72 локтя, а наружную ширину 32 локтя въ нижней части стѣнъ и 66 локтей длины и 26 локтей ширины въ верхней части стѣнъ подъ крышею.

Но это еще не весь объемъ зданія храма. Къ нему примыкали непосредственно, со всѣхъ сторонъ, другія пристройки, на восточной фронтовой сторонѣ притворъ, а со всѣхъ другихъ сторонъ особенныя постройки, названныя въ библейскомъ текстѣ צלע, *бока* храма или боковыя постройки, LXX: μέλαθρα, Іосифъ Флавій: οἶκοι.

Боковыя постройки вокругъ храма обращаютъ на

[1] Въ архитектурѣ древняго Египта стѣны также сокращали свою толщину, но въ другой пропорціи: если въ основаніи египетская стѣна имѣетъ 6 метровъ, то на вершинѣ она будетъ имѣть 5 метровъ, при высотѣ стѣны въ 12 метровъ.

себя, прежде всего, вниманіе тѣмъ, что онѣ состояли изъ трехъ этажей, весьма опредѣленно различаемыхъ въ текстѣ: нижняго, средняго и третьяго (1 Цар. 6, 5—7). Это различіе отдѣльныхъ ярусовъ, кромѣ того что оно выясняетъ для насъ видъ самыхъ боковыхъ построекъ, важно еще въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно показываетъ, что на самомъ корпусѣ храма верхнихъ ярусовъ не было, потому что, въ противномъ случаѣ, они были бы также опредѣленно указаны; во-вторыхъ, оно свидѣтельствуетъ о независимости архитектуры Соломонова храма отъ египетскихъ храмовъ, хотя имѣвшихъ боковыя пристройки къ корпусу храма, но всегда только одноэтажныя. Такъ какъ трехъ-ярусныя боковыя пристройки Соломона непосредственно примыкали къ храму, то онѣ состояли только изъ одной наружной стѣны, проведенной параллельно стѣнѣ храма въ разстояніи 5 локтей отъ нея и имѣвшей, по изображенію прор. Іезекіиля (41, 9), собственной толщины 5 локтей. Другою же внутреннею стѣною построекъ служила готовая уже стѣна самаго храма. Весьма замѣчательно въ этомъ случаѣ то уважительное отношеніе къ храму, какое, по описанію библейскаго текста, соблюдалось при возведеніи боковыхъ зданій. Запрещалось нарушать чѣмъ либо цѣльность стѣны храма, даже въ той части ея, которая не была на виду, особенно же вгонять въ стѣну перекладины и балки для утвержденія потолковъ въ отдѣльныхъ этажахъ пристроекъ. Для этой послѣдней цѣли предписывалось воспользоваться уступами, бывшими въ стѣнѣ храма, такъ какъ мы уже знаемъ, что наружная сторона корпуса храма возвышалась не отвѣсно, но съ сокращеніями своей толщины въ видѣ трехъ уступовъ. Такъ какъ такіе уступы были очень значительны, цѣлаго локтя ширины, то на нихъ удобно

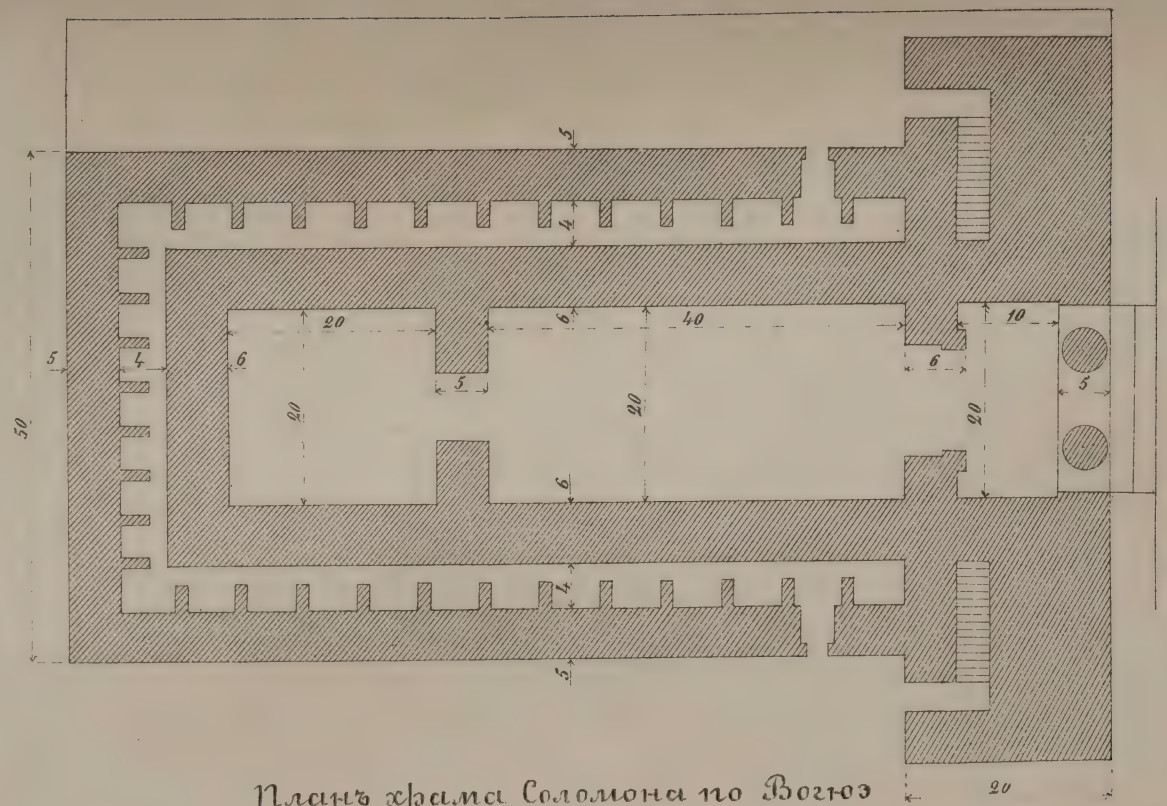
было расположить кедровые потолки отдѣльныхъ этажей и крышу всего боковаго зданія. Вслѣдствіе того, что разстояніе между уступами было 5 локтей, всѣ три этажа имѣли такую именно высоту. Такую же норму 5 локтей должна была имѣть и широта этажей; но она была удержана только въ нижнемъ этажѣ. Средній этажъ, вслѣдствіе локтеваго уступа въ стѣнѣ храма, имѣлъ 6 локтей ширины. Точно также верхній этажъ, вслѣдствіе новаго уступа стѣны храма, расширялся еще болѣе на одинъ локоть. Общую высоту всѣхъ трехъ этажей, включая сюда и ихъ крышу съ перилами, нужно полагать въ 20 локтей. Во всякомъ случаѣ корпусъ самаго храма, среди опоясывавшихъ его построекъ, возвышался цѣлою третью своей высоты, и въ этой части его стѣны уже не было уступовъ. Совершенно вопреки библейскому описанію Іосифъ Флавій (Antiqu, VIII, 3, 2) совсѣмъ отдѣляетъ боковыя пристройки отъ корпуса храма, и помѣщаетъ ихъ вокругъ того нижняго основанія или платформы, на которой храмъ стоялъ, по его мнѣнію, открыто, ничѣмъ не заслоняемый. Такъ какъ платформа подъ храмомъ сама по себѣ имѣла по Іосифу 60 локтей высоты, то такую же высоту имѣли и окружавшія ее трехъ-ярусныя пристройки. Такимъ образомъ каждый ярусъ имѣлъ самъ по себѣ высоты 20 локтей. Возможна-ли такая высота при 5 локтяхъ ширины ярусовъ?.. Напротивъ того, на планѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей (Гиртъ, Der Tempel Salomo's, Эберсъ и Гуте, Palestina in Bild und Wort) высота боковыхъ пристроекъ доводится до общей высоты всего корпуса храма, такъ что этотъ послѣдній вовсе не виденъ снаружи. Не говоря уже о томъ, что такое представленіе противно библейскому тексту, изъ него возникаетъ много практическихъ неудобствъ при

составленіи плана храма. Напримѣръ, гдѣ въ такомъ случаѣ будутъ окна храма? Напрасно Гиртъ думаетъ, что въ такомъ видѣ, охватывая храмъ во всю его высоту, боковыя пристройки лучше всего могли способствовать къ утвержденію стѣнъ храма. Сейчасъ мы увидимъ, что боковыя пристройки имѣли укрѣпляющее значеніе для стѣнъ храма вовсе не своею высотою.

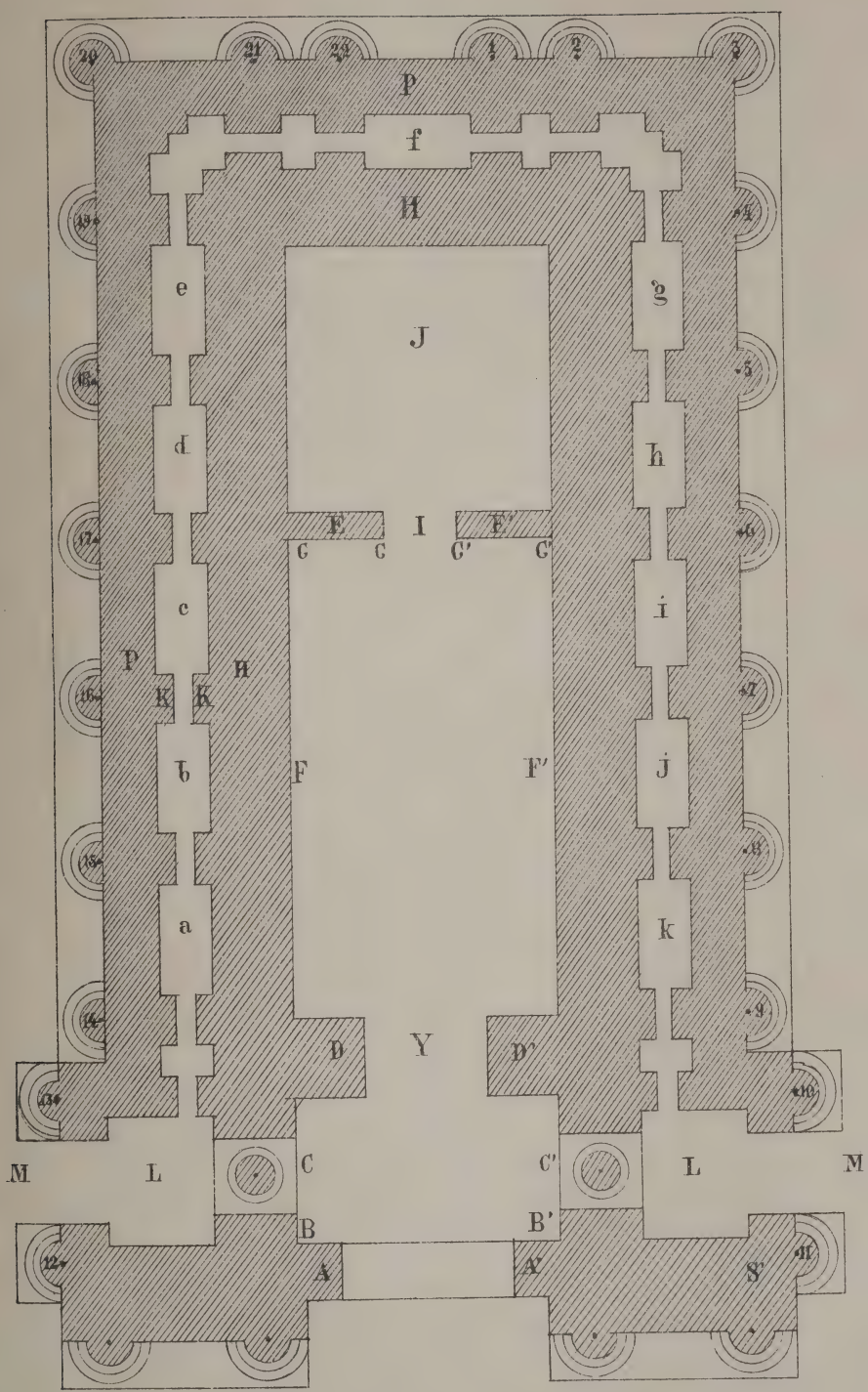
Что представляли собою въ частности трехъэтажныя пристройки вокругъ храма? Неосновательно нѣкоторые изслѣдователи (Михаэлисъ, Дерезеръ) считали ихъ открытыми галлереями, возвышавшимися, однѣ на другихъ, тремя ярусами. Библейскій текстъ ясно говоритъ, что этажи дѣлились на отдѣльныя камеры, что этажи имѣли особыя двери, чего нельзя сказать объ открытой галлереѣ. Здѣсь, вѣроятно, хранились сокровища дома Божія (1 Цар. 7, 51, 15, 15; 2 Цар. 11, 10; 2 Пар. 5, 1); по Іезекіилю здѣсь были кельи для отдохновенія священниковъ (41, 11). Здѣсь могли храниться и тѣ принадлежности древней скиніи, для которыхъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые воздвигали верхній этажъ на самомъ храмѣ (1 Цар. 8, 4; 2 Пар. 5, 5). Мало того, въ древнихъ свидѣтельствахъ указывается даже количество келій или закрытыхъ камеръ всѣхъ трехъ этажей. Впрочемъ по этому вопросу находимъ у изслѣдователей нѣкоторое недоразумѣніе. Свидѣтельство прор. Іезекіиля (41, 6), что келій было 33 и Іосифа (Ant. VIII, 3, 2), что ихъ было 30, обыкновенно понимаютъ о каждомъ отдѣльномъ этажѣ; всѣхъ же келій всѣхъ этажей считаютъ 90 и даже 100. Для того, чтобы дать мѣсто такому большому числу келій, необходимо сократить до minimum'а ихъ длину (обыкновенно полагаютъ ихъ длину равною ширинѣ и высотѣ, 5 локтей) и до послѣдней возможности утончить промежуточныя стѣны

раздѣлявшія между собою кельи (обыкновенно полагаютъ, что это были легкія деревянныя перегородки) [1]. Но это едвали согласно съ тѣмъ значеніемъ, какое могли имѣть при храмѣ боковыя пристройки. Въ такомъ случаѣ между фундаментальною стѣною боковыхъ построекъ и стѣною храма небудетъ никакого соприкосновенія и боковыя пристройки потеряютъ свое главное назначеніе — служить опорою стѣнамъ храма, потому что какъ только сокровищницы, онѣ удобнѣе могли быть построены въ другомъ мѣстѣ, не заслоняя собою стѣнъ храма. И вообще въ древней архитектурѣ не употреблялись деревянныя перегородки въ такихъ массивныхъ постройкахъ. Да и трудно было бы подыскать назначеніе для образуемаго съ такимъ произволомъ лабиринта 100 келій. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что указываемое у пророка Іезекіиля и Іосифа количество келій 30 и 33 есть общее количество всѣхъ келій всѣхъ трехъ ярусовъ вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, въ каждомъ ярусѣ было только 10 или 11 келій (См. Халд. перифр. Іезек. 41, 6) [2]. Въ такомъ случаѣ каждой кельѣ, при 5 локтяхъ высоты, можно дать длину вдвое большую, 10 локтей, и все еще между кельями будутъ оставаться такіе промежутки, что въ нихъ можно будетъ помѣстить каменныя стѣны по толщинѣ равныя стѣнамъ храма. Но есть еще другое свидѣтельство: въ переводѣ LXX Іезек. 41, 6 количество всѣхъ келій указано не 33, но 33 умноженное на 2 (въ слав.: *тридесять и три дващи),* т. е. 66. Принимая это свидѣтельство при распредѣленіи келій на планѣ храма, мы должны будемъ сократить ихъ длину до 5 локтей, оставляя

[1] Вотъ составленный въ этомъ смыслѣ планъ Соломонова храма по Вогюэ.—[2] Barclay (The Talmud with plan of the Temple 371, 372 и планъ) полагаетъ всѣхъ келій 38 на основаніи мишны (Midd. IV, 3).



Планъ храма Соломона по Вогюэ



Планъ храма Соломонова

и его боковыхъ пристроекъ.

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 18.

промежуточныя между келіями пространства всетаки равными толщинѣ стѣны храма и занятыми не деревянными, а каменными стѣнами. Только въ такомъ случаѣ будетъ понятно, какимъ образомъ боковыя пристройки могли служить для храма опорою особенно на случай землетрясенія. Въ переводѣ Вульгаты Іезек. 41, 6 предполагается, что поперечныя стѣны, въ видѣ контрфорсовъ выходившія отъ стѣны храма и служившія раздѣленіемъ между келіями, не только доходили до наружной стѣны боковыхъ пристроекъ, но и выступали нѣкоторою частію изъ линіи этой стѣны, erant eminentia. Для большей ясности прилагаемъ здѣсь планъ стѣнъ храма и его боковыхъ построекъ, сдѣланный въ указанномъ смыслѣ, изъ сочиненія Пайллу: Monographie du Temple de Salomon, pl. IX. Показанныя на планѣ числа 1, 2, 3 и т. д. до 22 суть то, что Вульгата называетъ erant eminentia, т. е. выдающіяся наружу поперечныя стѣны, служившія раздѣленіемъ между келіями. Буквы *a, b, c, d, e, f, g, h, i, k* суть 11 большихъ келій каждаго этажа, указываемыхъ прор. Іезекіилемъ. Остальныя камеры, неотмѣченныя буквами, не идутъ въ счетъ, по своей незначительности. Буквы *PPP* указываютъ наружныя стѣны боковыхъ пристроекъ. Буквы *HHH* суть стѣны самаго храма. — О внутреннемъ устройствѣ амфилады комнатъ кругомъ храма ничего не говорятъ древніе источники. Только по недоразумѣнію къ описанію этихъ комнатъ относили свидѣтельство 2 Пар. 3, 9 объ alijoth, горницѣ обложенной золотомъ (Гринейзенъ). Изъ дальнѣйшаго описанія храма будетъ ясно, что такое богатство могло быть только внутри самаго храма. По описанію Іосифа Флавія, между камерами было сообщеніе, вѣроятно въ видѣ узкихъ проходовъ, въ массивѣ поперечныхъ каменныхъ стѣнъ. Несомнѣнно, что въ

камерахъ были и окна. Что же касается общаго главнаго входа въ боковыя камеры, то кн. 1 Цар. 6, 8, по LXX и таргуму, полагаетъ его съ правой южной стороны дома въ средней камерѣ нижняго этажа (См. планъ Пайллу КК); отсюда витая лѣстница изъ краснаго сандальнаго дерева (2 Пар. 9, 11) вела въ средній этажъ [1], а изъ средняго въ верхній. Напротивъ нынѣшній еврейскій текстъ 1 Цар. 6, 8 говоритъ о главномъ входѣ, непосредственно приводившемъ во второй этажъ, минуя первый: „входъ велъ въ средній ярусъ и витая лѣстница вела въ средній ярусъ, а изъ средняго въ третій“. Это масоретское чтеніе одни объясняли въ томъ смыслѣ, что нижній этажъ дѣйствительно не имѣлъ прямаго входа со двора, подобно нынѣшнимъ подвальнымъ этажамъ, а только спускъ съ средняго этажа (Гринейзенъ); другіе указывали на то, что входъ въ нижній этажъ могъ самъ собою подразумѣваться и потому только не указанъ въ текстѣ (Мейеръ); третьи полагали, что нижній этажъ былъ изолированъ отъ остальныхъ и имѣлъ не внѣшній ходъ, а внутренній изъ самаго храма (Гиртъ, Теній). Но всѣ эти объясненія нужно считать лишними послѣ указаннаго нами исправленія даннаго мѣста въ переводѣ LXX. Къ этому нужно прибавить, что входъ въ боковыя кельи могъ быть только со двора, а не изъ храма, потому что стѣны храма не могли терять своей цѣльности для боковыхъ ходовъ. Можетъ быть, кромѣ южнаго хода, былъ еще другой, параллельный ему, сѣверный, но также наружный, а не внутренній (Іезек. 41, 11).

[1] Штаде возражалъ, что такихъ лѣстницъ на древнемъ востокѣ не знали. (Zeitschrift für alttest. Wiss. 1883, 129 и дал.) Но Оппертъ находилъ слѣды витыхъ лѣстницъ въ Месопотаміи (Expedition en Mesopotamie t. I. 1863. p. 17, tome 11, p. 347). Такія лѣстницы есть въ Баальбекѣ. Въ Финикіи и Ассиріи витыя лѣстницы назывались hil или hul, множ. hilani. Можетъ быть вмѣсто евр. balulim (1 Цар. 6, 8) нужно читать bahulim,

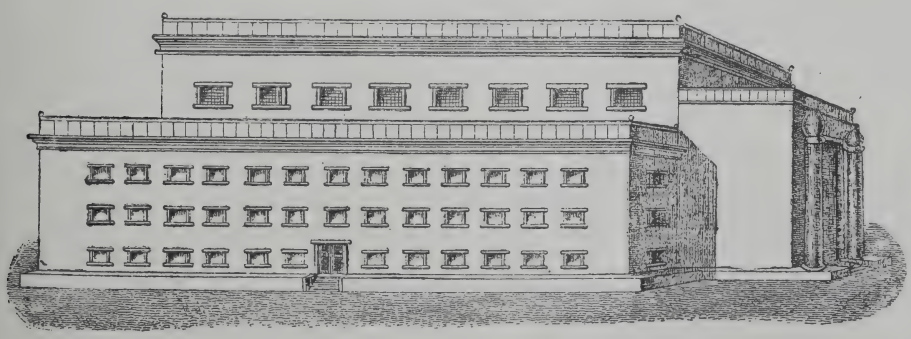
Мы сказали, что во всѣхъ камерахъ всѣхъ этажей были окна. Окна были и въ стѣнахъ храма, въ верхней ихъ части, возвышавшейся надъ боковыми пристройками, между крышею храма и крышею боковыхъ пристроекъ, впрочемъ только въ первомъ отдѣленіи храма, а не во святомъ святыхъ, куда не было доступа вещественному свѣту, такъ какъ Іегова благоволилъ окружить себя мракомъ для ветхозавѣтнаго общества (1 Цар. 8, 12). По преданію, передаваемому бл. Іеронимомъ (на Іезек. 41), и въ первомъ отдѣленіи храма не было оконъ на восточной фронтовой сторонѣ. По свидѣтельству талмудическаго преданія (Baba bathra 58, 2), у древнихъ евреевъ было два вида оконъ: окна такъ называемыя египетскія малаго размѣра и окна тирскія большія. Какія окна предполагать въ храмѣ и его боковыхъ пристройкахъ? Что касается послѣднихъ, то, если онѣ, какъ свидѣтельствуетъ Іезекіиль, были, между прочимъ, мѣстомъ приготовленія священниковъ къ богослуженію, онѣ могли имѣть болѣе значительныя окна, хотя и не настолько значительныя, какими они представляются въ реставраціяхъ Пайллу. Самый же храмъ долженъ былъ имѣть менѣе значительныя или по крайней мѣрѣ менѣе свѣтлыя окна. Если во святомъ святыхъ былъ полный таинственный мракъ, то во святомъ былъ полумракъ [1]. Уже постоянное горѣніе здѣсь свѣтильника не только ночью, но и днемъ показываетъ, что солнечнаго освѣщенія здѣсь было недостаточно. Въ противоположность болѣе обыкновеннымъ окнамъ, рѣшетки которыхъ поднимались или отворялись (2 Цар. 13, 17; Дан. 6, 11), библейскій текстъ называетъ окна храма глухо-рѣшетчатыми, закрытыми

[1] Фридрихъ даетъ окнамъ только декоративное значеніе не только во святомъ святыхъ, но и во святомъ (Tempel Salomo's, 1887, 22, 45).

глухими рѣшетками, שקופים אטומים (1 Цар. 6, 4). По объясненію халдейскаго парафраста, амбразуры оконъ храма были шире съ внутренней стороны и уже съ наружной [1]. Но само собою понятно, что сравнительно небольшія отверстія, закрытыя густою рѣшеткою, и притомъ сдѣланныя на высотѣ 25 локтей отъ пола, не могли давать большого свѣта. Это были скорѣе отдушины, имѣвшія назначеніемъ выводить случайный угаръ отъ зажженія лампъ или излишекъ кадильнаго дыма, чѣмъ вводить дневной свѣтъ. Поэтому пророкъ Іезекіиль (41, 16) и LXX толк. (3 Цар. 6, 4) называютъ окна храма κρυπτάς, т. е. сокровенными, незамѣтными [2]. Утверждать, что окна были застекленныя (Lundius, 262, 302), нѣтъ никакого основанія; не только стекло, но и слюда вошла въ употребленіе гораздо позже. И въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ большею частію окна незастеклены. Не менѣе произвольно доказывать, что окна храма снаружи защищались еще особеннымъ навѣсомъ, образовавшимъ открытую галлерею на крышѣ боковыхъ пристроекъ, какъ это дѣлаетъ Пайллу. Конечно, для реставраціи принятой Пайллу такой навѣсъ безусловно необходимъ, потому что иначе зимніе дожди залили бы храмъ водою при тѣхъ огромныхъ окнахъ, которыя придумалъ Пайллу, съ широкими трубообразно склоняющимися сверху внизъ амбразурами. Точно также мы не считаемъ правильнымъ расположеніе оконъ въ прилагаемомъ видѣ храма Ширера (Riehm, Bibl. Alterth.

[1] Правильнѣе будетъ сказать наоборотъ, что окна были шире снаружи и уже съ внутренней стороны стѣнъ, потому что иначе, не будучи застекленными, они проводили бы въ храмъ дождевую воду. — Въ переводѣ Симмаха окна храма называются τοξικάς, стрѣльчатыя, потому, какъ объясняетъ Іеронимъ, что они впускали внутрь узкую какъ стрѣла полосу свѣта (Іер. на Іезекіиля гл. 40).—[2] „И въ древнеегипетскихъ храмахъ, говоритъ Масперо, окна очень рѣдки и по размѣрамъ весьма незначительны“ (L'archéologie égyptienne, 1887, стр. 6, 12, 49).

1,630), часто встрѣчающемся въ руководствахъ [1]. Три окна верхняго ряда съ лѣвой стороны, соотвѣтствующія отдѣленію святаго святыхъ, должны считаться развѣ мнимыми окнами. Въ дѣйствительности ихъ не должно быть при томъ представленіи о положеніи святаго святыхъ, какое мы составили. Окна боковыхъ пристроекъ расположены Ширеромъ на основаніи гипотезы 90 келій при храмѣ. Но уже эта, совершенно необычная у древнихъ и даже невозможная при огромной величинѣ строевыхъ камней и толщинѣ стѣны, густота оконъ рѣшительно говоритъ противъ этой теоріи. Примѣнительно къ указанному нами выше плану расположенія камеръ Пайллу, правильнѣе будетъ полагать по 6 оконъ въ каждомъ ярусѣ продольныхъ стѣнъ и по 3 окна въ каждомъ ярусѣ задней стороны, полагая окно между каждыми двумя выступами, которые обозначены цифрами. Тѣмъ не менѣе приводимый нами здѣсь видъ храма Ширера, Кейля, Тенія и др. обращаетъ на себя вниманіе правильно понятымъ отношеніемъ высоты боковыхъ пристроекъ къ корпусу храму и устройствомъ крыши. Можно сказать, что это—лучшій изъ существующихъ видовъ Соломонова храма.



[1] Почти въ такомъ же видѣ еще прежде Ширера изображали храмъ Теній (Taf. II Fig. 4). Кейль (Bibl. Archeol. 1873) и другіе.

На передней восточной сторонѣ храма, вмѣсто трехъ-ярусныхъ боковыхъ пристроекъ, окружавшихъ храмъ съ другихъ сторонъ, была особенная фронтовая пристройка, названная въ еврейскомъ текстѣ אולם, LXX Еламъ, притворъ или предхраміе. Какъ фронтовая и наиболѣе замѣтная для входящихъ во дворы храма, эта часть святилища была предметомъ особенной заботливости строителей храма. Впрочемъ сохранившіяся ея описанія всетаки не совсѣмъ ясны и вызываютъ много спорныхъ пунктовъ, не говоря уже о томъ спорномъ пунктѣ, который разсмотрѣнъ нами выше, въ вопросѣ о высотѣ храма.

Предполагая вполнѣ рѣшеннымъ вопросъ объ измѣреніяхъ притвора (20 локтей высоты, 20 локтей широты въ направленіи съ сѣвера на югъ и 10 локтей глубины въ направленіи съ востока на западъ), посмотримъ теперь, какой видъ могъ имѣть притворъ при такихъ размѣрахъ. Большею частію видъ притвора изслѣдователи опредѣляютъ на основаніи 1 Цар. 7, 12, гдѣ показано, что „большой дворъ, внутренній дворъ и *притворъ* храма имѣли стѣну изъ *трехъ рядовъ* тесаныхъ камней и *одного ряда* кедровыхъ брусьевъ“. Эти три ряда камней нѣкоторые понимали о рядахъ лежащихъ одинъ на другомъ, слѣдовательно о высотѣ стѣны, которой потому давали около 4 локтей (Мерцъ). На этой невысокой каменной части стѣны притвора одни предполагали деревянныя перила или рѣшетку изъ отвѣсно стоявшихъ кедровыхъ брусьевъ (Мерцъ); другіе не предполагали никакой стѣны, и притвору, какъ и боковымъ трехъ-яруснымъ пристройкамъ, давали видъ открытой галлереи (Мейеръ). Но сличая многія другія библейскія указанія на притворъ храма, мы приходимъ къ противоположному заключенію, что притворъ былъ

закрытою частію храма (см. притворъ на рис. стр. 251): *а*) Именемъ Уламъ или притворъ въ описаніи дворца Соломона (1 Цар. 7, 1–10) называются такія отдѣленія или залы, которыя и по своимъ размѣрамъ (50 локтей длины на 30 ширины) и по своему назначенію (зала тронная, судилище) не могли быть открытыми галлереями. *б*) Въ описаніи 1 Цар. 6, 29–30; 2 Пар. 3, 4 притворъ храма представляется украшеннымъ стѣнными изображеніями херувимовъ и пальмъ, а въ 2 Пар. 29, 7 даже съ заключенными дверьми (при Ахазѣ); но того и другого не могло бы быть при отсутствіи полныхъ стѣнъ въ притворѣ. Пророкъ Іезекіиль (40, 48, по LXX) полагаетъ широту двери притвора въ 14 локтей и даетъ притвору окна (41, 26). *в*) Наконецъ закрытый видъ притвора встрѣчаемъ во второмъ іерусалимскомъ храмѣ [1]. Въ описаніи пророка Іезекіиля (40, 49) съ притворомъ соединяется лѣстница, приводившая къ нему со двора и имѣвшая 10 ступеней, во второмъ храмѣ 12 (Jos. Fl. Bell. V, 5, 4). Новѣйшіе изслѣдователи выводятъ разныя заключенія изъ самаго существованія этой лѣстницы. Особенно же присутствіе этой лѣстницы подавало поводъ къ сближенію храма Соломонова съ памятниками мидоперсидской архитектуры, отличавшимися высокими основаніями и цоколями (Гринейзенъ). Мы думаемъ однакожъ, что такія второстепенныя части зданія, какъ платформы, цоколи съ лѣстницами, не могутъ характеризовать собою все зданіе и устанавливать сходство или несходство даннаго памятника съ про-

[1] Соображеніе Мейера, что первоначально при Соломонѣ притворъ храма дѣйствительно имѣлъ видъ открытой галлереи, но что при послѣдующихъ царяхъ эта галлерея была закрыта стѣною, не имѣетъ за собою никакого историческаго основанія.

изведеніями архитектуръ другихъ народовъ [1]. Ниже мы озаботимся показать дѣйствительное отношеніе архитектуры Соломонова храма къ другимъ древнеязыческимъ храмамъ. Здѣсь же намъ достаточно замѣтить, что возвышенная платформа для храма, какъ мѣста Богоявленія среди народа, могла имѣть для себя достаточное основаніе въ воспоминаніи Синая, съ вершины котораго Богъ говорилъ Мойсею.

На входной широкой лѣстницѣ, ведущей къ притвору, на нѣсколько ступеней ниже грунта притвора, по ту и другую сторону лѣстницы, стояли одна противъ другой, на особыхъ основаніяхъ, двѣ монументальныхъ колонны, какъ видно изъ ихъ довольно подробнаго описанія въ разныхъ книгахъ (1 Цар. 7, 15–22; 2 Пар. 3, 15–17, 4, 12–13; Іерем. 52, 20–23; Іезек. 40, 48–49), обращавшія на себя большое вниманіе по своимъ формамъ и своему значенію. Такъ какъ по поводу этихъ колоннъ существуетъ нынѣ много споровъ и такъ какъ колонны въ архитектурныхъ памятникахъ считаются главными показателями вкуса и характера строителей, то и намъ необходимо разсмотрѣть ихъ подробнѣе.

Колонны эти, носившія особенныя имена, были отлиты изъ мѣди [2] не въ Іерусалимѣ, а въ Іорданской долинѣ, въ временной мастерской художника Хирама, въ *нѣдрѣ земли* (1 Цар. 7, 46), т. е. въ устроенной въ землѣ литейной формѣ. Каждый стволъ колонны имѣлъ

[1] Не лишено значенія однакожъ то, что количество ступеней лѣстницы храма указывается четное. Напротивъ, въ греческихъ храмахъ количество ступеней всегда нечетное, чтобы можно было начать восхожденіе на нее и окончить правою ногою.—[2] По мнѣнію Пэна (23), колонны были сдѣланы не изъ чистой мѣди, а изъ металла нынѣшнихъ колоколовъ, потому что безъ олова сама по себѣ мѣдь не имѣетъ надлежащей твердости. LXX толковниковъ называютъ бронзовыми бывшія на колоннахъ гранатовыя яблоки; но матеріалъ яблокъ не отличался отъ матеріала колоннъ.

14 локтей высоты и 12 локтей въ окружности, слѣдовательно нѣсколько менѣе 4 локтей въ діаметрѣ (чтобы діаметръ имѣлъ полныхъ 4 локтя, нужно, чтобы окружность была 12, 5664 локтя, почти $12^1/_2$) [1]. На колоннахъ были капители 5 локтей. Такимъ образомъ вся высота той и другой колонны была 23 локтя. Такая мѣра колоннъ указана въ кн. Цар. Напротивъ въ кн. Пар. толщина или окружность колоннъ вовсе не указаны, но длина или высота колоннъ увеличена до 35 локтей. Были разныя попытки объясненія этого несогласія. По одному объясненію, 35 локтей кн. Пар. показаны какъ общая сумма всѣхъ тѣхъ частныхъ измѣреній, которыя даются въ кн. Цар., потому что 18 локтей высоты + 12 локтей окружности + 5 локтей капители = 35. По другому объясненію, число 35 въ кн. Пар. есть общая сумма высоты обѣихъ колоннъ, взятыхъ вмѣстѣ, потому что 18 + 18 = 36 (вмѣсто 36 показано 35 какъ болѣе круглое число). Или наоборотъ: 35 есть точная цифра, а 18 круглая, вмѣсто $17^1/_2$, такъ какъ дроби у библейскихъ писателей не обозначаются, а $17^1/_2 + 17^1/_2 = 35$ (Пайллу). По третьему объясненію, въ текстѣ кн. Пар. нужно видѣть цифровую ошибку переписчика, поставившаго, вмѣсто יח (18), לה (35) [2]. Мы, съ своей стороны, приходимъ къ предположенію, что разность въ опредѣленіи высоты колоннъ по книгамъ Цар. и Пар. могла быть слѣдствіемъ ихъ положенія не на ровной площади, а на самой лѣстницѣ

[1] Знаменитый Вилляльпандъ (l. 1, 487), подъ вліяніемъ предубѣжденій, навѣянныхъ на него Витрувіемъ, желаетъ во что бы то ни стало, дать мѣднымъ колоннамъ Соломона пропорціи греческой колонны и для этого сокращаетъ ихъ окружность на 6 локтей, а ихъ діаметръ на 2 локтя. Указываемое имъ для этого основаніе въ Іезек. 41, 1 не твердо.—

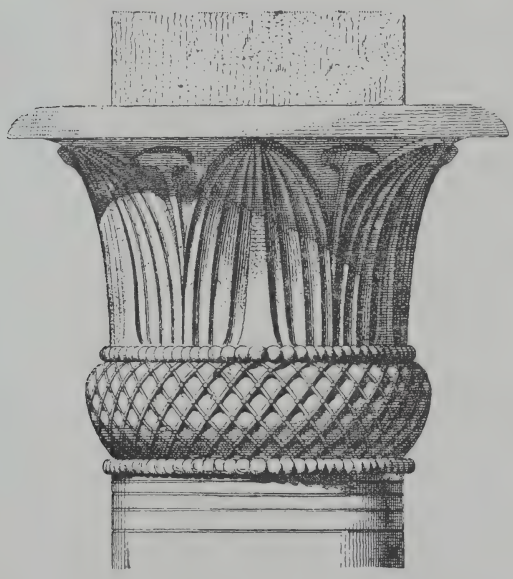
[2] Послѣднія два объясненія указываются въ библейской исторіи митрополита Филарета.

притвора. Писатель кн. Пар. къ высотѣ колонны прибавляетъ высоту самой лѣстницы отъ уровня окружавшаго двора, а также особенные еще базы колоннъ, упоминаемыя пророкомъ Іезекіилемъ (41, 49), а писатель кн. Цар. указываетъ независимую и точную высоту однѣхъ только колоннъ.—Обѣ колонны были внутри полыя, и въ своихъ стѣнкахъ имѣли толщину четырехъ пальцевъ (Іерем. 52, 21). LXX толковниковъ представляютъ колонны, по ихъ внѣшнему виду, не гладкими, но съ углубленіями величины четырехъ пальцевъ, τεσσάρων δακτύλων τὰ κοιλώματα, въ славянскомъ *четырехъ перстовъ вглубленія* (3 Цар. 7, 15) [1], т. е. съ углубленными линіями четырехъ пальцевъ ширины, въ видѣ прямыхъ линій сходившими отъ вершинъ до основанія колоннъ, что могло сообщать колоннамъ живой и какъ бы подвижной видъ. Въ такомъ видѣ изображены мѣдныя колонны Соломона у Гирта (Der Tempel Salomo's. Taf. III). Не думаемъ, чтобы такого вида колонна могла отзываться спеціально египетскимъ искусствомъ, какъ нѣкоторые думаютъ, потому что въ Египтѣ такія колонны являются какъ крайняя рѣдкость. Любопытно, что среди сохранившихся донынѣ памятниковъ на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма, въ такъ называемыхъ золотыхъ воротахъ, есть пилястры съ такими же углубленными линіями четырехъ пальцевъ ширины, сходящими внизъ начиная отъ ихъ коринѳскихъ капителей. Если согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые относятъ эту отдѣлку золотыхъ воротъ къ ветхозавѣтному храму, то ихъ желобчатые пилястры можно считать нѣкоторымъ

[1] Нельзя думать, что углубленія или впадины 4 локтей у LXX явились какъ разночтеніе вмѣсто показанія толщины стѣнокъ колоннъ въ 4 пальца. Толщина колоннъ въ стѣнкахъ ясно указана въ текстѣ LXX Іерем. 52, 21. Очевидно въ томъ и другомъ случаѣ переводчикъ видѣлъ разныя вещи.

отраженіемъ того вида, какой имѣли центральныя колонны храма. Въ позднѣйшемъ преданіи (Евполемъ у Евсевія, Praepar. evang. IX, 34) разсматриваемыя колонны Соломона являются даже золотыми или обложенными золотомъ въ палецъ толщины, что, при данной величинѣ колоннъ, какъ вычислилъ Вилляльпандъ, потребовало бы 5,758 талантовъ золота.

Но главную часть колоннъ представляли вѣнчавшія ихъ капители. Изъ прямого библейскаго свидѣтельства: „онъ сдѣлалъ двѣ капители, чтобы возложить ихъ на головы колоннъ“ (1 Цар. 7, 16), видно, что капители были отлиты самостоятельно, а не совмѣстно съ колоннами. Обыкновенно въ самыхъ капителяхъ различаютъ двѣ отдѣльныхъ части на слѣдующихъ осно-

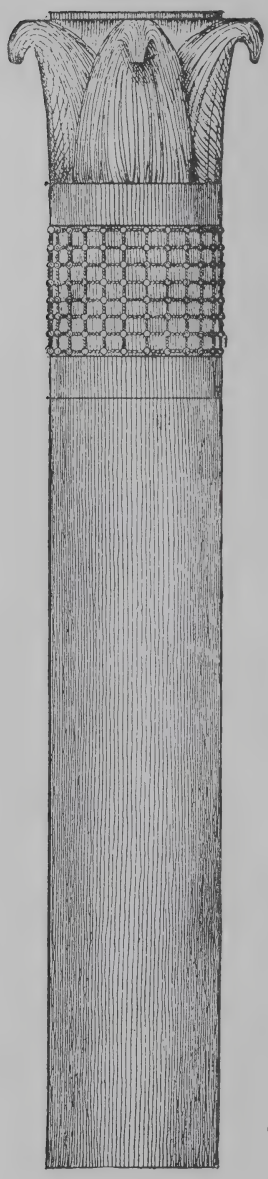


ваніяхъ: *а*) Въ 1 Цар. 7, 16; Іерем. 52, 22 высота капители показана 5 локтей, а 2 Цар. 25, 17 только 3 локтя. Это якобы значитъ, что одна верхняя часть капители была 3 локтей высоты, а верхняя вмѣстѣ съ

нижнею 5 локтей. *б*) Указаніе на двухчастный составъ капители находятъ въ расположеніи ея орнаментовъ: плетеницы снурковъ или цѣпей, 200 гранатовыхъ яблокъ и работы въ видѣ лиліи. Плетеница цѣпочекъ якобы образовала нижнюю часть капители 2 локтей, а лилія верхнюю 3 локтей. На основаніи такого толкованія сдѣлано много реставрацій Соломоновой колонны, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе приведенная на стр. 257 реставрація де-Вогюэ, принятая Ганебергомъ, княземъ Г. Г. Гагаринымъ и друг. Въ самое послѣднее время такое представленіе капители нѣсколько видоизмѣнилось въ сочиненіи Пэна, не переставая однакожъ попрежнему оставаться двойственнымъ въ разграниченіи сѣтчатообразной и лиліеобразной части капители. По мнѣнію Пэна, изъ двухъ капителей, лежавшихъ на каждой колоннѣ Соломона, большую величину, 5 локтей, имѣла нижняя сѣтчатая часть; напротивъ верхняя была меньше и имѣла не 3 локтя, а 4, каковая мѣра для капители указана 1 Цар. 7, 19. Возможность двухъ капителей на одной колоннѣ у Пэна примиряется тѣмъ, что нижняя капитель не была въ собственномъ смыслѣ капителью, и по размѣрамъ не отличалась отъ остального ствола колонны. Это были 5 локтей верхней части того же ствола, но отлитые отдѣльно и получившіе особенное украшеніе въ видѣ сѣтчатаго пояса трехъ локтей ширины (такая мѣра капители указывается 2 Цар. 25, 17), занимавшаго среднюю часть капители, такъ что выше и ниже пояса одинъ локоть капители имѣлъ гладкую поверхность, ничѣмъ не отличавшуюся отъ остального ствола колонны. Особенно же Пэнъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на расположеніи 200 гранатовыхъ яблокъ, которыя у Вогюэ, какъ показываетъ приведенный сейчасъ рисунокъ, были расположены двумя

рядами по сто яблокъ выше и ниже сѣтчатой части капители. По мнѣнію Пэна, такое простое расположеніе гранатовыхъ яблокъ невозможно, потому что хотя яблокъ для каждой колонны назначается 200, но они должны быть расположены такъ, чтобы наблюдающій колонну видѣлъ одновременно 96 яблокъ, какъ это требуется свидѣтельствомъ Іереміи 52, 23. Послѣ многолѣтнихъ опытовъ и соображеній Пэнъ пришелъ къ такому объясненію. Возьмемъ, говоритъ онъ, сѣть трехъ локтей широты съ семью рядами квадратныхъ клѣтокъ (въ текстѣ семь снурковъ), имѣющихъ каждая $^3/_7$ локтя въ квадратѣ, и окружимъ ею цилиндръ такого діаметра, какой имѣли колонны Соломона. На данномъ протяженіи такая сѣть будетъ имѣть ровно 200 узловъ или 200 встрѣчъ продольныхъ и поперечныхъ снурковъ, изъ которыхъ она составлена. Если на этихъ 200 узлахъ растыкать 200 гранатовыхъ яблокъ, назначенныхъ текстомъ для каждой капители, то наблюдающій колонну будетъ видѣть разомъ конечно не всѣ яблоки и даже не половину ихъ, но изъ каждаго ряда продольныхъ снурковъ сѣти будетъ видѣть только 12 узловъ съ 12 яблоками изъ общаго числа 25 яблокъ. Но такъ какъ, при семи рядахъ квадратовъ, продольныхъ рядовъ съ яблоками было 8, то 12 умноженное на 8 дастъ 96 яблокъ. При этомъ требуется, чтобы гранатовыя яблоки были больше своей натуральной величины и имѣли выпуклость 50, 265 линій. Въ своемъ сочиненіи отъ 1861 года, говоритъ Пэнъ, я изображалъ клѣтки сѣти на капители въ видѣ ромбовъ, но, послѣ повторительныхъ опытовъ, я нашелъ, что въ такомъ случаѣ изъ 200 яблокъ на 200 узлахъ сѣти наблюдатель видѣлъ бы разомъ не 96, а только 92 яблока. Только при квадратныхъ клѣткахъ указаннымъ выше способомъ

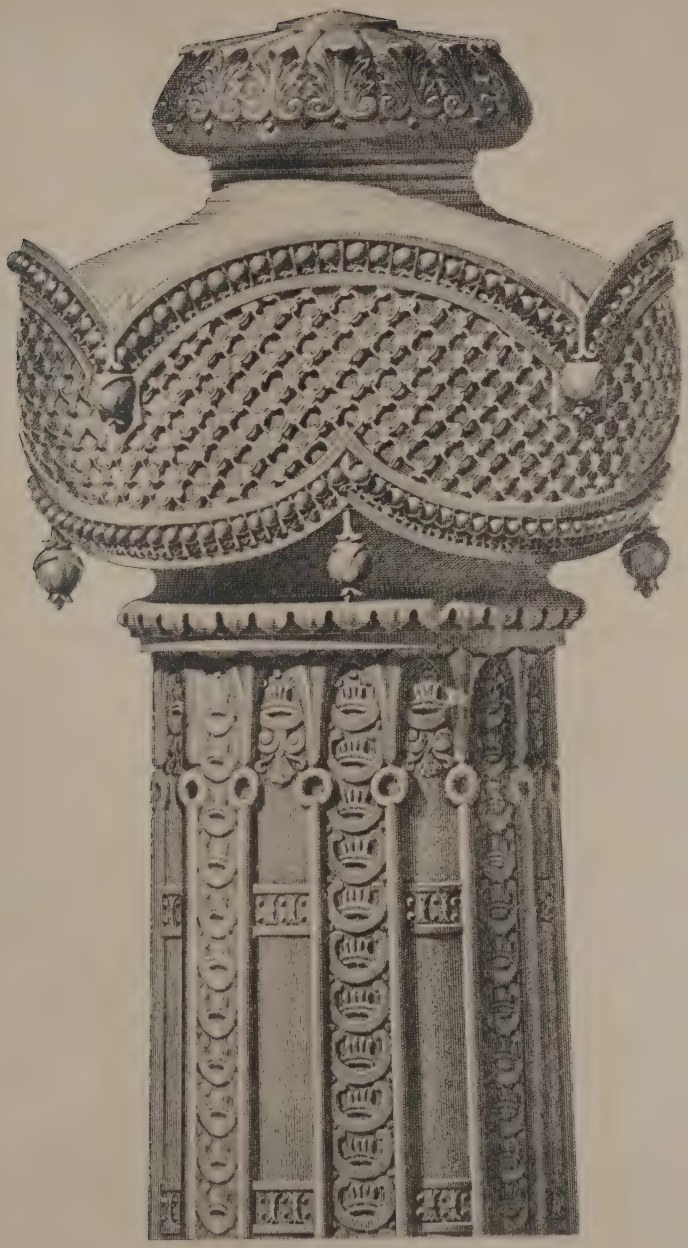
*



можно видѣть число яблокъ указанное въ книгѣ Іереміи. Впрочемъ, заключаетъ Пэнъ, и теперь наблюдатель Соломоновой колонны, поставленной на свое мѣсто, не со всякаго пункта могъ видѣть разомъ 96 яблокъ; такихъ пунктовъ во дворѣ храма можно было найти 13.

Не можемъ отказать въ уваженіи такому серіозному и дорого стоившему автору разъясненію, но принять его, тѣмъ не менѣе, не можемъ. Верхняя часть ствола его колонны, ничѣмъ не отличающаяся въ своей окружности отъ всей нижней части ствола, не можетъ назваться капителью потому только, что она обмотана сѣтью [1]. Занявшись исканіемъ 96 яблокъ, Пэнъ упустилъ изъ виду, что яблоки должны были располагаться при каждой капители не 8 рядами, а только двумя, въ каждомъ ряду по 100 яблокъ. Далѣе Пэнъ, равно какъ и другіе изслѣдователи, неосновательно различаютъ двѣ капители на каждой колоннѣ, и слѣдовательно всего четыре капители, когда библейскій текстъ (1 Цар. 7, 16) говоритъ только о двухъ капителяхъ, изъ которыхъ одна предназначалась для одной, а другая для другой колонны. Наконецъ, чѣмъ могутъ убѣдить насъ Пэнъ

[1] Подобнымъ же образомъ сѣтчатую работу распространяетъ на стволъ колонны и К. Шикъ. Какъ воспоминаніе о Соломоновыхъ колоннахъ Іахинъ и Боазъ, имъ указаны мраморныя колонны, находящіяся нынѣ въ куббетъ Ганибле, на югозападномъ углу платформы площади харамъ еш-шерифъ. Стволы ихъ представляютъ такую искусственную плетеную работу, что туземцы называютъ ихъ *кишками* нечестивыхъ. Уже изъ этого названія видно, что они не имѣютъ отношенія къ храму Іеговы. (Beit el Makdas von Schick, стр. 26).



КАПИТЕЛЬ КОЛОННЫ ІАХИНЪ

ПО ШИПІЕ.

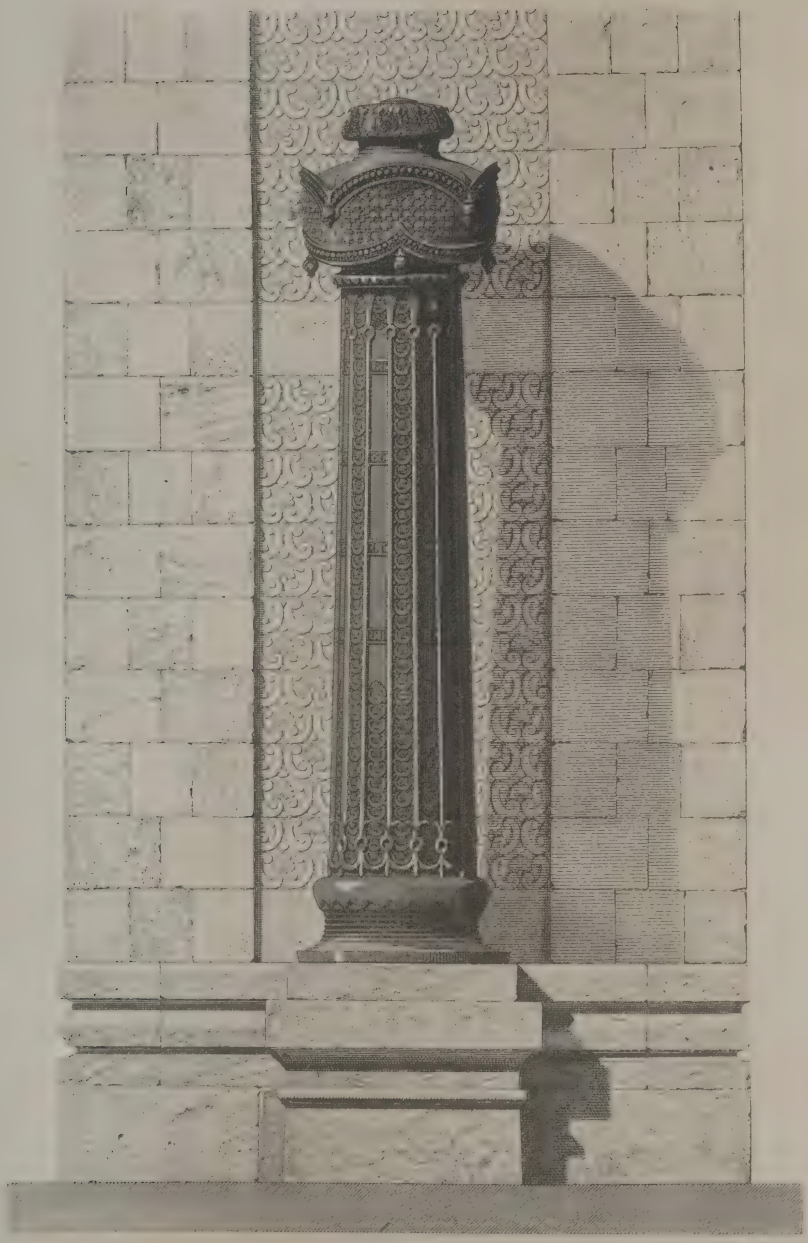
Фототипія И. Ильинскаго. Сергіевская ул. № 18.

и Вогюэ, что лиліеобразныя части ихъ капителей представлены правильно, когда въ понятіи лиліи, שושן, у древнихъ было много различныхъ оттѣнковъ? Безъ всякаго сомнѣнія лиліи Вогюэ и Пэна такъ же произвольны, какъ и ихъ сѣти. Мыслимое ли дѣло, чтобы первая, попавшаяся Вогюэ въ Лукзорѣ или Карнакѣ, египетская капитель оказалась какъ разъ капителью царя Соломона? Да и чѣмъ она напоминала лилію? Цвѣточная чаша лиліи имѣетъ лепестки глубже раздѣленные и вверху оканчивающіеся не такимъ искусственнымъ полукругомъ. Расположеніе гранатовыхъ яблокъ у Вогюэ, повидимому, сообразнѣе съ текстомъ, чѣмъ Пэново, но и оно не можетъ быть принято. Сто яблокъ въ такомъ кругѣ, если даже они будутъ непосредственно касаться одно другого, не могутъ быть шире 6 сантиметровъ. На той высотѣ, на которой они должны были помѣщаться по Вогюэ, они сливались бы для глаза въ неразличимую нитку перловъ.

Если Вогюэ и Пэнъ капителямъ Соломоновыхъ колоннъ даютъ египетскій характеръ, то Перро и Шипіе въ своей исторіи искусства (Histoire de l'art, IV, Pl. VI) дѣлаютъ ее ассиро-финикійскою, руководствуясь, главнымъ образомъ, указаніями Штаде (Geschichte des Volkes Israel, 1, 332). Въ реставраціи Перро и Шипіе колонна Соломона имѣетъ сфероидальную капитель формы встрѣчающейся въ Ассиріи [1]. Капитель украшается двумя поясами, криволинейными или дугообразными, усыпанными гранатовыми яблоками и имѣющими видъ фестоновъ; на мѣстахъ встрѣчи дугообразныхъ линій помѣщаются въ томъ и другомъ поясѣ по 4 дополнительныхъ гранатовыхъ яблока большаго размѣра, такъ какъ въ линіяхъ

[1] См. прототипъ этой колонны въ сочиненіи Ninive et l'Assyrie, par V. Place, pl. 35.

того и другого пояса поставлено не 100 яблокъ, а только 96 соотвѣтственно Іерем. 52, 23. Въ соединеніи же съ 4 дополнительными яблоками тотъ и другой поясъ имѣютъ ровно 100 яблокъ. Такъ какъ яблоки расположены на изогнутой линіи, то имъ можно было дать гораздо болѣе крупныя формы, чѣмъ какія показаны въ реставраціи Вогюэ. Мѣсто же между поясами является весьма удобнымъ для расположенія сѣтчатой работы капители. Реставрированная въ такомъ видѣ капитель, представляя изъ себя, съ одной стороны, требуемую текстомъ (1 Цар. 7, 20) чревообразную форму, съ другой стороны фестонообразными преломленіями своихъ линій представляетъ изъ себя также требуемый текстомъ видъ цвѣтка, широко раскрывшагося четырьмя лепестками. Но эта капитель еще не имѣетъ высоты 5 локтей. Подобно другимъ изслѣдователямъ, Перро и Шипіе къ описанной основной капители прибавляютъ еще другую второстепенную или вспомогательную часть, но помѣщаютъ ее не подъ главною частію, а на ея вершинѣ, въ видѣ полукруглаго бутона, украшеннаго лепестками лотоса. Но и этого мало. Въ разсматриваемой реставраціи преобразуется самый стволъ колонны. Такъ какъ, говоритъ Перро, о капители замѣчено, что она выливалась отдѣльно, то нужно думать, что и громадный стволъ колонны не былъ одно цѣлое, но былъ вылитъ отдѣльными тамбурами, которые потомъ укладывались одинъ на другой. Мѣста соединенія тамбуровъ маскировались покрывавшими ихъ металлическими поясами; въ этомъ случаѣ значеніе орнаментовъ получали и металлическія головки гвоздей, прикрѣплявшихъ пояса тамбуровъ. Но извѣстенъ оптическій законъ, по которому горизонтальныя перевязки уменьшаютъ для глаза высоту колонны. Поэтому здѣсь необходимы были еще



КОЛОННА ІАХИНЪ

ПО ШИПІЕ.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

противоположные орнаменты въ видѣ вертикальныхъ линій, увеличивающихъ видимость колонны. Такими линіями на колоннѣ являются длинные и тонкіе стволы, опирающіеся внизу на растительные элементы въ видѣ древесныхъ корней, а вверху, подъ капителью, распускающіеся въ цвѣточныя чашечки. Между вертикальными линіями помѣщены еще орнаменты, часто встрѣчающіеся на финикійскихъ памятникахъ, такъ называемые palmette phénicienne. То и другое, пальметты и стволы, взяты изъ образцовъ финикійскихъ, равно какъ и пьедесталъ, на которомъ стоитъ колонна.

По поводу этой колонны, реставрированной совокупными усиліями трехъ авторовъ, Штаде, Перро и Шипіе, нужно сказать, что она имѣетъ больше единства и цѣльности, чѣмъ колонны Вогюэ и Пэна, хотя ея основная мысль о неотдѣлимости сѣтчатой работы отъ формы цвѣточной чаши не принадлежитъ названнымъ реставраторамъ и взята ими у Винера (B. R. W. 1, 616). Но кто же, знающій, что такое былъ ветхозавѣтный храмъ со стороны его богослуженія, согласится принять эту искусственную реставрацію? При взглядѣ на эту колонну намъ видится не лилія — символъ жизни и духовной красоты, а надгробный памятникъ съ погребальною урною. По всей вѣроятности финикійскіе элементы, изъ которыхъ сложена эта композиція, взяты изъ древнихъ гробницъ. Но при храмѣ Бога Израилева не могло имѣть мѣста ничто напоминающее гробъ или надгробный памятникъ. Съ другой стороны, длинные прутья вокругъ ствола колонны не имѣютъ для себя никакого основанія въ текстѣ. Между тѣмъ, если здѣсь необходимо было провести полосы, увеличивающія для глаза размѣры колонны, то это гораздо удобнѣе было сдѣлать примѣнительно къ разъясненному

нами выше тексту LXX, въ видѣ длинныхъ каналовъ или углубленій въ стволѣ колонны. Наконецъ, съуженіе вершины колонны не есть оригинальная мысль. Давно уже Мерцъ (Kunstblatt, 1844, № 100) проэктировалъ, что капитель Соломонову нужно представлять съуживающеюся вверху (см. также Richm W. d. bibl. Alterth. 1, 652). Но Мерцъ имѣлъ при этомъ въ виду нѣкоторое кажущееся основаніе въ текстѣ 1 Цар. 7, 19, гдѣ капители дается особенная еще мѣра 4 локтя (Мерцу казалось, что не приложимая къ высотѣ капители, эта мѣра указываетъ широту или діаметръ капители, сократившійся въ своей верхней части). Но вершина колонны Перро и Шипіе не имѣетъ и кажущагося основанія въ библейскомъ текстѣ.

Неудачи всѣхъ описанныхъ нами реставрацій мѣдныхъ колоннъ Соломона имѣли двѣ главныхъ причины: *а*) недостаточное разграниченіе въ чтеніи библейскаго текста между тѣмъ, что непосредственно составляло самую капитель колонны и что хотя указано при капители, но не входило въ ея составъ; *б*) произвольное перенесеніе въ составъ Соломоновой колонны разныхъ случайныхъ капителей, египетскихъ или ассиро-финикійскихъ, почему-либо обратившихъ на себя вниманіе изслѣдователей. До тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены эти причины, пока не будетъ ясно, при помощи древняго преданія, понятъ библейскій текстъ, касающійся колоннъ, и пока между развалинами самаго іерусалимскаго храма не будетъ открытъ образецъ капители, совпадающій съ библейскимъ описаніемъ, до тѣхъ поръ всякія попытки возобновить видъ Соломоновой колонны будутъ напрасны.

Мы думаемъ, что въ библейскомъ текстѣ ничего не говорится о сѣтчатой части капители. Свидѣтельство,

якобы относящееся къ этой части, читается такъ: „сплетенія плетеной работы, снурки въ видѣ цѣпей онъ сдѣлалъ для капителей, которыя были на верху колоннъ, семь для капители одной и семь для капители другой“ (1 Цар. 7, 17). Гдѣ же здѣсь сѣтчатая капитель? *а*) О сѣти въ собственномъ смыслѣ здѣсь не говорится. Говорится о плетеной работѣ; но и толстый канатъ, да и всякая веревка есть плетеная работа. Поэтому выраженія: *произведенія плетеной работы* и: *веревки работы цѣпей* совершенно тождественны. Снурки въ видѣ цѣпей нельзя считать здѣсь элементами для какого-либо другого плетенія въ видѣ сѣти, потому что они названы въ приведенномъ предложеніи уже на второмъ мѣстѣ, слѣдовательно, не какъ исходный пунктъ работы плетенія. Такимъ образомъ, здѣсь говорится только о цѣпяхъ, скрученныхъ или сплетенныхъ изъ многихъ составныхъ нитей, представлявшихъ видъ толстыхъ снурковъ. Что снурки не были какъ либо переплетены здѣсь въ видѣ сѣти, ясно видно изъ того, что дальше указывается даже количество ихъ: семь снурковъ дано для одной капители и семь снурковъ для другой. Очевидно семью снурками нельзя было назвать сплетенную изъ нихъ какимъ бы ни было образомъ сѣть. *б*) Напрасно указываютъ здѣсь на то, что плетеная работа или снурки представляются *покрывающими капитель* (2 Пар. 4, 12). Это, говорятъ, могло быть только въ томъ случаѣ, если они сами составляли часть капители. Намъ представляется совершенно наоборотъ: о томъ, что само есть капитель или составная часть капители, никакъ нельзя сказать, что оно назначено для того, чтобы прикрывать капитель. Этимъ выраженіемъ несомнѣнно плетеныя работы противопоставляются капителямъ, какъ нѣчто совер-

шенно стороннее. Библейское выраженіе: *покрывать* не употребляется въ значеніи нашего выводить фигуры; вмѣсто: *покрытый барельефами* по-еврейски нужно сказать: *наполненный барельефами*. *в*) Плетеная работа или снурки не могли входить въ самую капитель, потому что они были сдѣланы только *для* капители, уже готовой или предполагавшейся готовою независимо отъ нихъ (1 Цар. 7, 17). 4) Въ общемъ перечисленіи составныхъ частей колонны и относящихся къ нимъ принадлежностей въ 2 Пар. 4, 12 плетеныя издѣлія перечисляются отдѣльно отъ капителей и продолжаютъ называться цѣпями (2 Пар. 3, 16). — Какое же значеніе могли имѣть эти плетеныя издѣлія, если они не были частью капители? Когда при колоннѣ, имѣющей 35 локтей высоты, стоявшей независимо и уединенно, упоминаются цѣпи, и притомъ сложныя, въ видѣ плетеныхъ канатовъ, то намъ представляется самымъ естественнымъ предположеніемъ, что онѣ предназначались для неподвижнаго утвержденія колонны на мѣстѣ. Спускаясь съ самой вершины колоннъ, цѣпи достигали до земли на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ и тутъ прикрѣплялись къ землѣ можетъ быть такими же мѣдными гвоздями цѣлаго локтя длины, какими, по описанію Іосифа, были прикрѣплены снурки, державшіе столбы скиніи (Antiqu. Ш, 6, 2). Такъ какъ семь цѣпей, предназначавшихся для той и другой колонны, считаются какъ бы однимъ цѣлымъ, одною цѣльною связкою цѣпей (1 Цар. 7, 18, 41), то очень возможно, что ихъ верхніе концы были придѣланы разъ навсегда къ одному мѣдному обручу, сдѣланному по мѣркѣ капители и накладывавшемуся на верхушку капители. Поэтому уже можно было сказать, что связка цѣпей *накрывала* собою капитель, хотя это выраженіе никогда не можетъ быть

понимаемо здѣсь въ строгомъ смыслѣ, какъ понималъ Винеръ, что капитель сначала была сдѣлана въ извѣстномъ видѣ, а потомъ сокрыта подъ какимъ нибудь покровомъ (въ такомъ случаѣ зачѣмъ же она была сдѣлана?). Безъ всякаго сомнѣнія покрытіемъ капители могло быть нѣчто *а*) внѣшнее по отношенію къ капители, *б*) на ней лежащее, *в*) нѣчто осѣняющее ее слегка, но не закрывающее отъ взоровъ зрителей [1].—Къ цѣпямъ, а не къ капителямъ, имѣютъ непосредственное отношеніе и гранатовыя яблоки, какъ это ясно указано 2 Пар. 3, 16: „и сдѣлалъ гранатовыхъ яблокъ сто, и расположилъ ихъ на цѣпяхъ". LXX толковниковъ (3 Цар. 7, 18) и Іосифъ Флавій (Antiqu. VIII, 3, 4) ясно выражаются, что гранатовыя яблоки *висѣли* двумя рядами, одинъ надъ другимъ, слѣдовательно какъ стороннее украшеніе, не имѣющее связи съ капителью (см. опредѣленіе капители Гезеніуса, Thesaurus... 725). Прибавимъ къ этому, что украшенія въ видѣ висящихъ на ниткахъ шаровъ, яблокъ, страусовыхъ яицъ очень распространены на нынѣшнемъ востокѣ. Ихъ можно встрѣчать одинаково и въ церквахъ, и въ мечетяхъ, и въ синагогахъ.

Отдѣливъ такимъ образомъ то, что въ библейскомъ текстѣ указано независимо отъ капители, посмотримъ теперь, какой видъ библейскіе писатели и древнее преданіе даютъ Соломоновой капители. Въ кн. 2 Пар. 4, 12 общимъ названіемъ для капители служитъ גֻּלָּה шаръ или круглый сосудъ, вверху расширяющійся,

[1] Не можемъ согласиться съ Шнаазе, что цѣпи хотя не были связаны съ капителями, но не служили для ихъ утвержденія, а привязанныя одними концами къ капителямъ, другими распространялись по стѣнѣ храма (Geschichte der Kunst, 1,280 и дал.). Въ 2 Цар. 25, 17 ясно говорится, что онѣ свѣшивались на капители кругомъ, слѣдовательно, не въ одну только сторону храма.

лампадообразный (ср. Еккл. 12, 6). Книга 2 Цар. 7, 41 въ общемъ опредѣленіи колонны употребляетъ то же названіе ея лампадообразнымъ шаромъ. Но что это не была капитель совершенно гладкая, безъ всякихъ орнаментовъ, какими изображены всѣ капители колоннъ храма въ реставраціяхъ Пайллу (Monographie du Temple de Salomon), видно изъ другого названія ея כתרת, *вѣнкоподобный* шаръ (1 Цар. 7, 19; 2 Пар. 6, 12). Точнѣе книга 1 Цар. опредѣляетъ видъ капители, называя ее *лиліеподобною* (מעשה שושן, работы лиліи или крина LXX: κρίνον). Это выраженіе употреблено два раза (ст. 19 и 22). Другихъ объясненій вида капители библія не даетъ. Въ разъясненіе этихъ библейскихъ указаній Іосифъ Флавій (Antiqu. VIII, 3, 4) говоритъ, что капитель Соломона имѣла видъ крина или лиліи съ прибавленіемъ еще пальмовыхъ листьевъ, перевивавшихся между лепестками лиліи. Этотъ именно перевивъ цвѣточныхъ лепестковъ и листьевъ пальмы Іосифъ Флавій и считаетъ тою сѣтью или сѣтчатою работою, которая была при колоннахъ. По крайней мѣрѣ, кромѣ этой сѣти пальмовыхъ листьевъ, Іосифъ не полагаетъ на капителяхъ никакой другой сѣтеподобной работы. Съ объясненіемъ Іосифа согласно и дальнѣйшее преданіе: одни еврейскіе толкователи видѣли на капители Соломона вообще древесныя вѣтви (Кимхи), другіе пальмовые листья, третьи вѣтви тѣхъ деревъ, которыя евреи носили въ праздникъ Кущей. Лигтфоотъ, на основаніи этихъ преданій, выводитъ такое опредѣленіе Соломоновой капители: капитель слагалась изъ семи главныхъ вѣтвей, которыя переплетались побочными листьями и стволами (Descr. Templi XIII, 11). Хотя для такихъ переплетовъ листьевъ капители нѣтъ основанія въ библейскомъ текстѣ, но приведенныя преданія правильно понимаютъ текстъ въ

томъ смыслѣ, что оставляютъ для капители уже одни растительные элементы.

Но растительные элементы, указываемые Св. писаніемъ и преданіемъ въ составѣ Соломоновой колонны, могли быть сдѣланы въ самыхъ разнообразныхъ стиляхъ, съ разнообразнымъ вкусомъ, и потому для болѣе точнаго представленія о капители Соломона намъ безусловно необходимо имѣть предъ глазами хоть самый ничтожный обломокъ дѣйствительной колонны, принадлежавшей нѣкогда ветхозавѣтному храму. Гдѣ его искать? По счастію библейскіе источники не оставили насъ безъ руководства и въ этомъ случаѣ. 1 Цар. 7, 19 читаемъ: „капители, которыя наверху колоннъ (мѣдныхъ) имѣли видъ лиліи, *какъ капители въ уламѣ* притворѣ)“, (ср. текстъ LXX). Такъ какъ, указывая образецъ капители въ уламѣ или притворѣ, текстъ не говоритъ, что здѣсь нужно разумѣть исключительно *притворъ самаго храма,* какъ онъ называется въ другихъ мѣстахъ (ст. 21), то въ приведенномъ мѣстѣ мы имѣемъ право видѣть общее указаніе на всѣ притворы, бывшіе на площади святилища, и заключать отсюда, что всѣ они имѣли колонны одного образца. Впрочемъ это и само собою понятно, и едва ли кто либо станетъ доказывать существованіе разныхъ типовъ капителей въ Соломоновомъ храмѣ. Кромѣ притворовъ храма, пророкъ Іезекіиль указываетъ, и даже подробно описываетъ, *притворъ воротъ* или воротныхъ башней во внѣшней оградѣ храма (40, 7 и дал.). Нѣкоторыя части этихъ воротныхъ притворовъ сохранились до настоящаго времени, и въ одномъ изъ нихъ, именно въ притворѣ такъ называемыхъ двойныхъ воротъ подъ нынѣшнею мечетью Ель-Акса, сохранилась древняя каменная колонна—монолитъ, 7 метровъ высоты и 1 метра

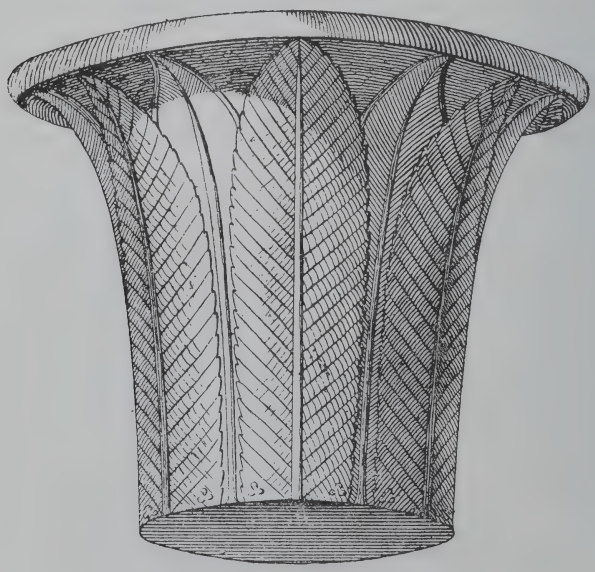
53 сант. въ діаметрѣ, съ лиліеобразною капителью, имѣющая право считаться колонною перваго іерусалимскаго храма. Вотъ капитель этой замѣчательной колонны.

По поводу этой капители графъ де-Вогюэ высказалъ мнѣніе, что она есть подражаніе коринѳской капители, безъ завитковъ, такое же, какъ, напримѣръ, капитель „башни вѣтровъ“ въ Аѳинахъ, и что потому она можетъ принадлежать только реставраціи храма Иродовой (Le Temple de Jérusalem, 49). Сопоставляя образцы коринѳской капители съ приведенною сейчасъ капителью монолита двойныхъ воротъ, мы однакожъ находимъ между ними рѣзкое различіе въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Вогюэ ошибочно считаетъ листья нашей капители листьями аканѳа характеризующаго коринѳскую капитель. Верхній край листьевъ здѣсь не отдѣляется отъ вазы; выемки, раздѣляющія листья

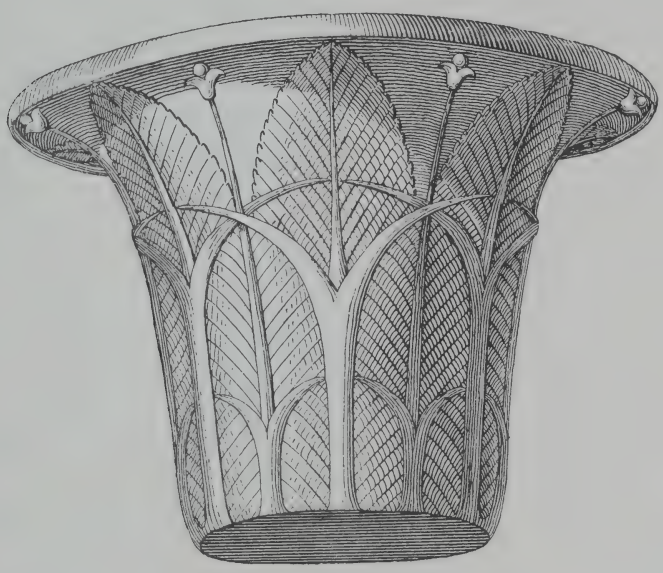
слишкомъ рѣзки и обличаютъ произведеніе совершенно чуждое Греціи. Листья возвышаются отдѣльными длинными отпрысками, во всю высоту капители, не имѣя при себѣ стеблей и вѣтвей менѣе высокихъ, окружающихъ ихъ основаніе, какъ это бываетъ въ коринѳской капители. За то между листьями здѣсь виднѣются другіе листья, еще какъ бы не вполнѣ сформировавшіеся, но совершенно такой же величины и гладкіе, между тѣмъ какъ передніе листья испещрены жилками и завитками. Самая чаша или ваза капители слегка только расширяется вверху и имѣетъ форму многоугольника, причемъ передніе, отдѣланные листья занимаютъ пространство между углами, а листья гладкіе—самые углы. Въ такомъ видѣ коринѳская капитель нигдѣ не была извѣстна. Между тѣмъ положеніе разсматриваемой колонны въ подземномъ проходѣ іерусалимскаго храма не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что она сдѣлана строителями этого самаго храма. Перваго или второго? Такъ какъ въ реставраціи храма Иродомъ, по свидѣтельству Іосифа (Antiqu. XV, 11, 5), были уже употребляемы настоящія коринѳскія колонны, то монолиту подъ мечетью Ель-Акса съ его особенною капителью нѣтъ мѣста между орнаментами послѣдняго храма. И такъ онъ принадлежитъ первому.

Скорѣе, на основаніи общей окружности капители подъ мечетью Ель-Акса, ее можно было бы сопоставлять не съ греческими, а съ египетскими капителями, какъ это дѣлаетъ даже Ренанъ, который хотя, какъ извѣстно, вообще ниспровергаетъ значеніе іерусалимскихъ памятниковъ и низводитъ ихъ къ позднѣйшимъ временамъ, но о монолитной колоннѣ подъ мечетью Ель-Акса принужденъ былъ выразиться: c'est un monument, qui, au premier coup d'oeil, a des droits fondés à s'appeler

hebraique..., dont le galbe est tout égyptien... Il est possible, que ce beau morceau soit quelque peu antérieur à l'époque d' Herode... (Mission de Phénicie, 797), Мыслію о возможности нѣкотораго сопоставленія между колонною Ель-Акса и египетскими колоннами совершенно своеобразно въ самое послѣднее время воспользовался Пайллу (Monographie du Temple de Salomon, chapitre XVI). Не признавая значительной древности за колонною и капителью подъ Ель-Акса, Пайллу отправляется путешествовать по Египту, ищетъ тамъ капители подобной капители монолита подъ Ель-Акса, находитъ нѣчто повидимому подобное въ развалинахъ Едфу и объявляетъ, что его находка должна быть поставлена тамъ, гдѣ незаконно стоитъ капитель монолита, какъ представляющая дѣйствительный образецъ тѣхъ колоннъ, которыя были въ портикахъ Соломонова храма. Вотъ та, воспроизведенная по египетскому образцу, капитель, которая, по Пайллу, украшала портики Соломонова храма и по отношенію къ которой капитель

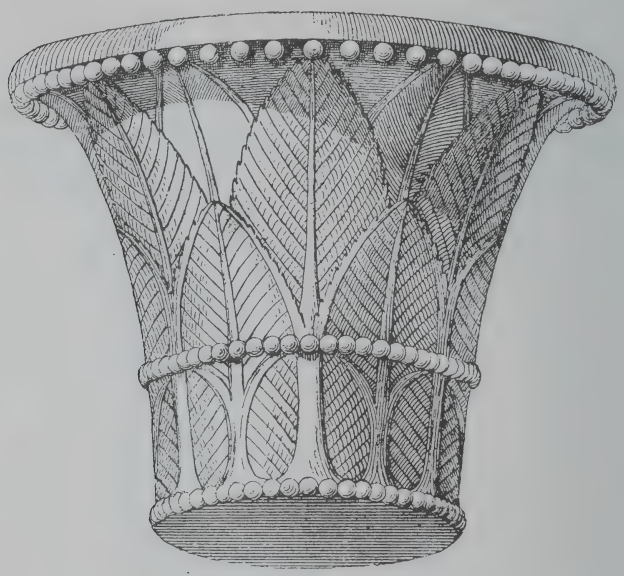


монолита подъ Ель-Акса должна якобы считаться только дурною копіею.—Но на этомъ Пайллу не останавливается. Разъ онъ находится среди египетскихъ памятниковъ, почему ему не поискать здѣсь другого спеціальнаго образца для мѣдныхъ колоннъ Соломона. Таковой легко былъ найденъ въ Есне. Онъ представлялъ слѣдующій видъ:



Нужно сказать впрочемъ, что въ основѣ такого выбора Пайллу лежало другое пониманіе библейской колонны, чѣмъ какое имѣли вышеуказанные изслѣдователи, также искавшіе образца Соломоновой колонны въ Египтѣ. Тогда какъ Вогюэ выбралъ египетскій рисунокъ только для верхней половины капители, оставляя нижнюю въ оригинальной сѣтчатой оболочкѣ, Пайллу нашелъ египетскій образецъ для цѣльной капители мѣдной колонны. Мы видѣли, что Іосифъ Флавій и нѣкоторые представители іудейскаго преданія плетеную работу библейскаго текста считали только переплетомъ

растительныхъ элементовъ въ рисункѣ капители. Приведенная сейчасъ капитель изъ развалинъ Есне показалась Пайллу удовлетворяющею требованіямъ традиціоннаго переплета стеблей и цвѣтовъ, и онъ преобразовалъ ее въ мѣдную Соломонову капитель прибавленіемъ еще двухъ рядовъ гранатовыхъ яблокъ.



Что сказать объ этихъ операціяхъ разысканія капителей и ихъ преобразованія въ капители Соломона? Приготовившись, повидимому, удовлетворить обоимъ указаннымъ нами выше условіямъ возможно правильнаго представленія Соломоновой капители, авторъ неожиданно нарушаетъ то и другое условіе. Точкою отправленія для сужденія о Соломоновой колоннѣ Пайллу беретъ дѣйствительную капитель, сохранившуюся на мѣстѣ іерусалимскаго храма, но беретъ для того только, чтобы сказать, что эта капитель съ своею колонною никуда не годится, что она не имѣетъ никакого отношенія не только къ Соломонову, но и къ Иродову храму,

и что нужно искать другой *подобной* капители въ Египтѣ. Странный логическій кругъ! Если капитель подъ Ель-Акса не имѣетъ никакого отношенія къ ветхозавѣтному храму, то она перестаетъ быть и такимъ образцомъ, примѣнительно къ которому нужно было бы вести дальнѣйшія разысканія капители, и тогда капитель, найденная въ Едфу, теряетъ всякое значеніе. Но этого мало. Пайллу описываетъ второй обратный логическій кругъ, когда капитель, найденную въ Едфу, преобразуетъ чертами, взятыми изъ той же капители подъ Ель-Акса, чтобы сдѣлать ее дѣйствительнымъ образцомъ тѣхъ колоннъ, которыя были въ воротахъ и портикахъ Соломона. Авторъ чувствуетъ, что египетская капитель слишкомъ далеко отстоитъ отъ іерусалимскаго храма и вообще онъ старается держаться на строго догматической точкѣ зрѣнія и не допускать никакихъ иноземныхъ заимствованій для храма Соломонова; но въ то же время и на площади іерусалимскаго храма онъ не видитъ ничего сохранившагося отъ его древнихъ развалинъ. Отсюда его постоянныя перескакиванія изъ Египта въ Іерусалимъ и изъ Іерусалима въ Египетъ. Что всего болѣе удивительно, такъ это то, что, разыскивая капители въ Египтѣ, Пайллу успокоиваетъ себя тѣмъ, что это всетаки не будетъ мѣшать представленію полной независимости Соломоновой колонны, такъ какъ найденныя имъ въ Египтѣ капители не были образцами для Соломона, а, наоборотъ, копіями съ его капителей [1]. Давній пріемъ Вилляльпанда! — Съ другой стороны, Пайллу измѣняетъ и другому условію правильнаго пониманія Соломоновой капители, состоящему въ устраненіи изъ

[1] Пайллу не подумалъ о томъ, что лотосъ, фигурирующій на египетскихъ капителяхъ, и лилія капителей Соломона не одно и тоже и не могутъ восполнять другъ друга взаимно.

*

нея ошибочно привлеченныхъ къ ней предшествующими изслѣдователями элементовъ. Повидимому соглашаясь съ тѣмъ, что плетеной или сѣтчатой работы нельзя искать на самой капители, какъ это дѣлали Вогюэ, Пэнъ, Перро и многіе другіе, предшествовавшіе имъ, изслѣдователи, Пайллу въ заключеніе возвращается самъ къ той же плетеной работѣ капители, предполагая однакожъ, что подъ этой работой нужно разумѣть не вторую часть капители въ видѣ сѣтки, но сложную сѣть сплетенія между собою растительныхъ элементовъ капители. Значитъ ли это разрѣшать сложный узелъ капители предшествовавшихъ изслѣдователей? Если бы упоминаемый въ библейскомъ текстѣ переплетъ или сѣтчатую работу необходимо было относить къ составу самой капители, тогда скорѣе всего нужно было бы согласиться съ рисункомъ Вогюэ, потому что въ этомъ переплетѣ упоминаются снурки и цѣпи въ опредѣленномъ количествѣ, чего уже никакъ нельзя понимать о переплетѣ стеблей и листьевъ въ букетѣ цвѣтовъ. Правда, Пайллу могъ основаться на Іосифѣ Флавіѣ, у котораго снурки и цѣпи впервые превратились въ перевивъ стеблей и листьевъ. Но Іосифъ Флавій не видѣлъ Соломоновыхъ мѣдныхъ колоннъ и капителей, такъ какъ въ храмѣ Ирода ихъ уже не было, и, съ другой стороны, былъ проникнутъ заднею мыслію придать древнееврейскому искусству греческій характеръ. То, что онъ описываетъ какъ мѣдную Соломонову капитель, есть настоящая коринѳская капитель съ ея завитками и сложными перевивами стеблей и вѣтвей между основными листьями аканѳа. Такой же пріемъ въ еще болѣе сложномъ видѣ впослѣдствіи употребилъ Вилляльпандъ. Пайллу дѣлаетъ извѣстный шагъ впередъ, сравнительно съ Іосифомъ и Вилляльпандомъ, и перевивы греческой капители замѣ-

няетъ перевивами египетской капители, найденной имъ въ Есне. Но въ сущности это — одно и то же. Мы думаемъ, что растительные элементы капители Соломона должны быть представляемы по возможности просто. Если въ текстѣ указаны одни длинные листья лиліи, то никакихъ другихъ листьевъ нѣтъ надобности присоединять къ капители. Поэтому, повторяемъ, капитель монолита въ двойномъ проходѣ подъ мечетью Ель-Акса, въ свой строгой простотѣ, есть лучшая модель для мѣдныхъ капителей Соломона. Повторяемъ также, что мы не видимъ никакихъ основаній отвергать мнѣніе, рѣшительно высказанное еще покойнымъ Соси (Voyage en Terre sainte, 2, 93, 96), что капитель монолита подъ мечетью Ель-Акса есть остатокъ перваго іерусалимскаго храма и нѣкогда принадлежала къ системѣ тѣхъ колоннъ притворовъ, которыя въ библейскомъ текстѣ по виду капителей поставлены въ соотношеніе съ мѣдными колоннами Соломона: *„капители на верху мѣдныхъ колоннъ были подобны капителямъ притворовъ“*.

Мы сказали, что описанныя нами колонны стояли на лѣстницѣ, ведущей въ притворъ храма. Это положеніе требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія въ виду того, что существуетъ другое мнѣніе, по которому колонны стояли въ самомъ притворѣ въ качествѣ подпоръ, поддерживавшихъ верхнюю часть стѣнъ или притолоку входа и крышу притвора, подобно тѣмъ двумъ колоннамъ притвора, которыя характеризуютъ греческіе храмы ἐν παραστάσιν и римскіе in antis. За это послѣднее мнѣніе высказался прежде всего Мейеръ (der Tempel Sal. 30 и дал.), потомъ Гринейзенъ (311), Теній (Jerusalem und Tempel, 30), Мерцъ (Kunstblatt, 1848 № 5), Дистель (лекс. Шенкеля Tempel), Браунъ, Гитцигъ, Графъ,

Вогюэ [1], Пайлу, Пэнъ. Вотъ основанія, на которыхъ названные писатели основываются: *а*) Свидѣтельство 1 Цар. 7, 21, гдѣ говорится, что Соломонъ поставилъ колонны *къ притвору храма* לאולם, Вульгата: in porticu templi, LXX: τὰς στήλας τῶ Αἰλάμ. *б*) Свидѣтельсво Іезекіиля (40, 49), что колонны были приставлены *ко входу притвора*, одна съ одной стороны, другая, съ другой. *в*) Мѣсто Іерем. 52, 23, гдѣ, вмѣсто 100 гранатовыхъ яблокъ, въ рядахъ на капители считается только 96 (предполагается, что такъ какъ колонны упирались въ самую стѣну, то нѣкоторыя яблоки не могли быть видны за стѣною). *г*) Мѣсто Амос. 9, 1, гдѣ символически изображается, что капители колоннъ разбиты, вслѣдствіе чего приходятъ въ сотрясеніе косяки храма, какъ бы лежащіе непосредственно на колоннахъ. *д*) Свидѣтельство Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 4), что мѣдныя колонны Соломона стояли одна по правую, другая по лѣвую сторону входа. Наконецъ *е*) общее соображеніе, что капители на мѣдныхъ колоннахъ, по своему устройству, непосредственно отсылаютъ къ архитраву, лежавшему на нихъ, и, слѣдовательно, къ потолку притвора, и что другого назначенія подобная капитель имѣть не можетъ.

Но можно указать гораздо болѣе именъ такихъ изслѣдователей, которые мѣднымъ колоннамъ Соломона даютъ положеніе независимое отъ притвора. Сюда принадлежатъ слѣдующіе спеціалисты въ исторіи искусства: Гиртъ (d. Tempel, Taf. III, Fig. 3), Штиглицъ (Geschichte der Baukunst, 126), Куглеръ (Kunstgeschichte, 82),

[1] См. также альбомъ князя Г. Г. Гагарина: „Изображенія изъ Св. Евангелій и Псалтири“. 1887, т. I. Табл. 15, гдѣ въ порталѣ іерусалимскаго храма весьма рельефно и изящно отдѣланы колонны Іахинъ и Боазъ по рисунку Вогюэ.

Шнаазе (Geschichte der Künste 1, 281), Мункъ (Palestine, 289), Вейссъ, Соси (Histoire de l'art judaique. Plan), Перро, а также богословы-комментаторы: Бэръ(d. Salom. Tempel, 35 и дал.). Кейль (d. Tempel, 95), Ригмъ (Wörterbuch, 1, 653), Рейссъ (Histoire des Israélites 440), Шеггъ (Bibl. Archäol. 440), Фридрихъ (Tempel Salom. 28 и друг.). Основаніями этого второго мнѣнія указываютъ: *а*) Свидѣтельство 2 Пар. 3, 15, что мѣдныя колонны Соломона стояли *предъ* לפני храмомъ, слѣдовательно независимо отъ него. *б*) Употребленное объ установкѣ на мѣстѣ колоннъ выраженіе 1 Цар. 7, 21; 2 Пар. 3, 17 הקים, *установилъ, поставилъ устойчиво,* приложимое только къ самостоятельно стоящей колоннѣ и вовсе не идущее къ такимъ колоннамъ, которыя стояли въ стѣнѣ или въ порталѣ притвора. *в*) Обозначеніе колоннъ особенными именами Іахинъ и Боазъ показываетъ, что колонны были отдѣльными монументами и обращали на себя общее вниманіе; напротивъ, рядовой столбъ въ стѣнѣ не могъ быть отличенъ до того, чтобы получить собственное имя. „Только при совершенно независимомъ положеніи, говоритъ Штиглицъ, колонны могли обращать на себя такое вниманіе и имѣть то достоинство, на которое расчитывали для нихъ тѣ, которые называли ихъ по именамъ". *г*) То обстоятельство, что колонны были не каменныя, какъ вся стѣна притвора, а изъ мѣди, внутри полыя, имѣли двухчастный или даже трехчастный составъ, дѣлаетъ совершенно непонятнымъ ихъ положеніе въ притворѣ, какъ архитектонической части зданія. „Не было примѣра въ исторіи человѣческой архитектуры, чтобы подобная колонна стояла въ стѣнѣ зданія". *д*) Высота колоннъ не соотвѣтствуетъ высотѣ притвора, будемъ ли мы считать въ притворѣ 120 локтей (по масор. тексту

кн. Парал.) или 20 локтей (по другимъ текстамъ), или даже 30 локтей (по высотѣ корпуса храма). Но, само собою понятно, что если бы колонны стояли въ самой стѣнѣ притвора, какъ опоры сводовъ или крыши, то онѣ были бы сдѣланы по ея мѣркѣ. Обратное же заключеніе къ высотѣ притвора отъ высоты колоннъ и опредѣленіе высоты притвора высотою колоннъ было бы непозволительнымъ произволомъ по отношенію къ тексту. *е*) Въ библейскомъ текстѣ описаніе колоннъ сдѣлано не среди описаній храма и притвора, а совершенно независимо, среди описанія принадлежностей двора: мѣднаго моря и омывальниковъ. „Кромѣ того, — говорятъ разомъ Шнаазе и Бэръ, — время сооруженія мѣдныхъ колоннъ не совпадаетъ съ временемъ сооруженія храма и притвора: храмъ и притворъ были готовы уже въ седьмомъ году царствованія Соломона, а приготовленіе художникомъ Хирамомъ мѣдныхъ колоннъ относится ко времени окончанія работъ по постройкѣ дворца Соломона, т. е. къ тринадцатому году Соломона. Но невозможно, чтобы колонны появились не въ одно время съ притворомъ, если онѣ были его архитектоническою частью, чтобы, какъ объяснялъ Мерцъ, *сводъ притвора поддерживали какъ-нибудь на деревянныхъ балкахъ*, въ теченіе цѣлыхъ годовъ, до изготовленія болѣе твердой опоры въ видѣ мѣдныхъ колоннъ. *ж*) Указывали на то, что построеніе такихъ памятниковъ было извѣстно древнимъ евреямъ (2 Сам. 18, 18), и у другихъ народовъ были извѣстны памятники въ видѣ колонны съ капителью (колонна Помпея въ Александріи). Наконецъ *з*) указывали изображеніе іерусалимскаго храма, найденное въ Римѣ въ 1882 году, сдѣланное на стеклянномъ днѣ чаши, гдѣ колонны Іахинъ и Боазъ показаны отдѣльно отъ храма. — Ко всему этому мы должны прибавить, что сдѣ-

ланное нами описаніе цѣпей, сходящихъ отъ капители и утверждающихъ колонну на мѣстѣ, можетъ имѣть отношеніе только къ независимо стоящему памятнику. Впрочемъ, то мѣсто, которое мы назначаемъ колоннамъ, хотя не есть самый притворъ храма, не можетъ однакожъ назваться совершенно независимымъ отъ притвора, такъ какъ приводящая къ притвору лѣстница не могла быть относима къ пространству двора, окружавшаго храмъ, а скорѣе принадлежала храму и его платформѣ. Такъ какъ высота притвора была 20 локтей, а высота колоннъ съ капителями 23 локтя, и такъ какъ было бы ненатурально представлять колонны возвышавшимися надъ притворомъ, то онѣ должны были стоять на 4 или 5 локтей ниже уровня притвора, на 7-й или 8-й ступени, считая сверху. Указаннымъ нами положеніемъ колоннъ легко объясняются всѣ вышеприведенныя библейскія мѣста, въ которыхъ мѣдныя колонны то стоятъ *предъ* храмомъ, то принадлежатъ притвору храма, то являются самостоятельными памятниками, то связанными со входомъ храма. На основаніи чтенія LXX 3 Цар. 7, 20 можно было бы предположить, что на мѣдныя колонны спускался съ притвора особенный навѣсъ, μέλαθρον, образовавшій особенное крыльцо предъ храмомъ; но на это нѣтъ дальнѣйшихъ основаній. Такой навѣсъ несомнѣнно существовалъ только надъ входомъ Иродова храма.

Такъ какъ колонны іерусалимскаго храма Іахинъ и Боазъ не предуказаны въ законѣ Мойсея о скиніи и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ совершавшемуся въ храмѣ богослуженію (нѣкоторые изъ названныхъ изслѣдователей ошибочно ставили ихъ въ рядъ богослужебныхъ сосудовъ), и такъ какъ, съ другой стороны, онѣ обращали на себя особенное вниманіе,

какъ памятники, носившіе особенныя имена, какъ нѣкоторые полагаютъ, даже вырѣзанныя на ихъ стволахъ (Теній, d. Tempel Taf. III), то здѣсь возникаетъ еще особенный вопросъ: что значитъ ихъ появленіе въ іерусалимскомъ храмѣ и что имѣлось въ виду ими выразить? Не имѣя непосредственнаго отношенія къ культу, мѣдныя колонны, тѣмъ не менѣе, имѣли религіозное значеніе и, прежде всего, были памятниками религіозными. Являясь непосредственно предъ храмомъ, онѣ свидѣтельствовали о наступившемъ высшемъ періодѣ въ исторіи ветхозавѣтнаго святилища и теократіи. Такъ какъ трудами Соломона не только подвижное и не имѣвшее опредѣленнаго мѣста святилище стало прочнымъ неподвижнымъ храмомъ, но и затмило своимъ внѣшнимъ величіемъ и блескомъ всѣ святилища языческія, то мѣдные монументы предъ нимъ были памятниками религіознаго торжества царя и народа израильскаго. Но такъ какъ далѣе, самое построеніе храма Соломонова было невозможно безъ занятія земли обѣтованной и, слѣдовательно, безъ политическаго торжества Израиля, то разсмотрѣнныя колонны были памятниками исполнившихся божественныхъ обѣтованій о занятіи ханаанской земли, утвержденія прочнаго государства и глубокаго мира, воцарившагося въ странѣ народа Божія послѣ бурнаго періода предшествовавшихъ войнъ. Монументальныя мѣдныя колонны,—прибавляетъ Шнаазе,—были поставлены Соломономъ въ память удачнаго исполненія завѣщаній Давида о построеніи храма и установленіи богослуженія въ новой торжественности. Такое значеніе мѣдныхъ колоннъ мы читаемъ въ ихъ именахъ, торжественно и формально дадныхъ имъ Соломономъ и, можетъ быть, даже начертанныхъ на самыхъ колоннахъ: *Іахинъ* или, по LXX, Іахунъ и *Боазъ*. Такъ

какъ древнееврейское письмо читалось справа налѣво, то первое имя принадлежало правой сѣверной колоннѣ, а второе—лѣвой южной. Имя Іахинъ встрѣчается въ ветхозавѣтной исторіи: *а*) какъ имя сына Симеонова, отъ котораго пошелъ одинъ изъ симеонитскихъ родовъ (Числ. 26, 12); *б*) какъ имя одной священнической чреды (1 Пар. 24, 17), и отдѣльнаго принадлежавшаго къ ней священника (1 Пар. 9, 10; Неем. 11, 10). Именемъ же Боазъ или Воозъ назывался только предокъ Давида, извѣстный изъ исторіи Руѳи. Но нѣтъ никакого основанія предполагать, что на мѣдные памятники были перенесены имена именно этихъ лицъ, хотя въ таргумѣ на 2 Пар. 3, 17 и представляется возможнымъ, что вторая колонна была названа по имени предка Давидова. Равнымъ образомъ невозможно въ именахъ мѣдныхъ колоннъ видѣть особенныя неисторическія имена Давида и Соломона (Абарбанелъ), имена строителей или архитекторовъ храма (Гезеніусъ, Thesaur. 1, 223) [1] или сыновей Соломона (Евальдъ). Памятникъ отдѣльному лицу кто бы оно ни было, не могъ имѣть мѣста предъ самымъ фронтомъ храма. Остается предположить, что въ указанныхъ именахъ колоннъ выражена общая мысль, имѣющая отношеніе къ храму или теократіи. Чтобы понять ее, нужно прочитать то и другое имя совмѣстно и въ нарицательномъ значеніи. На основаніи написанія именъ въ переводѣ LXX Цар. и Іосифа Флавія: *Іахунъ Боозъ*, ихъ мысль нужно перевести такъ: „*да стоитъ онъ* (храмъ) *непоколебимо*“, или даже въ видѣ двухъ именъ существительныхъ: „*утвержденіе, крѣпость*“, по 2 Пар. 3, 17 по LXX. Если же имѣть въ виду чтеніе именъ въ

[1] У сидонянъ былъ обычай имена строителей храмовъ увѣковѣчивать въ народной памяти надписаніями въ портикахъ (см. финикійскую надпись Пирея, строка 4-я).

еврейскомъ текстѣ: *Іахинъ Боазъ* (=Баозъ), тогда подлежащимъ будетъ уже не храмъ, но самъ Господь храма, имя Котораго, и не будучи написаннымъ на колоннахъ, легко могло подразумѣваться здѣсь, въ области храма, и тогда переводъ словъ будетъ такой: „*Іегова да утвердитъ Своею силою*". Строитель храма, исполнивъ свое дѣло, дальнѣйшую судьбу святилища, и съ нимъ судьбу израильскаго народа, поручалъ Господу храма [1].

Но уже въ средніе вѣка многіе не довольствовались такимъ простымъ объясненіемъ колоннъ и искали болѣе глубокихъ основаній ихъ появленія при храмѣ. По іудейскому средневѣковому толкованію, двѣ мѣдныхъ колонны означали то солнце и луну (Ярхи), то самый продолжительный и самый короткій день года (Леви-бенъ-Герсонъ). У франмасоновъ колонны Іахинъ и Боазъ являлись носителями неба и земли или всего видимаго міра и прототипами въ архитектурѣ. Іахинъ на языкѣ франмасоновъ означало вертикальный а Боазъ—горизонтальный (Krause, die drei ältesten Urkunden der Freimaurerbrüderschaft, 1, 140 и дал.). Въ древнихъ христіанскихъ храмахъ на западѣ встрѣчаемъ даже дѣйствительныя подражанія мѣднымъ колоннамъ ветхозавѣтнаго храма, вмѣстѣ съ семисвѣщнымъ свѣтильникомъ. Такъ въ Вюрцбургскомъ соборѣ, сохранившемся отъ XI вѣка, по сторонамъ входа стоятъ двѣ колонны, и одна имѣетъ надпись Іахинъ, а другая — Боазъ. Сами по себѣ такія подражанія не были лишены значенія. Если въ храмѣ Соломоновомъ Іахинъ и Боазъ символизовали первую зарю торжества царства Божія

[1] Колонны Іахинъ и Боазъ были то же, что національный теократическій флагъ храма и культа Іеговы, долженствовавшій завершать то различіе въ планѣ и постройкѣ, какое имѣлъ іерусалимскій храмъ среди другихъ языческихъ храмовъ". (Еврейскій сборникъ П. Раббиновича: *Кнесесъ Исроелъ*. Варшава, 1886-87, стр. 1035).

надъ міромъ языческимъ, то въ христіанскомъ храмѣ онѣ могли указывать высшую степень этого торжества.

У нѣкоторыхъ новѣйшихъ западныхъ толкователей колонны Іахинъ и Боазъ теряютъ значеніе теократическихъ памятниковъ и признаются языческими по происхожденію на томъ основаніи, что въ натур-религіяхъ востока нерѣдко встрѣчаются колонны въ различныхъ видахъ и съ различнымъ символическимъ значеніемъ, то въ видѣ острыхъ столбовъ, знаменующихъ солнечный лучъ или огонь устремляющійся къ небу, то въ видѣ ствола дерева, знаменующаго земную производительность, то въ видѣ подпоры, знаменующей силу держащую міръ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ относятся непосредственно къ самому божеству. Частнѣе здѣсь можно указать два новѣйшихъ взгляда на значеніе колоннъ: По мнѣнію нѣкоторыхъ спеціалистовъ исторіи искусства, Штиглица, Вогюэ, Перро, колонны Іахинъ и Боазъ были подражаніемъ египетскимъ обелискамъ. Но что такое обелиски? Это — четыреугольные монолитные столбы, сдѣланные изъ гранита, стоящіе на низкомъ базисѣ, вверху съуживающіеся и оканчивающіеся такъ называемымъ пирамидіономъ, и по сторонамъ испещренные глубокими гіероглифами. Напротивъ Соломоновы колонны, Іахинъ и Боазъ, были изъ мѣди, круглы, очень толсты, имѣли равный діаметръ до самой вершины и вѣнчались массивными капителями. Такимъ образомъ въ наружномъ видѣ колоннъ Соломоновыхъ и обелисковъ нельзя указать ни одной точки соприкосновенія. То же нужно сказать и о значеніи тѣхъ и другихъ. Обелиски изображали лучи бога-солнца, во святилищѣ котораго они чаще всего и помѣщались. Но никакое остроуміе не въ состояніи доказать, что и массивныя мѣдныя колонны Соломона, 12 локтей въ обхватѣ, при сравни-

тельно небольшой высотѣ, символизовали тѣ же лучи солнца, что и ихъ можно было назвать иглами, какъ называли обелиски. Ничего общаго нѣтъ между колоннами Соломона и обелисками по ихъ мѣсту стоянія и обстановкѣ. Хотя обелиски обыкновенно ставились предъ храмами, но могли стоять и независимо отъ храмовъ, чего нельзя сказать о колоннахъ Соломона. Стоя предъ храмами, обелиски имѣли вокругъ себя ряды другихъ памятниковъ, въ видѣ колоссальныхъ каменныхъ статуй; напр. въ Лукзорскомъ храмѣ обелиски стоятъ рядомъ съ четырьмя сидящими колоссами, въ Филахъ — при двухъ львахъ, и т. д., — что опять не имѣетъ отношенія къ колоннамъ Соломона. Такимъ образомъ не остается ничего отъ всей предполагаемой аналогіи мѣдныхъ колоннъ и обелисковъ.

По другому объясненію Моверса (Religion der Phönizier, 292) и Фатке (Religion des alten Bundes 336), колонны Соломона изображали финикійскаго Геракла или Сатурна. Въ самомъ имени Іахинъ видѣли сходство съ финикійскимъ именемъ Сатурна Chiun, Chen; отсюда κίων, колонна. Такъ какъ корень слова Іахинъ или Chiun значитъ *быть твердымъ*, постояннымъ, то этимъ именемъ, говорятъ, указывается зависящій отъ Сатурна, вѣчно себѣ равный, порядокъ міра. Толщина колонны и ея большія капители знаменовали твердыя основанія вселенной. Напротивъ, имя другой колонны Боазъ, отъ арабскаго baaza, *быть въ движеніи*, указываетъ тотъ же порядокъ міра, но не въ неизмѣнныхъ его основахъ, а въ постоянно измѣняющихся формахъ. Это два Геракла Санхуніаѳона, Гераклъ неподвижный, покоющійся и Гераклъ неустанно шествующій впередъ. Подобная мысль, говоритъ Моверсъ, не недостойна была и храма Іеговы. Это толкованіе вошло даже

въ нѣкоторые популярные нѣмецкіе комментаріи библіи (напр. Герлаха). — Хотя такое толкованіе повидимому основательнѣе предшествующаго, но и въ немъ нѣтъ дѣйствительной прочности. Во-первыхъ, не доказано еще и то, чтобы идею покоющагося и подвижнаго Сатурна сами финикіяне изображали двумя колоннами. Моверсъ для доказательства этой мысли ссылается на тѣ же двѣ мѣдныя колонны Соломона, не находя другого примѣра въ области финикійскихъ памятниковъ. Но само собою разумѣется, что этимъ не доказывается ни возможность выраженія идеи Геракла двумя столбами, ни еще менѣе соотвѣтствіе этой идеѣ мѣдныхъ колоннъ Соломона. Совершенно ненаучно израильскіе символы произвольно понять въ финикійскомъ смыслѣ и отсюда выводить заключеніе, что они заимствованы отъ финикіянъ. Во-вторыхъ, невозможно, чтобы колонна, т. е. нѣчто устойчивое и неподвижное, особенно колонна такого значительнаго діаметра, обозначала собою вѣчное движеніе и чтобы, съ другой стороны, колонна такого значенія вовсе не отличалась по виду отъ другой колонны, имѣвшей совершенно противоположное значеніе вѣчнаго покоя. Въ-третьихъ, еще болѣе невозможно, чтобы колонны храма были символами какого либо божества, потому что, по основной заповѣди закона Мойсеева, у евреевъ не должно было существовать никакого образа непосредственно относящагося къ божеству. — По ближайшемъ изученіи финикійскихъ памятниковъ стали указывать параллель двумъ колоннамъ Соломона въ двухъ столбахъ Геракла храмовъ Тира и Кедеса. Тирскіе столбы были одинъ изъ золота, другой изъ смарагда, слѣдовательно небольшіе, а Кедесскіе столбы — одинъ изъ золота, другой изъ серебра одного локтя высоты и четыреугольной формы. Какъ образы самого божества,

эти столбы стояли не предъ храмами, а въ самыхъ главныхъ частяхъ храма. Что же остается у нихъ общаго съ столбами Соломона, имѣвшими другой матеріалъ, другіе размѣры и формы и служившими только воспоминаніемъ великаго событія въ исторіи теократіи?

Наконецъ, было еще одно мнѣніе (Ghillany, die Menschenopfer der alten Hebräer, 166), по которому мѣдныя колонны Соломона нужно считать образами Ваала и Астарты или символами земной производительности; одна колонна, изображавшая мужеское начало, якобы была выше, а другая женская ниже. Такимъ образомъ храмъ Соломоновъ былъ храмомъ типа хананеевъ. Подобное же объясненіе колоннъ развито и въ памфлетѣ Ферріера (Paganisme des Hébreux, 1884, 175 и дал.). Подробнаго разсмотрѣнія это мнѣніе не заслуживаетъ. Достаточно сказать, что тотъ же Гилляни и христіанскія церковныя башни считаетъ чувственными образами Ваала, заимствованными изъ древнихъ хананейскихъ культовъ!!!

Теперь, послѣ разсмотрѣнія всего внѣшняго вида Соломонова храма, его общую длину и ширину, вмѣстѣ съ боковыми и фронтовыми пристройками, мы можемъ выразить слѣдующими цифрами. Длину храма, отъ запада къ востоку, составляли: 5 локтей толщины стѣны боковой пристройки + 5 локтей широты боковыхъ келій + 6 локтей толщины западной стѣны корпуса храма + 60 локтей внутренней длины храма + 6 локтей толщины восточной стѣны храма + 10 локтей широты притвора + 6 локтей толщины стѣны притвора [1]. Итого

[1] Предположеніе Гринейзена, что боковыя трехъ-ярусныя пристройки были и на передней сторонѣ храма и заслоняли собою притворъ, не имѣетъ основанія; ими совершенно уничтожалось бы значеніе притвора.

98 локтей. Слѣдовательно, въ цоколѣ храма, который долженъ былъ нѣсколько выдаваться, можно полагать ровно 100 локтей длины. Ширина храма съ сѣвера на югъ состояла изъ слѣдующихъ цифръ: 5 локтей толщины сѣверной стѣны боковыхъ пристроекъ+5 локтей широты сѣверныхъ боковыхъ келій нижняго этажа+6 локтей толщины сѣверной стѣны корпуса самаго храма +20 локтей внутренней широты храма+6 локтей толщины южной стѣны корпуса храма+5 локтей широты южныхъ келій+5 локтей широты южной стѣны боковыхъ пристроекъ. Всего 52 локтя, а въ нижнемъ основаніи 54 локтя. Съ нѣкоторыми натяжками Вогюэ (Le Temple 29) длину корпуса храма, независимо отъ возможнаго расширенія цоколя, считаетъ равною 100 локтямъ, а ширину 50 локтямъ. Храмъ таинственный пророка Іезекіиля имѣлъ 100 локтей длины и 100 локтей ширины на лицевой его сторонѣ (Іезек. 41, 13—14).— Найденныя нами длина и ширина стоятъ въ наилучшемъ отношеніи къ внутренней высотѣ храма 30 локтей. Точно также Ливанскій дворецъ, построенный Соломономъ, имѣлъ 100 локтей длины, 50 ширины и 30 локтей высоты (1 Цар. 7, 2).

Если внѣшній видъ храма поражалъ своимъ величіемъ, массивностію и прочностію, то его внутренній видъ обращалъ на себя вниманіе неслыханнымъ въ древнемъ мірѣ богатствомъ и великолѣпіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, внутренній видъ храма описанъ въ библейскомъ текстѣ полнѣе внѣшняго, хотя и въ немъ есть пункты не вполнѣ ясные, обыкновенно восполняемые изъ книги пророка Іезекіиля и іудейскаго преданія.

Начнемъ описаніе со входовъ храма, которыхъ было собственно два: входъ съ притвора въ первое отдѣленіе храма и входъ въ святое святыхъ (входы во внѣшнія пристройки келій и въ притворъ отдѣлены въ описаніи отъ входовъ самаго храма, какъ внѣшнія и менѣе важныя). На описаніи входовъ библейскій текстъ останавливается съ замѣтнымъ вниманіемъ какъ потому, что входъ своимъ видомъ можетъ характеризовать все зданіе и у библейскихъ писателей указаніе входа нерѣдко замѣняетъ указаніе цѣлаго зданія (Втор. 12, 12: Ис. 3, 26, 14, 31; Пс. 87, 2), такъ и потому, что входъ и двери храма служили исходнымъ пунктомъ въ расположеніи всѣхъ внутреннихъ украшеній храма.

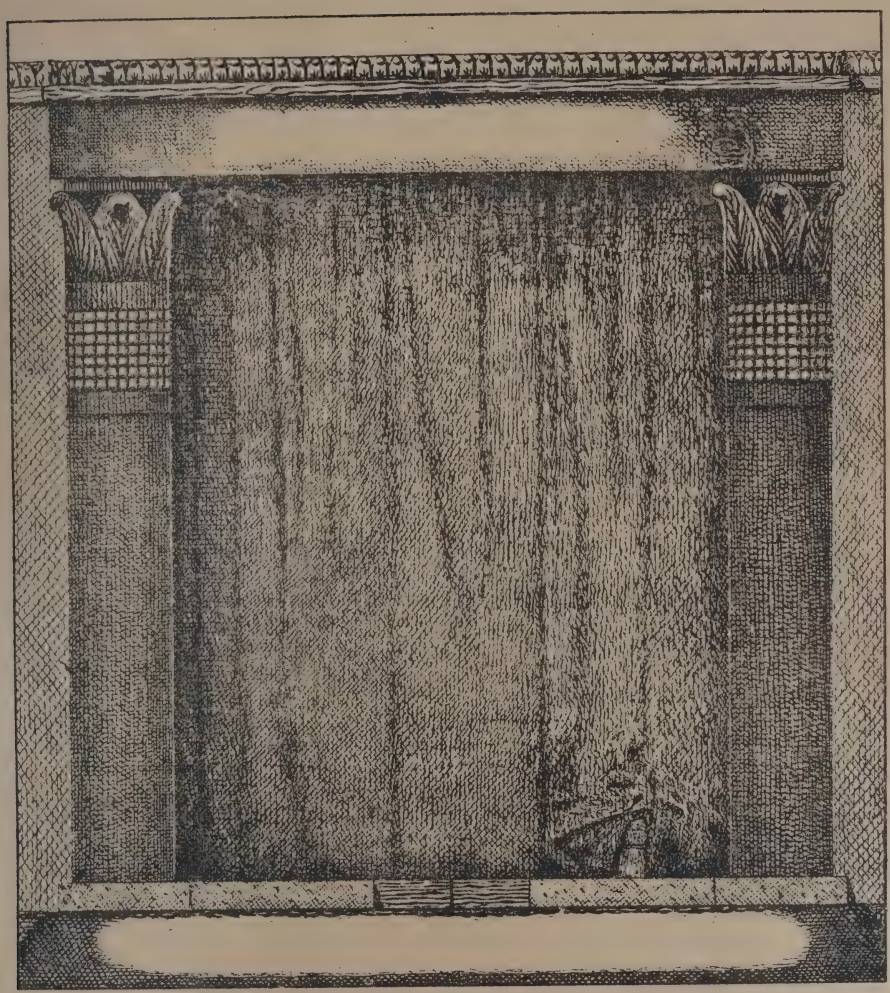
Въ описаніи входа въ первое отдѣленіе храма (1 Цар. 6, 33–35) прежде всего указывается, что онъ имѣлъ косяки изъ масличнаго дерева, выступавшіе въ формѣ четыреугольника или четыреугольной рамы или даже *двойного* четыреугольника или *двойной* четыреугольной рамы [1]. Для этого необходимо, чтобы входъ имѣлъ и приподнятый порогъ одинаковаго вида и отдѣлки съ косяками, дѣйствительно упоминаемый Іезек. 9, 3. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи (Гезеніусъ Thes. 1259, Кейль, Бэръ и др.) выраженіе текста מזוזות מאת רבעית понимаютъ не въ смыслѣ четыреугольной рамы косяковъ, а въ смыслѣ широты косяковъ или двери, равнявшейся четвертой части стѣны, т. е. 5 локтямъ (вся стѣна въ притворѣ имѣла 20 локтей ши-

[1] Указаніе на двойной четыреугольникъ косяковъ мы видимъ въ выраженіи: מאת רבעית. Въ нынѣшнемъ видѣ это масоретское чтеніе непонятно; слово מאת, какъ видно изъ 1 Цар. 6, 31, сюда не подходитъ. Мы думаемъ, что здѣсь, по недосмотру переписчика, переставлены буквы, первая на мѣсто третьей и третья на мѣсто первой, и что здѣсь должно было стоять слово תאם, которое мы встрѣчали въ описаніи угловыхъ брусьевъ скиніи, въ значеніи *двойни, близнецы*.

роты), или даже толщины стѣны въ дверной амбразурѣ (Вогюэ, Le Temple 30 и дал., Пайллу). Но такія объясненія не соотвѣтствуютъ другимъ показаніямъ величины входа и толщины стѣны и опровергаются въ 1 Цар. 7, 5 и Іезек. 41 21, гдѣ приведенное библейское выраженіе читается въ болѣе ясной конструкціи не въ смыслѣ ширины или глубины дверной амбразуры, а въ принятомъ нами смыслѣ четыреугольной рамы вокругъ двери, а также въ чтеніи LXX и другихъ древнихъ переводовъ. Самая дверь была сдѣлана изъ кипарисоваго дерева и была двойная, т. е. состояла изъ двухъ дверей, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, раздѣлялась на двѣ половины, независимо вращавшіяся на золотыхъ крючкахъ (1 Цар. 7, 50). У новѣйшихъ изслѣдователей есть два объясненія этого двухчастнаго вида двери. По однимъ (Кейль, Мерцъ, Евальдъ) двери храма названы двойными потому, что онѣ, кромѣ обыкновенной двустворчатой двери, имѣли вверху еще другую такую же дверь, растворявшуюся только въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, подобно тому какъ и у насъ, въ большихъ зданіяхъ, надъ нижнею входною дверью нерѣдко бываетъ другая такая же запасная дверь на особенные случаи. По мнѣнію другихъ (Теній, Ригмъ, Бэръ), двое дверей храма нужно представлять рядомъ, на одной линіи, въ видѣ двухъ большихъ половинъ воротъ, состоявшихъ каждая изъ двухъ самостоятельно вращавшихся досокъ, такъ что для обыкновеннаго входа одного лица достаточно было отворить не всю дверь, а только четвертую часть ея; затѣмъ можно было отворить половину всей двери или двѣ створы, три створы и наконецъ всю дверь. Оба эти объясненія намъ представляются слишкомъ искусственными и несогласными съ текстомъ; во всякомъ

случаѣ они предполагаютъ одну дверь двухчастную или четырехчастную, между тѣмъ какъ текстъ опредѣленно указываетъ двѣ отдѣльныхъ двери и каждой даетъ двѣ половины. Поэтому мы считаемъ необходимымъ возвратиться къ древнему преданію (см. Лундій, 315), по которому въ разсматриваемомъ мѣстѣ разумѣются двѣ отдѣльныхъ двери, стоявшихъ одна *за* другою, на наружной и внутренней сторонѣ дверной амбразуры. Подобнымъ образомъ и косяки дверей, какъ мы видѣли выше, показаны *двойные,* т. е. повторяющіеся на той и другой сторонѣ амбразуры. Разумѣется, въ такомъ случаѣ входъ будетъ гораздо меньше, чѣмъ проэктируютъ новѣйшіе изслѣдователи, доводящіе его до 17 и даже 20 локтей высоты (при 20 локтяхъ всей высоты притвора!!). Въ виду того, что оконныя отверстія храма были незначительны, нельзя слишкомъ расширять и дверей храма, тѣмъ болѣе, что какихъ нибудь большихъ процессій, которыя требовали бы удвоенной величины входа, въ храмѣ не было и что такихъ же двѣ двери показаны и для святаго святыхъ. Удвоенность же дверей нужно понимать въ смыслѣ двойной защиты и крѣпости. Во всякомъ случаѣ высоту двери мы полагаемъ не болѣе 10 локтей, соотвѣтственно высотѣ входа скиніи. По свидѣтельству LXX 1 Цар. 6, 36 (прибавленіе LXX въ концѣ стиха) и Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 3), входъ храма, независимо отъ двери, закрывался еще завѣсою, имѣвшею здѣсь воспоминательное значеніе о входной завѣсѣ скиніи, какъ видно на приложенномъ рисункѣ.

Описаніе входа и дверей святаго святыхъ сдѣлано параллельно описанію перваго входа (1 Цар. 6, 31). Состоя уже не изъ кипарисоваго, а изъ масличнаго дерева (у Іосифа Флавія ошибочно: изъ кедроваго), они имѣли косяки пятиугольные, איל מזוזות חמשית. Это вы-



Опущенная занавѣсь въ притворѣ

храма по Пэну.

раженіе названные выше изслѣдователи толкуютъ опять въ смыслѣ толщины или ширины дверной амбразуры: „*рама косяковъ имѣла пятую часть* (широты стѣны), т. е. 4 локтя. Но это было бы слишкомъ искусственное выраженіе: если бы здѣсь требовалось точно обозначить широту входа, то это было бы сдѣлано прямымъ указаніемъ количества локтей, безъ всякаго прикрытія, по общеизвѣстному библейскому обычаю. Понимать же здѣсь толщину дверной амбразуры 5 локтей (Вогюэ) нельзя, потому что это было бы слишкомъ большое средостѣніе между двумя частями храма. Спрашивается, какъ представлять косяки или образуемую косяками раму вокругъ двери въ пятиугольной формѣ? Библейскій текстъ, въ объясненіе этого, говоритъ только, что при косякахъ здѣсь было еще особенное прибавленіе, названное ail, множ. elim. Значеніе этого архитектурнаго термина не совсѣмъ ясно. LXX, халдейскій и сирскій переводы (въ книгѣ Іезекіиля) оставляютъ этотъ терминъ безъ объясненія, какъ собственное имя. Акилла переводитъ его чрезъ κρίωμα, завитокъ капители коринѳскаго ордена. Такое объясненіе хотя можетъ быть выведено изъ этимологическаго значенія слова ail, но оно несогласно со многими мѣстами кн. Іезекіиля, дающими аилу измѣренія, не свойственныя колоннѣ (40, 9, 21, 24, 26). Іеронимъ переводитъ ail чрезъ frons, frontes, т. е. фронтисписъ или выдающаяся при входѣ часть стѣны. Согласно съ этимъ и Симмахъ: τὸ περὶ τὴν θύραν, *что кругомъ двери*. Изъ этихъ объясненій очевидно, что подъ аиломъ разумѣется особенная отдѣлка входа или дверныхъ косяковъ, отличающаяся отъ обыкновенной своею художественною формою. Такъ какъ аилъ, прибавленный къ обыкновенной четыреугольной формѣ двери, въ данномъ случаѣ дѣлалъ ее пятиугольною, то это значитъ,

что, вмѣсто прямой верхней притолоки или прямого архитрава, здѣсь былъ архитравъ приподнятый къ срединѣ входа въ видѣ болѣе или менѣе остраго шпица, какъ это нерѣдко бываетъ надъ входомъ нынѣшнихъ церковныхъ царскихъ вратъ [1]. По свидѣтельству Іезекіиля, 41, 3, входъ святаго святыхъ имѣлъ слѣдующія измѣренія: 7 локтей широты, 6 локтей высоты при двухлоктевомъ аилѣ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ высота боковыхъ притолокъ была 6 локтей, высота средней части входа равнялась 8 локтямъ. Самая дверь, по библейскому описанію, была двойная, подобно двери святаго, т. е. не одна двустворчатая дверь, а въ собственномъ смыслѣ двѣ двери, одна на наружной, другая на внутренней сторонѣ амбразуры входа. Такое представленіе дверей святаго святыхъ ясно подтверждается свидѣтельствомъ Іезекіиля 41, 23–24: „во храмѣ и во святомъ святыхъ было по двѣ двери, и каждая дверь о двухъ доскахъ, подвижныхъ“. Разумѣется, отсюда необходимо слѣдуетъ, что стѣна, раздѣлявшая святое и святое святыхъ, была каменная и имѣла значительную толщину, хотя и не 5 локтей, какъ показано на планѣ Вогюэ, а вѣроятнѣе одинъ локоть, какъ полагаетъ іудейское преданіе по аналогіи съ толщиною брусьевъ скиніи Мойсея.

Если святое святыхъ имѣло дверь и даже двѣ двери, то, какъ само собою разумѣется, для того, чтобы эти двери затворялись и преграждали доступъ въ сокро-

[1] Въ одномъ изъ древнѣйшихъ толкованій христіанской литургіи, приписываемомъ Св. Софронію, говорится, что „космитъ, т. е. верхняя надверная доска царскихъ вратъ съ изображеніемъ креста, соотвѣтствуетъ ветхозавѣтному космію“ (Писан. отцевъ, относ. къ истолков. богослуженія, 1, 269). Не имѣлъ ли космитъ или крестъ на немъ пятиугольной формы? Въ іудейскихъ синагогахъ завѣса предъ ковчегомъ съ свиткомъ закона имѣетъ изображеніе пятиугольной звѣзды.

венное отдѣленіе святилища. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи (Бэръ, d. Salom. Tempel 141, Кейль, d. Tempel, 75, Вольфъ, Der Tempel von Ierusalem, 1887, 24 и друг.) считаютъ необходимымъ представлять двери святаго святыхъ всегда раскрытыми и существующими только для виду. Основаніемъ такого мнѣнія послужило то, что, по 2 Пар. 3, 14, здѣсь была завѣса, закрывавшая входъ, во всемъ подобная внутренней завѣсѣ скиніи, и что, по 1 Цар. 8, 8; 2 Пар. 5, 9, концы шестовъ ковчега завѣта, стоявшаго во святомъ святыхъ, достигали до самой входной завѣсы и упирались въ завѣсу такъ, что точки ихъ соприкосновенія можно было видѣть снаружи,—чего не могло бы быть, если бы святое святыхъ имѣло двѣ закрытыхъ двери. Да и закрыть двери, говорятъ, нельзя было, вслѣдствіе вдававшихся въ амбразуру входа шестовъ ковчега. — Но *а*) завѣса предъ святымъ святыхъ вовсе не исключаетъ существованія закрытой двери, подобно тому, какъ завѣса перваго отдѣленія не исключала существованія такой двери. Назначеніемъ завѣсы святаго святыхъ было служить воспоминаніемъ о завѣсѣ скиніи и закрывать видъ святаго святыхъ въ то время, когда его двери отворялись, т. е. во время богослуженія дня Очищенія. Отсюда и новозавѣтное выраженіе: *завѣса церковная раздрася* (Матѳ. 27, 51) нужно понимать въ отношеніи къ той картинѣ святилища, которую имѣетъ въ виду ап. Павелъ (Евр. гл. 9), изображающій новозавѣтнаго первосвященника, въ моментъ своей смерти, входящимъ въ небесное святое святыхъ съ своею искупительною кровью. Тогда какъ ветхозавѣтный первосвященникъ, отворявшій двери святаго святыхъ, имѣлъ за собою тяжелую завѣсу, скрывавшую видъ на внутреннюю часть храма, врата, растворившіяся предъ новозавѣтнымъ первосвященникомъ,

не могли быть замѣнены завѣсою, которая въ этотъ моментъ раздралась. *б)* Что касается выраженія 1 Цар. 8, 8; 2 Пар. 5, 9 объ отношеніи носильныхъ шестовъ ковчега завѣта ко входу святаго святыхъ, то оно вовсе не говоритъ, чтобы шесты упирались въ завѣсу и чтобы закрытой двери здѣсь не было. Самое это выраженіе читается такъ: *головки шестовъ ковчега были видны съ святаго предъ давиромъ.* Если Кейль и Бэръ вывели отсюда заключеніе, что шесты прикасались къ самой завѣсѣ и мѣсто этого прикосновенія можно было замѣчать снаружи (предположеніе невѣрное потому уже, что, по законамъ перспективы, легкое возвышеніе въ завѣсѣ отъ прикосновенія шестовъ не могло быть замѣтно для наблюдающаго снаружи), то Евальдъ съ такимъ же правомъ вывелъ отсюда другое заключеніе, что концы шестовъ ковчега проходили сквозь нарочито сдѣланныя отверстія въ *закрытой двери* и потому могли быть видны снаружи. На самомъ же дѣлѣ оба эти предположенія равно невозможны. Никакъ нельзя предположить такой установки ковчега завѣта, чтобы его шесты выдавались въ самую амбразуру двери святаго святыхъ, потому что тогда входъ во святое святыхъ былъ бы совершенно загражденъ (см. стр. 146, объ установкѣ ковчега завѣта въ скиніи). Выраженіе же *были видны* (1 Цар. 8, 8; 2 Пар. 5, 9) имѣетъ смыслъ только предположительный: шесты ковчега были такъ длинны, что концы ихъ *могли бы быть* видны съ святаго, если бы они были обращены къ сторонѣ двери [1]. Но что они не были обращены къ двери, это ясно показано въ непосредственно слѣдующихъ словахъ: ולא יראו החוצה, *но на самомъ*

[1] Неясность выраженія зависитъ отъ отсутствія въ древнееврейскомъ языкѣ особеннаго условнаго наклоненія, выражаемаго тѣмъ же изъявительнымъ наклоненіемъ.

дѣлѣ они не были видны снаружи. Такимъ образомъ предположеніе, что сложная система дверей святаго святыхъ существовала только для виду и что на самомъ дѣлѣ его двери никогда не затворялись, лишено всякаго основанія. Мало того, что двери святаго святыхъ были всегда закрыты, библейское описаніе представляетъ ихъ даже заключенными и какъ бы запечатанными при помощи особенныхъ золотыхъ цѣпей, спускавшихся по стѣнѣ святаго святыхъ, утверждавшихъ неподвижное положеніе закрытыхъ дверей и такимъ образомъ служившихъ символомъ запечатанной тайны святаго святыхъ (1 Цар. 6, 21). Весьма замѣчательно, что расположеніе золотыхъ цѣпей на входѣ святаго святыхъ или давира сравнивается съ расположеніемъ мѣдныхъ цѣпей при колоннахъ Іахинъ и Боазъ, самыми именами своими знаменующихъ неприступную твердость и непоколебимость (2 Пар. 3, 16). Подобно тому какъ каждая изъ двухъ колоннъ утверждалась семью цѣпями, и каждая изъ двухъ дверей святаго святыхъ была символически скована тѣмъ же священнымъ числомъ семи цѣпей, семи таинственныхъ печатей, которыхъ никто не достоинъ былъ снять до явленія Агнца Божія (Апок. 5, 1 и дал.). По объясненію Мейра (d. Tempel, 20) и Гринейзена (Kunstblatt, 1831, 310), цѣпи имѣли отношеніе не къ двери святаго святыхъ, а только къ треугольному отверстію, бывшему якобы въ стѣнѣ *надъ* дверью святаго святыхъ. Но существованіе такого отверстія нигдѣ не указывается; оно также было бы неумѣстно въ стѣнѣ святаго святыхъ, какъ и постоянно раскрытая дверь. И, съ другой стороны, весьма трудно представить какое либо отношеніе цѣпей къ отверстію въ стѣнѣ. Тѣ изслѣдователи (Кейль), которые цѣпи мѣдныхъ колоннъ Соломона представляли сѣтчатою работою или рисункомъ

на самой капители, принуждены и здѣсь, на входѣ святаго святыхъ, искать такихъ же орнаментовъ, хотя здѣсь капителей вовсе не было и хотя библейскія выраженія: *распростеръ цѣпи* (1 Цар. 6, 21), *сдѣлалъ цѣпи* (2 Пар. 3, 16) ясно указываютъ дѣйствительныя цѣпи, а не рѣзную работу въ видѣ поддѣлки подъ цѣпь или сѣть [1]).

Особеннымъ доказательствомъ существованія дѣйствительной закрытой двери во святомъ святыхъ служитъ то, что она своимъ видомъ и бывшими на ней изображеніями представляла норму для распредѣленія всѣхъ внутреннихъ стѣнныхъ украшеній храма. На основаніи 1 Цар. 6, 15—22; 29—30 объ украшеніи стѣнъ храма нужно сказать слѣдующее. Прежде всего, вся внутренность храма была выложена деревомъ или деревянными досками, стѣны и потолокъ кедровыми, а полъ кипарисовыми, такъ что камня внутри храма не было видно. Стѣнныя доски были украшены стѣнною рѣзьбою, состоявшею у древнихъ изъ вырѣзанныхъ вглубь рельефовъ, en creux, греч. κοιλάνάγλυφα (а не выступавшихъ изъ стѣны, caelaturae eminentes, какъ Вульгата), т. е. изъ глубоко углубленныхъ главныхъ очерковъ картины, отдѣльныя изображенія которой, конечно, представляли извѣстныя выпуклости, но никогда не выдавались выше плоскости стѣны. Сюжетами картинъ были фигуры херувимовъ, извѣстныя намъ изъ описанія скиніи, съ прибавленіемъ пальмъ, колокинтовъ (родъ дикихъ огурцовъ) и распу-

[1] Въ раввинскомъ преданіи золотыя цѣпи на входѣ святаго святыхъ сопоставляются съ поперечными шестами, скрѣплявшими стѣны скиніи. Раши прямо переводитъ: „провелъ Соломонъ золотые *шесты* предъ давиромъ“ (1 Цар. 6, 21). Кимхи: „онъ провелъ шесты и цѣпи“. Леви-бенъ-Герсонъ: „онъ сдѣлалъ нѣчто похожее на шесты и цѣпи“. Такъ какъ въ скиніи главный шестъ или просовъ проходилъ *сквозь* самые брусья, то и здѣсь, по представленію Кимхи, золотые шесты давира двигались въ особенныхъ отверстіяхъ въ массивѣ стѣны, имѣвшей одинъ локоть толщины, какъ и деревянная стѣна скиніи Мойсея.

стившихся цвѣтовъ. Выборъ пальмы объясняется не только тѣмъ, что это было самое красивое и полезное дерево, символъ красоты, величія и нравственныхъ совершенствъ (Пс. 92, 13), но и тѣмъ, что, по признанію древнихъ, пальма имѣла своимъ отечествомъ Палестину, откуда она распространилась по всему древнему востоку. Извѣстно, что и на римскихъ монетахъ побѣжденная Іудея изображалась подъ образомъ пальмы. Такимъ образомъ пальма въ іерусалимскомъ храмѣ была символомъ утвердившагося царства Божія въ землѣ обѣтованной [1]. Этимъ объясняется отсутствіе этого образа въ скиніи, какъ святилищѣ пустыни, устроенномъ только еще на пути въ Палестину. Колокинты же и распустившіеся цвѣты имѣли только второстепенное значеніе, окружая поле херувимовъ и пальмъ, подобно гранатовымъ яблокамъ, окружавшимъ колонны. Что касается колокинтовъ, то это могли быть даже независимыя отъ стѣны шарообразныя украшенія, висѣвшія на особенныхъ цѣпочкахъ. Въ пользу такого предположенія мы можемъ указать: *а*) аналогію тѣхъ же гранатовыхъ яблокъ, висѣвшихъ вокругъ мѣдныхъ колоннъ, и виноградныхъ кистей, висѣвшихъ на золотыхъ цѣпяхъ въ храмѣ Ирода; *б)* ясное указаніе 2 Пар. 3, 5, что при стѣнныхъ картинахъ храма спускались по стѣнѣ *цѣпочки*, назначеніе которыхъ не указано и не можетъ быть указано, если не считать таковымъ назначеніемъ держать висѣвшіе вокругъ картинъ золотые шары въ видѣ колокинтовъ; *в*) сохранившійся отъ древности и нынѣ

[1] Впрочемъ, современные изслѣдователи слишкомъ злоупотребляютъ значеніемъ пальмъ въ ветхозавѣтной символикѣ. Но дальше всѣхъ пошелъ въ этомъ случаѣ Енкель (die Lösung des Paradiesestrage, 1885, стр. 94), признавшій пальмовыя деревья на стѣнахъ Соломонова храма символами частыхъ въ древнее время вулканическихъ явленій природы!!!

весьма распространенный на востокѣ обычай употребленія такихъ висячихъ шаровъ, спускающихся съ потолка и стѣнъ. Нынѣшнія іерусалимскія мечети, находящіяся на самой площади Соломонова храма, наполнены подобными шаровидными украшеніями, спускающимися съ куполовъ и боковыхъ нефовъ. Нѣчто подобное находятъ и на памятникахъ древняго Египта (Chipiez Histoire des ordres Grecs, 21).

Деревянныхъ досокъ, покрывавшихъ каменныя стѣны храма, нигдѣ въ храмѣ не было видно, такъ же какъ и камней. Въ свою очередь, онѣ вездѣ были покрыты листовымъ золотомъ, не исключая потолка, рѣшетокъ въ окнахъ, ступеней, приводившихъ къ святому святыхъ и пола. Что золотая обкладка храма при этомъ не была слишкомъ тонкою [1], можно заключать изъ того, что, по 2 Пар. 3, 8—9, на позолоту одного святаго святыхъ, куба 20 локтей, потребовалось 600 талантовъ золота (талантъ равенъ 3000 сиклей, а сикль обыкновенно считаютъ равнымъ одному лоту) [2]; каждый гвоздь, которымъ были прибиты золотые листы, имѣлъ 50 сиклей золота. Само собою разумѣется, что золотая обкладка не должна была скрывать стѣнныхъ изображеній, вырѣзанныхъ на деревѣ. Нѣкоторые полагали, что золотые листы были исключительно гладки и потому помѣщались только въ свободныхъ мѣстахъ, незанятыхъ рѣзьбою, въ видѣ золотого поля, обрамлявшаго деревянныя картины. Но это противорѣчитъ свидѣтельству 1 Цар. 6, 32, 35, гдѣ прямо говорится, что золото, соот-

[1] По этому вопросу Кейль приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Винкельмана (Baukunst der Alten, II § 23): „при позолотѣ чрезъ огонь золотые листы древнихъ къ нынѣшнимъ золотымъ листамъ по ихъ толщинѣ стояли въ отношеніи 6 къ 1 и даже 22 къ 1“.—[2] Чтобы понять значеніе этой цифры, нужно припомнить, что весь почти государственный годовой доходъ Соломона золотомъ равнялся только 666 талантамъ (1 Цар. 10, 14).

вѣтственнымъ образомъ прилаженное, מִישָׁר, должно было покрывать и фигуры херувимовъ и пальмъ. Такимъ образомъ рѣзныя изображенія на деревѣ отпечатлѣвались и на верхней золотой обкладкѣ, напоминавшей въ такихъ пунктахъ золотые и серебряные оклады нашихъ русскихъ иконъ. По свидѣтельству 2 Пар. 3, 6, по золоту еще были расположены разноцвѣтные драгоцѣнные камни для украшенія; но родъ камней и способъ ихъ распредѣленія не указанъ. Та же рѣзная работа и золотой окладъ покрывали одну и другую дверь во святомъ и святомъ святыхъ, внутри и снаружи [1].

Само собою разумѣется, что вырѣзанныя на деревѣ и отпечатлѣвавшіяся на золотѣ изображенія, въ своемъ взаимномъ отношеніи, должны были слѣдовать извѣстному порядку расположенія или симметріи (מדות, Іезек. 41, 17), не указанной, однакожъ, въ историческихъ книгахъ. Всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что изображенія дѣлились на отдѣльныя картины, въ центрѣ которыхъ, соотвѣтственно Іезек. 41, 18, стояла пальма, а по сторонамъ два херувима; такимъ образомъ херувимы осѣнялись развѣсистыми листьями пальмы. Свободное пространство картины было заполнено цвѣтами; по сторонамъ картины на золотыхъ цѣпочкахъ висѣли съ потолка золотые шарики. Всѣ картины храма состояли изъ повторенія этого основнаго вида картинъ; по крайней мѣрѣ эти только элементы упоминаются вездѣ, гдѣ только въ библейскомъ текстѣ выставляются на видъ храмовыя изображенія. Но о величинѣ и количествѣ этихъ картинъ и порядкѣ слѣдованія ихъ одной

[1] «Богатая орнаментація на такомъ бѣдномъ матеріалѣ, какъ дерево, была бы не совсѣмъ понятна безъ золотой обкладки. Съ другой стороны, выемки и легкіе рельефы помогали прочному утвержденію золотой обкладки». (Chipiez, Histoire critique des origines des ordres Grecs, 1876, p. 20).

за другою археологи и спеціалисты исторіи искусства не согласны между собою. Мейеръ, Штиглицъ и Пайллу (см. рис. къ стр. 235), на всей 20-локтевой высотѣ святаго святыхъ считали возможнымъ помѣстить только одинъ рядъ такихъ картинъ, т. е. рядъ 20-локтевыхъ пальмъ среди херувимовъ. Такую же, а у Пайллу еще большую, высоту имѣли и картины перваго отдѣленія храма. Верхняя же часть стѣнъ святаго, какъ занятая окнами, по этому толкованію, картинъ не имѣла. Едва ли можно согласиться съ такою необыкновенною высотою херувимовъ. Съ одной стороны, она противорѣчитъ основному образу херувимовъ, двумъ статуямъ, стоявшимъ при ковчегѣ завѣта и имѣвшимъ не 20, а 10 локтей высоты (1 Цар. 6, 23), а съ другой стороны, какъ справедливо замѣтилъ Гринейзенъ (Kunstblatt, № 75, стр. 299), „она мѣшаетъ правильности отношеній въ частяхъ фигуры, при той малой пластической выпуклости изъ стѣны, какую можно было дать имъ при рѣзьбѣ на деревѣ“. Напротивъ, Коппъ (der Tempel Salomo's Taf.), оставляя одинъ рядъ такихъ картинъ во святомъ святыхъ, въ первомъ отдѣленіи храма помѣщаетъ два ряда, а въ притворѣ даже три. Съ расположеніемъ картинъ двумя рядами согласенъ и Кейль (der Tempel, 72). Гиртъ же (der Tempel, Taf. III), устранившій окна изъ своей реставраціи храма, помѣщаетъ и во святомъ три ряда картинъ, каждый рядъ 10 локтей высоты; такое расположеніе картинъ храма соотвѣтствуетъ сдѣланному Гиртомъ расположенію трехъ этажей такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ. Совершенно особенный видъ храму даетъ Вогюэ (Le Temple, 32), представляющій на стѣнахъ храма только барельефы цвѣтовъ и шаровъ и въ одномъ святомъ святыхъ полныя картины херувимовъ и пальмъ.

Но всякое расположеніе картинъ храма будетъ казаться произвольнымъ, если оно не исходитъ изъ опредѣленныхъ библейскихъ указаній. Мы уже говорили, что такія указанія можетъ дать устройство двери, такъ называемые дверные аилы или элимы. Какъ видно изъ описаній пророка Іезекіиля, аилы или искусственные косяки, бывшіе кругомъ двери, въ правильномъ порядкѣ повторялись по всей длинѣ храма, представляя собою мнимыя двери или свойственную двери отдѣлку безъ самой двери. Такой порядокъ расположенія картинъ Іезекіиль указываетъ даже для другихъ построекъ во дворахъ храма (Іезекіиль 40, 16, 31). Нѣчто подобное можно встрѣчать и въ древнихъ памятникахъ Египта и Ассиріи, гдѣ система дверныхъ украшеній съ четыреугольными или закругленными вверху косяками и боковыми пилястрами чрезъ извѣстные промежутки повторяется кругомъ стѣнъ; иногда они раздѣляются колоннами или выступами въ стѣнахъ. Другими словами: аилы или косяки двери храма во всѣхъ другихъ мѣстахъ имѣли значеніе картинныхъ рамъ. Какъ дверь представляетъ всегда большую или меньшую впадину въ стѣнѣ, такъ и отраженія двери въ аилахъ представляли видъ легкихъ впадинъ или нишъ, оживлявшихъ монотонную линію стѣнъ. Это видно изъ того, что пророкъ Іезекіиль (41, 1) измѣреніе аиловъ или элимовъ называетъ измѣреніемъ *шатра* или ниши, т. е. образовавшагося въ стѣнѣ сводистаго углубленія. Положительнымъ же образомъ двери храма вводятся въ систему картинъ и другихъ орнаментовъ храма тѣмъ, что и имъ даются совершенно тѣ же рѣзныя изображенія херувимовъ, пальмъ и цвѣтовъ, которыя были и на стѣнахъ храма (1 Цар. 6, 29, 35). Но такъ какъ величина двери давала опредѣленныя границы полю картины и такъ какъ другія, со-

вершенно подобныя по сюжету, стѣнныя картины не могли быть произвольно разбросаны по стѣнамъ, въ произвольныхъ размѣрахъ, но должны были располагаться по всеобщему закону соразмѣрности, то двери храма мы должны представлять центральною картиною въ ряду другихъ совершенно подобныхъ картинъ. Это тѣмъ болѣе необходимо допустить, что двери, по крайней мѣрѣ во святомъ святыхъ, всегда были закрыты и имѣли значеніе только картины, а не двери. Но двери святаго и двери святаго святыхъ, какъ мы знаемъ, были не на одномъ уровнѣ; какъ грунтъ святаго святыхъ, такъ и его двери, были на 10 локтей выше грунта и двери святаго; такимъ образомъ порогъ двери святаго святыхъ приходился надъ вершиною двери святаго. Отсюда выходитъ необходимость двухъ ярусовъ картинъ, нижняго, центромъ котораго служила дверь приводившая съ притвора въ первое отдѣленіе храма, и верхняго, центромъ котораго служила дверь святаго святыхъ. Нижній ярусъ картинъ, соотвѣтственно десятилоктевой высотѣ двери святаго, имѣлъ 10 локтей высоты во всѣхъ отдѣльныхъ аилахъ или рамахъ, причемъ, конечно, фигуры, помѣщенныя въ рамахъ, были гораздо меньше. Картины верхняго яруса, приспособленныя къ размѣрамъ двери святаго святыхъ, были на два локтя меньше нижнихъ. Аилы или рамы картинъ нижняго яруса были четыреугольны; аилы верхняго яруса, вмѣстѣ съ аиломъ двери святаго святыхъ, были пятиугольны, съ прибавленіемъ къ обыкновеннымъ четыремъ угламъ картины еще пятаго угла вверху, въ видѣ шпица. Нижній ярусъ картинъ принадлежалъ только первому отдѣленію храма; напротивъ, второй ярусъ обходилъ всѣ стѣны святаго и святаго святыхъ, причемъ исходнымъ пунктомъ расположенія картинъ для перваго отдѣленія храма служила

передняя изъ двухъ дверей святаго святыхъ, а исходнымъ пунктомъ картинъ внутренняго отдѣленія—задняя дверь, бывшая на западной сторонѣ дверной амбразуры. Наконецъ, остававшееся еще вверху пространство около 10 локтей высоты не имѣло особой двери, какъ исходнаго пункта для расположенія аиловъ; но за то оно имѣло, по крайней мѣрѣ въ большомъ отдѣленіи храма, окна, количество и порядокъ которыхъ должны были соотвѣтствовать количеству и порядку картинъ нижнихъ рядовъ. Нужно полагать, что здѣсь картинъ уже не было, но аилы или рамы окружали амбразуры оконъ или густыя рѣшетки оконъ, которыя, какъ удостовѣряетъ раввинское преданіе, были не съ наружной, а съ внутренней стороны стѣнъ, слѣдовательно въ самыхъ аилахъ. Разумѣется, этотъ третій рядъ аиловъ съ оконными рѣшетками, такъ же какъ и нижній, принадлежалъ только большому отдѣленію храма. — Были ли внутри храма Соломона колонны? Если колонны были снаружи во дворѣ храма, то, конечно, могли быть и внутри, хотя трудно опредѣлить ихъ положеніе. Пайллу (см. рис. къ стр. 235) даетъ мѣсто колоннамъ у самыхъ стѣнъ храма между изображеніями херувимовъ; но этими колоннами онъ вытѣсняетъ изображенія пальмъ, которыя непремѣнно должны были быть между херувимами. Лучше согласиться съ Фергюссономъ (The Temples of the Jews, 28), что колонны проходили по длинѣ перваго отдѣленія двумя рядами и раздѣляли святое на три нефа. Это очень важно было для поддержанія крыши [1].

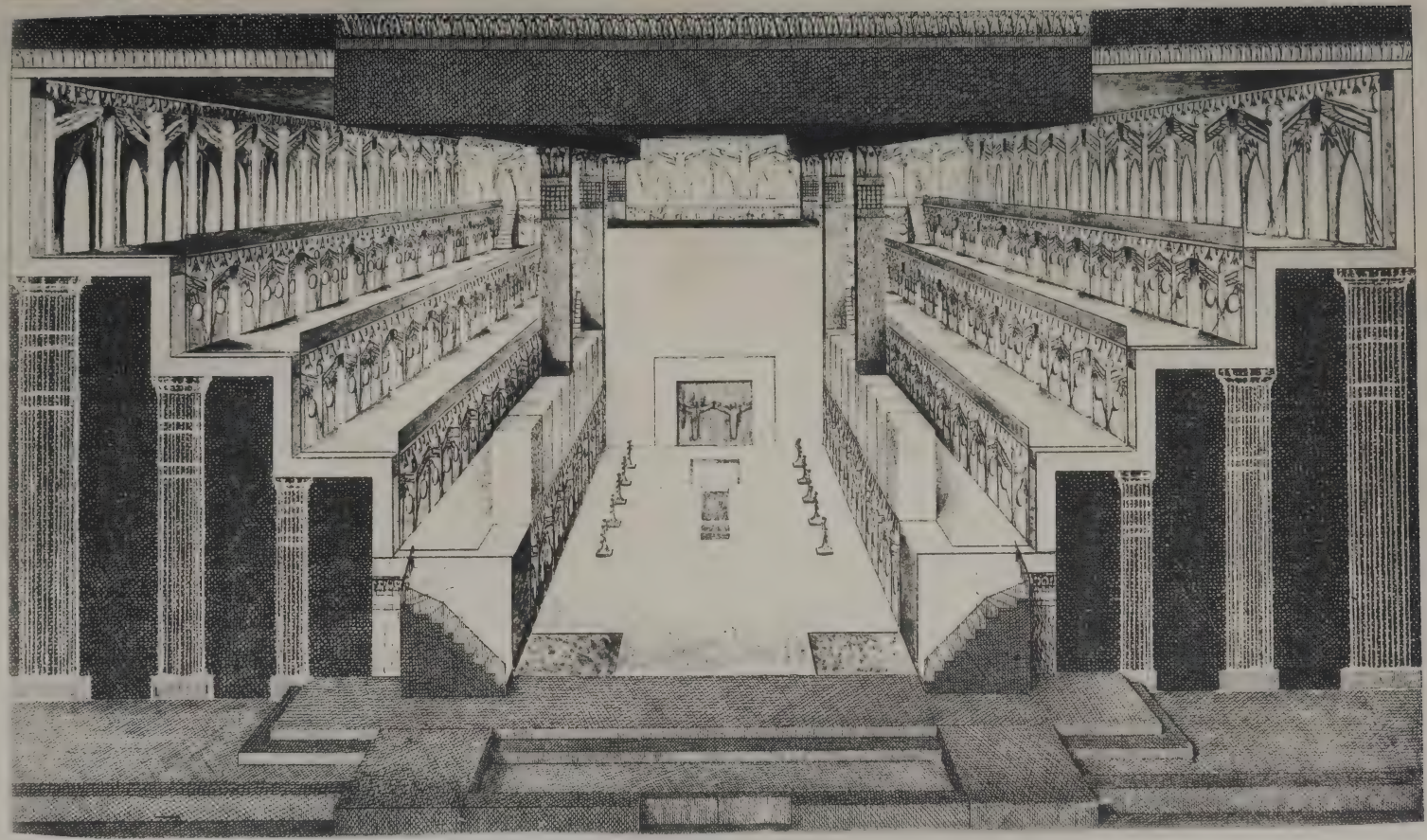
---

[1] Въ кн. 1 Цар. 10, 12 говорится, что изъ краснаго дерева были сдѣланы подпоры въ домѣ Божіемъ, а 2 Цар. 18, 16 говорится, что Езекія снялъ золото, покрывавшее столбы въ храмѣ. Возможно, что здѣсь разумѣются столбы или колонны внутри храма, державшіе его тяжелую крышу.

Теперь, когда мы уже разъяснили внутренній и внѣшній видъ Соломонова храма, прежде чѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшимъ вопросамъ, позволяемъ себѣ остановиться еще на одной новѣйшей гипотезѣ, налагающей на ветхозавѣтное святилище совершенно другія формы. Вслѣдствіе крайней своеобразности этой гипотезы, идущей неслыханнымъ доселѣ путемъ, мы не могли заняться ею въ предшествовавшей общей критикѣ другихъ гипотезъ. Разумѣемъ гипотезу Пэна, развитую въ его обширной монографіи „Solomon's Temple and Capitol, 1886". Такъ какъ, вѣроятно, немногіе изъ нашихъ читателей будутъ имѣть въ рукахъ это новое сочиненіе о храмѣ уже по причинѣ его необычайно высокой цѣны [1], то, для болѣе полнаго ознакомленія съ нимъ, заимствуемъ изъ него прилагаемые здѣсь рисунки, внутренняго и внѣшняго вида храма Соломонова.

То, что называютъ внѣшними боковыми пристройками ветхозавѣтнаго храма, были не внѣшнія пристройки, а внутреннее расширеніе вмѣстимости храма. Дѣйствительно, въ кн. Цар. говорится, что храмъ постепенно съуживался, но при этомъ не показано направленіе, по которому нужно вести его постепенное съуженіе. Всѣ толкователи до настоящаго времени полагали естественнымъ, что съуженіе шло въ направленіи снизу вверхъ, что вслѣдствіе боковыхъ пристроекъ храмъ внизу былъ шире, а вверху, гдѣ боковыхъ пристроекъ не было, уже. Но пророкъ Іезекіиль указываетъ совершенно обратный порядокъ расширенія храма: „храмъ, поднимаясь выше и выше, все болѣе и болѣе расширялся кругомъ во всѣ стороны боковыми ярусами" (41, 7). Способъ расширенія храма въ его верхнихъ частяхъ состоялъ въ слѣдующемъ. Указанная въ текстѣ широта

[1] Намъ лично пріобрѣтеніе сочиненія Пэна обошлось въ 76 р. 50 к. сер.



РАСПОЛОЖЕНІЕ БОКОВЫХЪ ГАЛЛЕРЕЙ ХРАМА
ПО ПЭНУ.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

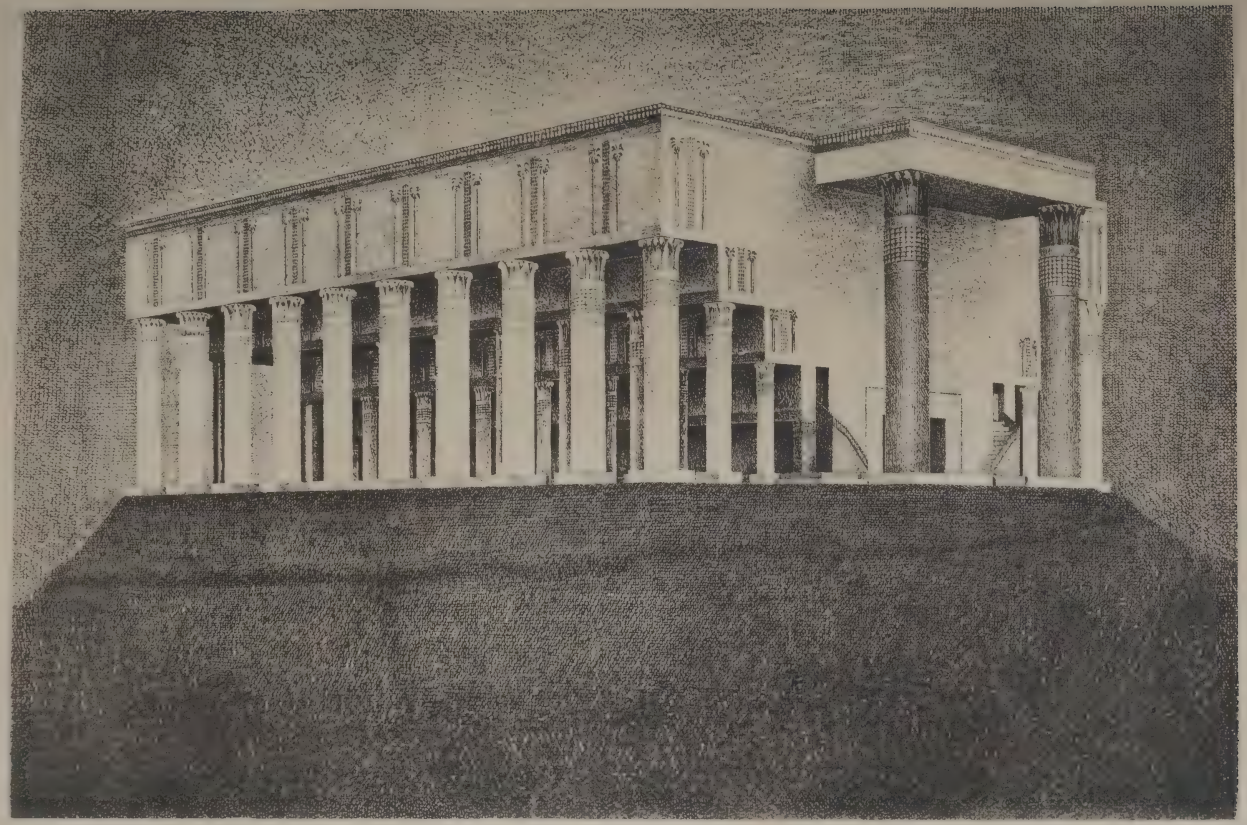
ВНУТРЕННОСТЬ ХРАМА СОЛОМОНА

ПО ПЭНУ.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул. № 18.

храма 20 локтей и длина 60 локтей относятся къ внутренности храма въ его нижней части. Въ верхнихъ же частяхъ внутренность храма постепенно расширялась амфитеатрально возвышавшимися одна надъ другою платформами или ярусами, постепенно отступавшими отъ нижнихъ границъ внутренности храма. Начиная отъ пола храма та основная его стѣна, которая давала ему 20 локтей широты, возвышалась отвѣсно только на 5 локтей высоты; на этой невысокой стѣнѣ были расположены указанныя у Іезекіиля темныя (?) камеры кругомъ, числомъ 33, заключавшія въ себѣ важнѣйшую часть сокровищъ храма. На этой же невысокой стѣнѣ, какъ показано на приложенномъ рисункѣ, стояли колонны, 3 на сѣверной и 3 на южной сторонѣ, поддерживавшія потолокъ центральной части храма. За колоннами проходили три платформы, совершенно открытыя къ срединной залѣ храма: нижняя платформа 5 локтей ширины, средняя 6 локтей и верхняя 7 локтей, согласно 1 Цар. 5, 6; нижняя платформа отъ пола срединной залы отстояла на высотѣ 10 локтей, средняя на высотѣ 15 локтей и верхняя на высотѣ 20 локтей. Отъ отвѣсной стѣны срединной залы нижняя платформа выступала на 6 локтей, средняя на $11^1/_2$ и верхняя на 17 локтей. Такимъ образомъ, своими боковыми платформами внутренность храма въ его верхнихъ частяхъ раздвигалась въ каждую сторону почти на 25 локтей, слѣдовательно на разстояніе, превосходившее широту центральной части храма. Такъ какъ, по библейскому описанію, стѣны храма были украшены образами херувимовъ, то эти образы были на всѣхъ отвѣсныхъ частяхъ стѣны, какъ на нижней пятилоктевой стѣнѣ, такъ и на верхнихъ частяхъ стѣны, между уходящими вдаль платформами. Если на нижней части

стѣны херувимы были только украшеніями, то на верхнихъ платформахъ они были также стражами развѣшенныхъ здѣсь между ними сокровищъ и драгоцѣнныхъ щитовъ—священныхъ трофеевъ царя Давида, какъ это видно изъ 1 Цар. 7, 51; 2 Цар. 11,10–14. Здѣсь былъ священный музей національныхъ сокровищъ Давида, Memorial Hall, посвященный имени Давида, такъ какъ все, чего касался Давидъ, для его потомковъ было святынею. Отдѣлявшійся отъ срединной залы только колоннами, музей былъ видѣнъ весь для наблюдателя, стоявшаго въ срединной залѣ храма. Такъ, по разсказу Іосифа Флавія (Bell. 1. 7, 6), Помпей, стоя въ центральной части храма, видитъ свѣтильникъ, жертвенникъ кадильный и *двѣ тысячи талантовъ*. Двѣ тысячи талантовъ не могли быть въ срединной залѣ храма, но были замѣчены Помпеемъ въ верхнихъ платформахъ музея. Для народа этотъ музей храма вовсе не былъ доступенъ; даже священники едва ли въ него входили; къ тому же ходъ и лѣстницы, приводившіе къ нему, были очень узки и заграждены. Только первосвященникъ посѣщалъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ (2 Цар. 11, 10). Въ историческихъ библейскихъ книгахъ галлереи музея носятъ слѣдующія названія: *а)* יצוע (ребра) по ихъ длиннотѣ и узкости; *б)* צלעות (платформы) по ихъ открытости къ храму и амфитеатральному возвышенію; *в)* שדרות (военные ряды войскъ, 1 Цар. 6, 9), потому что, украшенныя рядами херувимовъ и увѣшенныя щитами, онѣ дѣйствительно имѣли сходство съ военнымъ строемъ, готовымъ для брани Іеговы; *г)* עליות (верхнія отдѣленія) по ихъ возвышенному положенію, такъ какъ собственно нижняго этажа между ними не было.—Что касается святаго святыхъ, то это былъ особенный *домъ въ домѣ*, закрытое отовсюду отдѣленіе 20 локтей въ кубѣ.



ВНѢШНІЙ ВИДЪ СОЛОМОНОВА ХРАМА
ПО ПЭНУ.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

Соотвѣтственно такому расширенію внутренняго пространства храма въ его верхнихъ частяхъ, храмъ долженъ былъ расширяться и снаружи. По своимъ наружнымъ формамъ храмъ напоминалъ корабль, расширяющійся вверху, или Ноевъ ковчегъ. Возвышавшіяся и раздвигавшіяся одна надъ другою внутреннія платформы или боковые этажи выходили наружу изъ нижней основной части стѣны тремя выступами: нижній выступъ на 5 локтей, средній выступъ на 6 новыхъ локтей дальше нижняго и верхній еще далѣе на 7 локтей. Такіе огромные выступы изъ отвѣса стѣны требовали для себя особыхъ подпоръ, каковыми были три ряда каменныхъ колоннъ съ четвертымъ рядомъ кедровыхъ пилястровъ; послѣдніе стояли при основной части стѣны. Пилястры имѣли 5 локтей высоты, колонны перваго ряда 10 локтей, колонны второго ряда 15 локтей и колонны третьяго или наружнаго ряда 20 локтей высоты. Соотвѣтственно высотѣ, колонны увеличивались и въ діаметрѣ: діаметръ наружныхъ колоннъ 3 локтя, въ слѣдующихъ рядахъ $2^1/_5$ и $1^1/_5$ локтя. Такимъ образомъ вдоль трехъ стѣнъ храма, сѣверной, южной и западной, образовались колоннады или крытыя аллеи среди рядовъ колоннъ, подъ широкими навѣсами выступавшей въ верхнихъ частяхъ стѣны храма, наружная аллея высокая и постепенно понижающіяся внутреннія. Существованіе такихъ колоннадъ вокругъ храма доказывается: *а)* самою необходимостію, потому что безъ нихъ не на чемъ было бы опереться расширенной верхней части храма; *б)* свидѣтельствомъ 1 Цар. 6, 6, что боковыя расширенія покоились *не* на стѣнѣ храма; *в)* свидѣтельствомъ 1 Цар. 6, 36, 7, 12, что во внутреннемъ дворѣ, начиная отъ притвора храма, стояли три ряда каменныхъ колоннъ и одинъ рядъ кедровъ

(кедровыхъ пилястровъ); *г)* свидѣтельствомъ Іезекіиля 42, 6, гдѣ о трехъ ярусахъ другихъ камеръ внутренняго двора говорится, что *они уже не опирались на колонны,* чѣмъ ясно предполагается здѣсь же зданіе, стоявшее на колоннахъ; *д)* свидѣтельствомъ LXX толковниковъ въ 1 Цар. 6, 33, предполагающимъ при корпусѣ храма галлереи изъ четырехъ рядовъ колоннъ, στοαὶ τετραπλῶς (въ славянскомъ: *притворы четверогубо*); *е)* аналогіею дворца Соломона, между прочимъ также предназначавшагося для храненія оружія (Ис. 22, 8) и утверждавшагося на четырехъ рядахъ колоннъ и имѣвшаго снаружи выступы изъ отвѣсной линіи (1 Цар. 7, 9); *ж)* свидѣтельствомъ Ездр. 5, 8, 6, 4, что храмъ Зоровавеля, который не могъ отличаться отъ Соломонова, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ три ряда круглыхъ камней (גְּלָל, колоннъ) и одинъ рядъ изъ дерева (деревянныхъ пилястровъ или столбовъ); *з)* наконецъ слѣдующимъ свидѣтельствомъ мишны (Middoth IV, 4): „нижнее крыло или галлерея имѣла 5 локтей, а ея деревянный навѣсъ (robad) 6 локтей; средняя галлерея 6 локтей, а ея деревянный навѣсъ 7 локтей, и верхняя галлерея 7 локтей“. „Такимъ образомъ, заключаетъ Пэнъ, послѣ многовѣковаго забвенія истиннаго вида ветхозавѣтнаго храма, среди превратныхъ представленій о немъ, начинающихся съ Іосифа Флавія, подлинный храмъ нынѣ снова возсіялъ міру, благодаря сдѣланнымъ мною открытіямъ“.

По поводу этой новой реставраціи храма нужно сказать, что она сдѣлана съ большимъ искусствомъ и весьма заманчиво. Если бы мы не имѣли книгъ Царствъ и Паралипоменонъ и должны были руководствоваться однимъ описаніемъ пророка Іезекіиля, тогда можетъ быть и нужно было бы согласиться съ реставраціею Пэна. Но: *а)* есть полное основаніе думать, что вышеприведенное

свидѣтельство Іезекіиля, послужившее для Пэна исходнымъ пунктомъ, не имѣетъ отношенія къ Соломонову храму. Тогда какъ историческій Соломоновъ храмъ вверху съуживался, изображая собою плотяныя, тяготѣвшія къ землѣ, формы ветхозавѣтнаго богослуженія, храмъ будущій, предуказываемый Іезекіилемъ, только узкою полосою стоитъ на землѣ, все болѣе и болѣе расширяясь вверху, и изображая собою все большую и большую открытость религіознаго духа въ будущемъ къ небеснымъ видѣніямъ. Въ этомъ пунктѣ пророкъ Іезекіиль противопоставляетъ свой храмъ Соломонову, какъ его прямую противоположность. *б)* Вопреки ясно указанной въ текстѣ широтѣ храма, 20 локтей, Пэнъ утрояетъ, если не учетверяетъ эту широту для верхнихъ частей зданія такъ же произвольно, какъ Вилляльпандъ—Пайллу утрояли или даже учетверяли высоту храма и притвора. *в)* Вмѣсто того, чтобы, слѣдуя пророку Іезекіилю, одухотворить свой храмъ, устремленный къ небу, Пэнъ, напротивъ того, даетъ его внутренности слишкомъ уже земляной видъ, обращая его боковыя стороны въ оружейную палату. Конечно, складъ священныхъ реликвій и оружія священныхъ браней былъ при храмѣ, но нельзя допустить, чтобы между складомъ оружія и мѣстомъ богослуженія не было раздѣляющей стѣны. *г)* Тогда какъ библейскій текстъ предписываетъ, чтобы трехъярусныя боковыя пристройки кругомъ храма не вредили стѣнѣ самаго храма и не портили ея цѣльности, Пэнъ не только портитъ основную стѣну храма, но и совсѣмъ уничтожаетъ ее, потому что то пятилоктевое огражденіе средней залы храма, которое оставлено у Пэна, не можетъ уже называться стѣною храма. *д)* Пэнъ противорѣчитъ и тому библейскому свидѣтельству, что стѣны храма были изъ камня, обложеннаго деревомъ; его раз-

двигающіяся стѣны скорѣе могутъ быть названы деревянными, чѣмъ каменными. — Другія неправильности толкованія библейскихъ свидѣтельствъ у Пэна частію устраняются нашимъ предшествующимъ изложеніемъ, частію очевидны сами собою [1].

Подобно тому какъ храмъ былъ подражаніемъ Мойсеевой скиніи, и его сосуды были подражаніемъ сосудамъ скиніи. Поэтому они и не описываются въ повѣствованіи о храмѣ. Показаны только тѣ отступленія, какія были допущены здѣсь въ числѣ и видѣ этихъ сосудовъ, соотвѣтственно бо́льшимъ размѣрамъ святилища и открывавшейся теперь большей торжественности богослуженія. Главный же сосудъ храма, ковчегъ завѣта, вовсе не былъ передѣлываемъ и всегда оставался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился при Мойсеѣ. Это видно изъ того, что ковчегъ завѣта не упоминается между новыми сосудами, сдѣланными для храма Соломономъ (1 Цар. 7, 48), и что цѣлію построенія самаго храма указывается приготовленіе мѣста для древняго

[1] Видоизмѣненіе гипотезы Пэна появилось въ сочиненіи Фридриха: Tempel und Palast Salomo's, 1887. Подобно Пэну, Фридрихъ переноситъ внутрь храма боковыя трехъэтажныя пристройки, но этимъ широта храма не раздвигается въ верхнихъ частяхъ. Именно: гладкія каменныя стѣны имѣютъ отвѣсную высоту 30 локтей. Но съ внутренней стороны, вдоль стѣнъ, устроены деревянныя закрытыя ложи или келіи, въ три этажа, отнимающія по 5 локтей съ той и другой стороны отъ внутренней широты храма; такимъ образомъ храмъ съуживается до 10 локтей широты. Ходъ въ верхнія ложи—на самой чертѣ раздѣленія святаго и святаго святыхъ. Внутренняя высота храма есть высота боковыхъ ложъ; на третьемъ этажѣ боковыхъ ложъ деревянный потолокъ, покрывающій ложи, расширяется и покрываетъ и всю срединную залу храма. Но такъ какъ каменныя стѣны храма были выше, то на нихъ былъ второй потолокъ, подъ которымъ образовался новый этажъ 5 локтей высоты надъ всѣми частями храма. Въ храмѣ Ирода эти боковыя пристройки были сдѣланы уже не съ внутренней. а съ наружной стороны. Оттого храмъ расширился и внутри и снаружи, не смотря на то, что основная каменная стѣна осталась та же. — Основаніемъ гипотезы Фридриха послужили аналогіи нѣкоторыхъ финикійскихъ построекъ такого рода. (См. замѣчанія противъ гипотезы Фридриха въ Theolog. Literaturzeitung, 1888, № 9).

ковчега Іеговы (1 Цар. 6, 19). Поэтому сказаніе раввиновъ о новомъ ковчегѣ 10 локтей длины, якобы приготовленномъ Соломономъ для замѣны Мойсеева ковчега, но по божественному вмѣшательству не допущеннаго до двери святаго святыхъ [1], оказывается противнымъ не только буквѣ, но и духу библейскаго повѣствованія. Новымъ прибавленіемъ во святомъ святыхъ были только статуи двухъ колоссальныхъ херувимовъ, подъ распростертыя крылья которыхъ былъ поставленъ ковчегъ завѣта (1 Цар. 6, 23—28; 2 Пар. 3, 10—13). Такъ какъ на ковчегѣ Мойсея и прежде Соломона были уже статуи двухъ херувимовъ, то является вопросъ: были ли поставлены херувимы Соломона *вмѣсто* херувимовъ Мойсея или же независимо отъ нихъ и рядомъ съ ними? Многіе изслѣдователи высказывались противъ этого послѣдняго предположенія. „При совершенномъ молчаніи источниковъ о существованіи въ храмѣ Соломоновомъ Мойсеевыхъ херувимовъ на ковчегѣ, говоритъ Гупфельдъ, и такъ какъ описанные въ книгѣ Царствъ новые большіе херувимы совершенно подходятъ подъ описаніе херувимовъ въ Исх. 25, 15, странно предполагать двукратное покрытіе ковчега завѣта двумя парами херувимовъ“. По мнѣнію Евальда, на Мойсеевъ ковчегъ при Соломонѣ была сдѣлана новая бо́льшая покрышка, на которой и поставлены были новые колоссальные херувимы, смѣнившіе стражу при ковчегѣ Мойсеевыхъ херувимовъ. То же предположеніе повторяютъ Шульцъ, Фатке, Ригмъ и др. [2]. Тѣмъ не менѣе эти предположенія не могутъ быть названы основательными. Съ

[1] Когда новый ковчегъ Соломоновъ приблизили къ святому святыхъ, говоритъ легенда, его входъ чудеснымъ образомъ съузился, такъ что пронести ковчегъ оказалось невозможнымъ (Jalkut Schimoni fol. 98).—[2] Кимхи, а за нимъ Михаэлисъ, предполагали, что и шесты ковчега были сдѣланы новые, болѣе длинные, на основаніи 1 Цар. 8, 8.

одной стороны, херувимы Мойсея слишкомъ тѣсно были связаны съ каппоретъ, а каппоретъ со всѣмъ ящикомъ ковчега, чтобы можно было ихъ увеличить, не увеличивая въ то же время ящика ковчега. Съ другой стороны, ясно указано, что Соломонъ сдѣлалъ двѣ новыя статуи херувимовъ, по величинѣ соотвѣтствовавшія не ковчегу, а расширенному виду святаго святыхъ, слѣдовательно не для того, чтобы замѣнять ими херувимовъ Мойсея. Такимъ образомъ во святомъ святыхъ Соломонова храма было четыре статуи херувимовъ, двѣ Мойсеевыхъ на самомъ каппоретъ, какъ и въ скиніи, и двѣ новыхъ, стоявшихъ не на каппоретъ, а среди святаго святыхъ и, по своей значительной величинѣ, покрывавшихъ своими крыльями ковчегъ Мойсеевъ, вмѣстѣ съ его херувимами. О видѣ и положеніи херувимовъ Соломона библейскій текстъ замѣчаетъ, что они были сдѣланы скульпторами (zaazuim), изъ масличнаго дерева, были обложены золотомъ, имѣли 10 локтей высоты (неправильно Іосифъ Флавій: 5 локтей высоты) и стояли на своихъ ногахъ, т. е. имѣли прямой человѣческій корпусъ (1 Цар. 6, 13 по ват. код. 2 Пар. 3, 13). Распростертыя два крыла того и другого херувима (не 4, какъ Мерцъ, Пайллу и др.), имѣвшія по 5 локтей длины, достигали своими концами до боковыхъ продольныхъ стѣнъ святаго святыхъ, правое крыло одного херувима сѣверной стѣны и лѣвое другого южной, въ то время какъ другія два крыла ихъ касались одно другого надъ каппоретъ. Отсюда слѣдуетъ, что херувимы своими лицами были обращены ко входу святаго святыхъ, какъ это и замѣчено въ 2 Пар. 3, 13, и стояли въ разстояніи 10 локтей одинъ отъ другого. Этимъ разъясненіемъ устраняются слѣдующія неправильныя мнѣнія о положеніи херувимовъ: *а)* указанное уже мнѣніе Евальда,

что херувимы стояли на самомъ ковчегѣ; *б)* мнѣніе Тенія, что по крайней мѣрѣ лицами своими они были обращены къ ковчегу и другъ къ другу, подобно херувимамъ Мойсея; *в)* мнѣніе Шнаазе, что крылья херувимовъ были распростерты по діагонали святаго святыхъ отъ угла до угла; *г)* мнѣніе Ригма, что распростертыя крылья херувимовъ образовали ширмы или родъ скиніи въ святомъ святыхъ. Всѣ эти мнѣнія не имѣютъ основанія въ текстѣ. Только при указанномъ нами положеніи херувимовъ, ихъ крылья будутъ касаться стѣнъ и въ то же время соприкасаться одно съ другимъ. При діагональномъ же въ отношеніи къ святому святыхъ расположеніи ихъ крыльевъ, они не достигали бы стѣнъ при данной величинѣ святаго святыхъ. Кромѣ того, такое положеніе крыльевъ безцѣльно, потому что ковчегъ завѣта не могъ быть поставленъ также на діагонали святилища. Далѣе, при обращеніи херувимовъ лицами другъ къ другу, ихъ крылья, распростертыя на сѣверъ и югъ, принимали бы весьма ненатуральное положеніе, представлялись бы вывороченными или прикрѣпленными оба къ правому плечу одного херувима и лѣвому другого. Равнымъ образомъ указанный въ текстѣ взмахъ крыльевъ херувимовъ не представляетъ никакого подобія ширмъ или сѣни, заслонявшей извѣстную часть пространства святаго святыхъ; поднятыя крылья херувимовъ, напротивъ, совершенно разъединены и слегка соприкасаются только въ одной точкѣ.

Что касается вопроса о самомъ образѣ херувимовъ Соломона, то, для разрѣшенія его, отсылаемъ читателя къ тому, что сказано нами выше о херувимахъ скиніи. Здѣсь же мы должны сдѣлать замѣчаніе только по поводу того, что многіе изслѣдователи (даже Кейль) представляютъ въ различномъ видѣ статуи херувимовъ, сдѣ-

ланныя Соломономъ, статуи Мойсея, бывшія на каппоретъ, и стѣнныя изображенія херувимовъ, украшавшія святое святыхъ и святое, такъ какъ, говоритъ по этому случаю Бэръ, „самая идея херувима есть идея разнообразія и измѣнчивости“. Но, не говоря уже о томъ, что одно и то же названіе необходимо предполагаетъ одинъ и тотъ же видъ предмета, библейскій текстъ, въ описаніи статуй херувимовъ Соломона, дѣлаетъ нарочитое прибавленіе, что онѣ были совершенно *сходны по виду*, и потомъ, непосредственно за описаніемъ статуй, прибавляетъ, что и на всѣхъ стѣнахъ храма были рѣзныя изображенія херувимовъ (1 Цар. 6, 29). Очевидно, сдѣланное уже замѣчаніе текста о сходствѣ образовъ херувима имѣетъ силу и здѣсь; если бы необходимо было установить какую-нибудь разность въ видѣ херувимовъ, это было бы сдѣлано, подобно тому, какъ сдѣлано разграниченіе въ способѣ приготовленія тѣхъ и другихъ изображеній: указано, что статуи были работы צעצעים (2 Пар. 3, 10), а изображенія на стѣнахъ работы מקלע. Многіе изслѣдователи (даже П. Шольцъ) стѣннымъ изображеніямъ херувимовъ храма даютъ два лица, лицо человѣка и лицо льва, на основаніи Іезекіиля 41, 19. Коппъ херувиму съ правой стороны пальмы даетъ голову льва, а херувиму съ лѣвой стороны голову человѣка. Но мы говорили уже, что херувимы пророка Іезекіиля имѣютъ непосредственное отношеніе къ видѣнію таинственной колесницы, и видъ ихъ, примѣнительно къ ихъ функціи при колесницѣ, получилъ такія осложненія, какихъ не было въ первоначальномъ ихъ представленіи. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы, прежде появленія пророческихъ видѣній Іезекіиля, образъ херувима могъ мыслиться иначе, чѣмъ въ видѣ окрыленной человѣче-

ской фигуры. Тѣмъ болѣе нѣтъ основанія все пророческое видѣніе колесницы Іезекіиля переносить во святое святыхъ Соломонова храма, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Дарьенъ (de opere Zaazyim, въ сборникѣ Уголино VIII), у котораго статуи херувимовъ Соломона являются на колесахъ (opus currule, quod rotis instructum fuit). Это противорѣчитъ свидѣтельству историческихъ книгъ, что херувимы стояли только „на своихъ ногахъ". Свидѣтельствомъ источниковъ о прямомъ стояніи херувимовъ на своихъ ногахъ, при ихъ высотѣ 10 локтей, устраняется мнѣніе Мейера, Гирта, что предстоявшіе ковчегу херувимы Соломона имѣли видъ крылатыхъ четвероногихъ. Несостоятельность такихъ предположеній мы видѣли выше.

Сосуды перваго отдѣленія храма были сдѣланы Соломономъ новые, но по образцу Мойсеевыхъ сосудовъ: *а)* Жертвенникъ кажденій отличался отъ жертвенника Мойсея только тѣмъ, что былъ сдѣланъ не изъ дерева пустыни—акаціи, а изъ кедра (1 Цар. 6, 20, 22). Можно думать, что, какъ предназначенный для бо́льшаго святилища, онъ имѣлъ и бо́льшіе размѣры, и не имѣлъ колецъ и шестовъ, какъ совершенно излишнихъ въ неподвижномъ святилищѣ. *б)* Вмѣсто одного семисвѣщнаго свѣтильника Мойсея, въ храмѣ Соломона было 10 такихъ же свѣтильниковъ, вылитыхъ Хирамомъ כמשפטם, т. е. по закону о свѣтильникѣ, данному въ книгѣ Исходъ. Изъ нихъ 5 свѣтильниковъ, съ 35 горѣвшими лампадами, стояли вдоль правой стороны, а другіе 5 свѣтильниковъ съ 35 лампадами вдоль лѣвой стороны. По раввинскому преданію, всѣхъ свѣтильниковъ было 11. Прежде всего, на правой (южной) сторонѣ отъ жертвенника кажденій былъ поставленъ подлинный свѣтильникъ Мойсея и затѣмъ, на той же южной сторонѣ храма,

еще 10 свѣтильниковъ: 5 по одну сторону центральнаго Мойсеева свѣтильника и 5 по другую, такъ что наблюдавшій со входа видѣлъ 11 свѣтильниковъ или 77 лампадъ на одной линіи (Лундій, 311). Но библейскій текстъ не прибавляетъ свѣтильника Мойсеева къ 10 Соломоновымъ свѣтильникамъ, и мѣсто свѣтильникамъ указываетъ по правую и лѣвую сторону внутренняго пространства храма, а не свѣтильника Мойсея (1 Цар. 7, 49). На основаніи 2 Пар. 13, 11, гдѣ говорится о возженіи одного свѣтильника, нельзя выводить заключенія, что въ богослужебномъ употребленіи былъ только одинъ изъ десяти свѣтильниковъ. Упоминаніе объ одномъ свѣтильникѣ здѣсь сдѣлано въ отношеніи къ закону Мойсея, который, для періода скиніи, предписывалъ употребленіе одного свѣтильника, не запрещая однакожъ и умноженія свѣтильниковъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ торжественности богослуженія. Нельзя придавать значенія и свидѣтельству Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 7), что Соломонъ въ своемъ храмѣ поставилъ только одинъ свѣтильникъ для богослужебнаго употребленія, хотя всѣхъ свѣтильниковъ, сдѣланныхъ Соломономъ, по счету того же Іосифа Флавія, было 10,000. Спрашивается, зачѣмъ было заказывать такую массу свѣтильниковъ, если одного свѣтильника было уже достаточно? *в*) Если умноженіе свѣтильниковъ въ храмѣ Соломона легко объясняется бо́льшими размѣрами храма и необходимостію бо́льшаго освѣщенія, то не такъ легко объяснить умноженіе столовъ предложенія. По свидѣтельству 2 Пар. 4, 8, столовъ было 10, и они были разставлены, подобно свѣтильникамъ, 5 на правой и 5 на лѣвой сторонѣ храма. Если бы на всѣхъ этихъ столахъ были и хлѣбы предложенія, то это не было бы согласно съ закономъ Мойсея по данному предмету. И

въ 1 Цар. 7, 48 между приготовленными Хирамомъ сосудами считается только одинъ столъ предложенiй. Это кажущееся противорѣчiе уже Реландъ объяснилъ въ томъ смыслѣ, что собственно столъ хлѣбовъ предложенiя былъ одинъ, а остальные столы были простыми украшенiями храма и служили не для хлѣбовъ предложенiя, а для другихъ небогослужебныхъ надобностей и второстепенныхъ сосудовъ храма; здѣсь могли стоять сосуды съ елеемъ, чаши возлiянiя, которыхъ было 100 (2 Пар. 4, 8) и т. д. Во всякомъ случаѣ разногласiе текстовъ по данному предмету не такъ непримиримо, чтобы нужно было, вслѣдъ за Винеромъ, Мейеромъ и др., признавать ошибку въ томъ или другомъ библейскомъ свидѣтельствѣ. По своему виду столы Соломоновы отличались отъ стола Мойсея только тѣмъ, что были изъ кедра и не имѣли носильныхъ шестовъ. — Всѣ сосуды перваго отдѣленiя храма занимали мѣста, указанныя для нихъ въ скинiи: посрединѣ святаго, предъ самою лѣстницею, возводившею къ святому святыхъ, можетъ быть даже среди самой лѣстницы, на площадкѣ послѣ нѣсколькихъ ступеней снизу, стоялъ жертвенникъ кажденiй; вправо и влѣво отъ него, вдоль сѣверной и южной стороны храма, слѣдовательно въ боковыхъ нефахъ за колоннами, стояли столы и свѣтильники, 5 столовъ и 5 свѣтильниковъ съ одной стороны, и 5 столовъ и 5 свѣтильниковъ съ другой стороны, такъ что среди залы храма былъ свободный широкiй проходъ отъ наружныхъ дверей до лѣстницы святаго святыхъ и жертвенника кажденiй. Распредѣленiе священныхъ сосудовъ въ описанiи храма Соси (Histoire de l'art judaïque, plan) и Вогюэ (Le Temple, 32), по которымъ жертвенникъ кажденiй, одинъ семисвѣщный свѣтильникъ и столъ хлѣбовъ предложенiя стояли во святомъ святыхъ,

вокругъ ковчега завѣта, а во святомъ 10 простыхъ столовъ и 10 свѣтильниковъ, противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о ветхозавѣтныхъ святилищахъ и богослуженіи. Хотя есть темное преданіе (талм. Іома 54, а), что законъ Мойсея о недоступности святаго святыхъ не всегда строго соблюдался, такъ что даже непосвященнымъ лицамъ священники иногда позволяли смотрѣть за завѣсу святаго святыхъ, но чтобы все богослуженіе Соломонова храма было основано на нарушеніи этого закона, чтобы въ недоступномъ святомъ святыхъ стояли сосуды, необходимые въ повседневномъ богослуженіи, съ этимъ не согласится и самъ Вогюэ, если онъ къ своему знанію архитектуры ветхозавѣтнаго храма присоединитъ не менѣе основательное знаніе его богослуженія. Выраженіе 1 Цар. 6, 22: „Онъ обложилъ золотомъ жертвенникъ, который назначался *для давира*“, объясняется положеніемъ жертвенника среди лѣстницы, возводившей къ святому святыхъ, слѣдовательно какъ бы уже не въ первомъ отдѣленіи храма. Подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, о колоннахъ Іахинъ и Боазъ библейскій текстъ иногда выражается, что онѣ принадлежали притвору, хотя онѣ стояли только на восхожденіи къ нему, среди приводившей къ притвору лѣстницы.

Если, такимъ образомъ, священный сосудъ святаго святыхъ не только оставленъ Соломономъ безъ измѣненія, но и сохраненъ въ томъ же единственномъ экземплярѣ, сдѣланномъ при Мойсеѣ, если сосуды святаго хотя сдѣланы заново, но съ соблюденіемъ той же Мойсеевой формы, то внѣшніе сосуды, соотвѣтствовавшіе Мойсееву жертвеннику всесожженій и умывальнику, получили здѣсь новыя, болѣе художественныя, формы. Описаніе внѣшнихъ сосудовъ храма представлено 1 Цар.

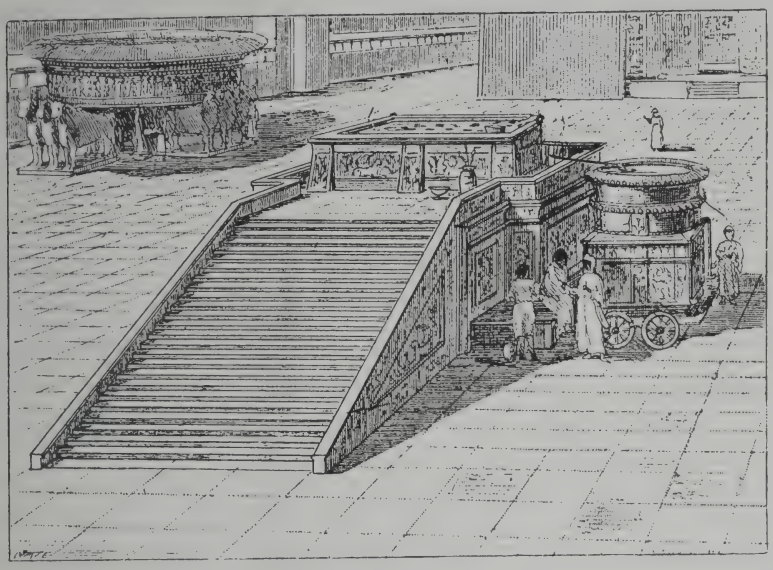
7, 23—40 и 2 Пар. 4, 1—6. Хотя книга Цар. не упоминаетъ о жертвенникѣ всесожженій между сосудами, сдѣланными Хирамомъ, но книга Парал. не только упоминаетъ о немъ, но и ставитъ его во главѣ внѣшнихъ принадлежностей храма. Кромѣ жертвенника всесожженій, къ внѣшнимъ сосудамъ храма Соломонова принадлежали: большой бассейнъ для воды, называвшійся мѣднымъ моремъ, и 10 меньшихъ сосудовъ для воды или омывальниковъ, соотвѣтствовавшихъ умывальнику скиніи. Всѣ эти внѣшніе сосуды стояли предъ храмомъ, на вымощенной камнемъ площади (2 Цар. 16, 17), приблизительно въ такомъ же разстояніи отъ ступеней притвора, въ какомъ эти сосуды стояли предъ скиніею, и мѣсто, занимаемое ими, равно какъ промежуточное мѣсто между ними и храмомъ, считалось наиболѣе важнымъ и самымъ священнымъ послѣ храма (2 Цар. 11, 11; Іоил. 2, 17; Іезек. 8, 16; Матѳ. 23, 35) [1].

1. Жертвенникъ всесожженій Соломонова храма былъ почти вчетверо больше жертвенника Мойсеева, именно 20 локтей длины и ширины, подобно длинѣ и ширинѣ святаго и святыхъ, и 10 локтей высоты, подобно тому основанію, на которомъ стояло святое святыхъ. Если Мойсеевъ жертвенникъ былъ изъ дерева, обложеннаго мѣдью, то жертвенникъ Соломоновъ былъ только изъ мѣди, откуда и взято его названіе мѣднымъ. Конечно, это названіе относится только къ стѣнкамъ жертвенника; внутренность же его, по требованію закона Мойсеева, была заполнена дикими камнями, а верхняя площадка

[1] Извѣстно, что жертвенникъ храма, равно какъ дрова, сложенныя на немъ, и огонь, горѣвшій на немъ, были предметомъ божбы у древнихъ евреевъ, такъ же какъ храмъ и его золотыя украшенія (Матѳ. 23, 16; Мишна, Nedarim 1, 3).

для возженія огня была покрыта землею. По крайней мѣрѣ, это ясно указано о жертвенникѣ, впослѣдствіи воздвигнутомъ Ездрою на мѣстѣ жертвенника Соломонова. Съ устроеніемъ храма, въ виду необходимости возвысить жертвенникъ, чтобы сдѣлать его виднымъ собиравшемуся въ храмѣ народу, было, кажется, отмѣнено постановленіе не употреблять ступеней или лѣстницы при жертвенникѣ. По крайней мѣрѣ, у пророка Іезекіиля (43, 13–17) жертвенникъ всесожженій предписывается сдѣлать изъ трехъ террасъ: каждая верхняя терраса должна быть однимъ локтемъ у́же нижней, а восхожденіе на жертвенникъ *въ видѣ ступеней* сдѣлать на восточной сторонѣ [1]. На основаніи этихъ немногихъ данныхъ, невозможно возстановить полный видъ жертвенника. Прилагаемый при семъ рисунокъ жертвенника всесожженій принадлежитъ художнику Манжану; онъ принятъ въ исторіи искусства Перро и считается однимъ изъ наиболѣе удачныхъ. Но и противъ него нужно замѣтить, что: *а)* мѣра 20 локтей длины и широты жертвенника нарушается въ немъ лѣстницею, широта которой равна всей широтѣ жертвенника; *б)* если сопоставить его съ описаніемъ Іезекіиля, то ему недостаетъ трехъ террасъ, постепенно съуживавшихъ его длину и ширину; *в)* на верхнихъ углахъ нѣтъ роговъ, безусловно необходимыхъ при ветхозавѣтномъ жертвенникѣ; *г)* изображенія львовъ, воловъ, указанныя для другихъ сосудовъ двора, для жертвенника всесожженій не указаны въ библейскомъ текстѣ.

[1] Мѣдный жертвенникъ Соломона былъ уничтоженъ при Ахазѣ. О немъ не упоминается въ числѣ металлическихъ сосудовъ, взятыхъ изъ храма Навуходоносоромъ. Вѣроятно, вмѣсто мѣднаго, былъ за тѣмъ сдѣланъ каменный, какъ и при Маккавеяхъ.



2. Другимъ внѣшнимъ сосудомъ Соломонова храма былъ большой мѣдный бассейнъ для воды, по величинѣ называвшійся моремъ, круглый, 10 локтей въ діаметрѣ, 30 локтей въ окружности (по LXX 1 Цар. 7, 23,—33 локтя), 5 локтей высоты, подобно высотѣ капителей мѣдныхъ колоннъ, и 4 пальцевъ толщины въ своихъ стѣнкахъ, подобно толщинѣ стѣнокъ мѣдныхъ колоннъ, вмѣщавшій въ себѣ воды 2000 батовъ (батъ=20 литровъ) по кн. Цар. или 3000 батовъ по кн. Парал. Представленныя здѣсь измѣренія долго служили предметомъ споровъ. Со времени Спинозы (tract. theol. pol. 11, 22) многіе выставляютъ на видъ неполную точность въ показанномъ отношеніи діаметра къ окружности. При діаметрѣ 10 локтей окружность будетъ не 30 локтей, а $31^2/_5$ или 31, 416. И вообще существуетъ правило: когда діаметръ выражается цѣлымъ числомъ, то окружность будетъ обозначаться при помощи дроби. Но, какъ само собою разумѣется, священные писатели не могли затруднять свою рѣчь сложнымъ вычисленіемъ дробей,

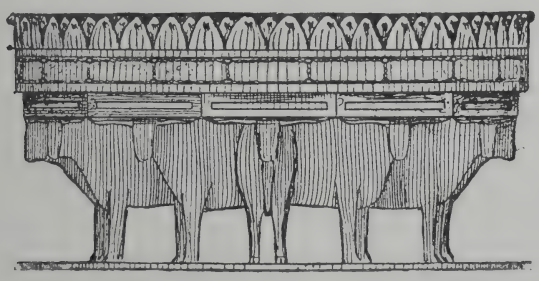
а должны были употребить круглое цѣлое число [1]. Нужно полагать, что скорѣе окружность сосуда, 30 локтей, какъ подчиненная величина, указана не съ математическою точностью, а круглымъ числомъ; высота же и діаметръ, какъ поставленные исходнымъ пунктомъ измѣренія, указаны съ полною точностью (Теній, Мункъ). Но возможно также и то, что діаметръ и окружность показаны въ текстѣ безъ взаимнаго отношенія, потому что въ разныхъ мѣстахъ сосуда его окружность измѣнялась. Еще больше споровъ возбуждало опредѣленіе вмѣстимости мѣднаго моря, 2000 и 3000 батовъ На чемъ основывается такая значительная разность этихъ послѣднихъ чиселъ? По однимъ изслѣдователямъ (Лигтфоотъ, Филаретъ митрополитъ Московскій) бассейнъ вмѣщалъ 3000 батовъ, когда наполнялся водою весь до краевъ, и 2000 батовъ, когда воды въ немъ было столько, сколько требовалось для купанья въ бассейнѣ. По другимъ (Шмидтъ, Штурмъ), 2000 батовъ есть мѣра самаго бассейна, а 3000 — мѣра бассейна вмѣстѣ съ особенною нижнею подставкою подъ нимъ, соотвѣтствовавшею подставѣ умывальника скиніи. По третьему объясненію, у евреевъ было два вида бата, бо́льшій и меньшій: первый имѣется въ виду писателемъ кн. Цар., а послѣдній — писателемъ кн. Парал. Но, для рѣшенія этого вопроса, необходимо выяснить дѣйствительное отношеніе какъ той, такъ и другой цифры къ дѣйствительной вмѣстимости бассейна. При 5 локтяхъ высоты, 10 локтяхъ діаметра и 30 локтяхъ

[1] Іосифъ Флавій (Antiqu. VIII, 3, 5) въ своемъ воспроизведеніи библейскаго описанія мѣднаго моря умалчиваетъ о величинѣ окружности. Но талмудъ, на основаніи даннаго мѣста, выводитъ правило: діаметръ относится къ периферіи какъ 1 къ 3. И въ этомъ правилѣ нужно видѣть не незнаніе математики (Мункъ), а только стремленіе обходиться цѣлыми круглыми числами безъ дробей.

въ окружности, сосудъ будетъ вмѣщать 250 кубич. локтей, между тѣмъ 2000 батовъ, считая батъ равнымъ 20 литрамъ (по другимъ онъ былъ вдвое больше), дадутъ не менѣе 300 кубич. локтей. Такимъ образомъ, — говоритъ Пэнъ,—2000 и 3000 батовъ суть только круглыя числа, которыя нужно понимать въ самомъ общемъ значеніи: *очень много*. Чтобы имѣть основаніе давать точное значеніе указаннымъ числамъ, необходимо предположить одно изъ двухъ: или мѣра 10 локтей діаметра была снята съ верхней съуженной части бассейна, въ средней же части бассейнъ значительно расширялся во всѣ стороны, или же – что намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ — цифра 3000 батовъ или ведеръ обозначаетъ не столько вмѣстимость бассейна, сколько практиковавшійся способъ наполненія его: чтобы достаточно наполнить бассейнъ, водоносы дѣлали 3000 оборотовъ отъ бассейна къ источнику и обратно, приносили 3000 ведеръ или батовъ; но само собою разумѣется, что ведро у обыкновеннаго водоноса нужно представлять наполненнымъ не до краевъ, а развѣ только на $^3/_4$ сосуда; полныхъ же ведеръ требовалось 2000.— Нѣкоторое несогласіе между текстами встрѣчается и въ описаніи украшеній мѣднаго моря. По 1 Цар. 7, 24, подъ верхнимъ краемъ моря, однимъ литьемъ съ нимъ, были сдѣланы два ряда шаровъ, на подобіе колокинтовъ, по 10 шаровъ на каждый локоть; такимъ образомъ каждый шаръ имѣлъ два дюйма въ діаметрѣ, и всѣхъ шаровъ было 600. Напротивъ, кн. Парал. 4, 3 представляетъ эти украшенія двумя рядами барельефовъ изъ фигуръ воловъ, окружавшихъ сосудъ со всѣхъ сторонъ. Причиною этой разности описанія новѣйшіе толкователи признаютъ большею частью невнимательность переписчиковъ книгъ Парал. прочитав-

шихъ, вмѣсто פקעים, стоявшее въ слѣдующемъ стихѣ слово בקרים; древніе же толкователи (Кимхи, Лундій) не видѣли здѣсь никакой описки и соединяли чтеніе кн. Цар. и кн. Пар., предполагая, что на стѣнкахъ бассейна, рядомъ съ шарами, были и барельефы фигуры вола или головы вола. Но совершенно произвольно Іосифъ Флавій изъ этихъ украшеній на стѣнкахъ сосуда дѣлаетъ „столбъ подъ мѣднымъ моремъ, состоявшій изъ 10 круговъ". Море стояло не на столбѣ, а на 12 статуяхъ мѣдныхъ воловъ, сдѣланныхъ, конечно, въ натуральную величину, потому что въ противномъ случаѣ они не могли бы держать на своихъ ногахъ тяжести 400 гектолитровъ воды (по наименьшему счету), и расположенныхъ въ видѣ круга такимъ образомъ, что заднія ихъ части были обращены къ центру, а переднія къ периферіи; три вола смотрѣли на сѣверъ, три на югъ, три на востокъ и три на западъ. Чтобы ноги воловъ имѣли твердую опору, подъ ними, по свидѣтельству преданія, была сдѣлана толстая мѣдная подстава. На вопросъ: какое значеніе имѣли статуи воловъ подъ мѣднымъ моремъ? Бэллерманъ въ своей библейской археологіи отвѣчаетъ, что онѣ имѣли отношеніе къ исторіи скиніи и были воспоминаніемъ о тѣхъ живыхъ волахъ, которые нѣкогда возили скинію и ея сосуды въ пустынѣ. Онѣ не были неумѣстны здѣсь еще и потому, что именно волы были главнымъ жертвеннымъ матеріаломъ, и настоящихъ живыхъ воловъ постоянно можно было видѣть въ той части храма, гдѣ стояло мѣдное море. Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ Іосифомъ Флавіемъ (Antiqu. VIII, 7, 5), что волы подъ мѣднымъ моремъ оскверняли храмъ своимъ присутствіемъ и были языческими образами, легкомысленно допущенными Соломономъ по иноземнымъ вліяніямъ. Самое положеніе

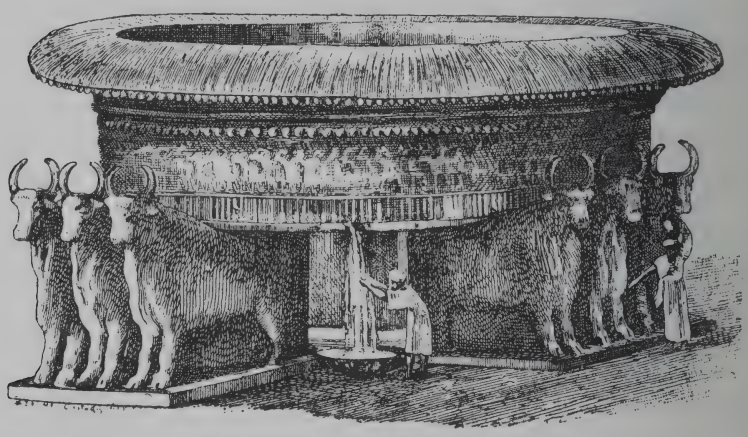
воловъ, въ видѣ подпоръ подъ мѣднымъ моремъ, показываетъ, что они стояли здѣсь въ значеніи простыхъ украшеній и не имѣли никакого отношенія къ статуямъ тельцовъ, поставленнымъ въ Веѳилѣ и Данѣ Іеровоамомъ, или къ золотому тельцу Синайскому. При высокомъ положеніи бассейна мѣднаго моря на хребтахъ воловъ, нельзя представлять, что священники сходили для омовеній въ самый бассейнъ, купались въ морѣ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ вода скоро дѣлалась бы негодною для употребленія. Необходимо согласиться съ преданіемъ, что водою моря священники пользовались снизу, при помощи особенныхъ отверстій, которыя могли быть если не въ пастяхъ воловъ, какъ нѣкоторые представляютъ, то въ стѣнкѣ самаго бассейна, между группами воловъ, такъ что совершавшій омовеніе священникъ могъ быть и невидимъ народу за статуями. Предположеніе раввиновъ, что мѣдное море Соломона наполнялось водою при помощи особеннаго снаряда (Лундій, 356), не имѣетъ никакого историческаго основанія. Вотъ двѣ реставраціи мѣднаго моря Соломонова, наиболѣе простая реставрація Пэна и болѣе художе-



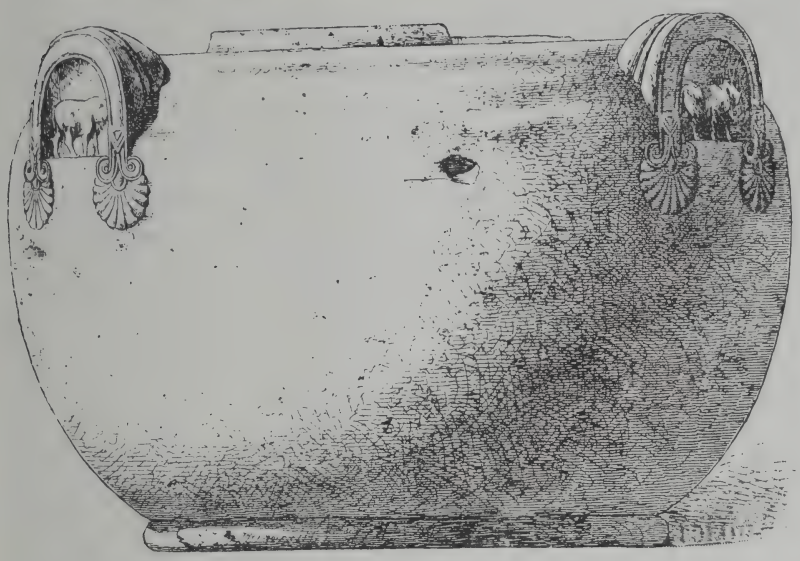
ственная реставрація Манжана (см. рис. на стр. 328).

Такъ какъ мѣдное море Соломона, какъ непринадлежавшее къ богослужебнымъ сосудамъ, могло быть сдѣ-

лано примѣнительно къ лучшимъ образцамъ такого рода, извѣстнымъ художнику Хираму, какъ это утверждаетъ Іосифъ Флавій, то, для сопоставленія съ приведеннымъ описаніемъ, прилагаемъ здѣсь однородный финикійскій сосудъ, называемый „Амаѳонскимъ моремъ", открытый на островѣ Кипрѣ и съ 1866 года находящійся въ Луврскомъ музеѣ. Амаѳонское море—сфероидальной формы, имѣетъ въ діаметрѣ 2 метра 20 сантим. и 1 метръ 85 сантим. высоты, и вытесано изъ цѣльнаго куска скалы. Украшеніемъ бассейна служатъ изображенія четырехъ



воловъ въ верхней части стѣнокъ подъ маленькими арками. Такимъ образомъ Амаѳонское море имѣетъ нѣчто напоминающее мѣдное море Соломона. Но они различаются между собою: *а)* по матеріалу: одно мѣдное, другое каменное; *б)* по объему: мѣдное море вдвое больше каменнаго; *в)* по своему виду и положенію: Амаѳонское море было приспособлено къ стоянію на каменномъ полу, тогда какъ море Соломона было приспособлено къ стоянію на 12 статуяхъ воловъ; Амаѳонское море не имѣетъ шаровидныхъ украшеній.

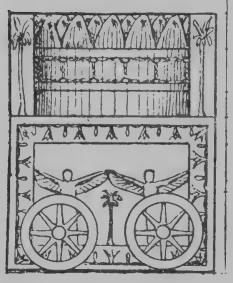


3. Какъ мѣдное море служило для омовеній священниковъ, такъ для омовеній жертвъ или восходившихъ на жертвенникъ жертвенныхъ частей служили другіе сосуды, названные въ библейскомъ текстѣ десятью омывальницами. Пять изъ нихъ стояли по правую и пять по лѣвую сторону жертвенника. Описаніе ихъ сдѣлано очень подробно (въ 1 Цар. 7, 27—39) вѣроятно потому, что онѣ имѣли очень красивыя формы и были новымъ явленіемъ въ святилищѣ, такъ какъ въ скиніи ихъ не было. Это было третье произведеніе искусства Хирама послѣ мѣдныхъ колоннъ и мѣднаго моря. Самыя омывальницы имѣли форму тазовъ съ раздавшеюся верхнею частію. Діаметръ каждаго таза вверху былъ 4 локтя, а глубина 1 локоть; такимъ образомъ это былъ сосудъ болѣе широкій, чѣмъ глубокій. Совершенно ошибочно Іосифъ Флавій, а за нимъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Циллигъ) понимаютъ эти измѣренія въ обратномъ видѣ, принимая 4 локтя за мѣру глубины или высоты омывальницы, а 1 локоть за ея діаметръ.

Въ такомъ случаѣ получалась бы форма не омывальницы или таза, а цилиндрическаго сосуда, совершенно неудобнаго для жертвенныхъ омовеній. „Попавшее туда мясо, замѣчаетъ Бэръ, и достать было бы не легко“. Полагая, что омывальницы имѣли такую же толщину стѣнокъ, какъ и мѣдное море, вмѣстимость каждой изъ нихъ, при данныхъ измѣреніяхъ, мы должны опредѣлять седьмою частію воды мѣднаго моря. Слѣдовательно, всѣ вмѣстѣ омывальницы количествомъ воды превосходили бассейнъ моря. Особенно сложную и искусственную форму имѣли большія колесницеобразныя подставы, вылитыя изъ мѣди, подъ каждою омывальницею. Каждая подстава состояла изъ четыреугольнаго ящика 4 локтей длины и ширины и 3 локтей высоты, а каждый ящикъ состоялъ изъ четырехъ четыреугольныхъ угловыхъ столбиковъ, изъ которыхъ выходили мѣдныя стѣнки съ рельефными изображеніями львовъ, воловъ, херувимовъ, пальмъ, выше и ниже которыхъ были переплеты вѣнковъ изъ распустившихся цвѣтовъ. Внизу изъ ящика выдавались оси, подобныя осямъ повозки; на осяхъ были колеса съ косяками, шпицами и ступицами; колеса вертѣлись на осяхъ, а не вмѣстѣ съ осями, какъ въ римскихъ plaustris (Гезеніусъ, Thes. III, 972). По своимъ размѣрамъ ($1^1/_2$ локтя въ діаметрѣ) и по своему положенію, колеса не должны были заслонять стѣнокъ ящика. На верхней части ящика было приспособленіе для принятія и утвержденія омывальницы, названное вѣнцомъ или капителью. Это было украшенное рельефными изображеніями шееобразное возвышеніе $^1/_2$ локтя высоты и $1^1/_2$ локтя въ діаметрѣ. Для болѣе прочной установки омывальницъ на этихъ капителяхъ служили плечеобразные выступы, выходившіе изъ четырехъ угловыхъ столбиковъ ящика и охватывавшіе со-

бою съ четырехъ сторонъ омывальницу. По описанію Іосифа Флавія, эти плечеобразные или рукообразные выступы были настоящія руки, и не только однѣ руки, но и руки съ статуями истукановъ, якобы стоявшихъ здѣсь по угламъ. Если Іосифъ Флавій не переноситъ здѣсь прямо на омывальницы Соломоновы форму какихъ нибудь другихъ, видѣнныхъ имъ, сосудовъ, то онъ ошибочно представляетъ здѣсь рельефныя изображенія херувимовъ, львовъ, воловъ, статуями, поддерживавшими омывальницы, подобными статуямъ, державшимъ мѣдное море. Можетъ быть, этимъ превращеніемъ библейскаго описанія Іосифъ Флавій приготовлялъ почву для того обвиненія Соломона въ украшеніи храма языческими образами, которое онъ дѣлаетъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ той же VIII книги Antiqu., и о которомъ мы уже говорили. Впрочемъ, омывальницы Соломона Іосифъ считаетъ весьма красивыми. Особенно красивый видъ, по его мнѣнію, представляли обороты колесъ при передвиженіи омывальницъ, вслѣдствіе особеннаго искусства, съ которымъ они были прилажены къ стѣнкамъ, а можетъ быть также отъ игры вращавшихся при этомъ изображеній, бывшихъ и на самыхъ колесахъ. Перро въ своей исторіи искусства (332) старается возвысить впечатлѣніе отъ художественнаго вида омывальницъ Соломона еще тѣмъ, что изображенія львовъ и воловъ, раздѣльно показанныя въ текстѣ, группируетъ въ картины львовъ, охотящихся за волами и терзающихъ ихъ, — любимыя темы финикійскихъ художниковъ. Такія картины были неумѣстны въ храмѣ Іеговы. Мы, съ своей стороны, наоборотъ, готовы видѣть здѣсь картины мирнаго совмѣстнаго пребыванія дикихъ и домашнихъ животныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изображены пр. Исаіею 11. 6—9: „*левъ и волъ будутъ пастись*

вмѣстѣ".—Описаннымъ сложнымъ и подвижнымъ видомъ омывальницъ имѣлось въ виду облегчить наполненіе ихъ водою и затѣмъ опоражниваніе ихъ: для наполненія водою ихъ подкатывали къ большому водохранилищу мѣднаго моря, затѣмъ для опоражниванія ихъ, по пресыщеніи воды кровью, ихъ подкатывали къ особенной кровесточной трубѣ при жертвенникѣ. По признанію спеціалистовъ-техниковъ, эти колесницы-омывальницы были настолько тяжелы, что для ихъ передвиженія по ровной площади нужны были совокупныя усилія четырехъ левитовъ, и, съ другой стороны, требовали заботливаго за собою ухода, потому что, стоя постоянно подъ открытымъ небомъ, при іерусалимскомъ климатѣ, и постоянно обливаемыя водою, онѣ были очень доступны ржѣ и порчѣ. См. видъ омывальницы при вышеприведенномъ рисункѣ жертвенника всесожженій Манжана. Вотъ еще новый видъ Соломоновой омывальницы по реставраціи Пэна.



Изъ другихъ второстепенныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ Хирамомъ для Соломонова храма, библейскій текстъ упоминаетъ мѣдные тазы, лопатки и чаши, а также золотые щипцы, блюда, ножи, чаши, лотки и кадильницы для внутренней части храма (1 Цар. 7, 45, 50). Раввинское преданіе прибавляетъ сюда еще особенныя приспособленія для жертвенныхъ операцій, въ видѣ каменныхъ столовъ на сѣверной сторонѣ жертвенника, для предварительнаго расположенія и сортированія жертвеннаго мяса. У Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 8) приведенъ невѣроятный счетъ этихъ второстепенныхъ сосудовъ, которыми Соломонъ снабдилъ построенный имъ храмъ: кружекъ для вина 80,000; чашъ золотыхъ

10,000; чашъ серебряныхъ 20,000; сосудовъ для возношенія муки: золотыхъ 80,000, серебряныхъ 160,000; блюдъ для растворенія муки елеемъ: золотыхъ 60,000, серебряныхъ 120,000; мѣръ, называвшихся гинами и иссаронами: золотыхъ 20,000, серебряныхъ 40,000; золотыхъ кадильницъ 20,000; угольницъ 50,000; священническихъ трубъ 200,000; музыкальныхъ инструментовъ для храма 400,000.

Храмъ и площадь предъ нимъ, занятая описанными сосудами, составляли важнѣйшую часть святилища. Но если даже и у насъ корпусъ храма всегда окружается болѣе или менѣе значительнымъ погостомъ, въ видѣ площади, окруженной оградою, защищающей храмъ отъ тѣхъ случайныхъ оскверненій, которымъ легко подвергается открытое зданіе, то тѣмъ болѣе не могло оставаться открытымъ ветхозавѣтное святилище, которое по своей идеѣ было совершенно недоступнымъ для непосвященныхъ изъ народа, и по отношенію къ которому позволялось только отдаленное созерцаніе и поклоненіе. Мы знаемъ, что уже въ скиніи былъ огражденный священный дворъ, въ который приходили для молитвъ и жертвоприношеній. Поэтому и въ храмѣ іерусалимскомъ, съ его перваго появленія, необходимо должны были быть особенные дворы для богослуженій и народныхъ собраній. Существованіе такихъ дворовъ при храмѣ такъ естественно и понятно, что можно только удивляться тѣмъ изслѣдователямъ (см. Геферникъ, Commentar über den Ezechiel, 653), которые, для объясненія существованія дворовъ въ храмѣ Соломоновомъ, считаютъ необходимымъ предположить заимствованіе и подражаніе дворамъ языческихъ храмовъ, имѣвшихъ особенное кос-

мическое значеніе, каковы, наприм., индійскіе дворы, трехчастные, пятичастные и семичастные въ храмахъ Халамброна, Бранбанама, Сирангама. Съ другой стороны, также неосновательно допускать постепенное и случайное развитіе дворовъ при іерусалимскомъ храмѣ, подобно тому, какъ постепенно наслоялись дворы египетскихъ храмовъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ культовъ. Храмъ Соломоновъ строился при полномъ развитіи культа; послѣ него не прибавилось ничего новаго, а развѣ только убавилось число лицъ, приходившихъ въ храмъ на поклоненіе. И библейское свидѣтельство удостовѣряетъ, что Давидъ, вмѣстѣ съ планомъ храма, передалъ Соломону для исполненія и планъ дворовъ и горницъ, которыя должны были окружать дворы (1 Пар. 28, 12). Нѣтъ никакого основанія предполагать, что Соломонъ могъ не выполнить этихъ плановъ Давида. Напротивъ, ясно говорится, что Соломонъ построилъ не только храмъ, но и его дворы, и притомъ съ большимъ великолѣпіемъ (2 Пар. 4, 9). Правда, въ библейскомъ описаніи храма о дворахъ говорится очень мало, но этотъ пробѣлъ восполняется отчасти свидѣтельствомъ пророка Іезекіиля, Іосифа Флавія и преданіемъ.

1. Первый частнѣйшій вопросъ о дворахъ Соломонова храма касается ихъ количества. Несомнѣнно то, что храмъ Соломоновъ не ограничивался однимъ дворомъ какъ скинія. Въ планѣ Давида, переданномъ Соломону, и у пророка Исаіи (1, 12) говорится о *дворахъ*, а не о *дворѣ* при іерусалимскомъ храмѣ. Но, съ другой стороны, больше двухъ дворовъ нѣтъ основанія предполагать при храмѣ Соломона. Одинъ дворъ былъ мѣстомъ совершенія богослуженія или дворомъ священниковъ, а другой назначался для собиравшагося во храмъ народа

(2 Пар. 4, 9; Іезек. 40, 17). Совершенно ошибочно нѣкоторые (Вилляльпандъ-Пайллу) приписывали Соломонову храму третій дворъ языковъ, существовавшій впослѣдствіи при храмѣ Ирода. Во всѣхъ священныхъ книгахъ, не исключая и описанія храма у пророка Іезекіиля, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о существованіи такого двора. Если 2 Парал. 20, 5, въ исторіи царствованія Іосафата, упоминается *новый* дворъ, то это не есть совершенно новый или третій дворъ (Гиртъ), а только ремонтированный второй, какъ это видно изъ того, что гораздо позже Іосафата, при Іоасѣ, Манассіи и Іосіи (2 Цар. 21, 5; 23, 12; 2 Пар. 35, 5) при іерусалимскомъ храмѣ считаются только два двора. Хотя, какъ можно видѣть изъ словъ Соломона при освященіи храма (1 Цар. 8, 41-43; 2 Пар. 6, 32-33), и язычники допускались въ храмъ іерусалимскій для молитвы, но особеннаго отдѣленія для нихъ не назначалось; они молились вмѣстѣ со всѣмъ Израилемъ. Только уже въ періодъ Иродова храма, въ эпоху крайняго развитія законовъ о внѣшней чистотѣ, отдѣлены какъ особенное мѣстостояніе для женщинъ, такъ и мѣсто для язычниковъ въ томъ же первоначальномъ второмъ или большомъ дворѣ. Новаго же двора, въ смыслѣ новаго мѣста, не было прибавлено къ площади храма даже и въ храмѣ Ирода.

2. О размѣрахъ дворовъ Соломонова храма въ историческихъ библейскихъ книгахъ нѣтъ указаній. Пророкъ Іезекіиль для своего храма указываетъ мѣру 500 тростей или древнихъ саженей, т. е. 3,000 локтей длины и ширины (42, 16-19, 45, 2). Но это измѣреніе, могущее обнять не только гору храма, но и весь древній Іерусалимъ, имѣетъ таинственный символическій смыслъ, и неприложимо къ историческому храму Соломона. Іосифъ Флавій площадь Соломонова храма называетъ квадра-

томъ одной стадіи (400 локтей); но, какъ увидимъ дальше, это измѣреніе намѣренно или ненамѣренно неправильное [1]. Точно также неправильны всѣ другія абстрактныя соображенія новыхъ изслѣдователей объ общихъ границахъ площади Соломонова храма, напримѣръ соображеніе Кейля: 300 локтей длины и 250 ширины. Рѣшеніе этого вопроса, не данное въ библейскомъ текстѣ, должно основываться исключительно на измѣреніяхъ сохранившейся донынѣ площади ветхозавѣтнаго храма. Но такъ какъ измѣренія этой площади требуютъ много предварительныхъ разъясненій, то мы откладываемъ рѣшеніе даннаго вопроса до спеціальной главы. Точнѣе, повидимому, опредѣляются границы другого двора. Такъ какъ другой меньшій дворъ называется внутреннимъ, то это значитъ, что онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ внѣшнимъ или большимъ дворомъ. Неправильно однакожъ внутренній дворъ нѣкоторые полагаютъ въ самомъ центрѣ внѣшняго. Центръ внутренняго двора приходился нѣсколько на сѣверо-западъ отъ центра внѣшняго двора. Что касается размѣровъ внутренняго двора, то Кейль (116), Бэръ (43), Германъ (Le Temple de Jérusalem 1882, 15), Вольфъ (Der Tempel 31), Фергюссонъ (The Temples 27) и друг. даютъ ему удвоенную величину двора скиніи 200 локтей длины и 100 локтей ширины. Но вмѣсто того, чтобы теряться въ догадкахъ и соображеніяхъ, въ данномъ случаѣ гораздо лучше согласиться съ преданіемъ, которое внутреннему двору даетъ съ В. на З длины 322 локтя и ширины съ С. на Ю. 135 локтей. Во внутреннемъ дворѣ стоялъ и храмъ,

[1] Точно также не точно свидѣтельство Александра Полигистора (Евсевій, Praepar. evang. IX, 35), по которому площадь храма имѣла окружности пять стадій. То же измѣреніе даетъ Аристей въ письмѣ къ Филократу (Евсевій).

но опять не въ центрѣ двора [1], а въ западной его половинѣ, такъ что предъ фронтомъ храма, съ востока, отъ внутренняго двора оставалась площадь довольно значительная для помѣщенія такъ называемыхъ внѣшнихъ принадлежностей храма. На сѣверной и южной сторонѣ корпуса храма свободнаго пространства во внутреннемъ дворѣ, по Іезекіилю, было 20 локтей, а на западной задней сторонѣ—узкій проходъ нѣсколькихъ локтей.

3. Дворы лежали не на одномъ уровнѣ, но въ видѣ возвышающихся одна надъ другою террасъ. Оттого внутренній дворъ называется верхнимъ, т. е. возвышеннымъ (Іерем. 36, 10), а внѣшній называется нижнимъ (Іезек. 40, 19), нижнею мостовою (Іезек. 40, 18); у Іосифа Флавія: τὸ κάτω ἱερόν (Bell. V, 5, 1). У пророка Іезекіиля показаны точныя измѣренія постепеннаго возвышенія террасъ: во внѣшній дворъ вела лѣстница изъ 7 ступеней; изъ внѣшняго двора во внутренній изъ 8 ступеней; изъ внутренняго двора на платформу храма изъ 10 ступеней (40, 49 по LXX). Но 10 ступеней, приводившія ко храму, по Іезекіилю 41, 8, равнялись 6 локтямъ; слѣдовательно каждая ступень равнялась $^3/_4$ локтя. Такимъ образомъ внутренній дворъ былъ выше внѣшняго на $4^4/_5$ локтей, внѣшній дворъ выше слѣдующаго уступа горы, уже не принадлежавшаго храму, на $4^1/_5$ локтей. Террасы сообщались лѣстницами, были выровнены насыпною землею и вездѣ вымощены камнемъ (2 Цар. 16, 17; Іезек. 40, 17). Послѣднее было необходимо потому, что насыпная земля дѣлала бы дворы храма непроходимыми во время дождей. На томъ основаніи, что въ Пс. 52, 10 говорится о *маслинѣ зеленѣющей въ домѣ Іеговы*, можно думать, что, среди большаго внѣшняго

[1] Выраженіе Іосифа Флавія (Bell. V, 5, 4), что храмъ лежалъ въ срединѣ всей площади, нужно понимать въ нестрогомъ смыслѣ.

двора, были разсажены деревья, наиболѣе священныя въ ветхозавѣтной символикѣ, какъ-то: пальмы, маслины, кедры (Пс. 92, 13—14). По талмудическому преданію (іерус. Іома IV, 4), Соломонъ въ своемъ храмѣ насадилъ разные виды деревъ, но они всѣ погибли при Манассіи. Между деревьями храма, прибавляетъ позднѣйшая легенда, были деревья съ такимъ правильнымъ, перемѣннымъ то сокращеніемъ, то распространеніемъ своихъ цвѣточныхъ чашечекъ, что по нимъ священники могли считать часы дня и ночи (Spitzer, Die Uhr, 104—105; Талм. Іома 39).

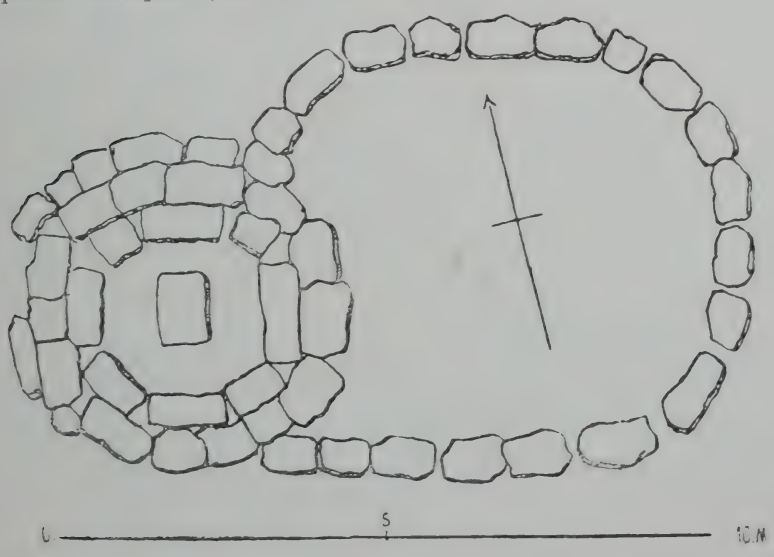
4. Если уже дворъ скиніи былъ окруженъ оградою, точно опредѣлявшею его границы и защищавшею его отъ возможныхъ для него оскверненій, то конечно и дворы неподвижнаго святилища іерусалимскаго должны были имѣть соотвѣтствовавшее ихъ значенію и потребностямъ храма огражденіе, тѣмъ болѣе, что храмъ не былъ окруженъ, подобно скиніи, лагеремъ народа и въ первоначальное время почти не примыкалъ къ городу и выходилъ въ пустынную мѣстность. Къ сожалѣнію, въ историческомъ библейскомъ описаніи храма нѣтъ такого точнаго описанія ограды дворовъ храма, какое сдѣлано Мойсеемъ въ его описаніи скиніи.

Единственное свидѣтельство историческихъ библейскихъ книгъ объ оградѣ дворовъ храма [1] выражено въ слѣдующихъ словахъ: „*и кругомъ большаго двора три ряда тесаныхъ камней и одинъ рядъ кедровыхъ бревенъ; также внутренній дворъ дома Божія и притворъ храма*" (1 Цар. 6, 36, 7, 12. Сравн. Ездр. 6, 3—4). Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе то, что выраженіе: *кругомъ большаго двора* въ Вульгатѣ переведено: atrium majus rotundum, т. е. *круглый* большой дворъ. Хотя

[1] Замѣчаніе Бэра, что объ оградѣ внѣшняго двора храма въ библейскихъ историческихъ книгахъ нѣтъ никакого указанія, ошибочно.

этотъ переводъ невѣренъ, потому что стоящее въ данномъ мѣстѣ еврейское слово סביב ни въ какомъ случаѣ не можетъ указывать круглой формы двора, и всѣ другіе древніе переводы въ этомъ случаѣ несогласны съ Вульгатою; но этого перевода было достаточно, чтобы католическіе писатели, не обращавшіеся къ другимъ текстамъ, кромѣ Вульгаты, внесли въ свои сочиненія представленіе о совершенно круглой формѣ площади дворовъ и ограды. Николай de Lyra (in Libr. Reg.) доказывалъ даже, что „круглая форма была дана дворамъ храма въ подражаніе круглому виду дворца, построеннаго вблизи храма для дочери фараона; такимъ образомъ дворы Соломонова храма получили якобы египетскія очертанія". Дѣйствительно, круглые дворы, если бы они были, свидѣтельствовали, если не о египетскомъ, то о мѣстномъ хананейскомъ вліяніи капищъ и дворовъ Ваала, и напрасно Тостатъ, другой католическій писатель, думаетъ (Abulens. Quaest. V in hunc locum), что дворы Соломона могли быть круглыми и въ то же время незаимствованными у египтянъ и хананеевъ [1]. Но

[1] Вотъ одинъ изъ образцовъ круглыхъ хананейскихъ святилищъ открытый Кондеромъ (Quarterly statements 1882, p. 72).



аналогія двора скиніи. свидѣтельство пророка Іезекіиля и Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 9) и преданіе не оставляютъ сомнѣнія, что ограды дворовъ храма Соломонова не были круглы, но имѣли видъ двухъ, вписанныхъ одинъ въ другой, четыреугольниковъ. Нельзя согласиться даже и съ тѣмъ, что ограда дворовъ, при общей четыреугольной формѣ, въ одномъ пунктѣ, именно на восточной сторонѣ внутренняго двора, была сдѣлана полукругомъ, какъ это представляютъ Гиртъ, Гринейзенъ и Шнаазе, основываясь на аналогіи паѳосскаго храма на островѣ Кипрѣ, имѣвшаго предъ собою полукруглую рѣшетку, и на выраженіи Іосифа Флавія о внутренней оградѣ храма: περιέβαλε τῷ ναῷ κύκλῳ (VIII, 3, 9). Аналогія паѳосскаго храма могла бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что храмъ Соломоновъ вообще былъ копіею финикійскихъ храмовъ и если бы планъ паѳосскаго храма былъ извѣстенъ намъ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, не на основаніи однихъ только неразборчивыхъ изображеній на древнихъ монетахъ, а выраженіе Іосифа Флавія κύκλῳ есть переводъ еврейскаго סביב, что значитъ кругомъ, а не кругомъ. Кромѣ того, въ томъ же вышеуказанномъ параграфѣ Іосифа Флавія говорится, что ограда кругомъ большаго двора была сдѣлана τετραγώνῳ σχήματι. Есть еще у Іосифа другіе термины для опредѣленія ограды внутренняго двора: γεῖσον и θριγκός (Antiqu. VIII, 3, 9); первое слово Іосифъ называетъ еврейскимъ (правильнѣе было бы назвать арабскимъ: ha-gison, *брустверъ*) [1], а второе есть греческое названіе ограды; но

[1] Бл. Іеронимъ въ толкованіи на Іезекіиля (гл. 40, ст. 35—43) говоритъ о значеніи слова γεῖσος, встрѣчающагося въ переводѣ ЕХХ: „мы не знаемъ, есть ли это еврейское или греческое слово; знаемъ только, что, вмѣсто gisum, Симмахъ и Ѳеодотіонъ перевели labia, Акила въ первомъ изданіи ἐπιστάσεις, во множественномъ числѣ, а во второмъ изданіи labia, вмѣсто чего въ еврейскомъ текстѣ стоитъ asephathaim“.

ни тѣмъ, ни другимъ терминомъ не предполагается какое-либо отступленіе отъ правильной формы четыреугольника. — Такимъ образомъ нужно считать неподлежащимъ сомнѣнію, что ограда того и другого двора Соломонова храма была не кругла, а четыреугольна.

Гораздо труднѣе представить самое строеніе этой ограды, выраженное въ вышеприведенной цитатѣ словами: *три ряда тесаныхъ камней*, גזית, *и одинъ рядъ кедровыхъ бревенъ*. Было сдѣлано много попытокъ объяснить это выраженіе:

1. Старинные толкователи, переносившіе на храмъ Соломона все, что Іосифъ и преданіе приписывали храму Ирода, Лигтфоотъ (Descriptio Templi, cap. VIII), Штурмъ (Sciographia templi, II, 1, § 4), Фаберъ (Archäologie der Hebräer, 416), изъ новѣйшихъ Фергюссонъ (The Temples, 39) подъ тремя рядами камней и однимъ рядомъ кедровъ разумѣли четыре ряда колоннъ, три ряда каменныхъ колоннъ и одинъ рядъ деревянныхъ столбовъ, образовывавшихъ галлереи кругомъ дворовъ (или же вмѣсто деревянныхъ столбовъ деревянную крышу портика), существовавшіе и въ храмѣ Ирода. При этомъ ссылались на свидѣтельство Іосифа Флавія Antiqu. VIII 3, 9. Хотя въ этомъ свидѣтельствѣ говорится о колоннадахъ и галлереяхъ только внѣшняго двора, но, такъ какъ, по библейскому свидѣтельству 1 Цар. 7, 12, между оградою внѣшняго и внутренняго двора въ этомъ отношеніи не должно было существовать различія, то колоннады Іосифа считали общимъ объясненіемъ библейскаго термина: *три ряда тесаныхъ камней*, gazith. Далѣе, ссылались на свидѣтельство Іезекіиля 42, 16, предполагающее во дворахъ храма ряды колоннъ или колоннады, а также на переводъ Вульгаты 2 Пар. 4, 9, гдѣ выраженіе *большой дворъ* замѣнено выраженіемъ: *большая базилика*, т. е.

многонефная колоннада. — Но, не смотря на эти доказательства, съ приведеннымъ объясненіемъ трудно согласиться. Въ такомъ видѣ ограда дворовъ имѣла бы значеніе не защиты или огражденія дворовъ, а только, какъ говоритъ Лигтфоотъ, значеніе прохладнаго убѣжища для собравшагося въ храмъ народа во время зноя, между тѣмъ, какъ тотъ же Іосифъ говоритъ, что ограда имѣла значеніе преграждать доступъ во дворъ внутренняго храма непосвященнымъ и служить укрѣпленіемъ снаружи. Правда, Иродъ великій въ своей реставраціи храма библейское выраженіе: *три ряда камней ограды* понялъ и выполнилъ въ греческомъ смыслѣ трехчастной колоннады; но это еще не доказываетъ, что именно такъ данное выраженіе понималось въ Соломоновомъ храмѣ. Напротивъ, есть основаніе думать, что тамъ оно имѣло другое значеніе. По библейскому свидѣтельству, подобные же три ряда камней и одинъ рядъ кедровъ образовали и строеніе притвора самаго храма, а по Ездр. 6, 3–4 и всего вообще храма; но здѣсь уже вовсе не было мѣста для трехъ рядовъ каменныхъ колоннъ и одного ряда деревянныхъ. Библейскій текстъ ставитъ въ связь съ притворомъ только двѣ мѣдныхъ колонны Іахинъ и Боазъ, не имѣвшихъ отношенія къ устройству ограды. Если бы необходимо было три ряда камней понимать въ смыслѣ трехъ рядовъ колоннъ и трехъ колоннадъ, тогда мы должны были бы согласиться и съ Пэномъ, что три ряда каменныхъ колоннъ и одинъ рядъ кедровыхъ пилястровъ окружали самый корпусъ храма. Но, мы видѣли уже, до какой степени это невѣроятно и невозможно. Для обозначенія колонны библейскій языкъ имѣетъ извѣстное, весьма часто встрѣчающееся, слово, сохранившееся и въ языкѣ арабовъ, amud. Между тѣмъ для опредѣленія ограды

дворовъ вездѣ употребляется терминъ gazith, а не amud; въ значеніи же колонны gazith нигдѣ не употребляется. Наконецъ, предполагая три ряда каменныхъ колоннъ, необходимо, по смыслу текста, рядомъ съ ними помѣщать и одинъ рядъ такихъ же колоннъ деревянныхъ. Но это былъ бы безпримѣрный абсурдъ въ архитектурѣ.

2. По другому, наиболѣе распространенному въ настоящее время, объясненію три ряда тесаныхъ камней суть въ буквальномъ смыслѣ три ряда отвѣсно лежавшихъ одинъ на другомъ камней, какіе тогда были въ употребленіи, поверхъ которыхъ былъ еще расположенъ рядъ кедровыхъ бревенъ. Въ переведеніи этого толкованія на планъ изслѣдователи расходятся. По однимъ, оградою двора нужно считать собственно только три ряда камней, проходившихъ на краю платформы внутренняго двора и имѣвшихъ высоты, какъ считаетъ и Іосифъ Флавій, 3 локтя; рядъ же кедровыхъ бревенъ былъ только крышею ограды, защищавшею ее отъ дождей; такъ какъ деревянная крыша была приподнята къ срединѣ и скашивалась на ту и другую сторону, то потому Іосифъ и могъ назвать ее γεῖσον, собственно навѣсъ. Такое объясненіе встрѣчаемъ у Бэра, Дистеля (Лекс. Шенкеля), Ширера (Лекс. Ригма), Ренана (Revue des deux mondes, 1888, 1 aout, 549, 554). Шегга (Bibl. Arch. 1888, 443) и др. Напротивъ, другіе: Гиртъ, Штиглицъ, Винеръ, Мункъ (Palestine) собственно оградою въ данномъ описаніи считаютъ верхній деревянный рядъ, который они слагаютъ въ цѣлую деревянную стѣну. Что же касается трехъ рядовъ камней, то они будто бы были не оградою, а только основаніемъ для ограды и лежали не на террасѣ внутренняго двора, а внизу, на пограничной линіи внѣшняго двора, прилегавшей къ внутреннему, такъ что

ихъ высота была, вмѣстѣ съ тѣмъ, высотою внутренняго двора надъ уровнемъ внѣшняго. Только для созерцавшаго внутренній дворъ снаружи, со стороны внѣшняго двора, три ряда камней на границѣ внутренняго двора могли казаться его оградою, съ внутренней же стороны ихъ вовсе не было видно, и ограда казалась только кедровою. По объясненію Кейля, кедровые брусья лежали здѣсь горизонтально, подобно камнямъ въ нижнихъ рядахъ, но не непосредственно на камняхъ, а приподнятые въ видѣ перилъ. Напротивъ, по объясненію Мерца, кедровые брусья нужно представлять стоящими отвѣсно одинъ при другомъ, и притомъ часто, въ видѣ частокола или деревянной рѣшетки; по мнѣнію Перро, это были деревянныя колонны [1].—Эти объясненія имѣютъ опять свои неудобства. Если ограду представлять собственно деревянною, а три ряда камней считать только основаніемъ для ограды, не выходящимъ изъ уровня платформы внутренняго двора, то отсюда получится противорѣчіе тексту, который камнямъ и кедрамъ даетъ здѣсь одинаковое значеніе и положеніе; въ такомъ случаѣ самое упоминаніе о трехъ рядахъ камней было бы излишнимъ. Съ другой стороны, если оградою были три ряда камней, то рядъ кедровъ или крыша на каменной оградѣ оказывается излишнею и необычною въ древности. Впрочемъ, съ послѣднимъ объясненіемъ мы могли бы еще согласиться, имѣя въ виду, что къ нему склоняется, повидимому, и Іосифъ Флавій, если бы такой видъ ограды прилагался къ одному внутреннему двору храма, не нуждавшемуся въ болѣе высокой и

[1] Основаніемъ для Перро въ данномъ случаѣ послужило любопытное изображеніе іерусалимскаго храма, найденное въ Римѣ въ 1882 году на одномъ стеклянномъ сосудѣ. Здѣсь кругомъ внутренняго двора деревянные брусья стоятъ отвѣсно, на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого, и имѣютъ капители, какъ настоящія колонны (см. этотъ рисунокъ ниже храма).

прочной оградѣ. Но всѣ названные сейчасъ изслѣдователи, вмѣстѣ съ Іосифомъ Флавіемъ, забываютъ свидѣтельство 1 Цар. 7, 12, гдѣ стѣна изъ трехъ рядовъ камней и одного ряда кедровъ приписывается, прежде всего, большому или внѣшнему двору, а потомъ уже внутреннему двору и также притвору храма; въ Ездр. 6, 3—4 такая стѣна приписывается всему вообще строенію іерусалимскаго храма. Но что значатъ три ряда камней для внѣшней стѣны, ограждавшей площадь внѣшняго двора, долженствовавшей служить и дѣйствительно служившей крѣпостію при вражескихъ нападеніяхъ? Построившій такую стѣну, какъ справедливо замѣчаетъ Пайллу (397), не имѣлъ бы права и сказать, что онъ *построилъ дворъ*. Тутъ строить было бы нечего. Далѣе, было бы слишкомъ необычно и неопредѣленно высоту стѣны опредѣлять тремя рядами камней, вмѣсто точнаго опредѣленія ея количествомъ локтей. Мы не говоримъ уже о томъ, что такой порядокъ камней въ стѣнѣ не могъ быть выдержанъ во всей строгости, а если бы былъ выдержанъ, то только въ ущербъ прочности стѣны. Толкователи прошлыхъ вѣковъ предполагали еще, что въ выраженіи: *три ряда камней и одинъ рядъ кедровъ* указана не вся высота стѣны, а только порядокъ ея кладки, то есть: на трехъ рядахъ камней, покрытыхъ рядомъ кедровыхъ балокъ, лежали опять три ряда камней и одинъ рядъ кедровъ и т. д. до требуемой планомъ высоты. Мы уже видѣли, что такой составъ стѣнамъ храма, на основаніи раввинскаго преданія, даетъ, между прочимъ, Пэнъ. Но, спрашивается, какую крѣпость можетъ имѣть такая стѣна изъ переплета дерева и камней и гдѣ можно встрѣчать что нибудь подобное? Если что нибудь подобное и встрѣчается въ развалинахъ худшихъ памятниковъ готиче-

ской архитектуры, хотя мы въ этомъ сильно сомнѣваемся, то въ древнихъ памятникахъ ничего подобнаго не найдено и, безъ сомнѣнія, не будетъ найдено. Да и самъ Пэнъ, предположившій въ стѣнахъ храма смѣшанную кладку изъ дерева и камня, строитъ его однакожъ иначе: положивъ основные ряды стѣны изъ камня и на нихъ рядъ кедровъ, дальнѣйшее возвышеніе стѣны онъ утверждаетъ уже не на этихъ кедрахъ, а на стоящихъ при стѣнѣ рядахъ колоннъ! Оказалось неудобнымъ полагать новые ряды камней на кедрахъ.

3. Совершенно особенное объясненіе разсматриваемаго библейскаго выраженія придумано графомъ де-Вогюэ (Le temple, 29). Три ряда камней, говоритъ Вогюэ, нужно представлять рядами, лежащими не одинъ на другомъ или образующими высоту стѣны, а одинъ *при* другомъ, на одномъ уровнѣ, и, слѣдовательно, образующими толщину стѣны, при чемъ кедровый рядъ будетъ обозначать наружную деревянную обкладку стѣнъ, требуемую библейскимъ описаніемъ. Изъ такихъ горизонтально лежащихъ трехъ рядовъ камней была сложена вся стѣна до высоты, не указанной въ текстѣ, но, конечно, соотвѣтствовавшей такой сложной толщинѣ. Такъ какъ каждый камень ограды храма при 8—10 локтяхъ длины (1 Цар. 7, 10) долженъ былъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 2 локтя толщины, то три ряда такихъ камней давали толщины 6 локтей, а съ деревянною наружною обкладкою 7 локтей, какъ это и подтверждается Іезек. 40, 5. Подобную кладку стѣнъ, заключаетъ Вогюэ, мнѣ случалось встрѣчать въ древнихъ восточныхъ памятникахъ [1]. — Это объясненіе, конечно,

[1] Объясненіе Вогюэ принято Т. Фридрихомъ (Tempel und Palast Salomo's, 1887, 36). Только подъ однимъ рядомъ кедровъ Фридрихъ разумѣетъ не деревянную обкладку стѣны, а деревянные столбы, поддерживавшіе навѣсъ

лучше предшествующаго и не лишено остроумія; но и съ нимъ едва ли можно согласиться. Въ такое спеціальное описаніе внутренней кладки стѣнъ библейскіе писатели не могли входить. Если бы въ данномъ случаѣ требовалось указать толщину стѣнъ, то это было бы сдѣлано прямо указаніемъ количества локтей, какъ это и дѣлается у пророка Іезекіиля (40, 5). Требовать же, чтобы, при такой широтѣ 6 или 7 локтей, была выдержана вездѣ кладка и счетъ трехъ рядовъ камней, было бы безполезно или даже положительно вредно для самой стѣны. Три ряда камней въ высокой стѣнѣ, оставаясь именно тремя рядами, поставленными одинъ при другомъ, весьма легко могутъ распасться на три отдѣльныхъ продольныхъ пласта. Такимъ образомъ объясненіе Вогюэ также не выдерживаетъ критики, хотя, повторяемъ, его нельзя назвать ребяческимъ, какъ его называетъ Пайллу. Если бы его можно было принять, оно прекрасно объяснило бы намъ уравниваніе въ библейскомъ текстѣ подъ одну норму „трехъ рядовъ камней и одного ряда кедровъ“ всѣхъ вообще построекъ, принадлежавшихъ храму. Если стѣны внѣшняго двора, стѣны внутренняго двора и притвора храма, равно состоявшія изъ трехъ рядовъ камней и одного ряда кедровъ, нельзя представлять равными по высотѣ, то ихъ весьма удобно было бы представлять равными по толщинѣ.

4. Наконецъ, подъ тремя рядами камней и однимъ рядомъ кедровъ разумѣли цѣлые особенные этажи, три каменныхъ и одинъ деревянный (Адрихомій и др. древніе толкователи) или же только три каменныхъ этажа съ

при каменной оградѣ двора. «Въ оградѣ внутренняго двора каменная стѣна имѣла толщины 3 локтя, при ней навѣсъ 1 локтя, а столбы, держащіе навѣсъ, 1/2 локтя толщины».

деревяннымъ потолкомъ каждый (Вилляльпандъ—Пайллу, модель К. Шика). Основаніемъ такого объясненія считаютъ неоднократное и настойчивое опредѣленіе въ священныхъ книгахъ вида дворовъ и даже всего іерусалимскаго храма именно по этому количеству рядовъ, טורים. Не только въ книгѣ Цар. дважды указывается такой видъ дворовъ и притвора храма, но и въ книгѣ Ездр. 6, 3—4, въ указѣ Кира, тѣми же словами характеризуется видъ и устройство всего вообще храма. Такимъ образомъ *три ряда* (turim) суть нѣчто выдающееся въ образѣ храма, не просто ряды камней, которые не могли быть замѣтны, но ряды камней замкнутые въ нѣчто цѣлое, ряды камней сложенные въ ряды аппартаментовъ, т. е. три каменныхъ этажа вокругъ линіи дворовъ [1]. Во 2 Ездр. 6, 24—25, гдѣ повторяется указъ Кира о построеніи храма съ тою же его характеристикою, выраженіе: „три ряда камней и одинъ рядъ кедровъ“ прямо замѣнено словами: „*три дома изъ тесаныхъ камней и одинъ домъ новый изъ туземнаго дерева*“, διὰ δόμων λιθίνων τριῶν καὶ δόμυ ξυλίνυ ἐγχωρίυ καινῦ ἑνὸς... (Такое же чтеніе встрѣчаемъ и въ 1 Ездр. 6, 3—4 по LXX). Такимъ образомъ, вмѣсто трехъ рядовъ камней, не имѣющихъ никакого самостоятельнаго значенія, получаемъ три законченныя постройки изъ камня и одну изъ дерева. Но такъ какъ, согласно съ мнѣніемъ большинства изслѣдователей и съ существомъ дѣла, *три ряда* нужно понимать въ смыслѣ наложенія рядовъ однихъ на другіе, въ смыслѣ нижняго, средняго и верхняго ряда, то, замѣняя неопредѣленное слово tur (рядъ) словомъ δόμος (цѣльное зданіе), получимъ три каменныхъ этажа. Замѣ-

[1] Нужно замѣтить, что такой переводъ слова tur, рядъ, въ сложномъ смыслѣ высокаго ряда аппартаментовъ или цѣлаго этажа не противорѣчитъ библейскому словоупотребленію. Въ книгѣ Іезекіиля 46, 23 этимъ словомъ обозначается цѣлая стѣна.

чательно, что въ послѣдней цитатѣ деревянный четвертый этажъ (δόμος) проэктировавшагося второго іерусалимскаго храма названъ *новымъ*, и притомъ построеннымъ изъ мѣстнаго дерева. Отсюда непосредственно слѣдуетъ заключеніе, что три каменныхъ этажа не были новостію и, слѣдовательно, существовали въ храмѣ Соломоновомъ и, при возобновленіи храма Зоровавелемъ, могли быть отличаемы среди развалинъ святилища. Впрочемъ, что касается четвертаго этажа, то потому уже, что онъ былъ деревянный, онъ долженъ былъ значительно отличаться отъ нижнихъ. Какъ объясняется въ Вульгатѣ, это былъ не новый этажъ, а maeniana, полузакрытое помѣщеніе на кровлѣ, крыша въ видѣ терассы, такъ что видъ зданію давали только три этажа изъ камней. И Іосифъ Флавій (Antiqu. 11, 1, 3), перифразируя указъ Кира о построеніи храма Зоровавеля, говоритъ, что камни, образующіе его, долженствовали быть сложены тремя ярусами. Хотя все это относится уже къ послѣплѣнному храму, и именно къ храму, а не къ дворамъ, но такъ какъ второй храмъ былъ построенъ по образцу перваго и такъ какъ въ книгѣ Цар. видомъ тѣхъ же трехъ рядовъ камней характеризуются не только притворъ храма, но и ограды дворовъ внутренняго и внѣшняго, то мы имѣемъ право свидѣтельствомъ книги Ездры объяснять видъ Соломонова храма и всѣмъ вообще постройкамъ храма давать видъ трехъ этажей, хотя и неодинаковой высоты и величія [1]. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что и корпусъ самаго храма, кромѣ своего нижняго этажа съ принадлежностями богослуженія, имѣлъ еще верхніе этажи

[1] Фергюссонъ, принимая для перваго храма три ряда камней въ смыслѣ трехъ рядовъ колоннъ, стоявшихъ на одномъ уровнѣ, для второго храма составляетъ противоположную діаграмму въ смыслѣ трехъ рядовъ колоннъ вставленныхъ въ три этажа боковыхъ пристроекъ (The Temples of the Jews, стр. 39 и 67).

и что высота его доходила до 90 и 100 локтей. Напротивъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о трехъ рядахъ или этажахъ каменныхъ, 1 Цар. 6, 36, 7, 12, корпусъ самаго храма именно исключается, говорится только о притворѣ, къ которому нужно присоединять и окружавшія корпусъ храма со всѣхъ сторонъ, такъ называемыя боковыя пристройки, вездѣ имѣвшія видъ трехъ этажей. Можетъ быть именно три этажа боковыхъ пристроекъ, служившіе для храма первою и самою непосредственною оградою, были тѣмъ образцомъ, по которому строились всѣ дальнѣйшія огражденія храма вокругъ дворовъ и который технически называли тремя рядами камней. „Подобно тому, говоритъ Кляріусъ, какъ скинія Мойсея была закрываема тремя (?) покровами, и храмъ Соломона защищается трехъ-ярусными оградами“.—Такимъ образомъ данное объясненіе несомнѣнно превосходитъ всѣ предшествующія: оно одно тремъ рядамъ камней даетъ значеніе дѣйствительнаго характеристическаго признака и объясняетъ загадочное мѣсто 1 Цар. 7, 12, гдѣ характеристичные три ряда даются оградѣ внѣшняго двора, внутренняго двора и притвору храма.

Въ разныхъ мѣстахъ историческихъ и пророческихъ библейскихъ книгъ можно встрѣчать указанія на то, что вдоль оградъ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго двора, были разнаго рода аппартаменты и ходы, предполагающіе *многоэтажныя* постройки во дворахъ храма, и даже прямыя указанія именно на трехъэтажныя зданія. Прежде всего, вдоль ограды внутренняго двора, и противъ трехъэтажныхъ боковыхъ пристроекъ самаго храма, по описанію Іезекіиля 42, 3—6, были, по ту и другую сторону, два трехъэтажныхъ корпуса, но простаго однообразнаго устройства, такъ какъ они не имѣли, между прочимъ, колоннъ или такихъ выступовъ, какіе

въ стѣнахъ храма были между окнами боковыхъ пристроекъ. Тогда какъ въ боковыхъ пристройкахъ самаго храма комнаты каждаго верхняго этажа были шире комнатъ нижняго этажа, увеличиваясь на счетъ стѣны храма, въ дальнѣйшихъ трехъэтажныхъ зданіяхъ внутренняго двора верхнія комнаты были уже нижнихъ, потому что онѣ сокращались галлереями. Во всякомъ случаѣ различіе трехъ этажей и здѣсь было вполнѣ опредѣленное. Такія же трехъэтажныя постройки были и вокругъ внѣшняго или большаго двора: „и привелъ онъ меня во внѣшній дворъ, и вотъ тамъ постройки и мостовая сдѣлана кругомъ двора; *трехъэтажныя*[1] *постройки* на этой мостовой“ (Іезек. 40, 17). И у другихъ библейскихъ писателей встрѣчаются случайныя указанія на разные аппартаменты, бывшіе въ томъ или другомъ дворѣ, и, конечно, расположенные не среди дворовъ, а по линіи ограды. Уже по плану, составленному Давидомъ, дворы дома Божія предположено было окружить *со всѣхъ сторонъ* аппартаментами для разныхъ священныхъ принадлежностей и сокровищъ дома Божія (1 Пар. 28, 12). Что планъ этотъ былъ выполненъ, видно изъ 1 Пар. 9, 26, 23, 28; Ездр. 8, 29; Неем. 10, 38; 13, 5, 9 и др. Одни изъ этихъ аппартаментовъ служили кладовыми для склада храмовыхъ сосудовъ, одеждъ, жертвенныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей богослуженія. Другіе служили мѣстопребываніемъ очередныхъ священниковъ и левитовъ, особеннаго начальника храма (נָגִיד) и, какъ видно изъ исторіи Іоаса (2 Цар. 11; 2 Пар. 23) и изъ Макк. 13, 52, самого первосвященника

[1] Въ нынѣшней масоретской библіи здѣсь читается שלשים *тридцать;* но на древнееврейскомъ письмѣ это слово не имѣло никакого отличія отъ שלשים *трехъярусные.* Въ данномъ случаѣ послѣднее чтеніе имѣетъ большія преимущества и избавляетъ отъ необходимости представлять тридцать отдѣльныхъ построекъ по бокамъ воротъ.

и его приближенныхъ. Здѣсь были особенныя судебныя залы для засѣданій князей (Іерем. 35, 4 и дал.) и для другихъ оффиціальныхъ и частныхъ богослужебныхъ цѣлей. Камеры послѣдняго рода, бывшія во владѣніи частныхъ лицъ, назывались ихъ именами. Такъ извѣстны камеры и стойла придворнаго Натанъ-Мелеха, въ которыхъ при царѣ Манассіи были кони, посвященные солнцу (2 Цар. 23, 11); камера Ханана, камера Маасіи (Іерем. 35, 4), камера Гемаріи (Іерем. 36, 10), склады Хананіи и Симея, вновь устроенные при царѣ Езекіи для приношеній и десятинъ (2 Пар. 31, 11–12. Ср. Ездр. 10, 6; Неем. 3, 30, 13 4). У пророка Іезекіиля, въ упомянутыхъ уже трехъэтажныхъ корпусахъ внутренняго двора, указываются двѣ камеры, предназначенныя для служившихъ при жертвенникѣ и для наблюдавшихъ за храмомъ (Іезек. 40, 44–47). Самое назначеніе этихъ камеръ предполагаетъ ихъ различіе по этажамъ. Склады и кладовыя, жилища привратниковъ и рабочихъ естественно должны были быть внизу, напротивъ отдѣленія князей и первосвященника — въ верхнихъ аппартаментахъ. Такъ въ Іерем. 35, 4 комнаты князей и комнаты сыновъ Анана показаны въ верхнемъ этажѣ, *надъ* комнатою Маасіи, стража. Какая масса подобныхъ помѣщеній существовала во дворахъ храма, и притомъ помѣщеній сокровенныхъ, терявшихся среди многочисленныхъ переходовъ, можно заключить изъ того уже, что дочь царя Іорама Іосавеѳъ и племянникъ ея Іоасъ, сынъ Охозіи, въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ могли скрываться во дворахъ храма, подъ защитою тогдашняго первосвященника, и не быть открытыми преслѣдовавшею ихъ и искавшею ихъ погибели Гоѳоліею (2 Цар. 11).

Простой оградѣ изъ трехъ рядовъ камней не соотвѣтствуютъ и большія монументальныя ворота, при-

водившія во храмъ[1]. По изображенію пророка Іезекіиля всѣ ворота дворовъ были одинаковы и представляли собою большія галлереи 50 локтей длины и 25 локтей ширины съ двумя притворами, внутреннимъ и внѣшнимъ, и боковыми камерами стражей между ними. Одинъ порогъ, чрезъ который входили въ башню воротъ съ той и другой стороны, имѣлъ 7 локтей широты. Самыя ворота во внѣшнемъ дворѣ были обложены мѣдью (2 Пар. 4, 9), а во внутреннемъ—золотомъ (2 Цар. 18, 16; Antiqu. VIII, 3, 9). Болѣе ясное историческое указаніе о расположеніи воротъ дворовъ находимъ 1 Пар. 9, гдѣ изображается порядокъ распредѣленія храмовыхъ стражей. „Привратники были на всѣхъ четырехъ странахъ храма, восточной, западной, сѣверной и южной,... вокругъ дома Божія проводившіе ночь“ (ст. 24, 27). Что здѣсь идетъ дѣло о воротахъ внѣшняго двора, видно изъ того, что при нихъ поставляются левиты, между тѣмъ какъ во внутреннемъ дворѣ стражу держали священники. Кромѣ того, здѣсь исчисляются ворота на всѣхъ четырехъ сторонахъ четыреугольника ограды, между тѣмъ какъ внутренній дворъ не могъ имѣть воротъ съ задней западной стороны. Въ частности, въ восточной стѣнѣ внѣшняго двора были одни ворота, охранявшіяся, по важности своего положенія, шестью стражами-левитами (1 Пар. 26, 17). Въ сѣверной стѣнѣ также были одни ворота, охранявшіяся четырьмя левитами. Въ южной стѣнѣ, иначе называвшейся стѣною Офела (2 Пар. 27, 3), было двѣ отдѣльныхъ стражи и, слѣдовательно, двое воротъ; одна, названная просто южною стражею или южными воротами, имѣла шесть левитовъ; другая, названная

[1] Каждыя ворота имѣли различныя названія: *а)* по странѣ свѣта, къ которой они обращены (Іезек. 40 — 42), *б)* по количественному счету: первыя, вторыя, третьи (Іерем 38, 14), *в)* по спеціальнымъ собственнымъ именамъ.

стражею asupim, состояла изъ двухъ левитовъ (ст. 15, 17). Многіе толкователи слово asupim переводятъ *кладовыя* и стражею asupim считаютъ стражу у кладовыхъ, а не у воротъ; но это—невѣроятное объясненіе. О стражахъ при кладовыхъ и сокровищницахъ говорится отдѣльно и притомъ въ другихъ выраженіяхъ, безъ опредѣленія количества сторожей (ст. 20—26). Мѣсто же 1 Пар. 26, отъ ст. 12 до 19-го, какъ это ясно видно изъ вступительныхъ и заключительныхъ словъ, касается только привратниковъ или стражей у воротъ храма. И LXX толковниковъ терминъ asupim или, по ихъ чтенію, Есефимъ считаютъ собственнымъ именемъ воротъ. Въ кн. Неем. 12, 15 выраженіе asupim опять тѣсно связано съ воротами, хотя въ такой конструкціи *(воротные asupim)*, которая несвойственна настоящему собственному имени. Надлежащее объясненіе разсматриваемому термину находимъ въ талмудическомъ лексиконѣ, по которому אסופי означаетъ безпріютное, покинутое дитя (Kidd. 4, 1; Baba mezia 87, a). Такимъ образомъ ворота asupim или иначе *ворота сиротъ* получили свое имя отъ бывшаго при нихъ, въ южной оградѣ храма, богоугоднаго заведенія для безпріютныхъ дѣтей (см. ниже). На западной сторонѣ также было двѣ стражи, каждая изъ шести левитовъ, и, слѣдовательно, двое воротъ въ такомъ близкомъ между собою разстояніи, что здѣсь *стража приходилась противъ стражи* (ст. 16, 18). Одни изъ западныхъ воротъ назывались Шаллехетъ (ст. 16), по причинѣ открывавшагося за ними крутаго подъема, а другія Iessod (2 Пар. 23, 5) или иначе Sud (2 Цар. 11, 6), по ихъ низкому уровню въ сравненіи съ другими воротами. Пророкъ Іезекіиль не говоритъ о западныхъ воротахъ внѣшняго двора, вѣроятно, для образованія въ своемъ таинственномъ храмѣ соотвѣтствія

съ внутреннимъ дворомъ, который не имѣлъ воротъ въ западной стѣнѣ. Съ западными воротами стоялъ въ связи черный дворъ храма, называвшійся parbar или parvarim (2 Цар. 23, 11).—Внутренній дворъ имѣлъ трое воротъ, сѣверныя, южныя и восточныя, лежавшія на оси главныхъ воротъ внѣшняго двора и имѣвшія такое же устройство (Іезек. 40, 23, 27). Изъ нихъ сѣверныя ворота имѣли спеціальное названіе воротъ жерженника (Іезек. 8, 5) на томъ основаніи, что противъ нихъ были расположены столы для жертвеннаго матеріала (Іезек. 40, 39—43). У этихъ воротъ, съ наружной ихъ стороны, при первосвященникѣ Іаддуѣ, была прибита кружка для сбора пожертвованій на ремонтировку храма (2 Цар. 12, 10; 2 Пар. 24, 8), перваго историческаго кружечнаго сбора, получившаго за тѣмъ большое развитіе во второмъ іерусалимскомъ храмѣ. Восточныя ворота внутренняго двора назывались царскими (1 Пар. 9, 18). По изображенію Іезекіиля (46, 1) они отворялись только по субботнимъ днямъ и въ праздники. У этихъ воротъ было мѣсто для царя или подмостки 5 локтей длины и ширины и 3 локтей высоты (2 Пар. 6, 13), называвшіяся царскою колонною (2 Цар. 11, 14, 23, 3). Каждыя изъ воротъ внутренняго двора имѣли своихъ стражей уже не изъ левитовъ, а изъ священниковъ (2 Цар. 25, 18; Іерем. 52, 24). — Изъ этого описанія воротъ слѣдуетъ: *а)* что ворота какъ внѣшняго, такъ и внутренняго двора, имѣвшія весьма значительную охранительную стражу и отмѣченныя особенными наименованіями, имѣли монументальный характеръ, какъ объ этомъ и положительно свидѣтельствуетъ пророкъ Іезекіиль, и съ величіемъ и красотой соединяли силу крѣпостныхъ воротъ, тѣмъ болѣе, что въ значительной своей части стѣна храма съ своими воротами была на-

ружною городскою стѣною; *б)* что такъ какъ, при организаціи охраны храма, имѣется въ виду только охрана воротъ, то это значитъ, что остальная линія стѣны между воротами не нуждалась въ охранѣ, была совершенно недоступна, слѣдовательно, была не ниже, а скорѣе выше воротъ.

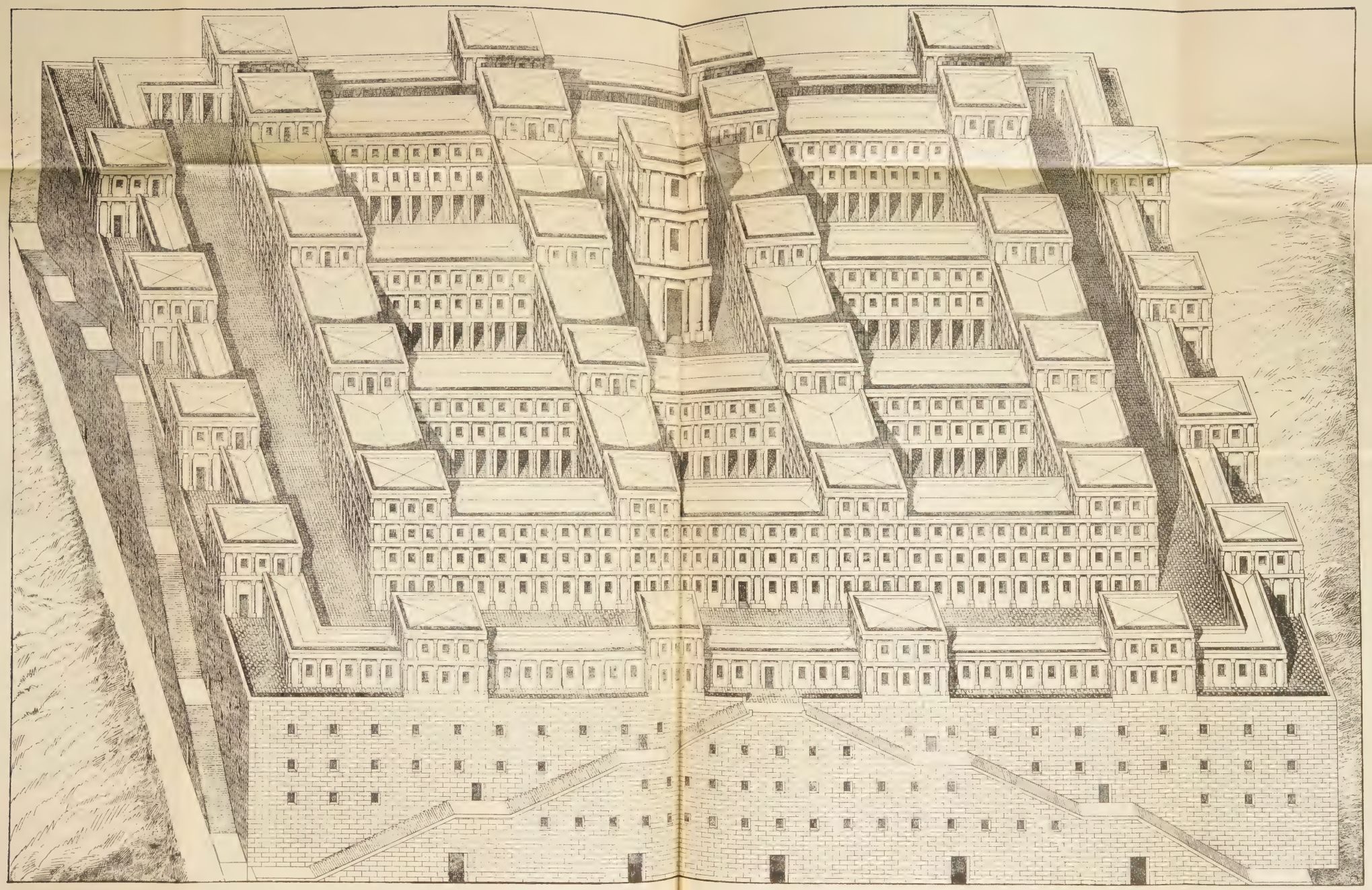
Изъ указанныхъ подробностей выясняется, что ограда того и другого двора Соломонова храма была, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе значительна, чѣмъ какую могутъ представлять три обыкновенныхъ ряда камней, и что гораздо болѣе основаній подъ тремя рядами въ стѣнѣ разумѣть ряды аппартаментовъ или этажи, по которымъ и въ настоящее время обыкновенно опредѣляется высота зданій. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь имѣло особенное значеніе возраженіе, первый разъ выставленное Кальметомъ (Dictionn. de la Bible, Suppl. t. II), что на востокѣ не было въ обычаѣ строить многоэтажныя зданія и что для храма Соломонова такія постройки были бы слишкомъ роскошны. Не нужно далеко ходить за доказательствами. Дворецъ того же царя Соломона имѣлъ три этажа, обозначенные выраженіемъ *три ряда оконъ* (1 Цар. 7, 4–5). Такъ какъ описаніе дворца Соломона, конечно не безъ намѣренія, помѣщено среди описанія храма, то мы имѣемъ даже право неясныя выраженія послѣдняго замѣнять болѣе ясными выраженіями перваго и выраженіе: *три ряда камней* или: *три каменныхъ ряда* замѣнить выраженіемъ: *три ряда оконъ* или какъ это еще яснѣе въ греческомъ: καὶ μέλαθρα τρία καὶ χῶρα επὶ χῶραν τρίσσως, въ славянскомъ: *и камара надъ камарою трегубо.* Іудейскій царь Іосафатъ строилъ дома подобные башнямъ. Іудиѳь, по смерти своего мужа, уединяется въ верхнемъ этажѣ дома. Въ Дѣян. 20, 9 говорится о человѣкѣ, упавшемъ изъ окна третьяго этажа, ἀπὸ

τȣ̃ τριστεγȣ κατω. По свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, египтяне строили дома даже четырехъэтажные. И въ настоящее время вездѣ на востокѣ можно замѣчать даже пристрастіе къ многоэтажнымъ постройкамъ; нерѣдко верхніе этажи возводятся даже въ ущербъ прочности зданія. Чтожъ удивительнаго, если и постройкамъ, окружавшимъ дворы храма Соломонова, дали видъ трехъ этажей.

Но этажи этажамъ рознь. Для сужденія о томъ, какую высоту могли имѣть трехъэтажныя постройки дворовъ храма, нужно взять во вниманіе то, что трехъэтажный дворецъ Соломона съ величественною залою и колоннадами имѣлъ только 30 локтей высоты (1 Цар. 7, 2), и что такъ называемыя боковыя трехъэтажныя пристройки вокругъ храма, представлявшія первое и непосредственное огражденіе храма, въ каждомъ этажѣ имѣли только пять локтей высоты и общей высоты съ крышею не болѣе 20 локтей. Приблизительно этими цифрами должна опредѣляться и высота построекъ вокругъ дворовъ храма и скорѣе всего послѣднею цифрою. Но, вслѣдствіе расположенія дворовъ храма на уступахъ горы, внутренняя и наружная высота той и другой ограды была неодинакова. Особенно же ограда внѣшняго двора, наблюдаемая снаружи, казалась гораздо выше, чѣмъ извнутри. Нужно думать, что три этажа аппартаментовъ, входившіе въ составъ ограды какъ внутренняго, такъ и внѣшняго двора, были различаемы только извнутри. Для наблюдающаго же снаружи ограда была глухою стѣною, подобною нынѣшней стѣнѣ Іерусалима или стѣнѣ Хевронскаго Харама. Во всякомъ случаѣ присутствіе трехъэтажныхъ аппартаментовъ, упиравшихся въ ограду, не предполагаетъ слишкомъ значительной высоты ея. Если бы можно было вѣрить Іосифу Флавію, что строевые камни храма имѣли 5 и

даже 8 локтей высоты (Antiqu. XV, 11, 3), тогда цѣлый этажъ построекъ могъ бы быть образованъ изъ одного ряда такихъ камней и всѣ споры о томъ, понимать ли подъ *тремя рядами камней* три яруса аппартаментовъ или просто три ряда камней, разрѣшались бы разомъ сами собою. На одной древней монетѣ представленъ финикійскій храмъ, стѣны котораго отъ основанія до крыши состоятъ только изъ четырехъ рядовъ большихъ выпусковыхъ камней (Renan, Mission de Phénicie, 177). Но въ сохранившихся развалинахъ ветхозавѣтнаго храма такой высоты камней не найдено.

Мы не можемъ согласиться съ прилагаемою здѣсь извѣстною реставраціею Соломонова храма Вилляльпанда-Пайллу, утрирующею представленіе многоэтажныхъ огражденій во дворахъ храма. Ограды дворовъ Вилляльпанда-Пайллу перестаютъ быть оградами и обращаются въ независимыя громадныя постройки, совершенно заслоняющія зданіе самаго храма. Только наружная ограда, которая должна была бы быть наиболѣе прочною и неприступною, имѣетъ здѣсь всего одинъ этажъ аппартаментовъ. Напротивъ, внутренніе дворы имѣютъ 60 локтей высоты и состоятъ изъ трехъ непрерывныхъ этажей и четвертаго прерывающагося въ видѣ башенъ. Второй дворъ, отличающійся отъ внѣшняго и называемый у Вилляльпанда дворомъ израильтянъ, представляетъ совершенно мистическое раздѣленіе на семь отдѣльныхъ дворовъ. Дѣло въ томъ, что, по описанію пророка Іезекіиля (46, 21—24), на четырехъ углахъ внѣшняго двора были отдѣлены особенные небольшіе дворы, каждый 40 локтей длины и 30 локтей ширины, гдѣ были очаги и кухни, въ которыхъ варились народныя жертвы. Но такъ какъ, по плану Вилляльпанда-Пайллу, углы двора должны быть заняты



Храмъ Соломоновъ и его дворы

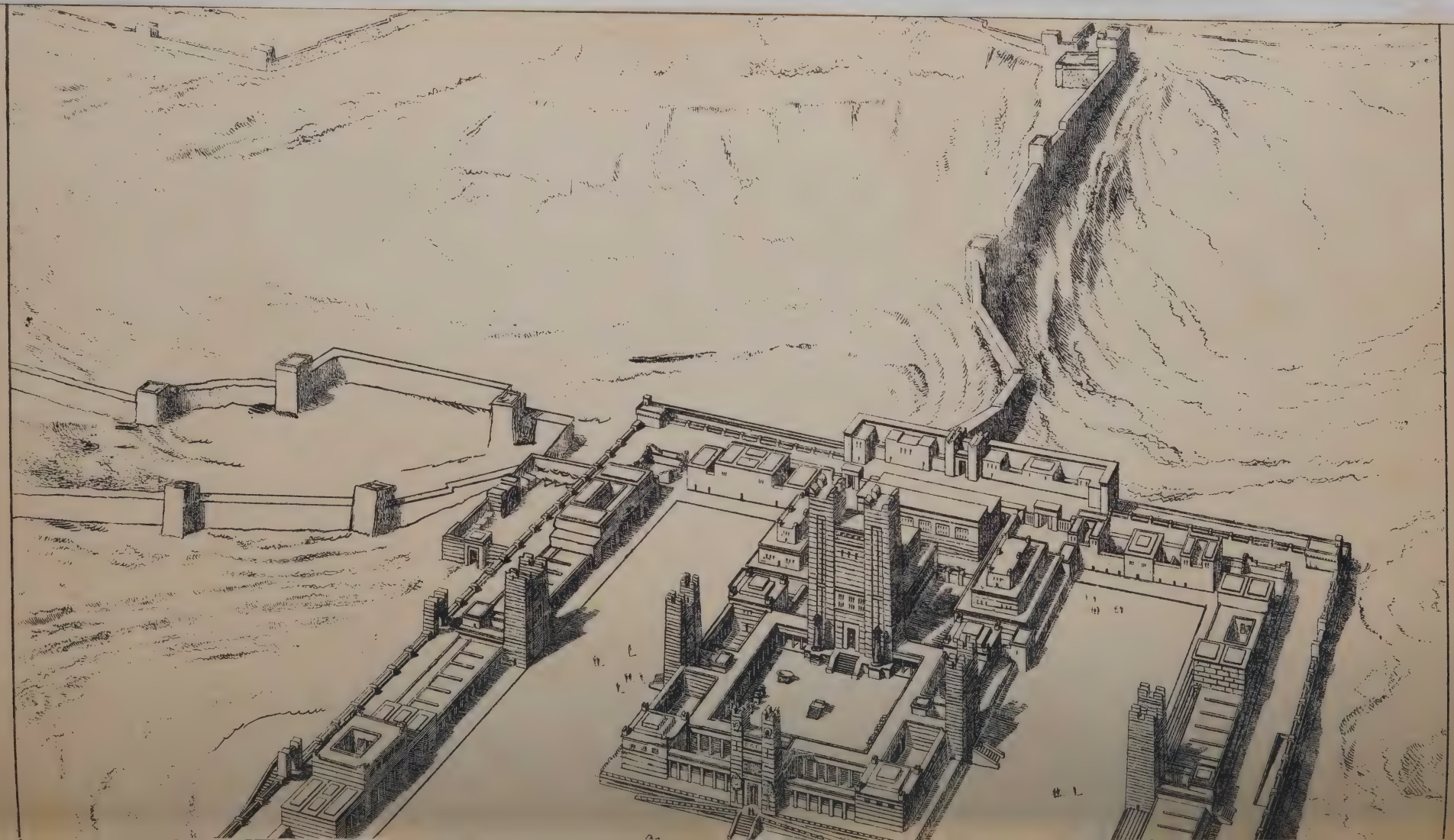
по Виллалпанду-Пайлу

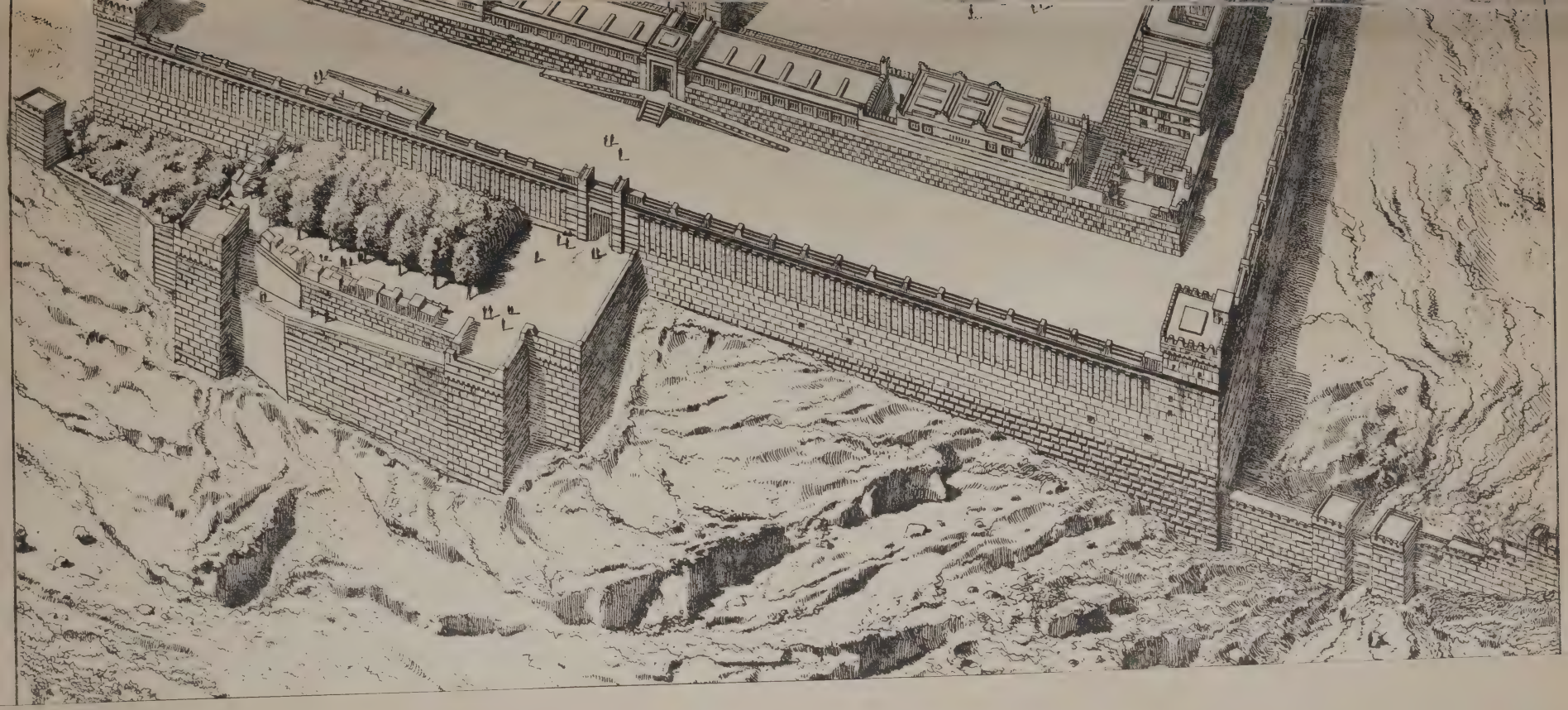
линіею широкихъ непрерывныхъ построекъ кругомъ двора, то черные дворы съ кухнями выдвинулись у нихъ внутрь двора и ограждены такими же постройками, какъ и остальныя части дворовъ. Только нижніе этажи этихъ построекъ не имѣютъ стѣнъ и состоятъ изъ сквозныхъ галлерей, „служившихъ для народа убѣжищемъ отъ зноя". Такія же сквозныя галлереи нижнихъ этажей трехъярусныхъ построекъ отдѣляютъ дворъ израильтянъ отъ внутренняго двора или мѣста жертвоприношеній. При этомъ Пайллу ссылается на одинъ ассирійскій памятникъ, по реставраціи Фергюссона, имѣющій нѣкоторое сходство въ расположеніи этажей и въ колоннадахъ съ храмомъ Соломона по Вилляльпанду.

Изображеніе храма Вилляльпанда-Пайллу возбуждаетъ противъ себя тысячи возраженій. Во первыхъ, оно основывается исключительно на планѣ дворовъ пророка Іезекіиля, не соображаясь съ дѣйствительными размѣрами горы Моріа. Между тѣмъ дворы храма у пророка Іезекіиля, уже по своимъ размѣрамъ 500 тростей [1] или 3,000 локтей длины и ширины (Іезек. 45, 2–3), поглощаютъ весь древній Іерусалимъ со всѣми его холмами, слѣдовательно не имѣютъ непосредственнаго и полнаго отношенія къ дворамъ историческаго Соломонова храма [2]. Соотвѣтственно такой широтѣ дворовъ Іезекіиля, могла увеличиться и высота дворовыхъ построекъ, но она нигдѣ не показана у пророка. Высота 60 локтей совершенно произвольно выводится у Пайллу для дворовыхъ построекъ на основаніи Іезек. 40, 14, гдѣ эта цифра имѣетъ совершенно другое значеніе. Вообще у пророка Іезекіиля даются большія измѣренія

[1] Пайллу произвольно 500 тростей измѣняетъ въ 500 локтей длины и ширины дворовъ.—[2] Бл. Іеронимъ подобныя пониманія храма Іезекіиля называетъ безразсудными. (На Іезек. 40, ст. 5–13).

только длины и ширины, но не высоты; если указывается высота, то не превышающая принятой у пророка единицы измѣренія одной трости или сажени= 6 локтей. На такомъ же превратномъ толкованіи Іезекіиля основывается раздробленіе дворовъ храма раздѣляющими постройками на 9 или 10 отдѣльныхъ частей или дворовъ. Застроенные такъ густо такими обширными постройками, дворы храма перестаютъ быть открытыми дворами, какъ ихъ называютъ Іосифъ Флавій и языческіе писатели, посѣщавшіе іерусалимскій храмъ (Діонъ-Кассій, 37, 17), и превращаются въ лабиринтъ зданій, въ которомъ весьма трудно было бы оріентироваться приходившимъ въ храмъ богомольцамъ. То сообщеніе между отдѣльными частями дворовъ, какое устанавливаетъ Пайллу чрезъ сквозныя галлереи, бывшія якобы нижними этажами внутреннихъ зданій, совершенно противорѣчитъ описанію самого Іезекіиля и основнымъ правиламъ архитектуры: подобные нижніе этажи не могли вынести тяжести громадныхъ каменныхъ верхнихъ этажей. Не менѣе любопытно то сообщеніе, какое Пайллу полагаетъ между дворомъ израильтянъ и дворомъ языковъ и между дворомъ языковъ и наружною площадью: дверь почти не отличающаяся по широтѣ и высотѣ отъ окружающихъ ее оконъ! Далѣе, при взглядѣ на реставрацію Вилляльпанда-Пайллу, обращаетъ на себя вниманіе необыкновенное множество колоннъ, выступающихъ въ стѣнѣ между окнами всѣхъ этажей. Библейское выраженіе: *три ряда камней* реализировано въ разсматриваемой реставраціи одновременно тремя способами: *а)* тремя пролетами, образуемыми колоннами сквозныхъ нижнихъ этажей; *б)* тремя этажами окружающихъ дворы построекъ; *в)* тремя рядами колоннъ въ стѣнахъ, возвышающимися одинъ надъ

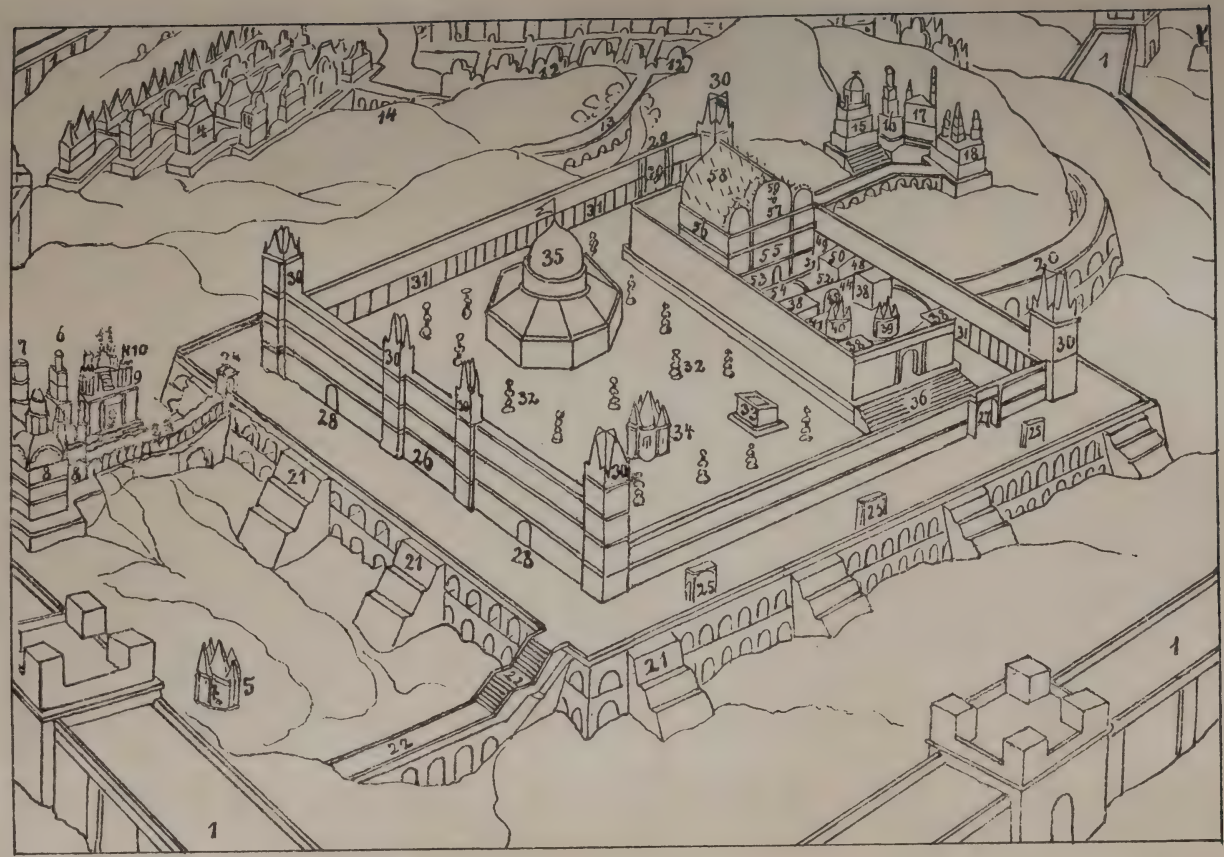




другимъ.—Вообще мы не видимъ возможности принять храмъ Вилляльпанда и его новаго ученика Пайллу, хотя и не отказываемъ названнымъ изслѣдователямъ въ уваженіи за ихъ стремленіе поставить Соломоновъ храмъ по самому внѣшнему его виду выше всѣхъ храмовъ древняго и новаго міра.

Въ самое послѣднее время общее вниманіе изслѣдователей привлекла къ себѣ реставрація храма и его дворовъ въ исторіи искусства Перро и Шипіе. Подобно реставраціи Пайллу, она также составлена главнымъ образомъ на основаніи Іезекіиля, тѣмъ не менѣе между этими реставраціями нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Тѣ шестьдесятъ локтей высоты, которые Пайллу находилъ во всей оградѣ храма, Перро и Шипіе находятъ въ воротныхъ башняхъ оградъ, которыя, при незначительной высотѣ остальной части оградъ, являются весьма высокими пилонами и сообщаютъ храмовымъ постройкамъ видъ нынѣшняго восточнаго города съ минаретами. Подобно египетскимъ пилонамъ, пилоны Соломонова храма, говоритъ Перро, въ верхнихъ своихъ частяхъ раздѣлялись на двѣ части или двѣ башни, имѣли вверху камеры и лѣстницы и вообще были подобны пилону, находившемуся надъ притворомъ самаго храма. Основаніемъ для своихъ пилоновъ Перро полагаетъ, прежде всего, то, что вообще башнеобразныя возвышенія надъ входами, даже въ частныхъ постройкахъ, у древнихъ евреевъ были якобы общеизвѣстны и раньше Соломона. Такъ, 2 Сам. 18, 24, 33 говорится, что Давидъ, ожидая извѣстій объ Авессаломѣ, сидѣлъ сначала между двумя воротами, а потомъ взошелъ въ горницу *надъ* воротами, т. е. въ башню, возвышавшуюся надъ входомъ. Точное указаніе высоты пилоновъ=60 локтей Перро находитъ у Іезекіиля

(40, 14): *и сдѣлалъ элимъ шестьдесятъ... локоть.* По мнѣнію Перро, элимъ суть столбы или пилоны, а 60 локтей есть мѣра ихъ высоты.—Съ такимъ толкованіемъ нельзя согласиться: *а)* Мы видѣли, что въ притворѣ храма башни; 120 локтей и даже 60 локтей вовсе не было слѣдовательно и всѣ другія башни, предполагаемыя въ другихъ воротахъ, не имѣютъ для себя никакой точки опоры въ устройствѣ корпуса храма. *б)* Перро вырвалъ изъ Іезекіиля 40-й главы одинъ стихъ (14-й), упоминающій объ элимъ, и игнорировалъ цѣлый рядъ другихъ стиховъ, въ которыхъ ближе и яснѣе опредѣляется тотъ же терминъ. Именно 40, 9, 41, 3 элимъ у входовъ имѣютъ мѣру двухъ локтей, а не 60. Мы видѣли выше, что большихъ измѣреній высотъ нѣтъ въ описаніи храма Іезекіиля и не можетъ быть, потому что ангелъ видѣнія, руководитель пророка, совершаетъ одни грунтовыя измѣренія длины и ширины; измѣренія же высоты онъ дѣлаетъ только такія, которыя не превышаютъ бывшей у него въ рукахъ шестилоктевой трости. Хотя Іезекіилемъ 40, 14 выставлена цифра 60, но при этомъ вовсе не показано, чтобы это была мѣра высоты. Невозможно также видѣть здѣсь мѣру длины или ширины, потому что въ данномъ текстѣ вовсе не говорится о какомъ бы то ни было измѣреніи. Въ буквальномъ переводѣ съ еврейскаго мѣсто Іезекіиля 40, 14 будетъ читаться такъ: „и сдѣлалъ элимъ шестьдесятъ въ (одинъ) локоть“. Такимъ образомъ число 60 будетъ указывать количество элимовъ, величина же ихъ будетъ указываться выраженіемъ *локоть* (т. е. одинъ), что будетъ равняться половинной величинѣ элимовъ, указанной 40, 9, 41, 3. Что же такое элимъ? *Элимъ*, единств. *ail*, значитъ овенъ, баранъ, потомъ скульптурное украшеніе въ видѣ завитковъ или цвѣтовъ; такъ какъ такія украшенія употреблялись главнымъ образомъ вокругъ



ВИДЪ ДРЕВНЯГО ІЕРУСАЛИМА,

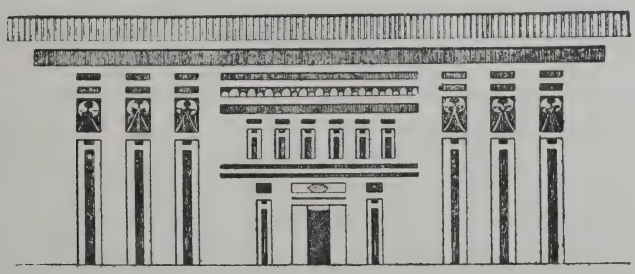
по талмудическимъ описаніямъ.

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 18.

амбразуръ дверей или оконъ, то тѣмъ же терминомъ элимъ обозначается вся совокупность украшеній, окружавшихъ дверь. Такъ какъ въ данномъ случаѣ элимамъ дается всего одинъ локоть (широты), то это, вѣроятно, были пилястры, тѣмъ болѣе, что ниже (ст. 31) имъ даются капители съ пальмовыми листьями [1]. Во всякомъ случаѣ элимы не были пилонами или минаретами во дворахъ іерусалимскаго храма. И въ другихъ отношеніяхъ дворы іерусалимскаго храма Перро, равно какъ и Пайллу, поколику они изображаются совершенно a priori, безъ всякаго сопоставленія съ мѣстностію горы Моріа, на основаніи одного пророческаго видѣнія, не могутъ считаться правильными. Ниже, въ спеціальной главѣ о нынѣшнемъ видѣ площади храма, мы приведемъ еще рядъ другихъ реставрацій, опирающихся не на однихъ только письменныхъ свидѣтельствахъ о храмѣ, но и на точномъ изученіи его мѣста. Здѣсь же прибавимъ еще одно изображеніе храма и дворца Соломона по талмудическимъ описаніямъ. Кромѣ корпуса храма, № 57, 58, 59, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе круглая синагога, среди внѣшняго двора. № 35.

---

[1] Нѣчто подобное элимамъ іерусалимскаго храма представляетъ слѣдующее египетское изображеніе орнаментовъ, окружающихъ дверь.



Обращая взглядъ на совокупность сдѣланнаго нами описанія отдѣльныхъ частей храма, нельзя не замѣтить, что хотя нѣкоторыя части его представляются довольно рельефно, но общій видъ храма Соломонова выступаетъ не на столько ясно и законченно, чтобы, на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, можно было сдѣлать вѣрный дѣйствительности рисунокъ храма и другихъ окружавшихъ его построекъ. Ко всѣмъ встрѣчавшимся намъ доселѣ попыткамъ реставраціи храма мы должны были относиться отрицательно при самой снисходительной критикѣ. Трудно надѣяться, чтобы и всѣ дальнѣйшія попытки изображенія храма Соломона, какія будутъ являться впредь, имѣли больше успѣха безъ помощи какого нибудь счастливаго неожиданнаго открытія, каковыя открытія въ археологіи ветхозавѣтнаго храма, нужно сказать, не невозможны, какъ это показалъ недавній случай открытія изображенія Иродова храма на одномъ древнемъ сосудѣ, впрочемъ еще очень неточнаго и неполнаго (Archives de l'orient latin, t. 11, 439). Можетъ ли и быть иначе, когда отъ Соломонова храма не осталось никакихъ слѣдовъ, а его древнія описанія сохранились въ такихъ сочиненіяхъ, которыя, прежде всего, имѣютъ народовоспитательное и назидательное значеніе, а потомъ уже историкоархеологическое? „Самый зоркій архитекторъ, говоритъ Перро (271), въ библейскихъ описаніяхъ храма не увидитъ цѣлой панорамы храма; это такъ же невозможно, какъ невозможно, на основаніи одного слѣда ноги человѣка, угадать всю его физіономію“... „При такихъ условіяхъ, продолжаетъ Перро (275), всѣ наши труды перевести на полотно тѣ черты храма, какія указаны въ священныхъ книгахъ, будутъ недостаточны и напрасны, хотя, зная это, мы всетаки продолжаемъ свою попытку возстановленія его

въ цѣломъ видѣ отъ основанія до верхушки кровли". Такимъ образомъ и въ настоящее время, послѣ энергическихъ усилій, предпринятыхъ въ видахъ разъясненія храма, мы должны ограничиться только общими замѣчаніями о стилѣ и видѣ храма: что онъ былъ очень простъ, что въ его очертаніяхъ преобладали прямыя линіи, что возвышеніемъ срединной части надъ боковыми пристройками онъ напоминалъ базилику и, вмѣстѣ съ окружавшими его, террасовидно-возвышавшимися, дворами, представлялъ, какъ выражается Іосифъ Флавій (Bell. V, 5, 6), видъ горы, покрытой снѣжно-бѣлыми облаками, т. е. горы Синайскаго законодательства. Но если представленнаго описанія храма недостаточно для положительнаго опредѣленія стиля Соломонова храма, то его вполнѣ достаточно для отрицательнаго опредѣленія. Храмъ Соломона по своему виду, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, не могъ назваться ни храмомъ индійскимъ, ни финикійскимъ, ни египетскимъ, ни ассирійскимъ; слѣдовательно онъ имѣлъ свой собственный оригинальный стиль и видъ.

1. Такъ какъ къ строенію іерусалимскаго храма были призваны Соломономъ финикійскіе художники, то многіе археологи полагали, что внѣшній видъ Соломонова храма былъ вполнѣ предоставленъ финикійскому искусству. Другіе изслѣдователи, особенно изъ новѣйшихъ Фридрихъ (Tempel und Palast Salomo's, Denkmäler phönikischer Kunst, 1887), пошли еще дальше, признавая непосредственное сходство Соломонова храма съ финикійскими и во всемъ внутреннемъ устройствѣ и во всѣхъ его принадлежностяхъ. „Храмъ Соломона, говоритъ Думъ, до такой степени не отличался отъ финикійскихъ храмовъ солнца, что часть народа, вѣрная древней религіи, видѣла въ немъ языческій храмъ и не хотѣла признать его, что и

послужило одною изъ причинъ раздѣленія царствъ послѣ Соломона“ (Duhm. Die Theologie der Propheten, 51—53). Чтобы судить объ этомъ, необходимо видѣть какой либо образецъ финикійскаго храма. Но такого храма не сохранилось; встрѣчающіяся на финикійскомъ берегу древнія пещеры религіознаго значенія, вырубленныя въ скалѣ мелкія капища не могутъ претендовать на имя храмовъ. Почти всѣмъ, что мы знаемъ объ устройствѣ финикійскихъ храмовъ въ собственномъ смыслѣ, мы обязаны нѣсколькимъ римскимъ медалямъ, украшеннымъ изображеніями финикійскихъ святилищъ. Вотъ изображеніе финикійскаго храма въ Библосѣ на римской монетѣ, чеканенной при Макринѣ. Главную часть

святилища представляетъ правая сторона изображенія. Широкая лѣстница приводитъ въ колоннаду, имѣющую видъ пропилей, а оттуда въ большой дворъ, окруженный портикомъ. Въ центрѣ двора стоитъ каменный конусъ, окруженный баллюстрадою, символъ божества и, очевидно, главный предметъ поклоненія. Это и есть древ-

нѣйшая часть библосскаго храма. Что касается селлы на лѣвой сторонѣ медали съ треугольнымъ фронтономъ, то это позднѣйшая прибавка къ древнему храму, вѣроятно, времени Селевкидовъ, не отличающаяся отъ тѣхъ храмовъ, которые Витрувій называетъ храмами in antis. Спрашивается, чѣмъ же это древнее финикійское святилище напоминаетъ Соломоновъ храмъ? Правильно ли будетъ даже называть его храмомъ? Или вотъ еще изображеніе знаменитаго Паѳосскаго храма въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ римскій періодъ. Два столба,

очевидно имѣющіе то же значеніе, что и конусъ среди двора на предшествующей медали, соединены широкими поперечными связями, и образуютъ видъ прохода, въ которомъ стоитъ статуя той богини, эмблема которой видна вверху зданія въ видѣ серпа луны. По ту и другую сторону главнаго прохода видны боковые проходы съ жертвенниками. Ниже этого сооруженія полукруглый дворъ, вымощенный камнемъ и обведенный рѣшеткою. Непред-

убѣжденный читатель, мы увѣрены, не найдетъ никакихъ пунктовъ соприкосновенія между этимъ изображеніемъ и библейскимъ описаніемъ храма. Конечно можно, руководствуясь самымъ этимъ изображеніемъ, представлять притворъ Соломонова храма такими же двумя башнями, какъ это дѣлаютъ Перро и Шипіе, и предъ храмомъ образовать такой же полукруглый дворъ, какъ это дѣлали нѣкоторые толкователи, и тогда явится сходство реставраціи Соломонова храма съ храмомъ Паѳосской богини. Но мы уже видѣли, что ни круглыхъ дворовъ, ни входныхъ башней не было въ Соломоновомъ храмѣ. Кромѣ того, по всему видно, что Паѳосскій храмъ былъ деревянною постройкою, и потому уже не могъ имѣть того вида, какой имѣли массивныя каменныя постройки іерусалимскаго храма. Еще приписываются финикіянамъ многочисленные пурагены въ Сардиніи и талахоты на Балеарскихъ островахъ; это кеглеобразныя, сплющенныя вверху, постройки, эллиптическій сводъ которыхъ состоитъ изъ ступенеобразно выдвигающихся одинъ надъ другимъ камней. Но и эти финикійскія постройки не могутъ пролить свѣта на устройство Соломонова храма. Единственное, выводимое отсюда нѣкоторыми изслѣдователями (Ганебергъ), заключеніе, что не описанный въ библіи сводъ Соломонова храма имѣлъ эллиптическую форму и также состоялъ изъ ступенеобразно-выдвинутыхъ съ той и другой стѣны камней, встрѣчающихся между собою посрединѣ храма, не подтверждается тѣмъ, что говорятъ библейскіе писатели о правильныхъ формахъ куба во святомъ святыхъ, о положеніи оконъ храма и проч. Вообще обращаться къ финикійскому искусству за разъясненіемъ вопроса о стилѣ Соломонова храма неудобно, потому что финикіяне не выработали своего собственнаго стиля и стояли подъ вліяніемъ сперва

египетской (въ XI, X, IX вѣкахъ), а потомъ ассирійской архитектуры [1]. Если бы Соломонъ искалъ на сторонѣ готовыхъ архитектурныхъ образцовъ, то онъ обратился бы не въ Финикію, гдѣ не было своихъ собственныхъ образцовъ, достойныхъ подражанія.

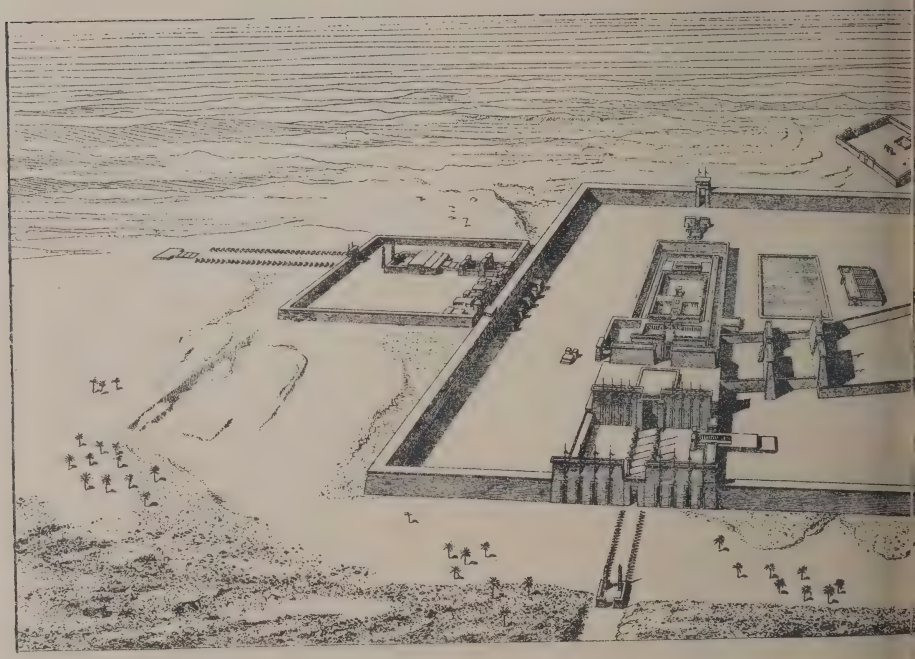
2. Другіе изслѣдователи (см. введеніе) находили въ Соломоновомъ храмѣ ближайшее родство съ египетскими храмами, и въ этомъ смыслѣ истолковывали всѣ библейскія свидѣтельства, и составляли планы и рисунки храма и его дворовъ. Это былъ очень удобный выходъ изъ затрудненій по вопросамъ о стилѣ іерусалимскаго храма, такъ какъ египетскихъ храмовъ сохранилось много и всѣ они подробно описаны, и такъ какъ въ восточной археологіи установилась мода на египетское вліяніе; даже храмы отдаленной Индіи нѣкоторые археологи, для сокращенія разслѣдованія, выводили изъ тѣхъ же египетскихъ образцовъ (Lassen, Indische Alterthumskunde, II, 523). Вотъ признаки, на основаніи которыхъ форму Соломонова храма считали египетскою: а) Башня притвора Соломонова храма 120 локтей высоты, по мнѣнію изслѣдователей, есть воспроизведеніе такъ называемыхъ пилоновъ въ египетскихъ храмахъ. Пилоны это — массивныя каменныя холмообразныя сооруженія, увѣнчанныя одною или двумя башнями и внизу пробитыя проходомъ, отъ котораго они и получили названіе. Но пилоны египетскіе ставились всегда при входахъ во внутренній дворъ или галлерею храма и никогда въ притворѣ самаго храма. Слѣдовательно, они были нѣчто совершенно другое, чѣмъ предполагаемыя

[1] „Уже по своему географическому положенію Финикія могла быть только лабораторіею, въ которой составлялась смѣсь чужихъ стилей“. (Chipiez, Histoire des origines des ordres Grecs, 168).

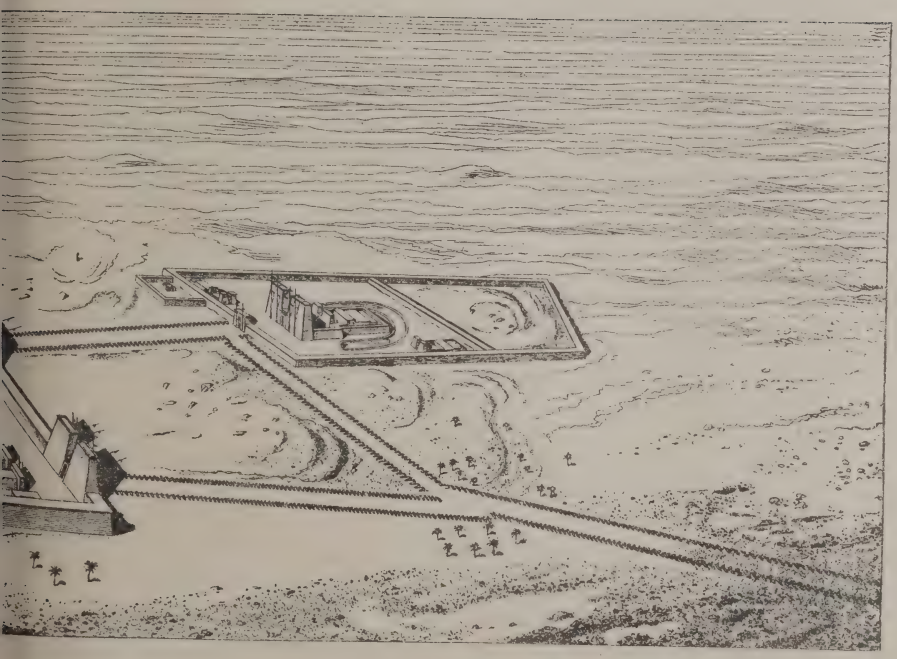
башни въ притворѣ Соломонова храма. Въ самыхъ египетскихъ храмахъ пилоны не имѣли существеннаго значенія; при нѣкоторыхъ храмахъ ихъ вовсе нѣтъ, хотя въ иныхъ ихъ встрѣчается нѣсколько. Съ другой стороны, пилоны не представляютъ исключительной особенности египетской архитектуры; они встрѣчаются и въ ассиро-вавилонской храмовой архитектурѣ, въ такъ называемыхъ zikurrat, т. е. многоэтажной башни, служившей обсерваторіею для астрологовъ. Почему же іерусалимская башня должна быть непремѣнно египетскимъ пилономъ? Мало того, въ данномъ случаѣ еще требовалось бы доказать дѣйствительное существованіе какой либо башни надъ притворомъ Соломонова храма, потому что, какъ мы видѣли, масоретскій текстъ кн. Парал. въ опредѣленіи 120 локтей высоты притвора, видимо, поврежденъ. Любопытно однакожъ, что и тѣ изслѣдователи, которые въ притворѣ Соломоновомъ видятъ подобіе египетскихъ пилоновъ на основаніи 2 Пар. 3, 4, не считаютъ возможнымъ удержать указанную тамъ высоту притвора 120 локтей и сокращаютъ ее на половину примѣнительно къ высотѣ пилоновъ. Во всякомъ случаѣ, если и была башня надъ притворомъ Соломона, то она была построена не по образцу египетскихъ пилоновъ. б) Указываютъ на встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ египетскихъ храмахъ раздѣленіе святилища на двѣ части, якобы соотвѣтствующія святому и святому святыхъ Соломонова храма. Хотя этотъ признакъ и не заслуживаетъ разсмотрѣнія, какъ слишкомъ общій, на основаніи котораго можно было бы устанавливать связь египетскихъ храмовъ и съ современными христіанскими храмами, но мы можемъ еще указать на то, что онъ вовсе не характеризуетъ собою всѣхъ египетскихъ храмовъ; есть египетскіе храмы съ однимъ отдѣленіемъ,

есть съ тремя и даже семью раздѣленіями главной части святилища (Абидосъ). в) Указываютъ на существованіе при Соломоновомъ храмѣ окружавшихъ его боковыхъ камеръ, каковыя были извѣстны и въ египетскихъ храмахъ. Это, повидимому, замѣтное сходство святилищъ египетскихъ и іерусалимскаго, при ближайшемъ разсмотрѣніи, обращается въ рѣшительное различіе между ними. Боковыя камеры іерусалимскаго храма расположены тремя этажами, а въ египетскихъ храмахъ онѣ всегда одноэтажны. Въ Іерусалимѣ онѣ представляютъ наружную пристройку къ стѣнамъ храма, въ Египтѣ онѣ имѣютъ внутреннюю связь съ большою стѣною наоса. Въ Іерусалимѣ онѣ не имѣютъ непосредственнаго сообщенія съ святымъ и святымъ святыхъ, въ Египтѣ онѣ всѣ неизмѣнно сообщаются съ наосомъ. Въ Іерусалимѣ это небольшія келіи, въ Египтѣ это большія залы, соперничающія съ размѣрами главной залы храма. Въ Іерусалимѣ это сокровищницы или мѣста уединенныхъ молитвъ священниковъ, въ Египтѣ это святилища божествъ, подчиненныхъ божеству, занимавшему среднюю залу. г) Въ математическихъ отношеніяхъ чиселъ и линій, данныхъ какъ въ общемъ видѣ Соломонова храма, такъ и въ его отдѣльныхъ частяхъ, Вогюэ находилъ числа и линіи, господствующія въ египетской архитектурѣ, особенно же египетскій треугольникъ, высота котораго равна $^3/_8$ основанія. Въ этомъ, обнаруженномъ у Вогюэ, сходствѣ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что свой чертежъ Соломонова храма, по которому онъ изучаетъ его родство съ египетскими храмами, Вогюэ сдѣлалъ по тѣмъ же египетскимъ образцамъ. д) Указываютъ существованіе при іерусалимскомъ храмѣ дворовъ, аналогичныхъ дворамъ египетскихъ храмовъ. Но и дворы египетскіе не имѣли близкаго сходства съ

іерусалимскими: внѣшній египетскій дворъ не обнималъ собою внутренняго, а только граничилъ съ нимъ и имѣлъ большею частію слишкомъ удлиненныя формы; наружная ограда египетскихъ храмовъ, всегда кирпичная, длиною своею превосходитъ широту въ 3 и 4 раза. 6) Указываютъ на сходство назначенія разныхъ частей храма іерусалимскаго и египетскаго. Но египетскіе храмы не могутъ даже называться храмами въ смыслѣ мѣстъ общественнаго богослуженія. Общественныхъ богослуженій въ нихъ не было, какъ это видно изъ того, что въ нихъ нѣтъ мѣста для народа. Не только во внутреннихъ дворахъ египетскаго храма, но и въ переднихъ нигдѣ не видно такого отдѣленія, которое можно было бы считать мѣстомъ для народа. Если народъ когда либо проникалъ сюда, то въ видѣ отдѣльныхъ лицъ, приносителей жертвеннаго матеріала. Но и приноситель жертвы удовлетворялся только тѣмъ, что проходилъ туда и обратно вдоль священной аллеи; присутствовать при жертвоприношеніи, совершавшемся на сокровенныхъ жертвенникахъ, онъ не могъ. Всего лучше египетскіе храмы назвать молельнями царей, которые одни могли здѣсь молиться и присутствовать при богослуженіи надлежащимъ образомъ. Это были памятники благочестія царей, имѣвшіе цѣлію снисканіе имъ божественнаго благоволенія. Какъ нельзя яснѣе это подтверждается декораціями египетскихъ храмовъ, многочисленными картинами, всегда изображающими царя, приносящаго жертву и получающаго отъ идола такой или другой отвѣтъ. Другихъ картинъ, въ которыхъ не фигурировалъ бы царь, въ египетскихъ храмахъ нѣтъ. При такомъ различіи назначеній египетскаго храма— памятника отдѣльнаго лица и храма іерусалимскаго, построеннаго именно для народа, нельзя предполагать



Древнеегипетс



ъ въ Карнакъ.

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 13.

и существеннаго сходства въ ихъ устройствѣ. Для образца прилагаемъ здѣсь видъ египетскаго храма, сохранившагося въ Ѳивахъ, на правомъ берегу Нила, извѣстнаго подъ именемъ храма Карнакскаго, по реставраціи Шипіе. Будучи однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и типическихъ храмовъ древняго Египта, этотъ храмъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ древней Палестинѣ, и между своими барельефами имѣетъ даже портретъ царя Ровоама. По крайней мѣрѣ, такъ назвалъ Шамполліонъ одинъ изъ находящихся здѣсь бюстовъ съ подписью: *Іудамелехъ*. Картина, къ которой принадлежитъ этотъ бюстъ, представляетъ побѣдоносный походъ на Израильскую землю перваго царя XXII династіи Сусакима (1 Цар. 14, 25). Впрочемъ, самый храмъ Карнакскій построенъ фараонами XX династіи вѣкомъ раньше, чѣмъ храмъ Соломоновъ.

3. Далѣе, храму Соломона изслѣдователи давали видъ ассирійскаго храма. Изъ новѣйшихъ сочиненій особенно сильно проводится соотношеніе іерусалимскаго храма съ ассиро-вавилонскими въ сочиненіи Сэйса: Assyria, its Priests and People, 1885. Пунктами соотношенія указываются: террасовидное расположеніе храмовъ, раздѣленіе внѣшняго двора, внутренняго двора и святилища, деревянная обкладка каменныхъ стѣнъ, жертвенникъ всесожженій и бассейнъ для омовеній, называвшійся, какъ въ Іерусалимѣ такъ и въ Ассиріи, *моремъ*, jam. Другой изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Пайллу (Monographie du Temple de Salomon, 1885, стр. 226), между ассирійскими памятниками нашелъ основаніе для трехъэтажныхъ построекъ и колоннадъ, которыми онъ окружилъ дворы Соломонова храма въ своей реставраціи (см. выше). Но для того, чтобы устанавливать сходство храмовъ, нужно руководствоваться не отдѣльными

дота мѣру знаменитаго вавилонскаго храма и перенесъ ее на храмъ Соломоновъ, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительными размѣрами послѣдняго. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что мѣра длины и ширины площади Соломонова храма одною стадіею опровергается даже свидѣтельствами того же Іосифа Флавія въ другихъ мѣстахъ его сочиненій. Далѣе, самый видъ башни храма, описаннаго Геродотомъ, все, что онъ говоритъ о верхнемъ и нижнемъ святилищѣ, придаетъ такой своеобразный характеръ вавилонскому храму, такъ далеко отодвигаетъ его отъ Соломонова храма, что мелкія черты какого либо сходства между ними совершенно теряются. Что можетъ значить въ этомъ случаѣ жертвенникъ всесожженій, безъ котораго не обходился ни одинъ культъ? Если храмовая умывальница въ Вавилонѣ называлась моремъ, jam, какъ называли подобный сосудъ и въ іерусалимскомъ храмѣ, то это тождество названія свидѣтельствуетъ о родствѣ языковъ Вавилона и Іерусалима, а не о родствѣ ихъ религій и храмовъ. Въ дополненіе къ приведенному описанію храма Геродотомъ, прилагаемъ видъ ассирійскаго храма и его дворовъ по изящной реставраціи Шипіе, предоставляя читателю сравнить его съ описаніемъ іерусалимскаго храма. — Только уже позже царь Ахазъ, бывшій по политическимъ обстоятельствамъ въ Дамаскѣ, и познакомившійся тамъ съ характеромъ ассирійскихъ храмовъ, предпринялъ нѣкоторыя измѣненія въ іерусалимскомъ храмѣ по ассирійскому образцу. Нужно сказать, что эти измѣненія говорили не въ пользу ассирійской храмовой архитектуры и ассирійскаго вкуса и портили видъ Соломонова храма. Между прочимъ Ахазъ устроилъ новый жертвенникъ всесожженій, имѣвшій такую непропорціонально большую величину, что предъ нимъ

Соломоновъ жертвенникъ 20 локтей длины и ширины и 10 локтей высоты казался малымъ [1] (2 Цар. 16, 10—19).

4. Наконецъ нѣкоторые изслѣдователи, особенно англо-индійскіе по происхожденію, стараются вывести іерусалимскій храмъ изъ древнихъ индійскихъ пагодъ. Отождествляя племя Javanas санскритскихъ книгъ съ евреями, они настаиваютъ на тѣсной связи евреевъ съ индусами, въ смыслѣ заимствованія первыми индійской мудрости, индійскаго культа и типа храма. „Три тысячи лѣтъ тому назадъ, говоритъ одинъ индіецъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ, Соломонъ, царь израильскій, величайшій и мудрѣйшій изъ царей, желая построить храмъ Богу, обратился къ нашимъ предкамъ за архитекторами; у насъ же онъ взялъ и пѣвцовъ для своего храма, получившихъ извѣстность благороднымъ достоинствомъ своего пѣнія“ (The Madras Mail, 27 May, 1884). Между прочимъ такой взглядъ на происхожденіе іерусалимскаго храма проводитъ бомбейскій уроженецъ, Фергюссонъ, въ своемъ сочиненіи: The Temples of the Jews, 135. „Дѣйствительныя аналогіи іерусалимскому храму находятся не въ Ассиріи и Вавилоніи, а въ Индіи... Верхній этажъ іерусалимскаго храма, по своему назначенію, соотвѣтствуетъ верхнимъ этажамъ индійскихъ храмовъ... И это не должно казаться страннымъ. Была же аналогія между іудейскими ессеями и буддистами въ ученіи и образѣ жизни“. Чтобы судить о степени вѣроятности такого предположенія, необходимо воспроизвесть общій видъ индійскаго храма. Вотъ какъ опи-

[1] Напротивъ, когда впослѣдствіи Антіохъ Епифанъ поставилъ въ іерусалимскомъ храмѣ греческій жертвенникъ всесожженій, то онъ казался малымъ сравнительно съ Соломоновымъ жертвенникомъ, возобновленнымъ послѣ плѣна, и могъ быть поставленъ легко на его верхней площади (1 Макк. 1, 59).

сывается этотъ видъ въ новомъ сочиненіи объ Индіи католическаго епископа Лауенана, живущаго среди индійскихъ памятниковъ уже не менѣе 40 лѣтъ. „Главная входная дверь индійскихъ пагодъ обыкновенно лицомъ обращена на востокъ, но не исключительно; нѣкоторыя пагоды имѣютъ входъ съ запада. Большіе храмы имѣютъ нѣсколько входовъ, обращенныхъ ко всѣмъ странамъ свѣта; но восточная дверь всегда украшена больше другихъ. Ворота всегда сдѣланы въ башнѣ въ видѣ высокой пирамиды, раздѣленной на нечетное число этажей, кверху съуживающейся и вѣнчающейся полумѣсяцемъ. Пирамиды, а особенно притолоки воротъ, образованныя изъ большихъ монолитныхъ камней, покрываются скульптурными украшеніями. Многія пагоды имѣютъ два, три, четыре и даже до семи оградъ и дворовъ. Такъ, семь оградъ имѣетъ пагода Сирангамъ, вблизи Тришинополя. Кругомъ этихъ оградъ, съ ихъ внутренней стороны, расположены открытыя галлереи съ плоскими крышами, поддерживаемыми монолитными колоннами. Въ Сирангамѣ каждая ограда представляетъ отдѣльную улицу, населенную семействами различныхъ кастъ, по степени ихъ значенія. Среди перваго двора, противъ входа храма, на пьедесталѣ, а иногда въ открытой башнѣ на четырехъ колоннахъ, помѣщается каменная статуя, представляющая божество, Pullear, въ храмахъ посвященныхъ Вишну, или статуя вола, въ пагодахъ Сива. Иногда такая башня поддерживается статуями слоновъ или воловъ. Ближе къ храму, противъ главныхъ воротъ, возвышается болѣе или менѣе высокая гранитная колонна, на которой, въ праздничные дни, ставятся горящія лампады или же жаровня съ курящимися благовоніями. Въ сторонѣ помѣщаются большіе резервуары воды для омовеній, окруженные портиками и декорированными лѣст-

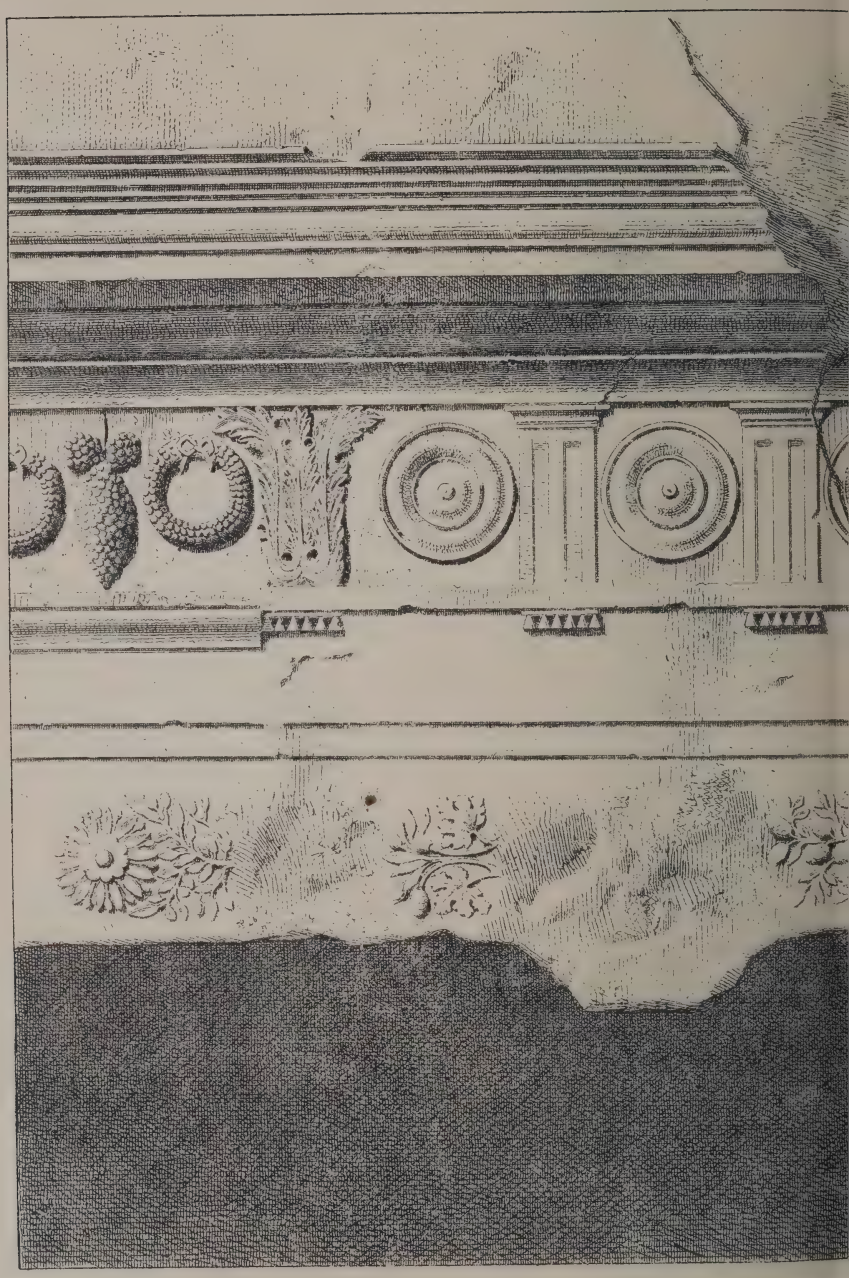
ницами. Въ центрѣ послѣдняго двора стоитъ святилище главнаго божества, дающаго пагодѣ свое имя. Дверь святилища, низкая и узкая, обращена на востокъ; другой входной двери не бываетъ. Внутренность святилища раздѣляется на двѣ или на три части: открытый портикъ, cella съ жертвенникомъ, на который приносятся жертвы, и внутреннее, обыкновенно закрытое, отдѣленіе, въ которомъ помѣщается истуканъ; въ послѣднее отдѣленіе входитъ только служащій жрецъ, предшествуемый свѣщеносцами. Нѣкоторые новѣйшіе индійскіе храмы покрыты сводами, но болѣе древніе храмы имѣютъ плоскія крыши, поддерживаемыя рядами гранитныхъ столбовъ. Нѣкоторыя пагоды имѣютъ такую прочность, что легко могутъ быть обращены въ укрѣпленія" (*Laouenan*, Du Brahmanisme et des ses rapports avec le Judaisme, 1885, t. 1, p. 41—44). Конечно, въ этомъ описаніи можно найти нѣкоторыя точки соприкосновенія съ представленнымъ нами описаніемъ Соломонова храма, точно такъ же, какъ ихъ можно найти и въ храмахъ египетскихъ или ассирійскихъ, такъ какъ существованіе дворовъ вокругъ храма, жертвенника или фонтана неизбѣжно вездѣ и ничего не доказываетъ. Но не нужно забывать, что всѣ безъ исключенія индійскіе храмы, въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ храмомъ въ Іерусалимѣ, суть совершенно новыя историческія явленія; нѣтъ ни одной пагоды, которую можно было бы считать современною даже Иродову храму. Послѣ Соломона, создателя іерусалимскаго храма, прошло не менѣе 2,000 лѣтъ прежде чѣмъ явилась первая индійская пагода (см. Laouenan, Du Brahmanisme t. II, p. 132—170). Такимъ образомъ здѣсь долженъ быть вопросъ не о томъ, насколько храмъ іерусалимскій могъ быть копіею индій-

НАРУЖНАЯ СТѢНА ХЕВРОНСКАГО ХАРАМА.

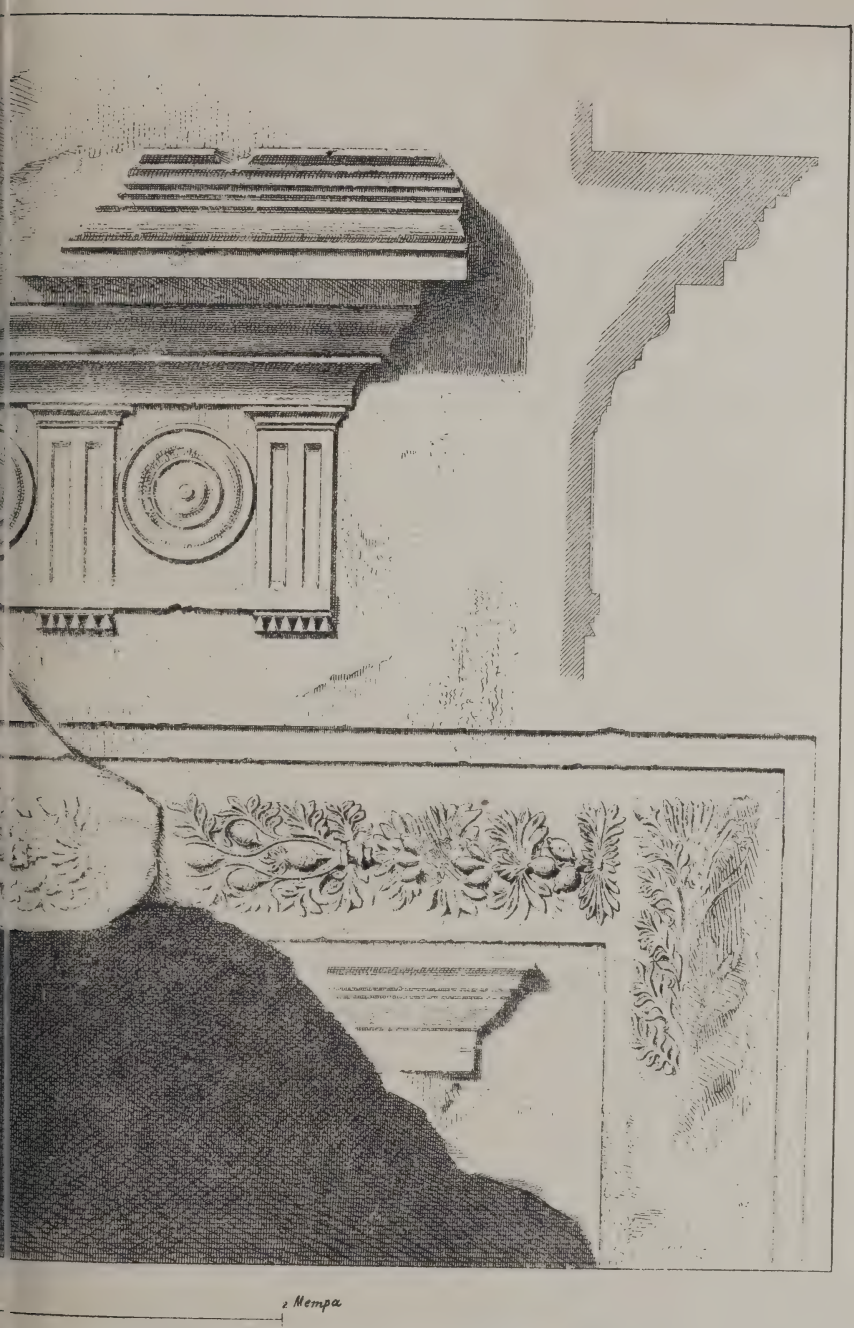
Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

КУБУРЪ ЕЛ-МОЛУКЪ.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №15.



Фризъ и карни



буръ ел-Молукъ.

скихъ пагодъ, а, наоборотъ, насколько эти послѣднія были подражаніями іерусалимскому храму.

Такимъ образомъ іерусалимскій храмъ, построенный Соломономъ, не былъ копіею какого либо иноземнаго языческаго храма, но имѣлъ свой оригинальный видъ и характеръ. Хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ пунктахъ постройки могли сказываться общепринятые у финикійскихъ работниковъ архитектурные пріемы того времени, напримѣръ, обдѣлывая капитель оригинальнаго Соломонова рисунка, Хирамъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ представленія господствовавшей египетской капители, а въ тескѣ камней—отъ представленія финикійской обдѣлки такъ называемыми выпусками; но, вообще говоря, Соломонъ въ своей мудрости старался наложить свою печать и на всѣ тѣ архитектурныя части, которыя онъ вынужденъ былъ заимствовать у иностранцевъ. Такъ какъ созданіемъ храма открыта новая эпоха самостоятельнаго израильскаго искусства и такъ какъ іерусалимскіе художники позднѣйшаго времени должны были подражать работамъ храма, то мы въ настоящее время имѣемъ право, въ видахъ уясненія подробностей Соломонова храма, переносить обратно на храмъ Соломоновъ наиболѣе выдающіяся и характеристическія особенности другихъ произведеній древнееврейскаго искусства. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть:

1. Хевронскій храмъ, построенный, весьма вѣроятно, по образцу наружныхъ стѣнъ іерусалимскаго храма.

2. Фризъ и карнизъ гробницы царей въ Іерусалимѣ, Кубуръ-ель-Молукъ, происхожденіе которой Соси (Histoire des Maccabées, 1880, p. 70) и Геренъ (La terre sainte, 1882) относятъ къ 537 году до Р. Хр.

3. Порталъ гробницы Судей, Кубуръ-ель-Кодга.

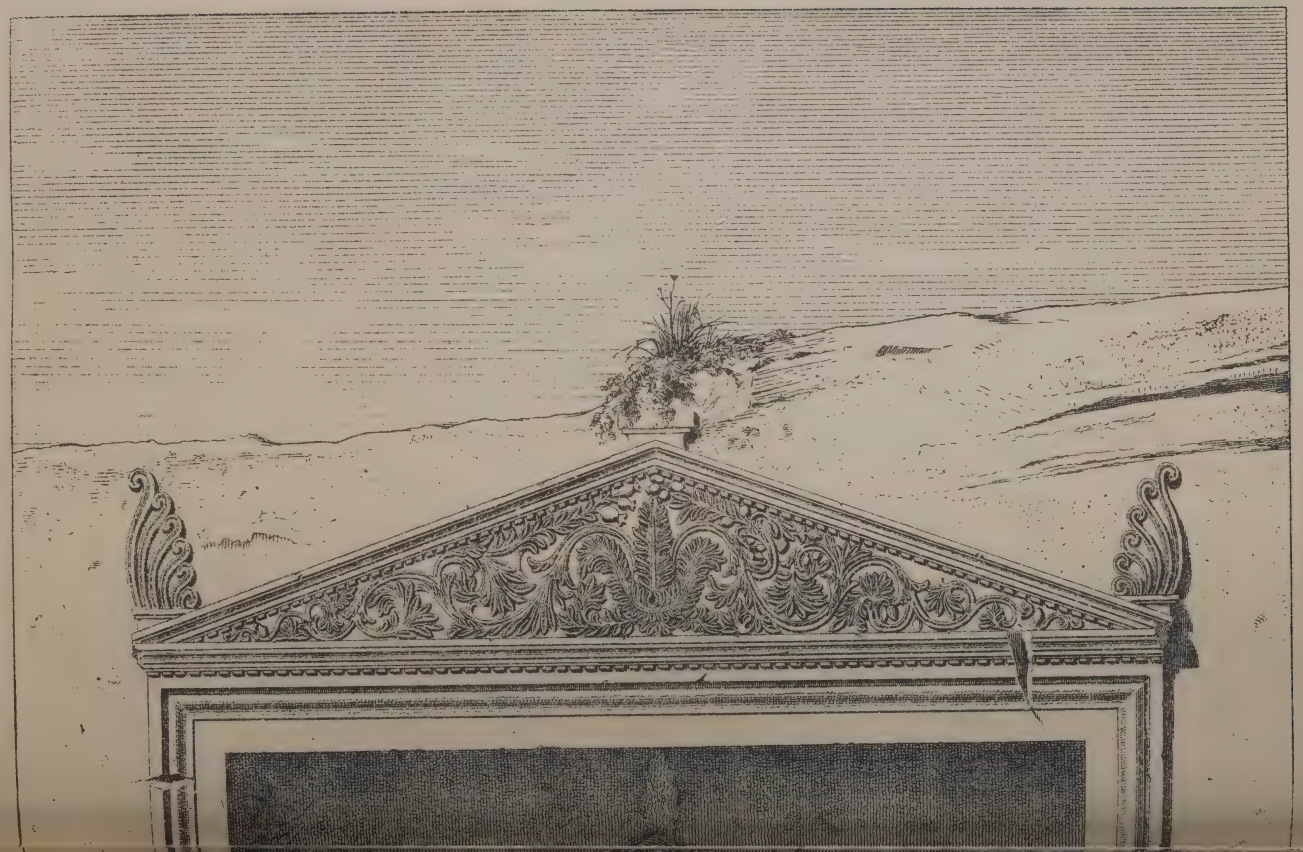
4. Гробницы Авессалома и Захаріи, стоявшія въ близкомъ сосѣдствѣ съ храмомъ и, вѣроятно, видѣвшія храмъ въ его первомъ періодѣ.

Обыкновенно изслѣдователи пользуются элементами, данными въ этихъ памятникахъ, для реставраціи Иродова храма; но многое въ нихъ не могло быть чуждо и первому храму, напр. характеристическія, спеціально іудейскія, украшенія, въ видѣ шаровъ или гранатовыхъ яблокъ, въ видѣ виноградныхъ листьевъ и кистей, весьма часто выставляемыхъ на видъ въ пророческихъ картинахъ и проч. Само собою разумѣется, что пользоваться этими элементами и на основаніи ихъ воспроизводить архитектурныя подробности отдѣлки Соломонова храма значило бы давать волю фантазіи. Мы указали на нихъ только какъ на отдаленные намеки работъ Соломонова храма.

Мы сказали, что храмъ Соломоновъ обращалъ на себя вниманіе всего древняго міра своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ. Языческіе завоеватели съ жадностію смотрѣли на него и не упускали случаевъ попользоваться его золотыми украшеніями и драгоцѣнными сосудами. Неоднократно храмъ своими сокровищами выручалъ іудейскихъ царей и народъ въ тяжкія времена вражескихъ нашествій (1 Цар. 14, 26, 15, 18; 2 Цар. 14, 14, 16, 18, 18, 15 и друг.). Послѣ такихъ нашествій, храмъ, какъ само собою разумѣется, нуждался въ ремонтировкахъ. Такія ремонтировки разныхъ частей храма, особенно его дворовъ, были произведены при Іосафатѣ, Іоасѣ, Іоаѳамѣ, Езекіи. При послѣднемъ царѣ

ВХОДЪ ВЪ ГРОБНИЦУ СУДЕЙ.

фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.



2 Метра

ПОРТАЛЪ ГРОБНИЦЫ СУДЕЙ.

ГРОБНИЦА АВЕССАЛОМА.

ГРОБНИЦА ЗАХАРІИ.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

во дворѣ храма были въ первый разъ устроены большіе склады для народныхъ приношеній и десятинъ. При Манассіи храмъ былъ превращенъ въ языческое святилище и, наконецъ, палъ вмѣстѣ съ іудейскимъ царствомъ. Виновникомъ разрушенія храма былъ полководецъ Навуходоносора, Навузарданъ, который сжегъ его, а его сосуды, золотые, серебряные и мѣдные, отослалъ въ Вавилонъ. Днемъ сожженія Соломонова храма, по 2 Цар. 25, 8 и Варух. 1, 2, было седьмое число пятаго мѣсяца, а по Іерем. 52, 12 десятое число пятаго мѣсяца. Іосифъ Флавій въ Antiqu. X, 8, 5 днемъ разрушенія храма считаетъ первое число пятаго мѣсяца, а въ Bell. VI, 4, 5 пятое число македонскаго мѣсяца Лоя, въ которое былъ сожженъ и второй храмъ римлянами. Въ талмудѣ это несогласіе объясняется тѣмъ, что въ седьмой день мѣсяца халдеи вторглись въ храмъ, а въ девятый день, вечеромъ, подожгли его, такъ что десятаго числа храмъ уже пересталъ существовать.

Въ плачевной пѣсни пророка Іереміи на разрушеніе Іерусалима халдеями есть нѣсколько чертъ, взятыхъ съ картины разрушеннаго храма. Какъ въ дни великихъ праздниковъ во дворахъ храма былъ шумъ и большое многолюдство, такъ и теперь вся площадь храма была полна шумною толпою народа (Плач. 2, 7—8), но это былъ не торжествующій народъ Божій, а язычники, вторгшіеся туда, куда не должны были проникать непосвященные (1, 10). Погибъ ковчегъ завѣта, подножіе ногъ Божіихъ (Плач. 2, 1. Сравн. Амос. 9, 1 по LXX). Вся ограда вокругъ храма разрушена, какъ вокругъ покинутаго огорода (Плач. 2, 6). Какъ на покинутомъ огородѣ, на площади храма безбоязненно ходятъ лисицы (Плач. 5, 18). На далекое пространство кругомъ храма, по дорогамъ, валяются разбросанные камни храма, легко

отличимые по своей характеристичной отдѣлкѣ, капители колоннъ и проч. (Плач. 4, 1). Только глубоко сидящія въ землѣ ворота, выводившія на площадь храма туннелями, остались неразрушенными, и глядятъ сиротливо среди окружающихъ развалинъ, съ своими сокрушенными запорами (Плач. 2, 9).

ВТОРОЙ ХРАМЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ.

По возвращеніи изъ Вавилона, іудеи немедленно взялись за возобновленіе храма Соломонова, разрушеннаго и сожженнаго войскомъ Навуходоносора при общемъ разрушеніи и плѣненіи іудейскаго царства. Если до плѣна іудеи нерѣдко колебались между храмомъ Іеговы и храмами Ваала, то продолжительная школа плѣна привела ихъ къ ясному сознанію, что только храмомъ Іеговы можетъ стоять Іерусалимъ и все іудейское царство. На сколько твердо было у іудеевъ это сознаніе, можно видѣть изъ того, что, получивъ позволеніе возвратиться на родину, они оставляютъ Вавилонъ не иначе, какъ заручившись царскимъ разрѣшеніемъ строить храмъ въ Іерусалимѣ, и даже съ утвержденнымъ царскою властію планомъ храма. Такое формальное разрѣшеніе царской власти нужно было не только потому, что съ нимъ соединялась матеріальная помощь въ постройкѣ храма отъ царской казны, безъ которой обнищавшіе плѣнники не скоро могли бы собраться съ силами для такого предпріятія, не только потому, что, вслѣдствіе своего зависимаго положенія, они легко могли встрѣтить съ той или другой стороны препятствія къ постройкѣ, какъ это и случилось въ ихъ столкновеніи съ самарянами, но и потому главнымъ образомъ, что, по тогдашней политикѣ вавилонской, построеніе святилища въ такомъ или иномъ видѣ должно было соотвѣтствовать

общей мѣрѣ народной жизни и признаннымъ правамъ націи. Нація побѣжденная и зависимая не могла строить такихъ храмовъ, которые могли бы затмить славу главныхъ храмовъ имперіи: Бела, Нево, Мардука и другихъ боговъ Сумира и Аккада. Правда, самъ Киръ старался ослабить эту политику и еще прежде іерусалимскаго храма успѣлъ возобновить и украсить нѣкоторые изъ такихъ храмовъ, которые, въ силу этой политики, до него были обречены на запустѣніе, напр. храмы Саггату и Зида (надпись Senkereh); но въ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи еще были въ силѣ старыя преданія и старая нетерпимость, для борьбы съ которою іудеи не имѣли другихъ средствъ, кромѣ личной благорасположенности Кира. Самый указъ Кира съ планомъ іерусалимскаго храма, разысканный при Даріѣ въ мидійскомъ городѣ Екбатанахъ, въ царскомъ архивѣ, читался такъ: „Въ первый годъ царя Кира. Царь Киръ повелѣваетъ о домѣ Божіемъ въ Іерусалимѣ: да будетъ построенъ этотъ домъ, мѣсто жертвоприношеній, да будутъ положены ему твердыя основанія; высота его—шестьдесятъ локтей, ширина его—шестьдесятъ; ярусовъ изъ камней большихъ три и ярусъ изъ дерева одинъ. Издержки же пусть выдаются изъ царскаго дома. И сосуды золотые и серебряные, которые Навуходоносоръ вынесъ изъ храма іерусалимскаго въ Вавилонъ, пусть будутъ возвращены въ храмъ іерусалимскій на свое мѣсто“ (Ездр. 6, 3–5). Какъ понимать намѣченныя здѣсь общія черты плана? Откуда онѣ взяты и въ какомъ отношеніи стоятъ къ дѣйствительному храму, построенному іудеями по возвращеніи изъ плѣна и извѣстному подъ именемъ храма Зоровавеля? Одни изслѣдователи (между прочимъ Вольфъ, 26 и Пэнъ) сопоставляютъ этотъ планъ съ планомъ Соломонова храма: указанную въ немъ высоту

храма, 60 локтей, считаютъ половинною высотою, взятою изъ высоты Соломонова притвора по масоретскому чтенію 2 Пар. 3, 4, а 60 локтей широты выводятъ какъ ошибку переписчиковъ изъ 60 локтей длины Соломонова храма. Другіе (Ширеръ), справедливо признавая, что храмъ Зоровавеля не могъ превосходить высотою храмъ Соломона, предположенную въ указѣ Кира высоту, 60 локтей, считаютъ общею высотою не храма только, но и окружавшихъ его террасъ и т. п. Не нужно доказывать, на сколько искусственны и нетверды подобныя объясненія. Кромѣ совпаденія въ опредѣленіи высоты храма тремя ярусами, другихъ совпаденій въ опредѣленіи высоты и широты локтями здѣсь нѣтъ съ Соломоновымъ храмомъ. По ясному свидѣтельству кн. Цар., храмъ Соломоновъ имѣлъ, какъ мы видѣли, 30 локтей высоты, 20 локтей широты и 60 локтей длины. Такимъ образомъ, если бы храмъ Зоровавеля былъ построенъ по мѣрѣ, указанной Киромъ, то, не уступая ему въ общемъ видѣ своихъ многоэтажныхъ дворовыхъ построекъ, онъ вдвое превосходилъ бы его размѣрами самаго храма [1]. Но это совершенно не мирится съ крайнею скудостію іудеевъ въ первое время по ихъ возвращеніи изъ плѣна и съ положительнымъ свидѣтельствомъ Агг. 2, 3, гдѣ храмъ Зоровавеля представляется какъ бы не сущимъ въ сравненіи съ величественными размѣрами Соломонова храма, и Ездр. 3, 12, гдѣ радость народа, по случаю закладки второго храма, смѣшивается съ громкимъ плачемъ, въ виду его чрезвычайной малости. Гекатей Абдеритянинъ, современникъ и спут-

[1] Фергюссонъ (The Temples of the Jews, 30) измѣренія въ указѣ Кира считаетъ точными измѣреніями храма Соломонова, забытыми іудейскимъ народомъ, но сохраненными въ записяхъ восточныхъ завоевателей Іерусалима.

никъ Александра Македонскаго, длину всего пространства, занятаго дворами храма Зоровавеля, опредѣляетъ приблизительно въ 5 плетровъ, т. е. 500 (греческихъ) футовъ или стопъ = 154 метра, а ширину въ 100 греческихъ локтей = 52½ метра (Contra Appion. 1, 22). Судя по этимъ измѣреніямъ, вся площадь храма Зоровавеля равнялась только внутреннему двору храма Соломона. Разумѣется, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ размѣрахъ корпуса храма нужно было ожидать скорѣе сокращенія, чѣмъ увеличенія. Къ этому нужно прибавить, что данный въ указѣ Кира планъ храма неполонъ и недостаточенъ въ архитектурномъ смыслѣ: указывая высоту и широту, онъ умалчиваетъ о длинѣ храма. И по этой причинѣ онъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ планомъ храма. Лучшее разрѣшеніе даннаго вопроса находимъ въ „Начертаніи библейской исторіи“ митрополита Филарета (1840, стр. 403), гдѣ размѣры храма въ указѣ Кира считаются только примѣрнымъ расчетомъ, сдѣланнымъ съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить количество царской субсидіи на устройство храма. Царь Киръ въ своемъ указѣ указалъ maximum того внѣшняго величія, какое могъ имѣть іерусалимскій храмъ, не возбуждая противъ себя иновѣрной власти и даже пользуясь ея покровительствомъ и матеріальною поддержкою. И очевидно намѣченный имъ примѣрный планъ храма, незначительный въ сравненіи съ вавилонскими храмами, имѣвшими по Страбону (XVI, 1, 5) цѣлую стадію высоты, не былъ оскорбительнымъ для іудеевъ. Основываясь отчасти на дѣйствительномъ планѣ Соломонова храма (въ многоярусныхъ боковыхъ постройкахъ), указъ Кира намѣчаетъ такіе размѣры для корпуса храма, которые не уступали размѣрамъ храмовъ Саггату и Зида и во всякомъ случаѣ превышали размѣры

Соломонова храма и тогдашнія средства іудейской націи. О приведеніи въ полное исполненіе такого плана храма не могли и мечтать вавилонскіе плѣнники; если онъ былъ выполненъ, то только въ позднѣйшей реставраціи храма Иродомъ.

Можетъ быть именно въ виду скудости и незначительности храма Зоровавеля библейская послѣплѣнная лѣтопись не даетъ полнаго описанія его, подобнаго описаніямъ скиніи Мойсеевой и Соломонова храма. Только нѣкоторыя отрывочныя указанія на отдѣльныя части этого храма сохранились въ книгахъ Ездры и Нееміи, въ повѣствованіяхъ книгъ Маккавейскихъ и въ замѣчаніяхъ Гекатея, приводимыхъ Іосифомъ Флавіемъ въ его сочиненіи Contra Appionem (1, 22). Изъ этихъ свидѣтельствъ открывается, что храмъ Зоровавеля былъ построенъ на мѣстѣ Соломонова храма, по тому же плану, но въ меньшихъ размѣрахъ. Невѣроятно предположеніе нѣкоторыхъ (Ганебергъ, Relig. Alterth. d. Bibel, 180), что при его постройкѣ іудеи обязательно должны были сообразоваться съ стилемъ Сузъ и Персеполя. Извѣстно, что самъ Киръ ни одному изъ подвластныхъ ему народовъ не навязывалъ своей персидской религіи и, слѣдовательно, образца своихъ храмовъ. Насколько вавилонскіе плѣнники могли дать опредѣленный стиль своему храму, они заимствовали его частію изъ воспоминаній о Соломоновомъ храмѣ, частію изъ сохранившихся до нихъ значительныхъ его развалинъ. Хотя и значительно сократившійся, храмъ Зоровавеля имѣлъ два двора, внѣшній и внутренній, съ притворами, хранилищами богослужебныхъ принадлежностей (Ездр. 8, 29; 1 Макк. 4, 38, 48) и помѣщеніями отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ храму. Уже Неемія 3, 30 упоминаетъ здѣсь помѣщеніе первосвященника

Еліяшива (13, 5), помѣщеніе Товіи, внука первосвященника, его жены и дѣтей, передѣланное изъ кладовыхъ (Ездр. 10, 6), камера Іоханана. Вѣроятно камеры главнымъ образомъ были во внѣшнемъ дворѣ, особенно у воротъ съ притворами, охранявшихся по древнему обычаю левитами (Antiqu. 11, 4, 7). Ворота, какъ и въ Соломоновомъ храмѣ, были на всѣхъ четырехъ сторонахъ: одни изъ нихъ сѣверовосточныя назывались Мифкадъ (Неем. 3, 31), другія сѣверныя Темничными (Неем. 12, 39). Одни изъ западныхъ воротъ открывались на большой мостъ, соединявшій храмъ съ верхнимъ городомъ (Antiqu. XIV, 4, 2; Bell. 1, 7, 2). Во внутреннемъ дворѣ стоялъ жертвенникъ, построенный, согласно съ закономъ Мойсея, изъ нетесаныхъ бѣлыхъ камней въ видѣ четыреугольника 20 локтей длины и ширины и 12 локтей высоты (1 Макк. 4, 44, 47; Contra Appion. 1, 22). Впрочемъ въ послѣднее показаніе высоты жертвенника, находящееся у Іосифа Флавія, кажется вкралась ошибка: высота жертвенника должна была быть не 12, а 10 локтей, по мѣркѣ жертвенника Соломонова (2 Пар. 4, 1). Самый храмъ былъ построенъ, какъ и Соломоновъ, изъ большихъ камней и дерева (Ездр. 5, 8); камни были тѣ же самые, которые входили и въ стѣны Соломонова храма, а дерево, сгорѣвшее при пожарѣ храма во время его разрушенія, было замѣнено новымъ (2 Ездр. 6, 25). Въ первомъ отдѣленіи храма, подобно какъ въ скиніи Мойсея, находится, по свидѣтельству Гекатея, одинъ жертвенникъ кажденій и одинъ свѣтильникъ, вѣсомъ оба въ два таланта, а по свидѣтельству 1 Макк. 4, 49—51 жертвенникъ ѳиміамовъ, свѣтильникъ и трапеза хлѣбовъ. Но существенное отличіе храма Зоровавеля отъ Соломонова и даже отъ скиніи Мойсея представляло внутреннее отдѣленіе храма. Хотя, по древнему об-

разцу, мѣсто, соотвѣтствовавшее святому святыхъ, и здѣсь было отдѣлено завѣсою, какъ завѣсою же закрывался и входъ въ первое отдѣленіе храма (1 Макк. 4, 51), но бывшихъ нѣкогда здѣсь священныхъ принадлежностей, ковчега съ очистилищемъ и херувимами, теперь здѣсь не было (Талм. Іома 21, 2). Такимъ образомъ, ковчегъ завѣта былъ только одинъ для всего ветхозавѣтнаго періода, и его потеря, во время вавилонскаго плѣна, не могла быть вознаграждена другимъ ковчегомъ. Утвердилось вѣрованіе, что ковчегъ завѣта, вмѣстѣ съ другими остатками скиніи Мойсеевой, хранившимися при храмѣ Соломоновомъ, во время разрушенія Іерусалима, по повелѣнію Божію былъ сокрытъ пророкомъ Іереміею въ нѣкоторой ближайшей пещерѣ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться въ неизвѣстности до послѣднихъ временъ (2 Макк. 2, 4–8; Гемара іерус. Makkoth, 2, 32; Horajoth 3, 47). Такъ какъ, по этому вѣрованію, ковчегъ Мойсеевъ не переставалъ невидимо присутствовать среди народа, то какому либо новому ковчегу не было мѣста. Святое святыхъ послѣплѣннаго храма было совершенно пусто; на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли херувимы и ковчегъ завѣта, виднѣлся ничѣмъ непокрытый простой камень (Талм. Іома 5, 2). Указывая на этотъ камень, священники говорили: „тамъ, подъ скалою, глубоко въ землѣ, есть пещера, а въ пещерѣ стоитъ сокрытый отъ человѣческихъ взоровъ ковчегъ завѣта“. Во всякомъ случаѣ, тяжелая картина пустоты святаго святыхъ давала знать имѣющимъ очи видѣть, что второй іерусалимскій храмъ былъ святилищемъ осиротѣлымъ, что народъ іудейскій, хотя и возвращенный изъ плѣна, не возвратилъ всего прежняго благоволенія Іеговы [1]. Извѣстно, что начатый

[1] Возможность отнятія ковчега завѣта и опустошенія святаго святыхъ предуказана пророкомъ Амосомъ: 9, 1, по LXX.

постройкою въ 534 году, храмъ Зоровавеля послѣ многихъ препятствій къ постройкѣ былъ наконецъ оконченъ въ шестомъ году Дарія Гистаспа (516 до Р. Хр.) въ мѣсяцѣ Адарѣ, въ третій день мѣсяца (Ездр. 6, 15).

Такъ какъ храму Зоровавеля многаго недоставало въ сравненіи съ Соломоновымъ храмомъ, то и послѣ его постройки продолжались въ немъ разныя дополнительныя работы, по образцу того же храма Соломонова. Особенно большія работы были произведены первосвященникомъ Симономъ праведнымъ, который обратилъ вниманіе на большой внѣшній дворъ Соломоновъ, оставленный Зоровавелемъ внѣ черты храма, вслѣдствіе большихъ трудностей, съ которыми было связано исправленіе Соломоновой насыпи и возвышавшихся надъ пропастями высокихъ стѣнъ, разрушенныхъ вавилонянами, за исключеніемъ восточной стѣны (Antiqu. XX, 9. ср. Іоанн. 10, 23; Дѣян. 3, 11). Эти высокія стѣны и насыпь были исправлены Симономъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Сир. 50, 1-3. Такимъ образомъ во время Симона дворы храма сравнялись съ пространствомъ дворовъ перваго храма во всѣхъ пунктахъ. Кромѣ того, Симономъ были возобновлены нѣкоторые сосуды, недостававшіе второму храму. Имъ было сдѣлано мѣдное море по образцу Соломонова (мѣдь, какъ окружность моря, Сир. 50, 3), мѣсто котораго доселѣ замѣнялъ большой каменный сосудъ для воды или даже одна изъ цистернъ двора храма. Въ связи съ мѣднымъ моремъ стоитъ исправленіе Симономъ водопровода, имѣвшаго значеніе для храма (во дни его углубленъ водопроводъ, Сир. 50, 3). По всей вѣроятности, Симономъ были сдѣланы и золотые вѣнцы и другія золотыя украшенія, бывшія въ притворѣ храма (1 Макк. 1, 22). Въ описаніи Соломонова храма вѣнцовъ мы не встрѣ-

чали. Вѣроятно они были сдѣланы теперь, на основаніи Зах. 6, 14.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ опустошеній іерусалимскаго храма и затѣмъ его исправленій, причемъ каждый разъ прибавляется нѣчто новое въ видахъ укрѣпленія и украшенія храма. Въ одно изъ такихъ исправленій храма получилъ происхожденіе особенный праздникъ „обновленія храма“. Самое большое опустошеніе въ храмѣ было произведено Антіохомъ Епифаномъ; всѣ сокровища и сосуды храма были въ то время похищены, а самый храмъ оскверненъ идолослуженіемъ; на большомъ каменномъ жертвенникѣ Зоровавеля былъ поставленъ малый жертвенникъ Юпитера Олимпійскаго (1 Макк. 1, 21—24, 59; 2 Макк. 6, 2). Превращая, такимъ образомъ, іерусалимскій храмъ въ храмъ Юпитера, Антіохъ, въ знакъ уваженія къ Олимпійскому святилищу, передалъ ему драгоцѣнную завѣсу, похищенную имъ изъ іерусалимскаго храма. Такой смыслъ, по весьма вѣроятному предположенію Клермонъ-Ганно (Palestine Exploration Fund Quarterly Statement, 1878, 79—81), имѣетъ свидѣтельство Павзанія о какой-то завѣсѣ, „пожертвованной Антіохомъ Олимпійскому храму, отличавшейся отъ завѣсы Ефесскаго храма и спускавшейся отъ потолка до самой земли“. Такъ какъ Антіохъ сдѣлалъ свое приношеніе въ Олимпію скоро послѣ разграбленія іерусалимскаго храма и такъ какъ его завѣса по матеріалу и ткани отличалась отъ завѣсъ греческихъ и по размѣрамъ соотвѣтствовала завѣсамъ второго іерусалимскаго храма, какъ онѣ описываются у Іосифа и въ іудейскомъ преданіи, то можно думать, что здѣсь идетъ дѣло о большой вавилонской завѣсѣ храма Зоровавеля. Хотя впослѣдствіи преемники Антіоха, по свидѣтельству Іосифа Флавія (Bell. VII, 3, 3), возвратили іудеямъ

похищенные изъ храма сосуды, но только мѣдные, а не золотые; вѣроятно по данному іудеями при этомъ обязательству, сосуды эти не поступили въ храмъ, но оставлены въ антіохійскихъ синагогахъ. Возстановленіе храма послѣдовало при Іудѣ Маккавеѣ. Онъ построилъ новый жертвенникъ всесожженій изъ новыхъ камней, а камни жертвенника, оскверненнаго Антіохомъ, разобралъ и сложилъ въ особомъ мѣстѣ во дворѣ храма гдѣ они оставались во все время существованія храма (1 Макк. 4, 44–47). Затѣмъ были сдѣланы Іудою остальные священные сосуды (2 Макк. 10, 3); фронтъ храма опять былъ украшенъ золотыми вѣнками, къ которымъ прибавлены еще щиты, какъ символъ переживаемаго безпокойнаго времени (1 Макк. 4, 57). Приведенъ былъ также въ порядокъ и внѣшній дворъ, и окружающія его стѣны, пострадавшія въ разныхъ мѣстахъ, были снова исправлены и возвышены (1 Макк. 6, 7). Затѣмъ стѣны внѣшняго двора снова были повреждены Антіохомъ V Евпаторомъ (1 Макк. 6, 62) и опять возстановлены Іонаѳаномъ Маккавеемъ (ср. 1 Макк. 12, 36 съ Antiqu. XIII, 5, 11), и особенно Симономъ Маккавеемъ (1 Макк. 13, 53). Попытка народа воспрепятствовать Александру Іаннею въ совершеніи его первосвященническаго богослуженія побудила этого первосвященника отдѣлить корпусъ храма и мѣсто жертвенника отъ мѣстостоянія народа особенною оградою, за которую позволено было проникать только священникамъ (Antiqu. XIII, 13, 5). Это — первое подраздѣленіе внутренняго двора, неизвѣстное въ храмѣ Соломоновомъ. Такъ какъ упомянутая ограда воздвигалась какъ защита для первосвященниковъ-князей противъ народныхъ возстаній, то она, конечно, имѣла значительные размѣры и крѣпкія ворота, какъ это и находимъ въ храмѣ Ирода. При завоеваніи Іерусалима

Помпеемъ, гора храма была взята приступомъ въ самый праздникъ дня Очищенія — единственный день года, въ который первосвященникъ имѣлъ доступъ во святое святыхъ. На этотъ разъ первосвященникъ вошелъ туда не одинъ. Его сопровождалъ побѣдитель Помпей, проникнувшій съ своею свитою во внутреннее отдѣленіе святилища и видѣвшій тамъ то, чего никому изъ смертныхъ, кромѣ первосвященника, не надлежало видѣть (Antiqu. XIV, 4, 4) [1]. Впрочемъ, собственности храма Помпей не коснулся. Позже священные сосуды храма были похищены Крассомъ (Antiqu. XIV, 7, 1). Наконецъ, при завоеваніи храма Иродомъ великимъ была сожжена западная галлерея внѣшняго двора и храмъ осквернился кровопролитіемъ. Иродъ вступилъ на престолъ врагомъ народа и храма.

Такимъ образомъ первымъ побужденіемъ къ передѣлкѣ храма для Ирода было желаніе исправить тѣ поврежденія, какія онъ самъ сдѣлалъ на святомъ мѣстѣ, и которыхъ не могли ему простить не только ближайшіе служители храма, но и весь народъ. Но это естественное побужденіе реставрировать храмъ, въ планахъ Ирода, слилось съ другими честолюбивыми побужденіями создать себѣ въ исторіи славу Соломона, строителя храма, наложить на храмъ печать своего вкуса и, съ другой стороны, пользуясь реставраціею храма, усилить средства надзора за нимъ, что и было достигнуто построеніемъ крѣпости во дворѣ храма и многихъ подземныхъ ходовъ въ полицейскихъ видахъ. По мнѣнію Генгстенберга (Christol. III, 237), Иродъ, реставрируя и расширяя храмъ, надѣялся выступить въ глазахъ народа исполнителемъ пророчества Аггея (2, 6-9) о

[1] Тацитъ (Hist. V, 9): Pompejus... templum jure victoriae ingressus est. Inde vulgatum nullas intus deum effigies; vacuam sedem et inania arcana...

имѣющемъ открыться величіи второго храма, понятомъ имъ въ смыслѣ внѣшняго великолѣпія. Въ повѣствованіи Іосифа Флавія (Antiqu. XV, 11, 1) самъ Иродъ еще болѣе, повидимому, опредѣленно высказываетъ побужденіе, расположившее его къ передѣлкѣ храма, такимъ образомъ: „храму, воздвигнутому праотцами, по ихъ возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, недостаетъ 60 локтей высоты, чтобы сравниться съ храмомъ Соломона; нашъ долгъ теперь довершить то, чего не могли сдѣлать наши предки, находившіеся въ порабощеніи". И такъ Иродъ предполагаетъ, что храмъ Зоровавеля имѣлъ 60 локтей, а храмъ Соломона 120 локтей. Мы видѣли уже, что это невозможно, что ни храмъ Зоровавеля, ни храмъ Соломоновъ не имѣли всей той высоты, которая здѣсь указывается, а развѣ только ея третью часть. Откуда же такая мысль у Ирода или у Іосифа, говорящаго устами Ирода? Приведенное свидѣтельство есть средоточный пунктъ всего изслѣдованія о ветхозавѣтномъ храмѣ. Отъ такого или иного пониманія его зависитъ такое или иное представленіе не только о храмѣ Ирода, но и о храмѣ Соломона. Такъ какъ здѣсь ясно, повидимому, указывается 120 локтей, какъ норма высоты ветхозавѣтнаго храма, то многіе изслѣдователи опредѣляютъ этою цифрою высоту какъ Иродова, такъ и Соломонова храма, а свидѣтельство кн. Цар. о 30 локтяхъ высоты храма, при помощи разныхъ натяжекъ, относятъ къ одному нижнему этажу залы храма, надъ которою якобы возвышались другіе этажи до высоты 120 локтей. Напротивъ, другіе изслѣдователи, основываясь исключительно на показаніи кн. Царствъ о 30 локтяхъ высоты храма, не считаютъ возможными какія бы то ни было прибавленія къ ней и со стороны Ирода, и приведенное свидѣтельство Іосифа Флавія, а также

всѣ другія свидѣтельства этого историка о высотѣ храма, равно какъ и свидѣтельства іудейскаго преданія, считаютъ вымышленными. По объясненію Пэна (Salomon's temple and Capitol, 150—151), ложныя представленія Іосифа Флавія и всего іудейскаго преданія о высотѣ храма вышли изъ того, что пророкъ Іезекіиль, на описаніи котораго они основывались, не далъ указанія высоты храма; но такъ какъ, по представленію раввиновъ, такой важный пунктъ описанія храма не могъ быть пропущенъ пророкомъ, то древнее преданіе старалось открыть его въ сочетаніи другихъ чиселъ, имѣвшихъ отношеніе къ храму. Такъ Іосифъ Флавій въ разныхъ мѣстахъ указываетъ различныя высоты храма: 120 локтей, 100 локтей, 90 локтей и 60 локтей, превращая каждый разъ горизонтальныя библейскія измѣренія въ вертикальныя; то же дѣлаютъ и другіе представители преданія. Именно, высота 120 локтей Іосифа есть удвоенная дѣйствительная длина внутренняго пространства храма. Высота храма 120 локтей у Раши слагается изъ длины храма 100 локтей (по Іезек. 41, 13) и длины притвора 20 локтей (Іезек. 40, 49; 1 Цар. 6, 3). Высота храма 120 локтей у Кимхи есть 30 локтей истинной высоты храма (1 Цар. 6, 2) и 90 локтей длины по Іезек. 41, 12. Сто локтей высоты храма, указываемые Іосифомъ, талмудомъ и Раши, есть длина храма, данная Іезек. 41, 13. Третья высота храма, указываемая у того же Іосифа Флавія, 90 локтей, есть длина храма, данная Іезек. 41, 12. Четвертая высота храма книги Ездры и того же Іосифа, 60 локтей, есть истинная внутренняя длина святаго и святаго святыхъ. Высота притвора до архитрава или, иначе, высота стоявшихъ въ притворѣ колоннъ Іахинъ и Боазъ=40 локтей (2 Пар. 3, 15) есть длина первой части храма. Высота

притвора по LXX, 20 локтей, есть длина притвора съ сѣвера на югъ. Вообще всѣ разнообразныя представленія высоты храма и притвора суть своеобразныя толкованія пророка Іезекіиля, сокрывшаго высоту своего таинственнаго храма". Мы, съ своей стороны, продолжая стоять на томъ, что свидѣтельства Іосифа Флавія и всего іудейскаго преданія ложны по отношенію къ первому храму, поколику они противорѣчатъ 1 Цар. 6, 2, не можемъ допустить, чтобы они были такъ же ложны и по отношенію къ Иродовой реставраціи храма, чтобы можно было и Иродову храму приписывать 100 и 120 локтей высоты въ то время, когда въ дѣйствительности онъ имѣлъ только 30 локтей высоты. Могъ ли Іосифъ Флавій въ опредѣленіи высоты храма основываться на одномъ каббалистическомъ толкованіи пророка Іезекіиля, когда онъ самъ, по своему происхожденію, стоялъ очень близко къ Иродову храму и въ теченіе 30 лѣтъ былъ постояннымъ его посѣтителемъ? И, съ другой стороны, могъ ли онъ въ такомъ случаѣ обмануть даже своихъ римскихъ читателей ложнымъ показаніемъ высоты храма, когда и эти римляне слишкомъ хорошо успѣли познакомиться съ храмомъ Ирода въ теченіе его продолжительной осады и разрушенія? Что касается талмудическаго описанія храма въ Middoth, то оно дѣйствительно представляетъ не столько новое живое описаніе, сколько толкованіе библейскихъ свидѣтельствъ о храмѣ, но и въ немъ нельзя допустить такой необыкновенной ошибки—превращенія дѣйствительной высоты 30 локтей въ 100 локтей, тѣмъ болѣе, что и въ Middoth есть преданія отъ лицъ, видѣвшихъ храмъ Ирода; такъ въ немъ есть свидѣтельство рабби Елеазара-бенъ-Іакова, котораго дядя самъ служилъ въ храмѣ какъ левитъ. Положимъ, что

и между свидѣтельствами самовидцевъ храма Ирода есть нѣкоторое разногласіе, наводящее на нихъ дальнѣйшія сомнѣнія, но Іосифъ Флавій объясняетъ это противорѣчіе, повидимому, удовлетворительно въ томъ смыслѣ, что наибольшая изъ показанныхъ преданіемъ высотъ для храма, 120 локтей, предносилась предъ строителями храма только какъ идеалъ, котораго въ дѣйствительности никогда не достигали, точно такъ же, какъ высота 60 локтей была идеаломъ для храма Зоровавеля. Хотя Иродъ назначилъ для своего храма 120 локтей высоты, и народъ признавалъ его высоту именно такою, но впослѣдствіи, при переизмѣреніи храма предъ народнымъ возстаніемъ, оказалось, что храмъ Ирода имѣлъ не 120, а только 100 локтей высоты (*на 20 локтей храмъ успѣлъ осѣсть,* наивно объясняетъ Іосифъ Флавій, Antiqu. XV, 11, 3). Такая высота (100 локт.) была признана народомъ и первосвященникомъ ненадлежащею высотою храма и было предположено восполнить недостававшіе храму Ирода 20 локтей высоты; уже доставленъ былъ матеріалъ на площадь храма для новаго деревяннаго этажа на храмѣ, но, вслѣдствіе возгорѣвшейся войны, предпріятіе не было исполнено, а доставленный матеріалъ былъ употребленъ на защиту стѣнъ при осадѣ римлянъ (Bell. V, 1, 5). Такимъ образомъ 120 локтей всегда оставались идеальною высотою храма; въ дѣйствительности же храмъ Ирода имѣлъ 100 локтей высоты, какъ объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ Іосифъ Флавій и мишна.

Но, спрашивается, откуда могла быть выведена для храма идеальная высота 120 локтей? Число 120 есть 30 локтей высоты храма (1 Цар. 6, 2) умноженные на 4. Почему нужно было высоту перваго храма брать 4 раза? Очевидно, теперь распространяли на самый корпусъ

храма то, что кн. 1 Цар. 6, 36 и 7, 12 говоритъ о четырехъ ярусахъ въ устройствѣ дворовъ, трехъ ярусахъ каменныхъ и одномъ деревянномъ, и что указъ Кира постановляетъ о храмѣ іерусалимскомъ въ общемъ выраженіи. Откуда могло явиться такое толкованіе древняго описанія храма? Ближайшихъ поводовъ къ нему нужно искать въ противодѣйствіи тогдашнихъ представителей іудейства, книжниковъ и фарисеевъ, задуманному Иродомъ проэкту передѣлки храма. При этомъ само собою предполагалось, что передѣлка храма Иродомъ будетъ сдѣлана въ современномъ греко-римскомъ вкусѣ. Іосифъ Флавій говоритъ только очень глухо о томъ столкновеніи, какое имѣлъ Иродъ по этому вопросу съ представителями іудейства. Но что эта борьба была очень значительна, видно изъ того неожиданнаго компромисса, которымъ она окончилась: устройство самаго храма было вполнѣ предоставлено традиціямъ и вкусу самихъ священниковъ [1], а передѣлка дворовъ, особенно двора внѣшняго, осталась за Иродомъ (Antiqu. XV, 11, 5). Такимъ образомъ дворъ храма, предоставленный Ироду и его архитектурнымъ вкусамъ, долженъ былъ потерять свой традиціонный характеръ: вмѣсто прежнихъ трехъэтажныхъ помѣщеній вдоль дворовыхъ стѣнъ, теперь проэктирована была тройная колоннада вокругъ дворовъ въ греческомъ вкусѣ; этотъ дворъ съ того времени даже получилъ названіе двора язычниковъ. Вынужденные, такимъ образомъ, согласиться на измѣненіе древней нормы въ отдѣлкѣ дворовъ тремя ярусами, книжники перенесли эту древнюю норму на предоставленный имъ корпусъ самаго храма и выразили ее въ формулѣ $30 \times 4 = 120$. Вѣроятно въ это время ожив-

[1] Особенное значеніе въ этомъ дѣлѣ преданіе (Baba bathra, 3, 2) приписываетъ книжнику Баба-бенъ-Бута, ученику Шеммайя.

ленныхъ споровъ о характеристичныхъ трехъ ярусахъ храмовыхъ построекъ и о нормальной высотѣ храма появилось первый разъ корректурное чтеніе 2 Пар. 3, 4: *высота притвора сто двадцать....* [1] Съ другой стороны, мотивовъ такого необыкновеннаго возвышенія корпуса храма нужно искать въ томъ вліяніи, какое имѣли на іудеевъ архитектурные образцы древняго Вавилона. Хотя плѣнъ вавилонскій de jure давно уже окончился, но de facto онъ все еще продолжался, такъ какъ весьма многіе іудеи остались жить въ Вавилонѣ и имѣли непрерывныя сношенія съ Іерусалимомъ. Изъ Вавилона непосредственно были вызваны Иродомъ даже такіе люди, которые впослѣдствіи, въ вопросахъ о передѣлкѣ храма, должны были имѣть весьма важное значеніе. Такъ, первымъ первосвященникомъ при Иродѣ былъ *вавилонянинъ* Ананелъ. Хотя онъ скоро уступилъ первосвященство молодому Аристовулу, но, по смерти этого послѣдняго, опять продолжалъ исправленіе первосвященническихъ обязанностей (Antiqu. XV, 2, 4; XV, 3, 1). Іосифъ Флавій называетъ этого вавилонянина счастливѣйшимъ изъ людей, потому что онъ и самъ долго былъ первосвященникомъ и его пять сыновей всѣ были въ этомъ званіи (Antiqu. XX, 9, 1). Князь и первосвященникъ Гирканъ, плѣненный парѳянами, долго жилъ въ Вавилонѣ и оттуда былъ вызванъ Иродомъ въ совѣтники по дѣламъ управленія (Antiqu. XV, 2, 2). Такіе люди не только не противодѣйствовали новому толкованію книжниками нормальной высоты іерусалимскаго храма, но и нашли для него новое основаніе въ

[1] Ближайшимъ образомъ подозрѣніе въ поддѣлкѣ и превращеніи библейской цифры 20 въ 120 падаетъ на ученика Шеммайи, Баба-бенъ-Бута, принимавшаго наиболѣе дѣятельное участіе въ предпріятіи перестройки храма.

знакомой имъ грандіозной архитектурѣ вавилонскихъ памятниковъ, имѣвшихъ видъ многоэтажныхъ башенъ, хотя уже и полуразрушенныхъ въ то время, но все еще не перестававшихъ возбуждать удивленіе даже греческихъ и римскихъ путешественниковъ. Такимъ образомъ, представленный на стр. 375 видъ ассирійскаго храма въ его верхнихъ ярусахъ былъ приблизительно тѣмъ образцомъ, который предносился въ сознаніи іудейскихъ книжниковъ-архитекторовъ, взявшихся довести храмъ Зоровавеля до той высоты храма, которая, по ихъ спеціальному толкованію древняго плана храма, была законною. Такъ какъ здѣсь дѣло шло объ одномъ формальномъ выполненіи законной нормы, то сюда весьма подходили сокращенные верхніе этажи ассирійскихъ zikkurat, имѣвшихъ видъ башенъ. И краткость времени, употребленнаго на передѣлку корпуса храма (полтора года, тогда какъ дворы храма Иродъ передѣлывалъ 8 лѣтъ), заставляетъ думать, что верхній этажъ на храмѣ не былъ полнымъ.

Вотъ еще нѣкоторыя побочныя доказательства того, что іудейскіе книжники-строители храма Иродова, обращали взоры къ архитектурнымъ образцамъ Вавилона: а) Фарисей Іосифъ Флавій въ своемъ описаніи храма старается наложить на него вавилонскую печать въ преувеличенномъ представленіи высоты внѣшней ограды храма и въ уравненіи ограды храма по вавилонской мѣркѣ. Когда онъ говоритъ, что длина и ширина внѣшней ограды іерусалимскаго храма были равны одной стадіи, а высота ея была 400 локтей (= 1 стадія) (Antiqu. XV, 11, 3; XX, 9, 6 и друг.), то онъ указываетъ не дѣйствительныя, а идеальныя границы храма, взятыя съ вавилонскаго храма [1]. По крайней мѣрѣ Ге-

[1] У библейскихъ писателей такая мѣра храма нигдѣ не встрѣчается.

родотъ (1, 181) и Страбонъ (XVI, 1, 5), писатели часто цитуемые Іосифомъ, именно этою мѣрою одной стадіи длины, ширины и высоты опредѣляютъ размѣры главнаго вавилонскаго храма. Но если идеальная норма высоты корпуса храма 120 локтей, принятая книжниками, никогда не была достигнута (по переизмѣреніи Иродова храма въ немъ найдено было только 100 локтей), то и идеальная норма высоты платформы дворовъ и наружной стѣны храма, выставляемая Іосифомъ, также не могла быть достигнута, а его идеальная длина и ширина одной стадіи далеко уступала дѣйствительной площади храма. б) По свидѣтельству мишны (Middoth, 1, 3), на восточныхъ воротахъ двора храма былъ барельефъ, изображавшій крѣпость Сузы, для того, какъ говоритъ талмудъ (Menachoth 98, 1), чтобы народъ помнилъ, откуда онъ пришелъ, שידעו מהיכן באו. Такимъ образомъ, этотъ барельефъ непосредственно отъ храма іерусалимскаго переносилъ мысль въ вавилоно-персидскій городъ и представлялъ образецъ его построекъ на воротахъ храма. И строгіе книжники, срывавшіе съ храма римскаго орла, не только терпѣли это изображеніе, но и находили его вполнѣ умѣстнымъ. в) Еще однимъ показателемъ фарисейско-вавилонскихъ архитектурныхъ тенденцій строителей храма Ирода служитъ тенденціозное измѣненіе правильной формы четыреугольника Соломоновой площади храма пристройкою на ея сѣверо-западномъ углу крѣпости Антонія. Хотя это, повидимому, вышло случайно и даже было обусловлено свойствомъ грунта горы Моріа, значительно возвышавшагося въ этой части площади, но, по свидѣтельству Іосифа Флавія (Bell. VI, 5, 4), въ народномъ представленіи, воспитанномъ фарисеями, это не было случайнымъ, но было сдѣлано нарочито, потому что форма правильнаго четыреугольника считалась

несчастливою и роковою для храма. Josephus hebraicus прибавляетъ, что формула этого вѣрованія, въ напоминаніе іудеямъ, была вырѣзана на какомъ-то камнѣ, едва ли не на стѣнѣ святаго святыхъ (Gorion, lib. VI, cap. LIII). Откуда могло выйти такое странное представленіе о несчастливомъ значеніи того четыреугольника, какой представляла площадь древняго храма, когда онъ былъ предуказанъ уже въ образѣ правильнаго четыреугольника двора скиніи? Іосифъ Флавій говоритъ, что это вѣрованіе основывалось на какихъ-то священныхъ книгахъ, конечно, не собственно іудейскихъ, а фарисейско-вавилонскихъ. Дѣло идетъ здѣсь о фарисейско-вавилонскомъ смѣшанномъ представленіи оріентаціи святилища. Іерусалимскій храмъ Соломона со всею своею площадью дворовъ, подобно скиніи Мойсея, былъ оріентированъ къ четыремъ странамъ свѣта фасадами своего четыреугольника. Напротивъ, памятники Ниневіи и Вавилона были оріентированы къ четыремъ главнымъ странамъ свѣта не фасами, а діагоналями четыреугольника или своими углами (Place, Ninive et l'Assyrie, 1867. 1, 17–18. Ср. Breal, Les tables Eugubines, 52). Чтобы хоть однимъ угломъ приблизить площадь іерусалимскаго храма Соломона къ вавилонской оріентаціи, строители Иродова храма отклоняютъ діагональ площади, идущую съ юго-восточнаго угла до сѣверо-западнаго, въ болѣе прямое направленіе на сѣверъ пристройкою на углу такъ называемой крѣпости Антоніи [1].

[1] У Іосифа Флавія (Antiqu. XV, 11, 3) выраженіе: *каждая сторона четыреугольника* замѣняется выраженіемъ: *каждый уголъ четыреугольника равенъ одной стадіи,* ἑκάστης γωνίας στάδιον. Festus (Minora, 157) говоритъ, что храмъ долженъ имѣть angulos adfixos ad terram и что крайніе концы управляющихъ линій храма имѣютъ значеніе для предсказаній будущаго.

Такимъ образомъ, если ошибочно было со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей видѣть въ Соломоновомъ храмѣ какое либо подражаніе ассирійской архитектурѣ, то въ нѣкоторыхъ частяхъ Иродовой реставраціи храма, рядомъ съ вліяніемъ греко-римской архитектуры, можно видѣть вліяніе архитектурныхъ обычаевъ и пріемовъ вавилонскихъ и персидскихъ. Но этого совокупнаго вліянія вавилонскихъ и греческихъ образцовъ было недостаточно, чтобы поставить второй іерусалимскій храмъ на ту высоту, на которой стоялъ храмъ Соломоновъ. Работы архитекторовъ-книжниковъ не могли быть образцомъ совершенства. Въ соединеніи съ внутреннею пустотою своихъ этажей храмъ Ирода, не менѣе чѣмъ храмъ Зоровавеля, свидѣтельствовалъ о томъ, что пророчество Аггея о необыкновенной славѣ второго храма относится не къ внѣшнему блеску, которымъ нельзя было превзойти храмъ Соломоновъ, а къ духовному блеску, богатству новаго ученія и новаго благовѣстія.— Во всякомъ случаѣ въ передѣлкахъ Ирода храмъ іерусалимскій вступилъ въ послѣднюю фазу своего существованія. Не смотря на значительныя измѣненія, внесенныя сюда Иродомъ и іудейскими книжниками, онъ не былъ новымъ третьимъ іерусалимскимъ храмомъ. Тѣ же самые книжники іудейскіе продолжаютъ называть возобновленный Иродомъ храмъ, какъ и храмъ Зоровавеля, вторымъ іерусалимскимъ храмомъ.

Такъ какъ возобновленный Иродомъ іерусалимскій храмъ есть тотъ храмъ, въ которомъ училъ Іисусъ Христосъ и который неоднократно упоминается въ евангеліяхъ, то намъ необходимо разсмотрѣть его подробнѣе. Главными источниками для насъ будутъ сочиненія Іосифа Флавія: Antiqu. XV, 11; Bell. V, 5 и друг. и мишна, трактатъ Middoth.

---

*

Тогда какъ въ описаніи Соломонова храма мы исходили отъ главной части или корпуса самаго храма, наиболѣе подробно разъясненнаго въ библейскомъ текстѣ, и потомъ уже переходили къ окружавшимъ его дворамъ, въ описаніи Иродовой реставраціи храма гораздо лучше держаться обратнаго порядка и, какъ выражаются талмудисты, постепенно восходить отъ низшихъ степеней святости къ высшимъ. Широко развившееся въ фарисейскій періодъ исторіи разграниченіе важности и святости территоріи, окружавшей храмъ, отразилось и на самомъ видѣ храма и окружавшихъ его дворовъ. Какъ нельзя было подойти непосредственно къ самому корпусу храма, не пройдя въ порядкѣ дворовъ и переходовъ между ними, такъ нельзя и представить ясно образъ Иродова храма безъ окружавшей его обстановки. Тогда какъ обстановка дворовъ, окружавшая храмъ Соломона, не могла имѣть особеннаго значенія по своей блѣдности сравнительно съ самымъ корпусомъ храма,— каковая блѣдность для насъ еще болѣе замѣтна отъ неполнаго описанія дворовъ въ библейскихъ источникахъ,—обстановка дворовъ Иродова храма превосходила изяществомъ и великолѣпіемъ зданіе самаго храма и особенно его внутреннюю отдѣлку (достаточно ясный образъ духа времени и характера религіознаго настроенія народа!) и въ источникахъ (особенно въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія) описана гораздо подробнѣе, чѣмъ главное зданіе святилища. Мы уже говорили, что передѣлка самаго корпуса храма была предоставлена исключительно въ вѣдѣніе священниковъ и книжниковъ, которые и исполнили ее довольно скоро (въ полтора года), напротивъ передѣлку дворовъ, особенно внѣшняго двора, Иродъ предоставилъ своему личному наблюденію и вкусу и съ крайнею ревностію занимался

ею въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ (Antiqu. XV, 11, 5). И послѣ Ирода постройки въ системѣ дворовъ продолжались еще долго, почти до самаго его разрушенія римлянами (до 64 года по Р. Хр. Antiqu. XX, 9, 7).

Въ реставраціи Ирода іерусалимскій храмъ, по объему своей площади, достигъ опять тѣхъ предѣловъ, какіе были указаны ему Соломономъ. Если у Іосифа Флавія говорится о расширеніи храмовой площади при Иродѣ, то это нужно понимать только объ его отношеніи къ храму Зоровавеля. Мы уже видѣли, что вся площадь, занятая и приведенная въ порядокъ Зоровавелемъ, была такъ незначительна, что совершенно терялась среди развалинъ обширныхъ дворовъ Соломона. Мы видѣли также, что первосвященникъ Симонъ праведный обратилъ вниманіе на часть Соломоновой площади, не вошедшую въ черту храма Зоровавеля. Но то, что было сдѣлано здѣсь Симономъ, было недостаточно для Ирода. Нужно думать, что при Иродѣ всѣ вообще наружныя стѣны храма были значительно исправлены, выровнены и во многихъ мѣстахъ совершенно замѣнены новыми. Отъ стѣны перваго іерусалимскаго храма на мѣстѣ остался только молъ, т. е. нижняя часть стѣнъ до уровня земляной насыпи внѣшняго двора, такъ какъ вавилонскіе побѣдители Іерусалима считали оконченнымъ свое дѣло разрушенія послѣ того, какъ были снесены ими собственно стѣны или то, что возвышалось надъ уровнемъ Соломоновой насыпи. Кромѣ того, на восточной сторонѣ, наиболѣе отдаленной отъ города, утомленные разрушеніемъ вавилоняне оставили нетронутою значительную часть стѣны внѣшняго двора во всю ея высоту. Она цѣликомъ вошла въ периболъ храма Иродовъ и продолжала въ народѣ называться Соломоновою (Antiqu. XX, 9, 7). На этой восточной наруж-

ной стѣнѣ двора нужно полагать и упоминаемое въ евангеліяхъ крыло храма, πτερύγιον τȣ̃ ἱερȣ̃ (Матѳ. 4, 5; Лук. 4, 9), съ которымъ связана исторія искушенія Іисуса Христа діаволомъ. О высотѣ этой стѣны, увеличивавшейся еще проходящимъ внизу ущельемъ, Іосифъ Флавій говоритъ, что она могла вызвать головокруженіе у созерцавшихъ ее сверху. Напрасно нѣкоторые изслѣдователи ищутъ крыла, указаннаго въ евангеліяхъ, во внутреннемъ дворѣ храма и даже на корпусѣ самаго храма, на томъ основаніи, что въ текстѣ говорится о крылѣ не двора, а храма, τȣ̃ ἱερȣ̃ (Schegg, Matthäus, 1, 443). Изъ сочиненій Іосифа Флавія мы узнаемъ, что словомъ ἱερὸν называлась и наружная площадь храма или внѣшній дворъ: τὸ πρῶτον ἱερὸν (Bell. V, 5, 1, 2, 8) τὸ ἔξω ἱερὸν (Bell. VI, 5, 1; VI, 2, 7). Между тѣмъ во внутреннемъ дворѣ храма нѣтъ мѣста для той глубокой пропасти, которая, по смыслу евангельскаго разсказа, простиралась подъ тѣмъ крыломъ, на которомъ стояли Богочеловѣкъ и діаволъ. То же самое восточное крыло внѣшней ограды храма нужно видѣть и въ повѣствованіи Егезиппа о низверженіи Іакова, брата Господня, *съ крыши* святилища въ самый день Пасхи за его нежеланіе отречься отъ исповѣданія Іисуса Христа Мессіею (Евсевій, Церк. ист. II, 23). Очевидно, это низверженіе не могло произойти во внутреннемъ дворѣ и упоминаемая здѣсь крыша храма есть крыша дворовыхъ построекъ, а не самаго храма. Преданіе прибавляетъ, что, по низверженіи Іакова, случившійся тутъ сукновалъ ударилъ праведника въ голову валикомъ, употреблявшимся при его работахъ. И эта подробность можетъ найти объясненіе только въ наружной сторонѣ храма. На мѣстѣ смерти Іакова, у подошвы горы храма, Егезиппъ въ свое время видѣлъ памятникъ, στήλη, по-

священный имени праведника. По всей вѣроятности, крыломъ, πτερύγιον, названы въ евангельскомъ разсказѣ балконы или выступы, ἐπάλξεις, построенные въ верхнихъ частяхъ башенъ, особенно по угламъ, съ военными цѣлями (Bell. IV, 9, 12; V, 1, 4). Но и независимо отъ этихъ балконовъ или крыльевъ, верхняя часть наружной стѣны храма была на столько широка, что по ней можно было ходить свободно, какъ свободно ходятъ и по нынѣшнимъ стѣнамъ Іерусалима, и представляла достаточно мѣста для цѣлыхъ военныхъ отрядовъ при нападеніи непріятелей, когда храмъ обращался въ крѣпость (Bell. II, 12, 1; IV, 9, 12; VI, 3, 1—2; VI, 5, 1—2. Antiqu. XX, 8, 2). На западной сторонѣ внѣшняго перибола храма, обращенной къ городу, было еще особенное священническое крыло храма, имѣвшее значеніе нынѣшнихъ минаретовъ въ мечетяхъ или колоколень при христіанскихъ храмахъ. Отсюда исходили трубные звуки, возвѣщавшіе жителей Іерусалима о времени наступленія праздничныхъ дней и прекращенія работъ (Bell. IV, 9, 12). Съ внутренней стороны или со стороны площади храма крѣпостныя стѣны храма были несравненно ниже чѣмъ съ наружной, такъ какъ окружавшій гору Моріа каменный молъ здѣсь вовсе не былъ виденъ. Тѣмъ не менѣе и съ внутренней стороны высота наружныхъ стѣнъ храма была еще очень значительна и, сколько можно судить по высотѣ упиравшихся въ нее галлерей, доходила до 35 и болѣе локтей.

Такое представленіе о внѣшней стѣнѣ Иродова храма, выносимое изъ сочиненій Іосифа Флавія, не совсѣмъ мирится съ представленіемъ мишны, которая, хотя прямого описанія этихъ стѣнъ нигдѣ не дѣлаетъ, но въ одномъ случаѣ, при описаніи жертвы, предписанной Числ. гл. 19 и по преданію совершав-

шейся на горѣ Елеонской, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о стѣнахъ: „хотя всѣ стѣны ограды храма имѣли значительную высоту, но восточная стѣна не была такъ же высока, потому что, если бы она была доведена до высоты остальныхъ стѣнъ, она препятствовала бы священнику, приносившему Елеонскую жертву, смотрѣть на входъ храма во время кропленія кровью, какъ предписано Числ. 19 (Para, 3, 1; Midd. 3, 4). Впрочемъ Маймонидъ (Jad chazaka VIII, 6, 5) поправляетъ это преданіе въ томъ смыслѣ, что не вся восточная стѣна, а только ворота восточной стѣны были ниже остальной ограды и имѣли, вмѣстѣ съ возвышавшеюся надъ ними частію стѣны, только 20 локтей высоты. Другіе толкователи, на основаніи данной галахи, еще болѣе сокращали высоту этого пункта восточной стѣны, даже до 6 локтей (Othonis Lexicon rabbinico-philologicum, 736). Высоту 20 локтей или даже еще менѣе значительную предполагали въ восточной стѣнѣ или въ восточныхъ воротахъ собственно потому, что, по вычисленіямъ мишны, порогъ этихъ восточныхъ воротъ былъ ниже порога самаго храма по уровню грунта на 22 локтя. Поэтому священникъ, приносившій жертву на Елеонской горѣ, на горизонтальной линіи, идущей отъ порога храма, могъ видѣть весь порталъ храма только въ томъ случаѣ, если возвышавшаяся между нимъ и храмомъ стѣна ограды была ниже 22 локтей.—Мы не думаемъ, что Иродъ великій могъ допустить здѣсь такое нарушеніе симметріи, какое представляла бы восточная стѣна, вся или въ одной средней своей части, приниженная предъ другими частями ограды. Это прямо противорѣчитъ свидѣтельству Іосифа Флавія, что восточная стѣна, наблюдаемая съ наружной стороны, была наиболѣе высокою, а съ внутренней стороны не уступала

другимъ. Все приведенное свидѣтельство мишны есть не непосредственное наблюденіе надъ видомъ стѣнъ храма, а только искусственное толкованіе выраженія Числ. 19, 4 *противъ фронта святилища*, въ томъ смыслѣ, что здѣсь указывается уровень равный входу или порогу храма. Но никакъ нельзя допустить, чтобы изъ-за одного этого казуистическаго толкованія могло быть допущено требуемое мишною уродованіе и ослабленіе внѣшней стѣны. Мы уже приводили свидѣтельство Іосифа Флавія, что Иродъ, при передѣлкѣ храма, предоставилъ книжникамъ только внутренній дворъ, а внѣшній обдѣлывалъ самостоятельно, по руководству греческихъ и римскихъ архитекторовъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, фронтъ храма въ данномъ случаѣ заслонялся не только стѣною внѣшняго двора, но и стѣною внутренняго двора, стоявшею гораздо ближе къ храму, о пониженіи которой однако жъ мишна не заботится. По особенностямъ мѣстнаго грунта Елеонской горы, въ ея отношеніи къ горѣ Моріа, не нужно было никакого пониженія ни внутренней, ни тѣмъ болѣе внѣшней стѣны; слѣдовало только совершителю жертвы подняться по склону Елеонской горы на нѣсколько локтей выше. Ко всему этому нужно прибавить, что обрядъ жертвоприношенія, указаннаго въ 19-й главѣ Числъ, впослѣдствіи названнаго Елеонскою жертвою, совершался очень рѣдко: по вычисленію той же мишны, отъ Мойсея до разрушенія храма іерусалимскаго Титомъ этотъ обрядъ совершился только 9 разъ. Такимъ образомъ за все время существованія Иродова храма онъ былъ совершенъ только одинъ разъ. Какъ же можно было сообразоваться съ нимъ при устройствѣ храма?

Вдоль наружныхъ стѣнъ, служившихъ огражденіемъ всей площади храма, но съ внутренней ихъ стороны,

непрерывною линіею проходили галлереи, состоявшія на восточной, западной и сѣверной сторонахъ изъ двухъ пролетовъ или аллей, στοὰ διπλῆ, для двухъ теченій народа, взадъ и впередъ, הר בית סטיו כפול היה (Pes. 13, 2; Antiqu. XV, 11, 3; Bell. V, 5, 2) [1]. Аллеи или пролеты были образованы изъ колоннъ, мраморныхъ и монолитныхъ, 25 локтей высоты, расположенныхъ тремя рядами: средній рядъ колоннъ принадлежалъ тому и другому пролету, а третій или самый внутренній рядъ непосредственно примыкалъ къ стѣнѣ или оградѣ храма. При этомъ Іосифъ Флавій не указываетъ того, что наиболѣе интересно было бы знать объ этихъ колоннахъ, ихъ стиля или ордена, который въ постройкѣ Ирода несомнѣнно былъ однимъ изъ орденовъ, практиковавшихся у тогдашнихъ римскихъ архитекторовъ. Судя по значительной высотѣ этихъ колоннъ, 25 локтей, ихъ слѣдуетъ отнести къ коринѳскому ордену, любимому ордену Ирода, который (орденъ) Іосифъ опредѣленно указываетъ для колоннъ южной галлереи. Но графъ Вогюэ въ своемъ сочиненіи о храмѣ (Le Temple de Iérusalem, 53) считаетъ ихъ дорическими. Основаніемъ такого предположенія послужилъ для Вогюэ одинъ интересный остатокъ древняго карниза, найденный имъ случайно на площади іерусалимскаго храма, въ такъ называемомъ юго-восточномъ подземельи. Остатокъ принадлежалъ дорическому надстолбію, котораго архитравъ и фризъ состояли изъ цѣльнаго камня 1,07 метр., т. е. 2 еврейскихъ локтей высоты. Метопъ квадратный 0,50 метр. ширины и высоты; триглифъ 0,459 метр. ширины. Такимъ образомъ архитектурное звено, состоявшее изъ трехъ триглифовъ, было 2 метр. 88 сант. ширины, т. е. $5\frac{1}{2}$

[1] Подобный двухчастный видъ имѣли и всѣ почти ворота храма.

еврейскихъ локтей. Это было, слѣдовательно, и разстояніе между колоннами портиковъ отъ оси до оси. Прилагая къ этимъ даннымъ обыкновенныя пропорціи дорической колонны вѣка Августа, Вогюэ полагаетъ, что колонны іерусалимскихъ портиковъ должны были имѣть $1\frac{1}{2}$ локтя въ діаметрѣ, и высоты 12 локтей или же вмѣстѣ съ надстолбіемъ 15 локтей. Недостаетъ еще 10 локтей до требуемой Іосифомъ высоты. Они дополняются высотою крыши, которая здѣсь упиралась о наружную стѣну ограды и была односкатною. Разрѣзъ подобныхъ древнихъ крышъ обыкновенно представляетъ прямоугольный треугольникъ, высота котораго равна $\frac{1}{3}$ основанія. Такъ какъ въ данномъ случаѣ основаніемъ треугольника служитъ вся широта портика, т. е. 30 локтей, то высота крыши въ наибольшемъ поднятіи ея у стѣны будетъ 10 локтей. Такимъ образомъ вся высота портика будетъ 25 локтей, какъ полагаетъ Іосифъ". Это объясненіе Іосифа прежде намъ казалось основательнымъ. Но теперь, по болѣе внимательномъ изученіи сочиненій Іосифа, мы сомнѣваемся въ его правильности. Такъ какъ Іосифъ Флавій назначаетъ 25 локтей высоты не всему портику съ крышею, а только колоннамъ, державшимъ крышу, то очевидно Вогюэ произвольно сокращаетъ высоту колоннъ больше чѣмъ на половину, если показанную здѣсь цифру 25 локтей считать вообще умѣстною, какъ это дѣлаетъ Вогюэ. Но, углубляясь дальше въ свидѣтельства Іосифа о галлереяхъ храма, мы убѣждаемся, что эта цифра стоитъ здѣсь не на мѣстѣ. Дѣло объясняется снесеніемъ показанной высоты колоннъ восточной, сѣверной и западной галлерей съ высотою колоннъ южной галлереи, которая, по Іосифу, отличалась отъ всѣхъ другихъ великолѣпіемъ и высотою и называлась царскою.

Слѣдуетъ ожидать, что и колонны южной галлереи будутъ гораздо выше остальныхъ. Между тѣмъ въ описаніи Іосифа имъ назначается, совершенно неожиданно, высота гораздо меньшая, всего 27 футовъ или 18 локтей (Antiqu. XV, 11, з). Очевидная несообразность. Она еще болѣе усилится, если высоту колоннъ южной галлереи, 27 футовъ, соразмѣримъ съ тою толщиною, которую назначаетъ для нихъ Іосифъ: „толщина ихъ была такая, что три человѣка, взявшись руками, едва могли обхватить каждую изъ нихъ“. Если возьмемъ колонну 27 футовъ высоты, коринѳскаго ордена, къ которому Іосифъ ясно причисляетъ колонны южной галлереи, то въ діаметрѣ она будетъ имѣть едва 3 фута или 9 футовъ въ окружности, т. е. ее безъ всякаго труда обхватятъ руками два человѣка, и помощь третьяго будетъ совершенно ненужна. И такъ колоннамъ южной или царской галлереи Іосифъ Флавій даетъ высоту меньше надлежащей, а колоннамъ остальныхъ галлерей больше надлежащей. Вопросъ разрѣшится безъ затрудненій, если мы предположимъ здѣсь случайную перестановку высотъ въ сочиненіяхъ Іосифа и перенесемъ обратно колонны 27 футовъ высоты изъ южной галлереи въ остальныя, а колонны 25 локтей изъ другихъ галлерей въ южную. И такъ колонны восточной, сѣверной и западной галлерей имѣли 27 футовъ или 18 локтей высоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ реставрація галлерей по Вогюэ, расчитанная на 25 локтей высоты портика съ дорическими колоннами 12 локтей высоты. Да и нужно ли искать для восточной, сѣверной и западной галлерей другого ордена, отличнаго отъ коринѳскаго ордена южной галлереи, и если нужно, то какого именно? Въ остаткахъ золотыхъ воротъ, имѣвшихъ несомнѣнное отношеніе къ

восточной галлереѣ Ирода, нѣтъ ничего похожаго на дорическій орденъ, но есть колонны коринѳскія, а также другія колонны, но опять не дорическія, а приближающіяся къ іоническимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились на извѣстныхъ іерусалимскихъ памятникахъ Авессалома и Захаріи, кстати сказать стоящихъ весьма близко за восточною галлереею храма. Такимъ образомъ, на основаніи нынѣшнихъ золотыхъ воротъ если можно предполагать смѣшеніе орденовъ въ галлереяхъ Ирода, то только коринѳскаго съ іоническимъ, а не дорическимъ [1]. Что касается количества колоннъ въ галлереяхъ, то самъ Іосифъ Флавій зналъ точно только число южныхъ колоннъ. Опредѣлить же количество остальныхъ колоннъ на основаніи независимыхъ соображеній никто не можетъ съ увѣренностію по тому уже, что, какъ видно изъ расположенія колоннъ на памятникѣ Захаріи, изъ остатковъ Иродовой колоннады въ Севастіи, разстоянія между колоннами не были математически точными. Кромѣ того, вопросъ до крайности затрудняется здѣсь неустановившимися представленіями о самыхъ размѣрахъ площади и галлерей храма. Такъ какъ разстояніе между рядами колоннъ равнялось, по Іосифу, 15 локтямъ, то разстояніе между отдѣльными колоннами каждаго ряда приблизительно можно опредѣлять половиною этой суммы. — Кромѣ колоннъ, галлереи ничѣмъ не были закрыты со стороны площади храма, представляя собою, по талмудическому выраженію, подобіе міра (Baba bathra 25, 2). Внутренняя аллея, скрываясь за внѣшнею, имѣла больше прохлады; для отдохновенія приходящихъ здѣсь было сдѣлано

[1] Въ галилейскихъ синагогахъ, современныхъ Иродову храму и отчасти построенныхъ по подражанію ему, капители колоннъ обыкновенно или коринѳскія или іоническія (Rawlinson. St. Paul in Damascus and Arabia, p. 153).

приспособленіе въ видѣ каменнаго выступа или скамьи вдоль стѣны. Для освѣщенія внутренней части галлереи служили еще большія окна въ наружной стѣнѣ; ими пользовались и какъ амбразурами крѣпости, при нападеніи непріятеля (Bell. IV, 9, 12). Полъ въ галлереяхъ состоялъ изъ искусно подобранныхъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитокъ, λιθόστρωτος[1] (Bell. VI, 3, 2), сложенныхъ такъ плотно, что онѣ казались однимъ цѣльнымъ камнемъ (Арухъ). По всей вѣроятности онъ возвышался надъ уровнемъ прилегавшаго открытаго двора на двѣ или на три ступени. Крыша состояла изъ кедровыхъ балокъ. Такъ было выполнено Иродомъ древнее предписаніе о *трехъ рядахъ камней и одномъ рядѣ кедровъ* вокругъ двора храма! Все это, колонны съ своими капителями, крыша и полъ, по выраженію Іосифа, поражало величіемъ, чистотою отдѣлки и правильностію формъ. Но при этомъ самъ Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что величіе галлерей храма переходило въ строгую монотонность, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ нихъ картинъ живописи и скульптуры. И въ этомъ случаѣ Иродъ долженъ былъ уступить фарисеямъ, по ученію которыхъ заповѣдь Мойсея, запрещающая дѣлать изображенія, относящіяся къ идолослуженію, была понята въ широкомъ смыслѣ, какъ запрещеніе всякихъ произведеній живописи и скульптуры. Впрочемъ, украшеніями разсматриваемыхъ галлерей были развѣшенные здѣсь трофеи, въ разныя времена забранные евреями отъ иноплеменниковъ, и собственные трофеи Ирода, до-

[1] Греческимъ терминомъ лиѳостротосъ римляне обозначали всѣ виды мостовой, но преимущественно мостовую изъ мрамора. Другими терминами были: opus sectile—мощеніе разноцвѣтными правильными кусками; opus tesselatum—мощеніе разноцвѣтными кусками въ геометрически правильныхъ параллельныхъ линіяхъ; opus vermiculatum и opus musivum - мощеніе въ видѣ фигуръ, растеній и животныхъ; opus alexandrinum—мощеніе кубиками только двухъ цвѣтовъ, чернаго и бѣлаго.

бытые имъ въ недавней войнѣ его съ аравитянами (Antiqu. XV, 11, 3). Такимъ образомъ здѣсь образовалось нѣчто въ родѣ того національнаго музея, для котораго Пэнъ передѣлывалъ въ амфитеатръ самый корпусъ Соломонова храма. Кромѣ собственно еврейскихъ военныхъ трофеевъ, здѣсь хранились также добровольныя приношенія Богу Израилеву по разнымъ обстоятельствамъ со стороны язычниковъ, особенно же приношенія ex voto (См. Іосифъ Bell. 11, 17, 3). Одно изъ такихъ ex voto было найдено въ 1866 году, невдалекѣ отъ площади храма, не доходя до церкви св. Анны, въ видѣ ноги, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора съ греческою надписью: Πομπηΐα Λουκιλία ἀνέθηκεν, т. е.: *„Помпея Луцилія пожертвовала“*. Подобный родъ ex voto въ видѣ рукъ, ногъ, глазъ, сдѣланныхъ то изъ камня, то изъ металла, былъ весьма извѣстенъ въ римскую эпоху. Можно думать, что ex voto съ именемъ Помпеи Луциліи было внесено въ галлерею іерусалимскаго храма женою одного изъ римскихъ правителей въ Іерусалимѣ послѣ исцѣленія отъ болѣзни ногъ, приписаннаго храму или бывшей при храмѣ купели, такъ называемой овчей.

Изъ галлерей, окружавшихъ дворъ храма, Іосифъ Флавій (Antiqu. XV, 11, 5; Bell. VI, 5, 1—2) выдѣляетъ особенно южную галлерею, отличавшуюся отъ другихъ и имѣвшую болѣе сложное устройство. Тогда какъ другія галлереи состояли изъ трехъ рядовъ ко-

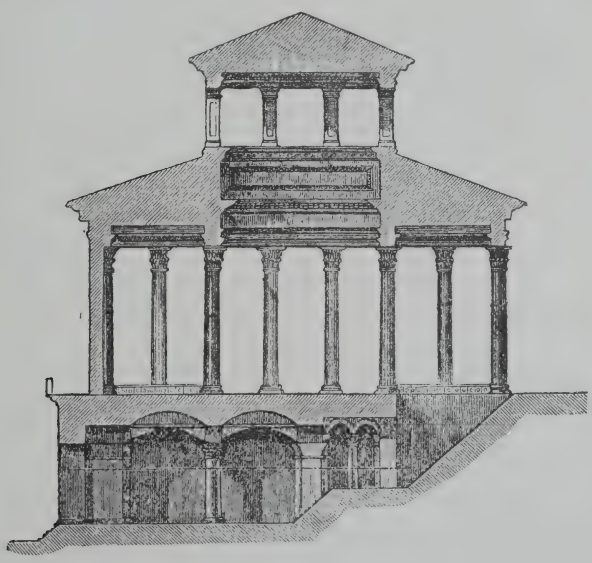
лоннъ и изъ двухъ аллей между ними, южная галлерея имѣла четыре ряда колоннъ и между ними три аллеи, наружную, среднюю и внутреннюю, соприкасавшуюся съ стѣною ограды. Широта наружной и внутренней аллеи была 30 футовъ (8 или 9 метровъ), а высота 50 футовъ; напротивъ средняя аллея была полтора раза шире и два раза выше. Іосифъ Флавій указываетъ количество колоннъ южной галлереи 162 и входитъ въ архитектурныя подробности ихъ вида. Каждая колонна имѣла въ окружности три человѣческихъ обхвата и 27 футовъ высоты, стояла на двойномъ пьедесталѣ (въ коринѳскомъ стилѣ, пьедесталы обыкновенно круглы) и украшалась коринѳскою капителью. Это описаніе колоннъ ставитъ въ недоумѣніе изслѣдователей, такъ какъ указанныя здѣсь отношенія толщины и высоты не соотвѣтствуютъ тому, что извѣстно о коринѳской капители. Графъ Вогюэ (стр. 53) выходитъ изъ затрудненія тѣмъ, что высотою колоннъ считаетъ высоту всей галлереи, т. е. 50 футовъ, совершенно игнорируя показанную Іосифомъ для колоннъ высоту 27 футовъ. Отсюда онъ выводитъ далѣе, что діаметръ колоннъ былъ 1 метр. 70 сантим., а разстояніе между колоннами 5 метр. 52 сантим. Но это превращеніе высоты всего сооруженія съ крышею въ высоту колоннъ такъ же произвольно, какъ и предшествующее обратное превращеніе имъ 25 локтей высоты колоннъ въ общую высоту постройки съ крышею. Мы уже говорили, что 27 футовъ есть высота колоннъ другихъ галлерей, а 25 локтей, поставленныя по ошибкѣ въ описаніи другихъ галлерей въ описаніи Іосифа, есть точная мѣра высоты колоннъ южныхъ. При 25 локтяхъ высоты (37 футовъ 6 дюймовъ), діаметръ колонны будетъ около 4-хъ футовъ; такой колонны двое не обхватятъ руками; потребуется

помощь третьяго. Колонны стояли четырьмя рядами, по 40 въ каждомъ ряду, итого 160 колоннъ. Лишнія двѣ колонны изъ числа 162 колоннъ, указанныхъ Іосифомъ, стояли не въ ряду колоннъ, можетъ быть, какъ думаютъ Фергюссонъ (The Temple, 81) и Шеггъ Bibl. Arch., 452) на выходѣ изъ галлереи въ прилегавшія ворота. Если признать за достовѣрное свидѣтельство Іосифа, что длина южной галлереи равнялась одной стадіи или 400 локтямъ, тогда разстояніе между колоннами въ рядахъ будетъ 10 локтей. Но такая мѣра длины галлереи не оправдывается размѣрами нынѣшней площади іерусалимскаго храма, южная сторона которой имѣетъ не 400 локтей или 600 футовъ, а 920 футовъ. Сообразуясь съ этою послѣднею мѣрою южной линіи четыреугольника храмовой площади, Шписсъ на своемъ планѣ (Das Jerusalem des Josephus). помѣщаетъ колонны на разстояніи между собою 23 футовъ. Но болѣе точнымъ показателемъ разстоянія между колоннами можетъ служить въ данномъ случаѣ широта подземной аллеи, нынѣ находящейся подъ мечетью Ель-Акса, а нѣкогда представлявшей подвальный этажъ южной галлереи Ирода. Эта подземная аллея состоитъ изъ двухъ параллельныхъ пролетовъ, раздѣляемыхъ огромными монолитными колоннами: широта всего подземелья 40 футовъ, а широта каждаго пролета до оси монолита 20 футовъ. Таково должно быть и разстояніе между колоннами, стоявшими въ верхней галлереѣ, потому что массивныя колонны южной галлереи Ирода не могли стоять на куполахъ подземелья, но должны были помѣщаться на линіи монолитовъ подземелья, а затѣмъ ближайшія къ нимъ — на восточной и западной стѣнѣ подземелья, т. е. во взаимномъ между собою разстояніи 20 фу-

товъ [1]. Разстояніе же колоннъ галлереи въ данномъ мѣстѣ нужно считать общею нормою разстоянія. Такимъ образомъ у насъ получается длина южной галлереи Ирода не 600 футовъ (одна стадія), а 800 футовъ. Правда, этимъ еще не наполняется вся нынѣ извѣстная южная линія храмовой площади. Но нужно замѣтить, что, по описанію Іосифа (Antiqu. XV, 11, 3), восточная галлерея распространялась во *всю длину* восточной ограды храма; такое же протяженіе должна была имѣть и параллельная ей западная галлерея. И такъ южная галлерея прекращалась не доходя до угловъ юго-западнаго и юго-восточнаго на разстояніе равное широтѣ галлерей восточной и западной, т. е. 30 локтей или 45 футовъ съ той и другой стороны. Получается 890 футовъ. Остальные 30 футовъ или 15 футовъ съ той и другой стороны требовались для образованія какого либо раздѣленія, можетъ быть даже цѣлой массивной стѣны съ лѣстницами наверхъ, между южною галлереею и обнимавшими ее продольными аллеями восточною и западною [2]. Мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ Фергюссона (The Temple of the Jews, 81, Pl. 11), что галлереи продольныхъ сторонъ восточной и западной и галлерея южная равно продолжались до самыхъ угловъ площади, проходили однѣ сквозь другія, образуя смѣшенные ряды колоннъ, подобные рядамъ, встрѣчающимся въ Баальбекѣ и Пальмирѣ. Такое сжатіе Иродовыхъ галлерей нужно было Фергюссону для оправданія его особен-

[1] Если 20 футовъ было разстояніе отъ оси до оси колонны, то дѣйствительные промежутки между колоннами были, при данной толщинѣ колоннъ, 16 футовъ, т. е. равнялись 4-мъ діаметрамъ колонны.— [2] Такъ какъ южная галлерея Ирода имѣла видъ римской базилики изъ трехъ нефовъ, то на концахъ ея съ той и другой стороны могли быть еще особенныя закругленія или абсиды, подобныя двумъ абсидамъ на противоположныхъ концахъ Траяновой базилики въ Римѣ.

ной теоріи о мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма на нынѣшней площади этого имени. Ниже мы надѣемся доказать подробно, что опредѣленіе размѣровъ площади ветхозавѣтнаго храма и его ограды круглою мѣрою одной стадіи, неоднократно повторяющееся у Іосифа Флавія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято. Наконецъ, что касается высоты средняго пролета южной галлереи, вдвое превосходившей высоту окружавшихъ ее пролетовъ и дававшей всему портику видъ римской базилики, то она образовалась тѣмъ, что къ архитравамъ колоннъ присоединялась еще такъ называемая лобная стѣна, προμετωπίδιος τοῖχος, со вторымъ ярусомъ колоннъ, какъ въ храмахъ Олимпа и Пестума, или пилястровъ, такъ называемыя въ римскихъ постройкахъ attica. Во всякомъ случаѣ Іосифъ Флавій преувеличиваетъ ея высоту, опредѣляя ее равною нижнему этажу; она могла быть только половинная. Вотъ разрѣзъ южной галлереи по Фергюссону [1].



[1] Замѣчательно, что въ мишнѣ (Middoth), между преданіями книжниковъ о храмѣ Ирода, галлереи вокругъ внѣшняго двора храма, построенныя идумеяниномъ Иродомъ, не описываются.

*

Портики или галлереи, окружавшіе площадь храма съ восточной, южной, сѣверной и западной сторонъ, имѣли разныя названія и назначенія. По новозавѣтнымъ свидѣтельствамъ, восточный портикъ назывался притворомъ Соломона, στοὰ Σολομῶνος, и наиболѣе часто былъ мѣстомъ ученія и проповѣди для народныхъ учителей (Іоанн. 10, 23; Дѣян. 3, 11, 5, 12); онъ былъ также мѣстомъ отдохновенія для приходящихъ въ храмъ богомольцевъ. Хотя мишна и Іосифъ Флавій не называютъ его прямо Соломоновымъ портикомъ, но Іосифъ Флавій, говоря о восточномъ портикѣ, στοὰ ἀνατολική, прибавляетъ, что онъ былъ дѣломъ Соломона (Antiqu. XX, 9, 7), разумѣя подъ этимъ, конечно, не колоннаду портика, которая и здѣсь была построена Иродомъ, а восточную стѣну двора, къ которой примыкалъ портикъ. Доказательствомъ особеннаго вниманія народа къ восточному портику, носившему имя древняго царя, можетъ служить тотъ фактъ, что при Агриппѣ II, когда уже всѣ работы по передѣлкѣ храма были окончены, народъ обращается къ царю съ просьбою о новомъ возобновленіи одного восточнаго портика, на что царь отвѣчалъ отказомъ, устрашенный огромными расходами, какихъ должна была потребовать новая передѣлка портика (Antiqu. XX, 9, 7). Вѣроятно здѣсь имѣлось въ виду возобновленіе восточнаго портика въ томъ видѣ, какой имѣлъ южный портикъ. По мнѣнію Пайллу (Monographie du temple de Salomon, 370), евангельскій „портикъ Соломона“ нужно полагать на восточной сторонѣ не самаго внѣшняго двора храма, а слѣдующаго, болѣе внутренняго, двора, потому что: *а)* книжники и фарисеи, равно какъ и Іисусъ Христосъ съ своими учениками, не могли избирать для бесѣдъ и совѣщаній такое мѣсто, которое постоянно осквернялось присутствіемъ язычниковъ и нечистыхъ

изъ среды израильтянъ; *б)* Іосифъ Флавій, описавъ ограду внѣшняго двора языковъ, какъ окружавшую совнѣ всю эспланаду храма, прибавляетъ: „внутри (двора языковъ) вершина эспланады была окружена другою стѣною каменною, восточная сторона которой во всю длину имѣла двойной портикъ, украшенный *первыми* царями и прежде всего Соломономъ. Это и есть евангельскій портикъ Соломона, лежавшій во второмъ дворѣ, какъ это видно и изъ описанія дворовъ Іезекіиля". Въ этомъ тенденціозномъ толкованіи Пайллу нѣтъ ничего твердаго и основательнаго. Самый внѣшній дворъ храма всетаки былъ священнымъ мѣстомъ и его не имѣли повода бояться люди, заботившіеся о сохраненіи чистоты и святости. Съ другой стороны, Пайллу совершенно произвольно отождествляетъ восточный портикъ Іосифа Флавія съ восточнымъ портикомъ Іезекіиля, бывшимъ во внутреннемъ дворѣ израильтянъ. Портикъ Іосифа имѣетъ двѣ аллеи, а портикъ Іезекіиля, въ реставраціи самого Пайллу, имѣетъ три аллеи. Вообще толкованіе Пайллу не только не опирается на Іосифѣ, но и совершенно уничтожаетъ все его описаніе.

Южный портикъ называется у Іосифа Флавія царскимъ портикомъ, στοὰ βασιλική, какъ назывался тотъ портикъ въ Аѳинахъ, отъ котораго получили происхожденіе и названіе римскія базилики. Στοὰ βασιλικὴ или βασίλειος στοὰ въ Аѳинахъ была построена, какъ видно изъ свидѣтельствъ Еліана и Геродота, около 446 года до Р. Хр., и, по изслѣдованію Цестермана, находилась на южной сторонѣ аѳинской площади или форума, фронтомъ своимъ была обращена къ сѣверу, а западною стороною примыкала къ городской улицѣ, шедшей по направленію къ Илиссу. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію іерусалимской στοὰ βασιλική. И она

лежала на южной сторонѣ большой общественной площади, окружавшей храмъ, принадлежавшей какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ; и она своимъ фронтомъ обращена на сѣверъ, а западною стороною непосредственно соприкасалась съ мостомъ и городскою улицею. Далѣе, о способѣ постройки στοὰ βασιλικὴ въ Аѳинахъ изслѣдователи утверждаютъ, что она представляла длинный четыреугольникъ, рядами колоннъ дѣлилась на нѣсколько продольныхъ аллей или нефовъ, изъ которыхъ средній былъ выше боковыхъ. Имѣла ли она стѣны со всѣхъ сторонъ, неизвѣстно. Наиболѣе вѣроятнымъ считаютъ то предположеніе, что стѣны обнимали только одинъ ея конецъ, нѣчто въ родѣ абсиды. Во всякомъ случаѣ стѣны не составляютъ необходимой принадлежности этого рода построекъ. Сличая это описаніе аѳинскаго портика съ вышеприведеннымъ описаніемъ южнаго портика Ирода, мы не можемъ указать между ними существеннаго различія. Остается предположить, что и въ назначеніи ихъ было нѣчто общее. Аѳинская βασιλέως στοὰ назначалась для должностныхъ отправленій архонта-василевса и собраній членовъ ареопага. Обязанности архонта состояли въ томъ, чтобы заботиться о мистеріяхъ, о жертвахъ предкамъ, о празднествахъ въ честь Вакха, о факельныхъ шествіяхъ; на его обязанности лежало судить по обвиненіямъ въ безбожіи, разбирать споры и тяжбы, возникавшіе въ средѣ жрецовъ. Всѣ эти дѣла разбирались въ βασιλέως στοά. Необходимыми принадлежностями аѳинской στοὰ βασιλικὴ были: каѳедра для предсѣдателя, мѣста для участвовавшихъ въ разбирательствахъ дѣла, скамьи для присяжныхъ и алтарь для присяги. Чѣмъ же могла быть στοὰ βασιλικὴ при іерусалимскомъ храмѣ? Она не могла быть портикомъ суда, потому что для послѣдняго существовало при

храмѣ другое мѣсто. Чрезвычайно вѣроятно, что это была синагога, обстановка которой у древнихъ евреевъ имѣла много общаго съ указанною сейчасъ обстановкою аѳинскаго судилища. Каѳедра для президента (ἄρχων) и скамьи для общества, вотъ всѣ потребности внутренняго устройства синагоги. Вмѣсто языческаго жертвенника здѣсь была урна для храненія священныхъ книгъ. Что синагоги, въ огромномъ количествѣ распространявшіяся тогда въ Палестинѣ, были въ Іерусалимѣ, не только въ городѣ (всего въ Іерусалимѣ насчитывали 480 синагогъ), но и въ оградѣ самаго храма, это ясно удостовѣряетъ іудейское преданіе (Раши на Іома VII, 1). Въ разныхъ мѣстахъ мишны встрѣчаются указанія на молитвословія внѣшняго двора храма, отличныя отъ молитвословій внутренняго двора, соединенныхъ съ жертвоприношеніями (Tamid, V, 1; Pesachim, V, 6). Особенно ясное указаніе по этому поводу даетъ мишна въ описаніи чтеній закона и жертвоприношеній дня Очищенія. По Іома, VII, 1, чтенія изъ пятокнижія на этотъ день (Лев. глл. 17 и 18: Числ. 29, 7–11) и жертвоприношеніе дня совершались въ храмѣ одно послѣ другого, но разстояніе между мѣстомъ чтенія закона и мѣстомъ жертвоприношеній было такъ значительно, что видѣвшій церемонію чтенія закона не могъ уже видѣть церемоніи жертвоприношенія, потому что, по причинѣ многолюдства, нельзя было, занявъ сначала мѣсто въ одномъ отдѣленіи храма, перейти затѣмъ въ другое. Но такъ какъ жертвоприношеніе необходимо совершалось во внутреннемъ дворѣ храма, то отдаленнымъ мѣстомъ чтенія закона могло быть только пространство внѣшняго двора. Кромѣ того, упомянутая мишна, въ описаніи обряда чтенія закона, ясно указываетъ на обстановку синагоги: вмѣсто священниковъ

и левитовъ, здѣсь фигурируютъ хазанъ (смотритель синагоги) и архисинагогосъ; хазанъ беретъ свитокъ закона изъ синагогальнаго шкапа и передаетъ начальнику синагоги, а начальникъ синагоги первосвященнику. Безъ сомнѣнія, все это происходитъ въ синагогѣ. И такъ синагога была во внѣшнемъ дворѣ Иродова храма. Остается рѣшить вопросъ: въ какомъ именно портикѣ двора? Лучшаго мѣста, чѣмъ галлерея - базилика на южной сторонѣ двора, нельзя указать. Только южную, наиболѣе отдаленную отъ храма, галлерею Іосифъ Флавій выдѣляетъ изъ ряда другихъ, какъ независимое сооруженіе, хотя и не указываетъ прямо его назначенія, предполагая его извѣстнымъ. Къ этому нужно прибавить, что и главная александрійская синагога также называется въ преданіи *базиликою великою* съ длинными рядами колоннъ; она была такъ велика, что въ ней могло вмѣщаться столько евреевъ, сколько ихъ вышло изъ Египта при Мойсеѣ (Succa; 51, 2. Іерус. 55, 1). Тоже можно сказать и о στοὰ βασιλική. И такъ στοὰ βασιλική, построенная Иродомъ, для насъ есть великая іерусалимская синагога. Эту синагогу освятилъ Іисусъ Христосъ, еще двѣнадцатилѣтній отрокъ, своею первою проповѣдью, на праздникѣ Пасхи (Лук. 2, 46). Карпцовъ (Apparatus historico-criticus, 293) и Винше (Neue Beiträge zur Erläuterung der Evangelien, 420), на основаніи евангельскаго свидѣтельства, что отрокъ Іисусъ сидѣлъ здѣсь среди учителей, слушалъ ихъ, давалъ вопросы и возбуждалъ удивленіе присутствовавшихъ своими отвѣтами, полагаютъ, что при храмѣ была не синагога, а школа для дѣтей (beth hamidrasch), каковыхъ школъ въ Іерусалимѣ времени Ирода насчитывали не менѣе 394. Но религіозный диспутъ, о которомъ говорится въ приведенномъ евангельскомъ свидѣтельствѣ,

не умѣстенъ въ школѣ для дѣтей. Отрокъ Іисусъ, по Лук. 2, 46—47, велъ не дѣтскую бесѣду. И впослѣдствіи Христосъ и апостолы мѣстомъ своей проповѣди избирали главнымъ образомъ синагоги.

Наконецъ сѣверный и западный портикъ двора Ирода могли назваться военными портиками, такъ какъ они имѣли непосредственную связь съ крѣпостью Антонія, которая лежала на углу встрѣчи этихъ двухъ портиковъ. Уже при первомъ храмѣ былъ домъ храмовой полиціи въ сѣверной части площади храма (Іерем. 20, 2). Его заново обстраиваютъ и дѣлаютъ своею резиденціею Симонъ Маккавей и особенно сынъ его Гирканъ (Antiqu. XV, 11, 4). Особенно же этотъ пунктъ былъ украшенъ и укрѣпленъ при передѣлкѣ храма Иродомъ, который назвалъ его, въ честь своего римскаго покровителя, башнею Антонія. По описанію Іосифа Флавія, мѣсто на сѣверо-западномъ углу площади храма было выбрано для крѣпости потому, что здѣсь было натуральное возвышеніе скалистаго грунта горы храма, около 50 локтей, почти отвѣсное и недоступное. При постройкѣ Иродова храма, это естественное возвышеніе было выровнено и все обложено гладкими мраморными плитами, такъ что взойти на него, помимо лѣстницъ, было невозможно. Самая крѣпость состояла изъ массивнаго четыреугольника стѣнъ съ наблюдательными башнями по угламъ. Внутри этого четыреугольника былъ цѣлый маленькій городокъ: здѣсь были царскіе аппартаменты, казармы, тюрьма, бани и проч. Нѣкоторые изслѣдователи (Портеръ, Робинсонъ) полагали, что крѣпость Антонія при Иродѣ была такъ расширена, что занимала весь сѣверный фронтъ площади храма отъ угла до угла. Но это рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ Іосифа, что башня Антонія была именно на углу, гдѣ должны

были встрѣчаться сѣверная и западная галлереи двора (Bell. V, 5, 8), а также неоднократными разграниченіями у Іосифа башни Антонія и сѣверной части стѣны храма. Представляя, такимъ образомъ, четыреугольникъ, прикрѣпленный къ углу четыреугольной площади храма, крѣпость Антонія нарушала правильность линій внѣшней ограды храма, выступая изъ плоскости храмовой стѣны на сѣверъ и западъ и, съ другой стороны, врѣзываясь въ самую площадь и прерывая линіи галлерей. Народъ увѣрили, что такое нарушеніе правильныхъ линій храма необходимо, потому что гдѣ-то въ священныхъ книгахъ сказано, что святилище перейдетъ въ руки враговъ, когда наружныя линіи его четыреугольника не будутъ нарушаться внѣшнимъ прибавленіемъ (Bell. VI, 5, 4). Въ башнѣ Антонія, по проискамъ іудеевъ, былъ заключенъ апостолъ Павелъ и, стоя на лѣстницѣ, приводившей въ башню съ площади храма, говорилъ рѣчь народу (Дѣян. 21, 35, 40). Здѣсь же содержался въ узахъ другой первоверховный апостолъ, которому ангелъ отворилъ желѣзныя двери башни (Дѣян. 12, 10). Наконецъ здѣсь была та преторія, въ которой Пилатъ судилъ Іисуса Христа (Іоанн. 18, 28). Хотя это мѣсто было очень близко къ святилищу и даже непосредственно выходило на площадь храма, но такъ какъ оно было обитаемо римлянами, то іудейскіе книжники считали его нечистымъ и, какъ говоритъ евангелистъ, „ни внидоша въ преторъ, вслѣдъ за Іисусомъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху“ [1]. Впрочемъ, въ преторіи не было бы и мѣста для всей толпы, собравшейся лжесвидѣтельствовать на Іисуса. А потому Пилатъ, допросивъ Узника

[1] Домъ язычника осквернялъ вступившаго въ него іудея на семь дней (Мишна, Oholoth, XVIII, 6—7; Naziv VII, 3).

БАШНЯ АНТОНІЯ.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

внутри преторіи, выводитъ его къ народу на площадку надъ лѣстницею, соединявшею храмъ съ Антоніею, выложенную такъ же, какъ и полъ въ галлереяхъ храма, мраморными плитами (Іоанн. 19, 13). Эта площадка была нарочно сдѣлана римскими правителями для подобныхъ случаевъ общенароднаго суда; здѣсь можно было чувствовать себя въ безопасности, такъ какъ внизу лѣстница заграждалась рѣшеткою и желѣзною дверью, служившею раздѣленіемъ между правителемъ и народомъ (см. нашу статью: „по вопросу о раскопкахъ 1883 года на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ“ въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. II, вып. третій, 1887, стр. 243). За исключеніемъ подобныхъ случаевъ народныхъ движеній, народъ вообще избѣгалъ приближаться къ башнѣ Антонія, и прилегавшія къ ней галлереи, западная и сѣверная, были всегда менѣе людны, чѣмъ восточная и южная. По временамъ здѣсь ставились военные патрули для наблюденія за народнымъ движеніемъ, особенно въ дни большихъ праздниковъ (Antiqu. XX, 5. 3; XX, 8, 11; Bell. II, 12, 1; II, 15, 6; II, 16, 5; II, 17, 1; IV, 4, 6; V, 5, 8; VI, 2, 9).

Пайллу (Monographie. 370), составившій себѣ свой взглядъ на внѣшній дворъ храма, считаетъ невозможнымъ, чтобы онъ имѣлъ такіе значительные портики, превосходящіе величіемъ внутренній дворъ храма. „Особенно невозможно, по его мнѣнію, представленіе во внѣшнемъ дворѣ южной галлереи. Изъ того уже, что Іосифъ Флавій южную галлерею считаетъ болѣе широкою, чѣмъ остальныя, видно, что онъ смѣшиваетъ галлереи двухъ различныхъ дворовъ; на самомъ же дѣлѣ южная галлерея, στοὰ βασιλική, принадлежала внутреннему двору израильтянъ, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ

мѣру стадіи, тогда какъ южная линія внѣшняго двора была гораздо длиннѣе".—Но въ сочиненіяхъ Іосифа южная галлерея слишкомъ ясно ставится въ связь съ галлереями внѣшняго, а не внутренняго двора, и мѣра одной стадіи есть именно та мѣра, которую Іосифъ даетъ наружной оградѣ внѣшняго двора. Что же касается того дѣйствительно ненормальнаго обстоятельства, что внѣшній дворъ храма Ирода имѣлъ болѣе изящныя и величественныя галлереи, чѣмъ внутренній, то оно вполнѣ удовлетворительно объясняется исторіею созданія этого храма: недопущенный книжниками во внутренній дворъ храма, Иродъ излилъ все свое богатство и искусство на отдѣлку внѣшняго двора, имѣя въ виду то, что и его друзья—римляне также могли посѣщать только этотъ дворъ храма. Это доказательство изъ исторіи сооруженія храма должно имѣть особенное значеніе для Пайллу. Напрасно Пайллу продолжаетъ стоять на томъ, что храмъ въ реставраціи Ирода ничѣмъ не отличался отъ храма Соломонова и его дворовъ. Особенно внѣшній дворъ теперь совершенно перемѣнилъ свой видъ. Не осталось и слѣда тѣхъ трехъэтажныхъ жилыхъ зданій, которыя въ первомъ храмѣ стояли почти по всей линіи дворовъ. Древнее выраженіе о дворѣ храма: *три ряда камней и одинъ рядъ кедровъ* получило совершенно другое толкованіе теперь, подъ греко-римскимъ вліяніемъ.

Со всѣхъ четырехъ сторонъ внѣшней ограды галлереи пересѣкались воротами и соединенными съ ними приворотными постройками. Вообще въ реставраціяхъ древнихъ построекъ и городовъ ворота рѣдко перемѣняютъ свои традиціонныя мѣста. И въ послѣдней фазѣ іерусалимскаго храма мы застаемъ ворота на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были поставлены Соломономъ, за

исключеніемъ только одной западной стороны, обращенной къ городу, гдѣ, соотвѣтственно увеличившемуся числу жителей, потребовалось увеличить число воротъ въ оградѣ храма. Іосифъ Флавій (Antiqu. XX, 5, 3) называетъ вообще ворота внѣшняго двора *тѣсными;* но это выраженіе нужно понимать въ относительномъ смыслѣ тѣсноты, ощущавшейся при движеніяхъ большихъ массъ войска и народа. Обыкновенному же своему назначенію ворота храма, имѣвшія, по преданію (Iak chazaka VIII, 5, 5), 10 локтей широты и 20 высоты, съ избыткомъ удовлетворяли. Можетъ быть Іосифъ имѣетъ въ виду не столько узкость проходовъ воротъ, сколько нѣкоторую затруднительность связанныхъ съ воротами проходовъ, такъ какъ, вслѣдствіе окружавшихъ площадь храма со всѣхъ сторонъ глубокихъ оврагов, съ воротами имѣли связь туннели, мосты, подъемы по лѣстницамъ и насыпямъ. Любопытно, что Іосифъ, презрительно отозвавшись о воротахъ, что они были тѣсны, не считаетъ ихъ затѣмъ заслуживающими вниманія и описанія. Въ своемъ главномъ описаніи Иродова храма (Bell. Jud. V, 5) Іосифъ ничего не говоритъ о внѣшнихъ воротахъ святилища. Въ описаніи же Иродова храма (Antiqu. XV, 11) Іосифъ даетъ опредѣленное указаніе только о западныхъ воротахъ, о южныхъ говоритъ неопредѣленно, а о восточныхъ и сѣверныхъ умалчиваетъ [1]. То, что есть у Іосифа касательно внѣшнихъ воротъ храма, не вполнѣ согласно съ свидѣтельствами мишны. Впрочемъ разногласія ихъ легко устраняются съ одной стороны тѣмъ, что намъ уже извѣстно о по-

[1] Въ русскомъ переводѣ Древностей Іосифа XX, 9, 7 есть рѣчь о *восточныхъ воротахъ* наружной стѣны Но это – ошибка, перенесенная съ латинскаго перевода. Въ греческомъ: ἀνατολικὴν στοάν, восточная галлерея или портикъ.

рядкѣ воротъ перваго храма, а съ другой стороны сохранившимися донынѣ остатками почти всѣхъ воротъ Иродова храма.

Такъ какъ главная и наиболѣе внушительная сторона ограды храма была восточная и такъ какъ фронтъ самаго храма, подобно скиніи и Соломонову храму, былъ обращенъ на востокъ, то и восточныя ворота въ оградѣ храма нужно считать важнѣйшими. Мишна (Middoth, 1, 3) предполагаетъ въ восточной стѣнѣ ограды одни ворота, съ именемъ восточныхъ воротъ. Такое названіе воротъ, само по себѣ уже почетное по древнееврейскому представленію, сопровождалось еще другимъ почетнымъ названіемъ ихъ Красными воротами, πύλη λεγομένη ὡραία (Дѣян. 3, 2, 10). Впослѣдствіи ихъ называли также золотыми воротами, чрезъ смѣшеніе греческаго слова ωραία съ латинскимъ aurea. Нѣкоторые изслѣдователи подъ новозавѣтными Красными воротами разумѣли ворота внутренняго двора, не считая возможнымъ существованіе во внѣшней оградѣ воротъ такого значенія и имени (Фергюссонъ, Вогюэ и друг.). Но мы уже знаемъ, что именно внѣшній дворъ Иродова храма былъ богаче внутренняго. И изъ хода разсказа Дѣян. гл. 3 объ исцѣленіи апостоломъ Петромъ хромаго у Красныхъ воротъ храма видно, что это были ворота наружной ограды. Когда исцѣленный апостоломъ у Красныхъ воротъ хромой вошелъ затѣмъ, вслѣдъ за апостоломъ, во храмъ, то тогда только онъ достигъ притвора Соломонова, бывшаго во внѣшнемъ дворѣ храма. Это значитъ, что исцѣленіе совершилось не только у внѣшнихъ воротъ, но и на передней наружной ихъ сторонѣ, вѣроятно на лѣстницѣ, приводившей къ воротамъ съ Кедрской долины. Третьимъ названіемъ тѣхъ же восточныхъ воротъ были ворота Шушанъ или Сузы по имени

персидскаго города, крѣпость котораго, הבירה, была изображена здѣсь въ рельефѣ [1]. Изъ приведеннаго свидѣтельства кн. Дѣян. о безпрепятственномъ прохожденіи Красными воротами храма открывается ошибочность предположенія, устраняемаго справедливо Ганебергомъ (Die relig. Alterthümer der Bibel, 270), что разсматриваемыя восточныя ворота всегда были заперты или даже задѣланы, какъ нынѣшнія магометанскія Золотыя ворота. Дѣйствительно, было нѣчто, намекающее на такое таинственное значеніе Красныхъ воротъ. Іосифъ Флавій вовсе о нихъ не упоминаетъ, какъ будто ихъ вовсе не было. Пророкъ Іезекіиль (44, 1–2) говоритъ о затворенныхъ восточныхъ воротахъ. Но вѣроятно здѣсь разумѣется то, что восточныя ворота, какъ обращенныя къ незаселенной мѣстности, отворялись рѣдко, только въ большіе праздники, или же то, что былъ закрытъ главный пролетъ воротъ, а для пользованія народа оставленъ только боковой ходъ съ притвора (44, 3).— Преданіе прибавляетъ, что вверху надъ восточными воротами была особенная камера для собраній низшаго или малаго синедріона, называвшаяся камерою локтя; здѣсь была прибита къ стѣнѣ модель еврейскаго локтя, подобно тому какъ при Веспасіанѣ римскій конгій былъ прибитъ въ Капитоліи.

Послѣ восточныхъ воротъ внѣшней ограды храма, наиболѣе важными были южныя ворота. Мишна (Middoth, 1, 3) даже ставитъ ихъ на первомъ мѣстѣ. Такъ какъ, по свидѣтельству названнаго источника, воротъ на югѣ было двое, т. е. столько же, сколько

[1] Такъ какъ на персидскомъ языкѣ слово Сузы означаетъ *городъ коней*, то нѣкоторые предполагали на восточныхъ воротахъ іерусалимскаго храма персидскихъ коней солнца, каковые въ настоящее время находятся на портикѣ собора св. Марка въ Венеціи.

ихъ было здѣсь въ первомъ храмѣ, то, конечно, это были реставрированныя тѣ же древнія ворота Соломона. По тому же свидѣтельству мишны, южныя ворота имѣли видъ שערי חולדה, т. е. воротъ Хульда, *туннеля*, воротъ съ подземнымъ ходомъ (см. о такомъ значеніи слова Хульда у Levy. Neuhebr. Lexikon über die Talmudim, 2, 54). Южныя ворота открывались не въ στοὰ βασιλική, но въ подземные проходы, бывшіе подъ στοὰ βασιλικὴ и служившіе для поднятія и выравненія площади храма съ юга. Послѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ передѣлокъ, эти ворота сохранились донынѣ и называются одни двойными, какъ состоящія изъ двухъ пролетовъ, а другія тройными — изъ трехъ пролетовъ. Далѣе, въ спеціальной главѣ о нынѣшней площади іерусалимскаго храма, мы укажемъ нынѣшній видъ и составныя части этихъ подземелій и воротъ. Ихъ основные камни, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ Соломонову храму. И Ироду, который подъ именемъ народнаго святилища строилъ городскую крѣпость, не могла не нравиться идея такихъ воротъ, открывающихся въ туннели, такъ какъ въ случаяхъ нападенія ихъ очень легко было сдѣлать неприступными, заваливъ туннель камнями. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ видѣ, какой получили южныя ворота въ реставраціи Ирода, слѣдовало бы ожидать отъ Іосифа Флавія, который, какъ мы уже знаемъ, гордился предъ римлянами въ особенности южною стѣною и южнымъ портикомъ; но, къ удивленію, о такихъ замѣчательныхъ воротахъ Іосифъ дѣлаетъ только одно небрежное замѣчаніе, что на югѣ ворота были κατὰ μέσον, по срединѣ стѣны (Antiqu. XV, 11, 5). Нельзя не удивляться, послѣ всего сказаннаго, и предположенію Гретца, что южныя ворота открывались въ самую царскую галлерею, στοᾶ

βασιλική (Monatsschrift für Geschichte des Judenthums. 1876, November). Утверждать это значитъ не имѣть никакого представленія о дѣйствительной, сохранившейся донынѣ, площади храма.

За то Іосифъ Флавій гораздо яснѣе, чѣмъ мишна, изображаетъ ворота на западной сторонѣ Иродова храма. Повидимому, даже его свидѣтельство противорѣчитъ мишнѣ. Тогда какъ мишна указываетъ здѣсь одни ворота קופונוס, Копоносъ, Іосифъ Флавій насчитываетъ здѣсь 4 воротъ съ различнымъ назначеніемъ: одни были царскими, двое другихъ были въ пользованіи предмѣстья и четвертыя ворота въ пользованіи города (Antiqu. XV, 11, 5). Мы не представляемъ себѣ возможности согласиться съ знаменитымъ историкомъ іудейства, Гретцемъ (Monatsschrift 1876, 440), что Іосифъ въ приведенномъ свидѣтельствѣ указалъ ворота, никогда не существовавшія, и что въ дѣйствительности въ западной стѣнѣ ограды храма были только одни ворота, указываемыя мишною. Если уже Соломоновъ храмъ имѣлъ двое воротъ на западной сторонѣ, то тѣмъ болѣе Иродовъ храмъ не могъ ограничиваться одними воротами въ сторонѣ, непосредственно обращенной къ городу. Далѣе, изъ того названія, которое мишна даетъ своимъ западнымъ воротамъ, мы имѣемъ полное право заключать, что это были одни изъ многихъ воротъ. Названіе *Копоносъ* имѣетъ много различныхъ толкованій у еврейскихъ ученыхъ, усиливающихся открыть въ немъ еврейскій корень (см. Ligtfooti Opera omnia, t. I, p. 559). Самъ Гретцъ (loco citato) сопоставляетъ слово Копоносъ съ упоминаемою 1 Макк. 12, 37 постройкою χαθανεθά. Слишкомъ слабое созвучіе! У талмудистовъ ворота Копоносъ получаютъ совершенно фантастическій видъ: они прозрачны, сдѣланы изъ зеленаго кристалла и открываются въ садъ, раз-

веденный на западной сторонѣ храма при Іосіи (Kolbe, Archäologische Beschreibung Jerusalem's, 19). По нашему личному мнѣнію, Копоносъ есть чисто латинское слово *сорона* или *саирона;* ворота Копоносъ, קופונות, суть *ворота гостинницъ* [1]. Совершенно естественно, что при іерусалимскомъ храмѣ, вокругъ котораго собиралось все царство, было много гостинницъ для приходившихъ богомольцевъ, по всей вѣроятности цѣлый кварталъ въ прилегавшей части города. Совершенно естественно, что по ихъ имени назывались и бывшія по близости ворота, по преимуществу служившія для приходившихъ богомольцевъ и обращенныя къ кварталу гостинницъ [2]. Но, съ другой стороны, было бы совершенно неестественно, чтобы такъ назывались единственныя ворота западной стороны, которыя тогда должны были бы служить не только гостямъ, помѣщавшимся въ гостинницахъ, но главнымъ образомъ постояннымъ городскимъ жителямъ, начиная отъ царя. Такимъ образомъ свидѣтельство мишны не только не исключаетъ свидѣтельства Іосифа, но и прямо отсылаетъ къ нему для дальнѣйшаго разъясненія системы западныхъ воротъ. По Іосифу, главными западными воротами были, какъ и слѣдовало ожидать, не ворота гостинницъ, но ворота царскія, выходившія изъ южнаго портика или синагоги храма. Особенностію этихъ воротъ было то, что они соединялись не съ туннелями и лѣстницами, какъ другія ворота внѣшней стѣны храма, но съ боль-

[1] Латинское слово женскаго рода получило только еврейское окончаніе женскаго рода множ. числа. Возможность названія воротъ храма латинскимъ словомъ удостовѣряется тѣмъ, что въ томъ же храмѣ, какъ мы увидимъ, были латинскія надписи.—[2] Ворота Копоносъ, упоминаемыя въ мишнѣ, называетъ воротами богомольцевъ по преимуществу и Барклей (The Talmud with plan of the Tempel, 367), хотя самое слово Копоносъ производитъ иначе.

шимъ мостомъ, перекинутымъ чрезъ прилегавшее къ западной стѣнѣ храма ущелье Тиропеонъ и соединявшимъ храмъ съ дворцомъ Асмонеевъ и Ксистомъ — площадью народныхъ собраній (Ant. XV, 11, 5; Bell. VI, 3, 2, VI, 6, 2. II, 16, 3). Надъ этими воротами и мостомъ Іоаннъ Гискала построилъ одну изъ своихъ защитительныхъ башенъ противъ Симона, который, съ своей стороны, на противоположномъ концѣ моста, воздвигъ свою отвѣтную башню (Bell. IV, 9, 12 и VI, 8, 1). Мостъ царскихъ воротъ былъ только реставрированъ Иродомъ; на этомъ мѣстѣ онъ существовалъ до Помпея, при которомъ его разрушили приверженцы Аристовула (Antiqu. XIV, 4, 2). Новѣйшія раскопки на этомъ мѣстѣ обнаружили, что мостъ существовалъ здѣсь и при Соломоновомъ храмѣ, хотя о немъ не упоминается, и вообще слово мостъ, גשר, въ библіи не встрѣчается. Царскія ворота и мостъ не были въ постоянномъ пользованіи народа; можетъ быть именно потому они и не упоминаются въ мишнѣ. Вторыя западныя ворота, приводившія изъ храма, по выраженію Іосифа, εἰς τὴν ἄλλην πόλιν, въ противулежащій городъ, были соединены не съ мостомъ, но съ двойною лѣстницею, сначала низводившею въ глубину ущелья Тиропеонъ, а потомъ опять возводившею на противулежащую храму городскую возвышенность. Это тѣ самыя ворота, которыя въ первомъ храмѣ назывались Шаллехетъ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ воротъ, Іосифъ упоминаетъ на западѣ еще двое воротъ, называя ихъ воротами въ предмѣстье, εἰς τὸ προάστειον. Мѣсто этихъ воротъ въ нынѣшней стѣнѣ храма, развалины ихъ лѣстницъ и мостовъ мы увидимъ дальше.

Наконецъ, на сѣверной сторонѣ Іосифъ не показываетъ воротъ въ своемъ спеціальномъ описаніи Иродова

*

храма, но однакожъ существованіе воротъ здѣсь предполагаетъ въ своемъ повѣствованіи о попыткѣ воиновъ Кестія сжечь ворота святилища. Это должны были быть сѣверныя ворота, потому что нападеніе Кестія на храмъ происходило съ сѣвера (Bell. II, 19, 5). Мишна и дальнѣйшее іудейское преданіе даютъ подробное, но весьма таинственное описаніе сѣверныхъ воротъ, называя ихъ при этомъ воротами Тади или Тери [1]). Такъ какъ описаніе этихъ воротъ требуетъ предварительнаго знанія нѣкоторыхъ новѣйшихъ открытій на площади іерусалимскаго храма, то мы будемъ говорить о нихъ подробно уже въ слѣдующей главѣ.

Среди описанныхъ нами стѣнъ, воротъ и портиковъ простирался большой дворъ, приводившій въ удивленіе язычниковъ своею величиною и открытостію (Діонъ-Кассій 37, 17). Это была ἀγορὰ храма, базарная площадь при храмѣ, подобная той, какую Евсевій (Vita Constant. lib. III, 33) указываетъ при христіанской базиликѣ Константина въ Іерусалимѣ. Изъ евангельскихъ свидѣтельствъ и мишны видно, что здѣсь безъ всякихъ стѣсненій располагались мѣновщики денегъ; въ мишнѣ они называются застольниками, потому что они всегда сидѣли за кассами. (Kidd. 3, 2) [2]. Особенно много мѣняльныхъ конторъ устраивалось на площади храма предъ наступленіемъ праздничныхъ дней (Матѳ. 21, 12; Іоанн. 2, 14). А къ 15-му дню мѣсяца Адара, когда доставлялась сюда храмовая подать ($^1/_2$ сикля съ человѣка), на площадь храма являлись мѣновщики со всей

[1] Блохъ, въ объясненіи къ своему плану храма по талмуду, дѣлаетъ предположеніе, что названіе воротъ было не Тади, а Мади, т. е. Мидійскія, каковыя вороты упоминаются въ талмудѣ Іома, 11, 2. Но древніе комментаторы мишны слово Тади исправили не въ Мади, а въ Тери. [2] Ихъ узнавали по привѣскамъ къ ушамъ изъ динаріевъ (іерус. талм. Schabb. 1, 3).

Іудеи и здѣсь наживали состоянія, взимая оболъ (1/12 сикля) за размѣнъ цѣлаго сикля на два полусикля (Lexicon talmud. Buxtorfii-Fischeri, 1008). Но главнымъ образомъ ἀγορὰ храма наполнялась пригонявшимися сюда для продажи жертвенными животными: волами, овцами, голубями (Іоанн. 2, 14), особенно во время большихъ праздничныхъ собраній народа. Въ другое время чистыхъ животныхъ, потребныхъ для жертвоприношеній, можно было купить также въ лавкахъ на прилегавшей Елеонской горѣ, „подъ кедрами“ (Taanith Jer. 69, 1). По взгляду фарисеевъ-шаммаитовъ присутствіе во дворѣ храма продажныхъ жертвенныхъ животныхъ было необходимо, чтобы не затруднять желающихъ принести жертву. Однажды Баба-бенъ-Бута, богатый ученикъ Шамайи, ближайшій совѣтникъ Ирода въ дѣлѣ построенія храма, взойдя во дворъ храма и найдя его пустымъ, возревновалъ о домѣ Божіемъ и немедленно распорядился пригнать 3000 своихъ овецъ и поставить на обычномъ мѣстѣ (Іерус. Chagiga 78, 1) [1]. До какой степени эта ревность шаммаитовъ не согласовалась съ видами Господа храма, видно изъ того, что Іисусъ Христосъ дважды изгналъ изъ храма продавцевъ жертвенныхъ животныхъ, одинъ разъ, въ началѣ своего служенія, изгналъ воловъ и овецъ (Іоанн. 2, 14), а другой разъ, въ концѣ своего служенія, продававшихъ голубей (Матѳ. 21, 12), чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе іудеевъ, вѣроятно приверженцевъ той же школы Шаммайи (Іоанн. 2, 18). Оскверненіе храма такою торговлею увеличивалось особенно отъ того, что, какъ видно изъ Зах. 14, 21, въ этой торговлѣ конкуррировали не

[1] Вотъ почему еще приводившія сюда ворота должны были соединяться съ туннелями и не вводить прямо въ портики.

только іудейскіе купцы между собою, но и купцы-язычники.

Впрочемъ торговля скотомъ на площади храма допускалась только въ часы жертвоприношеній. По минованіи надобности въ немъ, скотъ удалялся и площадь очищалась левитами. По свидѣтельству Іосифа (Bell. V, 5, 2), площадь между галлереями была вся вымощена камнемъ такъ же, какъ и полъ въ галлереяхъ. Но тогда какъ полъ галлерей состоялъ изъ такихъ огромныхъ мраморныхъ плитъ, что для поднятія каждой изъ нихъ требовалось нѣсколько человѣкъ (Bell. VI, 1, 6), мостовая открытаго пространства была вымощена мелкими камнями, которые, при всякомъ случаѣ народныхъ волненій, безъ труда вырывались и пускались въ ходъ, какъ орудія нападенія или защиты (Bell. II, 12, 1). Однажды фарисеи подняли камни этой мостовой на Іисуса, когда Онъ назвалъ Себя бо̀льшимъ Авраама (Іоанн. 8, 56). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ сѣверной части площади, мостовой кажется не было (ср. Schabb. 115, 1). По крайней мѣрѣ, при заключеніи апостола Павла въ храмовую крѣпость Антонія, народъ бросалъ въ воздухъ цѣлые столбы пыли (Дѣян. 22, 23). Точно также выраженіе евангелиста Іоанна (8, 6, 8), что Іисусъ Христосъ, „низко наклонившись, перстомъ писалъ на землѣ храма“, нужно, кажется, понимать о пескѣ или пыли, а не о правильной и твердой мостовой. Растительность, по свидѣтельству Пс. 52, 10, оживлявшая видъ площади Соломонова храма, въ храмѣ Ирода была совершенно уничтожена книжниками, на томъ основаніи, что у пророковъ обличается богослуженіе въ рощахъ, подъ тѣнью деревъ [1]. Хотя эти обли-

[1] Ошибочно на реставраціи Иродова храма Вольфа (Der Tempel von Jerusalem, 1887) показаны на площади двора нынѣшніе кипарисы и месы.

ченія направлялись исключительно противъ языческихъ культовъ, связанныхъ съ рощами, но іудеи фарисейскаго періода, боявшіеся именно внѣшнихъ поводовъ къ обвиненіямъ, считали противозаконнымъ одно уже присутствіе растущаго дерева на священной территоріи своего храма. За то фонтановъ воды было много въ разныхъ мѣстахъ площади, особенно у входовъ въ воротныя башни. Такъ, предъ восточными воротами была группа трехъ фонтановъ; предъ входомъ южныхъ воротъ былъ огромный бассейнъ воды, упоминаемый Тацитомъ (Hist. V, 12) и проч. [1].

Какъ внѣшнія галлереи храма, такъ и открытое свободное пространство предъ галлереями у христіанскихъ писателей называется *дворомъ язычниковъ*, на основаніи Апок. 11, 2, потому что со времени Соломона сюда имѣли доступъ и язычники. Впрочемъ, появленіе здѣсь язычниковъ всегда составляло исключеніе: главнымъ же образомъ внѣшній дворъ принадлежалъ тѣмъ же іудеямъ. Іудейскіе источники называютъ этотъ дворъ *горою дома Божія* или *горою храма*, הר הבית, на основаніи Ис. 2, 2–3 и Мих. 3, 12, 4, 1–2, гдѣ говорится о вхожденіи язычниковъ *на гору храма*. Но такъ какъ въ храмѣ Ирода язычники входили только во внѣшній дворъ, то отсюда вывели заключеніе, что и древніе пророки, говоря о посѣщеніи храма язычниками, разумѣютъ проникновеніе ихъ въ одинъ внѣшній дворъ, и что, слѣдовательно, ихъ выраженіе: *гора храма* есть спеціальное названіе только этого двора. Въ противоположность дальнѣйшему внутреннему двору, пространство внѣш-

[1] На планѣ Иродова храма Блоха и Кольбе на открытомъ пространствѣ внѣшняго двора на южной сторонѣ его показано 30 домиковъ или лавочекъ (ср. объ этомъ Іакова Іуды Леона de Templo hierosolimitano II, 166—170). Но это—позднѣйшія сказанія.

няго двора (templi ambitum) называлось еще *мірскимъ*, חול (Thosephta, Pera, 2) и помѣщалось іудейскими книжниками на третьей изъ десяти степеней земной святости: первая степень—святость всей вообще обѣтованной земли, вторая степень—святость города Іерусалима, третья степень—святость горы храма (Kelim, 1, 8; Bell. jud. V, 5, 6). Кромѣ язычниковъ, сюда могли входить и находившіеся въ состояніи нечистоты іудеи и даже подвергшіеся херему или отлученію отъ сонмища (Ioma, 66; Midd. II, 2). Іосифъ Флавій, на основаніи положенія и грунта разсматриваемаго двора, называетъ его *внѣшнимъ святилищемъ*, τὸ ἔξω ἱερὸν (Bell. VI, 5, 1, VI, 2, 7), *нижнимъ святилищемъ*, τὸ κάτω ἱερὸν (Bell. V, 5, 1), *первымъ святилищемъ*, τὸ πρῶτον ἱερὸν (Bell. IV, 3, 12), *первымъ периболомъ*, ὁ πρῶτος περίβολος (Antiqu. XV, 11, 5. Bell. IV, 3, 12). Такъ какъ все пространство двора со всѣхъ сторонъ было окружено колоннадами и портиками, то его называли еще, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго слова въ еврейскомъ языкѣ, гебраизованнымъ греческимъ словомъ Istawaanit, мѣсто между галлереями, στοά (Pesach, 13, 2).

Внутреннее пространство внѣшняго двора было тщательно выдѣлено и образовало второе отдѣленіе храма, называвшееся *внутреннимъ дворомъ*, τὸ ἔσωθεν ἱερὸν (Bell. VI, 4, 1), *вторымъ святилищемъ*, τὸ δεύτερον ἱερὸν ἅγιον (Bell. V, 5, 2), *вторымъ периболомъ*, ὁ δεύτερος περίβολος (Antiqu. XV, 11, 5) и *храмомъ*, ὁ νεὼς (Bell. V, 5, 3). Въ мишнѣ оно называется עזרה, т. е. заключенное оградою мѣсто среди площади. Нѣтъ сомнѣнія, что внутренній дворъ Иродова храма занималъ мѣсто внутренняго двора Соломонова, такъ какъ онъ былъ соединенъ

съ естественнымъ возвышеніемъ горы Моріа, которое, конечно, немного могло измѣниться. Но тогда какъ о положеніи внутренняго двора въ Соломоновомъ храмѣ нѣтъ историческихъ указаній, положеніе внутренняго двора Иродова храма въ его отношеніи къ внѣшнему опредѣляется такимъ образомъ: внутренній дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ внѣшнимъ, занималъ однакожъ не самый центръ этого послѣдняго: ближе всего ко внѣшнему портику онъ былъ съ западной стороны, нѣсколько далѣе отъ внѣшней галлереи онъ былъ на сѣверной сторонѣ, еще далѣе на восточной и наиболѣе далеко отъ внѣшней галлереи южной стороны (Midd. II, 1). Такимъ образомъ наиболѣе свободнаго пространства внѣшняго двора было на югѣ. Здѣсь, прибавляетъ мишна, было наиболѣе того базарнаго движенія, которое вообще отличало внѣшній дворъ. На эту свободную южную часть внѣшняго двора была направлена большая часть и внѣшнихъ воротъ храма (южныя и двое западныхъ). Не соотвѣтствуя вполнѣ центру внѣшняго двора, внутренній дворъ не совпадалъ съ нимъ и направленіемъ и теченіемъ сторонъ своего четыреугольника стѣнъ: тогда какъ удлиненныя стороны внѣшняго двора имѣли теченіе съ сѣвера на югъ, внутренній дворъ, подобно двору скиніи, своими удлиненными сторонами имѣлъ теченіе съ востока на западъ.

Прежде чѣмъ подойти къ лѣстницамъ, приводившимъ съ внѣшняго двора во внутренній, посѣтитель Иродова храма встрѣчалъ каменный барьеръ, названный въ мишнѣ Soreg (Midd. II, 3), а у Іосифа Флавія δρύφακτος. По описанію Іосифа „барьеръ изъ камней обходилъ со всѣхъ сторонъ внутренній дворъ, имѣлъ высоты три локтя и былъ отдѣланъ очень изящно; на немъ были разставлены въ равныхъ разстояніяхъ столбы

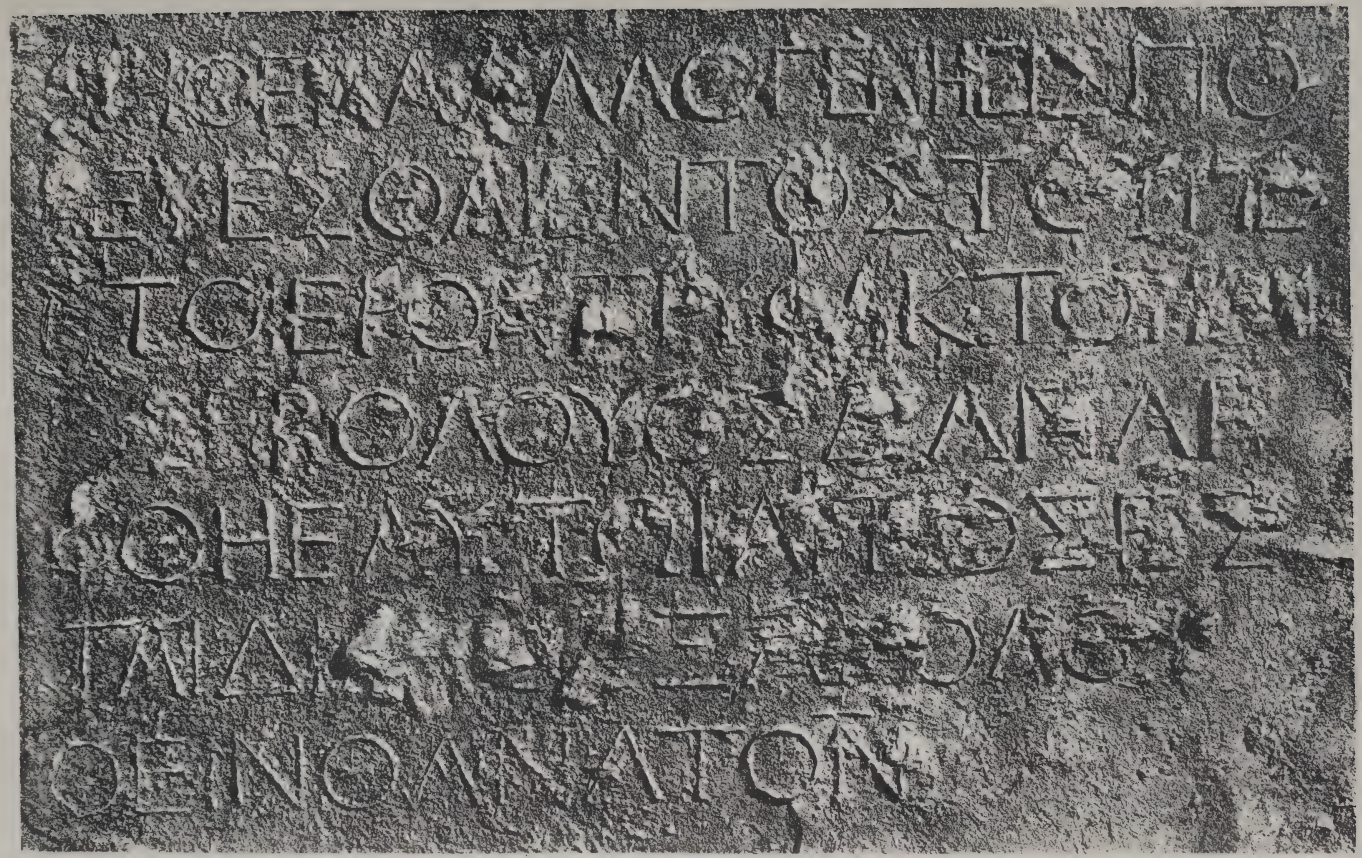
съ надписями, предупреждавшими о законѣ чистоты, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, чтобы никто изъ иностранцевъ не входилъ во второй священный дворъ“ (Bell. V, 5, 2). Въ другомъ мѣстѣ Іосифъ, описывая тотъ же барьеръ, замѣчаетъ, что здѣсь были надписи, запрещавшія иностранцамъ слѣдовать далѣе подъ страхомъ смерти (Antiqu. XV, 11, 3). Въ третьемъ мѣстѣ Іосифъ, по поводу той же ограды и запрещающихъ надписей, влагаетъ въ уста Тита, завоевателя іерусалимскаго храма, слѣдующія слова, обращенныя къ іудеямъ: „не вы ли сами, нечестивѣйшіе изъ людей, сдѣлали этотъ барьеръ, δρύφακτος, предъ святыми мѣстами? не вы ли сами поставили на немъ камни съ надписями на греческомъ и нашемъ языкахъ, предупреждающими, чтобы никто не входилъ за ограду? И мы не позволяли ли вамъ подвергать смерти тѣхъ, которые нарушали этотъ вашъ законъ, даже если это былъ кто нибудь изъ римлянъ? Зачѣмъ же теперь вы оскверняете это самое святилище кровью чужестранцевъ и своихъ соотечественниковъ?“ (Bell. VI, 2, 4). Равнымъ образомъ и мишна упоминаетъ о существовавшемъ запрещеніи входа во внутренній дворъ язычникамъ (Chelim, 1, 8). По счастливому случаю, одинъ изъ тѣхъ камней съ надписями, о которыхъ говоритъ Іосифъ, сохранился до нашего времени, такъ что мы можемъ прочесть на немъ греческій текстъ этихъ угрожавшихъ надписей Иродова храма и по его виду яснѣе представить самый барьеръ [1]. Надпись вырѣзана въ семи строкахъ большими монументальными буквами, подобныхъ которымъ доселѣ въ Іерусалимѣ не было открыто,

[1] Исторія открытія этого замѣчательнаго памятника извѣстнымъ изслѣдователемъ Клермонъ Ганно въ «Revue archéologique», 1872, № 5, t, XXIII, p. 214—234 и 290—296. Самый подлинникъ надписи можно видѣть въ Константинополѣ, въ кіоскѣ Тшинили.

и состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Μηθένα ἀλλογενῆ εἰσπορεύεσθαι ἐντὸς τοῦ περὶ τὸ ἱερὸν τρυφάκτου καὶ περιβόλου ὅς δ᾽ ἂν ληφθῇ ἑαυτῷ, αἴτιος ἔσται διὰ τὸ ἐξακολουθεῖν θάνατον“. То есть: „Да никто изъ иностранцевъ не входитъ внутрь барьера и ограды, которая вокругъ священнаго мѣста; кто же будетъ уличенъ въ этомъ, тотъ навлечетъ на себя наказаніе смертію“. Что эта новооткрытая надпись есть дѣйствительно одна изъ тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Іосифъ Флавій, видно не только изъ ея общей мысли, совершенно сходной съ мыслію тѣхъ надписей, которыя читалъ здѣсь Іосифъ, но и изъ сходства отдѣльныхъ терминовъ надписи и Іосифова описанія. Термины: ἱερὸν (священный дворъ), περίβολος (ограда), τρύφακτος, по мѣстному народному произношенію, вмѣсто δρύφακτος (барьеръ) употребляются равно и въ одинаковомъ смыслѣ у Іосифа и въ новооткрытой надписи. Очевидно, Іосифъ свое названіе барьера, δρύφακτος, взялъ съ той самой надписи, которую мы привели, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать при этомъ, что текстъ надписей былъ не тождественъ и какъ нибудь разнообразился. Тотъ же текстъ, приведенный нами, повторялся на всѣхъ греческихъ надписяхъ и затѣмъ въ латинскомъ переводѣ на другихъ камняхъ (не на оборотной сторонѣ однихъ и тѣхъ же камней, какъ нѣкоторые думали до открытія Ганно). Выборъ греческаго и латинскаго языковъ для надписи самъ по себѣ не показываетъ, какой кругъ иностранцевъ, посѣщавшихъ іерусалимскій храмъ, имѣли въ виду создатели барьера и надписей, потому что это были языки общераспространенные въ то время въ Палестинѣ, особенно греческій, который понимали и евреи. Нѣкоторые изслѣдователи (Янъ, Archäol. 3, 271) прибавляютъ сюда еще надписи на еврейскомъ языкѣ, на томъ основаніи, что и евреямъ, въ нѣкоторыхъ состояніяхъ не-

чистоты, возбранялся входъ во внутренній дворъ храма. Соси (Voyage en Terre sainte, 1872, t. 2, p. 12—13) готовъ былъ признать еврейскую надпись этого рода въ найденномъ имъ (въ колодцѣ, предъ тройными воротами) кускѣ камня съ нѣсколькими еврейскими буквами. Но евреи хорошо знали дѣйствовавшія въ храмѣ правила и не нуждались въ предостереженіяхъ надписями. И Іосифъ Флавій не видѣлъ еврейскихъ надписей рядомъ съ греческими и латинскими. Такъ какъ, по свидѣтельству мишны (Midd. II, 3), всѣхъ проходовъ въ барьерѣ было 13, то нужно предполагать и 13 паръ надписей, т. е. 13 греческихъ надписей и 13 латинскихъ. Въ виду важности заявленія надписи, невозможно предположить какой нибудь проходъ безъ надписи или же предположить въ какомъ либо проходѣ одну греческую надпись безъ латинской или наоборотъ — латинскую безъ греческой. По одну сторону каждаго прохода должна была быть греческая надпись, а по другую — латинская. Этому множеству экземпляровъ надписи мы и обязаны тѣмъ, что одинъ изъ нихъ сохранился донынѣ.

Какъ показываетъ этотъ сохранившійся экземпляръ, надписи Иродова храма были вырѣзаны не на доскахъ, а на столбахъ, точнѣе — параллепипедахъ 29 сантиметтровъ толщины, 90 сантим. длины и 60 ширины. При такой незначительной высотѣ, столбы съ надписями не могли стоять прямо на землѣ, но были, безъ сомнѣнія, подняты на уровень человѣческаго глаза. По объясненію Іосифа, они стояли на самомъ барьерѣ. Этимъ объясняется и разность въ опредѣленіи высоты барьера нашими источниками. Если мишна (Midd. II, 3) высоту барьера полагаетъ въ 10 ладоней, а Іосифъ въ три локтя или 18 ладоней, то это значитъ, что первый источникъ показываетъ высоту барьера внѣ проходовъ



НАДПИСЬ ХРАМА ИРОДА.

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 16.

и независимо отъ камней съ надписями, а Іосифъ измѣряетъ барьеръ въ самомъ проходѣ, гдѣ къ его высотѣ прибавлялась еще высота камня съ надписью. Высотою камня, открытаго Ганно (90 сантим.), именно восполняется разность между 10 и 18 ладонями. Далѣе, по толщинѣ камня Ганно (39—40 сантим.) необходимо опредѣлять широту барьера, такъ какъ камень съ надписью долженъ былъ равняться толщиною съ барьеромъ, какъ своимъ основаніемъ. Еще далѣе, самый сортъ составныхъ камней барьера не отличался, вѣроятно, отъ новооткрытаго камня Ганно, камня миззи, какъ его теперь называютъ въ Палестинѣ, чрезвычайно плотнаго, мѣстнаго, известковаго камня, на открытомъ воздухѣ окрашивающагося въ стѣнахъ отъ времени въ золотистый цвѣтъ. По свидѣтельству Іосифа, барьеръ, на которомъ стояли надписи, былъ изящно отдѣланъ. Этимъ выраженіемъ Іосифъ, вѣроятно, указываетъ карнизъ на барьерѣ, представлявшій видъ переплетенныхъ цвѣтовъ и геометрическихъ фигуръ, насколько это можно судить по названію барьера въ мишнѣ Soreg (סרג переплетать). Іудейскіе ученые, на основаніи такого значенія слова Soreg, считаютъ даже разсматриваемый барьеръ деревяннымъ, состоявшимъ изъ крестовидно переплетенныхъ реекъ въ видѣ плетенки (Levy, Neuhebr. Wörterbuch über die Talmudim, 3, 586). Но это объясненіе, основывающееся исключительно на словотолкованіи, не можетъ замѣнить живаго свидѣтельства Іосифа Флавія и новооткрытаго камня.

Присутствіемъ въ іерусалимскомъ храмѣ описаннаго барьера съ надписями, угрожающими язычникамъ смертью за дерзновеніе проникнуть во внутренній дворъ храма, объясняется случай съ апостоломъ Павломъ, котораго однажды хотѣли убить іудеи, подозрѣвая, что онъ про-

велъ за барьеръ, во внутренній дворъ, ефесянина Трофима (Дѣян. 21, 26–31; 24, 6). Выраженіе іудеевъ по этому поводу: „онъ (Павелъ) ввелъ еллиновъ εἰς τὸ ἱερόν“ (21, 28) буквально напоминаетъ текстъ новооткрытой надписи. Изъ этого же случая видно, что не только переходившій запрещенную черту язычникъ, но и іудей, проводившій язычника, равно подлежали наказанію смертію, и что эта угроза смертію была нешуточною. Напрасно жестокость этого закона думаютъ смягчить Деранбургъ (Journal asiatique, 1872) и Гретцъ (Geschichte der Juden, III, 243), предполагающіе здѣсь только возможность сверхъестественнаго наказанія смертію, а не человѣческаго суда и казни, на томъ основаніи, что подобнаго закона нѣтъ въ мишнѣ. Но если такой законъ не сохранился въ мишнѣ, то онъ ясно сохранился въ книгѣ Дѣяній, у Іосифа Флавія и на новооткрытомъ камнѣ. Всѣ эти источники безъ всякой двусмысленности свидѣтельствуютъ о буквальномъ пониманіи угрозы смертію язычникамъ. По ученію того же апостола Павла (Ефес. 2, 14), только кровь Христова могла объединить два міра, міръ, заключенный во внутреннемъ дворѣ храма (іудейскій), и міръ внѣшняго двора (языческій) и разрушить стоявшую между ними раздѣляющую стѣну [1].

Описанный нами барьеръ съ надписями былъ только переднимъ прикрытіемъ внутренняго двора. Самая стѣна внутренняго двора проходила въ нѣкоторомъ разстояніи

[1] По свидѣтельству Midd. II 3, и Schekal. Jerus. VI, 50, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ храмѣ Ирода стояли столбы съ надписями, въ прежнее время, при Селевкидахъ, стояли какія-то статуи женщинъ въ нескромныхъ позахъ פרצות (Keth. 2), вѣроятно статуи греческой Афродиты, предъ которыми проходившіе должны были преклонять колѣна и которыя впослѣдствіи были сброшены Асмонеями. Можетъ быть самая строгость наказанія язычникамъ, опубликованная въ надписяхъ Иродова храма, была вызвана воспоминаніемъ предшествовавшаго оскверненія храма язычниками.

отъ барьера (точнаго измѣренія этого разстоянія не показано въ источникахъ) и была устроена по образцу внѣшней стѣны перваго двора, т. е. это была широкая крѣпостная стѣна съ башнями для защиты противъ непріятеля. Изъ исторіи взятія Іерусалима римлянами извѣстно, что, когда внѣшняя стѣна храма была пробита, іудеи укрылись за стѣною внутренняго двора, и эта послѣдняя побѣдоносно выдерживала шестидневные непрерывные удары стѣнобитныхъ машинъ римлянъ (Bell. VI, 4, 1). Наружная высота этой стѣны, по Іосифу (Bell. V, 5, 2), была 40 локтей, т. е. въ десять разъ меньше наружной высоты стѣны перваго двора или перваго перибола, имѣвшаго, по крайней мѣрѣ, по предположенію того же Іосифа, 400 локтей высоты. Но, подобно тому какъ и первый периболъ, наблюдаемый съ площади двора, казался гораздо ниже, такъ какъ значительная часть его стѣны была сокрыта подъ насыпною землею двора, и стѣна внутренняго двора, извнутри разсматриваемая, отъ высшаго грунта земли во внутреннемъ дворѣ, казалась почти вдвое меньше, именно, по предположенію Іосифа, имѣла 25 локтей высоты. Слѣдовательно, разность между наружною высотою стѣны (40 локтей) и внутреннею высотою (25 локтей), т. е. 15 локтей, была высотою подъема, приводившаго съ внѣшняго двора во внутренній. Для выравненія этого подъема былъ насыпанъ искусственный земляной валъ или предстѣнная насыпь, antemurale, Chel. Собственно говоря, эта предстѣнная насыпь необходима была только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ стѣна имѣла ворота. Но такъ какъ воротъ внутренняго двора было довольно много и такъ какъ отдѣльныя кучи насыпной земли подъ каждыми отдѣльными воротами могли быть непрочны, то Иродъ засыпалъ землею и промежуточное пространство

между подъемами воротъ. Такимъ образомъ вокругъ всей стѣны образовался цѣльный валъ 10 локтей широты на сѣверной, восточной и южной сторонѣ (Bell. V, 5, 2; Midd. II, 3) и менѣе значительный на западной сторонѣ, гдѣ воротъ не было (Bell. V, 1, 5). Книжники Иродова храма, распредѣляя территорію святилища по степенямъ возвышающейся постепенно святости, сдѣлали изъ вала предъ внутреннимъ дворомъ особенное отдѣленіе храма, не принадлежавшее ни внѣшнему, ни внутреннему двору, и признали за нимъ четвертую степень святости (Kelim, 1, 8). Хотя этотъ валъ, Chel, былъ еще предъ стѣною внутренняго двора, но и на него уже не могъ восходить никто изъ язычниковъ. Фергюссонъ ошибался, когда предполагалъ, что восхожденіе на валъ было доступно язычникамъ и что только на валу былъ описанный выше барьеръ и камни съ запрещающими надписями (The Temples of the Jews, 100 и дал.). Это несогласно и съ приведенными древними свидѣтельствами и съ самымъ существомъ дѣла. Слѣдовало ли заставлять язычниковъ взбираться на лѣстницы, чтобы на верхней ступени лѣстницы ихъ остановить и заставить вернуться назадъ? По субботамъ и праздникамъ на валу, предъ внутреннимъ дворомъ, можно было видѣть возсѣдавшихъ членовъ синедріона (Sanhedrin. 88, 2).

Такъ какъ Chel былъ насыпанъ въ непосредственной близости къ стѣнѣ внутренняго двора, то, слѣдовательно, и съ наружной стороны нельзя было видѣть стѣны во всю ея 40-локтевую высоту, указанную Іосифомъ. Это была высота только умозаключаемая, т. е. высоты стѣны, возвышавшейся надъ валомъ вмѣстѣ съ высотою вала. Открытая же часть стѣны надъ валомъ всего только на 4 или 5 локтей превосходила высоту той же стѣны

по ея внутренней сторонѣ. Другими словами: уровень предстѣннаго вала на 4 или 5 локтей не достигалъ уровня внутренняго двора храма. Такъ какъ, по описанію Іосифа, на валъ вообще, независимо отъ какихъ-либо воротъ, вели 14 ступеней, то это значитъ, что валъ къ сторонѣ внѣшняго двора не былъ отвѣсно выровненъ, но во всемъ своемъ протяженіи представлялъ 14 уступовъ, выложенныхъ камнемъ и имѣвшихъ видъ лѣстницъ. Исключеніе представляла только западная сторона, гдѣ валъ не имѣлъ лѣстницеобразныхъ уступовъ, вслѣдствіе чего, какъ говоритъ Іосифъ, эта именно сторона была выбрана Іоанномъ при осадѣ внутренняго двора, для сооруженія башенъ противъ Зилотовъ (Bell. V, 1, 5). Нужно замѣтить впрочемъ, что эти 14 ступеней представляли не обыкновенную проходную лѣстницу, а скорѣе только декоративную лѣстницу, какую часто находятъ въ греческихъ храмахъ и въ cavea древнихъ театровъ. Четырнадцать ступеней здѣсь были бы слишкомъ высоки для обыкновенной лѣстницы. Если вся высота подъема съ внѣшняго двора во внутренній была 15 локтей и если вторая половина подъема, т. е. лѣстница, приводившая съ вала къ воротамъ внутренняго двора, была гораздо меньше перваго подъема, представляла почти только третью часть всей высоты подъема (по Іосифу Флавію второй подъемъ стоялъ къ первому въ отношеніи 5 къ 14 или 5 ступеней къ 14 ступенямъ), то для перваго подъема или для лѣстницы, приводившей на валъ, нужно полагать высоту 10—12 локтей, что, во всякомъ случаѣ, слишкомъ много для 14 обыкновенныхъ ступеней. Остается предположить, что среди этихъ декоративныхъ ступеней или уступовъ, въ направленіи къ воротамъ, были сдѣланы другія, болѣе мелкія ступени, бывшія въ дѣйстви-

тельномъ употребленіи. Болѣе ясное указаніе на существованіе такихъ мелкихъ проходныхъ частей лѣстницы, среди другой лѣстницы декоративнаго назначенія, мы находимъ въ описаніяхъ второй части подъема, съ площадки вала къ воротамъ внутренняго двора, по мишнѣ и Іосифу Флавію. Тогда какъ по мишнѣ этотъ второй подъемъ состоялъ изъ 12 ступеней (Midd. II, 3), по Іосифу (Bell. V, 5, 2) онъ имѣлъ только 5 ступеней. Это разногласіе можно примирить только тѣмъ предположеніемъ, что Іосифъ разумѣетъ 5 ступеней декоративныхъ или 5 уступовъ, обрамлявшихъ дальнѣйшіе подъемы въ направленіи къ воротамъ, между тѣмъ какъ мишна описываетъ здѣсь именно проходную лѣстницу съ болѣе мелкими ступенями. Очевидно подобныя же отношенія въ счетѣ ступеней лѣстницы нужно полагать и въ первомъ подъемѣ съ уровня внѣшняго двора на валъ, т. е. проходныхъ ступеней считать не 14, а дважды 14 или даже еще болѣе (къ сожалѣнію, мишна не указываетъ числа ступеней перваго подъема). Правда, предположенная нами пропорція отношеній не согласуется съ тѣмъ, что, по мишнѣ, верхній подъемъ имѣлъ 12 ступеней, каждая ступень высоты $^1/_2$ локтя, и что вообще ступени въ храмѣ имѣли эту высоту, за исключеніемъ ступеней притвора храма (Midd. II, 3). Но послѣдняго положенія принять нельзя. На 15 локтей высоты всего вообще подъема съ внѣшняго двора во внутренній, по счету мишны, могло быть всего 30 ступеней; но такъ какъ, по той же мишнѣ, во второй половинѣ подъема было 12 ступеней, то въ первой половинѣ, до площадки вала, нужно было считать 18 ступеней. Но такое отношеніе одного подъема къ другому, равное 12 къ 18 или 6 къ 9, далеко не соотвѣтствуетъ отношенію этихъ подъемовъ у Іосифа, равному

5 къ 14. Сомнительнымъ представляется здѣсь уже то обстоятельство, что мишна не выставляетъ прямо числа ступеней перваго подъема. Очевидно представители преданія мишны чувствовали здѣсь какое-то несоотвѣтствіе съ выставленнымъ ими выше правиломъ. Можетъ быть правило мишны о высотѣ ступеней въ $^1/_2$ локтя имѣетъ только тотъ смыслъ, что больше этой высоты не бывало въ ступеняхъ, но могло быть меньше.

И внутренній периболъ, подобно внѣшнему, имѣлъ свои ворота. Но нельзя сказать, чтобы всѣ ворота внутренняго двора отвѣчали какъ разъ воротамъ внѣшняго двора и лежали на ихъ оси. Этого не могло быть потому уже, что внутренній дворъ своими продольными сторонами, въ которыхъ главнымъ образомъ были расположены ворота, стоялъ въ перпендикулярномъ отношеніи къ продольнымъ сторонамъ внѣшняго двора. Тогда какъ западная продольная сторона внѣшняго перибола имѣла наиболѣе воротъ (4), слѣдовавшая за нею западная поперечная сторона внутренняго перибола, вслѣдствіе оріентаціи храма на востокъ фронтомъ, вовсе не имѣла воротъ. Не было также прямого соотношенія между воротами внутренняго двора и тѣми проходами, которые, какъ мы видѣли, были въ барьерѣ или переднемъ предварительномъ огражденіи внутренняго двора, числомъ 13. Хотя одинъ изъ представителей іудейскаго преданія въ мишнѣ, Аба-Іоссе-бенъ-Іохананъ (Schekal. VI, 3; Midd. II, 6), старался найти это соотношеніе и доказать существованіе именно 13 воротъ во внутреннемъ периболѣ храма [1], но это объясненіе противорѣчитъ свидѣтельству Іосифа Флавія и той же мишны. Двое изъ 13 воротъ помѣщены у него

[1] Ему слѣдуетъ Блохъ въ своемъ планѣ Иродова храма (Grundriss vom Herod. Tempel nach talmudischen Quellen).

*

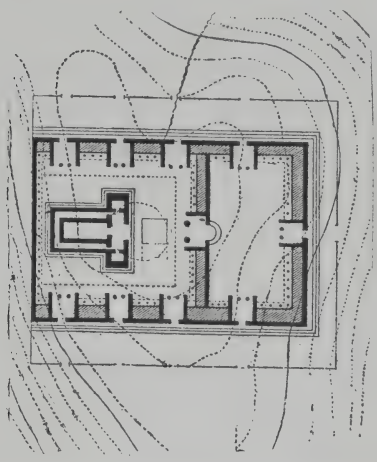
даже въ западной стѣнѣ двора, между тѣмъ какъ по всему, что намъ извѣстно о первомъ и второмъ іерусалимскомъ храмѣ, можно съ увѣренностію утверждать, что въ западной стѣнѣ внутренняго двора воротъ не было (см. Bell. V, 5, 2). Нужно прибавить, что уравненіе количества воротъ подъ число 13 есть уравненіе тенденціозное и свое основаніе имѣетъ въ обычаѣ Иродова храма дѣлать 13 искупительныхъ колѣнопреклоненій, въ воспоминаніе 13 мерзостей, которыми храмъ былъ оскверненъ при Селевкидахъ (см. стр. 447, подстрочное прим.). Поэтому число 13 имѣло нѣкоторое знаменательное значеніе: отсюда именно 13 кружекъ, 13 столовъ храма; отсюда 13 проходовъ въ барьерѣ и 13 паръ надписей. Если упомянутый рабби прибавляетъ сюда еще 13 воротъ внутренняго перибола, то онъ уже слишкомъ увлекается воспоминаніемъ 13 мерзостей, 13 статуй Афродиты, поставленныхъ въ храмѣ Селевкидами, и необходимостію ихъ искупленія чрезъ возможно большее повтореніе въ храмовыхъ счетахъ числа 13.

И независимо отъ сказаннаго, вопросъ о количествѣ воротъ внутренняго перибола не исключаетъ споровъ. Основное и, повидимому, точное свидѣтельство мишны (Midd. 1, 4—5; II, 6) считаетъ здѣсь 7 воротъ и отмѣчаетъ ихъ даже особенными именами: „семь воротъ было „въ азарѣ (внутреннемъ периболѣ): трое на сѣверѣ, „трое на югѣ и одни на востокѣ; на югѣ были ворота „hadelek, ворота habecoroth и ворота hamaim; на „востокѣ были ворота Никанора; на сѣверѣ были „ворота hanitzotz, ворота hakorban, и ворота beth-„hamoked“. Съ этимъ согласно и свидѣтельство Іосифа Флавія Antiqu. (XV, 11, 5): „этотъ периболъ „(внутренняго двора) имѣлъ съ южной и сѣверной сто-

„роны по трое воротъ въ равномъ одни отъ другихъ „разстояніи; съ восточной же стороны были одни боль„шія ворота [1], въ которыя мы могли входить въ „состояніи чистоты такъ же, какъ и женщины“. Соотвѣтственно этому числу 7 воротъ, тосефта (Schek. 11) говоритъ о *семи* надзирателяхъ, въ рукахъ которыхъ были ключи двора (Tamid, 1, 1; Midd. 1, 8–9). Между тѣмъ тотъ же Іосифъ Флавій (Bell. Jud. V, 5, 2), насчитываетъ во внутреннемъ периболѣ гораздо больше воротъ: „къ сѣверу и югу было 8 воротъ, съ каж„дой стороны по 4, и на востокѣ 2 воротъ по „необходимости (κατ' ἀνάνκην), потому что, въ виду „того, что здѣсь (на восточной сторонѣ двора) было „отдѣлено особенное мѣсто для женщинъ и обнесено „стѣною, здѣсь нужны были, кромѣ однихъ (фронтовыхъ) „воротъ, еще другія фронтовыя ворота (одни за дру„гими). Изъ 8 воротъ, сѣверныхъ и южныхъ, одни на „сѣверѣ и одни на югѣ вели въ отдѣленіе женщинъ; „въ другія же ворота входить женщинамъ не позволя„лось“. Такимъ образомъ здѣсь уже Іосифъ насчитываетъ не 7, а 9 или даже 10 воротъ внутренняго двора. И въ мишнѣ, кромѣ приведеннаго нами свидѣтельства, есть другія дополнительныя свидѣтельства съ новыми именами воротъ (Midd. II, 6; Schekal. VI, 3); здѣсь прибавляются еще на югѣ ворота съ именемъ верхнихъ, haelion, а на сѣверѣ ворота Іехоніи; тѣ и другія помѣщаются на первомъ мѣстѣ въ счетѣ сѣверныхъ и южныхъ воротъ. Эти показанія о семи и девяти воро-

[1] Пайллу (Monographie... 390) предполагаетъ здѣсь пропускъ въ текстѣ Іосифа Флавія и восполняетъ его произвольно такъ: „перпболъ внутренняго „двора имѣлъ трое воротъ на южной сторонѣ, трое на сѣверной и *трое „на восточной*. Одни изъ восточныхъ воротъ были большія, въ которыя „мы могли входить“....

тахъ азары или внутренняго перибола историкъ Гретцъ (Monatsschrift, 1876, 443) считаетъ несовмѣстимыми и принимаетъ за достовѣрное только первое свидѣтельство Іосифа въ Древностяхъ о семи воротахъ.—Но прежде чѣмъ Іосифъ написалъ свои Древности, съ указаніемъ на семь воротъ, имъ было написано сочиненіе о Войнѣ Іудейской съ болѣе подробнымъ указаніемъ 9 или даже 10 воротъ. Какому же его сочиненію слѣдуетъ отдавать предпочтеніе?... Мы впрочемъ думаемъ, что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія, а есть развѣ въ одномъ изъ нихъ неточность. Полное перечисленіе всѣхъ воротъ внутренняго двора нужно видѣть въ Войнѣ Іудейской, гдѣ указано 4 воротъ на сѣверной сторонѣ и 4 на южной, съ подраздѣленіемъ, по которому изъ указаннаго числа воротъ одни на сѣверѣ и одни на югѣ вели въ первое отдѣленіе внутренняго двора, называвшееся дворомъ женщинъ, а остальныя 3 воротъ на сѣверѣ и 3 на югѣ вели во второе отдѣленіе внутренняго двора или дворъ священниковъ. Говоря при этомъ, что на восточной сторонѣ было 2 воротъ κατ' ἀνάγκην, *по необходимости* или *какъ разумѣется само собою*, Іосифъ разумѣетъ 2 воротъ не въ одной и той же восточной стѣнѣ, а въ двухъ восточныхъ стѣнахъ внутренняго двора, одной при входѣ въ первое отдѣленіе внутренняго двора, а другой на границѣ, отдѣлявшей такъ называемый дворъ женщинъ отъ болѣе внутренней части двора. Такимъ образомъ всѣхъ воротъ внутренняго двора было десять. Для большей ясности прилагаемъ на слѣдующей страницѣ планъ перибола внутренняго двора, сдѣланный Шписсомъ исключительно по описанію Іосифа Флавія (Der Tempel zu Jerusalem nach Josephus). Что же касается другого показанія *семи воротъ* внутренняго перибола, то оно относится только къ запад-



ному, собственно священническому, отдѣленію внутренняго двора, взятому независимо отъ двора женщинъ. Неточность допущена здѣсь только въ прибавочномъ замѣчаніи Іосифа: „которыми (большими восточными) воротами мы обыкновенно входили въ состояніи чистоты вмѣстѣ съ женщинами, которымъ въ дальнѣйшее отдѣленіе не позволялось входить“. Здѣсь очевидное противорѣчіе; говорится: *входили вмѣстѣ съ женщинами въ ворота* и тутъ же прибавлено, что женщинамъ *далѣе этихъ воротъ входить запрещалось* (Antiqu. XV, 11, 5). Вмѣсто: *которыми* (δι᾽ ὧν) нужно читать: *до которыхъ*, и все будетъ понятно. Во всякомъ случаѣ доказывать на основаніи Древностей, XV, 11, 5, что всѣхъ воротъ на сѣверной и южной сторонѣ перибола было только по 3, такъ же неосновательно, какъ не основательно было бы, на основаніи третьяго мѣста о Войнѣ Іудейской, VI, 4, 1, гдѣ случайно во внутреннемъ периболѣ упоминаются только двое воротъ, доказывать, что какъ на сѣверной, такъ и на южной сторонѣ было только по парѣ воротъ, и что, слѣдовательно, всѣхъ воротъ съ восточными было только 5.

Существуетъ еще совершенно особенное мнѣніе Пайллу (Monographie. 357), что какъ на сѣверной

и на южной, такъ и на восточной сторонѣ внутренняго перибола были только одни ворота, указываемыя для каждой стороны у пророка Іезекіиля, и что если Іосифъ Флавій говоритъ о трехъ воротахъ на сѣверной сторонѣ и трехъ на южной, τριπτύχας πυλῶνας ἀλλήλων διεστῶτας (по переводу Пайллу: *тройныя ворота, противустоящія одни другимъ),* то онъ разумѣетъ не 3 воротъ въ одномъ периболѣ, а три концентрическихъ перибола, изъ которыхъ каждый имѣлъ одни ворота, на одной общей оси, такъ что ворота приходились противъ воротъ. Но если бы даже согласиться съ лексическою возможностію перевода слова διεστῶτας въ значеніи sibi mutuo adversantes, лежащихъ на одной оси и въ разныхъ стѣнахъ, то этому переводу будетъ противорѣчить все, что мы находимъ о храмѣ Ирода у Іосифа и въ мишнѣ. Никакихъ трехъ концентрическихъ периболовъ на сѣверѣ и югѣ въ описаніяхъ храма не показано. Пайллу, задавшійся цѣлію доказать, что описаніе храма въ пророчественномъ видѣніи Іезекіиля есть ничто иное, какъ самое точное описаніе храма Соломонова и совершенно тождественнаго съ послѣднимъ храма Иродова, на каждомъ шагу доказываетъ совершенно противное, что симметрія дворовъ храма Іезекіиля есть идеальная симметрія неземнаго храма, не переводимая на земной грунтъ горы Моріа.

Всѣ ворота внутренняго перибола были двустворчатыя и, по описанію Іосифа, имѣли 30 локтей высоты и 15 локтей широты. Послѣднюю мѣру Іосифъ налагаетъ, впрочемъ, не на цѣльныя ворота, а на каждую изъ двухъ половинъ воротъ (Bell. V, 5, 3); слѣдовательно и широту воротъ онъ полагаетъ равною высотѣ. Такую мѣру мы считаемъ преувеличенною, потому что, какъ мы уже знаемъ, вся высота стѣны, измѣряемая

съ насыпного грунта внутренняго двора, была только 25 локтей. Если даже и были надъ воротами башнеобразныя возвышенія, то во всякомъ случаѣ будетъ ненатуральнымъ представлять амбразуру воротъ выше чѣмъ линія стѣны. Точно также невозможно и широту воротъ доводить до 15+15=30 локтей, потому уже, что при такой широтѣ воротъ на сѣверной и южной сторонахъ не было бы мѣста для лежавшихъ между ними построекъ. Въ такомъ случаѣ 4 воротъ заняли бы 120 локтей отъ общей длины перибола 322 локтя. И вообще ненатурально представлять амбразуру воротъ квадратною. Поэтому въ данномъ пунктѣ мы болѣе довѣряемъ мишнѣ, которая высоту воротъ, даже во внѣшнемъ дворѣ, полагаетъ въ 20 локтей, а широту въ 10 (Midd. II, 3). Можетъ быть Іосифово измѣреніе относится не къ самымъ воротамъ, а къ воротнымъ башнямъ, которыя, конечно, были шире и выше воротныхъ амбразуръ.—Косяки и створы 8 воротъ сѣверныхъ и южныхъ были покрыты золотомъ и серебромъ и вверху имѣли особенныя украшенія, можетъ быть барельефы, подобные барельефу Сузъ, бывшему на внѣшнихъ восточныхъ воротахъ (Bell. V, 5, 3). Впрочемъ, золотыя украшенія воротъ кажется скоро были замѣнены серебряными; по крайней мѣрѣ, при сожженіи этихъ воротъ римлянами упоминается только таявшее отъ огня серебро (Bell. VI, 4, 2). Всѣ украшенія воротъ изъ золота и серебра были, по свидѣтельству Іосифа, пожертвованіемъ представителя александрійскихъ іудеевъ, алабарха Александра, брата Филонова. Отъ сѣверныхъ и южныхъ воротъ по виду и матеріалу отличались восточныя ворота. По описанію мишны, по ту и другую сторону главнаго хода здѣсь были сдѣланы двѣ малыхъ двери (Schekal. VI, 3. Pesik. Anija, 136, 2), подобныхъ боковымъ дверямъ самаго

храма и боковымъ дверямъ при царскихъ вратахъ нашего православнаго иконостаса. Можетъ быть излишекъ въ счетѣ воротъ внутренняго двора, оказавшійся у Аба-Іоссе-бенъ-Іохананъ, произошелъ, между прочимъ, отъ зачисленія въ число отдѣльныхъ воротъ и боковыхъ ходовъ при восточныхъ воротахъ. Какъ мы уже говорили, мишна называетъ восточныя ворота Никаноровыми [1], хотя Іосифу Флавію это имя, кажется, не было извѣстно; онъ называетъ ихъ Коринѳскими по ихъ матеріалу, коринѳской мѣди (Bell. V, 5, 3). Не смотря на такой матеріалъ, Коринѳскія или Никаноровы ворота считались болѣе цѣнными, чѣмъ всѣ другія, какъ по ихъ дорогой александрійской работѣ, такъ и потому, что они состояли изъ цѣльной компактной массы мѣди, между тѣмъ другія ворота хотя имѣли золотыя и серебряныя украшенія, но въ видѣ тонкихъ окладовъ. По своему огромному вѣсу и по своимъ огромнымъ шипамъ, глубоко входившимъ въ порогъ, сдѣланный изъ монолитнаго камня, ворота Никанора были такъ тяжелы, что требовались совокупныя усилія 20 левитовъ, чтобы ихъ отворить въ урочный часъ. Но, прибавляетъ Іосифъ, однажды, предъ началомъ возмущенія іудеевъ противъ римлянъ, ворота Никанора растворились сами собою, около полуночи, къ ужасу стражей храма и всего Іерусалима (Bell. VI, 5, 3). Тѣ колонны, которыя, числомъ

[1] По свидѣтельству талмуда (Іома, 38, 1), такое названіе удержано за воротами по слѣдующему случаю: Нѣкто Никаноръ былъ посланъ александрійскими іудеями доставить эти ворота, вполнѣ отдѣланныя въ Египтѣ, по мѣркѣ амбразуры восточныхъ воротъ, въ Іудею моремъ. По случаю сильной бури матросы выбросили въ море для облегченія корабля сначала одну половину этихъ воротъ, а потомъ хотѣли выбросить и вторую. Тогда Никаноръ сказалъ: «эту половину вы выбросите развѣ только вмѣстѣ со мною». Между тѣмъ буря успокоилась, и когда затѣмъ корабль присталъ въ Акко, то, къ общему удивленію, и первая половина воротъ была найдена зацѣпившеюся за дно корабля. Въ воспоминаніе объ этомъ случаѣ воротамъ было дано имя Никанора.

двѣ, были въ башняхъ при каждыхъ воротахъ, въ восточныхъ воротахъ имѣли гораздо большіе размѣры, соотвѣтственно высотѣ приворотной башни, которую они раздѣляли на два пролета (Bell. V, 5, 3). Вверху же, надъ воротами Никанора, былъ устроенъ Иродомъ обсерваторный пунктъ для наблюденія за событіями въ храмѣ. Такъ какъ проходъ въ башню чрезъ барьеръ и лѣстницы былъ запрещенъ римскимъ воинамъ, то Иродъ обошелъ постановленіе книжниковъ тѣмъ, что сдѣлалъ въ башню воротъ Никанора подземный ходъ отъ крѣпости Антонія (Antiqu. XV, 11, 7). Наконецъ, что касается положенія Коринѳскихъ воротъ или Никаноровыхъ, то Іосифъ Флавій ясно опредѣляетъ его, называя ихъ *восточными* и въ то же время *внѣшними* воротами внутренняго перибола, μία δὲ ἡ ἔξωθεν τῶ νεῶ [1] κορινθίω χαλκῶ (Bell. V, 5, 3), т. е. не тѣми восточными воротами, которыя были въ срединѣ внутренняго перибола, на границѣ частнѣйшаго подраздѣленія площади двора, но первыми восточными воротами, открывавшимися на Chel. Такъ какъ талмудъ все относимое Іосифомъ къ воротамъ Коринѳскимъ относитъ къ воротамъ Никанора и даже прямо называетъ послѣднія ворота, такъ же какъ и Іосифъ, Коринѳскими (קלוניתא = κορίνθιος, Ioma, 38, 1), то очевидно въ этомъ пунктѣ нѣтъ разногласія между ними, хотя мишна по имени первыхъ восточныхъ воротъ Никаноровыхъ называетъ иногда и вторыя восточныя ворота предъ фронтомъ храма (Midd. 1, 4–5). Изъ названій другихъ воротъ внутренняго двора обращаютъ на себя вниманіе три названія трехъ различныхъ воротъ по имени огня, пылавшаго во внутреннемъ дворѣ: ворота hanitzotz (ворота искръ), ворота

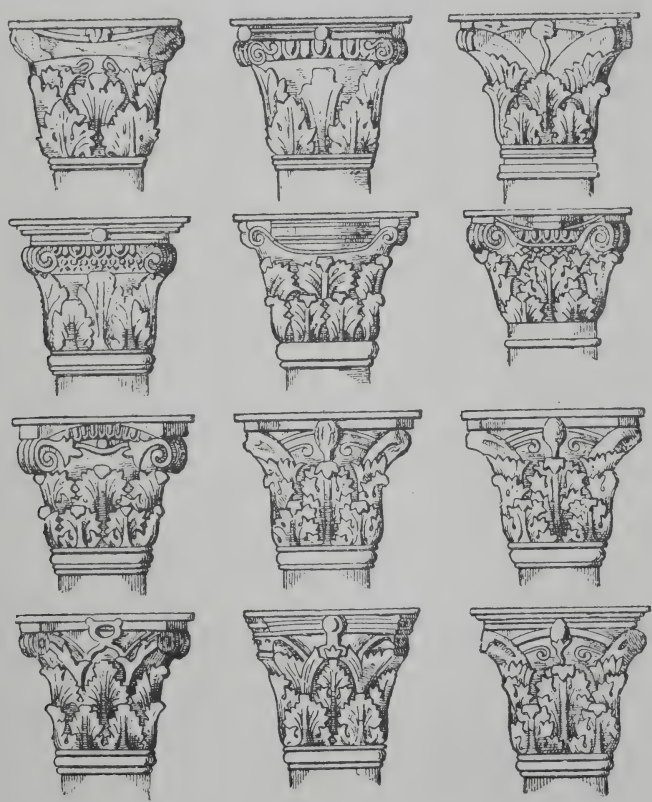
[1] Вмѣсто ἡ ἔξωθεν τῶ νεῶ Ширеръ рекомендуетъ читать ἡ ἔξωθεν τῶ ἐφῴων, т. е. внѣшнія или крайнія изъ двухъ восточныхъ воротъ (Riehm. H. W. 1640).

hamoked (ворота костра) и ворота hadelek (ворота топлива, которыми приносились дрова къ жертвеннику). Воротамъ огня вполнѣ соотвѣтствуютъ ворота *воды,* hamaim [1].

Все пространство внутренняго двора, обнесенное описаннымъ периболомъ и воротами, имѣло 135 локтей ширины съ сѣвера на югъ и 322 локтя длины съ востока на западъ (Midd. II, 6, V, 1). Это внутреннее пространство земли уже самою природою раздѣлялось на двѣ части: начиная отъ восточныхъ Коринѳскихъ воротъ въ направленіи на западъ мѣсто было ровное на протяженіи 135 локтей; но на 135-мъ локтѣ грунтъ горы поднимался уступомъ 7 или $7^1/_2$ локтей высоты. Соотвѣтственно этому естественному раздѣленію, внутренній дворъ былъ раздѣленъ на двѣ части: *а)* нижній уступъ въ восточной половинѣ двора, представлявшій правильный квадратъ 135 локтей длины и ширины, и *б)* верхній уступъ, 135 локтей ширины и 187 локтей длины, имѣвшій еще свои дальнѣйшія подраздѣленія. Отдѣлка всего вообще внутренняго двора была одинакова и имѣла сходство съ отдѣлкою внѣшняго двора. И здѣсь вдоль внутренней стороны всѣхъ стѣнъ были проведены галлереи или exedrae изъ рядовъ колоннъ, имѣвшія тотъ же открытый видъ, который талмудъ называетъ римскими exedrae, противопоставляя имъ другія exedrae, наиболѣе часто встрѣчавшіяся въ синагогахъ и школахъ, закрытыя стѣнами и освѣщавшіяся большими окнами (Baba bathra, 11, 2). Даже на задней западной сторонѣ, за храмомъ, были такія же exedrae (Bell. VI, 4, 1; Antiqu. XX, 8, 11), хотя воротъ здѣсь не было. Поэтому несправедливо нѣкоторые изслѣ-

[1] Ворота приношеній, обязательныхъ и необязательныхъ, habecoroth и hakorban, принадлежали восточному отдѣленію внутренняго двора или двору женщинъ.

дователи подъ экседрами мишны разумѣютъ не непрерывныя галлереи, а только приворотныя башни. Напротивъ только именно въ воротахъ эти exedrae прерывались. Объ отдѣлкѣ экседръ и стилѣ ихъ колоннъ Іосифъ и мишна умалчиваютъ. Мы можемъ прервать ихъ молчаніе указаніемъ на то, что въ нынѣшней мечети Омара, построенной на мѣстѣ Иродова храма и частію изъ его обломковъ, находится особенно много *коринѳскихъ* колоннъ и капителей различныхъ діаметровъ и различнаго цвѣта: бѣлаго мрамора, красной яшмы и темнозеленаго порфира. Возможно, что и колонны exedrae внутренняго двора имѣли въ разныхъ рядахъ неодинаковую величину и даже неодинаковый цвѣтъ. Вотъ 12 древнихъ капителей, нынѣ находящихся подъ куполомъ мечети Омара.



Другимъ воспоминаніемъ экседръ внутренняго двора Иродова храма является изображеніе іерусалимскаго внутренняго двора съ храмомъ на одномъ древнемъ стекляномъ сосудѣ изъ категоріи гробничныхъ стеколъ, найденномъ въ Римѣ въ 1882 году и принадлежащемъ, по мнѣнію де-Росси, іудейскому обществу въ Римѣ второй половины третьяго или первой четвертаго вѣка. Авторъ этого рисунка находитъ нужнымъ давать различные цвѣта колоннамъ, бывшимъ во внутреннемъ дворѣ. и именно такіе цвѣта, которые и въ настоящее время чаще всего встрѣчаются въ колоннахъ мечетей, занявшихъ мѣсто ветхозавѣтнаго храма, т. е. сейчасъ упомянутые цвѣта: бѣлый (въ рядовыхъ колоннахъ exedrae), темно-зеленый, почти совсѣмъ впадающій въ черный (въ колоннахъ выступающихъ изъ ряда и можетъ быть украшавшихъ воротные проходы), и красный (въ колоннахъ самаго притвора храма). Прилагаемъ здѣсь это любопытное древнѣйшее изображеніе внутренняго двора іерусалимскаго храма.

Но для болѣе яснаго представленія устройства внутренняго двора, намъ необходимо разсмотрѣть отдѣльно всѣ его части или подраздѣленія. Мы сейчасъ сказали, что первое восточное отдѣленіе внутренняго двора, которое по грунту можно было назвать нижнимъ, имѣло 135 локтей длины и ширины. Народъ называлъ его дворомъ женщинъ, עזרת הנשים (Іосифъ — γυναικωνῖτις, Bell. V, 5, 2—3), въ томъ смыслѣ, въ какомъ дворъ внѣшній назывался дворомъ язычниковъ, т. е. не потому, чтобы онъ принадлежалъ исключительно женщинамъ, напротивъ и здѣсь всегда было больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, какъ во внѣшнемъ дворѣ всегда было больше іудеевъ, чѣмъ язычниковъ, — но потому только, что этотъ дворъ былъ крайнимъ предѣломъ, до котораго могли

ІЕРУСАЛИМСКІЙ ХРАМЪ.

Хромо-Литогр. Н. ИНДУТНАГО Сергіевская ул. № 18.

проникать женщины; западное отдѣленіе внутренняго двора, какъ олтарь нашего православнаго храма, было вовсе недоступно для женщинъ. Этимъ понятіемъ о дворѣ женщинъ сами собою устраняются возраженія, выставленныя противъ него Фергюссономъ и Пайллу. Такъ какъ по приведеннымъ измѣреніямъ (135 локтей въ квадратѣ), разсматриваемое отдѣленіе было несравненно больше слѣдующаго небольшаго отдѣленія, имѣвшаго только 11 локтей ширины и называвшагося *дворомъ израильтянъ*, то Фергюссонъ считаетъ это абсурдомъ (немыслимо, говоритъ онъ, чтобы дворъ мужчинъ-израильтянъ равнялся только $^1/_{12}$ двора женщинъ) и произвольно сокращаетъ традиціонный дворъ женщинъ до 100 локтей длины съ сѣвера и на югъ и 35 (вмѣсто 135) локтей ширины съ востока на западъ (The Temples of the Jews, 98, 102). Въ сущности это возраженіе есть одна придирка къ названію, игнорирующая дѣйствительное назначеніе отдѣльныхъ частей храмоваго двора. Болѣе точныя названія отдѣльныхъ частей двора должны быть слѣдующія: *а)* дворъ однихъ только израильтянъ-мужчинъ, *б)* дворъ израильтянъ мужчинъ и женщинъ, *в)* дворъ израильтянъ, мужчинъ и женщинъ, и язычниковъ или дворъ интернаціональный. Натурально, что послѣдній дворъ, какъ общій для всѣхъ, долженъ быть наибольшій, второй дворъ меньше, а третій еще меньше. Точно также неосновательно предположеніе Пайллу, что двора женщинъ вовсе не было въ храмѣ Ирода, потому что его нѣтъ въ храмѣ Соломона и въ описаніи Іезекіиля [1]. Но о храмѣ Ирода если мы имѣемъ какое либо представленіе, то оно основывается только на преданіи, а не на Св. Писаніи.

[1] Точно также уничтожается дворъ женщинъ въ реставраціи Жюстина на его картинѣ: «Іерусалимъ во время земной жизни Іисуса Христа» («Нива», иллюстр. журналъ, 1887, № 13).

По опредѣленію законоучителей Иродова храма, дворъ женщинъ представлялъ пятую степень святости, между тѣмъ какъ Chel или валъ, окружавшій внутренній периболъ, имѣлъ четвертую степень святости, а дальнѣйшее отдѣленіе двора израильтянъ—шестую (Kelim, 1, 8; Bell. V, 5, 2). Этимъ опять устраняются возраженія противъ важности и значенія двора женщинъ, выставленныя въ указанномъ сочиненіи того же Фергюссона (chapter III, V). Такъ какъ по правиламъ, дѣйствовавшимъ въ храмѣ Ирода, никто не имѣлъ права сидѣть въ его внутреннемъ дворѣ, за исключеніемъ царя изъ дома Давидова, а между тѣмъ во дворѣ женщинъ Іисусъ Христосъ изображается сидящимъ (Марк. 12, 41), то, по мнѣнію Фергюссона, это значитъ, что дворъ женщинъ не принадлежалъ еще къ внутреннему двору, но былъ Chel, т. е. часть того передняго вала, которымъ былъ окруженъ внутренній дворъ со всѣхъ сторонъ и который здѣсь, на восточной фронтовой сторонѣ, имѣлъ особенное устройство въ видѣ нѣкотораго преддверія къ собственно внутреннему двору. По плану храма Фергюссона такое значеніе двора женщинъ подтверждается еще тѣмъ, что то мѣсто, которое занималъ дворъ женщинъ въ храмѣ Ирода, якобы не принадлежало къ внутреннему двору и въ Соломоновомъ храмѣ, но было частію внѣшняго двора. Послѣднее положеніе есть личное мнѣніе Фергюссона, рѣшительно ни на чемъ не основывающееся, потому что внутренній дворъ Соломонова храма не описанъ въ библейскихъ книгахъ, а преданіе считаетъ его равнымъ внутреннему двору Ирода. При этомъ та часть двора, которая названа дворомъ женщинъ, въ преданіи слишкомъ ясно отдѣляется отъ Chel'а или передняго вала. Не имѣетъ никакого значенія и ссылка Фергюссона на то, что Іисусъ Христосъ

сидѣлъ во дворѣ женщинъ, что якобы не могло быть допущено въ подлинной части внутренняго двора. Не смотря на дѣйствительно существовавшее запрещеніе садиться во внутреннемъ дворѣ, въ немъ сидѣли имѣвшіе надобность въ отдохновеніи священники и даже спали очередные стражи храма въ особенныхъ пристройкахъ, которыя, въ виду такого закона, были сдѣланы выступающими изъ линіи внутренняго перибола храма на Chel. Такія же выступающія пристройки для отдохновенія и сидѣнія могли быть и во дворѣ женщинъ. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы запрещеніе сидѣть во дворѣ храма не допускало еще другихъ исключеній, кромѣ указаннаго въ мишнѣ. Нужно прибавить, что Фергюссонъ самъ чувствуетъ неправильность своего понятія двора женщинъ и, отчисляя его къ предстѣнному валу, Chel, тѣмъ не менѣе ограждаетъ его еще другимъ валомъ по требованію мишны. Дальнѣйшее описаніе двора женщинъ еще яснѣе докажетъ несостоятельность мнѣнія Фергюссона.

Дворъ женщинъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣнами и съ ихъ внутренней стороны галлереями, не исключая и стороны западной, обращенной къ храму. Между галлерей, на четырехъ углахъ двора, были четыре камеры, каждая 40 локтей длины и ширины, называемыя въ мишнѣ לשכה, т. е. камера, снаружи обведенная галлереею [1]. Указанная величина относится къ камерамъ въ соединеніи съ окружавшими ихъ галлереями, потому что, судя по ихъ назначенію, камеры не могли имѣть сами по себѣ такихъ значительныхъ

[1] На планѣ Вогюэ показана колоннада внутри этихъ камеръ, а не снаружи. Вѣроятно, это ошибка. На планахъ Фергюссона (The Temples) и Едерсгейма (The Temple and its services, 23) размѣры этихъ угловыхъ камеръ произвольно сокращаются.

размѣровъ. Юго-восточная камера, лежавшая на югъ отъ Коринѳскихъ воротъ, называется въ мишнѣ камерою *назареевъ,* потому что здѣсь назареи приготовляли свои благодарственныя жертвы, стригли волосы назарейства и сожигали ихъ. Камера на сѣверо-восточномъ углу двора женщинъ называлась камерою *дровъ,* потому что въ ней священники, по какимъ-либо тѣлеснымъ недостаткамъ устраненные отъ права священнослуженія, подвергали предварительному осмотру тѣ дрова, которыя въ данный день предназначались для жертвенника, чтобы на священный огонь не попало что-нибудь гнилое и поврежденное червями (Edujoth, 8, 5). Камера на сѣверо-западномъ углу называлась камерою *прокаженныхъ,* потому что въ ней подвергались осмотру священниками выздоровѣвшіе прокаженные (Negaim, 14, 8) [1]. Что касается четвертой камеры, бывшей на юго-западномъ углу двора, то рабби Еліезеръ-бенъ-Іаковъ, передающій въ мишнѣ преданіе о другихъ камерахъ, сознается, что онъ забылъ въ чемъ состояло ея назначеніе. Но другой представитель преданія мишны, Аба Саулъ, свидѣтельствуетъ, что камера эта называлась камерою *елея,* на томъ основаніи, что здѣсь хранился елей для богослужебныхъ принадлежностей (Midd. II, 5; Iad chazaka VIII, 5, 7—8). На западной сторонѣ двора женщинъ, въ видѣ подваловъ, углубленныхъ въ грунтъ возвышавшейся второй половины двора, были кладовыя для склада музыкальныхъ инструментовъ храмоваго богослуженія (Midd. II, 6). Кромѣ того, въ мишнѣ упоминаются еще нѣсколько камеръ во дворѣ безъ ближайшаго опредѣленія ихъ мѣстонахожденія; вѣроятно, это были отдѣленія при тѣхъ же четырехъ угловыхъ

[1] Пэнъ заподозрѣваетъ такое назначеніе камеры, такъ какъ прокаженнымъ доступъ во внутренній дворъ былъ запрещенъ.

камерахъ двора женщинъ. Именно: *а)* камера *секретная,* названная такъ потому, что сюда богобоязненные люди тайно приносили хлѣбъ и другую пищу, которою также тайно пользовались бѣдняки, не желавшіе открыто просить милостыни; *б)* камера *сосудовъ,* названная такъ потому, что въ ней лежали сосуды, пожертвованные храму; однажды въ мѣсяцъ ихъ пересматривали казначеи храма и частію непосредственно отдавали для храмоваго употребленія, частію продавали и вырученныя деньги обращали на ремонтъ храма (Schek. V, 4); *в)* камера *корбанъ,* упоминаемая (Midd. 1, 1), какъ мѣсто требовавшее стражи изъ левитовъ, вѣроятно то же, что камера сосудовъ.

Другими принадлежностями двора женщинъ были четыре огромныхъ золотыхъ подсвѣчника, каждый о четырехъ лампадахъ [1], возжигавшихся при иллюминаціи ночного богослуженія праздника Кущей, и храмовыя кружки для разныхъ приношеній, обязательныхъ и добровольныхъ. Кружки были прибиты въ разныхъ мѣстахъ вдоль галлерей, особенно вблизи тѣхъ воротъ сѣверныхъ и южныхъ, которыя сами называются воротами приношеній и сборовъ (hakorban, habecorim), и въ просторѣчіи назывались *трубами,* שפרות, по своей формѣ, такъ какъ они были вверху узки, а внизу широки. Въ спеціальномъ трактатѣ мишны о сикляхъ насчитывается 13 такихъ кружекъ, изъ которыхъ каждая имѣла особенное надписаніе. Первая кружка имѣла надписаніе: *новые сикли,* т. е. храмовая подать текущаго года. Вторая кружка: *старые сикли,* т. е. храмовая подать прошлогодняя, если она кѣмъ-либо еще не внесена. Третья кружка: *касса голубей,* т. е. деньги на

[1] Впрочемъ, на вышеприведенномъ изображеніи храма, найденномъ въ Римѣ, во дворѣ храма стоитъ *семисвѣшный* свѣтильникъ.

*

пріобрѣтеніе этихъ жертвенныхъ птицъ по требованію закона. Четвертая: *горлицы всесожженія.* Пятая: *дрова.* Шестая: *ладонъ.* Седьмая: *золото на очистилище,* появленіе котораго, вмѣстѣ съ ковчегомъ завѣта, все еще предполагалось возможнымъ. Остальныя шесть кружекъ назначались для разныхъ добровольныхъ приношеній (Schekal. VI, 4; Teruma, 23, 2). Такъ какъ въ праздничные дни всѣ приходившіе въ Іерусалимъ взносили въ ту или другую кассу обязательныя или необязательныя приношенія, то у кассъ было всегда большое стеченіе народа. Поэтому и Іисусъ Христосъ иногда останавливался въ виду кассъ и проповѣдывалъ (Марк. 12, 41; Лук. 21, 1; Іоанн. 8, 20). Конечно, при каждой кассѣ были очередные священники, наблюдавшіе за приношеніями и разъяснявшіе народу встрѣчавшіяся при этомъ недоразумѣнія. Такимъ образомъ, когда Іуда предатель принесъ сюда свои кровавые 30 сребренниковъ, священники отказались принять ихъ въ кружку (Матѳ. 27, 6–7), потому что по закону деньги, пріобрѣтенныя путемъ насилія и съ оскорбленіемъ ближняго, не могли поступать въ церковныя кружки, на священныя принадлежности, но или возвращались приносителямъ или передавались въ городскія кассы, на улучшеніе дорогъ, колодцевъ, на устройство страннопріимницъ и т. п. (Beza, 29, 1; Baba kama 94, 2) [1]. Для поощренія народныхъ подаяній въ кассы, въ галлереѣ съ кружками висѣла *цѣпь Агриппы,* сдѣланная изъ золота и по вѣсу равная той желѣзной цѣпи, которою этотъ царь былъ окованъ въ темницѣ. По словамъ Іосифа

[1] Равнымъ образомъ и наоборотъ изъ церковныхъ кружекъ, назначенныхъ на нужды храма, не позволялось брать на городскія нужды. Іосифъ Флавій упоминаетъ о большомъ народномъ волненіи по поводу того, что прокураторъ Понтій Пилатъ бралъ деньги изъ священной кассы на возобновленіе одного водопровода (Bell. II, 9, 4).

Флавія, цѣпь Агриппы свидѣтельствовала народу, что судьба человѣка зависитъ отъ одного Бога, который, зная всѣ дѣла человѣка, низводитъ сильныхъ людей до положенія узниковъ и изъ темницы возводитъ на царство (Antiqu. XIX, 6, 1).

По свидѣтельству мишны, во дворѣ женщинъ лица обоего пола присутствовали при богослуженіи вмѣстѣ, и особеннаго отдѣленія для женщинъ не было. И въ евангеліи мы видимъ появленіе женщины въ томъ мѣстѣ двора, гдѣ былъ Іисусъ Христосъ съ учениками (Марк. 12, 41; Лук. 21, 1). Но съ теченіемъ времени, вѣроятно, вслѣдствіе безпорядковъ, которые могли происходить при этомъ, при большомъ стеченіи народа, для женщинъ было устроено особенное мѣсто, въ видѣ особыхъ хоръ, расположенныхъ на крышахъ галлерей и камеръ; тамъ же были и особенныя женскія кассы. Ходъ на женскіе хоры былъ съ сѣверныхъ и южныхъ воротъ двора женщинъ. Такимъ образомъ восточными воротами храма или Никаноровыми женщины перестали ходить и вообще во дворѣ женщинъ женщины перестали показываться (Midd. II, 5). Устройствомъ верхняго этажа дворъ женщинъ значительно увеличился. Это помогаетъ намъ признать свидѣтельство Іосифа Флавія (Bell. VI, 9, 2), что при послѣднемъ взятіи Іерусалима римлянами во дворѣ женщинъ было заключено такое множество людей, что впослѣдствіи однихъ труповъ здѣсь было найдено 12,000. Впрочемъ, и по удаленіи женщинъ на хоры, при богослуженіи большихъ праздниковъ, во дворѣ женщинъ была такая тѣснота, что пройти съ внѣшняго двора къ мѣсту жертвенника не было никакой возможности (Іома, VII, 1). Послѣ этого, правъ ли былъ Фергюссонъ, когда традиціонную мѣру двора женщинъ, 135 локтей въ квадратѣ, считалъ слишкомъ большою и

сократилъ ее на своемъ планѣ больше чѣмъ въ четыре раза?

Мы сказали, что на западной сторонѣ двора женщинъ было естественное возвышеніе грунта на $7^1/_2$ локтей, въ видѣ возвышающагося уступа горы. На краю этого уступа была проведена стѣна, служившая раздѣленіемъ между дворомъ женщинъ и слѣдующею болѣе священною частію, въ которой стоялъ храмъ. Въ срединѣ этой стѣны были ворота, называемыя въ мишнѣ *верхними* воротами (Succa, IV, 5; Ср. 2 Цар. 15, 35), по ихъ возвышенному положенію надъ уровнемъ двора женщинъ, а также по ихъ выдающейся высотѣ 50 локтей, при 40 локтяхъ широты. Къ воротамъ всходили по лѣстницѣ изъ 15 ступеней, расположенныхъ полукругомъ, соотвѣтствовавшихъ 15 псалмамъ степеней, которые воспѣвались левитами именно на этой лѣстницѣ (Midd. II, 5). Соотвѣтственно своему названію въ мишнѣ верхними, у Іосифа Флавія они называются *надкоринѳскими* или *верхнекоринѳскими,* т. е. лежащими выше коринѳскихъ (Bell. V, 5, 3). Впрочемъ, въ вопросѣ о положеніи воротъ этого имени многіе путаются. Даже Маймонидъ смѣшиваетъ эти ворота съ Никаноровыми (Iad chazaka, VIII, 5, 5; Ср. Барклея, The Talmud, 369; Вогюэ, Le Temple, 55). Причиною этого смѣшенія послужило то, что въ главномъ трактатѣ мишны, посвященномъ храму (Middoth), вовсе не упоминается особая стѣна, раздѣлявшая внутренній дворъ на части, а также то обстоятельство, что это новое средостѣніе во внутреннемъ дворѣ, повидимому, было излишнимъ и закрывало дальнѣйшее мѣсто богослуженія отъ народа, стоявшаго во дворѣ женщинъ. Поэтому нѣкоторые изслѣдователи сомнѣвались въ существованіи всей вообще западной стѣны двора жен-

щинъ[1]. Тѣмъ не менѣе существованіе такой стѣны и воротъ слишкомъ опредѣленно указывается въ приведенномъ свидѣтельствѣ Іосифа Флавія. И въ мишнѣ есть хотя случайныя, но ясныя указанія по этому пункту. Такъ Succa 5, 3 въ описаніи одного богослужебнаго обряда говоритъ о двухъ священникахъ, стоявшихъ *въ верхнихъ воротахъ, которыми со двора израильтянъ сходили во дворъ женщинъ.* Но ворота невозможны безъ цѣлой раздѣляющей стѣны между восточною и западною частію двора. По фарисейскому ученію, эта стѣна необходима была, чтобы раздѣлять между пятою степенью святости, которую представлялъ дворъ женщинъ, куда могли еще входить женщины и прозелиты (Kelim 1, 8; Bell. V. 5, 2), отъ слѣдующей территоріи шестой степени святости, къ которой не должны были приближаться ни женщины, ни прозелиты, ни всѣ тѣ израильтяне, состояніе чистоты которыхъ еще требовало очищенія жертвою за грѣхъ (Kelim, 1, 8).

Второе или западное отдѣленіе внутренняго двора имѣло ту же широту съ сѣвера на югъ 135 локтей и длину 187 локтей. Оно также было обведено вдоль стѣнъ колоннадою. Это ясно указано въ томъ мѣстѣ мишны, гдѣ говорится объ утреннемъ осмотрѣ этого двора священниками при открытіи воротъ. Очередные стражи при этомъ раздѣлялись на двѣ партіи: одна партія шла эксердою или галлереею на востокъ, а другая эксердою въ направленіи на западъ; обойдя дворъ, обѣ партіи встрѣчались одна съ другою въ экседрѣ (Tamid, 1, 3). Такимъ образомъ все пространство

[1] Рабби Аба-Іосе, насчитывавшій во внутреннемъ дворѣ воротъ болѣе надлежащаго (13), не указываетъ однакожъ воротъ во внутреннемъ пространствѣ двора, если не считать такимъ указаніемъ 2 воротъ западныхъ, названныхъ имъ безъимянными (Midd. II, 6). Во внутреннемъ дворѣ не было другихъ *западныхъ* воротъ, кромѣ западныхъ воротъ двора женщинъ.

двора можно было обойти, не выходя изъ экседры. Какой видъ имѣла здѣсь экседра, талмудическое преданіе не показываетъ; только Раши, въ объясненіе приведеннаго мѣста, говоритъ, что подъ эксердою разумѣются каменныя колонны вокругъ двора, на которыхъ лежали навѣсы. То же подтверждаетъ и Іосифъ Флавій, предполагающій вездѣ между воротами галлереи (αἱ στοαὶ δε μεταξὺ τῶν πυλῶν), подобныя галлереямъ внѣшняго двора (Bell. V, 5, 2). Поэтому нельзя считать правильнымъ планъ талмудическаго храма Блоха, не имѣющій никакой колоннады какъ въ этой части внутренняго двора, такъ и во дворѣ женщинъ, а равно и планъ талмудическаго храма Барклея (The Talmud, 1878, pl.), на которомъ колоннада показана не вдоль стѣнъ двора, а вдали отъ нихъ, вокругъ стоявшаго здѣсь корпуса самаго храма.

Кромѣ сейчасъ упомянутыхъ воротъ верхнихъ или надкориноскихъ, западное отдѣленіе внутренняго двора имѣло еще 6 воротъ, 3 на сѣверной и 3 на южной сторонѣ, выводившихъ на валъ, расположенныхъ, конечно, во взаимномъ между собою соотвѣтствіи и не такъ безпорядочно и безцѣльно, какъ это показано на планахъ Барклея и Блоха. Лучшій способъ расположенія воротъ можно видѣть на планѣ Вогюэ (см. стр. 478). Вмѣстѣ съ воротами, мишна указываетъ здѣсь отдѣльныя зданія, служившія отдѣльнымъ потребностямъ и имѣвшія особенныя имена (Midd. 1, 5 – 6; V, 6; Jad chazaka VIII, 5, 17). Вдоль сѣверной стѣны, между воротами, показаны мишною слѣдующія зданія: 1. Зданіе *Beth-hamoked*. Положеніе этого зданія можно установить со всею точностію. По Tamid 1, 1; III, 3, оно лежало въ сѣверозападномъ углу, противъ башни Антонія и притомъ такъ, что нѣкоторою своею частію выступало изъ линіи

внутренняго перибола на прилегающій валъ. Такіе выступы отдѣльныхъ зданій изъ общей линіи стѣны показаны въ вышеприведенномъ изображеніи внутренняго двора, найденномъ въ Римѣ. Зданіе Beth-hamoked было со сводами, имѣло двое воротъ, одни съ внутренняго двора, другія съ вала, и раздѣлялось на четыре небольшихъ отдѣльныхъ камеры: *а)* камеру *агнцевъ,* обыкновенной ежедневной жертвы утренней и вечерней; *б)* камеру *печатей,* гдѣ хранитель печатей принималъ плату отъ жертвоприносителей за вино и елей и выдавалъ въ полученіи ея росписку или печать, которая затѣмъ предъявлялась надзирателю за виномъ и елеемъ. Здѣсь же со времени Асмонеевъ хранились камни жертвенника, оскверненнаго греческими царями (1 Макк. 4, 46). *в)* Камера *для согрѣванія* или камера *съ горѣвшимъ очагомъ,* давшая свое имя Beth-hamoked всему зданію; эта камера была соединена подземнымъ ходомъ съ купальнею, въ которую ходили священники послѣ случайныхъ оскверненій. *г)* Камера, въ которой приготовлялись хлѣбы предложенія. 2. Второе по важности зданіе въ сѣверной галлереѣ называлось домомъ или зданіемъ *Парва.* Подобно предшествующему зданію, и оно имѣло подземный ходъ, направленный подъ мѣсто святаго святыхъ; съ другой стороны особенная каменная лѣстница вела въ верхнюю горницу, бывшую на крышѣ этого зданія, въ которой было приспособленіе для омовеній первосвященника въ день Очищенія. Вообще это зданіе съ своими секретными ходами было сдѣлано такъ искусно, что преданіе называло строителя его, нѣкоего Парву, волшебникомъ и его имя удержало за зданіемъ (Ioma 34, 35, Aruch). Кажется, что зданіе Парва нужно отождествлять съ зданіемъ Автиносъ, о которомъ извѣстно, что оно также служило мѣстомъ приготовленія

первосвященника къ священнодѣйствію дня Очищенія въ своей верхней горницѣ (Ioma 1, 5; гемар. 19, 1). Обыкновеннымъ же назначеніемъ нижняго этажа этого зданія было приготовленіе ѳиміама для кажденій въ храмѣ, составлявшее въ то время привилегію фамиліи Автиносъ. На балконѣ зданія помѣщался сторожевой постъ, такой же, какой былъ и на балконѣ перваго зданія Beth-hamoked. Другими зданіями сѣверной стороны двора были: 3. Камера *соли*, гдѣ хранилась необходимая для жертвоприношеній соль, и 4. Камера *омовеній*, гдѣ перемывались внутренности жертвы (Midd. V, 4; Tamid, IV, 2). Между этими двумя камерами нужно полагать ворота Ницоцъ (букв. ворота искръ), имѣвшія, какъ и всѣ прочія, видъ exedrae; здѣсь, также на балконѣ, былъ третій ночной сторожевой постъ (Tamid, 1, 1; Midd, 1, 1). Комментаторы мишны не знаютъ, что могло означать имя Ницоцъ. Возможно, что этимъ названіемъ указывается только то, что названныя ворота лежали противъ жертвенника всесожженій и обдавались искрами отъ горѣвшаго на жертвенникѣ постояннаго огня. Такимъ образомъ всего отдѣльныхъ зданій въ сѣверной exedra было четыре и между ними трое воротъ. Хотя въ талмудѣ упоминаются еще нѣкоторыя другія имена камеръ, бывшихъ здѣсь, но это только новыя названія однихъ и тѣхъ же зданій. Самое лучшее распредѣленіе этихъ зданій сдѣлано опять на планѣ Вогюэ, хотя подъ другими названіями (камера соли, камера осоленія кожъ (?), камера омовенія внутренностей и Beth-hamoked). При этомъ Вогюэ не вѣритъ сказанію о томъ, что зданіе Beth-hamoked нѣкоторою своею частію выступало на валъ, и не нарушаетъ на своемъ планѣ прямой линіи перибола. Равнымъ образомъ размѣры всѣхъ четырехъ зданій Вогюэ представляетъ почти рав-

ными, за исключеніемъ зданія Beth-hamoked, имѣющаго у него нѣсколько меньшіе размѣры. Это не совсѣмъ согласно съ показаніями мишны, которая старается видоизмѣнять характеръ и размѣры бывшихъ здѣсь зданій, и именно зданію Beth-hamoked даетъ наибольшіе размѣры. На этомъ основаніи на планѣ Барклея Beth-hamoked превосходитъ другое зданіе сѣверной стороны въ четыре раза, а на планѣ Блоха онъ выдѣляется изъ всѣхъ зданій храма совершенно круглою формою ротонды. Нужно ли довѣрять этимъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ или же, вслѣдъ за Вогюэ, уравнять по возможности всѣ зданія, руководствуясь законами симметріи?... Прибавимъ, что, принимая свидѣтельства талмуда о неравномѣрности зданій по ихъ высотѣ и широтѣ, мы не найдемъ возможности установить ту галлерею, которая предъ всею линіею камеръ окружала дворъ. Наконецъ, мы не видимъ никакого основанія согласиться съ Фергюссономъ, что сѣверная сторона внутренняго перибола вообще была отдѣлана проще южной, такъ какъ она якобы принадлежала однимъ священникамъ и сторонніе посѣтители въ нее не заходили (The Temples of the Jews, 112). На планѣ Фергюссона (pl. 11) сѣверная сторона имѣетъ зданія гораздо бо́льшія, чѣмъ противулежащія зданія южной стороны, за то ворота вдвое меньшія.

Соотвѣтственно зданіямъ и воротамъ сѣверной стороны, были расположены зданія и ворота южной стороны этой части двора. Въ самомъ крайнемъ юго-западномъ углу, прямо противъ Beth-hamoked, было большое зданіе, по виду похожее на Beth-hamoked и также выступавшее одною своею половиною изъ линіи перибола на валъ. Особенность этого зданія преданіе отмѣчаетъ тѣмъ, что оно было сдѣлано изъ большихъ

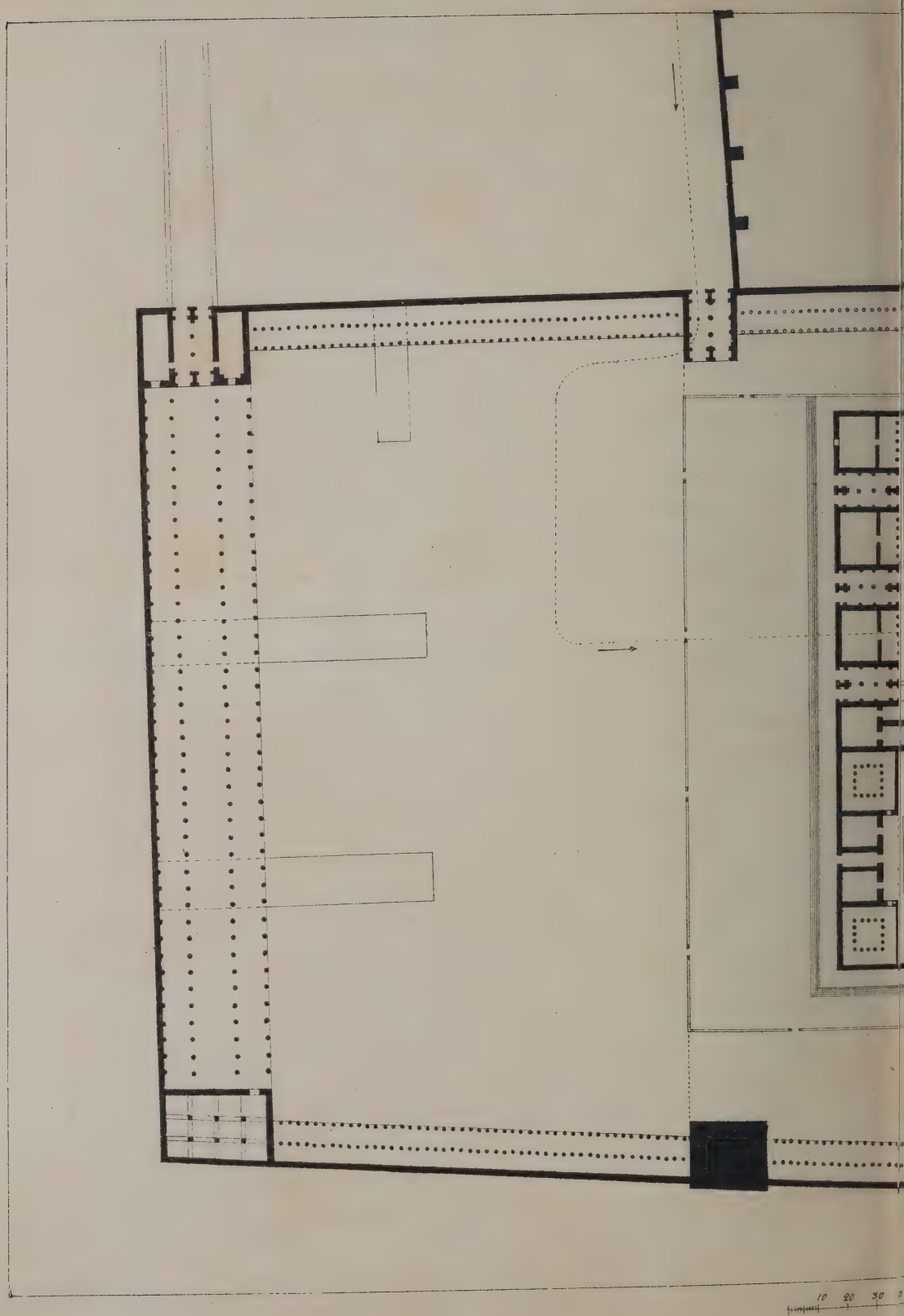
камней выпусковыхъ, gazith. Но такъ какъ такіе же камни были во всѣхъ постройкахъ храма, то спеціальное названіе даннаго зданія именемъ gazith нужно понимать въ томъ смыслѣ, что отдѣлка камней выпусками была не только снаружи, но и внутри; именно внутренняя зала этого зданія была залою gazith. Съ другой стороны, зала этого зданія, по преданію, имѣла видъ *базилики,* כמין בסילקי גדולה (Ioma 25, 1), т. е. состояла изъ двухъ или трехъ нефовъ, раздѣленныхъ колоннами, подобно александрійской синагогѣ и вообще всѣмъ древнимъ синагогамъ. Такой видъ получила зала gazith по своему особенному назначенію служить мѣстомъ собраній великаго Синедріона изъ 71 члена (Midd. V, 4). Такъ какъ въ залѣ Синедріона собирались лица, не имѣвшія права возсѣдать во внутреннемъ дворѣ храма, то зала засѣданій выступала изъ линіи перибола на Chel. Вогюэ опять не придаетъ никакого значенія этому свидѣтельству и залу gazith вдвигаетъ въ общую линію двора, предпочитая всему правильность линій и симметрію. Но симметрія здѣсь могла не нарушаться вслѣдствіе того, что выступъ изъ линіи перибола залы gazith приходился на углу и имѣлъ соотвѣтствіе въ такомъ же выступѣ противоположной сѣверной стороны въ зданіи Beth-hamoked. Фергюссонъ, желая остаться вѣрнымъ преданію касательно расположенія залы gazith и въ то же время сохранить правильность линіи перибола, переноситъ залу gazith во дворъ женщинъ, который, какъ мы уже говорили, имѣетъ у него значеніе вала или только преддверія внутренняго двора. Этимъ, говоритъ Фергюссонъ, вполнѣ объясняется выраженіе мишны, что зала gazith *одною половиною была внутри Chel, а другою снаружи.* Внутренній Chel есть дворъ женщинъ, а наружный — Chel

въ собственномъ смыслѣ или валъ, предварявшій и дворъ женщинъ. Но Фергюссонъ забываетъ, что также точно, по свидѣтельству мишны, былъ построенъ и Beth-hamoked, между тѣмъ Фергюссонъ оставляетъ его во внутреннемъ дворѣ и не выдвигаетъ изъ общей линіи перибола. Съ другой стороны, во дворѣ женщинъ нѣтъ мѣста для залы Синедріона, особенно въ томъ дворѣ женщинъ, который показанъ на планѣ Фергюссона. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Фергюссонъ допускаетъ новый произволъ, дѣлая изъ залы Синедріона верхній этажъ надъ двумя камерами, дѣйствительно бывшими во дворѣ женщинъ. Неправильно также зала великаго Синедріона показана на планѣ Блоха на сѣверной сторонѣ двора [1]. Второе зданіе южной стороны, отвѣчавшее зданію Парва на сѣверѣ, носило названіе Паргедринъ (πάρεδροι) или Вулевтинъ (βουλευτοί). Какъ видно изъ этихъ названій, оно также было въ распоряженіи членовъ Синедріона, хотя талмудъ полагаетъ, что здѣсь было также убѣжище первосвященника въ теченіе недѣли, предшествовавшей дню Очищенія. Третья камера южной стороны была складомъ дровъ для жертвенника (Iad chazaka VIII, 5, 17). Четвертая камера была камерою водокачки у воротъ hamaim. Здѣсь былъ большой резервуаръ и колесо, которымъ накачивали воду для потребностей всего внутренняго двора. Между указанными четырьмя камерами было трое южныхъ воротъ, на линіи сѣверныхъ воротъ, конечно такого же устройства, а не въ большемъ видѣ (Фергюссонъ). На планѣ Барклея южная сторона имѣетъ

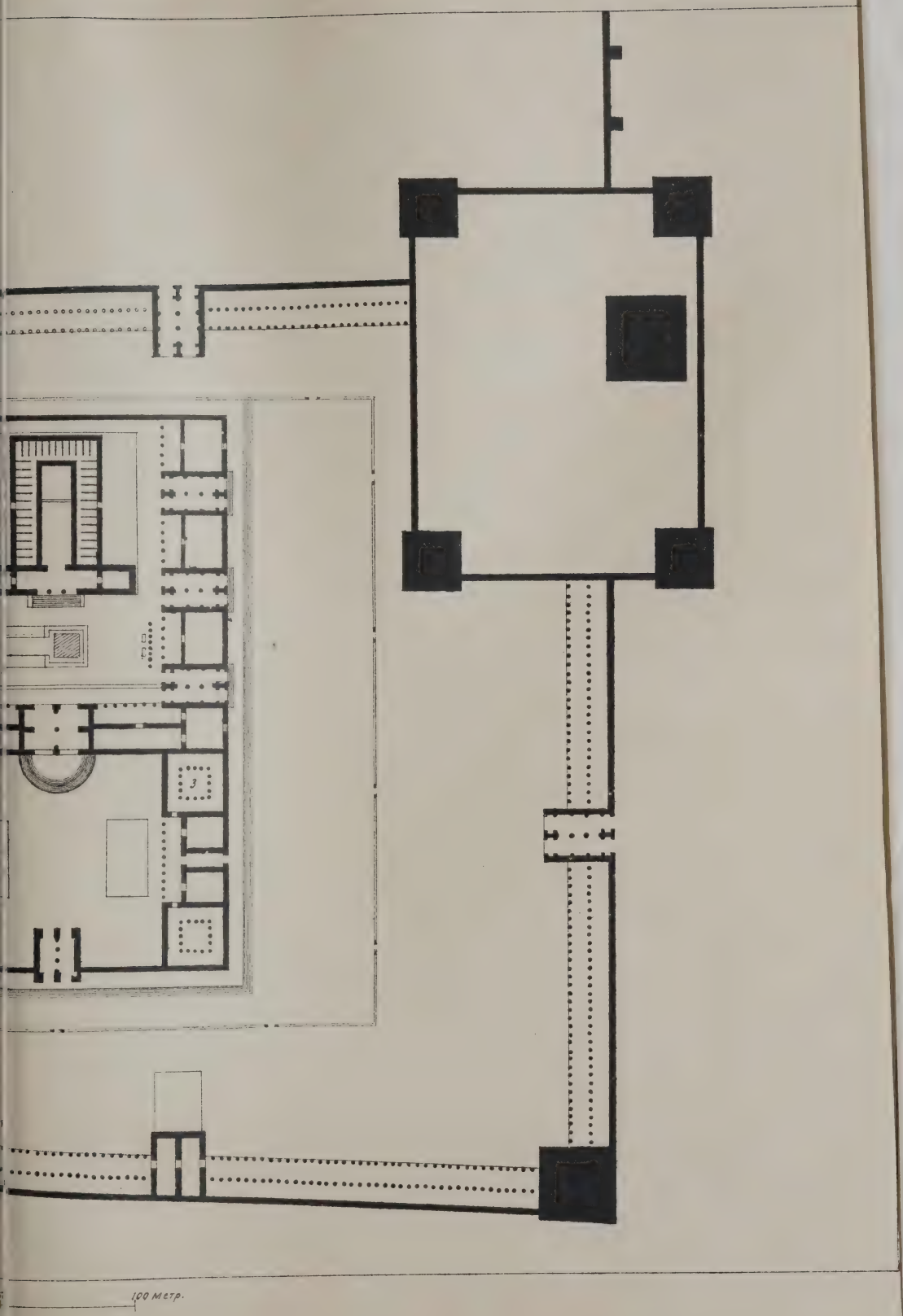
[1] Въ залу gazith былъ бы приведенъ для суда и Іисусъ Христосъ, если бы незадолго предъ тѣмъ, за 40 лѣтъ до разрушенія Іерусалима, у великаго Синедріона не было отнято римлянами право жизни и смерти (Sanh. 24, 2). Вмѣстѣ съ тѣмъ собранія Синедріона были перенесены въ другое мѣсто.

одно большое зданіе gazith, а выходовъ на валъ 4, и притомъ расположенныхъ весьма неправильно.—На восточной сторонѣ, обращенной къ двору женщинъ, по ту и другую сторону воротъ, также были двѣ камеры, одна служившая ризницею для священниковъ, называющаяся въ преданіи именемъ Пинхаса, послѣдняго ризничаго іерусалимскаго храма, а другая, называвшаяся Хабитинъ, служившая мѣстомъ приготовленія ежедневной мучной жертвы первосвященника. Послѣднія камеры представляли верхній этажъ двухъ западныхъ камеръ двора женщинъ, бывшихъ въ западной стѣнѣ. Замѣчательно, что Іосифъ Флавій ничего не говоритъ объ упомянутыхъ въ мишнѣ камерахъ внутренняго двора, хотя говоритъ вообще о бывшихъ здѣсь кладовыхъ и сокровищницахъ. Изъ этого слѣдуетъ то, что камеры двора были вообще небольшія и что онѣ заслонялись колоннадою и терялись въ массивѣ стѣны. На стр. 455 мы привели очень хорошо сдѣланный планъ внутренняго двора приспособительно къ сочиненіямъ Іосифа (Spiess. Der Tempel zu Jerusalem nach Josephus). На немъ не указано ни одной камеры вдоль стѣнъ, но, соображая необыкновенную толщину стѣнъ сѣверной, южной и восточной въ сравненіи съ западною стѣною, легко можно придти къ заключенію, что стѣна расширена здѣсь не даромъ, и что въ массивѣ ея устроены храмовые склады. Планъ Шписса очень близокъ къ плану Вогюэ и дополняетъ этотъ послѣдній только западною колоннадою, безъ которой внутренній дворъ не могъ считаться законченнымъ.

Теперь, когда для насъ ясна окружность западнаго отдѣленія храма, его периболъ съ камерами и галлереями, посмотримъ, чѣмъ была наполнена его внутренность. Грунтъ двора большею частію состоялъ здѣсь



Планъ храм



рода по Вогюэ

Хромо-Литогр. Н. ИНДУТНАГО, Сергіевская ул. № 18

изъ натуральной выровненной скалы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была земляная насыпь, дворъ былъ вымощенъ большими каменными плитами. За цѣлостію мостовой въ этомъ дворѣ смотрѣли очень строго, „чтобы при совершеніи какого-нибудь богослужебнаго акта священникъ не наткнулся на выпавшій изъ мостовой камень“ (Iad chazaka VIII, 1). Пыль, нечистота, заносимая сюда животными, разносившійся по двору пепелъ жертвенника, брызги крови и проч., постоянно смывались струями накачиваемой воды. Такъ какъ ветхозавѣтные священники не носили обуви и на святомъ мѣстѣ всегда ходили босыми, то въ зимнее время отъ каменнаго пола они должны были испытывать чувствительный холодъ, и постоянно навѣдывались въ Beth-hamoked, гдѣ горѣлъ для нихъ неугасимый костеръ. На случай болѣзни кого-либо изъ священниковъ, въ его очередное служеніе при храмѣ, въ Beth-hamoked находился постоянно врачъ изъ тѣхъ же священниковъ. Имя одного изъ врачей храма *бенъ-Ахай* случайно сохранилось въ преданіи учителей талмуда (Schekalim, V, 48 d. Jerus).

Но заключенное здѣсь пространство западной половины двора въ свою очередь подраздѣлялось на двѣ части: дворъ израильтянъ и дворъ священниковъ. Дворомъ израильтянъ называлась узкая полоса вдоль всей восточной стѣны всего 11 локтей широты. Это было ничто иное, какъ переходная ступень изъ двора женщинъ во дворъ богослуженія и священниковъ. Отъ слѣдующаго отдѣленія или двора священниковъ дворъ израильтянъ отдѣлялся новымъ подъемомъ горы на одинъ локоть высоты (Midd. II, 6); по краю подъема былъ проведенъ изящный каменный брустверъ въ видѣ прямой линіи, отъ стѣны до стѣны, 135 локтей (εὔλιθον τι καὶ χαριὲν γείσιον. Bell. V, 5, 6). Не нужно думать, что

узкое отдѣленіе, называвшееся дворомъ израильтянъ, было назначено именно для израильскаго народа. Мы видѣли уже, что для массъ народа назначалось восточное отдѣленіе или дворъ женщинъ. Все же западное отдѣленіе, начиная отъ воротъ верхнихъ, было дворомъ священниковъ или дворомъ богослуженія. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ требовалось участіе представителей народа, то обычай требовалъ, чтобы 10 такихъ представителей отъ общества были при всякомъ богослуженіи тутъ же во дворѣ священниковъ. Мѣстостояніе этихъ-то десяти израильтянъ и называлось отдѣленіемъ или лучше перегородкою (γείσον) израильтянъ. Но что въ дѣйствительности и эта полоса двора принадлежала священникамъ, какъ нельзя болѣе ясно видно изъ того, что здѣсь была ризница, т. е. именно такой пунктъ, къ которому чаще всего должны были обращаться священники. Поэтому несправедливо Фергюссонъ (98) и Пайллу (368) считаютъ ненормальнымъ традиціонное узкое отдѣленіе двора израильтянъ и увеличиваютъ его по своимъ соображеніямъ. Именно, по плану Фергюссона, дворомъ израильтянъ была не только эта полоса вдоль восточной стѣны, но и вся южная сторона дальнѣйшей площади двора между описанными нами южными воротами и камерами и корпусомъ храма. Дворомъ же священниковъ было мѣсто окружавшее жертвенникъ и затѣмъ сѣверная сторона остальной части двора между сѣверными воротами и камерами и корпусомъ храма. Поэтому-то, говоритъ Фергюссонъ, южная часть всего этого двора, какъ посѣщаемая обществомъ, лучше была отдѣлана, чѣмъ вся сѣверная сторона, доступная однимъ священникамъ“ (ср. Kitto. Encycl. Vol. 3, p. 766). Какой, спрашивается, смыслъ имѣло бы присутствіе народа въ тылу храма, когда все богослуженіе

совершалось впереди, предъ фронтомъ храма и предъ широкими воротами, открытыми къ народу во дворъ женщинъ? И мишна и Іосифъ рѣшительно не допускаютъ возможности какихъ-нибудь раздѣляющихъ линій въ направленіи съ востока на западъ; всѣ раздѣленія внутренняго двора шли въ противоположномъ направленіи съ сѣвера на югъ. Еще далѣе отъ традиціоннаго раздѣленія внутренняго двора стоитъ Вилляльпандъ-Пайллу, на планѣ котораго дворъ израильтянъ широкою полосою со всѣхъ сторонъ обнимаетъ дворъ священниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ совершенно уничтожается та система стѣнъ, камеръ, воротъ и галлерей, которую воздвигаютъ вдоль внутренняго двора Іосифъ и мишна. По счастію, у Іосифа Флавія сохранилась самая исторія подраздѣленій внутренняго двора іерусалимскаго храма. Первая мысль о раздѣленіи на части внутренняго двора принадлежитъ Александру Іаннею. Однажды возмутившійся народъ, имѣвшій еще всею своею массою свободный доступъ къ мѣсту священнодѣйствія, прервалъ богослуженіе, бросая въ первосвященника лимонами, которые въ случившійся тогда праздникъ Кущей, по обычаю, были въ рукахъ у каждаго. Чтобы предотвратить на дальнѣйшее время подобные безпорядки, Александръ Іанней отдалилъ народъ отъ жертвенника священнодѣйствій и поставилъ ограду на чертѣ, до которой можно было приближаться народу (Antiqu. XIII, 13, 5). Храмъ Ирода еще болѣе увеличилъ это раздѣленіе между мѣстомъ народа или дворомъ женщинъ и мѣстомъ священнослужителей. На пограничной чертѣ между ними былъ сдѣланъ не брустверъ только, но высокая крѣпостная стѣна и весьма крѣпкія, хотя и необыкновенно широкія, ворота. „Но въ такомъ случаѣ, возражаетъ Пайллу, слушать священныя молитвословія въ храмѣ

многочисленному народу, толпившемуся во дворѣ женщинъ и во дворѣ языковъ, было такъ же невозможно, какъ невозможно парижанину, стоящему на Новомъ Мосту, слушать мессу, совершающуюся въ храмѣ Notre-Dame de Paris (Monographie du Temple de Salomon, 368)". „Между тѣмъ, прибавляетъ Пайллу въ другомъ мѣстѣ (стр. 370), гордые своею праведностію фарисеи не могли бы довольствоваться тѣми скромными мѣстами, которыя, при большомъ стеченіи народа, имъ пришлось бы занимать гдѣ-нибудь во дворѣ языковъ; развѣ только какой-нибудь мытарь, по евангельской притчѣ (Лук. 18, 13), добровольно становился вдали отъ центральнаго мѣста богослуженія". Это возраженіе Пайллу долженъ былъ обратить, прежде всего, противъ себя самого, потому что его дворъ израильтянъ, окружающій со всѣхъ сторонъ дворъ священниковъ, такъ же отдаленъ отъ мѣста богослуженія галлереями, какъ и тотъ дворъ, который на другихъ планахъ называется дворомъ языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при большихъ стеченіяхъ народа не всѣ могутъ съ удобствомъ присутствовать при богослуженіи и нынѣ въ многочисленныхъ христіанскихъ храмахъ. Тѣмъ болѣе невозможно было быть зрителями жертвоприношеній всѣмъ богомольцамъ ветхозавѣтнаго храма одновременно. Въ обыкновенное же время приходившіе во храмъ легко могли слѣдить за всѣми моментами жертвоприношенія, слушать богослужебное пѣніе и музыку со двора женщинъ, который и у Пайллу является главною частію двора израильтянъ [1].

[1] Касательно другихъ новѣйшихъ плановъ внутренняго двора въ храмѣ Ирода замѣтимъ слѣдующее: *а)* Планъ Барклея дѣлаетъ невозможнымъ сообщеніе между мѣстомъ жертвенника и заднею западною частію двора, такъ какъ притворъ храма, сливаясь съ прилегающими боковыми камерами, заграждаетъ у него всю широту двора; отъ мѣста жертвенника въ западную часть двора можно было пройти только чрезъ Chel, боковыми воротами. *б)* На планѣ Блоха обращаетъ на себя вниманіе то, что всѣ

Въ Древностяхъ, XI, 5, 5, весь народъ собирается только противъ восточнаго фронта храма, т. е. въ томъ отдѣленіи, которое позже названо дворомъ женщинъ.

Въ разстояніи 11 локтей на западъ отъ барьера, отдѣлявшаго дворъ израильтянъ отъ священническаго, возвышался *жертвенникъ всесожженій*, центральный пунктъ ветхозавѣтнаго храмоваго богослуженія.—Моделью послѣплѣннаго жертвенника всесожженій послужилъ отчасти образъ жертвенника, начертанный пророкомъ Іезекіилемъ (43, 13—18), но увеличенный въ масштабѣ. По описанію мишны (Midd. III, 1), жертвенникъ въ своемъ основаніи представлялъ квадратъ 32 локтей; но эта мѣра постепенно сокращалась, такъ что въ своей верхней части жертвенникъ имѣлъ 24 локтя длины и ширины, т. е. былъ вдвое увеличеннымъ квадратомъ жертвенника Іезекіилева (43, 16). Именно: на разстояніи одного локтя высоты отъ мостовой окружающаго двора въ стѣнѣ жертвенника былъ сдѣланъ уступъ или сокращеніе на одинъ локоть со всѣхъ сторонъ, такъ что длина и ширина массива жертвенника здѣсь была уже 30 локтей; нижняя часть жертвенника до этого уступа называлась основаніемъ, iessod, или малымъ выступомъ жертвенника (Іезекіиль). Далѣе чрезъ 5 локтей высоты массивъ жертвенника опять сокращался уступомъ на одинъ локоть со всѣхъ сторонъ, и являлся квадратомъ 28 локтей; этотъ второй уступъ жертвенника назывался sobeb (обходъ) или большой выступъ (Іезекіиль). Дальнѣйшее сокращеніе жертвенника было тамъ, гдѣ выходили такъ называемые роги жертвенника, такъ что линія

дворовыя камеры пріурочены къ небольшей полосѣ двора израильтянъ, слѣдующая же часть двора не имѣетъ ни камеръ, ни колоннады; за то ворота есть и въ западной стѣнѣ. *в)* На планѣ Едерсгейма (The Temple and its Services, 23) камеры показаны на углахъ двора; и вообще этотъ послѣдній планъ невыдержанъ и несогласенъ съ текстомъ.

*

уступа была здѣсь вмѣстѣ карнизомъ, соединявшимъ между собою выступы роговъ. Здѣсь жертвенникъ имѣлъ 26 локтей длины и ширины. Наконецъ еще одинъ уступъ въ массивѣ жертвенника былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предстояли священники при жертвоприношеніи. И здѣсь уступъ правильно обходилъ кругомъ жертвенника, представляя собою площадку, которою пользовались священники при раскладкѣ дровъ, жертвенныхъ частей животныхъ, при очищеніи жертвенника и проч. Этотъ послѣдній уступъ проходилъ на два локтя ниже вершины жертвенника. Массивъ жертвенника здѣсь имѣлъ, какъ мы сказали, 24 локтя въ квадратѣ, слѣдовательно своею широтою превосходилъ внутреннюю широту храма. Что касается общей высоты жертвенника, то, по вычисленію Маймонида (Iad chazaka VIII, 2, 3) она доходила до 58 ладоней, т. е. до 10 локтей безъ 2 ладоней, если считать по большому локтю, или до 11 локтей безъ 3 ладоней, если считать по малому локтю. Іосифъ Флавій, глазомѣру котораго всѣ принадлежности храма являлись въ увеличенномъ видѣ, и жертвенникъ всесожженій увеличиваетъ почти вдвое до 50 локтей длины и ширины и 15 локтей высоты (Bell. V, 5, 6). Невѣрность измѣреній жертвенника у Іосифа видна изъ того уже, что они сильно отступаютъ отъ свидѣтельства Гекатея о жертвенникѣ послѣплѣннаго времени 20 локтей длины и ширины и 12 локтей высоты, между тѣмъ какъ описаніе мишны весьма близко подходитъ къ жертвеннику Гекатея (Contra Appion. 1, 22). Далѣе, описанные нами уступы вокругъ жертвенника Іосифъ называетъ ступенями лѣстницы, приводившими къ жертвеннику, хотя числа ихъ не указываетъ (Bell. VI, 4, 6). Но если можно было описанные уступы назвать лѣстницею, то развѣ только декоративною лѣстницею; пользоваться же

лѣстницею, ступени которой имѣли 5 локтей высоты, не было никакой возможности. Возможно, что среди этой декоративной лѣстницы на восточной сторонѣ жертвенника были обыкновенныя проходныя ступени, подобныя проходнымъ ступенямъ вала среди колоссальной декоративной лѣстницы. Іосифъ Флавій (Bell. VI, 4, 6) изображаетъ трогательную картину на ступеняхъ жертвенника: когда воины Тита уже вторглись во внутренній дворъ, іудеи, привыкшіе считать рогъ жертвенника защитою отъ нападеній гонителей, устремились къ жертвеннику, наполнили всѣ его ступени и уступы; но сокрушенный рогъ ветхозавѣтнаго жертвенника уже потерялъ тогда свою искупительную силу.... Независимо отъ лѣстницы, на южной сторонѣ жертвенника былъ насыпной подъемъ къ жертвеннику, въ видѣ холма 32 локтей длины и 16 локтей широты, доходившаго до верхней площадки вокругъ жертвенника. Внутреннее ядро какъ жертвенника, такъ и приводившей къ нему насыпи было сдѣлано, по точному смыслу закона Мойсеева Исх. 20, 25, изъ дѣвственныхъ, природою образованныхъ, камней, неимѣвшихъ никакихъ искусственныхъ надрѣзовъ или слѣдовъ человѣческой работы и набранныхъ въ дѣвственномъ грунтѣ Бетъ-Херемъ при Виѳлеемѣ (Antiqu. XII, 7, 6; Bell. V, 5, 6; Midd. III, 4), а по Маймониду еще и со дна моря, плотно сложенныхъ и залитыхъ известью и свинцомъ, и образовавшихъ такимъ образомъ одну компактную массу (Майм. Iad, VIII, 3). Кажется, что и наружная сторона жертвенника и его уступы были уже не изъ мѣди, какъ въ жертвенникѣ Соломона, а изъ камня. По крайней мѣрѣ, мишна свидѣтельствуетъ, что жертвенникъ и его насыпь два раза въ году, къ Пасхѣ и празднику Кущей, бѣлились (Midd. III, 4). Кромѣ того, наканунѣ каждой суб-

боты происходила небольшая очистка жертвенника; она состояла въ томъ, что кровь на стѣнкахъ и уступахъ замазывалась известью (соскабливать пятна со стѣны желѣзнымъ орудіемъ запрещалось).

Частнѣйшими особенностями жертвенника Иродова храма служили приспособленія для стока возливавшагося здѣсь вина, а особенно крови закалавшихся здѣсь жертвенныхъ животныхъ. Изъ соединенія многихъ талмудическихъ свидѣтельствъ о каналахъ, имѣвшихъ связь съ жертвенникомъ (Midd. III, 2—3; Tamid III, 6; Sukka 65 и друг.), получаемъ такое представленіе. Подъ жертвенникомъ всесожженій были подземелья, называвшіяся Шитинъ, для стока крови и возліяній вина, а также подземные спуски къ нимъ для очищенія каналовъ. Виносточное устье или каналъ, отвѣсно пробитый въ жертвенникѣ, былъ узокъ и подъ жертвенникомъ соединялся съ небольшимъ резервуаромъ, спеціально предназначавшимся для того, чтобы вино, посвященное жертвеннику, держалось въ немъ въ незагрязненномъ видѣ до своего окончательнаго испаренія. Но такъ какъ достигшее сюда вино, послѣ нѣкотораго времени, образовало осадки, превращавшіеся наконецъ въ твердую массу, то резервуаръ вина требовалъ очищенія. Для очищенія, въ него спускали мальчика, такъ какъ узкое устье не позволяло проникнуть туда взрослому. Изъ этого слѣдуетъ, что очищеніе виннаго канала и резервуара совершалось чрезъ то же устье, которымъ вино входило въ резервуаръ, тѣмъ болѣе, что это очищеніе совершалось очень рѣдко (по талмуду разъ въ 60 или 70 лѣтъ). Напротивъ, кровесточный каналъ, бывшій на юго-западномъ углу жертвенника, требовалъ постояннаго очищенія и притомъ не такого, которое можно было довѣрить мальчику. И кровь, какъ вино,

стекала въ особенный резервуаръ, бывшій подъ жертвенникомъ, но она не могла безнаказанно оставаться тамъ долгое время. Предписывалось каждое утро очищать отъ нея резервуаръ. Для этого къ резервуару былъ сдѣланъ при жертвенникѣ, въ полу мостовой, между жертвенникомъ и храмомъ, особенный подземный спускъ одного локтя ширины, закрывавшійся большою мраморною плитою, съ кольцомъ. Раннимъ утромъ, когда отворялись двери храма, сюда спускался священникъ и омывалъ резервуаръ сильною струею воды, которую онъ пропускалъ сюда особеннымъ снарядомъ. Вмѣстѣ съ водою, кровь уносилась особеннымъ каналомъ въ Кедрскій потокъ, въ новый резервуаръ, гдѣ ее продавали для удобренія садовъ.—Кромѣ этихъ двухъ устьевъ, кровесточнаго и виносточнаго, жертвенникъ всесожженій имѣлъ еще третье устье, пробитое на южной сторонѣ, въ томъ насыпномъ холмѣ, который образовалъ здѣсь подъемъ на жертвенникъ, и соединявшееся съ новымъ подземельемъ или пещерою. Черезъ это устье бросались въ пещеру нѣкоторые ненужные отброски при жертвоприношеніи (Midd. III, 3) [1]. Въ талмудической литературѣ эти подземелья жертвенника возводятся въ значеніе міровыхъ явленій и дѣлаются предметомъ многочисленныхъ агадъ. Происхожденіе ихъ возводится ко времени Соломона и Давида и даже ко времени міротворенія (Sukka 9, 53—54).

На сѣверной сторонѣ жертвенника была цѣлая система приспособленій для закланія и очищенія жертвенныхъ животныхъ. Сдѣланныя первый разъ при первосвященникѣ Іохананѣ, большія кольца, имѣвшія видъ

[1] Блаженный Іеронимъ (на Іезек. 40, 35—43) находитъ въ текстѣ LXX книги Іезекіиля указаніе на особенный, искусно устроенный, каналъ (rivus), которымъ удаляли пепелъ жертвенника и смрадныя части жертвенныхъ животныхъ.

дуги, были вбиты въ мостовую шестью рядами, по 4 кольца въ каждомъ ряду; всего 24 кольца по числу чредъ священниковъ. Кольцами охватывали шею животнаго при его закланіи для того, чтобы удержать животное отъ безпорядочныхъ движеній и всю его кровь спустить въ сосудъ для дальнѣйшаго обряда возліянія крови на жертвенникъ. Далѣе на сѣверъ стояли 8 мраморныхъ столовъ (Вогюэ считаетъ достаточнымъ два?? стола) и 8 мраморныхъ колоннъ, невысокихъ, соединенныхъ, каждыя двѣ, кедровыми перекладинами, въ которыя были вбиты крючки. На столбахъ вѣшались жертвенныя животныя для снятія кожъ, а на мраморныхъ столахъ разлагались затѣмъ для раздробленія ихъ на части (Midd. III, 5). Такимъ образомъ жертвенникъ съ своею насыпью на южной сторонѣ и приспособленіями для жертвеннаго закланія на сѣверной сторонѣ занималъ всю широту двора отъ галлереи до галлереи. Собственно мѣстомъ или площадью жертвенника считалась полоса земли 32 локтей ширины, по ширинѣ жертвенника и 135 локтей длины съ юга на сѣверъ: насыпь, возводящая на жертвенникъ, и самый жертвенникъ занимали 62 локтя; отъ жертвенника до колецъ проходное мѣсто 8 локтей; мѣсто самыхъ колецъ 24 локтя; отъ колецъ до столовъ проходное мѣсто 4 локтя; мѣсто самыхъ столовъ 4 локтя; мѣсто колоннъ $12^1/_2$ локтей; остальные 20 локтей назначались для галлерей, которыя могли быть здѣсь не шире 10 локтей. Впрочемъ, это измѣреніе, проведенное на основаніи комментаторовъ мишны на планѣ Блоха, оказывается неудобнымъ потому, что при немъ центръ жертвенника не совпадаетъ съ центромъ корпуса храма, но нѣсколько отодвигается на югъ, между тѣмъ, какъ справедливо замѣтилъ Фергюссонъ, если что-либо можно утверждать о

храмѣ съ полною достовѣрностію, то это именно то, что ось жертвенника и храма была общая. Поэтому гораздо лучше дѣлаютъ Барклей, Едерсгеймъ и друг., съуживая на своихъ планахъ мѣста колецъ и столовъ и подвигая жертвенникъ на его законное мѣсто. На планѣ Вогюэ жертвенникъ всесожженій своею центральною линіею также не совпадаетъ съ центральною линіею храма, но подвинутъ больше надлежащаго не на югъ, а на сѣверъ. Это произошло, какъ видно на самомъ планѣ, отъ желанія Вогюэ поставить въ связь положеніе храма и жертвенника съ группою древнихъ цистернъ и подземныхъ каналовъ, существующихъ въ данномъ мѣстѣ на нынѣшней площади храма. Такъ какъ проходящій по центральной линіи храма подземный каналъ поворачиваетъ затѣмъ нѣсколько на сѣверъ, то Вогюэ, сообразно съ этимъ, подвинулъ къ сѣверу и мѣсто жертвенника. О значеніи этого отождествленія мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.—По раввинскимъ опредѣленіямъ, площадь жертвенника, начиная отъ барьера, имѣла седьмую степень святости, по которой входъ сюда возбранялся не только иновѣрцу, но и всякому израильтянину, не принадлежавшему къ сословію священниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приноситель жертвы—израильтянинъ по закону долженъ былъ присутствовать при самомъ обрядѣ, чтобы возложить руки на жертвенное животное и заколоть его. Сюда не входили даже священники въ состояніи нечистоты (Kelim, 1, 8; Bell. V, 5, 6; Antiqu. XV, 11, 5) [1].

[1] Іосифъ Флавій (Antiqu. XX, 8, 11) свидѣтельствуетъ, что когда Иродъ Агриппа на мѣстѣ дворца Асмонеевъ построилъ очень высокій домъ и изъ верхней спальни своей наблюдалъ обряды богослуженія во внутреннемъ дворѣ, то іерусалимскіе старѣйшины нашли непозволительнымъ такое любопытство и какъ разъ противъ дворца Агриппы, надъ камерою gazith, воздвигли каменную стѣну, закрывавшую отъ городскихъ

На юго-западной сторонѣ жертвенника, на своемъ традиціонномъ мѣстѣ, стоялъ большой бассейнъ для воды, замѣнившій мѣдное море Соломона и называвшійся древнемъ именемъ כיור. Онъ наполнялся водою изъ цистерны, бывшей въ камерѣ, называвшейся камерою водокачки. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ разумѣется механизмъ, изобрѣтенный механикомъ Бенъ-Катиномъ для доставленія воды въ бассейнъ и для снабженія водою всего внутренняго двора (Ioma III, 10; Tamid 28, 2). О величинѣ бассейна Иродова источники не говорятъ, но изъ сдѣланныхъ къ нему приспособленій видно, что онъ былъ выше человѣческаго роста. Кромѣ цистерны, находившейся въ камерѣ Бенъ-Катина, площадь храма имѣла много другихъ цистернъ, постоянно наполнявшихся свѣжею водою изъ прудовъ Еѳамскихъ посредствомъ водопровода (Ioma 41, 1).

Переходимъ теперь къ корпусу самаго храма Ветхаго Завѣта въ послѣдней фазѣ его существованія. Источники называютъ его ὁ ναός, hechal, и приписываютъ ему девятую и десятую степень земной святости, по его двумъ отдѣленіямъ, святому и святому святыхъ (Kelim, 1, 9).

Іосифъ Флавій (Bell. V, 5, 4) и учители мишны (Midd. III, 6) согласны въ томъ, что храмъ, который они видѣли, т. е. храмъ, передѣланный при Иродѣ, стоялъ на платформѣ, возвышавшейся надъ уровнемъ

жителей мѣсто жертвоприношеній. Агриппа приказалъ было разобрать эту стѣну, но старѣйшины послали пословъ въ Римъ къ императору Нерону и, при содѣйствіи супруги Нерона, отстояли стѣну. Это напоминаетъ позднѣйшую исторію храма Гроба Господня, который былъ окруженъ магометанскими жилищами такъ тѣсно, что окна гаремовъ выходили въ самый храмъ и обитательницы гаремовъ проводили время въ наблюденіи за христіанскими обрядами.

внутренняго двора; въ мишнѣ она называется otem. אומם, т. е. компактный пластъ камней, твердое основаніе. На платформу, съ фронтовой стороны храма, приводили 12 ступеней. По описанію мишны, каждая ступень имѣла 1 локоть широты и ½ локтя высоты. Послѣ каждыхъ двухъ ступеней третья ступень представляла площадку трехъ локтей широты, а самая верхняя ступень, предъ притворомъ храма, представляла площадку 4 (по другимъ 5) локтей широты. Отсюда въ талмудической литературѣ выраженія: первая, вторая, третья площадка предъ храмомъ. Напримѣръ (Ioma, cap. 4): „священникъ мѣшалъ кровь на *четвертой* площадкѣ лѣстницы храма". Такимъ образомъ лѣстница имѣла длины 21 или 22 локтя, и потому должна была начинаться сейчасъ за жертвенникомъ; высота лѣстницы, а слѣдовательно и платформы въ этомъ пунктѣ, была 6 локтей. Какъ видно изъ приведеннаго на стр. 462 изображенія іерусалимскаго храма, найденнаго въ Римѣ, вся лѣстница была изъ бѣлаго мрамора. Съ другихъ сторонъ лѣстницъ не было, и высота платформы была гораздо больше, особенно на западной сторонѣ. На упомянутомъ сейчасъ римскомъ изображеніи храма высота платформы подъ храмомъ почти равна высотѣ окружной колоннады внутренняго двора. По своему составу и кладкѣ платформа представляла циклопическую стѣну, камни которой достигали до 45 локтей длины, 5 локтей высоты и 6 локтей широты (Bell. V, 5, 6). Такихъ камней для всей длины платформы требовалось не болѣе трехъ, такъ что стѣна представляла здѣсь нѣкоторое подобіе ἱερὸν τρίλιθον Баальбека. Длина и ширина платформы прямо неуказана; но такъ какъ предъ фронтомъ храма была площадка 4 или 5 локтей, то, вѣроятно, такая же площадка оставалась отъ платформы со всѣхъ

другихъ сторонъ, вокругъ храма. На основаніи Втор. 22, 8 по краю платформы нужно предполагать ограждающую ее невысокую стѣну.

Храмъ, возвышавшійся на описанной платформѣ, вообще говоря, былъ построенъ по образцу перваго храма. Всѣ отдѣленія Соломонова храма есть и здѣсь: притворъ и внутренняя зала, раздѣленная на двѣ части: святое и святое святыхъ. Даже внутренняя длина и ширина святаго и святаго святыхъ остались тѣ же. Остались и трехъярусныя боковыя пристройки вокругъ храма, въ томъ же количествѣ и порядкѣ ихъ расположенія. Всѣхъ камеръ, по Midd. IV, 3, было на продольныхъ сторонахъ по 5 въ каждомъ этажѣ, а на западной сторонѣ по 3 камеры въ двухъ нижнихъ этажахъ и 2 въ третьемъ этажѣ; всего 38 камеръ. Общій ходъ въ камеры былъ на сѣверо-восточномъ углу; у Іосифа онъ называется золотою дверью (Bell. VI, 4, 5). Но храмъ Ирода существенно отличался отъ Соломонова наружнымъ видомъ и прежде всего своею высотою. Мы уже говорили, что у іудеевъ фарисейскаго періода было необыкновенное стремленіе увеличивать высоту храма. Имъ казалось, что, возвышая свой храмъ выше Соломонова, они тѣмъ самымъ реализируютъ пророчество Аггея (2, 9) о необыкновенной славѣ второго храма.

По описанію фарисея Іосифа Флавія, храмъ Ирода имѣлъ высоты 100 локтей (Bell. V, 5, 2) и 120 локтей (Antiqu. XV, 11, 3). Послѣдняя цифра невѣроятна и сама по себѣ и по противорѣчію первой. Но первое опредѣленіе сто-локтевой высоты храма подтверждается свидѣтельствомъ мишны (Midd. IV, 6) и должно считаться несомнѣннымъ. Какъ само собою разумѣется, такая высота не могла имѣть мѣста при одноэтажной залѣ Соломонова храма, но должна была раздѣляться

между нѣсколькими этажами. Въ частномъ опредѣленіи высоты отдѣльныхъ этажей наши источники расходятся. Прежде всего, по своей видимой точности, заслуживаетъ вниманія слѣдующее описаніе высоты храма въ мишнѣ: „высота храма сто локтей, а именно: otem 6 локтей, „нижній этажъ 40 локтей, kiur 1 локоть, beth dlifa „2 локтя, thakara 1 локоть, maaziba 1 локоть, второй „этажъ 40 локтей, kiur 1 локоть, beth dlifa 2 локтя, „thakara 1 локоть, maaziba 1 локоть, maakeh 3 локтя, „kole oreb (воронье чучело) 1 локоть. Рабби Іуда ска„залъ: kole oreb не отдѣлялось отъ maakeh, но maakeh „имѣла 4 локтя“ (Midd. IV, 6). Такимъ образомъ храмъ имѣлъ два этажа: нижній этажъ или древнее святилище, зала святаго и святаго святыхъ, имѣетъ высоты 40 локтей, и на ея крышѣ возведенная верхняя зала или второй этажъ храма имѣетъ такую же высоту 40 локтей. Къ этой внутренней высотѣ двухъ этажей (40+40=80) въ наружномъ видѣ храма указанъ рядъ прибавленій, равняющихся въ совокупности 20 локтямъ. Именно внизу otem или извѣстная уже намъ платформа, имѣвшая на фронтовой сторонѣ 6 локтей высоты. Далѣе, послѣ 40 локтей высоты нижняго этажа въ наружной стѣнѣ выступалъ *kiur*, эпистиль или архитравъ одного локтя высоты, а надъ нимъ beth-dlifa или beth-glifa, мѣсто глифовъ или иначе триглифовъ, т. е. фризъ, лежащій обыкновенно на архитравѣ, двухъ локтей. Если будемъ читать безъ предположенной здѣсь перемѣны согласныхъ beth-dlifa или beth-dilfa, т. е. мѣсто *каплей*, то получимъ указаніе на такъ называемыя капли (σταγόνες, guttae) бывшія подъ глифами, т. е. на фризъ, имѣвшій сходство съ фризомъ памятника Авессалома. Выше бетъ-длифа проходила thakara одного локтя высоты, т. е. карнизъ или точнѣе нижній изъ двухъ выда-

вавшихся карнизовъ и maaziba одного локтя, т. е. второй или верхній карнизъ. Этимъ наружнымъ измѣреніямъ стѣны внутри храма соотвѣтствовали два потолка или иначе потолокъ нижняго этажа и полъ верхняго и промежуточное пустое пространство между ними. Kiur соотвѣтствовалъ нижнему потолку, thakara и maaziba сложному верхнему потолку, а beth-dlifa или beth-glifa — пустому пространству между двумя потолками (Маймонидъ) [1]. Затѣмъ идетъ возвышеніе второго этажа 40 локтей съ подобными же повторительными прибавленіями: kiur или архитравъ одного локтя, beth-glifa двухъ локтей, thakara одного локтя и maaziba одного локтя, чему опять съ внутренней стороны соотвѣтствовали два потолка нижній—kiur и верхній сложный—thakara и maaziba, съ промежуточнымъ между ними пространствомъ beth-dlifa. Но здѣсь наверху зданія указано еще прибавленіе, не встрѣчающееся въ нижнемъ этажѣ,—maakeh перила и kole oreb, воронье пугало, одного локтя. Что кругомъ крыши были перила, это понятно, но какой смыслъ могли имѣть на храмѣ вороньи пугала и какимъ образомъ они могли входить въ мѣру высоты храма? На этотъ вопросъ преданіе не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Одни предполагаютъ, что это были острые шпили, якобы препятствовавшіе птицамъ садиться на храмъ (Sabb. 90, 1), другіе, что это была желѣзная доска съ чучелами, похожими на птицъ и сгонявшими съ храма живыхъ птицъ (Aruch). То и другое предположеніе чрезвычайно сомнительны. Если бы крыша въ самомъ дѣлѣ вся была истыкана копьями или шпилями, то она не только не прогоняла бы птицъ, но именно привлекала

[1] Любопытно, что изъ glifa, особеннаго каплеобразнаго орнамента, дальнѣйшее преданіе сдѣлало водостокъ или водосточный каналъ.

бы птицъ; воробьи, голуби не замедлили бы здѣсь завести гнѣзда. Остается другое преданіе, что это были не копья или шпили, а какое-то особенное сооруженіе, украшенное изображеніемъ птицъ и ошибочно названное въ преданіи птицегонителемъ. Намъ кажется, что здѣсь произошло смѣшеніе въ преданіи созвучныхъ словъ. Первоначально это верхнее украшеніе на храмѣ называлось не kole oréb, כֹּלֶה עֹרֵב, т. е. *гонитель вороновъ*, но kole éreb קוֹלֵי עֶרֶב, то есть *башни* (греч. καλία) *навечерій*, башни, имѣвшія какое-то отношеніе къ навечерію предъ праздниками [1]. Мы видѣли уже, что нѣчто подобное было на западныхъ галлереяхъ внѣшняго двора, и тамъ священникъ звуками вечерней трубы возвѣщалъ наступленіе и окончаніе праздничныхъ дней (Bell. IV, 9, 12). И въ первомъ іерусалимскомъ храмѣ была подобная *башня субботная*, которую сбросилъ царь Ахазъ (2 Цар. 16, 18). Такимъ образомъ и то сооруженіе на храмѣ Ирода, изъ желѣзныхъ досокъ, конечно съ колоннами или столбами, о которыхъ говоритъ преданіе, мы считаемъ такою же призывною башнею, или *минаретомъ*. Такъ какъ преданіе настаиваетъ, что здѣсь были какія-то подобія птицъ, то подъ ними нужно разумѣть украшавшіе призывную башню барельефы.

Іосифъ Флавій, признавая сто локтей общей высоты храма, отступаетъ отъ мишны въ ея разложеніи на части. Нижній этажъ храма, по Іосифу, имѣлъ высоты и длины 60 локтей и ширины 20. Кругомъ нижняго этажа во всю его высоту были боковыя камеры въ три яруса. Верхній этажъ не имѣлъ боковыхъ пристроекъ и возвышался 40 локтями (Bell. V, 5, 5).

[1] Въ Вульгатѣ (2 Ездр. 6, 24—25) верхній четвертый этажъ на домѣ Божіемъ называется *meniana*, полузакрытое отдѣленіе зданія на крышѣ или соляріи.

Нельзя думать, что въ этомъ своемъ описаніи Іосифъ имѣетъ въ виду меньшій еврейскій локоть и потому насчитываетъ 60 локтей высоты нижняго этажа, вмѣсто 40 локтей, указанныхъ въ мишнѣ. Въ такомъ случаѣ у него была бы разность и въ опредѣленіи высоты верхняго этажа, а также общей высоты храма, чего однакожъ нѣтъ. Мы думаемъ, что высота 60 локтей, данная главной залѣ или собственно святилищу, выведена у Іосифа Флавія абстрактнымъ путемъ чрезъ удвоеніе внутренней высоты Соломонова храма (30 локтей).

Послѣ мишны и Іосифа Флавія, третьимъ руководителемъ при опредѣленіи высоты Иродова храма служитъ для насъ высота храма на изображеніи іерусалимскаго храма III вѣка, найденномъ въ Римѣ (стр. 462). Исходя изъ того, что высота окружающаго храмъ перибола была 25 локтей, и соизмѣряя этотъ периболъ на данномъ изображеніи съ высотою храма, находимъ, что нижній этажъ зданія имѣлъ не болѣе 30 локтей, а верхній 25 локтей; верхній этажъ, повидимому, предполагается деревянный.

Что сказать объ этихъ измѣреніяхъ высоты Иродова храма? Что касается предположенія Іосифа Флавія о 60 локтяхъ высоты въ главномъ этажѣ храма, то, для убѣжденія въ его совершенной невозможности, достаточно взглянуть на сдѣланный по этому описанію поперечный разрѣзъ Иродова храма въ сочиненіи Унруга: Das alte Ierusalem und seine Bauwerke, Fig. 32. Храмъ на этомъ разрѣзѣ, при своей незначительной широтѣ, кажется устьемъ колодезя. Трудно согласиться и съ опредѣленіемъ мишны, что высота нижняго, а равно и верхняго этажа была 40 локтей. И это слишкомъ много при широтѣ 20 локтей. Кромѣ того, непо-

нятно было бы, какимъ путемъ эта новая внутренняя высота храма могла быть выведена изъ высоты Соломонова храма (30 локтей). Если строители Иродова храма считали обязательнымъ для себя сохранить широту и длину Соломонова храма неприкосновенными, то какъ они могли нарушить его высоту? Мы думаемъ, что этого не могло быть, и что высота нижней залы или собственно святилища была и здѣсь только 30 локтей, какъ это можно отчасти заключать и на основаніи такъ называемаго римскаго изображенія Иродова храма. Передѣлывать радикально нижній этажъ книжники не могли и потому еще, что это былъ тотъ же священный Соломоновъ храмъ, въ значительной части, конечно, сохранившійся отъ вавилонскаго разрушенія. Новое, что было сдѣлано здѣсь при Иродѣ, это было усугубленіе высоты храма верхними этажами [1].

Но, спрашивается, какое реальное основаніе могло имѣть появленіе верхняго этажа на храмѣ, если для дѣйствительнаго святилища было достаточно одного нижняго этажа? По мнѣнію Фергюссона (The Temples of the Jews, 136), въ устройствѣ верхнихъ этажей высказалось вліяніе на іерусалимскій храмъ отдаленной Индіи, храмы которой еще прежде состояли изъ многихъ этажей, вліяніе, идущее въ параллель съ вліяніемъ буддійскихъ доктринъ на іудейство, выразившимся въ сектѣ ессеевъ. Но Индія слишкомъ далеко отъ Іерусалима. Гораздо больше вліянія какъ вообще на доктрины іудеевъ послѣдняго періода и такъ называемое фарисейское міросозерцаніе, такъ и на образъ самаго храма Ирода имѣли Персія и Вавилонъ съ своими многоэтаж-

[1] По свидѣтельству Іосифа, предпринятыя Иродомъ передѣлки въ храмѣ не мѣшали отправленію богослуженія, слѣдовательно не касались нижняго этажа или собственно залы храма.

ными храмами. Но кромѣ этого прямого вліянія, проявившагося въ суетномъ стремленіи книжниковъ довести свой храмъ до высоты прославленныхъ вавилонскихъ храмовъ, Вавилонъ имѣлъ здѣсь другое косвенное вліяніе. Во время продолжительнаго пребыванія въ Вавилонѣ іудеи отвыкли отъ культа храма и жертвъ и привыкли къ такъ называемому синагогальному богослуженію. Храмъ Зоровавеля, построенный подъ надзоромъ пророковъ, отклонилъ образъ синагоги и слѣдовалъ исключительно образу скиніи и перваго храма. Но при реставраціи храма Иродомъ корпусъ святилища былъ вполнѣ предоставленъ фарисеямъ и книжникамъ. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ ничего о тѣхъ преніяхъ, какія необходимо должны были происходить между различными іудейскими школами того времени по вопросу о передѣлкѣ храма; но тѣмъ удивительнѣе для насъ тотъ видъ, въ которомъ явилось древнее іерусалимское святилище, послѣ предоставленной имъ его реставраціи. Вмѣсто единичнаго храма, выражавшаго одну опредѣленную религіозную идею, теперь мы встрѣчаемъ въ Іерусалимѣ два храма: храмъ въ древнемъ смыслѣ, указанномъ въ законѣ Мойсея, въ смыслѣ недоступнаго для человѣка жилища Божія, и храмъ въ другомъ смыслѣ—собранія вѣрующихъ для молитвы и поученія, т. е. синагога. Первый храмъ въ нижнемъ этажѣ, второй храмъ-синагога—въ верхнемъ. Книжники въ буквальномъ смыслѣ основались на Мойсеевомъ сѣдалищѣ (Матѳ. 23, 2), основали свою школу на святомъ и святомъ святыхъ Мойсея! Въ высшей степени характеристичное выраженіе духа времени! Взявъ въ свои руки ключъ разумѣнія (Лук. 11, 52) и свою мудрость, свои собственныя преданія поставивъ выше слова Божія (Матѳ. 15, 1), книжники уже не считали противузаконнымъ превознесеніе своего собственнаго мо-

литвеннаго дома надъ домомъ Божіимъ. Частнѣе два священныхъ мѣста, совершенно независимыхъ одно отъ другого, появившихся теперь на мѣстѣ Соломонова храма, служатъ нагляднымъ выраженіемъ той великой духовной борьбы, которая въ это время развилась въ нѣдрахъ іудейства и которая называется борьбою саддукеевъ и фарисеевъ. Тогда какъ саддукеи-священники, не признававшіе вавилоно-фарисейскихъ традицій, продолжаютъ приносить ежедневныя жертвы и воскурять ѳиміамъ въ нижнемъ святилищѣ по закону Мойсея, фарисеи идутъ въ верхній молитвенный домъ, тамъ надѣваютъ свои особенныя молитвенныя одежды, неизвѣстныя въ нижнемъ храмѣ, и углубляются въ новыя толкованія закона, въ ожиданіи новаго порядка вещей, который они уже предусматривали на основаніи древнихъ пророчествъ.

Доказательствами дѣйствительнаго существованія синагоги въ верхнемъ этажѣ іерусалимскаго храма могутъ служить слѣдующія соображенія:

1. Невозможность подыскать какое нибудь другое назначеніе для второго этажа храма, по своимъ размѣрамъ и устройству, какъ говоритъ преданіе, совершенно равнаго нижнему этажу. Многіе позднѣйшіе раввины, а за ними и нѣкоторые христіанскіе изслѣдователи полагали, что верхній этажъ былъ совершенно такимъ же храмомъ, какъ и нижній, что и здѣсь были всѣ тѣ священные сосуды, которые были и въ нижнемъ этажѣ, и совершенно въ такомъ же порядкѣ, и даже съ удержаніемъ раздѣленія святаго и святаго святыхъ. Этого не могло быть, потому что храмъ ветхозавѣтный, по ясному смыслу закона, могъ существовать только какъ единственный и нигдѣ не повторяющійся храмъ. Напротивъ синагоги, по самой идеѣ своей, должны были повторяться какъ можно чаще. Въ

Іерусалимѣ онѣ были на каждой улицѣ, при каждомъ большомъ дворѣ. Мы видѣли, что синагога была и во внѣшнемъ дворѣ храма. Остается предположить, что и внутренній дворъ храма имѣлъ свою синагогу и что она была въ совершенно свободномъ и неимѣвшемъ другого назначенія второмъ этажѣ храма [1].

2. Назначеніе второго этажа храма служить синагогою видно изъ того описанія, которое даетъ ему мишна (Midd. IV, 5). При всей своей неясности, оно однакожъ имѣетъ нѣкоторыя черты, изъ которыхъ могутъ быть выведены опредѣленныя заключенія. Восхожденіе на второй этажъ храма было на сѣверо-восточномъ углу. Витая лѣстница приводила на крышу боковыхъ камеръ, высота которыхъ была равна высотѣ нижняго этажа храма. Но въ этомъ пунктѣ входа въ верхній этажъ не было. Чтобы дойти до его двери, нужно было пройти по крышѣ всю сѣверную сторону боковыхъ пристроекъ, затѣмъ всю западную и южную. Здѣсь только находили входъ въ верхній этажъ святилища, שפתחה של עליה פתוח לדרום, nam porta caenaculi versus Austrum aperiebatur. Спрашивается, почему нужно было верхній этажъ храма порталомъ обратить на *югъ* и заставить входящихъ сюда дѣлать обхожденіе по крышѣ вокругъ всего зданія? Потому что, по обычаю устройства древнихъ синагогъ, входная сторона ихъ всегда обращалась на югъ (см. Vigouroux, Mélanges bibliques, Les synagogues, 386) [2].

[1] Любопытно, что іудейское преданіе времени Иродова храма къ богослужебнымъ первосвященническимъ одеждамъ храма прибавляетъ еще тефилимъ, молитвенные знаки принадлежащіе синагогальной молитвѣ.— [2] Равнымъ образомъ и то обстоятельство, что синагогѣ отведенъ верхній этажъ, имѣетъ связь съ тѣмъ древнимъ раввинскимъ постановленіемъ, что синагога должна занимать самое возвышенное мѣсто въ городѣ, возвышаться надъ всѣми городскими зданіями (Maim. Hilcoth thefila, cap. I, § 2). Тотъ городъ, въ которомъ частные дома возвышаются надъ синаго-

3. По свидѣтельству талмудическаго преданія (Joma 54, 1) святое святыхъ храма было доступно всѣмъ израильтянамъ. Когда какой либо израильтянинъ приходилъ на праздникъ въ Іерусалимъ, предъ нимъ отдергивали завѣсу святаго святыхъ и показывали херувимовъ, которые стояли тамъ, обнявшись крыльями, и говорили: *„смотрите, такъ и Богъ объемлетъ васъ своею любовью“*. Какъ понимать это преданіе? Невозможно допустить, чтобы непосвященные мірскіе люди прямымъ путемъ приходили къ святому святыхъ. Это было бы попраніемъ всего ветхозавѣтнаго культа и не могло быть допущено священниками. Остается разумѣть здѣсь наблюденіе святаго святыхъ со второго этажа. Дѣло въ томъ, что, по Midd. IV, 5, въ верхнемъ этажѣ, надъ мѣстомъ святаго святыхъ, была сдѣлана въ полу отдушина, которою спускали во святое святыхъ въ корзинѣ рабочихъ, когда, предъ Пасхою, бѣлились всѣ стѣны храма, такъ какъ прямое вхожденіе во святое святыхъ, даже при ремонтировкѣ его, не позволялось. Это-то отверстіе открывали приходящимъ богомольцамъ, чтобы показать вырѣзанныхъ на стѣнахъ херувимовъ. И такъ приходившіе въ Іерусалимъ богомольцы заходили въ верхній этажъ храма, слѣдовательно смотрѣли на него, какъ на доступное для нихъ мѣсто религіозно-назидательнаго собранія, т. е. какъ на синагогу. Тѣ слова, которыми встрѣчалъ ихъ здѣсь предстоятель синагоги: „смотрите, такъ и васъ объемлетъ Богъ любовью“, была обыкновенная тема проповѣди приходящимъ слушателямъ въ этой исключительной синагогѣ [1]. Что же ка-

гою, долженъ быть разрушенъ (Sabbath, Gemar. ad cap. 1, fol. 2, col. 4). Въ крайнемъ случаѣ синагога должна возвышаться надъ городскими зданіями шпицемъ на крышѣ.

[1] Мы уже говорили, что при храмѣ Ирода, кромѣ левитовъ и священниковъ, фигурировали, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, должностныя лица синагогъ, какъ архисинагогосъ, хазанъ и проч.

сается самаго акта раскрытія предъ приходящими недоступной глубины святаго святыхъ, то это во всякомъ случаѣ было злоупотребленіе. Оно даетъ намъ право заключать, что во второмъ этажѣ храма Иродова было другое управленіе, не совсѣмъ согласное съ тѣмъ управленіемъ, которое, на основаніи закона Мойсея, практиковалось въ нижнемъ этажѣ храма [2].

4. У Іосифа Флавія, второй этажъ храма называется τὸ ὑπερῷον μέρος, въ мишнѣ alija, верхняя горница. Этими названіями не опредѣляется ихъ назначеніе. Въ латинскомъ переводѣ мишны Суренгузія переводится coenaculum не потому, конечно, чтобы переводчикъ въ самомъ дѣлѣ предполагалъ здѣсь священническую столовую, а потому, какъ говоритъ Буддей, что coenacula sunt altiora domus ad quae scalis seu cochleis ascenditur. Названіе, непосредственно указывающее назначеніе второго этажа находимъ только у Унруга—auditorium, theils als Studirzimmer, theils als Lehr-und Hörsaal (Das alte Jerusalem 120, 206). Но это и есть опредѣленіе синагоги. Фергюссонъ (The Temples of the Jews, 130—136) считаетъ второй этажъ храма даже мѣстомъ собраній такъ называемой великой синагоги изъ 120 членовъ, т. е. высшаго синода въ Іерусалимѣ, стоявшаго въ періодъ второго храма во главѣ іудейской націи. Это гораздо труднѣе допустить, чѣмъ наше предположеніе обыкновенной синагоги или залы для молитвъ и чтенія закона. Во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться

[1] Что же касается раздѣленія площади храма на дворы по ихъ назначенію, то оно строго соблюдалось только по отношенію къ язычникамъ и женщинамъ; тѣ и другія не могли проникать дальше назначенныхъ для нихъ мѣстъ. Фарисеи же свои права въ этомъ отношеніи приравнивали къ правамъ священниковъ и свободно проникали во дворъ священниковъ, гдѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ цѣлыя толпы народа (Antiqu. XVII, 6. 1—4 и друг.).

съ Пэномъ (Temple of the Talmud), что второй этажъ на храмѣ Ирода былъ такою же фикціею, какъ и второй этажъ на храмѣ Соломона. Его можно считать несуществовавшимъ для храма, такъ какъ, кромѣ святаго и святаго святыхъ нижняго этажа, для храма не требовалось другихъ верхнихъ отдѣленій. Но вообще его существованіе во храмѣ Ирода не подлежитъ сомнѣнію. „Богъ сотворилъ два храма, говоритъ раввинская агада, одинъ надъ другимъ и одинъ подобный другому, святилище наверху какъ бы на небѣ, и святилище внизу, на землѣ“. (Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, 1, 160).

Соглашаясь, такимъ образомъ, съ преданіемъ по вопросу о существованіи второго этажа на храмѣ Ирода, мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ тою высотою, какую предполагаетъ въ немъ преданіе. Іосифъ Флавій и мишна, какъ мы видѣли, назначаютъ для него 40 локтей. Но верхній этажъ не могъ быть больше нижняго главнаго этажа. По всей вѣроятности онъ былъ равенъ ему, какъ удостовѣряетъ мишна, т. е. имѣлъ 30 локтей высоты. Такимъ образомъ нижній и второй этажи вмѣстѣ давали внутренней высоты 60 локтей. Прибавляя сюда то, что мишна говоритъ о высотѣ основанія, потолка и крыши, получимъ высоту храма, равную 80 локтямъ. Правда, нѣкоторые изслѣдователи, Вогюэ (Le Temple, 56), Эберсъ и Гуте (Palästina in Bild und Wort, 84), находятъ возможнымъ сократить и наружную высоту храма Ирода до 60 локтей, но для этого требуется отступить не только отъ преданія мишны, но и отъ библейскаго опредѣленія нормальной мѣры этажей (30 локтей) по внутреннему ихъ измѣренію, или же совершенно отвергнуть существованіе второго этажа (изъ текста Вогюэ не видно, до-

пускаетъ ли онъ верхній этажъ храма Ирода или нѣтъ) [1]. И такъ требуется найти въ высотѣ храма еще 20 локтей, чтобы получить полную традиціонную высоту 100 локтей.

Единственная возможность положительнаго рѣшенія этого вопроса состоитъ въ предположеніи еще одного, третьяго этажа на храмѣ. Но такъ какъ для него остается только половина той высоты, какую имѣли два нижніе этажа, то его нужно считать неполнымъ этажемъ или башнеобразнымъ возвышеніемъ на храмѣ. Если уже второй этажъ былъ сокращеннѣе и уже нижняго (Bell. V, 5, 5), то третій этажъ долженъ былъ представлять сокращеніе и по отношенію ко второму этажу. Но такъ какъ, далѣе, сокращеніе второго этажа состояло въ томъ, что онъ занималъ только срединную часть нижняго этажа и не покрывалъ краевъ его, то и сокращеніе третьяго этажа должно было состоять въ его башнеобразномъ возвышеніи надъ срединою второго этажа, въ видѣ нашего купола. Возможно, что третій этажъ или башня Иродова храма занимала именно то мѣсто, какое занимаетъ башня на вышеприведенномъ изображеніи ассирійскаго храма. Въ такомъ случаѣ третій этажъ храма былъ изъ дерева. Это подтверждается свидѣтельствомъ Іосифа (Bell. V, 1, 5), что когда, при царѣ Агриппѣ, священники задумали поднять еще болѣе высоту храма, слѣдовательно произвесть передѣлки именно третьяго этажа храма, то матеріаломъ работъ они предположили имѣть одно дерево. На римскомъ изображеніи іерусалимскаго храма уже второй этажъ показанъ деревянный. Другіе изслѣдователи вы-

[1] Одило Вольфъ (Tempel von Jerusalem, 1887, 79) даетъ нижнему этажу 40 локтей, а верхнему 20; наружную же высоту корпуса полагаетъ 77 локтей, кромѣ притвора.

соту храма дополняютъ башнями на его передней части или притворѣ. Такъ Вогюэ въ своей реставраціи (см. ниже) помѣщаетъ на притворѣ храма египетскій пилонъ 40 локтей высоты въ видѣ одной цѣльной башни длины и ширины притвора. За Вогюэ слѣдуетъ О. Вольфъ и многіе другіе. Фергюссонъ и К. Шикъ на углахъ своего притвора помѣщаютъ двѣ пирамиды, по образцу пирамидіона на такъ называемой гробницѣ Захаріи. Но никто изъ нихъ не объясняетъ смысла и назначенія своихъ башенъ. Вогюэ даже прямо признается, что пилонъ, который онъ возводитъ на Иродовомъ храмѣ, *не имѣлъ смысла* (56). Напрасно думаютъ, что такое возвышеніе притвора надъ корпусомъ храма требуется источниками. Напротивъ, мы уже видѣли, что, по наиболѣе достовѣрному чтенію LXX, притворъ въ Соломоновомъ храмѣ былъ не выше, а ниже остальнаго корпуса храма. Равнымъ образомъ и въ храмѣ Ирода онъ не могъ быть выше остальной части храма потому уже, что онъ не раздѣлялся на этажи, но былъ цѣльною одноярусною постройкою, хотя и болѣе высокою, чѣмъ нижній этажъ храма. Въ вышеприведенномъ нами изъ мишны описаніи отдѣльныхъ частей храма, образовывавшихъ его высоту, дѣйствительно показано наверху какое-то возвышеніе, въ которомъ мы признали башню на храмѣ; но оно тѣсно связано съ потолкомъ второго этажа храма и, слѣдовательно, не имѣетъ отношенія къ притвору. Мало того, авторъ описанія высоты храма въ мишнѣ, при составленіи его, смотритъ не на фронтъ храма, а на одинъ изъ его боковыхъ фасовъ, слѣдовательно здѣсь, а не въ притворѣ, предполагаетъ наибольшую высоту. Самое восхожденіе съ крыши перваго этажа на крышу второго этажа, къ возвышавшейся тамъ башнѣ, мишна (Midd. IV, 5) указываетъ тамъ, гдѣ

былъ входъ въ залу второго этажа, слѣдовательно, на южной сторонѣ и независимо отъ притвора, и притомъ въ видѣ прямой (невитой) деревянной лѣстницы, совершенно открытой (ср. рис. къ стр. 375).

Мы уже говорили, что башня Иродова храма, на сколько можно судить по ея названію: *башня праздничныхъ навечерій,* имѣла значеніе нынѣшнихъ восточныхъ минаретовъ. Существованіе такой башни здѣсь имѣетъ двойное основаніе какъ въ обычаяхъ храма (нижняго этажа), такъ и въ обычаяхъ синагоги (второго этажа). Ея значеніе при храмѣ опредѣляется тѣмъ, что уже первый іерусалимскій храмъ имѣлъ какой-то навѣсъ на кровлѣ храма или башню, называвшуюся *субботнею,* сброшенную царемъ Ахазомъ (2 Цар. 16, 18). Ея значеніе при синагогѣ несомнѣнно подтверждается общимъ обычаемъ синагогъ первыхъ вѣковъ, по которому хазанъ (пономарь), взойдя на крышу синагоги, звуками трубы возвѣщалъ наступленіе вечера субботы, новолуній и проч. (Taanith, III, 8) и выставлялъ два праздничныхъ флага (Іерус. Pesach, 1, 27, 4). Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ тѣмъ лучше было, чѣмъ болѣе крыша была возвышенна. Но башня на храмѣ Ирода съ значеніемъ минарета соединяла еще значеніе вавилонскихъ zikurat или обсерваторій для астрономическихъ наблюденій. Извѣстно, что такія наблюденія очень любили книжники (Матѳ. 16, 3). Они даже имѣли связь съ богослуженіемъ, такъ какъ ежедневная утренняя жертва приносилась всегда въ одинъ извѣстный моментъ разсвѣта. Еще до разсвѣта опытные священники восходили на вершину храма и оттуда, при наступленіи момента жертвы, давали знать внизъ криками: barkaï ad Chebron, *заалѣло до Хеврона,* т. е. пора начинать жертвоприношеніе (Ioma 3, 1; Tamid, 3, 2). Очень

важное значеніе для храма имѣли также наблюденія за появленіемъ новой луны и т. д. Они были извѣстны и въ первомъ храмѣ (Исаіи 21, 11—12).

Такъ строители храма-книжники осуществили на немъ древнее предписаніе о *трехъ этажахъ каменныхъ и одномъ деревянномъ!*.. Хотя въ предшествующемъ описаніи мы различали только два каменныхъ этажа и одну деревянную башню, но къ нимъ съ полнымъ правомъ можно было причислить еще одинъ этажъ подземный, состоявшій изъ подземелій подъ платформою храма, вмѣстѣ съ самою платформою. Тѣмъ не менѣе эта значительная высота 100 локтей казалась книжникамъ недостаточною, какъ недостигавшая идеальной мѣры $30 \times 4 = 120$. Но послѣдней идеальной высоты храма книжникамъ не суждено было достигнуть, не смотря на все ихъ желаніе, не смотря на то, что, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ, матеріалъ для новаго дополнительнаго возвышенія храма, съ большими издержками, былъ доставленъ уже съ Ливана и лежалъ во внѣшнемъ дворѣ. Замѣчательно, что эта мечта возвысить высоту храма не оставила іудеевъ въ ихъ разсѣяніи по Европѣ и реализируется въ устройствѣ синагогъ, для освященія которыхъ нерѣдко берутся священныя мѣры іерусалимскаго храма [1].

[1] Самую замѣчательную изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ попытокъ реализировать мѣру іерусалимскаго храма въ устройствѣ синагоги представилъ кавалеръ Антонели въ зданіи синагоги, которую онъ предпринялъ построить въ Туринѣ въ 1874 году. Не довольствуясь идеальною высотою, назначенною книжниками для храма, Антонели взялся повторить ее два раза, т. е. довести высоту зданія до $120+120=240$ локтей (360 футовъ). Второму этажу храма или синагогѣ, бывшей на храмѣ, имѣвшей по мишнѣ 40 локтей высоты, Антонели даетъ высоты $40 \times 4 = 160$ локтей. Это есть главная часть въ зданіи Антонели, такъ какъ святаго и святаго святыхъ іерусалимскаго храма онъ, конечно, не воспроизводитъ въ ихъ древнемъ видѣ. Постройка Антонели ведется съ большимъ вкусомъ лучшими во всей Италіи архитекторами и по своемъ окончаніи будетъ соперничать съ самыми крупными и высокими зданіями Европы (см. Architect., 1877; October, 6, гдѣ приложены планъ и разрѣзъ зданія).

Опредѣливъ, такимъ образомъ, составныя части столоктевой высоты Иродова храма, посмотримъ теперь на его горизонтальныя измѣренія, длину и ширину. Здѣсь, напротивъ, не могло быть никакой существенной разности съ планомъ храма Соломонова, такъ какъ храмъ Зоровавеля былъ точнымъ воспроизведеніемъ храма Соломона и стоялъ на его основаніяхъ, а передѣлка храма книжниками состояла только въ надстройкѣ верхняго этажа и деревянной башни. Въ мишнѣ такъ изображается планъ храма Иродова (Midd. IV, 7): „Длина храма была 100 локтей и, считая съ востока на западъ, состояла изъ слѣдующихъ составныхъ частей: стѣна притвора 5 локтей, глубина притвора 11 локтей (у Іосифа, Bell. V, 5, 4, показано ошибочно больше 20 локтей), стѣна между притворомъ и залою храма 6 локтей, длина залы перваго отдѣленія храма 40 локтей, раздѣленіе между святымъ и святымъ святыхъ 1 локоть, длина святаго святыхъ 20 локтей, западная стѣна храма 6 локтей, внутренняя широта такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ 6 локтей, наружная стѣна боковой пристройки или западная наружная стѣна всего корпуса храма 5 локтей. Итого сто локтей“ (ср. Iad chazaka VIII, 4, 4, 5). Здѣсь есть незначительныя отступленія отъ плана храма Соломонова, изображеннаго въ историческихъ библейскихъ книгахъ. Глубина притвора показана на одинъ локоть больше (11 вмѣсто 10), общая длина святаго и святаго святыхъ также на 1 локоть больше (61 вмѣсто 60), а равно и широта боковыхъ пристроекъ (6 вмѣсто 5 локтей). Но это слишкомъ ничтожныя отклоненія, чтобы можно было имъ придавать значеніе. Если бы

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, окончена ли синагога въ настоящее время. Въ этомъ фактѣ для насъ важно не только стремленіе къ повторенію высотъ храма, но и то обстоятельство, что второй этажъ Иродова храма понялъ Антонели именно какъ синагогу.

строители Иродова храма имѣли возможность увеличить его длину сравнительно съ длиною перваго храма, то они, конечно, удвоили бы ее такъ же смѣло, какъ и высоту. Мало того, по своему происхожденію указанныя новыя измѣренія выведены изъ толкованія пророка Іезекіиля, слѣдовательно, при извѣстномъ взглядѣ на пророческій образъ храма, могутъ быть переводимы и на храмъ Соломона. Ширина Иродова храма или поперечный разрѣзъ его съ сѣвера на югъ, по описанію той же мишны, состояла изъ слѣдующихъ цифръ: „стѣна боковыхъ пристроекъ 5 локтей, внутренняя ширина этихъ пристроекъ 6 локтей, сѣверная стѣна залы храма 6 локтей (по Іосифу Флавію 8 локтей, Bell. VI, 5, 1), внутренняя широта залы храма 20 локтей, южная стѣна залы храма 6 локтей, внутренняя широта южныхъ боковыхъ пристроекъ 6 локтей, наружная стѣна этихъ построекъ 5 локтей. Итого 54 локтя (по Іосифу до 60 локтей, Bell. V, 5, 4)“. Такимъ образомъ и по широтѣ своей нижней части храмъ Ирода не отличался отъ Соломонова. Но къ этой широтѣ храма мишна дѣлаетъ нѣкоторыя прибавленія съ наружной стороны: „въ разстояніи трехъ локтей отъ наружной сѣверной и южной стѣны проходила еще (какая-то) стѣна 5 локтей толщины“. На основаніи этого свидѣтельства, на планахъ Фергюссона, Барклея, Блоха, показанъ длинный замнутый корридоръ предъ боковыми комнатами, какъ составная часть зданія храма. Мы не думаемъ, что эта новая стѣна была возможна здѣсь въ такомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что о ней ничего не говоритъ Іосифъ Флавій. Это могъ быть только наружный парапетъ, проведенный по краю платформы и независимо отъ корпуса храма. Дѣйствительное прибавленіе къ широтѣ Соломонова храма, засвидѣтельствованное какъ мишною,

такъ и Іосифомъ, было только въ передней части, въ притворѣ храма, къ которому съ сѣверной и южной стороны теперь было сдѣлано прибавленіе, по Іосифу 20 локтей съ той и другой стороны, по мишнѣ на 23 локтя съ той и другой стороны, на 15 локтей далѣе упомянутаго парапета, на сѣверъ и на югъ. Такимъ образомъ храмъ, по выраженію Іосифа, получилъ съ той и другой стороны прибавочныя плечи (ὦμοι) и представилъ своимъ общимъ видомъ подобіе буквы Т, а по выраженію мишны подобіе возлежащаго льва. Эта, неизвѣстная въ Соломоновомъ храмѣ, прибавочная широта, передней части храма имѣла то же основаніе, что и прибавочная высота верхняго этажа, т. е. стремленіе книжниковъ сдѣлать храмъ, хотя въ одномъ его пунктѣ, шире Соломонова, чтобы можно было сказать, что онъ превосходитъ храмъ Соломоновъ и, слѣдовательно, удовлетворяетъ пророчеству о немъ Аггея. Замѣчательный образецъ ходульнаго и насильственнаго пониманія пророчества! Можно не сомнѣваться, что если бы книжникамъ удалось довести высоту храма до новой идеальной мѣры 120 локтей, то, вслѣдъ за тѣмъ, они взялись бы и за новое расширеніе притвора. Такъ какъ дѣйствительной потребности въ этихъ прибавочныхъ *плечахъ* не было, то изъ нихъ сдѣлали складъ ножей, употреблявшихся при жертвенныхъ закланіяхъ (beth hachilufoth).

Въ дополненіе къ приведенному плану Иродова храма, сохранившемуся въ мишнѣ, нужно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: *а)* Первое отдѣленіе храма или святое необходимо должно было раздѣляться двумя рядами колоннъ на три нефа, средній 10 локтей ширины и боковые по 5 локтей. Мы видѣли, что такія колонны должны были быть и въ первомъ храмѣ, такъ какъ

онѣ необходимы были для поддержки тяжелой деревянной крыши, и такъ какъ во 2 Цар. 18, 16 говорится о какихъ-то подпорахъ или столбахъ въ храмѣ, обложенныхъ золотомъ, каковыми могли быть только внутренніе столбы, поддерживавшіе крышу. Во второмъ храмѣ, при возвышеніи храма новымъ этажемъ, такіе столбы или колонны были еще болѣе необходимы. Вѣроятно они были не только въ нижнемъ, но и во второмъ этажѣ, который былъ построенъ по плану нижняго. Если вообще древнія палестинскія синагоги раздѣляются колоннами на три нефа, то эту знаменательную особенность своего плана, перешедшую потомъ въ христіанскіе храмы, онѣ заимствовали изъ храма іерусалимскаго. Только во святомъ святыхъ, представлявшемъ отдѣльную часть храма и возвышавшемся надъ первою частію своимъ уровнемъ, не было такого раздѣленія на нефы [1]. *б)* Отношеніе уровня перваго отдѣленія храма ко второму было то же, какое мы видѣли въ первомъ храмѣ. Но тогда какъ въ первомъ храмѣ между святымъ и святымъ святыхъ была стѣна, здѣсь стѣны нѣтъ, но есть какая-то нейтральная полоса одного локтя ширины, которою первосвященникъ входитъ во святое святыхъ. Въ мишнѣ (Іома V, 1—2) и въ пояснительной къ ней гемарѣ, въ описаніи вхожденія первосвященника во святое святыхъ, въ день Очищенія, говорится, что онъ не среди храма входилъ во святое святыхъ, но сначала приходилъ къ южной стѣнѣ храма, всходилъ на какую-то закрытую завѣсою площадку одного локтя широты, по ней проходилъ чрезъ всю широту храма отъ южной до сѣверной его стѣны

[1] По свидѣтельству гемары іерус. Іома V, 1, на чертѣ раздѣленія святаго и святаго святыхъ концы брусьевъ въ потолкѣ какъ-то выдавались. Очевидно, строеніе потолка во святомъ святыхъ было иное, не требовавшее подпоръ въ видѣ колоннъ.

и здѣсь только входилъ въ отдѣленіе святаго святыхъ. Это вхожденіе во святое святыхъ есть, очевидно, восхожденіе вверхъ, а длинная площадка одного локтя широты, приводившая туда, есть подъемъ, замаскированный въ цоколѣ святаго святыхъ и сдѣланный не перпендикулярно къ святому святыхъ и его завѣсѣ, а параллельно имъ. Обыкновенно это прохожденіе первосвященника во святое святыхъ объясняютъ, независимо отъ какого либо подъема, какъ прохожденіе между двухъ завѣсъ, заслонявшихъ пустое пространство одного локтя широты. Но, во-первыхъ, для чего нужно было устраивать здѣсь изъ соединенія завѣсъ какой-то темный коридоръ? Во-вторыхъ, та же самая мишна (Joma, V, 1) приводитъ другое преданіе, что въ дѣйствительности завѣса, раздѣлявшая святое и святое святыхъ, была одна. И въ Новомъ Завѣтѣ (Матѳ. 27, 51; Марк. 15, 38; Лук. 23, 45; Евр. 6, 19, 9, 3, 10, 20) и у Іосифа Флавія (Bell. V, 5, 5) предполагается только одна завѣса, καταπέτασμα, между святымъ и святымъ святыхъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что хотя было двѣ завѣсы, но онѣ были не одна за другою, но одна выше другой и потому могли считаться одною. Сначала была завѣса, закрывавшая нижнее основаніе или ту глухую стѣну, на которой, какъ горнее мѣсто, возвышалось святое святыхъ, а равно и замаскированный въ этой стѣнѣ подъемъ; эта завѣса имѣла только 10 локтей высоты. Затѣмъ на уровнѣ горняго мѣста другая завѣса, 20 локтей высоты, закрывала самое пространство святаго святыхъ. Эта послѣдняя имѣется въ виду въ приведенныхъ текстахъ евангелій. И въ гемарѣ (іерусалимской) на приведенную мишну рабби Іосе различаетъ при святомъ святыхъ особенное верхнее и особенное нижнее пространство, требовавшія отдѣльнаго прикрытія завѣсами. Затѣмъ нужно обратить

вниманіе на то, что нейтральная полоса между святымъ и святымъ святыхъ называется въ мишнѣ (Midd. IV, 7) triksin (טריקסין), т. е. *тѣснина Синайская*, трудное и тѣсное мѣсто, приводящее на Синай или въ святое святыхъ, какъ мѣсто богоявленій (отъ *trika*, сжатое, замкнутое пространство, и *Sin*, Синай). Но путь къ Синаю можетъ быть только путемъ восхожденія [1].

Оглянувшись назадъ съ этого Синая или высшаго священнаго пункта храма, увидимъ слѣдующія, отмѣченныя преданіемъ, постепенныя возвышенія горы храма. Войдя въ восточныя ворота Шушанъ или Красныя, проходили по ровному грунту дворъ языковъ до вала (Chel), гдѣ былъ подъемъ 14 большихъ ступеней, затѣмъ ровный валъ и съ вала во дворъ женщинъ подъемъ 12 ступеней. Со двора женщинъ во дворъ израильтянъ приводили 15 ступеней; со двора израильтянъ одна ступень, а потомъ еще 3 ступени; со двора священниковъ въ притворъ храма 12 ступеней (Maim. Jad chazaka VIII, 6, 5). Здѣсь преданіе оканчиваетъ измѣреніе постепеннаго возвышенія грунта въ отдѣльныхъ частяхъ святилища, имѣя цѣлію выяснить собственно отношеніе портала храма къ восточнымъ воротамъ двора и затѣмъ къ мѣсту жертвоприношенія, указаннаго Числ. 19, совершавшагося на Елеонской горѣ. Но, подобно тому, какъ пророки въ первомъ іерусалимскомъ храмѣ знали еще одно возвышеніе, еще одну священную Скалу Из-

[1] Въ воспоминаніе восхожденія первосвященниковъ на возвышенность святаго святыхъ, къ мѣсту скрижалей завѣта, въ настоящее время въ синагогахъ устраивается возвышенная эстрада, съ которой читаютъ народу законъ и пророковъ. Восхожденіе на эстраду (alija) считается почетнымъ и священнымъ въ высшей степени. Еще болѣе замѣчательно, что въ христіанскомъ храмѣ алтарная часть не только возвышается по уровню надъ поломъ передней залы храма, но и отдѣляется отъ нея снизу барьеромъ, а затѣмъ завѣсою. (См. „Очерки изъ исторіи христіанскаго храма“, Н. Красносельцева, 237—252).

раилеву (Ис. 30, 29), и преданіе изъ времени Ирода знаетъ еще одно возвышеніе въ самомъ святомъ святыхъ, имѣвшее видъ вздымавшейся скалы, на которой нѣкогда стоялъ ковчегъ завѣта.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, размѣры храма, его высоту, длину и ширину и его составныя части, мы должны были бы теперь указать тѣ подробности отдѣлки, отъ которыхъ, въ особенности, зависитъ характеръ и стиль зданія. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи на храмѣ Ирода лежитъ такая же печать таинственности и неизвѣстности, какую мы видѣли и на храмѣ Соломона, а можетъ быть и еще большая. Такихъ подробныхъ описаній, какія сохранились о колоннахъ Соломона Іахинъ и Боазъ, о внутреннихъ украшеніяхъ стѣнъ его храма картинами, послѣдній іерусалимскій храмъ не имѣетъ. Сюда можетъ быть отнесено только одно вышеприведенное свидѣтельство мишны, измѣряющее составныя части высоты храма, и при этомъ называющее по именамъ нѣкоторыя архитектурныя украшенія стѣнъ. Какъ мы уже говорили, тамъ указываются: kiur, эпистиль или архитравъ, beth-glifa, мѣсто глифовъ или триглифовъ и затѣмъ два карниза—нижній, thakara, и верхній, maaziba. Но эти украшенія стѣны употребляются какъ надстолбія на колоннахъ, а потому и здѣсь, въ наружной стѣнѣ того и другого этажа храма, необходимо предположить, если не полныя колонны, то пилястры, конечно не во всю 30-локтевую высоту стѣны, а въ верхней ея части по тому образцу, какой представляютъ пилястры Хевронскаго харама. Впрочемъ, и независимо отъ указанныхъ мишною надстолбій, колонны, какъ украшенія стѣнъ, необходимо предполагать въ храмѣ Ирода, въ виду общей наклонности къ такимъ украшеніямъ въ памятникахъ этого времени. Какому

стилю принадлежали колонны—трудно сказать. Мы видѣли, что въ главномъ портикѣ двора были коринѳскія колонны; и пилястры такъ называемыхъ золотыхъ воротъ принадлежатъ къ тому же ордену. Хотя упомянутые въ описаніи мишны глифы считаются принадлежностію дорическаго ордена, но въ Палестинѣ они встрѣчаются и при другихъ колоннахъ, наприм. при ассиро-іоническихъ на памятникѣ Авессалома. Нужно замѣтить при этомъ, что подъ beth-glifa іудейскіе комментаторы разумѣютъ здѣсь не совсѣмъ то, что называется триглифами въ греческой архитектурѣ, но капли (σταγόνες) между гирляндами изъ цвѣтовъ. Весьма вѣроятно также, что между указанными архитектурными украшеніями были еще виноградныя кисти, часто встрѣчающіяся на древнееврейскихъ памятникахъ въ Іерусалимѣ (стр. 379), на древнееврейскихъ монетахъ и висѣвшія въ самомъ храмѣ Ирода, въ видѣ независимыхъ отъ стѣны эмблемъ. Такимъ образомъ антаблеманъ надъ колоннами наружныхъ стѣнъ храма Иродова какъ перваго, такъ и второго этажа, имѣлъ приблизительно такой видъ.

На восточной фронтовой сторонѣ храма къ указаннымъ орнаментамъ присоединялись, какъ это и само собою понятно, еще новые. Стѣна притвора въ самой срединѣ своей была прорѣзана огромною амбразурою по Іосифу 70 локтей высоты и 25 широты (Bell. V, 5, 4), а по мишнѣ (Midd. III, 7) 40 локтей высоты и

20 широты. Послѣднее опредѣленіе болѣе вѣроятно, хотя и въ немъ высота этой амбразуры на 10 локтей превышаетъ всю высоту нижняго этажа храма. Напротивъ, показаніе Іосифа 70 локтей высоты амбразуры приспособлено имъ къ идеальной двойной высотѣ нижняго этажа храма (30+30=60) и имѣетъ такой же идеальный смыслъ. Но это была только амбразура двери безъ самой двери, изображавшая собою, по толкованію Іосифа (Bell. V, 5, 4), образъ неизмѣримаго открытаго небеснаго пространства. Вмѣсто двери, здѣсь была большая завѣса, защищавшая внутренность притвора, и открывавшаяся въ часы богослуженій (Maim. Jad chazaka, Klei hamikdasch, VII, § 18). Украшеніемъ амбразуры вверху, по Midd. III, 7, были пять деревянныхъ выступовъ или верхнихъ косяковъ, украшенныхъ рѣзною работою, и, какъ объясняетъ Маймонидъ, представлявшихъ то, что арабскіе зодчіе называютъ מקרבים, а еврейскіе מַלְתְּרָה, μέλαθρον: первый косякъ былъ длиннѣе амбразуры входа на одинъ локоть съ той и другой стороны, каждый слѣдующій настолько же длиннѣе нижняго, такъ что самый верхній косякъ имѣлъ 30 локтей длины; между каждыми двумя косяками былъ особенной работы деревянный гзымсъ. Такъ какъ терминъ malthera, μέλαθρον, означаетъ навѣсъ или крышу, то указанные косяки должны были увеличиваться не только по линіи параллельной къ стѣнѣ, но и перпендикулярно къ ней, т. е. все болѣе и болѣе выдаваться изъ стѣны и образовывать видъ балкона надъ входомъ. Какъ объясняетъ мишна въ другомъ мѣстѣ (Midd. III, 8), это были пять рядовъ кедровыхъ перекладинъ (таково значеніе слова μέλαθρον), которыя были видны и внутри притвора; отъ стѣны храма онѣ проходили въ стѣну притвора и выдавались въ наружной сторонѣ въ видѣ

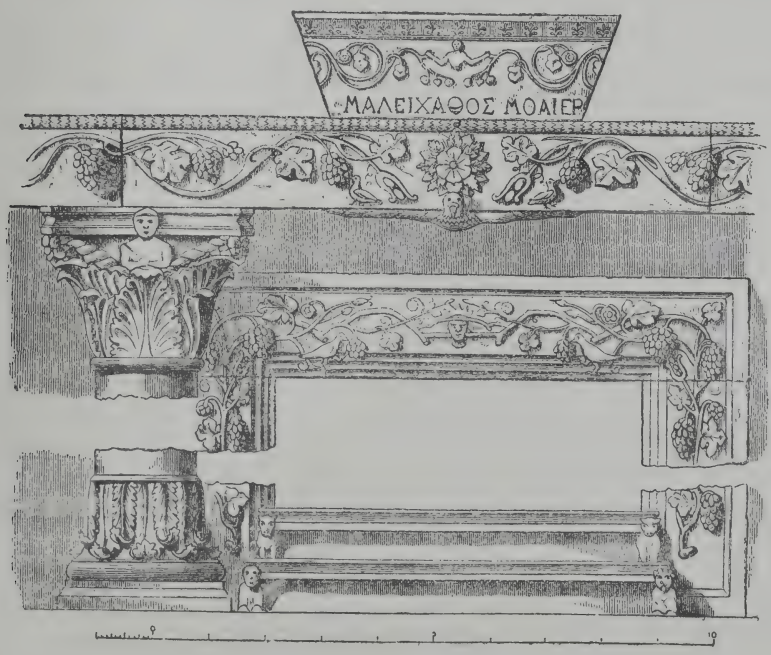
навѣса. По всей вѣроятности, навѣсъ или балконъ поддерживали колонны, соотвѣтствовавшія монументальнымъ колоннамъ Соломона, Іахинъ и Боазъ, хотя ни Іосифъ, ни мишна не указываютъ прямо существованія этихъ колоннъ во второмъ храмѣ. Здѣсь именно, на балконѣ, царь Иродъ, забывшій уже свой договоръ съ книжниками, по которому онъ обязывался не касаться внутренняго двора храма, поставилъ огромнаго римскаго золотого орла, знаменовавшаго посвященіе самаго храма римскому имени. По поводу этого орла Іосифомъ Флавіемъ написана яркая страница, характеризующая отношеніе тогдашнихъ народоучителей-фарисеевъ къ правленію Ирода. Нѣсколько раввинскихъ учениковъ, подстрекаемые своими учителями, вызвались сбросить орла. Для этого они взошли на крышу и на веревкахъ спустились на то мѣсто, которое занималъ орелъ. Очевидно, что прямого выхода на балконъ не было и что балконъ былъ ближе къ крышѣ, чѣмъ къ платформѣ или площадкѣ предъ притворомъ, потому что въ противномъ случаѣ къ нему удобнѣе было бы добраться снизу. Какъ бы то ни было, но орелъ былъ сброшенъ съ своего мѣста и, въ присутствіи многочисленнаго народа, изрубленъ въ куски, за что смѣлые юноши, вмѣстѣ съ своими учителями, были, по повелѣнію Ирода, сожжены живыми. Въ эту ночь, заключаетъ фарисей Іосифъ Флавій, послѣдовало затмѣніе луны (Antiqu. XVII, 6, 1—4; Bell. I, 33, 2—4). Означало ли оно затмѣніе Рима или самаго ветхозавѣтнаго святилища или того и другого вмѣстѣ?

Этими немногими чертами, данными въ мишнѣ по вопросу объ отдѣлкѣ храма, изслѣдователи обыкновенно не ограничиваются. Такъ какъ Іосифъ Флавій (Bell. V, 5, 6) мимоходомъ выразился, что фасадъ храма бле-

стѣлъ украшеніями и позолотою, то, для восполненія этихъ остальныхъ украшеній, обращаются за помощью къ другимъ, болѣе сохранившимся донынѣ, древнимъ памятникамъ, по времени имѣвшимъ отношеніе къ храму Ирода. Въ этомъ случаѣ наибольшее вниманіе новѣйшихъ изслѣдователей обращаютъ на себя развалины храма Ваалъ-Замина, открытыя Реемъ въ 1857 году, въ Сіа, въ горахъ Хаурана. По мнѣнію графа де-Вогюэ (La Syrie centrale, 37—38 и Recovery of Jerusalem, 419) и Фергюссона (The Temples of the Jews, 140), храмъ Сіа имѣетъ непосредственное отношеніе къ храму іерусалимскому и построенъ по его образцу, слѣдовательно своими чертами можетъ восполнять недостающее въ описаніяхъ іерусалимскаго храма. Вотъ какъ храмъ Сіа описывается у Вогюэ: „Монументальныя ворота съ лѣстницею приводятъ во дворъ, окруженный портиками и вымощенный правильными плитами. Въ глубинѣ двора, на возвышеніи о двухъ ступеняхъ, стоялъ храмъ. Его передняя часть, πρόναος, заключена между двумя павильонами и поддерживается двумя колоннами. Оба павильона и πρόναος украшены пилястрами, не встрѣчающимися на другихъ храмахъ, кромѣ іерусалимскаго. Подобно храму Ирода, и храмъ Сіа имѣлъ второй этажъ. Монументальныя ворота, напоминающія ворота Никанора, галлереи двора, виноградныя вѣтви на порталѣ, все это показываетъ нарочитое сходство этихъ двухъ храмовъ. Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что тотъ и другой храмъ были построены въ одно и то же время, одною и тою же Идумейскою династіею. Надписи, открытыя въ Сіа на базахъ статуй, арамейскія и греческія, свидѣтельствуютъ, что храмъ Сіа былъ построенъ двумя Идумеями, по имени Малейкатъ I и Малейкатъ II, дѣдомъ и внукомъ, въ честь великаго бога Ваалъ-Замина.

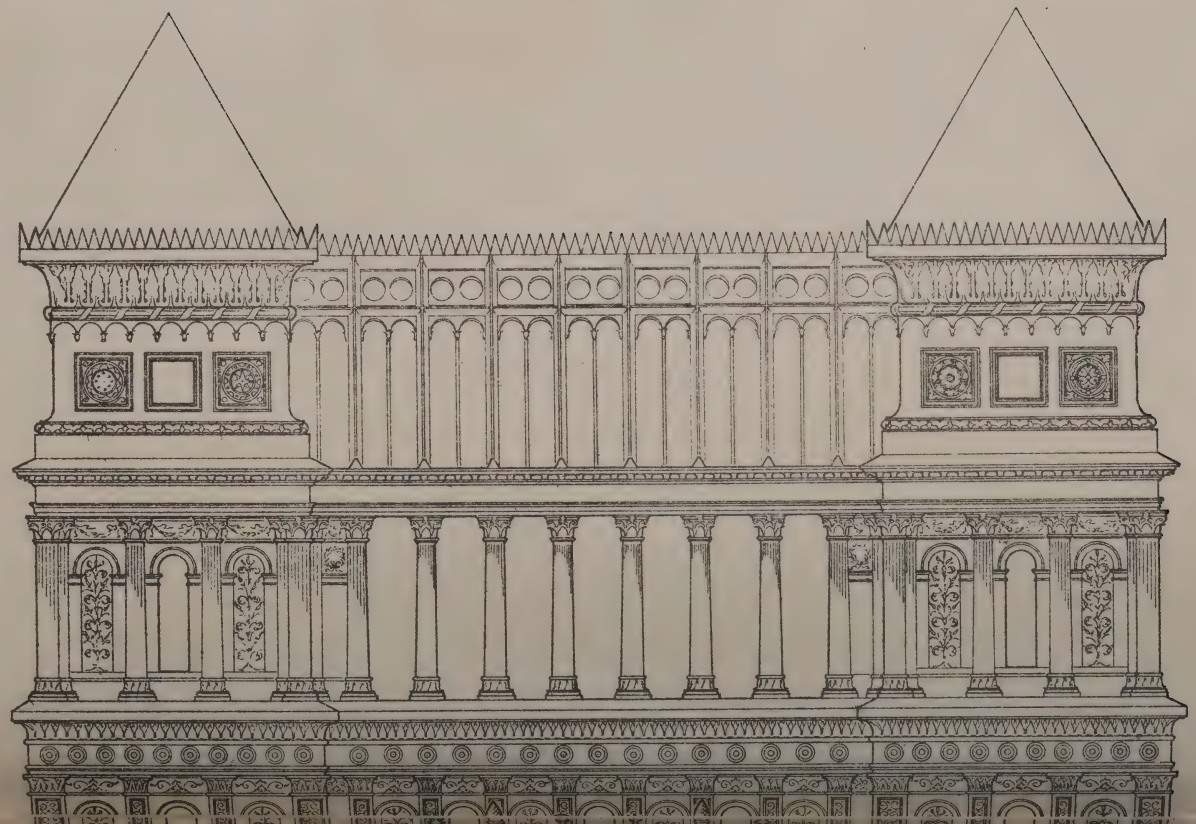
Кромѣ того, на одной статуѣ здѣсь найдена надпись, показывающая, что она была поставлена царемъ Иродомъ великимъ. И такъ Иродъ, возстановитель іерусалимскаго храма, возстановлялъ и древній храмъ Ваалъ-Замина".

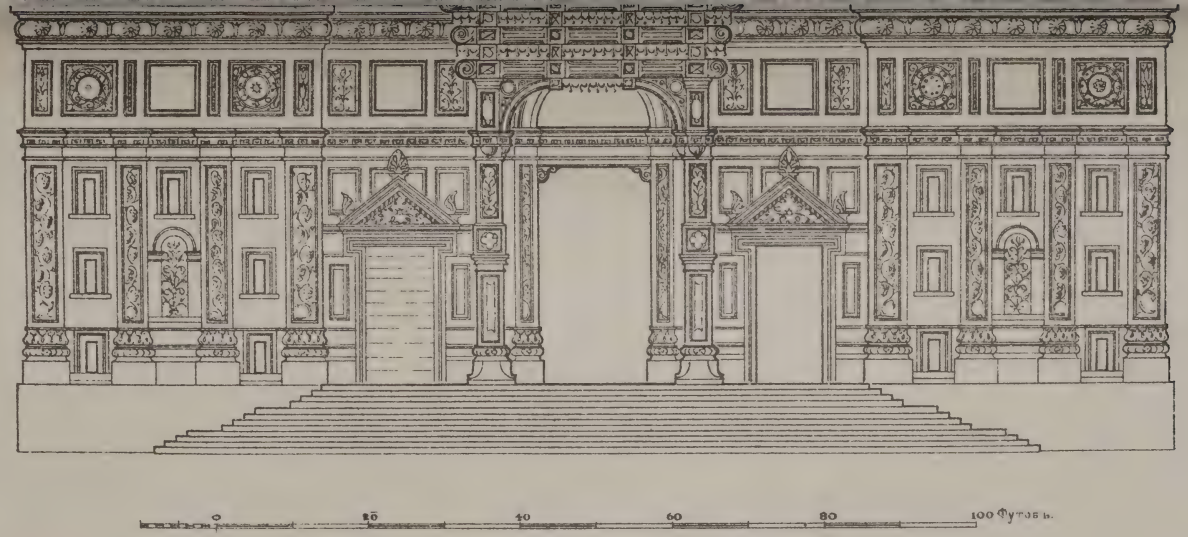
Конечно, можно согласиться съ тѣмъ, что храмъ Сіа былъ построенъ Идумеянами по образцу іерусалимскаго храма, который былъ у нихъ въ большомъ почтеніи. Но, подражая іерусалимскому образцу, въ общихъ его чертахъ и планѣ, Идумеяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, дали своему храму свой особенный дикій стиль, какого не могъ имѣть храмъ Ирода въ Іерусалимѣ. Какъ видно изъ описанія Вогюэ, по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ храма Сіа изобилуетъ смѣсь всевозможныхъ орнаментовъ, не только въ видѣ цвѣтовъ, листьевъ и плодовъ, но и птицъ, ящерицъ, саранчи, львовъ, орловъ, геніевъ, человѣческихъ бюстовъ и головъ. На капителяхъ колоннъ,



имѣющихъ нѣкоторое сходство съ коринѳскими, выступаютъ человѣческіе бюсты. Базисы колоннъ также отдѣланы какъ капители. Ко всему этому храмъ Сіа былъ весь наполненъ статуями. Все это такія украшенія, которыя не могли имѣть мѣста въ храмѣ іерусалимскомъ, за исключеніемъ развѣ растительныхъ орнаментовъ и можетъ быть барельефовъ птицъ на верхней башнѣ храма. Это очень хорошо знаютъ и Вогюэ и Фергюссонъ, и потому на своихъ реставраціяхъ іерусалимскаго храма возстановляютъ стиль храма Сіа въ очищенномъ видѣ, безъ всякихъ изображеній человѣка и животнаго, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ другихъ характеристическихъ чертъ, схваченныхъ съ другихъ палестинскихъ памятниковъ. Прилагаемъ при семъ видъ восточнаго фасада храма Ирода въ Іерусалимѣ по Фергюссону, отдѣланный съ наибольшею заботливостію. Подобно двумъ павильонамъ пронаоса въ храмѣ Сіа, и здѣсь, въ массивѣ стѣны, выдѣляются по краямъ двѣ башни. Какъ въ храмѣ Сіа пронаосъ съ своими павильонами отдѣланъ снаружи пилястрами, покрытыми лѣпною работою, такъ и здѣсь нижніе два этажа наполнены такими же пилястрами и лѣпными украшеніями. Карнизъ между двумя нижними этажами наполненъ орнаментами, взятыми съ купола въ подземномъ проходѣ ел-Акса. Въ реставраціи обращаетъ на себя вниманіе большое количество оконъ; одинъ нижній этажъ притвора показанъ въ три свѣта для соотвѣтствія боковымъ фасамъ, которые на такой же высотѣ имѣли дѣйствительно три этажа боковыхъ камеръ и три ряда оконъ [1]. Надъ главною дверью храма пробито большое

[1] Кстати замѣтить здѣсь, что окна Иродова храма закрывались густыми подвижными рѣшетками, которыя днемъ поднимались. По Tamid. III, 6, когда утромъ на зарѣ, предъ жертвоприношеніемъ, отворялись двери





Восточный фасадъ храма Ирода.

по Фергюссону.

полукруглое окно, какъ въ древней палестинской синагогѣ Кефръ-Береймъ; такія окна нерѣдко встрѣчаются и въ древнихъ христіанскихъ храмахъ Сиріи (Vogüé, La Syrie centrale, pl. 9, 21, 23, 65, 69, 123, 132, 141 и др.). Двѣ боковыя двери суть точныя копіи двери древнееврейской гробницы Судей. Что касается третьяго этажа, то, вмѣсто пилястровъ, онъ имѣетъ въ средней части большія монолитныя колонны, образовавшія здѣсь, надъ входомъ храма, уединенную галлерею, сдѣланную по образцу подобной галлереи древняго христіанскаго храма въ Турманимѣ (въ верхней Сиріи, въ 7 часахъ пути отъ Алеппо), описаннаго и реставрированнаго у Вогюэ (La Syrie centrale, pl. 130—136). Такая уединенная галлерея надъ порталомъ храма Ирода предположена Фергюссономъ для объясненія свидѣтельства Іосифа Флавія (Bell. VI, 5, 1; VI, 6, 1), повѣствующаго, что, когда уже храмъ сгорѣлъ, нѣсколько священниковъ продолжали еще нѣсколько дней держаться на какой-то его стѣнѣ 8 локтей широты. Здѣсь, очевидно, разумѣется не просто стѣна храма,—потому что, когда горѣла крыша, на стѣнѣ нельзя было держаться,—а какой-то изолированный балконъ или галлерея въ фасадѣ храма. Далѣе то, что кажется у Фергюссона четвертымъ этажемъ между башнями, есть строеніе крыши 20 локтей высоты, дополняющее 120 локтевую высоту храма, назначенную преданіемъ. Наконецъ самыя башни наверху притвора взяты Фергюссономъ съ пирамиды Захаріи, въ долинѣ Іосафата.

Такимъ образомъ художественная реставрація Фер-

храма, то вмѣстѣ съ тѣмъ отворялись и *окна* (חַלּוֹנוֹת названіе оконъ въ сирскомъ и халдейскомъ языкахъ; неправильно чтеніе חלון). Вмѣстѣ съ этимъ по мишнѣ (VI, 1) тушились ночныя лампады храма; днемъ горѣла только одна лампада.

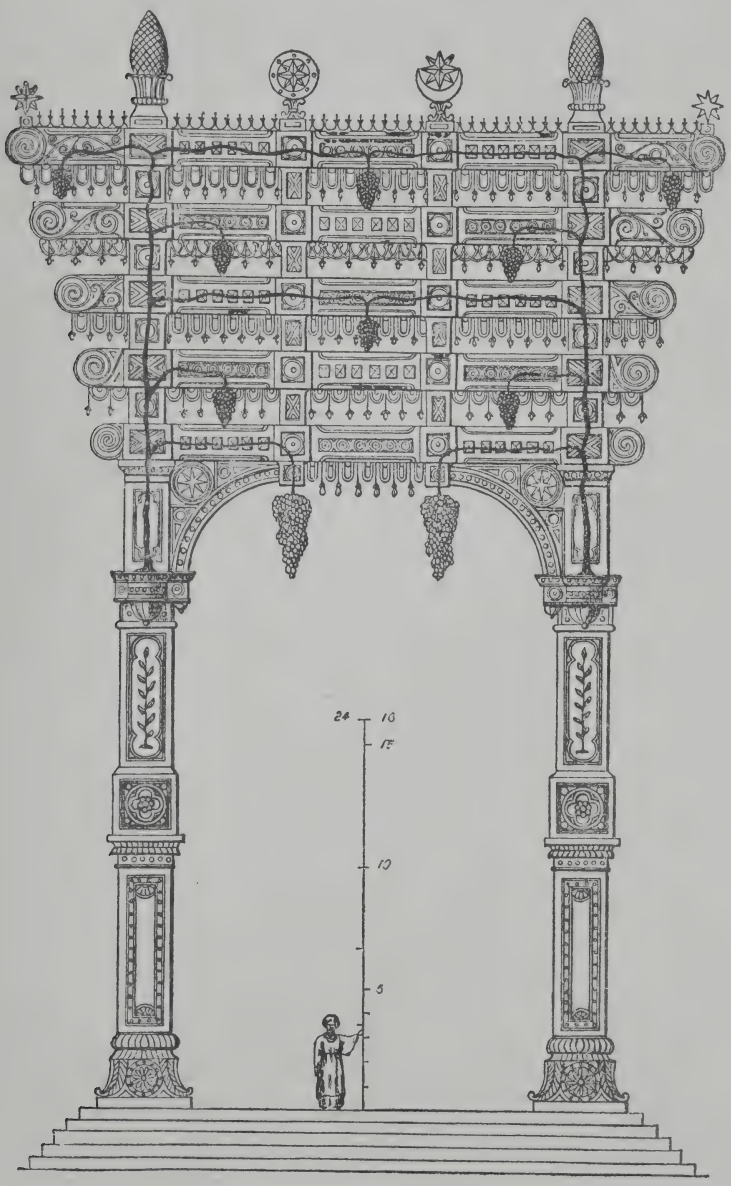
гюссона восточнаго фасада храма можетъ быть названа весьма поучительною, поколику она привлекаетъ къ ветхозавѣтному дому Божію древніе архитектурные элементы, сохранившіеся въ Палестинѣ, какъ наслѣдіе, оставленное древнимъ храмомъ святой землѣ, снова возвращаемое теперь къ своему источнику. Но подобныя реставраціи всегда останутся *свободными* воспроизведеніями; здѣсь многое можно предполагать, но ничего нельзя утверждать съ увѣренностію. Замѣтимъ только, что Фергюссонъ напрасно доводитъ храмъ съ такимъ трудомъ до высоты 120 локтей, когда мишна назначаетъ для храма крайнюю высоту 100 локтей, а Іосифъ Флавій говоритъ о 120 локтяхъ, какъ идеальной высотѣ, которой храмъ въ дѣйствительности не имѣлъ. Равнымъ образомъ строеніе крыши поднято у Фергюссона безпримѣрно высоко. Хотя іудейское преданіе не говоритъ, чтобы крыша была совершенно плоскою, и предполагаетъ нѣкоторое поднятіе ея хребта для стока воды, но въ опредѣленіи составныхъ частей высоты храма поднятію крыши оно не даетъ никакого значенія. Это значитъ, что хребетъ крыши не былъ замѣтенъ, и во всякомъ случаѣ былъ ниже высоты парапета, окружавшаго со всѣхъ сторонъ площадь крыши, т. е. ниже трехъ локтей. Аналогія пирамидальной вершины памятника Захаріи и существованіе подобныхъ пирамидальныхъ крышъ, даже еще болѣе отвѣсныхъ, въ древнихъ постройкахъ отъ 4 до 6 вѣка, особенно одной древней гробницы I вѣка, въ Зудейде (La Syrie centrale pl. 70, 74, 75, 77), не можетъ здѣсь служить доказательствомъ, потому что гораздо больше аналогій можно указать противоположныхъ. Угловыя башни съ такими скатами, какіе Фергюссонъ предположилъ для всей крыши, мы не считаемъ возможными, потому что не

видимъ никакого основанія предполагать, что притворъ какъ нибудь возвышался надъ остальною частію храма.

Но въ приведенной реставраціи Фергюссона есть одна аналогія, выходящая изъ предѣловъ древней Палестинской или Сирійской архитектуры и переносящая храмъ Ирода на противоположный конецъ Азіи. „Главное отличіе храмовъ буддизма и синтоизма въ Японіи, говоритъ Фергюссонъ, состоитъ въ томъ, что послѣдніе предъ своимъ фронтомъ имѣютъ такъ называемый *торанъ*. Это — нѣчто въ родѣ тріумфальныхъ воротъ: два прямые, вбитые въ землю, гранитные столба, поддерживающіе нѣсколько такихъ же гранитныхъ перекладинъ, лежащихъ одна надъ другою съ небольшими промежутками. На перекладинахъ расположены обыкновенно идолы или предметы поклоненія. Кто, идя во храмъ, не проходитъ чрезъ торанъ, того молитва не будетъ услышана“ (The Temples of the Jews, 126). „Подобные тораны существуютъ въ Индіи и Китаѣ уже болѣе 2,000 лѣтъ. Но въ болѣе древнее время они еще болѣе были распространены. На одной греческой монетѣ изображенъ храмъ Венеры Кипрской съ такимъ же тораномъ во фронтѣ, но только деревяннымъ, тогда какъ тораны индійскіе и японскіе всегда каменные. Подобный же торанъ встрѣчаемъ и предъ храмомъ іерусалимскимъ. Торанъ Соломонова храма носилъ названіе колоннъ Іахинъ-Боазъ. Когда въ библейскомъ текстѣ объемъ этихъ колоннъ опредѣляется 12 локтями, а въ текстѣ LXX— 14 локтями, то очевидно здѣсь разумѣется не окружность каждой колонны (это было бы слишкомъ много), а размѣры торана или же разстояніе между этими двумя колоннами отъ оси одной колонны до оси другой. Говорится 1 Цар., 7, 15: *„нить 12* (14) *локтей охватывала вторую колонну“*, т. е. достигала до нея, прове-

денная отъ первой колонны. Далѣе, когда библейскій текстъ даетъ неодинаковую высоту верхнимъ наложеніямъ на колонны, то это вполнѣ понятно въ отношеніи къ торану: капители колоннъ имѣли собственно „три локтя высоты“; другія же прибавленія на нихъ „пяти локтей высоты“ суть уже не капители, а особенныя наложенія на нихъ (ἐπιθέμα по LXX), т. е. верхнія перекладины или щиты торана, числомъ два. Разстояніе между двумя перекладинами — четыре локтя есть третье измѣреніе, показанное въ текстѣ. Высота Іахинъ и Боазъ, какъ цѣлаго торана, была 35 локтей, какъ показано въ кн. Парал., а высота нижнихъ столбовъ, поддерживавшихъ перекладины, была 18 локтей, какъ показано въ кн. Цар. На перекладинахъ, соединявшихъ столбы и сдѣланныхъ въ видѣ сѣтей, висѣли эмблемы— 400 гранатовыхъ яблокъ. Торанъ Иродова храма, по описанію Іосифа Флавія, превосходилъ Соломоновъ вдвое, имѣлъ высоты 70 локтей. По мнѣнію Фергюссона, торанъ Ирода описывается въ слѣдующихъ словахъ Іосифа Флавія (Bell. V, 5, 4): „первыя ворота были высотою 70 локтей и широтою 25, и не имѣли дверей, потому что знаменовали небо, отовсюду видное и открытое; вся передняя сторона этихъ воротъ была покрыта золотомъ и сквозь нихъ виднѣлось первое отдѣленіе храма;... вверху были золотыя виноградныя лозы съ кистями высоты человѣческаго роста“. Такимъ образомъ здѣсь описывается не дверь притвора, θύρα, а совершенно отдѣльныя ворота, πύλη, чрезъ которыя можно было созерцать храмъ. Совершенная независимость этихъ воротъ отъ структуры храма доказывается тѣмъ, что, по Іосифу, съ ними соединялся совершенно особенный символическій смыслъ и знаменованіе неба, отовсюду виднаго и ничѣмъ незаслоняемаго. Этого нельзя было бы

сказать о дверяхъ притвора. Впрочемъ, прибавляетъ Фергюссонъ, Іосифъ Флавій преувеличилъ высоту Иродова торана; его дѣйствительная высота показана въ мишнѣ: 40 локтей высоты и 20 широты. О верхнихъ



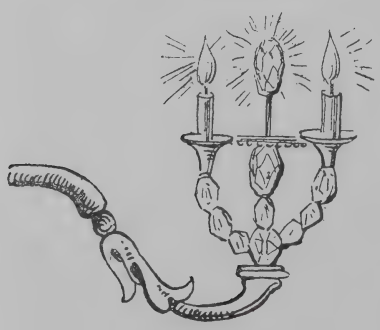
перекладинахъ торана та же мишна говоритъ, что ихъ было пять, что каждая верхняя перекладина была длиннѣе нижней и что всѣ онѣ были деревянныя, между тѣмъ какъ державшіе ихъ столбы были каменные“ (The Temples 151—160). Хотя уже въ приведенномъ фасадѣ храма по Фергюссону показанъ торанъ предъ входомъ въ притворъ, но для большей ясности приводимъ его отдѣльный рисунокъ на стр. 525.

Не думаемъ, чтобы требовалось подробное опроверженіе всего этого. Изъ нашего обозрѣнія колоннъ Іахинъ и Боазъ, а также изъ приведеннаго уже нашего описанія внѣшней стороны притвора очевидно, что предъ храмомъ не было ничего подобнаго торану. Колонны Іахинъ и Боазъ нигдѣ не представляются какъ одно цѣлое, чѣмъ они являются у Фергюссона, а всегда какъ двѣ отдѣльныхъ колонны, изъ которыхъ одна стоитъ по правую руку, другая по лѣвую. Большія же ворота Иродова притвора, на которыя ссылается Фергюссонъ, въ томъ же самомъ текстѣ Іосифа ясно показаны какъ амбразура въ стѣнѣ самаго притвора. Что же касается соединяемаго Іосифомъ Флавіемъ съ воротами символическаго значенія, то мы не думаемъ, чтобы большая амбразура въ стѣнѣ храма, не имѣющая дверей, не могла символизовать неба такъ же, какъ и торанъ. Наконецъ, нужно замѣтить, что своимъ тораномъ, равно какъ и своимъ общимъ воззрѣніемъ на отношенія зависимости между храмомъ іерусалимскимъ и храмами индійскими Фергюссонъ платитъ только невольную дань той странѣ, въ которой онъ родился, и тѣмъ замѣчательнымъ древнимъ памятникамъ, среди которыхъ развился его своеобразный археологическій вкусъ.

О внутренней отдѣлкѣ Иродова храма, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній. Преданіе указываетъ, кромѣ принадлежностей богослуженія и сосудовъ, только отдѣльныя украшенія, которыя были развѣшены здѣсь, независимо отъ архитектурной отдѣлки храма.

Внутри притвора богослужебнымъ закономъ не предписывалось содержать какіе-нибудь богослужебные сосуды. Но въ періодъ Иродова храма здѣсь находимъ два мраморные стола, одинъ по правую, другой по лѣвую руку. На одномъ изъ нихъ, вечеромъ предъ наступленіемъ субботы, клали свѣжіе хлѣбы предложеній, пока для нихъ очищалось мѣсто на внутреннемъ столѣ предложеній; на другомъ столѣ клались недѣльные хлѣбы, снятые со стола предложеній, на то время, пока столъ предложеній наполнялся на слѣдующую недѣлю. Если, такимъ образомъ, столы въ притворѣ могли считаться еще необходимостію, то всѣ другія вещи, бывшія въ притворѣ Ирода, имѣли значеніе однихъ украшеній и притомъ символическаго характера. Именно, съ верхнихъ перекладинъ, бывшихъ между стѣною притвора и храма, свѣшивались символическія цѣпи и вѣнки, на основаніи Зах. 6, 14. Равнымъ образомъ въ окнахъ притвора (притворъ, состоя изъ одного яруса, имѣлъ однакожъ не меньше чѣмъ три свѣта), по ту и другую сторону входа, красовались золотые вѣнки, независимо сдѣланные (неправильно на вышеприведенномъ фасадѣ Фергюссона они превращены въ лѣпную работу на рѣшеткахъ оконъ) (Midd. III, 8). По позднѣйшему преданію, здѣсь, въ притворѣ, еще висѣлъ мечь, сдѣланный изъ таланта золота, съ надписью: „дерзнувшій взойти сюда иностранецъ да будетъ казненъ смертію“ (J. J. Leonis, de Templo hierosolymitano, 1665, II, 187). Всѣхъ этихъ украшеній притвора Іосифъ Флавій не замѣчаетъ. Но

за то онъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на еще одномъ украшеніи притвора, гармонирующемъ съ вѣнками и цѣпями. Разумѣемъ золотую виноградную лозу—пластическое олицетвореніе пророческаго символа (Іерем. 2, 21; Іезек. 19, 10; Іоил. 1, 7 и друг.), висѣвшую на стѣнѣ притвора, надъ дверью, ведущею въ залу храма (у Фергюссона на торанѣ, предъ притворомъ). О величинѣ этой золотой виноградной лозы Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что, какъ онъ ее помнитъ, она равнялась человѣческому росту, βότρυας ἀνδρομήκεις, а мишна прибавляетъ, что она росла, какъ живая лоза. „Въ храмѣ произрасталъ виноградъ, приносившій золотые плоды“, повторяетъ гемара (Іерус. Іома, IV, 4). Разные жертвователи, по своимъ домашнимъ или политическимъ обстоятельствамъ, приносили кто золотую кисть, кто золотой листъ, кто такой или другой драгоцѣнный камень, и все это вплеталось въ ту же лозу надъ входомъ храма (Leo, 11, 184). По гиперболическому выраженію мишны, виноградная лоза дома Божія такъ разрослась, что требовалось 300 священниковъ, чтобы ее сдвинуть съ мѣста (Midd. III, 8; Antiqu. XV, 11, 3; Bell. V, 5, 4). Эта знаменитая виноградная лоза упоминается и у Тацита (Hist. V, 5). Незнакомые съ древнееврейскою символикою греки, на основаніи одного присутствія этой лозы, выводили предположеніе, что въ храмѣ Ирода совершались мистеріи Бахуса. Наконецъ, въ притворѣ храма былъ еще свѣтильникъ-хроноскопъ, подарокъ царицы Елены (Іома, 37, 1). Преданіе даетъ ему такой видъ.



Входъ изъ притвора въ залу святаго, pitcho schel Hechal, представлялъ видъ трехчастной двери, подобной воротамъ Никанора. Средняя большая дверь, по мишнѣ (Midd. IV, 1, 2), имѣла 10 локтей широты и 20 высоты. Ее образовали четыре створы или четыре половины, двѣ переднія, бывшія въ передней сторонѣ входа и открывавшіяся въ глубину дверной амбразуры, и двѣ заднія, на внутренней сторонѣ амбразуры входа, откидывавшіяся, при открытіи двери, на внутреннюю стѣну храма. По сторонамъ этой большой двери было двѣ двери меньшихъ; изъ нихъ южная дверь никогда не открывалась и была мнимою дверью или аиломъ, а дверь сѣверная хотя открывалась, но служила входомъ не въ залу храма, но въ узкій и темный проходъ, бывшій въ самой стѣнѣ и приводившій въ амбразуру большого входа, между двухъ его дверей. Придя сюда на зарѣ, съ огнемъ, очередной священникъ сперва откидывалъ крючки внѣшней двери и отворялъ ее, потомъ отворялъ внутреннюю часть дверей (Tamid, III, 7). Такимъ образомъ дверь, приводившая во храмъ, была въ сущности только одна [1]. Іосифъ Флавій, произвольно удвоившій высоту нижняго этажа святилища, удвояетъ и размѣры его двери до 55 локтей высоты и 16 локтей широты (Antiqu. XV, 11, 3). Безъ сомнѣнія, это невѣрно. Вѣрнѣе ту же дверь Іосифъ описываетъ въ другомъ мѣстѣ (Contra Appion. II, 9), гдѣ онъ называетъ ее сдѣланною изъ цѣльнаго золота, чрезвычайно тяжело растворявшеюся, такъ что для этого требовались совокупныя усилія 20 священниковъ, и при этомъ имѣвшею 7 локтей высоты и 20 локтей широты

[1] На вышеприведенномъ рисункѣ Фергюссона этотъ видъ трехчастной двери показанъ не между притворомъ и храмомъ, а въ передней сторонѣ притвора, такъ какъ тѣ ворота, которыя принадлежали притвору, у него выдѣлены въ особенное сооруженіе торана.

(Конечно, показанныя здѣсь мѣры широты и высоты должны быть переставлены одна на мѣсто другой). Въ свою очередь мишна дополняетъ это послѣднее свидѣтельство Іосифа своимъ гиперболическимъ выраженіемъ, что скрипъ этой тяжелой двери, когда ее растворяли, былъ слышенъ на разстояніи 8 субботнихъ путей или 16,000 локтей (Іома 39, 2) или даже болѣе до самаго Іерихона (Tamid, III, 5). Пока не раздавался съ притвора этотъ шумъ растворявшейся большой двери святилища, не должна была закалаться утренняя жертва (Tamid, III). Золото этой двери было подаркомъ храму со стороны Ирода. Напротивъ, на воротахъ внутренняго двора было египетское золото, подарокъ этнарха Александра.—Историкъ Гретцъ (Monatsschrift, 1876, 437) отвергаетъ правильность опредѣленія высоты этой двери какъ у Іосифа, такъ и въ мишнѣ и устанавливаетъ свою мѣру 40 локтей высоты и 20 широты, что, конечно, нелѣпо, такъ какъ вся высота перваго этажа храма была только 30 локтей, а его внутренняя широта была не болѣе 20 локтей. Напрасно Гретцъ думаетъ, что для соотвѣтствованія названію *великой двери*,—каковое названіе дается ей въ мишнѣ,—она должна быть больше всѣхъ воротъ въ дворахъ храма. Дверь недоступной залы храма ни въ какомъ случаѣ не могла быть больше воротъ, служившихъ тысячамъ богомольцевъ. Названіе же „великой двери“ дано ей только для отличія отъ находившейся рядомъ съ нею малой боковой двери.

Не смотря на свое сложное устройство, „великая дверь“ храма закрывалась еще снаружи богатѣйшею завѣсою, висѣвшею на золотомъ прутѣ и состоявшею изъ четырехъ цвѣтовъ завѣсы скиніи, съ новыми изображеніями небесныхъ звѣздъ; Іосифъ называетъ вы-

дѣлку этой завѣсы вавилонскою (Antiqu. XIV, 7, 1; Bell. V, 5, 4) [1]. Нужно замѣтить, что подобныя же завѣсы преданіе предполагаетъ и на входѣ въ притворъ и на всѣхъ воротахъ внутренняго двора и, съ другой стороны, внутри святилища между святымъ и святымъ святыхъ. Послѣдней завѣсѣ преданіе даетъ безконечно высокую цѣнность (82 миріады, Schekalim, VIII, 5). По Іосифу, она была пурпурная, а по мишнѣ пестрая изъ всѣхъ цвѣтовъ скиніи. „Всѣхъ завѣсъ второго храма, говоритъ Маймонидъ, было 13; семь завѣсъ на семи воротахъ внутренняго двора, одна на воротахъ притвора, одна на дверяхъ святаго, двѣ между святымъ и святымъ святыхъ и двѣ во второмъ этажѣ храма (Klei hamikdasch, VII, §§ 16—17). Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Пэнъ, 181) относятъ къ внѣшней завѣсѣ храма, а не къ завѣсѣ святаго святыхъ евангельское свидѣтельство (Матѳ. 27, 51; Марк. 15, 38; Лук. 23, 45) о завѣсѣ раздравшейся на двое сверху донизу съ часъ смерти Іисуса Христа, на томъ основаніи, что чудесныя явленія этого часа совершились на глазахъ всѣхъ, а между тѣмъ раздраніе одной внутренней завѣсы предъ святымъ святыхъ не было бы замѣтно народу, и было бы чудомъ для однихъ священниковъ.

Объ украшеніи самой залы храма Іосифъ Флавій дѣлаетъ только общее замѣчаніе, что Титъ, осмотрѣвъ ее, нашелъ, что она превосходитъ всѣ описанія (Bell. VI, 4, 7); но въ чемъ состояло ея великолѣпіе, Іосифъ не показываетъ. Рѣзныя изображенія херувимовъ на стѣнахъ были развѣ только на нѣкоторыхъ выдающихся пунк-

[1] См. о выдѣлкѣ вавилонскихъ тканей въ Revue archéologique 1887, Mai—Juin, 257—272.—И въ настоящее время въ синагогахъ завѣсы предъ ковчегомъ имѣютъ изображеніе пятиугольной звѣзды.

*

тахъ (Ioma, 54, 1), потому что вся внутренность храма, по мишнѣ, бѣлилась предъ Пасхою. Слѣдовательно и золотой обкладки, какую имѣли стѣны Соломонова храма, здѣсь не было. Эффектъ залы святаго зависѣлъ отъ высокихъ колоннъ, раздѣлявшихъ храмъ на три нефа, и отъ разныхъ украшеній, неимѣющихъ связи съ архитектурною отдѣлкою храма. Среди храма висѣла большая виноградная кисть изъ золота. По крайней мѣрѣ, въ разсказѣ Флора (III, 5) о вступленіи въ храмъ Помпея, какъ побѣдителя, говорится, что онъ видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ народъ, золотую виноградную лозу, висѣвшую подъ золотымъ потолкомъ, sub aureo vitem coelo. Такъ какъ золотая виноградная вѣтвь въ притворѣ не представляла никакой тайны и была видима народомъ, и притомъ была привѣшена не къ потолку, а къ стѣнѣ надъ дверью, то въ приведенномъ разсказѣ разумѣется другая подобная вѣтвь во святомъ. Что касается богослужебныхъ принадлежностей святаго или средней залы храма (תוך ההיכל), то столъ предложеній и свѣтильникъ, увеличенные въ числѣ Соломономъ, теперь снова были сокращены до того minimum'а, который былъ назначенъ Мойсеемъ для скиніи; они стояли на 26-мъ локтѣ отъ входа, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону храма (Maim. Beth habechira, 3). Замѣчательно, что жертвенника кажденій римскіе побѣдители, ворвавшіеся во храмъ, не нашли. По крайней мѣрѣ, въ числѣ трофеевъ, взятыхъ Титомъ изъ іерусалимскаго храма, упоминается только свѣтильникъ и столъ предложеній (Bell. VII, 5, 5). И на аркѣ Тита въ Римѣ нѣтъ жертвенника кажденій. Нужно думать, что онъ, какъ наиболѣе драгоцѣнный сосудъ, былъ сокрытъ священниками гдѣ-нибудь въ подземельяхъ храма во время осады Іерусалима. Но важнѣйшимъ трофеемъ,

взятымъ изъ іерусалимскаго храма, Титъ считалъ свитокъ іудейскаго закона (Bell. VII, 5, 5, 7) [1].

Внутреннее отдѣленіе храма или святое святыхъ, ἁγίᾳ ἅγιον или beth kodesch kodaschim или иначе τὸ ἄδυτον (Филонъ, Іосифъ) не получило никакихъ украшеній и въ храмѣ Ирода, и было совершенно пусто (Bell. V, 5, 5; Тацитъ Hist. V, 9). Если по преданію здѣсь были херувимы (Ioma, 54), то не херувимы, осѣнявшіе ковчегъ, а вѣроятно рѣзныя изображенія на стѣнахъ, сдѣланныя по примѣру Соломонова храма, такъ какъ ковчега завѣта здѣсь не было (Ioma, 21, 2). Не было никакихъ украшеній и во второмъ этажѣ, за исключеніемъ ящика или шкапа, въ которомъ хранились священные свитки. Хотя, по обычаю, въ синагогѣ должны были быть каѳедра предстоятеля и сѣдалища для присутствующихъ, но въ этой исключительной синагогѣ они были излишни, такъ какъ во внутреннемъ дворѣ храма сидѣть не позволялось. То мѣсто синагоги, которое соотвѣтствовало святому святыхъ нижняго этажа, было отдѣлено завѣсою какъ и въ храмѣ. Мы уже говорили, что во второй этажъ храма имѣли доступъ не только священники, но и міряне въ извѣстныхъ состояніяхъ чистоты [2]. Если такъ мало свѣдѣній

[1] Римскіе побѣдители вынесли изъ іерусалимскаго храма много списковъ еврейскихъ священныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые императоръ Титъ отдалъ Іосифу Флавію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ этотъ послѣдній въ своей автобіографіи (гл. 75), а нѣкоторые уничтожилъ (Gittin, 59, 2). Главный же изъ этихъ списковъ оставался при дворцовой библіотекѣ римскихъ императоровъ съ 70 по 220 годъ по Р. Хр. Около 220 года онъ перешелъ въ римскую синагогу Севера. Дальнѣйшая исторія его неизвѣстна; но еще въ XIII вѣкѣ Кимхи пользовался какимъ-то манускриптомъ, «привезеннымъ въ Римъ изъ Іерусалима и хранившимся въ синагогѣ Севера» (см. Monatsschrift für Geschichte des Judenthums. 1885. August).— [2] Синагоги, современныя Иродову храму, сохранившіяся въ Галилеѣ, всѣ безъ исключенія раздѣляются на отдѣльные нефы рядами колоннъ, которыхъ бываетъ не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ; разстояніе между столбами незначительное, отъ 6 до 10 футовъ; капители коринѳскія или іоническія; высота колоннъ не болѣе 17 фут. (Rawlinson, St. Paul in Damascus and Arabia, 152).

преданіе сохранило о второмъ этажѣ, то ихъ еще менѣе о третьемъ. Мы видѣли уже, что изъ башни, представлявшей третій этажъ храма, преданіе сдѣлало какого-то птицегонителя, Kole oreb. Если этому названію необходимо придавать значеніе, то подъ нимъ нужно разумѣть еще постояннаго живого стража, стоявшаго на башнѣ и, между прочимъ, имѣвшаго обязанность сгонять птицъ съ храма, такъ какъ стражи на большихъ башняхъ стояли днемъ и ночью (Исаіи 21, 8).

О времени построенія Иродова храма Іосифъ Флавій даетъ два различныя свидѣтельства. По Древностямъ XV, 11, 1 постройка храма была начата въ 18 году царствованія Ирода, а по Войнѣ Іуд. I, 21, 1—въ 15-мъ. Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ болѣе ясно и полно обставлено первое свидѣтельство; но какъ относится къ нему второе? Если бы 15-й годъ Ирода былъ показанъ Іосифомъ въ Древностяхъ, то, такъ какъ въ этомъ именно сочиненіи Іосифъ говоритъ о продолжительныхъ приготовленіяхъ Ирода къ постройкѣ, можно было бы подумать, что 15-й годъ Ирода опредѣляетъ начало приготовленій къ постройкѣ, а 18-й—начало самой постройки. Но такъ какъ именно во главѣ всѣхъ приготовленій къ постройкѣ показанъ 18-й годъ, то это объясненіе нужно считать неудачнымъ. Неудачно также и другое объясненіе, по которому 18-й годъ царствованія Ирода и 15-й есть одинъ и тотъ же годъ: но въ первомъ счетѣ terminus a quo берется отъ признанія Ирода царемъ въ Римѣ, а во второмъ отъ дѣйствительнаго вступленія его въ управленіе царствомъ по взятіи Іерусалима. Такое предположеніе не совпадаетъ съ дѣйствительною исторіею воцаренія Ирода. Остается признать въ сви-

дѣтельствѣ Войны Іуд. I, 21, 1 ошибку, и начало построенія храма относить къ 18-му году. Начавшійся постройкою въ 18-мъ году, храмъ строился полтора года въ своемъ главномъ корпусѣ, отдѣлка же дворовъ продолжалась 8 лѣтъ. Такимъ образомъ торжественное освященіе храма нужно полагать зимою 12-го года до Р. Хр. Но объявленное оффиціально окончаніе постройки храма не было полнымъ окончаніемъ. Нѣкоторыя работы продолжались въ немъ еще очень долго, до прокуратора Альбина, 62 или 64 года по Р. Хр. По евангельскому свидѣтельству (Іоанн. 2, 20) во время прохожденія Іисусомъ Христомъ своего общественнаго служенія считали уже 46-й годъ отъ начала постройки храма.

Но не долго суждено было стоять ветхозавѣтному храму по его обновленіи Иродомъ. Въ 70-мъ году по Р. Хр. уже исполнилось надъ нимъ пророчество Іисуса Христа (Матѳ. 24, 2; Марк. 13, 2; Лук. 19, 43). Тридцатаго Апрѣля Титъ, уже владѣвшій такъ называемою третьею и второю стѣною Іерусалима, обратилъ свои усилія противъ храма и прежде всего противъ башни Антонія, столь ненавистной іудеямъ прежде, но теперь представлявшей послѣдній оплотъ спасенія. Сильныя наступательныя движенія римлянъ были сначала успѣшно отражены минами и огнемъ; но чрезъ два мѣсяца, 23-го Іюня, крѣпость Антонія была уже въ рукахъ римлянъ. Впрочемъ, внѣшній дворъ храма вмѣстѣ съ этимъ не перешелъ еще во власть римлянъ, и только 15 и 16 Іюля римляне, съ большими потерями, овладѣваютъ западною и сѣверною частію внѣшняго двора. Теперь осажденные заключились во внутреннемъ дворѣ храма. Двадцать перваго Августа римскія стѣнобитныя машины были придвинуты къ сѣверной сторонѣ внутренняго двора, и послѣ шестидневной работы не принесли никакого

вреда стѣнѣ и воротамъ. Но 3-го Сентября одинъ римскій легіонаръ, поднятый своими товарищами, успѣлъ, незамѣтно для заключенныхъ, вбросить въ высокое окно (Іосифъ: золотое окно) одной изъ камеръ двора горящую головню, которая скоро зажгла камеру, а затѣмъ и всю периферію внутренняго двора. Среди происшедшаго при этомъ между осажденными смятенія, римляне проникли въ послѣднее убѣжище іудеевъ и, не смотря на желаніе Тита сохранить храмъ, сожгли его, какъ говоритъ Іосифъ Флавій, въ тотъ самый день, въ который первый храмъ былъ сожженъ вавилонянами (Bell. V, 9; VI, 1—6; VII, 1, 1).

Исторія развалинъ ветхозавѣтнаго храма весьма неясна и извѣстна намъ только въ отрывкахъ. Этимъ объясняются разнообразныя новѣйшія гипотезы о дальнѣйшей судьбѣ площади храма и о происхожденіи тѣхъ построекъ, которыя существуютъ на ней въ настоящее время. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ какомъ либо предвзятомъ взглядѣ, мы ограничиваемся здѣсь по возможности объективнымъ изложеніемъ относящихся сюда свидѣтельствъ.

Отъ разрушенія Іерусалима Титомъ до императора Адріана ветхозавѣтный храмъ былъ грудою развалинъ, въ которой однакожъ ясно можно еще было отличать значительную часть каменныхъ стѣнъ корпуса храма, дворовыхъ камеръ и наружной стѣны. Сюда заходили для сѣтованій и молитвъ іудейскіе книжники. Первое свидѣтельство о такъ называемомъ *плачѣ евреевъ* на развалинахъ храма, продолжающемся донынѣ, находимъ у Іосифа Флавія, который говоритъ о нѣкоторыхъ старцахъ, сидѣвшихъ на пепелищѣ храма и оплакивавшихъ

его участь (Bell. VII, 8, 7). Въ талмудѣ (Makhoth, fol. 24) есть любопытное свидѣтельство о посѣщеніи площади разрушеннаго храма извѣстнымъ рабби Акибою и его товарищами. Однажды, когда эти учители сидѣли здѣсь на развалинахъ, они увидѣли лисицу, выбѣжавшую изъ самаго храма. Всѣ стали плакать, кромѣ одного Акибы, который имѣлъ довольный видъ. „Чему ты радуешься здѣсь?“ спрашиваютъ его. — „А вы чего плачете?“ — „Какъ же намъ не плакать, когда вотъ мѣсто храма совершенно опустѣло и лисицы живутъ свободно въ томъ мѣстѣ, въ которое никто не могъ проникать, кромѣ одного первосвященника?“ — „По этой самой причинѣ я радуюсь“, отвѣчалъ Акиба „если въ такой степени исполнились печальныя пророчества, то также рѣшительно должны исполниться и другія утѣшительныя пророчества“.—„О, Акиба, отвѣчали старцы, ты насъ утѣшилъ“. По другому талмудическому свидѣтельству (Sebach. 113, 1), посѣтители развалинъ храма въ первое время царствованія Адріана, при жизни рабби Іозуа, нашли однажды трупъ человѣческій во внутреннемъ дворѣ, въ камерѣ дровъ. Такимъ образомъ въ это время храмъ былъ въ совершенномъ запустѣніи и служилъ пріютомъ дикимъ животнымъ, хотя отдѣльныя части храма, по сохранившимся остаткамъ стѣнъ, можно было еще различать безошибочно.

При Симонѣ Баръ-Кохба, въ теченіе трехлѣтней независимости Іудеи (133 — 135), вѣроятно было обращено какое нибудь вниманіе на храмъ, по крайней мѣрѣ на главный корпусъ храма. Сколько можно судить по изображенію храма на монетахъ Баръ-Кохбы, въ это время былъ нѣсколько исправленъ одинъ нижній этажъ храма. Но уже на самомъ этомъ изображеніи замѣтна незаконченность исправленія и полуобвалившійся видъ

храма. Императоръ Адріанъ, который въ началѣ своего царствованія, повидимому, самъ былъ расположенъ допустить полное возстановленіе іудейскаго храма (Graetz, Geschichte der Juden, IV, 442 и дал.), теперь, послѣ возмущенія Баръ-Кохбы и его пораженія, изгнавъ изъ Іерусалима всѣхъ безъ исключенія іудеевъ и запретивъ имъ, подъ страхомъ смерти, приближаться къ городу и храму [1], основалъ здѣсь римскую колонію Элія Капитолина, а развалины храма Іеговы передѣлалъ въ храмъ Юпитера Капитолійскаго. Вотъ изображеніе этого послѣдняго храма на римской монетѣ Діадуменіана. Бордосскій путникъ 333 года, блаженный Іеронимъ (на Исаію, 2, 8 и Матѳ. 21, 15) и историкъ Евсевій (Hist. eccl. IV, 6, 2) говорятъ о двухъ статуяхъ Адріана при іерусалимскомъ храмѣ Юпитера, изъ которыхъ одна была конная.

Съ воцареніемъ императора Константина Великаго, храмъ Юпитера въ Іерусалимѣ былъ разрушенъ, и опять площадь храма обратилась въ огромное поле развалинъ. Со стороны христіанъ въ это время установилось особенное отношеніе къ развалинамъ ветхозавѣтнаго храма. Такъ какъ Іисусъ Христосъ предрекъ этому храму полное и всегдашнее разрушеніе, то христіане считали для себя непозволительнымъ не только возобновлять древній храмъ Соломоновъ, но и строить христіанскіе храмы на его мѣстѣ и изъ его развалинъ. Это было неприкосновенное мѣсто херема или заклятія въ древнемъ смыслѣ этого слова. Между древними свидѣтельствами о состояніи площади іерусалимскаго храма въ это время

[1] Это запрещеніе соблюдалось еще во время Тертуліана, чрезъ сто лѣтъ послѣ Адріана.

прежде всего заслуживаетъ вниманія свидѣтельство Бордосскаго путника 333 года. „Въ Іерусалимѣ возлѣ храма „находятся два большіе водоема, сооруженные Соломо„номъ, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны... „Здѣсь есть уголъ весьма высокой башни (крыло храма) „на которую Господь взошелъ, и сказалъ Ему искушавшій „Его: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ. Здѣсь боль„шой угловой камень, про который сказано: камень, его „же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла. Подъ „зубцами этой башни сохранились многія комнаты, на „мѣстѣ дворца Соломона. Здѣсь же большіе подземные „водохранилища и водоемы, устроенные съ великимъ „трудомъ. На самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ, построен„ный Соломономъ, на мраморѣ предъ жертвенникомъ, „гдѣ, говорятъ, нѣкогда пролита была кровь Захаріи, „видны по всему помосту слѣды обуви убившихъ его „воиновъ, отпечатанные какъ на воскѣ. Здѣсь же двѣ „статуи Адріана, а недалеко отъ нихъ пробитый ка„мень, (lapis pertusus), къ которому однажды въ годъ [1] „приходятъ іудеи и помазываютъ его елеемъ, плачутъ, „разрываютъ свои одежды и затѣмъ удаляются. Здѣсь же „былъ домъ Езекіи, царя іудейскаго“. И такъ, въ 333 году, когда уже христіанская базилика Константина въ Іерусалимѣ была построена, мѣсто ветхозавѣтнаго храма было пустынно: здѣсь видѣли остатки башенъ, отдѣльные разбросанные большіе камни, большія подземныя водохранилища, статуи Адріана. Но какого либо храма христіанскаго здѣсь не находили. Lapis pertusus, о которомъ здѣсь говорится, какъ предметѣ поклоненія іудеевъ, былъ, конечно, однимъ изъ главныхъ пунктовъ

[1] Бл. Іеронимъ прибавляетъ, что это происходило въ годовщину разрушенія храма римлянами (In Sophon. 1, 15, 16). О слѣдахъ крови Захаріи между развалинами храма и жертвенника Іеронимъ говоритъ in Matth. XXIV.

разрушеннаго ветхозавѣтнаго святилища, но не мѣстомъ святаго святыхъ, къ которому іудеи не позволили бы себѣ прикасаться, а вѣроятно мѣстомъ жертвенника всесожженій. Нельзя не замѣтить здѣсь, что въ приведенномъ описаніи для площади разрушеннаго ветхозавѣтнаго храма показаны тѣ же границы, какія она занимаетъ въ настоящее время: два большіе водоема при площади храма на сѣверѣ и евангельское крыло храма — нынѣшній юго-восточный уголъ (ср. Евхерія 440 года).

Вторымъ по важности свидѣтельствомъ о состояніи развалинъ ветхозавѣтнаго храма при императорѣ Константинѣ служитъ свидѣтельство Св. Кирилла іерусалимскаго, жившаго и проповѣдывавшаго въ Іерусалимѣ. Въ одной своей проповѣди онъ говоритъ между прочимъ: „Когда антихристъ придетъ къ іудеямъ какъ „Христосъ и отъ іудеевъ потребуетъ поклоненія, тогда, „чтобы обольстить ихъ болѣе, покажетъ великое усердіе „ко храму, внушая о себѣ ту мысль, что онъ отъ рода „Давидова и что ему необходимо возстановить храмъ, „нѣкогда сооруженный Соломономъ. Придетъ же анти„христъ тогда, когда въ іудейскомъ храмѣ не останется „камня на камнѣ по опредѣленію Спасителя (Матѳ. „24, 2). Когда паденіе отъ ветхости и разрушеніе, дѣ„лаемое въ видахъ извлеченія матеріала для новыхъ „построекъ или по другимъ причинамъ, истребитъ всѣ „камни, разумѣю же не внѣшнія стѣны, но и внутрен„ность храма, гдѣ были херувимы, тогда придетъ анти„христъ во всѣхъ знаменіяхъ“ (Огласит. Слов. XV, 15).— И такъ развалины ветхозавѣтнаго храма существуютъ и, какъ подлежащія заклятію, дѣлаются для христіанъ знаменіемъ временъ: съ исчезновеніемъ послѣдняго камня этого храма явится антихристъ. Но, конечно, не хри-

стіане будутъ ускорять пришествіе антихриста, способствуя скорѣйшему уничтоженію развалинъ храма. Онѣ должны распасться отъ времени, отъ вліянія стихій и человѣческой руки, но не христіанской или іудейской, а другой случайной руки, незнающей ихъ значенія. Особенно важное значеніе имѣетъ для насъ то, что во время Св. Кирилла еще могла быть рѣчь о внутренней залѣ храма святаго и святаго святыхъ, еще существовавшей, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою частію.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіе словъ Евангелія: *не останется камня на камени* говоритъ о развалинахъ храма слѣдующее: „Что означаютъ эти слова? „Предрекаетъ ли здѣсь Іисусъ Христосъ совершенное „исчезновеніе всѣхъ камней, или же говоритъ только о „разрушеніи той части стѣны, при которой Онъ тогда „стоялъ? Нѣкоторыя части храма уже нынѣ стерты до „основаній. Это должно убѣдить совопросниковъ, что и „остальное погибнетъ“ (Homilia LXXV, 1).—И такъ христіане съ назиданіемъ для себя созерцали развалины храма, соизмѣряли разрушенное съ оставшимся, но не позволяли себѣ насильственнаго уничтоженія развалинъ.

Еще одно, относящееся сюда, важное древнее свидѣтельство находимъ въ сирскомъ переводѣ одной потерянной книги Евсевія, носившей названіе „Θеофанія“, написанной около 320 года, нынѣ найденномъ и изданномъ въ англійскомъ переводѣ Самуиломъ Леемъ (кн. IV, гл. 8, стр. 245 и 248). „Видъ мѣстности храма одинъ можетъ показать въ какой мѣрѣ исполнилось пророчество Христа о его разрушеніи. Продолжительность запустѣнія, тяготѣющаго надъ этимъ мѣстомъ, не есть только удвоенная продолжительность запустѣнія бывшаго при вавилонскомъ плѣненіи; она уже *въ четыре*

раза превысила срокъ вавилонскаго запустѣнія, утверждая такимъ образомъ судъ Господень.... Только для того, чтобы утвердить свидѣтельство священнаго Писанія о чудесномъ величіи построекъ храма и его внѣшнемъ украшеніи, нѣкоторые слѣды его древнихъ украшеній пощажены временемъ... Если кто нибудь укажетъ намъ, что основанія построекъ храма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще существуютъ, то мы можемъ отвѣтить, что ихъ разрушеніе непрерывно продолжается; во многихъ мѣстахъ уже нельзя указать слѣда отъ стѣнъ храма".—И изъ этого свидѣтельства, какъ и изъ всѣхъ предшествующихъ, очевидно, что христіане того времени не считали для себя позволительнымъ утилизировать для своихъ цѣлей остатки ветхозавѣтнаго храма и строить здѣсь свои новозавѣтные храмы. Украшенія, остававшіяся тогда отъ древняго храма, были, конечно, колонны, капители и ихъ антаблеманы, валявшіеся здѣсь въ большомъ количествѣ; но и ихъ не берутъ христіане для своихъ храмовъ.

Вѣковое безмолвіе, царствовавшее на площади разрушеннаго ветхозавѣтнаго храма, было прервано на короткое время только при императорѣ Юліанѣ богоотступникѣ. Въ своемъ противодѣйствіи христіанству Юліанъ, какъ извѣстно, искалъ для себя опоры не только въ язычествѣ, но и въ іудействѣ. Съ этою цѣлію онъ огласилъ по всѣмъ іудейскимъ общинамъ свое благоволеніе и свое намѣреніе возобновить разрушенный іудейскій храмъ, и вошелъ съ этою цѣлію въ непосредственныя сношенія съ тогдашними представителями іудейства, особенно съ патріархомъ Гиллеломъ вторымъ (Іюлосъ), который, съ своей стороны, утвердилъ императора въ возможности возобновленія кровавой іерусалимской жертвы. Judeos amare se simulans et in templo

eorum immolaturum se esse promittens, говоритъ о Юліанѣ блаженный Іеронимъ (на Дан. 9, 34). Порученіе самаго возобновленія храма Юліанъ возложилъ на одного изъ своихъ довѣренныхъ людей, ученаго антіохійца Алипія, котораго снабдилъ для этой цѣли всѣми полномочіями. Кромѣ казенныхъ средствъ, Алипій собралъ многочисленныя пожертвованія отъ іудейскихъ общинъ и распорядился приступить къ возобновленію святилища по его древнему плану. Но едва было приступлено къ закладкѣ основаній, какъ страшное землетрясеніе, соединенное съ изверженіемъ пламени изъ древнихъ катакомбъ храма, навело такой ужасъ на работниковъ храма, что Алипій принужденъ былъ оставить свое предпріятіе въ самомъ началѣ. Явленіе было понято всѣми не только христіанами, но и язычниками и іудеями, какъ выраженіе небеснаго гнѣва за возобновленіе мѣста, обреченнаго херему. „Если кто нибудь считаетъ невѣроятнымъ это повѣствованіе, говоритъ Созоменъ (V, 22), тотъ можетъ обратиться къ свидѣтелямъ-очевидцамъ, которые живутъ еще донынѣ; пусть онъ спроситъ іудеевъ и язычниковъ, зачѣмъ они оставили это свое дѣло неоконченнымъ или точнѣе, что помѣшало имъ приступить къ этому дѣлу“? Дѣйствительно, подтвержденіе этому повѣствованію находимъ у языческаго писателя Амміана Марцеллина (Am. Marc. XXIV), друга Юліанова. Такимъ образомъ попытка возобновленія ветхозавѣтнаго храма при Юліанѣ окончилась болѣе глубокимъ его разрушеніемъ, такъ какъ при этомъ нѣкоторыя сохранившіяся части храма были сняты. Вѣрованіе въ неприкосновенность этого мѣста, какъ обреченнаго на полное запустѣніе, утвердилось еще болѣе.

Второй періодъ въ исторіи развалинъ ветхозавѣт-

наго храма начинается съ 638 года, когда, по договору, заключенному халифомъ Омаромъ съ патріархомъ Софроніемъ, Іерусалимъ сдался на капитуляцію халифу, стоявшему лагеремъ на Елеонской горѣ, противъ развалинъ храма. По предварительному условію капитуляціи Омаръ гарантировалъ христіанамъ неприкосновенность ихъ имущества и ихъ храмовъ; но въ этомъ условіи не была показана стоявшая въ запустѣніи площадь ветхозавѣтнаго храма, уже обратившая на себя вниманіе побѣдителя. Поэтому Омаръ немедленно заявилъ свои права на эту площадь и выразилъ желаніе построить на ней храмъ. Патріархъ, считавшій себя стражемъ неприкосновенности мѣста ветхозавѣтнаго храма, крайне смутился желаніемъ халифа и сначала пробовалъ отклонить его. „Веди меня въ храмъ Давида“, говоритъ Омаръ патріарху. Патріархъ привелъ халифа въ храмъ Воскресенія и говоритъ ему: „вотъ храмъ Давида“. Такъ какъ, въ силу условій капитуляціи, храмъ Воскресенія былъ огражденъ отъ власти Омара, то патріархъ, указывая на него, какъ на храмъ Давида, надѣялся отклонить халифа отъ мысли возстановлять развалины ветхозавѣтнаго храма. Но Омаръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, вскричалъ: „нѣтъ, это неправда; пророкъ сдѣлалъ мнѣ описаніе храма Давида, но оно ничѣмъ не напоминаетъ того зданія, которое я вижу теперь“. Тогда патріархъ повелъ Омара въ церковь Сіонскую и говоритъ: „вотъ храмъ Давида“. „Неправда“, отвѣчалъ Омаръ, и направился самъ къ воротамъ Магомета, т. е. къ западнымъ воротамъ, приводившимъ на площадь ветхозавѣтнаго храма. Патріархъ еще разъ пробуетъ остановить Омара; „сюда можно проникнуть развѣ только ползкомъ“, говоритъ онъ. „Ничего“, отвѣчалъ Омаръ. Патріархъ долженъ

былъ идти впередъ, Омаръ и его свита слѣдовали за нимъ и наконецъ вышли на площадь харамъ еш-шерифъ. Осмотрѣвшись здѣсь направо и налѣво, Омаръ воскликнулъ: „великъ Аллахъ! это дѣйствительно храмъ Давида, который описалъ мнѣ пророкъ“. Такъ какъ сахра (мѣсто жертвенника ветхозавѣтныхъ всесожженій) была тогда покрыта соромъ и нечистотами, то Омаръ снялъ съ себя плащъ и принялся очищать ее; всѣ мусульмане послѣдовали его примѣру. Такъ описываетъ исторію занятія мусульманами площади ветхозавѣтнаго храма арабскій историкъ Кемалъ ед-Динъ (Reynolds The history of the Temple of Jerusalem. 142). Хотя и изъ этого свидѣтельства очевидно, что площадь ветхозавѣтнаго храма до халифа Омара была совершенно пустынна и что патріархъ Софроній и теперь еще старался не допустить мусульманъ до возобновленія и очищенія ея, но эта мысль еще яснѣе видна въ изложеніи даннаго историческаго обстоятельства у христіанскаго хрониста X вѣка, Анба Евтихія, впослѣдствіи патріарха александрійскаго. Здѣсь патріархъ Софроній прямо указываетъ халифу Омару на общее вѣрованіе христіанъ въ недоступность этого мѣста. „На этомъ мѣстѣ, говоритъ Софроній, греческіе императоры не могли построить храма (намекъ на попытку Юліана).... Когда римляне приняли христіанство и Елена, мать Константина, строила церкви въ Іерусалимѣ, сахра іудеевъ (мѣсто жертвоприношеній) и окружающая ее площадь были оставлены въ совершенномъ запустѣніи; сюда даже сносили изъ города соръ и нечистоты, потому что Іисусъ Христосъ сказалъ въ Евангеліи: „этотъ домъ будетъ пустъ, не останется отъ него камня на камнѣ“. Когда, не смотря на это предостереженіе, Омаръ взошелъ на площадь, чтобы выбрать мѣсто для

мечети, то нѣкоторые его спутники предлагали ему оріентировать послѣднюю къ сахрѣ, чтобы молящіеся въ мечети обращались лицомъ къ мѣсту ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній. Но Омаръ сказалъ: „нѣтъ, это будетъ по-іудейски; лучше построить независимо отъ сахры, чтобы молящіеся обращались лицомъ въ противоположную сторону, къ Меккѣ“ (Eutychii, patriarchae Alexandrini, annales, II, 1658, p. 284). Такимъ образомъ халифъ Омаръ еще дѣлаетъ уступку господствовавшему отношенію къ площади ветхозавѣтнаго храма и хотя очищаетъ ее отъ нечистотъ и мусора, но свою мечеть строитъ не на мѣстѣ древняго храма, а вдали отъ него, въ южной части площади, на мѣстѣ στοὰ βασιλικὴ Ирода, гдѣ нынѣшняя мечеть Ель-Акса. Вѣроятно это было сдѣлано по просьбѣ того же Софронія, который въ данномъ случаѣ могъ сослаться на то, что, по условіямъ капитуляціи, Омаръ обязался щадить христіанскія вѣрованія.

Только уже въ 68-мъ году гиджры (687 году) была предпринята постройка въ центральной части площади ветхозавѣтнаго храма, на мѣстѣ внутренняго двора, халифомъ Абдъ ел-Меликъ изъ дома Омміадовъ, имѣвшимъ резиденцію въ Дамаскѣ. Вслѣдствіе возмущенія аравійскихъ и африканскихъ провинцій противъ дамаскихъ халифовъ, въ то время былъ затрудненъ доступъ въ Мекку и Медину сирійскимъ магометанамъ. Поэтому Абдъ ел-Меликъ рѣшился основать новый пунктъ поклоненія магометанскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ. Прибывъ съ этою цѣлію лично въ Іерусалимъ, Абдъ ел-Меликъ обратился прежде всего къ своимъ подданнымъ съ такого рода воззваніемъ: „халифъ рѣшился создать куполъ надъ скалою ес-Сахра въ Іерусалимѣ; но онъ не хочетъ предпринимать этотъ трудъ, не узнавъ

мнѣнія своихъ подданныхъ объ этомъ мѣстѣ поклоненяі мусульманъ; они должны сообщить ему объ этомъ свои мнѣнія письменно". Отвѣты подданные халифу по данному вопросу всѣ имѣли такой смыслъ: „по нашему мнѣнію, мысль повелителя вѣрующихъ праведна и достоуважаема. Пусть Богъ приведетъ предпріятіе халифа къ доброму концу". Тогда Абдъ ел-Меликъ собралъ архитекторовъ и рабочихъ, ассигновалъ весьма значительную сумму (говорили, что эта сумма равнялась семилѣтней дани, собиравшейся съ Египта) и главными начальниками работъ поставилъ Абу-Микдамъ-Риджа-ибнъ-Хайва и при немъ помощника Іезидъ-ибнъ-Солламъ, іерусалимскаго уроженца. Начатая постройкою въ 687 году, мечеть Куббетъ-ес-Сахра была окончена въ 690 году по Р. Хр. Изъ почтенія къ мѣсту рабочіе приступали къ дѣлу не иначе, какъ въ праздничныхъ одеждахъ и по совершеніи ежедневныхъ омовеній, прибавляетъ преданіе. Эти свидѣтельства о происхожденіи мечети Куббетъ-ес-Сахра, существующей донынѣ, удостовѣряютъ арабскіе историки Джелалъ-ед-Динъ, Меджръ-ед-Динъ и друг. и сохранившіяся донынѣ надписи на стѣнахъ (см. Vogüé, Le Temple de Jérusalem, 85, 86) [1].

Съ конца седьмаго вѣка, когда возобновленная мусульманами площадь ветхозавѣтнаго храма сдѣлалась предметомъ поклоненія, она была совершенно очищена отъ древнихъ развалинъ и получила тотъ общій видъ, какой она имѣетъ нынѣ. Это однакожъ не значитъ, что магометане своими постройками остановили раз-

[1] Арабскіе историки, говоритъ Пальмеръ, съ такою ясностію и опредѣленностію говорятъ о происхожденіи этой знаменитой Куббетъ-ес-Сахра, съ какою мы могли бы говорить о постройкѣ собора Св. Павла Христофоромъ Вреномъ (Besant and Palmer, Jerusalem, p. 487).

*

ложеніе ветхозавѣтнаго храма. Напротивъ, при постройкѣ срединной мечети Куббетъ-ес-Сахра, послѣдніе камни древняго храма и его внутренняго двора, доселѣ еще остававшіеся на мѣстѣ, были исторгнуты, такъ что на мѣстѣ корпуса храма не осталось никакого слѣда какой-либо постройки, такъ какъ магометанское святилище Куббетъ-ес-Сахра построено на мѣстѣ открытой части древняго внутренняго двора, гдѣ былъ жертвенникъ всесожженій. Если нѣкоторые остатки стѣнъ сохранились донынѣ, то это—не остатки храма, а остатки внѣшней ограды того двора, который у самыхъ евреевъ назывался уже не израильскимъ, а дворомъ язычниковъ.

Мы остановились такъ подробно на свидѣтельствахъ о запустѣніи ветхозавѣтной площади до арабскаго владычества, имѣя въ виду новѣйшія гипотезы, приписывающія возобновленіе площади византійскимъ императорамъ. По мнѣнію Сеппа, построеніе нынѣшней срединной мечети Куббетъ-ес-Сахра и отдѣлку воротъ двора нужно относить къ императору Юстиніану (Jerusalem und das heilige Land. I, 175. Neue architectonische Studien in Palästina, 5, 23. Die Felsenkuppel, 1882). Хотя невозможность этой гипотезы ясно видна изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Евтихія, по которому чрезъ сто лѣтъ послѣ Юстиніана, при занятіи Іерусалима Омаромъ, площадь ветхозавѣтнаго храма была покрыта однѣми развалинами и кучами нечистотъ, тѣмъ не менѣе по поводу гипотезы Сеппа мы можемъ прибавить здѣсь еще слѣдующее:

1. Базилика Юстиніана, имени Св. Дѣвы Маріи, по описанію Прокопія (de aedific. Justin. V, 6), была построена въ Іерусалимѣ, на выдающейся горѣ, площадь которой, однакожъ, не соотвѣтствовала тѣмъ общимъ

указаніямъ длины и ширины зданія, которыя были предположены императоромъ: на югѣ и востокѣ недоставало мѣста для той части храма, гдѣ священнодѣйствуютъ пресвитеры. Тогда архитекторы сдѣлали подземныя подстройки, увеличившія площадь скалы. Такимъ образомъ церковь частію стоитъ на скалѣ, частію виситъ на воздухѣ... Архитекторы исходили лѣса, выискивая громадные кедры для крыши храма... Кромѣ внутреннихъ колоннъ, колонны были и съ наружной стороны, образуя его портики, кромѣ стороны восточной. Предъ дверью храма стояли двѣ величественныя колонны, неуступающія никакимъ колоннамъ въ мірѣ. Наконецъ, дворъ былъ окруженъ съ четырехъ сторонъ подобными колоннами". Не говоря уже о томъ, что Прокопій не могъ не назвать по имени площади ветхозавѣтнаго храма и описывать ее частными чертами, какъ безвѣстную мѣстность, каждая подробность въ приведенномъ описаніи базилики Юстиніана опровергаетъ предположеніе Сеппа, что въ немъ идетъ дѣло о Куббетъ-ес-Сахра. Тогда какъ въ храмѣ Юстиніана различается длина и ширина, слѣдовательно, предполагается четыреугольное зданіе, нынѣшняя мечеть Куббетъ-ес-Сахра не имѣетъ длины и ширины, а требуетъ другихъ измѣреній, свойственныхъ круглому зданію. Тогда какъ базилика Юстиніана имѣетъ дверь на одной восточной сторонѣ, а со всѣхъ другихъ сторонъ представляетъ перистиль, Куббетъ-ес-Сахра имѣетъ двери противъ дверей со всѣхъ четырехъ сторонъ. Тогда какъ базилика Юстиніана частію стояла на скалѣ, а частію на каменныхъ подстройкахъ со сводами, Куббетъ-ес-Сахра вся стоитъ на твердомъ грунтѣ скалы. Тогда какъ базилика Юстиніана имѣла не куполъ, а весьма длинную и широкую крышу, требовавшую огромной

величины кедровъ, Куббетъ-ес-Сахра почти не имѣетъ крыши въ этомъ смыслѣ слова и покрывается огромнымъ куполомъ.

2. Напрасно ссылается Сеппъ на слѣдующее свидѣтельство Θеодосія: „И приходишь къ тому крылу храма, гдѣ сатана искушалъ Господа нашего, Іисуса Христа, и есть тамъ крестовидная базилика“ (Itinera et descriptiones terrae sanctae, edidit Tobler, 1, 65). Но крыло или зубецъ храма преданіе ясно указываетъ на углу внѣшней ограды храма, надъ ущельемъ Кедрскаго потока. Слѣдовательно, базилика указывается за оградою храма, а не въ центрѣ площади храма. Мало того, въ сочиненіи Θеодосія de Terra sancta не можетъ быть указанія на базилику Юстиніана въ Іерусалимѣ, потому что оно написано (530 г.) раньше ея постройки, по крайней мѣрѣ, на восемь лѣтъ.

3. Напрасно, далѣе, Сеппъ ссылается на путешественника Антонина (около 570 года), который говоритъ о базиликѣ Св. Софіи, гдѣ была нѣкая квадратная скала, petra autem ibi est quadrangula (Itinera... 104). Эта скала не можетъ быть скалою ветхозавѣтнаго жертвенника всесожженій, нынѣ находящеюся въ Куббетъ-ес-Сахра, потому что Антонинъ ясно говоритъ, что это была совершенно другая скала новозавѣтной жертвы, скала въ преторіи Пилата, quae stabat in medio pretorio. Но смѣшать преторію Пилата съ мѣстомъ жертвенника ветхозавѣтнаго никто никогда не могъ. Что Антонинъ не предполагаетъ такого смѣшенія, ясно видно изъ того, что храмъ ветхозавѣтный онъ упоминаетъ особо и, подобно вышеприведеннымъ писателямъ, представляетъ его въ нетронутыхъ развалинахъ. Ante *ruinas templi* Salomonis, sub platea aqua decurrit ad fontem Siloam secus porticum Salomonis. Такимъ образомъ раз-

валины храма и портика ветхозавѣтнаго стояли попрежнему. Но ихъ не было бы, если бы площадь храма уже была занята христіанскимъ храмомъ.

4. Путешественникъ 670 года Аркульфъ, коснувшись того мѣста, гдѣ былъ ветхозавѣтный храмъ, говоритъ слѣдующее: Ceterum in illo famoso loco, ubi quondam templum magnifice constructum fuerat, in vicinia muri ab oriente locatum, nunc Sarraceni quadrangulam orationis domum, quam subrectis tabulis et magnis trabibus super quasdam ruinarum reliquias construentes, vili fabricati sunt opere, ipsi frequentant; quae utique domus tria hominum millia simul, ut fertur, capere potest (Tobler, Itinera... 145). И такъ, Аркульфъ, совершенно согласно съ вышеприведенными арабскими свидѣтельствами, въ 670-мъ году, видитъ одну мечеть ел-Акса, построенную сарацинами въ сторонѣ, среди развалинъ, на площади храма. Совершенно невѣроятно, чтобы онъ могъ игнорировать при этомъ художественное зданіе Куббетъ-ес-Сахра, если онъ съ такою подробностію описалъ тогдашнюю южную мечеть ел-Акса, которая, по его собственному мнѣнію, vili fabricata est opere. Послѣднее презрительное выраженіе показываетъ, что и мечеть Ель-Акса Аркульфъ не считалъ передѣланною базиликою Юстиніана. Да онъ и прямо говоритъ, что единственный молитвенный домъ на площади ветхозавѣтнаго храма былъ построенъ сарацинами. И такъ, базилика Юстиніана въ Іерусалимѣ не имѣла никакого отношенія къ мѣсту ветхозавѣтнаго храма.

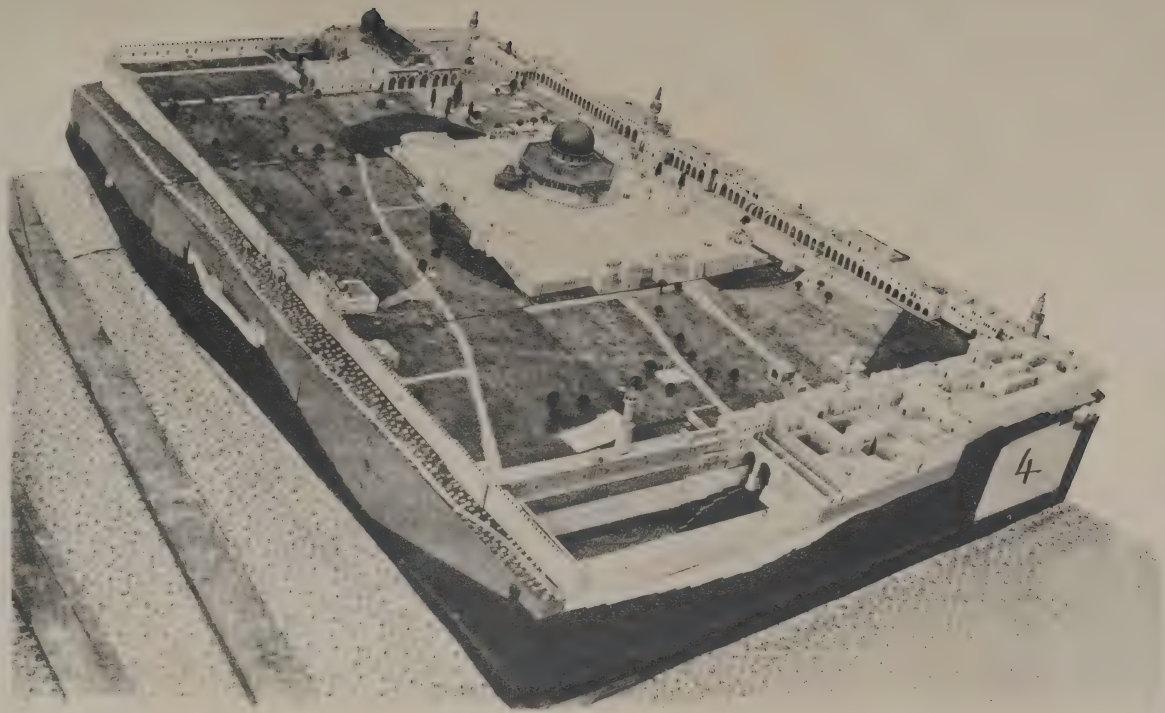
Если, такимъ образомъ, Куббетъ-ес-Сахра, нынѣшнее центральное зданіе площади ветхозавѣтнаго храма, не существовала еще во время Юстиніана, то что сказать о гипотезахъ, относящихъ ее къ гораздо

болѣе раннему времени? По мнѣнію Фергюссона, Куббетъ-ес-Сахра принадлежитъ къ базиликѣ Константина Великаго, описанной Евсевіемъ, построенной на мѣстѣ воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ (The Holy Sepulchre and the Temple at Jerusalem, 1861. The Temples of the Jews, 1878, 193 и дал.). Льювинъ (A sketch of Jerusalem, 150) относитъ Куббетъ-ес-Сахра къ ближайшимъ преемникамъ императора Константина или первой половины четвертаго вѣка. Унгеръ (Die Bauten Constantin's des Grossen zu Jerusalem, 1863, 72—73) относитъ это зданіе ко времени пребыванія въ Іерусалимѣ императрицы Евдоксіи, супруги Θеодосія II (440—460). Само собою разумѣется, что для доказательства этихъ положеній необходимо, прежде всего, отвергнуть всякую связь даннаго мѣста съ площадью ветхозавѣтнаго храма. Мы увидимъ дальше, съ какимъ успѣхомъ названные изслѣдователи это дѣлаютъ. Теперь же къ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ прибавимъ еще одно историческое свидѣтельство (Eutychii annales, t. II, 219—222), по которому въ 614 году христіанскіе храмы въ Іерусалимѣ были разрушены персами при Хозроѣ II. Такъ какъ это разрушеніе персидскіе огнепоклонники произвели въ сообществѣ съ іудеями, которые, въ количествѣ 26,000, присоединились къ нимъ въ Галилеи, то при этомъ менѣе всего могли быть пощажены тѣ христіанскіе памятники, которые были тогда на площади ветхозавѣтнаго храма или въ сосѣдствѣ съ нею; даже церкви на Елеонской горѣ были тогда разрушены.

И такъ, Куббетъ-ес-Сахра, восьмиугольный памятникъ на скалѣ ветхозавѣтнаго жертвенника всесожженій, построенъ арабскими халифами, хотя при помощи бывшихъ тогда въ Іерусалимѣ византійскихъ архитек-

торовъ, но не по византійской идеѣ. На прекрасной картинѣ Рафаэля въ Миланѣ: „принятіе Св. Дѣвы Маріи въ домъ Іосифомъ Обручникомъ“, для характеристики мѣстности представленъ храмъ Ирода на горѣ Моріа, совершенно подобный Куббетъ-ес-Сахра. Не было ли въ самомъ дѣлѣ какой либо посредствующей связи между храмомъ іудейскимъ и Куббетъ-ес-Сахра? Такою связью долженъ считаться восьмиугольный самарянскій храмъ на Гаразинѣ, остатки котораго въ VII вѣкѣ сохранялись еще во всѣхъ подробностяхъ. Весьма вѣроятно, что Абдъ ел-Меликъ воспользовался планомъ самарянскаго храма, считая его общимъ типомъ іудейскаго храма. Припомнимъ, что и храмъ Ирода вѣнчался восьмиугольною башнею [1].

[1] Весьма остроумное, хотя и весьма мало вѣроятное, объясненіе исторіи Куббетъ-ес-Сахра сдѣлано К. Шикомъ. По его мнѣнію, это зданіе своимъ началомъ относится ко времени, непосредственно слѣдующему за разрушеніемъ ветхозавѣтнаго храма. Двѣнадцать центральныхъ колоннъ, вокругъ священной скалы мечети, суть не что иное, какъ Додекапилонъ императора Адріана или храмъ Юпитера на горѣ Моріа. Боковые нефы построены Юстиніаномъ, а мозаическая отдѣлка принадлежитъ арабамъ (Beit el Makdas, 149—157).



НЫНѢШНІЙ ХАРАМЪ ЕШ-ШЕРИФЪ

ПО МОДЕЛИ К. ШИКА.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., №13.

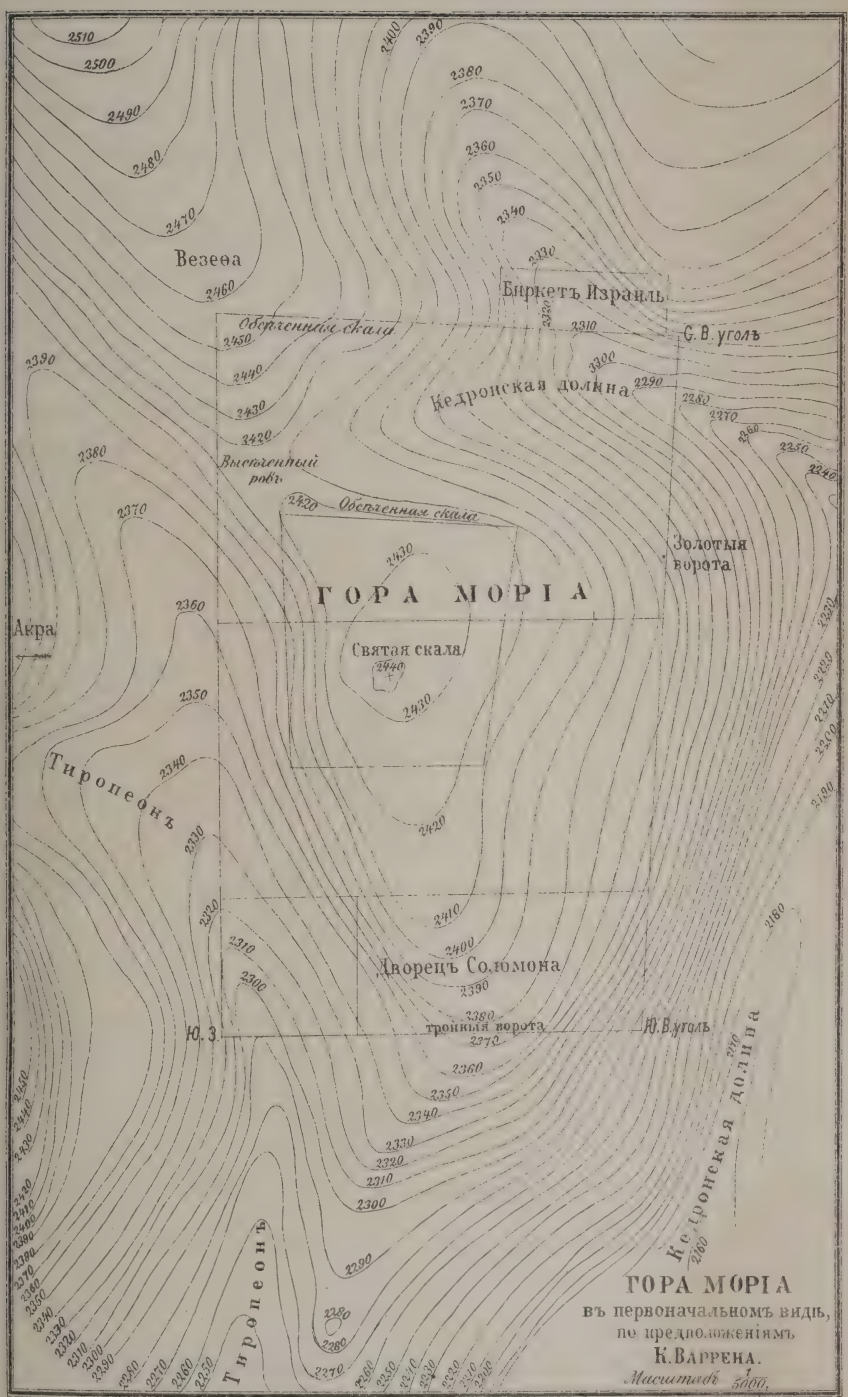
ХАРАМЪ ЕШ-ШЕРИФЪ.

Ветхозавѣтное святилище, по пророчеству, было разрушено. Но, какъ нѣкоторая тѣнь его древняго продолжительнаго существованія, отъ него остались глубокіе фундаменты или подземные молы, при помощи которыхъ строители расширяли и выравнивали для храма гору Моріа. По своей массивности, а также потому, что эти фундаменты или молы скоро были прикрыты наслоеніями земли и, такъ сказать, перестали существовать отдѣльно, но слились воедино съ мѣстнымъ грунтомъ, они сохранились, но сохранились именно какъ тѣнь чего-то нѣкогда существовавшаго и погребеннаго. Въ настоящее время на поверхности видна только незначительная часть стѣны, замыкавшей площадь Соломонова храма, но за то весьма значительная часть ея обнаружена подъ землей, путемъ раскопокъ и подземныхъ галлерей, прорытыхъ вокругъ площади ветхозавѣтнаго святилища на средства англійскаго археологическаго общества Palestine Exploration Fund [1].

[1] Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ предлагаемомъ описаніи будетъ встрѣчаться нѣчто несогласное съ тѣмъ описаніемъ площади харамъ ешшерифъ, которое сдѣлано нами въ сочиненіи: Святая Земля, томъ 1-й, стр. 7—159. Такъ какъ въ нашемъ первомъ описаніи мы руководствовались только тѣми остатками стѣнъ харама, которые сохранились на поверхности, то и выводы у насъ по мѣстамъ получались не тѣ, которые даются здѣсь.

Но, прежде чѣмъ говорить объ остаткахъ ветхозавѣтнаго храма, мы должны сказать о естественномъ грунтѣ, какой представляла гора Моріа, когда она была еще только гумномъ Орны Іевусеянина.

Площадь, избранная царемъ Давидомъ для храма, нынѣ находящаяся во владѣніи мусульманъ и извѣстная подъ именемъ харамъ еш-шерифъ, т. е. *благородное святилище* или просто харамъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ описываетъ Іосифъ Флавій, представляла скалистый холмъ, со всѣхъ сторонъ почти окруженный оврагами. Самое имя Моріа LXX толковниковъ переводятъ чрезъ ὑψηλή, *гора высокая*. Изъ цѣпи горъ, примыкавшихъ къ ней съ сѣверо-запада, она выступала широкимъ террасовиднымъ оваломъ, въ видѣ естественнаго памятника, cippus, или нерукотворнаго жертвенника всесожженій. Независимо отъ своей общей, свойственной холму, покатости, она раздѣлялась на двѣ террасы, верхнюю или срединную и нижнюю или внѣшнюю; послѣдняя ограждала со всѣхъ сторонъ верхнюю террасу въ видѣ нижняго контрфорса горы. Раздѣленіемъ между двумя площадками или террасами служилъ довольно высокій уступъ горы въ видѣ стѣны, 15—20 футовъ высоты, обходившій почти вокругъ всей верхней площадки и уединявшій ее отъ нижней. Верхняя терраса имѣла въ діаметрѣ съ сѣвера на югъ 579 футовъ и 433 фута съ востока на западъ, и въ своей центральной части представляла видъ приподнятаго естественнаго купола, или куполообразно поднятой вершины всего холма изъ мраморoподобнаго, бѣлаго известняка (маляки), который въ другихъ мѣстахъ Палестины обыкновенно прикрытъ другими верхними слоями камня (миззи и какули), но въ данномъ пунктѣ вытѣсненъ вулканическимъ давленіемъ на поверхность и под-



ГОРА МОРІА
въ первоначальномъ видѣ,
по предположеніямъ
К. Варрена.
Масштабъ 1/5000.

Литогр. Н. Индутнаго, С.П.Б. Сергіевская ул. № 18.

нятъ на самую вершину горы. Эта центральная часть или вершина горы Моріа, по преданію представляющая самый священный пунктъ площади и нынѣ находящаяся подъ куполомъ мечети Омара съ именемъ „священной скалы“ мусульманъ, по уровню возвышается на 2440 футовъ надъ поверхностію Средиземнаго моря у береговъ Яффы. Начиная отъ этой центральной части, грунтъ горы постепенно спадаетъ, сначала слабо, въ области верхней террасы, на 10 (при восточной и сѣверной сторонѣ) и 20 (при западной и южной сторонѣ) футовъ, потомъ, въ области нижней террасы, круто, именно на сѣверо-восточной сторонѣ нижней террасы на 162 фута ниже уровня центральной священной скалы, на юго-восточной на 163 фута, на юго-западной на 150 футовъ. Только на сѣверо-западной сторонѣ террасы грунтъ не понижался; почти на уровнѣ верхней террасы здѣсь выдѣлялся узкій перешеекъ, которымъ гора Моріа соединялась съ сосѣднею сѣверною возвышенностію. Въ такомъ видѣ застали это мѣсто Давидъ и Соломонъ. Съ одной стороны, оно было очень удобно для святилища по своей непосредственной близости къ городу, по расположенію своихъ двухъ террасъ, представлявшихъ двѣ естественныхъ ступени для дворовъ, которые по намѣченному плану должны были окружать храмъ, и по своей усѣченной вершинѣ, представлявшей удобное мѣсто для храма или жертвенника; находившаяся тутъ же, подъ вершиною горы, натуральная глубокая пещера большую часть года была даже наполнена готовою водою, необходимою для ветхозавѣтнаго жертвоприношенія. Но, съ другой стороны, это мѣсто представляло и нѣкоторыя неудобства. Во первыхъ, гора Моріа лежала на востокъ отъ города, между тѣмъ, при той оріентаціи, какую долженъ былъ получить храмъ, для

жителей Іерусалима, повидимому, было бы удобнѣе имѣть храмъ на западной сторонѣ города; въ такомъ только случаѣ главныя восточныя ворота святилища могли быть въ непосредственномъ пользованіи городскихъ жителей. Это кажущееся неудобство строитель храма призналъ несущественнымъ, конечно, потому, что храмъ строился не для одного города, а для всей страны; въ этомъ случаѣ потребности или удобства Іерусалима не имѣли особеннаго значенія. Во вторыхъ, мѣстность представлялась неудобною, вслѣдствіе крутыхъ склоновъ особенно нижней террасы, понижавшихся подъ угломъ въ $^1/_2$ и $^1/_3$ градуса, по выраженію Варрена, совершенно такъ, какъ наклоняется скала Гибралтара на западной своей сторонѣ. Конечно, въ такомъ видѣ террасы горы были неудобны для праздничныхъ собраній народа при храмѣ. На это неудобство, по свидѣтельству Іосифа Флавія, строитель храма обратилъ самое заботливое вниманіе, и для устраненія его совершенно измѣнилъ видъ горы. Отъ подошвы горы Моріа, изъ глубины окружавшихъ ее долинъ, былъ возведенъ молъ или циклопическая каменная стѣна такихъ размѣровъ и вида, что она могла замѣнить собою натуральные бока горы. Этотъ каменный молъ или эти каменныя рамы, окружившія неправильныя очертанія горы Моріа, въ своей внутренней части были наполнены землею и дикими камнями,—подобно тому какъ, по закону Мойсея, должны были наполняться землею и дикими камнями рамы или срубъ жертвенника всесожженій,—до высоты стѣновиднаго уступа, раздѣлявшаго верхнюю и нижнюю террасу горы. Такимъ образомъ изъ прежняго овальнаго холма образовался четыреугольный холмъ, расположенный своими продольными сторонами съ сѣвера на югъ, и своими че-

тырьмя сторонами обращенный къ четыремъ главнымъ странамъ свѣта. Въ частности четыреугольникъ мола имѣетъ слѣдующія измѣренія: восточная сторона 1530 футовъ длины, южная 922 фута, западная 1601 футъ и сѣверная 1042 фута. При такой неровности сторонъ четыреугольника, всѣ углы его не могли быть прямыми. Такъ, сохранившійся въ цѣлости и доступный наблюденію, юго-восточный уголъ равняется 92 градусамъ 50 минутамъ (по Варрену: 92 градусамъ 35 минутамъ) [1]. Нужно прибавить, что къ направленію магнитной стрѣлки ближе всего стоитъ часть мола, идущая отъ сѣверо-восточнаго угла на югъ. Но въ дальнѣйшемъ теченіи линія стѣны уклоняется отъ прямого направленія нѣсколько на западъ и достигаетъ юго-восточнаго угла на десять футовъ западнѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать на основаніи строенія сѣверо-восточнаго угла. Эта неполная правильность четыреугольника ограды храма, безъ всякаго сомнѣнія, была обусловлена свойствомъ мѣстнаго грунта, требовавшаго нѣкотораго сокращенія площади на югѣ: если бы восточную стѣну провести до южнаго конца въ томъ направленіи, какое дано ей у сѣверо-восточнаго угла, то въ своей южной части она падала бы на весьма глубокую часть обрыва, которую имѣлось въ виду обойти. Такимъ образомъ данный молу храма видъ неправильнаго четыреугольника или трапеціи не можетъ считаться признакомъ разновременнаго и поздняго происхожденія мола, какъ думаютъ однакожъ *Ренанъ* (Mission de Phénicie p. 796) и *Пайллу* (Monographie du Temple de Salomon 334 и др. м.). Не будь особенныхъ принудительныхъ условій со сто-

[1] Правильными прямыми углами можно считать только сѣверо-восточный и юго-западный. Уголъ сѣверо-западный есть уголъ острый, а юго-восточный — тупой.

роны мѣстнаго грунта, и древнѣйшій и позднѣйшій строитель, и одинъ строитель и многіе разновременные строители, безъ сомнѣнія, дали бы оградѣ храма форму вполнѣ правильнаго четыреугольника. Съ другой стороны, молъ, окружающій площадь храма, вездѣ лежитъ своимъ основаніемъ на живомъ грунтѣ скалы, въ противоположность позднѣйшимъ городскимъ стѣнамъ, лежащимъ на слояхъ щебня и мусора, и даже древнееврейскимъ менѣе фундаментальнымъ стѣнамъ [1]. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ строители мола встрѣчали хотя натуральную скалу, но недостаточно твердую, такъ называемый слой какули, они всегда срѣзывали его на 2 или 3 фута, такъ что стѣна мола стоитъ вездѣ на самомъ твердомъ мѣстномъ слоѣ—миззи. Такія искусственныя укрѣпленія мѣста для святилища были извѣстны въ Греціи подъ именемъ τέμενος. Павзаній часто упоминаетъ подъ этимъ именемъ большія ограды при святилищахъ. Діонъ-Кассій, говоря о взятіи Іерусалима Каемъ Соссіемъ, называетъ и площадь іерусалимскаго храма съ его моломъ τέμενος. Въ области Сиріи подобные молы или τέμενος сохранились въ Баальбекѣ, въ Сіа, въ Госнъ-Сулейманъ и друг. (Rey, Rapport sur une mission scientifique dans le nord de la Syrie, 8, 10, 12). У LXX толковниковъ (Іезек. 40, 2) и у Іосифа Флавія внѣшнее огражденіе или молъ храма называется периболомъ. Молъ въ соединеніи съ внутреннею насыпною платформою называется еще у Іосифа τὸ τῆς

[1] Такъ напримѣръ примыкающая съ юга къ стѣнѣ харама такъ называемая стѣна Офела лежитъ своимъ основаніемъ на мусорѣ, хотя ея происхожденіе относятъ ко времени до вавилонскаго плѣна (Recovery of Jerusalem, Ophel 292). Даже классическія постройки древняго Египта часто лежатъ на мусорѣ и неубранныхъ развалинахъ предшествующаго времени (Maspero, Archéologie égyptienne, стр. 9—10).

φάραγγος ἀνάλημμα, какъ Іосифъ переводитъ еврейское Millo [1].

Матеріаломъ, изъ котораго построенъ молъ, теменосъ или внѣшній периболъ ветхозавѣтнаго храма, были огромныя четыреугольныя каменныя глыбы, сообщающія молу видъ *циклопической* стѣны, не въ смыслѣ, впрочемъ, безпорядочно сваленныхъ въ стѣну необдѣланныхъ большихъ камней, какъ понимали этотъ терминъ греческіе писатели, но въ смыслѣ хорошо отдѣланныхъ и правильно сложенныхъ, но чрезвычайно большихъ камней. Однажды ученики Іисуса Христа обратили вниманіе своего Учителя на необыкновенную величину камней въ стѣнѣ храма: „*Учитель, посмотри, какіе камни!*“ (Марк. 13, 1). Такъ какъ это указаніе на камни сдѣлано при выходѣ Іисуса Христа изъ храма на Елеонскую гору, то здѣсь имѣются въ виду камни восточной стѣны мола. По свидѣтельству кн. 1 Цар., камни, употребленные Соломономъ на постройку, имѣли около 8 и 10 локтей длины (12—15 футовъ). Это свидѣтельство подтверждается измѣреніями камней, доселѣ сохранившихся въ стѣнахъ мола. Наибольшій изъ измѣренныхъ доселѣ камней мола имѣетъ безъ малаго 14 еврейскихъ локтей длины и около 2 локтей высоты, такъ что вся масса этого камня равняется почти 60 кубич. локтямъ. Самый высокій камень въ стѣнѣ мола имѣетъ $3^1/_2$ еврейскихъ локтя высоты, но его длина только 7 локтей; слѣдовательно, онъ содержитъ 50 кубическихъ локтей. Но Іосифъ Флавій, привыкшій все возвышать въ степени для усиленія впечатлѣнія на своихъ римскихъ

[1] Діодоръ Сицилійскій въ описаніи горы Персеполиса (Hist. 1, 17, 71) и Діонисій Галикарнаскій въ описаніи построекъ Тарквинія въ Римѣ (Ant. Rom. III, 79) употребляютъ тотъ же терминъ ἀνάλημμα въ смыслѣ укрѣпленной стѣнами насыпи.

читателей, доводитъ камни ветхозавѣтнаго храма до невозможныхъ размѣровъ, 45 локтей длины, 6 локтей ширины и 5 локтей высоты (Bell. V, 5, 6). Въ другомъ сочиненіи Іосифъ такъ опредѣляетъ величину камней храма: 25 локтей длины, 20 локтей ширины и 8 локтей высоты (Antiqu. XV, 11, 3). Такъ какъ одинъ кубическій центиметръ мѣстнаго камня вѣситъ три грамма, то одинъ камень Іосифа давалъ бы массу въ 27,000 килограммовъ. При такой величинѣ камней, вся длина мола (по Іосифу: стадія) слагалась бы всего изъ девяти или десяти камней, а вся высота мола, если она была даже 100 локтей, слагалась бы всего только изъ 12 рядовъ такихъ камней. Но подобные камни въ десять разъ превышаютъ мѣру дѣйствительныхъ камней, доселѣ сохранившихся и измѣренныхъ. Подобныхъ камней нѣтъ нигдѣ, за исключеніемъ одного Баальбека и одной притолоки въ Карнакѣ [1]. Во всякомъ случаѣ, камни храмового мола, хотя и недостигавшіе указываемыхъ Іосифомъ размѣровъ, были весьма велики и ихъ добываніе было связано съ огромными трудностями. Въ 1 Макк. 10, 11 (Antiqu. XIII, 2, 1) эти большіе камни называются λίθοι τετραγώνοι. По всей вѣроятности въ послѣплѣнное время, вслѣдствіе недостатка средствъ, при исправленіяхъ разрушенныхъ стѣнъ храма, отступали отъ древняго образца камней, указаннаго Соломономъ, и обращались къ мелкимъ камнямъ; но первосвященникъ Іонаѳанъ, одинъ изъ представителей преданій доплѣннаго Іерусалима, потребовалъ, чтобы стѣны Іерусалима и храма были возобновляемы не иначе, какъ по древ-

[1] Напрасно поэтому Пайллу, въ числѣ возраженій противъ подлинности сохранившагося донынѣ мола, помѣщаетъ и то, что въ немъ нѣтъ камней указываемой Іосифомъ величины (365—366). Въ другихъ случаяхъ Пайллу не стѣсняется обвинять Іосифа Флавія во лжи.

нему образцу, ἐκ λίθων τετραγώνων [1]. Способъ доставки къ мѣсту большихъ камней намъ неизвѣстенъ. Ограничиваемся изображеніемъ передвиженія камней у древнихъ египтянъ.

По обычаю древней еврейской архитектуры и для сообщенія большей устойчивости стѣнамъ мола, въ виду боковаго давленія внутренней земляной насыпи, ряды камней мола возвышаются одинъ надъ другимъ не въ одной отвѣсной плоскости, но каждый верхній рядъ образуетъ уступъ на нижнемъ, уходя болѣе или менѣе вглубь стѣны. Самые большіе уступы замѣчаются въ восточной стѣнѣ мола (до 3, 4 и 7 дюймовъ, особенно въ сѣверо-восточномъ углу), меньше на западѣ (въ стѣнѣ плача отъ 1/2 до 1 1/4 дюйма), еще меньшіе на югѣ (до 1 дюйма). Причиною такой неполной равномѣрности уступовъ могли служить отчасти разновременность происхожденія отдѣльныхъ частей въ молѣ, но, главнымъ образомъ, свойство матеріала и свойства того грунта, на которомъ возвышается та или другая часть стѣны: стѣна восточная, проходящая надъ глубокимъ обрывомъ, и можетъ быть болѣе древняя, для большей устойчивости, сильнѣе откидывается назадъ, напротивъ южная, неимѣющая предъ собою глубокаго обрыва, откидывается назадъ слабѣе и т. д. Недавно Пайллу (Monographie.... 365—366) выставилъ возраженіе противъ уступовидной кладки мола вообще, на томъ основаніи, что такая кладка

[1] Впрочемъ, это завѣщаніе Іонаѳана строго соблюдалось только при реставраціяхъ стѣнъ храма; городскія же стѣны, какъ говоритъ Евсевій (Praeparatio evangel. 9, 36), въ однихъ мѣстахъ состояли изъ большихъ отдѣланныхъ камней, а въ другихъ изъ камней почти неотдѣланныхъ, ἀπὸ χάλικος.

*

портитъ видъ стѣны, поколику на уступахъ неизбѣжно накопляется пыль и земля, а затѣмъ выростаетъ сорная трава и цѣлые кустарники, что якобы не могло быть допущено въ стѣнѣ іерусалимскаго храма. „Если молъ храма, подобно натуральному холму, долженъ былъ имѣть скатъ въ направленіи отъ вершины стѣны до ея основанія, чтобы лучше выдерживать давленіе высокой насыпи, то этого лучше всего было достигнуть не уступовиднымъ наложеніемъ рядовъ камней однихъ на другіе, но срѣзываніемъ всей лицевой стороны каждаго камня подъ требуемый наклонъ по египетской системѣ, гдѣ стѣны вдаются внутрь по мѣрѣ поднятія вверхъ по одной правильно наклонной линіи, а не уступами". Такимъ образомъ, Пайллу предполагаетъ, что въ этомъ случаѣ стѣны мола должны быть сложены по египетской системѣ. Это странно слышать отъ того изслѣдователя, который въ другихъ случаяхъ самъ всѣми силами вооружается противъ всякой аналогіи между храмомъ Соломона и храмами египетскими. Чтобы дѣлать египетскія стѣны, Соломонъ долженъ былъ выписать предварительно рабочихъ изъ Египта, между тѣмъ, по библейскому свидѣтельству, Соломонъ призвалъ на помощь не египетскихъ, а финикійскихъ строителей. Кромѣ того, разсужденія по этому поводу совершенно излишни, въ виду положительнаго библейскаго свидѣтельства, что даже въ корпусѣ самаго храма ряды камней возвышались *уступами*. Только въ основаніи башни Антонія, а также въ основаніи такъ называемой башни Давида, стѣна имѣла видъ не уступовъ, а гладкаго ската. Наконецъ, кладка уступами нисколько не мѣшала живописной красотѣ стѣнъ и ихъ прочности. Всѣми спеціалистами строительнаго искусства засвидѣтельствовано, что камни въ молѣ храма соединены между собою необыкновенно прочно и усту-

паютъ въ этомъ отношеніи развѣ только египетскимъ пирамидамъ и лучшимъ греческимъ постройкамъ, не смотря на то, что они не были связаны цементомъ.

Каждый камень, принадлежавшій молу ветхозавѣтнаго храма, а вѣроятно также и всѣмъ зданіямъ храма, несохранившимся донынѣ, на лицевой своей сторонѣ носитъ особенную печать своего происхожденія, состоящую въ лентообразномъ бордюрѣ или вырѣзкѣ по краямъ лицеваго фаса камня отъ 2 до 5 дюймовъ широты и отъ $^1/_4$ до 20 дюймовъ глубины, представляющей для наблюдающаго издали видъ рамокъ, окружающихъ среднее поле камня, точно картину или выдающійся орнаментъ. Такъ какъ углубленные края камней казались темнѣе, чѣмъ поднятое среднее поле; то пророкъ Исаія 54, 11 поэтически называетъ такіе камни обведенными чернымъ ободкомъ сюрьмы (ba-puch), подобно глазамъ, которыя, для возвышенія ихъ блеска, обводились у древнихъ порошкомъ сюрьмы, въ видѣ темной рамки на вѣкахъ. Тоже 1 Пар. 29, 2. Чѣмъ шире и глубже эти боковыя вырѣзки и, слѣдовательно, чѣмъ выше надъ ними выступаетъ среднее поле камня, тѣмъ рѣзче выдѣляется каждый отдѣльный камень изъ ряда камней; при свѣжемъ видѣ стѣны ея камни удобно было перечесть на значительныхъ разстояніяхъ, не смотря на самое тѣсное сплоченіе ихъ между собою. Отдѣлка средняго поля камня не вездѣ одинакова: тогда какъ боковая вырѣзка всегда чисто отдѣлана рѣзцомъ, среднее поле иногда такъ же чисто выровнено и отдѣлано тѣмъ же рѣзцомъ, иногда имѣетъ болѣе грубый видъ, впрочемъ, не грубый видъ неотдѣланнаго камня, а скорѣе видъ искусственной или нарочитой грубости или шереховатости. Если не въ іерусалимскомъ храмѣ, то въ Баальбекѣ есть образцы древнихъ камней съ обратнымъ отношеніемъ углублен-

наго средняго поля и поднятаго надъ среднимъ полемъ боковаго бордюра (камень вблизи трилиѳона). Данная отдѣлка лицевой стороны камней въ библейскомъ языкѣ называется камнями gazith, *камни въ полосахъ* (LXX: λίθοι ἀπελέκητοι, камни негладкихъ фасовъ); камни rikma, *узорчатые* (1 Пар. 29, 2 по LXX: ποικίλοι, пестрые); въ послѣбиблейскомъ еврейскомъ языкѣ такіе камни называются advatha, камни *волнообразные;* въ арабскомъ языкѣ: камни mankusch, *разукрашенные* (причаст. отъ nakascha, расцвѣчивать, разукрашивать (ср. Амос. 5, 11 по LXX). Въ англійскихъ изслѣдованіяхъ данная отдѣлка камней называется drafted work и bevelled stones; въ нѣмецкихъ Fugenränderung; въ французскихъ appareil à refends. Въ русскихъ сочиненіяхъ, повидимому, принято для такихъ камней названіе отдѣланныхъ выпусками или *выпусковыхъ,* рекомендованное нами въ сочиненіи: Святая Земля (I, 17–18).

Раскопки Варрена, произведенныя въ разныхъ пунктахъ вокругъ площади ветхозавѣтнаго храма и его мола, потонувшаго подъ позднѣйшими наслоеніями, обнаружили нѣкоторыя особенности его составныхъ камней въ разныхъ пунктахъ (Recovery of Jerusalem, cap. III, IV, V). *а)* Раскопки на западной сторонѣ мола, подъ такъ называемою аркою Вильсона, обнаружили in situ 21 рядъ выпусковыхъ камней, сохранившихся гораздо лучше, чѣмъ открытые непогодамъ, возвышающіеся надъ нынѣшнимъ грунтомъ камни сосѣдней стѣны Плача, съ которыми они имѣютъ сходство по чистотѣ отдѣлки и по выпускамъ. Высота отдѣльныхъ рядовъ камней отъ 3 фут. 8 дюймовъ до 4 футовъ, что въ сложности даетъ сохранившейся здѣсь подъ землею древнееврейской стѣнѣ высоту $75^1/_2$ футовъ. Уступы рядовъ камней большею частію 1 дюймъ, но есть $2^1/_2$ дюйма, 6 дюймовъ (самый

нижній рядъ) и даже $7^1/_2$ дюймовъ (въ мѣстѣ выхода изъ стѣны арки Вильсона). *б)* Раскопки у воротъ пророка или, какъ онѣ называются у англичанъ, у воротъ Барклея, обнаружили сохранившуюся стѣну мола $78^1/_2$ футовъ высоты до древней притолоки воротъ, или $84^1/_2$ фута съ притолокою воротъ. Рядовъ выпусковыхъ камней 24. Непосредственно надъ воротами пророка верхнихъ выпусковыхъ рядовъ не сохранилось, но что они были здѣсь и что, слѣдовательно, молъ храма возвышался здѣсь больше чѣмъ на $84^1/_2$ фута, видно изъ того, что въ примыкающей съ сѣвера къ воротамъ пророка стѣнѣ Плача сохранились in situ еще два ряда выпусковыхъ камней на уровнѣ выше верхней притолоки воротъ Барклея. Въ отдѣлкѣ выпусковъ Варренъ здѣсь замѣтилъ ту особенность, что верхнія линіи выпусковъ шире нижнихъ; тогда какъ нижнія полосы выпусковъ имѣютъ здѣсь обыкновенно 2 или 3 дюйма широты, верхнія полосы имѣютъ $3^1/_2$, 4, 5 и даже 6 дюймовъ широты. Нужно прибавить, что такая разность верхней и нижней широты выпусковъ замѣчена и въ камняхъ южной и восточной стѣны мола. Глубина выпусковъ колеблется только между $^1/_4$ и $^3/_8$ дюйма. Уступы рядовъ камней колеблются между $^1/_4$ и $1^1/_4$ дюйма. Въ разныхъ пунктахъ стѣна мола оказалась поврежденною осадными орудіями, и именно нижнія части отдѣльныхъ камней найдены поврежденными, тогда какъ верхнія части остались нетронутыми. Самый порогъ воротъ Барклея оказался разбитымъ. *в)* Раскопки на юго-западномъ углу мола обнаружили стѣну изъ 21 ряда выпусковыхъ камней, изъ которыхъ 17 рядовъ лежатъ подъ нынѣшнимъ грунтомъ прилегающей мѣстности, а 4 ряда надъ уровнемъ нынѣшняго грунта. Высота рядовъ камней колеблется между 3 фут. 4 дюйм. и 4 фу-

тами, а вся высота сохранившагося здѣсь мола доходитъ приблизительно до 76 футовъ. Въ отдѣлкѣ камней юго-западнаго угла мола замѣчена Варреномъ та особенность, что верхніе 4 ряда камней, находящіеся на нынѣшней поверхности, и непосредственно слѣдующіе 11 рядовъ камней подъ поверхностію имѣютъ отдѣлку выпусковъ и средняго поля, не отличающуюся вообще отъ отдѣлки стѣны Плача, части стѣны открытой подъ аркою Вильсона и воротами Барклея; слѣдующіе же за ними глубже, самые нижніе 6 рядовъ имѣютъ боковые выпуски, отдѣланные такъ же чисто, какъ и въ стѣнѣ Плача, но среднее поле камней негладко выровненное и выдающееся большими выпуклостями. Дальнѣйшія раскопки въ западной половинѣ южной стѣны мола показали, что и тамъ, приблизительно на томъ же уровнѣ, камни, въ количествѣ 15 нижнихъ рядовъ, мѣняютъ свой видъ и, вмѣсто гладкаго фаса надъ выпусками, имѣютъ фасъ неровный и, повидимому, полуотдѣланный. Здѣсь, на юго-западномъ углу мола, находится самый длинный изъ измѣренныхъ доселѣ камней мола, имѣющій 36 футовъ 9 дюймовъ длины, и притомъ не въ нижнихъ рядахъ, а въ одномъ изъ рядовъ, остающихся доселѣ незакрытыми. *г)* Раскопки на юго-восточномъ углу мола показали, что его древняя стѣна сокрыта здѣсь подъ позднѣйшими наслоеніями на 80 футовъ глубины. Если сюда прибавить 28 футовъ древней стѣны, видной выше нынѣшняго грунта, то вся высота сохранившагося здѣсь мола будетъ 108 футовъ. Эта высота раздѣляется между 28 рядами выпусковыхъ камней, 7 рядами выше нынѣшняго грунта и 21 рядомъ подъ грунтомъ. Высота рядовъ камней колеблется между $3^1/_2$ и $4^1/_2$ футами; только одинъ верхній изъ выпусковыхъ рядовъ имѣетъ высоты 6 футовъ 1 дюймъ. Того различія гладкихъ и шерохо-

ватыхъ фасовъ камней, которое найдено на юго-западномъ углу мола, здѣсь нѣтъ или, точнѣе сказать, нѣтъ въ такой степени рѣзкаго различія, какое найдено тамъ; но нѣкоторое различіе самыхъ глубокихъ или нижнихъ рядовъ камней и верхнихъ есть и здѣсь. Нижніе четыре ряда камней, опущенные въ ложе изъ жирной глины и, по мнѣнію Варрена, никогда небывшіе на виду, отличаются отъ дальнѣйшихъ верхнихъ рядовъ большимъ разнообразіемъ своихъ камней. Именно, самый нижній угловой рядъ, по требованію грунта, состоитъ здѣсь только изъ одного камня, выступающаго изъ скалы на 2 фута, но нижнею своею частію погруженнаго въ скалу, которая была вырублена здѣсь для его принятія на глубину 1 фута 8 дюймовъ; такимъ образомъ вся высота этого краеугольнаго камня была 3 фут. 8 дюйм., длина его 14 фут. Второй рядъ на самомъ углу имѣетъ высоты 4 фута $3^1/_2$ дюйма, а далѣе, вслѣдствіе поднятія грунта, только $3^1/_2$ фута. Третій рядъ имѣетъ высоты 4 ф. $2^1/_2$ дюйма, четвертый рядъ имѣетъ высоты 3 ф. $7^1/_2$ дюймовъ; слѣдующіе ряды: 4 ф. $2^1/_2$ д., 3 ф. 6 д. и 4 фута. Верхніе же 18 рядовъ имѣютъ одинаковую высоту 3 фута 9 дюймовъ, за исключеніемъ самаго верхняго 6 футовъ высоты. Такое же разнообразіе представляютъ нижніе ряды и въ отдѣлкѣ выпусковъ. Самый *нижній* основной угловой рядъ (одинъ камень) имѣетъ выпускъ только вверху 4 дюйма широты. *Второй* рядъ на каждомъ камнѣ имѣетъ иной видъ выпуска: первый камень, 10 фут. длины, имѣетъ обыкновенный выпускъ въ нижней части и очень узкій выпускъ, не болѣе одного дюйма широты, вверху; наоборотъ, второй камень имѣетъ въ верхнемъ выпускѣ $8^1/_2$ дюйм. и въ нижнемъ $1^5/_8$ дюйма; третій камень не имѣетъ верхняго выпуска, но нижній имѣетъ очень широкій — $16^3/_4$ дюйма; четвертый камень вверху

имѣетъ выпускъ 12 дюймовъ широты, но не имѣетъ нижняго выпуска; остальные камни этого ряда имѣютъ выпуски 3 и 4 дюймовъ вверху, но не имѣютъ нижнихъ выпусковъ, какъ вставленные въ скалу. *Третій* рядъ имѣетъ выпуски $4^1/_2$ дюймовъ; угловой камень здѣсь не имѣетъ выпуска вверху. *Четвертый* рядъ, на сколько онъ былъ осмотрѣнъ, показалъ мелкій выпускъ 9 дюймовъ широты. Дальнѣйшіе ряды по отдѣлкѣ похожи на камни на поверхности. Такимъ образомъ, и здѣсь нижніе ряды отличаются неравномѣрностію отдѣлки отъ верхнихъ. На разстояніи же 105 футовъ на сѣверъ отъ юго-восточнаго угла камни мола, начиная отъ скалы, служащей ея основаніемъ, до поверхности нынѣшняго грунта, отличаются отъ предшествующихъ, при чистомъ среднемъ полѣ, большею глубиною выпусковъ, доходящею до 2 и 3 дюймовъ. Нужно полагать, что эта особенность углубленныхъ выпусковъ на восточной сторонѣ постепенно усиливается въ направленіи на сѣверъ, хотя это не могло быть прослѣжено, такъ какъ къ средней части восточной стѣны непосредственно примыкаетъ мусульманское кладбище, недоступное для раскопокъ. По крайней мѣрѣ, на сѣверо-восточномъ углу мола глубина боковыхъ выпусковъ достигаетъ до 20 и даже 24 дюймовъ, въ нижнихъ рядахъ почти до такого уровня, на который возвышаются грубые фасы камней на юго-западномъ углу, а затѣмъ выше частію измѣняютъ свой видъ по образцу камней стѣны Плача, частію продолжаютъ оставаться съ глубокими 20-дюймовыми выпусками до высоты 125 футовъ, т. е. до нынѣшней поверхности (къ югу отъ башнеобразнаго выступа сѣверо-восточнаго угла) [1]. Къ этому нужно прибавить, что вся

[1] Можно пожалѣть, что Варренъ въ своихъ подземныхъ разслѣдованіяхъ камней мола не обращаетъ вниманія на ихъ длину, такъ что изъ его описанія не видно, увеличиваются ли размѣры камней по мѣрѣ углубленія внизъ.

стѣна мола, находящаяся подъ наслоеніями нынѣшняго грунта, весьма хорошо сохранилась, и притомъ лучше на восточной сухой сторонѣ, чѣмъ на западной съ влажною почвою. Даже слѣды восьми зубцовъ долота или рѣзца, высѣкавшаго выпуски, явственно замѣтны; рѣзецъ имѣлъ одинъ дюймъ широты. Длинные желобки, проведенные такимъ рѣзцомъ, пересѣкаются на фасѣ камня гладкими полосками, сдѣланными другимъ гладкимъ рѣзцомъ. Прекрасные образцы древнихъ crisscross - pattern! Подобной отдѣлки камней не находили въ византійскихъ работахъ. Едва ли она не есть исключительная особенность камней горы Моріа.

Указаннымъ разнообразіемъ составныхъ камней стѣны предотвращалась монотонность вида высокаго и длиннаго храмового мола. Есть основаніе думать, что видъ стѣны мола оживлялся еще особенными узорами расположенія камней на общемъ фонѣ стѣны, хотя въ настоящее время эти узоры замѣчены только въ отрывкахъ, такъ какъ вся верхняя часть мола разрушена, а его нижніе ряды, лежащіе въ настоящее время подъ землею, если и были открываемы раскопками, то далеко не вездѣ и при томъ не разомъ, вслѣдствіе чего общее впечатлѣніе отъ стѣны терялось. Въ дѣйствительномъ существованіи нѣкотораго искусственнаго порядка въ видѣ камней и ихъ расположеніи насъ убѣждаетъ, прежде всего, существованіе на южной сторонѣ, въ незначительныхъ остаткахъ мола на поверхности, совершенно особеннаго ряда камней, по высотѣ почти вдвое превосходящаго не только непосредственно подъ нимъ лежащіе ряды камней, но и всѣ вообще ряды въ стѣнахъ мола, и имѣющаго видъ широкаго пояса, опоясывавшаго южную и восточную сторону темено-

са[1]. О положеніи этого большого декоративнаго ряда, называемаго въ англійскихъ гидахъ Master-Course, нужно замѣтить, что его линія не вполнѣ горизонтальна: начиная отъ тройныхъ воротъ до юго-восточнаго угла, онъ понижается на 30 дюймовъ; вѣроятно такое же пониженіе ряда было и въ направленіи къ юго-западному углу. И на это, конечно, была своя причина. Извѣстенъ оптическій законъ, по которому вполнѣ прямыя линіи, напр., въ столбахъ, колоннахъ и проч., для глаза, на извѣстномъ разстояніи, кажутся выгнутыми. Чтобы онѣ казались прямыми, нужно сдѣлать ихъ на самомъ дѣлѣ въ извѣстной степени выгнутыми. Поэтому, въ Парѳенонѣ и другихъ греческихъ храмахъ прямыя линіи наружной части построекъ замѣняются обыкновенно выпуклостями. Та же причина заставила выгнуть, въ направленіи къ угламъ, прямую линію выдающагося декоративнаго ряда южной стѣны іерусалимскаго мола. Еще болѣе замѣчательную декорацію въ расположеніи рядовъ камней храмового мола находимъ на сѣверо-восточномъ углу, въ видѣ выдающейся изъ плоскости стѣны башни. Какъ оказалось изъ раскопокъ Варрена, тотъ выступъ въ древней стѣнѣ харама, 87 футовъ длиною, который нынѣ виденъ на поверхности у сѣверо-восточнаго угла и который обыкновенно, вслѣдъ за Робинсономъ, называютъ башнею Антонія, не существуетъ у подземнаго основанія стѣны. Развитіе башнеобразнаго выступа начинается только съ 15-го ряда отъ скалы или отъ основанія стѣны въ данномъ мѣстѣ. Оно состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ прилегающей стѣнѣ ряды камней въ данномъ мѣстѣ укладываются широкими

[1] Подобный высокій рядъ камней, въ видѣ пояса, лежащій на нижнихъ рядахъ невысокихъ камней, открытъ Варреномъ въ такъ называемой стѣнѣ Офела, на югѣ отъ харама (The Recovery of Jerusalem, 296).

уступами отъ 4 до 7 дюймовъ, та часть стѣны, которую называютъ башнею, получаетъ уступы въ рядахъ камней гораздо меньшіе, не больше одного дюйма. Такимъ образомъ, съ каждымъ новымъ рядомъ камни башни выступаютъ впередъ изъ плоскости стѣны, а чрезъ 14 рядовъ, дойдя до нынѣшней поверхности у сѣверо-восточнаго угла, башня оказывается выдавшеюся изъ стѣны на цѣлыхъ 7 футовъ [1]. Само собою разумѣется, что башни въ собственномъ смыслѣ здѣсь не было, и выступъ въ стѣнѣ имѣлъ только декоративное назначеніе. Можетъ быть что-нибудь подобное повторяется и въ другихъ частяхъ храмового мола. Далѣе, въ раскопкахъ у юго-восточнаго угла были найдены нѣкоторые камни, отличавшіеся среди другихъ своимъ необычнымъ видомъ: напримѣръ, второй отъ угла камень третьяго ряда отдѣланъ необыкновенно изящно, въ высшемъ стилѣ, какъ выражается Варренъ, гораздо выше окружающихъ его камней. Трудно предположить, чтобы въ такомъ низкомъ пунктѣ мола видъ нѣкоторыхъ камней измѣнился случайно отъ позднѣйшихъ передѣлокъ. Весьма возможно, что это—отрывки какихъ-либо узоровъ въ расположеніи камней, хотя въ настоящее время нельзя схватить эти узоры въ ихъ цѣлости и опредѣлить ихъ значеніе, пока не открыта разомъ вся прилегающая стѣна храмового мола. Извѣстно, что въ другихъ древнееврейскихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчается наклонность къ искусственному расположенію камней стѣны въ видѣ нѣкоторыхъ узоровъ. Достаточно указать здѣсь на стѣну вестибула древнееврейской гробницы въ де-

[1] Самая отдѣлка камней въ выступающей части стѣны значительно отличается отъ камней остальной стѣны, тогда какъ послѣдніе имѣютъ глубокіе выпуски и грубо отдѣланное среднее поле, камни въ составѣ башни обдѣланы очень чисто въ стилѣ камней стѣны Плача.

ревнѣ Шафатъ, хотя вытесанную изъ цѣльной натуральной скалы, но затѣмъ раздѣланную подъ видъ выпусковыхъ камней въ порядкѣ симметричнаго чередованія бо̀льшихъ и меньшихъ камней [1]. Подобные узоры находимъ въ расположеніи камней финикійско-баальбекскаго большого храма солнца, въ которомъ среди рядовъ камней сравнительно небольшой величины выдѣляется рядъ трехъ необыкновенно большихъ камней, такъ называемый трилифонъ (на западной сторонѣ), и другой рядъ изъ трехъ трилифонъ или девяти камней (3×3), каждый въ девять метровъ длины. Для исполненія какого-то необыкновеннаго штриха въ узорѣ баальбекскаго мола былъ приготовленъ и извѣстный камень хаджеръ-ель-кибла, почему-то недоставленный на свое мѣсто. Подобные же узоры камней можно видѣть въ развалинахъ Амрита (Бурджъ-ель-Беззакъ), въ Госнъ-Сулейманъ и друг. (Rey, Mission dans le nord de la Syrie, 10). Особенные штрихи такихъ узоровъ представляли угловые камни, выдающіеся на многихъ финикійскихъ памятникахъ двойною высотою, сравнительно съ рядомъ лежащими камнями, напр., въ Библосѣ, въ Амритѣ (Renan, Mission de Phénicie, 164, 180). Кажется, что и въ іерусалимской архитектурѣ былъ обычай привлекать къ угламъ наиболѣе крупные камни; „не всякая гора, говоритъ Іеремія, могла дать камень годный для угла“ (Іерем. 51, 26). Самый огромный изъ нынѣ извѣстныхъ камней храмового мола лежитъ на углу (103), и вообще у библейскихъ писателей угловой камень имѣетъ особенное символическое значеніе (Ис. 28, 16; Соф. 3, 6; Іов. 38, 6; Псал. 118, 22; Матѳ.

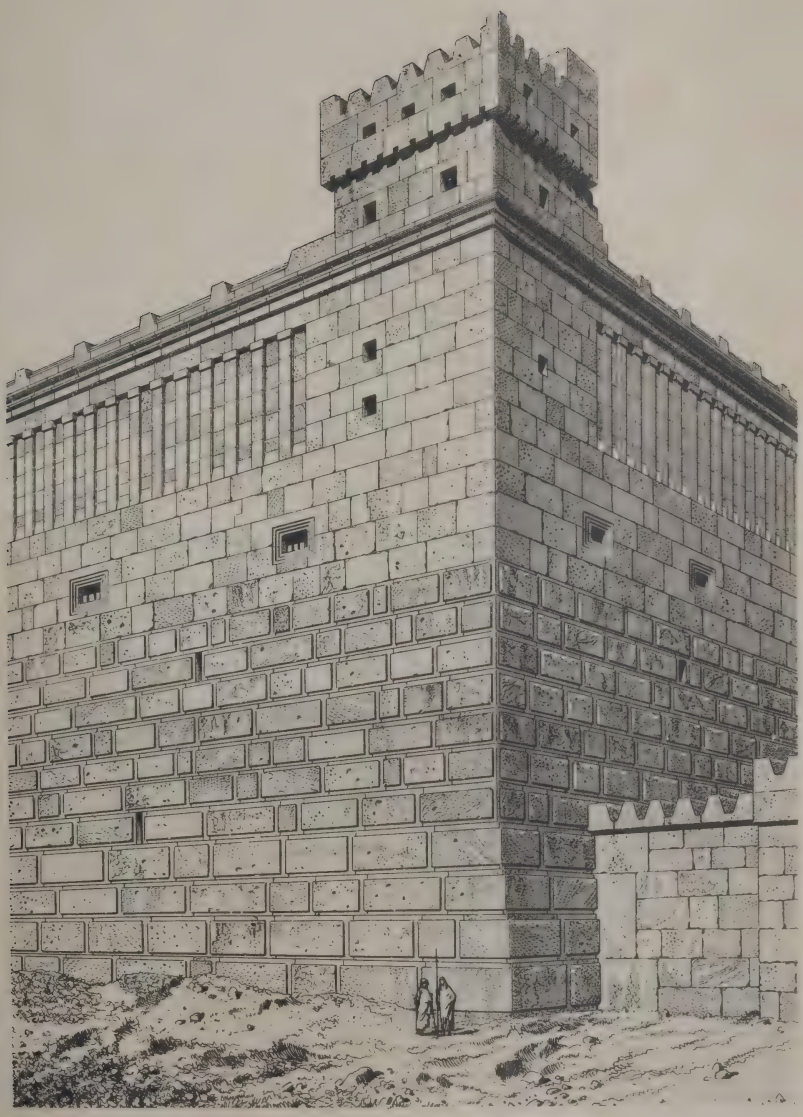
[1] Перро и Шипіе (Histoire de l'art. IV, pl. III), въ реставраціи стѣны храмового мола, располагаютъ ея камни въ видѣ этого именно узора гробницы въ деревнѣ Шафатъ.

СТѢНА БААЛБЕКА.

фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

ХАДЖАРЪ ЕЛ-КИБЛА ВЪ БААЛБЕКѢ.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., № 18.



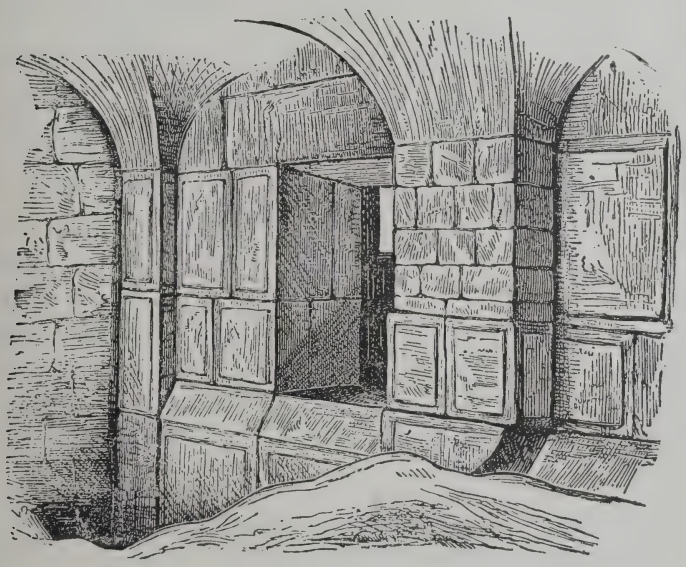
НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ОГРАДЫ ХРАМА

ПО ШИПІЕ.

фототипія Н Индутнаго, Сергіевская ул. № 18.

21, 42; 1 Кор. 3, 10–11; Ефес. 2, 20; 1 Петр. 2, 6). Въ виду всего этого, требуется осторожность въ распредѣленіи камней мола по времени ихъ происхожденія. Иной камень, повидимому, совсѣмъ не согласующійся съ окружающими и похожій на позднѣйшую вставку, въ дѣйствительности можетъ быть только отрывкомъ какого-нибудь разрушеннаго древняго узора.

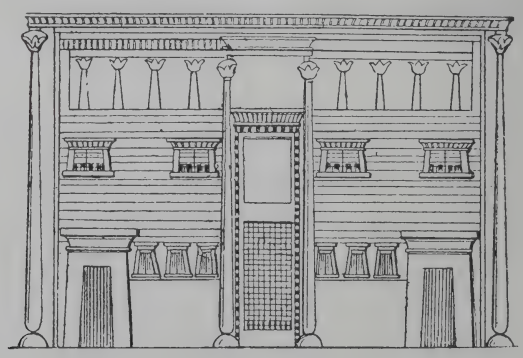
Особеннымъ разнообразіемъ выдавалась верхняя часть стѣны храмового мола, начиная съ того уровня, гдѣ онъ переставалъ быть плотиною, задерживавшею насыпную землю на площади храма, а дѣлался оградою двора храма. Такой остатокъ мола сохранился только въ одномъ



мѣстѣ, у воротъ Серая, не доходя до сѣверо-западнаго угла харама и открытъ Кондеромъ въ одномъ домѣ прислонившемся къ храмовой оградѣ (Palestine, Exploration Fund, Quarterly Statements, 1873, 92; 1877, 135—137). Изъ этого остатка мы узнаемъ, что верхняя часть стѣны мола была раздѣлана пилястрами, подобно стѣнѣ хев-

ронскаго харама и остатку древней стѣны на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія [1]. Выдающіеся въ стѣнѣ пилястры, какъ видно по сохранившемуся остатку, имѣли 1 метръ 69 сантим. широты, а впалая часть стѣны между ними 2 метра 67 сантим. широты. Переходъ отъ нижней части стѣны ко впалому пространству между пилястровъ образуется, какъ и въ Хевронѣ, скошенною верхнею частію внизу лежащаго камня. Пилястры, выдававшіеся на 45 сантим. изъ плоскости стѣны, представляли отвѣсную линію стѣны, между тѣмъ въ среднемъ впаломъ пространствѣ верхніе ряды дѣлали уступъ надъ нижними въ 10—12 сантим. Впалое между пилястрами пространство имѣетъ менѣе толстую стѣну, чѣмъ нижняя часть мола, но пилястры сохраняютъ толщину нижней части. Составные камни какъ пилястровъ, такъ и промежуточныхъ пространствъ имѣли выпуски и гладкое среднее поле. Наконецъ въ промежуточныхъ пространствахъ были амбразуры или окна, одно изъ которыхъ сохранилось въ остаткѣ стѣны найденной Кондеромъ. По мнѣнію этого изслѣдователя, въ

[1] См. объ этомъ нашу статью: «По вопросу о раскопкахъ 1883 года на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ» (Оттискъ изъ записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. II). Стран. 10—12. Нѣчто подобное встрѣчается и въ верхней части стѣнъ египетской постройки (Maspero, Archéologie egyptienne, fig. 16).

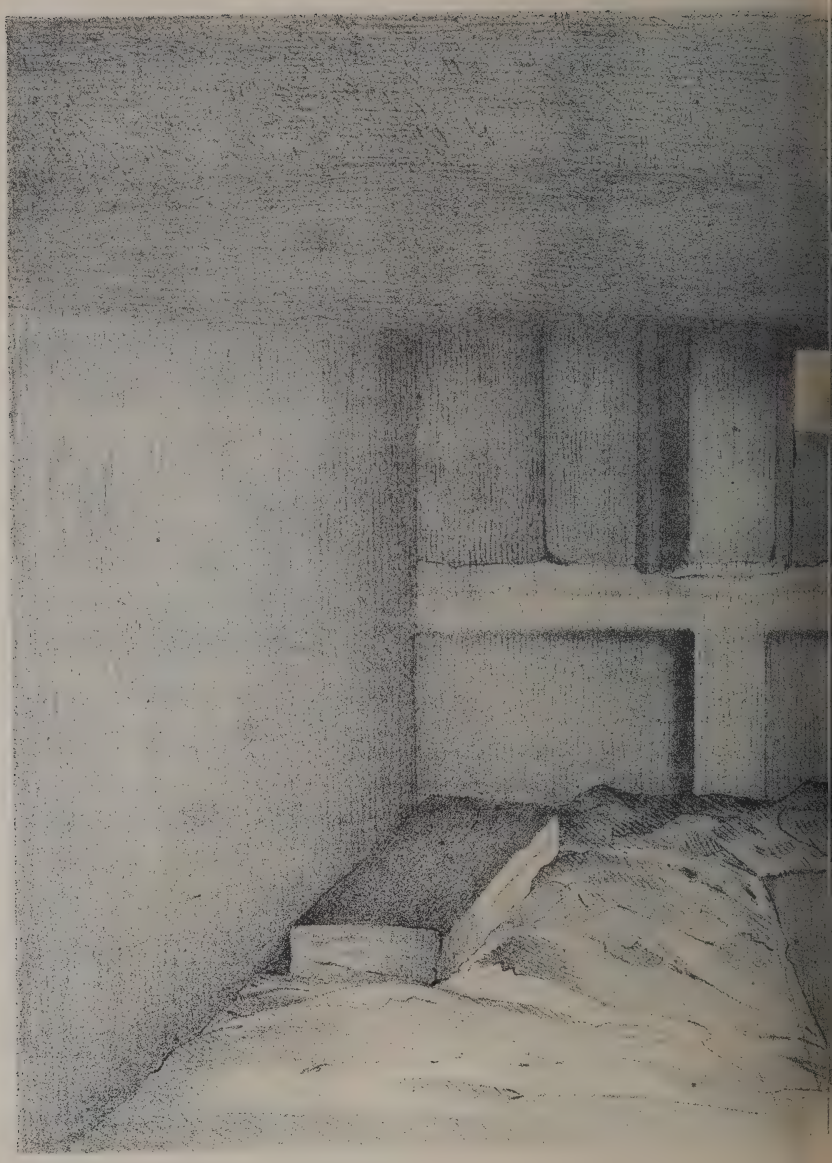


данномъ остаткѣ стѣны недостаетъ только карниза, чтобы онъ могъ представлять всю верхнюю часть храмового мола [1]. Перро и Шипіе (Histoire de l'art IV, pl. II и III) въ своихъ реставраціяхъ храмового мола даютъ выпусковые камни только нижней его части, гдѣ стѣна служила плотиною для насыпи, а верхнюю часть мола съ пилястрами наполняютъ совершенно гладкими камнями. Такой выборъ камней отчасти подтверждается остаткомъ стѣны русскаго мѣста близъ храма Воскресенія; но видъ хевронскаго памятника, и самый остатокъ контрфорсовъ въ стѣнѣ іерусалимскаго мола, открытый Кондеромъ, удостовѣряютъ, что вся стѣна до карниза состояла изъ тѣхъ же характеристическихъ древнееврейскихъ камней съ выпусками. Что касается карниза, то и на оградѣ іерусалимскаго мола его нужно представлять такимъ, какимъ онъ сохранился на памятникѣ Авраама въ Хевронѣ. Обдѣлка карниза, особенно его угловыхъ камней, была предметомъ такой же заботливости, какъ и отдѣлка угловыхъ камней въ основаніи зданія. (см. Зах. 4, 7; Псал. 144, 12).

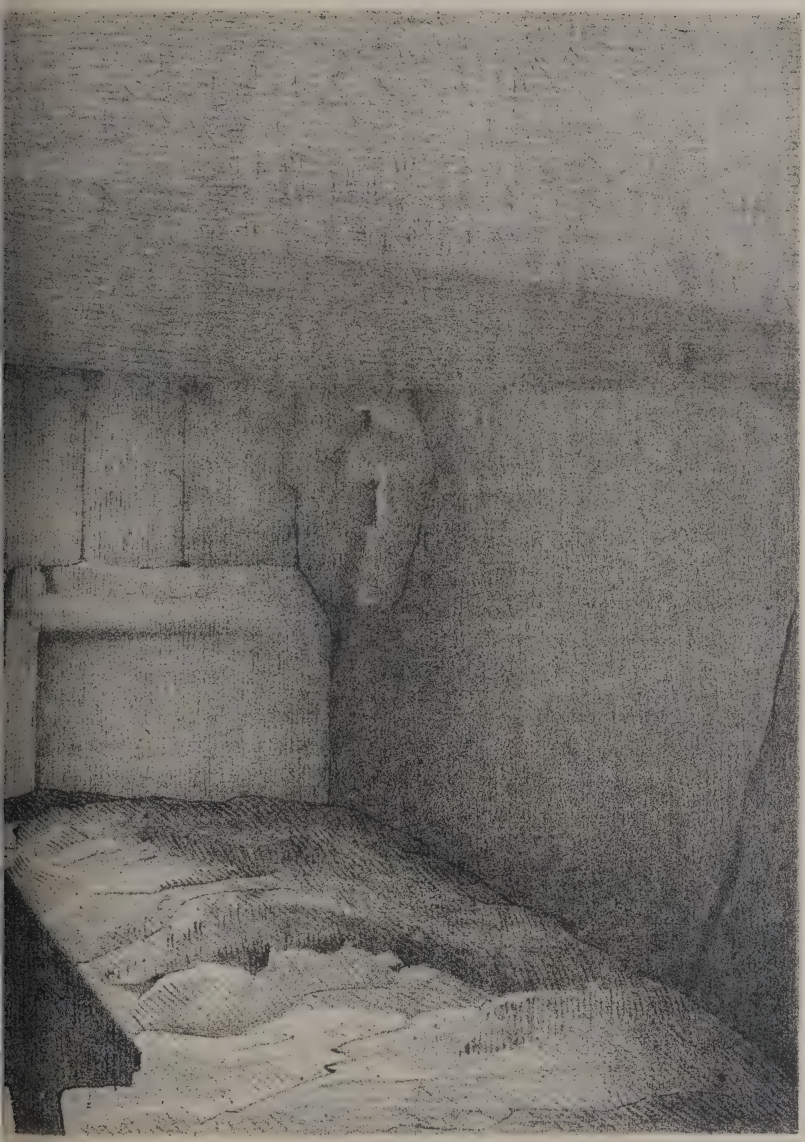
Не смотря на предполагаемый карнизъ египетскаго характера, весь разсмотрѣнный молъ по его характеру нужно назвать финикійскимъ или точнѣе, еврейско-финикійскимъ произведеніемъ. Правда, что подобная выпусковая отдѣлка камней найдена въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ греческой архитектуры, въ основаніяхъ самаго Парѳенона, а потомъ въ Римѣ и Помпеѣ; но, безъ

[1] Для аналогіи здѣсь необходимо указать подобный видъ стѣны въ финикійскихъ памятникахъ. Таковъ, между прочимъ, наиболѣе сохранившійся и наиболѣе замѣчательный памятникъ древней Финикіи Бурджъ-ел-Беззакъ (въ Амритѣ), представляющій собою видъ искусственной террасы, въ которой вырубались затѣмъ гробничныя ложи. Угловые камни этой платформы выдаются въ видѣ устоевъ или контрфорсовъ, между которыми срединная часть стѣны вдается ,въ массивъ платформы и сложена изъ гораздо меньшихъ камней, чѣмъ контрфорсы.

всякаго сомнѣнія, классическіе архитекторы заимствовали ее съ востока, такъ какъ, независимо отъ остатковъ іерусалимскаго храмового мола, она встрѣчается и въ другихъ древнихъ памятникахъ библейскаго Іерусалима, въ Хевронскомъ памятникѣ, въ развалинахъ Баальбека, Амрита и другихъ городахъ древней Финикіи и Персіи, въ стѣнахъ Пассаргады построенной Киромъ въ VI вѣкѣ до Р. Хр., Персеполиса, Истакра и проч. Въ частности выпусковая отдѣлка камней была настолько извѣстна въ Финикіи, что на древнихъ монетахъ финикійскіе храмы обыкновенно изображаются съ камнями въ выпускахъ (Renan, Mission, 177). Прилагаемъ при семъ для образца финикійской постройки подобнаго рода мавзолей или пирамиду Бурджъ-ель-Беззакъ въ Амритѣ (Renan, Mission, pl., XV, XVI). Что касается мотивовъ такой работы и исторіи выпусковъ, то она не достаточно разъяснена доселѣ. По мнѣнію Ренана (Mission, 53, 54) „выпусковые камни суть именно характеристическая особенность стиля древнихъ финикіянъ, поколику финикіяне заботились о томъ, чтобы по возможности меньше работать надъ камнемъ, повозможности меньше терять и труда и того матеріала, который уже былъ извлеченъ изъ каменоломни. Съ этою идеею утилизировать камень цѣликомъ, въ томъ грубомъ видѣ, какой дается при первой обсѣчкѣ камня въ каменоломнѣ, финикіяне натурально могли ограничиваться только *краевою* отдѣлкою, оставляя среднее поле камня въ грубомъ видѣ“. Этимъ, можетъ быть, объясняется происхожденіе грубаго боссажа, т. е. камней выпусковыхъ съ совершенно неотдѣланнымъ среднимъ полемъ. Но въ нашемъ храмовомъ молѣ вовсе нѣтъ такихъ камней. „Что же касается выпусковыхъ камней гладко отдѣланныхъ, продолжаетъ Ре-



ПЕ



Литографія Н. Индутнаго, Сергіевская, № 18.

ПЪ.

ПИРАМИДА ВЪ АМРИТѢ.

Литогр. Н. Индутнаго, Сергіевская, 18.

нанъ (795), то они представляютъ собою послѣднее преобразованіе той системы выдѣлки камня, которая, щадя трудъ человѣка, оставляла въ неотдѣланномъ видѣ тѣ части камней, чистота которыхъ, для прочнаго соединенія ихъ между собою, была ненужна". Объясненіе очевидно недостаточное, потому что, когда финикіяне пришли къ мысли о необходимости отдѣлывать не края только, но и все поле камня, то имъ проще всего было бы продолжить расчистку средняго поля на той же данной линіи выпуска, не возвышая средняго поля. Совершенно противоположно Ренану объясняется происхожденіе выпусковой отдѣлки у Спира (The Recovery of Jerusalem, 388; The architectural Remains of Palestine). По его мнѣнію, выпуски не только не служили къ сокращенію труда въ томъ смыслѣ, чтобы отдѣлкою ихъ имѣлось въ виду замѣнить отдѣлку всего передняго фаса камня, но именно наоборотъ свой полный смыслъ получали только при совмѣстной отдѣлкѣ всего камня. „Выпуски или бордюрная рамка дѣлалась съ практическою цѣлію—предварительною обсѣчкою краевой полосы предотвращать возможность неправильныхъ откалываній и поврежденій камня при дальнѣйшемъ выравниваніи средняго поля; такимъ образомъ только та или другая отдѣлка средняго поля есть орнаментъ на камнѣ, а боковой бордюръ не болѣе какъ приготовленіе къ нему. И въ настоящее время въ обычаѣ сперва работать рѣзцомъ вокругъ фаса камня, оставляя средину камня для дальнѣйшей работы молотомъ". Можетъ быть это и справедливо, но вопросъ о происхожденіи выпусковой отдѣлки здѣсь всетаки не рѣшается. Если нынѣшніе камнетёсы начинаютъ отдѣлку камней съ краевой полосы, а потомъ переходятъ къ выровненію средняго поля, то они всетаки кончаютъ тѣмъ, что выравни-

ваютъ среднее поле въ уровень съ краями. Напротивъ іерусалимскіе и финикійскіе каменщики никогда не доходили до того, чтобы срѣзать среднее поле въ уровень съ краями, но всегда, съ очевидными усиліями, стараются о замѣтномъ и правильномъ углубленіи боковаго выпуска. Уже вслѣдствіе значительнаго углубленія боковой полосы, она не могла имѣть значенія какого-либо предохранительнаго средства. При отдѣлкѣ средняго поля требовалась бы вновь другая предохранительная полоса, и она дѣйствительно есть на іерусалимскихъ камняхъ независимо отъ боковаго выпуска (см. Guthe, Ausgrabungen bei Jerusalem, 1882, 290). Наконецъ, этимъ не объясняется очень широкій выпускъ, доходящій до $16^3/_4$ дюймовъ (такъ называемый у Варрена камень *c* на юго-восточномъ углу. The Recovery, 143). Изъ другихъ практическихъ соображеній выходитъ третье объясненіе выпусковыхъ камней Перро (Histoire de l'art, IV, 192). „Если не всякіе выпуски, то, по крайней мѣрѣ, сильно углубленные выпуски, предназначались для такихъ основаній стѣны, которыя должны были всегда оставаться сокрытыми въ землѣ и имѣли назначеніемъ способствовать скрѣпленію камней съ прилегающимъ грунтомъ земли; вслѣдствіе глубокихъ выпусковъ въ камняхъ, переставала существовать линія, раздѣлявшая между стѣною и прилегавшею землею, потому что землею наполнялись и самыя впадины выпусковъ". Мы думаемъ, что въ такомъ случаѣ выпуски представляли бы излишній и ненужный трудъ: когда изъ такихъ массивныхъ камней глубоко въ почву опускается основаніе зданія, тогда не думаютъ о какомъ либо внутреннемъ сліяніи стѣны съ землею; и безъ такого внутренняго сліянія прилегающая почва будетъ исполнять одинаково свою роль давящаго

и уравновѣшивающаго балласта [1]. Между тѣмъ, съ другой стороны, камни съ глубокими выпусками лежатъ не въ нижнихъ только рядахъ, гдѣ они могли бы быть опущены въ землю, но и въ верхнихъ рядахъ, и даже на нынѣшней поверхности прилегающаго на восточной сторонѣ грунта ряды такихъ камней лежатъ in situ. Спрашивается, для чего же въ этихъ верхнихъ рядахъ нужны были глубокіе выпуски? Почему на юго-восточномъ углу нижніе ряды, также погружавшіеся въ землю, не имѣютъ глубокихъ выпусковъ? Неосновательно, далѣе, объясненіе и нѣкоторыхъ раввиновъ, что боковыя углубленія на камняхъ назначались для штукатурки и для металлическихъ полосъ, долженствовавшихъ проходить по линіямъ выпусковъ. Кажется, что и Іосифъ Флавій также понималъ назначеніе выпусковъ, когда онъ говорилъ, что камни Соломонова храмового мола соединялись между собою желѣзомъ (Antiqu. XV, 11, 3). Несомнѣнно, что такъ именно понялъ назначеніе древнихъ выпусковъ нынѣшній іерусалимскій губернаторъ, Реуфъ-паша, въ своей реставраціи стѣнъ мола распорядившійся замазывать выпуски штукатуркою. Предположеніе совершенно невозможное, потому что начало выпусковой отдѣлки скрывается въ томъ времени, когда каменныя стѣны слагались безъ всякаго цемента, и древнѣйшія библейскія названія такихъ камней (камни полосатые, узорчатые, пестрые) свидѣтельствуютъ о томъ, что пестрящія ихъ боковыя полосы или выпуски ничѣмъ не были покрываемы. Въ талмудѣ есть такое свидѣтельство: „Иродъ строилъ свой храмъ изъ мрамора бѣлаго

[1] Нужно замѣтить при этомъ, что другая противоположная сторона камней мола, обращенная внутрь и при самой постройкѣ предназначавшаяся именно для сліянія съ внутреннею насыпною землею, не имѣетъ никакихъ выпусковъ, какъ это можно видѣть въ восточной сторонѣ юго-восточнаго подземелья.

и цвѣтнаго; при этомъ въ стѣнѣ попеременно слѣдовали выступы и уступы. Иродъ хотѣлъ вдающіяся части стѣны покрыть золотомъ, но книжники сказали ему: нѣтъ, такъ лучше, пусть на стѣнѣ будетъ подобіе морской зыби". (Succa, 51, 2; Baba bathra, 4, 1). И такъ что же?.. Для насъ остается несомнѣннымъ, что выпуски камней или, что то же, вздымающіеся средніе фасы не были вызваны какою нибудь необходимостію и вовсе не утилизировались при кладкѣ стѣны, но были нарочитымъ орнаментомъ стѣны для сообщенія ей оживленнаго и, смотря по зданію, то грознаго, то призывающаго вида. При помощи боковыхъ выпусковъ каждый камень, не смотря на тѣснѣйшее сліяніе его съ окружающими камнями, выдѣлялся однакожъ для зрителя не только какъ отдѣльная строительная единица, но какъ бы единица свободная и подвижная (Antiqu. XV, 11, 3); выдающіеся фасы камней давали поводъ къ оптическому обману, что камни не были соединены между собою прочно въ одно цѣлое, и, какъ выражается пророкъ, изъ своихъ мѣстъ подавали голосъ проходящимъ (Аввак. 2, 11). Для усиленія такого впечатлѣнія, камнямъ иногда давали фальшивые выпуски, т. е. выпуски среди камней, кромѣ краевыхъ (такіе выпуски есть въ пролетѣ золотыхъ воротъ, въ галлереи тройныхъ воротъ, въ гробницѣ Шафатъ и проч.). Такъ поняли впечатлѣніе отъ выпусковыхъ камней позднѣйшіе средневѣковые ихъ подражатели, вводившіе ихъ главнымъ образомъ въ военныя постройки; изъ такихъ камней построены крѣпости древнеарабскія и крестоносцевъ, между тѣмъ какъ храмы крестоносцевъ не имѣютъ выпусковъ [1]. Если такимъ образомъ въ однихъ случаяхъ и на однихъ зрителей вы-

[1] Въ іудейскомъ преданіи весь молъ храма называется крѣпостію (талм. іерус. Pes VII, 38 1; Antiqu. XI, 4, 6; XI, 4, 4). Также 1 Парал. 29, 19.

пусковые камни производили грозное и суровое впечатлѣніе, то въ другихъ случаяхъ и на другихъ зрителей они могли производить совершенно противоположное впечатлѣніе. Фарисеямъ и книжникамъ стѣна храмового мола казалась сложенною изъ священныхъ реликвій въ видѣ молитвенныхъ амулетовъ, такъ называемыхъ Филактеріевъ, съ которыми нѣкоторые камни, особенно сѣверо-восточнаго угла, удивительно сходны. Во всякомъ случаѣ линіи выпусковъ замѣняли скульпторныя украшенія стѣнъ.

Немаловажное значеніе въ данномъ случаѣ можетъ имѣть вопросъ: давалась ли камнямъ выпусковая отдѣлка или выпусковый орнаментъ еще въ каменоломнѣ, прежде чѣмъ они заняли нынѣшнія свои мѣста въ стѣнѣ, или же послѣ укомплектованія камнями отдѣльныхъ рядовъ, или даже по возведеніи всей стѣны. Архитекторъ Тобоа считалъ возможнымъ послѣднее предположеніе. По поводу одного финикійскаго памятника онъ утверждалъ, что прежде всего весь этотъ памятникъ былъ сложенъ изъ грубыхъ камней съ совершенно неотдѣланными фасами, и только уже по окончаніи постройки архитекторы занялись расчищеніемъ фасовъ камней: сначала отдѣлали верхнюю часть памятника и его карнизъ, и отдѣлали безукоризненно; затѣмъ приступили къ отдѣлкѣ камней нижней части памятника, но работа здѣсь по какимъ-то обстоятельствамъ не была доведена до конца; оттого нижніе камни имѣютъ гораздо болѣе грубый видъ, чѣмъ верхніе (Renan. Mission., 88—89). Другой архитекторъ - археологъ К. Шикъ предполагаетъ и въ древнихъ іерусалимскихъ памятникахъ такой же порядокъ отдѣлки камней: „сначала стѣны выводились изъ не вполнѣ отдѣланныхъ камней, и уже по завершеніи стѣны ея отдѣльные камни орнаментировались отдѣлкою выпусковъ, причемъ иногда обдѣлывалась ор-

наментомъ такихъ же выпусковъ и часть скалы, служившая основаніемъ зданію“ (Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins. Band 1, 229). Затѣмъ третьи прибавляютъ, что такое обращеніе съ камнями не нравилось народу еврейскому и что сѣверная часть израильскаго царства, вѣрная преданіямъ о скиніи Мойсеевой и простотѣ святилища, прямо протестовала противъ неслыханной въ древности отдѣлки и орнаментаціи камней, введенной Соломономъ при построеніи храма, выражая желаніе, чтобы камни храма оставались въ грубомъ и неорнаментированномъ видѣ; по этому якобы поводу въ законъ была внесена статья (Исх. 20, 25), предписывающая не употреблять для жертвенника тесаныхъ выпусковыхъ камней (Maurice Vernes, Les plus anciens sanctuaires des Israelites. Revûe de l'histoire des religions, t. III. 1882, p. 22—48). По поводу этихъ соображеній можно сказать слѣдующее: *а)* Протестъ противъ камней Соломонова храма былъ невозможенъ въ сѣверномъ израильскомъ царствѣ, потому что для Соломонова храма были призваны строители изъ Финикіи, между тѣмъ система финикійскихъ построекъ была знакома сѣверному израильскому царству даже болѣе, чѣмъ жителямъ Іерусалима. *б)* Выпусковые камни gazith были запрещены только для жертвенника всесожженій, который всегда строили изъ дикихъ нетесаныхъ камней, для храма же не только были разрѣшены, но и положительно требовались вполнѣ отдѣланные и орнаментированные по мѣстнымъ архитектурнымъ обычаямъ камни gazith. *в)* По свидѣтельству 1 Цар. 6, 7, вся обдѣлка камней производилась вдали отъ храма, въ мѣстахъ, гдѣ добывался камень, между тѣмъ сущность мѣстной отдѣлки и состояла именно въ выпускахъ. *г)* Отдѣлка камней, особенно глубокими выпусками и въ верхнихъ

рядахъ высокихъ стѣнъ мола, была бы очень затруднительна и даже невозможна послѣ того, какъ они окончательно были уложены на свои мѣста. *д)* Въ такомъ случаѣ было бы необъяснимо, почему въ разныхъ мѣстахъ рядомъ лежащіе камни имѣютъ не вполнѣ тождественную отдѣлку, и непосредственно соприкасающіеся выпуски двухъ отдѣльныхъ камней иногда имѣютъ неодинаковую глубину. То обстоятельство, что нижніе ряды камней бываютъ отдѣланы грубѣе верхнихъ, что иногда среди чистыхъ камней попадаются нечистые, вовсе не такъ хорошо объясняется предположеніемъ первоначальнаго построенія всей стѣны изъ совершенно грубыхъ камней и дальнѣйшей расчистки камней въ стѣнѣ, уже совершенно готовой.

Чтобы окончить описаніе храмового мола, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ особенныхъ знакахъ, встрѣчающихся на нѣкоторыхъ только камняхъ, каковы: *а)* столбики или шишки на среднемъ полѣ камней, *б)* углубленія или нишки, *в)* буквенные знаки и разные росчерки.—Столбики или шишки, какъ извѣстно, встрѣчающіеся на камняхъ хевронскаго памятника, находятся на юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ іерусалимскаго храмового мола, на уровнѣ выше нынѣшняго грунта; существуютъ ли они въ частяхъ стѣны подъ нынѣшнимъ грунтомъ, остается неизслѣдованнымъ. Высота столбиковъ отъ 5 до 8 дюймовъ и діаметръ 4 или 5 дюймовъ. Такимъ образомъ изъ присутствія столбиковъ мы узнаемъ, что на своей лицевой сторонѣ камни были срѣзаны не менѣе чѣмъ на 5 и 8 дюймовъ, прежде чѣмъ отдѣлка ихъ была признана годною. Но, спрашивается, зачѣмъ было затруднять себя отдѣлкою подобныхъ столбиковъ, нужно прибавить, всегда очень чистою и тонкою, и всегда на совершенно гладкомъ среднемъ

полѣ? Пенрозъ (Principles of Athenian Architecture) говоритъ, что такія шишки на бокахъ четыреугольныхъ камней были нарочито оставляемы при отдѣлкѣ, съ тою цѣлію, чтобы за нихъ могли браться рабочіе при переноскѣ камней, но что потомъ, когда камень былъ положенъ на свое мѣсто, и его въ послѣдній разъ выравнивали, и шишки обыкновенно стирались; если же онѣ встрѣчаются на нѣкоторыхъ камняхъ, то только въ такихъ постройкахъ, которыя не были вполнѣ закончены. Это объясненіе не можетъ быть принято въ нашемъ случаѣ, такъ какъ стѣна храмового мола въ Іерусалимѣ не была неоконченною постройкою и такъ какъ огромная величина и тяжесть камней дѣлала немыслимымъ поднятіе ихъ при помощи подобной шишки. Намъ кажется, что столбики или шишки были особеннымъ орнаментомъ на лицевыхъ фасахъ камней, дополняющимъ то впечатлѣніе, какое производили фасы выступающіе надъ боковыми выпусками, и что такихъ украшеній на стѣнахъ было нѣкогда гораздо больше, чѣмъ ихъ сохранилось донынѣ. На многихъ камняхъ можно замѣчать свѣжіе еще слѣды недавно сбитыхъ шишекъ. Аналогичными орнаментами можно считать шишкообразныя украшенія на древнихъ саркофагахъ [1] (см. Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, 1886, стр. 329 и др.), особенно же орнаменты дикихъ огурцовъ и гранатовыхъ шишекъ, по библейскому свидѣтельству, бывшіе несомнѣнно на стѣнахъ Соломонова храма и на его сосудахъ (1 Цар. 6, 18 и проч.), и орнаменты цѣлыхъ большихъ столбовъ, выступающихъ горизонтальными линіями изъ стѣнъ позднѣйшихъ палестинскихъ построекъ и даже въ арабской надстройкѣ

[1] Часто такія шишки бываютъ весьма незначительны, не больше гвоздяныхъ шапокъ или булавочныхъ головокъ, особенно на дверяхъ и притолокахъ (Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, 1886, 84 и др.).

самаго храмового мола (такова въ особенности извѣстная „колонна суда“).

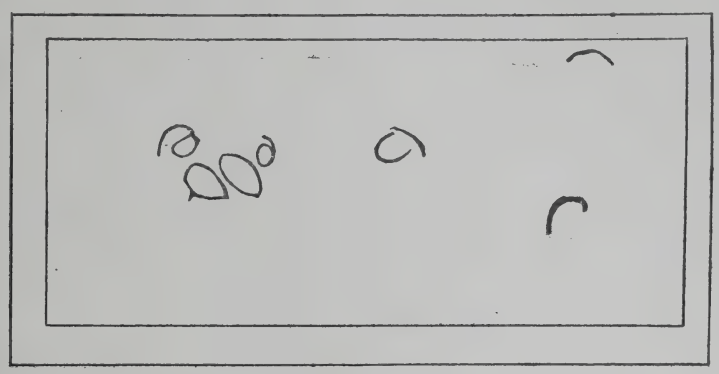
Точно также необъяснимы простыми цѣлями переноски и укладки камней на мѣстѣ другіе противоположные знаки въ видѣ нарочитыхъ яминъ или нишекъ на среднемъ полѣ камня, то квадратныхъ 5—6 дюймовъ ширины и глубины (около тройныхъ воротъ и юго-западнаго угла), то закругленныхъ вверху (въ стѣнѣ Плача). Мы думали прежде (Св. Земля, 1, 450), что эти нишки предназначались для какого-нибудь камнедвигательнаго снаряда при перенесеніи камней; но въ такомъ случаѣ было бы необъяснимо, почему громадное большинство камней не имѣетъ подобныхъ нишекъ; есть основаніе думать, что онѣ были выбиты уже по отдѣлкѣ и установкѣ камней на мѣстѣ. На томъ основаніи, что такія же нишки или углубленія встрѣчаются и на другихъ древнихъ іерусалимскихъ памятникахъ, особенно же въ гробницахъ, что иногда ихъ бываетъ очень много и онѣ слишкомъ ничтожныхъ размѣровъ, мы оставляемъ мысль, что онѣ могли быть какъ нибудь утилизированы. Онѣ не были также показателями порядка камней въ стѣнѣ, потому что онѣ часто встрѣчаются и въ монолитныхъ стѣнахъ гробницъ. Нѣкоторымъ объясненіемъ ихъ можетъ служить то, что въ разныхъ городахъ Палестины, напр. Веѳилѣ, донынѣ сохраняется обычай на косякѣ наружной двери дѣлать группу небольшихъ круглыхъ ямочекъ; онѣ обыкновенно выдалбливаются въ камнѣ ножемъ и имѣютъ символическое значеніе. Находятъ также въ Палестинѣ древніе медальоны, на своей передней сторонѣ истыканные микроскопическими ямочками; на дорогѣ отъ Іерусалима въ Самарію легко можно пріобрѣсть цѣлую коллекцію такихъ медальоновъ у мѣстныхъ жителей.

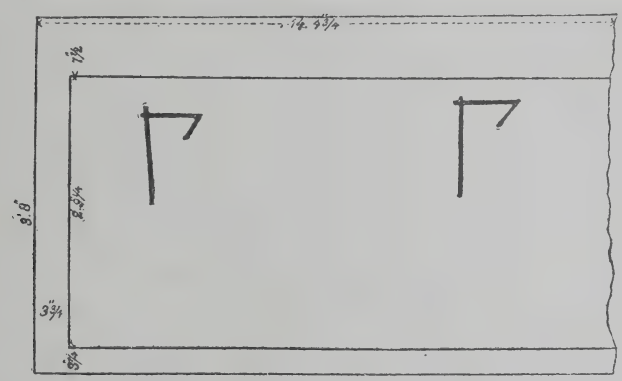
Въ египетскихъ гробницахъ попадаются каменныя доски, усѣянныя углубленіями или яминами, расположенными въ извѣстномъ символическомъ порядкѣ, и вѣроятно служившія для метанія жребіевъ или предсказаній будущаго (Maspero, Guide au Musée de Bulak. 1883 p. 300) [1].

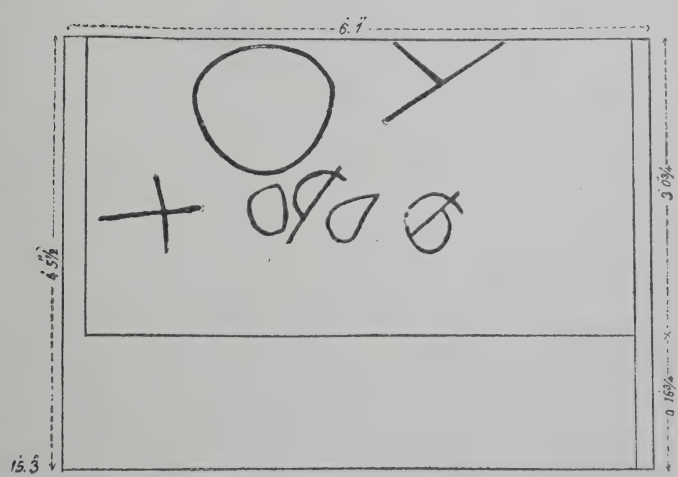
Но особенно замѣчательны буквенные знаки, graffiti, на камняхъ храмового іерусалимскаго мола. Особенно много такихъ камней съ буквами открыто раскопками Варрена на юго-восточномъ углу, но они встрѣчались также и близъ сѣверо-восточнаго угла. Вѣроятно, они были и во многихъ другихъ мѣстахъ, но не сохранились; частію они могли быть стерты человѣческою рукою, частію разъѣдены и смыты почвенною влагою, такъ какъ, написанные омоченною въ киноварь кистью, они держатся на камнѣ такъ непрочно, что рабочіе Варрена легко стирали ихъ мокрою тряпкою или мокрою рукою. На юго-западной и западной сторонѣ мола такіе знаки не сохранились, вѣроятно отъ влажности прилегающаго грунта. Чаще всего буквенные знаки состоятъ изъ финикійской буквы *хетъ*, изъ финикійскаго *аинъ* въ видѣ кружка, изъ большого росчерка буквы *тавъ* въ видѣ креста съ бо̀льшимъ протяженіемъ горизонтальной линіи, чѣмъ отвѣсной, и изъ другихъ буквъ и росчерковъ. По мѣстамъ камни обрызганы красною краскою, по мнѣнію Варрена, „отъ неосторожнаго обращенія съ кистью при написаніи буквъ“, но можетъ быть и нарочито. Буквы имѣютъ неодинаковую высоту, самыя большія 5 дюймовъ. Особенно замѣчательный знакъ изъ финикійскихъ буквъ находится во второмъ нижнемъ ряду, на третьемъ камнѣ отъ юго-восточнаго угла, гдѣ ясно написано ידוע, т. е.

[1] Въ домашнемъ быту древнихъ евреевъ даже обыкновенные хлѣбы или печенья часто были истыканы символическими ямочками и назывались *рябыя* лепешки, nekudim (1 Цар. 14, 3).

извѣстный, нѣкто, или же собственное имя Яддуа. Палестинская археологія не рѣшила до настоящаго времени, какое значеніе имѣли эти буквы и слова на







камняхъ храмового мола, были ли они простою нумераціею камней или знаками корпораціи древнихъ каменщиковъ, имъ только извѣстными, подобно тому, какъ такіе знаки оставляли на своихъ постройкахъ каменщики римскіе и средневѣковые (Zeitschrift des deutsch. Pal. Vereins. 1881, 93), были ли они символическими знаками, имѣвшими отношеніе къ храму или знаками древнихъ богомольцевъ, приходившихъ въ Іерусалимъ для праздничнаго поклоненія, подобными такъ называемымъ синайскимъ письменамъ. Наиболѣе авторитетнымъ считается слѣдующее мнѣніе Еммануила Дейча: „знаки эти сдѣланы на камняхъ мола прежде чѣмъ они заняли свои нынѣшнія мѣста въ стѣнѣ, и суть финикійскіе знаки; одни изъ нихъ буквы, другіе—цифры, и принадлежатъ рабочимъ, складывавшимъ стѣну. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ не находятся въ извѣстномъ финикійскомъ алфавитѣ, но они найдены въ Сиріи на памятникахъ несомнѣнно финикійскаго происхожденія“. Напротивъ Вогюэ и Клермонъ-Ганно, лично осматривавшіе и изучавшіе эти знаки на камняхъ мола, считали возможнымъ видѣть въ нихъ не буквы, а масонскіе знаки финикійскихъ памятниковъ (King. Recent discoveries on the Temple Hill at Jerusalem. 1885. p. 48—59). Что разсматриваемые знаки не простая нумерація камней, сдѣланная въ каменоломняхъ и указывавшая мѣсто каждаго камня въ ряду другихъ, видно изъ того, что на нѣкоторыхъ камняхъ вовсе нѣтъ никакихъ знаковъ, на другихъ камняхъ сдѣланы знаки тождественные и притомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр., въ лѣвомъ верхнемъ углу), что могло бы приводить скорѣе къ смѣшенію камней, чѣмъ къ ихъ различенію рабочими; на нѣкоторыхъ камняхъ встрѣчается избытокъ знаковъ, и даже на самомъ камнѣ проводится рѣзцомъ борозда,

ограждающая поле надписей. Масонскими же знаками они не могли быть по своей безъискусственности, неопредѣленности, незакругленности и разнообразію, а также по своему рѣшительному сходству съ типомъ финикійскихъ буквъ, чего нельзя отрицать по отношенію къ большинству этихъ знаковъ [1]. Кромѣ того, не всѣ буквенные знаки принадлежатъ одному времени. Кромѣ знаковъ, написанныхъ киноварью, есть еще знаки, вырѣзанные рѣзцомъ, конечно не одновременно съ первыми знаками. Кромѣ буквъ финикійскихъ, есть буквы арамейскія болѣе поздняго времени, послѣднихъ вѣковъ предъ Р. Хр. На сѣверо-восточномъ углу найдена на камнѣ одна буква, замѣчательная тѣмъ, что отъ нея по горизонтальной линіи идетъ рядъ точекъ или капель, наводящихъ на мысль, что буква была написана тогда, когда камень еще не лежалъ на нынѣшнемъ мѣстѣ въ стѣнѣ, а стоялъ стоймя, такъ какъ, разумѣется, брызги при начертаніи буквы могли падать только по отвѣсной, а не по горизонтальной линіи. На этомъ основаніи Варренъ и другіе считаютъ несомнѣннымъ, что всѣ буквы, открытыя на камняхъ мола, написаны прежде чѣмъ камни были сложены въ стѣну. Ошибка этого предположенія состоитъ въ томъ, что, занявшись брызгами, Варренъ не обратилъ вниманія на начертаніе буквы, фигура которой соотвѣтствуетъ нынѣшнему положенію камня.

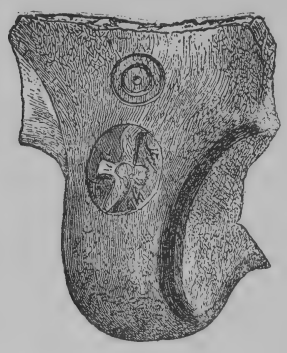
Намъ кажется, что и буквенные знаки на камняхъ храмового мола, подобно столбикамъ и нишкамъ, имѣли особенное символическое значеніе, стоявшее въ связи

[1] Ничего общаго разсматриваемые знаки не имѣютъ и съ встрѣчающимися въ египетскихъ каменоломняхъ красными штрихами, которыми египетскіе архитекторы на стѣнѣ скалы изображали предварительно видъ и размѣры камней, колоннъ и проч., которые требовалось вырубить (Maspero, Archéologie égyptienne, p. 43–44, fig. 47).

съ исторіею храма, и что отдѣльныя буквы на камняхъ суть сокращенія священныхъ словъ храмового культа. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что онѣ написаны ярко красными чернилами, напоминающими цвѣтъ крови, и что онѣ часто окружаются такими же кровавыми брызгами, иногда сдѣланными очень правильною линіею. На многихъ камняхъ нѣтъ буквенныхъ знаковъ, но есть въ большемъ или меньшемъ числѣ кровавыя капли, оставшіяся отъ какого-то окропленія камней. Но извѣстно, что подобные кровавые знаки на наружной сторонѣ домовъ имѣли въ ветхозавѣтномъ обрядѣ особенное священное значеніе (Исход. 12, 6, 13). Если въ данномъ случаѣ, вмѣсто крови, употреблена киноварь, то это необычное кропленіе могло быть сдѣлано послѣ дѣйствительнаго жертвеннаго кропленія кровью и въ воспоминаніе о немъ, такъ какъ дѣйствительная кровь скоро мѣняетъ свой цвѣтъ и дѣлается неузнаваемою. Изъ отдѣльныхъ мѣтокъ или священныхъ сокращеній чаще всего встрѣчается мѣтка въ видѣ крестика. Трудно сказать, есть ли это обыкновенная мѣтка счастія, встрѣчающаяся въ такомъ же видѣ креста на египетскихъ домахъ (Wilkinson, Manners. II, № 96, fig. 1) и въ египетскомъ календарѣ для отмѣтки счастливыхъ дней (Chabas. Le Calendrier de l'année egyptienne. 22) или это спеціально еврейскій знакъ, представляющій сокращеніе закона Мойсея, весьма извѣстное въ еврейской литературѣ, такъ какъ разсматриваемый знакъ (крестикъ) есть финикійская буква thav, первая буква слова thora (законъ). Нужно припомнить здѣсь мѣсто Езек. 9, 4—7, въ которомъ предписывается на челѣ всѣхъ жителей Іерусалима и храма поставить мѣтку изъ буквы тавъ, т. е. крестика, и всѣхъ неимѣющихъ этого знака

умерщвлять [1]. Уже на основаніи этого пророческаго мѣста, знаки въ видѣ крестиковъ могли быть разставлены на стѣнѣ храмового мола, какъ особенное священное и таинственное огражденіе храма, при одномъ изъ возстановленій Соломонова храма, всего вѣроятнѣе при возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна при Ездрѣ и Неемiи. Само собою разумѣется, что возраженія противъ разсматриваемыхъ знаковъ креста, дѣлаемыя, между прочимъ, Пайллу (Monographie. 366), какъ знаковъ принадлежащихъ только христіанскому времени, не имѣютъ силы. Знаки крестовъ на молѣ ветхозавѣтнаго храма не имѣютъ сходства съ типами изображеній креста древнихъ христіанъ, и суть именно мѣтки. Тотъ же самый Пайллу, въ другомъ мѣстѣ своей обширной монографіи (268), признается, что когда онъ посѣщалъ британскій музей въ обществѣ одного нѣмецкаго ученаго, этотъ послѣдній указалъ ему бронзовую статую ассирійскаго князя съ крестомъ на шеѣ, явившуюся немного только позже времени Соломона. Что у древнихъ евреевъ дѣйствительно употреблялся знакъ креста съ особеннымъ символическимъ значеніемъ, можно видѣть изъ изображеній креста на древнееврейскихъ урнахъ и лампахъ. Между прочимъ, остатки такихъ урнъ были найдены Варреномъ въ его раскопкахъ у юго-восточнаго угла храмового мола. Кромѣ крестовъ, на нихъ есть знаки кружковъ и капель, подобные тѣмъ,

[1] У самарянъ до настоящаго времени сохранился обычай кровью пасхальнаго агнца дѣлать подобныя мѣтки на лбу дѣтямъ. Но конечно, въ болѣе древнее время, мѣтились не одни только дѣти (*Peterman*, Reisen, Band I, 237; *Kohn*, Zur Sprache und Dogmatik der Samaritaner, 65). По раввинскому преданію (Michna, Menachot, VI, 3; Ker. 5, 2) древнія помазанія елеемъ какъ лицъ, такъ и жертвеннаго хлѣба совершались въ видѣ греческой буквы χῆ, Χ, т. е. приблизительно въ томъ же видѣ крестика, а знакъ помазанія царей дѣлался въ видѣ кружка (Levy, Neuhebr. Wörterbuch, II, 316).



какіе встрѣчаются и на камняхъ мола. По мнѣнію доктора Бирча, найденныя у стѣны іерусалимскаго храма лампы и урны имѣютъ сходство съ египетскими глиняными сосудами и принадлежатъ IV или V вѣку до Р. Хр. (The Recovery of Jerusalem, 473) [1]. Весьма замѣчательно, что въ верхней позднѣйшей надстройкѣ храмового мола, на восточной сторонѣ, надъ такъ называемою малою дверью или дверью Буракъ (по Мудширъ-ед-Динъ) сохранилось изображеніе креста, сдѣланное также красною краскою въ пяти концентрическихъ кружкахъ. Хотя это послѣднее изображеніе сдѣлано христіанами, но, какъ показываетъ уже выборъ для него красной краски, оно было только подражаніемъ другимъ древнѣйшимъ подобнымъ знакамъ храмового мола. Въ подтвержденіе своего взгляда на значеніе буквенныхъ знаковъ и капель на оградѣ іерусалимскаго храма, мы можемъ указать еще одно весьма любопытное открытіе Варрена. Проведя свою подземную галлерею къ основанію юго-восточнаго угла храмового мола, Варренъ нашелъ въ скалистомъ грунтѣ подъ угломъ

[1] Лампы имѣютъ надписи шрифта Силоамской надписи, къ сожалѣнію неразобранныя. Можно отличить только группы буквъ: למי לך, т. е.: „*Кому? Тебѣ*“ (см. другія чтенія у Ганно, Sceaux et cachets israelites, 1883, 12—13). Ошибочно въ одномъ изъ крестовъ усматриваютъ изображеніе летящей птицы!

мола нарочито выдолбленную ямину или пещерку одного фута глубины и одного фута въ діаметрѣ и въ ней глиняную урну *краснаго* цвѣта, по мнѣнію того же доктора Бирча, директора восточныхъ древностей Британскаго музея и автора извѣстнаго сочиненія: History of ancient Pottery (1873), принадлежащую пятому или четвертому вѣку до Р. Хр. Урна не случайно попала

въ пещеру, но очевидно была поставлена здѣсь нарочито по какому-то случаю, съ какимъ-то особеннымъ содержимымъ; она и найдена была стоящею среди пещеры въ томъ видѣ, въ какомъ она была нѣкогда здѣсь поставлена. Такъ какъ слѣдовъ гробницы и саркофага здѣсь не найдено, то мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Перро (Iudée, 453), что это—погребальная урна. Весьма вѣроятно, что она поставлена при священнодѣйствіи освященія храмового мола [1] и была нѣкогда наполнена жертвенною кровію или елеемъ помазанія. Уже изъ патріархальнаго времени извѣстенъ обычай камни святыхъ мѣстъ освящать возліяніемъ елея и

[1] И въ настоящее время, при освященіи основаній большихъ зданій, закапываютъ урны и бутылки съ медалями, монетами и пр.

*

другими жертвенными возліяніями (Быт. 28, 18; 35, 14; Исход. 40). До настоящаго времени въ Переѣ сохранились мегалитическіе памятники, представляющіе подражаніе патріархальнымъ веѳилямъ; на ихъ вершинѣ, а иногда на бокахъ, бываетъ выдолбленъ видъ небольшой чаши или урны для священнаго елея (Palestine Exploration Fund, Quarterly Statement, 1882, p. 71). По обычаю патріархальныхъ веѳилей, былъ нѣкогда освященъ и молъ іерусалимскаго храма [1], причемъ урны съ священнымъ елеемъ закопаны подъ его четырьмя углами какъ важнѣйшими пунктами зданія [2]. Наконецъ, близкое отношеніе разсматриваемыхъ знаковъ къ исторіи храма и ветхозавѣтнаго богослуженія доказывается тѣмъ, что одна изъ этихъ надписей, хотя нѣсколько болѣе поздняя, представляетъ собою цѣлое двустишіе въ честь храма (у тройныхъ воротъ):

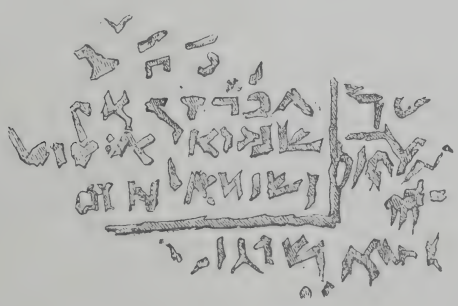
כסבלת יי . . . . . .
כן סף יי יפרח בצ(יץ)

Какъ ко́лосъ Іеговы.....
Такъ порогъ Іеговы да процвѣтетъ въ.....

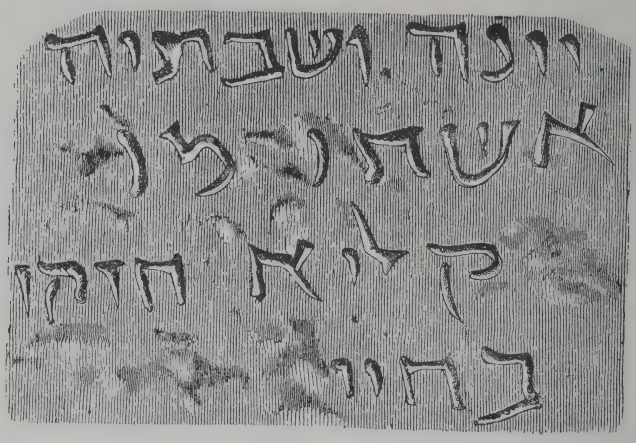
Къ такому чтенію данной надписи тройныхъ воротъ мы пришли послѣ продолжительнаго ея осмотра и изученія на мѣстѣ. Нѣсколько сомнительною для насъ остается только буква ת въ первой строкѣ; но во всякомъ случаѣ ея воспроизведеніе у Соси (Voyage, II, 17) неточно. Появленіе въ надписи слова סבלת, въ сѣ-

[1] Когда уже іерусалимскій храмъ былъ разрушенъ, разсѣянные іудеи долго еще приходили на его развалины и совершали здѣсь особенный обрядъ помазанія елеемъ священнаго камня храма, lapis pertusus (см. Бордосскій путникъ 333 года, изд. В. Н. Хитрово, стр. 27).—[2] Другое возможное здѣсь предположеніе: найденная въ пещерѣ урна была та самая урна, въ которой царь іудейскій Іосія, какъ свидѣтельствуетъ іудейское преданіе, въ ожиданіи нападенія непріятелей, сокрылъ гдѣ-то бывшій при храмѣ елей помазанія, послѣ чего якобы елей помазанія пересталъ употребляться въ храмѣ (Іерус. Sota, VIII, 22; Букст. Lexic. II, 642; Левп, Lexicon III, 270). Самое это преданіе весьма мало вѣроятно.

верномъ израильскомъ произношеніи, не должно казаться страннымъ, такъ какъ и въ древнихъ библейскихъ книгахъ, написанныхъ въ Іерусалимѣ, нерѣдкость встрѣчать такъ называемые ефраимизмы. Что касается времени появленія этой надписи, то Д. А. Хвольсонъ относитъ ее именно къ періоду Ирода Великаго, хотя читаетъ ее иначе (Сборникъ еврейскихъ надписей, 1884, 57—59). Тѣмъ охотнѣе мы, съ своей стороны, соглашаемся съ такимъ опредѣленіемъ, что, по нашему мнѣнію, она и по своему содержанію имѣетъ отношеніе къ Ироду и сдѣлана, вѣроятно, при освященіи возобновленнаго Иродомъ храма. Есть еще другая большая, но, къ сожалѣнію, слишкомъ неразборчивая древнееврейская надпись, сдѣланная также красною краскою, въ подземельи подъ мечетью Ель-Акса, въ простѣнкѣ противъ монолитной колонны. Хотя ея содержаніе остается совершенно неизвѣстнымъ, но для насъ въ настоящемъ случаѣ она важна самымъ своимъ существованіемъ; изъ нея мы узнаемъ, что буквенные знаки и болѣе и менѣе большія фразы могли быть не только на наружной стѣнѣ храма, но и на воротахъ и галлереяхъ, приводившихъ ко храму.



Сюда же относится и надпись на самомъ монолитѣ такъ называемаго двойного прохода.



Кстати замѣтить, что буквенные знаки и надписанія, встрѣчающіяся на стѣнѣ іерусалимскаго храма, находятъ для себя продолженіе въ надписаніяхъ на галилейскихъ синагогахъ перваго вѣка (Journal of the Palestine Exploration Fund, № 11, 38).

Теперь вопросъ: какому именно времени принадлежитъ сохранившійся донынѣ и описанный нами молъ горы Моріа, первому ли храму или второму-ветхозавѣтному храму или даже христіанскому и магометанскому времени? Весь ли молъ принадлежитъ одному времени или въ немъ нужно отличать разновременныя расширенія или прибавленія къ той основной первоначальной части мола, которая могла быть построена Соломономъ?

Такъ какъ палестинская археологія есть наука совершенно новая, и такъ какъ мѣсто ветхозавѣтнаго храма находится въ рукахъ мусульманъ, и доселѣ еще не вполнѣ доступно для изученія путемъ раскопокъ, то и поставленный вопросъ не могъ получить доселѣ окончательнаго разрѣшенія. Существуютъ только отдѣльныя мнѣнія. Одни изслѣдователи (Соси, Геренъ,

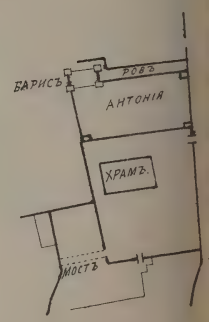
ГОРА МОРІА

и

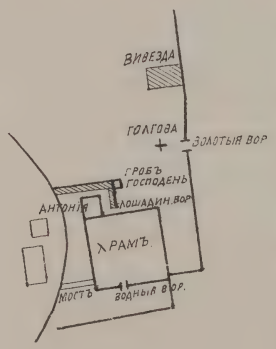
ЕЯ ВЕТХОЗАВѢТНЫЯ

СООРУЖЕНІЯ.

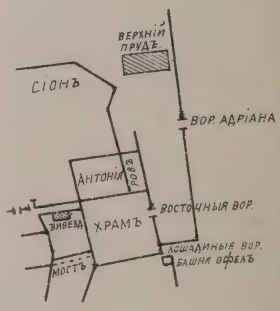
По Робинзону 1841 г.



По Фергюссону 1847 г.

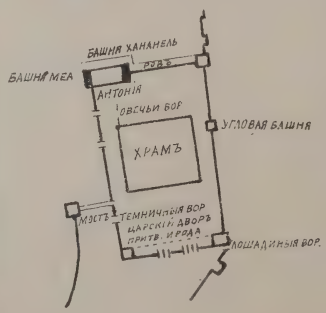


По Труппу. 1855 г.

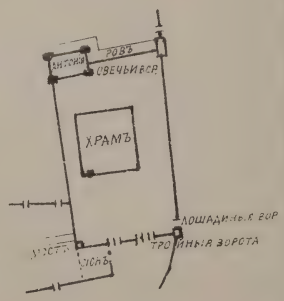


По Льювину 1863 г.

По Менке 1868 г.



По Каспари 1869 г.



По Варрену 1871 г.

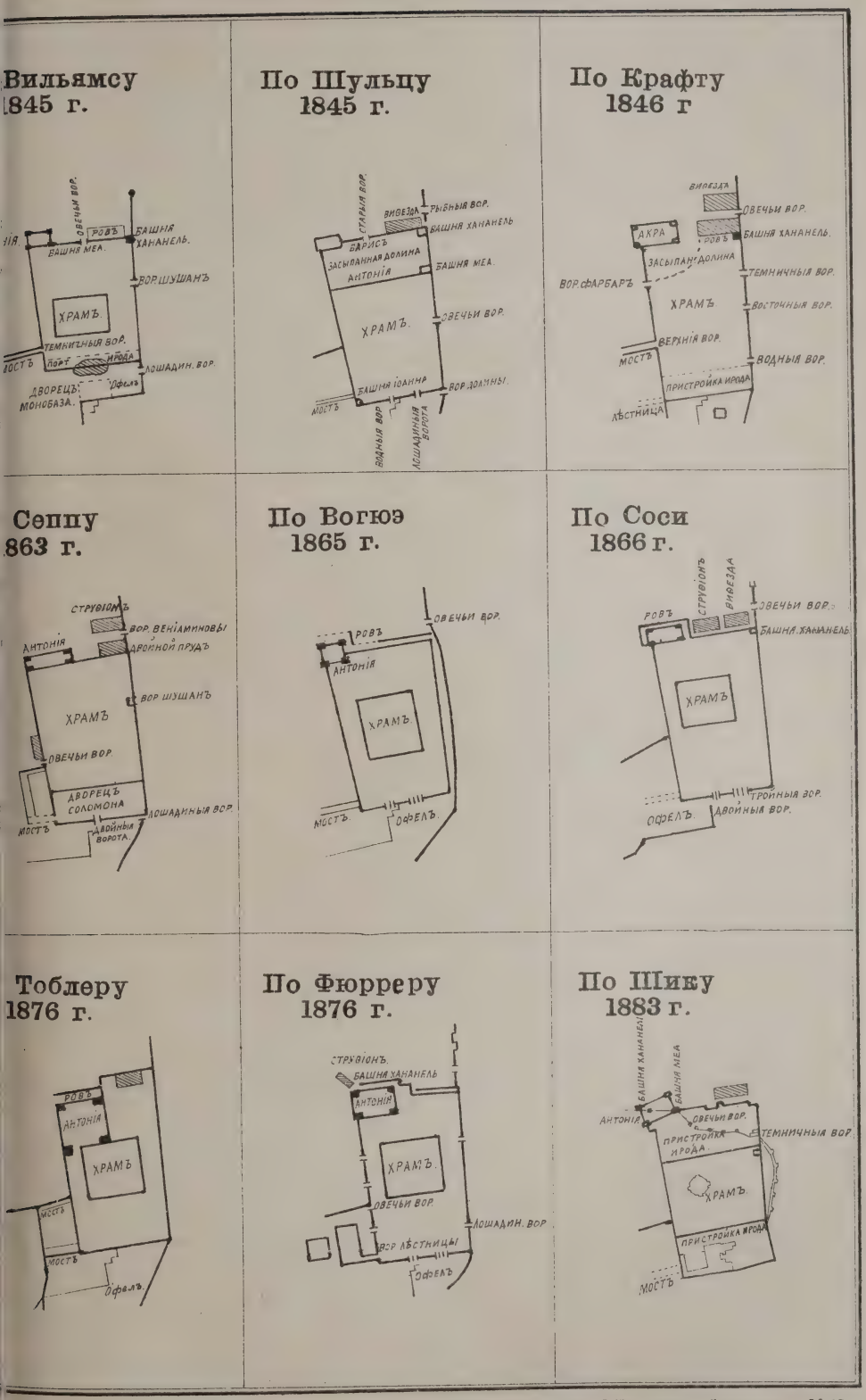


Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 18.

Вогюэ, Джемсъ, Менке, Сеппъ, Крафтъ) полагали, что вся нынѣшняя площадь харамъ еш-шерифъ принадлежала дворамъ ветхозавѣтнаго храма, если не Соломонова, то по крайней мѣрѣ Иродова, и что, слѣдовательно, весь описанный нами молъ былъ внѣшнею оградою ветхозавѣтнаго храма. Другіе (Вильямсъ) только сѣверную часть площади и мола 950 футовъ въ квадрадѣ относили къ ветхозавѣтному храму, а южную считали пристройкою Юстиніана, возведенною на развалинахъ Офела. Третьи (Робинсонъ, Унругъ, Барклей, Кипертъ, Портеръ, Варренъ) думали, что дворы ветхозавѣтнаго храма занимали южную часть харама, на 925 квадратныхъ футовъ или около того. Четвертые (Фергюссонъ, Унгеръ, Труппъ, Льювинъ) ограничивали дворы ветхозавѣтнаго храма только однимъ юго-западнымъ угломъ площади харамъ еш-шерифъ въ 600 футовъ длины и ширины. Пятые считали за ветхозавѣтнымъ храмомъ только срединную часть нынѣшней площади въ 600 квадратныхъ футовъ. Наконецъ нѣкоторые (Пайллу) полагали, что ветхозавѣтный храмъ не только занималъ весь нынѣшній харамъ еш-шерифъ, но и переступалъ за его предѣлы, такъ что описанный нами молъ, съузившій древнюю площадь храма, могъ принадлежать развѣ императорамъ Адріану или Юстиніану, обстраивавшимъ гору Моріа послѣ окончательнаго разрушенія ветхозавѣтнаго святилища.

Уже то обстоятельство, что изслѣдователи до крайности расходятся въ опредѣленіи границъ ветхозавѣтнаго храма, одни указываютъ для храма южную, другіе юго-западную, третьи сѣверную часть и такъ далѣе, доказываетъ, какъ трудно хотя одну точку этой священной площади исключить изъ области древняго святилища. Если, уступая доводамъ однихъ, мы согласимся при-

знать западную сторону мола Соломоновою, то, на основаніи не менѣе сильныхъ доводовъ другихъ, мы должны будемъ признать и восточную и южную стороны и вообще весь нынѣшній молъ Соломоновымъ. Считая излишнимъ входить въ подробный разборъ всѣхъ этихъ мнѣній, такъ какъ они большею частію основываются на однихъ общихъ соображеніяхъ и, вслѣдствіе своей исключительности, взаимно себя опровергаютъ, мы остановимся только на тѣхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, которыя составлены послѣ англійскихъ раскопокъ вокругъ площади храма и на ихъ основаніи, и главнымъ образомъ на изслѣдованіи самого виновника этихъ раскопокъ, Чарльза Варрена. Можетъ быть нелишнимъ будетъ здѣсь же предупредить читателей, что мы лично присоединяемся въ общемъ ко взглядамъ Соси и Герена и всю линію описаннаго мола считаемъ дѣломъ Соломона, впослѣдствіи возстановленнымъ Иродомъ на прежнихъ основаніяхъ. Для насъ совершенно непонятно мнѣніе Перро (231) и другихъ, что іерусалимскій храмъ былъ построенъ сначала безъ всякаго плана и расширялся постепенно, подобно египетскимъ храмамъ, и что сохранившійся донынѣ молъ показываетъ границы только самаго послѣдняго расширенія дворовъ храма при Иродѣ Великомъ.

Общіе выводы Варрена изъ его раскопокъ вокругъ храмового мола состоятъ въ слѣдующемъ. Храмъ Соломона съ своими дворами занималъ площадь 900 футовъ длины съ востока на западъ и 600 футовъ ширины съ сѣвера на югъ. Площадь эта должна накладываться на нынѣшній харамъ еш-шерифъ такимъ образомъ, чтобы сѣверная граница храма проходила по сѣверной линіи нынѣшней верхней платформы, окружающей мечеть Омара, а южная граница на 300 футовъ сѣвернѣе

нынѣшней южной стѣны харама. Только западная и восточная границы Соломонова храма совпадали съ нынѣшнею стѣною мола, стѣною Плача и соотвѣтственною частію восточной стѣны. Такимъ образомъ, чтобы имѣть представленіе о площади Соломонова храма, нужно отдѣлить отъ нынѣшняго харама всю сѣверную часть за верхнею платформою и всю южную часть въ 300 футовъ ширины. Сѣверная часть нынѣшняго харама не вошла въ область дворовъ Соломонова храма, потому что въ то время она была глубокимъ оврагомъ (160 футовъ глубины), а южная или собственно юго-восточная часть харама 300 футовъ ширины и 600 длины (съ востока на западъ) не вошла въ область храма, потому что она была предназначена для дворца Соломона. Во всякомъ случаѣ нынѣшняя часть южной стѣны харама отъ двойныхъ воротъ до юго-восточнаго угла есть все-таки дѣло Соломона, хотя не имѣвшее отношенія къ храму. Что же касается юго-западнаго угла, или квадрата въ 300 футовъ длины и ширины на юго-западномъ углу харама, то въ періодъ перваго храма онъ былъ совершенно пустъ. Иродъ Великій расширилъ площадь Соломонова храма на югѣ присоединеніемъ къ нему мѣстности Соломонова дворца и пустопорожняго юго-западнаго угла [1]. Съ сѣверной же стороны площадь храма при Иродѣ расширена не была, такъ что засыпка оврага, бывшаго на сѣверной сторонѣ отъ верхней платформы, и выровненіе нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ принадлежатъ уже дальнѣйшей исторіи площади по окончательномъ разрушеніи ветхозавѣтнаго храма (The Recovery of Jerusalem, p. 309—326).

[1] По вычисленію К. Шика юго-западный уголъ, прибавленный Иродомъ, имѣлъ 2600 квадратныхъ метровъ и простирался на сѣверъ отъ юго-западнаго угла на 60 метровъ и на востокъ на 44 метра (Beit el Makdas, 127).

Такое раздробленіе нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, какія удостовѣрены раскопками самого Варрена. Въ своихъ раскопкахъ вокругъ всѣхъ сторонъ мола Варренъ нигдѣ не встрѣтилъ подъ землей какого либо перерыва въ основаніи стѣнъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на нынѣшней поверхности стѣна древняго мола прерывается и замѣняется новою стѣною, подземное теченіе стѣны вездѣ оказалось непрерывнымъ. Нигдѣ въ стѣнѣ мола не былъ найденъ какой нибудь раздѣлъ, что нибудь похожее на промежуточную линію или шовъ, связывавшій древнюю часть стѣны съ позднѣйшею прибавкою. Между тѣмъ, при такой циклопической постройкѣ, нельзя было совершенно замаскировать шовъ или линію пристройки къ первоначальному молу. Поэтому совершенно справедливо В. Геренъ (La Terre Sainte, 1882, 33—46, 56) изъ раскопокъ Варрена выводитъ заключеніе прямо противоположное заключеніямъ Варрена, и согласное съ давними заключеніями Соси, что вся эспланада нынѣшняго харама, какъ окруженная непрерывною стѣною, гораздо болѣе древнею, чѣмъ храмъ Ирода Великаго, входила въ область перваго іерусалимскаго храма.

Во-первыхъ, Варренъ не имѣлъ основанія отрывать отъ площади ветхозавѣтнаго храма *сѣверную* часть нынѣшняго харама. Подземное теченіе стѣны храмового мола, идущей отъ юго-восточнаго угла на сѣверъ, не только идетъ непрерывно до самаго сѣверо-восточнаго угла площади харамъ еш-шерифъ, но и продолжаетъ идти не прерываясь еще нѣсколько далѣе на сѣверъ (Recovery, 159 и дал.). Такимъ образомъ на основаніи своихъ раскопокъ Варренъ долженъ былъ не сокращать область ветхозавѣтнаго храма на сѣверѣ, а скорѣе, наоборотъ, расширить его нѣсколько далѣе нынѣшней сѣ-

верной границы харама включеніемъ въ нее области Биркетъ-Исраелъ. Въ своемъ выводѣ Варренъ не былъ вынуждаемъ какими нибудь слѣдами поздняго происхожденія части стѣны у сѣверо-восточнаго угла харама. Напротивъ, не смотря на нѣкоторую особенность въ отдѣлкѣ камней этой части стѣны, она, по мнѣнію самого Варрена, есть та стѣна, которую Іосифъ Флавій называетъ *стѣною древнихъ царей*, слѣдовательно принадлежитъ періоду довавилонскаго плѣна. Даже въ верхнихъ рядахъ этой стѣны Варренъ находитъ сходство съ стѣною Плача, которую онъ же не сомнѣвается признать дѣломъ Соломона. Такимъ образомъ, по своей древности, стѣна у сѣверо-восточнаго угла могла принадлежать молу перваго храма. Почему она, составляя непрерывное продолженіе храмового мола, есть уже не стѣна мола, а совершенно особенная городская стѣна, такъ называемая вторая іерусалимская стѣна, это ничѣмъ не доказывается у Варрена, хотя утверждается неоднократно. Варрену необходимо было бы доказать, что въ другихъ своихъ остаткахъ такъ называемая вторая іерусалимская стѣна имѣетъ сходство съ отдѣлкою стѣны у сѣверо-восточнаго угла харама, но это именно не доказано; напротивъ, доказано совершенно противное, потому что сохранившаяся на русскомъ мѣстѣ, близъ храма Гроба Господня, часть второй стѣны не имѣетъ на своихъ камняхъ тѣхъ вздымающихся фасовъ, которые отличаютъ отдѣлку сѣверо-восточнаго угла харама [1]. Между тѣмъ, съ другой стороны, сѣверо-восточный уголъ имѣетъ сходство съ юго-западнымъ угломъ харама, ко-

[1] *Гуте* въ своихъ раскопкахъ южной границы древняго Іерусалима нашелъ весьма разнообразныя отдѣлки камней въ отдѣльныхъ остаткахъ стѣны, но это не препятствовало ему видѣть въ этихъ частяхъ развалины одной стѣны (Ausgrabungen bei Jerusalem, 1882, 284—285).

тораго ни въ какомъ случаѣ нельзя относить къ городской стѣнѣ Іерусалима. Второе, что нужно было доказать здѣсь Варрену, это то, могла ли такъ называемая вторая іерусалимская стѣна достигать нынѣшняго сѣверо-восточнаго угла харама, когда, по свидѣтельству Іосифа Флавія (Bell. V, 4, 1), она доходила только до крѣпости Антонія. Варренъ этого не доказываетъ, да это и не можетъ быть доказано. Тѣмъ не менѣе въ другомъ мѣстѣ (The Recovery. 317) Варренъ останавливается даже на такой мысли: нельзя ли не только сѣверо-восточный уголъ, но и всю восточную стѣну нынѣшняго харама считать древнею *городскою* стѣною, а восточную линію Соломонова и даже Иродова храма проводить по восточной линіи платформы, нынѣ окружающей мечеть Омара, считая всю площадь Соломонова храма квадратомъ 600 локтей длины и ширины, упирающимся своею западною стороною о стѣну Плача. Но такое свое предположеніе самъ же Варренъ и устраняетъ основательною ссылкою на Іосифа Флавія (Antiqu. XV, 11, 5), который представляетъ восточный портикъ храма или такъ называемый портикъ Соломона возвышавшимся непосредственно надъ Кедрскимъ потокомъ, такъ что съ портика можно было видѣть самое дно потока. Но этого не могло бы быть, если бы восточная стѣна ветхозавѣтнаго храма отдѣлялась отъ Кедрскаго потока еще особенною городскою стѣною. Чтобы съ нынѣшней верхней или срединной платформы харама увидѣть Кедрскій потокъ чрезъ нынѣшнюю восточную стѣну харама, требуется подняться на воздухъ не менѣе чѣмъ на 200 футовъ высоты. И вообще у Іосифа Флавія много очевидностей, доказывающихъ, что на восточной сторонѣ, кромѣ храмового мола, не было никакой другой стѣны. Если же, такимъ образомъ, Варренъ отка-

зался отъ мысли, что срединная часть восточной стѣны харама, на протяженіи 600 футовъ, могла быть не храмовою оградою, а стѣною города, то, вмѣстѣ съ тѣмъ ему нужно было отказаться и отъ дальнѣйшаго продолженія той же своей мысли, что сѣверо-восточный уголъ харама можетъ быть не стѣною храмового мола, а совершенно особенною городскою стѣною. Предполагаемое Варреномъ протяженіе 600 футовъ длины въ средней части восточной стѣны рѣшительно ничѣмъ не выдѣляется въ теченіи стѣны харама, и раскопки Варрена ничего не открыли въ пользу исключительнаго отношенія къ Соломонову храму только средней части стѣны. Напротивъ, открытыя Варреномъ предъ сѣверо-восточнымъ угломъ террасы, мостовыя, площадки свидѣтельствуютъ о томъ, что стѣна этого угла не была простою городскою стѣною.

Далѣе Варренъ считаетъ необходимымъ отрывать нынѣшнюю сѣверную часть платформы харама отъ области Соломонова и даже Иродова храма на томъ основаніи, что въ этомъ мѣстѣ, на сѣверъ отъ верхней платформы харама, имъ дознано существованіе первобытнаго глубокаго оврага, который, начинаясь нѣсколько на западъ отъ церкви св. Анны, шелъ нѣкогда на югъ, врѣзывался въ нынѣшнюю площадь харама чрезъ Биркетъ-Исраелъ и затѣмъ поворачивалъ на востокъ и выходилъ въ Кедрскій потокъ между золотыми воротами и сѣверо-восточнымъ угломъ харама. Тогда какъ у нынѣшнихъ воротъ Стефана или Геѳсиманскихъ натуральная скала, служившая уровнемъ мѣста во дни Давида и Соломона, найдена на 20-футовой глубинѣ, тогда какъ у золотыхъ воротъ скала найдена немного глубже этого уровня, на срединѣ между этими двумя пунктами, по линіи стѣны, скала встрѣтилась только на глубинѣ 110 футовъ. По

мнѣнію Варрена, это и есть та глубокая долина, которая защищала храмъ съ сѣвера и которая упоминается Іосифомъ Флавіемъ въ исторіи осады храма Помпеемъ. Слѣдовательно, сѣверная стѣна ветхозавѣтнаго храма должна быть отодвинута на южную сторону открытаго Варреномъ оврага, къ сѣверной чертѣ верхней платформы харама. Это, повидимому, основательное фактическое доказательство у Варрена развито недостаточно. При болѣе полномъ развитіи оно приведетъ къ другимъ слѣдствіямъ. Прежде всего, если сѣверная или, правильнѣе говоря, сѣверо-восточная часть нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ есть дѣйствительно засыпанный оврагъ, то почему нужно думать, что это сдѣлано не Соломономъ и не для храма ветхозавѣтнаго, когда Іосифъ Флавій свидѣтельствуетъ о выровненіи прилегающихъ овраговъ глубокими насыпями именно при построеніи перваго храма [1] и когда стѣна, заградившая этотъ оврагъ на восточной сторонѣ, по мнѣнію самого Варрена, принадлежитъ періоду перваго храма? Стѣна сѣверо-восточнаго угла и выровненіе насыпною землею прилегающаго оврага должны были появиться въ одно и то же время. Ненатурально представлять, что узкая и глубокая впадина оврага была заграждена съ востока стѣною, если при этомъ не имѣлось въ виду засыпать оврагъ и утилизировать его для цѣлей храма. Поэтому гораздо болѣе логики у послѣдователей Варрена, К. Шика и фонъ-Альтена, которые, относя къ позднѣйшему времени насыпь сѣверо-восточнаго угла харама, къ тому же времени относятъ и стѣну этого угла. Уже изъ исторіи осады Помпея видно, что оврагъ

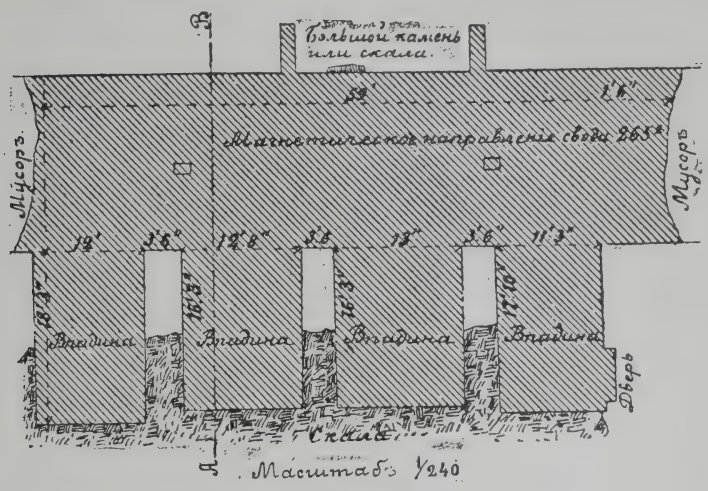
[1] И псалмопѣвецъ говоритъ, что основанія храма Соломонова лежали не на одной только горѣ, но касались нѣсколькихъ святыхъ горъ: *основанія его на горахъ святыхъ.* (Псал. 87, 1).

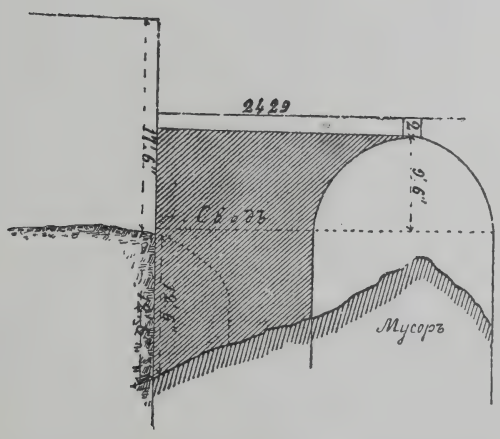
предъ сѣверною стѣною храма былъ наружнымъ оврагомъ или, точнѣе, крѣпостнымъ рвомъ и траншеею, уединявшею стѣну храма отъ прилегающей возвышенности. Спрашивается, для чего нужно было этотъ оврагъ, служившій крѣпостнымъ рвомъ, обводить новою стѣною, какою у Варрена является стѣна сѣверо-восточнаго угла, поворачивающая, по его плану, на западъ чрезъ нынѣшній Биркетъ-Исраелъ? (Весьма странно слышать такое объясненіе отъ спеціалиста военнаго дѣла, сира Ч. Варрена!) Далѣе открытый Варреномъ оврагъ подъ насыпною землею сѣверо-восточной части харама не можетъ быть Помпеевъ оврагъ еще потому, что этотъ послѣдній былъ частію натуральнымъ, частію *искусственнымъ* крѣпостнымъ рвомъ, въ данномъ же мѣстѣ искусственнаго продолженія рва не найдено [1]. Если въ сѣверо-западной части площади харама видна срѣзанная часть скалы, то это вовсе не траншея, имѣвшая цѣлію образовать искусственное продолженіе рва на западѣ. Напротивъ, снесеніе части скалы на сѣверо-западѣ потребовалось одновременно съ тѣмъ, когда на сѣверо-востокѣ оврагъ былъ заполненъ насыпною землею для образованія одного общаго уровня площади харама. Это ясно видно изъ того, что выемка въ скалистомъ сѣверо-западномъ грунтѣ сдѣлана приспособительно къ линіи внутренняго четвероугольника площади харама въ видѣ угла, надъ которымъ несрѣзанная часть скалы возвышается стѣною не только по сѣверной линіи, но и по западной, чѣмъ устраняется всякое сходство этой вырѣзки съ крѣпостнымъ рвомъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи свойствъ

[1] Самъ Варренъ говоритъ: „нѣсколько сѣвернѣе верхней платформы есть пространство 150 фут. шириною, которое можетъ считаться или естественной долиной, или искусственнымъ рвомъ; думаю, скорѣе естественной долиной, потому что искусственный ровъ имѣлъ бы прямое теченіе, параллельное которой нибудь изъ стѣнъ, чего однакожъ нѣтъ“. Recovery, 225.

грунта внутри стѣнъ харама показанія Варрена не имѣютъ особеннаго значенія и потому еще, что они дѣлаются здѣсь только по наружному наблюденію поверхности, а не на основаніи раскопокъ, которыя въ стѣнахъ площади харамъ еш-шерифъ строго запрещены турецкимъ правительствомъ. Случайно только удалось Варрену открыть при сѣверной сторонѣ платформы, окружающей мечеть Омара, у основанія лѣстницы, одно интересное подземелье, которое утвердило его въ мысли о существованіи рва Помпея вдоль сѣверной линіи верхней платформы харама; на его планѣ оно обозначено подъ № 29. Подземелье состоитъ изъ аркованнаго прохода 18 футовъ широты, идущаго съ востока на западъ и прослѣженнаго на протяженіи 70 футовъ. На южной сторонѣ этого прохода отъ него выступаютъ 4 также аркованныхъ впадины или отдѣленія отъ 11 до 13 футовъ широты и отъ 16 до 18 футовъ длины, раздѣляемыя промежуточными пространствами въ видѣ перегородокъ $3^1/_2$ футовъ толщины. Всѣ отдѣленія на южномъ концѣ упираются въ крутую скалу, на которой выше стоитъ стѣна, поддерживающая сѣверный край платформы, окружающей мечеть Омара. Перегородки между отдѣленіями въ южной части также состоятъ изъ скалы, круто обрывающейся къ сѣверу, такъ что если бы удалить насыпную землю, нынѣ образующую грунтъ площади, и дѣланные своды арокъ, которыя, всѣ безъ исключенія, сарацинскаго происхожденія, то сѣверный край платформы оказался бы отвѣсною скалою съ выдающимися изъ нея ребрами 12 футовъ высоты, $3^1/_2$ фут. толщины и 6 футовъ въ выступѣ. На сѣверной же сторонѣ подземелья, скалы не найдено, кромѣ одного пункта, гдѣ на протяженіи 5 футовъ видна не то скала, не то большой камень. Есть на сѣверной сторонѣ сложенные изъ

камня подземные проходы, оставшіеся неизслѣдованными (The Recovery of Jerusalem, 218—221). Спраши-





вается, слѣдуетъ ли изъ этого, открытаго Варреномъ, подземелья, что на сѣверъ отъ верхней платформы харама непосредственно проходитъ нынѣ засыпанный крѣпостной ровъ, защищавшій храмъ съ сѣвера, такъ называемый ровъ Помпея? Мы не думаемъ. Состоя вся изъ скалы, гора Моріа имѣетъ много подобныхъ стѣнообразныхъ уступовъ. Если бы можно было снять всю ны-

нѣшнюю накладную стѣну, выравнивающую бока верхней платформы харама, мы нашли бы такую же отвѣсную скалу и на всѣхъ другихъ ея сторонахъ. Намъ удалось видѣть въ 1886 г. подобную отвѣсную скалу на восточной сторонѣ платформы, обнаруженную раскопками, произведенными здѣсь іерусалимскимъ губернаторомъ Реуфъ-пашею. На этомъ основаніи, по примѣру Варрена, и мы могли бы предположить существованіе крѣпостнаго рва и на восточной сторонѣ платформы и со всѣхъ другихъ сторонъ. Между тѣмъ, тѣ побочные ходы, которые идутъ изъ Варренова подземелья на югъ и сѣверъ и которые, частію въ видѣ туннелей, прорѣзаны въ скалѣ, показываютъ, что это мѣсто было не границею, а скорѣе однимъ изъ центральныхъ мѣстъ древняго храма, а если границею, то только внутренняго, а не внѣшняго двора. Въ довершеніе всего, въ сѣверной части подземелья, тамъ, гдѣ Варрену казалось, что онъ стоитъ на засыпанномъ глубокомъ крѣпостномъ рвѣ, оказалась несрѣзанная натуральная „скала“. Хотя она замѣчена на протяженіи всего 5 футовъ, но этого совершенно достаточно, чтобы опровергнуть не только то, что здѣсь былъ искусственный крѣпостной ровъ, но и то, что натуральный склонъ горы отсюда въ направленіи къ сѣверо-восточному углу харама былъ такъ крутъ, какъ представляетъ Варренъ. Такимъ образомъ гораздо основательнѣе глубокій ровъ Помпея видѣть на крайней сѣверной границѣ нынѣшняго харама, гдѣ онъ открыто существуетъ до настоящаго времени въ видѣ громаднаго бассейна Биркетъ Исраелъ. Изъ исторіи другой осады храма Титомъ извѣстно, что сѣверные рвы были именно прудами. Да и независимо отъ Биркетъ Исраелъ, вся мѣстность вдоль нынѣшней улицы, идущей отъ воротъ Геѳсиманскихъ, какъ выяснилось раскопками, ока-

залась засыпанною долиною. Какъ же послѣ этого Варренъ можетъ утверждать, что для рва Помпея нѣтъ другого мѣста, кромѣ сѣверной линіи верхней платформы харама?

Между тѣмъ такое неудачное обозначеніе рва Помпея на картѣ ветхозавѣтнаго храма вовлекаетъ Варрена въ дальнѣйшія противорѣчія. По свидѣтельству Іосифа Флавія, на сѣверо-западномъ углу площади храма, на выдающемся скалистомъ пикѣ, стояла крѣпость Антонія. Этого мѣста Антоніи нельзя не узнать и въ настоящее время на сѣверо-западномъ углу нынѣшняго харамъ-есъ-шерифъ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ крѣпость Антонія могла быть на внѣшнемъ сѣверо-западномъ углу нынѣшняго харама, если границею ветхозавѣтнаго храма на сѣверѣ была сѣверная линія верхней платформы и если здѣсь проходилъ и защищавшій храмъ крѣпостной ровъ? Варренъ сначала недоумѣваетъ. „Я колеблюсь признать, говоритъ онъ, стояла ли башня Антонія на нынѣшнемъ сѣверо-западномъ углу нижней платформы харама или же на сѣверо-западномъ углу верхней платформы“. Затѣмъ рѣшаетъ дѣло безобидно: „башня Антонія была и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ. Были двѣ (?) башни Антонія, одна на сѣверо-западномъ углу харама, другая на сѣверо-западномъ углу верхней платформы, соединявшіяся между собою проходами или корридорами“ (The Recovery... 311). Вотъ это такъ открытіе! Гдѣ же какое нибудь основаніе для такого смѣлаго предположенія? „Это видно изъ того, что Титъ, уже овладѣвъ Антоніею, воздвигаетъ валы противъ стѣны храма, какъ еще невзятаго, и именно между двумя воротами, противъ какой-то новой башни, которая могла быть второю башнею Антонія“ (Bell. VI, 2, 7). На самомъ дѣлѣ, въ приведенномъ мѣстѣ Іосифа Флавія

*

выражена совершенно другая мысль: по взятіи крѣпости Антонія или того, что Варренъ называетъ первою Антоніею, входъ въ храмъ былъ уже открытъ и если легіоны римскіе стали затѣмъ строить новые валы, то не противъ наружной стѣны храма, а противъ внутренняго двора, одинъ противъ сѣверо-восточнаго угла этого двора, другой противъ сѣверной стѣны между двумя воротами, между тѣмъ какъ два другіе легіона продолжали дѣйствовать противъ незанятыхъ галлерей внѣшняго двора, гдѣ еще держались осажденные іудеи. Двое воротъ, о которыхъ Іосифъ упоминаетъ, сами по себѣ уже указываютъ стѣну внутренняго двора, потому что внѣшній дворъ имѣлъ на сѣверѣ только одни ворота. Что касается башни между двумя воротами или второй Антоніи Варрена, то Іосифъ Флавій не намекаетъ на нее ни однимъ словомъ.

Другое мѣсто изъ сочиненій Іосифа Флавія, на которое въ этомъ случаѣ ссылается Варренъ, есть Bell. V, 5, 8, гдѣ говорится, что крѣпость Антонія связана съ храмомъ, у соединенія сѣверной и западной галлерей, проходами, идущими *внизъ* къ нимъ обѣимъ. Слѣдовательно, крѣпость Антонія не была на площади храма, если нужны были особенные переходы для соединенія ея съ храмомъ. „Такъ какъ при этомъ говорится о лѣстницахъ на двухъ сторонахъ, соединявшихъ Антонію съ галлереями храма, то это показываетъ, что крѣпость Антонія лежала не только вдали отъ храма, но и отдѣлялась отъ сѣверной стѣны храма крѣпостнымъ рвомъ, чрезъ который было устроено сообщеніе по лѣстницамъ“.—Но въ приведенномъ мѣстѣ Іосифъ Флавій вовсе не говоритъ, что ступени, приводившія изъ Антоніи во храмъ, были по обѣимъ сторонамъ какого нибудь рва, что сначала проходящему нужно было спуститься

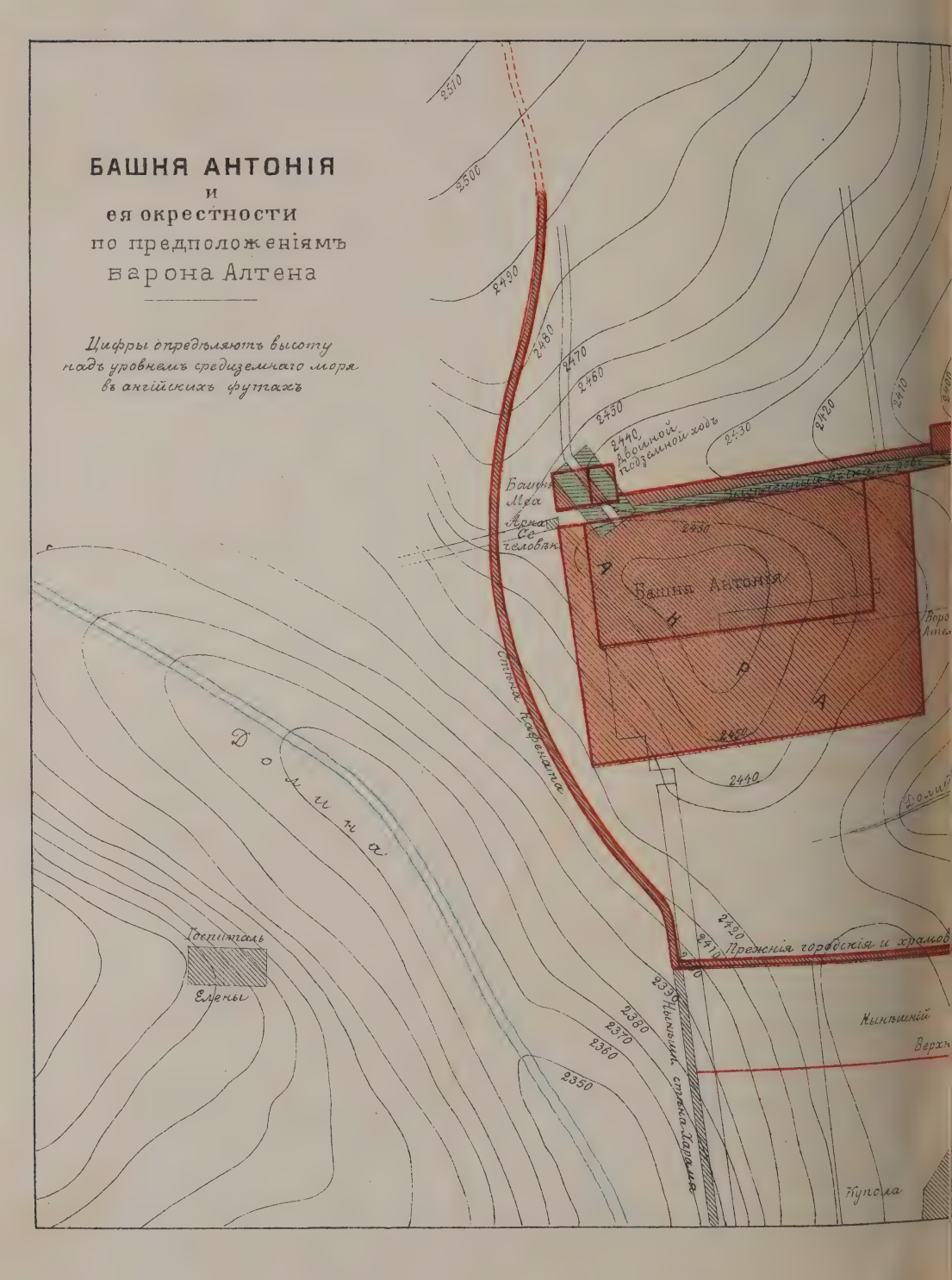
по одной лѣстницѣ, а потомъ подняться по другой на противоположную сторону рва. Напротивъ ясно говорится, что стражамъ приходилось изъ Антоніи во храмъ только сходить внизъ, т. е. что, спустившись по ступенямъ внизъ, воины были уже на площади храма. Двѣ же лѣстницы упоминаются потому, что, какъ ясно сказано въ первыхъ словахъ приведеннаго параграфа, Антонія лежала именно на самомъ углу встрѣчи сѣверной и западной галлереи внѣшняго двора, и съ высоты крѣпости отдѣльныя лѣстницы сводили въ ту и другую галлерею. Что же касается того большаго значенія, какое, по Іосифу Флавію, имѣло закрытіе проходовъ, ведшихъ изъ храма къ Антоніи, то опять-таки Варренъ напрасно думаетъ, что для объясненія его необходимо представлять Антонію отдѣленною отъ храма рвомъ. При высокомъ башнеобразномъ устройствѣ Антоніи и при существованіи только двухъ лѣстницъ изъ Антоніи къ храму, можетъ быть очень узкихъ, достаточно было завалить камнями эти лѣстницы, чтобы владѣющій Антоніею гарнизонъ не могъ проникнуть во храмъ, какъ и въ настоящее время, для изолированія площади харама отъ стоящихъ на мѣстѣ древней Антоніи казармъ, достаточно закрыть прилегающія ворота.

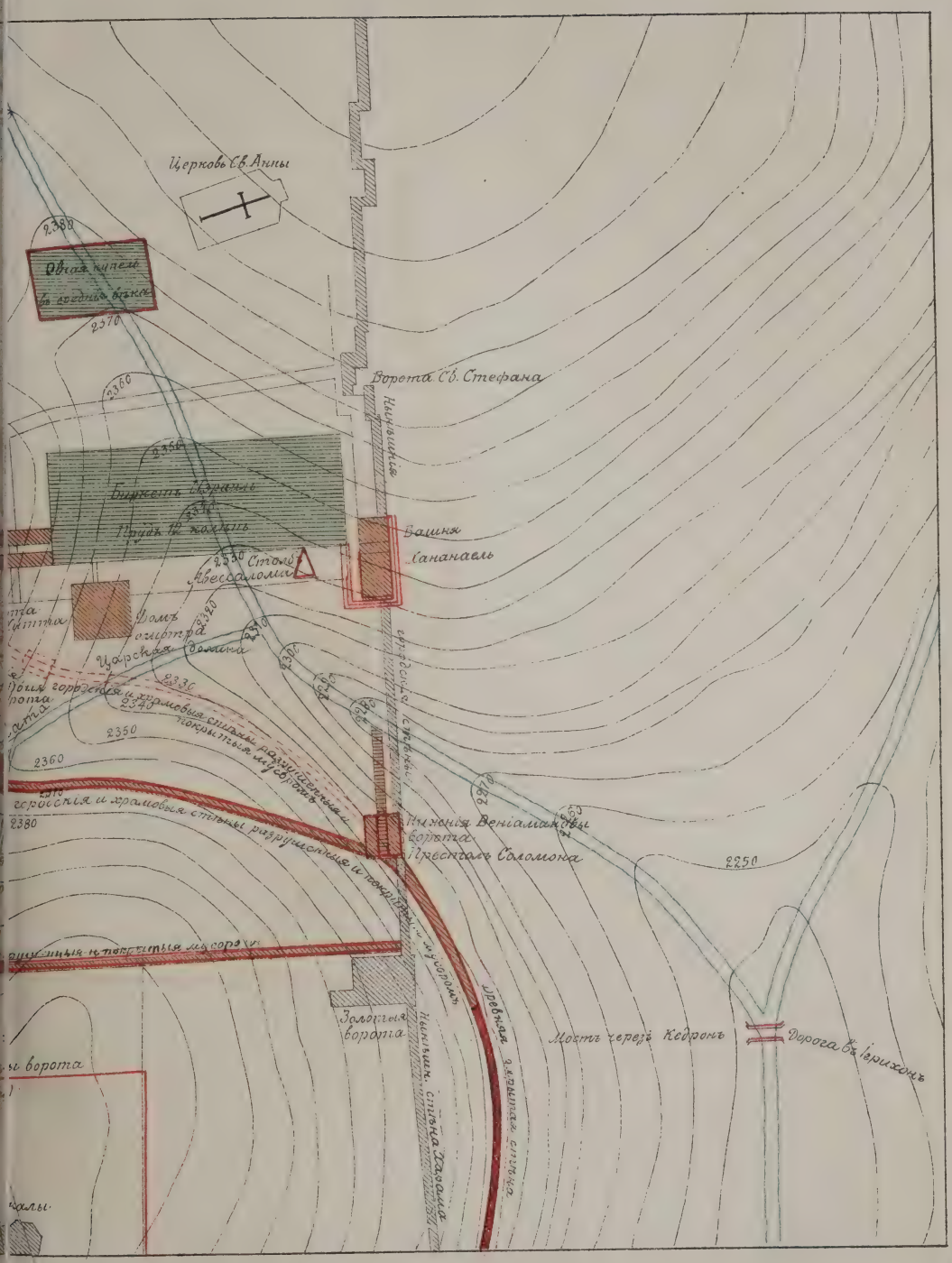
Гораздо болѣе интересную картину сѣверной части площади харамъ еш-шерифъ въ ея древнѣйшій періодъ представляютъ дальнѣйшіе послѣдователи Варрена, баронъ фонъ-Альтенъ (Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, 1878, 61—100) и К. Шикъ (планъ 1883 года и модель іерусалимскаго храма), мнѣніе которыхъ по данному вопросу считается послѣднимъ словомъ науки. По мнѣнію фонъ-Альтена, ущелье, врѣзывавшееся нѣкогда въ сѣверную часть харама сѣвернѣе золотыхъ воротъ, нынѣ засыпанное и открытое Варреномъ, но-

сило названіе *царской* долины (2 Сам. 18, 18), а также ущелья или потока *Кафената* (1 Макк. 12, 37). Свое послѣднее имя ущелье получило отъ бывшаго здѣсь памятника Авессалома, который, по своему пирамидальному виду, назывался *рука Авессалома* (2 Сам. 18, 18; Jos. Fl., Antiqu. VII, 10, 3) или точнѣе Кафената, т. е. gebrochene Hand. Со времени построенія храма это мѣсто является *ущельемъ овецъ* или тою дорогою, которою приводили жертвенныхъ овецъ къ храму, такъ какъ оно благопріятствовало этому назначенію своими постепенно и правильно возвышавшимися уступами и такъ какъ съ древнѣйшаго времени бывшій здѣсь прудъ, болѣе древній чѣмъ нынѣшній Биркетъ Исраелъ, былъ удобнымъ мѣстомъ для омовеній, обязательныхъ при всякомъ приношеніи въ жертву животныхъ. Отсюда и названіе этого пруда, сохранившееся у Іосифа Флавія, στρθίον, что значитъ: *мыльная вода для очищенія шерсти* (?). Далѣе, такъ какъ, кромѣ внѣшней чистоты, приносимое въ жертву животное должно было отличаться извѣстными свойствами тѣлесной безпорочности, указанными въ положительномъ предписаніи закона и такъ какъ за соблюденіемъ этихъ правилъ должны были имѣть надзоръ священники, то здѣсь же, въ ущельи Кафената, вблизи пруда, было особое „зданіе осмотра овецъ“. Это зданіе и есть то подземелье, которое открыто Варреномъ у воротъ Бабъ-Хитта. Подземелье имѣетъ 63 фута длины съ сѣвера на югъ и 57 футовъ ширины съ востока на западъ, и отстоитъ своею сѣверною стороною отъ нынѣшней южной стороны Биркетъ-Исраелъ на 23 фута. Внутренность подземелья состоитъ изъ 9 прямоугольныхъ отдѣленій, образованныхъ четырьмя крестовидно перекрещивающимися перегородками. Надъ перегородками возвышаются арки различнаго вида. Арки,

соединяющія перегородки между собою и соединяющія перегородки съ сѣверною стѣною подземелья, высоки и заострены, а арки, соединяющія перегородки съ южною стѣною, болѣе круглы и низки. Арки ничего не держатъ на себѣ и, повидимому, имѣютъ назначеніемъ только придавать прочность перегородкамъ и противостоять боковому давленію насыпной земли, въ которую погружено подземелье. Цѣлое этого сооруженія покрыто заостренными сводами, перекрещивающимися надъ отдѣленіями и ихъ арками. Начало реберъ свода отъ пола постройки лежитъ на 14 футовъ, а вся высота подземелья до верхушки сводовъ—28 футовъ. Въ южной стѣнѣ подземелья есть лѣстница, нѣкогда выводившая на уровень нынѣшняго харама, а у ступеней лѣстницы ходъ, ведущій въ прудъ № 17. Въ сѣверной стѣнѣ подземелья виднѣется отверстіе 2 футовъ высоты и 1 фута широты, вводящее сюда свѣтъ. И въ южной стѣнѣ пруда Биркетъ Исраелъ, на томъ же уровнѣ, есть соотвѣтственное отверстіе, нынѣ закрытое рѣшеткою 2 квадр. фут., несомнѣнно сообщающееся съ отверстіемъ описаннаго подземелья, но, неизвѣстно, прямо ли, чрезъ толщу стѣны, или чрезъ новую посредствующую камеру. „Былъ ли это прудъ“? спрашиваетъ себя Варренъ, и отвѣчаетъ: „не думаю, потому что описанные своды не похожи на своды другихъ іерусалимскихъ прудовъ. Если бы это подземелье имѣло назначеніемъ поддерживать только уровень харама на нынѣшней высотѣ, тогда къ югу и востоку отъ него были бы продолженія такихъ же подземелій, а между тѣмъ признаковъ такихъ продолженій не видно (Recovery of Jerusalem, 210—211). Это загадочное подземелье, произведшее на Варрена впечатлѣніе Кордовскаго собора (древней мечети), на планѣ фонъ-Альтена

признается „домомъ осмотра жертвенныхъ овецъ“, а на планѣ и модели К. Шика „древнимъ ханомъ“ для приходившихъ къ храму поклонниковъ. На пути отъ дома осмотра овецъ къ сѣверной стѣнѣ храма, какъ разъ на срединѣ между ними, фонъ-Альтенъ ставитъ такъ называемыя Овчія ворота и городскую стѣну, такъ называемую вторую, прорѣзывавшую ущелье Кафената въ направленіи на западъ отъ нынѣшняго пункта Тахтъ-Сулейманъ, а потомъ на сѣверъ. Для защиты же той части ущелья, которая оставалась внѣ стѣны съ прудомъ и домомъ осмотра овецъ, была построена здѣсь, на самомъ нынѣшнемъ сѣверо-восточномъ углу, отдѣльная башня съ именемъ Хананелъ. Кто шелъ въ храмъ безъ овцы, или имѣлъ дѣло къ царю, тотъ, вмѣсто того, чтобы направляться по дну ущелья на сѣверъ, противъ башни Хананелъ, поворачивалъ на югъ, по лѣстницѣ, упоминаемой Неем. 3, 31 къ мѣсту, гдѣ было царское судебное сѣдалище и гдѣ нынѣ такъ называемый тронъ Соломона. Описанная картина нынѣшняго сѣверо-восточнаго угла измѣнилась прежде всего при Маккавеяхъ, когда часть этого ущелья засыпали, чтобы соединить городъ съ храмомъ (Bell. V, 4, 1); потомъ это ущелье засыпалъ Помпей при осадѣ храма (Bell. I, 7, 1; Ant. XIV, 4, 2). Такія предшествовавшія работы по засыпкѣ ущелья впослѣдствіи навели Ирода Великаго на мысль включить это мѣсто, до самой нынѣшней границы на сѣверѣ, въ составъ дворовъ храма. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Овчая купель, Овчій домъ и Овчія ворота были перенесены Иродомъ на западную сторону храма. Для укрѣпленія новой сѣверной границы святилища былъ сдѣланъ Иродомъ нынѣшній большой прудъ Биркетъ-Исраелъ, а прежній прудъ омовенія овецъ или мыльной воды, στρεθίον, ле-


БАШНЯ АНТОНІЯ
и
ея окрестности
по предположеніямъ
барона Алтена
Цифры опредѣляютъ высоту
надъ уровнемъ средиземнаго моря
въ англійскихъ футахъ
2510
2500
2490
2480
2470
2460
2450
2440
2430
2420
2410
2400
2390
2380
2370
2360
2350
Двойной подземный ходъ
Башня Меа
Арка Ессе homo
Башня Антонія
Прежнія городскія и храмовыя стѣны
Открытое пространство
Долина
Госпиталь
Елены
Кидронскій ручей
Кидронскій ручей
Купола


Церковь Св. Анны
Овчая купель
Ворота Св. Стефана
Нижняя
Бассейнъ Израиля
Рубежъ на холмѣ
Башня
Гананаель
Столпъ Авесаломовъ
Домъ Агриппа
Царская Вышка
Домъ горожанъ и храмовыя стѣны разрушенныя и покрытыя мусоромъ
Нижняя Веніаминовы ворота
Престолъ Соломона
Золотыя ворота
Нижняя стѣна Офеля
Древняя городская стѣна
Мостъ черезъ Кедронъ
Дорога въ Іерихонъ
2250
2260
2270
2280
2290
2300
2310
2320
2330
2340
2350
2360
2370
2380

жавшій нѣсколько западнѣе пруда Биркетъ Исраелъ, былъ расширенъ и приспособленъ къ защитѣ восточной стороны крѣпости Антоніи (Bell. V, 11, 4).

Не смотря на то, что приведенными разъясненіями, повидимому, вносится большой свѣтъ въ исторію сѣверной части харама, тѣмъ не менѣе и они должны пасть предъ болѣе строгою критикою.

1. На планѣ барона фонъ-Альтена и К. Шика показаны четыре сѣверныхъ стѣны храма и города: одна стѣна вдоль сѣверной линіи верхней платформы харама (по Варрену); другая стѣна въ направленіи отъ нижнихъ воротъ Веніамина или темничныхъ (нынѣ Тахтъ-Сулейманъ) сперва на западъ до пункта приходящагося на линіи мечети Омара, а потомъ на сѣверъ до крѣпости Антонія или соединенныхъ съ нею укрѣпленій; третья стѣна (только на планѣ Альтена) между тѣми же двумя крайними пунктами, но въ болѣе прямомъ направленіи; наконецъ четвертая Иродова стѣна или нынѣшній сѣверо-восточный уголъ харама. Но, спрашивается, откуда Альтенъ и Шикъ знаютъ о существованіи этихъ среднихъ двухъ стѣнъ, когда слѣдовъ ихъ нѣтъ на нынѣшней поверхности харама и когда никакихъ раскопокъ здѣсь, въ стѣнахъ харама, не было произведено? На мое замѣчаніе объ этомъ К. Шикъ отвѣчалъ, что на востокъ, предъ золотыми воротами, раскопками Варрена обнаружена большая древне-еврейская стѣна, не параллельная стѣнѣ харама, но идущая подъ такимъ угломъ, что если бы ее продолжить чрезъ стѣну харама на западъ, то она прошла бы по той линіи, по которой онъ, Шикъ, проводитъ свою среднюю стѣну съ Овчими воротами на планѣ. Но случайная часть стѣны, открытая внѣ харама и его мола, не даетъ никакого права гадать о расположеніи стѣны внутри

площади харама, тѣмъ болѣе, что эта часть стѣны, по всему вѣроятію, не была стѣною въ строгомъ смыслѣ, а служила только для выровненія террасы горы предъ моломъ храма. Еще болѣе несообразно предполагать здѣсь съ Альтеномъ двѣ посредствующихъ стѣны, проходившихъ между верхнею платформою харама и его нынѣшнею сѣверною стѣною. Безспорною остается только четвертая стѣна, которую Альтенъ и Шикъ приписываютъ Ироду Великому; но это и есть нынѣшняя стѣна.

2. Не смотря на такое множество сѣверныхъ стѣнъ, нынѣшній сѣверо-восточный уголъ харама у Альтена и Шика остается всетаки открытымъ и неогражденнымъ до времени Ирода, при всемъ весьма важномъ значеніи, которое они ему придаютъ и которое, по словамъ Альтена, возвышало сѣверо-восточный уголъ на степень святости непосредственнаго двора храма. Изъ соображеній Альтена можно вывести заключеніе, что нынѣшній сѣверо-восточный уголъ нарочито былъ оставляемъ безъ ограды для удобства доставленія этимъ путемъ жертвенныхъ овецъ. Но именно для этого удобства необходимо было покрѣпче оградить такое мѣсто, какъ мѣсто содержанія и испытанія жертвъ. У Іосифа Флавія есть свидѣтельство, что жертвенныя животныя насильственно могли отниматься хищниками въ виду самаго храма (ср. 1 Макк. 14, 36). Тѣмъ болѣе жертвенныя животныя могли похищаться тѣми же хищниками въ „домѣ осмотра овецъ“, гдѣ ихъ собиралось громадное число, если бы этотъ домъ, равно какъ и купель омовенія овецъ, были открытыми мѣстами. Это чувствуетъ и самъ Альтенъ, который, устранивъ существующую нынѣ стѣну, заграждающую сѣверо-восточный уголъ, считаетъ нужнымъ, однакожъ, для защиты такого важнаго пункта, поставить здѣсь отдѣльную постройку

подъ именемъ башни Хананелъ. Но гораздо логичнѣе было бы, вмѣсто несуществующей башни, признать существующую донынѣ стѣну сѣверо-восточнаго угла, глубокой древности которой не отрицалъ даже Варренъ, хотя онъ не придавалъ никакого значенія огражденному этою стѣною внутреннему пространству.

3. Такъ называемый у Альтена домъ осмотра овецъ, а у Шика древнее стойло или ханъ, т. е. подземелье, открытое Варреномъ у воротъ бабъ-Хитта, не могло явиться прежде заполненія насыпною землею нынѣшней сѣверной и сѣверо-восточной части харама. Оно предназначалось въ самомъ началѣ быть сокрытымъ въ насыпи, какъ это показываетъ вся его отдѣлка, а особенно его лѣстница, выводящая на нынѣшній уровень харама. Такъ какъ дно этого подземелья, по крайней мѣрѣ, футовъ на 50 не достигаетъ первоначальнаго грунта долины и такъ какъ какой-нибудь насыпи въ древнее время Альтенъ и Шикъ здѣсь не предполагаютъ, то на ихъ планѣ „домъ овецъ“ виситъ на воздухѣ.

4. Не менѣе неосновательны дальнѣйшія подробности въ развитіи гипотезы фонъ-Альтена. Напримѣръ, его предположеніе, что выровненіе сѣвернаго оврага Кафената посредствомъ насыпи было сдѣлано Помпеемъ, при осадѣ храма. Іосифъ Флавій не подтверждаетъ такого мнѣнія; по его свидѣтельству часть оврага была завалена дѣйствительно Помпеемъ, но только временно и притомъ не землею, а деревомъ (Ant. XIV, 9, 1). Особенно странно названіе, которое Альтенъ даетъ разсматриваемому оврагу. Имя Кафената, упоминаемое въ кн. Макк., означаетъ то же самое, что γαβενάθα גבנית׳א, т. е. долину сырныхъ продавцевъ или тиропеонъ, какъ это основательно доказано Гретцемъ (Monatschrift, 1876,

153). Слѣдовательно, Кафената лежала западнѣе разсматриваемаго ущелья. Что же касается памятника Авессалома, то преданіе указываетъ его въ другомъ мѣстѣ. Если бы памятникъ Авессалома, послужившій для него гробницею, былъ дѣйствительно въ ущельѣ сѣверо-восточнаго угла харама, тогда этотъ уголъ никогда, даже при Иродѣ, не вошелъ бы въ область ветхозавѣтнаго храма, какъ оскверненный (Antiqu. XVIII, 2, 3).

Еще смѣлѣе представленія фонъ-Альтена и К. Шика о сѣверо-западномъ углѣ харама. Такъ какъ, по характеру грунта, этотъ уголъ совершенно отличался отъ сѣверо-восточнаго и былъ уже не ущельемъ, а напротивъ — выдающимся пикомъ горы, по высотѣ превосходившимъ даже центральное возвышеніе горы Моріа, то и его древнюю исторію ставятъ иначе, чѣмъ исторію сѣверо-восточнаго угла. Нужно прибавить, что въ этомъ пунктѣ Альтенъ и Шикъ не представляютъ чего либо совершенно новаго, но примыкаютъ къ предшествовавшимъ изслѣдователямъ Труппу, Льювину и друг.

По мнѣнію Труппа (Ancient Jerusalem, 1855, 54 и дал.), въ нынѣшней сѣверо-западной части харама лежала такъ называемая Акра сирійцевъ, такъ что *второй* изъ холмовъ древняго Іерусалима или холмъ Акра есть одно и то же, что и холмъ Моріа. На нынѣшней верхней платформѣ, на самой священной скалѣ мечети Омара, лежала Варисъ-Антонія, а храмъ занималъ нынѣшній юго-западный уголъ, какъ утверждаютъ еще Фергюссонъ и Льювинъ. Что же касается того холма, который у Іосифа Флавія (Bell. V, 4, 1) называется *третьимъ* и который обыкновенно называютъ холмомъ храма или горою Моріа, то, по мнѣнію Труппа, онъ не принадлежалъ къ территоріи храма, но только примы-

калъ къ площади нынѣшняго харама съ сѣвера, между тѣмъ какъ *четвертый* холмъ или Везеѳа лежалъ еще далѣе на сѣверъ, за стѣнами нынѣшняго города. То срытіе холма Акры или нынѣшняго сѣверо-западнаго угла харама, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій (Bell. V, 4, 1), по мнѣнію Труппа, было сдѣлано съ цѣлію засыпать долину, проходившую по сѣверной линіи нынѣшняго харама, и установить связь горы храма съ лежащими далѣе на сѣверъ холмами и открыть видъ на храмъ для жителей этихъ сѣверныхъ холмовъ, о чемъ якобы и говоритъ Іосифъ Флавій (Bell. V, 4, 1).

Мы, съ своей стороны, не думаемъ, чтобы на сѣверо-западномъ углу харама могла быть Акра сирійцевъ и тѣмъ болѣе, чтобы срытіе ея нужно было въ интересахъ жителей сѣверныхъ холмовъ. Въ то время, когда происходило срытіе сирійской крѣпости (если только оно происходило когда нибудь), на сѣверѣ храма не было еще такой значительной части города, чтобы ее нужно было соединять съ горою храма и чтобы для жителей ея нужно было открывать видъ на храмъ срытіемъ промежуточнаго возвышенія. О болѣе позднемъ времени Помпея Іосифъ Флавій (Antiqu. XIV, 4, 2) свидѣтельствуетъ, что когда мостъ, соединявшій храмъ съ западною частію Іерусалима, былъ разрушенъ, то гора храма оказалась отрѣзанною отъ города со всѣхъ сторонъ. Слѣдовательно, и въ то время не было на сѣверѣ храма части города, тѣсно соединенной съ горою храма. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы вся гора храма, Моріа, была тѣмъ вторымъ холмомъ Іерусалима, который у Іосифа называется Акрою (Bell. V, 4, 1). Хотя въ данномъ мѣстѣ Іосифъ Флавій не говоритъ прямо, что храмъ лежалъ не на второмъ, а на третьемъ холмѣ, но это ясно слѣдуетъ изъ всего смысла

его описанія Іерусалима. Когда Іосифъ говоритъ, что между холмомъ храма и холмомъ Акра была долина, которую засыпали въ видахъ тѣснѣйшаго соединенія храма и города, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ говоритъ о двухъ различныхъ холмахъ, а не объ одномъ и томъ же? Когда Іосифъ говоритъ, что холмъ Акра былъ срытъ, такъ какъ онъ заслонялъ собою видъ на храмъ, то этимъ не ясно ли дается знать, что дѣло идетъ о другомъ сосѣднемъ холмѣ съ именемъ Акры, а не о холмѣ храма? По свидѣтельству Іосифа (Antiqu. XIII, 6, 7), холмъ Акра, по его срытіи, сталъ ниже площади храма. Этимъ свидѣтельствомъ устраняется всякая возможность предполагать крѣпость Акру на сѣверозападномъ углу харама, который до настоящаго времени значительно возвышается даже выше верхней платформы харама. Смѣшавъ такимъ образомъ холмъ Акра съ холмомъ храма или же Іосифовъ второй холмъ съ третьимъ, Труппъ, взамѣнъ вычеркнутаго имъ холма, создаетъ свой новый холмъ, третій, отличный отъ горы храма и Акры, лежавшій якобы непосредственно при сѣверной стѣнѣ харама. Четвертый же холмъ или Везеѳа, по Труппу, лежалъ еще далѣе на сѣверъ, за третьимъ холмомъ. Но это — полное извращеніе описанія Іосифа Флавія, который въ непосредственное соприкосновеніе съ холмомъ храма на сѣверѣ ставитъ именно Везеѳу, или свой четвертый холмъ, а не третій (Bell. V, 4, 2; V, 5, 8).

Льювинъ (The Siege of Jerusalem by Titus, 1866, 199, 366 и др.) исправляетъ Труппа тѣмъ, что раздѣляетъ смѣшанныя у него понятія холма Акра и холма храма, признавая, что это именно и были второй и третій холмъ Іосифа, и что новаго третьяго холма, отличнаго и отъ Акры и отъ Моріа, искать не нужно. Но

и Льювинъ продолжаетъ стоять на томъ, что, будучи различными понятіями въ описаніи Іосифа Флавія, эти два холма на планѣ Іерусалима суть одно и то же, что имя холма Акра обнимаетъ собою весь восточный кряжъ, сѣверная часть котораго отошла къ Акрѣ сирійской (сѣверо-западный уголъ), а южная—къ храму, занимавшему своими дворами пространство 600 футовъ длины и ширины на самомъ юго-западномъ углу нынѣшняго харама. Долина же, засыпанная Маккавеями, по Войнѣ Іуд. V, 4, 1, есть и нынѣ замѣтная долина, идущая отъ Яфскихъ воротъ къ востоку, вдоль улицы Давида". Какая путаница въ деталяхъ плана! Холмъ Акра (второй) и холмъ храма (третій), поставленные у Іосифа одинъ *противъ* другого, у Льювина накладываются одинъ *на* другой и всетаки какъ-то остаются двумя холмами; долина же, раздѣлявшая ихъ между собою по Іосифу, указывается совершенно въ сторонѣ безъ всякаго отношенія къ нимъ обоимъ. Въ доказательство положенія Акры на нынѣшнемъ сѣверо-западномъ углу харама Льювинъ (54) приводитъ даже то, что у Іосифа переходъ изъ Акры во храмъ называется схожденіемъ внизъ, что якобы соотвѣтствуетъ возвышенному уровню скалы даннаго угла. Но въ томъ-то и дѣло, что Акра, гдѣ бы она ни была, была дѣйствительно выше храма до ея срытія, такъ что перейти изъ Акры во храмъ значило спуститься внизъ, по срытіи же ея холма получились обратныя отношенія (Antiqu. XIII, 6, 7). Такимъ образомъ нынѣшняя возвышенность сѣверо-западнаго угла опровергаетъ, а не подтверждаетъ Льювина.

Если Труппъ и Льювинъ всетаки раздѣляли еще крѣпость Акру, лежавшую якобы на сѣверо-западномъ углу харама, и Варисъ-Антонію, пріурочиваемую ими къ верхней платформѣ харама, то другіе изслѣдователи

(Крафтъ, Розенъ, Циммерманъ) и срытую Маккавеями Акру и Варисъ-Антонію соединяютъ съ однимъ и тѣмъ же сѣверо-западнымъ угломъ харама. Баронъ фонъ-Альтенъ послѣдовательно соединяетъ съ этимъ угломъ Акру Евусеевъ, крѣпость Давида, сирійскую Акру, срытую Маккавеями, и Варисъ-Антонію. Сирійскую Акру и Антонію соединяетъ здѣсь и К. Шикъ на своей знаменитой модели ветхозавѣтнаго храма и самое срытіе холма Акры демонстрируетъ предъ своими посѣтителями вмѣстѣ съ другими фазами историческихъ измѣненій площади храма. Послѣдніе два изслѣдователя, Альтенъ и Шикъ, для своего не новаго взгляда находятъ новое основаніе въ томъ, что раскопками Варрена въ сѣверной части площади харама обнаружена неизвѣстная Труппу и Льювину долина, въ которой они поспѣшили признать долину, отдѣлявшую храмъ отъ холма Акры и засыпанную Маккавеями. Но открытая Варреномъ долина относится только къ сѣверо-восточному углу харама. Сѣверо-западный же уголъ не отдѣлялся какою либо долиною отъ возвышенности храма; напротивъ, эта послѣдняя представляла естественное продолженіе хребта, идущаго съ сѣверо-запада. Замѣчательно, что самъ Варренъ съ сѣверо-западнымъ угломъ харама соединяетъ только Иродову крѣпость Антонію, Варисъ же помѣщаетъ при верхней платформѣ харама, а Акру, вмѣстѣ съ Сіономъ, ищетъ въ томъ направленіи, въ которомъ К. Шикъ нашелъ въ Іерусалимѣ „престолъ зарѣчныхъ областеначальниковъ“ (Православный Палестинскій Сборникъ, 1884, вып. 7-й, стр. 42 и дал.).

Посмотримъ теперь, на какихъ основаніяхъ отрываютъ отъ территоріи Соломонова храма южную часть

нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ. И здѣсь опять раздѣляется вопросъ объ углахъ юго-западномъ и юго-восточномъ. Самъ Ч. Варренъ, создавшій своими раскопками новую эпоху въ изученіи области храма, готовъ еще видѣть въ юго-восточномъ углу харама сооруженіе Соломона, хотя онъ и не признаетъ его связи съ территоріею перваго храма. Всею тяжестію своей критики Варренъ обрушивается на юго-западный уголъ, и кончаетъ тѣмъ, что, какъ мы сказали выше, образуетъ здѣсь пустопорожное мѣсто 300 футовъ длины и ширины, заполненное первый разъ только Иродомъ Великимъ. Вотъ, по мнѣнію Варрена, ясныя доказательства разновременнаго происхожденія угловъ юго-восточнаго и юго-западнаго (The Recovery of Jerusalem, 118—130):

1. Въ настоящее время поверхность прилегающей почвы вдоль южной стѣны храмового мола, начиная отъ юго-западнаго угла до тройныхъ воротъ, имѣетъ почти одинаковый уровень (2380 футовъ надъ моремъ), и только на юго-восточномъ углу она понижается на 22 фута. Другой видъ представляла эта мѣстность во дни Соломона. Скала горы, естественный грунтъ древняго времени, найдена непосредственно у основанія порога тройныхъ воротъ; слѣдовательно въ этомъ пунктѣ уровень мѣстности не измѣнился. Но отсюда въ направленіи къ юго-восточному углу харама подспудный уровень скалы круто понижается, на 100 футовъ глубины. Въ направленіи же къ юго-западному углу харама подспудная скала, начиная отъ тройныхъ воротъ, понижается слабѣе: у двойныхъ воротъ, порогъ которыхъ лежитъ на одномъ уровнѣ съ порогомъ тройныхъ воротъ, скала найдена на глубинѣ 30 футовъ подъ нынѣшнимъ грунтомъ; далѣе пониженіе идетъ быстрѣе, такъ что, не доходя 90 футовъ до юго-западнаго угла,

скала была встрѣчена на глубинѣ 90 футовъ ниже уровня порога тройныхъ воротъ. Въ этомъ именно пунктѣ и было первоначальное русло долины Тиропеонъ, естественной западной границы храма, соотвѣтствовавшей Кедрскому потоку на востокѣ. Слѣдуя отъ этого пункта далѣе, до юго-западнаго угла, Варренъ, въ своихъ раскопкахъ, встрѣтилъ уже не понижающуюся скалу, но повышающуюся на 30 футовъ выше; на самомъ юго-западномъ углу уровень скалы только на 60 футовъ ниже ея уровня у порога тройныхъ воротъ. Такимъ образомъ выходитъ, что молъ, окружающій гору Моріа, переступаетъ здѣсь свои натуральныя границы и захватываетъ часть другого холма, не имѣвшаго отношенія къ холму храма. Такъ какъ прилегающая долина Тиропеонъ обильна водою, то такое перенесеніе границы храма на противоположный склонъ другого холма мѣшало водостоку. И, дѣйствительно, раскопками обнаружено, что, при постройкѣ юго-западнаго угла, былъ прерванъ вырубленный въ скалѣ водопроводъ и разрѣзана надвое древняя цистерна. Но такая часть стѣны, переступающая границы горы Моріа и пересѣкающая систему древнихъ водопроводовъ, не можетъ принадлежать древнѣйшему времени перваго храма.

2. Ряды древнееврейскихъ выпусковыхъ камней южной стѣны имѣютъ высоты отъ 3 футовъ 6 дюймовъ до 3 футовъ 9 дюймовъ. Но между ними здѣсь есть одинъ рядъ камней, почти вдвое превосходящій остальные и имѣющій 6 футовъ 1 дюймъ высоты. Рядъ этотъ вполнѣ сохранился между двойными и тройными воротами; но онъ можетъ быть прослѣженъ и далѣе на востокъ до юго-восточнаго угла, гдѣ онъ поворачиваетъ на сѣверъ и тамъ еще сохраняется на протяженіи 24 футовъ. Основаніе этого ряда на одинъ футъ выше

самаго высокаго пункта скалы въ линіи мола; пороги двойныхъ, тройныхъ и золотыхъ воротъ равны основанію этого ряда. Слѣдовательно, это былъ первый рядъ южной стѣны, такой, который могъ идти не прерываясь отъ юго-восточнаго угла до юго-западнаго. Между тѣмъ, начиная отъ двойныхъ воротъ на западъ слѣдовъ этого характернаго ряда камней не встрѣчаемъ. Отсюда слѣдуетъ, что стѣна юго-западнаго угла другой постройки, чѣмъ стѣна юго-восточнаго угла, начиная отъ двойныхъ воротъ.

3. На юго-восточномъ углу древнееврейскіе выпусковые камни почти одинаково хорошо отдѣланы до самой скалы. Между тѣмъ на юго-западномъ углу, и на протяженіи по крайней мѣрѣ 213 футовъ на востокъ отъ него, камни также хорошо отдѣланы только до извѣстнаго уровня; самые же нижніе ряды камней имѣютъ боковые выпуски такъ же чисто отдѣланные, какъ и въ верхнихъ рядахъ, но среднее поле ихъ шереховато. Такіе же шереховатые камни найдены въ нижнихъ рядахъ на сѣверъ отъ юго-западнаго угла до воротъ пророка (Могарби). Такимъ образомъ вся часть стѣны на западъ отъ двойныхъ воротъ до юго-западнаго угла и затѣмъ далѣе на сѣверъ до воротъ Могарби была построена въ то время, когда долина Тиропеонъ уже значительно наполнилась наносною землею. Уровень шереховатыхъ камней опредѣляетъ уровень наносной земли при постройкѣ; они потому и не отдѣлывались чисто, что должны были погружаться въ землю и не быть на виду. На уровнѣ шереховатыхъ камней найдена мостовая, очень хорошо сдѣланная изъ каменныхъ квадратовъ; это—первая мостовая, явившаяся здѣсь по построеніи юго-западнаго угла.

По поводу этой аргументаціи Варрена нужно прежде

всего замѣтить, что она представляетъ собою усиленную оппозицію предшествовавшимъ англійскимъ изслѣдователямъ, Фергюссону и Льюбину, придававшимъ юго-западному углу харама исключительное значеніе и ограничивавшимъ именно этимъ пунктомъ территорію ветхозавѣтнаго храма [1]. Чтобы до основанія разрушить то, что создано въ этомъ пунктѣ его предшественниками, Варренъ выбираетъ противоположную крайность, доказывая, что не только весь храмъ Соломоновъ не могъ сосредоточиваться въ юго-западномъ углу харама, но и самаго этого угла вовсе не было.

Въ частности указаніе Варрена на то, что нынѣшній юго-западный уголъ харама переступаетъ первоначальное ложе долины Тиропеонъ и разрушаетъ систему бывшаго здѣсь водопровода, приведетъ насъ къ другимъ заключеніямъ, если мы примемъ въ соображеніе всѣ обнаруженныя раскопками подробности. Дѣло въ томъ, что не весь указанный водопроводъ разрушается стѣною юго-западнаго угла. Напротивъ, древнее главное русло водопровода, вырубленное въ скалѣ, идетъ почти параллельно стѣнѣ харама и, дойдя до нынѣшняго юго-западнаго угла, огибаетъ его и идетъ далѣе на югъ безъ перерыва и не касаясь стѣны. Только боковая вѣтвь, отдѣляющаяся отъ него на востокъ, противъ южнаго конца арки Робинсона, повидимому, прерывается стѣною харама. Мы говоримъ *повидимому*, потому что Варренъ не прослѣдилъ этой вѣтви въ ея встрѣчѣ съ стѣною харама, и только по соображенію доказываетъ, что вѣтвь шла и по ту сторону стѣны, и разрушается

[1] По Фергюссону храмъ Ирода занималъ квадратъ 600 футовъ на самомъ юго-западномъ углу харама, такъ что его сѣверная граница проходила по южной чертѣ нынѣшней верхней платформы, а восточная по линіи западнаго конца такъ называемыхъ конюшенъ Соломона (The Temples of the Jews, 1878).

стѣною. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Но еще вопросъ: стѣна ли здѣсь перерѣзала каналъ или, наоборотъ, каналъ упирался въ стѣну, стоявшую на мѣстѣ прежде проведенія канала? Почему нельзя думать, что вѣтвь тиропеонскаго канала, конечно приносившая первоначально не грязь, какъ нынѣ, а чистую воду сѣверныхъ ключей, была нарочито подведена подъ юго-западный уголъ, можетъ быть царемъ Езекіею, какъ думаютъ Эберсъ и Гуте (Palästina im Bild und Wort, 1886, стр. 44), чтобы снабжать водою бывшую здѣсь на углу храмовую башню, подобно тому какъ такіе каналы введены въ область харама въ другихъ мѣстахъ, на сѣверѣ и западѣ? Это предположеніе получаетъ большую вѣроятность отъ того, что вѣтвь канала слишкомъ правильнымъ перпендикуляромъ подходитъ къ стѣнѣ. Но такъ какъ невозможно, чтобы строители стѣны сообразовались съ направленіемъ канала, то, очевидно, строители этого послѣдняго сообразовались съ стѣною, которая въ то время должна была уже стоять на мѣстѣ. Главнымъ же образомъ здѣсь нужно обращать вниманіе не столько на вѣтвь канала, сколько на его главное русло. Мы уже сказали, что главное русло канала направляется почти параллельно нынѣшней стѣнѣ харама въ этомъ пунктѣ, и только, дойдя до угла стѣны, обходитъ его. Не показываетъ ли это наглядно, что строители канала имѣли предъ собою стѣну юго-западнаго угла уже готовою? Мы можемъ сказать гораздо болѣе. Каналъ въ этомъ пунктѣ совершенно немыслимъ прежде построенія юго-западнаго угла, потому что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы проведенъ не здѣсь, на подъемѣ горы, а восточнѣе, по первоначальному руслу Тиропеона. Если же каналъ, очевидно принадлежащій долинѣ Тиропеонъ, находили нужнымъ строить не по

теченію долины, а съ поднятіемъ его на прилегающій контрфорсъ горы, то это можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что русло долины въ то время было уже заграждено стѣною юго-западнаго угла харама [1].

Посмотримъ на другіе пункты аргументаціи Варрена. Варренъ ссылается на то, что, начиная отъ самаго юго-западнаго угла, по ту и другую сторону, на сѣверъ и востокъ, на протяженіи 300 футовъ, нижніе ряды камней храмового мола до нѣкотораго уровня отдѣланы грубѣе и съ выпуклыми средними фасами. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что весь этотъ клинъ мола прибавленъ впослѣдствіи Иродомъ Великимъ. Точнѣе, на основаніи всего, что сказано Варреномъ о камняхъ даннаго угла, ему слѣдовало поставить такое заключеніе: „нижняя часть юго-западнаго угла принадлежитъ Ироду, а верхняя Соломону“, потому что верхніе выпусковые ряды Варренъ находитъ здѣсь сходными съ стѣною Плача, въ которой онъ не сомнѣвается признать дѣло Соломона. Очевидно, поставленныя здѣсь посылки не тверды. Мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ основнымъ положеніемъ Варрена, что болѣе грубая отдѣлка камней принадлежитъ Ироду. Изъ всего, что намъ извѣстно объ Иродѣ, можно вывести только то заключеніе, что онъ завершилъ древнееврейское искусство, далъ ему греческую чистоту и тонкость. Если бы камни юго-западнаго угла въ самомъ дѣлѣ были грубѣе всѣхъ древнихъ камней храмового мола, то мы скорѣе согласились бы съ Фергюссономъ и Льювиномъ, что этотъ именно уголъ по преимуществу принадлежитъ первому храму. Но дѣло

[1] Что касается того обстоятельства, что ограда харама на юго-западномъ углу захватываетъ часть противоположнаго или западнаго подъема долины Тиропеонъ, то въ данномъ вопросѣ оно не имѣетъ никакого значенія. Стѣна у арки Вильсона, принадлежащая, по мнѣнію Варрена, Соломону, также переступаетъ на западный склонъ Тиропеона.

въ томъ, что здѣсь не найдено необычной грубости [1]: такую же отдѣлку камней съ такими же глубокими (до 17 дюймовъ) выпусками Варренъ нашелъ и на сѣверо-восточномъ углу, хотя этотъ послѣдній приписанъ имъ не Ироду, а царямъ доплѣннымъ. При этомъ Варренъ замѣчаетъ (Recovery... 166), что самый уровень, на которомъ начинаются грубые камни юго-западнаго угла, тотъ же, что и уровень грубыхъ камней сѣверо-восточной башни. Это показываетъ, что эти углы взаимно себя опредѣляли и одновременно имѣлись въ виду при постройкѣ, хотя о значеніи ихъ въ общемъ планѣ мола въ настоящее время очень трудно судить, когда молъ весь почти подъ землею. Во всякомъ случаѣ здѣсь представляются слѣдующія возможности: одинъ и тотъ же первый строитель мола могъ, по особеннымъ причинамъ, хотя бы даже такимъ, какія признаются Варреномъ, сообщить особенную отдѣлку двумъ діагональнымъ угламъ, сѣверо-восточному и юго-западному; болѣе грубая отдѣлка камней можетъ свидѣтельствовать о болѣе раннемъ происхожденіи такихъ камней; наконецъ, самая слабая возможность можетъ быть та, что болѣе грубые камни принадлежатъ болѣе позднему времени. Въ виду такихъ различныхъ возможныхъ предположеній, выборъ, сдѣланный Варреномъ, нельзя не назвать произвольнымъ [2].

Равнымъ образомъ и другое, эффектное на видъ,

[1] Эта, повидимому, грубая отдѣлка камней юго-западнаго угла харама будетъ представлять собою образецъ самой чистой работы, если сравнить ее съ отдѣлкою камней южной городской стѣны, открытой раскопками Гуте (Guthe Ausgrabungen bei Jerusalem 1882, стр. 289, Tafel, III, A—B).— [2] Нужно прибавить, что существованіе такъ называемыхъ грубыхъ выпусковыхъ камней на протяженіи 300 футовъ на востокъ и сѣверъ отъ юго-восточнаго угла недоказано. Шахта Варрена въ разстояніи 85 метровъ на востокъ отъ угла открыла одни гладкіе выпусковые камни. Гдѣ прерываются ряды *грубыхъ* камней, остается неизвѣстнымъ.

доказательство, опирающееся на томъ, что въ юго-западной части стѣны нѣтъ характернаго *высокаго ряда* камней, не имѣетъ никакой силы. Оно могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы на западъ отъ двойныхъ воротъ, на линіи высокаго ряда, сохранилась древнееврейская стѣна въ такомъ видѣ, въ какомъ она сохранилась на юго-восточномъ углу. Между тѣмъ на западъ отъ двойныхъ воротъ, не только на уровнѣ этого ряда, но и гораздо ниже его, первоначальные ряды еврейскихъ камней снесены при разрушеніи храма. Какъ же можно искать здѣсь продолженія высокаго ряда! На самомъ юго-западномъ углу хотя выпусковые камни вновь появляются, но выборъ ихъ здѣсь былъ приспособленъ къ укладкѣ находящагося здѣсь моста Робинсона, которымъ теченіе высокаго ряда легко могло прерываться, даже при одновременномъ происхожденіи стѣны. Впрочемъ, какъ обнаружено раскопками Варрена, мостъ Робинсона, остатки котораго сохранились доселѣ, есть уже второй мостъ древняго храма. Слѣдовательно, высокій рядъ камней, если онъ и былъ здѣсь первоначально, могъ быть сброшенъ при разрушеніи перваго моста на юго-западномъ углу харама. Съ другой стороны, въ стѣнѣ харама не только южнѣе воротъ пророка, но и сѣвернѣе въ стѣнѣ Плача, приписанной на планѣ Варрена Соломону, нѣтъ слѣда высокаго ряда, напротивъ въ восточной стѣнѣ этотъ рядъ даетъ себя замѣтить гораздо дальше, чѣмъ думаетъ Варренъ; на сѣверъ отъ золотыхъ воротъ есть камень, можетъ быть лежащій не in situ, но по своимъ размѣрамъ составляющій продолженіе того же высокаго ряда.

Наконецъ, мы не придаемъ значенія и тому доказательству Варрена, что стѣна юго-западнаго угла достраивалась тогда, когда на первоначальномъ скалистомъ

ложѣ долины Тиропеонъ накопилась значительная толща наслоеній, и что строитель юго-западнаго угла далъ грубую отдѣлку нижней части своей стѣны именно потому, что она погружалась здѣсь въ массу наслоеній и не предназначалась быть видимою. Противъ этого доказательства мы можемъ сказать слѣдующее:

1. Не совсѣмъ справедливо предположеніе Варрена, что при построеніи Соломонова храма грунтомъ Іерусалима была вездѣ голая скала и что присутствіе земляннаго наслоенія, во всякомъ случаѣ, есть показаніе позднѣйшаго времени. Были же сады въ Іерусалимѣ, которые не могли расти на скалахъ. На самой горѣ Моріа при Давидѣ былъ грунтъ удобный для воздѣлыванія пшеницы (поле Орны). При осадахъ Іерусалима часто упоминаются подкопы, возможные только при значительныхъ земляныхъ наслоеніяхъ. Но мы въ данномъ случаѣ предложили бы Варрену такой вопросъ: въ какомъ отношеніи должны стоять дальнѣйшія наслоенія разсматриваемаго пункта къ истинному руслу Тиропеонскаго потока? При заполненіи долины наслоеніями, въ которую сторону должно уклониться новое русло потока? Безъ всякаго сомнѣнія, въ сторону противоположную городу или въ сторону менѣе заселенную. Такимъ образомъ, напримѣръ, русло Кедрскаго потока постепенно отодвигалось на востокъ, потому что съ западной стороны сюда ссыпались массы камней и мусора, при неоднократныхъ разрушеніяхъ громадныхъ построекъ горы Моріа. Между тѣмъ новое русло потока Тиропеонъ въ данномъ мѣстѣ отброшено не на востокъ, а на западъ, въ сторону города. Что это значитъ? Конечно то, что нынѣшній юго-западный уголъ не только не былъ пустопорожнимъ мѣстомъ въ періодъ перваго храма, но и былъ застроенъ въ такихъ массивныхъ

размѣрахъ, что своими развалинами и мусоромъ, въ періоды своихъ разрушеній, онъ успѣлъ осилить массы развалинъ, мусора, щебня и камней, ссыпавшіяся сюда съ противолежащаго холма города, и потокъ, служившій раздѣленіемъ между храмомъ и городомъ, отбросить въ черту города.

2. Гораздо глубже той мостовой юго-западнаго угла, которую Варренъ считаетъ современною углу или явившеюся скоро по построеніи угла, и на которой имъ найдены развалины моста Робинсона, былъ найденъ остатокъ свода другого каменнаго моста, бывшаго здѣсь. Такъ какъ одинъ изъ найденныхъ камней моста при своемъ паденіи пробилъ сводъ водопровода, прорытаго въ скалѣ, то, очевидно, скала въ этомъ мѣстѣ мало еще была прикрыта наслоеніями. Такимъ образомъ, на мѣстѣ моста Робинсона былъ другой мостъ, древность котораго измѣряется 25-ю футами толщи наслоенія, отдѣляющей его обломки отъ обломковъ другого болѣе поздняго моста, называемаго Робинсоновымъ. По принципамъ самого Варрена, это былъ мостъ доплѣннаго времени, такъ какъ, уже во время его разрушенія, грунтомъ прилегающей долины была почти одна живая скала. Но, спрашивается, куда велъ этотъ мостъ, если стѣны харама въ этомъ мѣстѣ не было? Если не было здѣсь стѣны, если не было никакихъ наслоеній, то мостъ въ данномъ мѣстѣ былъ невозможенъ, потому что требовавшее моста русло Тиропеона, въ такомъ случаѣ, было не здѣсь, а дальше на востокъ и гораздо глубже. Въ виду этого обстоятельства К. Шикъ, принимающій гипотезу Варрена объ урѣзанности юго-западнаго угла харама при Соломонѣ, въ своей модели Соломонова храма проводитъ мостъ далѣе на востокъ, и заполняетъ имъ почти все пустопорожнее мѣсто Варренова юго-запад-

наго угла. Но этотъ мостъ К. Шика не могъ бы оставить своихъ развалинъ такъ далеко на западѣ. Такъ какъ развалины перваго моста найдены подъ развалинами второго, то оба моста должны были стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ и выходить изъ нынѣшняго юго-западнаго угла. И такъ этотъ уголъ въ своемъ основаніи принадлежитъ храмовому молу до вавилонскаго плѣна.

3. Что касается того положенія, что нижніе ряды камней юго-западнаго угла не предназначались быть видными и при самомъ построеніи скрывались въ толщѣ наносной земли [1], то: *а)* близкая связь стѣны юго-западнаго угла съ нижнею мостовою не доказана; *б)* на сѣверо-восточномъ углу такіе грубоватые камни лежатъ такъ высоко въ стѣнѣ, что они никогда не могли быть закрыты; *в)* на юго-восточномъ углу нижніе ряды камней, по предположенію Варрена, также никогда не лежали открыто, на поверхности грунта, а между тѣмъ они имѣютъ совершенно другой видъ; *г)* камни древняго финикійскаго мола въ Баальбекѣ, въ нижнихъ рядахъ (на сѣверной сторонѣ), имѣютъ грубо обдѣланное среднее поле, напоминающее нижніе камни іерусалимскаго юго-западнаго угла и только верхніе ряды выпусковыхъ камней имѣютъ гладкую отдѣлку, между тѣмъ не видно, чтобы нижніе ряды когда-нибудь были здѣсь подъ землею. То же можно сказать о нижней части памятника Бурджъ ел-Беззакъ и другихъ древнихъ финикійскихъ памятниковъ.

4. Могъ ли Иродъ такъ глубоко раскапывать новое мѣсто вблизи храма и пересѣкать вырубленныя въ скалѣ

[1] Напротивъ Вильсонъ, другой участникъ англійскихъ раскопокъ, думаетъ, что камни съ грубыми фасами не только были на виду, но и представляли очень красивое зрѣлище, по своей противоположности дальнѣйшимъ гладкимъ камнямъ.

подземелья?[1] Извѣстно, что храмъ Ирода строился подъ строгимъ наблюденіемъ книжниковъ и съ соблюденіемъ всѣхъ законовъ о чистотѣ. Между тѣмъ глубокое проникновеніе въ почву, при закладкѣ основаній, могло быть опасно съ той стороны, что при этомъ легко могли наткнуться на древнюю гробницу, которая сдѣлала бы все мѣсто храма нечистымъ. Подобнымъ образомъ, при томъ же Иродѣ Великомъ, городъ Тиверіада былъ признанъ нечистымъ на томъ основаніи, что, при расчисткѣ новой площади для города, были найдены гробницы (Antiqu. XVIII, 2, 1—3). По этому поводу Іосифъ замѣчаетъ, что Иродъ хорошо зналъ обычай, запрещавшій іудеямъ селиться въ близкомъ сосѣдствѣ гробницъ. Не менѣе хорошо Иродъ и книжники знали и то, что исторія, подобная Тиверіадской, могла повториться въ Іерусалимѣ, такъ какъ въ періодъ перваго храма были случаи погребеній въ стѣнахъ Іерусалима (мишна Para, 3, 2; Nazir IX, 3; іерусал. гемара, тосифта Edujoth, гл. 2). Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что въ періодъ второго храма не строили новыхъ большихъ зданій въ Іерусалимѣ, но во всякомъ случаѣ это заставляло Ирода быть осторожнымъ и не включать въ область храма, безъ особенной нужды, новой неосвященной территоріи. Поэтому мы не довѣряемъ и свидѣтельству Іосифа Флавія, что при построеніи храма Иродова были совершенно сняты древнія основанія и возведены новыя. Работу Ирода для храма мы считаемъ возобновленіемъ или завершеніемъ на древнихъ Соломоновыхъ основаніяхъ того, что въ его время было недодѣлано или разрушено или вообще не достигало высоты и величія Соломонова храма.

[1] Египетскія храмовыя постройки имѣютъ неглубокія основанія въ землѣ—два, много три метра (Maspero. Archéologie egyptienne. 1887, p. 47).

Обращаясь отъ юго-западнаго угла ко всей вообще южной части харама, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: для какихъ цѣлей нужно было бы отрывать южную часть площади харамъ еш-шерифъ отъ дворовъ Соломонова храма? Чѣмъ другимъ можно замѣстить такое мѣсто, такъ близко примыкавшее къ традиціонному гумну Орны Іевусеянина? Изъ всѣхъ изслѣдователей почти одинъ только графъ Вогюэ (Temple de Jérusalem, p. 22), отдѣляя южную часть харама отъ храма Соломонова и считая ее позднѣйшимъ Иродовымъ прибавленіемъ къ храму, не дѣлаетъ изъ нея никакого употребленія на картѣ древняго Іерусалима, такъ что, по Вогюэ, Иродъ включилъ въ область храма хотя бывшее въ чертѣ города, но еще почти незаселенное мѣсто. Напротивъ, другіе изслѣдователи по тому собственно и отрываютъ это мѣсто отъ Соломонова храма, что оно представляется имъ существенно необходимымъ для другихъ частей и построекъ древняго города до вавилонскаго плѣна. Впослѣдствіи же, говорятъ, Иродъ расширилъ площадь Соломонова храма на счетъ города и въ священную территорію храма включилъ мѣсто, оскверненное кровавыми предшествовавшими событіями. „При созданіи перваго храма — говоритъ Ренанъ — не обращали вниманія на то, чтобы онъ былъ открытъ и образовалъ перспективу... Напротивъ, со всѣхъ сторонъ онъ былъ сжатъ другими постройками“ (Revue des deux mondes, 1888, 1 Aout, 552).

Прежде всего здѣсь нужно указать мнѣніе Менке, Фуррера и друг., вошедшее даже въ новѣйшіе учебники (Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, 681, и карта древняго Іерусалима), что въ то время, какъ верхняя платформа харама была гумномъ Орны Іевусеянина, примыкающая къ ней южная часть площади харамъ еш-шерифъ была занята древнимъ городомъ

Давида; здѣсь же, на мѣстѣ нынѣшней мечети ел-Акса, былъ и дворецъ Давида. Не входя въ подробный разборъ этого мнѣнія на основаніи библейскихъ свидѣтельствъ, замѣтимъ, что оно опровергается условіями мѣстнаго грунта. Мыслимое ли дѣло, чтобы царскій дворецъ былъ въ какихъ нибудь 20 шагахъ отъ гумна Орны Іевусеянина? При господствующемъ въ Іерусалимѣ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, его постоянно обдавали бы половой и соломой при вымолачиваніи и вѣяніи хлѣба, тѣмъ болѣе, что по грунту дворецъ стоялъ бы ниже гумна. Этой одной причины достаточно, чтобы не только не помѣщать здѣсь дворца Давида, но и вообще считать это мѣсто незаселеннымъ въ тотъ періодъ времени, когда вершина горы Моріа была занята гумномъ Орны и, вѣроятно, другими гумнами. И въ настоящее время въ Палестинѣ гумна располагаются только на значительномъ разстояніи отъ жилыхъ зданій и за вѣтромъ. Кромѣ того, такое представленіе противорѣчитъ свидѣтельству 2 Сам. 24, 20; 2 Пар. 21, 21, гдѣ говорится, что гумно Орны было не близко отъ дома Давидова: Орна издали замѣтилъ идущаго къ нему царя и сошелъ съ гумна ему на встрѣчу. Этого не могло бы случиться, если бы дворецъ Давида былъ на мѣстѣ ел-Аксы; въ такомъ случаѣ, выйдя изъ дворца, царь былъ бы уже на гумнѣ Орны. И такъ, если преданіе о гумнѣ Орны на нынѣшней верхней платформѣ харама стоитъ твердо, то южная часть харама и вообще прилегающая мѣстность должна представляться въ то время незаселенною. Въ пользу указаннаго мнѣнія Клайберъ (Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, 1881, 27) приводитъ еще то доказательство, что, по Іосифу Флавію (Antiqu. 1, 13, 1—2), гора Моріа (Μώριον), на которой Авраамъ приносилъ въ жертву своего сына, была тою же горою, на

которой впослѣдствіи былъ воздвигнутъ храмъ царемъ Давидомъ, а между тѣмъ извѣстно, что Давидъ построилъ святилище на холмѣ своего жительства, въ предѣлахъ такъ называемаго города Давидова. Равнымъ образомъ и о мѣстѣ храма Соломонова или гумнѣ Орны (Ὀρόννα) Іосифъ свидѣтельствуетъ, что оно было мѣстомъ жертвы Авраама (Antiqu. VII, 13, 4). Такимъ образомъ выходитъ, что холмъ города Давидова и гора Соломонова храма—одно и то же [1]. Но когда Іосифъ Флавій говоритъ о храмѣ Давида на горѣ жертвоприношенія Авраама, то онъ разумѣетъ не скинію, σκηνή, построенную Давидомъ на холмѣ своего жительства, а именно храмъ, τὸ ἱερόν, т. е. первый іерусалимскій храмъ, называемый Соломоновымъ. Такъ какъ царю Давиду принадлежалъ весь почти матеріалъ этого храма и даже его планъ, то его можно было назвать въ несобственномъ смыслѣ и Давидовымъ.

Съ гораздо большимъ, повидимому, правомъ въ южной части нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ помѣщаютъ другой историческій памятникъ, дворецъ Соломоновъ, построенный уже послѣ храма, слѣдовательно по удаленіи съ горы Моріа гумна Орны. Такое мнѣніе раздѣляютъ весьма многіе новѣйшіе изслѣдователи съ разными видоизмѣненіями. Одни отводятъ для дворца Соломона именно юго-восточный уголъ харама (Вильямсъ, Варренъ, модель К. Шика, даже Фергюссонъ въ изданіи 1878 The Temple of the Jews и др.); другіе, наоборотъ, одинъ юго-западный уголъ (Гаттъ въ Das heilige Land, Organ des Vereines vom heiligen Grabe,

[1] Выходя изъ этого основного положенія, Бирчъ указываетъ даже тотъ секретный ходъ, которымъ полководецъ Давидовъ Іоавъ якобы проникнулъ въ городъ Евусеевъ и взялъ его (2 Сам. 5, 1 Пар. 11). Это именно тотъ подземный ходъ, открытый Варреномъ, который отъ источника Дѣвы идетъ на Офелъ (Recovery, chapt IX, Quarterly Statement, 1878, 184).

1875, стр. 7—11); третьи—средній пунктъ южной части харама или мѣсто мечети ел-Акса (Unruh, Das alte Jerusalem und seine Bauwerke, 13—14, Perrot, Histoire de l'art, IV, 408); четвертые — всю южную часть харама (Ebers und Guthe. Palästina, 1886, 1, 489). Нѣкоторые полагали дворецъ Соломона на южной сторонѣ верхней платформы площади харама. По мнѣнію Штаде (Geschichte des Volkes Israel, 1866, 1, 323), въ то время, какъ жертвенникъ всесожженій Соломонова храма былъ на нынѣшней скалѣ мечети Омара, нѣсколько южнѣе отъ него, но, не сходя съ той же верхней платформы, Соломонъ построилъ дворецъ для дочери фараона и за нимъ остальную группу дворцовыхъ построекъ, простиравшуюся на югъ до нынѣшняго входа въ мечеть ел-Акса [1]. То же и у Вольфа (Der Tempel von Jerusalem, 1887, 50). Вотъ общія основанія этихъ мнѣній:

1. Вездѣ, гдѣ библейскіе писатели говорятъ о шествіи во храмъ изъ дворца царей іудейскихъ, употребляется выраженіе עלה восходить, въ смыслѣ поднятія на болѣе высокій уровень, а въ 2 Пар. 9, 3—4 царица Савская, по прибытіи въ Іерусалимъ, осматриваетъ, между прочимъ, тотъ *подъемъ*, которымъ Соломонъ восходилъ въ домъ Божій. Постоянно встрѣчаются выраженія о царяхъ или отъ лица царей: *ты взойдешь въ домъ Іеговы..; Я взойду въ домъ Іеговы...* (2 Цар. 20, 5, 8 и др.). Напротивъ, обратное шествіе изъ храма во дворецъ царя называется нисхожденіемъ (Іерем. 22, 1, 26, 10, 36, 10—12;

[1] Послѣднія большія раскопки въ Іерусалимѣ на юго-восточной части древняго города, произведенныя Гуте на средства нѣмецкаго палестинскаго общества, имѣли цѣлію доказать предвзятую мысль, что весь Іерусалимъ Іевусеевъ, Давидовъ и дворецъ Соломона были на южномъ склонѣ горы Моріа, на его шести террасахъ (Guthe Ausgrabungen bei Jerusalem 313 и далѣе).

2 Цар. 11, 19). Отсюда, говорятъ, слѣдуетъ, что храмъ лежалъ наверху горы Моріа, а дворецъ при немъ ниже.

2. Изъ нѣкоторыхъ библейскихъ мѣстъ видно, что всякое движеніе во дворѣ храма замѣчаютъ и слышатъ во дворцѣ. Напримѣръ, изъ Іерем. 26, 10—11 видно, что обнаруженное въ храмѣ неудовольствіе священниковъ противъ пророка Іереміи было немедленно услышано князьями въ царскомъ дворцѣ. По свидѣтельству 2 Цар. 11, Гоѳолія, находясь въ своемъ царскомъ дворцѣ, услышала народныя привѣтствія во храмѣ вновь избранному царю. Такимъ образомъ, говорятъ, царскій дворецъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ храмомъ.

3. Есть библейское свидѣтельство, повидимому, еще болѣе положительнымъ образомъ говорящее о непосредственномъ соприкосновеніи дворца и храма. Именно Іезек. 43, 7—9 Іегова говоритъ: „цари іудейскіе поставили свой порогъ у Моего порога и вереи дверей своихъ подлѣ Моихъ верей, такъ что стѣна лишь была между Мною и ними, и оскверняли святилище Мое трупами царей своихъ по смерти ихъ“. Нельзя яснѣе выразить мысль, что дворецъ царей непосредственно соприкасался съ храмомъ, говоритъ Перро. Но такъ какъ съ другихъ сторонъ площади харама нельзя указать мѣста для непосредственнаго ихъ между собою соприкосновенія [1], то дворецъ необходимо предполагать въ южной части харама. Это подтверждается и тѣмъ, что въ библейскомъ повѣствованіи описаніе дворца вставлено въ описаніе храма какъ только отдѣльная часть одного и того же цѣлаго. Въ дѣйствительности

[1] Однакожъ въ новомъ сочиненіи Фридриха (Tempel und Palast Salomo's) доказывается положеніе дворца Соломона на восточной сторонѣ площади храма, прямо противъ фронта храма, гдѣ долженъ былъ стоять жертвенникъ всесожженій и прикосновенный къ нему внутренній дворъ храма!!!

же, прибавляютъ Штаде (313) и Перро (154), не дворецъ Соломона былъ частію храма, а наоборотъ храмъ, какъ царская молельня, былъ одною изъ частей въ группѣ построекъ царскаго дворца, и только позднѣйшій редакторъ кн. Царствъ, какъ священникъ, поставилъ храмъ выше дворца въ своемъ описаніи (тоже и Ренанъ въ Revue des deux mondes, 1888, 1-er Aout, стр. 552, 555, 559).

4. Въ кн. Неем. 3, 19 говорится о всходѣ къ дому оружія при домѣ царскомъ (ср. Ис. 22, 8) и о башнѣ, выступавшей изъ верхняго дома царскаго съ дворомъ темничнымъ (Неем. 3, 25; ср. Іерем. 32, 2), а между тѣмъ эти пункты, по точномъ расчисленіи границъ древняго Іерусалима, падаютъ на нынѣшній юго-восточный уголъ харама. На томъ же юго-восточномъ углу нужно полагать и „конскія ворота“ царскаго дворца, приходившіяся на углу (2 Цар. 11, 16; Неем. 3, 28; Іер. 31, 40).

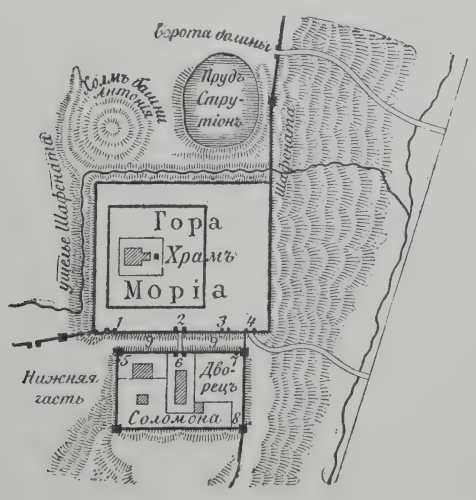
5. Наконецъ, указываютъ аналогію другихъ царскихъ восточныхъ резиденцій, особенно же аналогію построекъ Саргона въ Хорсабадѣ, въ которыхъ дворъ храма непосредственно граничитъ съ царскимъ гаремомъ (Perrot, 407—408) [1].

[1] Унругъ (Das alte Jerusalem, 12, 13) прибавляетъ сюда еще одно основаніе, взятое изъ Зах. 14, 4—5, гдѣ, по его мнѣнію, говорится, что нынѣшняя площадь харама состояла изъ двухъ горъ: Моріа и Офла, раздѣлявшихся долиною, и что если храмъ былъ на горѣ Моріа, то дворецъ Соломона могъ стоять совершенно независимо отъ храма, на Офлѣ, въ нынѣшней южной части харама. Прилагаемъ здѣсь планъ храма и дворца Соломонова по Унругу, замѣчательный во всякомъ случаѣ тѣмъ, что прежде раскопокъ Варрена, путемъ одного отвлеченнаго экзегезиса, онъ открылъ существованіе ущелья въ площади харама, хотя и предполагалъ его не тамъ, гдѣ оно оказалось въ дѣйствительности. Цифры плана: 1 ворота темничныя, 2 ворота царскія, 3 ворота Jessod, 4 ворота водныя, 5 ворота Мифкадъ, 6 верхнія ворота, 7—конскія, 8—нижнія ворота, 9 долина или

Насъ лично всѣ эти указанія не приводятъ къ южной части площади харамъ еш-шерифъ, ни даже вообще въ непосредственную близость къ хараму.

1. Выраженія *восхожденіе* или *нисхожденіе* въ данномъ случаѣ не могутъ быть принимаемы за топографически точныя указанія болѣе возвышеннаго и болѣе низменнаго мѣста, потому что гора Моріа не была самымъ высокимъ пунктомъ древняго Іерусалима. По свидѣтельству Іосифа, не только такъ называемый верхній городъ, но и холмъ Акра былъ выше горы храма, между тѣмъ движеніе во храмъ отъ этихъ пунктовъ всетаки называется восхожденіемъ, конечно не въ вещественномъ, а въ нравственномъ смыслѣ, для выраженія духовной высоты и значенія храма. Тѣмъ болѣе выраженія *восхожденіе* и *нисхожденіе*, употребляемыя о двухъ сопоставляемыхъ пунктахъ, сами по себѣ не устанавливаютъ между ними отношенія *двухъ смежныхъ ступеней* или террасъ *одной и той же горы*. До какихъ ошибочныхъ

ущелье въ площади харама. Здѣсь же на мѣстѣ дворца Соломона, въ южной части площади харамъ еш-шерифъ, Унругъ помѣщаетъ далѣе и Акру сирійцевъ.



*

топографическихъ представленій можетъ повести злоупотребленіе терминомъ *восхожденіе,* можно видѣть изъ того, что нѣкоторые (Klayber, Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, 1880, 196 и дал.) считаютъ нужнымъ стягивать послѣдовательно почти весь древній Іерусалимъ на склоны одной и той же горы Моріа, и городъ Давидовъ съ дворцомъ Давида, и дворецъ Соломона, и храмъ, на томъ основаніи, что какъ шествіе изъ города Давидова во дворецъ Соломона называется восхожденіемъ, такъ потомъ дальнѣйшее шествіе изъ дворца Соломона во храмъ обозначается тѣмъ же терминомъ. Такимъ образомъ получаются якобы три ступени или террасы горы: нижняя ступень или городъ Давидовъ, средняя—дворецъ Соломоновъ и верхняя—храмъ. Какъ будто этотъ терминъ не употребляется о такихъ пунктахъ, которые не слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ въ пространствѣ, но раздѣлены такими или иными промежутками! Мы, съ своей стороны, думаемъ наоборотъ, что терминъ восхожденіе былъ бы неумѣстенъ и невозможенъ при предполагаемомъ непосредственномъ соприкосновеніи дворца Соломона и храма, потому что тогда некуда было бы восходить. Въ данномъ случаѣ дворецъ Соломона былъ бы на одномъ уровнѣ съ большимъ дворомъ храма или даже съ внутреннимъ дворомъ храма, такъ какъ, по картѣ Штаде и Перро, дворецъ Соломона лежалъ на самой верхней платформѣ харама. Если бы даже дворецъ лежалъ на юго-восточномъ углу харама, какъ полагаетъ Варренъ, то и тогда, стоя на своихъ нижнихъ подстройкахъ, такъ называемыхъ конюшняхъ Соломона, онъ возвышался бы надъ уровнемъ большого двора храма. Очевидно, о восхожденіи въ храмъ въ буквальномъ смыслѣ здѣсь не могло бы быть и рѣчи. Что же

касается того подъема къ храму, который осматривала царица Савская, или внѣшняго царскаго хода къ дому Божію (2 Цар. 16, 18), то, при такомъ непосредственномъ соприкосновеніи дворца и храма, ему вовсе нѣтъ мѣста.

2. Тѣ библейскія мѣста, изъ которыхъ усматривается, что народныя движенія во храмѣ немедленно были замѣчаемы во дворцѣ, не говорятъ о смежности того и другого. И въ глубокой древности существовала полиція, при помощи которой державшіе бразды правленія, гдѣ бы они ни жили, легко и скоро узнавали о всякомъ безпорядочномъ движеніи въ народѣ. Да и непосредственно услышать шумъ волнующейся толпы можно на весьма значительныхъ разстояніяхъ.

3. Мѣсто Іезек. 43, 7—9 не только не говоритъ о смежности дворца и храма, но и вообще о дворцѣ не упоминаетъ. Не цари іудейскіе, по изображенію пророка, поставили свой порогъ рядомъ съ порогомъ храма, а домъ Израилевъ, т. е. весь народъ. Слѣдовательно, дѣло идетъ о какихъ-то народныхъ постройкахъ, которыя могли быть и были во дворахъ храма. Если при этомъ говорится объ оскверненіи святилища „трупами царей“, то, конечно, при этомъ разумѣются нечестивые цари, и вообще все обличеніе Іезекіиля касается только періода нечестивыхъ царей, осквернявшихъ храмъ и умалявшихъ его значеніе, и не можетъ имѣть никакого отношенія къ тому виду храма, въ какомъ онъ впервые явился при Соломонѣ предъ изумленнымъ Израилемъ. Если бы дворецъ занималъ южную часть площади харама и былъ огражденъ однимъ и тѣмъ же, общимъ ему и храму, моломъ, тогда нельзя было бы и сказать, что между храмомъ и дворцомъ *находится стѣна* (Іезек. 43, 8), потому что внутри нынѣшняго харама, на мѣстѣ предполагаемаго раздѣленія территоріи дворца и храма,

капитальной поперечной стѣны не обнаружено. Тогда пророку пришлось бы выразиться сильнѣе: „нѣтъ стѣны между Мною и между ними“ [1].

4. Свидѣтельства Нееміи и Іереміи о „конскихъ воротахъ“ и „башнѣ, выступавшей изъ верхняго дома царскаго, бывшаго во дворѣ темничномъ“, не на столько опредѣлены, чтобы они могли приводить именно къ юго-восточному углу харама. Гораздо вѣроятнѣе, что эти пункты лежали далѣе на югъ, по склону Офела; можетъ быть выступавшая башня царскаго дома есть башня, открытая Варреномъ въ стѣнѣ Офела, на 312 футовъ южнѣе юго-восточнаго угла харама (The Recovery of Jerusalem, 300). Что касается конскихъ воротъ Іерусалима, то такихъ воротъ могло быть нѣсколько. Нужно припомнить, что у Соломона было 4,000 конюшенъ (2 Пар. 9, 25) въ разныхъ городахъ; многія были и въ Іерусалимѣ. Одну изъ нихъ открылъ Варренъ на югъ отъ тройныхъ воротъ (Recovery, 306—307). Притомъ въ исторіи убіенія Гоѳоліи упоминаются конскія ворота, выходившія на востокъ, въ Кедрскій потокъ, между тѣмъ на юго-восточномъ углу харама такихъ воротъ не найдено [2].

5. Наконецъ, приводимая у Перро аналогія Хорсабадскаго дворца и храма въ подтвержденіе того, что дворецъ Соломона могъ лежать даже на верхней террасѣ харама, не имѣетъ яснаго смысла. Въ данномъ случаѣ нужно руководствоваться не какими нибудь побочными аналогіями, а характеромъ религіи и духомъ

[1] Одинъ изъ указанныхъ изслѣдователей (Унругъ), полагая дворецъ Соломона на площади харама, какъ мы сейчасъ видѣли, считаетъ необходимымъ раздѣлять ихъ долиною.—[2] К. Шикъ произвольно показываетъ конскія ворота, выходившія въ Кедрскій потокъ, при такъ называемомъ восточномъ балконѣ, открытомъ Соси, гдѣ случайная щель въ стѣнѣ, сдѣланная вѣроятно землетрясеніемъ, была принята Варреномъ и Шикомъ за линію раздѣленія построекъ дворца и храма.

народа. Между тѣмъ духъ тогдашней іудейской религіи былъ уже на столько твердъ, что тотъ же Соломонъ считаетъ противнымъ закону Мойсея пребываніе женщины, дочери фараона и своей жены, въ домѣ Давида, потому только, что въ этомъ домѣ когда-то стоялъ ковчегъ завѣта, и строитъ для нея новый домъ вдали отъ священнаго мѣста (2 Пар. 8, 11). Какъ разъ вопреки этому свидѣтельству, Ренанъ, Штаде и Перро заставляютъ Соломона не удалять дочери фараона отъ ковчега завѣта, а переселять ее въ такое мѣсто, гдѣ она опять встрѣчается лицомъ къ лицу со вновь устроеннымъ храмомъ.

Такимъ образомъ мы не видимъ ни одного серьезнаго основанія, которое могло бы заставить насъ предполагать, что гора храма была заселена городомъ Давидовымъ или дворцомъ Соломона и его преемниковъ, и что только Иродъ расширилъ площадь храма до размѣровъ нынѣшняго харамъ еш-шерифъ. Дѣлать такое расширеніе храма, включать въ черту горы Божіей мѣсто, оскверненное іудейскими правителями, большею частію нечестивыми, значило бы поступать именно противъ пророческаго предостереженія: „не смѣшивать порога святилища съ порогами мѣстъ, оскверненныхъ двойною нечистотою блудодѣянія и смерти“ (Іезек. 43, 9), такъ какъ нѣкоторые изъ царей были погребены при томъ же царскомъ дворцѣ. Особенно въ фарисейское время Ирода Великаго подобное расширеніе храма было положительно невозможно. Съ другой стороны невозможно, чтобы о такомъ важномъ обстоятельствѣ, какъ присоединеніе къ храму площади царскаго дворца, ничего не знало іудейское преданіе и Іосифъ Флавій. Если LXX толковниковъ въ свое время называли гору Моріа, или, какъ они еще читаютъ съ членомъ, Аморіа, высокою горою, ὑψηλή,

то, очевидно, и они считали ее открытою горою, и храмъ незаслоненнымъ примкнувшими къ нему дворцами.

Напротивъ, западную стѣну храмового мола, начиная отъ воротъ пророка и далѣе на сѣверъ, Варренъ считаетъ всю Соломоновою, отъ самыхъ нижнихъ основаній, скрывающихся нынѣ подъ землею на 80 футовъ глубины, и до верхнихъ выпусковыхъ рядовъ стѣны Плача. Мы бы не оспаривали этого положенія, если бы не свидѣтельство Іосифа Флавія, что во второмъ храмѣ наибольшая часть древней Соломоновой стѣны оставалась на восточной сторонѣ, которая тогда и называлась Соломоновою. Между тѣмъ у Варрена наибольшій остатокъ Соломонова мола сохранился на западѣ. Мы думаемъ, что въ западной стѣнѣ мола, какъ и въ другихъ стѣнахъ, постройка Иродова смѣшалась съ Соломоновою, и что именно юго-западный уголъ скорѣе можетъ быть отнесенъ ко времени Соломона, чѣмъ дальнѣйшее теченіе западной стѣны, хотя и здѣсь нижніе ряды камней, конечно, принадлежатъ первому храму. Дѣло въ томъ, что отъ воротъ пророка на сѣверъ, т. е. отъ того мѣста, гдѣ, послѣ камней съ грубыми фасами, начинается стѣна съ гладкими камнями, стѣна харама ближе встрѣчалась съ городомъ, чѣмъ на юго-западномъ углу и во всѣхъ другихъ частяхъ; слѣдовательно уже во время Соломона она могла здѣсь явиться въ болѣе чистомъ видѣ и не имѣть грубоватыхъ камней юго-западнаго и и сѣверо-восточнаго угловъ. Чтобы объяснить возможность появленія разнороднаго вида стѣны въ разныхъ пунктахъ харама, нужно припомнить, какъ строились іерусалимскія стѣны по возвращеніи іудеевъ изъ Вавилона. Вся городская стѣна была раздѣлена на малые участки и поручена отдѣльнымъ, самостоятельно работавшимъ, строителямъ (Неем. 3); конечно, соблюсти един-

ство постройки при этомъ было затруднительно. Нѣчто подобное было и при построеніи храма Соломонова и Иродова при многихъ тысячахъ начальствующихъ надъ работами. Вотъ почему нѣкоторая пестрота въ стѣнѣ храмового мола могла явиться уже въ самомъ началѣ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія предполагать, что болѣе грубые ряды камней принадлежатъ не Соломону, а Ироду.

Такъ какъ изслѣдователи, отрицающіе принадлежность Соломонову храму всей нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ, основываются на сочиненіяхъ Іосифа Флавія, то и намъ необходимо разсмотрѣть здѣсь всѣ относящіяся сюда свидѣтельства этого историка.

Свидѣтельства о насыпи и заграждавшей его каменной плотинѣ Соломоновой не только есть у Іосифа, но и много разъ повторяются, и въ этомъ повтореніи или, лучше сказать, въ этомъ удареніи, съ которымъ Іосифъ старается каждый разъ подчеркнуть значеніе трудовъ Соломона для образованія храмового мола, заключается главная причина затрудненій въ его пониманіи. Такъ какъ при каждомъ новомъ упоминаніи объ этихъ трудахъ Соломона Іосифъ присовокупляетъ что нибудь новое, то изслѣдователи обыкновенно выбираютъ изъ его свидѣтельствъ только такія, которыя наиболѣе подходятъ къ ихъ воззрѣніямъ, игнорируя остальныя. Между тѣмъ, какъ само собою разумѣется, цѣлостное воззрѣніе Іосифа Флавія можно вывести только изъ совокупности всѣхъ его показаній.

Хотя устройство насыпи и заграждающаго мола было необходимостію, къ которой легко могъ придти самъ Соломонъ, но идею этихъ работъ могли принести съ собою и призванные Соломономъ тирскіе художники, такъ какъ,

по свидѣтельству Іосифа (Antiqu. VIII, 5, 3), подобныя плотины изъ насыпной земли въ то же самое время производились въ Тирѣ современнымъ Соломону тирскимъ царемъ, для заполненія ущелья, отдѣлявшаго гору храма отъ города. Подобныя же плотины, τέμενος, были построены финикіянами въ Баальбекѣ, Пальмирѣ и другихъ мѣстахъ.

Общая характеристика работъ Соломона по отдѣлкѣ горы храма у Іосифа Флавія дѣлается такая: „онѣ были такъ громадны, что трудно было повѣрить, что онѣ сдѣланы въ такое непродолжительное время; можно было подумать, что на это затраченъ цѣлый вѣкъ“ (Antiqu. VIII, 4, 1). Самая же работа выровненія горы храма изображается Іосифомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. Древн. VIII, 3, 9. „Навезенною изъ другихъ мѣстъ землею Соломонъ засыпалъ глубокія долины, въ безмѣрную глубину которыхъ нельзя было смотрѣть безъ ужаса; насыпь была возведена на 400 локтей высоты, до уровня вершины горы, на которой стоялъ храмъ“. Такимъ образомъ при Соломонѣ дѣло шло о выровненіи горы храма при помощи насыпи не съ одной какой-либо стороны, а со всѣхъ сторонъ. Слѣдовательно и молъ, заграждающій насыпь, былъ сдѣланъ Соломономъ со всѣхъ сторонъ горы Моріа. Что касается высоты насыпи въ 400 локтей, то, по мнѣнію Вогюэ (Temple de Jérusalem, 24, 19), Іосифъ по ошибкѣ называетъ высотою *длину* мола. Какъ ни остроумно это предположеніе, его нельзя считать вѣроятнымъ, такъ какъ въ приведенномъ мѣстѣ Іосифъ вовсе не имѣетъ въ виду касаться длины насыпи и такъ какъ указанная цифра и въ другихъ мѣстахъ соединяется у Іосифа именно съ высотою стѣны. Впрочемъ мы не раздѣляемъ и увѣренности Пайллу (Monographie, 382), что ука-

занная Іосифомъ высота 400 локтей есть не преувеличенная, а дѣйствительная высота храмового мола на восточной его сторонѣ. Возможность такой высоты, далеко превосходящей высоту величайшей изъ египетскихъ пирамидъ, не подтверждается условіями мѣстнаго грунта.

2. Древн. XV, 11, 3. Начавъ описаніе Иродова храма и дойдя въ описаніи до мола, окружающаго гору, Іосифъ припоминаетъ древнюю исторію горы Моріа и труды царя Соломона. „Былъ одинъ каменистый холмъ, крутой, а къ восточной сторонѣ города покатый. Его вершину Соломонъ, древній нашъ царь, вдохновенный отъ Бога, оградилъ стѣною; равно и снизу, начиная отъ подошвы холма, который съ юга, κατὰ λίβα, окружала глубокая долина, онъ оградилъ ее стѣною, состоявшею изъ огромныхъ камней, соединенныхъ между собою свинцомъ,... и представлявшею видъ громаднаго четыреугольника на вѣки несокрушимаго, ἀκινήτος τῷ παντὶ χρόνῳ.... Оказавшееся между стѣною и холмомъ пустое пространство царь заполнилъ землею, выровнилъ всѣ неровности и образовалъ ровную платформу. Вся эта ограда имѣла четыре стадіи въ окружности, по одной стадіи въ каждомъ углу (?) ἑκάσης γωνίας στάδιον четыреугольника. Внутри же, вокругъ самой вершины, проведена была еще другая каменная стѣна, поддерживавшая на восточной сторонѣ двойной портикъ, равной съ нею длины, находившійся противъ самыхъ дверей стоявшаго въ срединѣ храма. Галлереи эти старались украшать многіе изъ древнихъ царей“. Можно ли это свидѣтельство понимать, вмѣстѣ съ Розеномъ, Перро и другими, въ томъ смыслѣ, что Соломону здѣсь приписывается только стѣна, ограждавшая *вершину* холма (верхнюю платформу харама), а все остальное относится уже къ

Ироду, строителю послѣдняго храма, о которомъ дѣйствительно говорится въ началѣ и въ концѣ приведеннаго параграфа? Мы не сомнѣваемся, что вся приведенная тирада говоритъ о Соломонѣ. Коль скоро въ рѣчь введенъ древній царь Соломонъ, то, конечно, слѣдующія затѣмъ предложенія, имѣющія подлежащимъ только *онъ,* относятся къ ближайшему имени Соломона, а не выше Соломона стоящему въ параграфѣ имени Ирода. Это подтверждается тѣмъ, что въ предшествующемъ мѣстѣ Іосифъ приписываетъ земляныя насыпи кругомъ храма Соломону, а не Ироду, далѣе тѣмъ, что образовавшаяся здѣсь площадь, по Іосифу, равнялась четыремъ стадіямъ, между тѣмъ какъ площадь Иродова храма, вслѣдствіе прибавленія къ ней крѣпости Антонія, Іосифъ полагаетъ въ шесть стадій, и наконецъ заключительными словами, что построенныя здѣсь галлереи старались украшать и многіе другіе изъ древнихъ царей. Послѣднее замѣчаніе не можетъ относиться къ царямъ, слѣдовавшимъ послѣ Ирода, но относится къ преемникамъ Соломона. И такъ, на основаніи этого второго свидѣтельства Іосифа, нужно думать, что Соломономъ былъ построенъ молъ вокругъ всей горы храма въ формѣ четыреугольника, и притомъ навѣки несокрушимаго, слѣдовательно такого, котораго Ироду не было надобности снимать и замѣнять новымъ [1].

3. Древн. XX, 9, 7. „Бывшія на восточной сторонѣ внѣшняго двора галлереи возвышались надъ весьма глубокою долиною и лежали на стѣнахъ 400 локтей высоты, построенныхъ изъ бѣлыхъ четыреугольныхъ

[1] Съ особеннымъ удареніемъ въ приведенномъ мѣстѣ Іосифъ указываетъ на *южную* сторону храмового мола, обращенную къ африканскому вѣтру, κατὰ λίβα. Изъ этого слѣдуетъ, что южная сторона мола, а, какъ дальше увидимъ, еще и восточная, были предметомъ особенной, но не исключительной заботливости Соломона.

камней, длиною каждый въ 20 локтей и высотою въ 6 локтей. Это—дѣло царя Соломона, который первый построилъ храмъ въ его цѣлости. „Εργον Σολομῶνος, τῆ βασιλέως πρώτη δειμαμένη τὸ σύμπαν ἱερόν“. Такимъ образомъ Іосифъ Флавій, говоря о послѣдней фазѣ въ исторіи храма при Агриппѣ II, послѣ Ирода Великаго, считаетъ всетаки Соломона строителемъ храма во всемъ объемѣ занимаемаго имъ въ послѣднее время пространства. Хотя первая точка приведеннаго свидѣтельства имѣетъ въ виду собственно восточныя галлереи и восточную стѣну, но если уже одна восточная стѣна мола осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она была построена Соломономъ, то это уже показываетъ, что и другія стѣны остались на своихъ древнихъ основаніяхъ. При расширеніи площади храма Иродомъ на сѣверъ и югъ, особенно при такомъ значительномъ расширеніи, какое предполагаютъ Варренъ и К. Шикъ, и восточная стѣна не могла бы оставаться въ прежнемъ своемъ видѣ и называться Соломоновою.

4. Съ приведенными свидѣтельствами „Древностей“ Іосифа Флавія не совсѣмъ согласны свидѣтельства другого его сочиненія „о Войнѣ іудейской“. Именно Bell. V, 5, 1. „Храмъ построенъ былъ на твердомъ холмѣ, площадь котораго въ началѣ, когда строился храмъ, едва была достаточна для корпуса храма и его жертвенника, такъ какъ холмъ со всѣхъ сторонъ былъ обрывистъ. Но царь Соломонъ, строившій храмъ, восточную часть холма оградилъ стѣною, и на насыпной землѣ здѣсь поставленъ былъ одинъ портикъ, μία στοά. Съ другихъ же сторонъ храмъ оставался *нагимъ* или неогражденнымъ, γυμνὸς ὁ ναὸς ἦν. Съ теченіемъ времени, такъ какъ народъ постоянно прибавлялъ къ насыпи, холмъ былъ выровненъ и расширенъ. Сверхъ того, была

срыта сѣверная стѣна и занято столько мѣсто, сколько послѣ того было нужно для окружности всего храма. Когда же холмъ съ основаній былъ обнесенъ тремя стѣнами τριχῇ κύκλῳ,—въ каковомъ трудѣ протекли долгіе вѣка, μακροὶ αἰῶνες, и истощены были всѣ средства,—было построено какъ верхнее огражденіе, такъ и нижній храмъ. Самыя низкія мѣста возвысили насыпною землею до 300 локтей и болѣе, хотя не вся эта высота стѣны мола была видна, такъ какъ значительная часть долины со стороны города была засыпана землею. Строевые камни стѣны доходили до 40 локтей величины... Чего никогда не надѣялись довести до конца, то было сдѣлано трудами и временемъ". — По поводу этого свидѣтельства мы должны повторить только что сдѣланное нами замѣчаніе: какимъ образомъ, при существованіи во время Соломона одной восточной стѣны мола, можно было устроить дворы храма, строить галлереи и проч., и вообще какъ могъ существовать храмъ нагимъ, γυμνός, или неогражденнымъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной. Свезенная сюда съ большими усиліями насыпная земля не могла оставаться на своемъ мѣстѣ самое непродолжительное время безъ задерживающаго ее мола. Если восточная стѣна задерживала ее въ этомъ направленіи, то ничто не мѣшало зимнимъ дождямъ снести ее на югъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе должно обращать на себя вниманіе, что на югъ отъ храма, въ близкомъ сосѣдствѣ, предполагаютъ дворецъ Соломона. Предположивъ, вмѣстѣ съ Варреномъ, что дворецъ Соломона лежалъ на юго-восточномъ углу харама, мы вмѣстѣ съ этимъ должны предположить, что съ южной стороны площадь храма была совершенно закончена; въ противномъ случаѣ позднѣйшее возвышеніе насыпями южной части храма обратило бы царскій дво-

рецъ въ подземелье. Только открытая Варреномъ часть оврага на сѣверо-восточномъ углу нынѣшняго харама могла быть засыпана землею и заграждена *одною восточною стѣною*, такъ какъ съ другихъ сторонъ она ограждена здѣсь натуральными возвышеніями. Но это слишкомъ незначительная часть, чтобы ею ограничивать область Соломонова храма. Да и она не могла существовать безъ южной стѣны при значительномъ возвышеніи насыпи, какое предполагаетъ Іосифъ Флавій. На основаніи этихъ предположеній мы убѣждаемся въ томъ, что *долгіе вѣка*, μακροὶ αἰῶνες, протекшіе въ построеніи храмового мола, нужно понимать какъ гиперболическое выраженіе, которымъ Іосифъ хочетъ сказать только то, что, по огромности постройки, можно было подумать, что она строилась цѣлые вѣка, какъ это самъ Іосифъ объясняетъ въ другомъ мѣстѣ (Antiqu. VIII, 4, 1). Слѣдовательно, этимъ выраженіемъ не устраняется возможность появленія всего храмового мола при самомъ Соломонѣ. Во всякомъ случаѣ, если, на основаніи буквальнаго пониманія этого мѣста, мы будемъ представлять храмъ при Соломонѣ объ одной восточной стѣнѣ и одномъ портикѣ, то всю остальную часть мола мы должны будемъ приписать всетаки не Ироду, а вѣкамъ, слѣдовавшимъ послѣ Соломона, слѣдовательно періоду перваго храма [1]. Нельзя не удивляться крайней тенденціозности, съ которою Перро привлекаетъ приведенное свидѣтельство къ Ироду Великому. „Если здѣсь не упомянуто прямо имя Ирода, говоритъ Перро, то это сдѣлалъ Іосифъ умышленно, предоставляя читателямъ угадать имя строителя мола изъ представленнаго опи-

[1] Къ восточной стѣнѣ, на основаніи спеціальнаго указанія въ Antiqu. XV, 11, 3, необходимо причислять и южную, какъ исходный пунктъ работъ Соломона по постройкѣ мола.

санія“ (Histoire de l'art. IV, 211). И такъ въ имени Соломона нужно было угадывать имя Ирода!.. Говорить такъ — значитъ не знать, что такое былъ для Іосифа Флавія Иродъ, эта любимая креатура римскихъ императоровъ. Можно указать много примѣровъ противоположной наклонности Іосифа не скрывать подъ чужими именами дѣятельность Ирода, а, наоборотъ соединять съ его именемъ чужую дѣятельность и чужую славу.

Важнымъ прибавленіемъ къ предшествовавшимъ свидѣтельствамъ Іосифа въ данномъ мѣстѣ служитъ еще то, что въ способѣ выровненія горы храма указаны не только насыпи, но и противоположныя работы, *срытіе* встрѣчавшихся на пути возвышеній. Это срытіе названо здѣсь проломомъ бывшей здѣсь на сѣверѣ стѣны, τὸ προσάρκτιον τεῖχος. Какую стѣну можно здѣсь разумѣть? Графъ де-Вогюэ (Le Temple. 36) видитъ здѣсь указаніе расширенія площади храма въ южномъ направленіи, а *сѣверною* стѣною считаетъ сѣверную Сіонскую или такъ называемую первую іерусалимскую стѣну, простиравшуюся чрезъ долину Тиропеонъ на гору Моріа, вдоль южной границы Соломонова храма, и бывшую здѣсь сѣверною стѣною Офельскаго квартала Іерусалима. Но изъ описанія Іосифа ясно, что сѣверной стѣны нужно искать на сѣверѣ площади храма, а не на сѣверѣ какого либо другого квартала Іерусалима и что расширеніе площади здѣсь указывается сѣверное, а не южное. Если изъ прямого указанія Іосифа Флавія на сѣверъ мы будемъ дѣлать прямое указаніе на югъ, то этимъ путемъ мы не успѣемъ разгадать трудностей топографіи ветхозавѣтнаго храма; въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ закрыть сочиненія Іосифа. Нельзя разумѣть здѣсь подъ сѣверною стѣною и такъ называемой второй іерусалимской стѣны

въ ея протяженіи по сѣверной линіи площади храма, такъ какъ во время Соломона такой стѣны здѣсь не было. Остается предположить, что сѣверною стѣною названо здѣсь натуральное стѣнообразное возвышеніе скалы, которое по плану нужно было снять для выровненія площади храма. Такимъ возвышеніемъ была выдававшаяся скала въ сѣверо-западной части харама, отчасти существующая донынѣ. Нужно думать, что здѣсь было древнее гумно, второе послѣ гумна Орны, бывшаго, по преданію, на нынѣшней священной скалѣ мусульманъ, потому что гумна при всякомъ восточномъ городѣ располагаются рядомъ на прилегающихъ возвышенностяхъ. Если на скалѣ мечети Омара площадь древняго гумна соединялась съ приспособленіями для воды, то и здѣсь сохранился остатокъ безъискусственнаго водопроводнаго канала доисторическаго или Іевусеевскаго времени. Этотъ каналъ, открытый Варреномъ, вырубленъ въ скалѣ на 30 футовъ выше уровня водопроводовъ, бывшихъ здѣсь во времена перваго и второго храма.

5) Войнѣ Іуд. 1, 21, 1. „Въ пятнадцатый годъ своего царствованія Иродъ возобновилъ храмъ и обнесъ стѣною пространство земли вдвое большее, чѣмъ было прежде, τὴν περὶ αὐτὸν ἀνετειχίσατο χώραν τῆς ὄσης διπλασίαν... Доказательствомъ (τεκμήριον) сему служатъ большіе портики кругомъ святилища и присоединенный къ храму съ сѣверной стороны замокъ. Галлереи онъ перестроилъ (ἀνωκοδόμησεν) отъ основаній (ἐκ θεμελίων), а замокъ возобновилъ на большую смѣту, подобно царскому дворцу, и назвалъ Антоніею“. Прежде всего нужно замѣтить, что это свидѣтельство дано не въ спеціальномъ описаніи храма, а въ общемъ обзорѣ построекъ Ирода для доказательства богатства и щедрости этого царя. Само собою разумѣется, что по этому самому здѣсь нельзя и

предполагать какого либо новаго важнаго свидѣтельства, котораго не было бы въ обширныхъ спеціальныхъ Іосифовыхъ описаніяхъ храма. Повидимому, важное указаніе на то, что Иродъ удвоилъ площадь храма, нужно признать только случайнымъ риторическимъ выраженіемъ панегириста, высказаннымъ безъ всякаго положительнаго основанія, потому что въ противномъ случаѣ Іосифъ, безъ сомнѣнія, воспользовался бы этимъ важнымъ свѣдѣніемъ въ своей спеціальной исторіи площади храма. „Что Иродъ дѣйствительно расширилъ площадь храма, продолжаетъ Іосифъ, это видно изъ его галлерей вокругъ храма и изъ башни Антонія, которую онъ возобновилъ“. Но *возобновилъ* не значитъ расширилъ. Дѣйствительное расширеніе площади не могло явиться такъ легко, какъ говоритъ здѣсь Іосифъ. Дѣло шло здѣсь не о галлереяхъ только, а о той 400-локтевой насыпи и молѣ, которые въ другомъ мѣстѣ Іосифъ Флавій считаетъ дѣломъ длинныхъ вѣковъ, и которыхъ въ настоящемъ случаѣ онъ вовсе не замѣчаетъ. По словамъ Пайллу (335), Іосифъ въ настоящемъ случаѣ весьма напоминаетъ древняго живописца, расписывающаго на стѣнахъ египетскія или ассирійскія изображенія; ему ничего не стоитъ фигуру важнаго правителя представить въ два человѣческихъ роста.

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ Іосифа наибольшую важность придаютъ изслѣдователи тѣмъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ, повидимому, точно опредѣляются размѣры всей площади храма: *четыре стадіи*, по одной стадіи въ каждой сторонѣ (Antiqu. XV, 11, 3), или же, со включеніемъ Антоніи, *шесть стадій* (Bell. V, 5, 2). Между тѣмъ нынѣшняя площадь харамъ еш-шерифъ имѣетъ въ окружности всего $7^1/_3$ стадій, считая въ стадіи 400 еврейскихъ локтей. На этомъ основаніи

многіе изслѣдователи отдѣляютъ для храма Соломонова квадратъ въ 400 локтей или 600 футовъ то въ срединѣ нынѣшней площади харама, то на его углахъ, относя всю остальную часть харама къ постройкамъ Ирода [1]. Но мы уже говорили, что эти измѣренія Іосифа ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться точными [2]. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предположить, чтобы греческая стадія или другая совершенно равная ей единица измѣренія была извѣстна у древнихъ евреевъ и чтобы даже Иродъ могъ этою языческою мѣрою опредѣлять размѣры своего святилища. Весьма подозрительнымъ здѣсь представляется и то, что длина храмового мола у Іосифа оказывается совершенно равною его высотѣ (400 локтей = стадія). Мы уже говорили, что изъ этого поразительнаго совпаденія длины мола (стадія) и его высоты (400 локтей или одна стадія) графъ Вогюэ, вывелъ заключеніе объ ихъ абсолютномъ тождествѣ, предполагая, что въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется одно и то же измѣреніе длины, и что слово высота поставлено по ошибкѣ (вмѣсто *длина*). Мы, съ своей стороны, расположены объяснять это совпаденіе въ другомъ смыслѣ. Чрезвычайно подозрительное само по себѣ совпаденіе одинаковой мѣры длины, ширины и высоты храмовой стѣны въ одну греческую стадію будетъ еще болѣе подозрительнымъ, если мы вспомнимъ, что Страбонъ (XVI, 1, 5) и Геродотъ (1, 181—3), сочиненія ко-

[1] Варренъ. (The Recovery of Jerusalem, 317) даетъ длинѣ Соломоновыхъ храмовыхъ дворовъ съ востока на западъ полторы стадіи (900 футовъ), а ширинѣ съ сѣвера на югъ одну стадію (600 футовъ). Мюлау (Riehm, Wörterbuch, 1, 682) даетъ длинѣ храма Соломонова одну стадію съ востока на западъ (400 локтей), а ширинѣ съ сѣвера на югъ половину стадіи (200 локтей).—[2] Несомнѣнно, говоритъ Варренъ, что Іосифъ Флавій не зналъ точныхъ измѣреній двора храма и о четырехъ стадіяхъ говоритъ наудачу (Warren. The Temple or the Tomb. 1880, 87).

*

торыхъ часто цитуются Іосифомъ Флавіемъ, именно этою мѣрою одной стадіи длины, ширины и высоты опредѣляютъ размѣры главнаго храма въ Вавилонѣ. Судя по всему характеру сочиненій Іосифа, можно предположить, что въ опредѣленіи размѣровъ іерусалимскаго храма онъ сообразовался, въ какихъ-то своихъ разсчетахъ, съ размѣрами вавилонскаго храма. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ площадь храма съ Антоніею Іосифъ опредѣляетъ не въ четыре, а въ шесть стадій, между тѣмъ Антонія увеличивала размѣры площади храма развѣ только на $^1/_4$ стадіи. Очевидно, что въ длинѣ и ширинѣ площади храма Іосифъ считалъ въ дѣйствительности больше чѣмъ одну стадію или 400 локтей и только по какой-то задней мысли обращался къ стадіи. Не согласуется стадія Іосифа и съ свидѣтельствомъ іудейскаго преданія. Извѣстно, что по изображенію пр. Іезекіиля площадь святилища представляла исполинскій четыреугольникъ 500 еврейскихъ саженъ или 3,000 локтей въ каждой сторонѣ [1], съ прибавленіемъ на каждой сторонѣ еще 50 локтей (Іезек. 45 2. См. Фергюссонъ, The Temples of the Jews, 63). Конечно, послѣднее измѣреніе, обнимающее почти всю площадь Іерусалима, представляетъ символическую и таинственную цифру, не имѣющую отношенія къ историческому храму. Тѣмъ не менѣе эта символическая цифра принята іудейскимъ преданіемъ какъ мѣра историческаго храма, причемъ, для нѣкотораго соотвѣтствія съ мѣстностію, сажени измѣнены въ локти. Такимъ образомъ, рядомъ съ фиктивною мѣрою одной стадіи или 400 локтей длины и ширины

[1] Такъ глоссируется это мѣсто въ русскомъ переводѣ. Въ еврейскомъ же текстѣ и у LXX здѣсь открытое выраженіе: *„квадратное пространство 500 на 500“* (неизвѣстно чего: локтей, или саженей, или тростей). Впрочемъ, дальнѣйшій контекстъ заставляетъ предполагать здѣсь не локти, а сажени или трости.

площади храма Іосифа, находимъ другую фиктивную мѣру 500 локтей мишны и всего іудейскаго преданія.

Уже само іудейское преданіе даетъ знать, что мѣра 400 или 500 локтей не могла быть полною мѣрою ветхозавѣтнаго храма или его наружнаго мола. Анонимный комментарій мишны, называемый Piske Thossaphoth (§ 5), говоритъ, что внѣшній дворъ храма имѣлъ не 500 локтей, какъ показано въ мишнѣ, но гораздо больше, и этотъ излишекъ отъ 500 локтей не показанъ, потому что часть историческаго храма, превосходившая 500 локтей, указанныхъ Іезекіилемъ, считалась не священною и какъ бы не существовавшею. По другому свидѣтельству, сохранившемуся въ вавилонскомъ талмудѣ (Ioma fol. 12, 1; Meguilla, 26, 1), святилище было такъ велико, что его территорія раздѣлялась между двумя колѣнами: храмъ, святое святыхъ, уламъ, жертвенникъ принадлежали колѣну Веніамина, но внѣшній дворъ въ той своей части, гдѣ своды лежали на сводахъ (Aboth рабби Натана, 35), т. е. южная часть нынѣшняго харама, принадлежалъ колѣну Іуды. Эти неясныя свидѣтельства іудейскаго преданія нужно понимать въ томъ смыслѣ, какой указанъ въ Апок. 11, 1–2, что крайнюю часть двора, какъ принадлежавшую язычникамъ, не считали нужнымъ измѣрять съ такою точностію, съ какою измѣрялись внутренніе дворы. Такимъ образомъ, общую мѣру всей площади храма нужно считать потерянною преданіемъ. Неслучайно ни у кого изъ ветхозавѣтныхъ писателей не сохранилось даже упоминанія о той части двора, которая посѣщалась язычниками. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія модель К. Шика съ двумя внѣшними дворами, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ по точной мѣрѣ Іосифа въ одну стадію длины и ширины, и имѣетъ описанныя у Іосифа двойныя и тройныя гал-

лереи, а другой, самый внѣшній дворъ, подъ именемъ базарнаго двора, занимаетъ крайнюю полосу нынѣшняго харама, не обнимаемую пространствомъ одной стадіи и въ преданіи остающуюся неизмѣренною. Пайллу въ своей монографіи о храмѣ Соломона (333) предлагаетъ себѣ такой вопросъ: почему Іосифъ Флавій, наклонный вообще къ преувеличеніямъ, могъ уменьшить размѣры ветхозавѣтнаго храма [1]? „Дѣло, по его мнѣнію, объясняется тѣмъ, что пророкъ Іезекіиль, систематически умалчивающій о дворѣ языковъ, опредѣляетъ размѣры храма въ 500 локтей въ квадратѣ, разумѣя при этомъ не самую наружную ограду, но ограду втораго двора израильтянъ. Талмудическія показанія, придерживающіяся не наружныхъ, а внутреннихъ измѣреній, даютъ двору израильтянъ 400 локтей длины (?), выключая 100 локтей на галлереи и стѣны того же двора израильтянъ. Эту мѣру 400 локтей или одну стадію Іосифъ Флавій принимаетъ какъ общую мѣру храма. Такимъ образомъ Іосифъ Флавій допускаетъ двѣ ошибки: *а)* обращаетъ во внѣшній дворъ тотъ внѣшній дворъ, который у пророка Іезекіиля называется внѣшнимъ только по отношенію къ внутреннему двору священниковъ, но который въ дѣйствительности не былъ самымъ внѣшнимъ, предваряясь еще дворомъ языковъ; *б)* внутреннюю мѣру двора израильтянъ (400 локтей) обращаетъ во внѣшнюю, которая была 500 локтей“. Во всякомъ случаѣ, нужно кажется согласиться съ тѣмъ, что и Іосифъ Флавій и іудейское преданіе мало занимаются дѣйствительнымъ измѣреніемъ внѣшняго двора храма, а скорѣе представляютъ только толкованія символиче-

[1] Впрочемъ, это не единственный случай сокращенія дѣйствительныхъ измѣреній у Іосифа. Подобнымъ образомъ сокращаются у него размѣры ковчега завѣта Мойсея, размѣры Геннисаретскаго озера и т. д.

скихъ измѣреній пророка Іезекіиля. Этимъ объясняется и то, что, вопреки нынѣшнему виду харама, Іосифъ и мишна продолжаютъ называть внѣшній дворъ храма квадратнымъ. Нужно припомнить, что у Вильгельма Тирскаго (8, з) называется квадратною и нынѣшняя площадь харамъ еш-шерифъ [1].

Такимъ образомъ мы не находимъ такихъ древнихъ свидѣтельствъ, на основаніи которыхъ можно было бы предполагать расширеніе храмового мола въ періодъ второго іерусалимскаго храма. Нѣтъ такихъ свидѣтельствъ и изъ позднѣйшаго времени. Если Кондеръ (Palestine Exploration. Fund Quart. Statement, 1874, 261) доказывалъ, что размѣры площади харамъ еш-шерифъ измѣнялись въ магометанскій періодъ, то въ настоящее время онъ самъ отказался отъ такого предположенія и площадь харама считаетъ неизмѣнною во все время владычества мусульманъ (Quart. Statement, 1880, 98). Кстати замѣтить здѣсь, что въ сѣверной стѣнѣ харама у воротъ Bab-Atm, съ западной стороны, Клермонъ-Ганно открылъ древне-арабскую надпись, опредѣляющую границы площади харамъ еш-шерифъ въ 784 локтя длины и 455 локтей ширины по локтю имама (царскому). Такіе же размѣры площади харама даются въ сочиненіи испанскаго араба Ибнъ-Абдъ-Раббигъ, умершаго въ 939 по Р. Хр. (Zeitschrift des deutschen Pal. Vereins, 1881, 89). По вычисленію Кондера, локоть имама равняется 2 англійскимъ футамъ,

[1] Другое измѣреніе площади храма шестью стадіями Іосифъ связываетъ съ построеніемъ крѣпости Антонія; слѣдовательно, здѣсь нельзя видѣть указанія на расширеніе храма не только на сѣверѣ, но и на югѣ. По мнѣнію Пайлзу (381) шесть стадій окружности нужно понимать въ томъ смыслѣ, что каждая изъ сторонъ четыреугольника имѣла $1^1/_2$ стадіи или 750 локтей; напротивъ Вогюэ продольнымъ сторонамъ, идущимъ отъ сѣвера къ югу, даетъ по двѣ стадіи, а поперечнымъ по одной.

3 дюймамъ; такимъ образомъ, длина 784 локтя равняется найденной нынѣ длинѣ харама по западной его чертѣ или 1,601 футамъ, а ширина 455 локтей имама равняется ширинѣ харама по сѣверной его чертѣ или 1,042 футамъ.

Многіе изслѣдователи (напр., Вогюэ, Le Temple, 22) придаютъ важное значеніе свидѣтельствамъ Іосифа, что Иродъ галлереи храма построилъ заново отъ самыхъ основаній, слѣдовательно, вмѣстѣ со всѣмъ моломъ (Bell. 1, XXI, 1), и вообще приступая къ постройкѣ снялъ прежнія основанія и замѣнилъ ихъ новыми (Antiqu. XV, 11, 3). Мы уже говорили, что не считаемъ возможнымъ понимать эти свидѣтельства въ буквальномъ смыслѣ: *а)* Для іудеевъ времени Иродова каждый камень, съ которымъ соединялось имя Соломона, былъ священнымъ; разметать старыя основанія и замѣнить ихъ новыми, поэтому, было бы оскорбленіемъ для всего народа. *б)* Съ храмомъ, предшествовавшимъ Ироду, построеннымъ Зоровавелемъ, было связано пророчество Аггея о явленіи утѣхи Израилевой. Слѣдовательно, снятіе этого храма до послѣднихъ его основаній было бы посягательствомъ на вѣрованія и чаянія народа. *в)* Вновь построенный Иродомъ храмъ іудеи продолжаютъ называть вторымъ храмомъ, а не третьимъ, что было бы ошибочно и невозможно, если бы храмъ Ирода отъ самыхъ основаній его былъ новымъ. *г)* Если бы Иродъ снялъ всѣ основанія предшествовавшаго храма, то въ его собственномъ храмѣ не могло бы быть портика и стѣны Соломоновой. *д)* Если бы прежній храмъ былъ срытъ до основанія, то, вмѣстѣ съ этимъ, конечно, прервалось бы богослуженіе и іудеи остались бы на время безъ святилища, между тѣмъ, по свидѣтельству того же Іосифа, этого не было, и богослуженіе въ храмѣ во время

работъ Ирода не прерывалось. *е)* Иродъ располагалъ гораздо меньшими средствами, чѣмъ строитель перваго храма. Соломонъ имѣлъ 200,000 рабочихъ и строилъ храмъ безъ перерыва 7 лѣтъ. Иродъ же имѣлъ всего 10,000 рабочихъ и строилъ 10 лѣтъ. Но работа 200,000 человѣкъ, въ теченіе 7 лѣтъ, къ работѣ 10,000 человѣкъ, въ теченіе 10 лѣтъ, относится какъ 14 къ 1. При такихъ средствахъ Иродъ не могъ считать негодными стѣны Соломона и замѣнять ихъ своими.

Хотя, такимъ образомъ, мы не можемъ признать точными показанія Іосифа Флавія и мишны о размѣрахъ внѣшняго двора и величинѣ храмового мола, но, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, мы должны исходить изъ тѣхъ же показаній. Мы соглашаемся признать, что цифра 500, указанная пророкомъ Іезекіилемъ и понятая преданіемъ въ смыслѣ локтей, имѣла нѣкоторое отношеніе къ площади храма, какъ круглая цифра ея измѣреній. Къ этому нужно прибавить, что, по указанію того же пророка (45, 2), кругомъ пространства 500 локтей была еще полоса священной земли, опредѣляемая пророкомъ въ 50 локтей съ каждой стороны. Такимъ образомъ четыреугольникъ площади храма увеличивался еще на 100 локтей въ длину и ширину и имѣлъ 600 локтей или 900 футовъ въ квадратѣ (см. Paine, Salomons Tempel and Capitol, p. 37, 38, 41, 45, 47). Если имѣть въ виду внутреннюю широту нынѣшней площади харама, въ южномъ ея концѣ, то для глаза 900 футовъ могутъ казаться приблизительно вѣрною цифрою измѣренія. Но этой цифры далеко недостаточно даже для приблизительнаго измѣренія длины площади харама съ сѣвера на югъ.

Кромѣ квадратнаго пространства въ 900 футовъ, имѣвшаго высшее священное значеніе, пророкъ Іезекіиль (43, 21) указываетъ въ святилищѣ еще особенное отдѣленіе, имѣвшее низшую степень святости, подъ именемъ Miphkad ha-baith, по LXX: отдѣленное мѣсто, въ славянскомъ *отлученная часть храма,* Вульгатѣ: locus separatus, Таргумѣ: locus idoneus. Здѣсь, между прочимъ, сожигались такія жертвы, которыя не могли быть принесены на жертвенникъ всесожженій (Іезек. 43, 21). Это отдѣленіе, хотя указанное въ описаніи таинственнаго храма, нужно считать исторически существовавшимъ при ветхозавѣтномъ храмѣ, такъ какъ его имя упоминается и въ историческихъ книгахъ, и мѣсто его нужно полагать именно въ сѣверной части площади харамъ еш-шерифъ. Ворота Мифкадъ, упоминаемыя Неем. 3, 31 и очевидно имѣвшія отношеніе къ этой части храма, всѣми почти изслѣдователями указываются между золотыми воротами и сѣверо-восточнымъ угломъ древняго города, кромѣ Фергюссона и Перро, которые весьма некстати помѣщаютъ отдѣленіе храма Мифкадъ на юго-западномъ углу харама (Histoire de l'art, IV, p. 270; The Temple of the Jews, Plate 1). И такъ принятый нами въ основаніе квадратъ священнаго мѣста въ 900 футовъ расширялся на сѣверной сторонѣ еще особеннымъ отдѣленіемъ неуказанной величины, обведеннымъ снаружи общею стѣною храмового мола, но извнутри отдѣлявшимся отъ дворовъ храма. На томъ основаніи, что Іосифъ упоминаетъ также о нѣкоторомъ сѣверномъ прибавленіи къ площади храма и даетъ ему протяженіе двухъ стадій, т. е. вдвое меньшее, чѣмъ протяженіе остальной части храмовой площади, можно думать, что это отдѣленіе обнимало приблизительно цѣлую треть харама. У Іосифа оно относится вообще къ крѣпости

Антонія; но, такъ какъ послѣдняя лежала на сѣверо-западномъ углу, то уголъ сѣверо-восточный могъ имѣть еще другое назначеніе. И все вообще это сѣверное отдѣленіе, до появленія въ немъ крѣпости Варисъ-Антонія, должно было имѣть другое назначеніе.

Важное свидѣтельство о назначеніи этого сѣвернаго отдѣленія площади храма находимъ 2 Пар. гл. 31, гдѣ говорится, что, вслѣдствіе предписанія царя Езекіи о строгомъ соблюденіи узаконенныхъ Мойсеемъ десятинъ священникамъ и левитамъ, было собрано во дворѣ храма великое множество всякихъ приношеній для продовольствія священниковъ, хлѣба, вина, масла, меду, десятины всѣхъ полевыхъ произрастеній, также множество скота крупнаго и мелкаго. Въ виду этого множества приношеній, доставка которыхъ на дальнѣйшее время теперь была строго регулирована, царь Езекія повелѣлъ устроить при самомъ храмѣ, на его площади, склады для приношеній, и начальниками складовъ назначилъ двухъ братьевъ, Хонанію и Шимея. У Іосифа Флавія библейское выраженіе о „построеніи Езекіею складовъ для приношеній“ объясняется такъ: „и построилъ Езекія священникамъ домы и житницы и поселилъ ихъ тамъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми“ (Antiqu. IX, 13, 3). Такимъ образомъ, кромѣ складовъ или магазиновъ, здѣсь были и помѣщенія для нѣкоторыхъ священниковъ, имѣвшихъ наблюденіе надъ порядкомъ приношеній. О существованіи этихъ складовъ Езекіи при храмѣ въ періодъ второго храма упоминается въ кн. Неем. 10, 38—39. Хотя зданій складовъ здѣсь могло быть много, но между ними особенно были извѣстны двѣ башни складовъ, лежавшія при самой сѣверной чертѣ храмовой площади и носившія названія *Хананелъ* и *Меа*. Первоначально ихъ называли: *башня Хонаніи* и *башня Шимея,* по именамъ

начальствовавшихъ здѣсь двухъ братьевъ-священниковъ, но въ народномъ произношеніи имя Хонаніи скоро измѣнилось въ Хананелъ, можетъ быть для созвучія съ словомъ chanuth, ханъ или караванъ-серай (Хананелъ= ханъ народа Божія), а имя Шимея измѣнилось въ Меа, что собственно значитъ *сотенная* часть или десятина десятины левитовъ (Неем. 5, 11). Такимъ образомъ башни Хананелъ и Меа, имѣющія столь важное значеніе для топографіи древняго Іерусалима, были первоначально единственныя, а потомъ главныя зданія, такъ называемой „отлученной части“ храма, назначенной для складовъ священническаго продовольствія. Такое происхожденіе и назначеніе башенъ Хананелъ и Меа подтверждается тѣмъ, что *а)* какого-либо военнаго назначенія съ башнями Хананелъ и Меа первоначально не соединяется и онѣ находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи священниковъ (Неем. 3, 1); что *б)* магазины Хонаніи и Шимея строются царемъ Езекіею, а царь Езекія былъ также строителемъ такъ называемой второй іерусалимской стѣны, съ сѣвернымъ концомъ которой встрѣчались башни Хананелъ и Меа, и что *в)* раньше царя Езекіи, построившаго склады Хонаніи и Шимея, не упоминаются и башни Хананелъ и Меа (первый разъ у пророка Іереміи, потомъ у Нееміи). Такъ какъ въ отдѣленіе складовъ при храмѣ, явившееся при Езекіи, постоянно сгонялись цѣлыя стада скота (2 Пар. 31, 6), то отсюда и тѣ ворота, которыми ихъ сгоняли, получили названіе воротъ Овечьихъ. Этими воротами, какъ и башнями Хананелъ и Меа, завѣдуютъ непосредственно священники (Неем. 3, 1); и они также неизвѣстны прежде царя Езекіи. Что касается положенія Овечьихъ воротъ, то всѣ почти изслѣдователи помѣщаютъ ихъ въ сѣверной части нынѣшняго харама. Изъ Неем. 3, 1 видно,

что Овечьи ворота находились именно *посрединѣ* между башнями Хананелъ и Меа. „И построили ворота Овечьи, и освятили, до башни Меа (съ одной стороны) и до башни Хананелъ (съ другой стороны)“. Этими словами опредѣляется внѣшняя сѣверная линія храмовой площади. Можно представлять, согласно съ барономъ фонъ-Альтеномъ, что башни Хананелъ и Меа лежали на углахъ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ, а ворота Овечьи на срединѣ между ними по прямой линіи, западнѣе пруда Биркетъ Исраелъ. Такъ какъ съ глубины прилегающей долины, впослѣдствіи образовавшей прудъ Биркетъ Исраелъ, всходъ на платформу храма былъ затруднителенъ, то, для удобства приносящихъ десятины, здѣсь былъ сдѣланъ въ направленіи на западъ, съ наружной стороны сѣвернаго мола храма, подъемъ, на мѣстѣ двухъ позднѣйшихъ корридоровъ или портиковъ, существующихъ донынѣ въ западной стѣнѣ Биркетъ Исраелъ. Найденныя здѣсь Варреномъ ступени, вырубленныя въ скалѣ, достаточно свидѣтельствуютъ, что корридоры эти не были только водопроводными каналами. Въ верхней своей части подъемъ измѣнялъ свое западное направленіе на югъ и приводилъ къ воротамъ Овечьимъ, которыя, вѣроятно, соотвѣтствовали нынѣшнимъ воротамъ Хитта, лежащимъ въ срединѣ сѣверной стѣны харама и по своему имени (Хитта, пшеница) также напоминающимъ о древнихъ приношеніяхъ десятинъ. Здѣсь же, въ отлученной части храма, былъ домъ храмовой полиціи, а слѣдовательно и верхнія ворота Веніаминовы (Іерем. 20, 2; Неем. 12, 39).

Другое свидѣтельство о сѣверной „отлученной“ части храма находимъ у Іосифа Флавія. „Одинъ изъ іудейскихъ первосвященниковъ, Гирканъ, первый называвшійся этимъ именемъ, построилъ вблизи храма за́мокъ

и жилъ въ немъ. Здѣсь же, въ своемъ жилищѣ, онъ хранилъ и первосвященническія одежды, когда, выходя въ городъ, онъ долженъ былъ надѣвать обыкновенныя одежды". Такъ какъ объ этомъ зàмкѣ говорится, что онъ былъ *вблизи храма,* то, очевидно, онъ не былъ въ самомъ дворѣ храма. Но, съ другой стороны, этотъ зàмокъ не лежалъ и въ чертѣ города, такъ какъ его мѣсто противопоставляется городу и такъ какъ въ немъ хранятся первосвященническія одежды, которыя не должны были переходить за границы святилища. По свидѣтельству Іосифа, зàмокъ Гиркана съ тою цѣлію и былъ построенъ, чтобы служить хранилищемъ первосвященническаго облаченія, и былъ извѣстенъ подъ именемъ „замка первосвященническихъ одеждъ". Даже Иродъ, построившій позже крѣпость Антонію на этомъ мѣстѣ, между прочимъ, назначалъ ее быть ризницею первосвященническаго облаченія. Здѣсь, за печатью священниковъ и казнохранителей храма, въ особой камерѣ, лежали священныя одежды, и только трижды въ годъ, ко днямъ великихъ праздниковъ, выдавались первосвященнику, который, по совершеніи законнаго богослуженія, возвращалъ ихъ обратно въ крѣпость. Такъ какъ, съ занятіемъ сѣверо-западнаго угла харама и крѣпости Антонія римлянами, это мѣсто считалось іудеями оскверненнымъ и оскверняло священныя одежды, то іудеи успѣваютъ, наконецъ, возвратить ихъ изъ крѣпости во внутренній дворъ храма. Объ этихъ обстоятельствахъ Іосифъ Флавій свидѣтельствуетъ три раза: Antiqu. XV, 11, 4; XVIII, 4, 3; XX, 1, 1—2. Такимъ образомъ въ сѣверной отлученной части храма находимъ не только склады священническихъ десятинъ, но и дорогія богослужебныя вещи или главную храмовую ризницу. Это показываетъ, что сѣверная часть храма

была укрѣплена больше другихъ частей храма, если не по своему естественному положенію, болѣе доступному здѣсь для непріятельскихъ нападеній, чѣмъ въ другихъ частяхъ храма, то по своимъ стѣнамъ и башнямъ. Поэтому и Иродъ обратилъ въ крѣпость эту часть храма, какъ наиболѣе укрѣпленную. Такимъ образомъ, изъ складовъ и магазиновъ постепенно образовалась сильная храмовая крѣпость.

Не менѣе любопытное свидѣтельство изъ исторіи сѣверной части храма находимъ 1 Макк. 9, 54; Antiqu. XII, 10, 6. „Первосвященникъ Алкимъ хотѣлъ разорить внутреннюю стѣну храма и такимъ образомъ разрушить дѣло пророковъ, за что и былъ наказанъ отъ Бога апоплексическимъ ударомъ“. Спрашивается, какую здѣсь нужно разумѣть внутреннюю стѣну храма, построенную пророками? Такъ какъ мы не имѣемъ основанія какую-либо стѣну храма считать пророческимъ созданіемъ въ буквальномъ смыслѣ, то въ приведенномъ мѣстѣ нужно разумѣть одну изъ тѣхъ стѣнъ, въ которыхъ находили соотвѣтствіе съ планомъ храма пророка Іезекіиля и можетъ быть ту именно внутреннюю стѣну, которая образовала сѣверное отдѣленіе или отлученную часть святилища. Какъ видно изъ книги Нееміи, названіе „отлученной части“ оставалось за сѣверною частію храма; но оно казалось оскорбительнымъ такому лицу, какимъ былъ первосвященникъ Алкимъ, поселившійся здѣсь, на мѣстѣ Хонаніи и Шимея. Чтобы положить конецъ такому титулованію своей резиденціи, Алкимъ рѣшается разрушить границу, отдѣлявшую ее отъ остальной части храма. Можетъ быть, при этомъ, Алкимъ имѣлъ въ виду сдѣлать внутреннюю часть святилища болѣе доступною для постоянныхъ непосредственныхъ своихъ наблюденій; подобнымъ образомъ царь Агриппа, интересуясь наблю-

дать изъ оконъ своего дворца священнодѣйствія священниковъ, совершавшіяся во внутреннемъ дворѣ храма, распорядился было срыть стѣну внутренняго дворца съ запада (Antiqu. XX, 8, 11). Во всякомъ случаѣ, какъ при Агриппѣ, такъ и при Алкимѣ, предпріятіе срытія стѣны внутренняго двора не удалось и, слѣдовательно, сѣверное отдѣленіе хозяйственныхъ складовъ продолжало оставаться отлученною частію, не смотря на то, что оно было на общей храмовой площади, не смотря на то, что теперь здѣсь жилъ для наблюденій за народными приношеніями самъ первосвященникъ и что здѣсь хранились нѣкоторыя дорогія богослужебныя принадлежности.

Оставалось ли при Иродѣ Великомъ то же значеніе храмовыхъ складовъ за сѣверною частію храма? Безъ сомнѣнія оставалось; но такъ какъ при Иродѣ была наиболѣе укрѣплена и передѣлана сѣверо-западная часть, обращенная въ башню Антонію, то это дало поводъ Іосифу Флавію всю сѣверную отлученную часть храма, имѣвшую, по его мнѣнію, окружность двухъ стадій, относить къ крѣпости Антонія. Самая крѣпость Антонія при Иродѣ потеряла первоначальное назначеніе охраны храмового хозяйства и стала мѣстомъ военнаго наблюденія за порядкомъ въ храмѣ во время большихъ народныхъ собраній (Bell. V, 5, 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ она поставлена была въ болѣе близкую связь съ галлереями большого двора храма, такъ что этотъ послѣдній сталъ даже именоваться ея именемъ, а отъ мѣста храмовыхъ складовъ, сосредоточившихся въ сѣверо-восточной части харама, была отдѣлена стѣною, въ виду нерѣдкихъ посягательствъ на храмовую собственность со стороны языческаго гарнизона, занимавшаго крѣпость. Поэтому совершенно правильно на модели Иродова храма К. Шика

сѣверная отлученная часть храма подраздѣляется на два отдѣленія, меньшее сѣверо-западное и большее сѣверо-восточное, хотя К. Шикъ неправильно оба эти отдѣленія замѣщаетъ военнымъ гарнизономъ крѣпости (въ такомъ случаѣ зачѣмъ было бы раздѣлять это мѣсто на два отдѣленія?) и происхожденіе всей сѣверной „отлученной части“ храма относитъ только ко времени реставраціи храма Иродомъ.

Во время внутреннихъ смятеній въ Іерусалимѣ, предъ наступленіемъ на городъ войскъ Тита, по описанію Іосифа Флавія (Bell. V, 1, 2—4), площадь храма находилась въ рукахъ двухъ партій: Іоаннъ съ своими сообщниками занимаютъ внѣшній дворъ храма, а Елеазаръ съ Зилотами — внутренній дворъ и *священные начатки*. Такъ какъ, такимъ образомъ, о мѣстѣ, занятомъ Елеазаромъ, и его задачѣ дѣлается двойное опредѣленіе (охраненіе внутренняго двора, гдѣ совершались священнодѣйствія, Bell. V, 1, 2, и охраненіе начатковъ, Bell. V, 1, 4), то очевидно здѣсь имѣются въ виду два различные пункта храма. И изъ подробнаго описанія храма Иродова въ мишнѣ не видно, чтобы во внутреннемъ дворѣ святилища могли храниться какіе либо другіе припасы, кромѣ необходимыхъ для жертвоприношенія дровъ, воды, небольшого количества соли, вина и елея. Да и немыслимо, чтобы, при высокой отдѣлкѣ внутренняго двора, онъ могъ загромождаться сырыми продуктами такъ называемыхъ начатковъ. Поэтому Елеазаръ, занимавшій внутренній дворъ, долженъ былъ занимать также и склады начатковъ или сѣверную „отлученную“ часть храма царя Езекіи. Для разъясненія этого обстоятельства нужно припомнить, что, по свидѣтельству мишны и Іосифа Флавія, изъ внутренняго двора священниковъ были *подземныя* сообщенія съ сѣверною

частію храма, доходившія до какихъ-то особенныхъ воротъ, которыми никто не могъ входить, кромѣ священниковъ. Такимъ образомъ, кто владѣлъ внутреннимъ дворомъ и его подземными ходами, тотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣлъ и сѣвернымъ отдѣленіемъ складовъ. Іоаннъ же, предводитель другой партіи, занимавшій большой или внѣшній дворъ храма и находившійся, повидимому, ближе къ отлученной части храма на сѣверѣ, не могъ занять ея, потому что съ внѣшняго двора народнаго туда не было доступа. Замѣчательно, что въ этомъ раздѣленіи храма между партіями Іоанна и Елеазара не упоминается Антонія. По ходу разсказа, ее необходимо представлять въ рукахъ Елеазара, вмѣстѣ съ складами десятинъ, потому что, какъ описываетъ Іосифъ, Елеазаръ занималъ болѣе высокіе пункты храма, а Іоаннъ, напротивъ, нижніе пункты и находился *подъ* Елеазаромъ, а между тѣмъ мѣсто крѣпости Антонія было самымъ возвышеннымъ пунктомъ храма. И такъ, одного приведеннаго эпизода достаточно, чтобы убѣдить изслѣдователя въ дѣйствительномъ существованіи и въ храмѣ Ирода особенной „отлученной“ сѣверной части, отдѣленной отъ дворовъ храма глухою каменною стѣною и галлереями.

Кажется, что эта часть храма, занятая священническимъ хозяйствомъ, называлась также Бетъ-ѳагія (складъ фигъ или вообще садовыхъ продуктовъ). По крайней мѣрѣ въ талмудѣ есть много сказаній, помѣщающихъ Бетъ-ѳагію на восточной окраинѣ города Іерусалима, внутри городской стѣны и въ ближайшей связи съ внутреннимъ дворомъ святилища. Напр. мишна, Pesachim, 8: „рабби Симеонъ говорилъ: два священныхъ хлѣба должны быть принимаемы одинаково, будутъ ли они приготовлены въ azarah (внутренній дворъ храма), или въ Бетъ-ѳагіи“. Очевидно, здѣсь разумѣется какое-то привиллегирован-

ное мѣсто при самомъ святилищѣ, могущее въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнить внутренній дворъ священниковъ. Въ вавилонскомъ талмудѣ, Pesach. 63, 2, предлагается вопросъ: „что значитъ выраженіе *за стѣною,* встрѣчающееся въ галахѣ праздника Пасхи? По объясненію рабби Іоханана, это значитъ *за стѣною Бетъ-ѳагіи,* а по объясненію Решъ-Лакиша — *за стѣною азары* или внутренняго двора". Въ галахѣ о благодарственной жертвѣ, обставленной менѣе строгими предписаніями, чѣмъ другія жертвы, предписывается „считать эту жертву священною, даже если она устроена внѣ азары (внутренняго двора храма), но не считать ее таковою, если она совершена внѣ стѣны Бетъ-ѳагіи" (вавилонскій Menahoth, 78, 2). Для одного религіознаго обряда десятинъ требовалось, чтобы хлѣбъ былъ вымолоченъ внутри стѣнъ Бетъ-ѳагіи (Baba mezia, 90, 1). Обыкновенно здѣсь разумѣютъ городской кварталъ, якобы лежавшій на востокъ отъ храма и входившій въ городскую восточную стѣну. Но крайняя восточная стѣна Іерусалима была именно стѣна или молъ храма, а потому и Бетъ-ѳагію, огражденную стѣною и лежащую при храмѣ, нужно помѣщать на платформѣ горы храма, и притомъ на сѣверной сторонѣ складовъ, идея которыхъ дана уже въ самомъ имени Бетъ-ѳагіи. Нужно замѣтить при этомъ, что упоминаемая въ приведенныхъ мѣстахъ Бетъ-ѳагія, лежавшая въ стѣнахъ Іерусалима, отличается отъ Бетъ-ѳагіи — отдѣльнаго селенія, лежавшаго рядомъ съ Виѳаніею и упоминаемаго Матѳ. 21 1; Лук. 19, 29.—Къ этой же сѣверной „отлученной части" храма относится и названіе παστοφόριον, встрѣчающееся у LXX толковниковъ (Іерем. 35, 4) и въ книгѣ 1 Макк. 4, 38 [1].

[1] Въ раввинской литературѣ это мѣсто называется *амбарами десятинъ* (Тосефта, Pesachim, 57, a, ср. Jof. Fl., Antiqu. XX, 8, 8; XX, 9, 2).

*

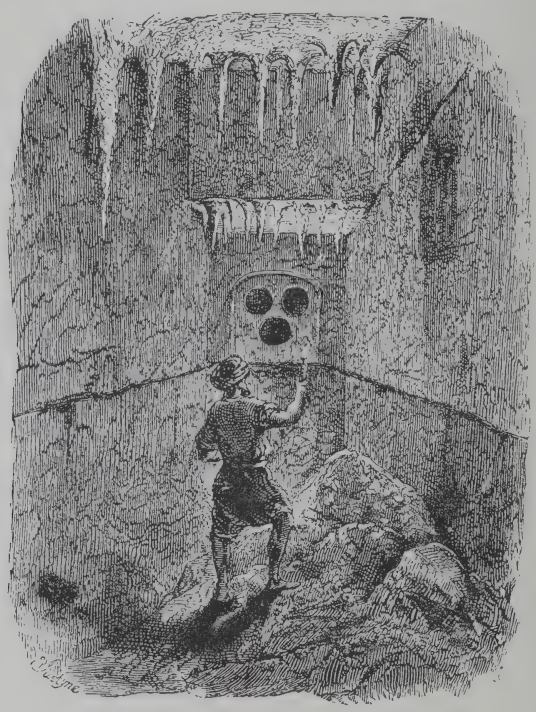
Наконецъ, въ мишнѣ и въ сочиненіяхъ Іосифа съ сѣверною стороною храма соединяются еще слѣдующіе отдѣльные пункты, характеризующіе ея назначеніе: ворота *Тери* и прудъ *Струѳіонъ*.

О воротахъ Тери даются довольно подробныя, хотя и загадочныя, сообщенія въ мишнѣ. Это были сѣверныя ворота въ территоріи храма, но такія, которыми никто никогда не ходилъ" (Middoth, 1, 3). Это были подземныя ворота или дверь, имѣвшая отношеніе къ подземному проходу, который отъ священнической караульни Бетъ-Мокедъ во внутреннемъ дворѣ храма шелъ подъ мостовой горы храма и которымъ священники ходили до подземной купальни или, что то же, воротъ Тери. „Если съ кѣмъ либо изъ священниковъ, стражей храма, проводившихъ ночь во внутреннемъ дворѣ, случалось ночное оскверненіе, указанное Лев. 15, 16, тотъ немедленно сходилъ по лѣстницѣ, которая вела въ подземный ходъ подъ мостовой, постоянно освѣщавшійся факелами, и доходилъ до мѣста купанья. Рабби Елеазаръ сказалъ: подземелье шло въ направленіи подъ Chel (валовъ, отдѣлявшихъ внутренній дворъ отъ внѣшняго); и такимъ образомъ доходили до Тери" (Midd. 1, 9). Далѣе, ворота или дверь Тери имѣла совершенно особенный видъ: это не было то, что обыкновенно называютъ дверью, а особенный большой камень или два камня, лежавшіе одинъ на другомъ, въ которыхъ было вырублено подобіе двери, подобіе верхняго косяка и боковыхъ притолокъ" (Middoth, 2, 3). Дверь эта носила названіе *Теди* или, какъ исправляется это чтеніе въ Тосефтѣ, *Тери*, названіе, очевидно, взятое изъ греческаго слова τρὶ, *три*, трижды. До настоящаго времени изслѣдователи не дали надлежащаго объясненія такому странному названію двери, ея виду и назначенію. Какимъ образомъ могла суще-

ствовать дверь, которою никто никогда не ходилъ? Какимъ образомъ эта дверь могла быть вся вырублена въ камнѣ? Въ какой связи эта дверь стоитъ съ подземельемъ и купѣлью? Безъ рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ дѣло не можетъ быть выяснено.

Случайно всѣ эти вопросы объяснились въ одномъ открытіи Варрена на сѣверной сторонѣ площади храма. Роясь въ подземной галлереѣ, въ поискахъ за сѣверо-восточнымъ угломъ харама, котораго подъ нынѣшнею почвою не оказалось на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, Варренъ нашелъ, въ разстояніи 8 футовъ на сѣверъ отъ линіи наружнаго сѣверо-восточнаго угла и на глубинѣ 48 футовъ подъ нынѣшнимъ грунтомъ земли, щель въ стѣнѣ харама, которая привела его въ большой подземный проходъ, идущій отъ стѣны до Биркетъ Исраелъ, съ востока на западъ, длиною 46 футовъ. Сводъ и стѣны въ проходѣ сложены изъ хорошо отдѣланныхъ большихъ камней, достигающихъ (въ стѣнахъ) до 18 футовъ длины и до 4½ фут. высоты. Свѣшивающіяся съ потолка большія сталактитовыя образованія даютъ подземелью, при достаточномъ освѣщеніи, очень живописный видъ. Закрывая собою щели между камнями потолка, сталактиты даютъ ему подобіе натуральнаго образованія въ живой скалѣ, хотя на самомъ дѣлѣ скала отстоитъ отсюда еще на 20 фут. глубины. Спускъ въ подземелье, въ видѣ лѣстницы, сложенной изъ камня, найденъ на восточномъ концѣ; нынѣ онъ заваленъ. Дно прохода, начиная отъ лѣстницы на западъ, значительно понижается, и въ западномъ концѣ подземелье имѣетъ 12 футовъ высоты. Здѣсь, на западномъ концѣ, упирающемся въ стѣну большого пруда Биркетъ Исраелъ, подземный проходъ замыкается большимъ, гладко выполированнымъ камнемъ, нынѣ расколотымъ на двѣ части, верхнюю и нижнюю,

Въ камнѣ вырублена, въ видѣ двери, неглубокая ниша или арка 4 дюймовъ глубины [1], а въ нишѣ пробиты три цилиндрическія отверстія, каждое $5^1/_2$ дюймовъ въ діаметрѣ, расположенныя въ такомъ между собою отношеніи, что линіи, соединяющія ихъ центры, даютъ равносторонній треугольникъ, обороченный внизъ вершиною.



Въ ряду камней, образующихъ дно подземелья, есть водосточный каналъ, красиво вырѣзанный, 5 дюймовъ широты и высоты, проходящій сквозь стѣну харама и далѣе на востокъ. Такимъ образомъ описанное подземелье имѣло значеніе шлюза, выводившаго лишнюю воду пруда Биркетъ Исраелъ. Вода въ этомъ послѣднемъ прудѣ должна была стоять приблизительно на уровнѣ треугольника

[1] Арка напоминаетъ фасадъ гробницы Іосифа аримаѳейскаго.

отверстій, т. е. на 25 футовъ выше дна Биркетъ Исраелъ и на 60 футовъ ниже нынѣшней вершины бассейна. Конечно, затыкая отверстія треугольника, уровень воды въ прудѣ можно было значительно поднять; можетъ быть даже можно было наполнить водою весь прудъ. Вслѣдствіе наклонности на западъ дна подземелья, стекавшая сюда вода не сразу изливалась, но прежде образовала здѣсь небольшой закрытый бассейнъ (Recovery of Jerusalem, 163—166) [1].

Въ этомъ своемъ интересномъ открытіи Варренъ, самъ того не подозрѣвая, разрѣшилъ загадку сѣверной двери Тери. Дверью Тери, которою никто не ходилъ, но которая существовала, конечно, для какихъ-то другихъ цѣлей, былъ большой камень, закрывавшій описанное подземелье отъ Биркетъ Исраелъ. Уже по такому своему назначенію заграждавшій подземелье камень могъ назваться дверью, особенно если при этомъ прибавлялось: „дверь, которою не ходятъ". Соотвѣтственно свидѣтельству мишны, что дверь Тери представляли два камня, лежащіе одинъ на другомъ, и что въ камнѣ были вырублены подобія дверныхъ косяковъ, мы находимъ и въ камнѣ закрывающемъ проходъ Варрена, и даже расколотомъ на два отдѣльныхъ камня, нишу или мнимую дверь съ подобіемъ дверныхъ косяковъ. Но, что особенно замѣчательно въ настоящемъ случаѣ, такъ это описанныя нами три отверстія въ заграждающемъ камнѣ, расположенныя треугольникомъ, и, вмѣстѣ съ водою, приносившія еще свѣтъ въ подзе-

[1] Происхожденіе этого подземелья Варренъ ошибочно относитъ къ христіанскому времени, на основаніи найденныхъ здѣсь изображеній крестовъ. Но здѣсь же, въ противорѣчіе себѣ самому, Варренъ замѣчаетъ, что описанное подземелье имѣетъ сходство съ подземельемъ подъ одиночными южными воротами, принадлежащимъ ветхозавѣтному храму и служившимъ для стока крови отъ жертвенника.

мелье. Эта группа трехъ, весьма искусно сдѣланныхъ и расположенныхъ, отверстій до такой степени характеристична, что и въ настоящее время нельзя придумать лучшаго названія для всего этого подземелья и для заграждающаго его камня, какъ подземелье и камень Тери, т. е. *трехъ отверстій* или *треугольника отверстій*. Если бы, не смотря на это, кому-либо показалось ненатуральнымъ такое названіе двери числительнымъ именемъ, то мы можемъ указать другое, не менѣе подходящее сюда, производство Тери, какъ сокращеніе изъ слова *Терисъ* [1], что значитъ *дверной камень*, т. е. особеннымъ образомъ обдѣланный большой камень, накатывавшійся у древнихъ на устья проходовъ и водопроводовъ (Levy, Neuhebr. und chaldäisch. Wörterbuch, II, 191). И въ этомъ случаѣ названіе Тери будетъ подходить къ необыкновенному камню, заграждающему описанное подземелье со стороны Биркетъ Исраелъ. Остается объяснить отношеніе найденнаго подземелья и двери Тери къ другому подземелью, выходившему изъ караульни внутренняго двора и къ купанью священниковъ. Подземный ходъ изъ караульни внутренняго двора существовалъ, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность выхода изъ священнаго мѣста тѣмъ священникамъ, которые, состоя на ночномъ дежурствѣ при храмѣ, осквернялись соннымъ приключеніемъ, такъ какъ въ такомъ состояніи нечистоты считалось непозволительнымъ проходить открыто по священной площади храма. Остроуміе книжниковъ второго іерусалимскаго храма придумало подземный выходъ для

[1] Возможность подобнаго сокращенія словъ въ языкѣ мишны и талмуда не подлежитъ сомнѣнію и примѣры его встрѣчаются часто. Напримѣръ, то же самое слово Тери употребляется еще какъ сокращеніе отъ Теритъ, Тритонъ (Levy, II, 192).

такихъ оскверненныхъ, поколику подземелья храма не относились къ священной территоріи. Впрочемъ подземный ходъ изъ внутренняго священническаго двора въ „отлученную часть“ храма могъ имѣть еще другую болѣе общую причину—соединить внутренній священническій дворъ съ хозяйственнымъ дворомъ или отлученною частію храма такимъ путемъ, на которомъ священники не задерживались бы толпами народа, обыкновенно наполнявшаго внѣшній дворъ храма, и которымъ во всякое время, при всякомъ стеченіи народа, можно было бы доставить тотъ или другой жертвенный матеріалъ изъ храмовыхъ складовъ къ жертвеннику всесожженій. Такимъ образомъ священникъ, осквернившійся въ караульнѣ внутренняго двора, проходилъ подземнымъ корридоромъ до отлученной части храма, и затѣмъ направлялся, для омовенія всего тѣла, къ купѣли, которая находилась на самой сѣверной чертѣ этой части храма и которая, какъ само собою разумѣется, была сокровенною или подземною. Этою купѣлью служило подземелье Тери или подземелье „трехъ отверстій“. Такъ какъ для законныхъ омовеній священникъ не могъ погружаться въ бассейнъ съ водою,—иначе вся вода бассейна дѣлалась бы сразу нечистою и негодною для дальнѣйшихъ омовеній,—то обрядъ совершался здѣсь, какъ и при мѣдномъ морѣ, чрезъ окатываніе тѣла струею воды изъ трехъ отверстій съ большею или меньшею силою, смотря по надобности.—Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ заключенію о существованіи на сѣверной сторонѣ площади храма особеннаго отдѣленія, служившаго убѣжищемъ священниковъ и имъ только доступнаго и не имѣвшаго открытаго сообщенія со внѣшнимъ народнымъ дворомъ. Это послѣднее обстоятельство подтверждается свидѣтельствомъ Іосифа

Флавія, который вообще не предполагаетъ воротъ въ сѣверной стѣнѣ внѣшняго двора. Конечно, здѣсь разумѣется отсутствіе въ этой сторонѣ открытыхъ и доступныхъ народу воротъ, потому что невозможно было оставить эту сторону безъ всякаго выхода, когда съ другихъ сторонъ было по нѣсколько выходовъ.

Варренъ и другіе, сознавая необходимость установить подземное сообщеніе между караульнею священниковъ, купальнею ихъ и воротами Тери, полагаютъ купальню въ прудѣ, обозначенномъ на его планѣ подъ № 3, состоящемъ изъ трехъ подземныхъ камеръ, раздѣляемыхъ перегородками, въ видѣ небольшихъ арокъ; здѣсь же надъ прудомъ, на мостовой двора, была, по его мнѣнію, и священническая караульня Бетъ-Мокедъ. Что же касается воротъ Тери, то, по Варрену, они лежали на сѣверной границѣ верхней платформы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могли бы встрѣтиться подземелья № 1 и № 3, если бы ихъ продолжить на сѣверъ [1]. Самое слово Тери нужно якобы читать по другому произношенію Тади и переводить: *темныя* (ворота) (Recovery of Jerusalem 206—207, 331; Ebers und Guthe Palästina 8; Schick, Beit el Makdas, 110). Въ этомъ объясненіи допущено очень много произвола. Совершенно произвольно купальня отдѣляется отъ воротъ Тери и соединяется съ караульнею Бетъ-Мокедъ. Подземелье № 3 не продолжается до сѣверной линіи платформы и до предполагаемыхъ воротъ Тери, и Варренъ только умозаключаетъ, куда можно было бы его довести. На мѣстѣ, назначаемомъ у Варрена для воротъ Тери, нѣтъ не только какого-либо признака воротъ, но и никакого древняго

[1] Впрочемъ подземный ходъ отъ пещеры № 1 Варренъ ведетъ не только до сѣверной границы верхней платформы, но и далѣе къ сѣверо-западному углу харама (The Temple or the Tomb, 148).

остатка; замѣчается только легкая впадина грунта. Самое названіе воротъ у Варрена, а за нимъ у Эберса и К. Шика, принимается по извращенному чтенію Тади и переводится чрезъ „темный“,—каковаго значенія однакожъ слово Тади не имѣетъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ человѣческихъ языковъ.—Изъ другихъ объясненій заслуживаетъ упоминанія раввинское объясненіе (см. Levy. Lex. neuhebr.), по которому названіе Тери взято изъ треугольной формы двери, имѣвшей видъ дельты Λ и состоявшей изъ двухъ камней, опиравшихся одинъ на другой подъ острымъ угломъ. Но въ текстѣ мишны говорится, что два камня воротъ лежали одинъ на другомъ, а не прислонялись одинъ къ другому подъ угломъ. Подобное объясненіе могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы такая дверь была найдена въ развалинахъ харама,—чего однакожъ нѣтъ. Кромѣ того, у Леви всетаки предполагается, что Тери была дѣйствительная дверь, назначавшаяся для оскверненныхъ, а между тѣмъ мишна говоритъ, что это была такая дверь, которою не ходили.

Полагая священническую купальню въ подземельи трехъ отверстій, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны предполагать, рядомъ съ нею, существованіе пруда Биркетъ Исраелъ въ его нынѣшнемъ видѣ. Исторія этого пруда недостаточно еще разъяснена. На основаніи древнихъ подъемовъ, нынѣ подземныхъ корридоровъ, идущихъ въ западной стѣнѣ пруда, съ постепеннымъ возвышеніемъ грунта и съ лѣстницами въ скалѣ, мы уже вывели заключеніе, что, въ періодъ перваго храма, со дна пруда, бывшаго тогда еще натуральною долиною, тянувшеюся въ направленіи съ сѣвера на югъ и пересѣкавшеюся здѣсь стѣною храмового мола почти 100 футовъ высоты, здѣсь была искусственная дорога къ такъ на-

зываемымъ Овечьимъ воротамъ, лежавшимъ на прилегающемъ контрфорсѣ возвышенности сѣверо-западнаго угла. Два подъема показываютъ, что и ворота здѣсь были двойныя—для входящихъ и выходящихъ. Эта сѣверная долина, оказавшаяся очень глубокою по построеніи здѣсь храмового мола, упоминается въ исторіи осады храма какъ частію естественная, частію искусственная защита храма съ сѣверной стороны, наиболѣе доступной для непріятельскихъ нападеній. Нынѣшній прудъ, измѣнившій назначеніе древнихъ подъемовъ съ долины къ воротамъ Овечьимъ, въ нынѣшнемъ видѣ былъ устроенъ, вѣроятно, при Иродѣ Великомъ, такъ какъ уже путешественникъ 333 года видѣлъ его и относилъ къ ветхозавѣтному храму. Къ этому же времени принадлежитъ и шлюзъ Тери (трехъ отверстій), имѣющій непосредственную связь съ прудомъ. Прудъ наполнялся частію изъ далекихъ водопроводовъ Соломона, частію изъ мѣстныхъ источниковъ сѣверной части Іерусалима. Самое названіе Везеѳа нѣкоторые понимали въ смыслѣ топкаго, мокраго мѣста (Schwarz, Das heilige Land, 285). И въ настоящее время, не смотря на массы мусора, наполняющаго этотъ древній бассейнъ, въ нижней его части раскопками Варрена обнаруженъ постоянный притокъ воды, наполняющій бассейнъ на нѣсколько футовъ высоты. Сначала найденная Варреномъ вода, застоявшаяся на днѣ, была грязна и вонюча, но затѣмъ въ раскопанную шахту появился притокъ свѣжей и чистой воды. Дно пруда, представляющее гладкую поверхность, оказалось залитымъ такимъ несокрушимымъ цементомъ, что Варренъ могъ откалывать его только самыми ничтожными кусками. Затѣмъ осталось, къ сожалѣнію, необслѣдованнымъ, непосредственно ли подъ дномъ пруда начинается натуральная скала или

БИРКЕТЪ ИСРАЕЛЪ.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

ей предшествуетъ еще искусственная каменная кладка. Къ еще большему сожалѣнію, осталась неразъясненною, вслѣдствіе запрещенія турецкаго правительства, южная стѣна пруда, служащая стѣною храмовой насыпи. Неизвѣстно, состоитъ ли и здѣсь молъ храма изъ большихъ выпусковыхъ камней, которые только впослѣдствіи были прикрыты нынѣшнею каменною обкладкою бассейна, или изъ натуральной скалы, или изъ мелкихъ камней. Намъ кажется, что здѣсь должно быть продолженіе того вида стѣны, какой представляетъ сѣверо-восточный уголъ, такъ какъ направленіе древней выпусковой стѣны по этой линіи ясно указано у воротъ Азбатъ. Натуральной же скалы, послѣ открытій Варрена, здѣсь ожидать трудно, а стѣна изъ мелкихъ камней или нынѣшняя облицовка бассейна не могла бы удержать боковаго давленія насыпной земли на площади харама. Впрочемъ, въ подземныхъ раскопкахъ всегда возможны самыя неожиданныя встрѣчи...

Прудъ Биркетъ-Исраелъ или лучше сказать окрестность этого пруда у Іосифа Флавія (Bell. V, 11, 4) называется *птичьимъ* мѣстомъ, Струѳіонъ (отъ στρύθειος, птичій). Здѣсь гнѣздились цѣлыя стаи птицъ, голубей, горлицъ, ласточекъ, которыхъ приручали здѣсь священники (Bell. V, 4, 4), такъ какъ эти птицы въ большомъ количествѣ требовались для ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній и очищеній. Многіе изслѣдователи прудъ Струѳіонъ отличаютъ отъ Биркетъ Исраелъ и помѣщаютъ его далѣе на западъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются подземные корридоры, идущіе въ стѣнѣ Биркетъ Исраелъ на западъ, предполагая, что эти корридоры были только соединяющими оба пруда каналами. Въ послѣднее время это мнѣніе принялъ и баронъ фонъ-Альтенъ (Zeitschrift des deutschen Palästina-Ve-

reins, 1878, 61 и дал.), у котораго, впрочемъ, Струѳіонъ помѣщается не параллельно Биркетъ Исраелъ, а перпендикулярно къ нему, длиною съ сѣвера на югъ, для того, чтобы образовать восточную защиту выдававшейся здѣсь башни Антонія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Альтенъ называетъ прудъ Струѳіонъ Овечьимъ, производя это названіе отъ греческаго στρθίον, *мыльная трава для чищенія шерсти;* здѣсь якобы омывали и чистили жертвенныхъ овецъ прежде допущенія ихъ на жертвенникъ. Съ этимъ отчасти согласенъ и К. Шикъ, который на своей модели Иродова храма помѣщаетъ въ этомъ пунктѣ особое зданіе подъ именемъ „дома овецъ", хотя самый прудъ Струѳіонъ показанъ у него въ другомъ мѣстѣ. Но раскопками Варрена обнаружено, что на западъ отъ Биркетъ Исраелъ другого значительнаго пруда, по свойству грунта, не могло быть. Кромѣ того, было бы крайне ненатурально назвать прудъ по какой-то травѣ, служившей для омовенія шерсти, травѣ, нужно сказать, не употреблявшейся съ этою цѣлію у евреевъ. Да и подземные ходы въ западной стѣнѣ Биркетъ Исраелъ назначались вовсе не для соединенія этого пруда съ какимъ-либо другимъ прудомъ, и вообще это—не каналы для воды, а сухопутные ходы отъ сѣверныхъ воротъ храма Овечьихъ, сперва въ открытую сѣверную долину, а потомъ къ водѣ устроеннаго Иродомъ пруда Биркетъ Исраелъ, для разныхъ потребностей. Впрочемъ, необходимо согласиться съ тѣмъ, что на мѣстѣ показаннаго фонъ-Альтеномъ пруда Струѳіонъ былъ сухой ровъ, защищавшій выдававшуюся здѣсь изъ линіи храмового мола башню Антонія. По свидѣтельству Іосифа (Bell. V, 4, 2), замокъ Антонія былъ отрѣзанъ отъ прилегавшей къ нему скалистой возвышенности глубокимъ рвомъ, съ цѣлію сообщить стѣнамъ крѣпости

бо́льшую неприступность и высоту. Такой ровъ былъ не только съ сѣверной и восточной стороны Антоніи, гдѣ крѣпость не защищалась городскою стѣною, но, какъ оказалось, и съ западной стороны, обращенной внутрь города, и недавно открытъ Варреномъ. Это— такъ называемая южная вѣтвь при двойномъ подземельи Сіонскихъ сестеръ милосердія. Начинаясь подъ самымъ сѣверо-западнымъ угломъ нынѣшнихъ пѣхотныхъ турецкихъ казармъ, унаслѣдовавшихъ историческое мѣсто древней крѣпости, этотъ ровъ, нынѣ подземный корридоръ, идетъ на югъ, на протяженіи свыше 270 футовъ, не прерываясь, и доходитъ до вторыхъ западныхъ воротъ харама, Бабъ ес-Серай, гдѣ онъ перемѣняетъ южное направленіе на восточное и упирается въ стѣну харама, которая и здѣсь сложена изъ тѣхъ же характеристическихъ выпусковыхъ камней [1]. Глубина рва въ настоящее время не вездѣ одинакова, но вообще она очень значительна и доходитъ до 36 футовъ, но широта рва незначительна 4—5 футовъ. Это соотвѣтствуетъ тому, что и Іосифъ (Bell. V, 4, 2) обратилъ вниманіе на глубину рва отдѣлявшаго Антонію, а не на его широту. Но, конечно, въ данномъ случаѣ недостаточная широта рва зависѣла отъ недостатка мѣста, такъ какъ ровъ проводили здѣсь въ самомъ городѣ; съ другихъ же открытыхъ сторонъ защитительный ровъ Антоніи имѣлъ большую широту. Такъ какъ на всемъ своемъ протяженіи открытый Варреномъ ровъ вездѣ вырубленъ въ скалѣ, то въ его теченіи мы можемъ ясно видѣть контуръ мѣстнаго грунта отъ Бабъ-

[1] Въ стѣнѣ здѣсь можно наблюдать три ряда камней; средній изъ нихъ имѣетъ высоты 4 фута $7^1/_2$ дюймовъ; выпуски камней верхніе и нижніе 7 дюймовъ ширины, а боковые 3—4 дюйма; глубина выпусковъ $^1/_2$ дюйма (Recovery... 199—201).

есъ-Серай до via dolorosa. Само собою разумѣется, что, по разрушеніи ветхозавѣтнаго храма и Антоніи, разсматриваемый ровъ не могъ явиться, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ его связи съ древнимъ укрѣпленіемъ сѣверо-западнаго угла или крѣпостью Антонія. При крѣпости же Антонія, предваряя собою ея западную стѣну, чѣмъ онъ могъ служить, при всей своей незначительной широтѣ, если не крѣпостною траншеею? Во всякомъ случаѣ указанное объясненіе открытаго рва лучше, чѣмъ объясненіе К. Шика (модель Иродова храма), по которому это былъ прудъ Струѳіонъ [1]. Хотя въ настоящее время этотъ ровъ въ зимнее и весеннее время отчасти дѣйствительно наполняется водою, но для обыкновеннаго пруда онъ слишкомъ длиненъ и узокъ. Прудъ же Струѳіонъ здѣсь не можетъ быть предположенъ и потому еще, что такого имени прудъ, по описанію Іосифа, былъ доступенъ осаждающимъ Іерусалимъ римлянамъ, слѣдовательно лежалъ не внутри города. Ничѣмъ также не мотивировано и предположеніе доктора Чаплина, что разсматриваемый ровъ былъ башнею Стратоновою. Самъ Варренъ, по вопросу о значеніи этого своего открытія, ограничился замѣчаніемъ, что это былъ „естественный туннель, впослѣдствіи утилизированный, потому что трудно предположить нарочитое пробуравливаніе скалы на такую значительную глубину“. Но, съ другой стороны, естественный ровъ въ такомъ выдержанномъ, почти прямолинейномъ, направленіи былъ бы единственнымъ явленіемъ въ Палестинскомъ грунтѣ.

[1] Впрочемъ въ новомъ своемъ сочиненіи Beit el Makdas (115) Шикъ помѣщаетъ прудъ Струѳіонъ на западной сторонѣ харама между воротами Bab es-Serai и Babel-Hadid. Но въ этомъ мѣстѣ ничего похожаго на прудъ не найдено.

Кромѣ описаннаго подземелья или древней крѣпостной траншеи, отъ крѣпости Антонія осталось еще одно замѣчательное подземелье, извѣстное въ Іерусалимѣ подъ именемъ подземелья Сіонскихъ сестеръ милосердія, или иначе прудовъ-близнецовъ. Подземелье это состоитъ изъ двухъ параллельныхъ подземныхъ проходовъ или, лучше сказать, изъ одного прохода 48 футовъ широты, раздѣленнаго на два каменною перегородкою 5 футовъ, 9 дюймовъ толщины. Начинаясь отъ сѣверо-западнаго угла зданія казармъ или древней Антоніи, подземелья-близнецы идутъ на сѣверъ въ сѣверо-западномъ направленіи, пересѣкая улицу via dolorosa подъ угломъ 47°, на глубинѣ 7 футовъ подъ улицею. Западная часть прохода, открытая Піеротти при постройкѣ зданія Сіонскихъ сестеръ милосердія въ 1857 году, болѣе длинная, имѣетъ 165 футовъ длины, а восточная, открытая Варреномъ (Ordnance survey of Jerusalem. Notes, 45), 127 ф. Подземелья сложены изъ квадратныхъ гладкихъ камней безъ выпусковъ, около $3^1/_2$ футовъ длины и 2—3 фут. высоты. Но въ нижнихъ частяхъ наружныхъ стѣнъ, восточной и западной, каменная кладка замѣняется вырубленною подъ линію прохода натуральною скалою. Южный же конецъ подземелья весь врѣзывается въ скалу возвышенности Антонія. Арка въ сводѣ той и другой половины подземелья не вездѣ одинакова: начиная съ сѣвернаго конца, восточный проходъ имѣетъ полукруглую арку 20 футовъ широты, сложенную изъ 31 ряда камней; чрезъ 45 футовъ этотъ видъ арки расширяется до 24 футовъ; еще далѣе, чрезъ 35 футовъ, начинается третій видъ арки, возвышающійся своею вершиною на $4^1/_2$ фута выше предшествующей. Обѣ послѣднія части арки слегка заостряются. Арка западнаго подземелья имѣетъ одинаковую полукруглую форму почти вездѣ, за исклю-

ченіемъ небольшой части подъ улицей via dolorosa, гдѣ нѣкогда произошелъ обвалъ и арка была возобновлена съ замѣтнымъ заостреніемъ. На одиннадцатомъ футѣ отъ своего сѣвернаго конца восточная вѣтвь проходовъ-близнецовъ имѣла сообщеніе съ западною въ видѣ двери 7 футовъ широты. На южномъ концѣ западной вѣтви въ настоящее время есть сообщеніе и съ такъ называемою южною вѣтвью, сейчасъ нами описанною, или крѣпостнымъ рвомъ Антоніи; но эта послѣдняя, какъ это видно изъ ея направленія, размѣровъ и отдѣлки, имѣла совершенно особенное происхожденіе и не должна считаться продолженіемъ проходовъ-близнецовъ. Въ настоящее время проходы-близнецы могутъ быть названы прудами; сюда входитъ съ сѣвера довольно сильная струя воды, которою пользуются обитательницы монастыря, впрочемъ, не для внутренняго употребленія. Но первоначальное назначеніе описаннаго подземелья было, конечно, иное. Піеротти (Jerusalem explored, 120), впервые открывшій проходъ, основательно отождествилъ его съ тѣмъ подземнымъ проходомъ при крѣпости Антонія, который у Іосифа Флавія (Antiqu. XIII, 11, 2; Bell. 1, 3, 3) называется στράτωνος πύργος, Стратоновою башнею, въ темнотѣ которой былъ убитъ Антигонъ, младшій братъ Аристовула, по проискамъ царицы Александры, и которая, кажется, была единственнымъ выходомъ изъ Антоніи въ городъ (Antiqu. 1, 3, 6). Полковникъ Вильсонъ своимъ авторитетомъ спеціалиста военнаго дѣла удостовѣряетъ, что разсматриваемый проходъ назначался для прохода войскъ въ крѣпость и первоначально имѣлъ видъ закрытаго моста чрезъ сѣверный крѣпостной ровъ Антоніи (Recovery of Jerusalem, 13). Къ этому нужно прибавить, что названіе *башни*, πύργος, не предполагаетъ непремѣнно высокаго зданія съ зубцами, и можетъ относиться и къ данному

проходу, если онъ былъ построенъ съ военными цѣлями. Полное же названіе στράτωνος πύργος въ данномъ случаѣ нужно переводить *башня-улица* (отъ strata, талмуд. אִסְטַרְטִיָּה улица). Дѣйствительно, этотъ проходъ напоминаетъ крытыя, темныя восточныя улицы. Служа входомъ въ крѣпость, проходъ раздѣлялся на двѣ части, какъ почти всѣ входныя приворотныя галлереи храма, для входящихъ и выходящихъ. Недостатокъ свѣта въ этой галлереѣ или улицѣ-башнѣ также не представляетъ особеннаго исключенія: и другіе входы храма, такъ называемый тройной, двойной, ворота Пророка, также были темные. Что касается направленія Стратоновой башни или описаннаго древняго входа крѣпости Антонія не прямо на сѣверъ, а съ отклоненіемъ на западъ, то можетъ быть имъ указывается направленіе военной римской дороги, соединявшей Іерусалимскую крѣпость съ другою, важнѣйшею въ Палестинѣ, Кесарійскою крѣпостію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самое названіе Стратонова башня перенесено въ Іерусалимъ изъ Кесаріи, гдѣ башня этого имени была извѣстна гораздо раньше [1].

Наконецъ, Іосифъ Флавій (Bell. V, 7, 3) невдалекѣ отъ сѣверной границы храма, за ея чертою, помѣщаетъ памятникъ царя Александра Іаннея (въ русскомъ переводѣ ошибочно: *градъ Александра)*. По соображенію барона фонъ-Альтена (Zeitschrift des deutsch. Palästina-

[1] Другое мнѣніе, что описанный двойной проходъ былъ сдѣланъ императоромъ Адріаномъ, выравнивавшимъ это мѣсто для своей извѣстной мостовой вокругъ арки Ecce-homo (Revue archéologique, 1887, Mars, стр. 164), могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы предварительно была доказана невозможность связи двойного прохода съ Антоніею Ирода. Къ удивленію, это легкое предположеніе о происхожденіи прудовъ-близнецовъ при Адріанѣ повторяется и у К. Шика, прославившагося своимъ энтузіазмомъ въ защитѣ всего, что имѣетъ какое либо отношеніе къ библейской древности (Beit el Makdas, 112).

*

Vereins, 1878, 68), этотъ надгробный памятникъ лежалъ у сѣверной стороны пруда Струѳіонъ, гдѣ оканчивалась такъ называемая вторая стѣна, каковая стѣна якобы не только доходила до Антоніи, но и закрывала ее съ сѣвера, проходя по сѣверной сторонѣ крѣпостнаго рва Антоніи и внезапно обрываясь у пруда Струѳіонъ. Въ дѣйствительности приведеннымъ свидѣтельствомъ фонъ-Альтенъ такъ же нетвердо доказываетъ близость гробницы царя Александра къ пруду Струѳіонъ, какъ нетвердо онъ въ другомъ случаѣ доказывалъ непосредственную близость гробницы Авессалома къ пруду Биркетъ-Исраелъ. Изъ того, что говоритъ Іосифъ Флавій, слѣдуетъ, что гробница Александра лежала гораздо далѣе на востокъ, противъ нынѣшняго сѣверо-восточнаго угла харама. Вотъ его выраженіе: „Іоаннъ съ своими воинами сражались съ Антоніи, съ сѣверныхъ галлерей храма, ἀπὸ τῆς Αντωνίας καὶ τῆς προσαρκτίȣ στοᾶς τȣ̃ ἱερȣ̃, и предъ гробницами царя Александра, πρὸ τῶν Αλεξάνδρȣ μνημείων“. Очевидно, здѣсь указывается линія сѣверной стороны храма отъ запада къ востоку: сперва крѣпость Антонія, занимавшая сѣверо-западный уголъ, потомъ стѣна храма на сѣверѣ, не закрываемая крѣпостью, и, наконецъ, та же сѣверная стѣна предъ гробницами Александра. Мы думаемъ, что послѣднія слова могутъ обозначать только самый сѣверо-восточный уголъ храмового мола. Въ такомъ случаѣ лежавшія противъ этого угла гробницы Александра Іаннея суть тѣ именно гробницы, которыя открылъ Варренъ за воротами Геѳсиманскими, на мѣстѣ большой кучи мусора, гдѣ нѣкоторые полагали церковь св. Стефана первомученика. На глубинѣ 6 футовъ подъ нынѣшнимъ грунтомъ здѣсь найдена скала, изрытая гробничными камерами, расположенными тремя ярусами; гробницы имѣютъ loculi, обра-

зованные перегородками. Верхній ярусъ имѣетъ одну камеру съ 5 loculi; средній ярусъ 5 камеръ и нижній 9 камеръ, общей широты 40 футовъ (Recovery of Jerusalem, 172—174). Хотя видъ этихъ гробницъ могъ быть измѣненъ въ христіанскій періодъ (Варреномъ здѣсь найдены христіанскія лампы), тѣмъ неменѣе систему этихъ гробницъ Варренъ сопоставляетъ съ финикійскими гробницами въ Сидонѣ. По своему мѣсту найденныя гробницы весьма хорошо соотвѣтствуютъ гробницамъ Александра, какъ занимавшія вершину холма, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго долинами; даже отъ храма это мѣсто отдѣлялось склономъ долины. Такимъ образомъ понятно, почему Іосифъ Флавій могъ опредѣлять одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ стѣны храма указаніемъ на противолежащія гробницы *(стѣна, что предъ гробницами Александра)*. Во всякомъ случаѣ предъ сѣверною стѣною храма доселѣ не найдено другой древней гробницы, на которую можно было бы переносить имя Александра (Spiess, Das Jerusalem des Josephus, 1881, 105).

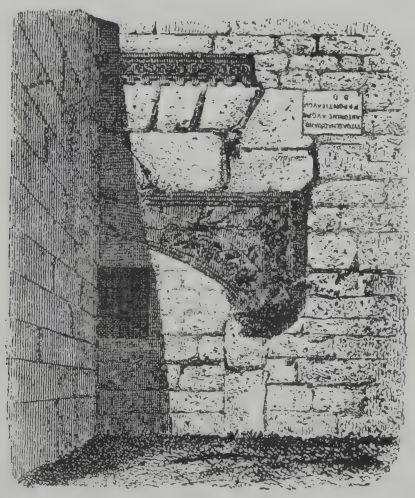
Переходимъ къ южной части площади храма, въ которой многіе изслѣдователи видѣли мѣсто дворца Соломонова. Особенностію отдѣлки этой части горы храма было то, что, вмѣсто глухой земляной насыпи, здѣсь, для выровненія горы, сначала были построены подземные каменные своды и уже на сводахъ настилалась земля въ уровень съ остальною частью площади. Такъ какъ пониженіе грунта въ нѣкоторыхъ пунктахъ (на углахъ) здѣсь весьма значительно и такъ какъ подземныя каменныя подстройки здѣсь часто разрушались и дополнялись новыми, то здѣсь, по выраженію іудей-

скаго преданія, *своды лежатъ на сводахъ*. Нужно думать, что такіе своды, держащіе насыпь, были устроены по всей южной линіи площади, начиная отъ юго-восточнаго угла и до юго-западнаго, потому что было бы весьма неудобно соединять разные способы отдѣлки горы на одной и той же линіи. Хотя до настоящаго времени неизвѣстны такіе подземные своды на юго-западномъ углу площади харама, но это объясняется тѣмъ, что этотъ уголъ доселѣ не могъ быть еще предметомъ такихъ спеціальныхъ разслѣдованій, какъ юго-восточный уголъ.—Подлежатъ разсмотрѣнію здѣсь два подземелья, въ настоящее время неимѣющія между собою связи: подземелье подъ мечетью ел-Акса или иначе подземелье двойныхъ воротъ и подземелье юго-восточное или иначе подземелье тройныхъ воротъ.

Подземелье ел-Акса начинается отъ воротъ южнаго мола, въ разстояніи 340 футовъ отъ юго-восточнаго угла и 570 отъ юго-западнаго и имѣетъ видъ подземнаго корридора 40 футовъ ширины, который идетъ, въ прямомъ почти направленіи на сѣверъ, на протяженіи 260 футовъ [1]. Корридоръ раздѣляется на два пролета, сначала, въ сѣверной части, стѣною, потомъ четыреугольными, сложенными изъ камня, столбами и, наконецъ, на южномъ концѣ, монолитными колоннами, о которыхъ мы уже говорили. Грунтъ подземелья отъ сѣвера къ югу постепенно понижается, приблизительно на 10 футовъ, не считая въ томъ числѣ лѣстницы о 16 ступеняхъ, нынѣ приводящей къ подземелью съ площади харама. Соотвѣтственно двумъ своимъ пролетамъ, под-

[1] Впрочемъ, направленіе подземелья на сѣверъ нельзя назвать вполнѣ прямоугольнымъ по отношенію къ южной оградѣ харама; оно отклоняется на одинъ градусъ на востокъ, вѣроятно для совпаденія съ внутренними воротами и съ осью жертвенника всесожженій.

земный корридоръ на южномъ концѣ, въ самой стѣнѣ храмового мола, имѣлъ широкую двухчастную дверь или ворота, называемыя въ еврейскомъ преданіи *ворота Хульда* (ворота туннеля), въ арабскомъ Bab-el-Aksa-el-Kadim (ворота древней Аксы), у европейскихъ писателей *ворота двойныя.* Два входа воротъ раздѣляются большимъ столбомъ, сложеннымъ изъ камней съ выпусками во всѣ стороны [1]. Каждая половина воротъ около 14 футовъ ширины и покрыта цѣльною каменною притолокою. Впослѣдствіи, отъ тяжести верхнихъ построекъ, одна изъ притолокъ треснула, вслѣдствіе чего подъ притолоки, въ томъ и другомъ пролетѣ воротъ, поставлено по двѣ другихъ монолитныхъ колонны съ коринѳскими римскими капителями. Еще позже къ воротамъ, внутри и снаружи, прибавленъ византійскій карнизъ накладной



[1] На внутренней сторонѣ столба находится древняя еврейская надпись. (См. стр. 596), сдѣланная красною краскою и по шрифту сходная съ папирусами графа Блакаса, приписываемыми евреямъ эпохи Птоломеевъ (Saulcy, Voyage en Terre Sainte, 1872, t. I, 126—127; t. II, 327. Хвольсонъ, Д. А. Сборникъ еврейскихъ надписей, 1884, 96, № 15 а).

работы. Восточная половина воротъ въ настоящее время заложена каменною арабскою стѣною, а западная открыта, и выводитъ въ примыкающую къ хараму арабскую пристройку, Хатунію. На сѣверномъ концѣ туннель оканчивается нынѣ одночастною дверью, относящеюся къ восточному пролету, такъ какъ выходъ западнаго пролета занятъ основаніями арабской мечети Ель-Акса. При сѣверномъ концѣ туннеля, въ восточной стѣнѣ, есть камера 17 футовъ длины и ширины, со сводомъ, называемая у Варрена вестибуломъ привратниковъ. Стѣны всего вообще туннеля сложены изъ огромныхъ древнееврейскихъ камней въ выпускахъ нечистой отдѣлки. Впослѣдствіи эту нечистую отдѣлку старались сгладить, но сдѣлали это неправильно и поспѣшно: нѣкоторые камни оставлены наполовину только отдѣланными по новой системѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ стѣну вставлены позднѣйшіе камни. Своды туннеля и арки между столбами и колоннами имѣютъ видъ приниженнаго полукруга. Часть же свода, непосредственно предшествующая двойнымъ воротамъ, отдѣлана весьма искусственно въ видѣ четырехъ куполовъ съ византійскими изображеніями [1]. Въ полу подземелья, на всемъ его протяженіи, идетъ съ сѣвера на югъ водопроводъ, съ боковыми вѣтвями на востокъ и западъ. По мнѣнію Варрена (Recovery. 216) и К. Шика (95), описанный двойной проходъ первоначально простирался только на 190 футовъ отъ южной стѣны харама, дальнѣйшее же его продолженіе на сѣверъ, до нынѣшней длины 260 футовъ, современно построенію мечети ел-Акса; это

[1] К. Шикъ различаетъ по отдѣлкѣ западное отдѣленіе вестибула, принадлежащее, по его мнѣнію, Соломону, и восточное, реставрированное Иродомъ (Beit el Makdas, 95). Дѣйствительно, въ отдѣлкѣ этихъ двухъ половинъ есть нѣкоторая разность, хотя и не въ такой степени существенная.

Внутренній видъ двойныхъ воротъ.

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 18.

продолженіе могло быть сдѣлано только въ восточномъ пролетѣ, такъ какъ мѣсто западнаго пролета было занято стѣною мечети. Когда для сѣвернаго продолженія туннеля срѣзывали насыпь харама, то при этомъ перерѣзали даже древній каналъ, идущій къ сосѣднему пруду или „пещерѣ листа"; съ другой стороны, въ аркѣ подземелья найдена брешь, показывающая линію позднѣйшей пристройки подземелья; и покатость спуска въ сѣверной части подземелья имѣетъ другой уголъ, чѣмъ въ южной. Съ этимъ объясненіемъ Варрена трудно согласиться. Если бы дополненіе первоначальнаго туннеля здѣсь было, то оно непремѣнно было бы связано съ новымъ свѣжимъ возвышеніемъ грунта харама насыпною землею. Между тѣмъ Варренъ предполагаетъ, что новое протяженіе прохода было сдѣлано въ той же древней насыпи. Спрашивается, какое же значеніе имѣлъ первоначальный проходъ, если онъ не выводилъ на уровень площади, но какъ-то терялся подъ землею? Но каковы бы ни были здѣсь разновременныя передѣлки, онѣ во всякомъ случаѣ были передѣлки и возобновленія первоначальнаго прохода, принадлежавшаго первому ветхозавѣтному храму. Это несомнѣнно доказывается выпусковыми древнееврейскими камнями и извѣстною монолитною колонною типа Іахинъ и Боазъ, по самой строгой критикѣ принадлежащею времени до-Иродова храма, слѣдовательно перваго храма [1]. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ описанный проходъ прямо напоминаетъ описаніе храмовыхъ воротъ у пророка

[1] Независимо отъ архитектурныхъ признаковъ древности этой колонны, разсмотрѣнныхъ выше, доказательствомъ ея древности можетъ служить вырѣзанная на ней надпись еврейскаго квадратнаго письма съ именами *Іоны и Шаббатіи жены его....*, открытая покойнымъ Соси и явившаяся здѣсь, во всякомъ случаѣ, раньше христіанскихъ построекъ на горѣ Моріа (Д. А. Хвольсонъ, Сборникъ еврейскихъ надписей, 1884, № 49, стр. 92—95).

Іезекіиля (40, 6 и дал.). Ворота Іезекіиля суть не просто ворота, а цѣлая *воротная галлерея о двухъ порогахъ*, т. е. со входомъ и выходомъ. Воротная галлерея Іезекіиля имѣетъ два пролета, по виду thaim (Симмахъ: αἱ παραστάδες), т. е. аллей, раздѣляемыхъ колоннами, а также два притвора или вестибула, наружный и внутренній. Все это можетъ быть указано въ нынѣшнемъ двойномъ проходѣ. На основаніи Іосифа Флавія (Bell. V, 5, 3), можно прибавить, что по ту и другую сторону, т. е. въ той и другой аллеѣ прохода, были каменныя сѣдалища для отдохновенія проходящихъ и что колонны, бывшія во входной галлереѣ, имѣли 20 локтей въ обхватѣ. Возраженіе Пайллу (Monographie, 374), что открытымъ въ настоящее время древнимъ воротамъ іерусалимскаго харама недостаетъ подъѣздовъ и наружныхъ лѣстницъ, которыми, по описанію пророка Іезекіиля, подходили къ воротамъ храма, устранено раскопками Варрена, показавшими существованіе широкихъ искусственныхъ подъемовъ предъ всѣми древними воротами харама.

По отношенію къ общему вопросу о значеніи южной части площади харамъ-есъ-шерифъ здѣсь важны для насъ слѣдующія положенія: *а)* Площадь перваго ветхозавѣтнаго храма достигала до нынѣшней южной стѣны харама, такъ какъ выходящій отъ этой стѣны двойной проходъ съ воротами Хульды принадлежитъ своимъ первоначальнымъ построеніемъ первому храму. *б)* Двойной проходъ подъ мечетью ел-Акса всегда былъ тѣмъ, чѣмъ онъ представляется въ настоящее время, выходомъ на площадь храма съ южной стороны, и притомъ однимъ изъ главныхъ выходовъ, такъ какъ онъ сдѣланъ почти въ срединѣ стѣны, и притомъ на линіи жертвенника всесожженій. Слѣдовательно, онъ не могъ быть

какою-либо частію дворца Соломона. Вся отдѣлка подземелья, грубоватые камни стѣнъ и столбовъ показываютъ, что здѣсь всегда былъ только подземный проходъ или туннель. *в)* Массивность стѣнъ и колоннъ подземелья, форма сводовъ и арокъ [1], а также треснувшая верхняя притолока въ амбразурѣ воротъ показываютъ, что гораздо прежде появленія нынѣшнихъ залъ мечети Ель-Акса описанное подземелье держало на себѣ другія сооруженія—громадныя аллеи колоннъ храмового портика. *г)* Описанное подземелье, изолированное въ настоящее время, нѣкогда имѣло свободные ходы въ другія прилегавшія сооруженія на востокѣ и западѣ, какъ это видно изъ древнихъ, нынѣ заложенныхъ, ходовъ „пророка Иліи“ въ восточной стѣнѣ и „сыновъ Аарона“ въ западной. А такъ какъ прилегавшія къ воротному туннелю постройки могли быть только такими же подземными сводами, то отсюда слѣдуетъ, что не только на востокъ отъ мечети ел-Акса, но и на западъ, до самаго юго-западнаго угла, насыпная земля площади харама лежитъ на системѣ подземныхъ сводовъ. *д)* Выпусковая первоначальная отдѣлка камней въ стѣнахъ туннеля отличается отъ отдѣлки стѣны юго-восточнаго угла храмового мола и болѣе близка къ отдѣлкѣ юго-западнаго угла. Слѣдовательно, не имѣетъ основанія мнѣніе Варрена о большей древности юго-восточнаго угла въ сравненіи съ юго-западнымъ. Большая монолитная колонна 21 фута высоты и 6½ футовъ въ діаметрѣ, открывающая собою на южномъ

[1] Давнее возраженіе, что своды не были извѣстны древнему востоку, нынѣ потеряло всякое значеніе. Доказано не только существованіе сводовъ, но и сводовъ правильнаго полукруга и даже огивныхъ у древнихъ египтянъ (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, t. I, p. 113—115) и вавилонянъ (Rawlinson, The five great monarchies of the ancient eastern world, 1871, 1, p. 327, 86).

концѣ рядъ колоннъ, раздѣляющихъ подземелье, есть драгоцѣннѣйшій остатокъ колоннъ Соломона и ея капитель сдѣлана по образцу библейскихъ колоннъ Іахинъ и Боазъ. Что же касается остальныхъ архитектурныхъ орнаментовъ, имѣющихся въ подземельи ел-Акса, карнизовъ на внутренней и внѣшней сторонѣ амбразуры воротъ и отдѣлки четырехъ куполовъ, симметрически расположенныхъ надъ упомянутою колонною Соломона, то они имѣютъ сходство съ византійскими работами этого рода и, повидимому, должны быть отнесены къ позднѣйшему времени. Необходимо однакожъ прибавить, что есть изслѣдователи, которые считаютъ возможнымъ всѣ подробности сохранившейся донынѣ отдѣлки двойныхъ воротъ и описаннаго подземелья относить къ ветхозавѣтному храму, а то что напоминаетъ византійскую работу приписывать реставраціи храма Иродомъ Великимъ. Таковы Соси (La seconde des coupoles sous El-Aksa, въ Gazette archéologique publiée par de-Witte et Lenormant, 1877, Livr. 2—3) и Геренъ (La terre sainte, 40). Даже Вильсонъ расположенъ относить къ еврейскому архитектурному стилю то, что другіе изслѣдователи называютъ христіано-греческимъ или византійскимъ стилемъ (Quarterly Statement, № 11, p. 39) [1].

е) Наконецъ при двойныхъ воротахъ есть еще одинъ любопытный слѣдъ древности, камень съ латинскою надписью: Tito Ael. Handriano Antonino Aug. Pio P. P. Pontif. Augur. D. D. Что камень этотъ попалъ въ стѣну

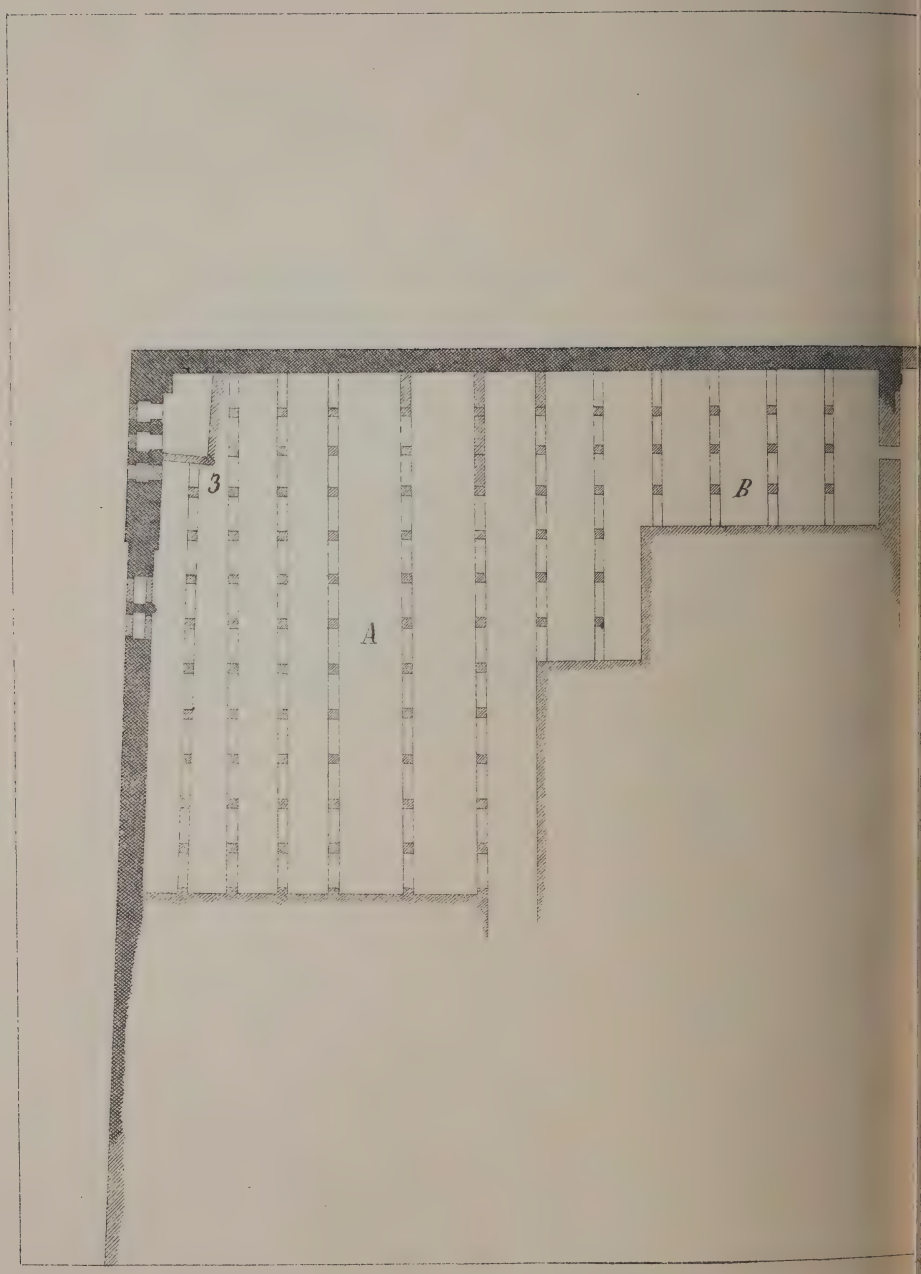
[1] Впрочемъ это—вопросъ обширный, требующій совмѣстнаго разсмотрѣнія многихъ памятниковъ Палестины и Сиріи. Мы надѣемся говорить о немъ особо.—Шипіе въ своемъ изслѣдованіи объ элементахъ, изъ которыхъ развились греческіе ордена, находитъ въ іерусалимскихъ памятникахъ слѣды протогреческихъ архитектурныхъ орнаментовъ, предшествовавшихъ появленію іоническаго ордена (Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres Grecs. 1876, p. 258).

случайно и не можетъ свидѣтельствовать о построеніи воротъ при названномъ римскомъ императорѣ, видно изъ занимаемаго имъ мѣста высоко отъ земли, надъ воротами; самый камень лежитъ такъ, что его надпись оборочена вверхъ ногами. Нѣтъ сомнѣнія, что камень этотъ принадлежитъ пьедесталу статуи императора, стоявшей на площади храма, и на нынѣшнее свое мѣсто попалъ по разрушеніи статуи, слѣдовательно въ періодъ паденія язычества, при одной изъ починокъ храмового мола. По мнѣнію Вогюэ (Le Temple de Jérusalem, 10) камень вставленъ сюда при византійской реставраціи воротъ, въ то время, когда явились здѣсь орнаменты карниза. Напротивъ Соси (Voyage en Terre Sainte, 1872, 1, 105) полагаетъ, что камень съ надписью вставленъ гораздо позже той реставраціи, которая сообщила воротамъ рѣзныя украшенія. Съ своей стороны мы ограничимся замѣчаніемъ, что, по свидѣтельству арабскаго историка Саидъ-ибнъ-Батрикъ (1, 354), „надъ одною прекрасною (el-baha) дверью храма *греки* поставили на доскѣ имя императора Адріана“.

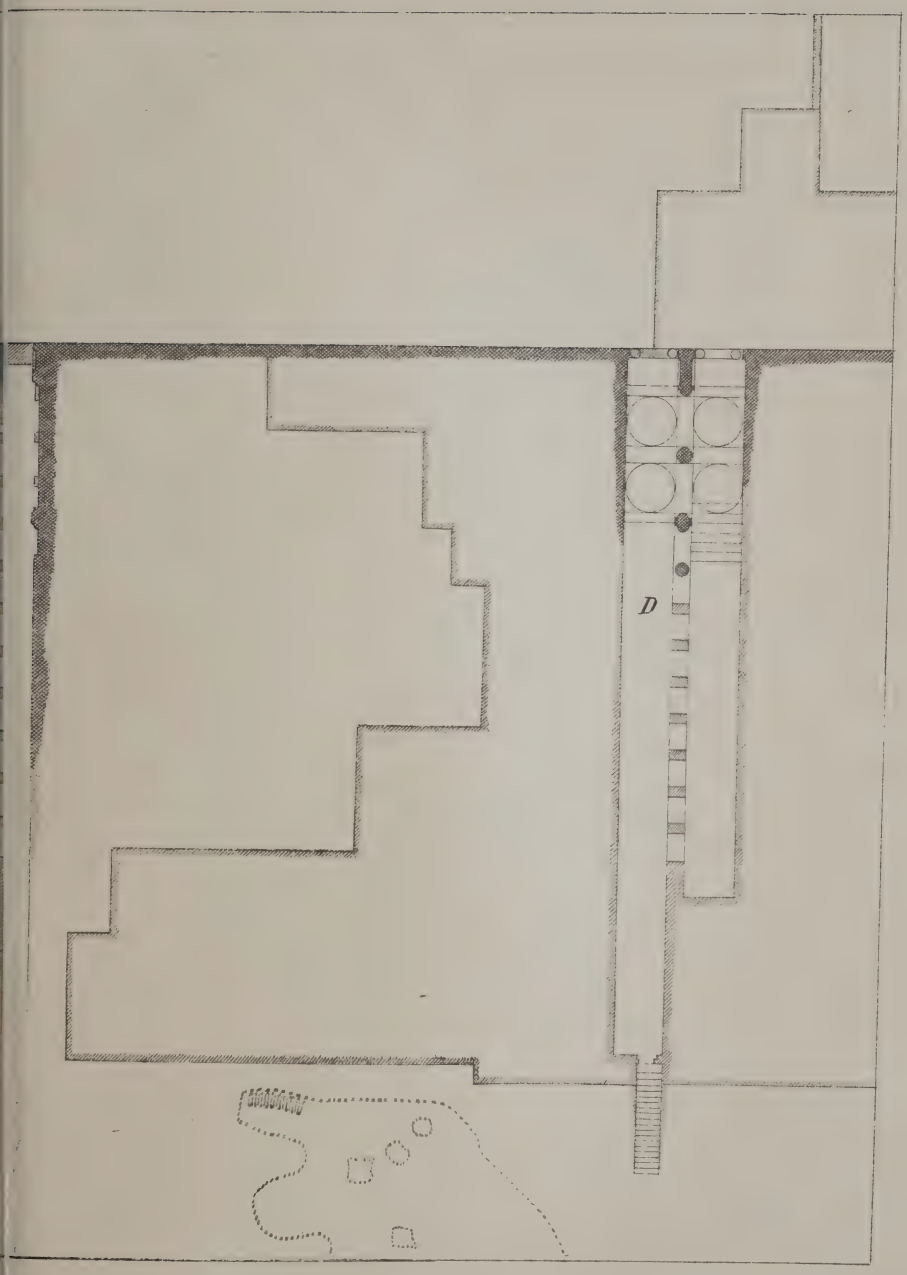
Еще болѣе замѣчательно другое южное подземелье, извѣстное, по своему положенію, подъ именемъ *юго-восточнаго.* — Юго-восточное подземелье состоитъ изъ 16 галлерей, образуемыхъ рядами четыреугольныхъ столбовъ около трехъ футовъ толщины, поддерживающихъ полукруглые своды подземелья и идущихъ по длинѣ съ сѣвера на югъ. Длина отдѣльныхъ галлерей неодинакова и колеблется между 250 и 60 футами. Особенно длинныя галлереи: шесть восточныхъ и двѣ западныхъ. Болѣе равномѣрности имѣетъ широта галлерей, хотя и здѣсь нѣтъ полнаго соотвѣтствія между рядами галлерей; даже одна и та же галлерея не выдерживаетъ вездѣ одинаковой широты; всѣ вообще галлереи съ юга на

сѣверъ слегка расширяются. Всѣ вмѣстѣ галлереи, по измѣренію съ востока на западъ, даютъ 350 футовъ широты, такъ что крайняя западная галлерея достигаетъ линіи восточной стороны верхней платформы харама. Сотня столбовъ, образующихъ галлереи, всѣ имѣютъ цвѣтъ бѣлаго камня маляки, по мѣстамъ покрытаго зе-

леною плѣсенью. Всѣ столбы со всѣхъ сторонъ имѣютъ выпусковые камни, хотя отличающіеся отъ выпусковыхъ камней наружнаго мола. Большею частію камни здѣсь квадратные и равняются широтѣ столбовъ; есть выпусковые камни очень длинные, въ видѣ выпусковаго обелиска, образующіе цѣльный монолитный столбъ. Нѣкоторые камни взяты изъ какого-то другого зданія и имѣютъ видимые признаки передѣлки, напримѣръ съ одной какой-либо стороны имѣютъ закругленіе, несвойственное рядовому камню столба и указывающее на первоначальное назначеніе камня для воротъ; иногда выпускъ на одной сторонѣ камня и величиною и отдѣлкою отличается совершенно отъ выпусковъ другихъ



Подземелья юго



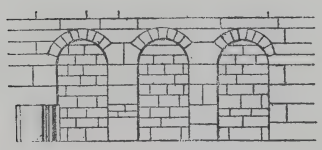
ное и двойное.

Хромо-Литогр. Н. ИНДУТНАГО, Сергіевская ул № 8

сторонъ и даетъ знать о первоначальномъ положеніи камня въ стѣнѣ, а не въ столбѣ и т. п. Во многихъ столбахъ выбиты ниши для лампъ, хранящія доселѣ слѣды копоти; на углахъ столбовъ нерѣдко пробиты сквозныя дыры для привязыванія лошадей, наглядно подтверждающія преданіе о томъ, что здѣсь когда-то были конюшни. Надъ всѣми столбами, въ соединяющихъ ихъ аркадахъ, поддерживающихъ сводъ подземелья, въ правильномъ порядкѣ сдѣланы ряды пробоинъ для перекладинъ бывшаго здѣсь еще другого деревяннаго потолка. Крайняя восточная галлерея, въ своей восточной стѣнѣ, служащей внѣшнею стѣною храмового мола, имѣетъ камни совершенно неотдѣланные, простыя массивныя глыбы, хотя съ наружной стороны эти самые камни отдѣланы весьма чистыми выпусками. Такимъ образомъ первые строители юго-восточнаго угла еще менѣе придавали значенія примыкавшему къ нему подземелью, чѣмъ тѣ, которые возобновляли сохранившійся донынѣ внутри подземелья лѣсъ столбовъ.

Но особенно замѣчательны западныя галлереи разсматриваемаго подземелья. По свойству грунта, длина отдѣльныхъ галлерей, въ направленіи на западъ, должна была все болѣе и болѣе сокращаться. Между тѣмъ послѣднія двѣ галлереи искусственно удлинены и углублены чрезъ срытіе выдававшейся здѣсь натуральной скалы съ цѣлію образовать здѣсь воротную галлерею, аналогичную подземной галлереѣ двойныхъ воротъ, слѣдовательно второй южный ходъ на площадь храма. Скала, подымающаяся здѣсь съ юга на сѣверъ подъ угломъ въ $^1/_{12}$, срѣзана въ глубину не менѣе трехъ футовъ, почти во всю длину послѣдней западной галлереи, чтобы образовать уровень равный уровню перваго воротнаго туннеля Ель-Акса, такъ какъ и порогъ

воротъ, находившихся здѣсь, имѣетъ уровень тождественный съ порогомъ двойныхъ воротъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемъ отступленіе отъ древнееврейскаго дѣленія воротъ на двѣ аллеи, для двухъ теченій толпы, входящихъ и выходящихъ, въ видѣ трехчастныхъ воротъ, изъ трехъ дверныхъ амбразуръ въ стѣнѣ мола, вводившихъ въ три параллельныя галлереи. Каждая амбразура имѣетъ снаружи 13 футовъ широты и 23 фута высоты и вѣнчается полукруглою аркою 5 футовъ толщины; съ внутренней же стороны амбразуры увеличиваются въ широту и высоту и имѣютъ эллиптическія формы арокъ 8 футовъ толщины. Нѣкогда въ столбахъ амбразуръ были вставныя колонны, отъ которыхъ сохранились только нижнія части, неимѣющія, впрочемъ, никакихъ базальныхъ украшеній. Такъ какъ одна изъ такихъ же выходящихъ изъ стѣны полуколоннъ сохранилась въ своей совершенно подобной нижней части, далѣе, въ западной стѣнѣ галлереи, на разстояніи 60 футовъ отъ тройныхъ воротъ, то Варренъ предполагаетъ здѣсь особенную болѣе чисто отдѣланную часть прохода въ видѣ вестибула, подобно тому какъ и въ проходѣ ел - Акса непосредственно предшествующая воротамъ часть имѣла болѣе чистую отдѣлку съ куполообразнымъ сводомъ и боковыми полуколоннами. Въ галлереяхъ, идущихъ отъ тройныхъ воротъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ западная сплошная стѣна, служащая западною границею всего юго-восточнаго подземелья. Нижнею частью этой стѣны, почти на всемъ ея 280-футовомъ протяженіи, служитъ натуральная скала горы, выровненная подъ плоскость стѣны. Затѣмъ стѣна состоитъ



изъ столбовъ 4 футовъ широты, раздѣленныхъ промежутками 10 футовъ и соединенныхъ вверху полукруглыми арками, на которыхъ покоится сегментальный сводъ проходовъ. Промежутки между столбами нынѣ заполнены сплошною стѣною, углубленною внутрь столбовъ на 1½ фута. Варренъ (Recovery, 226—232) различаетъ здѣсь болѣе древнюю стѣну и сводъ подземелья, простирающіеся отъ тройныхъ воротъ на 192 фута на сѣверъ, и затѣмъ позднѣйшую стѣну и сводъ. Мы видѣли, что, по его же мнѣнію, и двойной проходъ ел-Акса первоначально простирался почти на такую же длину и только впослѣдствіи былъ увеличенъ во все свое нынѣшнее протяженіе. Мало того, Варренъ считаетъ возможнымъ, что такъ называемый тройной проходъ былъ нѣкогда двойнымъ, подобно проходу подъ ел-Акса [1]. И въ самомъ дѣлѣ, трехпролетный видъ воротъ есть чисто римское дѣленіе; древніе же евреи ограничивались только двумя пролетами. Съ другой стороны, проходъ на площадь харама, идущій отъ тройныхъ воротъ, въ дѣйствительности состоитъ и теперь только изъ двухъ галлерей, потому что галлерея, соотвѣтствующая крайней восточной амбразурѣ тройныхъ воротъ, весьма скоро обрывается и ничѣмъ не похожа на двѣ западныхъ галлереи. Но мы затрудняемся согласиться съ тѣмъ, что первоначально проходъ былъ короче. Замѣчаемая разность въ сѣверной части свода галлерей, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ только о позднѣйшей починкѣ этой части свода, а не о его первоначальномъ появленіи. Далѣе, изъ нашего предшествующаго изслѣдованія читателю извѣстно, что мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ того же Варрена, К.

[1] Напротивъ К. Шикъ предполагаетъ, что проходъ былъ тройнымъ въ самомъ началѣ, что средняя аллея назначалась для проведенія животныхъ, а боковыя для народа, входящихъ и выходящихъ (Beit el Makdas, 93).

Шика, Фергюссона и другихъ, что мѣсто юго-восточнаго подземелья было нѣкогда дворцомъ Соломона. Совершенно вопреки этому мнѣнію, мѣстное преданіе, да и самый видъ столбовъ подземелья показываютъ, что здѣсь могли быть развѣ только конюшни Соломона, а не его дворецъ [1]. Положимъ, что нынѣшній лѣсъ колоннъ, поддерживающихъ своды подземелья, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени, хотя и не въ такой степени позднѣйшему, какъ думаетъ графъ Вогюэ (Le Temple. 13), относящій всю ихъ постройку къ арабскому періоду; но и древнія части стѣнъ, выходящія въ подземелье, напримѣръ, стѣна восточная, принадлежащая храмовому молу и, по мнѣнію Варрена, построенная самимъ Соломономъ, съ внутренней своей стороны, обращенной въ подземелье, не имѣетъ никакой отдѣлки и кажется кучею случайно сваленныхъ каменныхъ глыбъ. Какъ можно это примирить съ внутренностію Соломонова дворца, который здѣсь предполагается? У Варрена нѣтъ объясненія этому противорѣчію; указывается только на то, что отъ пола нынѣшняго юго-восточнаго подземелья или такъ называемыхъ конюшенъ Соломона до основанія стѣны харама на юго-восточномъ углу остается еще неизслѣдованное пространство подъ конюшнями болѣе ста футовъ глубины. Слѣдовательно, тамъ гдѣ-то хранятся болѣе цѣнные остатки дворца. И мы совершенно увѣрены въ томъ, что при самомъ юго-восточномъ углу, подъ такъ называемыми конюшнями, есть еще нижній, неоткрытый доселѣ, этажъ подземелья, а

[1] Если нѣкоторые древніе путешественники въ южной части храмовой площади указывали дворецъ царя Соломона, то единственнымъ основаніемъ такого мнѣнія было только свидѣтельство Іосифа Флавія, что въ южной части двора храма была царская галлерея, στοὰ βασιλική. Но мы уже знаемъ, что эта царская галлерея не имѣла никакого отношенія къ дворцу.

можетъ быть и два этажа, такъ какъ и іудейское преданіе помнитъ, что здѣсь своды лежали на сводахъ (Талм. вав. Іома, 12, 1; Meguilla, 26, 1, Aboth р. Натана, 35). Но можно ли предположить, что эти нижніе этажи, предполагаемые здѣсь, имѣли свойственную дворцу внутреннюю отдѣлку, если уже верхній этажъ, преобразованный въ нынѣшнее подземелье, имѣетъ въ стѣнѣ безобразныя каменныя глыбы, вмѣсто обдѣланныхъ камней? Этимъ самымъ опровергается и мнѣніе, высказываемое въ сочиненіяхъ Кинга (Recent Discoveries on the Temple Hill, 1885, 64), Эберса и Гуте (Palästina, 1886, 54; Zeitschrift des deutsch. Paläst.-Vereins, 1882, 291) и Фергюссона (The Temples, 41), что все цѣликомъ юго-западное подземелье есть Юстиніановъ храмъ Св. Дѣвы Маріи, описанный Прокопіемъ. Знаменитый „высокій рядъ“ камней въ храмовомъ молѣ юго-восточнаго угла, которому Варренъ придаетъ такое значеніе въ постройкахъ царя Соломона, по мнѣнію Фергюссона, Эберса и Гуте, представляетъ тѣ именно большіе огненнаго цвѣта камни, о трудной доставкѣ которыхъ рабочими императора Юстиніана говоритъ Прокопій!!.. Наконецъ, въ томъ же нынѣшнемъ видѣ подземелья, собственно его западной стѣны, мы находимъ основанія для опроверженія взгляда Фергюссона, что эта западная стѣна подземелья служила восточною внѣшнею границею ветхозавѣтнаго храма, стоявшаго съ своими дворами на юго-западномъ углу площади харамъ еш-шерифъ. Уже одного взгляда на эту стѣну достаточно, чтобы убѣдиться, что это не была наружная стѣна (См. подробности кладки этой стѣны на снимкѣ Варрена, Recovery, 230). Для насъ лично аркады этой стѣны служатъ доказательствомъ и того, что это не есть крайняя западная стѣна подземелья, но что за

нею простираются новые ряды галлерей до подземелья ел-Аксы и далѣе [1].

Отвергая, такимъ образомъ, существующія мнѣнія о значеніи юго-восточнаго подземелья, мы не желали бы оставлять его безъ какого-нибудь новаго болѣе правдоподобнаго объясненія, потому что это подземелье, хотя и нѣсколько въ другомъ видѣ, съ гораздо большею прочностію и массивностію арокъ (см. Вильсона, Ordnance survey of Jerusalem, 37), во всякомъ случаѣ существовало и въ періодъ ветхозавѣтнаго храма не только второго, но и перваго. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что, какъ мы предполагаемъ, кромѣ доступнаго нынѣ юго-восточнаго подземелья, есть, болѣе глубокое и доселѣ еще неоткрытое, другое юго-восточное нижнее подземелье и затѣмъ есть также неоткрытыя подземелья на юго-западномъ углу, стоявшія въ связи съ юго-восточнымъ подземельемъ. Но у насъ здѣсь можетъ быть разсужденіе не о времени ихъ построенія и не о ихъ прямомъ назначеніи. Эти два вопроса мы считаемъ уже рѣшенными, насколько это возможно на основаніи открытій Вильсона и Варрена, и рѣшенными въ томъ смыслѣ, что подземелья въ первоначальномъ видѣ строились одновременно со всѣми работами по отдѣлкѣ горы, съ цѣлію выровненія площади храма. Мы хотимъ говорить здѣсь только о возможномъ утилизированіи этихъ громадныхъ подваловъ во времена существованія ветхозавѣтнаго храма, потому что преданіе о превращеніи ихъ въ конюшни намъ представляется невѣроятнымъ въ отношеніи къ первому іерусалимскому храму.

[1] Въ настоящее время юго-восточное подземелье стало гораздо обширнѣе и свѣтлѣе сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было въ 1873 году, при нашихъ первыхъ его посѣщеніяхъ. Большое количество накопившейся здѣсь земли вынесено отсюда по распоряженію нынѣшняго реставратора харама Реуфъ-паши; впрочемъ, расчистка подземелья далеко еще не доведена до конца.

Исходнымъ пунктомъ для насъ, въ данномъ случаѣ, можетъ служить названіе юго-восточнаго угла харама Офеломъ или Офлою какъ въ священныхъ книгахъ, такъ и у Іосифа Флавія и раввиновъ. Даже тѣ изслѣдователи, которые на нынѣшнемъ юго-восточномъ углу харама помѣщаютъ дворецъ Соломона (Варренъ), продолжаютъ называть его Офеломъ. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается большое противорѣчіе, такъ какъ въ древнихъ свидѣтельствахъ Офелъ не только не отождествляется съ царскимъ дворцомъ, но и прямо ему противополагается; о царскомъ дворцѣ и Іосифъ Флавій не выражался бы такъ неопредѣленно: *такъ называемая Офла*. Слѣдовательно, на юго-восточномъ углу харама нужно предполагать что-нибудь одно: или дворецъ или Офелъ. Посмотримъ, однакожъ, какими именно чертами изображается Офелъ или Офла у древнихъ писателей. Прежде всего нужно замѣтить, что самое слово Офелъ или Офла значитъ нѣчто вздымающееся и высокое. Вершина Офела, по свидѣтельству преданія, была однимъ изъ высочайшихъ пунктовъ древняго Іерусалима, и его высота была особенно замѣтна со стороны Кедрскаго потока. Въ талмудѣ (іерус. Taanith, III, 67, 1) есть такое мѣсто: „позволительно-ли молиться о прекра-„щеніи большихъ дождей? Позволительно было бы „развѣ въ такомъ случаѣ, если бы человѣкъ, ставшій „на крылѣ Офела, keren ha-Ophel, могъ омыть свои „ноги въ Кедрскомъ потокѣ“. Весьма вѣроятно, что этотъ рогъ или крыло Офела есть то высокое *крыло храма,* о которомъ говорится въ Евангеліи. Но башня Офела не была одиночная башня, но имѣла противъ себя башню другого имени. Въ книгѣ Исаіи (32, 14) читаемъ: „дворецъ будетъ покинутъ, шумный городъ „будетъ оставленъ, Офелъ и Баханъ навсегда останутся

„простыми пещерами и будутъ служить убѣжищемъ для „дикихъ ословъ“. Изъ этого мѣста открывается: *а)* что Офелъ по своему значенію есть низшее мѣсто послѣ царскаго дворца и всѣхъ вообще городскихъ построекъ; *б)* что онъ состоитъ, между прочимъ, изъ какихъ-то подземелій, такъ какъ ему угрожается, что онъ обратится въ *пещеру* для ословъ, вмѣсто того, чтобы быть населеннымъ людьми; *в)* Офелъ есть нѣчто не самостоятельное, но стоящее въ нѣкоторой связи съ другою башнею по имени Баханъ. По іудейскому преданію, башня Баханъ, такъ же какъ и Офелъ, лежала на южной чертѣ храма, вѣроятно на противоположномъ юго-западномъ углу. Мы уже упоминали разъ, что южная часть храмовой площади, гдѣ *своды лежали на сводахъ,* относится іудейскимъ преданіемъ къ іудину колѣну, между тѣмъ какъ остальная часть храма считается территоріею колѣна Веніаминова. Это преданіе объясняется тѣмъ, что созвучное имя, *скала Боганъ*, указывается въ книгѣ Нав. 15, 6, 18, 17 какъ пограничная скала или башня, раздѣлявшая территоріи Іуды и Веніамина. Предположивъ, что башня Боганъ есть та же башня Баханъ, упоминаемая прор. Исаіею и лежавшая въ южной части площади храма, представители іудейскаго преданія вывели заключеніе, что территоріи двухъ различныхъ колѣнъ встрѣчались между собою на самой площади внѣшняго двора храма. Есть и другія указанія на такой двойной внѣшній видъ южной части храма. По свидѣтельству 2 Цар. 22, 14 и 2 Пар. 34, 22, пророчица Хульда живетъ въ Іерусалимѣ, въ какомъ-то *двойномъ* или повторяющемся зданіи, *Мишне.* И пророкъ Софонія упоминаетъ то же двойное зданіе, противопоставляя его сѣвернымъ рыбнымъ воротамъ, слѣдовательно помѣщаетъ его на югѣ. Іудейское преданіе (Кимхи на Софон. 1, 10)

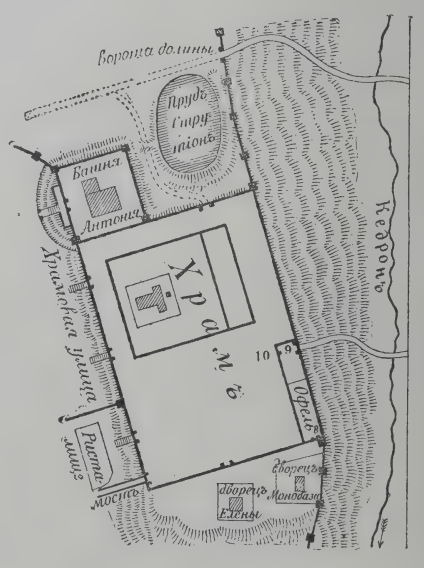
свидѣтельствуетъ, что двойное зданіе, Мишне, есть та же Офла. Нынѣшнее затмившееся іерусалимское преданіе, не находя въ этомъ мѣстѣ никакого двойнаго зданія, жилищемъ пророчицы Хульды готово признать двойныя ворота и двойной проходъ подъ мечетью ел-Акса [1]. И въ книгѣ Неем. 3, 26 башнѣ Офела противопоставляется другая *башня великая*. Такимъ образомъ, соотвѣтственно двумъ сѣвернымъ башнямъ храма, Хананелъ и Меа, и южная стѣна храмового мола имѣла двѣ башни, Офелъ и Баханъ или Мишне, изъ которыхъ особенно высокою казалась юго-восточная башня, по своему положенію надъ глубокимъ обрывомъ Кедрскаго потока, такъ что, по этому, ея именемъ Офелъ назывались и всѣ южныя постройки площади храма. Подобно тому, какъ сѣверная часть площади храма отдѣлялась отъ дворовъ по своему значенію, и южная часть площади, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ, имѣла какое-то другое назначеніе. Іосифъ Флавій (Bell. VI, 6, 3) сопоставляетъ Офлу съ такими общественными мѣстами города, какъ архивъ, Курія, Акра, и считаетъ ее сокровеннымъ (темнымъ) мѣстомъ, въ которомъ укрываются отъ преслѣдованій. Такъ, Менаемъ, сынъ Іуды галилеянина, спасаясь отъ народа, сдѣлавшаго на него нападеніе въ храмѣ, куда онъ явился въ царской одеждѣ, убѣжалъ въ Офлу и тамъ скрылся (Bell. 2, 17, 9). При этомъ Іосифъ замѣчаетъ, что для положенія Менаема скрываться въ такомъ мѣстѣ было унизительно, ταπεινῶς [2].

Обширныя подземелья южной части храма, между башнями Офелъ и Баханъ и въ самыхъ башняхъ, не имѣвшія того значенія, какое имѣла разстилавшаяся на нихъ площадь двора храма, и выходившія на при-

[1] См. Vérité israélite, 1862, tome VIII, p. 407—408.—[2] Однакожъ нѣтъ основанія согласиться съ Унругомъ, что здѣсь, въ Офлѣ, были клоаки храма,

легающій склонъ горы, которая также называлась именемъ башни Офела, подземелья эти, уже при первомъ появленіи храма, нечувствительно сдѣлались тѣмъ, чѣмъ и въ настоящее время при большихъ храмахъ дѣлаются отдаленныя второстепенныя постройки, оказавшіяся излишними для храмовыхъ потребностей,— *убѣжищемъ нищихъ*. Нужно замѣтить, что къ ветхозавѣтному храму стекались бѣдные, сироты, вдовы со всего израильскаго царства, такъ какъ здѣсь они могли разсчитывать на даровое содержаніе. Не говоря уже о тѣхъ подаяніяхъ, которыя они получали здѣсь отъ богатыхъ богомольцевъ, приходившихъ къ храму со всѣхъ концовъ страны, по ветхозавѣтному богослужебному закону существовало даже особенное жертвоприношеніе, въ обрядъ котораго входило обязательное угощеніе бѣдныхъ жителей Іерусалима жертвеннымъ мясомъ, такъ называемая жертва мира (шламимъ). Но такъ какъ, по численности населенія царства и при отсутствіи въ царствѣ другого храма, эта жертва въ іерусалимскомъ святилищѣ должна была приноситься

тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь же полагаетъ дворцы Елены и Монабаза. Нельзя согласиться и съ проектируемымъ имъ теченіемъ Офела съ юга на сѣверъ, а не съ востока на западъ. Вотъ планъ Унруга храма Ирода: 8—ворота Офла, 9—ворота восточныя, 10—ворота внутреннія.



весьма часто, то, слѣдовательно, бѣдные могли имѣть при храмѣ, отъ его алтаря, ежедневную трапезу. Въ виду того, что бѣдные, можно сказать, были необходимы при храмѣ, чтобы представлять „гостей Іеговы“ въ жертвенныхъ трапезахъ, начальники храма не могли отказать имъ въ какомъ нибудь пріютѣ въ непогоду и въ ночное время. И вотъ, обширныя подземелья храма, оказавшіяся ненужными для богослужебныхъ прямыхъ цѣлей храма и не настолько священныя, чтобы быть неприкосновенными и недоступными для мірянъ, были заняты ютившимися вокругъ жилища Божія нищими, сиротами, пришельцами. Хотя прямого указанія на это нѣтъ у библейскихъ писателей, но косвенныхъ свидѣтельствъ весьма много. Весь псаломъ 84-й (по LXX 83-й) написанъ отъ лица тѣхъ бѣдныхъ жителей страны, которые „ходятъ долиною плача“ и не имѣютъ другой надежды, кромѣ надежды на непосредственную помощь Іеговы и, подобно воробью и ласточкѣ, вьющимъ гнѣздо при храмѣ, ютятся у порога дома Божія. Послѣднее выраженіе הסתופף *жаться у порога*, въ славянскомъ *приметатися въ дому Бога*... весьма хорошо объясняется въ отношеніи къ южнымъ подземельямъ храма, имѣвшимъ связь съ воротными галлереями и дававшимъ невзыскательный пріютъ, въ которомъ можно было только *приметатися*, на короткое время пріютиться для отдыха подъ сводомъ, подобно ласточкѣ. Въ этомъ смыслѣ можно понимать всѣ тѣ многочисленныя мѣста ветхозавѣтныхъ пѣснопѣній, гдѣ говорится, что Іегова даетъ убѣжище бѣдному отъ бури и дождя (Исаіи 25, 4), что Іегова не пренебрегаетъ присутствіемъ нищаго и не скрываетъ отъ него лица Своего (Пс. 22, 25), что Іегова поставляетъ нищаго въ безопасномъ мѣстѣ (Пс. 12, 6) и т. д. Этимъ нашимъ предположеніемъ объясняется и то, по-

чему въ псалмахъ вообще такъ часто упоминаются нищіе и убогіе, почему ветхозавѣтные псалмопѣвцы сами себя называютъ нищими и убогими, то есть ищущими покрова и пріюта у святилища, подобно настоящимъ нищимъ (Псал. 25, 16, 40, 18, 70, 6, 86, 1, 109, 22 и друг.) [1]. Конечно, при нечестивыхъ царяхъ, запиравшихъ двери храма, и нищіе храма частію сами оставляли этотъ пріютъ, частію разгонялись. Поэтому въ годъ смерти царя Ахаза пророкъ Исаія говоритъ, что теперь нищіе снова будутъ имѣть пріютъ и ихъ дѣти упасутся (Исаіи, 14, 28—32). Въ евангеліи упоминаются нищіе разслабленные, сидѣвшіе у порога храма въ теченіе цѣлыхъ 38 лѣтъ (Іоан. 5, 5—7). Трудно представить, чтобы они не имѣли при храмѣ пріюта на время ночи и непогоды зимняго сезона.

Наконецъ, въ пользу своего мнѣнія мы можемъ указать слѣдующія чрезвычайно важныя историческія свидѣтельства: *а)* Пророкъ Михей (4, 8) называетъ Офелъ *башнею стада,* т. е. караванъ-сераемъ бѣднаго класса народа; *б)* во время Ездры и Нееміи, когда, по только что состоявшемся возвращеніи іудеевъ изъ Вавилона, еще не успѣлъ образоваться классъ профессіональныхъ нищихъ (awanim), башню Офела и ея подземелья занимаютъ такъ называемые Нетинимы, рабы храма, тѣже нищіе, дарованные левитамъ для исправленія низшихъ и труднѣйшихъ обязанностей при храмѣ (Неем. 3, 26; 11, 21); *в)* одни изъ южныхъ воротъ храма называются въ кн. 2 Парал. 27, 15, 17 воротами asupim, что, какъ мы уже говорили, означаетъ *ворота безпріютныхъ* (дѣтей), сиротъ, конечно

[1] Гретцъ въ своемъ сочиненіи (Kritischer Commentar zu den Psalmen, 1882, 1, 16—37) обращаетъ вниманіе на весьма частое упоминаніе въ псалмахъ о нищихъ и убогихъ, и приходитъ къ мысли, что бѣдными (awanim) называются левиты и священники по ихъ бѣдственному положенію въ странѣ и что они же были и составителями псалтири. Этого мнѣнія нельзя принять, потому что почти всѣ псалмы, указываемые при этомъ Гретцемъ, въ надписаніяхъ имѣютъ имена авторовъ — нелевитовъ.

потому, что здѣсь находили убѣжище такіе безпріютные; *г)* въ мишнѣ (Para, 3, 2) говорится о подземельи подъ дворомъ іерусалимскаго храма, въ которомъ жили женщины и дѣти; *д)* въ мишнѣ Taanith III, 8 12. Baba mezia 28, 2, говорится о бывшей надъ Кедрскимъ потокомъ, при башнѣ съ крыломъ храма, на такъ называемомъ „камнѣ зѣвакъ, even hatoim“, выставкѣ вещей растерянныхъ богомольцами на площади храма и подобранныхъ храмовою полиціею. Такъ какъ здѣсь разумѣются вещи бѣдныхъ богомольцевъ, носившихъ на себѣ весь свой багажъ, то и выставка ихъ могла быть только при большомъ караванъ-сераѣ для бѣдныхъ.

И такъ внушительная по своему виду южная стѣна храмового мола представляла нѣчто совершенно противоположное царскому дворцу Соломона. Входя своею верхнею частію въ составъ храмовыхъ галлерей, въ своей нижней части она представляла обширныя катакомбы, занятыя богадѣльнями [1]. Если необходимо придать значеніе позднѣйшему преданію, что здѣсь же были еще конюшни, то такія конюшни нужно предполагать развѣ только въ нижнемъ этажѣ, въ томъ неоткрытомъ подземельи, которое необходимо должно существовать подъ нынѣшнимъ юго-восточнымъ подземельемъ. Во всякомъ случаѣ это были конюшни для нуждъ храма, а не конюшни царя Соломона или Ирода, не тѣ конюшни, въ которыхъ зрѣлъ заговоръ противъ Ирода и въ которыхъ сынъ Ирода, Александръ, закопалъ золото (Antiqu. XVI, 10, 3) [2]. Превращеніе же нынѣшняго юго-

[1] Веньяминъ Тудельскій (41) называетъ южную часть храма, гдѣ были постройки Тампліеровъ, богадѣльнею Соломона, Xenodochium Salomonis.—
[2] Дѣйствительное существованіе подъ нынѣшнимъ юго-восточнымъ подземельемъ еще особенныхъ, болѣе глубокихъ, подземныхъ сводовъ доказывается отношеніемъ уровня пола юго-восточнаго подземелья и порога тройныхъ воротъ, 2,379 фут., къ уровню наружной нынѣшней поверхности, съ наружной стороны юго-восточнаго угла харама, 2,356 фут. надъ моремъ.

восточнаго подземелья въ конюшни, или башни словеснаго стада (Мих. 4, 8) въ башню безсловесныхъ послѣдовало

Такимъ образомъ самая нижняя часть нынѣшняго подземелья на 17 фут. выше склона горы у юго-восточнаго угла харама въ настоящее время, и слѣдовательно на 107 футовъ выше первоначальнаго наружнаго грунта въ этомъ мѣстѣ. Этой высоты достаточно для образованія не одного только яруса подземелій, но и цѣлой системы *сводовъ на сводахъ*. Но есть еще и другое доказательство. На 90 футовъ на западъ отъ нынѣшняго юго-восточнаго угла храмового мола, какъ извѣстно, есть еще особенныя, нынѣ задѣланныя ворота, называемыя обыкновенно ординарными или простыми воротами, т. е. состоящими изъ одного пролета, въ противоположность двойнымъ и тройнымъ воротамъ южной стѣны, ворота позднѣйшаго арабскаго или франкскаго происхожденія, служившія входомъ въ юго-восточное подземелье, какъ конюшню. На 30 футовъ ниже этой двери обнаружено раскопками Варрена (Recovery of Jerusalem, 132) существованіе въ стѣнѣ мола большого подземнаго хода, идущаго перпендикулярно къ стѣнѣ харама и имѣющаго отъ 12 до 18 футовъ высоты, 3 фута ширины и 70 футовъ длины и сложеннаго не только въ стѣнахъ, но и въ потолкѣ изъ большихъ чисто отдѣланныхъ древне-еврейскихъ камней съ выпусками (есть камни 15 футовъ длины). Несомнѣнно, что ходъ этотъ имѣлъ отношеніе къ нижнему ярусу бывшихъ здѣсь катакомбъ храма. Такъ какъ дно прохода лежитъ на 30 фут. ниже дна верхняго подземелья, то отсюда можно выводить заключеніе о высотѣ нижняго яруса подземелья. Нужно полагать, что державшіе сводъ столбы нижняго этажа соотвѣтствовали нынѣшнему расположенію столбовъ верхняго этажа, такъ какъ направленіе новооткрытаго прохода весьма точно соотвѣтствуетъ направленію возвышающейся надъ нимъ галлереи подземелья, и именно срединной части между рядами столбовъ. Нужно прибавить, что и подъ тройными воротами также есть особенный подземный проходъ, открытый де-Соси (Voyage en Terre sainte, II, 1—12), вновь описанный Вильсономъ (Ordnance Survey of Jerusalem, Plat. XV) и Варреномъ (Recovery, 226). И—замѣчательное обстоятельство—тогда какъ подъ простыми одиночными воротами былъ найденъ подземный ходъ также одно-частный или простой, подъ тройными воротами подземный ходъ оказался трех-частнымъ, т. е. состоящимъ изъ трехъ переплетающихся между собою вѣтвей (см. планъ). Хотя этотъ послѣдній сложный ходъ имѣетъ связь съ прудами № 10 и № 11 и своими двумя вѣтвями приспособленъ къ различнымъ уровнямъ воды въ прудахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ вѣтви прохода были только водосточными каналами. Какъ видно на планѣ, изъ отдѣлки восточной вѣтви, пересѣкающейся камерами, она вовсе не была назначена для воды, какъ согласенъ думать и Варренъ. Западная вѣтвь была назначена для воды: въ полу прохода, по срединѣ его, проведенъ каналъ $1^1/_2$ фута глубины и $1^1/_2$ фута широты, совершенно достаточный для стока лишней воды харама; но въ то же самое время по той и другой сторонѣ канала можно было свободно ходить, не касаясь воды. Такой же каналъ или желобъ есть и въ проходѣ подъ одиночными воротами и въ проходѣ, открытомъ къ югу отъ Coenaculum.

при арабскихъ халифахъ. Во времена франкскаго владычества въ Іерусалимѣ, при царскомъ дворцѣ, дѣйствительно бывшемъ тогда въ южной части харама, упоминается конюшня (stabulum) такой необыкновенной величины, что въ ней можно было помѣстить 2,000 лошадей или 1,500 верблюдовъ (Ioh. Wirzburg, 528). Конюшню стали называть именемъ Соломона, точно такъ же какъ и дворецъ франкскихъ царей на площади храма въ Іерусалимѣ называли Templum Salomonis (Guil. Tyr. 8, з: quae vulgari appellatione Templum Salomonis dicitur).

Такимъ образомъ: *а)* нынѣшняя южная стѣна харама въ своихъ основаніяхъ представляетъ остатокъ южнаго храмового мола Соломонова, впослѣдствіи возобновленнаго на томъ же мѣстѣ Иродомъ; *б)* тогда какъ сѣверная часть храмовой площади была занята храмовыми складами и священническимъ хозяйствомъ, южная часть храмовой площади могла назваться по преимуществу народною частію, поколику ея башни и катакомбы были предоставлены народу, особенно бѣдному классу. Можетъ быть въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ Іосифа Флавія нужно считать наиболѣе вѣрнымъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что постройка храмового мола Соломономъ начиналась не съ восточной, а съ южной стѣны, съ подошвы холма, обращенной къ ливійскому вѣтру (κατὰ λίβα), гдѣ была глубокая долина (Antiqu. XV, 11, 3). Это могло имѣть основаніе не только въ томъ, что при постройкѣ мола требовалось предварительно подвести наиболѣе низкія части, каковыми были углы юго-восточный и юго-западный, но и въ томъ, что сложная постройка южныхъ катакомбъ и башенъ вообще сосредоточивала на себѣ вниманіе строителей больше, чѣмъ остальныя части мола. Впрочемъ, когда дѣло шло о постройкѣ юго-восточнаго угла и подземелья—самой

выдающейся части храмового мола, то ихъ безошибочно можно было отождествлять и съ южною и съ восточною стѣною храмового мола, такъ какъ здѣсь было laterum compago duorum [1]. Слѣдовательно, Іосифу Флавію можно не вмѣнять въ особенную погрѣшность того, что въ другомъ мѣстѣ исходный пунктъ работъ Соломона, по отдѣлкѣ храмового мола и выровненіи площади горы Моріа, онъ полагаетъ въ восточной стѣнѣ.

Обратимся теперь къ характеристическимъ особенностямъ *западной* стѣны храмового мола. Какъ обращенная къ городу, эта стѣна имѣла сравнительно большее количество воротъ (4 въ храмѣ Ирода), и притомъ предшествуемыхъ мостами и лѣстницами, такъ какъ площадь храма отдѣлялась здѣсь отъ города долиною (Тиропеонъ) и ручьемъ.

1. Главныя изъ западныхъ воротъ, называемыя у Іосифа Флавія царскими и выводившія изъ средняго нефа южной трехнефной галлереи на прилегавшій мостъ, лежали въ разстояніи 40 футовъ на сѣверъ отъ внѣшняго юго-западнаго угла харама. Хотя отъ воротъ въ стѣнѣ харама не сохранилось здѣсь никакихъ слѣдовъ, но ихъ существованіе здѣсь удостовѣряютъ сохранившіе остатки моста, немыслимые безъ воротъ. Остатки моста представляютъ три ряда величественныхъ сводныхъ камней, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенной сводной арки моста, въ рядахъ древнееврейской части стѣны, и

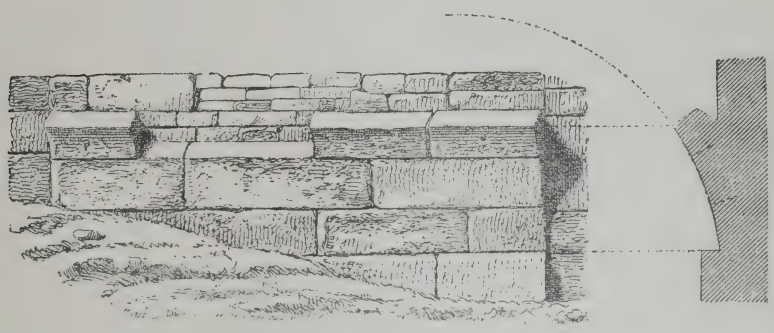
[1] Между сочиненіями Аврелія Пруденція Климента есть одинъ диптихъ, написанный около 394 года, и въ немъ XXXI четырестишіе, посвященное юго-восточному углу харама, читается такъ:

Excidio templi veteris stat pinna superstes:
Structus enim lapide ex illo manet angulus, usque
In saeclum saecli, quem sprerunt aedificantes.
Nunc caput est templi, et *laterum compago duorum.*

МОСТЪ РОБИНСОНА.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

у новѣйшихъ изслѣдователей называются *мостомъ Робинсона* по имени извѣстнаго американскаго палестиновѣда, впервые обратившаго на него научное вниманіе. Все что осталось отъ внутренняго выгиба арки моста имѣетъ вертикальной высоты 4 метра и изъ плоскости стѣны выступаетъ на одинъ метръ, 50 сантим., причемъ нижняя часть кривой линіи свода обращается почти въ



касательную къ ней. На основаніи этого уцѣлѣвшаго слѣда мостовой арки, Соси опредѣлилъ, что радіусъ круга, выведенный изъ даннаго остатка, имѣетъ 8 метр. 35 сантим., что центръ этого круга падаетъ на 85 сантим. ниже линіи начала арки въ стѣнѣ, и что мостъ имѣлъ длины 16 метр. 70 сант. (Saulcy, Voyage autour de la mer morte, t. II, 212). Раскопки Вильсона и Варрена окончательно устранили всѣ сомнѣнія на счетъ дѣйствительнаго существованія въ этомъ мѣстѣ древнееврейскаго каменнаго моста, соединявшаго холмъ царскаго дворца съ холмомъ храма. На мѣстѣ, указанномъ вычисленіями Соси, дѣйствительно былъ найденъ остатокъ западнаго столба, державшаго мостъ. Столбъ стоялъ на скалистомъ возвышеніи, которое въ данномъ мѣстѣ на 20 футовъ выше уровня скалы подъ самою аркою моста и на 42 фут. ниже начала арки въ стѣнѣ

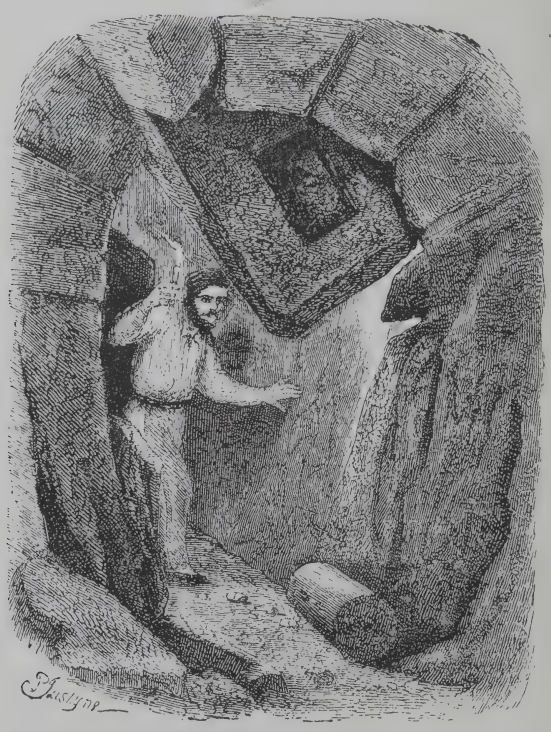
харама. Камни, образующіе столбъ, выпусковые, подобные камнямъ юго-западнаго угла харама, виднымъ на поверхности; такіе же выпуски, такіе же значки рѣзца или долота и такой же сортъ камня, твердый миззи. Равнымъ образомъ и высота камней столба соотвѣтствуетъ высотѣ камней харама; нижній рядъ имѣетъ высоты $3^1/_2$ фут., второй 3 фут. 5 дюйм. Столбъ имѣлъ всего $51^1/_2$ футовъ длины съ сѣвера на югъ, т. е. на $1^1/_2$ фута превосходилъ величину арки, и 12 футовъ 2 дюйма толщины. Сохранились отъ столба на западной сторонѣ 2 ряда камней in situ и 3 ряда на восточной. Какъ видно изъ этого остатка, столбъ не представлялъ цѣльнаго компактнаго массива, но внутри былъ полый, съ пустотою 5 футовъ. Стѣны, окружающія это пустое пространство, построены также очень экономно съ пустыми промежутками въ видѣ широкихъ амбразуръ 6 футовъ широты, сверху покрытыхъ громадными притолоками. Благодаря такому способу постройки, развѣ только половина столба была заполнена камнемъ. Далѣе на западъ отъ описаннаго мостоваго столба подспудный скалистый грунтъ мѣстности представляетъ опять значительную впадину, чрезъ которую вѣроятно былъ переброшенъ второй сегментъ моста Робинсона, опиравшійся на дальнѣйшій, ненайденный пока, второй столбъ. Но этого мало; въ прямомъ направленіи на западъ отъ моста Робинсона, на разстояніи 250 футовъ отъ стѣны харама, Варренъ открылъ своими раскопками остатки колоннады, изъ столбовъ, утвержденныхъ на скалѣ и сложенныхъ изъ камня-песчаника, похожаго на Иродовы камни, сохранившіеся въ Іорданской долинѣ, въ развалинахъ Какуна, Суваиниме и друг. Длина и ширина столбовъ 3 и 2 фута; высота рядовъ камней въ столбахъ одинъ футъ; разстояніе между столбами $12^1/_2$ фут.

Столбы соединялись между собою арками, остатки которыхъ также найдены. Линія арокъ вездѣ одинакова, но высота отдѣльныхъ столбовъ неодинакова, вслѣдствіе неровнаго уровня грунта, состоящаго, впрочемъ, изъ мостовой хорошо отдѣланныхъ плитъ известняка (Recovery of Jerusalem, 95 и далѣе). Такимъ образомъ, въ прямомъ направленіи на западъ отъ моста Робинсона до подъема Сіона, а можетъ быть и далѣе на возвышенность верхняго города существовалъ висячій царскій путь къ храму. По мнѣнію К. Шика (Beit el Makdas, стр. 123—124), только первая арка моста была каменная; дальнѣйшая же западная часть состояла изъ деревянныхъ балокъ и имѣла только пять метровъ ширины, между тѣмъ какъ каменная арка при стѣнѣ храма имѣла 15 метр. 52 сантим. ширины. Можно предположить, что на всемъ протяженіи моста Робинсона было вверху покрытіе, представлявшее наружное продолженіе στοὰ βασιλική. Можетъ быть это былъ возобновленный ходъ перваго храма. Во всякомъ случаѣ этимъ ходомъ указывается направленіе, въ которомъ нужно искать царскаго дворца въ Іерусалимѣ (См. положеніе дворца Соломона на планѣ древняго Іерусалима Мюлау въ Riehm. Bibl. Wörterbuch Riehm, 680) [1].

Въ раскопкѣ на мѣстѣ главной арки моста Робинсона, между стѣною харама и первымъ мостовымъ столбомъ, въ разстояніи 12 футовъ отъ стѣны харама и на глубинѣ почти 70 фут. подъ нынѣшнимъ уровнемъ мѣстности, Варренъ нашелъ принадлежавшіе мосту два камня. Одинъ изъ нихъ оказался сильно поврежденнымъ и не

[1] Эберсъ и Гуте (Palästina in Bild und Wort, 1886, 41) предполагаютъ, что арка Робинсона вовсе не была мостомъ чрезъ долину Тиропеонъ, а только опорою для широкой лѣстницы, которая съ глубины долины вела въ царскую галлерею. Это противорѣчитъ всему, что здѣсь открыто раскопками.

поддающимся описанію; другой имѣетъ 4 фута высоты, 7 фут. длины, 5 фут. толщины по наружной спинкѣ и 4 фута 4 дюйма толщины по внутренней сторонѣ; очевидно, камень выпалъ изъ круга большой арки. По срединѣ его одной стороны вырублена впадина 14 дюймовъ длины, 11 дюйм. ширины и $4^1/_2$ глубины. Найденные камни, очевидно, были сброшены съ значительной высоты, такъ какъ при своемъ паденіи они и сами сильно пострадали, и, кромѣ того, пробили собою сводъ находившагося здѣсь водопроводнаго канала и глубоко въ него врѣзались; въ такомъ положеніи они остаются и донынѣ, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ.



А такъ какъ, далѣе, этотъ каналъ почти весь вырубленъ въ скалѣ, то найденные мостовые камни должны были упасть сюда въ то время, когда въ данномъ мѣстѣ еще

не было почти всего нынѣшняго 70-футоваго наслоенія, состоящаго изъ мусора, земли, щебня, строевыхъ камней и булыжника. Въ томъ же самомъ пунктѣ, т. е. въ разстояніи 12 футовъ отъ стѣны харама, но на 23 фута выше того уровня, на которомъ, въ сводѣ канала, найдены вдавившіеся два камня моста, слѣдовательно уже въ совершенно другомъ, сравнительно новѣйшемъ, періодѣ времени, найдены другія развалины другого моста уже въ большемъ количествѣ, залегшія здѣсь такою массою, что Варренъ не могъ провести между нихъ своей подземной галлереи и долженъ былъ пробить себѣ дорогу порохомъ. Эти вторыя развалины лежатъ на древней мостовой, хорошо сложенной изъ известковаго камня и слегка наклоняющейся къ югу. Можно не сомнѣваться, что онѣ принадлежатъ той аркѣ моста, которая теперь небольшою частію выдается изъ стѣны харама, слѣдовательно второму храму. Что же касается тѣхъ двухъ камней моста, которые погребены здѣсь гораздо глубже, почти на уровнѣ мѣстной скалы, то они сохранились отъ болѣе древняго моста перваго іерусалимскаго храма. Если же, такимъ образомъ, здѣсь открыты два моста, одинъ выше другого, то ими равно предполагается существованіе на нынѣшнемъ мѣстѣ спорнаго юго-западнаго угла харама, не только во второмъ, но и въ первомъ храмѣ, какъ мы уже говорили.

Считаемъ необходимымъ здѣсь войти въ нѣкоторыя дополнительныя соображенія, на основаніи тѣхъ же раскопокъ Варрена, но противъ выведенныхъ имъ заключеній, по поводу упомянутаго сейчасъ канала, въ которомъ найдены пробившіеся чрезъ сводъ два камня древнѣйшаго моста. Каналъ или проходъ имѣетъ 12 футовъ глубины и 4 фута ширины, вырубленъ въ скалѣ, за исключеніемъ свода, сложеннаго изъ грубо обтесан-

ныхъ камней. Въ разныхъ пунктахъ проходъ этотъ встрѣчается съ пещерами или цистернами. Такъ, пройдя 24 фута на югъ отъ средины арки Робинсона, каналъ встрѣчается съ квадратною камерою, вырубленною въ скалѣ, имѣющею сегментальную арку и боковые проходы на востокъ и западъ подъ прямыми углами. Такъ какъ восточная изъ этихъ вѣтвей имѣетъ направленіе на стѣну харама, то Варренъ, какъ мы уже говорили, вывелъ отсюда заключеніе о болѣе древнемъ происхожденіи канала и болѣе позднемъ происхожденіи стѣны юго-западнаго угла харама; постройкою стѣны, говоритъ онъ, преградили древній каналъ. Мы видѣли уже, въ какой степени такое предположеніе невѣроятно. Къ сказанному выше нужно прибавить, что въ самомъ устройствѣ канала есть нѣчто, дающее ему видъ поспѣшной и чрезвычайно разнообразной работы. Именно, на сѣверъ отъ моста Робинсона сводъ этого прохода имѣетъ, по выраженію Варрена, видъ смѣшной, косо заостренной арки изъ 5 камней; хребетъ возвышенія свода приходится здѣсь не посрединѣ, а какъ-то сбоку. Между тѣмъ подъ аркою Робинсона и на югъ отъ нея сводъ имѣетъ правильный видъ арки изъ 6 и 7 камней. Равнымъ образомъ и размѣры канала далеко не вездѣ одинаковы. Далѣе, въ своемъ теченіи на сѣверъ отъ моста Робинсона каналъ поворачиваетъ на востокъ, къ стѣнѣ харама, и впадаетъ въ круглую цистерну, замѣчательную тѣмъ, что отъ нея уцѣлѣла только половина, такъ какъ другая, восточная ея половина занята стѣною харама, пересѣкшею цистерну. Въ этомъ случаѣ, повидимому, больше значенія имѣетъ заключеніе Варрена, что цистерна существовала прежде появленія здѣсь стѣны харама. Но вопросъ въ томъ, была ли эта цистерна, во время созиданія стѣны харама, въ связи

съ системою открытыхъ здѣсь каналовъ во всемъ ихъ нынѣшнемъ видѣ? Мы того мнѣнія, что стѣна харама пересѣкла разсматриваемую цистерну еще въ то время, когда послѣдняя была одинокою іевусеевскою пещерою, а не цистерною. Нужно обратить вниманіе на то, что въ нарочитыхъ цистернахъ не было надобности здѣсь, на пути канала, и что цистерны эти имѣютъ гораздо болѣе глубокіе признаки древности, чѣмъ каналъ, такъ какъ, по своему уровню, онѣ гораздо ниже канала и цѣликомъ вырублены въ скалѣ, не исключая и свода, который здѣсь плоскій, между тѣмъ какъ сводъ канала сложенъ изъ тесанаго камня и имѣетъ заостренную арку. Важное значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ и то, что стѣны цистернъ здѣсь круглы и имѣютъ видъ обыкновенныхъ натуральныхъ палестинскихъ пещеръ, которыми легко могли воспользоваться при проведеніи канала. Что же касается цистерны, перерѣзанной стѣною харама, то она не могла быть первоначально вырублена для водопровода еще и потому, что она лежитъ не на линіи канала и слишкомъ близко къ другой подобной же цистернѣ-пещерѣ. Невдалекѣ отъ нея на западъ открыты Варреномъ еще двѣ камеры, вырубленныя въ скалѣ, уже прямоугольныя, и не стоящія въ связи съ каналомъ, 16 футовъ длины и 6 ширины, съ рядомъ ступеней, идущихъ вверхъ и также вырубленныхъ въ скалѣ. Все это показываетъ существованіе здѣсь значительной пещерной Іевусеевской части города до построенія храма. Вѣроятно, не одна только изъ этихъ пещеръ была срѣзана при постановкѣ стѣны храма. Но уже это смѣлое направленіе стѣны чрезъ область первобытныхъ пещеръ отчасти можетъ доказывать, что она явилась гораздо раньше Ирода. Во время Ирода строители-книжники задумались бы еще надъ вопросомъ;

можно ли проводить границу святилища среди древнихъ пещеръ? Ничто не гарантировало, что та или другая изъ этихъ пещеръ не была когда либо и гробницею.

2. Если храмовой мостъ, нынѣ называемый Робинсоновымъ, совершенно разрушенъ, то на западной сторонѣ мола есть другой мостъ въ цѣломъ видѣ, также имѣющій право считаться мостомъ древнееврейскаго храма. Разумѣемъ мостовую арку, соединяющую нынѣ улицу Давида съ харамомъ въ воротахъ Бабъ ес-Силсиле. Англійскіе изслѣдователи, вслѣдъ за сэромъ Генри Джемсомъ, согласились называть ее *аркою Вильсона*, хотя нѣмецкіе изслѣдователи (Sepp, Ebers und Guthe) и возражаютъ, что ее правильнѣе было бы называть именемъ Тоблера. По мнѣнію Вильсона, внимательно изучившаго эту арку своего имени, она современна той части древнееврейской стѣны харама, изъ которой выходитъ, и, слѣдовательно, принадлежитъ по крайней мѣрѣ Ироду (Ordnance survey of Jerusalem, а также Recovery, 16). Напротивъ Варренъ, преемникъ Вильсона по раскопкамъ, не находитъ ничего общаго между аркою и стѣною харама, и, возводя послѣднюю до времени Соломона, аркѣ Вильсона соглашается приписать только византійское происхожденіе (The Recovery. 77 и далѣе). Для рѣшенія этого вопроса, да и вообще въ видахъ освѣщенія мѣстности, прилегавшей къ ветхозавѣтному храму съ запада, намъ необходимо остановиться на произведенныхъ здѣсь Варреномъ раскопкахъ и открытіяхъ, не менѣе замѣчательныхъ, чѣмъ и всѣ другія его открытія въ Іерусалимѣ.

Не соглашаясь признать какое-либо соотношеніе нынѣшней арки Вильсона и прилегающей къ ней стѣны харама, Варренъ, тѣмъ не менѣе, вынужденъ былъ признать, что на ея мѣстѣ нѣкогда была другая арка, по

древности болѣе соизмѣримая съ стѣною харама. Это доказывается, прежде всего, устройствомъ столба, на которомъ покоится западная пята мостовой арки. Отстоя отъ стѣны харама на 42 фута, столбъ арки основаніемъ своимъ лежитъ на скалѣ, уровень которой въ данномъ пунктѣ нѣсколько выше уровня скалы подъ стѣною харама, такъ какъ мѣстность имѣетъ здѣсь небольшой склонъ съ запада на востокъ. Вся высота столба до начала арки 44 фута 3 дюйма. Нижніе 19 футовъ 3 дюйма столба состоятъ изъ большихъ, грубыхъ, но обрамленныхъ выпусками, глыбъ камня [1]; верхніе же 25 футовъ высоты, раздѣленные на 7 рядовъ, представляютъ большіе квадратные римскіе камни безъ выпусковъ, подобные тѣмъ камнямъ, ряды которыхъ сохранились на стѣнѣ Плача выше выпусковыхъ рядовъ. Тамъ, гдѣ начинаются квадратные камни, въ трехъ нижнихъ рядахъ квадратныхъ камней, сдѣлано въ столбѣ большое углубленіе или ниша 5 футовъ глубины, 6 футовъ ширины и 9 футовъ 5 дюймовъ высоты. Хотя въ этомъ углубленіи есть слѣды закрывавшей его желѣзной двери, такъ что оно когда нибудь могло служить и камерой, но его происхожденіе должно было имѣть связь съ подобными углубленіями или амбразурами, пронизывающими нижніе ряды камней въ столбѣ моста Робинсона. Такимъ образомъ ясно обозначаются двѣ составныхъ части моста, нижняя грубѣйшая, принадлежавшая древнѣйшему мосту, бывшему здѣсь, и вмѣстѣ съ нимъ разрушенная въ своей верхней части, и верхняя болѣе чистая и позднѣйшая, имѣющая римскій характеръ, нераздѣльная отъ нынѣшней арки Вильсона. Впрочемъ Варренъ, вѣрный тѣмъ началамъ, которыя

[1] Вильсонъ, на основаніи вида этихъ камней, относилъ ихъ къ остатку городской стѣны (Quart. Statement, 1880, 23).

высказаны имъ въ разсужденіи о юго-западномъ углѣ харама, продолжаетъ настаивать, что и нижняя грубѣйшая часть столба, а, слѣдовательно, и первый мостъ, бывшій на мѣстѣ арки Вильсона, явились позже стѣны харама, имѣющей здѣсь до самаго основанія чистую отдѣлку, и что грубая отдѣлка дана была столбу потому, что эта его часть при первоначальной постройкѣ скрывалась въ наслоившейся уже здѣсь землѣ.

Существованіе здѣсь древняго моста, предшествовавшаго аркѣ Вильсона, еще болѣе наглядно доказано развалинами древняго каменнаго моста, найденными Варреномъ въ раскопкѣ наслоеній подъ аркою, въ такъ называемомъ нынѣ водоемѣ ел-Буракъ, на глубинѣ 24 футовъ. Вмѣстѣ съ сводными камнями, принадлежавшими мосту, здѣсь было найдено много камней изъ самой стѣны харама, такой же выпусковой отдѣлки и такой же высоты, какъ и камни въ стѣнѣ. Отъ этихъ развалинъ моста и стѣны, залегшихъ здѣсь массою 8 футовъ глубины, до уровня скалы раскопки обнаружили почти такую же толщу наслоеній 20—25 футовъ; но здѣсь уже не найдено ничего похожаго на остатки моста; ничего подобнаго не найдено и на самой скалѣ. Такимъ образомъ констатировано не только то, что здѣсь былъ болѣе древній мостъ, но и то, что, при разрушеніи моста, вмѣстѣ съ нимъ была разрушена и часть стѣны харама, непосредственно соприкасавшаяся съ аркою моста. Если же, такимъ образомъ, разрушеніе моста и стѣны послѣдовало здѣсь совмѣстно, то и возобновленіе ихъ должно было произойти одновременно, потому что безъ моста не могла уже существовать здѣсь древняя стѣна и ворота. Но возобновлявшійся тогда мостъ могъ быть только нынѣшнею аркою Вильсона, какъ это доказывается органическою связью ея восточ-

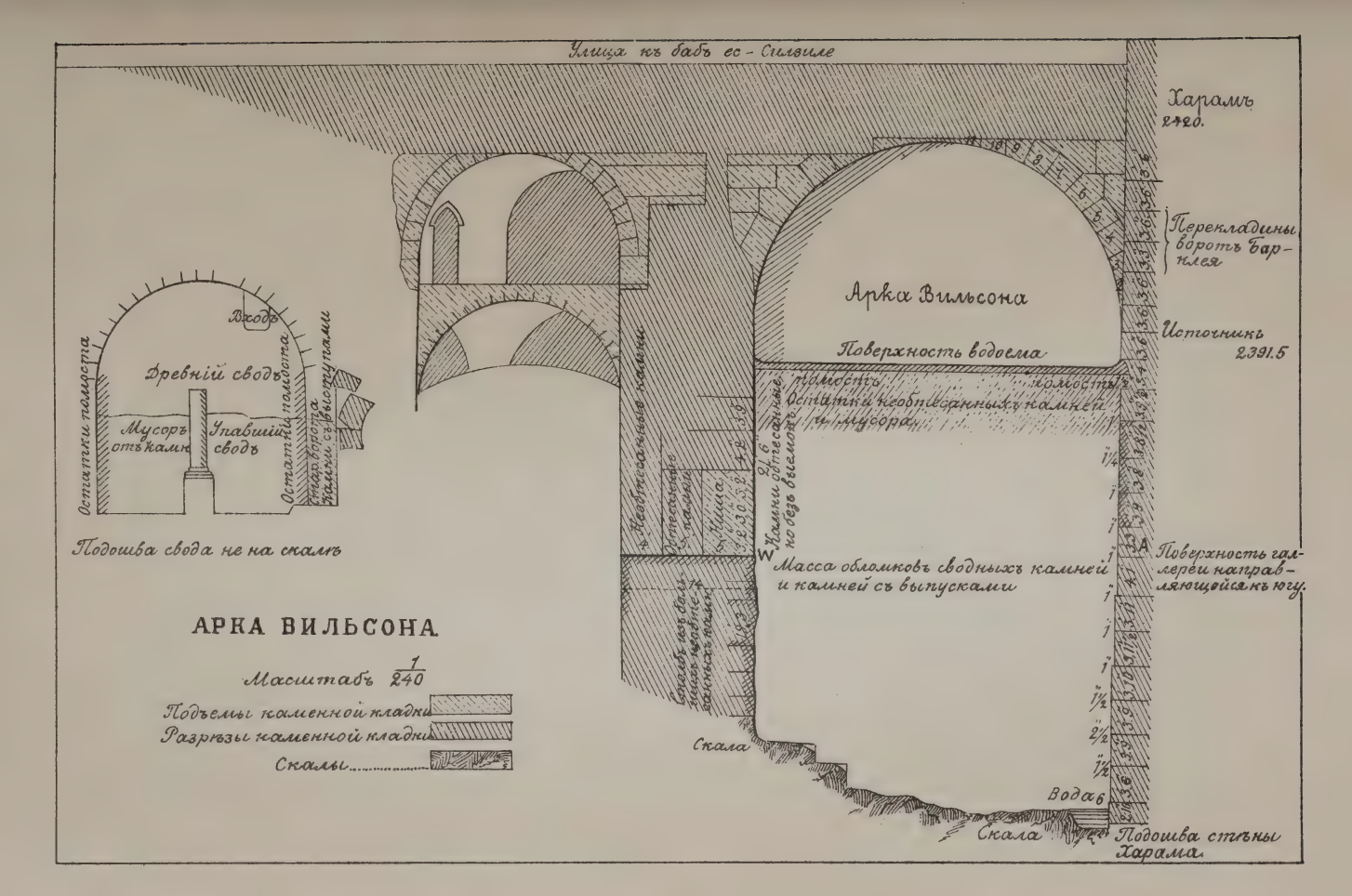


Фото-литографія Н. Индутнаго, Сергіевская ул. №18.

ной пяты съ стѣною харама, а равно и тѣмъ, что другихъ какихъ-либо остатковъ моста, на другомъ уровнѣ, не найдено. Если арка Робинсона была разрушена дважды, одинъ разъ въ періодъ перваго храма, другой разъ въ періодъ второго храма, то арка Вильсона была разрушена одинъ разъ, во время второго храма [1].

Но какое назначеніе могъ имѣть здѣсь мостъ Вильсона какъ нынѣшній, такъ и предшествовавшій ему болѣе древній? Конечно, онъ проводилъ чрезъ оврагъ и ручей, отдѣлявшіе гору храма отъ горы народа. Въ такомъ случаѣ арки Вильсона здѣсь было недостаточно, потому что древняя долина Тиропеонъ была гораздо шире. И, дѣйствительно, раскопками Варрена обнаружено, что разсматриваемая арка была не полнымъ мостомъ, какъ предполагалъ Вильсонъ, а только исходнымъ пунктомъ моста, первымъ звеномъ висячей на аркахъ дороги отъ храма къ верхнему городу, или даже двухъ параллельныхъ дорогъ, двойной системы арокъ, державшихъ полотно дороги. Арки эти, нынѣ, конечно, потонувшія подъ позднѣйшими наслоеніями, лежатъ противъ фронта зданія Мегкеме, и служатъ подземными основаніями для новѣйшихъ арабскихъ построекъ, идущихъ по сѣверной сторонѣ улицы Бабъ ес-Силсиле. Такимъ образомъ древнее полотно дороги перестало исполнять свое назначеніе; нынѣшняя улица Давида или Бабъ ес-Силсиле отодвинута на югъ отъ своего естественнаго направленія противъ воротъ харама.

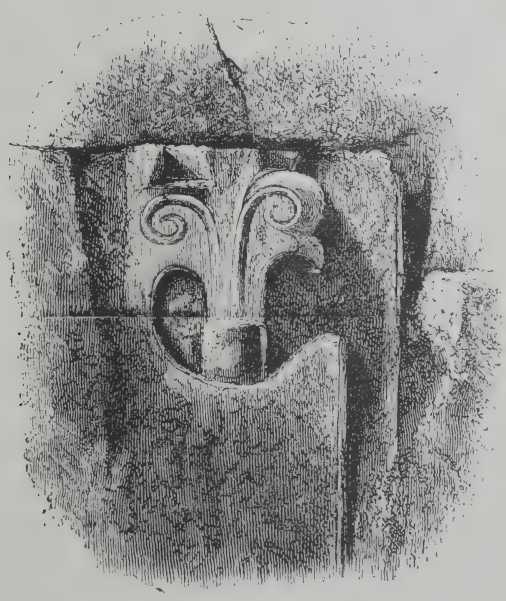
Мы сказали, что арка Вильсона открываетъ собою двойной мостъ или двойную висячую дорогу чрезъ долину Тиропеонъ, состоящую изъ двухъ, непосредственно

[1] К. Шикъ видитъ здѣсь арку храма Соломонова, разрушенную халдеями и затѣмъ возстановленную Иродомъ (Beit el Makdas, 1887, 118).

между собою соприкасающихся, параллельныхъ линій арокъ и сводовъ. Южная линія имѣетъ широты 23½ фута, а сѣверная 21 футъ. Такимъ образомъ обѣ вмѣстѣ линіи арокъ имѣютъ 44½ фута, немного только больше чѣмъ ширина арки Вильсона (43 ф.). По мнѣнію Варрена, двѣ параллельныя линіи дороги не могли строиться вмѣстѣ, но одна изъ нихъ должна быть древнѣе другой, и именно южная древнѣе сѣверной. Если такъ, то и та древняя арка, которая первоначально выходила изъ стѣны харама на мѣстѣ нынѣшней арки Вильсона, имѣла не 43, а только 23½ фута ширины. Эта первая висячая дорога или собственно ея первая арка, перекинутая съ площади храма на первый столбъ, нѣкогда была разрушена. Затѣмъ, при ея исправленіи, найдено было недостаточнымъ первоначальное полотно дороги и расширено прибавленіемъ къ нему, съ сѣверной стороны, второй линіи арокъ и сводовъ, и затѣмъ уже, соотвѣтственно новой удвоенной широтѣ дороги, ея первое звено было сдѣлано въ видѣ одной цѣльной широкой арки. Само собою разумѣется, что, вмѣстѣ съ этимъ, и ворота храма были расширены и обращены въ двухпролетныя. Служа полотномъ висячей дороги, ея арки сначала были открыты, а потомъ стали тонуть подъ поднявшимся здѣсь наслоеніемъ и постепенно обратились въ подземныя камеры.

Южная изъ этихъ двухъ висячихъ дорогъ-близнецовъ, въ своемъ протяженіи на западъ, прерывается большою камерою очень древней кладки, 23 футовъ ширины съ востока на западъ и 20 фут. 4 дюймовъ съ сѣвера на югъ, съ полукруглою аркою, повидимому, менѣе древнею, чѣмъ ея стѣны. Впослѣдствіи, на южномъ концѣ этой камеры было сдѣлано прибавленіе 10 фут. 4 дюймовъ съ новою аркою, такъ что длина

камеры увеличилась до 30 фут. 8 дюйм. Чтобы скрыть образовавшуюся такимъ образомъ разность свода, подъ мѣстомъ соединенія арокъ подвели еще новую, независимую отъ свода, арку, съ гранитною колонною посрединѣ, раздѣляющею камеру на двѣ части. Нужно замѣтить, что 10 футовъ протяженія, прибавленные къ камерѣ съ юга, выходятъ изъ линіи древней висячей дороги. Эта древняя камера, названная у Варрена „Масонскою залою", Masonic Hall, по нѣкоторымъ символическимъ знакамъ, найденнымъ на ея камняхъ, сложена безъ цемента, изъ прекрасныхъ квадратныхъ камней, и по своимъ четыремъ угламъ имѣла пилястры съ капителями, рисунокъ которыхъ, представляющій отдаленное напоминаніе іонійскаго завитка, принадлежитъ къ древнѣйшему виду еврейскаго искусства. На юго-



восточномъ углу камера имѣла двойной ходъ съ большими притолоками, украшенными рѣзными изображеніями.

Пробившись чрезъ этотъ ходъ, Варренъ нашелъ въ наружной сторонѣ масонской камеры выпусковые древнееврейскіе камни 4 фут. толщины. По всѣмъ признакамъ, говоритъ Варренъ, Масонская зала послѣ стѣны харама есть самая древняя постройка во всемъ Іерусалимѣ; можетъ быть она имѣетъ такую же древность, какъ и стѣна харама, т. е. принадлежитъ Соломону [1].

Кромѣ описанныхъ двухъ подземныхъ аркадъ, представлявшихъ двухчастное полотно висячей дороги отъ храма чрезъ долину Тиропеонъ, рядомъ съ ними, съ юга, но гораздо выше ихъ по уровню, идетъ еще третья подземная дорога отъ тѣхъ же воротъ храма на западъ, уже не въ видѣ отдѣльныхъ арокъ, но въ видѣ большого подземнаго корридора, проходящаго подъ нынѣшнею улицею Бабъ ес-Силсиле. Теченіе этого подземнаго корридора прослѣжено Варреномъ на протяженіи 250 футовъ, но несомнѣнно, что онъ простирается и далѣе до самой башни Давида, какъ о немъ свидѣтельствуетъ арабскій историкъ XIV вѣка Меджиръ ед-Динъ: „этотъ „подземный ходъ существуетъ донынѣ; иногда его от„крываютъ, и тогда каждый можетъ видѣть его крѣпкіе „каменные своды; Давидъ имѣлъ обыкновеніе этимъ „крытымъ подземнымъ ходомъ ходить въ мечеть изъ „своего дома“. Соотвѣтствуя направленію нынѣшней улицы, этотъ подземный корридоръ лежитъ ниже нынѣшней уличной мостовой на 8 и 9 футовъ; между аркою прохода и мостовою давно уже проведенъ водопроводъ отъ прудовъ Соломона. Уже это погруженіе прохода въ массы городскаго мусора свидѣтельствуетъ о его древности, а его размѣры, 10 футовъ высоты и 12 фут. ширины, и чистота его отдѣлки свидѣтель-

[1] Напротивъ висячая дорога чрезъ долину Тиропеонъ отнесена Варреномъ ко времени Маккавеевъ.

ствуютъ о томъ, что онъ предназначался не для стока нечистотъ съ верхняго города, какъ нѣкоторые думали. Съ другой стороны проходъ не былъ и подземнымъ основаніемъ древней улицы въ томъ смыслѣ, въ какомъ исполняла это назначеніе описанная выше двухчастная линія арокъ. Для этого онъ и недостаточно широкъ, и не имѣетъ въ своихъ стѣнахъ необходимой крѣпости, и простирается не только чрезъ долину Тиропеонъ, но и гораздо выше. Это—сама по себѣ подземная улица, напоминающая подземный выходъ на сѣверо-западномъ углу харама или Стратонову башню.

Мы не сомнѣваемся, что этотъ подземный корридоръ построенъ Иродомъ и былъ тѣмъ секретнымъ ходомъ, которымъ военачальникъ Симонъ бенъ Гіоръ прошелъ изъ верхняго города и неожиданно, какъ привидѣніе, явился на мѣстѣ разрушеннаго храма съ цѣлію испугать римскую стражу и устроить для себя побѣгъ изъ города, уже взятаго Титомъ (Bell. VII, 2, 1). Но, прежде чѣмъ выйти изъ подземнаго прохода, Симонъ, по описанію Іосифа Флавія, долго бродилъ съ своими друзьями по подземелью, выискивая возможности пробиться подъ землею до мѣста незанятаго римлянами. И только совершенный недостатокъ всякой пищи заставилъ Симона прекратить работу подземной мины и выйти къ римлянамъ. Если Симонъ былъ въ описанномъ подземномъ корридорѣ, то куда онъ велъ свою мину? Очевидно, ему хотѣлось пробраться внизъ до водопровода, идущаго вдоль западной стѣны харама, подъ мостомъ Робинсона. Тогда онъ могъ выйти изъ прохода на склонѣ Офела, далеко за нынѣшними Навозными воротами. Извѣстно, что этимъ проходомъ при Ибрагимѣ-пашѣ, въ 1834 году, воспользовались взбунтовавшіеся палестинскіе феллахи, дошли подъ землей до самой улицы

Давида (Бабъ ес-Силсиле) и вошли въ городъ чрезъ одинъ изъ тѣхъ спусковъ въ описанныя сейчасъ подземелья, которыми нынѣ пользуются европейскіе изслѣдователи. Счастливѣе Симона бенъ Гіора былъ въ этомъ случаѣ Варренъ, прорубившій мину на 13 фут. ниже дна корридора и здѣсь открывшій рядъ древнихъ камеръ съ калиткою и спускомъ изъ верхняго города въ самую нижнюю часть Тиропеона. Это мѣсто, вѣроятно. имѣлъ въ виду и Симонъ, потому что отсюда уже недалеко до водопроводнаго канала, идущаго на югъ, за городскую стѣну. Хотя, какъ видно изъ Войны Іуд. VI, 7, 3, въ верхнемъ городѣ было много подземныхъ ходовъ, въ которыхъ думали найти спасеніе осажденные іудеи, но такого подземнаго хода, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, выводилъ бы изъ верхняго города на самую площадь храма, мы не знаемъ другого, кромѣ сейчасъ описаннаго.

Если, такимъ образомъ, упомянутый корридоръ, построенный Иродомъ, уже въ то время скрывался въ землѣ и былъ подземнымъ ходомъ, то и всѣ описанные ряды арокъ висячей дороги не стояли тогда открыто, по крайней мѣрѣ въ то время, когда жилъ въ Іерусалимѣ Іосифъ Флавій. Этимъ объясняется то весьма непріятное для изслѣдователей обстоятельство, что, вопреки открытымъ въ настоящее время двумъ древнимъ мостамъ на западной сторонѣ храма, Іосифъ знаетъ и видитъ здѣсь только одинъ мостъ. Въ его неоднократныхъ упоминаніяхъ о мостѣ (Ant. XIV, 4, 2; Bell. II, 16, 3, VI, 3, 2; VI, 6, 2; VI, 8, 1) несомнѣнно разумѣется всегда одинъ и тотъ же мостъ. Но, спрашивается, который изъ двухъ: мостъ Робинсона, или мостъ Вильсона? Ближайшее опредѣленіе этого моста у Іосифа таково, что его какъ будто можно относить къ той и другой аркѣ: „мостъ соединялъ храмъ съ Ксистомъ (кры-

тый корридоръ для гимнастическихъ упражненій и народныхъ прогулокъ и собраній или, по типическому выраженію 2 Макк. 4, 12, *срамной навѣсъ*) и дворцомъ Асмонеевъ"; „ворота храма и мостъ лежали выше Ксиста, ὑπὲρ τὸν ξυστὸν ἦσαν πύλαι καὶ γέφυρα". Мѣсто Ксиста и дворца Асмонеевъ опредѣляется всѣми изслѣдователями согласно на противулежащемъ контрфорсѣ горы, какъ разъ на срединѣ между мостами Вильсона и Робинсона. И по своему уровню тотъ и другой мостъ могутъ назваться лежащими выше Ксиста. Долгое время, до самаго открытія арки Вильсона, изслѣдователи не колебались отождествлять мостъ Іосифа „надъ Ксистомъ" съ аркою Робинсона. Но въ послѣднее время многіе уже для этой цѣли предпочитаютъ болѣе сѣверную арку и висячій путь Вильсона и Варрена. „Безъ сомнѣнія, арка Вильсона есть остатокъ моста, приводившаго изъ храма въ дворецъ Асмонеевъ", говорятъ Эберсъ и Гуте (Palästina in Bild und Wort, 1, 80). Auf bestimmteste aber können wir behaupten, dass die Brücke des Josephus nicht an der Stelle des Robinsonsbogens gelegen haben kann, говоритъ Шписсъ (Das Jerusalem des Josephus, 1881, 63). Въ доказательство этого мнѣнія Шписсъ приводитъ то, что *ворота и мостъ надъ Ксистомъ* обозначаютъ у Іосифа тотъ же пунктъ, что и *башня надъ Ксистомъ*, построенная Іоанномъ и его партіею надъ воротами храма: „Между тѣмъ башня Іоанна надъ Ксистомъ не можетъ быть башнею юго-западнаго угла, потому что башня этого послѣдняго пункта поименована тутъ же рядомъ, подъ именемъ *третьей башни, на другомъ углу, противъ нижняго города*" (Bell. IV, 9, 12). Но если мы, согласно съ Шписсомъ, подъ именемъ *башни надъ Ксистомъ* будемъ разумѣть башню арки Вильсона, то слѣдующая башня Іоанна, упоминаемая Іосифомъ, не мо-

жетъ быть башнею при аркѣ Робинсона, такъ какъ эта слѣдующая башня указывается совершенно въ другомъ мѣстѣ, уже не противъ Ксиста, а противъ нижняго города, и уже на какомъ-то другомъ, противоположномъ углу. Такъ нельзя было бы выразиться, имѣя въ виду разомъ башни Вильсона и Робинсона, расположенныя въ одной и той же сторонѣ храмового мола и одинаково обращенныя къ тому же Ксисту. Кромѣ того, называя другую слѣдующую башню лежащею *на другомъ углу,* Іосифъ Флавій тѣмъ самымъ прямо даетъ знать, что и предшествующая башня надъ Ксистомъ лежала также на углу, т. е. у арки Робинсона, а не Вильсона. Другое мѣсто, при помощи котораго Шписсъ надѣется отождествить мостъ Іосифа Флавія съ мостомъ Вильсона, заключается въ Войнѣ Іуд. VI, 8, 1, гдѣ говорится, что римляне, направляя осаду противъ іудеевъ, державшихся уже только въ одномъ верхнемъ городѣ, „возводятъ валы съ западной стороны, противъ царскаго дворца Ирода и затѣмъ, съ другой стороны, противъ Ксиста, моста и башни Симона, построенной въ видѣ крѣпости во время войны съ Іоанномъ“. „Если подъ упоминаемымъ здѣсь мостомъ разумѣть арку Робинсона, говоритъ Шписсъ, тогда сѣверною границею верхняго города пришлось бы считать линію этой самой арки, между тѣмъ какъ она несомнѣнно проходила сѣвернѣе, и именно на линіи арки Вильсона. Слѣдовательно валы римскіе были возведены здѣсь, противъ арки и висячей дороги Вильсона“. Этимъ объясненіемъ только затрудняется пониманіе Іосифа Флавія. Мостъ съ башнею Симона, если бы онъ былъ то же, что арка Вильсона, теперь уже находился бы въ рукахъ римлянъ (это видно и на планѣ, приложенномъ у самого Шписса). Слѣдовательно, направлять противъ него валы не было никакой надобно-

сти. Для насъ совершенно ясно, что когда Іосифъ говоритъ о напорѣ римлянъ противъ Ксиста, моста и башни Симона, то онъ разумѣетъ не отдѣльную точку въ стѣнѣ верхняго города, а весь восточный контрфорсъ горы Сіона, на которомъ выдающимися пунктами были Ксистъ съ дворцомъ Маккавеевъ и мостъ съ башнею Симона. Въ этомъ случаѣ совершенно безразлично, непосредственно ли соприкасались эти пункты съ сѣверною линіею Сіонской стѣны или лежали нѣсколько южнѣе. Осаждающіе во всякомъ случаѣ имѣли въ виду овладѣть этими пунктами, подобно тому, какъ осаждающіе Сіонскій холмъ съ запада имѣли въ виду главнымъ образомъ завладѣніе царскимъ дворцомъ Ирода. Весьма замѣчателенъ здѣсь порядокъ перечисленія этихъ пунктовъ у Іосифа: Ксистъ, мостъ и башня Симона. Слѣдовательно, предъ глазами осаждавшихъ ближайшимъ пунктомъ былъ Ксистъ, а потомъ уже мостъ и башня. Такимъ образомъ, если даже въ данный моментъ римляне возводили свои валы на самой аркѣ Вильсона и связанной съ нею висячей дорогѣ, то тотъ мостъ, который служилъ цѣлію ихъ атаки, есть другой болѣе южный мостъ, конечно, мостъ Робинсона. Къ этому мы можемъ прибавить еще свидѣтельство того же Іосифа Флавія (Bell. VI, 6, 2), гдѣ говорится, что когда осажденные въ верхнемъ городѣ іудейскіе военачальники, Симонъ и Іоаннъ, пожелали вступить въ переговоры съ императоромъ Титомъ, то послѣдній вошелъ во внѣшній дворъ храма, и сталъ въ однихъ изъ западныхъ воротъ, гдѣ надъ Ксистомъ былъ мостъ, такъ что одинъ только мостъ раздѣлялъ осажденныхъ и Тита, — и началъ свою длинную увѣщательную рѣчь. Но было бы странно выбрать для переговоровъ съ народомъ мостъ Вильсона, приходящійся на самомъ сѣверо-восточномъ углу стѣны

верхняго города, слѣдовательно въ самомъ стѣсненномъ и неудобномъ мѣстѣ. И зачѣмъ въ такомъ случаѣ Титу нужно было сперва войти во дворъ храма (дворъ языковъ), чтобы достигнуть воротъ и моста надъ Ксистомъ, если здѣсь разумѣется арка Вильсона, лежавшая прежде храма, на пути Тита изъ его лагеря, бывшаго на западной сторонѣ города? Напротивъ, въ отношеніи къ мосту Робинсона картина переговоровъ Тита съ іудеями дѣлается совершенно понятною. Такимъ образомъ мостъ Іосифа Флавія надъ Ксистомъ и мостъ Робинсона тождественны.

Недостаточность древнихъ свидѣтельствъ о мостахъ іерусалимскаго храма восполняется сохранившимся донынѣ вторымъ мостомъ, неупомянутымъ у Іосифа, нынѣ извѣстнымъ подъ именемъ арки Вильсона. Мы видѣли, что, на основаніи открытій Варрена въ этой области, изъ двухъ линій висячей дороги болѣе древнею нужно считать южную линію. Возможно, что она принадлежитъ даже первому іерусалимскому храму, такъ какъ въ ея ряду Варренъ нашелъ постройки, современныя древнѣйшей части стѣны харама. Какъ видно, образующія арки моста были различнымъ образомъ утилизированы. Между прочимъ, онѣ служили отчасти тѣмъ же, чѣмъ южныя подземелья площади харама — пріютомъ для бѣдныхъ богомольцевъ. По крайней мѣрѣ мишна западныя ворота храма называетъ воротами Копонотъ, то есть *гостинницъ,* на томъ основаніи, что они выводили въ кварталъ города, по преимуществу занятый гостинницами для приходившихъ къ іерусалимскому храму богомольцевъ. Та камера, которую Варренъ назвалъ Масонскою залою, можетъ быть была даже гостинницею перваго іерусалимскаго храма. Можетъ быть самое расширеніе пути второю линіею арокъ было вызвано, между

прочимъ, необходимостію увеличить число этихъ безплатныхъ пріютовъ для бѣдныхъ богомольцевъ [1]. Впослѣдствіи нѣкоторыя отдѣленія арокъ служили также караульнею для военной стражи. Мы думаемъ, что такое наше объясненіе лучше, чѣмъ объясненіе Варрена, по которому образовавшіяся подъ арками моста камеры служили для склада провіанта. Нашему объясненію не противорѣчитъ то, что образовавшіяся здѣсь камеры были подземельями. Такіе пріюты были даже желательнѣе для богомольцевъ, выдержавшихъ путешествіе въ Іерусалимъ съ тяжкими ношами въ лѣтнее время. Достаточно здѣсь было и воды, въ которой наиболѣе долженъ былъ нуждаться ветхозавѣтный богомолецъ для совершенія предписанныхъ закономъ омовеній. Что касается собственно такъ называемой арки Вильсона или перваго звена въ цѣпи арокъ всего моста, то мы можемъ только согласиться съ изслѣдователемъ, давшимъ аркѣ свое имя, что этотъ величественный остатокъ древняго Іерусалима современенъ стѣнѣ храма, то есть послѣдней Иродовой реставраціи западной стѣны мола. Значительныя особенности отдѣлки держащаго арку столба въ сравненіи его съ столбомъ моста Робинсона объясняются тѣмъ, что послѣдній мостъ былъ царскимъ путемъ, а первый—народнымъ.

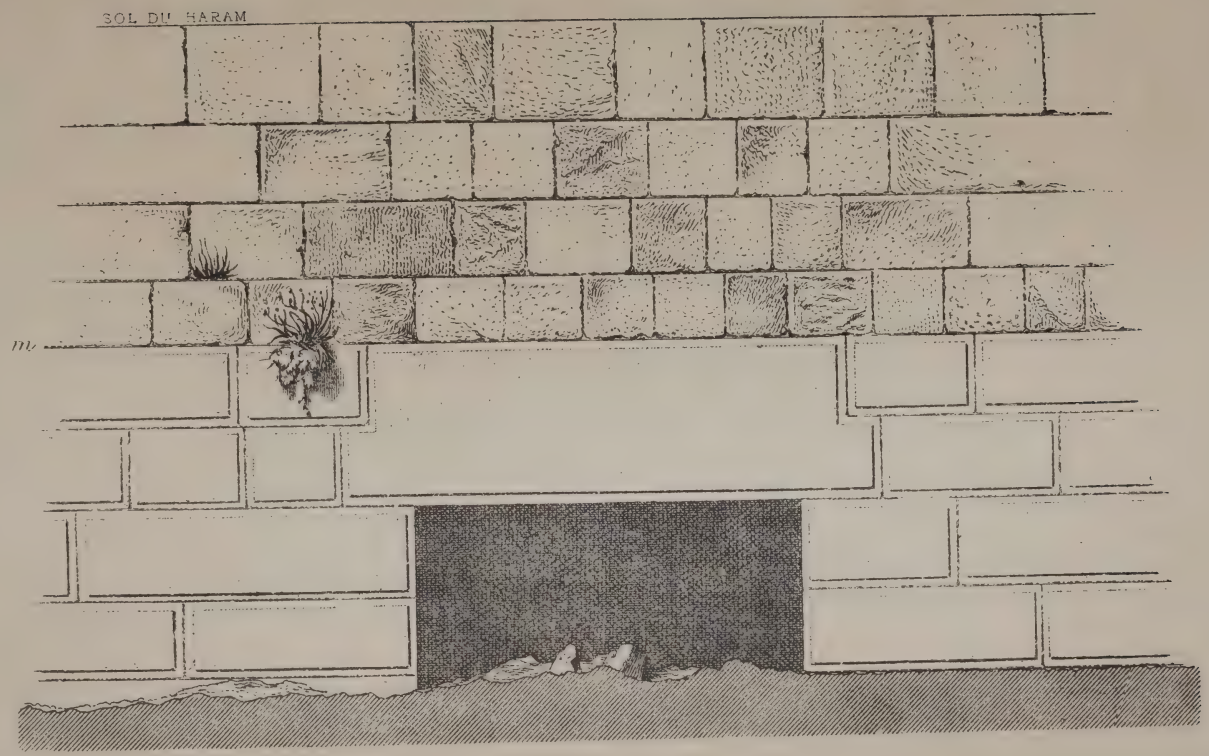
3. Почти какъ разъ посрединѣ между юго-западнымъ угломъ харама и аркою Вильсона, въ стѣнѣ харама, существуютъ нынѣ небольшія ворота, называемыя воро-

[1] Это подтверждается тѣмъ, что внутреннее пространство подъ сводами раздѣляется на два этажа, то есть между каждыми двумя столбами, кромѣ верхней арки, на которой лежало полотно дороги, была еще другая нижняя арка. Такимъ образомъ образовались постройки, которыя въ іудейскомъ преданіи называются сводами на сводахъ, и которыя мѣстные арабы называютъ *цѣпью;* отсюда нынѣшнее названіе воротъ на аркѣ Вильсона Бабъ ес-Сильсиле, *ворота цѣпи.*

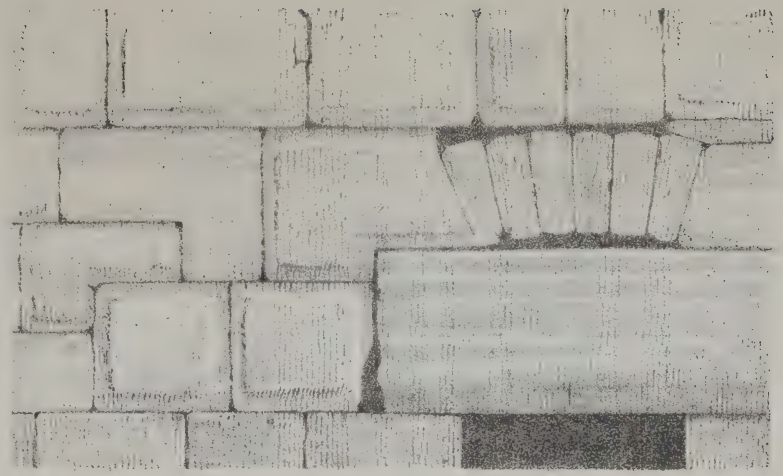
*

тами Мавровъ, Бабъ ел-Могарибе. Вслѣдствіе значительной разности грунта внутри харама (2416 футовъ надъ Средиземнымъ моремъ, у береговъ Яфы) и внѣ его (2395 футовъ), къ воротамъ Мавровъ въ настоящее время сдѣланъ подъемъ въ видѣ сводовъ, въ которыхъ, какъ въ древнихъ мостовыхъ сводахъ Копоносъ, устроены жилыя помѣщенія, двѣ камеры, одна на другой, занимаемыя рабами-Нетинимами нынѣшняго харама. Въ нижней изъ этихъ двухъ камеръ, имѣющихъ восточною стѣною древній молъ храма, можно видѣть часть заложенныхъ нынѣ, древнихъ воротъ храма, называемыхъ *воротами Пророка* (Магомета), а также *воротами Барклея*, американскаго врача и миссіонера въ Іерусалимѣ, открывшаго этотъ древній остатокъ. Сложенныя въ рядахъ выпусковыхъ древнееврейскихъ камней чистой отдѣлки, и не имѣющія никакихъ архитектурныхъ украшеній, отличающихъ всѣ другія древнія ворота харама, ворота Барклея обращаютъ на себя вниманіе видомъ своей верхней притолоки. Съ фронтовой наружной стороны притолока представляетъ одну громадную каменную перекладину 24 футовъ 8 дюймовъ длины и 6 футовъ 10 дюймовъ высоты, обрамленную выпускомъ, какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ. Такъ какъ по высотѣ эта притолока вдвое превышаетъ прилегающіе ряды древнееврейскихъ камней, то уже поэтому она вносила оживленіе въ общее теченіе стѣны храмового мола и напоминала собою извѣстный уже намъ высокій рядъ камней южной и юго-восточной части харама, имѣющій также необычную высоту (свыше 6 футовъ) [1]. Можетъ быть разсматриваемая притолока была непосредственнымъ отраженіемъ высокаго южнаго ряда. Хотя непре-

[1] Присовокупляемъ здѣсь видъ подобной дверной притолоки, открытой Ренаномъ между финикійскими памятниками (Renan. Mission de Phénicie, pl. XXV).



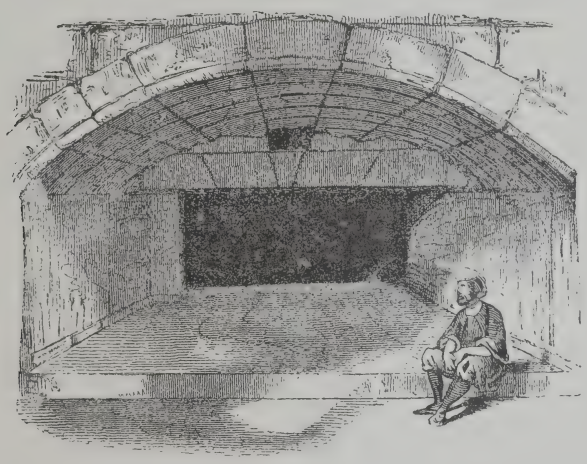
Наружный видъ воротъ Барклея.



ФИНИКІЙСКІЯ ВОРОТА ВЪ ДЖЕБЕИЛѢ.

Литогр. Н. Индутнаго, Сергіевская, 18.

рывнаго теченія высокаго южнаго пояса на западной и восточной сторонѣ незамѣтно, такъ какъ соотвѣтствующая его уровню линія храмовой стѣны не вездѣ принадлежитъ одному и тому же времени, но тѣмъ не менѣе отрывки этого высокаго ряда встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, близъ сѣверо-восточнаго угла.—Но такой видъ имѣетъ притолока воротъ Барклея только съ наружной стороны. Напротивъ, съ внутренней стороны воротъ притолока образуется пятью горизонтально лежащими камнями, непосредственно примыкающими къ большой наружной притолокѣ, но не



достигающими и половины ея высоты. Открывавшаяся подъ этой двойной верхней притолокой амбразура воротъ имѣла широты 21 футъ и высоты отъ притолоки до порога воротъ 28 футовъ 9¼ дюймовъ, что соотвѣтствуетъ восьми рядамъ камней храмового мола, сохранившимся въ цѣлости по ту и другую сторону воротъ Барклея до верхней линіи притолоки. Можно подумать, что стѣна мола обязана своимъ спасеніемъ въ этомъ пунктѣ именно воротной притолокѣ, оказавшей сопротивленіе разрушителямъ своею тяжестію. Выше притолоки стѣна не имѣетъ въ настоящее время вы-

пусковыхъ камней, и представляетъ позднѣйшую работу. Но что высота храмового мола не оканчивалась притолокою видно изъ того, что на 12 футовъ на сѣверъ отъ воротъ Барклея, въ такъ называемой стѣнѣ Плача, сохранилось еще два ряда выпусковыхъ камней выше уровня притолоки [1]. Амбразура воротъ въ настоящее время задѣлана, подобно золотымъ, двойнымъ и тройнымъ воротамъ, но задѣлана гораздо грубѣе, чѣмъ эти послѣднія ворота, смѣсью разныхъ камней, осколковъ камней и простаго булыжника. Впрочемъ лучшей отдѣлки здѣсь и не требовалось, такъ какъ скоро послѣ окончательнаго закрытія воротъ Барклея, ихъ присыпали массою мусора и прикрыли новѣйшими постройками у стѣны харама. Поэтому и изученіе наружнаго вида этихъ воротъ въ настоящее время невозможно. Всѣмъ, что намъ извѣстно объ этихъ воротахъ, мы исключительно обязаны раскопкамъ Вильсона, а особенно Баррена.

Подобно воротамъ двойнымъ и тройнымъ, ворота Барклея связаны съ подземныхъ ходомъ или туннелемъ, проходившемъ подъ мостовой ветхозавѣтнаго храма. Подобно другимъ подземельямъ, и это подземелье номинально обращено въ мечеть; по магометанскому преданію, здѣсь была Магометова конюшня или стойло его молніеносной кобылицы, по другимъ верблюда, Ель-Боракъ. По широтѣ равный амбразурѣ воротъ, и покрытый аркою, напоминающею приниженный сегментъ сводовъ подземелья Ель-Акса, изъ гладкихъ камней отличной работы, подземный ходъ отъ воротъ Барклея

[1] Вотъ сравнительная разность уровней важнѣйшихъ пунктовъ въ стѣнѣ храмового мола: нижняя линія притолоки воротъ Барклея 2398 футовъ 5 дюймовъ надъ моремъ; нижняя линія выступа изъ стѣны харама арки Вильсона 2391 футъ 6 дюймовъ; выступъ арки Робинсона 2388 футовъ; линія высокаго ряда южной стѣны 2380 футовъ.

простирается въ прямомъ направленіи на востокъ почти на 70 футовъ. Но нѣкогда средняя часть этого подземнаго прохода была разрушена, и затѣмъ возобновлена уже съ другою эллиптическою формою свода. При этомъ возобновленіи уцѣлѣвшая восточная часть первоначальнаго хода была отдѣлена отъ западной части, ставшей мечетью, и обращена въ цистерну. Тѣмъ не менѣе тождество западной части прохода, нынѣ мечети, и восточной, нынѣ цистерны, совершенно ясно доказано Вильсономъ: направленіе восточнаго прохода, его широта, размѣры арки совершенно сходны и въ уцѣлѣвшей первоначальной западной части прохода. Но разсматриваемый проходъ имѣлъ особенное, совершенно оригинальное отличіе отъ другихъ воротныхъ проходовъ древняго храма въ томъ, что, пройдя въ прямомъ направленіи на востокъ 70 футовъ, и не выходя на поверхность харама, онъ поворачивалъ подъ прямымъ угломъ на югъ, сохраняя тотъ же видъ, и въ этомъ направленіи продолжался еще около 58 футовъ. На мѣстѣ, гдѣ проходъ поворачиваетъ на югъ, въ его сводѣ выведенъ небольшой куполъ съ отдушиною въ центрѣ, въ настоящее время служащею устьемъ цистерны, но нѣкогда представлявшею сводное окно для освѣщенія подземелья. Кромѣ цистерны № 19, къ древнему проходу имѣетъ отношеніе еще другая цистерна, обозначенная на планахъ Вильсона и Варрена подъ № 20. По крайней мѣрѣ западная сторона этой цистерны представляетъ слишкомъ правильное продолженіе западной стѣны цистерны № 19. Такимъ образомъ разсматриваемый подземный ходъ отъ воротъ Барклея, вмѣсто естественнаго для него направленія на востокъ, представляетъ весьма значительное и вмѣстѣ загадочное направленіе на югъ, какъ будто къ нынѣшнимъ „бѣлымъ заламъ“ мечети

Ель-Акса (Бакаатъ-ель-Бейда), или же къ тѣмъ обширнымъ подземельямъ, какія необходимо должны предполагаться у юго-западнаго угла харама, въ соотвѣтствіе подземельямъ юго-восточнаго угла [1]. Пока не открыто это юго-западное подземелье, не могутъ быть объяснены всѣ подробности обращеннаго къ нему прохода отъ воротъ Барклея. Особенно же въ настоящее время остается загадкой отношеніе между уровнемъ пола подземнаго хода и порогомъ воротъ Барклея, найденнымъ Варреномъ на 20 футовъ ниже нынѣшняго дна прохода [2]. Что же тамъ, подъ нынѣшнимъ поломъ прохода, на уровнѣ порога? Лѣстница ли, нынѣ засыпанная, или же нижній болѣе древній этажъ подземелья? Несомнѣнно только то, что натуральный уровень скалы въ этомъ пунктѣ скрывается на глубинѣ свыше 100 футовъ подъ нынѣшнимъ уровнемъ харама. Съ другой стороны, не меньшею загадкою служитъ отношеніе порога воротъ Барклея къ первоначальному наружному грунту или дну долины Тиропеонъ, отдаленному отъ порога на 45 футовъ глубины. Естественно было бы и здѣсь ожидать моста чрезъ долину, подобнаго двумъ предшествующимъ мостамъ. Но слѣдовъ моста здѣсь не найдено. За то раскопками Варрена обнаружены здѣсь, ниже порога воротъ, развалины широкой стѣны изъ большихъ квадратныхъ камней. Не служила ли она основаніемъ подъема, приводившаго сюда, при помощи лѣстницы, 6 футовъ широты, отъ дна долины?

[1] Первая половина прохода въ направленіи на востокъ имѣетъ совершенно ровный полъ; подъемъ же могъ быть только во второй половинѣ обращенной на югъ, но онъ не обнаруженъ, такъ какъ дно прохода здѣсь, болѣе чѣмъ на 20 футовъ, покрыто булыжникомъ. Линія начала арки, замѣтно выпяченная во второй половинѣ прохода, поднимается въ направленіи на югъ подъ угломъ на $^1/_{20}$.—[2] Порогъ воротъ Барклея при раскопкѣ оказался разбитымъ. По мнѣнію К. Шика, порогъ разбили во время Омара, чтобы дать выходъ застаивавшейся въ проходѣ дождевой водѣ.

Такой подъемъ или каменная стѣна, державшая лѣстницу, была найдена Варреномъ предъ тройными воротами; нѣчто подобное должно было быть предъ всѣми воротами храма, не имѣвшими мостовъ.

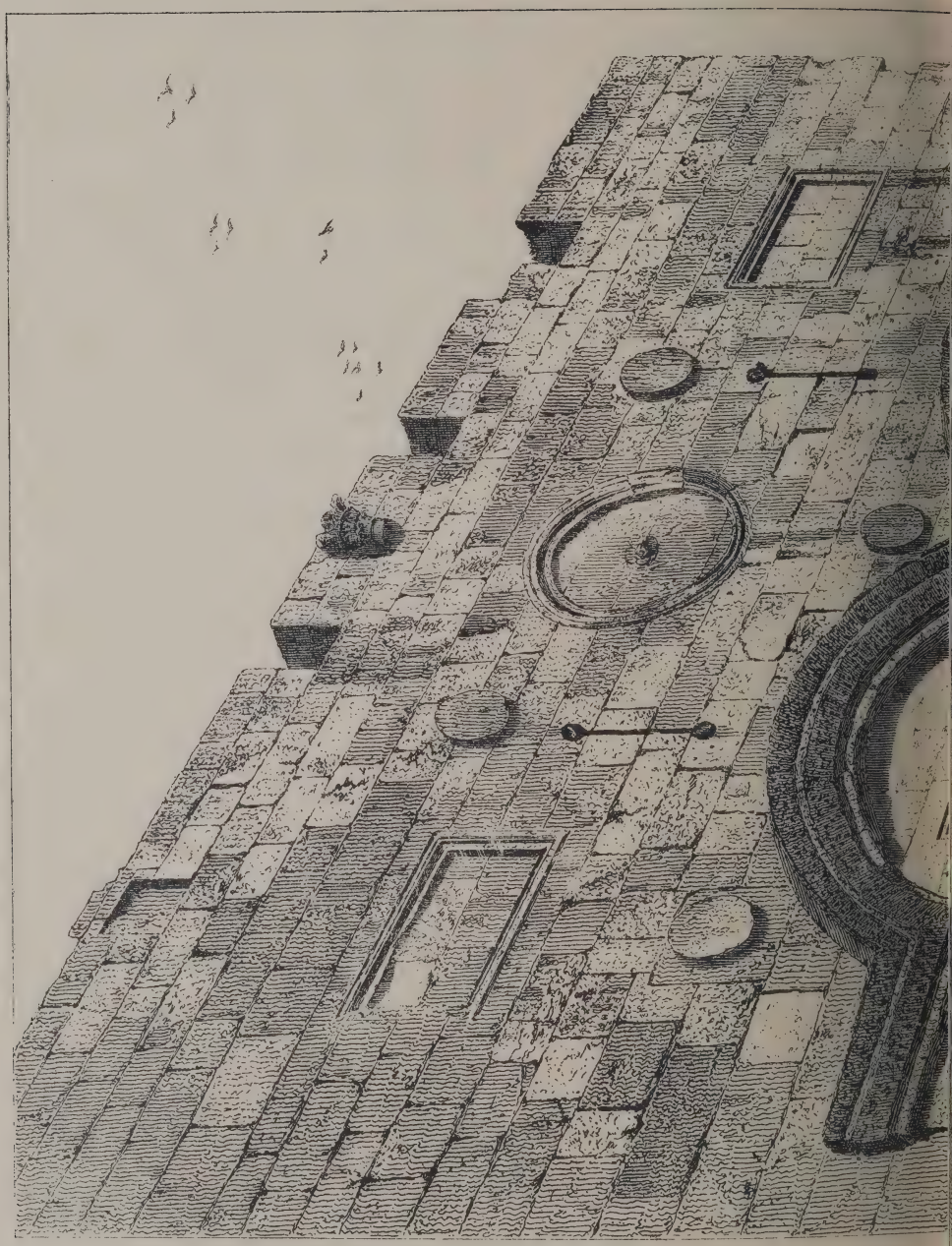
На основаніи всего описаннаго вида воротъ Барклея, ихъ можно отождествлять съ воротами *Шаллехетъ, т. е. искусственнымъ подъемомъ вверхъ* (1 Пар. 26, 16) или, по переводу LXX, съ цѣлымъ *притворомъ восхожденія*, τὴν πύλην τȣ̃ παστοφορίȣ τῆς ἀναβάσεως, т. е. ходомъ, выводящимъ на площадь храма, слѣдовательно, подземнымъ. Это тѣ самыя ворота, отъ которыхъ, по описанію Іосифа Флавія, вела лѣстница внизъ на дно долины и которымъ на противоположномъ холмѣ соотвѣтствовала другая лѣстница εἰς τὴν ἄλλην πόλιν. Впрочемъ, въ перечисленіи Іосифомъ западныхъ воротъ храма по ихъ достоинству и ихъ отношенію къ городу и предмѣстью (Antiqu. XV, 11, 5) нельзя допустить совершенной точности. Такъ какъ предмѣстье лежало въ долинѣ между храмомъ и городомъ, то каждыми изъ четырехъ западныхъ воротъ можно было выйти въ предмѣстье, а изъ предмѣстья на холмъ города. Гораздо точнѣе было бы воротами, ведшими въ *другой городъ*, εἰς τὴν ἄλλην πόλιν, считать такія ворота, которыми можно было миновать долину предмѣстья и прямо перейти на противолежащій холмъ, то есть ворота Копоносъ съ висячимъ мостомъ чрезъ долину. Можетъ быть Іосифъ Флавій назвалъ городскими не ворота Копоносъ, а ворота Барклея только потому, что они были расположены ближе къ царскимъ воротамъ и слѣдовательно занимали болѣе почетное мѣсто [1]. По при этомъ мы ни въ какомъ случаѣ не мо-

[1] „Это тѣ традиціонныя ворота, въ проходѣ которыхъ можно было видѣть разомъ заходящее солнце—въ западномъ выходѣ и луну въ первой четверти—сквозь отдушину подземелья, нынѣ цистерны“. (Шикъ, Beit el Makdas, 98).

жемъ согласиться съ объясненіемъ Варрена, а также Эберса и Гуте (Palästina in Bild und Wort, 1, 44), что тѣ ворота, которыя, по описанію Іосифа, вели εἰς τὴν ἄλλην πόλιν, соотвѣтствуютъ аркѣ Робинсона, и что арка Робинсона была не мостомъ чрезъ долину, а только сводистою подпорою подъ лѣстницею, которая вела здѣсь въ долину Тиропеонъ.

4. Четвертыя изъ западныхъ воротъ храма Ирода открыты Варреномъ и Вильсономъ въ 20 футахъ на югъ отъ воротъ Матара (бань), гдѣ на планѣ Вильсона показана большая длинная цистерна, пронизывающая стѣну харама и врѣзывающаяся на 88 футовъ на востокъ подъ площадь харама (№ 30). По своему виду цистерна эта весьма похожа на древній проходъ и даже прямо на проходъ отъ воротъ Барклея. Въ сравненіи съ послѣднимъ нельзя не замѣчать въ немъ родства и единства происхожденія: ихъ широта и длина въ направленіи на востокъ одна и та же [1]. Неизвѣстно только, существуетъ ли здѣсь поворотъ туннеля съ востока на югъ, какъ это найдено въ проходѣ воротъ Барклея. Весьма возможно, что здѣсь были одни изъ древнихъ воротъ іерусалимскаго храма, хотя амбразура воротъ здѣсь не могла быть найдена, такъ какъ соотвѣтствующая снаружи проходу часть стѣны харама хотя и была видима Варреномъ въ прилегающей къ наружной стѣнѣ харама цистернѣ, но не могла быть изслѣдована, вслѣдствіе покрывающей ее здѣсь штукатурки. И раскопки въ данномъ мѣстѣ чрезвычайно трудны; ущелье древняго Тиропеона не только все заполнено здѣсь наслое-

[1] Вильсонъ замѣчаетъ по поводу этой цистерны: „покрывающая ее арка хотя не имѣетъ такихъ большихъ камней, какъ арка Вильсона, но она была древнимъ ходомъ на площадь храма и, вѣроятно, есть сооруженіе римское“ (The Recovery of Jerusalem, 17).



Золотыя ворота.

ніями, но и поднялось отъ этихъ наслоеній выше площади харама (The Recovery, 116—117).—Такимъ образомъ, на основаніи новѣйшихъ открытій, нужно полагать всѣ четверо западныхъ воротъ іерусалимскаго храма въ южной части западнаго мола. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сѣверная часть площади храма была „отлученною частію“ храма, въ которой если и были свои западныя ворота, то не такія, чтобы о нихъ могъ говорить Іосифъ въ своемъ общемъ описаніи храма.

Намъ остается сказать о *восточной* сторонѣ храмового мола. Къ сожалѣнію, эта сторона не могла быть разсмотрѣна Варреномъ вслѣдствіе запрещенія турецкаго правительства производить раскопки среди мусульманскихъ гробницъ, которыми занятъ почти весь восточный склонъ горы Моріа. Только на углахъ юго-восточномъ и сѣверо-восточномъ были осмотрѣны подспудныя основанія храмового мола, но никакого слѣда древнихъ воротъ храма здѣсь не найдено; не оказалось и „Конскихъ воротъ“, которыя не безъ основаній предполагалось найти въ стѣнѣ харама, закрывающей такъ называемыя Соломоновы конюшни. Такимъ образомъ на восточной сторонѣ храмового мола мы можемъ предполагать только одни давно извѣстныя ворота, такъ называемыя „Золотыя“, у арабовъ *вѣчныя* ворота, Бабъ ед-Дахаріэ. Такъ какъ это единственныя восточныя ворота и такъ какъ они лежатъ гораздо ниже насыпнаго общаго уровня харама и своимъ порогомъ соотвѣтствуютъ уровню порога двойныхъ и тройныхъ воротъ харама, то мы не можемъ ни на минуту сомнѣваться въ ихъ принадлежности ветхозавѣтному храму. Если ворота харама, обращенныя на западъ, къ засе-

ленной части города, могли измѣнить свои древнія мѣста примѣнительно къ новѣйшему распредѣленію городскихъ улицъ, то этой причины перемѣнить свое древнее мѣсто не было для восточныхъ золотыхъ воротъ. Слѣдовательно мы можемъ предполагать здѣсь даже ворота перваго храма. Но отсюда не должно быть выводимо дальнѣйшее заключеніе графа Вогюэ, что древній Соломоновъ храмовой молъ былъ короче нынѣшняго и что золотыя ворота, единственныя на восточной сторонѣ, должны быть предполагаемы въ центрѣ ея, вслѣдствіе чего первоначальный южный край площади, якобы лежавшій въ такомъ же отдаленіи отъ золотыхъ воротъ, какъ и сѣверный, долженъ быть передвинутъ на сѣверъ на цѣлую треть всей нынѣшней длины харама (Le Temple de Jérusalem, 35) [1]. Положеніе воротъ храмового мола въ томъ, а не другомъ мѣстѣ обусловлено неровностями мѣстнаго грунта. Мы знаемъ, что и на южной и западной сторонахъ храмового мола древнія ворота приходятся вовсе не въ центрѣ стѣны. Еще болѣе неправъ Варренъ, по плану котораго золотыя ворота лежатъ внѣ границъ ветхозавѣтнаго храма не только Соломонова, но и Иродова. Варренъ не можетъ этого утверждать потому уже, что у золотыхъ воротъ онъ не производилъ никакихъ раскопокъ. Да и вся вообще восточная стѣна, принадлежавшая собственно храму, Варрену, какъ онъ самъ признается, вовсе неизвѣстна.

При нашемъ посѣщеніи золотыхъ воротъ, въ Іюлѣ 1886 года, ихъ ремонтировали. Арабскій миграбъ или амвонъ, бывшій у южной стѣны, теперь совершенно снятъ и накопившаяся внутри воротной башни земля значительно устранена, вслѣдствіе чего внутренность

[1] Впрочемъ, графъ Вогюэ въ этомъ пунктѣ только развиваетъ давнее предположеніе Вильямса (The Holy City, 1845, 324).

ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

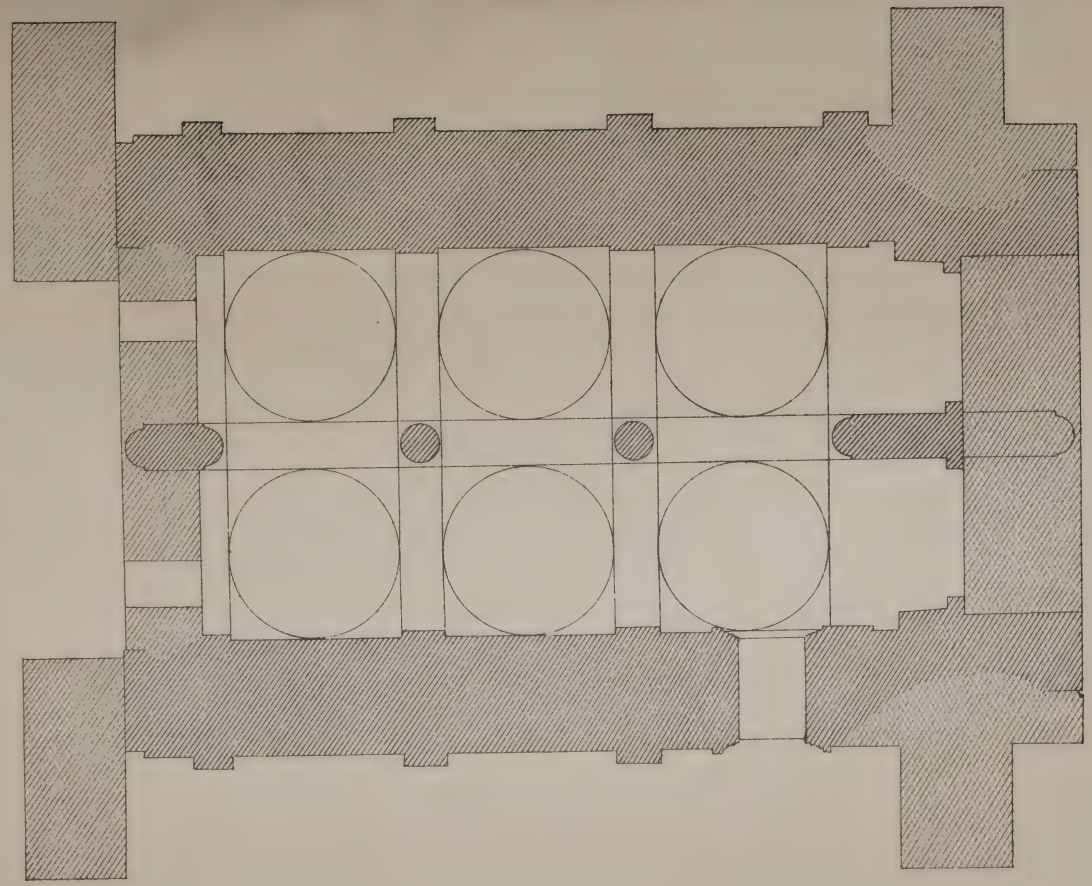
воротъ теперь кажется выше прежняго. Извѣстно, что золотыя ворота, подобно такъ называемымъ воротамъ Хульды, а также можетъ быть воротамъ юго-восточнаго подземелья, были двойныя и прорѣзали стѣну харама двумя амбразурами, широтою каждая 3 метра, 85 сантим. [1]. Обращаютъ на себя вниманіе огромные камни, образующіе косяки амбразуръ, раздѣляющій ихъ столбъ и верхніе притолоки. Южный косякъ внизу имѣетъ камень 3 метровъ 25 сантим. высоты и 1 метра 65 сантим. широты. Еще большій камень лежитъ въ сѣверномъ косякѣ — 4 метр. 40 сантим. высоты и 1 метр. 65 сант. широты. Камни не имѣютъ нынѣ боковыхъ выпусковъ, но на одномъ изъ нихъ есть прямолинейныя вырѣзки, какъ будто поддѣлки подъ выпускъ. Такъ какъ эти вырѣзки раздѣляютъ камень косяка какъ бы на четыре отдѣльныхъ ряда камней, но при этомъ не соотвѣтствуютъ нынѣшнему теченію рядовъ камней въ воротной галлереѣ, то отсюда графъ Вогюэ (Le Temple, 12) вывелъ заключеніе, что онѣ суть слѣдъ болѣе древняго періода воротъ, когда ихъ внутреннія стѣны были раздѣланы выпусковыми камнями, подобно двойнымъ и тройнымъ воротамъ. Впрочемъ, появленіе вырѣзныхъ линій на камнѣ Вогюэ приписываетъ передѣлкѣ воротъ Иродомъ; въ болѣе же древнее время косяки были, по его мнѣнію, гладки. Но у графа Вогюэ остается недоказаннымъ положеніе, что наклонность къ выпускамъ наиболѣе увеличилась при Иродѣ. Напротивъ, уже то обстоятельство, что слѣды такъ называемыхъ ложныхъ выпусковъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко (доселѣ въ стѣнахъ харама найдено только 3 такихъ камня), показываетъ, что это — орнаменты наиболѣе древняго времени.

[1] Сѣверная амбразура называется у арабовъ ворота покаянія, Бабъ ет-Тубе, а южная — ворота милосердія, Бабъ ер-Рахмэ.

Во всякомъ случаѣ то вѣрно, что косяки въ амбразурахъ золотыхъ воротъ представляютъ наиболѣе древній элементъ въ воротной галлереѣ.

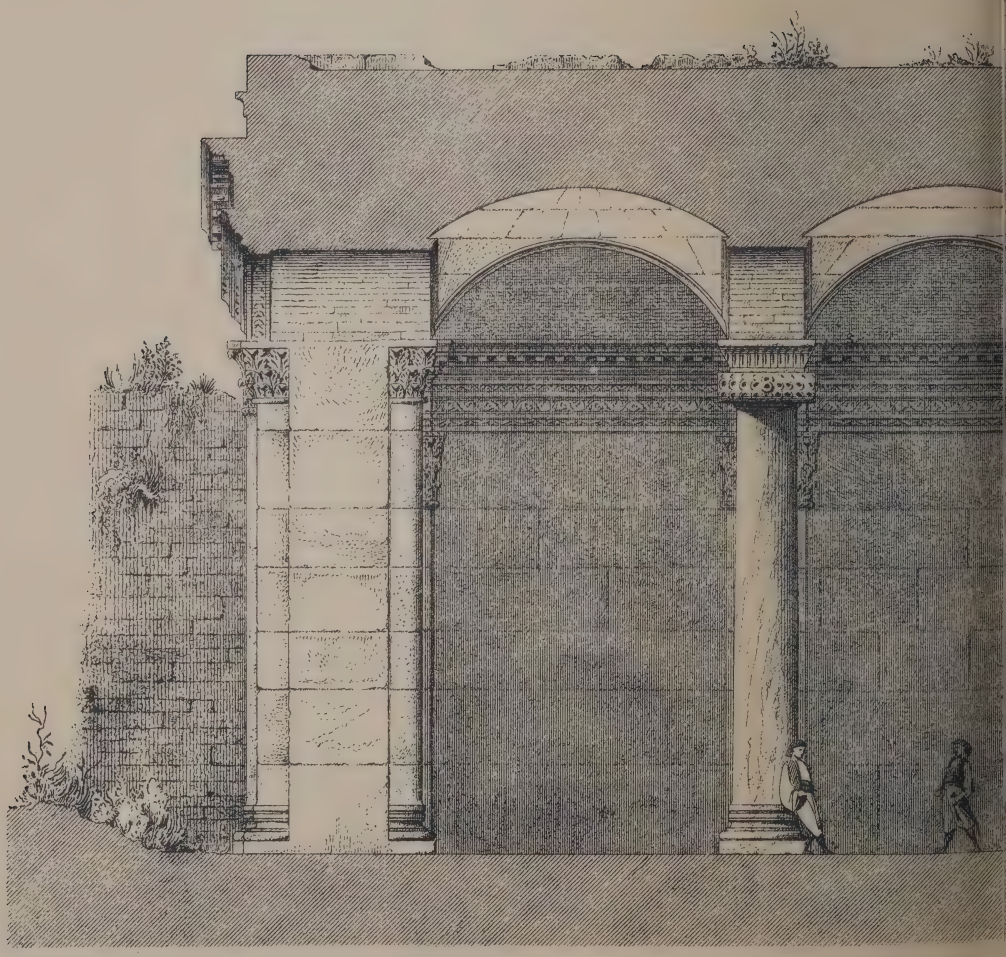
Соотвѣтственно двумъ амбразурамъ воротъ, воротная башня раздѣляется на два пролета или двѣ аллеи четырьмя колоннами около 20 футовъ высоты. Среднія двѣ колонны стоятъ открыто; онѣ изъ сѣраго мрамора, имѣютъ окружности одна—3 метра, другая—3 метра 5 сант.; стволы ихъ значительно повреждены; видно, что колонны падали и поднимались [1]. Капители колоннъ приплюснутыя, іоническаго типа, но не вполнѣ тождественны по величинѣ и отдѣлкѣ; на одной изъ нихъ Вогюэ нашелъ изображеніе креста. Двѣ крайнія колонны вдѣланы въ столбы, которыми раздѣляются двойныя амбразуры воротъ на входѣ и выходѣ воротной башни. Онѣ также изъ сѣраго мрамора, но капители имѣютъ высокія, коринѳскаго ордена, гораздо болѣе живой и тонкой римской работы. Противъ каждой колонны въ стѣнахъ воротной башни, съ той и другой стороны, выступаютъ четыре пары пилястровъ, такъ называемыхъ желобчатыхъ, съ правильными рядами отвѣсныхъ желобковъ числомъ 12; если бы внутреннее пространство между желобками было нѣсколько шире, то эту форму пилястровъ можно было бы сопоставить съ тѣмъ, что пророкъ Іезекіиль называетъ воротными аилами, внутри которыхъ были высокія изображенія пальмъ. По свидѣтельству LXX толковниковъ, Соломоновы колонны, Іахинъ и Боазъ, также имѣли желобчатыя углубленія четырехъ пальцевъ ширины, можетъ быть въ видѣ такихъ же линій, какія даны на пиля-

[1] Мусульманское преданіе связываетъ эти колонны съ именемъ Савской царицы и Соломона. Сдѣланныя джинами, онѣ были привезены въ Іерусалимъ Савскою царицею и подарены Соломону.

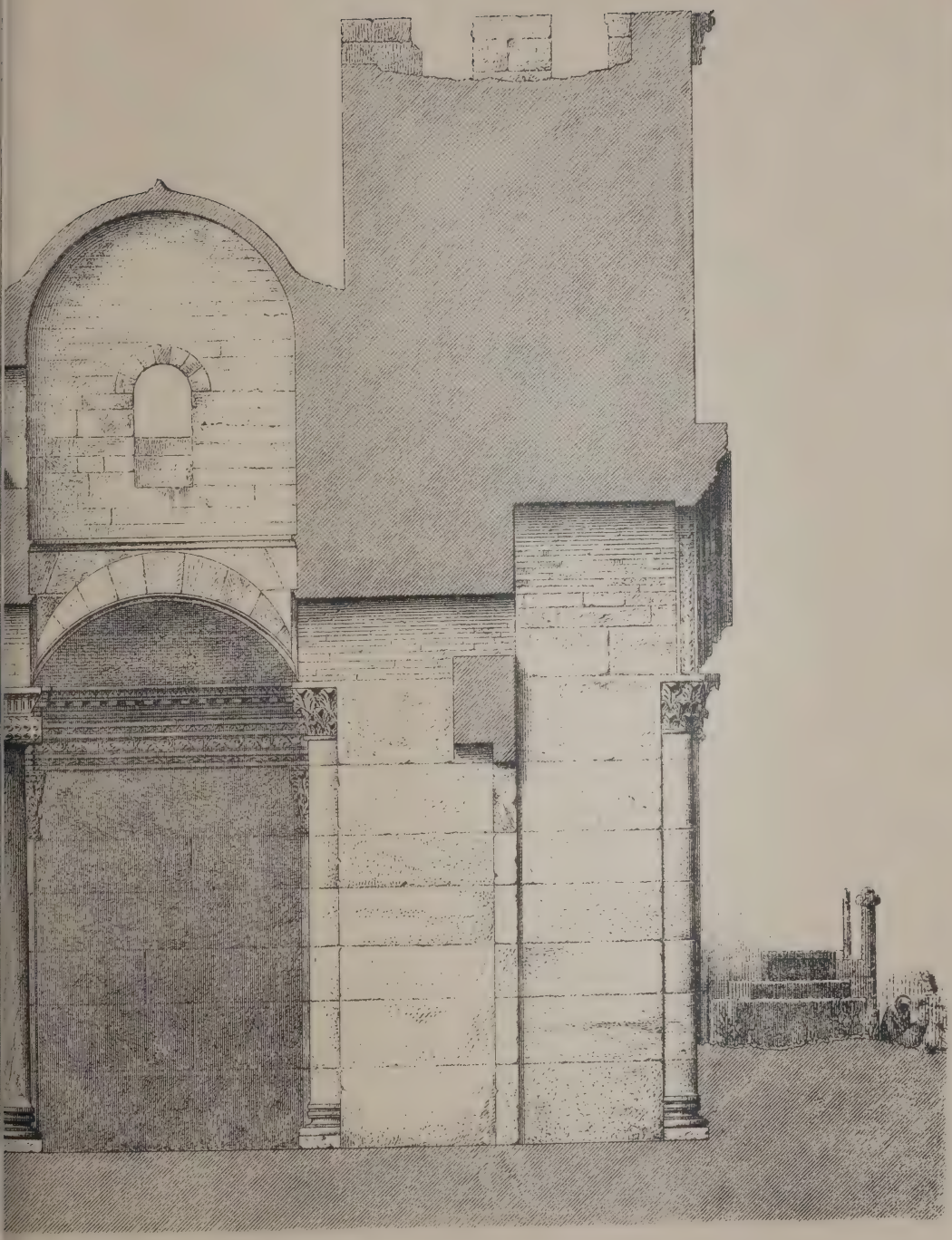


Планъ Золотыхъ воротъ

по Вогюэ



Разрѣзъ



ныхъ воротъ.

страхъ золотыхъ воротъ. Всѣ пилястры вѣнчаются капителями коринѳскаго ордена съ тремя рядами листьевъ аканта, но безъ завитковъ. Выше капителей стѣна воротной башни имѣетъ широкій карнизъ, сдѣланный по подражанію капители пилястровъ, но кажется другою рукою, менѣе искусною и смѣлою. Такія же пилястры съ желобками, въ видѣ библейскаго аила, воротная башня имѣетъ и съ наружной стороны, но съ слѣпыми капителями и съ совершенно гладкимъ карнизомъ. Фронты воротной башни, какъ наружный или восточный, такъ и внутренній или западный, надъ своими полукруглыми арками воротныхъ амбразуръ имѣютъ широкій карнизъ такой же работы, какъ и широкій карнизъ внутри воротной башни. Ниже этого карниза, на линіи начала арки воротъ, на томъ и другомъ фронтѣ, есть еще другой карнизъ, соотвѣтствующій по работѣ капителямъ внутреннихъ пилястровъ. Сводами воротной галлереи служатъ три пары сферическихъ куполовъ, поддерживаемыхъ приниженными арками, которыя, въ свою очередь, опираются съ одной стороны на боковыя стѣны башни, съ другой—на среднія колонны и столбы. Широкія амбразуры воротъ, не только наружныя, но и внутреннія, въ настоящее время задѣланы; оставленъ только узкій огивный проходъ въ южной амбразурѣ со стороны харама. До послѣдняго времени оставалось непонятнымъ, для чего нужно было такое заключеніе весьма хорошо сохранившейся и весьма изящной древней башни. Вопросъ этотъ рѣшенъ нынѣшнимъ іерусалимскимъ губернаторомъ, Реуфъ-пашею, который, производя здѣсь, внутри воротной башни, расчистку всей насыпной земли, прежде чѣмъ дошелъ до фундаментальнаго пола башни, въ ея насыпной землѣ открылъ цѣлый рядъ гробницъ самаго простаго образца,

состоявшихъ изъ неглубокихъ ямъ по росту человѣка, обложенныхъ по сторонамъ гладкими камнями и сверху покрытыхъ цѣльною гладкою каменною покрышкою. Loculi были такъ узки, что могли вмѣщать только тѣла безъ саркофаговъ (Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins, 1886, 163—164; Сообщенія Православнаго Палестинскаго Общества, Январь, 1887). И такъ башня золотыхъ воротъ была закрыта потому, что она была обращена въ гробницу. Безъ сомнѣнія, къ этому же времени превращенія галлереи золотыхъ воротъ въ мѣсто погребенія относится и ниша, пробитая внутри башни, въ ея южной стѣнѣ, для одинокой лампады. Спрашивается, чьи гробы нашли здѣсь мѣсто? Мы думаемъ, что они не могутъ принадлежать не только евреямъ, но и христіанамъ, и должны считаться мусульманскими, такъ какъ обращеніе воротной галлереи въ закрытую башню есть дѣло арабовъ [1] и такъ какъ съ наружной стороны золотыхъ воротъ, на склонѣ горы, лѣпится вокругъ нихъ наиболѣе наполненная, центральная часть мусульманскаго кладбища. По близости золотыхъ воротъ есть другая закрытая мусульманская башня, называемая гробницею Соломона, а съ другой, южной стороны, въ стѣнѣ харама, есть также заложенная нынѣ калитка, porta parva, называемая у арабовъ Бабъ ед-Дженаицъ, ворота погребенія. Все это показываетъ, что галлереи золотыхъ воротъ нѣкогда были обращены въ уэли мѣстныхъ мусульманскихъ праведниковъ, что и послужило началомъ образованія за воротами большого новѣйшаго кладбища.

[1] Арабскіе историки XV вѣка свидѣтельствуютъ, что уже Омаръ-Ибнъ-Каттабъ (въ седьмомъ вѣкѣ) заключилъ золотыя ворота, для того, замѣчаетъ Меджиръ-едъ-Динъ, чтобы обезопасить харамъ и городъ отъ непріятельскаго вторженія.

ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА СЪ ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

фототипія Н Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

Вмѣстѣ съ внутреннею расчисткою галлереи воротъ, Реуфъ-паша расчистилъ ихъ и снаружи. Извѣстно, что основанія или пороги золотыхъ воротъ лежатъ на 15 метровъ ниже священной скалы мечети Омара. Возможно, что вся воротная башня была подземною постройкою, за исключеніемъ развѣ своихъ куполовъ, т. е. представляла подземный проходъ, совершенно аналогичный проходамъ почти всѣхъ другихъ древнихъ воротъ харама. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть въ какой глубокой впадинѣ нынѣ стоитъ зданіе воротъ. До послѣдняго времени его сѣверная сторона скрывалась подъ землею до самыхъ сводовъ, и только съ южной стороны кѣмъ-то сдѣлана была траншея, отдѣлявшая зданіе отъ прилегающаго грунта. Въ 1886 году Реуфъ-паша прорылъ такую же траншею, $6^1/_2$ метровъ глубины, и на сѣверной сторонѣ, такъ что теперь наружныя стѣны галлереи воротъ видны кругомъ. Такъ какъ порогъ первоначальныхъ золотыхъ воротъ не могъ быть выше, а прилегающій грунтъ насыпной земли не могъ представлять нынѣ образовавшейся здѣсь впадины, но былъ, безъ сомнѣнія, выше, въ уровень остальной площади харама, то вся воротная башня, какой бы видъ она ни имѣла первоначально, была погружена въ землѣ, такъ что восточныя галлереи храмового двора проходили поверхъ воротной галлереи, какъ это было и на южной сторонѣ. Этимъ, кажется, объясняется и неотдѣланность южной и сѣверной наружной стороны, отсутствіе здѣсь тѣхъ богатыхъ карнизовъ, которыми украшена не только внутренняя сторона башни, но и наружная на восточной и западной сторонахъ, а равно и совершенно неотдѣланныя слѣпыя капители пилястровъ, послужившія моделью слѣпыхъ капителей колоннъ въ реставраціяхъ іерусалимскаго храма Пайллу. Невозможно, чтобы при

той изысканности, какою вообще отличается отдѣлка золотыхъ воротъ, ихъ наружная сѣверная и южная стороны оставались въ такомъ видѣ, даже въ своихъ позднѣйшихъ реставраціяхъ, если бы они не были присыпаны землею. Мало того, назначенныя служить подземельемъ, стѣны воротной башни теперь, по устраненіи укрѣплявшей ихъ земляной насыпи, оказались настолько неприспособленными стоять открыто, что Реуфъ-паша долженъ былъ замѣнить насыпной слой земли особыми контрфорсами, выведенными на двухъ внутреннихъ углахъ башни. Любопытно, что западный фасадъ башни, укрѣпленный контрфорсами Реуфъ-паши, получилъ весьма большое сходство съ остаткомъ древней арки на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ, близъ храма гроба Господня. Нужно прибавить, что въ раскопкахъ Реуфъ-паши вокругъ зданія золотыхъ воротъ скалы нигдѣ не найдено; даже водопроводъ, открытый при этомъ ниже западнаго порога воротъ, идущій параллельно ему съ сѣвера на югъ, сложенъ изъ камня въ насыпной землѣ, между тѣмъ какъ въ 20 шагахъ на западъ отъ золотыхъ воротъ значительная часть скалы видна на самой поверхности. При такомъ значительномъ ниспаденіи грунта на мѣстѣ золотыхъ воротъ, еще болѣе увеличивающемся у ихъ восточнаго фронта, подземный проходъ былъ самымъ простымъ и удобнымъ выходомъ на площадь [1].

Между тѣмъ какъ Реуфъ-паша производитъ свои раскопки непосредственно въ самыхъ золотыхъ воро-

[1] На основаніи низменнаго подземнаго положенія золотыхъ воротъ, Вогюэ приходилъ къ мысли, что это не были дѣйствительныя ворота, а только христіанская часовня, построенная въ воспоминаніе чуда апостола Петра (Le Temple. 64). Какъ будто въ храмѣ не было другихъ подземныхъ воротъ! И какъ будто часовнѣ болѣе идетъ видъ подземнаго сооруженія, чѣмъ воротамъ!!..

тахъ, гяуръ Чарльзъ Варренъ едва получилъ разрѣшеніе произвести раскопку въ разстояніи 43 метровъ на востокъ отъ золотыхъ воротъ и стѣны харама. Но Варрена одушевляла смѣлая мысль провести для себя на всемъ этомъ пространствѣ подземную дорогу, пройти этимъ путемъ подъ мусульманскимъ кладбищемъ и осмотрѣть стѣну харама ниже порога золотыхъ воротъ. Но, къ сожалѣнію, это предпріятіе не имѣло успѣха. Ведя свою подземную мину на глубинѣ 8 метровъ и пробивъ двѣ стѣны, встрѣченныя на пути, Варренъ былъ задержанъ, въ разстояніи 14 метровъ отъ стѣны харама, толстою древне-еврейскою стѣною, служившею, вѣроятно, для выровненія наружной площадки предъ главными воротами святилища, и сложенною изъ камней, подобныхъ камнямъ сѣверо-восточнаго угла харама: $1^1/_2$ метра длины на 75 сантим. высоты, съ выпусками 13 сантим. глубины. Стѣна оказалась цементированною изъ смѣси извести, масла и красной глины,—каковой цементъ нынѣ употребляется въ Іерусалимѣ для цистернъ. Стѣна не поддалась Варрену. Пробивъ ее на 5 футовъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ усилій и оставить необслѣдованнымъ мѣсто между этою передовою стѣною и стѣною храмового мола у золотыхъ воротъ. Между тѣмъ обойти эту встрѣчную стѣну оказалось также невозможнымъ, такъ какъ по своей высотѣ она почти достигала нынѣшней поверхности (The Recovery of Jerusalem, 156 и дал.).

Къ какому же въ точности времени слѣдуетъ относить памятникъ, сохранившійся донынѣ подъ именемъ золотыхъ воротъ харама? Соберемъ, прежде всего, голоса спеціалистовъ, наиболѣе внимательно изучившихъ этотъ памятникъ. По мнѣнію Соси (Voyage en Terre Sainte 1872, 11, 96—107; Histoire de l'art judaique,

324—395) и К. Шика (Beit el Makdas, 62—71), почти вся главная часть состава золотыхъ воротъ вполнѣ принадлежитъ ветхозавѣтному храму; даже верхній накладной карнизъ принадлежитъ Ироду; слѣдовательно остальная работа относится къ еще болѣе древнему времени [1]. Тоблеръ (Topographie von Jerusalem, 1, 158—159) находитъ возможнымъ причислить золотыя ворота только къ постройкамъ императора Адріана въ Эліѣ. Геренъ (La Terre Sainte, 1882, 56) считаетъ одинаково возможнымъ постройку зданія золотыхъ воротъ и при Иродѣ и при Адріанѣ. Фергюссонъ (An essay on the ancient topography of Jerusalem, 97), Унгеръ (Die Bauten Constantin's des Grossen am heil. Grabe zu Jerusalem, 1863, 58—64), Кингъ (Recent Discoveries on the Temple Hill at Jerusalem, 24) и другіе приписываютъ золотыя ворота императору Константину Великому, и видятъ въ нихъ восточныя пропилеи Константиновой базилики, построенной на мѣстѣ храма гроба Господня. Графъ Вогюэ (Le Temple de Jérusalem, 12, 64), за исключеніемъ большихъ камней, лежащихъ въ восточныхъ косякахъ воротъ, которые онъ приписываетъ времени до Ирода, все остальное зданіе золотыхъ воротъ относитъ къ V или VI вѣку. C'est un monument byzantin, construit au plus tard pendant le VI siècle. Капитальнѣйшія постройки Ирода на горѣ Моріа, по взгляду Вогюэ, прошли какъ-то мимо золотыхъ воротъ; послѣ Соломона ворота попадаютъ прямо въ руки византійскимъ строителямъ!! Варренъ совершенно игнорируетъ золотыя ворота; но въ томъ же изданіи The Recovery of Jerusalem

[1] По мнѣнію Шика не только большіе камни воротныхъ косяковъ, но и всѣ стѣны воротной башни съ ихъ пилястрами, какъ отличающіяся слишкомъ значительною толщиною, и большія срединныя колонны принадлежатъ царю Соломону.

его отчетовъ по раскопкамъ помѣщена статья Спира: The architectural Remains of Palestine, въ которой, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Въ палестинскихъ памятникахъ можно различать два стиля, одинъ богатый римскій стиль, другой позднѣйшій греческій или византійскій.... Во второмъ классѣ орнаментовъ наблюдается тотъ стиль, который, будучи по происхожденію еврейскимъ или греческимъ, привелъ въ концѣ концовъ къ Св. Софіи и другимъ постройкамъ того же времени въ Константинополѣ, къ многимъ памятникамъ, найденнымъ графомъ Вогюэ въ центральной Сиріи, и къ золотымъ воротамъ въ Іерусалимѣ. Впрочемъ, послѣдній памятникъ, какъ находящійся далеко отъ Константинопольскаго архитектурнаго центра, построенъ въ менѣе чистомъ византійскомъ стилѣ, чѣмъ Св. Софія. Наиболѣе же древніе образчики этого еврейскаго или византійскаго стиля сохранились въ Аракъ ел-Емирѣ (за 176 лѣтъ до Р. Хр.) и въ древнѣйшей части Дамасской мечети. Близко къ нимъ по времени (на 100—50 лѣтъ позже) стоятъ гробница деревни Шафатъ, гробницы Царей, Судей, Іосафата и Ананіи. Этотъ родъ образцовъ доводитъ насъ до эпохи Ирода и половины перваго столѣтія христіанской эры“. Но, спрашивается, если стиль исчисленныхъ здѣсь іерусалимскихъ памятниковъ, въ томъ числѣ и золотыхъ воротъ, есть тотъ стиль, къ которому относится и памятникъ Аракъ ел-Емиръ, построенный за 176 лѣтъ до Р. Хр., если, съ другой стороны, золотыя ворота суть нѣчто другое, чѣмъ храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ, то зачѣмъ исторію развитія этого стиля вести чрезъ Константинополь?.... Нужно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ разъясненіемъ сохранившихся палестинскихъ памятниковъ будетъ положено точное различіе дѣйствительнаго ви-

зантійскаго стиля и того мнимо византійскаго стиля, который Соси и Вильсонъ называютъ еврейскимъ. Тогда только можно будетъ сдѣлать правильную оцѣнку приведенныхъ мнѣній о происхожденіи золотыхъ воротъ. Во всякомъ случаѣ это ворота ветхозавѣтнаго храма; хотя они возобновлены впослѣдствіи, но на древнемъ мѣстѣ и по древнему образцу. Въ частности противъ того мнѣнія, по которому золотыя ворота въ цѣломъ видѣ построены Юстиніаномъ (Сеппъ), мы можемъ указать на то, что эти ворота не упоминаются въ числѣ построекъ Юстиніана у его историка Прокопія, что Антонинъ изъ Піаченцы (570) упоминаетъ о существованіи цѣлой башни золотыхъ воротъ, принадлежавшихъ храму разрушенному Титомъ; но нельзя думать, чтобы Антонинъ, бывшій въ Іерусалимѣ скоро послѣ построекъ Юстиніана, могъ такъ грубо ошибиться, принявъ постройку Юстиніана за остатокъ древнееврейскаго храма. Еще раньше, около 394 года, поэтъ Пруденцій [1] (Aurel. Prudent., Diptychon XLVI) посвящаетъ золотымъ воротамъ слѣдующее четверостишіе:

Porta manet Templi, speciosam quam vocitarunt
Egregium Salomonis opus; sed majus in illa
Christi opus emicuit; nam claudus surgere jussus
Ore Petri, stupuit damnatos currere gressus.

Что воспѣвалъ этотъ поэтъ, если отъ восточныхъ воротъ храма въ его время былъ только одинъ косякъ, показанный на долю этого времени у Вогюэ?

Въ разстояніи 100 футовъ на сѣверъ отъ золотыхъ воротъ, при самой стѣнѣ харама, стоитъ небольшое мусульманское вели, носящее названіе Тахтъ Сулейманъ,

[1] Родился въ 348 году въ Испаніи.

ложе Соломона или иначе Ляхтъ (Ляхетъ) Сулейманъ, гробъ Соломоновъ. Внутри вели, недоступнаго не только для христіанъ, но и для мусульманъ, за исключеніемъ одного дня въ праздникъ Байрама, стоитъ покрытый коврами саркофагъ, называемый гробомъ Соломона. Не довольствуясь этимъ однимъ гробомъ, мусульманское сказаніе указываетъ еще другую гробницу царя Соломона, Кабръ Сулейманъ, въ самой мечети Омара, у сѣверныхъ воротъ. Былъ ли дѣйствительно гробъ Соломона на площади Іерусалимскаго храма? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Имѣя въ виду предписанія закона Мойсеева объ оскверняющемъ значеніи гробницы, мы не должны были бы предполагать возможности существованія здѣсь и Соломоновой гробницы. Но, съ другой стороны, на основаніи свидѣтельства Іезекіиля 43, 7—9, что нѣкогда домъ Израилевъ позволялъ себѣ нарушеніе закона и вносилъ гробы царей въ самое святилище, можно бы предположить, что для царя Соломона, строителя храма, сдѣлано было исключеніе кѣмъ либо изъ его преемниковъ, и его гробница была поставлена въ области харама, конечно не въ самомъ храмѣ, но на крайней чертѣ, у самаго храмового мола. Но въ такомъ случаѣ, на основаніи того же сейчасъ указаннаго свидѣтельства Іезекіиля, нужно прибавить, что, въ періодъ второго храма, гробница Соломона, если она и была доселѣ на площади храма, была перенесена въ другое мѣсто, какъ и вообще всѣ гробницы, устроенныя среди Іерусалима, по повелѣнію Ездры, были вынесены изъ города, какъ свидѣтельствуетъ преданіе (Тосифта Baba bathra, гл. 1 и др.). Но еще лучше будетъ предположить, что здѣсь была не гробница, а почетный памятникъ имени царя Соломона съ надписаніемъ, увѣковѣчивавшимъ дѣло Соломона, можетъ быть въ видѣ столба

или колонны (2 Пар. 23, 13). Можетъ быть этотъ именно памятникъ имени Соломона имѣетъ въ виду Діо-Кассій, писатель второго вѣка христіанской эры, въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „разрушеніе Іерусалима римлянами было предуказано свыше тѣмъ случаемъ, что монументъ Соломона, къ которому іудеи питали глубокое уваженіе, неожиданно обрушился и упалъ“ (Ρωμαϊκὴ ἱστορία, LXIX, 14). Прибавимъ еще одно „можетъ быть“. Свидѣтельство Іосифа Флавія о томъ, что дворецъ Соломона стоялъ прямо противъ храма, то есть противъ фронта храма, на востокъ отъ него, ἀντίκρυς ἔχων ναὸν (Antiqu. VIII, 5, 2), какъ мы уже знаемъ, не можетъ быть принято, не смотря на всѣ увѣренія Фергюссона (The Temple. 40) и Фридриха (Tempel Salomon's, 48). Не смѣшиваетъ ли Іосифъ въ этомъ случаѣ традиціонное мѣсто дворца Соломона и мѣсто памятника Соломона, нынѣ Тахтъ Сулейманъ? Вопросъ этотъ можетъ рѣшиться только раскопками на этомъ пунктѣ, въ почвѣ харама. Дѣйствительное существованіе какого-то значительнаго сооруженія въ этомъ мѣстѣ доказывается лѣстницею, которая вела къ нему съ наружной стороны харама и которая была найдена здѣсь Варреномъ.

Предъ восточными воротами храма и вообще на восточной сторонѣ, предъ стѣною мола, гора Моріа была укрѣплена и раздѣлана террасами, дорожками и лѣстницами. Послѣ каждаго разрушенія на площади храма эти террасы и дорожки засыпались и затѣмъ прокладывались и отдѣлывались новыя, по новому, болѣе высокому, грунту. Вмѣстѣ съ этимъ, отъ массы образовывавшихся наслоеній первоначальный крутой подъемъ на гору дѣлался все болѣе и болѣе покатымъ. Первоначальное дно Кедрскаго потока также было засыпано наслоеніями и образовалось новое высшаго уровня и

съ значительнымъ отклоненіемъ на востокъ. Но съ этимъ поднятіемъ дна долины не поднялся протекающій здѣсь Кедрскій потокъ, но упорно остался при своемъ первоначальномъ уровнѣ, подъ наслоеніями, и уже не увеселяетъ болѣе оставленнаго Всевышнимъ жилища (Псал. 46, 5).

Отдѣлка восточныхъ террасъ горы Моріа обнаружена раскопками Варрена особенно предъ юго-восточнымъ и сѣверо-восточнымъ углами и золотыми воротами. Террасы состояли изъ отвѣсныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ древне-еврейскихъ выпусковыхъ камней и изъ площадокъ, устланныхъ мостовыми. Особенно въ широкихъ размѣрахъ были раздѣланы площадки предъ золотыми воротами. Камни, которыми онѣ выравнивались, совершенно сходны съ камнями стѣны харама у золотыхъ воротъ и имѣютъ такіе размѣры (длина 5 футовъ, высота $2^1/_2$, глубина выпусковъ 6 дюймовъ), что нѣкоторые изслѣдователи признавали ихъ даже остаткомъ восточной городской стѣны. Эта ошибка, между прочимъ, внесена и на модель К. Шика, хотя достаточно одного взгляда на модель, чтобы убѣдиться, что выведенный здѣсь, противъ золотыхъ воротъ, клинъ городской стѣны былъ совершенно безцѣленъ и невозможенъ. То, что онъ называетъ здѣсь развалинами городской стѣны и башни, была раздѣланная площадка предъ фронтомъ золотыхъ воротъ, представляющая собою новое доказательство ихъ древности и важности. Еще путешественникъ 570 года, Антонинъ (De locis sanctis, XVII) видѣлъ здѣсь остатки древней отдѣлки горы и лѣстницу, приводившую къ воротамъ [1]. Здѣсь же, на террасахъ,

[1] Указаніе на эту искусственную отдѣлку горы строевыми камнями можно видѣть въ арабской надписи, найденной Ганно на наружной стѣнѣ харама, въ разстояніи 133 метровъ отъ юго-восточнаго угла. Надпись гласитъ: „кто раскопаетъ здѣсь землю, тотъ найдетъ много камней, годныхъ для постройки“ (Quarterly Reports, P. Expl. Fund, 1874, 136).

были бассейны для утоленія жажды мимоходящихъ, получавшіе воду изъ Биркетъ Исраелъ, отъ котораго на разныхъ уровняхъ Варренъ открылъ водосточныя трубы въ направленіи къ Кедрскому потоку. Особенно значительный бассейнъ найденъ на 43 метра ниже золотыхъ воротъ, даже съ приспособленіями для водопоя животныхъ: найденное здѣсь въ большомъ камнѣ, пробитое насквозь, отверстіе, подобное отверстіямъ въ столбахъ конюшенъ Соломона, показываетъ, что здѣсь останавливались богомольцы, возводившіе на гору храма жертвенныхъ животныхъ. Но полная карта укрѣпленія и раздѣлокъ восточнаго склона горы Моріа пока еще не можетъ быть сдѣлана, вслѣдствіе недостаточности раскопокъ Варрена на этомъ мѣстѣ. Та же отдѣлка горы, которая встрѣчается на древнихъ планахъ храма и у Пайллу, принадлежитъ къ области фантазіи.

Спѣшимъ прибавить, что на противулежащемъ подъемѣ Елеонской горы, прямо противъ золотыхъ воротъ и на ихъ уровнѣ, въ настоящее время построена Русская церковь Св. Маріи Магдалины, на мѣстѣ Геѳсиманскаго сада и предсмертной молитвы Богочеловѣка. Нынѣ мѣсто этой молитвы указываютъ ниже, у самой дороги въ Виѳанію, за мостомъ Кедрскаго потока. Но это могло быть мѣсто только первой остановки Спасителя съ учениками, о которой говорится Лук. 22, 40. Мѣсто же уединенной кровавой молитвы Его не могло быть здѣсь, у самой дороги, но, какъ ясно говоритъ слѣдующій стихъ (Лук. 22, 41), было на *верженіе камня* выше. Но если отъ нынѣшней придорожной части Геѳсиманскаго сада бросить камень въ направленіи къ вершинѣ горы Елеонской, то онъ упадетъ на мѣсто, нынѣ уже принадлежащее Россіи. Кромѣ того, изъ Лук. 22, 39; Іоанн. 18, 2 видно, что мѣсто кровавой молитвы Бого-

человѣка было Его любимое мѣсто, на которое Онъ часто всходилъ для отдохновенія и бесѣдъ съ учениками. Судя по человѣчески, мы должны искать здѣсь такого уединеннаго мѣста на подъемѣ горы, откуда впервые открывается видъ на городъ и храмъ. Такого вида вовсе нѣтъ съ нынѣшняго католическаго отдѣленія Геѳсиманскаго сада. Онъ открывается для восходящаго на гору только съ вступленіемъ на площадку новаго русскаго храма. Разумѣется, видъ на храмъ и городъ будетъ еще шире, если мы взойдемъ на самую вершину Елеонской горы, но, очевидно, такое удаленіе отъ города не имѣлось въ виду Богочеловѣкомъ. Да и евангельскій текстъ въ такомъ случаѣ не преминулъ бы указать, что мѣстомъ молитвы была верхняя область горы. Эти соображенія намъ всегда приходили на мысль, когда мы, въ свое послѣднее пребываніе въ Іерусалимѣ, посѣщали русское Елеонское мѣсто. Конечно, они приходятъ на мысль и всѣмъ посѣтителямъ Елеонской горы, знакомымъ съ евангельскимъ разсказомъ. Въ каждой группѣ богомольцевъ, приходящихъ сюда, неизмѣнно возникаетъ бесѣда объ отношеніи русскаго мѣста къ католическому Геѳсиманскому саду, и на всѣхъ человѣческихъ языкахъ здѣсь повторяется евангельское выраженіе: *„Онъ отошелъ... на верженіе камня“*, à un jet de pierre [1]. Но и независимо отъ этого священнѣйшаго воспоминанія, появленіе величественнаго русскаго храма vis-à-vis золотыхъ воротъ харама само по себѣ есть цѣлое событіе въ Іерусалимѣ. Нужно припомнить, что, по древнему мусульманскому пророчеству, христіанскій побѣдитель Іерусалима войдетъ въ городъ золотыми

[1] Кромѣ того мѣсто кровавой молитвы Богочеловѣка есть мѣсто очистительной ветхозавѣтной жертвы, предписанной Числ. 19 и совершавшейся на склонѣ Елеонской горы, противъ золотыхъ воротъ.

воротами, которыми и Спаситель совершилъ Свой торжественный входъ въ Іерусалимъ и императоръ Гераклій внесъ древо креста по возвращеніи его изъ персидскаго плѣна. Чтобы предотвратить возможность случайнаго исполненія этого пророчества, мусульмане задѣлали золотыя ворота, а на вершинѣ ихъ устроили караульню для наблюденій за появленіемъ предсказаннаго пророчествомъ побѣдителя. Въ настоящее время эта караульня опустѣла и іерусалимскіе мусульмане, послѣ продолжительнаго предшествовавшаго возбужденія, находятся въ состояніи религіознаго усыпленія. Велико же будетъ ихъ удивленіе, когда они вздумаютъ снова взойти на свою стражу золотыхъ воротъ и прямо противъ себя увидятъ русское святилище и русскій флагъ.

Подобно восточной сторонѣ, подъемы ко храму были самымъ заботливымъ образомъ устроены и со всѣхъ другихъ сторонъ, какъ мы уже знаемъ, при помощи мостовъ, лѣстницъ, каменныхъ плотинъ и проч. Поэтому совершенно неосновательно Пайллу (Monograhie du Temple de Salomon, 365—366, 374) въ числѣ возраженій противъ подлинности харама помѣщаетъ и то, что онъ былъ бы недоступенъ тѣмъ многочисленнымъ обозамъ десятинъ и другихъ приношеній, которыя стекались въ ветхозавѣтный храмъ, процессіямъ, царскимъ шествіямъ и проч. „Немыслимо, говоритъ Пайллу, чтобы Соломонъ во всей своей славѣ шелъ во храмъ чрезъ какое-нибудь подземелье“. Хотя у библейскихъ писателей царскій ходъ во храмъ называется именно *крытымъ* ходомъ, подъ которымъ весьма удобно разумѣть и подземные воротные проходы на площадь храма, изъ которыхъ иные, какъ мы знаемъ, имѣли величественные размѣры и отдѣлку; но мы знаемъ также и то, что въ распоряженіи царей былъ и открытый ходъ

чрезъ мостъ. Большихъ богослужебныхъ процессій съ выходомъ изъ храма въ ветхомъ завѣтѣ не было, а если бы и были, то для нихъ весьма достаточно было бы и золотыхъ воротъ или воротъ Хульды. Что же касается обозовъ съ стадами животныхъ и произрастеніями полей и садовъ, то для нихъ именно и нужны были тѣ подземные туннели, которые связаны съ воротами харама. Если бы всѣ ворота храма были подняты такъ высоко, какъ проэктируетъ Пайллу въ своихъ реставраціяхъ ветхозавѣтнаго храма и отворялись непосредственно въ окружавшія дворъ галлереи, подобно воротамъ арки Робинсона, тогда дѣйствительно доставка приношеній во храмъ, особенно съ восточной и южной стороны, была бы затруднительна. Между тѣмъ воротные туннели устраняли необходимость высокихъ лѣстницъ, трудныхъ для людей и совсѣмъ недоступныхъ для животныхъ. Съ другой стороны, храмовой молъ былъ, какъ извѣстно, и городскою крѣпостію, и потому уже не могъ имѣть слишкомъ широкихъ и открытыхъ ходовъ. Въ этомъ отношеніи описанные нами туннели были незамѣнимы: ихъ безъ труда можно было засыпать и сдѣлать непроходимыми. Можно пожалѣть, что Пайллу свои возраженія дѣлаетъ наизусть, не прослѣдивъ предварительно новыхъ открытій въ области харама. Во всей обширной монографіи Пайллу ниразу не упомянуты труды Вильсона и Варрена.

Перейдемъ теперь отъ периферіи ветхозавѣтнаго храма къ его центру. Гдѣ лежалъ центральный пунктъ, изъ котораго исходили всѣ постройки горы Моріа, корпусъ святаго и святаго святыхъ или собственно храма? Мы уже знаемъ, что этотъ центральный пунктъ святи-

лища лежалъ не въ математическомъ центрѣ площади храма, но ближе къ сѣверной, чѣмъ къ южной сторонѣ, ближе къ западной, чѣмъ къ восточной сторонѣ. Разумѣется, этого указанія недостаточно, чтобы съ достовѣрностію распланировать площадь харама. Въ виду этой неизвѣстности, современные іудеи, какъ извѣстно, вовсе не позволяютъ себѣ входить въ ограду харама изъ опасенія, какъ они говорятъ, наткнуться случайно на мѣсто святаго святыхъ, котораго не должна касаться нога человѣческая.

Существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній о мѣстѣ корпуса ветхозавѣтнаго храма, на площади харамъ ешшерифъ.

1. Такъ какъ сохранились восточныя ворота храмового мола и такъ какъ естественно предположить, что ворота внутренняго двора и оріентированный на востокъ фронтомъ корпусъ самаго храма лежали на одной линіи съ внѣшними воротами [1], то отсюда возникло предположеніе, что корпусъ храма лежалъ на прямой линіи золотыхъ воротъ. Эту мысль имѣли въ виду уже строители арабскаго харама. По крайней мѣрѣ на внутренней платформѣ харама, на прямой линіи золотыхъ воротъ, существуетъ мусульманская молельня, названная *мѣстомъ душъ,* Куббетъ ел-Арва, на основаніи преданія о связи этого пункта съ жертвенникомъ всесожженій, стоявшимъ предъ фронтомъ храма, и съ жертвеннымъ кровопролитіемъ [2]. Изъ новыхъ изслѣдователей помѣ-

[1] Schilte haggiborim, 18; Маймонидъ, Beth habbechira, 7, 5.—[2] Подобно тому, какъ подъ куполомъ мечети Омара находится скала, служащая предметомъ поклоненія мусульманъ, и подъ куполомъ Куббетъ ел-Арва также видна въ полу натуральная скала горы Моріа, которую мусульманскіе пилигримы чествуютъ цѣлованіями. Кромѣ Куббетъ ел-Арва, нѣсколько на западъ отъ него, въ самой платформѣ, есть подземная камера 12 метр. длины и 7 ширины, называемая мечетью духовъ или пещерою духовъ. По мусульманскому сказанію, здѣсь Соломонъ содержалъ

щаетъ храмъ противъ золотыхъ воротъ Вильямсъ (The Holy City, 11, 348). Но линію золотыхъ воротъ нельзя считать линіею храма, такъ какъ она приходится на самомъ обрывѣ верхней платформы горы Моріа и такъ какъ на мѣстѣ молельни Куббетъ ел-Арва не обнаружено никакихъ остатковъ подземныхъ работъ, какія должны были существовать на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма и жертвенника. Кромѣ того, мы знаемъ, что золотыя ворота не открывались непосредственно во дворъ храма, но вели сперва въ подземную приворотную галлерею, слѣдовательно не были такимъ пунктомъ, съ которымъ необходимо было сообразовать линію воротъ внутренняго двора и дверей храма. Да и самое мусульманское преданіе теперь уже отказалось отъ того значенія, какое нѣкогда, вѣроятно по недоразумѣнію, было связано съ молельнею Куббетъ ел-Арва, и мѣсто такого имени указываетъ нынѣ въ другомъ пунктѣ, въ самой мечети Омара. Впрочемъ, для точнѣйшаго опредѣленія значенія Куббетъ ел-Арва необходимо ожидать возможности раскопокъ въ этомъ мѣстѣ.

2. Второе мнѣніе о мѣстѣ нахожденія корпуса ветхозавѣтнаго храма и жертвенника всесожженій есть мнѣніе Піеротти (Jerusalem explored, 1863, 91—100, pl. XII) и графа Вогюэ (Le Temple de Jérusalem, 57, pl. 1), что жертвенникъ всесожженій стоялъ у цистернъ, обозначенныхъ на планахъ Піеротти и Вогюэ подъ буквами R и R′ и лежащихъ на сѣверъ отъ мечети Омара. Вслѣдъ за указанными авторами, это мнѣніе приняли и мы въ сочиненіи „Святая Земля“ (1, 151—154), такъ какъ оно весьма хорошо объясняло свидѣтельство Аристея о си-

въ заключеніи демоновъ (можетъ быть жертвенную кровь, очищавшую нечистоту грѣха). Вверху надъ подземельемъ стоитъ кіоскъ св. Георгія, побѣдителя нечистыхъ драконовъ, т. е. первосвященника, проливавшаго кровь жертвы за грѣхъ.

стемѣ каналовъ для выведенія крови животныхъ, стекавшей подъ жертвенникъ всесожженія (Aristeae, De legis divinae translatione, ed. Havercampii, 112). Но это мнѣніе потеряло значеніе, послѣ того какъ Варренъ доказалъ, что требуемыхъ каналовъ для прогнанія крови водою въ Кедрскій потокъ здѣсь нѣтъ. Двухъ прудовъ R и R′, существованіе которыхъ Піеротти предполагалъ на основаніи видныхъ здѣсь въ мостовой двухъ отдушинъ, на самомъ дѣлѣ не оказалось; въ дѣйствительности на ихъ мѣстѣ существуетъ одинъ большой подземный корридоръ, означенный на планѣ Варрена подъ № 1, имѣющій 130 фут. длины, 24 фута ширины и 30 глубины (нижніе 18 футовъ прорублены въ скалѣ). Величина и направленіе корридора не даютъ права предполагать, что это былъ только водосточный или кровосточный каналъ. Кромѣ того, вопреки гаданію Піеротти, не оказалось выхода изъ прохода въ направленіи на востокъ къ № 36 и № 13 и на западъ къ № 3; существуетъ только связь этого прохода съ нижнею частію пещеры, находящейся въ мечети Омара (Recovery of Jerusalem, 31, 204—205, 209). И такъ, мнѣніе Піеротти о положеніи центральнаго пункта ветхозавѣтнаго храма должно быть оставлено. Любопытно знать, оставилъ ли это свое мнѣніе самъ Піеротти? Къ сожалѣнію, мы доселѣ не имѣли въ рукахъ второго изданія его Jerusalem explored, 1884 года [1].

3. Доказавъ несостоятельность гипотезы Піеротти, Варренъ создаетъ свою новую гипотезу. Такъ какъ сѣверною границею внѣшняго двора ветхозавѣтнаго храма Варренъ призналъ сѣверную оконечность верхней плат-

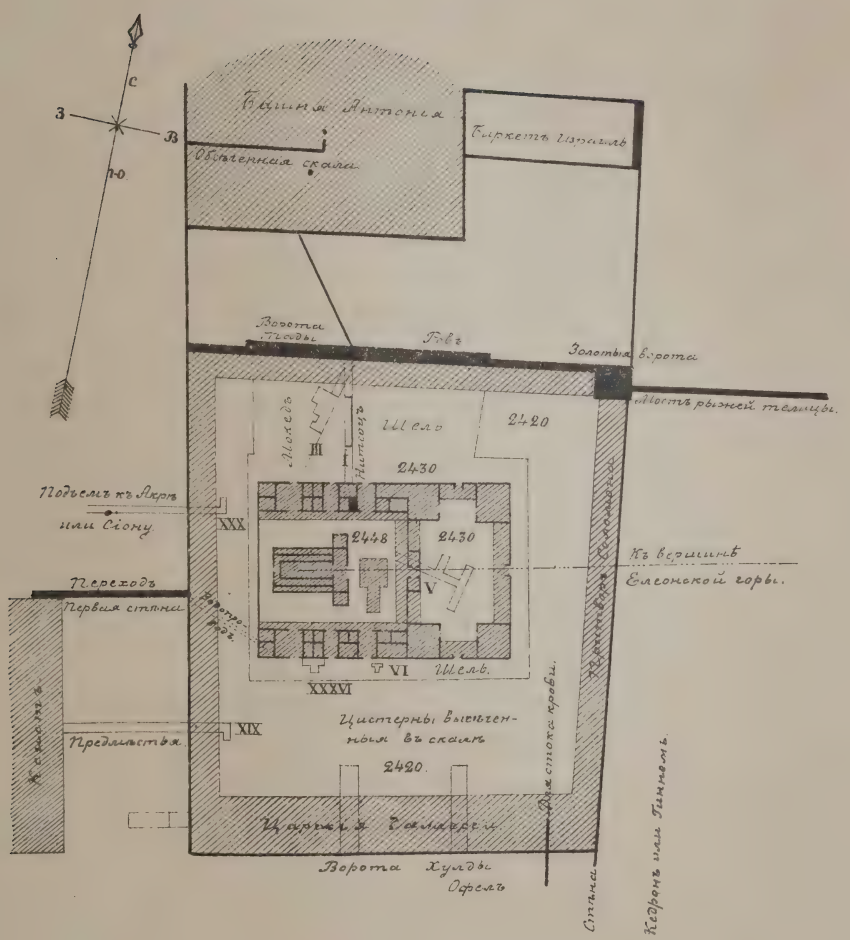
[1] Впрочемъ, въ популярныхъ изданіяхъ продолжаютъ еще нѣкоторые держаться гипотезы Піеротти-Вогюэ. См. напр. Sattler. Geschichte der Stadt Jerusalem. 1884. Grundriss.

формы харама, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ отодвинуть корпусъ самаго храма на югъ отъ мечети Омара, чтобы дать мѣсто двумъ дворамъ, которые ограждали корпусъ храма со всѣхъ сторонъ, не исключая и сѣверной. „Такъ какъ, говоритъ онъ, гумно Орны занимало вершину Моріа, то и мѣсто воздвигнутаго на немъ жертвенника нужно искать по линіи кряжа около 300 футовъ длиною, между священной скалой мечети Омара и пунктомъ на 100 футовъ къ востоку отъ ел-Касъ (фонтанъ предъ мечетью ел-Акса)“. Вниманіе Варрена привлекла здѣсь цистерна, указанная на его планѣ подъ № 5, замѣчательная по своей величинѣ и своеобразнымъ очертаніямъ. На сѣверо-западномъ концѣ этой цистерны онъ и полагаетъ мѣсто ветхозавѣтнаго жертвенника. Слѣдовательно мѣсто храма будетъ прямо на западъ отъ цистерны № 5, въ южной части верхней платформы харама [1] въ противоположность двумъ предшествующимъ гипотезамъ, пріурочивавшимъ жертвенникъ и храмъ къ сѣверной сторонѣ нынѣшней верхней платформы харама. При этомъ Варренъ обращаетъ вниманіе на то, что, по его плану, ось храма у жертвенника совпадаетъ съ вершиною Елеонской горы и приводитъ слѣдующее свидѣтельство Меджидъ ед-Дина (88, 92): „На платформѣ харамъ еш-шерифъ лежитъ „*домъ свитка,* на юго-востокѣ. Мнѣ разсказывали, что „онъ такъ названъ потому, что одинъ изъ древнихъ ца„рей, взойдя на Елеонскую гору, бросилъ оттуда нѣкій „свитокъ, который и упалъ на юго-восточномъ углу плат„формы харама. Это послужило поводомъ къ построенію

[1] Святое святыхъ храма Варрена приходится на томъ мѣстѣ юго-западнаго угла верхней платформы, гдѣ на планѣ Піеротти показана еще одна пещера-цистерна, не найденная, впрочемъ, Варреномъ (Recovery of Jerusalem, 224).

„здѣсь дома и къ названію его *домомъ свитка*. Впрочемъ, „чего не говорятъ люди? Истину же знаетъ только одинъ „Богъ". Упоминаемый здѣсь домъ свитка, говоритъ Варренъ, если онъ стоялъ на юго-восточномъ углу верхней платформы, занималъ то же мѣсто у цистерны № 5, какое нѣкогда занималъ и жертвенникъ всесожженій. Легенда же о домѣ свитка должна быть древнѣе мусульманской эры, такъ какъ и нынѣшніе евреи имѣютъ преданіе о зарытомъ гдѣ-то на площади харама экземплярѣ закона; въ одномъ сочиненіи по исторіи Іерусалима есть повѣствованіе о томъ, какъ этотъ законъ былъ найденъ [1]. Въ связи съ такимъ представленіемъ о мѣстѣ жертвенника и храма, выводится далѣе у Варрена отождествленіе пещеры въ мечети Омара съ камерою Парва, самой Сахры съ камерою омовеній и съ воротами Нипоцъ, а подземелья № 1 съ подземнымъ ходомъ къ воротамъ Тади (Тери), мѣсто которыхъ онъ предполагаетъ на сѣверномъ концѣ верхней платформы. Прудъ № 3, представляющій три камеры, раздѣленныя перегородками, съ отверстіями въ нихъ въ видѣ арокъ, Варренъ называетъ тою купальнею, о которой говоритъ мишна и въ которую сходили для омовеній священники изъ сторожеваго пункта Бетъ-Мокедъ; послѣдній пунктъ лежалъ якобы здѣсь же надъ самою цистерною № 3 (The Recovery of Jerusalem, 207—208 и 316—317 и другое сочиненіе Варрена: The Temple or the Tomb. 1880, 80, 148 и дал.).

[1] Варренъ не подозрѣваетъ, что сочиненіе, касающееся Іерусалима, въ которомъ упоминается объ обрѣтеніи закона, есть библія 2 Цар. 22, 8; 2 Пар. 34, 14. Обрѣтеніе еврейскаго свитка въ землѣ не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ у древнихъ евреевъ былъ обычай обветшавшіе свитки закона закапывать въ землю въ глиняныхъ сосудахъ или полагать въ еврейскія гробницы (R. Ascher ad Megill. 43). Газета „Недѣля", 1888, № 31, стр. 993.—Нынѣшніе іерусалимскіе евреи старые свитки закона погребаютъ въ гробницѣ царя Іосафата.



Планъ площади Храма

по К. Варрену.

Хромо-Литогр. Н. ИНДУТНАГО, Сергіевская ул. № 18

Но и эта гипотеза неосновательна не менѣе, если не болѣе, гипотезы Піеротти. Не говоря уже о томъ, что она несовмѣстима съ мыслію, что границами ветхозавѣтнаго храма могли быть нынѣшнія границы площади харамъ еш-шерифъ, и требуетъ отсѣченія всей сѣверной части площади, даже на собственной почвѣ Варрена эта гипотеза стоитъ нетвердо. *а)* Установка мѣста жертвенника всесожженій не мирится съ его представленіемъ о дворцѣ Соломона на южной сторонѣ харама. Если жертвенникъ всесожженій лежалъ надъ прудомъ № 5, то на югъ отъ него не будетъ мѣста или для дворовъ храма, изъ которыхъ одинъ (внѣшній дворъ), по объясненію мишны, былъ въ южной части даже шире, чѣмъ въ сѣверной, а у Варрена выходитъ уже сѣверной части, — или же для дворца Соломона, которому, по плану Варрена, нужно отдѣлить 300 футовъ южной части харама. *б)* Прудъ № 5 не представляетъ такихъ особенностей, которыя давали бы знать, что здѣсь именно совершалась та искусственная циркуляція воды, помощію которой удаляли жертвенную кровь, застаивавшуюся подъ жертвенникомъ всесожженій, въ Кедрскій потокъ[1]. Чтобы доказывать это, нужно, въ связи съ прудомъ, найти еще здѣсь каналъ, непрерывающійся до Кедрскаго потока. Но такого кровесточнаго канала здѣсь нѣтъ, какъ это ясно видно изъ того, что даже лѣтомъ въ цистернѣ стоитъ глубокая, никуда не стекающая, вода (мы спускались въ нее въ Августѣ 1886 года). Если здѣсь есть дальнѣйшій каналъ на югъ или востокъ для стока лиш-

[1] Мѣстное преданіе не предполагаетъ какого-либо отношенія даннаго пруда къ ветхозавѣтному храму и называетъ его римскимъ водохранилищемъ, Bir Rommane, хотя это названіе едва ли точно. Гораздо правильнѣе въ іудейскомъ преданіи прудъ № 5 называется источникомъ сыновъ плѣна, т. е. вырубленнымъ по возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ первомъ храмѣ его вовсе не было.

*

ней воды,—такъ какъ почти всѣ цистерны харама имѣютъ связь между собою,—то только въ верхней части цистерны; слѣдовательно онъ ни въ какомъ случаѣ не подходитъ къ тому кровеносному каналу, который нисходилъ отъ жертвенника всесожженія внизъ правильною линіею, безъ всякихъ подъемовъ уровня на пути, въ предотвращеніе возможности застаиванія крови въ каналѣ. Продолженіемъ канала жертвенника всесожженій Варренъ считаетъ каналъ, открытый имъ подъ южными одиночными воротами; но онъ не нашелъ дѣйствительной связи между ними. Въ виду весьма значительной длины и глубины цистерны № 5 и неправильныхъ поворотовъ ея на сѣверъ и югъ, ее можно считать утилизированною естественною пещерою. Входъ въ пещеру-цистерну, по крутой и опасной лѣстницѣ, существуетъ и въ настоящее время, но не тамъ, гдѣ стоялъ жертвенникъ и гдѣ, по описанію мишны, былъ закрывавшійся мраморной плитой спускъ въ кровосточный каналъ, идущій отъ жертвенника, а на противоположномъ восточномъ концѣ цистерны, на нижней платформѣ, древнемъ дворѣ женщинъ. *в)* Приводимое Варреномъ свидѣтельство Меджидъ ед-Дина о *домѣ свитка* не имѣетъ никакого отношенія къ ветхозавѣтному храму, который никогда не назывался этимъ именемъ ни у еврейскихъ, ни у магометанскихъ писателей. Конечно, въ храмѣ ветхозавѣтномъ хранился свитокъ Св. книгъ; но онъ неизмѣнно всегда хранился и въ христіанскихъ церквахъ и въ магометанскихъ мечетяхъ. Мы полагаемъ, что Меджидъ ед-Динъ подъ *домомъ свитка* разумѣетъ или древнеарабскій миграбъ [1] или часовню съ какимъ-либо

[1] И въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится такъ называемая лѣтняя каѳедра изъ мрамора прекрасной работы, построенная Кади Бурганъ ед-Динъ въ XV вѣкѣ (въ 798 году гиджры). Въ 1495 году здѣсь была

древнимъ автографомъ корана. Въ настоящее время домомъ свитка можно назвать мечеть Омара, въ которой, кромѣ десяти обыкновенныхъ экземпляровъ корана, всегда раскрытыхъ, на отдѣльныхъ десяти налояхъ, хранится особенный, весьма древній, экземпляръ корана въ большомъ изящномъ желѣзномъ шкапѣ. Съ другой стороны, если придавать значеніе свидѣтельству легенды, что свитокъ упалъ именно съ Елеонской горы, то здѣсь нужно видѣть указаніе на христіанскую церковь [1], а не на ветхозавѣтный храмъ, свитокъ котораго ниспалъ съ горы Синайской. *г)* Не имѣютъ доказательности и дальнѣйшія отождествленія Варрена: пещеры въ мечети Омара съ воротами Ницоцъ, подземелья № 1 съ подземнымъ ходомъ мишны къ воротамъ Тери или Тади. Мы уже говорили, что между этими пунктами дѣйствительнаго подземнаго сообщенія нѣтъ. И не странно ли, что одни изъ рядовыхъ воротъ двора Ницоцъ занимаютъ высшій пикъ горы, а для жертвенника и храма выбранъ низшій уровень? Прудъ № 3 не могъ быть купальнею священниковъ, потому что, при своей глубинѣ, онъ не имѣетъ никакого спуска и его вода не освѣжается новыми притоками въ теченіе всего лѣта.

4. Еще далѣе на югъ отодвигаетъ мѣсто ветхозавѣтнаго храма Фергюссонъ (The Temples of the Jews, 1878; The Holy Sepulchre and the Temple at Jerusalem, 1865, и Dictionary of the Bible Шмита, трактаты: Jerusalem, Temple). Мы уже знаемъ, что Фергюссонъ для всего

небольшая мечеть, называвшаяся фаянсовою, Кашанъ; здѣсь въ качествѣ отшельника жилъ шейхъ Абдъ-ел-Малекъ. [1] На юго-западномъ углу платформы, гдѣ Варренъ полагаетъ святое святыхъ ветхозавѣтнаго храма, было еще зданіе, по преданію построенное великимъ царемъ Іисусомъ и называвшееся куполомъ грамматиковъ (Тоблеръ, Topographie, 1, 510). Можетъ быть даже это одно и то же, что и куполъ свитка на юго-восточномъ углу.

храма Ирода и его дворовъ назначаетъ площадь въ 600 футовъ длины и ширины на самомъ юго-западномъ углу нынѣшняго харама, полагая крайнюю сѣверную линію храма по южной чертѣ нынѣшней верхней платформы харама, со включеніемъ воротъ Бабъ ес-Синсиле и арки Вильсона, а крайнюю восточную линію проводя отъ юго-восточнаго угла верхней платформы до тройныхъ воротъ, не включая самыхъ воротъ. Такимъ образомъ у Фергюссона два основныхъ положенія: *а)* безусловная вѣрность свидѣтельства Іосифа, что площадь храма на каждой сторонѣ своего четыреугольника равнялась одной стадіи или 600 футамъ, и *б)* что только на юго-западномъ углу нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ, какъ наиболѣе правильномъ, сохранились самые древніе остатки, отвѣчающіе тому, что указывается древними источниками о внѣшней оградѣ храма. Осматривая 600 футовъ стѣны въ направленіи на востокъ отъ юго-западнаго угла харама и находя здѣсь только одни древнія ворота, извѣстныя подъ именемъ воротъ Хульды, Фергюссонъ считаетъ ихъ единственными воротами южной стѣны храма Ирода; если источники говорятъ о двухъ южныхъ воротахъ храма, то, по его мнѣнію, это нужно понимать о двухчастномъ составѣ или двухъ пролетахъ однихъ и тѣхъ же воротъ. Противъ этихъ единственныхъ южныхъ воротъ лежали противоположныя сѣверныя ворота Тади на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ главная южная лѣстница верхней платформы харама. На западной сторонѣ харама, на протяженіи 600 футовъ отъ того же юго-западнаго угла, Фергюссонъ находитъ для себя два главныхъ пункта: ворота Магомета (иначе Барклея) съ подземнымъ проходомъ, искривленнымъ въ направленіи на югъ, и стѣну Плача евреевъ. Положеніе нынѣшнихъ южныхъ двойныхъ воротъ имѣетъ весьма важное значеніе для построе-

нія плана ветхозавѣтнаго храма. Это — такъ называемыя ворота *водныя*, лежавшія прямо противъ жертвенника всесожженій. И такъ, на оси нынѣшнихъ двойныхъ воротъ, принадлежавшихъ внѣшнему двору, лежали другія ворота внутренняго двора и жертвенникъ. По этой причинѣ и позднѣйшіе строители мечети ел-Акса, имѣвшіе еще точныя свѣдѣнія о положеніи ветхозавѣтнаго жертвенника, выбрали для нея нынѣшнее мѣсто, какъ обращенное прямо къ жертвеннику. Но чтобы опредѣлить во всей точности положеніе жертвенника всесожженій, требуется найти еще другую поперечную ось площади, пересѣкавшую храмъ и жертвенникъ съ востока на западъ. Такую ось даетъ такъ называемая стѣна Плача. Евреи не даромъ, съ весьма древняго времени и донынѣ, къ этой именно стѣнѣ приходятъ на поклоненіе; они признаютъ въ ней непосредственную близость къ мѣсту святаго святыхъ. Прямая линія, проведенная на востокъ *отъ центра* этой стѣны, будетъ совпадать съ центральною осью храма и жертвенника. Съ другой стороны, центральная ось храма и жертвенника можетъ быть опредѣлена изъ положенія извѣстныхъ монолитовъ Авессалома и Захаріи. Что памятники эти имѣли отношеніе къ храму, видно изъ того, что они не были гробницами и вообще не имѣли какого либо независимаго значенія и стояли во всякомъ случаѣ предъ фронтомъ храма, хотя, по условіямъ мѣстности, и не въ непосредственной близости къ храму, и что разстояніе между центрами этихъ монолитовъ есть именно удвоенное разстояніе между двумя башнями, бывшими въ притворѣ храма Ирода. Если эти монолиты соединить прямою линіею и отъ средины ея провести на западъ перпендикулярную линію, то она также должна упасть на центръ жертвенника и храма. И такъ, мѣсто встрѣчи найден-

ныхъ прямыхъ линій съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ будетъ мѣстомъ жертвенника всесожженій. Это будетъ именно мѣсто на срединѣ между порталомъ мечети ел-Акса и фонтаномъ ел-Касъ. Опредѣливъ мѣсто жертвенника, Фергюссонъ располагаетъ, приспособительно къ нему, храмъ и постройки двора съ нѣкоторыми особенностями, уже намъ извѣстными. Важнымъ вещественнымъ показателемъ въ этомъ случаѣ для Фергюссона служатъ еще ворота Магомета, имя которыхъ, на языкѣ мусульманъ, уже само по себѣ указываетъ важное ихъ значеніе, какъ воротъ наиболѣе близкихъ къ древнему святому святыхъ; идущій отъ нихъ проходъ сперва на востокъ, а потомъ преломляющійся на югъ, ясно показываетъ, что прямому направленію его на востокъ препятствовала проходившая здѣсь стѣна внутренняго двора древняго храма. Непосредственно за проходомъ, на востокъ, проходилъ Chel или валъ внутренняго двора, а выходъ изъ подземнаго прохода воротъ приходился у самаго юго-западнаго угла вала.

Помѣстивъ, такимъ образомъ, храмъ ветхозавѣтный на одномъ юго-западномъ углу большой площади харамъ еш-шерифъ, Фергюссонъ замѣщаетъ юго-восточный уголъ дворцомъ Соломона, а затѣмъ храмомъ и страннопріимницами Юстиніана, а всю сѣверную часть съ нынѣшнею верхнею платформою считаетъ древнимъ царскимъ некрополемъ, основываясь, главнымъ образомъ, на своемъ оригинальномъ толкованіи топографическихъ указаній книги Нееміи. „Лѣстница города Давидова“ (Неем. 12, 37) соотвѣтствуетъ аркѣ Робинсона; здѣсь же былъ и „домъ Давида“ (12, 37; 3 16); нѣсколько сѣвернѣе лежалъ „выкопанный прудъ“ (Неем. 3, 16), тотъ прудъ Езекіи, о которомъ говорится 2 Пар. 32, 30; онъ лежалъ внутри города, противъ самаго храма;

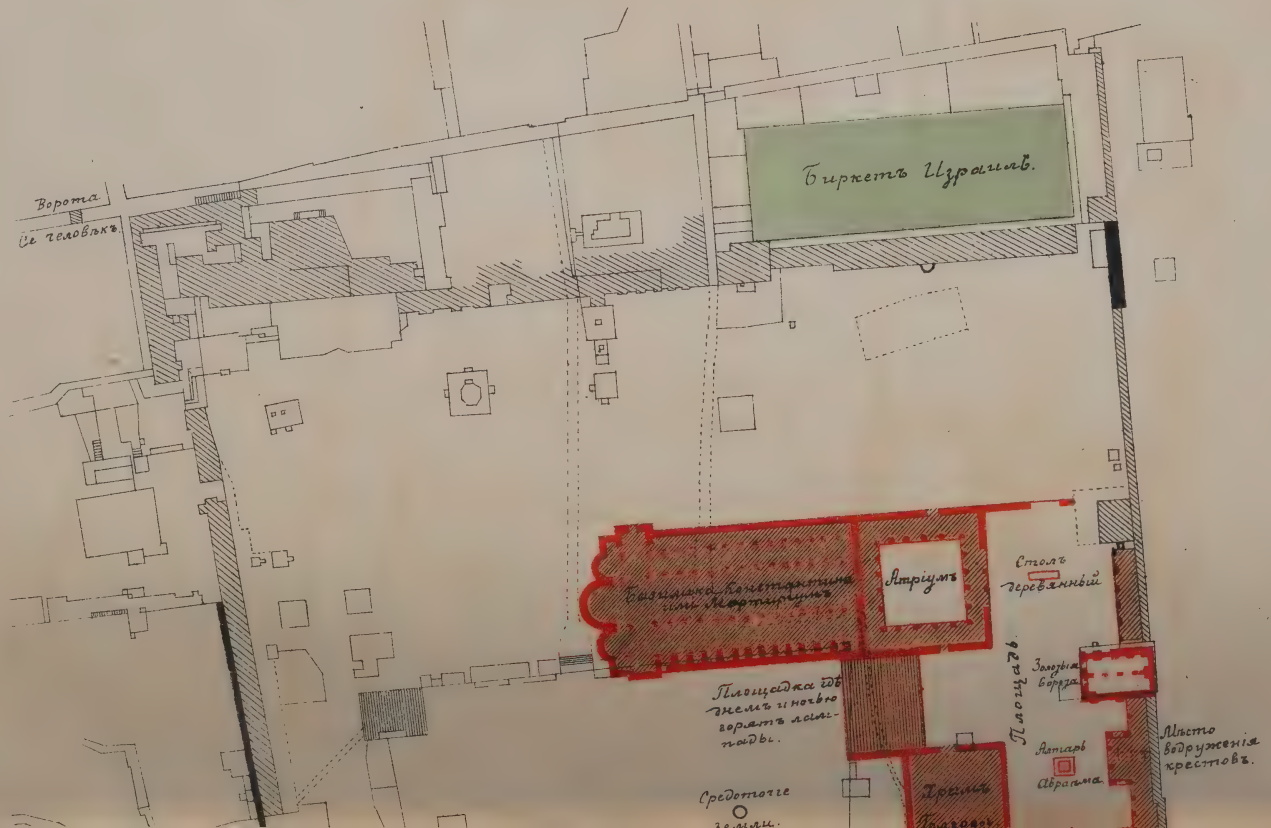
въ немъ задерживали воду въ городѣ, въ случаѣ осады. Слѣдовательно, здѣсь же по близости лежали и гробницы Давида, упоминаемыя Неем. 3, 16. Близкое сосѣдство гробницъ къ храму доказывается свидѣтельствомъ Іезек. 43, 7—8, и еще болѣе точно Іосифомъ Флавіемъ, по описанію котораго противъ крѣпости Антонія, при сѣверныхъ галлереяхъ двора, былъ, между прочимъ, памятникъ на гробницѣ царя Александра (Bell. V, 7, 3). Главною же гробницею на сѣверной сторонѣ храма была нынѣшняя пещера духовъ въ Куббетъ ес-Сахра, гдѣ и въ настоящее время преданіе указываетъ гробъ Соломона. Отсутствіе здѣсь особенныхъ loculi, встрѣчающихся въ другихъ іерусалимскихъ гробницахъ, не только не противорѣчитъ такому значенію пещеры, но и подтверждаетъ его, потому что гробницамъ древнѣйшихъ царей могла служить образцомъ развѣ только пещера Махпела. Со времени императора Константина эта гробница іудейскихъ царей отъ Давида до Езекіи была признана гробницею Богочеловѣка и мѣстомъ Его Воскресенія и сосредоточила вокругъ себя тѣ знаменитыя постройки императора Константина въ Іерусалимѣ, которыя описаны у Евсевія (Vita Constant. III, 33—39). Нынѣшняя мечеть Омара или Кубетъ ес-Сахра есть подлинный анастасисъ Константина, а нынѣшнія Золотыя ворота—тотъ самый восточный входъ базилики, въ которомъ, по описанію Евтихія, молился халифъ Омаръ [1]. Мечеть Омара или Куббетъ ес-Сахра не есть мечеть: *а)* она не оріентирована какъ мечеть на югъ; *б)* она имѣетъ видъ надгробныхъ памятниковъ;

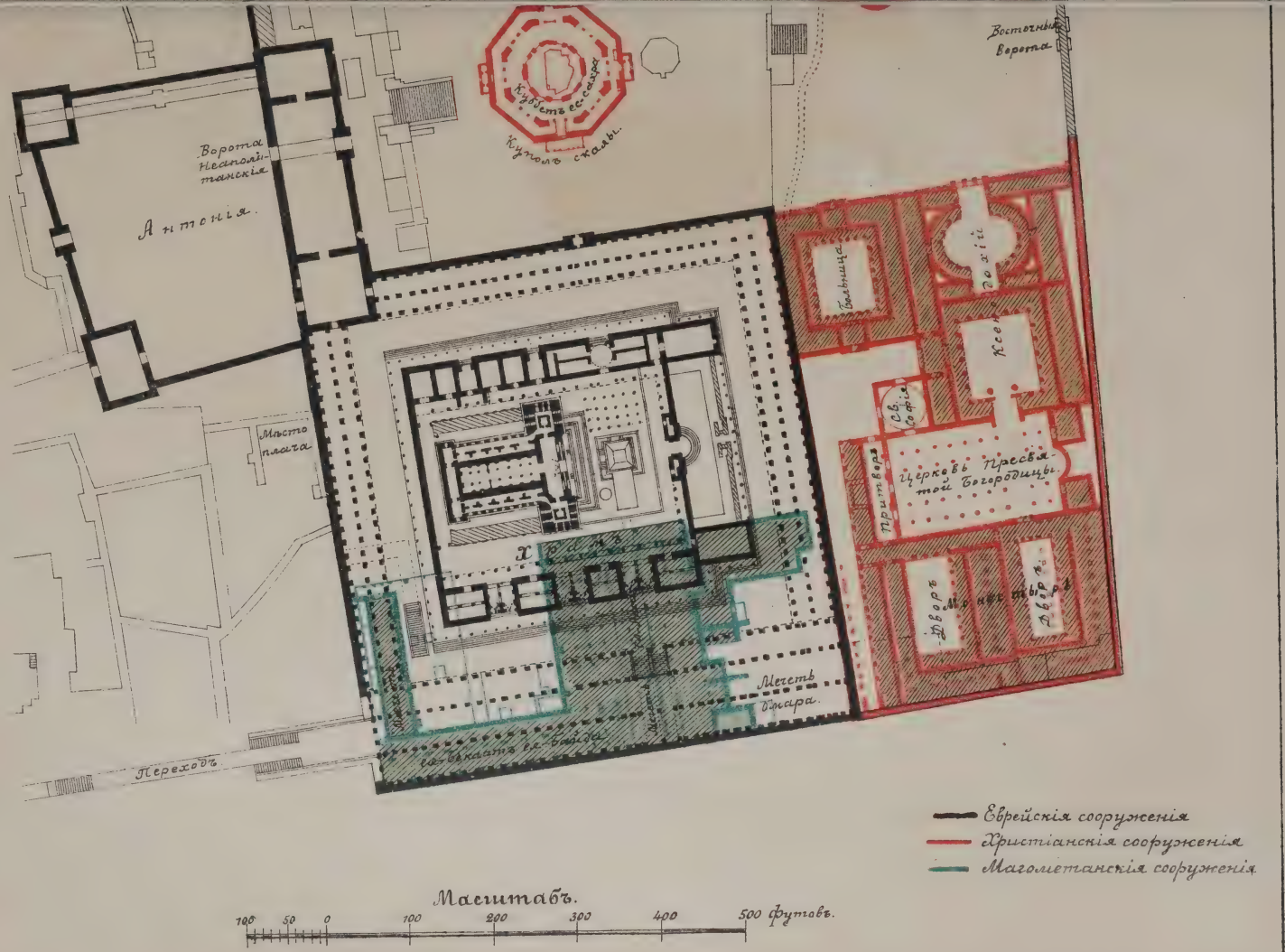
[1] Подобнымъ же образомъ Кондеръ гробницы царей іудейскихъ полагаетъ въ нынѣшнемъ храмѣ Гроба Господня (гробницы Никодима), хотя подлинный Гробъ Господень и Голгоѳа отодвигаются у него далѣе на сѣверъ, на холмъ грота Іереміи (Statement, 1880, 101, 229; 1883, 69; 1884, 242; Tent Work in Palestine, 1, 361—376).

между Римомъ и Дельфами подобныхъ надгробныхъ памятниковъ можно встрѣчать тысячи; *в)* сарацинамъ, строившимъ мечеть ел-Аксу, не можетъ принадлежать мечеть Омара, имѣющая совершенно другой характеръ и обнаруживающая другую, высшую степень искусства; *г)* по своимъ архитектурнымъ признакамъ, мечеть Омара должна быть поставлена послѣ восьмиугольнаго храма Юпитера въ Спалятро, построеннаго Діоклетіаномъ въ 300-мъ году, въ видѣ гробницы, но раньше подобной постройки въ Равеннѣ, Св. Виталія (547 года). Болѣе частные архитектурные признаки Куббетъ ес-Сахра падаютъ на время императора Константина. И такъ это несомнѣнно анастасисъ надъ пещерою гроба Господня. Только уже въ X вѣкѣ, вслѣдствіе притѣсненій магометанъ, христіане принуждены были оставить постройки Константина, а нынѣшній храмъ Воскресенія явился только въ 1031 году.

Превращеніемъ верхней платформы харама въ некрополь Фергюссонъ отнялъ у себя естественное мѣсто крѣпости Антонія, бывшей на сѣверной сторонѣ храма, и помѣщаетъ ее на своемъ планѣ на западъ отъ площади, въ долинѣ Тиропеонъ. Такъ какъ крѣпость Антонія имѣла, по Іосифу, двѣ стадіи въ окружности, то, говоритъ Фергюссонъ, на каждой сторонѣ своего четыреугольника она должна была имѣть 300—400 футовъ. Южная стѣна крѣпости проходила по нынѣшней улицѣ ес-Силсиле, гдѣ Варреномъ открыты подземныя сооруженія, имѣвшія отношеніе къ крѣпости; въ одной изъ камеръ Варреномъ открыта здѣсь даже потерна или секретный крѣпостной ходъ. Сѣверная стѣна крѣпости проходила по улицѣ Сукъ ел-Каттанинъ. Западная сторона — по нынѣшней ближайшей поперечной улицѣ, соединяющей улицы Силсиле и Каттанинъ. Подземный

Площадь харама
съ показаніемъ
Еврейскихъ, Христіанскихъ и Магометанскихъ
сооруженій
по Г. Фергюссону.



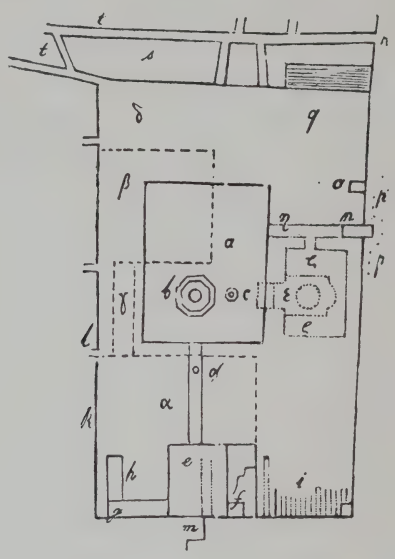

Восточные ворота
Куббетъ ес-сахра
Куполъ скалы.
Ворота Неаполитанскія
Антонія.
Мѣсто плача
Переходъ
Мечеть Омара.
Еврейскія сооруженія
Христіанскія сооруженія
Магометанскія сооруженія
Масштабъ.
100 50 0 100 200 300 400 500 футовъ.

корридоръ, открытый здѣсь Варреномъ, есть то подземное сообщеніе Антоніи съ восточными воротами храма, о которомъ говоритъ Іосифъ. Здѣсь же въ крѣпости была и преторія Пилата. Такъ называемая Масонская зала, открытая здѣсь Варреномъ, есть одно изъ тюремныхъ отдѣленій крѣпости; колонна, стоящая здѣсь среди залы, служила для привязыванія къ ней узниковъ; къ одной изъ такихъ колоннъ былъ привязанъ и Іисусъ Христосъ. Прилагаемъ здѣсь планъ раздѣленія площади харамъ еш-шерифъ, по ея древнему назначенію, изъ сочиненія Фергюссона: The temples of the Jews and the other buildings in the Haram area at Jerusalem, 1878, pl. VII. Черный цвѣтъ показываетъ на планѣ древнееврейскія постройки, красный — христіанскія, а голубой — магометанскія.

Унгеръ, нѣмецкій послѣдователь Фергюссона [1], соглашаясь съ нимъ въ общемъ, нѣкоторыя линіи проводитъ иначе, какъ показываетъ прилагаемый здѣсь его планъ. Поставленныя на планѣ греческія и латинскія буквы имѣютъ слѣдующее значеніе: *a* — верхняя терраса площади; *b* — Куббетъ ес-Сахра; *c* — мусульманскій кіоскъ, называемый куполомъ цѣпи; *d* — фонтанъ; *e* — мечеть ел-Акса; *f* — придѣлъ мечети ел-Акса, называемый мечеть Омара; *g* — мечеть Абу-Бекръ; *h* — мечеть Могарибе; *i* — подземныя основанія храма Юстиніана; *k* — стѣна Плача; *l* — ворота Силсиле; *m* — ворота Хульды; *n* — золотыя ворота; *o* — тронъ Соломона; *p* — магометанскія гробницы; *q* — Биркетъ Исраелъ; *r* — ворота Стефана; *s* — казармы; *t* — via dolorosa. *Греческія:* α — храмъ Ирода; β — Антонія; γ — соедини-

[1] Мы обходимъ здѣсь другихъ англійскихъ послѣдователей Фергюссона, каковы Труппъ, Льювинъ и друг.

тельная галлерея между храмомъ и крѣпостью; δ — ровъ, защищавшій Антонію; ε — базилика императора Константина; ζ — atrium базилики; η — площадь или улица предъ храмомъ, ἀγορά.



Расходясь съ Фергюссономъ по вопросу о времени происхожденія Куббетъ ес-Сахра и приписывая ее не Константину, а императрицѣ Евдокіи, Унгеръ рекомендуетъ слѣдующую реставрацію первоначальныхъ построекъ Константина въ Іерусалимѣ, на мѣстѣ гроба Господня и Голгоѳы (Die Bauten Constantin's des Grossen am heilige Grabe zu Jerusalem. 71).

Что сказать по поводу этой гипотезы?

Мы уже говорили, что понимать въ строгомъ смыслѣ свидѣтельство Іосифа Флавія о площади Іерусалимскаго храма, какъ квадратѣ одной стадіи или 600 футовъ, нельзя. И дѣйствительно, тотъ планъ, который приводитъ Фергюссонъ въ границахъ одной стадіи, есть не полный, а сокращенный планъ ветхозавѣтнаго храма. Площади двора языковъ у Фергюссона почти совсѣмъ нѣтъ; дворъ женщинъ обратился въ узкій валъ; портики дворовъ рядами колоннъ вгоняются одинъ въ другой. Для самыхъ воротъ не оказывается мѣста: восточныхъ внѣшнихъ воротъ у Фергюссона вовсе нѣтъ; на югѣ имѣются только одни ворота вмѣсто двухъ; на западѣ двое воротъ вмѣсто четырехъ. Словомъ, планъ Фергюссона очень хорошо доказалъ ошибочность стадійнаго квадрата Іосифа Флавія. Впрочемъ, и самъ Фергюссонъ не совсѣмъ точно выдерживаетъ стадію Іосифа: его площадь храма имѣетъ не 600 футовъ (= одна стадія) длины и ширины, а 585 футовъ длины и 610 ширины.

Тотъ, повидимому, математически точный путь, которымъ Фергюссонъ опредѣляетъ центральный пунктъ своего храма или мѣсто жертвенника, не можетъ быть признанъ правильнымъ. Положимъ, что южныя ворота харама, ворота Хульды, могли стоять противъ тѣхъ воротъ внутренняго двора, которыя назывались *водными*, и, слѣдовательно, противъ жертвенника; но линія этихъ воротъ можетъ быть проведена чрезъ всю площадь харамъ еш-шерифъ; священная скала мечети Омара лежитъ на той же линіи. Поэтому, кромѣ данной оси, необходимо найти другую, противоположную ось, пересѣкавшую жертвенникъ и храмъ въ направленіи съ востока на западъ. Эта послѣдняя ось у Фергюссона не найдена. Если онъ говоритъ о перпендикулярной линіи.

проведенной отъ центра стѣны Плача, какъ о центральной линіи храма и жертвенника, то это положеніе не выполняется на его планѣ; центръ стѣны Плача отдаленъ отъ центральной линіи его храма на 50 футовъ къ сѣверу или даже на 75 фут., если считать и ту часть стѣны Плача, которая отдѣлена подъ садъ Мегкеме. Съ другой стороны, памятники Авессалома и Захаріи не стоятъ на одной прямой линіи, имѣютъ неодинаковую отдѣлку и слишкомъ отдалены отъ храма, чтобы ихъ ставить въ какое либо отношеніе къ храму, въ значеніи его передовыхъ башенъ. Нигдѣ въ описаніяхъ храма подобныя башни въ долинѣ предъ храмомъ не упоминаются. Кромѣ того, перпендикулярная линія, выведенная изъ отношенія между собою этихъ памятниковъ, не совпадаетъ съ линіею, выведенною отъ стѣны Плача; въ дѣйствительности и этою линіею Фергюссонъ не пользуется при составленіи своего плана. Съ большимъ противорѣчіемъ Фергюссонъ то доказываетъ, что для ветхозавѣтнаго жертвенника не требовалась непремѣнно натуральная скала (имѣя въ виду отнять значеніе жертвенника у скалы мечети Омара), то утверждаетъ, что на мѣстѣ, найденномъ имъ для жертвенника, была нынѣ стертая, выдававшаяся скала, lapis pertusus путника 333 года.

Нѣтъ основаній видѣть въ мечети Омара, Куббетъ ес-Сахра, надгробный памятникъ императора Константина, а въ священной пещерѣ мечети — гробницы царей іудейскихъ. „Если бы Фергюссонъ нѣсколько минутъ побылъ въ этой пещерѣ, говоритъ Адлеръ (Der Felsendom, 18), онъ отказался бы отъ своей гипотезы“. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ никакого признака гробницы, и нынѣшнее преданіе харама видитъ въ ней колодезь или цистерну. Но если бы въ самомъ дѣлѣ пещера ес-Сахра была

гробницею іудейскихъ царей, то опять-таки будетъ необъяснимо ея превращеніе преданіемъ въ гробницу Богочеловѣка. Древніе путешественники ясно показываютъ, что между развалинами іудейскаго храма и базиликою Константина было значительное разстояніе и что онѣ лежали въ разныхъ частяхъ города. Такъ, Бордосскій путникъ 333 года, послѣ посѣщенія ветхозавѣтнаго храма, идетъ на Сіонъ, а потомъ уже подходитъ къ базиликѣ Константина. Евхерій (440 года), описавъ сначала Голгоѳу и Анастасисъ и опредѣливъ положеніе ихъ замѣчаніемъ: atque haec tamen extra montem Sion posita cernuntur, противополагаетъ имъ ветхозавѣтный храмъ, какъ находящійся въ другой части города: Templum vero in inferiori parte urbis in vicinia muri ab oriente locatum magnificeque exstructum, quondam miraculum fuit... (Tobler, Itinera terrae sanctae, 52). Здѣсь же у Евхерія ясно опредѣляются границы ветхозавѣтнаго храма въ размѣрахъ всей нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ до Биркетъ Исраелъ на сѣверѣ. Если въ нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствахъ какъ бы смѣшиваются Моріа и Голгоѳа, наприм., та и другая называются мѣстомъ жертвоприношенія Авраама, то это дѣлается въ духовномъ смыслѣ, такъ какъ христіанская мысль отъ представленія новозавѣтной жертвы невольно переносится къ преобразовательной ветхозавѣтной и наоборотъ. Впослѣдствіи христіанскія сказанія были передѣланы мусульманами. Напр. древнее христіанское вѣрованіе, что скала, на которой лежало тѣло Христово по снятіи со креста, была восхищена на небо (Tobler, Itinera terrae sanctae, 64), было перенесено мусульманами на скалу мечети Омара и связано съ исторіею Магомета. Что касается самаго зданія Куббетъ ес-Сахра или, какъ его называютъ европейскіе путешественники, мечети Омара, то

послѣдній тщательный осмотръ ея, произведенный при ремонтировкѣ 1874 года, несомнѣнно доказалъ ея сарацинское происхожденіе: вся она построена изъ чужого матеріала, подобраннаго въ другихъ развалинахъ, особенно же въ развалинахъ ветхозавѣтнаго храма. Сарацинское происхожденіе Куббетъ ес-Сахра признаютъ Вогюэ (Le Temple de Jerusalem, 75, 80), Адлеръ (Der Felsendom), Клермонъ-Ганно (Quarterly Stat. 1874, 153), Варренъ (The Temple or the Tomb, 1880, 173) и друг. Слѣды крестовъ на капителяхъ колоннъ мечети, которые видѣлъ здѣсь Вогюэ, не найдены при капитальномъ осмотрѣ мечети архитекторомъ ле-Контомъ, производившимъ послѣднюю ремонтировку 1874 года.

Исходя изъ своихъ представленій о значеніи внутренней части площади харамъ еш-шерифъ, Фергюссонъ не могъ уже опредѣлить правильно происхожденіе наружной стѣны площади. Такъ, восточную стѣну нынѣшняго харама онъ называетъ третьею іерусалимскою стѣною Агриппы, между тѣмъ какъ, по описанію Іосифа Флавія (Bell. V, 4, 2), именно на восточной сторонѣ не было третьей стѣны и портикъ Соломона стоялъ на Соломоновой стѣнѣ. Напротивъ, въ западной стѣнѣ нынѣшняго харама отъ сѣверо-западнаго угла до Бабъ ес-Силсиле Фергюссонъ видитъ вторую іерусалимскую стѣну Іосифа (Fergusson. Ancient Topography, 41, pl. 3; The Temples, 175). Крѣпость Антонія, вмѣсто того, чтобы выдаваться изъ линіи второй стѣны, закрывается ею; вмѣсто того, чтобы возвышаться надъ площадью храма, она стоитъ на низшемъ уровнѣ и совершенно заграждаетъ собою долину Тиропеонъ. О юго-восточномъ подземельи Фергюссонъ говоритъ презрительно, что своими арками оно не могло выносить тя-

жести верхнихъ построекъ и въ то же время приписываетъ ихъ знаменитому храму Юстиніана!! [1]

5. Пятое мнѣніе, раздѣляемое большинствомъ изслѣдователей, отождествляетъ мѣсто ветхозавѣтнаго храма съ мѣстомъ мечети Омара. Исключивъ тѣхъ изслѣдователей, которые, какъ, напр., Т. Тоблеръ (Topographie von Jerusalem, 1, 567), хотя высказываютъ такое мнѣніе, но не входятъ въ его подробности, мы находимъ здѣсь болѣе ясно опредѣлившимися два соподчиненныхъ мнѣнія. Одни ставятъ ветхозавѣтный храмъ на линіи, пересѣкающей мечеть Омара, но ближе къ востоку, такъ что священная скала мечети Омара служитъ мѣстомъ святаго святыхъ или западнымъ концомъ храма. Другіе, придерживаясь той же линіи, т. е., не уклоняясь отъ нея ни на сѣверъ, ни на югъ, отступаютъ только на западъ, предполагая, что скала мечети Омара приходилась предъ притворомъ храма и была тѣмъ возвышеніемъ, на которомъ стоялъ жертвенникъ всесожженій. Первое мнѣніе поддерживается іудейскимъ преданіемъ, по которому скала служила основаніемъ для ковчега завѣта, а пещера подъ скалою была секретною катакомбою, въ которой хранились драгоцѣнности храма въ случаяхъ ожидавшагося вторженія непріятелей. Этотъ взглядъ доказываютъ между прочимъ Одило Вольфъ (Der Tempel von Jerusalem, 52—53), Шеггъ (Biblische Archäologie, 437) и докторъ Чаплинъ, въ теченіе 25 лѣтъ вращавшійся между іерусалимскими евреями и іерусалимскими древностями (Quarterly Statement, 1876, 23—28) [2]. Но если ка-

[1] Болѣе подробныя и спеціальныя опроверженія этой значительно распространенной гипотезы можно читать въ сочиненіяхъ: Michon. Voyage en Orient II, 110 и особенно въ The Temple or the Tomb by Warren, гдѣ выставлено 63 возраженія противъ Фергюссона. — [2] Весьма часто этотъ взглядъ встрѣчается въ запискахъ европейскихъ туристовъ, мотивированный тѣмъ простымъ соображеніемъ, что самый священный пунктъ

мень мечети Омара былъ мѣстомъ святаго святыхъ, тогда для перваго отдѣленія храма и предшествовавшихъ храму съ востока частей внутренняго двора потребуется minimum 276 локтей или 414 фут. Въ такомъ случаѣ внутренній дворъ не будетъ вмѣщаться на верхней платформѣ и займетъ еще половину восточной части нижней платформы харама, такъ что для внѣшняго двора останется здѣсь только около 155 футовъ или 77 локтей, вмѣстѣ съ галлереею; а такъ какъ галлерея имѣла 30 локтей ширины, то для проходнаго пространства открытаго двора остается только 20 локтей съ небольшимъ, т. е. гораздо меньше того пространства, которое будетъ въ такомъ случаѣ оставаться для внѣшняго двора на западѣ. Между тѣмъ мы уже знаемъ, что именно восточная часть внѣшняго двора была больше западной и сѣверной и уступала только южной.

Подробности этого взгляда развиты, особенно въ приложеніи къ грунту нынѣшней площади харама, Кондеромъ, продолжателемъ работъ англійской экспедиціи въ Палестинѣ послѣ Вильсона и Варрена, въ его сочиненіи: Tent Work in Palestine, 1, 346—361. По его плану, продольныя линіи внутренняго двора храма вмѣщались между подземельями № 1 (по плану Вильсона) на сѣверѣ и № 5 на югѣ, причемъ то и другое подземелье въ линію внутренняго двора не входило. Изъ поперечныхъ линій внутренняго двора западная проходитъ по западной сторонѣ мечети Омара, а восточная въ разстояніи 460

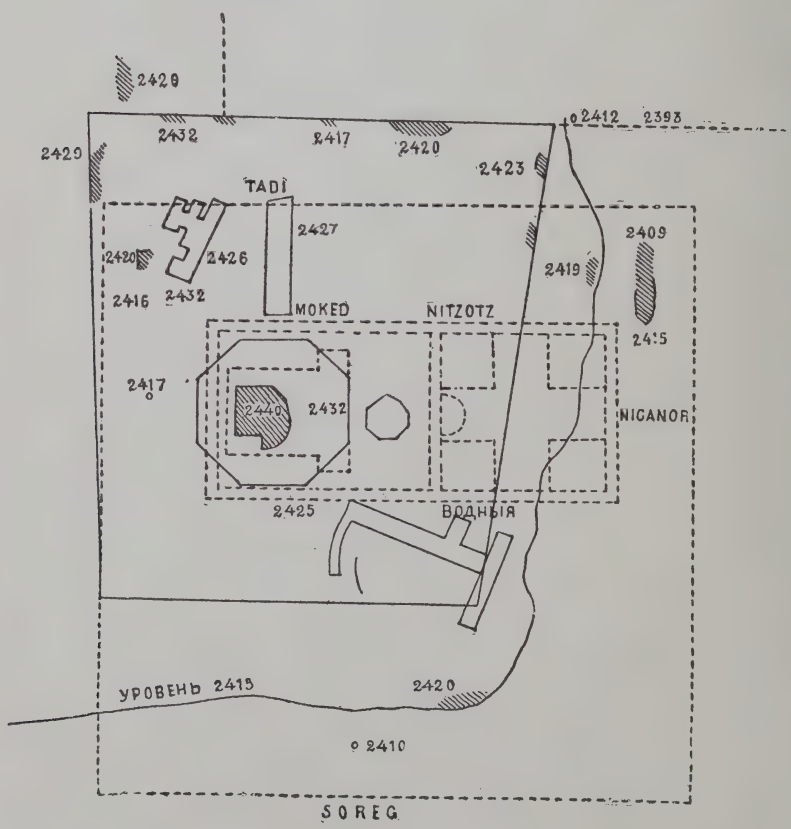
ветхозавѣтнаго храма лежалъ въ томъ мѣстѣ, которое и теперь считается наиболѣе священнымъ. См. напр. Revue des deux mondes, 1881, 15 Juillet, p. 296. Самыя послѣднія записки изъ путешествія по Палестинѣ, какія только намъ извѣстны, именно: Belloc Jérusalem, Souvenirs d'un Voyage en Terre Sainte, помѣщаютъ святоесвятыхъ на скалѣ мечети Омара, а жертвенникъ всесожженій на востокъ отъ мечети, на мѣстѣ Куббетъ ес-Силсиле (253, 255), а также Liévin de Hamme (Das heilige Land, переводъ съ франц. 1887, I, 325).

футовъ на востокъ. Въ образовавшемся такимъ образомъ внутреннемъ четыреугольникѣ корпусъ самаго храма весь падаетъ на нынѣшнее мѣсто мечети Омара; восточная линія притвора храма есть восточный фасадъ мечети Омара. Мѣстомъ святаго святыхъ была священная скала мусульманъ, а остальная западная часть мечети образовала уже заднюю часть двора за храмомъ. Мѣсто жертвенника всесожженій какъ разъ соотвѣтствуетъ мѣсту нынѣшней часовни на восточной сторонѣ мечети, извѣстной подъ именемъ Мегкеме пророка Давида [1]. Ворота священническаго двора Бетъ-Мокедъ показаны на южномъ концѣ подземелья № 1, тогда какъ на сѣверномъ его концѣ имъ отвѣчаютъ ворота Тади. Кромѣ этого, сравнительно небольшого, внутренняго двора, Кондеръ показываетъ на своемъ планѣ другой большой внутренній дворъ по точной цифрѣ мишны 500 локтей длины и ширины, что, по его мнѣнію, равняется 666 футамъ. Границами, по которымъ долженъ быть описанъ квадратъ 666 футовъ вокругъ основного внутренняго двора, служитъ на западѣ линія верхней платформы, а на сѣверѣ линія, проведенная по сѣвернымъ концамъ подземелій № 1 и № 3; на югѣ и востокѣ линіи двора, не оставившія никакихъ слѣдовъ, должны быть проведены по точной мѣрѣ 666 футовъ отъ стороны западной и сѣверной. Найденный такимъ образомъ четыреугольникъ есть δρύφακτος Іосифа Флавія и Soreg мишны, т. е. та граница, чрезъ которую не должны были переступать язычники и на которой были запрещающія надписанія. Что же касается остальнаго про-

[1] Еще иначе эта часовня называется Куббетъ ес-Силсиле, т. е. *куполъ цѣпи,* нѣкоторой таинственной цѣпи, соединяющей данное мѣсто съ небомъ. Можетъ быть здѣсь подъ цѣпью разумѣется лѣстница патріарха Іакова, видѣніе которой, по нѣкоторымъ преданіямъ, было также на мѣстѣ жертвенника ветхозавѣтнаго храма.

*

странства нынѣшняго харама, то оно все входило въ область двора языковъ, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго угла, во взглядѣ на который Кондеръ слѣдуетъ Варрену. Но дворъ языковъ не есть то пространство, которое Іосифъ измѣряетъ одною стадіею длины и ширины, а мишна 500 локтями. Такое свое распредѣленіе карты древняго храма Кондеръ основываетъ на сравнительномъ соотношеніи уровней грунта на площади харама. Если слѣдовать древнимъ описаніямъ, то самымъ возвышеннымъ пунктомъ ветхозавѣтнаго святилища нужно считать мѣсто святаго святыхъ, но такой самый высокій пунктъ есть нынѣ скала въ мечети Омара, воз-



вышающаяся на 2,440 футовъ надъ моремъ. Дворъ жертвенника всесожженій, по описанію мишны, былъ на 6 локтей ниже, т. е. имѣлъ высоту 2,432 фута, каковая высота и найдена на мѣстѣ такъ называемаго Мегкеме пророка Давида. Ворота священническаго двора, сѣверныя и южныя, должны были имѣть уровень 2,425 футовъ,—каковой уровень скалы и оказывается у подземелій № 1 и № 5, у которыхъ показаны ворота Мокедъ и Водныя. Дворъ женщинъ, на основаніи подъемовъ, описанныхъ въ мишнѣ и у Маймонида, нужно полагать на уровнѣ 2,418 фут. 6 дюймовъ; и на мѣстѣ двора женщинъ, по плану Кондера, скала горы Моріа имѣетъ уровень 2,419 футовъ. Наконецъ ограда Soreg должна была имѣть уровень 2,410 фут. на восточной сторонѣ. На планѣ Кондера (стр. 788) по этой линіи скала видна на уровнѣ 2,409—2,406 футовъ.

Можно ли принять это мнѣніе Кондера? Не говоря уже о томъ, что при такомъ взглядѣ, какъ уже намъ извѣстно, храмъ и его внутренній дворъ подвинутся на востокъ дальше, чѣмъ это требуется древними свидѣтельствами, и то новое основаніе, на которомъ стоитъ Кондеръ, соизмѣреніе террасо-виднаго расположенія храма съ нынѣшними уровнями основного грунта харама еш-шерифъ, не имѣетъ доказательной силы. Съ одной стороны, Кондеръ основывается на неточныхъ цифрахъ, когда говоритъ о нынѣшнихъ уровняхъ скалы горы Моріа, потому что эти уровни не опредѣлены со всею точностію во всѣхъ пунктахъ харама. Съ другой стороны, нельзя утверждать, что уровень террасъ ветхозавѣтнаго храма былъ тотъ же уровень мѣстной скалы, потому что дворы храма имѣли много насыпной земли и искусственную мостовую. Квадратъ 500 локтей, принятый Кондеромъ какъ Soreg мишны и δρύφακτος Іосифа

Флавія, т. е. какъ внутренняя граница двора языковъ, былъ бы безспорно хорошимъ выходомъ изъ затрудненій, порождаемыхъ несоотвѣтствіемъ мѣры храма по Іосифу и мишнѣ и мѣры нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ. Но остается еще далеко недоказаннымъ, что именно эту границу δρύφακτος разумѣли Іосифъ и мишна въ описываемомъ ими квадратѣ 500 локтей и одной стадіи. Самая цифра 666 футовъ (число звѣрино, Апок. 13, 18) подозрительна. О другихъ частныхъ пунктахъ отождествленія Кондера достаточно замѣтить, что ворота Тади не могли быть въ оградѣ δρύφακτος, но принадлежали, во всякомъ случаѣ, внѣшней сѣверной стѣнѣ храмового мола.

Другое мнѣніе, что скала мечети Омара, мѣсто нынѣшняго поклоненія мусульманъ, была не подъ внутреннимъ отдѣленіемъ святаго святыхъ храма, а подъ жертвенникомъ всесожженій, какъ его основаніе, имѣетъ своими представителями того же извѣстнаго намъ графа Вогюэ въ его сочиненіи Les églises de la Terre sainte (279), Берн. Штаде въ сочиненіи Geschichte des Volkes Jsrael (324, 334) и К. Шика въ сочиненіи Beit el Makdas (7—9) и въ его модели іерусалимскаго храма [1]. Если считать священную скалу мусульманъ мѣстомъ жертвенника всесожженій, а не святаго святыхъ, тогда указанная выше широта восточной части двора увеличится почти на 80 локтей, а внѣшній дворъ на западной сторонѣ въ такой же мѣрѣ уменьшится. Достанетъ ли его для установки храма? Отъ западной черты священной скалы мусульманъ до

[1] Это мнѣніе рекомендуется въ Isambert. Itinéraire de l'Orient Palestine, 279. Мимоходомъ высказались за это мнѣніе Соси (Voyage en Terre Sainte, 1872, I, 121), Адлеръ (Der Felsendom, 19), Сеппъ (Allgem. Zeitung, 1883, № 206, стр. 3026) и другіе.

внѣшней западной стѣны харама 325 футовъ. Между тѣмъ отъ западной стороны жертвенника всесожженій до западной стѣны двора священниковъ и западнаго вала (chel) включительно, по вычисленію мишны, было 148 локтей или 222 фута. Слѣдовательно для западной части внѣшняго двора остается почти 100 футовъ; выключивъ 45 футовъ для галлереи, получимъ открытую часть западнаго двора 55 футовъ широты. Это немного, но и іудейское преданіе эту часть внѣшняго двора считаетъ самою незначительною. Но здѣсь представляется новое возраженіе со стороны неровности грунта въ направленіи на западъ отъ священной скалы. По разсматриваемой гипотезѣ, корпусъ храма долженъ былъ стоять на самой лѣстницѣ, соединяющей нынѣ верхнюю платформу харама съ нижнею. „Между тѣмъ, говоритъ Варренъ, храмъ долженъ былъ стоять не на спускѣ или впадинѣ горы, но на ея вершинѣ, гдѣ было гумно Орны (Recovery 315)“. Это, конечно, справедливо. Но и вершина горы не была ровною площадью. При закладкѣ основанія храма ее нужно было выровнять, т. е. болѣе низкую часть подвести до уровня болѣе высокой. И это выровненіе мѣста, какое разсматриваемая гипотеза предполагаетъ при построеніи зданія самаго храма, не имѣло ничего общаго съ выровненіемъ площади окружающихъ храмъ дворовъ чрезъ постройку мола и возведеніе земляныхъ насыпей. По свидѣтельству Іосифа Флавія (Antiqu. VIII, 3, 2), выровненіе мѣста для корпуса храма было сдѣлано изъ большихъ камней и доходило до 60 локтей высоты, вѣроятно только на западной сторонѣ, гдѣ было большее ниспаденіе грунта. Но это не была компактная масса камней, а такое же выровненіе грунта сводами, какое мы знаемъ на юго-восточномъ углу харама. Вмѣстѣ съ храмомъ, на такихъ

же подземныхъ сводахъ лежала и западная часть внутренняго двора священниковъ съ своими боковыми постройками [1]. Такъ какъ, при разрушеніи храма до его основаній, были разрушены и державшіе его подземные своды, то этимъ объясняется значительное сокращеніе верхней платформы харама на западѣ, сравнительно съ ея древнимъ видомъ [2]. Такимъ образомъ, со стороны условій мѣстнаго грунта нѣтъ препятствій принять гипотезу К. Шика о мѣстѣ нахожденія корпуса ветхозавѣтнаго храма. Далѣе, она подтверждается свидѣтельствомъ мусульманскаго преданія. Невозможно допустить, чтобы мусульмане, наслѣдовавшіе площадь ветхозавѣтнаго храма, избрали для своего поклоненія въ такъ называемой священной скалѣ второстепенный пунктъ по плану древняго храма. Шейхи мечети Омара изъ рода въ родъ повторяютъ одно и то же, что на священной скалѣ сыны Израиля приносили свои жертвы. Едризи, арабскій географъ, дѣлавшій описаніе площади въ 1154 году для сицилійскаго короля Рожера, говоритъ: „западныя ворота купола скалы (мечети Омара) лежатъ противъ жертвенника, на которомъ приносили жертвы сыны Израиля“ [3] (Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins, Band VIII, 125). Въ 1322 году Джонъ Маундвиль писалъ о мечети Омара: „въ срединѣ храма есть

[1] Сюда относится слѣдующее свидѣтельство Меджиръ ед-Дина (Mines d'Orient, 91): «на западной сторонѣ купола Скалы (мечети Омара) есть камни, бывшіе здѣсь, какъ говорятъ, во время Давида. Они вкоренились въ почву и никогда не сдвигались съ мѣста».—[2] Что западная линія верхней платформы сохранилась не въ первоначальномъ своемъ видѣ, видно изъ того, что она не параллельна западной стѣнѣ ограды харама.—[3] Впрочемъ, это мѣсто можно понимать двояко: жертвенникъ сыновъ Израиля могъ быть на восточной сторонѣ предъ западными воротами, т. е. въ самой мечети, на священной скалѣ, и на противоположной западной сторонѣ, гдѣ также указывали мѣсто принесенія голубиной жертвы евреями (Тоблеръ, 1, 599). Но, само собою разумѣется, что отодвигать жертвенникъ всесожженій еще далѣе на западъ отъ скалы мечети Омара

нѣсколько помостовъ высотою въ 14 ступеней; всѣ окружены хорошими колоннами; евреи называли это мѣсто святое святыхъ. Туда никто не восходитъ, кромѣ сарацинскаго священника, приносящаго ихъ жертвы. Народъ же стоитъ вокругъ на площадкахъ, по рангу, такъ что жертвоприношеніе всѣ могутъ видѣть" (Maundeville, The voiage and travaile, изд. Wright, 170). Если справедливо то, что говоритъ здѣсь Маундвиль о мусульманскомъ жертвоприношеніи на скалѣ мечети Омара, то такое жертвоприношеніе могло явиться здѣсь только въ воспоминаніе о совершавшемся именно на этой скалѣ древнееврейскомъ жертвоприношеніи. Но вѣроятнѣе предположить, что Маундвиль былъ обманутъ имамами мечети, имѣвшими свои причины неудовольствія на этого путешественника, такъ какъ онъ вошелъ въ мечеть, подъ защитою султанскаго фирмана, въ такое время, когда христіанинъ, ступившій на площадь харама, не могъ оставаться живымъ. Жертвоприношеніе же, о которомъ здѣсь говорится, какъ приносившемся на скалѣ мечети Омара, есть не сарацинское, а древнееврейское.

Есть ли въ самой скалѣ мечети Омара какіе-нибудь слѣды стоявшаго здѣсь ветхозавѣтнаго жертвенника? По свидѣтельству мишны, на юго-западномъ углу жертвенника были такъ называемыя *ноздры,* одно при другомъ два отверстія, которыми проливавшаяся здѣсь кровь и вино стекали въ каналъ и отводились въ Кедрскій потокъ. Въ мостовой при жертвенникѣ былъ спускъ одного локтя длины и ширины, закрывавшійся каменною доскою; сюда сходили священники для прочищенія ка-

невозможно. Если на западъ отъ мечети Омара дѣйствительно былъ такой пунктъ, который преданіе называло мѣстомъ голубиной жертвы евреевъ и изъ котораго сарацины сдѣлали часовую башню (Тоблеръ, 1, 599), то такой пунктъ евреи могли изобрѣсть для себя только въ то время, когда скала мечети Омара стала недоступною для нихъ.

нала. Кромѣ того, на самомъ всходѣ жертвенника была яма, въ которую, между прочимъ, бросались отброски при голубиной жертвѣ. Всходъ же на верхнюю площадку жертвенника былъ, по Іезекіилю, на восточной сторонѣ, а по іудейскому преданію на южной сторонѣ. Удовлетворяетъ ли въ какой-нибудь мѣрѣ этимъ требованіямъ священная скала мусульманъ? При самомъ бѣгломъ осмотрѣ ея легко придти къ мысли, что здѣсь была какая-то священная эстрада, имѣвшая всходъ на восточной или юго-восточной сторонѣ,—такъ какъ поверхность скалы здѣсь легко понижается до уровня мостовой мечети, — и западною стороною обращенная къ какому-то еще болѣе священному и недоступному пункту, такъ какъ скала здѣсь обсѣчена въ видѣ отвѣсной недоступной скалы. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ общему представленію ветхозавѣтнаго жертвенника, обращеннаго къ фронту недоступнаго святилища своею западною стороною, а къ предстоящему народу восточною наклонною стороною [1]. Если, по описанію мишны, на самомъ подъемѣ жертвенника была яма, въ которую бросались нѣкоторые отброски при жертвенныхъ операціяхъ, то и скала мечети Омара на своемъ подъемѣ, на юго-восточномъ углу, имѣетъ пробитую въ скалѣ яму 85 сантиметровъ въ діаметрѣ, впадающую въ большую и глубокую пещеру, называемую у мусульманъ пещерою или источникомъ душъ. Что касается приспособленій для стока жертвенной крови, то, какъ мы сказали, они должны были начинаться у

[1] Что скала въ такомъ видѣ не была обдѣлана крестоносцами, видно изъ того уже, что главный входъ въ Templum Domini крестоносцевъ былъ съ запада; слѣдовательно подъемъ на скалу для нихъ нуженъ былъ также съ западной стороны, а не съ восточной. Онъ и былъ сдѣланъ здѣсь изъ камня на сѣверо-западномъ углу, причемъ вся скала была выложена камнями и мраморомъ.

юго-западнаго угла жертвенника, въ видѣ двухъ яминъ-близнецовъ или ноздрей. Конечно искать этихъ ноздрей теперь нечего, потому что онѣ были проведены въ верхней насыпной части жертвенника. Но для насъ важно то, что, начиная именно отъ юго-западнаго угла скалы мечети Омара, по ея западной сторонѣ, идетъ вырубленный въ скалѣ каналъ, сначала открытый, на томъ мѣстѣ, гдѣ была верхняя насыпная часть жертвенника, затѣмъ, по ниспаденіи его съ верхней части скалы, закрытый. То мѣсто, гдѣ открытая часть постепеннымъ углубленіемъ переходитъ въ закрытую, лежитъ на сѣверной сторонѣ скалы и закрывается въ полу мечети большими каменными плитами, напоминающими ту мраморную съ кольцомъ доску, которою, по мишнѣ, закрывалось отверстіе кровеноснаго канала. Закрытая часть канала была прослѣжена Варреномъ на протяженіи 11 футовъ. Нынѣ она имѣетъ глубины 3 фута, но на самомъ дѣлѣ она глубже, такъ какъ на днѣ канала много земли и мусора. Стѣны прохода вырѣзаны въ скалѣ перпендикулярно, а вершина обдѣлана въ видѣ свода. Что значитъ этотъ проходъ? Такъ какъ онъ поставленъ въ явную связь съ открыто лежащею нынѣ частію канала, начинающагося наверху священной скалы, и притомъ въ ея юго-западномъ углу, то мы имѣемъ право заключать, что это есть историческій слѣдъ, свидѣтельствующій о древнемъ значеніи скалы. Варренъ, имѣвшій случай посѣтить эту подземную часть канала, нашелъ возможнымъ сказать о немъ только то, что этимъ путемъ стекала вода, когда омывали баллюстраду по принесеніи мусульманской жертвы (The Recovery, 223). Но самъ Варренъ тутъ же выражаетъ сомнѣніе, чтобы мусульмане когда-либо приносили здѣсь кровавую жертву. И никому другому не нуженъ былъ такой каналъ, связан-

ный съ вершиною горы Моріа, кромѣ древнихъ евреевъ, для которыхъ онъ имѣлъ значеніе того кровесточнаго канала отъ жертвенника всесожженій, о которомъ говоритъ мишна [1]. Во всякомъ случаѣ этотъ каналъ и по своему виду имѣетъ гораздо болѣе правъ считаться кровеносною артеріей ветхозавѣтнаго храма, чѣмъ громадный 30 футовъ глубины прудъ, указываемый для этой цѣли Варреномъ на мѣстѣ, совершенно забытомъ преданіемъ. Если же такъ, то значитъ ошибался и Соси, называвшій кровесточнымъ каналомъ открытый имъ подземный каналъ подъ тройными воротами. Начинаясь, согласно съ мишною, на юго-западномъ углу жертвенника, кровесточный каналъ прежде всего направлялся не на югъ, а на сѣверъ, сначала подъ массивомъ самаго жертвенника (эта часть его нынѣ открыта), потомъ, какъ и въ настоящее время, въ грунтѣ горы подъ помостомъ, съ постепеннымъ углубленіемъ, по мѣрѣ углубленія натуральнаго грунта скалы подъ насыпною землею. Вмѣстѣ съ этимъ углубленіемъ, его сѣверное направленіе должно было измѣниться въ сѣверо-восточное, по склону горы, къ Кедрскому потоку, какъ говоритъ мишна. Но кровеносный каналъ не могъ выходить въ Кедрскую долину въ томъ или другомъ случайномъ пунктѣ, но выходилъ въ извѣстную уже намъ сѣверную или сѣверо-восточную „отлученную“ часть храма, гдѣ, какъ говоритъ та же мишна, кровь стекала въ особый бассейнъ и продавалась священниками, какъ удобреніе для садовъ.

Почти въ томъ же направленіи кровеноснаго канала, но гораздо глубже его по уровню, идетъ другой, гораздо болѣе обширный, подземный проходъ, начинающійся

[1] Возможно, что происхожденіе этого канала относится ко времени Симона праведнаго, около 300—270 года до Р. Хр. См. Graetz, Geschichte der Juden, II (B) 238.

большою и глубокою пещерою подъ самою священною скалою мечети Омара и потомъ переходящій въ то большое подземелье, которое Варренъ называетъ № 1. Мы уже видѣли, что въ скалѣ мечети Омара есть пробитое въ пещеру отверстіе, чрезъ которое, какъ мы предположили, сбрасывали въ пещеру пепелъ, разные ненужные отброски при жертвоприношеніи животныхъ и птицъ и всякую другую нечистоту, которую могли оставить приведенныя сюда жертвенныя животныя. Но, спрашивается, какимъ путемъ вся эта нечистота выносилась затѣмъ изъ пещеры? Переносить это открыто чрезъ всѣ дворы было и неудобно, а въ случаяхъ большихъ стеченій народа даже невозможно. И вотъ предусмотрительный строитель храма устраиваетъ подземный выходъ изъ пещеры пепла и нечистотъ. На существованіе такого искусственнаго выхода намекаетъ преданіе, когда говоритъ, что выносившіе пепелъ священники встрѣчали на своемъ пути, по лѣстницамъ, какія-то опасности (талм. Іома, 22, 1). Но, само собою разумѣется, что никакихъ опасностей не могло быть на открытыхъ наружныхъ лѣстницахъ дворовъ храма. Слѣдовательно, здѣсь разумѣются опасности подземнаго перехода. Можетъ быть въ дальнѣйшемъ теченіи этотъ ходъ сливался съ тѣмъ подземнымъ ходомъ, который, какъ мы уже знаемъ, шелъ отъ Бетъ-Мокедъ къ купальнѣ Тери. Во всякомъ случаѣ даже той части подземелья № 1, какая открыта въ настоящее время, было совершенно достаточно, чтобы изъ пещеры пепла пройти подъ дворомъ священниковъ, слѣдовательно выйти съ пепломъ во дворъ внѣшній. Такимъ образомъ въ самой скалѣ мечети Омара мы находимъ ясные слѣды, удостовѣряющіе значеніе этого пункта, какъ подлиннаго мѣста жертвенника всесожженій. Исходя изъ такого значенія

скалы мечети Омара, и слѣдовательно помѣщая корпусъ храма между мечетью Омара и западною стѣною площади харамъ еш-шерифъ, мы поймемъ, почему, по іудейскому преданію, Шехина (божественное присутствіе) ощутительна именно въ западныхъ остаткахъ ограды храма (Hottinger, Cippi hebr. Heid. 1662, 41. Талм. B. Bathra 25, 1) и почему бывшія здѣсь ворота въ преданіи даже у магометанъ назывались воротами Sakina (Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins, 1881, 92).

Что касается остальныхъ подземелій, то № 5 было море внутренняго двора храма. Извѣстно, что въ первомъ храмѣ необходимая для богослужебныхъ потребностей вода держалась въ большомъ сосудѣ Хирама, называвшемся по величинѣ моремъ. Въ храмѣ Ирода, кромѣ искусственнаго моря, является еще другое, болѣе естественное море, бассейнъ для воды № 5. Надъ бассейномъ здѣсь стояло большое зданіе съ искусственнымъ снарядомъ Бенъ-Катина, поднимавшимъ воду изъ глубокаго бассейна и направлявшимъ ее въ мѣста жертвенныхъ омовеній. Мѣсто цистерны № 5 весьма хорошо совпадаетъ съ мѣстомъ храмовой *камеры и воротъ воды* въ ихъ отношеніи къ мѣсту жертвенника. Что касается третьяго подземелья, обратившаго на себя вниманіе Варрена, означеннаго на его планѣ подъ № 3, то, судя потому, что оно направлено къ мѣсту самаго храма, мы считаемъ его передѣланнымъ впослѣдствіи остаткомъ того подземнаго хода, который, начинаясь отъ зданія Парва, бывшаго при сѣверной стѣнѣ внутренняго священническаго двора, приводилъ подъ святое святыхъ или вообще въ подвалы храма, такъ какъ намъ извѣстно, что, для выровненія мѣста храму, были построены подъ нимъ, особенно подъ западною его стороною, высокіе подземные своды въ видѣ основанія для храма. Наро-

читый подземный ходъ сюда показываетъ, что подземные своды, бывшіе подъ храмомъ, такъ или иначе были утилизированы, можетъ быть были складомъ орудій для ремонтировки и чистки храма, окружающихъ его зданій и галлерей и мостовыхъ двора [1]. Весьма любопытно, что подземелье № 30, въ которомъ Варренъ призналъ одни изъ четырехъ западныхъ воротъ внѣшняго двора, и соединенный съ воротами подземный ходъ, подобный подземному ходу отъ воротъ Барклея, почти доходитъ до границы внутренняго двора на западѣ, и что его линія, продолженная на востокъ, встрѣчается съ линіею подземнаго прохода № 3 подъ самымъ храмомъ. Еще прежде, линія подземелья № 3 встрѣчается съ подземельемъ № 4, въ которомъ, на 11 футовъ ниже платформы, какой то остатокъ древняго хода былъ найденъ Варреномъ, но не обслѣдованъ.

И такъ гипотеза о священной скалѣ мечети Омара, какъ мѣстѣ жертвенника всесожженій, принятая К. Шикомъ при устройствѣ его модели іерусалимскаго храма, не будучи новою гипотезою, тѣмъ не менѣе есть лучшая между другими новѣйшими гипотезами, отодвигающими жертвенникъ и храмъ то на сѣверъ, то на югъ отъ мечети Омара. Нужно сказать, что эти послѣднія гипотезы обратили на себя вниманіе главнымъ образомъ потому, что онѣ, повидимому, служили въ пользу модныхъ теорій о неподлинности то сѣверной, то южной части площади харамъ еш-шерифъ. Вогюэ, соглашав-

[1] Съ этимъ подземельемъ были связаны какіе то суевѣрные обряды и волхвованія. Іудейское преданіе говоритъ, что нѣкто волшебникъ Парва, желая, для своихъ цѣлей, наблюдать служеніе первосвященника въ день Очищенія, прорылъ, при помощи волшебныхъ силъ, подземный ходъ до святаго святыхъ. Его нашли въ подземельи и назвали это послѣднее его именемъ (Ioma, 35, 1. Aruch). Именемъ волшебника Парвы называется еще какая то птица, служившая для заклинаній (Chull. 62, 2).

шійся сначала, въ первомъ своемъ сочиненіи: Les églises de la Terre Sainte, что мѣстомъ жертвенника всесожженій была скала мечети Омара, въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи о храмѣ іерусалимскомъ перешелъ къ другой гипотезѣ сѣвернаго положенія жертвенника всесожженій у цистернъ № 1 и № 3, потому что это соотвѣтствовало предположенному имъ отсѣченію цѣлой трети площади харама на югѣ отъ области Соломонова храма. Напротивъ Варренъ, настаивающій больше на неподлинности сѣверной части нынѣшняго харама и отсѣкающій ее на планѣ не только Соломонова, но и Иродова храма, обязанъ былъ поискать другого центра святилища на югъ отъ священной скалы мусульманъ и мечети Омара. Слѣдовательно, торжество гипотезы жертвенника всесожженій на скалѣ мечети есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжество давняго мнѣнія о подлинности всей нынѣшней площади харама, въ отношеніи къ ветхозавѣтному святилищу, во всю ея длину и ширину. Поэтому и К. Шикъ, признающій мѣсто жертвенника на скалѣ мечети Омара, обнаружилъ непослѣдовательность, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, для площади Соломонова храма удержалъ ту сокращенную сѣверную линію, какая была выведена Варреномъ. Но эту свою ошибку К. Шикъ исправляетъ на модели Иродова храма, гдѣ, по крайней мѣрѣ, наружнымъ образомъ, включена въ границы храма какъ вся сѣверная, такъ и вся южная часть харама.

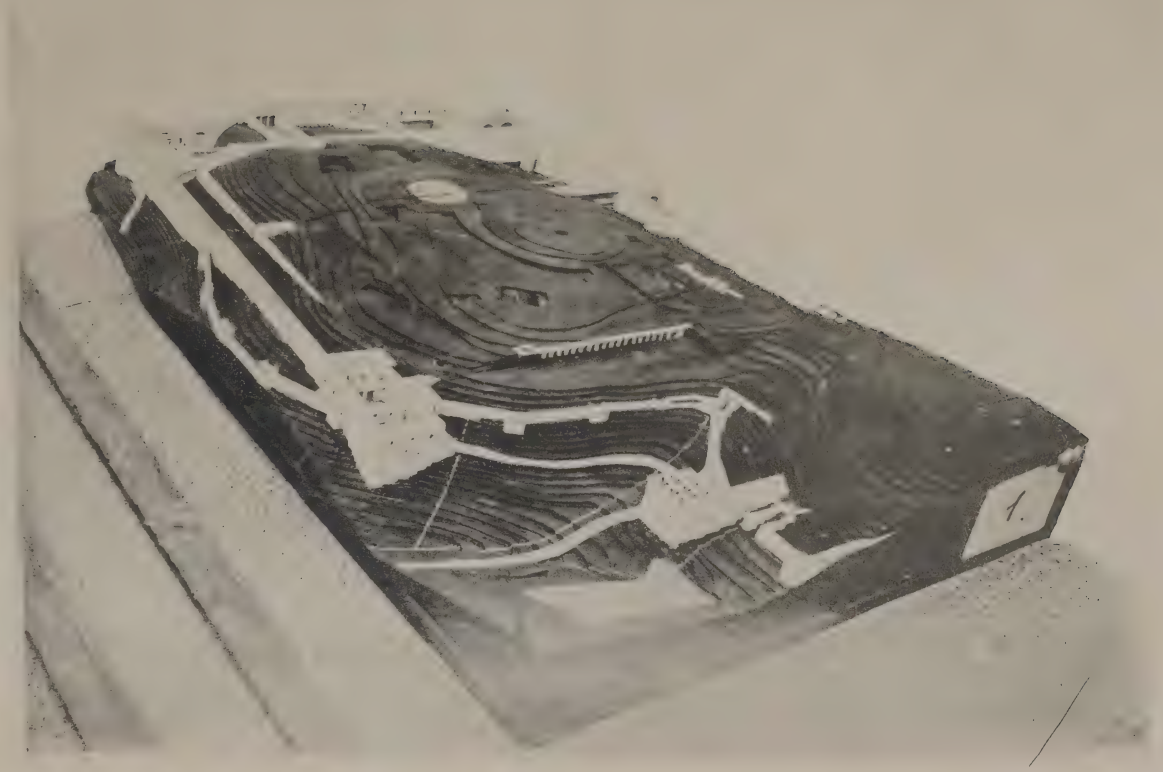
Идти далѣе въ своихъ разысканіяхъ, указывать на нынѣшней площади харама линіи стѣнъ корпуса храма и всѣхъ окружавшихъ его зданій и стѣнъ внутреннихъ дворовъ, словомъ — создавать не воображаемый, а дѣйствительный планъ ветхозавѣтнаго храма, на основаніи его дѣйствительной почвы и по сохранившейся его мѣркѣ, въ настоящее время нѣтъ никакой научной воз-

можности. Для этого потребовалось бы снять всю мостовую верхней платформы храма, раскопать площадь по всѣмъ направленіямъ и осмотрѣть сохранившіеся подъ нею слѣды древнихъ построекъ такъ же свободно, какъ осматриваются другія покинутыя древнія развалины. Но такъ какъ это невозможно, такъ какъ мы обязаны довольствоваться тѣмъ, что мы знаемъ о расположеніи внутренняго двора и храма на основаніи однихъ письменныхъ свидѣтельствъ, независимо отъ закрытаго таинственною пеленою мѣстнаго грунта, то и вопросъ о ветхозавѣтномъ храмѣ не можетъ быть рѣшенъ окончательно. При такихъ обстоятельствахъ и всѣ приговоры касательно правильности или неправильности того или другого проекта храма могутъ имѣть только относительное значеніе. Трудно предвидѣть, что укажутъ дальнѣйшія раскопки того грунта, въ которомъ, по преданію, доселѣ хранится ковчегъ завѣта и древній Мойсеевъ свитокъ закона. Отказываясь, такимъ образомъ, отъ мысли прибавлять къ существующимъ планамъ свой новый планъ храма, взамѣнъ этого, мы познакомимъ читателей нашихъ съ подробностями неоднократно уже упомянутой нами модели іерусалимскаго храма Конрада Шика, этого поистинѣ монументальнаго произведенія науки и искусства, справедливо признаннаго вершиною доступнаго въ настоящее время знанія о ветхозавѣтномъ храмѣ. Нужно замѣтить, что К. Шикъ, по его собственному признанію, посвятилъ вопросу о храмѣ ветхозавѣтномъ досуги 35 лѣтъ жизни, слѣдовательно передумалъ объ этомъ предметѣ не меньше знаменитаго Вилляльпанда. Но Шикъ былъ счастливѣе Вилляльпанда тѣмъ, что, живя постоянно въ Іерусалимѣ, онъ имѣлъ возможность не пропустить безъ своего наблюденія и изученія ни одного изъ тѣхъ открытій, какія дѣлались въ об-

ласти харама какъ преднамѣренно европейскими изслѣдователями, такъ и случайно при реставраціяхъ и починкахъ на площади харамъ еш-шерифъ.

Модель К. Шика сдѣлана изъ дерева въ масштабѣ $^1/_{200}$. Она представляетъ четыреугольникъ 2,60 метр. длины, 1,68 метр. ширины и (безъ верхнихъ снимающихся частей) 0,70 метр. высоты. Для удобства при передвиженіи, ея массивъ раздѣляется на три части. Къ этому постаменту модели храма приспособлены разныя, также вырѣзанныя изъ дерева, части храмовыхъ построекъ, накладывающіяся на постаментъ и изображающія четыре фазы изъ исторіи площади храма. Прилагаемые фотографическіе снимки съ модели сняты съ ея сѣверо-восточнаго пункта.

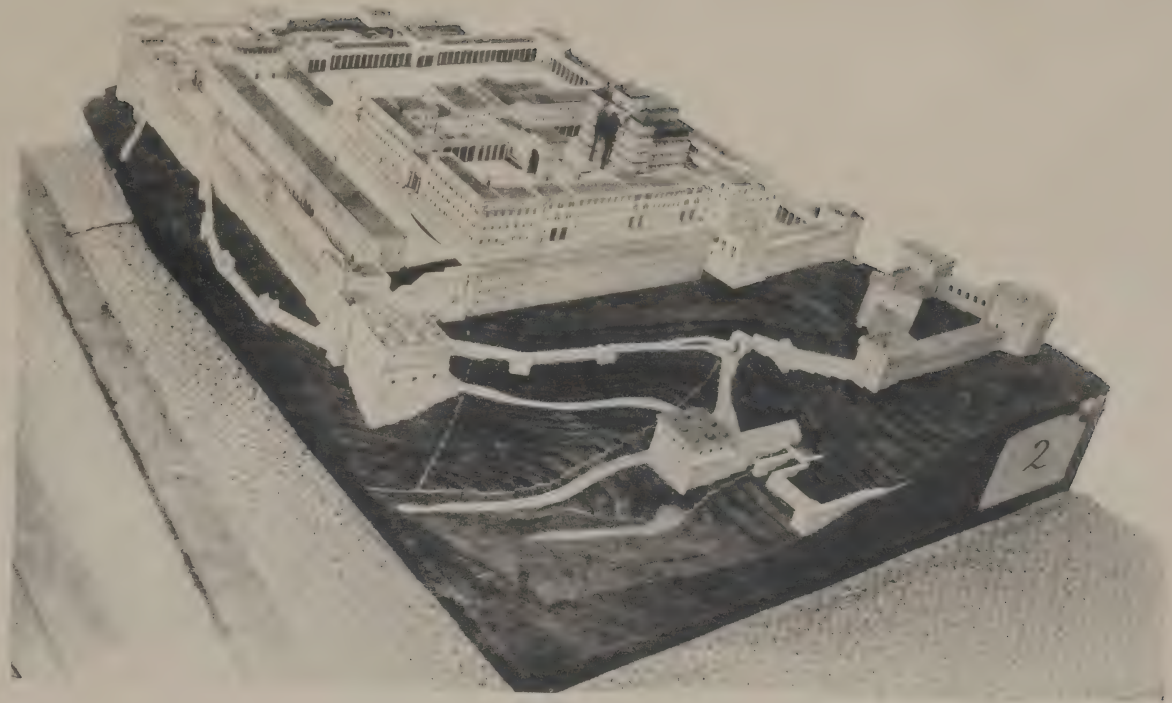
Снимокъ № 1 представляетъ первый фазисъ горы Моріа. Темнымъ цвѣтомъ обозначена мѣстная скала, еще не покрытая никакими наслоеніями земли. Еще болѣе темныя линіи на темномъ фонѣ представляютъ ступенеобразные подъемы горы, каждый въ 5 футовъ (1,48 метр.) высотою. По теченію этихъ линій можно видѣть, что на сѣверо-восточной сторонѣ въ гору храма врѣзывается большое, хотя несквозное ущелье. Бѣлыя линіи представляютъ сохранившіяся донынѣ *подземныя* основанія Соломоновыхъ построекъ. При этомъ восточная стѣна храмового мола оканчивается у нынѣшняго Тахтъ Сулейманъ, а слѣдъ сѣверной стѣны храмового мола показанъ по Варрену. Остальная сѣверная часть площади харамъ еш-шерифъ, испорченная ущельемъ, лежитъ внѣ области храма. Бѣлѣющія здѣсь постройки представляютъ независимый отъ храма „домъ овецъ“ и остатокъ городской стѣны. Возвышенный пунктъ сѣверо-западнаго угла площади харама пустъ, точно такъ же, какъ и другой высшій пунктъ горы — скала мечети Омара. Нѣ-



ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВИДЪ ГОРЫ МОРІА

ПО МОДЕЛИ К. ШИКА.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.



ХРАМЪ СОЛОМОНА

ПО МОДЕЛИ К. ШИКА.

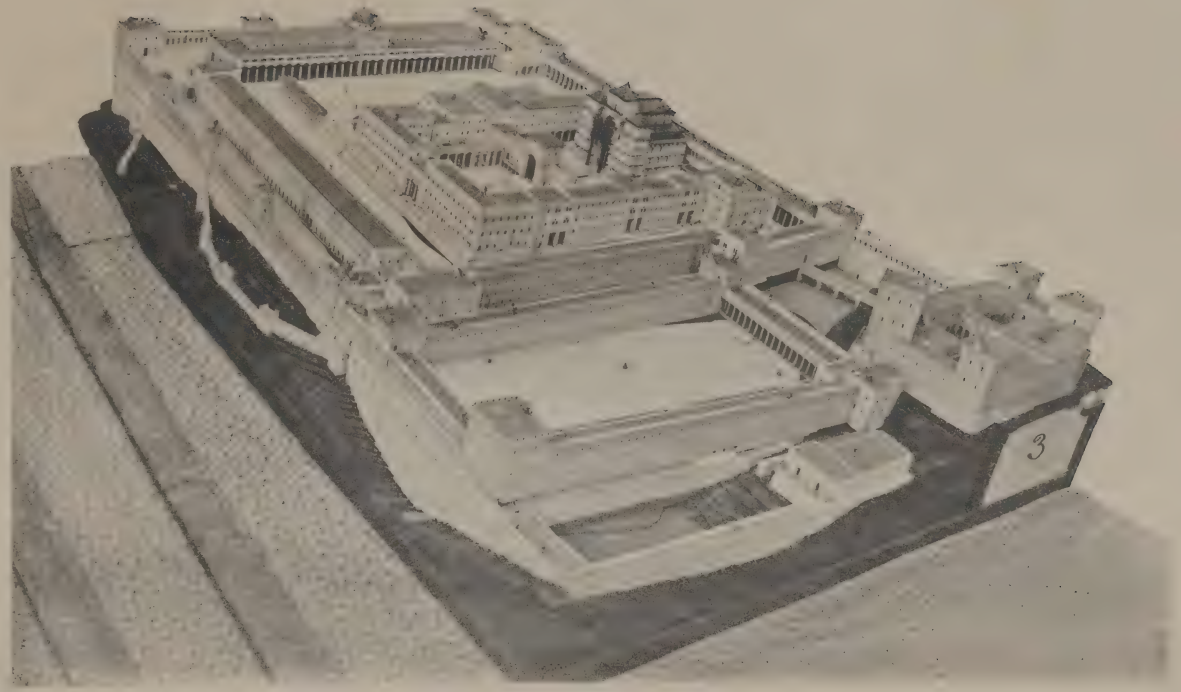
Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

сколько дальше и ниже этого послѣдняго пункта, круглое бѣлое пятно есть гумно Орны Іевусеянина, а еще нѣсколько дальше вырубленная въ скалѣ яма — мѣсто храма и жертвенника по Варрену.

Фотографическій снимокъ № 2 представляетъ модель Соломонова храма въ готовомъ его видѣ. Сѣверная часть площади осталась въ такомъ же видѣ, въ какомъ она была на предшествующемъ снимкѣ, такъ какъ она не вошла въ границы храма. Только на возвышеніи нынѣшняго сѣверо-западнаго угла явились одинокія башни Хананелъ и Меа, отъ которыхъ идетъ городская стѣна къ восточной границѣ храма. Высокая сѣверная стѣна внѣшняго двора имѣетъ на сѣверо-западной сторонѣ выступающую башню по Варрену. Южная стѣна храма на 300 футовъ не достигаетъ до нынѣшней южной границы харама, каковое пространство, согласно съ мнѣніемъ Варрена, заполнено зданіями Соломоновыхъ дворцовъ, а самый юго-западный уголъ, опять на основаніи Варрена, представляетъ пустопорожній клинъ съ мостомъ чрезъ первоначальное русло Тиропеона. Основанія дворцовъ на южной сторонѣ харама и моста яснѣе можно видѣть и на предъидущемъ снимкѣ № 1. Въ стѣнахъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго двора обращаетъ на себя вниманіе трехъ-этажное распредѣленіе оконъ и внутреннихъ аппартаментовъ. Въ сѣверной стѣнѣ внутренняго двора видны трое двухчастныхъ воротъ; четвертыя ворота, въ угловомъ зданіи Бетъ-Мокедъ, не видны; такихъ же четверо воротъ и въ южной сторонѣ внутренняго двора. Корпусъ самаго храма, кромѣ трехъ этажей такъ называемыхъ боковыхъ пристроекъ, соотвѣтствующихъ высотѣ залы святаго, имѣетъ еще одинъ ярусъ, такъ называемыя верхнія горницы. Жертвенникъ всесожженій стоитъ на скалѣ Куббетъ ес-Сахра; онъ засло-

ненъ на снимкѣ воротами Никанора, ведущими полукруглою лѣстницею въ такъ называемый дворъ женщинъ. Въ расположеніи внѣшняго двора замѣчательно то, что съ востока онъ имѣетъ двѣ стѣны: одну стѣну по линіи нынѣшней восточной стѣны харама, а другую въ небольшомъ разстояніи на западъ, на той линіи, гдѣ оканчивается мѣра одной стадіи Іосифа Флавія. Фундаментъ этой второй восточной стѣны можно видѣть и на первомъ снимкѣ. Впереди восточнаго мола храма видна полукругомъ загибающаяся здѣсь городская стѣна, идущая отъ башенъ Хананелъ и Меа.

Снимокъ № 3 представляетъ модель храма Ирода. Здѣсь картина сѣверной части храма совершенно измѣнилась. Ближе всего виднѣется нынѣшній сѣверный прудъ Биркетъ Исраелъ. Затѣмъ то мѣсто, которое на предъидущихъ снимкахъ представлено въ видѣ дикаго ущелья, теперь выровнено и огорожено подъ именемъ башни Антонія и ея площади. Крайняя южная часть храмовой площади, бывшая подъ дворцомъ Соломона, теперь уже включена въ границы храма и пустопорожній клинъ юго-западнаго угла уже задѣланъ, по указанію Варрена. Не смотря однакожъ на такое расширеніе площади храма на сѣверѣ и югѣ, храмъ Ирода ничѣмъ не отличается отъ храма Соломонова: не только корпусъ самаго храма и окружность внутренняго двора оставлены безъ всякаго измѣненія, но и внѣшній дворъ языковъ остался тотъ же. Описываемыя Іосифомъ Флавіемъ знаменитыя галлереи, окружавшія дворъ языковъ, и даже хорошо видная на снимкѣ στοὰ βασιλική, остаются на мѣстѣ древней Соломоновой границы внѣшняго двора и имѣютъ опять одну стадію длины и ширины, какъ и въ храмѣ Соломона. Остающаяся отъ одной стадіи часть длины и ширины нынѣшняго харама представляетъ пред-



ХРАМЪ ИРОДА

ПО МОДЕЛИ К. ШИКА.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

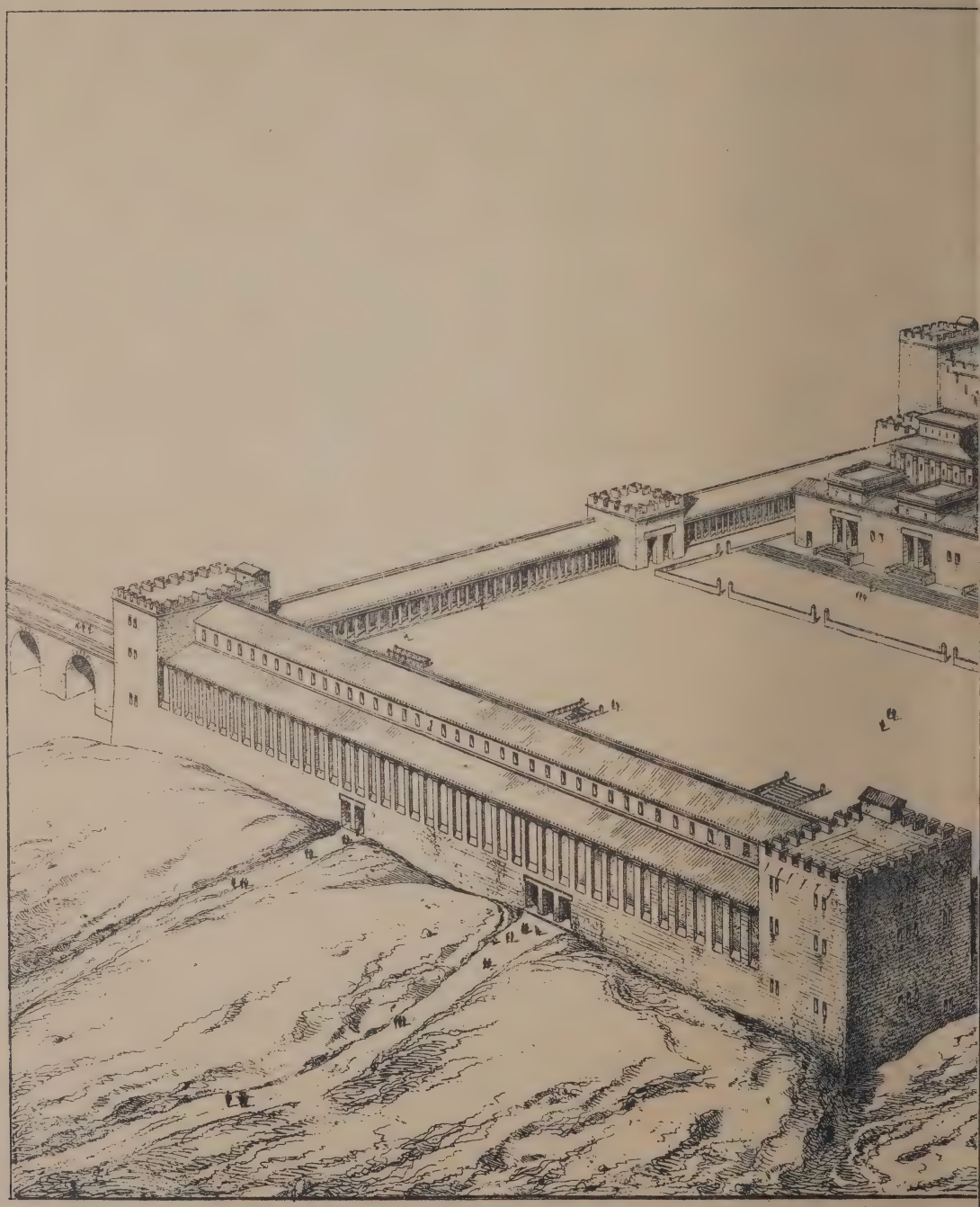
варительный внѣшній дворъ или, какъ его называетъ К. Шикъ, площадь храмового базара. Площадью базара служитъ и все вновь присоединенное къ храму мѣсто дворцовъ Соломона, остающееся за границею южной галлереи внѣшняго двора. Мостъ Робинсона выходитъ изъ базарной южной площади, а не изъ στοὰ βασιλική.

По поводу этой реставраціи ветхозавѣтнаго храма на модели К. Шика, мы должны замѣтить, что она сдѣлана ошибочно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она слѣдуетъ указаніямъ Варрена. Поэтому модель Соломонова храма № 2 мы не можемъ принять. Напротивъ, модель Соломонова храма мы скорѣе признали бы въ снимкѣ № 3. Только его сѣверную часть мы назвали бы другимъ именемъ: это не площадь казармъ, совершенно излишняя здѣсь въ такихъ размѣрахъ даже для Ирода, а отдѣленіе храмовыхъ складовъ. На сколько не тверда выраженная въ модели К. Шика идея внѣшняго *расширенія* храма въ его позднѣйшую фазу, видно изъ того, что сдѣланныя якобы Иродомъ прибавленія къ первоначальной площади на сѣверѣ и югѣ, если вѣрить модели, остаются лишними и ненужными прибавленіями, а храмъ не только своимъ внутреннимъ дворомъ, но и внѣшнимъ, не выходитъ изъ указанныхъ Соломономъ границъ и въ реставраціи Ирода. Мыслимое ли дѣло, чтобы Иродъ взялся расширить площадь древняго храма только для того, чтобы прибавить новую базарную площадь на югѣ къ уже существовавшей базарной площади на востокѣ? Была ли существенная надобность въ томъ, чтобы внѣшній дворъ храма со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ базарною площадью? Гораздо лучше будетъ объяснена вся совокупность древнихъ свидѣтельствъ о ветхозавѣтномъ храмѣ, если представленную К. Шикомъ модель № 3 понять не въ смыслѣ расширенной

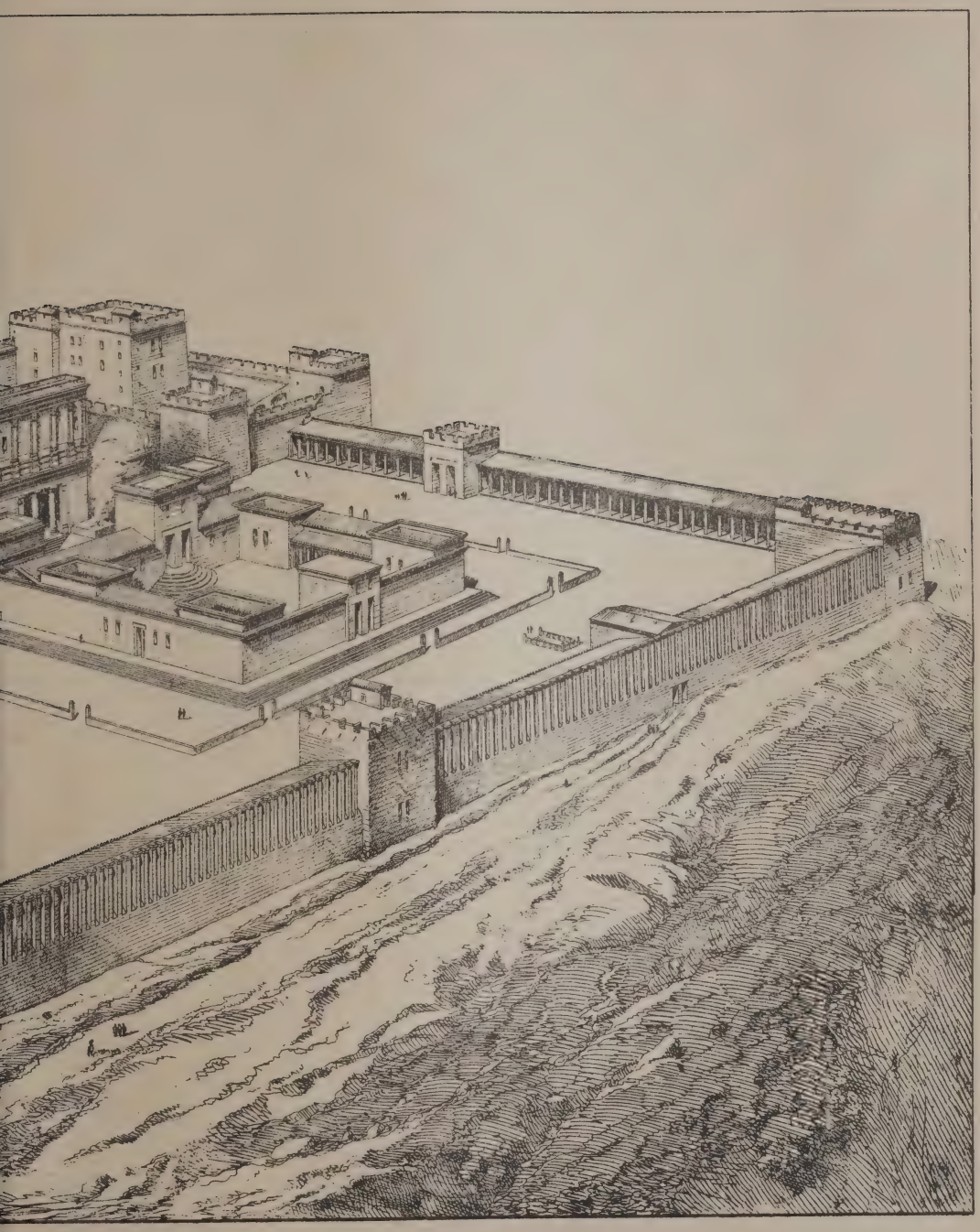
Соломоновой площади храма, а наоборотъ въ смыслѣ сократившейся древней площади. Именно: внѣшній дворъ Соломонова храма долженъ былъ обнимать въ нераздѣльномъ видѣ всю нынѣшнюю площадь харамъ еш-шерифъ, обведенную цѣльною оградою. Но эта область еще до плѣна вавилонскаго сократилась отъ того, что ея часть на сѣверѣ была отдѣлена отъ внѣшняго двора для храмовыхъ складовъ, можетъ быть именно такъ, какъ это показано у Шика № 3. Послѣплѣнные іудеи, понявъ въ буквальномъ смыслѣ пророческую цифру Іезекіиля 500 (локтей) двора храма, сочли нужнымъ внутри стѣнъ Соломонова мола, превышавшаго цифру Іезекіиля, построить другую стѣну, представлявшую квадратъ изъ 500 или 400 локтей (обѣ эти цифры равно могутъ быть выведены изъ пророческаго описанія храма Іезекіиля). Такимъ образомъ явились двѣ ограды внѣшняго двора: обширнѣйшая и древнѣйшая Соломонова ограда и вставленная въ нее меньшая, съ болѣе правильными квадратными измѣреніями, Иродова, какъ это показано на модели Шика. Въ этомъ смыслѣ мы могли бы одобрить модель Иродова храма № 3. Само собою разумѣется, что и модель № 1, представляющая подробности грунта горы Моріа, весьма поучительна.

Справедливость требуетъ, рядомъ съ моделью Конрада Шика, поставить реставрацію храма графа Вогюэ, которая до появленія реставраціи Шика также считалась послѣднимъ словомъ науки и вошла во многія популярныя руководства и альбомы по ветхозавѣтной исторіи и археологіи [1]. Она представляетъ, впрочемъ, только храмъ Ирода (Vogüé, le Temple de Jérusalem,

[1] Реставрація храма Вогюэ своимъ порталомъ вошла въ извѣстный альбомъ князя Г. Г. Гагарина: изображенія изъ св. Евангелій и псалтыри. Картина 15-я. Томъ первый, 1887.



Храмъ Ирод



по Волгѣ.

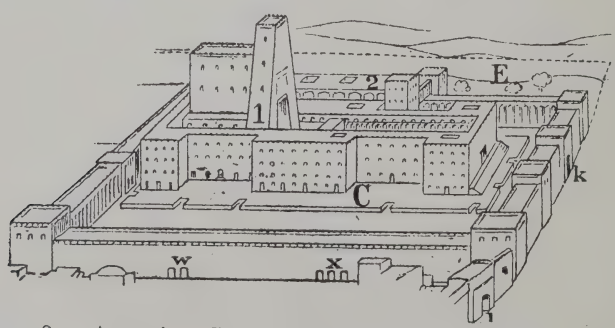
Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская №

pl. XVI). Внѣшній дворъ храма, занимающій всю длину и ширину нынѣшней площади харамъ еш-шерифъ, кромѣ внутренняго двора и выступа крѣпости Антонія на сѣверо-западномъ углу, не имѣетъ никакихъ отдѣленій. Его сѣверная сторона, проведенная по линіи нынѣшней сѣверной стѣны харама, имѣетъ двойныя ворота, подобныя золотымъ, между тѣмъ какъ мишна не знаетъ общедоступныхъ воротъ на сѣверѣ и вообще сѣверную часть площади считаетъ недоступною для народа. Монотонность стѣны мола прерывается пилястрами и башнями. Не говоря уже о башняхъ сѣверо-западнаго угла, образующихъ крѣпость Антонію, и всѣ другіе углы харама имѣютъ выдающіяся съ амбразурами башни. Кромѣ того, въ срединѣ западной и восточной стороны выдаются башни въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вогюэ предполагаетъ границу Соломонова храма и начало Иродова восполненія площади храма на югѣ. Помощію башенъ Вогюэ надѣется устранить затрудненія, происходящія отъ несоотвѣтствія нынѣшней мѣры площади харама и измѣреній, показанныхъ Іосифомъ Флавіемъ, каковыя затрудненія, какъ мы видѣли, заставили К. Шика строить двѣ стѣны внѣшняго двора, одну на линіи нынѣшней стѣны харама, другую, концентрическую къ первой, по точной мѣрѣ стадіи Іосифа. Вогюэ устраняетъ это затрудненіе тѣмъ, что мѣру стадіи даетъ поперечной галлереѣ, στοὰ βασιλική, а излишекъ площади харама наполняетъ башнями, якобы не входящими въ мѣру стадіи. Такъ какъ внѣшній дворъ Вогюэ не имѣетъ особеннаго отдѣленія на сѣверѣ, то на сѣверъ подвинута у него область внутренняго двора, имѣя своимъ центромъ жертвенникъ у подземелья № 1. Въ противоположность стѣнамъ внѣшняго двора, украшеннымъ все-таки пилястрами и башнями, внутренній дворъ поражаетъ своею

простотою. Совершенно гладкія стѣны, простой работы двери, весьма малое количество самыхъ простыхъ оконъ, плоскія безъ всякихъ орнаментовъ крыши и надъ всею этою блѣдною группою построекъ широкая, также весьма простая, башня надъ притворомъ храма, все это вызываетъ крайнее недоумѣніе въ созерцателѣ реставраціи Вогюэ. Это ли тотъ храмъ, который у автора книги Товитъ, видѣвшаго храмы Ассиріи и Персіи, называется, даже въ сравненіи съ этими послѣдними, необыкновенно величественнымъ? (Тов. 14, 5). Это ли тотъ храмъ, которому удивлялись римляне и греки, которому императоръ Титъ давалъ пальму первенства между всѣми извѣстными ему храмами (Bell. V, 11, 2) и который онъ называлъ украшеніемъ всей римской державы (Bell. VI, 4, 3) [1]..

Если отъ внутренняго двора и самаго храма не осталось никакихъ доступныхъ для изслѣдованія остатковъ, то на площади харама, какъ мы уже отчасти видѣли, осталось много подземелій, которыя вообще называютъ цистернами. Большею частію это дѣйствительно были бассейны для воды, которая необходима была здѣсь въ большомъ количествѣ не только для потребностей

[1] Въ видахъ исправленія реставраціи Вогюэ, его послѣдователь, Заттлеръ, рекомендуетъ слѣдующее изображеніе іерусалимскаго храма во время земной жизни Іисуса Христа, по Іосифу Флавію:



1 — Храмъ, 2 — Антонія, C — Стѣны внутренняго двора, E — Везефа, k — Восточныя ворота, w — Двойныя ворота, x — Тройныя ворота.

ветхозавѣтнаго богослуженія и для удовлетворенія приходившихъ сюда богомольцевъ, но и на случай возможной осады города. Строители храма, какъ перваго, такъ и второго, не опускали изъ виду, что, по своему положенію на крайней чертѣ города, храмъ долженъ быть не только мѣстомъ молитвы, но и крѣпостью, и въ случаѣ осады поить и кормить народъ и войско. На картѣ Вильсона и Варрена показано 34 нумера цистернъ. Но въ дѣйствительности ихъ гораздо больше. Нѣкоторыя древнія цистерны нынѣ совершенно неизвѣстны даже шейхамъ харама; другія скрываются ими отъ европейскихъ изслѣдователей. Напримѣръ, у Варрена не показана цистерна на юго-западномъ углу верхней платформы харама, между тѣмъ шейхи харама знаютъ о ея существованіи; она показана и на планѣ харама Піеротти. Подъ такъ называемымъ куполомъ Св. Георгія (куббетъ ел-хидръ) также есть непоказанное Варреномъ подземелье. Вообще грунтъ площади харама такъ изрѣзанъ подземельями, что его справедливо сравниваютъ съ сотомъ пчелинымъ. По вычисленію Вильсона, открытыя доселѣ цистерны харама могутъ вмѣстить воды не менѣе 10.000,000 галлоновъ.

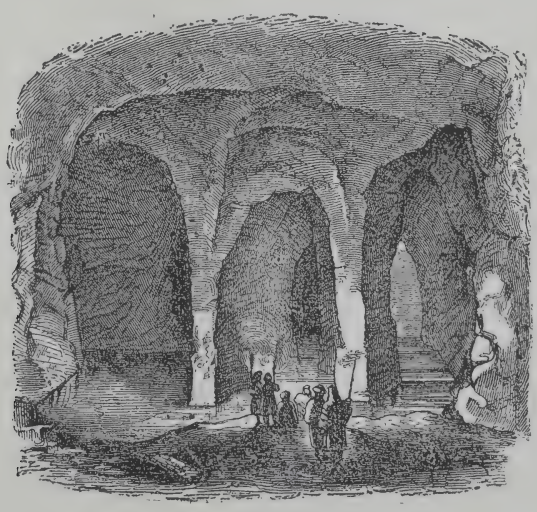
Наиболѣе древнія цистерны харама суть или натуральныя пещеры или напоминаютъ собою каменоломни; болѣе мягкій слой скалы маляки выбранъ на такое или другое пространство, а верхній надъ нимъ слой твердаго миззи оставленъ въ видѣ свода цистерны; иногда этотъ сводъ поддерживается столбами, представляющими ту же натуральную скалу. Другія цистерны были вырублены въ скалѣ, въ видѣ открытыхъ ямъ то четыреугольныхъ, то круглыхъ, то въ формѣ реторты, и потомъ уже вверху покрыты дѣланнымъ сводомъ. Есть цистерны типа доисторическихъ подземелій Бейтъ Джи-

брина и Дейръ Дюббана, принадлежащія Іерусалиму Іевусеевъ, круглыя, съ обходною лѣстницею кругомъ всей стѣны (№ 22). Нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ цистернамъ храма и пещеру подъ священною скалой Куббетъ ес-Сахра. Возможно, что когда-либо, въ періодъ Іевусеевъ, она и была цистерною [1]. Вообще, говоря, она похожа на обыкновенныя палестинскія пещеры; но очевидно, она была искусственно расширена, хотя за штукатуркою въ настоящее время и нельзя различать на ея стѣнахъ слѣдовъ молота. Отверстіе въ сводѣ пещеры никогда не служило отверстіемъ цистерны, такъ какъ въ немъ вовсе нѣтъ слѣдовъ ведерныхъ канатовъ. Скорѣе уже это отверстіе похоже на отверстія въ вестибулахъ іерусалимскихъ гробницъ, хотя нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь гробницу. Гдѣ грунтъ площади харама состоитъ изъ насыпной земли, напр., въ сѣверо-восточной части, тамъ вся цистерна до дна дѣлалась изъ тесанаго камня и цементирована бѣлою или красною смѣсью изъ глины, извести и масла [2]. Такимъ образомъ въ настоящее время, при невозможности раскопокъ на площади харама, изслѣдованіе цистернъ есть единственное средство для опредѣленія первоначальнаго уровня скалы Моріа въ разныхъ пунктахъ харама.

Почти всѣ цистерны имѣли каналы, служившіе къ взаимному сообщенію между ними и для циркуляціи воды по всей площади. Выше по уровню лежащія цистерны лишнюю для себя воду передавали низшимъ, а послѣднія—бассейнамъ, лежавшимъ внѣ стѣнъ харама. Ни одна цистерна не наполнялась сполна. Наполнившись половиною или даже только одною третью, каждая ци-

[1] По вѣрованію мусульманъ, отъ воды этой пещеры берутъ начала всѣ большія рѣки востока, Евфратъ, Тигръ и Нилъ. — [2] См. о цвѣтѣ штукатурки въ водохранилищахъ древняго Іерусалима въ Guthe Ausgrabungen bei Jerusalem. 1882, стр. 367—368.

стерна остальную воду отсылала къ другой сосѣдней цистернѣ. Самыя высокія по уровню цистерны принадлежатъ верхней платформѣ; онѣ, въ свою очередь, питались каналами, приносившими воду съ прилегающей на сѣверо-западѣ возвышенности. Варренъ, по этому случаю, видитъ важное показаніе даже въ томъ, что подземелья Сіонскихъ сестеръ милосердія смотрятъ прямо на скалу Куббетъ ес-Сахра (Recovery, 224), забывая, что между этими пунктами имъ помѣщенъ глубокій ровъ, дѣлающій невозможнымъ сообщеніе между ними водянымъ каналомъ. Когда изсякала вода въ цистернахъ, тогда онѣ, съ своими каналами, обращались въ обширный подземный городъ, въ которомъ искали спасенія жители Іерусалима при вторженіи непріятелей. Въ этихъ послѣднихъ видахъ подземные каналы, служившіе сообщеніемъ между цистернами, дѣлались гораздо больше обыкновеннаго. По свидѣтельству Іосифа Флавія (Bell. VI, 2, 7), здѣсь были подземные каналы такой величины, что осажденные іудеи могли проводить ими даже коней, похищенныхъ у римлянъ. Послѣ цистернъ верхней платформы, самыя замѣчательныя цис-



терны принадлежатъ южной части харама; ихъ водою нынѣ пользуется почти все мусульманское населеніе города. Важнѣйшія цистерны: № 8, такъ называемое „великое море“ царя Соломона, все въ скалѣ, вмѣщающее не менѣе 3.000,000 галлоновъ воды; № 9, пещера листа (Биръ ел-Оракъ, въ скалѣ, у входа въ подземелье подъ ел-Акса), вода которой, по мусульманскому вѣрованію, имѣетъ особенное душеуспокоительное дѣйствіе; № 11 весь, не исключая и свода, вырубленъ въ скалѣ; состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ цистернъ, западные концы которыхъ, лежащіе на одной линіи, соединены между собою проходомъ, идущимъ въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ; можетъ вмѣщать 200,000 галлоновъ воды. Замѣчательна также группа трехъ цистернъ у золотыхъ воротъ, гдѣ скала горы Моріа видна на самой поверхности. Піеротти находилъ связь этихъ цистернъ между собою и съ № 1, но изслѣдованія Варрена не подтвердили этого предположенія. Вообще древнія свидѣтельства Тацита (hist. nat. V, 12), Аристея, Іосифа Флавія и талмуда о многочисленныхъ водохранилищахъ древняго храма, соединявшихся каналами и занимавшихъ пространство не менѣе пяти стадій (Аристей), подтверждаются самымъ очевиднымъ образомъ (см. Monatschrift für Geschichte des Judethums, 1880, 289 и дал.).

Какому времени принадлежатъ цистерны и каналы площади харамъ еш-шерифъ? Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ общею исторіею каналовъ и водопроводовъ древняго Іерусалима и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вопросу о времени построенія зданій храма; разъ цистерны и каналы были вообще извѣстны, ихъ не замедлили бы провести въ обширныхъ дворахъ храма. Въ послѣднее время вопросъ о происхожденіи іерусалимскихъ каналовъ оживился особенно по поводу

открытія надписи въ подземномъ каналѣ, соединяющемъ источникъ Дѣвы съ Силоамскою купелью. Явилось много различныхъ соображеній о времени происхожденія каналовъ вообще и въ частности Силоамскаго. Сэйсъ (Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. Deutsche Ausgabe, 104—107) находилъ возможнымъ относить Силоамскій каналъ и его надпись ко времени строителя храма, Соломона. Другіе, болѣе осторожные, изслѣдователи относили его къ дальнѣйшимъ преемникамъ Соломона. Нейбауеръ считаетъ каналъ дѣломъ царя Ахаза, на основаніи словъ Исаіи (8, 6), что Ахазъ *презрѣлъ воды Силоамскія текущія тихо,* то есть, не довольствуясь бывшими до него водами Силоамскаго пруда, увеличилъ ихъ своимъ новымъ водопроводнымъ каналомъ. Исаакъ Тайлоръ пришелъ къ тому же выводу на основаніи палеографическихъ данныхъ надписи. Справедливость этого вывода призналъ и Кауцшъ. Напротивъ, Варренъ, Кингъ, Гуте и И. Г. Троицкій изъ историческихъ основаній считаютъ каналъ за царемъ Езекіею. Палеографъ Ейтингъ относитъ надпись, а слѣдовательно и каналъ, къ VIII или VII вѣку до Р. Хр. (King Recent Discoveries on the Temple Hill at Jerusalem, 189; Comptes rendus de l'Académie des inscriptions, 4 serie, tom. IX, 200—205; Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins. 1881, 102 и дал., 216 и дал., 1882, стр. 360; Quarterly Statements. 1881, 141 и дал. 282; Христіанское Чтеніе, 1887, Іюль, 174, 176). Изъ надписи Силоамскаго канала можно видѣть даже способъ прорытія туннеля [1]. Работа ведется ра-

[1] Самая надпись гласитъ слѣдующее: „Вотъ туннель. И вотъ исторія „туннеля: когда еще (работалъ) молотъ одного противъ молота другого ра„ботника, и когда еще оставалось три локтя, на сколько можно было су„дить по голосамъ одного (работника) къ другому, какъ (вдругъ) появи„лось кипѣніе въ скалѣ (шумъ землетрясенія) и вода поднялась. Въ день

зомъ съ двухъ противоположныхъ концовъ туннеля, причемъ, для удержанія правильнаго направленія, рабочіе той и другой стороны даютъ знать о себѣ криками. Разумѣется, это былъ весьма недостаточный способъ выровненія канала. Тогда какъ по математически прямому пути Силоамскій каналъ долженъ былъ имѣть не болѣе 335 метровъ, древніе работники, искавшіе одинъ другого подъ землею криками, растянули его на 533 метра. Этимъ отчасти объясняется и неправильность подземныхъ каналовъ харама.

Наконецъ намъ остается сказать о томъ видѣ священной площади ветхозавѣтнаго храма, какой она имѣетъ въ настоящее время, находясь во владѣніи мусульманъ.

„же открытія туннеля прорубились рабочіе одинъ на встрѣчу другому, мо„лотъ на встрѣчу молоту, и вода потекла отъ резервуара до пруда на про„тяженіи 1,200 локтей. И сто локтей была высота скалы надъ головою ра„ботниковъ“. Въ этомъ нашемъ переводѣ Силоамской надписи мы отступаемъ отъ всѣхъ существующихъ ея переводовъ главнымъ образомъ въ передачѣ слова זדה (3-я строка), отличнаго отъ גבה, находящагося въ 6-й строкѣ. Соотвѣтственно корню זוד *кипѣть*, яриться, זד *кипучій*, неистовый, выходящій изъ границъ, мы переводимъ затрудняющее изслѣдователей слово זדה въ значеніи *кипѣнія*, т. е. въ данномъ случаѣ *подпочвенное вулканическое бурленіе*, или *землетрясеніе*. Такимъ образомъ поводомъ къ составленію Силоамской надписи было, между прочимъ, увѣковѣченіе памяти о необыкновенномъ землетрясеніи, случившемся при окончаніи работъ по устройству туннеля. Возможно, что работавшими въ туннелѣ это необычное землетрясеніе было истолковано какъ яростный порывъ гнѣва подземныхъ гномовъ за самое проведеніе туннеля. Когда могло быть такое землетрясеніе? Весьма сильное землетрясеніе, считавшееся, нѣкоторымъ образомъ, эпохою въ еврейской исторіи, было землетрясеніе при царѣ іудейскомъ Озіи, какъ извѣстно изъ Амос. 1, 1. Отъ него пострадалъ храмъ и разсѣлась одна изъ іерусалимскихъ горъ возлѣ источника Енъ-Рогелъ, то есть гора Силоамскаго туннеля (Jos. Fl. Antiqu. IX, 10, 4). Къ этому царствованію мы и относимъ прорытіе Силоамскаго туннеля и начертаніе данной надписи. Въ 2 Пар. 26, 10 говорится, что Озія дѣйствительно изсѣкалъ въ скалахъ водоемы. А Іосифъ Флавій, въ объясненіе этого мѣста, говоритъ, что царь Озія прорылъ много водопроводныхъ туннелей для прохода воды, καὶ πολλὰς ὀχετὰς ὤρυξεν ὑδάτων (Antiqu. IX, 10, 3).

ВЕРХНЯЯ ПЛАТФОРМА ХАРАМА И КУББЕТЪ ЕС-САХРА.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

Центромъ мусульманскихъ святилищъ, занявшихъ площадь ветхозавѣтнаго храма, служитъ знаменитое зданіе, называемое у мѣстныхъ арабовъ Куббетъ ес-Сахра, т. е. *куполъ скалы*, а у европейскихъ писателей „мечеть Омара". Это послѣднее названіе какъ нельзя болѣе идетъ къ зданію. По своей основной идеѣ Куббетъ ес-Сахра должна была быть не столько мечетью или храмомъ, т. е. мѣстомъ молитвенныхъ собраній, сколько именно куполомъ, т. е. богатымъ и крѣпкимъ навѣсомъ, покрывающимъ священное мѣсто. Какъ ротонда и куполъ храма Гроба Господня имѣютъ цѣлію защищать собою пещеру Св. Гроба, такъ и по ея образцу построенная Куббетъ ес-Сахра есть также ротонда, то есть замкнутый кругъ стѣнъ и колоннъ, поддерживающихъ куполъ и охраняющихъ священную пещеру и скалу—мѣсто ветхозавѣтнаго жертвенника всесожженій, освященное для мусульманъ еще другими преданіями изъ исторіи Магомета. Самая скала, нѣкогда покрывавшаяся особеннымъ балдахиномъ, который обыкновенно присылали въ даръ падишахи, но нынѣ совершенно обнаженная, занимаетъ центръ мечети и приходится подъ самымъ куполомъ. По предупредительному разъясненію шейха мечети, скала принадлежитъ къ роду камня Емтаанъ, смѣшанному пласту скалы изъ маляки и миззи. Мы уже говорили, что восточная часть скалы постепенно поднимается надъ поломъ мечети, а западная круто обрывается въ видѣ стѣны $1^1/_2$ метра высоты. Длина скалы, съ сѣвера на югъ, 14,20 метровъ, а ширина, съ востока на западъ, 9,90 метровъ. На восточной и частію на южной сторонѣ окраины скалы закругляются въ видѣ круга, а на западѣ и сѣверѣ онѣ обсѣчены подъ прямыя линіи. Вся окружность открытой части скалы по ея изгибамъ равняется 40 метрамъ 65 сантиметрамъ. Такія

же неправильныя очертанія представляетъ и пещера, находящаяся въ священной скалѣ, нѣкогда бывшая мѣстомъ жертвенныхъ отбросковъ. Ея длина 7, 20 метровъ, а ширина отъ 6, 20 до 7, 38 метровъ. Нынѣшняя высота пещеры отъ 2, 2 до 2, 58 метровъ; но мы уже знаемъ, что эта высота соотвѣтствуетъ только одному верхнему ярусу первоначальной глубокой пещеры жертвенника всесожженій. Потолокъ пещеры или толщина священной скалы въ ея отдушинѣ равняется 1, 87 метровъ; но къ западу эта толщина увеличивается. Потолокъ пещеры весь черенъ отъ мусульманскаго обычая проводить рукою по камню, чтобы затѣмъ перенести руку на лицо и глаза, такъ какъ скалѣ приписывается чудесная сила, врачующая зрѣніе. Входъ съ лѣстницею въ пещеру на юго-восточной сторонѣ скалы, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно предполагать искусственную земляную насыпь, нѣкогда приводившую къ верхней части жертвенника. Такимъ образомъ, его первоначально здѣсь не было, или онъ былъ замаскированъ. Поверхность священной скалы, носящая мнимый слѣдъ стопы Магомета, недоступна для прикосновенія человѣческой ноги; даже имамы мечети не смѣютъ ходить по скалѣ. Такъ какъ нынѣ скала ничѣмъ не покрыта, то на ней накопляются слои пыли, которую сметаютъ однажды въ годъ и продаютъ какъ лекарство отъ воспаленія глазъ.

Ротонда Куббетъ ес-Сахра, окружающая эту священную скалу, подраздѣляется на три круглыхъ концетрическихъ нефа рѣшетками, колоннами, столбами и стѣною.

Первымъ огражденіемъ священной скалы служитъ высокая и частая деревянная рѣшетка грубой работы, обведенная непосредственно по окраинамъ скалы, по всѣмъ ея изгибамъ, и имѣющая въ окружности, какъ

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ КУББЕТЪ ЕС-САХРА.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

и скала, 40,65 метровъ. По своей значительной высотѣ, доходящей почти до уровня самой высокой части скалы, рѣшетка эта, неимѣющая при этомъ никакой двери, чрезвычайно затрудняетъ осмотръ скалы. Приходится или перевѣшиваться чрезъ нее или смотрѣть сквозь рябящую сѣть ея хитрыхъ клѣтокъ, что во всякомъ случаѣ неудобно. Слышно было, что турецкое правительство, для удобства европейскихъ путешественниковъ, собирается сдѣлать чрезъ скалу висячій мостъ. Если это можетъ осуществиться, то не раньше какъ въ XX вѣкѣ. Вторымъ огражденіемъ священной скалы служитъ другая рѣшетка, желѣзная, уже не слѣдующая неправильнымъ очертаніямъ скалы, но обведенная вокругъ нея въ видѣ правильнаго круга, въ разстояніи отъ первой рѣшетки на 1—2 метра,—каковое разстояніе между рѣшетками представляетъ первый своеобразный круглый внутренній нефъ въ чертѣ купола, за которымъ, далѣе, слѣдуютъ еще два концентрическихъ, внѣшнихъ къ куполу, круглыхъ нефа и болѣе правильной формы. Эта вторая рѣшетка, французской работы второй половины XII вѣка, по высотѣ вдвое превосходитъ первую, имѣетъ желѣзную дверь и вставлена въ кругъ четырехъ столбовъ и 12 колоннъ, поддерживающихъ куполъ мечети. Колонны имѣютъ разнообразную отдѣлку и даже различную высоту своихъ базисовъ, стволовъ и капителей; въ нѣкоторыхъ капителяхъ завитки и выдающіяся линіи цвѣтовъ нарочито спилены. Очевидно, всѣ онѣ взяты изъ какихъ-то другихъ древнихъ іерусалимскихъ памятниковъ, можетъ быть изъ дворовъ Иродова храма, и не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о древности куббетъ ес-Сахра (см. рис. на стр. 461). На столбахъ и колоннахъ опираются пяты арокъ, поддерживающихъ такъ называемый барабанъ

или цилиндръ, служащій основаніемъ куполу, освѣщающій верхнюю часть мечети своими 16 окнами. Самый куполъ, 20 метровъ въ діаметрѣ и 29 метровъ высоты, сложенъ изъ дерева, по выраженію графа Вогюэ, древнѣйшаго строеваго дерева въ мірѣ. Построенный, какъ гласитъ сохранившаяся въ немъ надпись, въ XI вѣкѣ, этотъ куполъ пережилъ уже не менѣе 800 зимнихъ сезоновъ, въ теченіе которыхъ онъ неизмѣнно охранялъ отъ вліянія стихій святое мѣсто. Въ разстояніи 6—7 метровъ отъ внутренняго круга колоннъ и столбовъ, поддерживающихъ куполъ, слѣдуетъ другой, замкнутый въ видѣ восьмиугольника, рядъ изъ 8 столбовъ и 16 колоннъ, поддерживающихъ боковой потолокъ мечети вокругъ купола и образующихъ второй нефъ мечети уже безъ рѣшетки. Здѣсь такая же смѣсь колоннъ, разнообразныхъ и по отдѣлкѣ и по величинѣ и по цвѣту мрамора (есть темнозеленыя, бѣлыя съ красными крапинками и друг.). Наконецъ, въ разстояніи $4^1/_2$ метр. отъ этого послѣдняго восьмиугольника, третій концентрическій нефъ мечети замыкается восьмиугольникомъ ея внѣшней стѣны. Каждая сторона восьмиугольника имѣетъ 20 метр. протяженія, а полный діаметръ мечети 55,3 метровъ. Высота стѣнъ мечети 10 метровъ; но она раздѣляется на два поля: нижнее поле, четырехъ метровъ высоты, почти равное амбразурамъ дверей мечети, внутри обложено гладкимъ сѣрымъ мраморомъ, подобраннымъ, впрочемъ, весьма неискусно: среди сѣраго поля попадаются совершенно бѣлыя мраморныя плитки, чрезвычайно непріятно рѣжущія глазъ. Второе верхнее поле стѣны занято арками оконъ, первоначально круглыми, но, при дальнѣйшихъ реставраціяхъ, прикрытыхъ арабскими огивами. Всѣхъ арокъ 56, но изъ нихъ только 38 заняты дѣйствительными окнами, а остальныя 18 представляютъ мнимыя окна.

Потолки и арки боковыхъ нефовъ и весь громадный куполъ мечети покрыты мозаикою, общій цвѣтъ которой можно назвать темнозеленымъ. Для усиленія дѣйствія мозаики на глазъ зрителя, составныя части ея вставлены въ стѣну подъ угломъ, вслѣдствіе чего ни одинъ кубикъ не пропадаетъ въ общемъ впечатлѣніи отъ мозаики. Но мозаика образуетъ только фонъ для громадныхъ золотыхъ надписей на стѣнахъ, причудливыхъ арабесковъ, блестящихъ лѣпныхъ украшеній и живописи, циркулирующихъ на стѣнахъ, пробѣгающихъ по богатымъ плоскостямъ барабана и достигающихъ до купола, гдѣ все это сливается въ огромныя лѣпныя вазы цвѣтовъ и снопы колосьевъ. Не вѣрится, чтобы это была твердая каменная стѣна, а не обкладка изъ той дорогой разноцвѣтной вавилонской ткани, которою были завѣшены всѣ входы ветхозавѣтнаго храма и вся стѣна святаго святыхъ. Между арабскими надписями, входящими въ составъ украшеній мечети, нельзя не указать надписи, опредѣляющей время построенія мечети и рѣшающей всѣ новѣйшіе споры о національности и религіи ея строителей: „во имя Бога милостиваго и милосердаго! Рабъ Божій, Абдалла Имамъ „ел-Мамунъ, повелитель всѣхъ вѣрующихъ, построилъ „храмъ сей въ 72-мъ году гиджры (=691 году по Р. Хр.)“. Мозаическую отдѣлку представляютъ также всѣ окна мечети, какъ находящіяся внизу въ восьмиугольникѣ стѣнъ, такъ и верхнія подъ куполомъ. Окна образованы изъ соединенія стеклянныхъ кубиковъ, изъ которыхъ каждый окрашенъ въ одинъ цвѣтъ, но отличается отъ цвѣта другихъ кубиковъ; разноцвѣтныя стекла подобраны и соединены въ самой тонкой гармоніи свѣтовыхъ оттѣнковъ. Кромѣ того, кубики стекла вставлены въ клѣтки гипсовыхъ рамъ, въ свою очередь раздѣлан-

ныя въ видѣ цвѣтовъ, арабесковъ, надписей и даже крестовъ. Такимъ образомъ въ каждомъ окнѣ въ цвѣтахъ радуги выступаетъ искусственное изображеніе. Но такъ какъ рамы гораздо толще стеколъ, то каждый кубикъ стекла лежитъ въ глубокой оправѣ, что способствуетъ къ смягченію проходящаго чрезъ нихъ свѣта. Нѣкоторыя окна имѣютъ вензель Солимана и дату 935 года (=1,528). Все это вмѣстѣ, въ яркій солнечный день, при закрытыхъ дверяхъ мечети, производитъ впечатлѣніе сказочной и волшебной картины. Только священная скала мечети, своимъ суровымъ видомъ, возвращаетъ къ дѣйствительности очарованнаго посѣтителя. Въ виду этой скалы, все изящное и фантастическое зданіе куббетъ ес-Сахра обращается въ печальное вели надъ могилою давнопрошедшаго ветхозавѣтнаго міра. Намъ не случалось видѣть куббетъ ес-Сахра при ночномъ освѣщеніи, особенно при иллюминаціяхъ мѣсяца Рамазана. Нужно думать, что въ это время она производитъ эффектъ еще болѣе соотвѣтствующій сумраку ветхозавѣтнаго времени. Обычное праздничное освѣщеніе мечети производится четырьмя большими люстрами, висящими въ наружномъ нефѣ, по четыремъ странамъ свѣта. Недавно еще громадная люстра висѣла подъ куполомъ, надъ священною скалою. Но за два года до смерти султана Абдулъ-Азиса, въ самый мѣсяцъ Рамазанъ, при зажженіи люстры для вечерняго богослуженія, она упала и разбилась. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ случаѣ наказаніе Божіе за то, что прислужники мечети, зажигавшіе люстру, позволяли себѣ становиться на священную скалу, и запретилъ освѣщать центральную часть мечети. Впрочемъ цѣпь, на которой висѣла люстра, оставлена на своемъ мѣстѣ и, конечно, не замедлитъ породить въ магометанскомъ мірѣ новыя легенды

касательно своего значенія и происхожденія. Кромѣ люстръ, куббетъ ес-Сахра, на южной сторонѣ своего внѣшняго нефа, имѣетъ два семисвѣщныхъ свѣтильника, въ видѣ распустившихся цвѣтовъ, сдѣланныхъ по образцу Мойсеева свѣтильника, по увѣренію шейха мечети, изъ времени Салахъ-ед-Дина, и двѣ большихъ декоративныхъ свѣчи на той же южной сторонѣ мечети, по сторонамъ миграба. Такія декоративныя свѣчи можно видѣть въ Стамбульскихъ мечетяхъ; иногда онѣ достигаютъ до самыхъ сводовъ мечети. У той же южной двери куббетъ ес-Сахра расположенъ клиросъ: цѣлый десятокъ налоевъ съ свитками корана. Главный же древній свитокъ корана, древность котораго шейхи мечети возводятъ ко времени самого Омара, заключенъ въ особый желѣзный шкапъ, упирающійся въ священную скалу. Другія древнія реликвіи куббетъ ес-Сахра, такъ называемое сѣдло и мечъ Магомета, взяты въ Константинополь. Чтобы не безпокоить себя путешествіемъ въ Іерусалимъ, падишахъ благоразумно перемѣстилъ къ себѣ предметы поклоненія. „Они бы и скалу забрали, если бы могли“. раздраженно замѣтилъ шейхъ мечети, служившій нашимъ руководителемъ. Остался, впрочемъ, такъ называемый райскій камень, черный ясписъ, вбитый въ полъ противъ сѣверныхъ воротъ мечети, носящихъ названіе воротъ рая. При погребеніи богатыхъ іерусалимскихъ эффенди, ихъ обыкновенно приносятъ сюда сѣверными воротами и ставятъ на райскомъ камнѣ, для отпѣванія, и затѣмъ выносятъ изъ мечети противоположными воротами, обращенными къ Меккѣ. Въ райскомъ камнѣ вбиты три съ половиною гвоздя. Это—время существованія міра. Когда эти гвозди уйдутъ въ камень, наступитъ конецъ міру. А ушло уже 15 гвоздей. „Кто хочетъ видѣть рай, говоритъ надпись надъ священною скалою,

тотъ приди сюда и посмотри". Вмѣстѣ съ древними реликвіями, исчезла и греческая надпись, указываемая планомъ Вильсона въ западной стѣнѣ мечети, получившая такое важное значеніе въ возбужденномъ докторомъ Сеппомъ и Фергюссономъ спорѣ о національности Куббетъ ес-Сахра. При ремонтировкѣ 1873—1874 года шейхи мечети благоразумно выбросили изъ стѣны предметъ спора. Да онъ и не имѣлъ особеннаго значенія, какъ попавшій въ стѣну случайно изъ какихъ-то другихъ древнихъ развалинъ, подобно камню Адріана надъ такъ называемыми двойными воротами храмоваго мола.

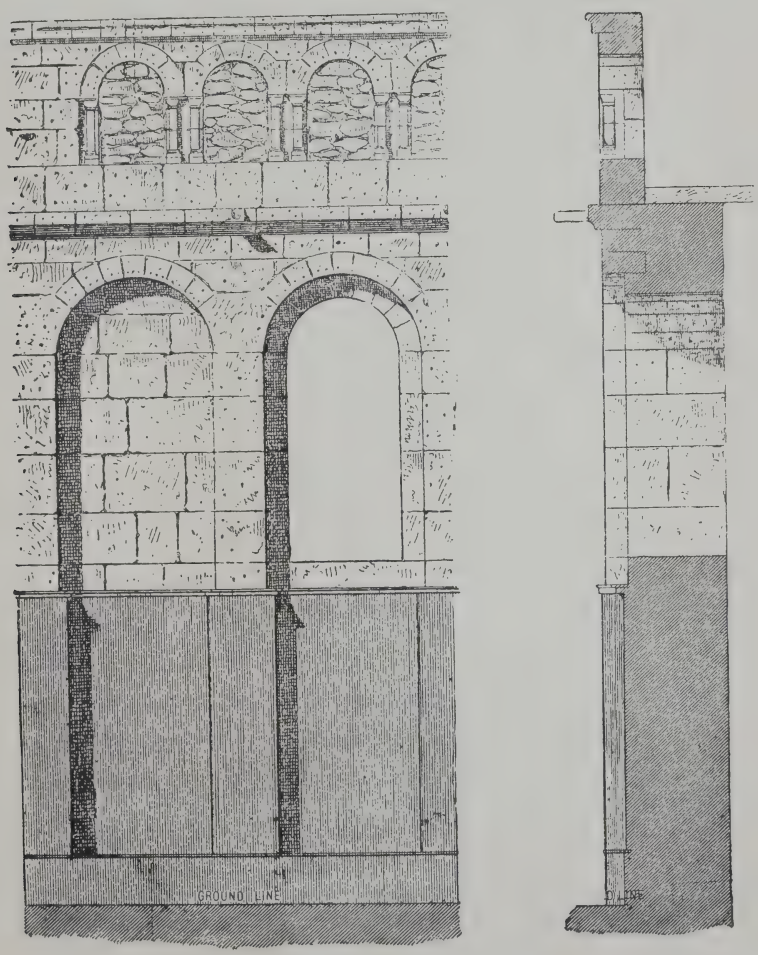
По своему круглому виду и вслѣдствіе того, что ея священнѣйшая часть лежитъ въ самомъ центрѣ, мечеть Омара не имѣетъ одного главнаго фронта. Ея четверо воротъ, правильно расположенныя по четыремъ странамъ свѣта, и имѣющія особенныя названія (сѣверныя или райскія Бабъ ел-Дженне; южныя—Бабъ ел-Кибле; восточныя Бабъ ес-Силсиле или ворота пророка Давида; западныя—Бабъ еш-Шарби), представляютъ совершенно одинаковое устройство. Каждыя изъ нихъ имѣютъ по три двери, двѣ желѣзныхъ и одну деревянную, и каждыя одинаково предваряются крыльцами. Крыльца ихъ, очевидно, были сдѣланы два раза, первоначально открытыми, въ видѣ навѣсовъ на колоннахъ, потомъ закрытыми чрезъ возведеніе глухой стѣны на линіи колоннъ. Нынѣ эти закрытыя крыльца обращены въ камеры, занимаемыя прислугою мечети. Оставлено открытымъ только южное крыльцо, обращенное къ Меккѣ.

Наружный видъ Куббетъ ес-Сахра представляетъ тѣ же замыкающіяся линіи восьмиугольника и ту же пестроту красокъ, что и внутренній. Особенность наружной формы восьмиугольника состоитъ въ непрерывно повторяю-

КУББЕТЪ ЕС-САХРА.

фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18.

щихся рядахъ выступовъ или стѣнныхъ пилястровъ и широкихъ впадинъ или углубленій между ними, подобно верхней части стѣны храмового мола, открытой Кондеромъ, и древнееврейской стѣнѣ на Русскомъ мѣстѣ близъ храма Гроба Господня. Верхняя же часть стѣнъ восьмиугольника надъ пилястрами, въ настоящее время представляющая широкій компактный карнизъ, расписанный стихами корана, нѣкогда была крытою галлереею вокругъ купола мечети. При ремонтировкѣ 1874 года были открыты задѣланныя нынѣ арки этой галлереи



съ колоннами [1], по 13 арокъ на каждой сторонѣ восьмиугольника, и съ остатками древней мозаики. Галлерея была задѣлана въ XVI вѣкѣ, во избѣжаніе затрудненій при ея починкахъ, которыя, конечно, часто требовались въ наружной мозаичной стѣнѣ. По своему цвѣту наружная сторона куббетъ ес-Сахра, въ нижней своей части, до оконъ, сѣрая, облицована гладкимъ сѣрымъ мраморомъ, подобно нижнему полю внутренней стороны стѣны. Верхняя же часть стѣнъ, то есть поле оконъ и верхній карнизъ, облицована раскрашенными фаянсовыми кафлями цвѣтовъ синяго, голубого и желтаго; каждая кафля — квадратъ 0,242 метра. Особенную пестроту представляетъ отдѣлка оконъ, являющихся снаружи разноцвѣтными фаянсовыми рѣшетками, клѣтки которыхъ сложены въ видѣ символическихъ фигуръ, между прочимъ даже фигуры креста. Обкладка наружныхъ стѣнъ фаянсовыми кафлями въ XVI вѣкѣ замѣнила первоначальную мозаичную отдѣлку, и съ тѣхъ поръ неоднократно была возобновляема. Куполъ мечети съ наружной стороны обитъ жестью и окрашенъ въ темно-синій цвѣтъ [2].

Такую же, если небольшую, пестроту представляетъ другой куполъ, мѣсто жертвенника всесожженій по гипотезѣ Кондера, называемый куполомъ цѣпи, куббетъ ес-Силсиле или судилищемъ пророка Давида, Мегкеме ен-неби Даудъ, находящійся въ 5 метрахъ на вос-

[1] И эти наружныя колонны имѣютъ неодинаковые размѣры, неодинаковую отдѣлку и даже неодинаковый сортъ мрамора,—ясный признакъ арабскаго происхожденія (Clermont Ganneau Quarterly Stat. Pal. Exploration Fund, 1874, 153). — [2] Соси, осматривавшій мечеть Омара до ея послѣдней ремонтировки, находилъ возможнымъ нѣкоторыя изъ ея мраморныхъ плитъ относить непосредственно къ ветхозавѣтному храму, и именно къ той стѣнѣ, которую Іосифъ Флавій называетъ δρύψακτος, а мишна soreg (Voyage en Terre Sainte, I 122—123).

МЕХКЕМЕТЪ ЕН-НЕБИ ДАУДЪ.

фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

токъ, предъ восточными воротами куббетъ ес-Сахра. Это именно только куполъ, лежащій на колоннахъ, безъ стѣнъ, нѣчто въ видѣ павильона; только на южной сторонѣ къ совершенно открытому павильону придѣлана ниша, сообщающая ему видъ мусульманской часовни. Его 17 колоннъ, расположенныя двумя концентрическими кругами, всѣ изъ различнаго сорта мрамора и съ разнородными капителями. Внутренняя обкладка купола представляетъ чрезвычайно пеструю смѣсь фаянсовыхъ кафель; даже полъ павильона выложенъ разноцвѣтными клѣтками мрамора въ разныхъ углахъ. Что касается происхожденія павильона, то находящееся на его фризѣ надписаніе свидѣтельствуетъ, что *возобновленіе его* было совершено султаномъ Солиманомъ въ 969 (= 1561) году. Въ XII вѣкѣ это мѣсто называли гробницею Іакова, брата Господня, якобы перенесенною сюда съ долины Іосафата. Если нельзя здѣсь, вмѣстѣ съ Кондеромъ, видѣть мѣсто жертвенника всесожженій, то какому другому пункту ветхозавѣтнаго святилища можетъ соотвѣтствовать куполъ цѣпи? Не есть ли это мѣсто полукруглой монументальной лѣстницы и воротъ Иродова храма, приводившихъ изъ такъ называемаго двора женщинъ во дворъ израильтянъ, предшествующій жертвеннику всесожженій? Разумѣется, убѣдиться въ этомъ предположеніи можно будетъ только по обслѣдованіи подспуднаго грунта въ этомъ пунктѣ. Весьма возможно, что куполъ цѣпи покрываетъ еще какую-нибудь забытую древне-арабскую гробницу.

Вокругъ куббетъ ес-Сахра расположена, такъ называемая, верхняя платформа харама, сокрывшая подъ собою террасы ветхозавѣтнаго святилища, двора священниковъ, двора израильтянъ и двора женщинъ. Впрочемъ и въ настоящее время платформа не можетъ считаться

вполнѣ ровною [1]; въ разныхъ ея пунктахъ замѣтны то пониженія, то повышенія мостовой, обусловленныя частію приспособленіемъ платформы для собранія въ цистерны падающей сюда дождевой воды, частію первоначальною неровностію мѣстнаго грунта. Если скала Куббетъ ес-Сахра имѣетъ уровень 2440 футовъ надъ Средиземнымъ моремъ, то на сѣверо-восточномъ углу верхней платформы этотъ уровень понижается до 2439 футовъ, на сѣверо-западномъ до 2437 футовъ, на восточной сторонѣ до 2435 футовъ, на южной до 2434. Платформа выложена большими каменными плитами разновременнаго происхожденія; рядомъ съ камнями, повидимому, вовсе еще нестертыми, встрѣчаются большіе, глубоко стертые, камни, принадлежащіе можетъ быть еще мостовой ветхозавѣтнаго храма. Новѣйшія починки мостовой замѣтны особенно въ мѣстахъ стоковъ для воды или желобковъ съ отверстіями въ цистерны. Мостовая верхней платформы вообще содержится въ чистотѣ, хотя и здѣсь, между неплотно сложенными камнями, успѣли порасти мохъ и сорныя травы, сообщающія платформѣ видъ полузабытой и малопосѣщаемой мѣстности.

Боковая отдѣлка верхней платформы, на сколько она доступна наружному наблюденію, представляетъ каменную обкладку неопредѣленнаго характера и, во всякомъ случаѣ, позднѣйшую: вездѣ мелкіе, плохо обдѣланные и плохо сложенные камни. Случайно обнаженная Реуфъ-пашею въ 1886 году часть восточной

[1] Самая длинная сторона верхней платформы, западная, имѣетъ 170 метровъ длины, сѣверная и восточная по 160 метровъ, а южная только 132 метра. Платформа занимаетъ шестую часть всей площади харамъ ешшерифъ.—По замѣчанію Баумгартена, отъ мечети Омара до края верхней платформы во всѣ стороны столько пространства, сколько пущенная изъ лука стрѣла пролетѣть можетъ (Баумгартенъ, посѣтитель святыхъ мѣстъ, въ русскомъ переводѣ, 1794, стр. 129).

СѢВЕРНАЯ ВЕРХНЯЯ ПЛОЩАДКА ХАРАМА.

фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., № 18.

ЗАПАДНЫЯ ВХОДНЫЯ АРКАДЫ

НА ВЕРХНЮЮ ПЛОЩАДЬ ХАРАМА.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

стѣны показала, что здѣсь, вдоль стѣны платформы, сперва идетъ темный корридоръ или туннель, а затѣмъ компактная масса изъ строевыхъ камней, а частію, вѣроятно, и изъ скалы, хотя строго различить камни и скалу трудно отъ покрывающей туннель штукатурки. Такой же корридоръ найденъ и на сѣверной и западной сторонѣ. По всей вѣроятности, платформа со всѣхъ сторонъ обведена сарацинскими сводами, потому что иначе не могъ явиться ея нынѣшній четыреугольникъ, не имѣющій ничего общаго съ возвышеніями внутреннихъ дворовъ ветхозавѣтнаго храма. Подобно тому, какъ ограда внутреннихъ дворовъ древняго святилища была окружена еще особымъ валомъ (хелъ), и нынѣшняя верхняя платформа окружена контрфорсомъ или валомъ, который на сѣверной сторонѣ состоитъ частію изъ натуральной скалы, частію изъ насыпи 11 метровъ широты. Въ 1886 году Реуфъ-паша возобновилъ такой валъ и на восточной сторонѣ платформы, изъ земли, вынесенной изъ юго-восточнаго подземелья при его расчисткѣ.

Возвышеніе грунта внутренней платформы надъ внѣшнимъ дворомъ ясно опредѣляется длиною соединяющихъ ихъ лѣстницъ. Именно: три лѣстницы, нынѣ существующія въ западной сторонѣ платформы, имѣютъ 26 ступеней (лѣстница противъ мечети Омара), 25 ступеней (у юго-западнаго угла платформы) и 24 ступени (у сѣверо-западнаго угла платформы). Двѣ лѣстницы южной стороны имѣютъ 20 ступеней (лѣстница противъ Куббетъ ес-Сахра) и 12 ступеней (лѣстница противъ Куббетъ ес-Силсиле). Двѣ лѣстницы сѣверной стороны имѣютъ 7 ступеней (лѣстница противъ куббетъ ес-Сахра) и 6 ступеней (противъ Куббетъ ес-Силсиле). Единственная лѣстница на восточной сторонѣ, противъ вос-

точнаго фронта куббетъ ес-Сахра и Куббетъ ес-Силсиле, имѣетъ 8 ступеней. Что касается древности этихъ лѣстницъ, то объ этомъ нужно замѣтить слѣдующее. Восточная лѣстница можетъ указывать ту линію, на которой лежали ворота Никанора, приводившія съ востока во дворъ женщинъ, но непосредственнаго отношенія къ нимъ не имѣетъ. Ворота Никанора, какъ и вообще дворъ женщинъ, по уровню лежали ниже двора священническаго и тѣхъ воротъ, которыя мы предполагаемъ на мѣстѣ Куббетъ ес-Силсиле, и, слѣдовательно, ниже нынѣшней восточной лѣстницы. Съ другой стороны, ворота Никанора находились далѣе на востокъ, чѣмъ нынѣшняя восточная лѣстница. Тогда какъ одинъ дворъ женщинъ имѣлъ длины съ востока на западъ 135 локтей или 70 метровъ, все разстояніе отъ восточнаго фронта мечети Омара до восточной лѣстницы платформы, по нашимъ измѣреніямъ, равно 52,10 метрамъ. Такимъ образомъ, при образованіи нынѣшней платформы, почти третья часть двора женщинъ была отрѣзана на восточной сторонѣ. Нынѣшнія двѣ лѣстницы сѣверныя и южныя приблизительно точно указываютъ положеніе древнихъ лѣстницъ и воротъ Ницоцъ и Парва (сѣверныхъ), Га-маимъ и Гаделекъ (южныхъ). Это именно среднія изъ четырехъ сѣверныхъ и четырехъ южныхъ воротъ Иродова внутренняго двора [1]. Что же касается остальныхъ двухъ крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ воротъ Ирода, то двое изъ нихъ, приводившія во дворъ женщинъ, были сняты при сокращеніи платформы съ востока, а двое другихъ, бывшія

[1] Недавно еще противъ южныхъ лѣстницъ платформы можно было отличать остатки вала, окружавшаго внутренній дворъ Ирода. Южная линія платформы обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что она одна вполнѣ параллельна наружной стѣнѣ харама.

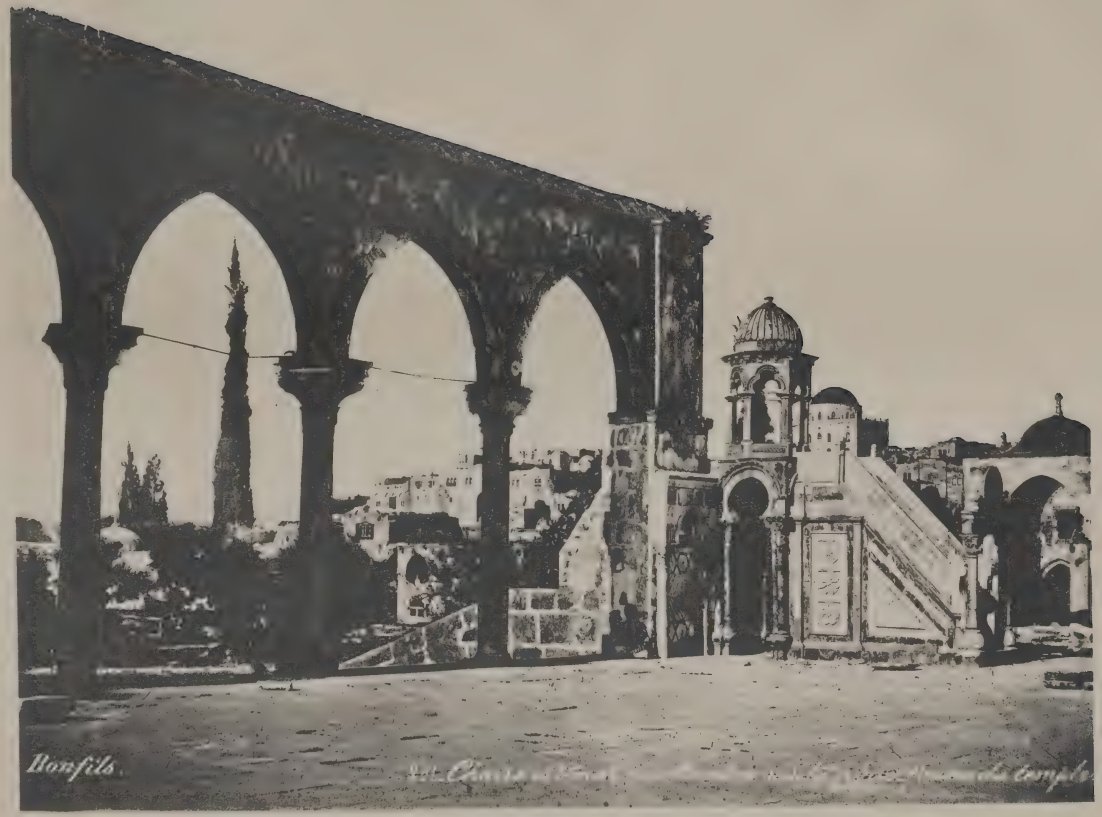
противъ корпуса самаго храма, были уничтожены при сокращеніи платформы съ запада, и замѣнены нынѣшними лѣстницами, юго-западною и сѣверо-западною. Наконецъ, средняя западная лѣстница, находящаяся противъ куббетъ ес-Сахра въ разстояніи 11,75 метровъ отъ ея западнаго фронта, выдѣляется изъ ряда другихъ лѣстницъ тѣмъ, что она не выступаетъ изъ линіи платформы, но цѣликомъ въ нее входитъ. На основаніи положенія этой лѣстницы въ отношеніи къ священной скалѣ, какъ мѣсту жертвенника всесожженій, мы считаемъ возможнымъ видѣть въ нѣкоторой части ея спускъ въ то подземелье, которое, по описанію Іосифа Флавія (ср. Іезек. 41, 8), существовало подъ храмомъ, какъ его подвальная часть (atem мишны). Слѣдовательно, надъ тою же лѣстницею, нынѣ низводящею внизъ съ уровня верхней платформы, была другая противоположная лѣстница, возводившая съ уровня платформы и куббетъ ес-Сахра на то еще болѣе возвышенное основаніе, на которомъ стоялъ корпусъ храма. Дорогая отдѣлка камней храма и особенное священное ихъ значеніе были причиною того, что развалины храма были разобраны до послѣднихъ основныхъ камней, что и было, между прочимъ, причиною сокращенія верхней платформы на западѣ. Другою причиною была явившаяся впослѣдствіи необходимость расширенія внѣшней площади харама въ сторонѣ обращенной къ городу.

Лѣстницы верхней платформы мусульманскаго харама не имѣютъ воротъ. Но воспоминаніемъ о бывшихъ здѣсь древнихъ воротахъ служатъ такъ называемыя мавасинъ (отъ единств. mizan, вѣсы), высокія аркады на верхнихъ ступеняхъ лѣстницъ, раздѣляемыя, смотря по широтѣ лѣстницы, на 3, 4 и 5 пролетовъ или арокъ, опирающихся на колоннахъ разнообразнаго вида, мра-

морныхъ, гранитныхъ и иныхъ, подобранныхъ, очевидно, изъ разныхъ древнихъ развалинъ. Аркада надъ восточною лѣстницею представляетъ слѣды еще какого-то особеннаго приспособленія. Первоначально она имѣла 5 пролетовъ и была шире нынѣшней лѣстницы; потомъ она была сравнена съ широтою лѣстницы чрезъ закрытіе двухъ боковыхъ пролетовъ и укрѣплена сзади какими-то контрфорсами, заслонившими поддерживающія архитравъ колонны. Въ архитравѣ надъ арками, съ внутренней стороны, видны незадѣланныя пробоины для перекладинъ потолка, примыкавшей когда-то сюда, но нынѣ несуществующей, постройки. Стоя на краю верхней платформы, мавасины, по своей высотѣ и по своему изолированному положенію, имѣютъ весьма эффектный видъ и соперничаютъ если не съ куполомъ Куббетъ ес-Сахра, то съ куполами разбросанныхъ здѣсь молитвенныхъ павильоновъ, кіосковъ и бѣлыми куполами жилыхъ помѣщеній, лѣпящихся на сѣверной, западной и южной сторонѣ платформы, подобно нѣкоторому призрачному воспоминанію тѣхъ зданій, которыми была окружена внутренняя платформа ветхозавѣтнаго храма [1]. Недостаетъ Куббетъ ес-Сахра и ея платформѣ только минаретовъ, которые здѣсь сочтены излишними по отдаленности мѣста отъ города. Они возвышаются надъ наружною стѣною харама.

Нижняя платформа, или собственно площадь харамъ еш-шерифъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ внутреннюю платформу. Подобно внутренней платформѣ, и внѣшняя шире въ сѣверной, чѣмъ въ южной части.

[1] Мавасины упоминаются уже Іоанномъ Вюрцбурскимъ; слѣдовательно, они стояли на своихъ мѣстахъ уже до крестовыхъ походовъ, хотя надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ, что они были реставрированы въ XIV вѣкѣ.



КАѲЕДРА ОМАРА.

фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №18

Хотя по прямой линіи отъ платформы до наружной южной стѣны разстояніе больше, чѣмъ отъ верхней платформы до нынѣшней сѣверной стѣны, но если взять во вниманіе большую широту сѣверной половины, то ее можно считать равною южной. Восточная сторона нижней платформы больше западной. Если вообще площадь харама считаютъ ровною, то это не исключаетъ небольшихъ повышеній и пониженій ея въ разныхъ пунктахъ. Такъ южная сторона имѣетъ нынѣ почти ровный грунтъ 2,419 и 2,420 фут. надъ моремъ. Западная сторона имѣетъ грунтъ на сѣверо-западномъ углу скалистый и поднятый до 2,446 фут., въ средней части 2,421, а въ юго-западномъ углу 2,416 фут. Сѣверная сторона, если исключить сѣверо-западный уголъ, имѣетъ отъ 2,429 до 2,418 фут. Когда отъ воротъ Хитта или Атмъ идешь къ верхней платформѣ, чувствуешь, что совершаешь восхожденіе и притомъ на круглый холмъ, имѣющій скатъ направо и налѣво и поднимающійся только къ платформѣ [1]. Восточная сторона нынѣ имѣетъ уровень между 2,419 и 2,416, за исключеніемъ раскопанной нынѣ глубокой впадины у золотыхъ воротъ 2,395 футовъ. Непокрытая наслоеніями земли натуральная скала видна, кромѣ сѣверо-западнаго угла внѣшняго двора, у сѣверо-западнаго угла верхней платформы, у восточной стѣны верхней платформы, противъ золотыхъ воротъ, и на южной сторонѣ, у юго-восточнаго угла верхней платформы.

Подобно тому, какъ верхняя мусульманская платформа харама вѣнчается Куббетъ ес-Сахра, нижняя платформа имѣетъ свой наиболѣе священный пунктъ въ ме-

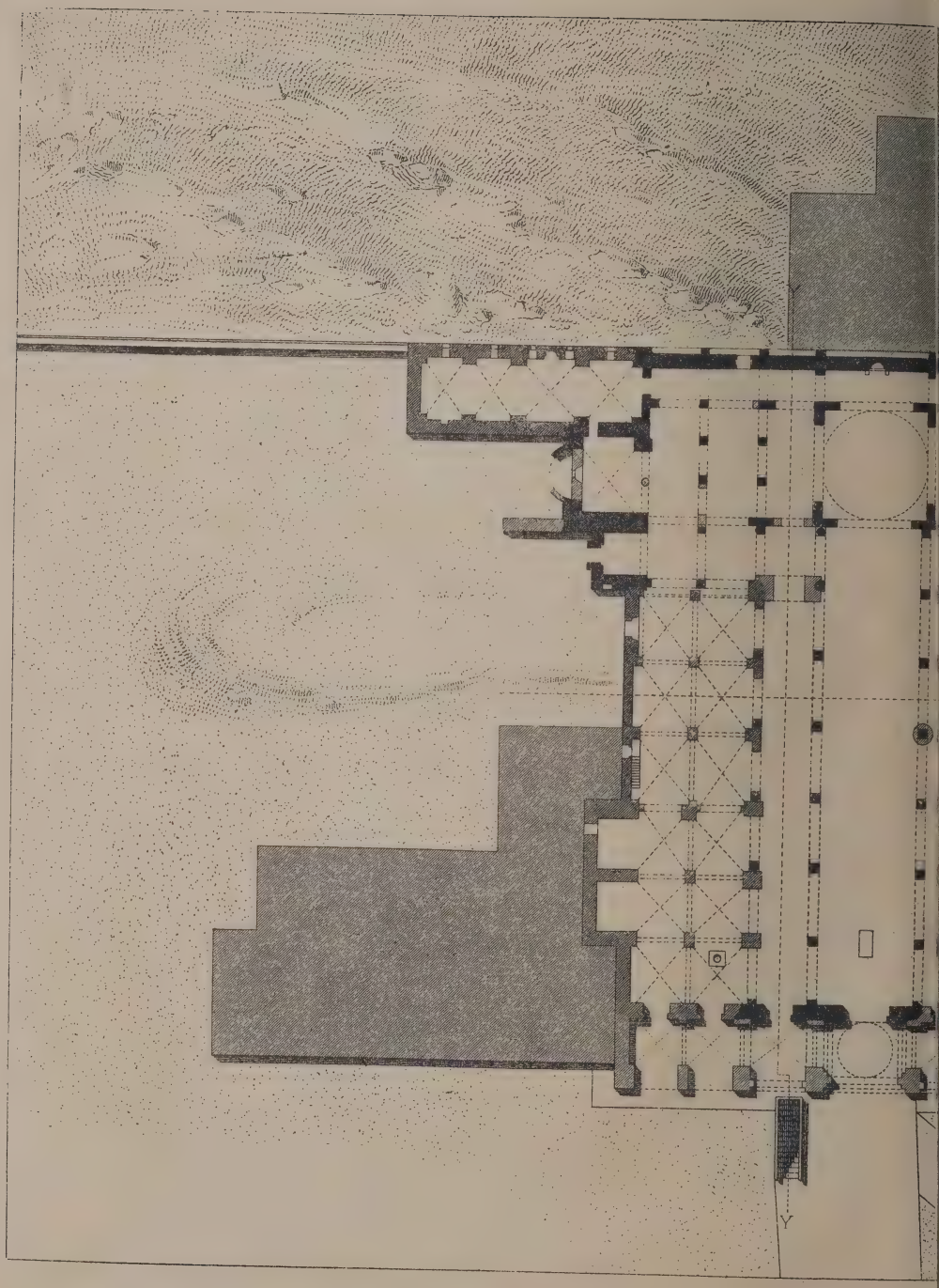
[1] Впрочемъ, подъемъ грунта площади въ этомъ пунктѣ кажется зависитъ еще отъ подземныхъ построекъ, часть которыхъ открыта здѣсь Варреномъ (см. планъ № 29).

чети ел-Акса. И какъ куббетъ ес-Сахра покрываетъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ срединной части ветхозавѣтнаго святилища, такъ мечеть ес-Акса стоитъ въ наиболѣе важной части внѣшняго двора, на мѣстѣ такъ называемой στοὰ βασιλικὴ Ирода, на такъ называемомъ двойномъ южномъ проходѣ и воротахъ. Какъ замѣчаетъ арабскій географъ Идризи (12 вѣка), это самая обширная въ мірѣ мечеть послѣ мечети въ Кордовѣ.

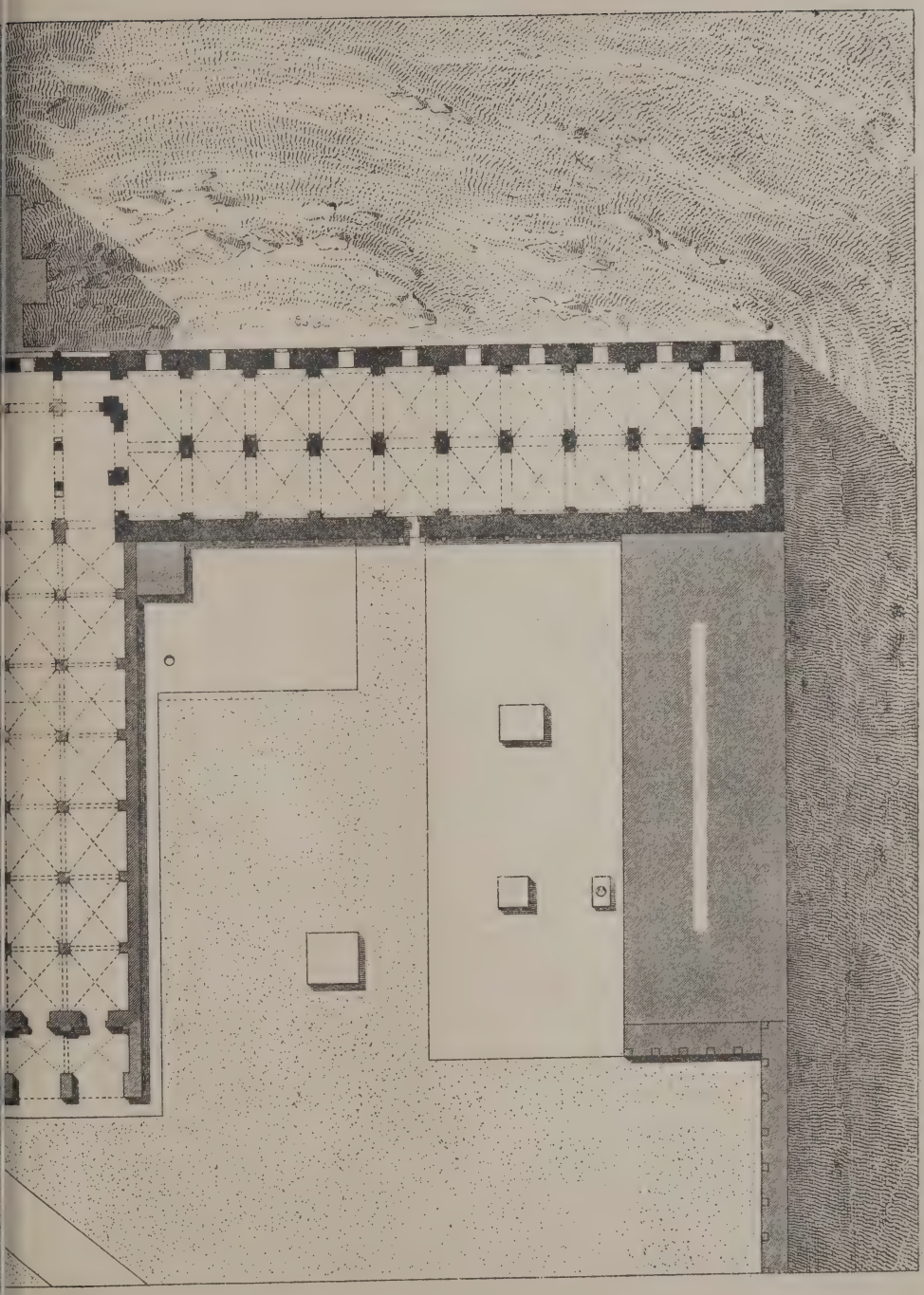
Если мечеть Омара или иначе Куббетъ ес-Сахра есть именно куполъ и вся постройка ея представляетъ генетическое развитіе купольной постройки надъ священною скалою, то мечеть ел-Акса представляетъ нѣчто совершенно противоположное. Она также имѣетъ куполъ, похожій на куполъ мечети Омара, хотя меньшихъ размѣровъ. Но этотъ куполъ стоитъ какъ-то на отшибѣ, на самомъ южномъ концѣ мечети, и не имѣетъ за собою абсиды, закругляющей алтарную часть христіанской базилики. На сѣверъ отъ купола, какъ-то совершенно уединенно отъ него, простирается длинный хребетъ двускатной деревянной крыши, подобной Виѳлеемской. Внутренность мечети ел-Акса представляетъ двѣ вставленныхъ одна въ другую и разновременныхъ постройки. Изъ нынѣшнихъ семи нефовъ базилики первоначальными нужно считать четыре боковыхъ нефа. Три же средніе нефа образовались изъ одного большого центральнаго нефа[1]. Вѣроятно, затрудняясь сдѣлать деревянную крышу для очень широкой средней залы (78 англ. фут.), ее разбили, въ одну изъ реставрацій мечети, на три отдѣльныхъ нефа, вслѣдствіе чего первоначальная пятинефная мечеть обратилась въ семинефную. Вставка нынѣшняго срединнаго неширокаго

[1] Можетъ быть эта центральная часть мечети первоначально была открытымъ дворомъ, окруженнымъ портиками, нынѣшними боковыми нефами.

НАРУЖНЫЙ ВИДЪ МЕЧЕТИ ЕЛ-АКСА.



Планъ мечъ



и ел-Аксса

Фото-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская № 18

нефа въ первоначальный широкій доказывается совершеннымъ отличіемъ въ построеніи его столбовъ и стѣнъ. Тогда какъ въ боковыхъ нефахъ стѣны очень толсты, какъ выражается Аркульфъ, vili fabricati sunt opere, и имѣютъ приниженные своды, въ среднемъ нефѣ стѣны гораздо тоньше и смѣлѣе подняты вверхъ. Тогда какъ боковые нефы имѣютъ сложенные изъ камня столбы, толстые и неуклюжіе, средній нефъ держится не на столбахъ, а на мраморныхъ колоннахъ, по арабскому обычаю, столь же разнообразныхъ, какъ и колонны Куббетъ ес-Сахра: здѣсь есть колонны зеленоватаго порфира, темно-красной яшмы и мрамора Св. креста; на нѣкоторыхъ капителяхъ есть аллегорическія фигуры грифовъ, центавровъ и проч., напоминающія аллегорическія фигуры семисвѣщнаго свѣтильника на тріумфальной аркѣ Тита; подобныя капители есть въ армянской патріаршей церкви Св. Іакова. Чрезвычайно странно въ ряду колоннъ, въ одномъ мѣстѣ, видѣть грубый столбъ, поддѣланный подъ видъ столбовъ боковыхъ нефовъ. Строителямъ недостало одной колонны!.. Точно также верхняя стѣна средней залы, лежащая на колоннахъ, не гармонируетъ съ слѣдующими стѣнами боковыхъ нефовъ. Несоразмѣрно малыя окна подъ крышею средняго нефа и дополняющая ихъ нижняя линія незастекленныхъ пробоинъ, неодинаковой величины, для пропуска свѣта изъ боковыхъ нефовъ, достаточно ясно показываютъ, что строители средняго нефа были стѣснены уже готовыми тогда боковыми нефами. Въ южной части мечети, по ту и другую сторону, на востокъ и западъ отъ купола, идутъ поперечныя аллеи, соотвѣтствующія транзепту; но такихъ аллей двѣ, и теченіе ихъ въ ту и другую сторону неодинаково, и имѣетъ, главнымъ образомъ, два вида: одно съ толстыми стѣнами и грубыми столбами, другое

съ болѣе тонкими стѣнами и болѣе изящными столбами. Вслѣдствіе такой позднѣйшей вставки въ древнія рамки, въ разныхъ пунктахъ нарушена симметрія частей. По мѣстамъ сохранились остатки какихъ-то древнихъ стѣнъ, случайно неубранныхъ при реставраціи. Въ видѣ продолженія вѣтвей транзепта изъ линіи стѣнъ мечети, на западъ, выходитъ двухпролетная галлерея, по длинѣ равная всей длинѣ мечети до притвора. Остатки такой же галлереи есть и на восточной сторонѣ. Откуда ведутъ свое происхожденіе разнородные элементы мечети ел-Акса? Обыкновенно ее считаютъ базиликою императора Юстиніана, описанною Прокопіемъ (De aedific. Justiniani, V, 6), впослѣдствіи передѣланною арабами, потомъ крестоносцами и снова арабами. Но оріентація мечети на югъ не могла быть свойственна христіанской базиликѣ. Это тѣмъ болѣе было бы удивительно, что во время Юстиніана здѣсь, вѣроятно, были еще остатки базилики Ирода Великаго, στοὰ βασιλή, въ направленіи съ запада на востокъ, линіями которой весьма удобно было воспользоваться при постройкѣ христіанской церкви (см. наше сочиненіе: Св. Земля, I, 111—112). Гораздо болѣе основаній отличать здѣсь работы крестоносцевъ, при которыхъ мечеть ел-Акса была обращена въ королевскій дворецъ. Возможно, что крестоносцамъ, какъ думаетъ Вогюэ, принадлежитъ длинная двухчастная зала, выходящая на западъ отъ транзепта мечети, такъ называемыя нынѣ „бѣлыя залы“, ел-Каатъ ел-Бейде. Подобныя залы, въ видѣ галлерей, устраивались во всѣхъ дворцахъ и укрѣпленіяхъ франковъ въ Сиріи. Здѣсь правители творили судъ, угощали своихъ вассаловъ, устраивали празднества. Обыкновенно стѣны залы были увѣшаны оружіемъ и трофеями войны и охоты. Подобную залу крестоносцевъ можно видѣть еще во

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ МЕЧЕТИ ЕЛ-АКСА.

Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

франкской крѣпости въ Тортозѣ (Rey, E. Les colonies Franques de Syrie aux XII et XIII siècles, 48). Все остальное — разновременныя постройки арабовъ [1].

По своимъ украшеніямъ мечеть ел-Акса гораздо ниже Куббетъ ес-Сахра. Только южная часть средняго нефа подъ куполомъ и самый куполъ отдѣланы мозаикою, во вкусѣ Куббетъ ес-Сахра, съ преобладаніемъ розоваго цвѣта. Съ купола спускается хрустальная люстра и цѣлый рядъ одиночныхъ лампадъ предъ миграбомъ. На столбахъ, поддерживающихъ куполъ, висятъ зеленыя дощечки съ стихами корана, написанными, по увѣренію шейха мечети, собственноручно султаномъ Махмудомъ. У самаго миграба, съ западной стороны, высокимъ барьеромъ отдѣленъ небольшой придѣлъ, въ которомъ мусульманское преданіе указываетъ отпечатокъ ноги Спасителя на камнѣ, — что, конечно, и справедливо въ томъ смыслѣ, что въ бывшей нѣкогда на этомъ мѣстѣ галлереѣ нерѣдко ходилъ и училъ Іисусъ Христосъ. Къ барьеру прислоненъ такъ называемый мимбаръ или проповѣдническая каѳедра, чрезвычайно изящно сдѣланная, первоначально для Дамасской мечети, и сюда перенесенная Саладиномъ. Вся остальная часть мечети ел-Акса не имѣетъ ничего, кромѣ голыхъ оштукатуренныхъ стѣнъ и покрытаго грубыми рогожами каменнаго пола. Въ числѣ другихъ предвѣстниковъ близкаго паденія маго-

[1] Вотъ что говоритъ объ арабскихъ перестройкахъ ел-Аксы Меджиръ ед-Динъ: „во дни Абу-Яфаръ-Альмансуръ ел-Аббаси (755 года) обвалилась восточная часть мечети Ел-Акса, а западная упала еще прежде во время землетрясенія, бывшаго въ 130 году гиджры (748). Абу-Яфаръ возобновилъ мечеть, но затѣмъ было второе землетрясеніе и его постройка обрушилась снова. Когда вступилъ на престолъ ел-Магиди (770 г.) и мечеть была въ развалинахъ, то онъ приказалъ обновить ее, говоря: эта мечеть была доселѣ узкая и длинная; теперь нужно уменьшить ея длину и увеличить ширину. Въ его халифатство мечеть была окончена“. Затѣмъ мечеть Ел-Акса до крестовыхъ походовъ еще разъ была реставрирована Мамумомъ въ 831 году, при его общей реставраціи іерусалимскаго харама.

*

метанства, нельзя не поставить оскудѣнія искусства мозаическихъ работъ, которое нѣкогда создало Куббетъ ес-Сахра и которое въ настоящее время не существуетъ между арабами. Когда въ 1873 году потребовалось ремонтировать мозаическія работы Куббетъ ес-Сахра, едва могли найти мастеровъ и то не изъ арабовъ, а изъ армянъ. Между тѣмъ мозаика есть единственное спасеніе магометанскихъ святилищъ; безъ нея даже такія мечети, какъ Айя-Софіа въ Константинополѣ, не будутъ имѣть вида. Впрочемъ, мечеть ел-Акса, кромѣ недостатка украшеній, страдаетъ еще отъ недостатка ухода, подобно той же мечети Айя-Софіа. Не смотря на то, что мусульмане ходятъ здѣсь босыми, и отъ насъ требуютъ ходить не иначе, какъ обмотавъ сапоги носовыми платками, чистоты-то именно здѣсь и недостаетъ. Да и какая можетъ быть чистота въ томъ храмѣ, который служитъ не только домомъ молитвы, но и спальнею многочисленной паствы? Въ разбитыя окна мечети влетаютъ цѣлыя стаи воробьевъ и ночуютъ гдѣ попало — и на люстрахъ, и на проповѣднической каѳедрѣ, и въ самомъ миграбѣ, какъ разъ такъ, какъ въ константинопольской мечети, древнемъ храмѣ Юстиніана...

Послѣ Куббетъ ес-Сахра и мечети ел-Акса, третья мечеть на площади харамъ еш-шерифъ носитъ названіе мечеть африканская, Могарибе. Эта мечеть уже совершенно пуста. Можетъ быть ея толстыя стѣны представляли бы нѣкоторый интересъ, если бы не были покрыты такою толстою штукатуркою. Но эта мечеть важна тѣмъ, что она представляетъ западное продолженіе такъ называемыхъ „бѣлыхъ залъ“ крестоносцевъ и можетъ быть даже указываетъ линіи западныхъ галлерей храма Ирода. Нужно замѣтить, что арабы, насколько у нихъ доставало умѣнья, старались сообщить

ВИДЪ СѢВЕРНОЙ ГАЛЛЕРЕИ ХАРАМА.

Фототипія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №13.

площади харама тотъ видъ, какой она имѣла въ древности, особенно чрезъ устройство галлерей вдоль наружныхъ стѣнъ. И теперь еще, вдоль западной и сѣверной стѣны, сохранились такія галлереи, имѣющія то общее съ галлереями Ирода, что онѣ упираются въ глухую ограду и открыты къ площади храма. Но въ своемъ составѣ и способѣ постройки онѣ не имѣютъ отношенія къ древнимъ галлереямъ. Вмѣсто мраморныхъ монолитныхъ колоннъ Ирода, онѣ лежатъ на неуклюжихъ, сложенныхъ изъ камня, столбахъ, и покрыты, вмѣсто деревянной Иродовой крыши, тяжелыми, грубыми сводами. Самыя линіи галлерей идутъ неправильно. На западной сторонѣ почти вездѣ удержана одна галлерейная аллея; только близъ юго-западнаго угла сохранился остатокъ, могущій имѣть отношеніе къ другой параллельной аллеѣ галлерей, обращенный нынѣ въ мечеть Могарибе. Широта галлерей неодинакова. Двѣ галлерейныя аллеи, которыя можно различать при мечети Могарибе, имѣли 70 футовъ широты, подобно „бѣлымъ заламъ“ мечети ел-Акса; но въ дальнѣйшемъ теченіи ординарная галлерея имѣетъ только 25 фут. широты. На сѣверной сторонѣ ординарная галлерея донынѣ сохранилась только при прудѣ Биркетъ Исраелъ, и имѣетъ, вмѣстѣ съ стѣною, 35 футовъ широты. Затѣмъ небольшой обрывокъ галлереи, но менѣе широкой, сохранился у воротъ Бабъ ел-Атмъ. Замѣчательно, что сѣверо-западный уголъ, мѣсто крѣпости Антонія, не имѣетъ никакого слѣда галлерей. Точно также галлереи прерывались здѣсь и въ ветхозавѣтномъ храмѣ. Открытый уголъ площади здѣсь буквально вытесанъ въ скалѣ, возвышающейся съ сѣвера стѣною до 7 и болѣе метровъ высоты. Въ отвѣсной стѣнѣ скалы пробиты какія-то ниши, вѣроятно

имѣвшія отношеніе къ бывшимъ нѣкогда здѣсь постройкамъ. Вдоль восточной стѣны галлерей нѣтъ. Какъ въ древности, въ Соломоновомъ храмѣ, съ галлереями были связаны помѣщенія священниковъ, такъ и въ настоящее время галлереи прерываются помѣщеніями шейховъ и служителей харама. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ галлереями возвышается верхній этажъ жилыхъ помѣщеній древнеарабскаго времени, насколько можно судить изъ того, что его мраморная обкладка позолотилась отъ времени и изъ его щелей успѣли вырости огромные кусты, соперничающіе съ зеленью, выставленною въ горшкахъ на окнахъ. Но вообще видъ на галлереи и на ихъ верхніе этажи жилыхъ помѣщеній очень непригляденъ. Все здѣсь наполовину разрушено. Деревянныя рѣшетки въ незастекленныхъ окнахъ поизломаны, и сквозь нихъ глядитъ неприкрытая нагота восточной жизни. Стѣна городскихъ казармъ, возвышающаяся на мѣстѣ крѣпости Антонія, на отвѣсной скалѣ, кажется очень высокою для наблюдающаго съ площади харама, но она сложена чрезвычайно непрочно и некрасиво. Наконецъ, современныя галлереи харама вѣнчаются четырьмя минаретами, изъ которыхъ самый замѣчательный возвышается на сѣверо-западномъ углу и носитъ названіе минаретъ ес-серай. Первое построеніе этой семиэтажной башни относится къ 1207 году; она недавно ремонтирована. Второй минаретъ 1297 года, у воротъ арки Вильсона, обращаетъ на себя вниманіе верхушкою въ видѣ сахарной головы. Третій минаретъ 1397 года, надъ бассейномъ Биркетъ Исраелъ, живописно поросъ дикими кустами, вмѣстѣ со всею выходящею изъ пруда стѣною харама. Четвертый минаретъ на юго-западномъ углу ограды харама. Минаретовъ нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ галлерей, на восточной и

даже на южной сторонахъ, обращенныхъ за городскую черту, не смотря на присутствіе при южной стѣнѣ большой мечети.

Тѣ же увѣнчанныя минаретами стороны харама, сѣверная и западная, непосредственно соприкасающіяся съ городомъ, имѣютъ въ настоящее время и ворота, между тѣмъ какъ ворота, нѣкогда бывшія въ восточной и южной сторонѣ, нынѣ закрыты. Главными воротами харама нынѣ считаются ворота Бабъ ес-Силсиле, которыми входятъ на площадь харама съ улицы Давида и которымъ предшествуетъ арка Вильсона. Подобно древнѣйшимъ воротамъ храма, ворота Бабъ ес-Силсиле состоятъ изъ двухъ пролетовъ, изъ которыхъ сѣверный называется воротами мира (Бабъ ес-Селамъ), а южный—воротами цѣпи (Бабъ ес-Силсиле). Ворота украшены колоннами изъ сѣраго мрамора, тонкими, но двухкорпусными, т. е. сдѣланными въ видѣ нераздѣльныхъ паръ, переплетенныхъ затѣйливыми линіями связей, и притомъ, по своей незначительной высотѣ, разставленныхъ двумя ярусами. Колонны могутъ принадлежать крестоносцамъ, хотя устройство воротъ, по надписи, принадлежитъ 1492 году. Высокій порогъ воротъ сложенъ изъ разныхъ осколковъ, между прочимъ изъ остатка какой-то мраморной притолоки. Ведущая къ воротамъ улица недавно вся вымощена заново Реуфъ-пашею. Мы уже знаемъ, что эта улица частію проходитъ на подземномъ корридорѣ, соединявшемъ храмъ съ башнею Давида.

Вторыя западныя ворота—Бабъ ел-Каттанинъ, т. е. ворота хлопчато-бумажныхъ тканей [1]. Названіе взято

[1] По гипотезѣ Унгера это—Porta Neapolitana Бордосскаго путника, которыя лежали на мѣстѣ соединенія крѣпости Антонія съ храмомъ Ирода (на юго-западномъ углу харама) и которыми изъ города входили

отъ примыкающаго къ воротамъ древнеарабскаго крытаго базара хлопчато-бумажныхъ издѣлій, нынѣ заброшеннаго. Ворота меньше предшествующихъ и ординарныя, но очень красиво въ 1336 г. сооруженныя въ мавританскомъ вкусѣ. Такъ какъ здѣсь нѣтъ моста и висячей дороги чрезъ долину Тиропеонъ, то грунтъ за стѣною харама непосредственно понижается; восхожденіемъ на площадь харама служитъ лѣстница, одна часть которой изъ 11 ступеней предшествуетъ воротамъ снаружи, а другая изъ 10 ступеней врѣзывается въ самую площадь харама; высота лѣстницы 14 футовъ. Сколько можно судить по свѣжему виду лѣстницы и порога, ворота Бабъ ел-Каттанинъ не были въ большомъ употребленіи, и можетъ быть первоначально были закрыты для народа.

Третьи ворота, Бабъ ел-Хадидъ, меньше воротъ Каттанинъ; правильнѣе сказать, это не болѣе какъ калитка съ желѣзною дверью (Хадидъ значитъ желѣзный). Снаружи и здѣсь примыкаютъ къ стѣнѣ харама хорошей работы древнеарабскія постройки того же времени, что и постройки воротъ Бабъ ел-Каттанинъ. Здѣсь нѣтъ лѣстницъ, и спускъ съ площади харама на городскую улицу менѣе значителенъ, чѣмъ у предшествующихъ воротъ. Очевидно долина Тиропеонъ отодвинулась здѣсь отъ стѣны харама на западъ.

Четвертыя ворота, ординарныя, Бабъ ен-Назиръ, что значитъ ворота надзирателя, а можетъ быть и ворота Назореевъ. Разность грунта площади харама и прилегающей улицы здѣсь еще менѣе значительна.

въ Новый Іерусалимъ и базилику Константина (Die Bauten Constantin's des Grossen, 68). Напротивъ, Фергюссонъ полагаетъ Neapolitana въ новооткрытыхъ воротахъ Варрена (нынѣ цистерна харама № 30) (см. планъ на стр. 779).

Пятыя ворота, Бабъ ес-Серай, ворота сераля, небольшая одностворчатая дверь, бывшая въ распоряженіи іерусалимскихъ пашей, старый дворецъ которыхъ примыкалъ къ воротамъ. Здѣсь разности въ грунтѣ, по ту и другую сторону воротъ, не замѣчается. Съ того времени, какъ дворецъ пашей переведенъ въ другое мѣсто, ворота Бабъ ес-Серай закрыты.

Шестыя ворота — Бабъ ел-Гаваниме, названныя такъ по имени одного магометанскаго праведника, гробница котораго находится вблизи воротъ. Это — одностворчатая и небольшая дверь, но, вслѣдствіе близости казармъ, очень людная. Если предшествующія ворота имѣли за собой со стороны города большее или меньшее пониженіе грунта, то здѣсь, напротивъ, прилегающій городской кварталъ значительно выше площади харама; дорога на городскую улицу идетъ по лѣстницѣ, частію вырубленной въ самой скалѣ. Амбразура двери въ нижней своей части также пробита въ скалѣ.

Седьмыя ворота—Бабъ ел-Атемъ, ворота тьмы, или темныя, выводящія въ крытую темную улицу, съ древнеарабскими, облицованными мраморомъ, постройками. И здѣсь наружный грунтъ все еще нѣсколько выше площади харама. Самыя ворота обращаютъ на себя вниманіе развѣ только порогомъ, очень высокимъ, состоящимъ изъ цѣльной древней колонны.

Восьмыя ворота—Бабъ-Хитта (древнееврейское произношеніе; въ арабскомъ языкѣ, вмѣсто удвоенія согласной, вставляется буква *н*), т. е. ворота пшеницы. Здѣсь наружный грунтъ со стороны города опять ниже площади харама. Въ воротной башнѣ можно различать древнія большія каменныя плиты, принадлежавшія мостовой. Снаружи къ ней примыкаютъ почернѣвшія отъ давности древнеарабскія постройки.

Девятыя ворота — Бабъ ел-Азбатъ, т. е. ворота самыя крѣпкія (превосходная степень отъ положительной за́битъ, крѣпкій). Въ настоящее время это имя можно приложить къ даннымъ воротамъ развѣ только въ насмѣшку. Это—самыя плохія и самыя некрѣпкія изъ всѣхъ воротъ харама. И не видно, чтобы когда нибудь они были крѣпче. Въ виду такого несоотвѣтствія, другіе проводники называютъ данныя ворота, чрезъ перемѣну одной гласной, Бабъ ел-Исбатъ, ворота *колѣнъ* (отъ единственнаго subt, колѣно), ссылаясь на то, что у самыхъ этихъ воротъ находится бассейнъ, носящій имя 12 колѣнъ израилевыхъ. Еще иначе эти ворота называютъ Бабъ ес-Зоббатъ, ворота жандармскія или полицейскія, и Бабъ ес-Зебтъ, ворота субботнія. За воротами грунтъ слегка понижается къ городскимъ воротамъ геѳсиманскимъ.

Наконецъ десятыя изъ нынѣшнихъ воротъ харама примыкаютъ съ южной стороны къ стѣнѣ Плача и носятъ названіе Бабъ ел-Могарибе, ворота алжирскія. Порогъ воротъ напоминаетъ порогъ, открытый на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія, по вырубленной въ немъ извнутри выемкѣ для вращенія двери (см. нашу статью: „По вопросу о раскопкахъ 1883 года на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ“, изъ записокъ Импер. Русск. Арх. Общ. Т. II, стр. 51). Пониженіе грунта за воротами весьма значительно; къ нимъ восходятъ по искусственному подъему. Ворота Могарибе если не могутъ считаться древними, то по крайней мѣрѣ лежатъ въ непосредственной близости къ древнимъ, нынѣ закрытымъ, воротамъ Барклея. Изъ остальныхъ воротъ только ворота Бабъ ес-Силсиле несомнѣнно занимаютъ мѣсто воротъ ветхозавѣтнаго храма, какъ это видно изъ положенія арки Вильсона, а можетъ быть также и ворота

ГРОБНИЦА ИЛІИ.

Фототипія П. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

Бабъ ел-Атмъ. Остальныя древнія ворота ветхозавѣтнаго храма въ настоящее время закрыты.

Любопытно, что изъ описанныхъ нынѣшнихъ воротъ харама не одни не приходятся на прямой линіи воротъ Куббетъ ес-Сахра, лѣстницъ и мавасиновъ внутренней платформы харама. Вмѣсто законовъ симметріи, строители воротъ руководились только потребностями жителей прилегавшихъ городскихъ кварталовъ и общественныхъ зданій. Тѣмъ не менѣе отъ каждыхъ воротъ по направленію къ ближайшей лѣстницѣ внутренняго двора или верхней платформы проведена выложенная камнемъ дорога. Особенно широкая мостовая идетъ вдоль всей западной галлереи и отъ воротъ Могарибе къ мечети ел-Акса, также отъ воротъ Силсиле и Каттанинъ къ верхней платформѣ. Нѣтъ мостовой отъ воротъ золотыхъ, закрытыхъ, и отъ воротъ Азбатъ, которыми пользуются не городскіе жители, а бѣдняки съ Елеонской горы и Виѳаніи. Вдоль внутренней платформы обведенъ выложенный каменными плитами троттуаръ, поднятый на одну ступень, не вездѣ впрочемъ правильный и одинаковый. Наконецъ, по пространству площади харама разбросаны въ разныхъ мѣстахъ такъ называемыя Мастабегъ, „молитвенныя мѣста“, поднятыя на одну ступень платформы, 10, 20 и 50 футовъ длины, болѣе или менѣе изящно выложенныя каменными плитами, съ неизбѣжнымъ миграбомъ на южной сторонѣ, то есть съ нишею для статуи, но безъ статуи, иногда съ молитвеннымъ павильономъ, кіоскомъ или часовнею; на нѣкоторыхъ молитвенныхъ платформахъ уже успѣли вырости вѣковыя маслины. Чаще всего эти платформы устраиваются по близости воротъ, чтобы приходящій сюда для молитвы, при случаѣ, могъ и не заходить въ мечеть. и найти открытое мѣсто для колѣнопреклоненія. Но

духъ молитвы оскудѣваетъ между современными мусульманами, и нѣкоторые молитвенные павильоны, за ненужностію, обращены въ амбары. Для утоленія жажды пилигримовъ, и для совершенія мусульманскихъ законныхъ омовеній предъ молитвою, между воротами Силсиле и Каттанинъ, съ 849 (1445) года, существуетъ себилъ Каитъ-бей, прекрасный фонтанъ съ яйцевиднымъ куполомъ, украшеннымъ арабесками. Тутъ же по близости небольшой прудокъ, въ которомъ въ жаркіе дни барахтаются дѣти имамовъ. Другой фонтанъ ел-Касъ, въ видѣ исполинской чаши, вставленной въ круглый бассейнъ, находится въ южной части площади, предъ фронтомъ мечети ел-Акса. Такъ какъ онъ приспособленъ къ водопроводу прудовъ Соломона, то въ настоящее время, по прекращеніи дѣйствія водопровода, онъ не исполняетъ болѣе своего назначенія. Есть еще много другихъ себиловъ (мѣстъ омовеній) на пути отъ воротъ харама до лѣстницъ верхней платформы. На верхней платформѣ нѣтъ особеннаго фонтана, но напиться воды можно и здѣсь, при западномъ входѣ въ Куббетъ ес-Сахра; нужно только опустить находящійся здѣсь всегда мѣдный ковшъ въ устье цистерны. Совершать же молитвенныя омовенія на верхней платформѣ непозволительно.

Чтобы закончить описаніе магометанскаго харама, необходимо упомянуть о его растительности. Состоя большею частію изъ насыпного грунта [1], площадь харама представляетъ, безъ сомнѣнія, самую плодородную часть земли въ Іерусалимѣ, особенно если взять во вниманіе неисчерпаемые запасы воды въ ея цистернахъ.

[1] По вычисленію К. Шика, изъ 145,564 квадр. метровъ въ площади харама только 4,500 квадр. метровъ поверхности представляютъ скалу; остальная поверхность — насыпной грунтъ земли, перемѣшанной первоначально съ дикими камнями, а въ верхнихъ частяхъ съ щебнемъ и мусоромъ.

Какъ свидѣтельствуетъ преданіе предшествующихъ вѣковъ, здѣсь дѣйствительно былъ цѣлый лѣсъ тропической растительности, частію вырубленный новѣйшими обладателями площади, частію погибшій отъ недостатка ухода. Еще на картѣ Вильсона отъ 1865 года показано на площади довольно много большихъ деревьевъ; до настоящаго времени отъ нихъ не осталось и половины (сравн. планъ харама Вильсона и снимокъ съ Шиковой модели нынѣшняго харама). Меньше всего растительности сохранилось въ сѣверной части харама, всего пять или шесть большихъ и тѣнистыхъ деревьевъ мейсъ [1]. Гораздо больше деревьевъ, большею частію все тѣхъ же мейсъ, на западной сторонѣ, противъ верхней платформы и кругомъ фонтана. Еще больше деревьевъ на южной сторонѣ. Кромѣ большихъ дуплистыхъ мейсъ и маслинъ, здѣсь предъ фронтомъ ел-Акса растетъ нѣсколько кипарисовъ, cupressus horisontalis и fastigiata, сообщающихъ такую прелесть всѣмъ фотографическимъ снимкамъ мечети. У южной стѣны верхней платформы подростаетъ молодая пальма, нынѣ рѣдкое дерево въ Іерусалимѣ, и зрѣетъ нѣсколько кустовъ винограда. Но больше всего растительности на восточной сторонѣ, имѣющей наиболѣе насыпного грунта и до послѣдняго времени свободной отъ мостовой. Зимою и весною здѣсь цѣлый коверъ зелени и цвѣтовъ, а лѣтомъ неубранное поле сорной травы и колючихъ кустовъ. Изъ деревьевъ здѣсь довольно маслинъ и особенно инжира, въ жаркіе дни далеко распространяющаго отъ себя свой пріятный специфическій запахъ. Чтобы дать понятіе о высотѣ мѣстной земляной насыпи на первоначальномъ грунтѣ скалы, Реуфъ-паша окопалъ траншеей одну ста-

[1] Въ арабско-французскомъ словарѣ, въ объясненіе слова мейсъ или месъ, сказано: „дерево alizier (крушина), изъ котораго дѣлаютъ сѣдла“.

рую маслину, выросшую на насыпи, закрывающей съ сѣвера золотыя ворота; маслина оказалась уединенною отъ окружающаго грунта на земляномъ столбѣ высотою семи метровъ. Наглядное доказательство, что золотыя ворота до этой высоты издавна были погружены въ насыпи. Всей вообще растительности харама въ настоящее время угрожаетъ новая опасность отъ мостовой, которою предположено замостить всю площадь. Юго-восточная часть площади уже замощена. Много камней для мостовой заготовлено и на восточной сторонѣ. Для уравненія мостовой дѣлаются новыя насыпи въ мѣстахъ, гдѣ грунтъ осѣлъ. Но если эта новая мостовая повредитъ растительности, то она приблизитъ грунтъ площади къ ея древнему виду, по выраженію Іосифа Флавія, бѣлѣвшему подобно снѣжной горѣ.

Не смотря на все, чѣмъ богата площадь харамъ ешшерифъ, не смотря на такія прекрасныя зданія, какъ Куббетъ ес-Сахра и ел-Акса, не смотря на растительность, во всякомъ случаѣ самую богатую въ Іерусалимѣ, площадь харама производитъ грустное впечатлѣніе полузабытой и полупустынной мѣстности и отверженнаго святилища. Восточная часть площади, нѣкогда наиболѣе шумная, теперь совершенно пустынна, и останется такою до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты золотыя ворота. Нѣкоторое оживленіе бываетъ только въ западной галлереѣ внѣшняго двора, у воротъ Силсиле. Сюда заходятъ феллахи, успѣвшіе продать принесенные въ городъ продукты, чтобы въ уединеніи сосчитать полученные барыши. Другіе, уставшіе бродить безъ дѣла по городскимъ улицамъ, заходятъ сюда отдохнуть и утолить жажду. Многіе, особенно женщины, являются сюда, ища суда въ мегкеме. Но для восточнаго человѣка, незнающаго употребленія стула и скамьи

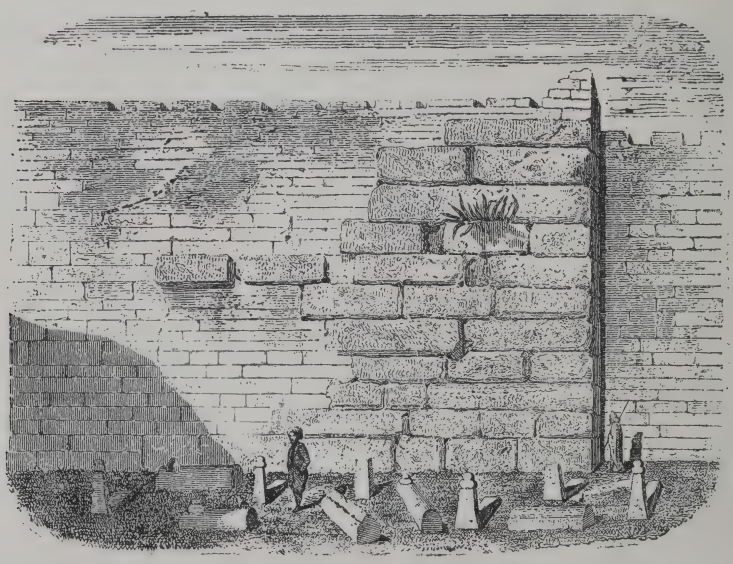
и распростирающагося для отдыха на землѣ, отдохнуть значитъ заснуть. Спящія фигуры встрѣчаются вездѣ, не только во внѣшнихъ галлереяхъ и кіоскахъ, но и въ самыхъ мечетяхъ и даже въ священной пещерѣ духовъ. Другой видъ могла бы получить площадь, если бы къ ней былъ свободный доступъ европейцамъ, которыхъ въ Іерусалимѣ всегда бываетъ много; но имъ, какъ нѣкогда язычникамъ, посѣщеніе мѣстности ветхозавѣтнаго храма затруднено. Если мы ходимъ здѣсь, то не иначе, какъ подъ двойною защитою жандарма и шейха мечети. Съ сѣверной стороны, гдѣ, въ періодъ храма Ирода, звонъ римскаго оружія заглушалъ ревъ жертвенныхъ животныхъ и звуки священныхъ гимновъ, и нынѣ доносятся до Куббетъ ес-Сахра военная музыка и сигнальные рожки въ казармахъ, заглушающіе призывъ муэззиновъ на молитву. Къ этимъ военнымъ звукамъ присоединяется еще шумъ школьниковъ въ медрессахъ въ сѣверной галлереѣ харама, отзвукъ шума книжниковъ и фарисеевъ, неумолкавшихъ здѣсь въ періодъ Иродова храма. Но все это — слишкомъ слабые звуки, чтобы ими можно было разбудить сонный магометанскій міръ и оживить мѣсто отвергнутаго Богомъ святилища.

Въ заключеніе обойдемъ еще разъ нынѣшнюю площадь іерусалимскаго харама снаружи, внимая призыву псалмопѣвца обойти вокругъ святого мѣста и обнять его объятіемъ духа истины. Начнемъ съ востока, отъ сѣверо-восточнаго угла.

Даже и въ нынѣшнемъ видѣ восточная стѣна, какъ ограда, кажется весьма высокою. Она имѣетъ до 50 и даже до 75 футовъ высоты. Но не нужно забывать, что такая же, а по мѣстамъ еще бо̀льшая часть этой стѣны

скрывается подъ землею, и именно эта, скрывающаяся отъ наблюденія, часть есть остатокъ дѣйствительной стѣны ветхозавѣтнаго храма. Выше нынѣшней поверхности древняя стѣна выступаетъ только по мѣстамъ, и то небольшими частями. Главнымъ же образомъ ограда харама, нынѣ видная на поверхности грунта, принадлежитъ магометанскимъ владѣтелямъ Іерусалима. Пять шестыхъ этой стѣны построено султаномъ Селимомъ I тому три вѣка назадъ.

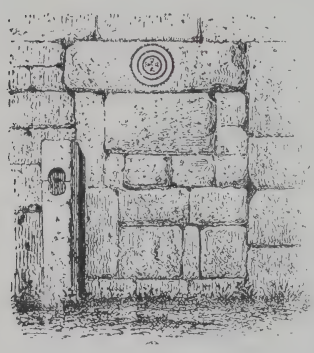
Въ самомъ сѣверо-восточномъ углу харама, въ нынѣшней стѣнѣ, обращаетъ на себя вниманіе значительный древнееврейскій остатокъ, начинающійся одиннадцатью рядами и потомъ понижающійся, въ направленіи на югъ, до четырехъ рядовъ. Самый верхній, одиннадцатый рядъ, имѣетъ только одинъ древній угловой камень.



Конечно, онъ положенъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ еще тогда, когда изъ подобныхъ камней состояла вся стѣна харама, потому что позднѣйшимъ арабскимъ реставраторамъ стѣны не было расчета поднимать на

такое высокое мѣсто одинъ древній большой камень, въ среду мелкихъ позднѣйшихъ камней. Самый значительный изъ еврейскихъ камней, видныхъ здѣсь на поверхности, имѣетъ 7 метровъ длины, другой 5,28, третій 4,35. Многіе еврейскіе камни сильно пострадали отъ дождей, такъ что размѣры ихъ выпусковъ и стиль ихъ первоначальной отдѣлки трудно опредѣлить. Но нѣсколько камней, взятыхъ изъ другаго сорта скалы, сохранили на себѣ всѣ подробности древней отдѣлки, и своимъ золотистымъ цвѣтомъ рѣзко выдѣляются изъ ряда другихъ, можетъ быть современныхъ имъ, но менѣе сохранившихся темнаго цвѣта камней. На разстояніи 87 футовъ отъ своего сѣвернаго начала древнееврейская часть стѣны, а за нею и вся нынѣшняя стѣна, во всю свою высоту, дѣлаетъ уголъ или уступъ 7 футовъ глубины. Эта часть древней стѣны до угла называется для отличія башнею Антонія. Въ дальнѣйшемъ теченіи стѣны отъ угла до золотыхъ воротъ отъ древнееврейской стѣны сохранилось сначала три, а потомъ два ряда. Камни здѣсь сильно вывѣтрились и пострадали. Въ кладкѣ камней обращаетъ на себя вниманіе то, что каждый верхній рядъ углубляется въ плоскость стѣны больше чѣмъ на ладонь глубины, чего мы не замѣчали выше, въ рядахъ камней такъ называемой Антоніевой башни. Самое происхожденіе того семифутоваго выступа изъ линіи восточной стѣны, который называется башнею Антонія, какъ выяснилось изъ раскопокъ, имѣетъ только то основаніе, что въ стѣнѣ башни ряды камней укладываются одинъ на другомъ съ уклоненіемъ всего на одинъ дюймъ отъ отвѣса, между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ теченіи стѣны древнееврейскіе ряды представляютъ весьма значительное уклоненіе отъ отвѣса въ глубину стѣны, до 7 дюймовъ. Вслѣдствіе такой разности

въ укладкѣ рядовъ камней, стѣна башни, дойдя отъ своего подспуднаго основанія до нынѣшней поверхности грунта, оказалась впереди остальной стѣны на 7 футовъ. Прерываясь золотыми воротами, имѣющими облицовку изъ совершенно гладкихъ камней, древнееврейская часть стѣны, въ видѣ двухъ рядовъ камней, видна на поверхности еще далѣе на 50 футовъ, до такъ называемыхъ малыхъ восточныхъ воротъ, нынѣ заложенной калитки съ замѣчательнымъ символическимъ изображеніемъ, на своей верхней притолокѣ, пяти концентрическихъ кружковъ съ крестомъ посрединѣ. И мусульмане не рѣшаются стереть это во всякомъ случаѣ непріятное для нихъ воспоминаніе изъ исторіи Іерусалима и харама [1]. Далѣе за калиткою древнееврейскихъ рядовъ уже не видно на нынѣшней поверхности. Вся стѣна здѣсь сложена арабами, хотя не въ одно время, сколько можно судить по характеру постройки. Сначала, за калиткою, арабская стѣна имѣетъ очень грубый видъ: камни неправильные, плохо обсѣченные и по мѣстамъ безобразно выдаются изъ стѣны; въ одномъ мѣстѣ въ стѣну положены десять гранитныхъ колоннъ, выступающихъ изъ линіи стѣны концами въ 4 дюйма. Далѣе къ югу арабская стѣна имѣетъ лучшій видъ и сложена изъ хорошо обдѣланныхъ желтыхъ камней. Не доходя 180 футовъ до юго-восточнаго угла, встрѣчаемъ извѣстную *колонну суда*, большую гранитную колонну, торчащую



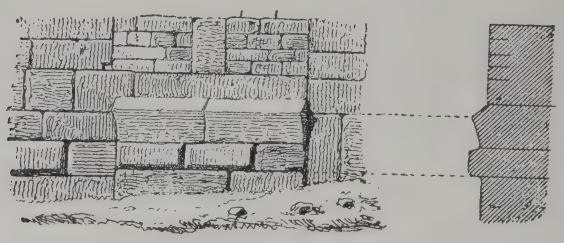
[1] Въ южномъ косякѣ двери выдолблено углубленіе, вѣроятно содержавшее святую воду для самоокропленія входящихъ въ священную ограду харама, по римскому обычаю.

изъ стѣны четырьмя футами своей длины, на высотѣ 60 футовъ отъ нынѣшняго грунта. Ниже колонны есть окно, нынѣ задѣланное, а вверху проломъ въ стѣнѣ, имѣющій видъ воротъ. Мусульманское сказаніе соединяетъ съ этою колонной пророчество Іоиля (4, 2, 12) о всеобщемъ судѣ въ долинѣ Іосафата. И евреи вѣруютъ, что мѣстомъ всеобщаго суда будетъ мѣсто въ долинѣ противъ упомянутой колонны, гдѣ нынѣ еврейское кладбище. Не доходя ста футовъ до юго-восточнаго угла харама, встрѣчаемъ опять на поверхности древнееврейскій остатокъ стѣны, сначала невысокій — изъ трехъ рядовъ камней, потомъ постепенно возвышающійся къ углу до 14 рядовъ, имѣющихъ общей высоты 54 фута. Вся же стѣна харама у юго-восточнаго угла, съ арабскою надстройкою 19 рядовъ камней, имѣетъ 77 футовъ высоты. Прибавивъ сюда сокрытую часть стѣны подъ позднѣйшими наслоеніями 80 футовъ, получимъ всей высоты стѣны 157 футовъ. Но на древнемъ молѣ юго-восточнаго угла стояла еще στοὰ βασιλική, и, съ другой стороны, Кедрскій потокъ ближе и круче примыкалъ къ стѣнѣ и увеличивалъ ея высоту. Такимъ образомъ древній наблюдатель, стоявшій на высотѣ юго-восточнаго угла или такъ называемаго *крыла храма*, видѣлъ подъ собою дно потока на глубинѣ свыше 300 футовъ. Было отъ чего получить головокруженіе, какъ выражается Іосифъ Флавій. Между древне-еврейскими камнями этого пункта, имѣющими почти вездѣ гладкую и тонкую отдѣлку съ неглубокими выпусками, обращаютъ на себя вниманіе два камня, повидимому, принадлежащіе аркѣ моста, называемые въ гидахъ балкономъ Соси [1]. Еврейское преданіе по-

[1] Этотъ балконъ принадлежалъ той камерѣ, въ которой Соломонъ писалъ книгу Притчей, по сказанію пилигрима 333 года.

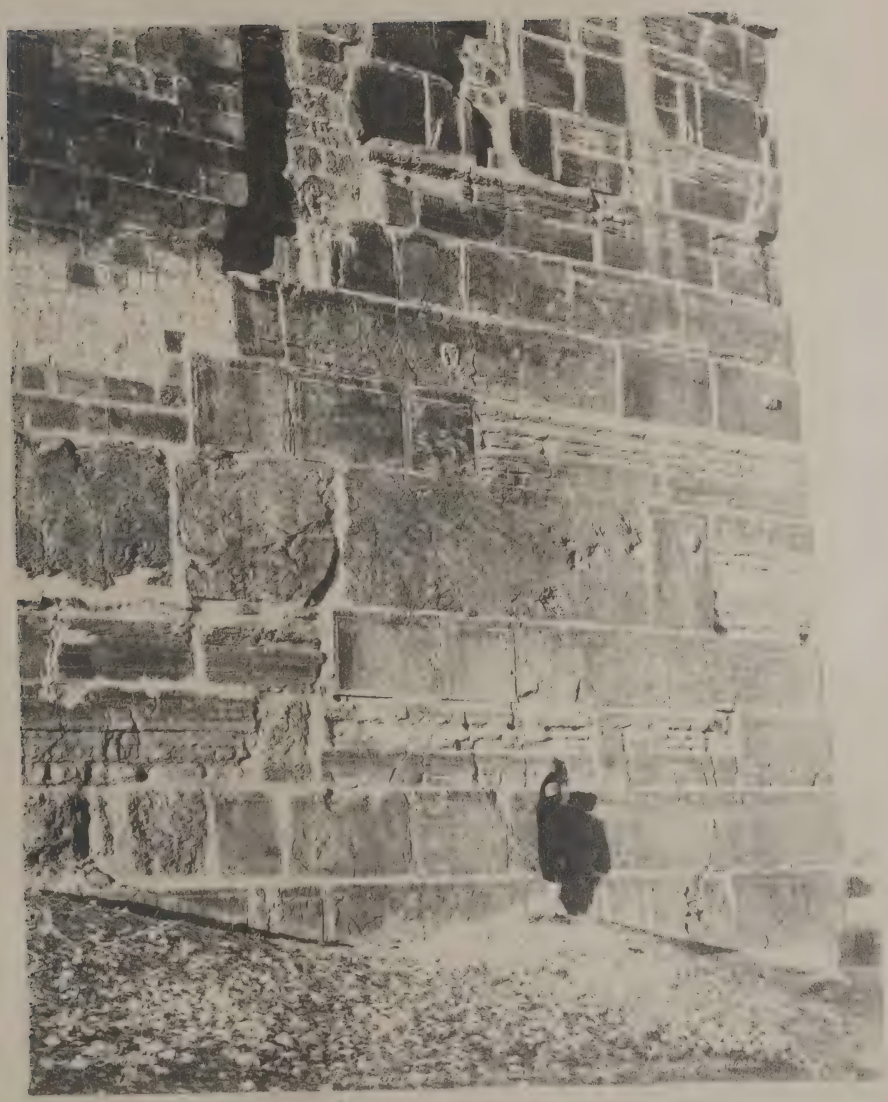
*

мнитъ мостъ отъ восточной стѣны харама, которымъ, между прочимъ, выводили изъ храма на Елеонскую



гору жертвенное животное, рыжую телицу. Фергюссонъ и Кингъ готовы признать остатокъ этого именно моста въ балконѣ Соси. „Въ такомъ случаѣ мостъ, говоритъ Кингъ, пересѣкалъ бы долину Кедронъ въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ и приводилъ бы на соотвѣтствующую высоту Елеонской горы чрезъ 300 ярдовъ отъ стѣны харама, между тѣмъ какъ далѣе на сѣверъ такой мостъ вышелъ бы очень длиннымъ“. Такое предположеніе можно было сдѣлать развѣ только съ точки зрѣнія Фергюссона, помѣщающаго ветхозавѣтный храмъ въ южной части площади харамъ еш-шерифъ, потому что, по преданію, „мостъ рыжей телицы“ былъ противъ фронта храма. Гораздо основательнѣе Варренъ полагалъ восточный мостъ іерусалимскаго храма у золотыхъ воротъ.

Южная стѣна харама для наблюдающаго ее снаружи раздѣляется на двѣ части упирающеюся въ нее городскою стѣною. Та часть южной стѣны, которая нынѣ наблюдается внѣ города, имѣетъ у угла значительный древне-еврейскій остатокъ сначала изъ 14 рядовъ, потомъ изъ 7 и, наконецъ, изъ 2 рядовъ камней, выпусковыхъ съ гладкими фасами. Между древними рядами особенное вниманіе привлекаетъ на себя здѣсь такъ



ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ УГОЛЪ СТѢНЫ ХАРАМА.

Фототипія Н. Индутнаго Сергіевская ул., № 18.

называемый Master-Course, рядъ двойной высоты, въ видѣ широкаго пояса окружавшій нѣкогда всю южную, а можетъ быть и всѣ другія стѣны мола. Его камни имѣютъ 6 фут. 1 дюймъ высоты и обрамлены выпусками 3 дюймовъ широты. Начиная отъ двойныхъ и до тройныхъ воротъ, Master-Course идетъ при самой нынѣшней поверхности прилегающаго грунта, и частію даже закрывается накопившимся здѣсь мусоромъ. Но на востокъ отъ тройныхъ воротъ Master-Course былъ разрушенъ; отъ него остался in situ только одинъ камень. Затѣмъ у юго-восточнаго угла онъ появляется снова и переходитъ на восточную сторону мола. Угловой камень этого ряда поражаетъ своею громадностію; онъ имѣетъ 26 фут. длины, 7 фут. ширины и 6 высоты и вѣситъ болѣе 6,200 пудовъ. Это—самый тяжелый, хотя не самый длинный, камень храмового мола. Мѣсто его въ стѣнѣ на 27 футовъ высоты отъ нынѣшняго грунта и на 100 футовъ высоты отъ первобытнаго грунта прилегающей мѣстности [1]. Выше древне-еврейскихъ камней здѣсь различаются еще римскіе камни и арабскіе въ количествѣ 37 рядовъ; кромѣ гладкихъ небольшихъ камней, здѣсь есть камни съ позднѣйшими арабскими выпусками. Разсматриваемая часть южной стѣны имѣетъ сравнительно оживленный видъ отъ присутствія здѣсь нѣсколькихъ воротъ, хотя и задѣланныхъ нынѣ (одиночныхъ, двойныхъ и тройныхъ), отъ цѣлаго ряда задѣланныхъ нынѣ оконъ, освѣщавшихъ Соломоновы ко-

[1] «Такъ какъ, при данной высотѣ и длинѣ, широта камня слишкомъ незначительна, то это показываетъ, что камень, имѣвшій нѣкогда двойную широту, былъ случайно, при переноскѣ, поврежденъ, причемъ часть его откололась; какъ разбитый, онъ сначала былъ признанъ строителями негоднымъ. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи онъ не только былъ взятъ, но и занялъ угловое мѣсто. Эта исторія даннаго камня имѣется въ виду въ Матѳ. 21, 42 (ср. Псал. 117, 22)». Schick Beit el Makdas, 89.

нюшни, отъ пестрящихъ древніе камни большихъ и малыхъ квадратныхъ нишекъ, отъ поросшихъ по уступамъ стѣны кустовъ зелени, между которыми, на солнечномъ припекѣ, постоянно снуютъ ящерицы. Варренъ, относящій эту часть стѣны къ дворцу царя Соломона, могъ бы повторить здѣсь слова этого царя о своемъ дворцѣ, высказанныя въ видѣ притчи: „вотъ ящерица, ничтожное животное, но тѣмъ не менѣе безъ всякаго труда взбирается на высоту царскаго дворца“ (Притч. 30, 28).

Другая половина южной стѣны храмового мола, наблюдаемая внутри города, сложена, начиная отъ нынѣшней поверхности, изъ семи-восьми рядовъ довольно большихъ, хорошо сохранившихся и пожелтѣвшихъ отъ времени, гладкихъ камней безъ выпусковъ, отличающихся отъ другихъ арабскихъ камней въ стѣнѣ харама и, вѣроятно, вытесанныхъ римлянами [1]. Для отличія, ихъ обыкновенно называютъ гладкими квадратными камнями. Впрочемъ, полныхъ квадратовъ здѣсь весьма мало; болѣе обыкновенная мѣра 1, 10 или 1 метръ длины на 90 сантим. высоты. Ряды квадратовъ уложены одинъ на другомъ замѣтными для глаза уступами 4 сантим. широты. Такихъ же четыре ряда квадратовъ находимъ еще выше выпусковой части стѣны Плача. На самомъ же юго-западномъ углу появляется на поверхности грунта, какъ и на другихъ углахъ харама, древне-еврейская стѣна четырьмя рядами огромныхъ выпусковыхъ камней; одинъ изъ камней юго-западнаго угла, расположенный своею длиною въ западной стѣнѣ харама, имѣетъ 36 фут. 9 дюймовъ длины, и вѣситъ 5,483 пуда; это самый длинный, хотя не самый тя-

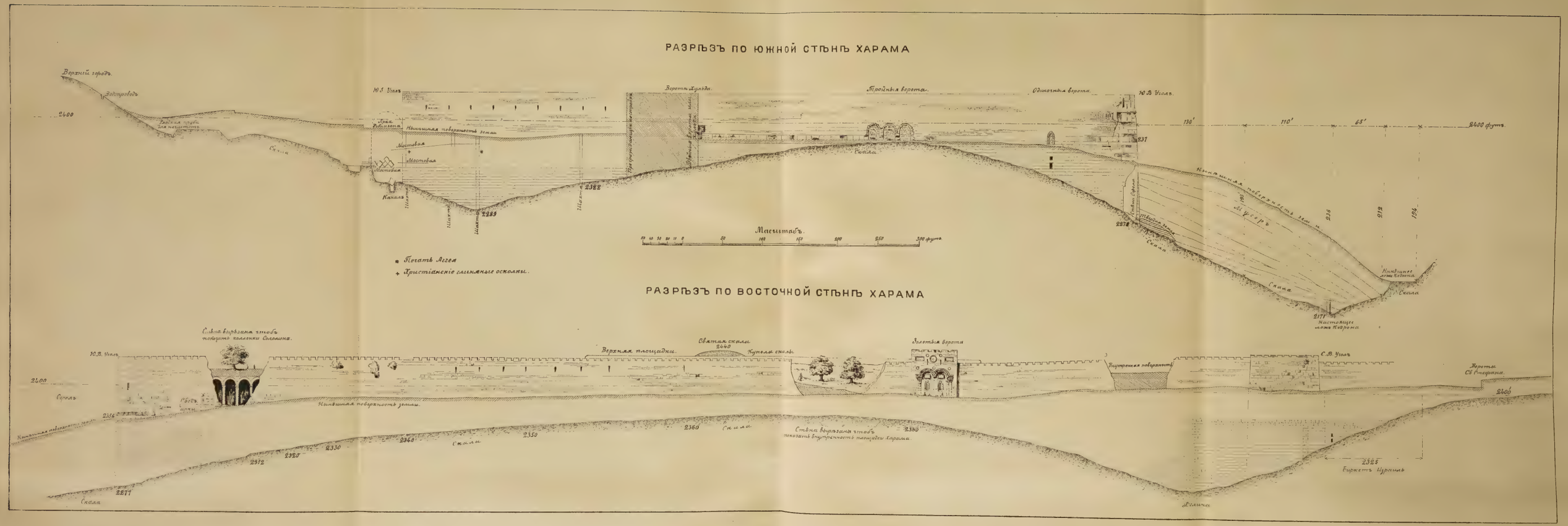
[1] К. Шикъ приписываетъ эти камни императору Адріану (Beit el Makdas, 126).

желый древній камень харама. Весь древне-еврейскій остатокъ, видный на поверхности юго-западнаго угла, простирается на востокъ, какъ и на сѣверъ, отъ угла на 50 футовъ. Отдѣлка выпусковъ и средняго поля его камней—чистая и гладкая. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ выпусковыхъ камняхъ есть случайные наросты, въ формѣ сталактитовыхъ образованій, отъ стекающей съ вершины стѣны воды. На нѣкоторыхъ камняхъ есть первобытныя шишки или столбики, какъ и на камняхъ юго-восточнаго угла. Что касается отношеній между частію стѣны квадратныхъ камней и выпусковыхъ, то очевидно ряды квадратныхъ камней введены тогда, когда выпусковая стѣна здѣсь была въ развалинахъ. Замѣтно стараніе сохранить оставшійся древній остатокъ: даже крайне поврежденные и разбитые выпусковые камни оставлены на мѣстѣ, хотя къ нимъ трудно было приспособить ряды квадратныхъ камней. Выше семи рядовъ квадратовъ идутъ также семь рядовъ меньшихъ камней грубой отдѣлки и съ арабскими выпусками и затѣмъ еще 16 рядовъ разнородныхъ позднихъ камней. Въ своей цѣлости стѣна даннаго мѣста весьма значительна, не менѣе 75 футовъ высоты. Сюда выходятъ окна изъ бѣлой залы мечети ел-Акса. Подъ однимъ изъ оконъ выступаютъ изъ стѣны три черныхъ колонны, въ видѣ основанія можетъ быть бывшаго здѣсь балкона. Все пространство предъ стѣною поросло рощею кактусовъ, въ области которыхъ Варренъ производилъ свои знаменитыя раскопки. Въ одной шахтѣ, въ разстояніи 90 футовъ на востокъ отъ юго-западнаго угла, на глубинѣ 22 фут. подъ почвою, была найдена здѣсь древне-еврейская печать изъ твердаго темнаго камня, съ хорошо вырѣзанными буквами шрифта камня Мешы и Силоамской надписи. Печать имѣла надпись: „*Аггея*

сына Шеваніи“ [1]. Не была ли это личная печать пророка Аггея? Къ сожалѣнію, имя отца пророка Аггея въ библіи не указано. Но достовѣрно извѣстно то, что пророкъ Аггей, вмѣстѣ съ Зоровавелемъ и первосвященникомъ Іисусомъ, заботился о возобновленіи разрушеннаго храма, слѣдовательно часто ходилъ вокругъ его развалинъ. Что пророкъ Аггей дѣйствительно слѣдовалъ обычаю носить при себѣ именную печать, это косвеннымъ образомъ доказывается тѣмъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ малыхъ пророковъ упоминаетъ о печати, которую держатъ при себѣ (2, 23).

Западная стѣна храмового мола, нынѣ заслоненная городскими постройками, весьма мало доступна для непосредственнаго наблюденія. Послѣ упомянутой части древней стѣны у юго-западнаго угла съ остаткомъ древняго моста (арка Робинсона), открытый остатокъ западной стѣны представляетъ только такъ называемая стѣна Плача евреевъ. Подъ этимъ именемъ извѣстна въ Іерусалимѣ узкая площадка между стѣною харама и низкими полуразрушенными хижинами прилегающаго африканскаго квартала Іерусалима 100 футовъ длины и 15 фут. ширины. Ея мостовая на 25 фут. ниже площади харама и на 67 фут. выше первоначальнаго грунта даннаго мѣста. Выходящая сюда стѣна харама имѣетъ всей высоты 60 футовъ и 24 ряда камней. Нижнихъ девять рядовъ состоятъ изъ большихъ камней, принадлежавшихъ ветхозавѣтному храму, съ выпусками 3—4 дюймовъ широты и ½ дюйма глубины; среднее поле вездѣ выровнено гладко. Въ камняхъ много нишекъ съ закругленіями вверху, загадочнаго значенія, располо-

[1] Мѣсто, гдѣ была найдена печать Аггея, ясно показано въ прилагаемомъ при семъ разрѣзѣ грунта при южной стѣнѣ харама по раскопкамъ Варрена.



Южная и восточная стѣны Харама по раскопкамъ Варрена.

СТѢНА ПЛАЧА.

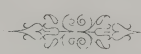
Фототипія Н. Индутнаго, Сергіевская ул., № 18.

женныхъ безъ видимаго порядка. Самый большій камень, на сѣверномъ концѣ стѣны Плача, имѣетъ 16 футовъ длины, другой на южномъ концѣ 14 фут. Выше девяти древне-еврейскихъ рядовъ идутъ четыре ряда квадратныхъ, повидимому римскихъ, камней и затѣмъ позднѣйшее арабское завершеніе стѣны. Верхняя часть стѣны поросла кустами: одни кусты имѣютъ видъ нашего хвоща и обдаютъ молящихся внизу желтою пылью отъ своего продолжительнаго цвѣтенія; другіе кусты суть та же тернистая сорная трава, которой много кругомъ харама и на его площади. Нижніе ряды камней обшарканы руками молящихся: существуетъ обычай у мѣстныхъ евреевъ проводить рукою по камню и затѣмъ переводить руку на лицо.

Въ сѣверной стѣнѣ харама небольшая часть выпусковыхъ древне-еврейскихъ камней видна только у сѣверо-восточнаго угла до воротъ Азбатъ. Затѣмъ къ западу отъ воротъ можно наблюдать высокую стѣну пруда Биркетъ Исраелъ и выше пруда новѣйшую стѣну харама съ заложенными огивными ходами въ какія-то таинственныя подземелья, еще неоткрытыя. Небольшой откосъ, служащій раздѣленіемъ между стѣною пруда и стѣною харама, густо поросъ кустами. Кусты растутъ и выше на стѣнѣ и даже на вѣнчающемъ стѣну минаретѣ На сѣверной сторонѣ пруда, на массахъ мусора и уличнаго сору, поросли кактусы. Нельзя не пожалѣть о печальной судьбѣ пруда Биркетъ Исраелъ, самаго замѣчательнаго древняго пруда въ Іерусалимѣ и самаго запущеннаго. Нынѣ это—огромная городская сорная яма. Уже наполовину онъ засыпанъ городскимъ соромъ и нечистотами. Не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ будетъ засыпана и другая его половина. А между тѣмъ изъ него легко было сдѣлать дѣйствительный прудъ пре-

восходной воды Еѳамскаго источника, съ которымъ онъ былъ связанъ водопроводомъ. Но вотъ еще болѣе удивительная вещь! Въ 1864 году англійская леди, Бурдеттъ Куттсъ, почитательница іерусалимской древности, предлагала іерусалимскимъ властямъ большую сумму (20,000 фунтовъ стерлинговъ) на улучшеніе водоснабженія Іерусалима и въ частности на очищеніе пруда Биркетъ Исраелъ, и *получила отказъ!...* [1] Шейхи площади харамъ еш-шерифъ заявили, что для нихъ это будетъ убыточно, потому что, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ изсякнетъ источникъ доходовъ по продажѣ дождевой воды изъ библейскихъ цистернъ харама...

Надѣемся, что теперь, когда читателю ясно положеніе вопроса о ветхозавѣтномъ храмѣ, онъ не удивляется болѣе эпиграфу нашего сочиненія, взятому изъ талмудической агады: *„о, храмъ, храмъ! Сколько трудовъ съ тобою“!* По буквальному переводу: *„о храмъ, храмъ! Зачѣмъ ты такъ безпокоишь насъ?“* Это — не личное отношеніе евреевъ-талмудистовъ къ храму, не плачъ о его разрушеніи, но послѣсловіе разбора многоразличныхъ экзегетическихъ и археологическихъ трудностей въ планѣ храма. Многія затрудненія древнихъ талмудистовъ новая наука уже успѣла преодолѣть, но многія еще остаются неразрѣшенными.



[1] Объ этомъ удивительномъ фактѣ мы слышали отъ блаженнѣйшаго Никодима, патріарха іерусалимскаго, состоявшаго тогда драгоманомъ при греческой патріархіи и хорошо знающаго тогдашнія городскія дѣла.

Указатель личныхъ именъ.

Ааронъ, первосвященникъ; ходы въ подземельѣ сыновъ его. —699.

Абагу, рабби: херувимы скиніи.—161.

Аба-Іоссе-бенъ-Іохананъ, рабби: тринадцать воротъ во внутренномъ периболѣ храма. —451, 458, 471.

Абарбанелъ, рабби: сосуды скиніи. — 111; ковчегъ. — 144, 146; названія мѣдныхъ колоннъ.—283.

Аба-Саулъ, представитель преданія Мишны.—466.

Абдалла-Имамъ ел-Мамунъ, строитель мечети Омара. — 819.

Абдулъ-Азисъ, султанъ.—820.

Абдъ-ел-Малекъ, шейхъ. — 773.

Абдъ-ел-Меликъ, халифъ, строитъ мечети на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма.—546, 547, 553.

Абенъ-Ездра: цвѣтъ завѣсы.—22; свѣтильникъ скиніи. — 121; ковчегъ.—144.

Абтинасъ, священническая фамилія, приготовлявшая кадильный порошокъ.—140.

Абулфадли, арабскій ботаникъ: ливанъ.—138.

Абу-Микдамъ-Риджа ибнъ-Хайва, строитель мечети.—547.

Абу-Яфаръ, возобновилъ мечеть ел-Акса.—835.

Awanim—нищіе.—714.

Августинъ блаженный: жертвенникъ кажденій 109; раздѣленіе заповѣдей.—148.

Авессаломъ, памятникъ его.—413, 515, 614, 620.

Авраамъ, патріархъ еврейскій, 210; мѣсто жертвоприношенія его.—231, 783; памятникъ его въ Хевронѣ.—577; Моріа.—638.

Аврелій Пруденцій Кли-

*

ментъ: юговосточный уголъ харама.—718; золотыя ворота. 758.

Аггей, пророкъ.—856.

Аголіафъ, строитель скиніи.—212.

Агриппа II, царь: восточный портикъ 420; цѣпь его 468—469; храмъ при немъ.—653.

Адлеръ: пещера куббетъ ес-Сахра—782; мечеть Омара—784; скала ея—жертвенникъ всесожженій.—790.

Адрихомій: ограда дворовъ—347 (три ряда камней и рядъ кедровъ).

Адріанъ, императоръ римскій: Іерусалимъ въ развалинахъ—536; колонія Элія-Капитолина. — 538; статуи его.—538, 539; двойной проходъ подземный.—691; ему приписываютъ золотыя ворота.—756; камень его. — 822.

Акиба, рабби, на развалинахъ храма.—537.

Акилла, его переводы словъ: тахашъ. — 101, ail.—293; γεῖσο (навѣсъ).—340.

Александръ, братъ Филона, представитель александрійскихъ іудеевъ, его пожертвованія.—457.

Александръ Іанней, первосвященникъ — 392; ограда, отдѣляющая народъ отъ жертвенника — 481; памятникъ его.—691—693.

Александръ Полигисторъ, величина внутренняго двора.—336.

Александръ, сынъ Ирода.—715.

Алипій, антіохіецъ, возстановитель храма.—543.

Алкимъ, первосвященникъ, хотѣлъ разорить внутреннюю стѣну храма.—671.

Альтенъ, фонъ, баронъ: насыпь сѣверовосточнаго угла харама.—606; сѣверная часть площади.—613; планъ его.—615; Овчія ворота 616; сѣверныя стѣны. — 617—618; сѣверовосточный уголъ 618; сѣверозападный уголъ.—620, 624; Струѳіонъ.—685—686; памятникъ Ал. Іаннея. 691—692.

Амазисъ, царь египетскій.—20.

Амміанъ Марцеллинъ: попытка возобновленія храма.—543.

Ананелъ, вавилонянинъ, первый первосвященникъ при Иродѣ.—399.

Ананъ, камеры его.—352.

Анастасій: свѣтильникъ.—129.

Анба-Евтихій, см. Евтихій.

Антигонъ, братъ Аристовула.—690.

Антіохъ Епифанъ, греческій жертвенникъ въ храмѣ Со-

ломона. — 376; опустошилъ храмъ Зоровавеля. — 391. 392.

Антіохъ V Евпаторъ. — 392.

Антонели, строитель синагоги въ Туринѣ.—507—508.

Антонинъ, изъ Піаченцы, путешественникъ 570 года. — 550, 758; лѣстница къ золотымъ воротамъ.—761.

Аппіонъ: колонны скиніи.—14.

Аристей: величина внутренняго двора.—336; система каналовъ.—767, 768, 812.

Аристовулъ, первосвященникъ. —399.

Арій Монтанъ: антропологическое объясненіе скиніи.—193.

Аркульфъ, путешественникъ 670 г.—551; стѣны нефовъ въ мечети ел-Акса.—833.

Архисинагогосъ.—424, 501.

Афродита, статуя ея.—446.

Ахазъ, царь, уничтожилъ жертвенникъ Соломона. — 322; устроилъ новый. — 375; уничтожилъ башню субботнюю. —495, 506; устроилъ каналъ для водъ Силоама.—813.

Баба-бенъ-Бута, книжникъ, участникъ въ перестройкѣ храма.—398, 399; пригналъ овецъ во дворъ храма.—437.

Barbault: столъ хлѣбовъ предложенія и трубы.—112.

Barclay, американскій врачъ и миссіонеръ, планъ храма Соломонова.—246; ворота богомольцевъ. — 434; ворота надкориноскія.—470; колоннада. — 472; Bethhamoked. — 475; зала gazith. — 477; ограда между народомъ и жертвенникомъ. — 482; мѣсто жертвенника.—489; корридоръ предъ боковыми комнатами.—509; ворота его.—567, 568, 740—746, 774, 799; площадь харама.—599.

Баумгартенъ: покровы скиніи. — 78; платформа харама.—826.

Belloc: святое святыхъ на скалѣ мечети Омара. — 786; жертвенникъ всесожженій на востокъ отъ мечети.—786.

Бенъ-Ахай, священникъ врачъ. 479.

Бенъ-Катинъ, механикъ втораго храма.—490, 798.

Бетхеръ: высота святаго святыхъ во храмѣ.—223.

Бирчъ, директоръ восточныхъ древностей Британскаго музея: лампы и урны. — 594, 595; подземный ходъ.—639.

Блакасъ, графъ: папирусы.—695.

Блохъ: планъ храма. — 436; 439, 451, 472; Bethhamoked.—475; зала gazit.—477; ограда между народомъ и жертвенникомъ.—482; раз-

мѣры жертвенника. — 488; корридоръ при храмѣ.—509.

Бонфреръ: покровы скиніи.—78.

Бордосскій путникъ въ Іерусалимѣ 333 г. — 538; площадь храма. — 539, 684, 782; храмъ, Сіонъ, базилика Константина. — 783; Porta Neapolitana.—839.

Браунъ: колонны Соломона въ притворѣ.—277.

Breal: оріентація памятниковъ. 402.

Буддей: объясненіе coenaculi.—502.

Бунзенъ: сфинксы.—168.

Бурдетъ-Куттсъ, леди, хотѣла очистить Биркетъ-Исраелъ.—858.

Buxtorf: мѣновщики. — 437.

Бэлерманъ: мѣдные волы.—326.

Бэръ, авторъ Символики Моисеева культа: описаніе скиніи въ книгѣ Исходъ. — 1; счетъ столбовъ скиніи. 5—7, 9; форма столбовъ.—13; капители ихъ. — 13, пьедесталы.—15; мѣсто столбовъ.—15; ткани скиніи. — 19; цвѣтъ завѣсы.—20, 21; карковъ.—29; толщина брусьевъ скиніи. — 46; подставы брусьевъ. — 48; число засововъ.—50; видъ ихъ.—52; прохожденіе. 53—54; объясненіе thoamim и thammim. 56—57; покровы скиніи. --78; второй покровъ.—88; цвѣтъ его. — 95; украшенія свѣтильника. — 122; размѣры его.—123; лампады.—124; украшенія ковчега. — 143; каппоретъ.—153, 154; херувимы.—156, 165; египетскій ковчегъ. — 175; символическое значеніе скиніи 184—186; высота храма. — 227; высота притвора.—236; колонны предъ храмомъ.—279, 280; косяки храма. — 290; двери. — 291, 295; шесты ковчега.—296; видъ херувимовъ. — 316; омывальницы.—330; размѣры внутренняго двора.—336; ограда.—338, 343.

Варренъ: гора Моріа.—558, 559; раскопки вокругъ площади храма. — 566, 572, 624; отдѣлка выпусковъ.—567 — 569; не измѣряетъ длины камней.—570; очень широкій выпускъ. — 580; буквенные знаки на камняхъ мола. — 588, 591; урны.—593—595; пещерка.—594—595; площадь харама. — 599 — 613; подземелье.—610, 614, 615, 619; двѣ башни Антонія. — 611; долина.—624, 631; сѣверозападный уголъ харама. — 624; югозападный уголъ.—625, 628, 630, 632, 634; юговосточный уголъ. — 627; сѣверовосточный уголъ.—631; наслоенія на скалѣ.—633; мостовая югозападнаго угла.—

634; мостъ доплѣннаго времени.—624; нижніе камни юго-западнаго угла.—635; дворецъ Соломона.—639, 644, 654; подземный ходъ.—639; ущелье на харамѣ. — 642; башня въ Офелѣ.—646; конюшня Соломона. — 646; щель въ стѣнѣ.—646; западная стѣна мола.—648; расширеніе площади.—653; открытая имъ часть оврага.—655; каналъ Іевусеевъ. — 657; дворы храма. — 659; ступени въ скалѣ. — 669; щель и подземный проходъ въ стѣнѣ харама. 677—679; купальня священниковъ. — 682; подземный ходъ. — 682; раскопки въ Биркегъ-Исраелъ. — 684, 686; ровъ открытый имъ.—687, 688; подземелье Сіонскихъ сестеръ.—689; вестибулъ привратниковъ. — 696; двойной проходъ. 696—697; подъемы предъ воротами. — 698; древность угловъ юговосточнаго и югозападнаго.—699; вестибулъ подземелья.—704; тройной проходъ. — 705; стѣна восточная построена Соломономъ. — 706; высокій рядъ камней.—707; подземелье. — 708; Офелъ. — 709; подземный ходъ.—716; мостъ.—719; остатки колоннады.—720; развалины моста.—723; каналъ и стѣна югозападнаго угла.—724; двѣ камеры.—725; арка Вильсона. — 726, 727, 729; паралельныя дороги. — 730; масонская зала.— 731—832; подземный корридоръ.—732; мина, прорубленная подъ нимъ. — 734; южная линія висячей дороги. — 738; камеры подъ арками. — 739; ворота Барклея. — 742; порогъ ихъ.—744; цистерны. —743; развалины стѣны.—744; подъемъ предъ тройными воротами. — 745; ворота въ другой городъ.—746; ворота Матара (бань). 746; восточная сторона мола. — 747; золотыя ворота.—748, 756; раскопки у нихъ. — 755; лѣстница къ Тахтъ-Сулейманъ.—760; раскопки на востокъ Моріа.—761; Пайлу его игнорируетъ.—765; каналы крови.—768; мѣсто корпуса храма.—768, 769, 791, жертвенника. — 769, 771; домъ свитка.—770; каналъ подъ южн. воротами.—772; подземныя сооруженія. — 778; корридоръ подземный.—779; мечеть Омара.—784; возраженія противъ Фергюссона.—785; упом.—786; каналъ кровеносный.—795; громадный прудъ. — 796; большое подземелье. — 797; подземелье западныхъ воротъ. 799; центръ святилища—на югъ отъ скалы.—800; упом. —802, 803, 805; цистерны.—809, 811, 812; каналъ Силоамскій. — 813; подзем-

ныя постройки. — 831; восточный мостъ.—852; дворецъ Соломона.—706, 854; мѣсто раскопокъ.—855.

Weerth: свѣтильникъ въ соборѣ Эссенскомъ.—131.

Вейссъ: колонны Соломона предъ храмомъ.—279.

Велисарій, полководецъ Юстиніана, увозитъ свѣтильникъ въ Царьградъ.—129.

Вельгаузенъ: описаніе скиніи сдѣлано примѣнительно ко храму.—200.

Веніаминъ, сынъ Іакова, колѣну его принадлежалъ храмъ, святое святыхъ, уламъ, жертвенникъ. — 661, 710; ворота его.—669.

Веньяминъ Тудельскій: богадѣльня Соломона. — 715.

Vernes Maurice: выпусковая отдѣлка.—584.

Веселіилъ, строитель скиніи. — 212.

Vigouroux: синагоги. — 500.

Вилляльпандъ: роги жертвенника.—27; херувимы.—162; антропологическое объясненіе скиніи.—193; высота храма. —235, 311; колонны притвора.—255, 257, 275, 276; дворы Соломона.—335; ограда ихъ.—348; реставрація храма Соломонова. 358 — 361; раздѣленіе двора израильтянъ отъ двора священниковъ.—481; упом.—801.

Вильгельмъ Тирскій: площадь харама. — 663; дворецъ франкскихъ царей. —

Вилькинсонъ, знакъ креста на египетскихъ домахъ.—592.

Вильсонъ: камни съ грубыми фасами. — 635; подземный проходъ, открытый Піеротти. —699; орнаменты подземелья. —700; юговосточное подземелье. — 708; подземный ходъ.—716; мостъ. — 719; арка его имени. 726—729, 735, 737—739; ворота Барклея. — 742; проходъ подъ мостовой. — 743; цистерны. —743, 746, 809; Пайллу его игнорируетъ. — 765; упом.—786; греческая надпись въ мечети Омара.—822; растительность харама.—845.

Вильямсъ: площадь харама.— 599; дворецъ Соломона. — 639; золотыя ворота.—748; мѣсто храма.—767.

Винеръ: счетъ столбовъ скиніи.—5; цвѣтъ завѣсы,—21; карковъ.—29; толщина стѣнъ скиніи.—44; подставы брусьевъ.—48; шесты ковчега.— 146, 147; стоимость храма Соломонова. — 210; матеріалъ и планъ храма. — 213; высота его.—221; реставрація колонны. — 263; капитель.—267; столы предложенія.—319; ограда двора. —343.

Винкельманъ: столбы скиніи. — 6, 7; золотые листы въ храмѣ.—300.

Винше: Іисусъ Христосъ въ синагогѣ.—424.

Витрувій.—255—367.

Витцій: капитель столбовъ.—13; рисуновъ жертвенника.—32; рисунокъ умывальника.—37; зеркала въ немъ.—39.

Viollet, le Duc: египетскій треугольникъ.—177.

Властовъ Г. рисунокъ (изъ Фергюссона).—108.

Вогюэ, графъ: жертвенникъ кажденій.—109; столъ предложенія.—115; херувимы.—171; высота храма Соломона.—221; высота притвора.—235; планъ храма.—246; реставрація колонны Сольси.—258; капитель ея. 261—262; монолитъ ел-Аксы. — 270, 273, 276; колонны въ притворѣ.—278; подражаніе египетскимъ обелискамъ.—285; размѣры храма.—288, 291; двери храма.—293, 294; картины храма. - 302; распредѣленіе сосудовъ въ храмѣ.—319, 320; ограда дворовъ.—346, 347; родство храма съ египетскими.—371; колонны галлерей въ стѣнахъ площади Ирода. — 410, 412; высота ихъ въ южной галлереѣ.—416; Красныя ворота. — 430; планъ его. — 465; ворота надкоринѳскія.—470; лучшее распредѣленіе воротъ. — 472; лучшее распредѣленіе камеръ. 474—475; зала gazith; — 476; столы при жертвенникѣ.—488; мѣсто его.—489, высота храма. — 503; башни или третій этажъ. — 505; храмъ Сіа. 518—520; храмъ Турманимъ. — 521; мечетъ ес-Сахра. — 547; масонскіе знаки на камняхъ мола.—590; площадь харама.—599; южная часть харама.—637; ошибка Іосифа Флавія.—650, 659; сѣверная стѣна.—656; размѣры площади.—663; галлереи Ирода.—664; камень съ именемъ Тита.—701; колонны подземелья.—706; Золотыя ворота.—748—750, 756; часовня вмѣсто нихъ.—754; мѣсто храма.—767; мечеть Омара.—784; скала мечети—жертвенникъ всесожженій.—790, 799—800; другое мнѣніе о мѣстѣ жертвеннаго всесожженія.—800; реставрація храма. 806—808; куполъ скалы. — 818; залы ел-Акса.—834.

Вольфъ Одило: толщина стѣнъ скиніи.—44; двери храма.—295; размѣры внутренняго двора.—336; планъ Кира.—384; реставрація Иродова храма.—438; высота храма Ирода. — 504; башня или третій этажъ.—505; дворцовыя постройки Соломона.—640; мѣсто храма.—785.

Вренъ Христофоръ, строитель собора Св. Павла въ Лондонѣ.—597.

Гагаринъ, князь, реставрація колонны Соломона. — 258; альбомъ князя.—278, 806.

Ганебергъ: счетъ столбовъ скиніи. — 5; херувимы. — 158, 162, 166; реставрація колонны Соломона. — 258; сводъ храма Соломона—368; храмъ Зоровавеля. — 387; Красныя ворота.—431.

Ганно, см. Клермонъ-Ганно.

Гарресъ: космическое объясненіе скиніи.—183.

Гартманъ: цвѣтъ завѣсы.—21; подставы сосуда омовенія.—36.

Гаттъ: дворецъ Соломона.—639.

Гезеніусъ: цвѣтъ завѣсы.—21; капитель.—267; имена колоннъ.—283; косяки храма.—290; подставы омывальницъ во храмѣ.—330.

Гекатей, абдеритянинъ: длина храма Зоровавеля.—385; замѣчанія его у Іосифа Флавія.—387, 388; высота жертвенника.—484.

Гемарія, камеры его. — 352.

Генгстенбергъ: зеркала умывальника.—38; херувимы.—156, 167; символика Св. писанія.—187; объясненіе значенія скиніи. — 191, 192; передѣлки Ирода во храмѣ.—393.

Гензерихъ, предводитель вандаловъ, увозитъ свѣтильникъ изъ Рима.—129.

Георгій Св. кіоскъ его.—767; куполъ.—809.

Гераклій, императоръ внесъ древо креста въ Іерусалимъ.—764.

Геренъ: высота притвора. — 235; гробницы царей.—379; площадь харама.—598, 600; эспланада его.—602; орнаменты подземелья.—700; Золотыя ворота.—756.

Герлахъ: карковъ.—29; толщина брусьевъ скиніи.—46; покровы ея. — 78; значеніе колоннъ Соломона—287.

Германъ: размѣры внутренняго двора при храмѣ Соломона.—336.

Геродотъ: акація.—12; скручиваніе нитей.—19; панцырь Амазиса. 18—20; скопленіе металловъ у древнихъ.—211; ассирійскій храмъ. 374—375; вавилонскій храмъ.—401; портикъ въ Аѳинахъ.—421; размѣры вавилонскаго храма.—659, 660.

Геферникъ: дворы при храмѣ Соломона.—333.

Gillany: значеніе колоннъ Соломона.—288.

Гиллелъ, первосвященникъ.—542.

Гирканъ, князь и первосвященникъ.—389; замокъ его. 669—670.

Гирсониты, перевозившіе скинію въ пустынѣ.—201, 205.

Гиртъ: ковчегъ.—147; высота святаго святыхъ въ храмѣ.—223; высота притвора.—236; высота пристроекъ. — 244, 245; входъ въ нихъ.—248; колонны Соломона. — 256; ихъ мѣсто предъ храмомъ. —278; картины храма.—302; видъ херувимовъ. — 317; дворы Соломона.—335; ограда ихъ.—340, 343.

Гитцигъ: колонны въ притворѣ.—277.

Hottinger: Шехина.—798.

Гофманъ: херувимы.—157.

Гоѳолія:—352, 641, 646.

Графъ: жертвенникъ всесожженія.—34; описаніе скиніи дѣлано примѣнительно къ храму. — 200; колонны въ притворѣ.—277.

Гретцъ, историкъ іудейства: Ѳекоа.—125; южныя ворота ограды Иродовой.—432; западныя ворота—433; законъ чистоты.—446; ворота внутр. перибола.—454; высота двери во святое. — 530; императоръ Адріанъ.—538; Тиропеонъ—619; нищіе-левиты. —714; каналъ кровесточный. —796.

Григорій Св. Назіазинъ: заповѣди.—148.

Гринейзенъ: высота храма Соломонова. — 221; стѣны храма.—238; комнаты при храмѣ.—247; входъ въ нихъ. —248; лѣстница притвора.—253; колонны въ притворѣ. —277; боковыя пристройки передъ притворомъ. — 288; цѣпи по стѣнѣ святаго святыхъ.—297; картины храма. — 302; ограда дворовъ. — 340.

Гроцій: херувимы.—162.

Гупфельдъ: херувимы на ковчегѣ въ храмѣ.—313.

Гуте, профессоръ: украшенія свѣтильника. — 131; высота пристроекъ храма Соломона. —244; высота храма Иродова. — 503; отдѣлка камней. — 580; раскопки его. — 603; каналъ подъ югозападный уголъ.—629; стѣна открытая имъ.—631; дворецъ Соломона. — 640; весь Іерусалимъ на южномъ склонѣ Моріа.—640; Тади.—682—683; югозападное подземелье.—707; мостъ. — 721; арка Вильсона. — 735; ворота въ другой городъ. — 746; штукатурка.—810; каналъ Силоамскій.—813.

Давидъ, царь, его скинія.—199, 203; труды для храма. —209—213; музей въ храмѣ.—308; планъ дворовъ.—334: горница подъ воротами.—361; дворецъ его.—638; скинія на холмѣ жительства его.—639.

Дарьенъ: херувимы на колесахъ.—317.

Де-Ветте-Редигеръ: скинія-бедуинскій шалашъ.—196.

Дейлингъ: шесты ковчега.—146.

Дейчъ, Еммануилъ: знаки на камняхъ мола.—590.

Деличъ: хлѣбы на столѣ предложенія. — 118; раздѣленіе заповѣдей.—149; херувимы.—154—156.

De-Lyra Николай: ограда площади храма.—339.

Деранбургъ: законъ чистоты.—446.

Дерезеръ: пристройки храма.—245.

Де-Росси: изображеніе іерусалимскаго храма.—462.

Джелалъ-ед-Динъ, мечеть ес-Сахра.—547.

Джемсъ: площадь храма.—599; арка Вильсона.—726.

Дистель: толщина брусьевъ скиніи.—46; покровы ея.—78; цвѣтъ покрова.—95; колонны въ притворѣ. — 277; ограда площади.—343.

Dieulafoy: крыши въ Персіи.—233.

Діодоръ Сицилійскій, четырехъ-этажные дома египтянъ.—357; насыпь египетская.—561.

Діоклетіанъ, храмъ Юпитера.—778.

Діонисій Галикарнасскій, насыпь римская.—561.

Діонъ Кассій, былъ въ іерусалимскомъ храмѣ.—360; базарная площадь.—436; площадь храма—560; памятникъ Соломона.—760.

Duhm: сходство храма Соломона съ фаникійскими.—365, 366.

Евальдъ: счетъ столбовъ скиніи. — 10; форма ихъ. — 13; мѣсто ихъ.—15; карковъ.—33; предполагаетъ перестановку въ Библіи.—42; толщина брусьевъ скиніи. — 46; прохожденіе шестовъ въ нихъ. — 52; средній шестъ. — 55; угловые брусья. — 68, 69; покровы скиніи.—78; второй покровъ.—88, 94; жертвенникъ кажденій.— 108; свѣтильникъ.—121; каппоретъ. — 153; херувимы. — 171; скинія исхода явилась послѣ Мойсея.—200; высота святаго святыхъ во храмѣ. — 223; имена колоннъ.—283; двери храма—29; шесты ковчега. — 296, новые херувимы на ковчегѣ.—313, 315.

Евдокія, императрица, ей приписываетъ Унгеръ построеніе мечети ес-Сахра.—780.

Евдокія, супруга Ѳеодосія II, въ Іерусалимѣ.—552.

Евполемъ, см. Евсевій.

Евсевій, церковный историкъ: договоръ Соломона о постройкѣ храма. —214; крыша храма.—232; колонны Соломо-

на.—257; низверженіе ап. Іакова.—406; базарная площадь при базиликѣ. — 436; статуя Адріана.—538; развалины храма — 541; базилика Константина — 552, 777; камни стѣнъ—563.

Евтихій, патріархъ александрійскій: занятіе Омаромъ площади храма—545, 546; разрушеніе христіанскихъ храмовъ въ Іерусалимѣ—552.

Евхерій, путешественникъ, 440 г. Голгоѳа и Анастазисъ.—783.

Егезиппъ: низверженіе ап. Іакова.—406.

Едерсгеймъ: планъ его—265; ограда между народомъ и жертвенникомъ—483; мѣсто жертвенника—489.

Едризи, арабскій географъ.—792.

Езекія, царь, устройство складовъ при храмѣ.—381, 667; домъ его.—539; подтвержденіе десятинъ.—667; строитель второй стѣны.—668; ему приписываютъ каналъ Силоамскій.—813.

Eisenmenger: двойственность храма Ирода.—503.

Ейтингъ, палеографъ: надпись канала Силоамскаго.—813.

Елеазаръ, предводитель зилотовъ.—673, 674.

Елена, царица.—528; дворецъ ея.—712.

Елена, царица, мать Константина.—545.

Еліазаръ-бенъ-Іаковъ, рабби.—396, 676.

Еліезеръ-бенъ-Іозуа рабби: свѣтильникъ.—129.

Еліанъ, портикъ въ Аѳинахъ.—421.

Еліяшивъ, первосвященникъ въ храмѣ Зоровавеля.—388.

Ел-Мазиди, обновилъ мечеть ел-Акса.—835.

Енкель: значеніе пальмы во храмѣ.—299.

Жюстинъ: картина Іерусалима.—463.

Затлеръ: изображеніе іерусалимскаго храма.—808.

Захарія, памятникъ его, 413, 505, 521, 522; кровь его.—539.

Зоровавель, храмъ возвигнутый имъ. — 384 — 391 упом.—508.

Ибнъ-Абдъ-Раббигъ: размѣры площади.—663.

Ибрагимъ, паша.—733.

Израильскіе цари погребались при дворцѣ.—641, 645 647.

Илія, пророкъ, ходы его въ подземелье.—699; гробница его.—809.

Иродъ-Агриппа, любопытствуетъ видѣть богослуженіе.—489, 671, 672; пы-

тается срыть стѣну внутренняго дворца.—672.

Иродъ-Великій, сосуды въ его храмѣ.—112; передѣлалъ свѣтильникъ. — 130; второй этажъ его храма.—227; украшенія храма—299; дворы при его храмѣ.—335; ограда.—342; его передѣлки во храмѣ.—394—403; возобновленный имъ храмъ.—303—552; онъ изъ мрамора бѣлаго и цвѣтнаго.—581; надпись тройныхъ воротъ.—597; площадь храма.—601; работы на ней.—616; стѣна его.—618; клинъ мола.—630, 635; Тиверіада.—636; онъ строилъ храмъ на древнихъ основаніяхъ.—636; не расширилъ площадь. — 647; пристрастіе къ нему Іосифа Флавія.—656—659; галлереи.—664; средства его при возобновленіи храма.—665; строитель крѣпости Антонія.—670, 50; она мѣсто военнаго наблюденія.—612; подземный коридоръ.—733, 734; постройки его на модели Шика.—805.

Іаддуй, первосвященникъ. — 355.

Іаковъ, братъ Господень.—406, 825.

Іаковъ-Іуда-Леонъ: храмъ Іерусалимскій.—439.

Іаковъ, патріархъ еврейскій.—176; лѣствица его.—787.

Ialkut: легенда.—313.

Іезидъ-ибнъ-Солламъ, помощникъ строителя мечети ес-Сахра.—547.

Іеремія, пророкъ, по преданію сокрылъ ковчегъ завѣта.—389; гротъ его.—777.

Іеронимъ, блаженный: акація.—12; тахатъ.—101; херувимы.—161, 162, 169; число десять.—180; космическое объясненіе скиніи.—183; видѣлъ развалины Силоамской скиніи.—203; окна въ храмѣ.—249, 250; переводъ слова ail—293; слова γεῖσος.—340; храмъ Іезекіиля.—359; каналъ пепла во второмъ храмѣ.—487; статуя Адріана.—538; плачъ евреевъ.—539; Юліанъ-отступникъ.—543.

Іисусъ Христосъ: въ храмѣ Ирода.—403; въ синагогѣ іерусалимской. — 424, 425; мѣсто суда надъ Нимъ—426, 427; изгнаніе продавцевъ изъ храма.—437; камни на Него.—438; писаніе перстомъ. — 438; кровь Его объединяющая. — 446; Онъ во дворѣ женщинъ.—464; въ виду сокровищницы. — 468, 477: раздраніе завѣсы въ часъ кончины Его.—531: пророчество о храмѣ —535, 538, 545; объясненіе словъ Его о разрушеніи храма.—541; базилика на мѣстѣ воскресенія.—552; камни храма.—561; мѣсто предсмертной

молитвы.—762; гробъ Его по Фергюссону.—777, 783; темница и колонна.—779; отпечатокъ ноги Его въ мечети ел-Акса.—835.

Іисусъ, великій, царь, построилъ куполъ грамматиковъ.—773.

Іоавъ, подземный ходъ.—639.

Іоаннъ Гискала, башня у царскихъ воротъ.—435; мѣсто осады 449, 673, 674, 692; башня надъ Ксистомъ.—735. 737.

Іоаннъ Златоустъ: объясненіе словъ Іисуса Христа.—541.

Іоасъ, сынъ Охозія.—352.

Іозуа, рабби.—537.

Іонаѳанъ, зеркала умывальника.—37; стѣны храма послѣ плѣна.—562, 562.

Іосавеѳъ, дочь царя Іорама.—352.

Іосафатъ, царь.—356; гробница его.—757, 770.

Іосе, рабби: завѣсы храма Ирода.—512.

Іосифъ Аримаѳейскій, гробница его.—678.

Іосифъ Горіонъ, измѣненіе четыреугольника площади.—402.

Іосифъ Флавій, еврейскій историкъ: описаніе скиніи. — 1; столбы скиніи. — 12; пьедесталы.—14; цѣпи. — 16; нити.—18; цвѣтъ подвижной завѣсы.—20, 22; роги жертвенника.—26, 27; входъ на него.—31; отдѣлка его.—34; зеркала умывальника.—37; стѣны скиніи. — 43, 45; ширина скиніи.—45; толщина досокъ —44, 46; концы или крючки ихъ.—47; молчитъ о подставахъ.—48; шесты въ брусьяхъ.—52, 55; угловыя брусья —59; вост. сторона скиніи.—73; покровы ея.—76, 80; шестая полоса покрова.—89; входъ въ скинію.—104; раздѣленіе ея. — 105; входная завѣса.—107; сосуды скиніи. — 110; арка Тита. — 112; столъ предложенія. — 114, 115; хлѣбы.—118; свѣтильники.—121, 122; лампады — 126; положеніе свѣтильника.—127; онъ въ Римѣ.—129; жертвенникъ кажденія. 132; матеріалъ для кажденія. —138, 139; ковчегъ завѣта.—141, 142; шесты его. — 146, 147; заповѣди. — 148; херувимы.—161, 162; космическое объясненіе скиніи.—182; контрактъ на постройку храма.—214; Моріа. —215; храмъ.—217, 219; высота его.—229, 230, 236; крыша. — 232; финикійскіе строители.—238; стѣны храма.—241; боковыя постройки. — 242, 244; келіи въ нихъ.—245, 247; лѣстница притвора.—253; гранатовыя яблоки капителей.—267; капитель — лилія съ пальмой; —268, 273; придавалъ древ-

нееврейскому искусству греческій характеръ.—276; мѣсто колоннъ. — 278; значеніе именъ ихъ. — 283; входъ храма. — 292; Помпей во храмѣ.—308; херувимы. — 314; свѣтильники. — 318; мѣдное море. — 324, 326; омывальницы. — 329, 331; второстепенные сосуды, число ихъ. — 332, 333; площадь храма, дворы. — 335, 337; ограда площади.—340, 344; указъ Кира. — 349; камни храма.—357; дворы.—360; общій видъ храма. — 365; мѣра—стадія. — 374, 375, 428; день сожженія храма Соломона.—381; храмъ Зоровавеля. — 387; жертвенникъ въ немъ.—388; завѣса и сосуды.—391, 392; высота храма.—394, 397; противодѣйствіе книжниковъ и фарисеевъ.—398; 409; первосвященникъ Ананелъ.—399; высота ограды.—400, 401; измѣненіе площади. — 402; храмъ Ирода.—404; высота восточной стѣны.—406, 408; высота колоннъ галлереи.—410, 413; изящество и монотонность ихъ. — 414; южная галлерея.—415, 417; восточная галлерея.—418; лобная стѣна.—419; Соломоновъ портикъ. — 420, 421; портинъ южный (царскій). — 421, 424; крѣпость Антонія. —425; западныя ворота ограды.—429, 433; царскія.—434 сѣверныя.—435, 436; площадь между галлереями.—438; дворъ язычниковъ. — 440; внутренній дворъ. — 440, 448; надпись на камнѣ. 443; валъ предстѣнный и ступени.—449, 950; периболъ внутренній.—451, 455; сочиненіе о Войнѣ Іудейской —454, 455; ворота перебола. —456, 457; ворота Никанора (Коринѳскія). — 452, 458; дверь женщинъ.—462, 469; цѣпь Агриппы.—468; ворота надкоринѳскія.—470; стѣна, раздѣлявшая внутренній дворъ.—471, 472; раздѣленіе двора израильтянъ отъ двора священниковъ.—481; размѣры жертвенника.—483, 484; недоступность его.—489; мѣсто храма. — 490; высота его.—492, 522; высота нижняго и верхняго этажей. — 495, 496; передѣлка Ирода. — 497; второй этажъ—верхняя горница.—562; высота его.—503; третій этажъ.—504; размѣры храма.—509; завѣса между святымъ и святое святыхъ. —512; амбразура въ стѣнѣ притвора.—515, 516; орелъ римскій.—517; фасадъ храма. — 517; торанъ. — 524, 525; виноградная лоза. — 528; дверь во святое.—529; завѣса на ней.—531; зала храма. — 531; святое святыхъ.—533; священныя книги у него.—533; время построе-

нія храма. — 534; взятіе храма и пожаръ. — 535 — 536; плачъ евреевъ.—536; Моріа. — 556, 558; молъ храма.—560; камни его. — 561 — 562; назначеніе выпусковъ.—581; стѣна древныхъ царей. — 603, 604; восточный портикъ. — 604; долина съ сѣвера. — 606; крѣпость Антонія.—611 — 613; похищеніе жертвенныхъ животныхъ.—618; засыпка ущелья.—619; холмъ Моріа.—620; срытіе холма Акры.—621; засыпка долины.—622; холмъ Акра.— 622; основанія храма сняты.—636; гумно Орны.— 639; высота холмовъ.—643; царскій дворецъ. — 647; древняя стѣна.—648; площадь харама.—649—664; измѣренія мола и двора, — 650, 659, 660; его ошибки въ размѣрахъ.—662, 665; сѣверное прибавленіе къ площади.—666; склады для приношеній.—667; замокъ Гиркана.—670; смятенія въ Іерусалимѣ.—673; ворота въ сѣверной стѣнѣ.—681; Струѳіонъ.—685; замокъ Антонія. —686; ровъ.—687; памятникъ царя Александра.— 691—693, 777; аллеи прохода.—698; Офелъ.—709, 711; постройка мола. — 717 — 718; Симонъ бенъ Гіоръ.—733; мостъ.—734; Башня надъ Ксистомъ.—735, 738; западныя ворота храма.—745; дворецъ Соломона.—760; размѣры площади храма.—774, 781; подземное сообщеніе Антоніи.— 779; портикъ Соломона.— 784; δρύφακτος.—787, 789, 790; выровненіе площади храма.—791; галлереи (на модели Шика).—804; подземные каналы и цистерны.— 811, 812; туннель Озіи.— 814; спускъ въ подземелье подъ храмомъ.—829; бѣлый грунтъ площади.—846; крыло храма.—851.

Іосія, царь іудейскій.—596.

Іохананъ, рабби, камера его.— 388; кольца при жертвенникѣ для животныхъ.—487; объясненіе: „за стѣною".— 675.

Isambert: скала мечети—жертвенникъ всесожженія.—790.

Іуда, сынъ Іакова, его колѣну принадлежалъ внѣшній дворъ храма.—661, 710.

Іуда, предатель, его 30 сребренниковъ.—468.

Іуда, рабби.—493.

Іудиѳь.—356.

Кааѳы сыновья, перевозившіе скинію въ пустынѣ.—204.

Кади Бурганъ ед-Динъ: построилъ каѳедру изъ мрамора на площади харама.—772.

Кальметъ: ограда храма Соломона.—356.

Камфаузенъ: счетъ столбовъ скиніи—11; мѣсто ихъ.—15; толщина брусьевъ.—46; средній шестъ.—55; угловые брусья.—60, 61; покровы скиніи.—78; херувимы.—171; вѣсъ брусьевъ.—205.

Карпцовъ: Іисусъ Христосъ въ синагогѣ.—424.

Кауцшъ: каналъ Силоамскій. 813.

Кейль: счетъ столбовъ.—10; нити святилища.—18; цвѣтъ завѣсы.—20; карковъ.—29; зеркала умывальника.—38; толщина стѣнъ скиніи.—44, 47; число засововъ.—50; прохожденіе ихъ.—53; покровы скиніи.—78; лампады свѣтильника.—124; ковчегъ.—144; шесты его.—146; херувимы.—158, 163; изображеніе ихъ.—159; объясненіе значенія скиніи.—191, 192; высота святаго святыхъ.—223; крыша храма.—232; высота притвора.—234; видъ храма.—251; колонны предъ нимъ.—279; косяки храма.—290; двери.—291, 295; шесты ковчега.—296; цѣпи по стѣнѣ святаго святыхъ.—297; золотые листы.—300; картины храма.—302; видъ херувимовъ.—315; площадь храма.—336. размѣры внутренняго двора.—336; кедровые брусья.—344.

Кемалъ ед-Динъ: Омаръ на площади храма.—545.

Кестій: сѣверныя ворота въ храмѣ Ирода.—436.

Кимхи, раввинъ: сосуды скиніи.—111; свѣтильникъ.—121; ониксъ.—138; пещера скалы.—231; капитель колонны Соломона.—268; шесты и цѣпи на входѣ во святое святыхъ.—298; новые шесты на ковчегѣ.—313; мѣдное море.—326; высота храма.—395; манускриптъ священныхъ книгъ.—533; Мишне (башня).—710, 711.

Кингъ: знаки на камняхъ мола.—590; югозападное подземелье.—707; Золотыя ворота.—756; каналъ Силоамскій.—813; балконъ Соси.—852.

Кипертъ: площадь храма.—599.

Кириллъ Іерусалимскій: развалины ветхозавѣтнаго храма.—540.

Киръ, царь персидскій: указъ.—348, 349, 384; планъ храма.—383, 386; обновляетъ храмы.—384; не навязываетъ образца.—387.

Kitto: дворъ израильтянъ и священниковъ.—480.

Клайберъ: Моріа.—638; на ней почти весь древній Іерусалимъ.—644.

Клермонъ Ганно: завѣса въ храмѣ Зоровавеля.—391;

камень съ надписью.—442, 443, 445; масонскіе знаки на камняхъ мола.—590; надписи лампъ.—594; надпись въ сѣверной стѣнѣ харама.—663; надпись на наружной стѣнѣ харама.—761; мечеть Омара.—784; колонны мечети.—824.

Климентъ Александрійскій: колонны, раздѣлявшія святое отъ святое святыхъ.—75; заповѣди. — 148; космическое объясненіе скиніи.—183.

Клифотъ: раздѣленіе заповѣдей.—149; херувимы.—157.

Кляріусъ: трехъ-ярусныя ограды храма.—350.

Книжники и фарисеи, передѣлка корпуса святилища.—498, 510, 636; любители астрономическихъ наблюденій.—506; строители стѣны.—725—726.

Кнобель: счетъ столбовъ скиніи. — 5, 7, 10; карковъ.—29, 33; переводъ изъ книги Исхода, о зеркалахъ умывальника.—39, 40; толщина стѣнъ скиніи.—44, 47; число засововъ.—50; прохожденіе ихъ.—53; угловые брусья.—67; входныя колонны.—74; покровы скиніи.—88; украшенія свѣтильника. — 122; жертвенникъ кажденія. — 137; скинія Моисея не та, что въ книгѣ Исходъ.—200.

Kolbe: ворота Копоносъ. — 434; планъ Иродова храма.—439.

Kohn: обычай самарянъ.—593.

Кондеръ: ограда хананскихъ святилищъ. — 339; открылъ остатокъ мола храмоваго.—575 — 576, 823; остатокъ контрфорсовъ.—577; размѣры площади харама.—663; гробницы царей. — 777; гробъ Господень и Голгоѳа.—777; мѣсто храма.—786; внутренній дворъ.—787; сѣверовосточный уголъ.—788; уровень скалы.—789; куполъ цѣпи. — 824; жертвенникъ всесожженія.—825.

Константинъ Великій, разрушилъ храмъ Юпитера въ Іерусалимѣ.—538; базилика его.—529, 552; ему приписываютъ Золотыя ворота. — 756; постройки его въ Іерусалимѣ, по Фергюссону.—774—778.

Коппъ: картины храма.—302; видъ херувимовъ.—316.

Красносельцевъ: очерки изъ исторіи христіанскаго храма.—513.

Крассъ, римскій полководецъ похитилъ сосуды храма Зоровавеля.—393.

Краузе: символика франмасоновъ.—193, 284.

Крафтъ: площадь харама. — 599; Акра и Варисъ Антонія.—624.

*

Крейцеръ: его символика.—190.

Куглеръ: свѣтильникъ въ Кельбергѣ.—131; египетскіе храмы.—178; колонны Соломона предъ храмомъ.—278.

Куртцъ: покровы скиніи.—78; раздѣленіе заповѣдей.—149; херувимы. 157—158; высота святаго святыхъ.—225, 226; высота всего храма.—235.

Lassen: пристрастіе къ Египту.—369.

Лауенанъ, епископъ: видъ индійскаго храма.—377, 378;

Леви-бенъ-Герсонъ: значеніе колоннъ Соломона. — 289; цѣпи и шесты на входѣ въ святое святыхъ.—298; значеніе слова Хульда. — 432; значеніе слова Soreg.—445; знаки помазанія.—593; елей.—596; Терисъ.—680, 683.

Лей Самуилъ: развалины храма.—541.

Лейреръ: форма столбовъ. — 13; толщина стѣнъ скиніи.—44; покровы скиніи.—78; стѣны ковчега.—147.

Лейсденъ: скатерть стола предложенія.—119.

Лейярдъ: ассирійскій барельефъ.—168.

Ле Контъ, архитекторъ, ремонтировалъ мечеть Омара.—(въ 1874 г.).—784.

Ленорманъ: херувимъ-kerubu.—155.

Лео: надпись на золотомъ мечѣ въ храмѣ Ирода.—527, 528.

Лигтфотъ: средній шестъ въ брусьяхъ стѣнъ скиніи.—53; главная лампада скиніи потухла. — 126; херувимы.—166; капитель колоннъ Соломона.—268; мѣдное море.—324; ограда дворовъ.—341—342; ворота Копоносъ.—433.

Liévin de Hamme: мѣсто святаго святыхъ и жертвенника всесожженій.—786.

Лундій: счетъ столбовъ скиніи. 10; капители. — 13; рисунокъ умывальника. — 37; зеркала умывальника. — 38; толщина брусьевъ скиніи.—46; средній шестъ въ нихъ.—53; покровы скиніи. — 78; сосуды скиніи. — 111; реставрація стола предложенія. 117—118; изображеніе жертвенника кажденій. — 132, 133; шесты ковчега.—146; реставрація ковчега.—141; каппоретъ.—153; изображеніе ковчега.—172; высота храма Соломонова.—226; крыша храма. — 232; окна его. — 250; двери.—292; свѣтильники 318; мѣдное море.—326; 327.

Льювинъ: ес-Сахра, — 552; площадь харама. — 599; храмъ въ югозападномъ углу.—620; отличаетъ Акру отъ Моріа.—622; накладываетъ

ихъ другъ на друга.—623; югозап. уголъ.—628, 630.

Лютеръ: ткань виссона.—19; цвѣтъ завѣсы. — 22; концы брусьевъ скиніи.—48; угловое кольцо брусьевъ. — 57, антропологическое объясненіе скиніи.—193, 195; ошибочное мѣсто въ его переводѣ. —223.

Лями: реставрація скиніи.—2, 104; капители. — 13, 14; раздѣлка цвѣтовъ завѣсы.—23; угловые брусья. — 65; второй покровъ скиніи.—92; херувимы.—161, 170.

Маасія, камеры его.—352.

Магометъ: кааба.—240; его конюшня, кобылица.—742; мечь и сѣдло.—821.

Madden: древняя еврейская монета.—131.

Маймонидъ: основаніе свѣтильника.—120, 121; высота его. —123, 124; принадлежности при немъ. — 128; ониксъ. —138; хальанъ.—138; пещера скалы.—231; брустверъ крыши. — 233; матеріалъ стѣнъ. — 241; преданіе о жертвѣ на Елеонѣ. — 408; ворота надкориноскія.—470; высота жертвенника во второмъ храмѣ. — 484; камни со дна моря. — 485; потолки.—494; косяки притвора. —516; тринадцать завѣсъ. —531; мѣсто корпуса храма. — 766.

Маккавеи: Гирканъ. — 399, 425, 669; Іонаѳанъ.—392; Іуда.—392; Симонъ.—392, 425; при нихъ засыпано ущелье.—616, 623.

Малейкатъ I, дѣдъ и Малейкатъ II, внукъ, строители храма Сіа.—518.

Мамумъ: обновилъ мечеть ел-Акса.—835.

Манассія: паденіе храма Соломона.—381.

Манжанъ, художникъ.—322; рисунокъ жертвенника Соломона.—323; рисунокъ мѣднаго моря.—327, 328.

Марія, Приснодѣва, на картинѣ Рафаэля.—553; источникъ Ея.—639, 813.

Maspero: рисунокъ египетскаго стола. — 116; окна египетскихъ храмовъ.—250; основаніе построекъ на мусорѣ.—560; стѣны египтянъ.—576; гробницы ихъ.—588; штрихи на скалахъ.—591; основаніе построекъ египетскихъ не глубоко.—636.

Маундвиль, Джонъ: мечеть омара.—792, 793.

Махмудъ, султанъ, дощечки со стихами корана. — 835.

Меджиръ-ед-Динъ: мечеть ес-Сахра. — 547; подземный ходъ подъ улицею Давида. —732; заключеніе Золотыхъ воротъ.—752; домъ свитка. —769, 772; камни временъ

Давида.—792; арабскія перестройки ел-Аксы. — 835.

Мейеръ: карковъ. — 28, 30; угловые брусья. — 66—68; украшенія свѣтильника. — 122; шесты ковчега. —146; высота святаго святыхъ — 225, 226; высота всего храма. — 235; высота притвора. — 236; входъ въ пристройки храма. — 248; видъ притвора.—252, 253; колонны Соломона—въ притворѣ.—277; картины храма. 302; видъ херувимовъ. — 317; столы предложенія. — 319.

Меиръ, рабби: столъ предложенія. — 118; цѣпи по стѣнѣ святаго святыхъ.—297.

Meidan, арабская пословица. —150.

Менаемъ, сынъ Іуды галилейскаго, скрывается въ Офлѣ.— 711.

Менке: площадь харама.—599; южная часть ея.—637.

Мерариты, перевозившіе скинію въ пустыню.—204, 205.

Мерцъ: высота святаго святыхъ. — 225; видъ притвора.—252; капитель колонны Соломона.—264; колонны въ притворѣ.—277, 280; двери храма.—291; херувимы. — 314; кедровые брусья.—344.

Михаэлисъ: пристройки храма. —245; новые шесты ковчега. —313.

Michon: возраженія противъ Фергюссона.—785.

Моверсъ: значеніе колоннъ Соломона. 286—287.

Моисей, пророкъ, скинія его; 1—207; модель для храма. —212.

Монобазъ.—712.

Mariette: египетскіе храмы.— 222.

Мункъ: покровы скиніи.—78; высота святаго святыхъ. — 225; колонны Соломона предъ храмомъ.—279; мѣдное море.—324; талмудъ. — 324; ограда двора.—343.

Мѣновщики денегъ. — 436, 437.

Мюлау; размѣры храма Соломонова.—659; дворецъ Соломона.—721.

Мюллеръ: египетскіе храмы.— 178.

Навузарданъ, разрушеніе храма Соломона.—381.

Натанъ-Мелехъ, придворный. 352; рабби.—661.

Нейбауеръ: каналъ Силоамскій.—813.

Нейманъ: постановка столбовъ. — 8; имя пустыни. — 12; форма столбовъ. — 13; капители.—13, 14; ткани. — 19; карковъ. — 29; зеркала умывальника.—38; толщина брусьевъ скиніи.—46; подставы брусьевъ. — 48; видъ шиповъ ихъ.—49; число за-

сосовъ.—50; рисунокъ ихъ. 51; прохожденіе ихъ.—53; угловые брусья. 69 — 70; входныя колонны.—73, 75; покровы скиніи. — 76, 77, 78; шестая полоса покрова. —89; второй покровъ. — 92, 93; изображеніе его.— 94; цвѣтъ его.—95; ножки стола предложенія. — 115; рисунки сосудовъ. — 116; скатерть стола.—119; основаніе свѣтильника. — 120; ношеніе жертвенниковъ. — 137; украшенія ковчега. — 143; ножки его.—144; ношеніе его.—145; шесты его.- 146, 147; каппоретъ.—152 153; херувимы.—156, 168, 169—171; покровъ ковчега. —172.

Неронъ, императоръ римскій. —490.

Нетинимы, рабы храма.—714, 740.

Никаноръ, александрійскій іудей, ворота его.—452, 458.

Никодимъ, патріархъ іерусалимскій.—858.

Озирисъ.—173.

Озія, землятрясеніе при немъ. — 814; прорытіе Силоамскаго туннеля.—814.

Омаръ, халифъ, на площади храма.—544—546.

Омаръ-Ибнъ-Каттабъ, заключилъ Золотыя ворота.—752.

Оппертъ: витыя лѣстницы въ Месопотаміи.—248.

Оригенъ: жертвенникъ каждеиій.—109; соль.—117; заповѣди.—148; значеніе скиніи.—193, 195.

Орна, іевусей, поле его.—209; гумно. — 556, 633, 637, 638, 769, 791, 803.

Otho: высота восточной стѣны. —408.

Otte: свѣтильникъ въ Миланѣ. —131.

Павелъ, апостолъ: рѣчь къ народу.—426; заключеніе въ крѣпости Антонія. — 438; буйство іудеевъ.—445; кровь Христова объединяющая. — 446.

Павзаній: цвѣтъ виссона.— 19; завѣса въ храмѣ Зоровавеля.—391; ограда святилищъ.—560.

Пайллу: высота храма.—235, 311; планъ стѣнъ храма.— 247; окна его.—249—251; колонны притвора. — 255, 268, монолитъ ел-Аксы. — 272 — 276; колонны въ притворѣ.—278; двери храма.—291; картины храма. —302; колонны внутри его. —305; херувимы. — 314; дворы Соломона.—335; ограда ихъ. — 345, 348; по поводу объясненія Вогюэ.— 347; реставрація храма Соломона.—358, 359; сообщенія дворовъ.—360, 361; родство храма съ ассирійскими. —373; портикъ Соломона.— 420—421; портики Иродова

храма.—427—428; периболъ внутренняго двора. — 453; ворота въ немъ.—455, 456; дворъ женщинъ.—463; дворъ израильтянъ и священниковъ. —480; раздѣленіе ихъ. — 481, 482; молъ горы Моріа. — 559; камни мола.— 562; кладка камней.—563; знакъ креста на стѣнѣ еврейской и на статуѣ ассирійскаго князя.—593; площадь харама.—599; высота мола.—650; ошибки Іосифа Флавія.—658, 662; размѣры площади.—663; древнія ворота іерусалимскаго храма. —698; реставрація храма.— 753; отдѣлка Моріа съ востока.—762; противъ подлинности харама.—764; его реставрація.—765.

Пальмеръ: мечеть ес - Сахра —547.

Парва, строитель зданія.— 473; волшебникъ.—799.

Пенрозъ: шишки на камняхъ. —586.

Перро: роги жертвенника.—28; планъ храма.— 212; высота св.св.—223; капители колоннъ Солом.—261 — 264, 276; колонны Соломона предъ храмомъ.—279; подражаніе егип. обелискамъ—285; жертвенникъ всесожженій. — 322; омывальницы. — 331; кедровые брусья.—344; реставрація храма. — 361— 364; элимъ.—362; притворъ храма.—368; реставрація мола.—574, 577; объясненіе выпусковыхъ камней.— 580; урна.—595; время мола.—600; дворецъ Соломона. —640—644; дворецъ хорсабадскій.—642, 646; домъ жены Соломона.—647; насыпь Соломона. — 651; насыпь Ирода. — 655; Мифкадъ.—666; своды.—699.

Петерманъ: обычай самарянъ. —593.

Петръ, апостолъ, въ темницѣ. —426; у Красныхъ воротъ. —430; часовня его по Вогюэ.—654.

Пинхасъ, послѣдній ризничій храма.—478.

Піеротти: проходъ подземный. —689—690; мѣсто корпуса храма.—767; пруды.—768; пещера-цистерна 769; цистерны.—809, 812.

Place: ассирійская колонна 261; ассирійскіе памятники.—402.

Платонъ: египетскій символическій треугольникъ.—177.

Плиній: акація 12; хлопчатая бумага 18; финикійскіе строители.—238.

Помпей, посѣщеніе имъ храма —308, 393, 532; засыпалъ ущелье.—616, 619.

Помпея Луцилія, обѣтное приношеніе.—415.

Понтій Пилатъ, преторія его 426; деньги изъ кассы храма.—468.

Попперъ: возраженія противъ скиніи.—207.

Портеръ: крѣпость Антонія.—925; площадь харама.—599.

Прадъ: херувимы.—162.

Прейсверкъ: украшенія свѣтильника.—122.

Прокаженные, камера ихъ.—466.

Прокопій: базилика Юстиніана.—548, 549, 707; Золотыя ворота.—758.

Пруденцій, см. Аврелій.

Пэнъ: профессоръ: расположеніе столбовъ скиніи.—11; форма ихъ.—13; пьедесталы.—15; нити.—18; цвѣтъ завѣсы. — 20; расположеніе цвѣтовъ ея.—23; работа рокемъ. — 24; рѣшетка при жертвенникѣ.—32; толщина стѣнъ скиніи.—44; толщина стѣнокъ ковчега завѣта.—44; ширина скиніи.—95; поверхность подставы брусьевъ.—49 — 50; число засововъ.—50; расположеніе ихъ.—51; положеніе нижняго покрова.—83—86; втораго покрова.—96 — 101; третій и четвертый покровы. — 102 — 104; входныя завѣсы скиніи. — 106—108; свѣтильникъ.—121—123; лампады.—125; шесты ковчега. — 147; изображеніе ковчега.—172; упом. — 197, 201; планъ храма Соломона. — 211; высота его.—221; высота притвора.—234; стѣны храма. — 240, 241; колонны притвора.—254; реставрація ихъ.—258—261, 263, капитель.—276; колонны въ притворѣ.—278; цѣна его монографіи о храмѣ Соломона. — 306; гипотеза реставраціи храма.—310—312, 415; мѣдное море.—325; реставрація его.—327; рисунокъ омывальницы. — 332; ограда дворовъ.—342, 345, 346; планъ Кира.—384; высота храма.—395; камера прокаженныхъ. — 466; второй этажъ храма.—503; завѣса внѣшняя.—531; размѣры площади.—665.

Раббиновичъ, колонны Соломона.—284.

Равенсговъ, ассир. изображенія.—169.

Рафаэль, картина его—принятіе Пресвятой Дѣвы Іосифомъ.—553.

Rawlinson, капители галил. колоннъ.—413, 533; своды у вавилонянъ.—699.

Раши, раввинъ: работа rokem. — 24; толщина брусьевъ скиніи.—46; вѣсъ подставы брусьевъ.—48; скобы шестовъ.—52; средній шестъ. 53; покровы скиніи.—78; второй покровъ.—92; ониксъ.—138; цѣпи на входѣ въ святое святыхъ 298; высота храма. — 395; синагоги въ Іерусалимѣ.—423; екседры.—472.

Рей: развалины храма Ваалъ-Замина.—518; молы въ Сиріи.—560; камни въ Сиріи. 574; французскія колоніи въ Сиріи.—835.

Рейссъ: колонны Соломона предъ храмомъ.—279.

Реландъ: счетъ столбовъ скиніи.—10; украшенія свѣтильника.—122, 130; крыша храма.—232; столы предложенія.—319.

Ренанъ: монолитъ ел-Аксы.—271; ограда двора.—343; камни финикійскіе. — 358; молъ Моріа. — 559; узоры камней финикійскихъ.—574; храмы Финикіи.—578; выпусковая отдѣлка.— 578 — 579, 583; первый храмъ не имѣлъ перспективы. — 637; дворецъ Соломона. — 642; домъ жены его.—647; притолока финикійская.—740.

Reynold: занятіе Омаромъ площади храма.—545.

Реуфъ-паша, губернаторъ іерусалимскій, замазалъ выпуски штукатуркою.—581; его раскопки.—610; расчистка юго-восточнаго подземелья.—708; расчистка золотыхъ воротъ.—751, 753—754; части восточной стѣны.—826; возобновилъ валъ.—827; вымостилъ улицу къ воротамъ харама.—839;—окопалъ маслину. — 845.

Решъ-Лакишъ: объясненіе: „за стѣной“.—675.

Риггенбахъ: столбы скиніи.—9, 12—13; karkob.—29; дворъ скиніи.—40; толщина брусьевъ ея.—46; поверхность подставы брусьевъ.—49; видъ шиповъ ихъ.—49; расположеніе шестовъ.—54, 55; угловые брусья.—58—59; покровы скиніи.—78, 82; шестая полоса покрова.—89; второй покровъ—94; украшенія свѣтильника. — 122; ковчегъ.—144; шесты его.—147; херувимы.—171; символы и понятія.—195; святилища языческія.—198; вѣсъ моделей скиніи.—205.

Ригмъ (Riehm): его переводъ изъ книги Исхода о зеркалахъ умывальника.—40; толщина брусьевъ скиніи.—46; число засововъ.—50; угловые брусья.—61—63; покровы скиніи.—78, 82; второй покровъ.—88, 94; цвѣтъ покрова.—95; херувимы.—154—156, 171; окна храма.—250; капитель колонны.—264; колонны предъ храмомъ.—279; двери храма.—291; новые херувимы на ковчегѣ.—313, 315; ворота Никанора.—459; южная часть харама. — 637; размѣры храма Солом.—659; дворецъ Соломона.—721.

Робинсонъ: крѣпость Антонія.—425, 572; площадь харама. 599; мостъ Робинсона—632, 719—720; подземный корридоръ.—733.

Ровоамъ, царь, барельефъ его. —373.

Рожеръ, король Сициліи.— —792.

Розенмиллеръ, karkob.—29.

Розенъ: Акра и Варисъ-Антонія.—624; насыпь Соломона.—651.

Руже, египетскій памятникъ.— 174.

Савская царица въ Іерусалимѣ.—640, 645, 750.

Саддукеи, священники.—499.

Саидъ ибнъ-Батрикъ, историкъ арабскій: дверь съ именемъ Адріана.—701.

Саладинъ перенесъ мимбаръ въ мечеть ел-Аксы.—835.

Салахъ ед-Динъ.—821.

Самаряне.—593.

Саргонъ.—642.

Sattler: слѣдуетъ Піеротти въ опредѣленіи мѣста корпуса храма.—768.

Sayce: халдейскіе символы.— 178.

Священники, дома и житницы ихъ.—667; завѣдуютъ воротами овечьими.—668; ихъ купальня подземная. — 676 683.

Селимъ I, султанъ, строитель ограды харама.—848.

Сеннахиримъ, царь ассирійскій, столъ его.—115.

Сеппъ: мечеть ес-Сахра. — 548—550; площадь харама. 599; арка Тоблера.—726; золотыя ворота.—758; скала мечети—жертвенникъ всесожженій.—790; мечеть Омара.—822.

Симей, камеры его.—352.

Симмахъ: тахашъ.—101; окна храма.—250; переводитъ ail. —293; γεῖσος.—340; thaim. —698.

Симонъ-Баръ-Кохба. — 537, 538.

Симонъ-Бенъ-Гіоръ. — 733, 734.

Симонъ Праведный, первосвященникъ, заботы его о храмѣ.—390; площадь храма—405; каналъ кровесточный.—796.

Симонъ, соперникъ Іоанна Гискалы.—435, 737.

Синедріонъ, мѣсто собранія его.—476—477.

Сиппурену, авторъ этого комментарія.—78, 79.

Скакхусъ: реставрація стола предложенія.—117; изображеніе жертвенника кажденія. —132, 133; огнище его.— 135.

Созоменъ: попытка возобновить храмъ.—543.

Солиманъ, его вензеля въ мечети ес-Сахра.—820; возобновилъ Мегкеме.—825.

Соломонъ, царь Іудейскій, храмъ его. — 209 — 382; портикъ его.—420; молъ.—600, 652;

домъ жены его.—647; его насыпь и плотина.—649—656; средства его при строеніи храма.—665; восточная стѣна.—706; колонны, подаренныя ему царицею Савскою.—750; саркофагъ его у золотыхъ воротъ.—759—760; другая гробница въ мечети Омара.—759; памятникъ.—759—760; пещера духовъ.—766; великое море.—812; его камера.—852.

Соси (Saulcy): жертвенникъ кажденій.—109; свѣтильникъ.—120; высота притвора.—235; капитель ел-Аксы.—277; распредѣленіе сосудовъ во храмѣ.—319; гробница царей.—379; камни съ надписями.—444; надпись тройныхъ воротъ.—596; площадь харама.—598, 600; эспланада харама.—602; открылъ восточный балконъ.—646; папирусы.—695; надпись квадратнаго письма.—697; орнаменты подземелья.—700; камень съ именемъ Тита.—701; подземный ходъ.—716; длина моста Робинсона.—719; золотыя ворота.—755, 758; скала мечети—жертвенникъ всесожженій.—790; кровесточный каналъ.—796; мечеть Омара.—824; балконъ открытый имъ.—852.

Софроній, патріархъ іерусалимскій, толкованіе космита.—294; охраняетъ отъ Омара площадь храма.—544—545.

Спенсеръ: зеркала сосуда омовеній.—37—38; херувимы.—162, 167.

Спиноза: мѣдное море въ храмѣ Солом.—323.

Спиръ: происхожденіе выпусковой отдѣлки.—579; золотыя ворота.—757.

Стефанъ Первомученикъ, ворота его.—605; церковь во имя его.—692.

Страбонъ: высота вавилонскаго храма.—374, 386, 401; размѣры вавилонскаго храма.—659—660.

Стражи храма.—352—354.

Суренгузій: переводъ Мишны.—502.

Сэйсъ: родство іерусалимскаго храма съ ассирійскими.—373; Силоамскій каналъ.—813.

Тайлоръ: каналъ Силоамскій.—813.

Тацитъ: Помпей во храмѣ.—393; виноградная лоза въ притворѣ Иродова храма.—528; святое святыхъ.—533; цистерны.—812.

Теній: длина локтя.—16; роги жертвенника.—27; украшенія свѣтильника.—122; шесты ковчега.—146; херувимы.—154; входъ въ пристройки храма.—248; видъ храма.—251; колонны въ притворѣ.—277; имена ихъ.—282; двери храма.—291;

херувимы на ковчегѣ.—315; мѣдное море.—324.

Тертулліанъ: запрещеніе іудеямъ приближаться къ Іерусалиму.—538.

Тиль, фонъ: херувимы.—163.

Титъ, императоръ римскій, арка его.—111—115, 120, 129; слова его о барьерѣ.—442; воины его.—485; онъ во храмѣ.—531; взялъ оттуда свитокъ закона и списки книгъ.—533; осада Іерусалима.—535, 610, 611, 737, 738; камень съ его именемъ.—700—701; отзывъ о храмѣ.—808.

Тоблеръ: арка.—726; золотыя ворота.—756; куполъ грамматиковъ.—773; Евхерій.—783; мѣсто храма.—785; мѣсто жертвенника всесожженій.—792—793.

Тобоа, архитекторъ: выпусковая отдѣлка камней.—583.

Товія, внукъ первосвященника.—388.

Тостатъ, дворы Соломона.—339.

Троицкій И. Г.: каналъ Силоамскій.—813.

Трофимъ, ефесянинъ, при ап. Павлѣ.—446.

Труппъ: площадь харама.—599; Акра сирійцевъ.—620; срытіе Акры.—621; смѣшиваетъ Акру съ Моріею.—622.

Умбрейтъ: покровы скиніи.—78.

Унгеръ: ес-Сахра.—552, 780; площадь харама.—599; золотыя ворота.—756; планъ площади.—779—780; реставрація построекъ Константина.—780; Porta Neapolitana.—839.

Унругъ: высота святаго святыхъ.—223; разрѣзъ Иродова храма.—496; названіе втораго этажа.—502; площадь харама.—599, 642; дворецъ Соломона.—640, 646; ущелье.—642, 646; планъ храма и дворца.—643; Офла.—711, 712.

Фаберъ: ограда дворовъ.—341.

Фарисеи, передѣлка храма.—498—499; расширеніе правъ ихъ.—502.

Фатеръ: покровы скиніи.—78.

Фатке: значеніе колоннъ Соломона.—286; новые херувимы на ковчегѣ.—313.

Фергюссонъ: видъ скиніи.—108; высота святаго святыхъ—223; колонны внутри храма.—305; размѣры внутренняго двора.—336; камни и кедры ограды.—341, 349; реставрація ассирійскаго памятника.—359; родство храма Соломона съ индійскими.—376; размѣры въ указѣ Кира.—385; колонны галлерей.—417; галлереи.—418—419; Красныя ворота.—430; восхожденіе на

валъ.—448; дворъ женщинъ. —463, 464, 469; планъ его. —465; сѣв. сторона перибола. —475; зала gazith. — 476, 477; дворъ израильтянъ и священниковъ. — 480; ось жертвенника и храма общая. —488, 489; этажи храма.—497; второй этажъ—синагога.—502; третій этажъ—пирамиды.—505; корридоръ.—509; храмъ Сіа.—518, 520; восточный фасадъ храма.—520—522, 527; галлерея храма Ирода.—521; торанъ.—523; 524, 528; дверь.—529; ес-Сахра.—552; площадь харама.—599; мѣсто храма въ югозападномъ углу. — 620, 628, 630, 707; дворецъ Соломона.—639, 706, 760; размѣры площади.—660; Мифкадъ.—666; югозападное подземелье.—707; золотыя ворота.—756; мѣсто храма.—773, 774, 776; планъ площади харама.—779, 781, 782; стѣна площади.—784; мечеть Омара.—822; Porta Neapolitana.—840; балконъ Соси.—852.

Ферріеръ: значеніе колоннъ Соломона.—288.

Festus: углы площади храма.—402.

Филаретъ, митрополитъ Московскій: двѣ колонны предъ притворомъ храма Соломона. —255; мѣдное море.—324; размѣры въ указѣ Кира.—386.

Филипсонъ: покровы скиніи.—78.

Филонъ: счетъ столбовъ скиніи. — 6, 7; цвѣтъ подвижной завѣсы. — 20, 22; зеркала умывальника.—37, 38; широта скиніи. — 45; брусья скиніи.—46; покровъ ея.—80; сосуды.—111; соль.—117; лампады.—126; жертвенникъ кажденій. — 132; обкладка ковчега.—143; космическое объясненіе в. з. культа.—157; херувимы.—168; космическое объясненіе скиніи.—182, 193; святое святыхъ въ храмѣ Ирода.—533.

Флоръ, вступленіе Помпея въ храмъ.—532.

Фоссъ: цвѣтъ виссона.—19.

Франмасоны, значеніе скиніи. —193; значеніе колоннъ Соломона.—284.

Фридерихъ, Ферд.: счетъ столбовъ скиніи.—7; толщина ихъ. —13; капители.—13; отдѣлка завѣсы.—23; роги жертвенника.—27; планъ расположенія брусьевъ скиніи.—72—73; покровы скиніи.—78; сосуды ея.—110; антропологическое объясненіе значенія скиніи.—194—195.

Фридрихъ, Томасъ: высота святаго святыхъ.—225, 226; высота всего храма.—235; вы-

сота притвора.—236; окна храма.—249; колонны предъ храмомъ. — 279; видоизмѣняетъ гипотезу Пэна о храмѣ.—312; ограда дворовъ.—346; сходство храма съ финикійскими. — 365; дворецъ Соломона.—641, 760.

Фриссъ: толщина брусьевъ скиніи.—46; угловые брусья. —63, 64.

Фурреръ: южная часть харама. 637.

Фюрстъ: цвѣтъ завѣсы.—21; херувимы.—154.

Хазанъ (пономарь). — 424, 501, 506.

Хананія, камеры его.—352.

Хананъ, камеры его.—352.

Хвольсонъ Д. А. профессоръ: надпись тройныхъ воротъ.—597; упом.—695, 697.

Хирамъ, или Хурамъ Авія, тирскій мѣдникъ.—213, 254, 319; жертвенникъ. — 321; мѣдное море. — 328, 798; омывальницы.—329; характеръ работъ его.—379.

Хирамъ, царь тирскій.—213.

Хозрой II, царь персидскій, разрушеніе храмовъ въ Іерусалимѣ.—552.

Хонанія, начальникъ складовъ. —667.

Художники тирскіе. — 212, 649.

Хульда, пророчица.—710, 711.

Целлеръ: столбы скиніи.— 9.

Цистерманъ: портикъ аѳинскій. —421.

Циллигъ: омывальница.—329.

Циммерманъ: Акра и Варисъ-Антонія.—624.

Чаплинъ: ровъ крѣпости Антонія.—688; мѣсто храма.—785.

Chabas: календарь египетскаго года.—592.

Шамполліонъ: барельефъ царя Ровоама.—373.

Шварцъ: Везеѳа.—684.

Шеггъ: колонны Соломона — предъ храмомъ. — 279; ограда двора. — 343; крыло храма.—406; колонны галлерей. — 417; мѣсто храма. —785.

Cherit, названія іерусалимскаго храма.—217.

Шикъ Конрадъ, архитекторъ-археологъ: колонны Соломона.—260; ограда дворовъ.—348; третій этажъ или пирамиды на храмѣ Ирода.—505; мечеть ес-Сахра.—553; выпусковая отдѣлка. — 583; югозападный уголъ площади храма.—601; насыпь сѣверовосточнаго угла. — 606; сѣверная часть площади.—613; древній ханъ.—616; сѣверныя стѣны.—617, 618; сѣверовосточный уголъ.—618; сѣверозападный уголъ. — 620, 624; престолъ зарѣчныхъ областеначальниковъ. —624; мостъ Тиропеонъ.—

634, 635; дворецъ Соломона.—639, 706; конскія ворота.—646; щель въ стѣнѣ. —646; расширеніе площади. —653; модель площади и дворовъ.—661; модель Иродова храма.—672; Тади.—682, 683; Струѳіонъ.—686, 688; пруды-близнецы.—691; двойной проходъ въ туннелѣ ел-Акса.—696; тройной проходъ.—705; мостъ. — 721; арка Вильсона. — 729; порогъ воротъ Барклея.—744; проходъ ихъ. — 745; золотыя ворота. — 756; камни подлѣ нихъ. — 761; скала мечети — жертвенникъ всесожженій.—790, 799, 800; мѣсто храма.—792; модель храма.—801—806; упом.—807; скала и насыпь площади.—844; угловой камень. —853.

Шимея, начальникъ складовъ. —667.

Шипье: рисунокъ стола Сеннахерима. — 115; скинія—домъ богатыхъ египтянъ. — 197; капители колоннъ Соломона.—261—264; шаровидныя украшенія въ Египтѣ.—300; орнаментація на деревѣ. — 301; реставрація храма.—361; притворъ храма. — 368; финикійскій стиль.—369; реставрація египетскаго храма.—373; видъ ассирійскаго храма. — 375; реставрація мола.—574, 577; своды. — 699; іерусалимскіе памятники.—700.

Ширеръ: видъ храма.—250, 251; ограда площади.—343; храмъ Зоровавеля. — 385; ворота внѣшнія (Никанора). —459.

Шмидтъ: мѣдное море.—324; Dictionary.—773.

Шнаазе: высота святаго святыхъ.—223; высота притвора. —236; стѣны храма.—238; цѣпи капителей.—267; колонны Соломона предъ храмомъ.—279, 280; значеніе ихъ. — 289; херувимы на ковчегѣ. — 315; ограда дворовъ.—340.

Шольцъ Поль: толщина стѣнъ скиніи. — 44, 47; угловые брусья.—66; покровы скиніи.—78; второй покровъ.—88; лампады свѣтильника.—124; шесты ковчега.—147; раздѣленіе заповѣдей.—149; херувимы. — 171; высота притвора въ храмѣ.—236; видъ херувимовъ.—316.

Шписсъ: колонны галлерей.—417; планъ внутренняго двора.—455, 478; гробница царя Александра. — 693; мостъ надъ Ксистомъ.—735, 736.

Spitzer: легенда о деревьяхъ на площади.—338.

Штаде: лѣстницы на Востокѣ. —248; капители колоннъ Соломона. — 261, 263; дворецъ Соломона.—640, 642, 644; домъ жены его. —

647; скала мечети — жертвенникъ всесожженій. — 790.

Штиглицъ: высота храма Соломона.—221; высота притвора.—235; стѣны храма.—238; колонны Соломона предъ храмомъ. — 278 — 279; подражаніе египетскимъ обелискамъ.—285; картины храма. —302; ограда двора.—343.

Штурмъ: мѣдное море.—324; ограда дворовъ.—341.

Шульцъ: херувимы въ скиніи. —163; новые херувимы на ковчегѣ въ храмѣ.—313.

Эберсъ: высота пристроекъ храма Соломона.—244; высота храма Иродова.—503; каналъ подъ югозападнымъ угломъ.—629; дворецъ Соломона.—640; Тади.—682, 683; юго-западное подземелье.—707; мостъ.—721; арка Вильсона. — 735; ворота въ другой городъ.—746.

Эліанъ: грифы.—169.

Юліанъ, отступникъ, попытка возобновить храмъ,—542.

Юпитеръ, жертвенникъ его въ храмѣ.—391; храмъ его на горѣ Моріа.—553; храмъ въ Спалятро.—778.

Юстиніанъ, Византійскій императоръ, жертвуетъ свѣтильникъ.—129; ему приписываютъ построеніе ес-Сахра.—548; его базилика Пресвятой Дѣвы Маріи.—548; молъ. — 599; золотыя ворота. — 758; страннопріимницы. — 776; базилика его.—834.

Яддуа, имя на камнѣ мола.—589.

Янъ: толщина стѣнъ скиніи.—44; угловые брусья.—59—60; камни съ надписями.—443.

Ярхи, раввинъ: цвѣтъ завѣсы.—22; толщина брусьевъ скиніи. — 46; число засововъ.—50; сосуды скиніи.—111; лампады свѣтильника.—124; значеніе колоннъ Соломона.—284.

Θеодоритъ: соль на столѣ предложенія.—117; значеніе семи лампадъ и 12 хлѣбовъ.—183.

Θеодосій: de terra Sancta.—550.

Θеодотіонъ: тахашъ. — 101; γείσος.—340.

Θеофрастъ: акація.—21.

Указатель предметовъ.

Автиносъ (Парва), зданіе, мѣсто приготовленія первосвященника къ священнодѣйствію. 473.

Агады, легенды раввиновъ.—487, 503 (338).

Azarah, внутренній периболъ.—454; внутренній дворъ храма.—674—675.

Ail (во множ. числѣ *elim*), архитектурный терминъ: искусственные косяки дверные, или рамы картинъ. — 293, 303, 304; элимъ—столбы, или пилоны.—362; овенъ, скульптурное украшеніе. — 362; пилястры.—363; подобное имъ египетское изображеніе. — 363; мнимая дверь.—520; въ золотыхъ воротахъ.—750—751.

Акація (изъ нея сдѣланы всѣ принадлежности скиніи), Sittim, acacia vera, корабельное дерево древнихъ, столбы изъ него.—11, 12; шесты жертвенника. — 35; стѣны скиніи.—42; засовы брусьевъ.—50; столъ хлѣбовъ предложенія. — 112; жертвенникъ кажденія.—133; ковчегъ.—142; вѣсъ sittim.—205.

Акра сирійцевъ, сѣверозападный уголъ харама.—620—622.

Акра Іевусеевъ.—624; Акра выше Моріи.—643.

Аллеи ел-Акса.—833; аллея подземная подъ мечетью ел-Акса.—417, 520.

Al roscho, терминъ архитектурный (сверху).—56, 60, 63, 72.

Амаѳонское море, каменный сосудъ съ о. Кипра.—328—329.

Амбразура въ стѣнѣ притвора храма Иродова.—515; амбразуры тройныхъ воротъ.—704; амбразуры золотыхъ воротъ.—749.

Аморіа, по LXX толковникамъ —Моріа.—647.

Амритъ, развалины его.—574, 577.

Анастасисъ, по Фергюссону.—777; по Евхерію.—783.

Аракъ ел-Емиръ, памятники въ немъ еврейскаго стиля.—757.

Argaman, темнокрасный цвѣтъ завѣсы.—22; пурпурный покровъ жертвенника.—35.

Арки: Вильсона.—566—568, 630, 726—730, 735, 737, 738, 739, 838; предшествуетъ воротамъ Бабъ ес-Силсиле. — 839, 842; Робинсона. — 628, 724, 729, 735, 736, 746, 776, 856; Тита. — 111 — 115, 120, 129, 532; въ подземномъ проходѣ. — 678; въ подземельѣ Сіонскихъ сестеръ.—689, 690; заостренная. — 724; подземелья Варрена.—614, 615; мечети Омара.—818.

Аркады на ступеняхъ лѣстницъ.—829, 830.

Архонтъ, обязанности его.—422.

Asupim, ворота сиротъ.—354, 714.

Atem, подземелье подъ храмомъ.—829.

Баальбекъ, витыя лѣстницы въ немъ.—248; колонны.—418; подобіе стѣнѣ его.—491; молъ.—560; камни его.—562, 565, 635, выпусковая отдѣлка.—578; плотины каменныя.—650.

Бабъ ел-Азбатъ (ворота самыя крѣпкія).—842, 857.

Бабъ ел-Атмъ (в. тьмы)—837, 841, 843.

Бабъ ел-Гаваниме (в. магометанскаго праведника).—841.

Бабъ ед-Дженаицъ (в. погребенія).—752.

Бабъ ед-Дженне (в. сѣверныя или райскія).—822.

Бабъ ес-Зебтъ (в. субботнія).—842.

Бабъ ес-Зоббатъ (в. полицейскія.—842.

Бабъ ел-Исбатъ (в. колѣнъ).—842.

Бабъ ел-Каттанинъ (в. хлопчато-бумажныхъ тканей).—839, 844.

Бабъ ел-Кибле (в. южныя).—822.

Бабъ ел-Могарибе (в. алжирскія).—627, 842, 843.

Бабъ ел-Хадидъ (в. желѣзныя).—840.

Бабъ ен-Назиръ (в. надзирателя).—840.

Бабъ ес-Селамъ (в. мира).—839.

Бабъ ес-Серай (в. Сераля). 841.

Бабъ ес-Силсиле (в. цѣпи), главныя входныя ворота харама. — 739, 774, 839,

842, 844, 846; въ мечети Омара.—822.

Бабъ Хитта, (в. пшеницы).—614, 619, 841.

Бабъ еш-Шарби, (в. западныя).—822.

Базарная площадь.—436; на модели Шика.—805.

Базиликавеликая—Александрійская синагога.—424.

Базилика Константина. —539, 552.

Базилика Св. Софіи.—550.

Базилика Юстиніана.—548; время постройки ея.—550; мѣсто.—551; не изъ нея мечеть ел-Акса.—834.

Бакаатъ ел-Бейда (бѣлыя залы мечети ел-Акса).—774, 834.

Балконъ Соси (восточный).—646, 852.

Барельефъ Сузъ на восточныхъ воротахъ.—431, 457.

Барельефъ царя Ровоама.—373.

Барьеръ изъ камней, окружавшій внутренній дворъ храма. —441.

Бассейны: въ храмѣ Соломона. —323; въ храмѣ Ирода.—490; на востокѣ горы Моріа. —762.

Батъ, мѣра емкости, ведро—20 литровъ.—323.

Башня Антонія на модели Шика.—804; часть древней стѣны.—849; см. Крѣпость Антонія.

Башни: Баханъ, Боганъ.—709, 710; Давида.—564, 732; Іоанна надъ Ксистомъ.—735; навечерій. — 495; Симона. — 736, 737; Стратонова.—688, 690, 691, 733; субботняя.—495, 506; Хананелъ и Шимея. — 667; часовая.—793.

Безчиніе народное при богослуженіи.—481.

Бейтъ Джибринъ, его подземелья.—809.

Beth-dlifa, beth dilfa, мѣсто каплей. — 493, 494, 514, 515.

Бетъ-Мокедъ, священническая караульня.—676, 682, 770, 787, 797, 803.

Бетъ-Херемъ, грунтъ при Виѳлеемѣ.—485.

Бетъ-Ѳагія, складъ фигъ въ стѣнахъ города.—674, 675.

Бетъ-Ѳагія, селеніе близъ Іерусалима.—675.

Биркетъ-Исраелъ; прудъ.—603, 605, 607, 610, 614; 615; сдѣланъ Иродомъ.—616; подлѣ Овечьихъ воротъ. — 669; подземный проходъ отъ него. — 677, 678; дверной камень. —680; исторія пруда. —683—686; вода изъ него. —762; на модели Шика.—804; галлерея при немъ.—837; минаретъ надъ нимъ.—838; стѣна его.—857; судьба его. — 858; упом.—783.

Блюда скиніи—116.

Боазъ, колонна храма Соломонова, на южной сторонѣ притвора.—46, 219, 254—288; по однимъ стоитъ на лѣстницѣ.—255—256; капитель ея.—257, 277; по другимъ стоитъ въ притворѣ.—277; видъ ея въ альбомѣ Гагарина.—278; мѣсто ея не въ притворѣ.—278, 279, 320; значеніе имени.—283, 284, 297; высота ея. — 395; упом. — 342, 514, 517, 523, 524, 526, 700, 750.

Бордюръ лентообразный по краямъ камней *(выпускъ)*.—565; мотивы его.—578, 579.

Боссажъ, камни выпусковые съ неотдѣланнымъ среднимъ полемъ. — 578.

Брусья: скиніи.—42; угольные.—56, 68, 69.

Бурджъ ел-беззакъ, пирамида.—574, 577, 578, 635.

Бутоны свѣтильника.—121, 122.

Вавилонъ, вліяніе его зданій на храмъ Іерусалимскій. — 497, 498.

Валъ предъ стѣною внутренняго двора. — 448, 449.

Варисъ-Антонія, на скалѣ.—620, 623, 667.

Везеѳа. — 621, 622; топкое, мокрое мѣсто. — 684.

Величина храма внутри. — 219.

Вестибулъ привратниковъ. — 696.

Веѳиль ямочки на косякахъ двери. — 587; веѳили-памятники патріархальные.—596.

Видъ внутренній храма Соломонова. — 289—305; видъ его (пока) не можетъ быть возстановленъ.— 364; заключеніе о немъ. — 365.

Видъ древнѣйшій еврейскаго искусства. — 731.

Виноградныя кисти, украшенія.—515, 518, 528; изъ золота, среди храма.—532.

Виссонъ. — 17—20; бѣлый цвѣтъ его. — 19, 22.

Via dolorosa.—689.

Водоемъ ел-буракъ.—728.

Водоемы на площади харама.—539, 540.

Водопроводы: Симона. — 390; въ скалѣ.—626, 628, 634; іевусеевскій.—657; въ подземельѣ ел-Акса. 696; пробитый сводъ.—722; близъ золотыхъ воротъ.—754; водохранилище римское.—771.

Воронье пугало на крышѣ втораго храма (обсерваторія, минаретъ, башня навечерій).—494, 495, 506.

Ворота:

Азбатъ.—685, 842, 857.
Асупимъ (сиротъ).—354, 714.
Барклея (Магомета). — 567, 740—746, 774, 799; порогъ ихъ.—744.

Богомольцевъ (гостинницъ, Копоносъ).—434
Веніамина. — 617 (темничныя).—669.
верхнія.—470.
водныя. — 460, 775, 781, 798.
восточныя, главныя, храма.—558.
восточныя внутренняго двора.—355; Иродова храма.—430, 431.
въ другой городъ.—746.
Гаделекъ, южныя.—828.
Гамаимъ.—828.
Геѳсиманскія.—605 (Св. Стефана).
Гостинницъ.—434, 738.
двойныя.—625—627, 695, 774, 853.
дворовъ Соломонова храма.—352, 353.
задѣланныя, ординарныя. — 716.
Западныя, царскія.—718.
Золотыя. — 747—758.
Иродова внутренняго двора.—828.
Иродова храма, западныя.—429.
Искръ.—459, 474.
Іехоніи.—453.
Конскія.—642, 646, 747.
Копоносъ (богомольцевъ, гостинницъ).—434, 738, 745.
Коринѳскія.—452, 458, 459, 469, 529, 804, 828.
Костра. — 460.
Красныя.—430, 431.
Мавровъ (Могарибе).—740.
Магомета.—774.
Матара (бань).—746.
Мечети Омара.—822.
Мифкадъ, сѣверовосточныя—388.
Могарби.—627, 740.
Монументальныя.—352, 353.
Навозныя.—733.
Никанора, см. Коринѳскія.
Овечьи.—668.
Ограды.—352—353.
Погребенія.—752.
Пророка.—740.
Рая.—821—822.
Sakina.—798.
Серая.—575, 687.
Силсиле. — 726, 739, 774, 839, 842, 844, 846.
Сиротъ.—354, 714.
Стефана Св. (Геѳсиманскія).—605.
Сузы.—431.
Сѣверныя.—436.
Темничныя.—617.
Тери.—676, 677, 679, 680, 682, 683, 774.
Топлива.—460.
Тройныя.—625—627, 704, 853.
Туннеля.—432, 437, 695.—(Хульда).
Хитта. — 614, 619, 669, 831, 841.
Хульда, см. Туннеля.
Царскія.—355, 434, 718.
Шаллехетъ.—354, 435, 745.
Шушанъ.—431.
Южныя.—431—433.
Восточная стѣна мола.—652, 653, 747—765; ограда храма.—845—852.
Восточное отдѣленіе внутрен-

няго двора (дворъ женщинъ). —462—478.

Время построенія Иродова храма.—534; разрушенія его. —535.

Вторая іерусалимская стѣна.—656, 657; построена Езекіею.—668.

Вулевтинъ (Паргедринъ) зданіе южной стороны.—477.

Входная сторона скиніи.—73, 104.

Входы храма.—290; входъ въ верхній этажъ втораго храма.—500; входъ въ святое святыхъ въ Иродовомъ храмѣ. —511—512; входъ изъ притвора въ залу святаго.—529.

Выпуски камней, отдѣлка ихъ. —565—567, 571, 578—579; очень широкій выпускъ. —569, 580; назначеніе выпусковъ.—581; начало выпусковой отдѣлки.—581; ея нѣтъ на внутренней сторонѣ стѣны.—581, 703; она-орнаментъ.—582; когда она производилась.—583; протестація (мнимая) евреевъ противъ нея.—584; выпусковые камни подземелья ел-Аксы. —702; въ подземномъ ходѣ Варрена.—716; въ столбѣ моста.—720; въ масонской камерѣ.—732; въ стѣнѣ Плача.—742; въ террасахъ на восточной сторонѣ Моріи. —761; на стѣнѣ юго-западнаго угла.—854; въ сѣверной стѣнѣ харама.—857.

Выровненіе горы храма.—650.

Высота стѣны.—408, 456, 457.

Высота храма Соломона.—221, Зоровавеля.—394—397; высота втораго храма.—492—497.

Выставка вещей растерянныхъ. —715.

Вѣнецъ золотой стола предложенія.—113.

Вѣнцы золотые въ притворѣ.—390, 527.

Вѣсъ моделей скиніи.—205; вѣсъ покрововъ, брусьевъ, колоннъ.—205—206.

Вюрцбургскій соборъ (XI в.) подражаніе колоннамъ Соломонова храма.—284.

Галлереи: скиніи.—93; вдоль наружныхъ стѣнъ въ Иродовомъ храмѣ.—410; полъ въ нихъ и крыша.—414; царская.—421, 422, 706; внѣшнія изящнѣе прочихъ.—428; вдоль внутренней стороны (*экседры*).—460, 461; въ храмѣ Турманимъ.—521; на восточной сторонѣ внѣшняго двора.—652; подземелья юговосточнаго.—701—703; воротная.—703; двухпролетная ел-Акса.—834; при мечети Могарибе.—836—838.

Гасильный сосудъ, при свѣтильникѣ скиніи.—128.

Gazith: зала.—476, камера.—489; камни (въ полосахъ).—

566; запрещены для жертвенника.—584.

Гвозди: укрѣплявшіе цѣпи.—16, 266; золотые въ стѣнѣ скиніи.—85; золотые въ храмѣ.—300.

Геннисаретское озеро.—662.

Геѳсиманскій садъ, католическое отдѣленіе его.—763.

Голгоѳа, по Кондеру.—777; по Евхерію.—783; ея прообразъ—Скинія.—181.

Гора дома Божія, или гора храма — дворъ язычниковъ. 439.

Горница Давида.—361.

Гробницы: въ Зудейде, въ Сиріи.—522; въ деревнѣ Шафатъ.—573, 474; 582, 757; въ Египтѣ.—588; въ Золотыхъ воротахъ.—751—752; Соломона.—752, 759, 760; другая въ мечети Омара.—759; царей.—379, 757, 777, 782; царя Іосафата.—757, 770.

Гробъ Господень, окруженъ былъ гаремами.—490; мѣсто его по Кондеру.—777; преданіе о скалѣ его.—783.

Гумно на горѣ Моріа.—657, 803.

Давиръ, отдѣленіе для святаго святыхъ.—109; во храмѣ Соломона.—219.

Дамаскъ, резиденція Омміадовъ.—546; мечеть въ немъ.—757; мимбаръ изъ его мечети.—835.

Двери: храма.—290; высота ихъ.—292; онѣ изъ масличнаго дерева.—292; святаго и святаго святыхъ.—304; средняя большая во святое.—529, 530; Буракъ.—593 (малая — въ надстройкѣ мола); Тери (два камня, въ которыхъ вырублено подобіе двери).—676—684, 770, 774, 787.

Двойственность втораго храма—жилище Божіе и—собраніе вѣрующихъ.—498; двойственность храма Ирода.—503.

Дворцы: Асмоонеевъ.—735, Давида ошибочно полагается на Моріи.—644; Елены.—712; Ирода.—737; Маккавеевъ.—737.—Соломона.—639—641, 644, 646, 706, 721, 760, 771;—франкскихъ королей.—717; хорсабадскій.—642, 646.

Дворъ внутренній.—336, 440; первое подраздѣленіе его въ храмѣ Зоровавеля.—392; храма Иродова.—440; стѣна его.—446—447; пространство.—490; уступы.—460, части двора.—463; западное отдѣленіе двора.—471—479; упом.—786.

Дворъ внѣшній (мірской, язычниковъ).—439, 440, 778; восточная часть его.—786.

Дворъ женщинъ (восточное отдѣленіе внутренняго двора).—453—455, 460, 462,

463, 828; западное отдѣленіе было недоступно имъ.—463—465, 476;

Дворъ Израильтянъ.—479.

Дворъ священниковъ.—480, 828.

Дворъ скиніи.—1—41, 179.

Дворы: для богослуженій и народныхъ собраній при храмѣ Соломона.—333; размѣры ихъ.—335; лежали террасами.—337.

Дворы: Ирода, обстановка ихъ роскошнѣе самаго храма.—404; Соломона, размѣры ихъ.—659.

Деиръ Дюббанъ, подземелье іевусеевъ.—810.

День: сожженія Соломонова храма. — 381; — окончанія храма Зоровавеля.—390; — взятія крѣпости Антонія.—535;—сожженія храма Иродова.—536.

Деревья на площади храма.—338. 438.

Десять (10), число, преобладающее въ скиніи. — 180, 189; десять представителей при богослуженіи во дворѣ священниковъ.—480.

Длина и ширина Соломонова храма.—288—289; Иродова храма.—508.

Додекапилонъ императора Адріана (12 колоннъ центральныхъ, храмъ Юпитера на Моріи). —553.

Долина Іосафатова—851.

Домы: овецъ.—686, 802; домъ полиціи храмовой. — 425, 669; свитка. — 769, 770, 772, 773; священниковъ. — 667.

Дороги: двойная висячая. — 729; близнецы.—730, 732; третья подземная.—732.

Древности: въ сѣверовосточномъ углу стѣны храма.—848, 849; въ юговосточномъ углу.—851, въ южной стѣнѣ. — 852, 854, 855; въ стѣнѣ плача. — 856, 857.

Древо креста.—764.

Even ha-toim, камень зѣвакъ. 715.

Египетъ.—18, 27, 242, 256, 357, 370, 561.

Едфу, развалины въ Египтѣ, капитель.—272, 275.

Еламъ, Уламъ, притворъ храма.—252, 253, 269, 661.

Ел-Акса, мечеть: колонны монолитныя.—269—271, 417, 546, 551; надпись въ подземельи.—597; дворецъ Давида.—638; дворцовыя постройки Соломона. — 640; подземелье. — 417, 520, 694 — 701; выборъ мѣста для нея.—775; мнѣніе Фергюссона.—778; собственно мечеть.—832—836.

Елей помазанія.—595, 596.

Елеонская гора, жертвоприношеніе на ней.—408, 513; ворота со стороны ея.—843.

Ел-Боракъ, кобылица Магомета.—742.

Емтаанъ, пластъ скалы изъ маляки и миззи.—815.

Есне, въ Египтѣ, капитель.—273, 274, 277.

Exedra,—галлереи вдоль внутренней стороны всѣхъ стѣнъ.—460, 461, 471—474.

Жезлъ Аароновъ.—151.

Женщина къ сестрѣ, терминъ архитектурный.—83—85.

Жертвы: очистительная.—763; утренняя. — 506, 530; на горѣ Елеонской.—408, 513.

Жертвенникъ всесожженій. 25—34; сосуды его мѣдные.—34—35; перенесеніе его.—35; шесты.—35; онъ во храмѣ Соломона также изъ мѣди. — 320—322; во храмѣ Зоровавеля. — 388, 483; наружная сторона его изъ камня. — 485; размѣры его.—483, 488; во храмѣ Соломона онъ на скалѣ.—640; упом.—803; мѣсто его.—815; по Кондеру.—824.

Жертвенникъ кажденій.—108 110; квадратный.—127; называется золотымъ; 132, но изъ акаціи.—133; напоминаетъ наши налои. — 133; роги его.—133—134; огнище его подобно церковной кадильницѣ.—134; оно переносилось во святое святыхъ.—135; золотое кольцо при немъ. — 136; космическое объясненіе его.—182; во храмѣ Соломона онъ изъ кедра.—317; во храмѣ Ирода его не нашли римляне.—532.

Завѣсы: ограды скиніи (Kelah). 16—25; матерія и цвѣтъ неподвижной завѣсы. — 17, 20; подвижная.—20; неподвижная часть — бѣлая, подвижная — разноцвѣтная. — 24; высота подвижной.—25; подъ кольцами.—88; входа.—104; другая входа.—105; храма предъ святымъ святыхъ. — 295, 512; въ притворѣ храма Ирода.—516; на великой двери храма.—530; между святымъ и святымъ святыхъ.—531.

Законъ чистоты.—446.

Залы: бѣлая мечети ел-Акса.—855; gazith (Синедріона).—476—477, 489; масонская.—731, 738, 779; бѣлыя.—743, 744, 834, 836; крестоносцевъ въ Тортозѣ.—834, 835.

Замки: Гиркана. — 669; первосвященническихъ одеждъ.—670; Антонія.—686.

Замокъ стола предложенія (золотой прутъ, соединявшій ножки его).—113.

Западная стѣна мола.—648, 718 — 747, 856, 857; въ ней: ворота царскія.—718; арка Вильсона.—726; бабъ ел-Могарибе.—739 и проходъ отъ воротъ Барклея.—746.

Западное отдѣленіе храма. — 471; внутренность его.—478.

Заповѣди, католическое раздѣленіе ихъ, со времени Августина.—149, 150.

Звѣзда пятиугольная на завѣсѣ въ синагогахъ.—531.

Зданія: скиніи; — 42 — 108; осмотра овецъ.—614, 616 —619, 686.

Зданія и ворота: сѣверной стороны. — 472—475; южной стороны.—475—478.

Зеркала умывальника.—37—39.

Знаки: буквенные (финикійскіе) на камняхъ мола, писанные киноварью. — 588; рѣзцомъ.—591; кровавые.—592, 594; въ видѣ крестика.—592; арамейскія буквы. —591; символическое значеніе ихъ.—591.

Знакъ креста: на египетскихъ домахъ.—592; у евреевъ.—593; на статуѣ ассирійскаго князя.—593; на колоннѣ Золотыхъ воротъ.—750; на капителяхъ колоннъ мечети Омара.—784; на рѣшеткахъ оконъ ея. — 824; на малыхъ восточныхъ воротахъ. 850.

Золотая стопа, съ манной.—151.

Золото, изъ него были сдѣланы: вѣнецъ стола предложенія. — 113; гвозди въ скиніи. — 85; гвозди въ храмѣ.—300; дверь въ святое.—529; каппоретъ.—141, 152; кисть виноградная.—532; ковчегъ *обложенъ* золотомъ.—143; кольца.—54, 136; крючки.—76; мечь.—527; орелъ.—517; потолокъ залы храма.—532; пруты.—113; свѣтильникъ.—120—124; сосуды. — 116; столъ для хлѣбовъ предложенія *обложенъ* золотомъ.—112 стѣны имъ *обложены* въ храмѣ Соломона. — 220; херувимы — 170; цѣпи. — 297; талантъ золота.—48, 123, 210, 300.

Золотыя ворота.—747—758; Бабъ ед-Дахаріе, вѣчныя.—766—767; заключеніе ихъ.—752; они—входъ базилики, по мнѣнію Фергюссона. — 777; упом.—846.

Зудейде, въ Сиріи.—522.

Идея скиніи: — 175 — 181 скинія—образъ горы Синая, горы завѣта, Богоявленія и Богооткровенія.—176—177; тканый покровъ соотвѣтствуетъ облаку.—180; скинія—образъ Голгоѳы.—181.

Изображеніе іерусалимскаго храма, найденное въ Римѣ (1882 г.).—280, 344, 462, 467, 473, 491, 496, 504.

Иконостасы низкіе, не имѣютъ библейскаго основанія.—225.

Источникъ Приснодѣвы, подземный ходъ.—639.

Іахинъ, колонна на сѣверной сторонѣ входа притвора.—46, 219, 254—288; по однимъ—стояла на лѣстницѣ.—255, 256; капитель ея.—257—277; по другимъ—стояла въ притворѣ.—277; видъ ея въ альбомѣ Гагарина. — 278, мѣсто ея вовсе не въ притворѣ. —278, 279, 320; значеніе имени ея.—283, 284, 297; высота.—395; упом.—342, 514, 517, 523, 524, 526, 700, 750.

Іевусеевская пещерная часть города. — 725; подземелья іевусеевъ.—809, 810.

Іерусалимъ: синагоги въ немъ. —423; осада его. — 485, 531, 535, 610, 611, 737, 738; синагога во храмѣ.—502; разрушеніе христіанскихъ храмовъ въ немъ.—532; запрещеніе іудеямъ приближаться къ нему.—538; мѣсто его, по мнѣнію Гуте. —640; и по мнѣнію Кляйбера. — 644 (почти весь на южномъ склонѣ Моріи); въ немъ являются царица Савская.—640, 645, 750; Помпей.—308; Титъ.—531; въ памятникахъ его слѣды греческаго вліянія.—700.

Іessod, Sud: западныя ворота въ храмѣ Соломона.—354; основаніе или малый выступъ жертвенника во второмъ храмѣ.—483; ворота на планѣ Унруга.—642, 643.

Кааба Магомета.—240.

Кадильный порошокъ, восемь составныхъ частей его.—139.

Казармы турецкія.—687.

Кактусы: у южной стѣны ограды.—855; на сѣверной сторонѣ пруда Биркетъ Исраелъ.—857.

Какули, слой камня недостаточно твердый.—560.

Какунъ, развалины его.—720.

Календарь египетскій.—592.

Камни: дверной.—680; пробитый (lapis pertusus).—539, 596, 782; наибольшій—561; самый высокій.—561; самый длинный.—568, 855; угловой, самый тяжелый.—574, 853; съ латинскою надписью. —700; зѣвакъ.—715; райскій.—821.

Камни: съ надписями. — 442, 443; со дна моря. — 485; мола.—561, 741; gazith.—566; выпусковая отдѣлка ихъ. —578, 627, 631, 687, 698, 702; обращенные внутрь, не имѣютъ выпусковъ. — 581, 703; gazith запрещены для жертвенника.—584, но требуются для храма.—584; размѣры ихъ.—626; высокій рядъ.—652; 707, 740, 741; съ грубыми фасами. — 635, 648, 649; безъ выпусковъ.—689, 727; миззи.—556, 720, 809; маляки. — 556, 702, 809; песчаникъ.—720; известнякъ.—721, 723; мо-

ста.—721, 723; древнееврейскіе.—740, 849; храмоваго мола.—741; подлѣ Золотыхъ воротъ.—761; временъ Давида.—792; римскіе (квадратные).—853—855; арабскіе. —853, 855; передвиженіе камней у египтянъ.—563.

Камеры: въ храмѣ.—307; въ оградѣ.—352; локтя.—431; Назареевъ. — 466; осмотра дровъ, прокаженныхъ, елея. —466; секретная, сосудовъ, корбанъ.—467; агнцевъ, печатей, очага для согрѣванія, хлѣбовъ предложенія.—473; соли, омовеній.—474; склада дровъ для жертвенника, водокачки.—477; ризница Пинхаса, Хабитинъ. — 478; въ мечети ел-Акса. — 696; gazith (въ полосахъ). — 489; квадратная. — 724; большая на южной висячей дорогѣ.— 730 — 731; масонская. — 732; подземная въ платформѣ харама. — 766; Парва. — 769; рабовъ. — 740.

Каналы: виносточный во 2-мъ храмѣ. — 486; водосточный въ подземномъ проходѣ. — 678, 716, 722—724, 734; кровесточный. — 486, 487, 772, 795, 796; отбросковъ и пепла. — 487; силоамскій.—813—814; тиропеонскій. — 629; между цистернами. — 810; время происхожденія ихъ. — 812 —813.

Капители: столбовъ, обложены серебромъ.—11, 12; форма ихъ.—13, 14; колоннъ Соломона.—257; мечети Омара. —461, 817; колоннъ Золотыхъ воротъ. — 750, 751, 753.

Капли—фризъ на архитравѣ храма.—493.

Каппоретъ, (очищилище на ковчегѣ) изъ чистаго золота. —141, 152—154; въ храмѣ Соломона.—314.

Karkob — полоса, связующая роги жертвенника.—32; — скамья кругомъ жертвенника —28—33.

Кармезинъ, краска ярко-краснаго цвѣта.—22.

Карнакъ, изображеніе, найденное въ немъ.—174; капитель. — 261; камни. — 562.

Карнизы: мола.—577, башни золотыхъ воротъ.—751.

Картины храма.—298—305.

Кафенатъ, ущелье или потокъ.—614, 616; Тиропеонъ.—619, 620.

Каѳедра лѣтняя на площади харама.—772.

Кедрская долина, всходъ изъ нея на гору Моріа. — 230; мостъ чрезъ нее.—852.

Кедрскій потокъ къ нему обращена восточная сторона двора.—218; кровь, стекавшая въ него отъ жертвен-

ника.—487; надъ нимъ возвышался портикъ Соломона. —604; оврагъ впадалъ въ него.—605; ворота въ него. —646; высота надъ нимъ Офела.—709; обрывъ.—711; дно Кедрскаго потока.—760, 761; водосточныя трубы къ нему. — 762; въ древности. —851; упом. — 751, 793, 796.

Кедръ: изъ него—пилястры. —309; жертвенникъ каждения въ храмѣ Соломона.—317; столы предложенія. —319; ограда дворовъ.—338, 341—349; брусья. — 344; косяки притвора въ храмѣ Ирода.—516; крыша базилики Юстиніана.—549; кедры Ливанскіе.—233.

Kelah. см. Завѣса

Ken, подстава сосуда омовеній. —36.

Кесарія, башня Стратонова. —69.

Кефръ-Береймъ, древняя синагога.—521.

Kijor, форма сосуда омовеній. —36, 490.

Киккаръ, или талантъ.—48.

Кипарисъ: изъ него дверь во святое.—291; кипарисы храма.—845.

Кіоски: въ Константинополѣ. —442; Св. Георгія.—767.

Kiur, архитравъ.—493, 494, 514.

Книги священныя, списки ихъ.—533.

Ковчегъ.—141, изъ акаціи.—142, обложенъ золотомъ.—143; вѣнецъ на немъ. —143, 144; установка въ скиніи.—146; золотая покрышка его.—151—172; изображеніе его.—172; ковчеги египетскіе. — 173, 174, въ храмѣ Соломона.—219, 312 —317; въ храмѣ Зоровавеля его нѣтъ.—389; въ храмѣ Ирода.—533; ошибка Іосифа Флавія въ размѣрахъ его.—662; преданіе о немъ.—801; по вѣрованію евреевъ сокрытъ пророкомъ Іереміею. —389.

Kole oreb — пугало. — 494; стражъ на башнѣ.—534.

Колокинты, украшеніе въ храмѣ, въ родѣ дикихъ огурцовъ.—298, 299; на мѣдномъ морѣ.—325.

Колонны: суда. — 587, 851; древняя въ воротахъ бабъ ел-Атмъ.—841.

Колоннады: вдоль храма.—309; Ирода вокругъ дворовъ. —398; его же въ Севастіи. —413; западнаго отдѣленія внутри двора.—471; остатки на западъ отъ моста Робинсона.—720.

Колонны: входныя при скиніи.—73, 74, 104; вѣсъ.—205, 206; Соломонова храма. — 104, 219, 254 — 288; значеніе ихъ.—282; подра-

жаніе имъ.—284; ихъ оригинальность. — 285; мѣсто ихъ предъ храмомъ на лѣстницѣ.—255, 256, 277, 278, 320; монолитныя. — 269 — 271, 694, 697; внутри храма. — 305; въ галлереяхъ по стѣнамъ. — 410; коринѳскія въ мечети Омара.—461; въ главномъ портикѣ двора.—515; мраморныя при жертвенникѣ всесожженія во второмъ храмѣ.—488; въ базиликѣ Юстиніана.—549; Золотыхъ воротъ.—750; скалы. —817, 818; Мегкеме еннеби Даудъ.—825; въ мечети ел-Акса.—833.

Кольца золотыя: для шестовъ или засововъ въ брусьяхъ скиніи.—54; въ жертвенникѣ кажденія.—136; кольца для жертвенныхъ животныхъ во второмъ храмѣ.—487—488.

Кольцо угловаго бруса.—57.

Конюшни: подземелья.—703; такъ называемыя Соломона. —644, 646, 706, 717, 747, 854; для нуждъ храма.—715; Магомета.—742.

Копоносъ, ворота гостинницъ (богомольцевъ) въ западной сторонѣ площади.—433, 738, 740, 745.

Корпусъ втораго храма. — 490; мѣсто его.—766—790.

Корридоры: при храмѣ.—509; вдоль стѣны платформы.—826; подземный.—768, 779.

Космитъ, наддверная доска царскихъ вратъ, объясненіе его патріарха Софронія. —294.

Косяки: дверей въ храмѣ Соломона.—290—292; воротъ въ стѣнѣ.—457; амбразуры въ притворѣ.—516.

Красное дерево, изъ него колонны внутри храма.—305.

Красныя ворота Иродовой ограды.—430.

Крестъ, см. знаки креста.

Кровь, стекавшая отъ жертвенника, продавалась для удобренія садовъ.—487, 796.

Кружка для храненія масла.—128.

Кружки: скиніи.—116; храмовыя, на дворѣ женщинъ.—467.

Крыло храма — крыло внѣшней ограды. — 406, 407, 851; крыло Офела.—709.

Крыша храма.—232; перила ея.—494.

Крѣпость Антонія. — 401, 402; на углу сѣверныхъ и западныхъ портиковъ. — 425 427, 535; стѣны ея.—564; выступъ въ стѣнѣ.—572; къ ней примыкала вторая стѣна іерусалимская. — 604, 668; мѣсто крѣпости Антонія.—611—613, 617, 652, 667; возобновленіе на ней башни Иродомъ.—657, 658, 672, она занимала 1/4 стадіи. — 660; храмовая крѣпость.—

670, 671; мѣсто военнаго наблюденія.—672; во время смятеній.—674; прудъ близь нея. — 686; ровъ. — 687, 688; подземелье прудовъ-близнецовъ. — 689 — 691; противъ нея памятникъ царя Александра. — 777; мнѣніе Фергюссона.—778, 784, при ней нѣтъ галлерей. — 837; казармы.—838; ворота Каттанинъ.—839.

Крючки: серебряные при столбахъ.—15; золотые покрововъ.—76, 98, 100.

Ксистъ, крытый корридоръ.—734, 735; башня надъ Ксистомъ.—735—738.

Куббетъ ел - Арва, мѣсто душъ.—766—767; Куббетъ ес-Сахра (куполъ скалы).—815—824; Куббетъ ес-Силсиле (куполъ цѣпи).—786, 787, 824.

Куполы: грамматиковъ (свитка).—773; ел-Аксы.—832; Св. Георгія—809; скалы.—815—824; цѣпи. — 786, 824.

Купѣль подземная. — 681 — 683, 770.

Куренія скиніи.—137, 141.

Лампады свѣтильника. — 124—126; направленіе ихъ.—128; лампада главная.—126, 128; лампы христіанскія.—693.

Lapis pertusus.—539, 596, 782.

Ливанъ, гора.—213, 214.

Ливанъ (куреніе, ладонъ).—138.

Лиѳостротонъ, мостовая изъ мрамора.—414.

Лобная стѣна.—419.

Логъ, мѣра емкости, 1/2 лога около стакана, по изъясненію раввиновъ — три куриныхъ яйца.—125.

Локоть еврейскій (= почти 1 1/2 фута).—16, 561; локоть имама (царскій).—663.

Loculi въ Золотыхъ воротахъ.—752.

Locus separatus, отлученная сѣверная часть площади.—666.

Лѣстницы: съ вала къ воротамъ внутренняго двора. — 449; псалмовъ степеней.—470; къ жертвеннику.—484; ко храму.—491; на второй этажъ храма.—500; въ долину Тиропеонъ. — 746; на платформѣ мечети. — 827 — 830.

Люстры мечети Омара.—820.

Maakeh, перила крыши.—494.

Maaziba, верхній карнизъ храма.—494, 514.

Мавасины, аркады на ступеняхъ лѣстницъ.—829—830.

Malthera, навѣсъ въ храмѣ Ирода.—516.

Маляки, бѣлый известнякъ.—556, 702, 809.

Masach, подвижная часть за-

вѣсы, закрывавшая входъ во дворъ скиніи.—17, 20; четыре цвѣта ея.—20, 25.

Масличное дерево, изъ него косяки.—290; двери храма.—292; херувимы. — 159, 314; маслины на внѣшнемъ дворѣ храма.—337; на насыпи подлѣ Золотыхъ воротъ.—846.

Масло для лампадъ.—125.

Мастабегъ, молитвенныя мѣста на площади.—843.

Master-Course, широкій поясъ южной стѣны.—853.

Махпела, пещера.—777.

Меа (Шимеа) башня.—667—669, 803, 804.

Мегкеме, зданіе суда.—729, 846; садъ.—782; мѣсто жертвенника всесожженія.—787, 789; судилище Давида.—824.

Медальоны древніе, истыканные ямочками.—587.

Мекка, обращеніе къ ней въ молитвѣ.—546; ворота мечети Омара обращены къ ней.—821, 822.

Металлы у древнихъ.—211.

Мечеть Кашанъ (фаянсовая). 773.

Мечеть Омара.—547—553; по Фергюссону.—777—778; сарацинскаго происхожденія.—783, 784, описаніе ея.—815—824.

Мечеть Могарибе.—836—838.

Мечи: въ притворѣ храма Ирода.—527; Магомета.—821.

Миграбы: у Золотыхъ воротъ.—748; въ мечети ел-Акса.—835; ниша для статуи.—893.

Миззи, самый твердый слой камня.—556; камень.—720; изъ него своды цистерны.—809.

Millematha, терминъ архитектурный (снизу, отъ основанія).—56, 71.

Мимбаръ, каѳедра проповѣдника.—835.

Минареты харама.—838, 839.

Мифкадъ, сѣверовосточныя ворота въ храмѣ Зоровавеля.—388; на планѣ Унруга.—642—643; отлученная часть храма въ сѣверной части площади.—666.

Мишне, башня Баханъ.—710, 711.

Mischkan, внутреннее обиталище.—78, 81.

Могарибе, мечеть.—836—838.

Модели скиніи.—205.

Модель храма, Шика.—801, 806.

Мозаика мечети Омара.—819.

Молы: циклопическая каменная стѣна подъ горою Моріа,—407; подземные.—555, 558—577; поясъ.—571, 572; узоры камней.—571—574; — еврейско-

финикійскаго происхожденія. —577; время происхожденія. —598, 599; дѣло Соломона. —600, 601, 650, 652; захватываетъ часть другаго холма.—626; углы.—631; южная сторона. — 651 — 652; расширеніе.—663, 685; стѣна его уцѣлѣвшая.—741.

Монолитъ подъ мечетью ел-Акса. — 269 — 276, 697, 699, 700; его рисунокъ.—270; модель для кацителей Соломона.—277.

Моріа, восточная гора въ Іерусалимѣ. — 209; ширина ея теперь. — 214; видъ въ древности.—215; возвышенія на ней.—401, 620; каменный молъ, ее окружавшій.—407, 558, 650; видъ ея.—556—558; перешеекъ. 557; уступы. — 556; 609; холмъ храма. — 620, 621, 626; наслоенія земляныя.—633; гумно Орны.—638; Іерусалимъ на южномъ склонѣ ея (по Гуте).—640; храмъ на верху ея.—641, 642; она не самый высокій пунктъ Іерусалима.—643; по Клайберу—на ней почти весь Іерусалимъ.—644; о ней LXX толковниковъ.—647; исторія ея.—651; срытіе возвышеній на ней.—656; гумна на ней. —657, 803; стѣна на ней. —656; восточная сторона.—760—762; центръ ея.—765, 766; по Евхерію и другимъ. —783; уровни ея. — 789; упом.—796; на модели Шика.—802; цистерны на ней. —810; скала ея видимая на поверхности.—812.

Мостовыя: на площади храма Ирода.—438; въ юговосточномъ углу.—627; въ югозападномъ углу.—634; платформы мечети Омара.—826; отъ воротъ харама.—834, 846.

Мосты: чрезъ ущелье Тиропеонъ.—435, 634; Робинсона. —632, 634, 718, 720, 726, 727, 737—739; на модели Шика.—805; у царскихъ воротъ. — 718; развалины другаго моста.—723; Вильсона. 726—729, 737; надъ Ксистомъ.—735, 736, 738; отъ восточной стѣны харама. —852.

Мраморъ: изъ него колонны при жертвенникѣ всесожженія.—488; лиѳостротонъ.—414; обѣтное приношеніе.—415; два стола во второмъ храмѣ. — 527; каѳедра на площади.—772.

Музей національныхъ сокровищъ Давида.—308.

Мѣдное море.—321; емкость его.—323—325; мѣдные волы подъ нимъ.—325—328; море въ ассирійскихъ храмахъ.—373; въ Вавилонѣ. —375; въ храмѣ Зоровавеля.—390; бассейнъ для воды.—490; море внутренняго двора храма.—798.

*

Мѣтка на камняхъ въ видѣ крестика.—592.

Мѵрра.—137, 139.

Надписи: на камнѣ о законѣ чистоты въ храмѣ Ирода.—442, 443; на камняхъ.—444; на мечѣ въ притворѣ. 527; лампъ.—594; тройныхъ воротъ.—596, 597; въ подземельѣ ел-Аксы.—597, 695; на монолитѣ.—598; древне-арабская на сѣверной стѣнѣ.—633; на наружной стѣнѣ харама.—761; въ подземномъ каналѣ Силоама.—594, 813—814; въ мечети Омара.—819, 821; греческая.—822.

Насыпи: при жертвенникѣ—30; (chel) предстѣнная при подъемѣ изъ внѣшняго двора во внутренній.—447, 448; подъемъ къ жертвеннику во второмъ храмѣ.—485, 816; площади.—649—655.

Нефы (продольныя аллеи) аѳинскаго портика.—422; залы gazith.—476; Иродова храма.—510, 511; въ залѣ храма.—532; въ синагогахъ. 533; въ мечети ел-Акса.—832—833.

Ниневія.—37.

Ницоцъ, ворота искръ.—474, 770, 828.

Ниши: для лампъ въ подземельѣ.—730; въ столбѣ мостовой арки.—727; въ Золотыхъ воротахъ.—752; въ Миграбѣ.—843.

Ножи, складъ ихъ.—510.

Ноздры на площади храма для стока крови и воды.—793, 795.

Обелиски иліопольскаго храма.—14; вообще.—285, 286.

Обкладка стѣнъ золотомъ въ храмѣ Соломона.—220; во второмъ храмѣ ея уже не было.—532.

Оболъ = 1/12 сикля.—437.

Объясненія скиніи: космическое.—182; опроверженіе его.—183; символическія объясненія.—184; опроверженіе.—186—193; антропологическое объясненіе.—193; существовала ли скинія.—197.

Овечьи ворота.—616, 668, 669, 684; подземный ходъ отъ нихъ къ Биркетъ Израэль.—686.

Овчая купѣль.—616, 686.

Ohel, шатеръ, второй покровъ скиніи.—86—92, 99; примѣнительно къ храму.—217.

Ограды: двора скиніи.—1—25; храма Соломона. 338—358; внѣшняго двора (язычниковъ) въ остаткахъ сохранилась до нынѣ.—548; на модели Шика.—806.

Окна: храма.—249—251, 520; мечети Омара.—818, 819.

Омывальницы: въ храмѣ Соломона.—329; подставы ихъ. —330—332.

Ониксъ, наростъ на раковинахъ Индійскаго океана.—137, 138; измѣненіе цвѣта его.—140.

Орелъ римскій золотой, на балконѣ притвора и сверженіе его.—517.

Орнаменты: Соломонова храма. 298, 299, 325, 586; въ подземельѣ ел-Акса.—700.

Остатки древности: найденные на площади храма: дорическое надстолбіе. — 410; нога мраморная.—415; камень съ надписью.—442—444; кусокъ камня съ нѣсколькими еврейскими буквами.—444; печать пророка Аггея.—856; подземныя основанія построекъ.—802.

Отверстія: три въ подземномъ проходѣ.—678, 683; въ скалѣ мечети Омара. — 793, 797.

Отдѣлки: храма Ирода наружная. — 514—526; внутренняя.—527; выпусковая камней.—565—577.

Otem, компактный пластъ камней, платформа храма.—491, 493.

Отлученная часть храма (сѣверная). — 666, 668, 669, 671, 673, 681, 747, 796.

Офелъ, или Офла, гора сосѣдняя съ Моріею. — 642; южная стѣна ея.—353, 572; она на мусорѣ.—560; развалины.—599; высота надъ Кедрскимъ потокомъ.—709; подземный ходъ на Офелъ. 639; башня въ стѣнѣ.—646; Офельскій кварталъ. — 656; юговосточный уголъ харама. —709—714.

Очистилища: скиніи. — 152; храма.—314.

Пагоды индійскія.—377, 378.

Пальма въ храмѣ.—299.

Пальмира, плотины каменныя. 550.

Памятники: Авессалома.—413, 515, 692, 775, 782; другой его памятникъ. — 614, 620; Захаріи.—433, 505, 521, 522, 775, 782; царя Александра Іаннея.—691, 777; Соломона.—759, 760.

Папирусы.—695.

Парапетъ крыши храма.—522; платформа Иродова храма. 509—510.

Парва, зданіе въ сѣверной галлереѣ.—473, 798; камера. —770; ворота.—828.

Паргедринъ (Вулевтинъ) зданіе южной стороны.—477.

Парѳенонъ.—572, 577.

Пассаргада, построена Киромъ.—578.

Передвиженія: скиніи въ Силомѣ, Новѣ, Гаваонѣ.—199; по пустынѣ.—204; камней у египтянъ.—563.

Перемѣны въ устройствѣ скиніи.—202, 203.

Периболъ внѣшній.—405, 407; периболъ внутренній.—451, 461.

Перила на крышѣ втораго храма.—494.

Персеполисъ, отдѣлка камней. 578.

Печать древнееврейская, пророка Аггея.—856.

Пещеры: листа. — 697, 812; духовъ. — 766, 777, 794, 847; подъ священною скалою была секретною катакомбою. и цистерною. — 785, 810; жертвенныхъ отбросковъ.—816.

Пилоны—массивныя каменныя холмообразныя сооруженія. —369—370; пилонъ на іерусалимскомъ храмѣ не имѣлъ смысла.—505.

Пилястры: кедровые. — 309; мола.—575, 576; золотыхъ воротъ.—750, 751; мечети Омара.—823.

Платформы: въ храмѣ.—307—309; подъ храмомъ Ирода. —491; харама—верхняя.—825, нижняя.—830, 843.

Плотина каменная Соломона. —649—652.

Площадки: въ крѣпости Антонія.—427; предъ фронтономъ храма.—491; предъ золотыми воротами. — 761; стѣны плача.—856.

Площадь храма вымощена камнемъ.—321; число дворовъ на ней.—334; размѣры дворовъ.—335; положеніе ихъ.—337; деревья на ней.—338, 438; при Зоровавелѣ.—405; размѣры нынѣшней площади—417; состояніе ея при Бордосскомъ путникѣ.—539, размѣры ея у Іосифа Флавія.—652; она во владѣніи мусульманъ.—814, и

Погребенія въ стѣнахъ Іерусалима.—636.

Подземелья: при платформѣ мечети Омара.—608, у крѣпости Антонія.—614, 615, 619, 639, 687, 688; зданія сіонскихъ сестеръ. — 689; ел-Акса.—694—699; тройныхъ воротъ, юговосточное. —701—708; оно существовало и въ періодъ 1-го храма. — 708; не открытыя.—708, 715, 744, 857; юговосточное по Фергюссону.—784; утилизированіе ихъ.—708; они—убѣжище нищихъ. —712, 713.

Подземные ходы: отъ крѣпости Антонія въ башню воротъ Никанора.—459; отъ камеры очага въ купальню. —473; отъ Парвы подъ святое святыхъ.—473; отъ источника Дѣвы на Офелъ.—639; изъ внутренняго двора священниковъ.—673; подземныя ворота.—676; до Биркетъ Исраелъ. — 677; изъ

караульни внутренняго двора.—680, 681; отъ воротъ овечьихъ къ Биркетъ Исраелъ.—686; перпендикулярно къ стѣнѣ харама на 103.—716; подъ мостовой ветхозавѣтнаго храма.—742, 743; секретный.—778.

Подземныя основанія Соломоновыхъ построекъ.—802.

Подсвѣчники двора женщинъ.—467.

Подставы (пьедесталы): столбовъ двора скиніи—мѣдныя.—11, 12, 14, 15; брусьевъ въ стѣнахъ скиніи — серебряныя.—43, 46, 48; вѣсъ ихъ. — 48; входныхъ колоннъ—мѣдныя.—74.

Подъемы: изъ долины Биркетъ Исраелъ на платформу харама.—669; отъ воротъ Шаллехетъ.— 745.

Покровы скиніи. — 75; первый—нижній и внутренній.—75—86; внутреннее расположеніе его.—78—81; наружное расположеніе.—81—83, въ видѣ панели.—83—86; второй.—86—101; третій и четвертый.—101—104.

Покрышка ковчега. — 151

Портики: въ Аѳинахъ.—421, 422; восточный (Соломона).—420, 505, 604, 784; южный или царскій. — 421, 422; сѣверный и западный.—425.

Пословица арабская.—150.

Постройки народныя въ дверяхъ храма.—645.

Поясъ изъ ряда камней на югѣ и востокѣ мола.—511—572.

Престолъ зарѣчныхъ областеначальниковъ.—624.

Преторія Пилата.—426, 779.

Пристройки храма. — 242 — 248.

Притворы храма.—219; Соломона. — 420, 505, 604, 784; выхожденія на площадь храма.—745; четверогубо.—310.

Пріюты для бѣдныхъ богомольцевъ.—738, 739.

Проходы: двойной подъ мечетью ел-Акса. — 698; тройной.—704, 705; на сѣверной сторонѣ скалы мечети Омара.—795; подъ самою скалою.—797; въ барьерѣ.—444, 451.

Пруды: сыновъ плѣна.—771, 772; Езекіи.—776; громадный.—796; близнецы.—689, 690.

Пурагены, кеглеобразныя постройки въ Сардиніи.—368.

Путь субботы 2000 локтей, или $^{6}/_{7}$ версты.—530.

Развалины ветхозавѣтнаго храма. — 536, превращены въ храмъ Юпитера.—538.

Размѣры: воротъ Барклея.—740, 741; дворовъ. — 335, 659; двора внутренняго. —

336; жертвенника всесожженія.—483, 488; камня самаго большаго.—857; самаго длиннаго.—855; самаго тяжелаго.—853; камней и колоннъ золотыхъ воротъ.—749, 750; камней мола.—562—570, 626; камней моста.—720, 722; купола скалы.—818; мола.—559; пещеры подъ скалою.—816; площади.—417, 658, 660—663, 665, 774, 781, 826; площадки стѣны плача.—856; подземелій.—608, 614, 689; подземнаго хода.—732; свѣтильника.—123; скалы въ мечети Омара.—815, 816; столбовъ колоннады.—720; стѣны юговосточной.—851; храма.—289, 291, 509, 659; храма въ указѣ Кира.—385, 386; храма по Варрену.—600, 601, по Мюлау.—659.

Раскопки вокругъ площади храма.—566—570.

Растительность на площади.—337, 844,—846.

Ризница.—478, 480, 670.

Ровъ крѣпостной.—607; Помпея.—609—611; у крѣпости Антонія.—687.

Роги жертвенника въ скиніи.—26—28, въ храмѣ.—483—985.

Родосъ, островъ.—19.

Rokem, терминъ отдѣлки завѣсы.—23, 24.

Ротонда мечети Омара.—816—818.

Рѣшетки скалы.—816—817.

Sakina, ворота.—798.

Саркофаги: орнаменты ихъ.—586; Соломона.—759.

Сахра—мѣсто жертвенника ветхозавѣтныхъ всесожженій.—545.

Свитки: іудейскаго закона.—533, 770, 801; корана.—821.

Своды: храма Соломона.—368; каменные подземные.—693, 694; туннеля.—696; извѣстны древнему Востоку.—699; проходовъ.—705; на сводахъ.—694, 739; утилизація ихъ.—799.

Свѣтильники: скиніи.—110, 111, 119; весь золотой.—120—124; положеніе его.—126—131; увозится въ Африку.—129; въ Царьградъ.—129; передѣланъ Иродомъ.—130; онъ въ христіанской церкви.—131; космическое объясненіе его.—182; въ храмѣ.—317; еще десять свѣтильниковъ во храмѣ.—317; царицы Елены во храмѣ Ирода.—528, 532; въ мечети Омара.—821.

Связи: столбовъ — серебряные прутья.—15.

Святое: въ скиніи.—42, 179; въ Иродовомъ храмѣ.—510, 541.

Святое святыхъ: скиніи.—45,

105, 179; во храмѣ.—229—232, 308; доступность его.—320, 501, 502, 533, 541; по Варрену. — 769, 773.

Священническое крыло храма.—407.

Священные начатки.—673.

Севастія, колоннада въ ней.—413.

Сикли, одинъ сикль=17½ р.—209.

Сикль вѣса = 1 лоту.—300.

Силоамская надпись, шрифтъ ея.—594.

Силомъ.—199, 203.

Синагоги: великая іерусалимская, въ южномъ портикѣ Иродова храма.—423, 424, 502; александрійская.—424; въ самомъ храмѣ. — 498—503; въ Туринѣ.—507; въ Галилеѣ.—533, 598.

Сирангамъ, пагода.—377.

Сирія.—522, 560, 574, 650, 835.

Сіонъ, гора.—737.

Скала Израилева.—513.

Скала—вершина горы Моріа. 557, 766; скала мечети Омара.—620, 783, 802; естественный грунтъ древняго времени.—625; земляныя наслоенія на ней.—633; подземелье подъ нею могло быть секретною катакомбою. — 785, и цистерною.—810, и пещерою жертвенныхъ отбросковъ.—816; размѣры скалы.—815, 816; по однимъ она на мѣстѣ святого святыхъ.—785; по другимъ на ней былъ жертвенникъ всесожженій.—785, 790; ея уровень надъ моремъ.—788, 789; на ней была священная эстрада.—794; отверстія въ ней.—793, 797; она—подлинное мѣсто жертвенника всесожженій.—797.

Скатерть стола предложенія.—119.

Склады для приношеній.—381, 667, 672.

Скрижали завѣта съ заповѣдями.—148.

Снарядъ бенъ-Катина, поднимавшій воду изъ бассейна.—490, 798.

Sobeb, обходъ или большой выступъ жертвенника во второмъ храмѣ.—483.

Соборъ Св. Павла въ Лондонѣ.—547.

Соль на столѣ предложенія.—117; камера соли.—474.

Soreg, барьеръ.—445; ограда.—787, 789.

Сосуды: для омовеній при скиніи.—35—40; при храмѣ.—219, 321; гасильный.—128.

Сосуды: скиніи 108;—храма.—312; второстепенные. — 332—333.

Спуски: въ мостовой при жертвенникѣ. — 793, въ подземелье подъ храмомъ.—829.

Срамный навѣсъ.—735.

Срубъ для жертвенника.—26.

Срытіе: возвышеній на Моріи. —656, 657; галлерей Иродомъ — немыслимо. — 664, 665; скалы въ подземельѣ. —703.

Стадія=400 локтей, около 86 саженей.—336, 417, 418, 658—660.

Стакти, смола изъ дерева Storax.—137.

Сталактитовыя образованія: въ подземномъ проходѣ. — 677; на камняхъ южной стѣны.—855.

Статуи: женщинъ на площади храма при Селевкидахъ.— 446; въ храмѣ Ваалъ-Замина. — 519; Адріана.— 538, 539.

Степень земной святости.— 440, 464, 489, 490, 666.

Στοὰ βασιλικὴ.—421, 422, 804, 807, 832.

Стоимость храма Соломонова. —210.

Столбики, или шишки на камняхъ, орнаментъ.—585, 586, 855.

Столбы: двора скиніи, число ихъ. 2—11; видъ 11—12; форма составныхъ частей ихъ.—13; тирскіе и кедесскіе.—287; съ надписями.—442; моста. —720, 727.

Столъ для хлѣбовъ предложенія: въ скиніи.—108—111; онъ обложенъ золотомъ. — 112; вѣнецъ и замокъ его. —113; скатерть. — 119; въ храмѣ Соломона. — 318; во второмъ храмѣ. — 488; два мраморные.—527; въ храмѣ Ирода.—532; столы египетскіе.—115.

Storax, дерево Аравіи и Палестины.—137.

Струѳіонъ, прудъ птичій.— 614, 676, 685, 692.

Ступень на лѣстницахъ ко храму=3/4 локтя.—337.

Ступени: при жертвенникѣ только въ неподвижномъ храмѣ. 29, 322; на предстѣнный валъ при храмѣ Ирода.— 449; постепенныя возвышенія горы храма.—513; въ скалѣ, открытыя Варреномъ.—669.

Стѣны:

внутренняя. — 451 — 461; внѣшняя. — 405, 407; вторая іерусалимская. — 604, 668; древне-еврейская внѣ харама. — 617, 755; древнихъ царей.—603; древняя Соломонова на востокѣ. — 648; сѣверная.—656; 857, 858; западная въ подземельѣ ел-Акса.—704; мола верхняя часть.—575; уцѣлѣвшая стѣна мола.—741; надъ камерой gazith.—489; на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія.—576, 577, 603; Офела.—353, 560; Плача. —536, 537, 539, 566, 568,

573, 587, 601, 603, 630, 632, 648, 727, 742, 774, 775, 782, 854, 856, 857; раздѣлявшая внутренній дворъ на части.—470, 471; раздѣлявшая народъ отъ жертвенника. — 481, отчего разнороденъ видъ стѣны Соломона. — 648, вмѣсто стѣны между святымъ и святымъ святыхъ нейтральная полоса. —511.

Сѣверная (отлученная) часть площади харама.—613; назначеніе.—667, 670.

Sud (Jessod) западныя ворота въ храмѣ Соломона.—354.

Тади, сѣверныя ворота въ храмѣ Ирода.—436.

Талантъ вѣса = 3,000 сиклей = 96 фунтовъ. — 48, 123, 300.

Талантъ золота = 30,000 металл. руб.—210.

Талантъ серебра = 2,500 металл. руб.—210.

Талахоты (кеглеобразныя постройки) на Балеарскихъ островахъ.—368.

Талмудъ, мнѣніе Мунка.—324.

Тахашъ, кожаный покровъ жертвенника.—35; матеріалъ покрышки скиніи (изъ антилопы, барсука). — 101; покровъ стола.—119; покровъ жертвенника кажденія.—136; покровъ ковчега.—172; вѣсъ модели его.—205.

Тахтъ - Сулейманъ, бывшія темничныя ворота. — 616, 617; ложе или гробъ Соломона.—758—760; упом.—802.

Темничныя ворота въ храмѣ Зоровавеля.—388.

Templum Domini крестоносцевъ.—794.

Тери (Терисъ) дверной камень, ворота, дверь сѣверная, темная, въ территоріи храма, закрывавшая подземелье отъ Биркетъ Исраелъ. — 676 — 684, 770, 774, 787.

Террасы: площади храма.—337; на востокѣ Моріи. — 761; сокрытыя платформой харама.—825.

Thaim, аллеи, раздѣляемыя колоннами.—698.

Thakara, нижній карнизъ храма.—493, 514.

Thammim, брусья цѣлые, неурѣзанные.—56—58, 61—64, 68; по автору — самостоятельные.—72.

Thoamim, брусья двойные, близнецы. — 56—58, 61—65, 68, по автору — параллельные.—71—72.

Thecheleth, голубой цвѣтъ завѣсы.—20—22.

Tholaath schani, яркокрасный цвѣтъ завѣсы.—22.

Тиверіада, нечистый городъ.—636.

Тиропеонъ, ущелье у запад-

ной стѣны храма и мостъ чрезъ него. — 435; долина сырныхъ продавцевъ.—619; каналы въ ней.—626—629; ограда харама. — 630; наслоенія.—627—633; мостъ. —634, 718 — 721; стѣна чрезъ Тиропеонъ.—656; на западѣ площади.—718; встарь долина была шире. — 729; висячая дорога чрезъ нее.—732, 733; нижняя часть.—734; близость къ порогу воротъ Барклея.—744; лѣстница.—746; по Фергюссону въ ней крѣпость Антонія.—778, 784; упомин. — 746, 803; ворота Каттанинъ и Хадидъ.—840.

Тшинили кіоскъ въ Константинополѣ.—442.

Ткани вавилонскія.—531.

Торанъ, подобіе тріумфальныхъ воротъ въ Японіи.—523, 524, 528.

Тортоза, зала крестоносцевъ въ ней.—834, 835.

Трехъ-этажныя постройки на площади храма. — 348 — 352.

Трилифонъ, три необыкновенно большіе камня.—564.

Три ряда камней, одинъ рядъ кедровъ.—252, 338—358, 428.

Трость = 6 локтямъ. — 359, 360, 362, 660.

Трофеи: Давида.—308; іудеевъ въ галлереяхъ Ирода.—414.

Трубные звуки о наступленіи праздниковъ.—407, 495.

Туринъ, синагога въ немъ.—507.

Тѣснина Синайская, проходъ въ святое святыхъ.—513.

Убѣжища: нищихъ на Офелѣ. —712, 713; первосвященника предъ днемъ очищенія.—474, 477.

Узоры камней мола.—571—574.

Украшенія стѣнъ храма. — 298; спеціально іудейскія. —380.

Урны древне-еврейскія.—593—596.

Уровень: вала.—449; почвы храма, скалы надъ моремъ. —625; югозападнаго подземелья.—715, 716; грунта внутри харама.—740, важнѣйшихъ пунктовъ въ стѣнѣ мола.—742; золотыхъ воротъ. —753; скалы мечети Омара. —788, 789, 826, двора жертвенника всесожженій.—789; площади харама.—831.

Уступы Моріи.—556—609.

Фигуры аллегорическія на колоннахъ ел-Аксы.—833.

Филактеріи, сходство ихъ съ камнями.—583.

Филы: изображеніе найденное тамъ. — 174; обелиски. — 286.

Фонтаны: на площади храма. — 439, ел-Касъ предъ ме-

четью ел-Акса.—769, 776 ф. съ яйцевиднымъ куполомъ.—844; въ видѣ чаши. —844.

Хабитинъ, камера приготовленія мучной жертвы.—478.

Халванъ, растеніе, въ Персіи. —138.

Хананелъ башня.—916, 619, 667—669, 863, 864.

Харамъ еш-шерифъ (благородное святилищее). — 556 —859.

Хатунія, арабская пристройка къ хараму.—696.

Хевронъ.—506.

Херемъ, заклятіе на развалины храма.—538, 540, 543.

Херувимы: на покровахъ скиніи.—79, 82, 84, 106; въ храмѣ Соломона. — 80; на каппоретѣ.—152—172; миѳическая гипотеза значенія ихъ.—154—156; символическая гипотеза. — 156; реальное объясненіе. — 157 —159; изображеніе ихъ.— 159; у Іезекіиля. — 162 — 166; понятіе о нихъ.—170; въ храмѣ новые надъ ковчегомъ.—219, 420; по стѣнамъ храма. — 220, 301, 302; на ковчегѣ. — 313 — 317; ихъ видѣли позже всѣ израильтяне.—501.

Хитта (пшеница) ворота. — 669, 831.

Хлѣбы предложенія: въ скиніи.—118; въ храмѣ.—527.

Ходъ секретный, крѣпостной. —778.

Холмы: второй—Акра.—621; третій—Моріа.—620; четвертый—Везеѳа.—621, 622.

Хомеръ, порція дневнаго пропитанія.—151.

Хорсабадъ.—642.

Хоры для женщинъ.—469.

Храмы:

Воскресенія по Фергюссону. —778.

Гаризинскій.—533.

Зоровавеля.—383.

Ирода.—664, модель его.— 804.

Паѳосскій.—367, 368.

Св. Софіи, въ Константинополѣ.—757.

Сіа.—518—520.

Соломона.—209—382; стоимость храма.—210; территорія его дѣлилась между двумя колѣнами.—661; модель.—803—805.

Templum Domini.—794.

Турманимъ.—521.

Финикійскіе.—366, 578.

Хевронскій.—319, 514, 575, 576; выпусковая отдѣлка.— 578; столбики на камняхъ. —585.

Юстиніана.—707.

Храмы: египетскіе.—178, 369; 373; молельни царей.—372; Ваалъ-Замина.—519; Венеры Кипрской.—523, Юпитера. —538, 563, 778.

Хульда, ворота туннеля.—432,

695; принадлежатъ первому храму.—698, 749, 765, 779, 781.

Царскіе: портикъ.—421, 422, 706; ходъ въ храмъ.—764; ворота.—434, 718; царскій локоть.—663.

Цвѣта, символика ихъ.—190.

Церкви: Св. Маріи Магдалины.—762, 763; Св. Стефана первомученика. — 692.

Цистерны.—724, 725, 743, 769, 808—813, 858.

Цѣпи: капителей.—267; золотыя.—297; символическія въ храмѣ Ирода.—527; Агриппы.—468, 469.

Число 10, преобладающее въ скиніи. — 180, 189; число 13 тенденціозное въ храмѣ Ирода.—452.

Шаллехетъ, западныя ворота, въ храмѣ Соломона.—354, въ храмѣ Ирода.—435.

Шафатъ, деревня.—513, 574, 582, 757.

Chel, насыпь предстѣнная.—447, 448, 459, 464, 465, 476, 513; отдѣляла внутренній дворъ отъ внѣшняго. — 676, 786; упом.—791, 827.

Шерсть ангорскихъ козъ.—95, 96.

Шесты: жертвенника всесожженій.—35, брусьевъ.—43, 50—56, число ихъ —50, видъ. — 52; скобы. — 52.— стола предложенія.—114 жертвенника кажденія. — 136, ковчега.—145, они придѣланы къ продольнымъ сторонамъ его.—147.

Шехина, божественное присутствіе.—798.

Шитинъ, подземелья для стока крови и вина.—486.

Шламимъ, жертва мира. — 712.

Chocheb, терминъ покрова скиніи.—23, 76.

Шушанъ, красныя ворота (Сузы).—430.

Щель подземная въ стѣнѣ харама.—677.

Щипцы при свѣтильникѣ скиніи.—128.

Элементы растительный и животный, по закону Моисея, не смѣшиваются въ скиніи. —115, 120.

Элія Капитолина, колонія на мѣстѣ Іерусалима.—538.

Эстрады: въ синагогахъ. — 513; на скалѣ.—794.

Этажи: храма Ирода, нижній и верхній.—493—497; порталъ верхняго этажа на югъ.—500; второй. — 502; третій или башня изъ дерева. — 504; подземный.—507.

Эфа 1/5 ея=6 фунт.—118.

Юговосточный уголъ стѣны. 627; юговосточное подземелье ел-Акса.—701; югозападный уголъ.—625, 648; южная часть харама.—637,

693 — 701; южная сторона мола. —651, 652, 715, 717; южная стѣна харама.—852 —856.

Яблоки: гранатовое свѣтильника. — 127, колоннъ притвора.—254, 258, 159, 267.

Ямины, или нишки по камнямъ. — 585, 587; на лепешкахъ.—588.

Ѳекоа, городъ, славный масломъ.—125.

Ѳиміамники скиніи.—116.

Указатель упоминаемыхъ въ сочиненіи книгъ Священнаго Писанія и иныхъ.

Аввакумъ.
2,11—582.

Аггей.
2,3 — 385.
2,6—9— 393, 403, 492, 664.
2,23 — 856.

Амосъ.
1,1 — 814.
3,14—28.
5,11—566.
5,26—198.
9,1—278, 381, 389.

Апокалипсисъ.
4,6—9—160, 163.
5,1—297.
8,13—158.
11,1—2—178, 439, 661.
13,18—790.
14,—158.

Библія масоретская.
149, 150.

Бытія.
28,12—19—176.
—18—596.

Бытія.
35,14—596.
50,26—142.

Варухъ.
1,2—381.

Второзаконіе.
5—149.
10,2—150.
12,12—290.
22,8—233, 492.
—11—18.
—12—21.
26,15—187.

Вульгата.
23, 48, 57, 76, 122, 134, 144, 152, 247, 278, 298, 338, 339, 341, 349, 495, 666.

Гемара.
146, 148, 150, 389, 511, 512 (см. Мишна и Талмудъ).

Даніилъ.
6,11—249.

Дѣянія Святыхъ апостолъ.
3—430.

Дѣянія Святыхъ апостолъ.
3,11—390, 420.
5,12—420.
12,10—426.
20,9—356.
21,28—446.
—35,40—426.
22,23—438.

Евреямъ (Посланіе къ).
6,19—512.
9—295.
—2—110.
—3—512.
—4—109, 135, 142, 151.
—5—152, 161.
—11—181.
10,20—181, 512.

I Ездра.
3,12—385.
5,8—240, 310, 388.
6,3—228.
—3—5—384.
—4—310, 338, 342, 345, 348.
—15—390.
8,29—351, 387.

I Ездра.
10,6—352, 388.
II Ездра.
6,24—25—348, 388, 495.
Екклезіастъ.
12,6—268.
Ефесеямъ (Посланіе къ).
2,14—446.
—20—575.
Захарія.
3,9—124.
4,2—124.
—7—577.
6,14—391, 527.
9,15—26.
14,4—5—642.
—21—437.
Исаія.
1,12—334.
2,2—3—439.
—8—538.
3,26—290.
6,6—128.
8,6—813.
11,6—9—331.
14,28—32—714.
—31—290.
19,1—167.
21,11—12—507.
22,8—310—642.
25,4—713.
28,16—574.
30,29—514.
32,14—709.
33,20—217.
43,24—139.
54,11—565.
60,6—138.
Исходъ.
12,6—13—592.
16,32—34—151.
20—149, 584.
—24—25—26, 485.
—26—29.
21,14—27.
24,10—179.
—17—179.
25,8—175.
—10—141.
—12—144.
25,15—313.
—17—22—154.
—10—184.
—26—144.
—36—120.
—37—124.
25—27—1—2.
26,7—13—81, 87, 90, 94, 97, 101.
—9—89.
—14—103.
—15—30—42.
—19—47.
—20—146.
—23—61, 62, 70.
—24—55, 69, 71.
—26—29—50.
—31—105.
—33—77, 147.
—37—75.
27,1—25.
—4—5—28, 134.
—9—19—1—2.
—14—18—25.
—16—23.
—16—18—237.
—20—125.
28,35—147.
—42—19.
Исходъ.
30,1—10—133.
—6—109.
—7—8—125.
—1—16—201.
—17—21—36.
—34—36—137, 139.
31,7—152.
32,15—148.
36,14—19—87, 101, 103, 134.
—21—34—42.
—35—105.
—38—74.
37,1—9—141.
—25—29—133.
—30—213.
38,1—25.
—4—28.
—8—37—39.
—1—20—2.
—17—11.
—23—23.
—24—153.
—25—28—201.
39,37—119.
40,5—109.
—18—147.
—19—86.
—20—151, 596.
Іезекіиль.
1,5—164.
—10—160—166.
—26—179.
8,5—355.
—16—321.
9,3—290.
—4—7—592.
10,14—161.

Іезекіиль.
10,20—163.
16,16—198.
19,10—528.
23,14—162.
—15—191.
25,8—11—169.
40,5—346.
—6—698.
—7—269.
—9—362.
—14—359, 362.
—16,31—303.
—17—337, 351.
—18—337.
—19—337.
—23—27—355.
—35—43—487.
—39—43—355.
—44—47—352.
—48—253.
—49—253,254,278, 395.
41,1—303.
—2—227.
—3—294, 362.
—5—242.
—6—245, 246.
—8—337, 829.
—9—243, 256.
—11—245,248,249.
—12—13—395.
—16—250.
—17—301.
—18—301.
—19—160.
—21—291.
—23—24—294.
—26—253.
42,3—6—350.
—6—310.

Іезекіиль.
42,16—341.
—16—19—335.
43,7—8—777.
—7—9—641, 645, 759.
—8—645.
—9—647.
—13—17—322.
—13—18—483.
—17—31.
—21—666.
44,1—2—431.
—3—431.
—17—18—18.
45,2—335,660,665.
—2—3—359.
46,1—355.
—21—24—358.
—23—348.

Іеремія.
2,21—528.
6,20—138, 139.
7,12—203.
20,2—425, 669.
22,1—640.
26,10—640, 641.
31,40—642.
32,2—642.
35,4—352, 675.
36,10—337, 352, 640.
38,14—353.
51,26—574.
52,12—381.
—20—23, 254, 256, 257, 259—278.
—24—355.

Іереміи плачъ.
2,1—8 } 381, 382.
5,18 }

Іоанна Евангеліе.
2,14—436, 437.
—18—21—181, 437.
—20—535.
5,5—7—714.
8,—8—438.
—,20—468.
—56—438.
10,23—390,420.
18,2—762.
—29—426.
19,13—427.

Іовъ.
37,18—39.
38,6—574.

Іоиль.
1,7—528.
2,17—321.
4,2—12—851.
—17—12.

Колоссаемъ (Посланіе къ).
2,9—181.

I Коринѳянамъ (Посланіе къ).
3,10—11—575.

Левитъ.
1,16—31.
2,1—138.
8,9—100.
9,22—31.
13,47—18.
15,16—676.
16,2—152.
17, 18—423.
19,19—18.
24,2—4—125.

Левитъ.
—5—118.
24,6—112, 118.
—7—117, 139.
—8—9—125.

Луки Евангеліе.
1,9—141.
2,46—424.
4,9—406.
11,34—124.
—52—498.
18,13—482.
19,29—675.
—43—535.
21,1—468, 469.
22,39—762.
—40—762.
—41—762.
23,45—512, 531.

I Маккавеевъ.
1,21-24-59,390,391.
1,59—376.
4,38—675.
—38,48—387.
—44—47—392.
—46—31.
—47—26, 388.
4,49—51—388, 389.
—57—392.
6,7—392.
6,62—392.
9,54—671.
12,36—392.
—37—614.
13,52—351.
—53—392.
14,36—618.

II Маккавеевъ.
2,4—8—389.
4,12—735.

II Маккавеевъ.
6,2—391.
10,3—392.

Марка Евангеліе.
12,41—468, 469.
13,1—561.
—2—535.
51,38—512, 531.

Матѳея Евангеліе.
4,5—406.
6,22—124.
15,1—498.
16,3—506.
21,1—675.
—12—436, 437.
—15—538.
—42—574, 853.
23,2—498.
—16—321.
—35—321.
24,2—535, 540.
27,6—7—468.
—51—295,512,531.

Михей.
3,12—439.
4,1—2—439.
—8—714, 716.

Мишна.
117, 125, 126, 127, 141, 202, 310, 321, 401, 407—409, 419, 423, 424, 426, 430, 431, 433, 436, 441 — 445, 450, 452, 453, 457, 459, 466, 469, 470, 481, 483, 485, 492, 496, 500, 503, 505, 508, 509, 511, 516, 528, 529,

Мишна.
530, 531, 636, 661, 674, 679, 683, 715, 770, 781, 794. (См. Гемара и Талмудъ).

Навинъ Іисусъ.
2,1—12.
15,6—710.
18,17—710.

Неемія.
3,—648.
3,1—668.
—16—776, 777.
—19—642.
—25,28—642.
—26—711, 714.
—30—352, 387.
—31—388,616,666.
5,11—668.
10,38—351.
—38—39—667.
11,10—283.
—21—714.
12,37—776
—39—388, 669.
13,4—352.
—5,9—351.

Осія.
8,1—233.

I Паралипоменонъ.
9,10—283.
—18—355.
—24—27—353.
—26—351.
11—639.
—4,8—209.
17,5—199.
21,25—209.
22,2—5,14—16—210, 211.

I Паралипоменонъ.
23,28—351.
24,17—283.
26,16—745.
—17—353.
28,11—152.
—12—334, 351.
—18—167.
—11—19—212.
—4—9—210, 211.
29,6—7—211.
—19—582.

II Паралипоменонъ.
1,3—5—199.
2—214.
3,1—209.
—4—234, 236, 253, 370, 385, 399.
—5—219, 299.
—6—301.
—8—9—300.
—9—223, 224, 226, 230, 247.
—10—219, 316.
—10—13—313.
4,1—388.
—1—0—321.
—3—325.
—8—318, 319.
—9—334, 341.
—12—13—254, 265—267.
—17—214.
5,1—245.
—5—245.
—9—295, 296.
—10—151.
6,12—268.
—13—36, 355.
—32—33—335.

II Паралипоменонъ.
8,11—647.
9,—3—4—640.
—11—248.
—25—646.
10,13—314.
—14—295.
—15—395.
—15—17—254, 279.
—16—266,267,298.
—17—283, 297.
13,11—126, 318.
26,5—335.
21,21—638.
23,5—354.
—13—760.
24,8—355.
26,10—814.
—18—141.
27,3—353.
—15,17—714.
29,2—565, 566.
—7—253.
31,6—668.
—11—12—352.
32,30—776.
34,14—770.
—22—710.
35,5—335.

I Петр.
2,6—575.

Премудрость.
9,8—218.

Притчи.
23,5—165.
30,28—854.

Псалмы.
12,6—713.
22,25—713.
25,16—714.
40,18—714.
46,5—761.
52,10—337, 438.
68,6—187.
70,6—714.
83—713.
84,4—233.
86,1—714.
87,1—606.
—2—290.
99,5—153.
104,3—165.
109,22—714.
117,22—853.
118,22—58, 574.
—27—27.
144,12—577.
148—157.

Пѣснь Пѣсней.
1,5—95.

Римляномъ (Посланіе къ).
3,25—152.

I Самуилъ (въ нашей библіи I Царствъ).
2,28—141.
3,3—93, 126.
13,19—202.
17,8—119.

II Самуилъ (въ нашей библіи II Царствъ).
4,24—209.
5,1—639.
—7, 9,—209.
6,12—199.

II Самуилъ.
7,6—199.
8—211.
18,18—280, 614.
—24, 33—361.
24,20—638.

Сирахъ.
24,15—139.
50,1—3—390.
—9—135.

Софонія.
1,10—710.
3,6—574.

Судей.
4,21—16.
5,26—16.
18,21—203.

Талмудъ.
21, 23, 101, 122, 124, 126, 131, 139, 143, 148, 152, 240, 249, 320, 324, 338, 381, 389, 396, 401, 433, 436, 458, 459, 537, 581, 661, 675, 709. (См. Гемара и Мишна).

Товитъ.
14,5—808.

I Царствъ (въ нашей библіи III Царствъ).
3,24—203.
5—213.
—31—241.
6,2—221, 228, 396.
6,3—395.
—5—7—243.

I Царствъ.
—6—242, 309.
—7—584.
—8—248.
—9—308.
—10—226, 240.
—15—238, 239, 298.
—16—223.
—18—586.
—19—313.
—20—225.
—21—297, 298.
—22—109, 320.
—23—302.
—23—28—313.
—23—29—159.
—29—316.
—29—30—253.
—29—35—303.
—31—290, 292.
6,32—35—300.
—33—310.
—33—35—290.
—36—292, 309, 338, 350, 398.
7,1—10—253.
—2—238, 357.
—4—5—356.
—5—291.
—9—11—239, 310.
—10—241, 346.
—12—252, 309, 38, 341, 345, 350, 398.
—14—213.
—15—523.
—15—22—254.
—16—257, 260.
—17—265, 266.
—18, 41—266.

I Царствъ (въ нашей библіи III Царствъ).
—19—258, 264, 68, 269.
—20—262.
—21—278, 279.
—23—40—321.
—23—323.
—24—325.
—27—39—329.
—45—50—332.
—46—254.
—48—312, 319.
—44—318.
—50—291.
—51—245, 308.
8—213.
—4—245.
—6—219.
—8—146, 295, 296.
—9—151.
—10—175.
—12—249.
—30—39—187.
—41—43—335.
10,12—305.
—14—300.
14,3—588.
—25—373.
—26—380.
15,15—245.
—18—380.
21,2—199.
22,18—199.

II Царствъ (въ нашей библіи IV Царствъ).
7,41—268.
116,—354.

II Царствъ.
—10—245.
—10—14—308.
—11—321.
—14—355.
—16—642.
—19—641.
—352, 641.
12,10—355.
13,17—249.
14,14—380.
15—470.
16,10—19—376.
—17—321, 337.
—18—380, 495, 506, 645.
17,30—198.
18,15—380.
—16—305, 511.
20,5—8—640.
21,5—335.
22,8—770.
—14—710.

II Царствъ.
23,3—355.
—7—198.
—11—355.
—12—355.
25,8—381.
—17—257, 258, 267.
—18—355.
35—470.

III Царствъ (по LXX толковникамъ).
6,4—250.
7,15—256.
—18—267.
—20—281.

Числъ.
1,1—18, 46—201.
—2—72.
4,6—146.
4,7—119.
—11—136.

Числъ.
—13—14—32, 35.
—14—40.
5,17—37.
7—206.
8,2—100.
—2—3—124.
10,35—36—147.
15,38—21.
16,38—201.
17,25—151.
19—407—409, 513, 763.
26,12—283.
29,7—11—423.
31,52—201.

Юдиѳь.
9,8—28.

Отдѣльные рисунки.

Стр.

1. Скинія Мойсея по Лями (изъ соч. Lamy. De tabernaculo foederis, 1720). 2
2. Нумерація столбовъ ограды скиніи по Нейману (изъ Neuman. Die Stiftshütte in Bild und Wort. 1861, s. 31, f. 8) 8
3. Скинія Мойсея по Пэну (изъ Paine. Salomon's Temple and Capitol. 1886, pl. F, № 173) 22
4. Трофеи изъ Іерусалимскаго храма на аркѣ Тита въ Римѣ (съ фотографіи) 112
5. Семисвѣчникъ на аркѣ Тита въ Римѣ (изъ Friederich. Symbolik der Mosaischen Stiftshütte. 1841. Taf. XII). 120
6. Разрѣзъ храма Соломона по Вилляльпанду-Пайллу (изъ R. P. Pailloux. Monographie. p. 223, f. 1) . . 234
7. Планъ храма Соломона по Вогюэ (изъ Comte M. de Vogüé. Le temple de Jerusalem. 1864, pl. XIV, f. 1) . 246
8. Планъ храма Соломона по Вилляльпанду-Пайллу (изъ R. P. Pailloux. Monographie. pl. IX) 246
9. Капитель колонны Іахинъ по Шипіе (изъ Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. T. IV, pl. VII) . . . 260
10. Колонна Іахинъ по Шипіе (изъ Perrot. Histoire de l'art. T. IV, pl. VI) . 262
11. Опущенная занавѣсь въ притворѣ храма по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. M). 292
12. Расположеніе боковыхъ галлерей храма по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. G). 306

Стр.

13. Внутренній видъ храма Соломона по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. G, 1). 306
14. Внѣшній видъ храма Соломона по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. G, 2) . 308
15. Храмъ Соломона и его дворы по Вилляльпанду-Пайллу (изъ R. P. Pailloux. Monographie. pl. XVII). 358
16. Видъ храма Соломона по Шипіе (изъ Perrot. Histoire de l'art. T. IV, pl. II) 360
17. Видъ древняго Іерусалима по талмудическимъ описаніямъ (изъ Kolbe. Archäologische Beschreibung Jerusalems. 1883. s. 82) 362
18. Древнеегипетскій храмъ въ Карнакѣ (изъ Perrot. Histoire de l'art. T. I, pl. IV) 372
19. Ассирійскій храмъ по Шипіе (изъ Perrot. Histoire de l'art. T. II, pl. II) . 374
20. Наружная стѣна Хевронскаго харама (изъ Renan. Mission en Phénicie. 1867. pl. XL) 378
21. Кубуръ ел-Молукъ (съ фотографіи). 378
22. Фризъ и карнизъ кубуръ ел-Молукъ (изъ Saulcy. Voyage autour de la mer Morte. 1858. pl. XXX) 378
23. Входъ въ гробницу судей (съ фотографіи) 380
24. Порталъ гробницы судей (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXXIV) 380
25. Гробница Авессалома (съ фотографіи) 380
26. Гробница Захаріи (съ фотографіи) 380
27. Башня Антонія (съ фотографіи) . 426
28. Надпись храма Ирода (изъ Clermont Ganneau. Une stêle du temple de Jerusalem. 1872) 444

Стр.

29. Іерусалимскій храмъ (изъ Archives de l'Orient latin. 1884. T. II., p. 1, p. 439) 462
30. Планъ храма Ирода по Вогюэ (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. XV) . 478
31. Восточный фасадъ храма Ирода по Фергюссону (изъ Fergusson. The Temple sof the Jews. 1888. pl. III). . 520
32. Нынѣшній харамъ еш-шерифъ по модели К. Шика (съ фотографіи). 554
33. Гора Моріа въ первоначальномъ видѣ по К. Варрену (изъ Wilson and Warren. The recovery of Jerusalem. 1871, p. 298) 556
34. Стѣна Баальбека (съ фотографіи). 574
35. Хаджаръ ел-Кибла въ Баалбекѣ (съ фотографіи) 574
36. Наружный видъ ограды храма по Шипіе (изъ Perrot. Histoire de l'art. T. IV, pl. III) 574
37. Пещера въ Амритѣ (изъ Renan. Mission. pl. XV) 578
38. Пирамида буржъ ел-Беззакъ (изъ Renan. Mission. pl. XVI) 578
39. Гора Моріа и ея ветхозавѣтныя сооруженія по 16 предположеніямъ (изъ Zimmermann. Karten und Pläne zur Topographie des alten Jerusalem. 1876). 598
40. Башня Антонія и ея окрестности по барону Альтену (изъ Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins. B I, s. 6). 616
41. Биркетъ Исраелъ (съ фотографіи). 684
42. Внутренній видъ двойныхъ воротъ (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. IV) 696
43. Планъ подземелья юго-восточнаго и двойнаго (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. XIII) 702
44. Мостъ Робинсона (съ фотографіи). 718
45. Разрѣзъ арки Вильсона (изъ Survey of Western Palestine. Jerusalem, p. 196). 728
46. Арка Вильсона (изъ Survey W. P. Jerusalem, p. 196) 728
47. Наружный видъ воротъ Барклея (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. III) 740

Стр.

48. Финикійскія ворота въ Джебеилѣ (изъ Renan. Mission. pl. XXVI) . . . 740
49. Золотыя ворота (изъ Saulcy. Voyage pl. XXVI) 746
50. Золотыя ворота съ восточной стороны (съ фотографіи). 748
51. Планъ золотыхъ воротъ по Вогюэ (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. VII). 750
52. Разрѣзъ золотыхъ воротъ (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. IX) . 750
53. Золотыя ворота съ западной стороны (съ фотографіи) 752
54. Планъ площади храма по Варрену (изъ Warren. The Temple or the Tomb. 1888. p. 94) 770
55. Планъ площади харама съ показаніемъ еврейскихъ, христіанскихъ и магометанскихъ сооруженій по Фергюссону (изъ Fergusson. Temples. pl. VII) 778
56. Первоначальный видъ горы Моріа по модели К. Шика (съ фотографіи). 802
57. Храмъ Соломона по модели К. Шика (съ фотографіи) 802
58. Храмъ Ирода по модели К. Шика (съ фотографіи) 804
59. Храмъ Ирода по Вогюэ (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. XVI) . . . 806
60. Верхняя площадь харама и куббетъ ес-Сахра (съ фотографіи) . 814
61. Внутренній видъ куббетъ ес-Сахра (съ фотографіи) 816
62. Куббетъ ес-Сахра (съ фотографіи). 822
63. Мехкеметъ ен-неби Даудъ (съ фотографіи) 824
64. Сѣверная верхняя площадь харама (съ фотографіи) 826
65. Западныя входныя аркады на верхнюю площадь харама (съ фотографіи) 826
66. Южныя мавассины и каѳедра Омара (съ фотографіи) 830
67. Наружный видъ мечети ел-Акса (съ фотографіи) 832
68. Планъ мечети ел-Акса (изъ Comte M. de Vogüé. Temple. pl. XXX). . . 832

Стр.

69. Внутренній видъ мечети ел-Акса (съ фотографіи) 834
70. Сѣверныя галлереи харама (съ фотографіи) 836
71. Гробница Иліи (съ фотографіи) . 842
72. Юго-восточный уголъ стѣны харама (съ фотографіи). 852
73. Южная и восточная стѣны харама по раскопкамъ Варрена (изъ Warren. Recovery, p. 119) 856
74. Стѣна плача (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXIV) 856
75. Планъ харама еш-шерифъ по съемкамъ Вильсона и раскопкамъ Варрена.

Рисунки въ текстѣ.

Стр.

1. Столбы ограды скиніи по Нейману (изъ Neuman. Die Stiftshütte in Bild und Wort. 1861. s. 3, f. 3). . . . 14
2. Египетская выдѣлка виссона (изъ G. Maspero. L'archeologie égyptienne. 1887. p. 282, f. 263) 24
3. Жертвенникъ по Мейеру (изъ Friederich. Symbolik der Mosaischen Stiftshütte. 1841. Taf. IX, f. A) 28
4. Жертвенникъ по Витсію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. IX, f. B) . . . 32
5. Наиболѣе правильный видъ жертвенника (изъ Riehm. Handwörterbuch des Biblischen Altertums. 1884. B. I, s. 49) 33
6. Умывальникъ по Лундію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. X, f. 3). . . . 33
7. Умывальникъ по Витсію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. X, f. 3). . . . 37
8. Подставка для брусьевъ (изъ Riggenbach. Die Mosaische Stiftshütte. 1867. Taf. II, f. 1) 49
9. Шипы по Нейману (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II. f. 2). . . . 49
10. Видъ шиповъ по Риггенбаху (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 3). 49
11. Поперечные шесты по Нейману (изъ Neuman. Die Stiftshütte.s. 62, f. 17). 51
12. Поперечные шесты по Риггенбаху (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. III, f. 1) 54
13. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Бэру (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 12 a). 57
14. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Бэру (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 12 b). 57
15. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Яну (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 9). 59
16. Угловой столбъ по Риму (изъ Riehm. Handwörterbuch. B. II, s. 1556). 61
17. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Риму (изъ Riehm. Handwörterbuch. B. II, s. 1556) 61
18. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Фриссу (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 8). 64
19. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Мейеру (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 4). 66
20. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Кнобелю (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 5) 67
21. Соединеніе угловыхъ брусьевъ по Евальду (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 6). 69
22. Разрѣзъ угловаго бруса по Евальду (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 7). 69
23. Угловой брусъ по Нейману (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 10). 69
24. Нумерація брусьевъ въ стѣнахъ скиніи по Фридериху (изъ Friederich. Symbolik. Taf. V, f. A) 73

Стр.

25. Расположеніе крайнихъ входныхъ колоннъ по Нейману (изъ Riggenbach. Die Stiftshütte. Taf. II, f. 11). 73
26. Расположеніе покрова по Нейману (изъ Neuman. Die Stiftshütte. s. 77, f. 30) 90
27. Боковое расположеніе верхняго покрова по Нейману (изъ Neuman. Die Stiftshütte. s. 80, f. 31) 94
28. Столъ предложеній по LXX и Іосифу Флавію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XVIII, f. A) 114
29. Египетскій столъ предложеній (изъ Maspero. Archéologie. p. 105, f. 107) . 115
30. Малая винная кружка (изъ Neuman. Die Stiftshütte. s. 100, f. 39) . . . 116
31. Большая винная кружка (изъ Neuman. Die Stiftshütte. s. 100, f. 40) . 116
32. Столъ предложеній по талмуду (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XVIII, f. B) 117
33. Столъ предложенія по Лундію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XVIII. f. C) . 117
34. Семисвѣчникъ по Пэну (изъ Paine. Salomon's Temple and Capitol. 1886, p. 75, f. 76) 121
35. Семисвѣчникъ по Реланду (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XIII, f. D) . . 122
36. Кружка для храненія лампаднаго масла (изъ Neuman. Die Stiftshütte, s. 116, f. 54) 128
37. Колонна съ изображеніемъ семисвѣчника въ Фикѣ (изъ Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins. 1886, s. 322, f. 90) 130
38. Лампа съ изображеніемъ семисвѣчника (изъ Revue des études juives. 1886. Octobre—Decembre, p. 219, f. 1) . . 130
39. Жертвенникъ кажденія по Лундію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XV, f. 2). 132
40. Жертвенникъ кажденія по талмуду (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XV, f. 1). 132
41. Ковчегъ по Лундію (изъ Friederich. Symbolik. Taf. XIX, f. B) 172
42. Ковчегъ по Пэну (изъ Paine. Temple, p. 69, f. 57) 172

Стр.

43. Храмъ Соломона по Шереру (изъ Riehm. Handwörterbuch. B. II, s. 1630). 251
44. Капитель колонны храма Соломона по Вогюэ (изъ Comte M. de Vogüé. Le temple de Jerusalem. 1864, pl. XIV). 257
45. Колонна храма Соломона по Пэну (изъ Paine. Temple, pl. XVI, № 253). 260
46. Капитель колонны подъ ел-Аксою (изъ R. P. Pailloux. Monographie du temple de Salomon. 1885, pl. XVI, № 1) 270
47. Капитель колонны портиковъ храма Соломона, по Пайллу (изъ R. P. Pailloux. Monographie. pl. XVI, № 2) . 272
48. Египетская капитель колонны въ Есне (изъ R. P. Pailloux. Monographie. pl. XVI, № 5) 273
49. Капитель колонны Іахинъ по Пайлу (изъ R. P. Pailloux. Monographie. pl. XVI, № 6) 274
50. Жертвенникъ всесожженій по Манжану (изъ Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. T. IV, p. 334, f. 174) 323
51. Мѣдное море по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. XVII, № 268). 327
52. Мѣдное море по Манжану (изъ Perrot Histoire de l'art. T. IV, p. 327, f. 172). 328
53. Амаѳонское каменное море (изъ Perrot Histoire de l'art. T. III, p. 280, f. 211). 329
54. Колесницы - омывальницы по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. XVII, № 272). 332
55. Круглое ханаанское святилище въ Миніе (изъ Palestine exploration fund. Quartely statement. 1882, p. 72) . . 339
56. Египетскіе орнаменты входа (изъ Maspero. Archéologie. p. 23, f. 22). . 365
57. Монета Библоса (изъ Donaldson. Architectura numismatica, № 30) . . . 366
58. Кипрская монета (изъ Donaldson. Architectura numismatica) 367
59. Ex voto Помпеи Луциліи (изъ Baron L. de Vaux. La Palestine. 1883. Appendice, p. XVII) 415

Стр.

60. Разрѣзъ царской галлереи по Фергюссону (изъ Fergusson. Temples. p. 80). 419
61. Планъ внутренняго двора храма по Шписсу (изъ Spiess. Der Tempel zu Jerusalem nach Josephus. 1881) . . 455
62. Двѣнадцать капителей колоннъ въ куббетъ ес-Сахра (изъ Survey of Western Palestine. Jerusalem, p. 246) . . 461
63. Антаблементъ надъ наружными колоннами храма Ирода по Пэну (изъ Paine. Temple. pl. L, № 280) . . . 515
64. Украшенія храма Ваалъ-Замина въ Сіа (изъ Fergusson. Temples. p. 141). 519
65. Торанъ храма Ирода по Фергюссону (изъ Fergusson. Temples. p. 155) 525
66. Свѣтильникъ - хроноскопъ царицы Елены (изъ Kolbe. Archäologische Beschreibung Jerusalems. 1883, p. 93) . . 528
67. Іерусалимскій храмъ на монетѣ Баръ-Кокбы (изъ Saulcy. Recherches sur la numismatique judaique. pl. XI, № 1) 538
68. Храмъ Юпитера Капитолійскаго на горѣ Моріа (изъ Saulcy. Recherches, pl. XVIII, № 6) 538
69. Способъ передвиженія камней (изъ G. Maspero. Archeologie. p. 44, f. 48) 563
70. Часть С. З. стѣны храма у воротъ Серая (изъ P. e. f. Quartely statement. 1877, p. 136) 575
71. Египетская стѣна съ пилястрами (изъ Maspero. Archeologie, p. 19, f.16). 576
72. Знаки на стѣнѣ харама (изъ Survey of. W.P. Jerusalem, maps, pl. XXI) 589
73. Знаки на стѣнѣ харама (изъ Survey of. W. P. Jerusalem, maps, pl. XXII) . 589
74. Знаки на стѣнѣ харама (изъ Survey of. W. P. Jerusalem, maps, pl. XXIII) . 589
75. Ручка древней урны, найденная у ю.-в. угла харама (изъ Wilson. The recovery of Jerusalem. 1871, p. 474). 594
76. Ручка древней урны, найденная у ю.-в. угла харама (изъ Wilson. Recovery. p. 474) 594

Стр.

77. Урна, найденная у ю.-в. угла харама (изъ Wilson. Recovery. p. 476) 595
78. Неразобранная древнееврейская надпись въ подземельи подъ ел-Аксою (изъ Saulcy. Voyage en Terre Sainte. 2 édit. 1872. T. II, p. 327) 597
79. Древнееврейская надпись на колоннѣ подъ ел-Аксою (изъ Saulcy. Voyage. 2 édit. T. II, p. 326) . . . 598
80. Планъ подземелья на сѣверной сторонѣ верхней платформы харама (изъ Fergusson. Temples. p. 235). . 609
81. Разрѣзъ подземелья на сѣверной сторонѣ платформы харама (изъ Fergusson. Temples. p. 235). 609
82. Планъ храма и дворца Соломона по Унру (изъ Unruh. Das alte Jerusalem. 1861. Taf. 1). 643
83. Ворота Тери въ подземельи при Биркетъ Исраелъ (изъ Wilson. Recovery. p. 167) 678
84. Наружный видъ двойныхъ воротъ (изъ Saulcy. Voyage autour de la mer Morte. 1853. pl. XXIV, № 7) 695
85. Ю.-В. подземелья харама (изъ King. Recent discoveries on the temple hill. 1885. p. 63) 702
86. Наружный видъ тройныхъ воротъ (изъ Saulcy. Voyage. 1853. pl. XXIII, F)
87. Планъ храма Ирода по Унру (изъ Unruh. Das alte Jerusalem. Taf. VIII) . 712
88. Мостъ Робинсона и его разрѣзъ (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXIII. A). . 719
89. Водопроводный каналъ подъ мостомъ Робинзона (изъ Wilson. Recovery. p. 105) 722
90. Капитель пилястра въ Масонскомъ залѣ (изъ Wilson. Recovery. p. 89). . 731
91. Внутренній видъ воротъ Барклея (изъ Sepp. Die Felsenkuppel. 1882, p.60). 741
92. Планъ древнихъ сооруженій на горѣ Моріа по Унгеру (изъ Unger. Die Bauten Constantins. 1863, p. 10). 780
93. Реставрація построекъ Императора Константина на горѣ Маріа по

Стр.

Унгеру (изъ Unger. Die Bauten. p. 71, f.12) 780

94. Планъ храма Ирода по Кондеру (изъ Conder. Tent work in Palestine. 1879. p. 358). 788

95. Видъ храма во время земной жизни Іисуса Христа по Іосифу Флавію (изъ Sattler. Geschichte der Stadt Jerusalem nach Josephus. 1884) 808

96. Пещера листа (изъ Sepp. Die Felsenkuppel. p. 122) 812

Стр.

97. Первоначальный видъ и разрѣзъ стѣны куббетъ ес-Сахра (изъ Fergusson. Temples. p. 200). 823

98. Наружный видъ с.-в. стѣны харама (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXIV, № 3) 848

99. Малыя восточныя ворота (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXIV, № 4). . . . 850

100. Балконъ Соси и его разрѣзъ (изъ Saulcy. Voyage. pl. XXIII, B) . . . 852

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	I
Введеніе	XI
Скинія Мойсея	1—208
Ограда скиніи	1— 25
Столбы ограды	2
Завѣсы ограды	16
Дворъ скиніи:	25—42
Жертвенникъ всесожженій	25
Умывальникъ	35
Вмѣстимость двора	40
Корпусъ скиніи:	42—175
Деревянный составъ скиніи	42
Покровы и завѣсы скиніи	75
Принадлежности скиніи	108
Столъ предложенія	112
Семисвѣщный свѣтильникъ	119
Жертвенникъ кажденій	132
Ковчегъ завѣта и очистилище	141
Херувимы на ковчегѣ	154
Отношеніе Мойсеева ковчега завѣта къ египетскимъ ковчегамъ	172
Идея ветхозавѣтнаго святилища	175
Подлинность скиніи и ея исторія	197
Храмъ Соломона	209—382
Приготовленія къ постройкѣ храма	209
Отношеніе плана храма къ плану скиніи	217
Вопросы, касающіеся внѣшняго вида храма:	221—290
Мнѣнія о сравнительной высотѣ храма и видъ крыши храма	221
Длина и ширина основнаго корпуса храма	237
Боковыя пристройки	243
Окна храма	249
Притворъ храма	252
Колонны Іахинъ и Боазъ	254
Совокупная длина и ширина храма и его боковыхъ пристроекъ	288
Вопросы, касающіеся внутренняго вида храма:	290—313
Двери святаго	290
Двери святаго святыхъ	292
Внутренняя облицовка стѣнъ и изображенія на оныхъ	298
Предположенія Пэна о видѣ храма Соломона	306
Принадлежности и сосуды храма Соломона:	313—333
Ковчегъ завѣта и херувимы	313
Жертвенникъ кажденій	317
Свѣтильники	317
Столы	318
Жертвенникъ всесожженій	321
Мѣдное море	323
Омывальницы	329
Дворы храма Соломона:	333—365
Количество дворовъ	334
Размѣры дворовъ	335
Расположеніе	337
Ограда дворовъ	338

Стр.
Помѣщенія въ оградѣ 337
Ворота 352
Реставрація дворовъ Вилляльпанда-Пайллу и Перро-Шипіе 361
Мнѣнія объ иноземномъ стилѣ храма Соломона: . . . . . 365—380
Финикійскомъ 365
Египетскомъ 369
Ассирійскомъ 373
Индійскомъ 376
Разрушеніе храма Соломона 380
Второй храмъ Іерусалимскій 383-554
Построеніе храма Зоровавелемъ и его состояніе до Ирода 384
Причины передѣлки и возвышенія храма Иродомъ 393
Внѣшній дворъ храма Ирода: 405—440
Внѣшняя ограда храма 405
Галлереи вдоль внѣшней ограды храма 410
Значеніе восточной, южной и сѣверной галлерей 420
Ворота внѣшней ограды 428
Общій видъ и назначеніе внѣшняго двора храма 436
Внутренній дворъ храма Ирода: 440-490
Предварительный барьеръ и запретительныя надписанія 441
Стѣна и валъ (chel) 446
Ворота внутренняго двора 451
Общій видъ и раздѣленіе внутренняго двора 460
Восточное отдѣленіе или дворъ женщинъ 462
Западное отдѣленіе и его дальнѣйшее подраздѣленіе 469
Жертвенникъ всесожженій при Иродѣ 483
Главный корпусъ храма Ирода: 490—534
Платформа подъ корпусомъ 490
Верхніе этажи и мѣра высоты храма 492
Длина и ширина храма и отношеніе уровня пола святаго и святаго святыхъ 508

Стр.
Наружная отдѣлка стѣнъ и фронта храма 514
Подробности наружной отдѣлки храма въ новѣйшихъ реставраціяхъ, въ особенности Фергюссона 518
Внутренній видъ притвора и храма . 527
Разрушеніе храма Титомъ 535
Состояніе развалинъ храма до VIII в. по Р. Хр. 536
Харамъ еш-Шерифъ . . . 555—858
Первобытная площадь горы Моріа и способъ ея выравненія для храма . 556
Размѣры камней въ стѣнѣ харама и уступовидное расположеніе ихъ . . 561
Выпусковая отдѣлка камней и ея особенности въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ харама 565
Мнѣнія о происхожденіи выпусковой отдѣлки камней 577
Особенные знаки на камняхъ 585
Буквенные знаки на камняхъ харама. 588
Принадлежность храму Соломона всей нынѣшней площади харама: . . . . . 600—655
Предположенія, отрывающія отъ храма сѣверную часть площади 600
Варрена 600
Альтена, Шика и др. 613
Предположенія, отрывающія отъ храма южную часть площади и вопросъ о дворцѣ Соломона 625
Разборъ свидѣтельствъ Іосифа Флавія о храмовой насыпи, какъ основаніе для сужденій о площади при Соломонѣ 649
Сѣверная линія харама и ея тождество съ храмовыми складами царя Езекіи и отлученною частью харама 665
Южная линія харама, ея ворота и подземелья 693
Назначеніе юго-восточнаго подземелья 708
Западная линія харама, ея древніе остатки, ворота и мосты 718

Стр.

Восточная линія харама и золотыя ворота. 747

Мнѣнія о положеніи центральнаго зданія храма и жертвенника всесожженій на площади храма: 767-808

Вильямса 767

Піеротти 768

Варрена 769

Фергюссона 773

Кондера 785

Шика 790

Цистерны харама 808

Магометанскія постройки на площади харама: . . . . . 815—844

Куббетъ ес-Сахра и верхняя платформа 815

Стр.

Мечеть ел-Акса и нижняя платформа. 830

Мечеть Могарибе 836

Галлереи харама 837

Ворота харама 839

Молитвенныя мѣста и фонтаны . . . 843

Растительность на площади харама . 844

Общій обзоръ ограды харама . . 847

Заключительное слово 858

Указатель личныхъ именъ 859

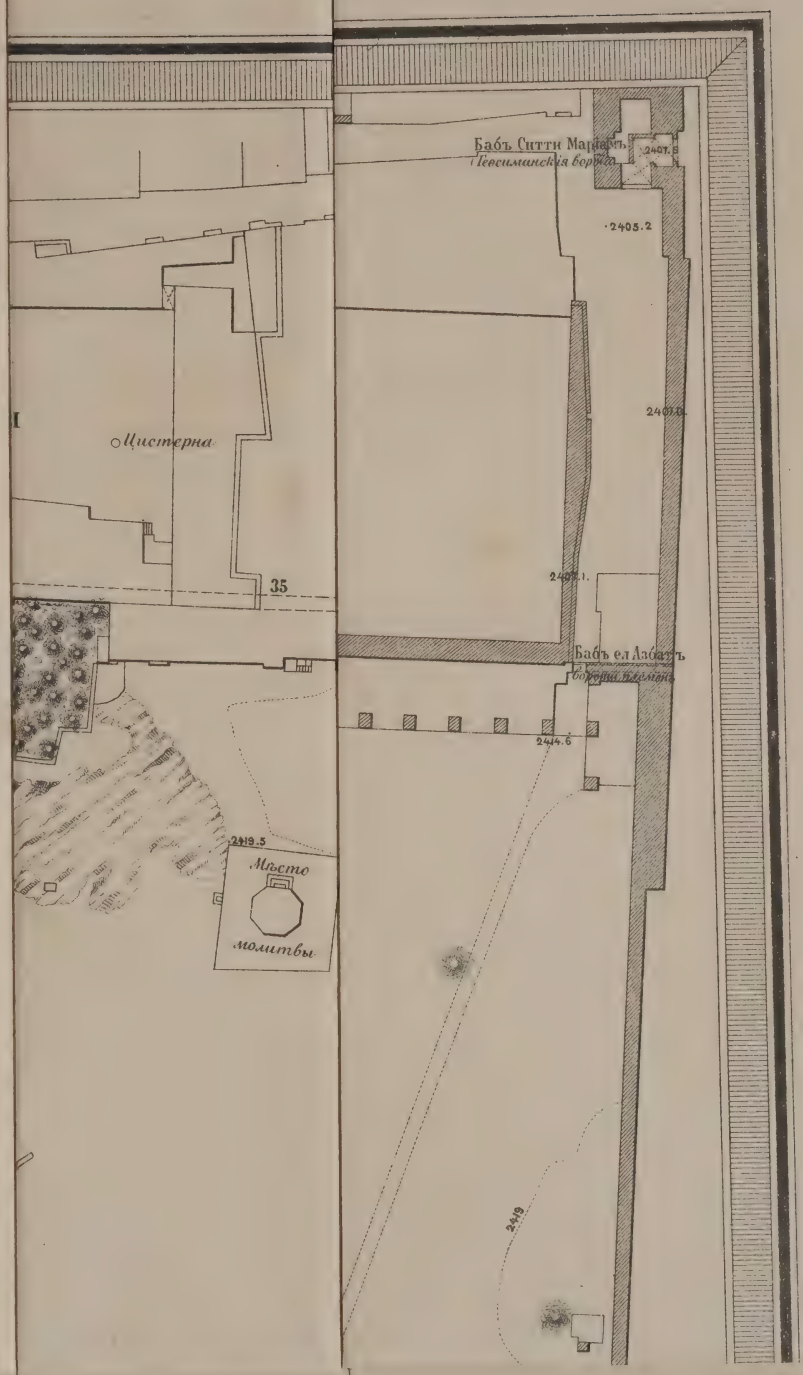
Указатель предметовъ. 891

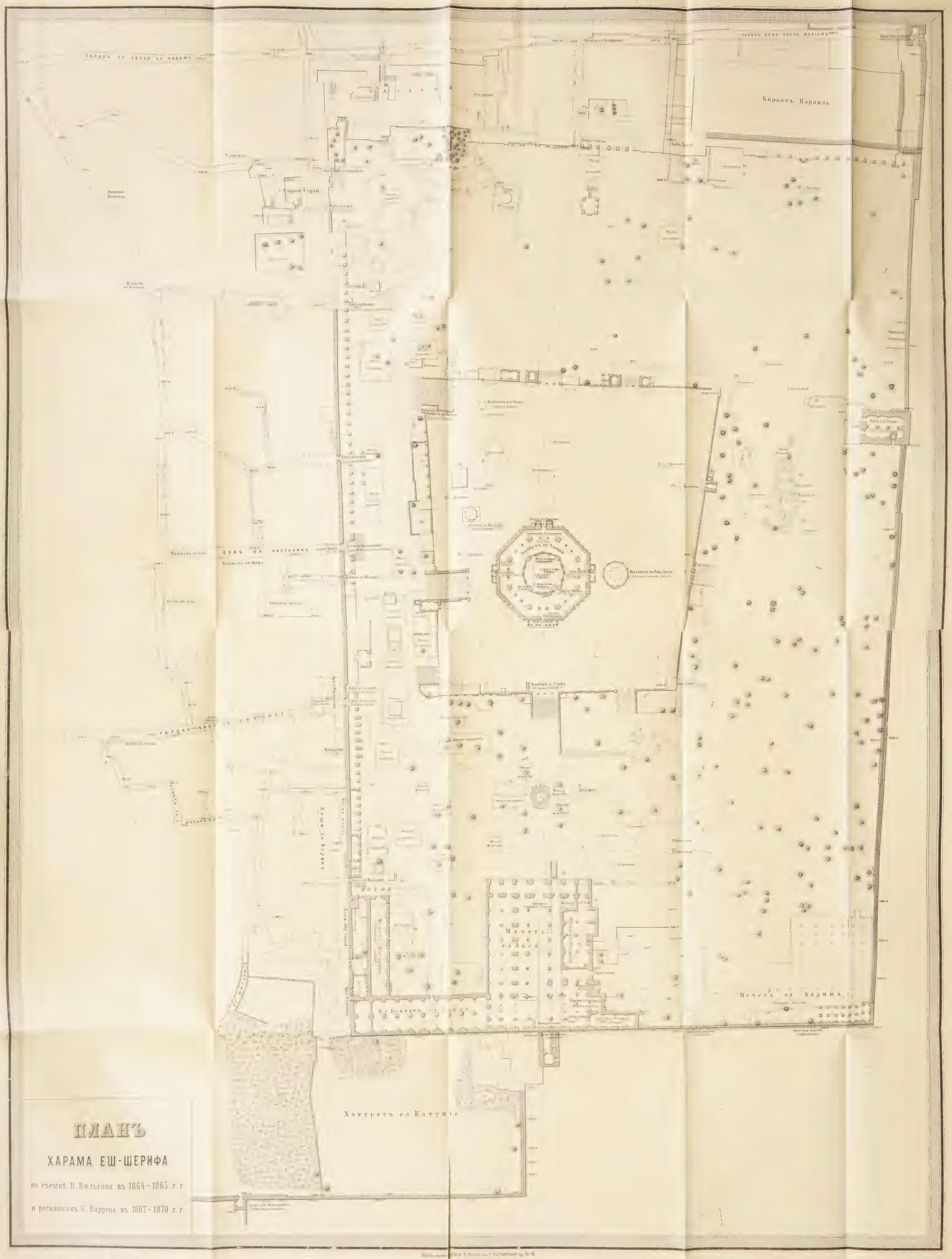
Указатель упоминаемыхъ въ сочиненіи книгъ 921

Отдѣльные рисунки. 929

Рисунки въ текстѣ. 933

Оглавленіе. 937

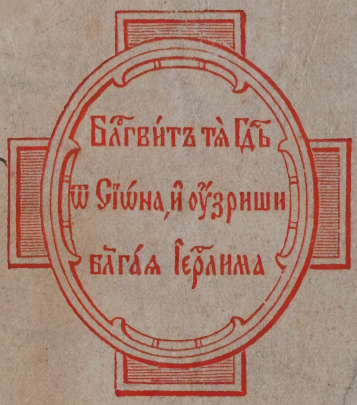

Баб Ситти Мариамъ
Гевсиманская борша
2407.5
2405.2
2407.0
Цистерна
35
2397.1
Баб ел Азабъ
борша Елеона
2414.6
2419.5
Мѣсто
молитвы
2419



ПЛАНЪ

ХАРАМА ЕШ-ШЕРИФА

по съемкѣ В. Вильсона въ 1864-1865 г. г.

и роскопкамъ К. Варрена въ 1867-1870 г. г.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118946752